

Испытательный срок

Annotation

Беспокойный народ — московские одарённые, от скромных молодых ведьм до могущественных магов. Кому-то закон не писан, кто-то рвётся к опасным знаниям вперёд официальной науки, кто-то норовит обидеть добропорядочных обывателей, и вдобавок окрестная нежить всегда рада навести шороху. Словом, сотрудники отдела магического контроля на скуку жалуются редко, даже если работа вроде как бумажная и непыльная. Приходится держать ухо востро, схватывать на лету, быстро соображать и не забывать о дорогих коллегах — ведь иначе не выдержать короткий, но весьма насыщенный испытательный срок.

I. Права и обязанности

Пешеходная дорожка плавно изогнулась и нырнула в безымянный скверик, сонно нежащийся в лучах утреннего солнца. Вокруг пыхтели выхлопами стиснутые в пробках стада автомобилей, пестрели нарядные вывески, цокали, шлёпали, шаркали по брусчатке многочисленные каблучки и подошвы, а за неприметным решетчатым забором царило почти зачарованное спокойствие. Почти... Настоящий леший вряд ли поселился бы здесь, посреди шумного города, а какой-нибудь мелкий лесовичок наверняка приглядывает тут за порядком. Не без ведома Управы, конечно.

Ира в сотый раз поправила торчащий из сумки острый пластиковый уголок. Желание остановиться и на всякий случай перерыть документы не оставляло с тех пор, как новенькая папка очутилась в обрамлённом молнией тряпичном зеве. Полезнее было бы лишний раз перечитать конспект, но тогда при виде первого же истёршегося из памяти абзаца неминуемо вернулась бы утренняя трясучка. Мама, собираясь на работу, уверяла, что бояться совершенно нечего, но она-то за столько лет привыкла к аттестациям. На самую первую тоже, небось, ползла на подгибающихся ногах.

В скверике по случаю утреннего часа было пусто: собачники уже убрались, мамы с детьми ещё не нарисовались, а поток спешащих от метро служащих иссяк где-то час назад. Идти осталось минут пять, не больше, а до назначенного времени ещё целых двадцать. Пристроившись на чистенькой лавочке, Ира поддалась-таки назойливому беспокойству и вытащила из сумки пластиковый конверт. Паспорт, свидетельство о рождении, подписанное заявление, сложенная вчетверо старенькая личная карточка, в которой отмечен предположительно средний уровень способностей к колдовству. Мама как-то обмолвилась, что не слишком внимательная учётчица едва не вlepила туда по ошибке прочерк; поди докажи потом, что ты не минус — бумага-то заверена... Сейчас наверняка бардака намного меньше, но всё равно страшновато. Вдруг запись отменили или забыли внести в расписание? Или сама Ира с перепугу явилась не в тот день... Дата в заявлении вроде бы совпадала с равнодушными белыми цифрами на экране телефона — взгляда с третьего Ира в этом уверилась. В заявлении вообще всё правильно. Мама лично его проверила, а до того — едва ли не надиктовала, настояв на указании сразу седьмой категории. Ира, будь её воля, написала бы восьмую, а то и девятую; куда спешить, зачем рисковать ещё год проболтаться в ученицах? Но на девятую сдала Анька Сафонова, а на восьмую — сама мама на первой своей аттестации; Ира обязана была справиться лучше. Она и старалась изо всех сил, кропотливо вписывая в память нескончаемые страницы конспектов.

Но память памятью, а от нервов можно всё на свете перепутать и не вытянуть амбициозно заявленную цифру. Мама, правда, и слышать об этом не желала: она-то уверена на сто процентов, а то и больше, что отлично выучила дочку. Жаль, что на работе ей именно сегодня попалась смена... Или нет, не жаль. Стыдно на третьем десятке ходить по госучреждениям за ручку с родителями. Вечером, когда всё будет позади, вспоминать-то станет смешно. Они и посмеются все втроём за чашкой чая, передавая друг другу заветную корочку. И бабушке непременно позвонят, она будет рада...

Без пятнадцати. Пора всё-таки шевелиться. Лучше уж прийти пораньше и потоптаться в вестибюле, чем опоздать из-за какой-нибудь ерунды вроде долгого светофора. Ира сложила бумаги обратно в папку, проверила, не осталось ли чего на скамейке, и нарочито бодрым шагом двинулась через сквер. В юбке и блузке непривычно; куда уютнее было бы в джинсах и футболке, но в таком виде на важные экзамены не являются. Хорошо хоть, что день рождения весной, а не где-нибудь в промозглом ноябре, когда и жить-то не хочется, не то что проходить аттестацию. Да и вообще сегодня несказанно повезло с погодой: последние три дня шли дожди, вымочившие как следует пыльный столичный асфальт. Вот было бы удовольствия прыгать тут под зонтиком, огибая лужи...

В рябиновых зарослях зашуршало, и из буйной молодой листвы высунул нос лесовик. Внимательно оглядел незнакомку, туманно хмыкнул, но убираться не спешил. Лесовик был цивилизный, с серебряной учётной биркой, означавшей покровительство Управы. А ведь угадала! Ира улыбнулась удаче, принявшей облик безобидной лесной нежити. Почему бы не закрепить?

— Если сдам на седьмую, принесу мёда, — пообещала она, мельком оценив риски.

Выходило не слишком опасно: слабенькая нежить на госслужбе наверняка как следует связана клятвами, а мёд можно будет раздобыть на ярмарке у метро. Лесовик, видимо, тоже прикинул выгоду, скрипуче кивнул и побрёл куда-то в заросли. Не забыть бы теперь про него...

Скверик кончился, упершись в забранный плиткой тротуар. Управа высилась по ту сторону не слишком оживлённой дороги; безлико-стильная офисная громада, сестра-близнец десятка таких же зданий вдоль улицы. В матовых синеватых стёклах бродят солнечные блики, внизу, на расчерченной белым парковке, теснятся разномастные автомобили, у главного входа, как положено, тяжеловесная табличка с заумным официальным названием, гербом и флагом. Простой обыватель вряд ли заглянет просто так, а если и сунется — его непременно

вежливо выпроводят. Ира бывала здесь раза три за всю жизнь: один раз получала ту самую личную карточку и ещё дважды маме не с кем было её оставить. В прошлый раз Управа выглядела не так внушительно; сейчас, пожалуй, можно и позавидовать Аньке, которая трудится в здешней канцелярии. Хорошо бы она сегодня дежурила...

На крыльце в тени от навеса обретались двое парней. Один, с всклокоченным ёжиком светлых волос и с серебряным колечком в брови, размахивал тлеющей сигаретой и что-то вдохновенно рассказывал, второй, высокий и носатый, невнимательно слушал и праздно обводил округу строгим взглядом из-под очков. Оба были, пожалуй, слишком молоды для здешних служащих, но, вне всякого сомнения, к минусам не относились. Ира мало видела прежде одарённых, кроме собственной родни и Аньки с её отцом; несмотря на никуда не девшееся беспокойство, жутко захотелось хотя бы послушать, о чём разговор, а то и познакомиться. Может, ребята тут по той же надобности... Папка требовательно кольнула уголком под локоть. Нечего тут мечтать — всё потом.

— Отойди, Макс, мешаешь, — буркнул носатый и сам сделал шагок в сторону, освобождая товарищу место для манёвра.

— О! — белокурый Макс проворно отскочил и одарил Иру лучезарной улыбкой. — Простите, пожалуйста. Я вас не задел?

— Н-нет, всё в порядке, — выдавила Ира. Очень захотелось проверить, не запутался ли в волосах какой-нибудь прутик.

— За каким интересом к нам такая прелестница? — Макс подмигнул, как будто старой знакомой, чем окончательно смутил и без того растрёпанные мысли. — По бумажным делам или по личным?

— Отвянь, Некрасов, не мешай людям жить, — фыркнул носатый и кивнул Ире: — Извините, пожалуйста. Вход через вторую дверь.

Ира покорно свернула вправо. Этот Макс сказал «к нам», значит, несмотря на более чем неформальный вид, он всё-таки из здешних. Надо будет расспросить потом Аньку — вдруг знает...

Дверь поддалась неожиданно легко и закрылась за спиной с деликатным щелчком. Вестибюль одновременно был и тот же самый, и неузнаваемо другой: вместо истёршихся мраморных плит глянцеви́то блесстел наливной пол, гулкий светлый зал избавился от деревянных конторок и обзавёлся нарядными стойками, а заодно и бодрозелёными развесистыми кустиками, уместно торчащими из кадок вдоль стен. На входе, разумеется, ряд серых пластиковых арок, и можно поклясться, что там не только металлоискатели. Охранник вежливо проводил Иру взглядом и, стоило ей пройти через арку, потерял к посетительнице всякий интерес. Надо же, оказывается, она боялась, что может оказаться иначе...

— Добрый день, — девушка у стойки вежливо улыбнулась, и Ире мгновенно стало стыдно за простоватую причёску и недорогую одежду. — Чем могу помочь?

— У меня запись на десять, — заявление и паспорт не без заминки легли на подсвеченное снизу стекло. — На аттестацию...

Красавица кивнула и аккуратно взяла паспорт. Ноготки у неё были такими же блестящими и лакированными, как и всё вокруг. Ни дать ни взять банковская служащая, а ведь наверняка ведьма, и не слишком слабая. Управа может позволить себе выбирать.

— Впервые проходите? — участливо поинтересовалась девушка, возвращая паспорт. Заявление её так и не заинтересовало.

— Да.

— Тогда вот, — изящные пальчики ловко поймали выползший из принтера лист. — Вам сначала в сто сороковую на тестирование, это прямо по коридору. Временный пропуск нужно будет вернуть при выходе.

На тестирование... Нет, хорошо, что самое сложное — вначале, но всё равно как-то слишком уж быстро. Ира понуро поблагодарила красавицу, взяла лист с указаниями и карточку и зашагала в указанном направлении. Это как будто ещё одна сессия. Защищать диплом ведь было сложнее, правда?.. Нет, неправда: на родной кафедре всё было привычно и знакомо, а тут от самих стен веет холодом. Старая деревянная отделка всё-таки казалась уютнее...

У сто сорокового кабинета маялись Ирины товарищи по несчастью. При взгляде на девицу, уткнувшуюся в толстенный конспект, стало худо от заново накатившего страха что-нибудь забыть. Долговязый парень у стены пялился в потолок и беззвучно шевелил губами — то ли повторял, то ли кому-нибудь молился. Остальные — две тётки в годах, мужчина средних лет и невеста зачем приползший древний дед — чинно сидели по банкеткам подалеже друг от друга и всем своим видом выражали снисходительное презрение к нервной молодёжи. Ира, получается, пришла седьмой. Добрый знак, наверное.

Дежурила по аттестации не Анька. Незнакомая девушка в строгом офисном костюме выпорхнула из ниоткуда без пяти десять, заученно улыбнулась казённой улыбкой и отперла дверь в кабинет. Ира покорно сдала личные вещи, подождала, пока её проверят на запрещённые амулеты, и уселась за указанный экзаменаторшей компьютер. Остаётся дожидаться, пока оживёт чёрный экран, и пройти тест. Всего-то лишь.

— Удачи вам, — тепло улыбнулась женщина, оказавшаяся за соседним столом.

— Вам тоже, — поспешно отозвалась Ира, и на душе чуть-чуть полегчало.

— Начинаем через минуту, — сообщила служащая откуда-то из-за спины.

С наблюдательного поста в центре комнаты прекрасно видно, не хитрит ли кто-нибудь из испытуемых. Ира не пыталась. Зачем? Обманешь сейчас — жизнь спросит сполна потом, когда недостающие знания потребуются по-настоящему.

Экран моргнул и нахально продемонстрировал всё, что знал об экзаменуемой: имя, год рождения, род способностей, предполагаемая категория. Значит, тест уже составлен, судьба отчасти решилась. От этой мысли почему-то стало спокойнее.

— Ну, поехали, — шепнула Ира сама себе и взялась за появившийся ровно в десять первый вопрос.

Теории оказалось не слишком много. Ира уверенно ответила на всё, что касалось различий между ведьмами и магами, запуталась с экзотикой вроде шаманов и, похоже, откровенно запоролла всё связанное с астрономией, зато, припомнив страшные бабушкины байки, лихо ответила на невесть как затесавшийся сюда вопрос о разломах и о том, почему к ним лучше не приближаться. Потом пошло всякое приземлённое про повадки домашней нежити, свойства трав и металлов, тонкости изготовления амулетов и прочую ерунду, которую положено знать уважающей себя ведьме. Примерно в трети ответов Ира была железно уверена, ещё в стольких же сомневалась, а оставшиеся либо отдалённо припоминала, либо отмечала наугад, понадеявшись на удачу.

Сколько прошло времени — не понять, но в отведённый час Ира точно уложилась. До неё успели закончить только зубрилка, листавшая в коридоре конспект, и доброжелательная соседка. Экзаменаторша неслышно приблизилась, склонилась над Ириным плечом, распространяя тонкий запах духов, и коснулась розоватого кристалла кварца, вмурованного в пластиковый коробок с отходящим от него проводом. Как эти штуки заставляют работать с компьютерами, Ира понятия не имела; впрочем, сами по себе компьютеры смахивают на магию куда больше, чем какие-нибудь простые и понятные зелья.

— Поздравляю с завершением тестирования, — шёпотом, чтобы не отвлекать соседей, сказала служащая. — Секундочку...

Экран, немного подумав, уверенно отобразил семёрку. Ира облегчённо выдохнула. Сегодня определённо удачный день! Больше ничего страшного не предвидится; остались формальности, требующие разве что терпения. Экзаменаторша поставила изящную галочку на листе с инструкциями и подчеркнула номер кабинета в следующем пункте. Всё-таки хорошо, что не Анька, иначе потом месяц пришлось бы слушать подначки...

— Вам к безопасникам на проверку, — всё так же тихо пояснила девушка. — От двери налево и вверх по лестнице. Затем заберёте документы в учётном и пройдёте контроль. Если вдруг заблудитесь или ещё что-то случится, воспользуйтесь любым внутренним телефоном: номер справочной — шесть троек...

Ничего сложного. Конечно, в офисных коридорах наверняка легко затеряться, но, в конце концов, это не лес у бабушкиного дома. То-то ба обрадуется, когда узнает! Она, правда, в свою первую аттестацию сдала сразу аж на пятую категорию, но то бабушка, да и допускали до экзаменов тогда позже...

Чтобы попасть к безопасникам, понадобился пропуск. Во внутренних коридорах Управы, недоступных празднующим посетителям, народу стало заметно больше. Разумеется, ни одного знакомого лица; Анька наверняка торчит на каком-нибудь совещании, или разбирает бумаги, или что там положено делать секретарю в разгар рабочего дня... Аккуратно подстриженный домовый с серебряной биркой, ничуть не смущаясь снующих туда-сюда людей, проворно возит по полу телескопической шваброй, заботливо подкрученной под его рост. Всё тут у них схвачено.

У обозначенного в инструкции кабинета никого не было. Ира вздохнула, собираясь с силами, и поскреблась в дверь. Ладони от волнения потеплели и позорно вспотели. Некстати; тут, если мама всё объяснила правильно, придётся сдавать кровь.

— Войдите, — разрешили изнутри приятным баритоном.

Его обладатель, высокий подтянутый мужчина в почти военной форме, явно пребывал в прекрасном расположении духа. В кабинете, хоть и небольшом, он сидел один; наверняка какой-нибудь начальник, а Ира даже на табличку на двери посмотреть не удосужилась...

— Здравствуйте, я по аттестации...

— Давайте паспорт, — безопасник приветливо улыбнулся и сощурился на монитор. — Как тест проши? Довольны собой?

— Д-да...

— Вот и хорошо. Галочка, возьми пробу, будь добра!

Галочка в белом халате и медицинской маске немедленно явилась из-за неприметной боковой двери. Точь-в-точь как в поликлинике: быстрый укол в палец, нудная слабая боль, пока набирается проба, пахнувшая спиртом салфетка. Голова чуть-чуть кружится — больше от переживаний, чем от процедуры. Сквозь жалюзи сквозит яркое

весеннее солнце; почему-то Ире всегда казалось, что безопасность должна сидеть где-нибудь в мрачных подвалах. Исчезла за дверью Галочка, унося с собой тревожные больничные запахи; остатки их втянул в себя тихо гудящий кондиционер. Здорово, должно быть, здесь работать. Комфортно.

— Водички, может? — участливо предложил безопасник, отвернувшись от монитора.

— Нет, всё хорошо. Спасибо.

— Далеко пришлось добираться?

— Сорок минут на метро.

— И автобусом ещё столько же?

— Да, там от дома пять остановок...

— В наше время уже не надо сюда таскаться, как на службу, — поделился хозяин кабинета. — Родители ваши, наверное, помнят ещё, когда каждую бумажку надо было заверять...

— Ага, меня мама пару раз брала с собой, — Ира неуверенно улыбнулась. Безопасник так и лучился добродушием; работа у него такая.

— А ещё кто-то есть в родне?

— Ну, бабушка тоже ведьма, — покладисто ответила Ира. — Третьей категории. Мама — пятой. И двоюродная сестра, но она ещё не сдавала...

— Всё по женской линии, — кивнул безопасник. — А отец?

— Минус. Но он в курсе.

— Это правильно. Тайны в семье — последнее дело, — философски заметил мужчина. — Что-нибудь расскажете интересного?

Да что рассказать, чего нет в досье? Не то чтобы жизнь у Иры была насыщена приключениями. Не пересказывать же бабушкины байки.

— С нежитью имела дело только с домашней. По лесам ходить боюсь, — призналась Ира, припомнив дела давнишние. — Заблудилась в детстве один раз.

— Жаль. Я бы позвал к нам в отдел, — притворно вздохнул безопасник. Шутит он так, что ли? — Городская жительница, стало быть?

— Иногда к бабушке в деревню ездила. Но давно уже там не была, лет десять...

— А бабушка где проживает?

— Во Владимирской области. Деревня Ягодное.

Интересно, ему это всё правда нужно или просто сверяет с досье, пока Галочка занимается пробой? Безопасник уточнил ещё с десяток деталей биографии: чему училась, где подрабатывала, что из ведьмовских ремёсел больше нравится, доводилось ли когда-нибудь гадать... Ни дать ни взять добрый дядюшка, расспрашивающий любимую племянницу после долгой разлуки. Наверное, надо было повнимательнее следить за языком; с другой стороны, скрывать Ире нечего.

— О, глядите-ка, закончили, — воодушевился безопасник, вновь обращаясь к монитору. — Так, что тут у нас?

— Что? — Ира поневоле напряглась. Что такого вообще может быть в крови?

— Маги в роду были?

— Не знаю, — Ира растерянно мотнула головой. — До прабабушек точно нет.

— Понятно. Слабо совсем, видите? Но есть, — безопасник развернул монитор и ткнул тупым концом карандаша в малопонятную диаграмму. — Не переживайте, переучиваться вам точно не придётся. Вот тут и тут всё прекрасно с потенциалом...

Карандаш метнулся к противоположному краю диаграммы, похожей на угловатую кляксу поверх строгой паутины осей. По-прежнему ничего не понять, но это можно почитать и дома, когда выдадут полный комплект документов. Раз говорят — всё хорошо, значит, всё хорошо.

— Через годик придёте на шестую сдавать? — подмигнул безопасник.

— Ой, нет. Через год точно нет.

— Ну смотрите, — мужчина казался искренне опечаленным. — По потенциалу вам до пятой, а то и до четвёртой расти можно.

— Спасибо...

— Вам спасибо. В триста двадцатую теперь. Привет Наталье Петровне передавайте.

Приветы пусть внутренней почтой передаёт. Учётчиц мама не любит, а о здешней начальнице канцелярии и вовсе не может говорить не кривясь. Чёрт его знает, что они не поделили; может, дело в той самой злосчастной Ириной карточке. Ну и ладно, документы получить — дело нехитрое, а там останется только контроль, и можно на волю. Думать, что дальше делать со свеженьким удостоверением, а заодно и с отлежавшимся за год дипломом делопроизводителя.

На сей раз Ира предусмотрительно изучила табличку, удостоверившись, что в кабинете обитает именно

Наталья Петровна Анохина. Дверь, однако, не поддавалась; то ли хозяйка заперлась внутри, то ли отошла куда-то по делам. Ира растерянно огляделась. Уже пора звонить в справочную или стоит немножко подождать?

— Анохина у правопорядка, пятый этаж, — бросила на ходу какая-то сердобольная сотрудница.

— Спасибо! А в каком... — начала было Ира, однако благодетельница уже унеслась куда-то дальше по коридору.

Ну и ладно, если грозная начальница не найдётся сама — всегда можно вернуться к кабинету и подождать. Неужели Ира так долго просидела у безопасности, что Анохина успела выдать документы предыдущим аттестованным и унести по каким-то срочным делам?.. Ещё четыре лестницы вверх; лифт занимать как-то совестно, тем более тут все куда-то спешат. А вдруг допуска на пятый этаж не хватит — что тогда? Надо было выспросить у Аньки её внутренний номер на всякий случай...

Дверь, однако, послушно открылась, и Ира тут же поняла, что ничего удивительного в этом нет. Длинный широкий коридор прямо-таки кишел разномастным посторонним народом. Кто-то громко ругался, кто-то бормотал в телефон, кто-то исступлённо листал толстые пачки документов. Не суд — он вообще в другом конце Москвы, — но его преддверие. Где тут искать неуловимую начальницу канцелярии? Разве что ловить какого-нибудь шустрого служащего меж непрерывно хлопающих дверей.

— Вы не подскажете...

— Не подскажу, — грубо рявкнул мужчина в строгом пиджаке и исчез в ближайшем кабинете. Таким же, как десяток остальных.

Стараясь ни с кем не столкнуться, Ира без особой цели двинулась по коридору. Сердитая пожилая дама прошипела в её адрес нечто нелестное, а может, просто выругалась в мироздание. Протиснулся мимо типчик неопределённых лет. Болезненного вида мужчина натужно закашлялся и опасно качнулся вперёд, едва не свалившись с банкетки в проход.

— Осторожнее! — пискнула Ира, скорее рефлекторно, чем из благих побуждений, придержав беднягу за плечо.

— Спасибо, — хрипло выдавил тот в ответ.

В поисках равновесия он оперся на Ирину руку; от прикосновения стало неожиданно холодно. Нежить, что ли? Да нет, вроде живой, только очень уж измученный. Его ведь не пустили бы сюда, будь у него открытая форма туберкулёза, верно?..

— Врача позвать? — из вежливости поинтересовалась Ира. Решать чужие проблемы особо некогда, но не оставлять же человека совсем без помощи!

— Нет, нет, — мужчина умудрился улыбнуться. Вялая ладонь соскользнула наконец с Ириногo запястья, оставив на память вязкий холод. — Спасибо, добрая девочка.

— Да не за что...

Не столько по необходимости, сколько из желания оказаться подальше от странного типа, Ира сунула нос в ближайший кабинет и, почти не испугавшись, спросила насчёт Анохиной. Тепло мало-помалу возвращалось, но правой рукой Ира на всякий случай старалась ничего не трогать.

— В пятьсот семнадцатом.

В пятьсот семнадцатом начальница и обнаружилась. Точно такая, какой Ира её себе представляла: необъятная, суровая, с тщательно завитыми рыжими кудрями и въевшейся в резкие черты лица досадой на весь мир. Услышав, зачем её ищут, Наталья Петровна сдвинула безупречно выщипанные брови и рявкнула:

— Идёмте. Настасья, дела жду к полудню, иначе будете разговаривать с Пичугиным.

Угроза была излишней: Настасья и так в струнку вытянулась перед Анохиной. Да уж, приветы безопасника тут точно лишние. Наталья Петровна взрезала гомонящую толкучку, как атомный ледокол — непроходимые торосы; Ире оставалось только хвостиком бежать в кильватере. Лестницами начальница канцелярии себя, разумеется, не утруждала; лифт разделял всеобщее перед нею благоговение и услужливо распахнулся, едва кнопка осветилась алым ободком.

— Вам следовало вызвать меня по внутренней связи, — поджав губы, сообщила Анохина.

— Я не знала, куда звонить...

— Рядом с телефонами висят списки основных номеров, — просветила начальница и укоризненно замолкла.

Возразить было нечего. Пришлось пристыженно молчать до самой двери. В кабинете, несмотря на изобилие всяких житейских мелочей вроде безвкусных статуэток и пёстрых настенных календарей, оказалось отчаянно неуютно. Наталья Петровна мимоходом вложила в принтер пустой бланк, раздражённо шевельнула мышку и со вздохом плюхнулась в кресло. Ира, разумеется, осталась стоять.

— Имя?

— Шаповалова Ирина Викторовна.

— Паспорт, карточку и заявление.

— Вот, пожалуйста.

Анохина с каменным лицом изучила документы, вернула всё, кроме заявления, и принялась сердито клацать мышью. Другой рукой Наталья Петровна, не отвлекаясь от монитора, безошибочно цапнула телефон и набрала короткий номер — очевидно, внутренний. Из-под прижавшей трубку щеки послышались гудки, нудные и бесплодные. Анохина попробовала ещё раз три, прежде чем, окончательно разочаровавшись, раздражённо впечатать телефон в станцию. Начальница канцелярии бросила на Иру сумрачный взгляд поверх монитора, будто та была виновата во всех её бедах. Ладно, допустим, у женщины плохой день. Это не повод портить настроение и себе тоже...

В дверь постучали, и Наталья Петровна, не смущаясь присутствием посетительницы, гаркнула:

— Войдите!

Ира на всякий случай посторонилась у стола, однако заглянувший в кабинет мужчина входить не спешил. Ире показалось, что она где-то мельком уже его видела; должно быть, сегодня в людных коридорах Управы, хотя внешность его вовсе не вязалась со здешним лоском. В джинсах и простой рубашке, с длинными стянутыми в хвост волосами и короткой бородкой, он походил скорее на айтишника средней руки, чем на чиновника в серьёзной конторе. Но ведь давешний Макс тут работает, а у того ещё и пирсинг...

— Я попозже загляну, — извиняющимся тоном сказал визитёр и почти исчез в коридоре, когда его настиг командный оклик Анохиной.

— Нет, вы очень кстати. Зайдите.

Ага, значит, всё-таки здешний обитатель. Ну ещё бы её величество начальница канцелярии выставила коллегу вон из-за какой-то там посетительницы... Тот, впрочем, расположением Анохиной злоупотреблять не стал: аккуратно прикрыв за собой дверь, встал у входа и принялся рыться в телефоне. Наталье Петровне оставалось только недовольно поджать губы и закончить с Иринными документами.

— Бланк заберите, — приказала она, кивнув на давящийся бумагой принтер. — Проверьте, всё так?

Всё так, от фамилии до заветной цифры. Не хватает только визы контроля, и тускло поблёскивающий квадратик в нижнем правом углу всё ещё нейтрально серый. Это на последний этап бюрократических приключений.

— Да, всё правильно, — Ира попробовала благодарно улыбнуться, но не произвела на Наталью Петровну ни малейшего впечатления.

— Прекрасно, — хмыкнула Анохина и вместе с креслом повернулась к мирно подпирающему стенку коллеге. Тот, словно почуяв грозный взгляд, вскинул голову и спрятал телефон в карман. Попробуй не убери, перед такой-то мадам! — Ярослав Владимирович, поставьте девушке визу, будьте любезны. Ваших никого нет на месте, знаете ли.

— Середина дня, — Ярослав Владимирович пожал плечами, будто это всё объясняло. Просьба явно не привела его в восторг. — Хорошо, поставлю. А мой запрос?..

— Слева на тумбочке. Вернёте до двадцатого.

— Обязательно, — под строгим взглядом хозяйки канцелярии Ярослав Владимирович что-то черкнул в учётной книге, подхватил пухлую папку и повернулся к Ире: — Идёмте.

На скомканное «до свидания» Наталья Петровна, конечно же, не отреагировала. Бережно держа драгоценный бланк, которому совсем чуть-чуть осталось до полноценного удостоверения, Ира выскочила в вежливо придержанную дверь и порысила следом за провожатым, отставая на пару шагов. Как-то совсем по-другому она представляла себе сотрудников контроля; та же Наталья Петровна куда лучше подходила на эту роль. Однако монументальная женщина осталась властвовать над бумажным царством, а клясться в отсутствии антиобщественных намерений предстоит перед едва ли не сверстником. Интересно, впрямь талантище или, как у Аньки, в наличии влиятельные родственники?

Впрочем, с главной своей задачей — заставлять простых смертных чувствовать себя никем — молодой контролёр справлялся на отлично. Сбавить шаг или хоть раз оглянуться на Иру он не счёл нужным; то ли забыл о её существовании, то ли пребывал в абсолютной уверенности, что просительница так и бежит за ним, как привязанная. А куда деваться? Отстанешь — никто ждать не будет. Передышка выпала только в лифте, на котором пришлось ехать аж до двенадцатого этажа почти со всеми остановками. Разномастная публика — в пиджаках, свитерах, рабочих куртках — входила и выходила, самое большее вежливо кивала Ире, самое меньшее уважительно здоровалась с её провожатым. Тот уделял коллегам одинаково мало внимания, предпочитая отвечать односложно и изучать экран телефона. Никто, впрочем, не обижался; должно быть, здешняя деловая этика позволяла подобное.

В стерильно чистом зале, залитом синеватым светом из высоких, от пола до потолка, матовых окон, было тихо и пусто. Путь влево от лифта закрывала стеклянная стена, рядом с которой зло алел на стене значок считывателя. Временный Ирин пропуск эта штука наверняка бы проигнорировала, а то и вызвала бы какую-нибудь охрану. Вдоль правого коридора тянулись уже привычные прозрачные двери, зашторенные изнутри плотными жалюзи.

Табличка, информирующая о том, кто тут сидит, висела только на одной; прямо поверх гравированной надписи красовалась нахально-жёлтая бумажка, на которой значилось: «Убежала на совещание, примите кто-нибудь тестиков». Ярослав Владимирович, неодобрительно хмыкнув, снял записку и прикосновением отпер мягко щёлкнувший замок.

— Прошу.

В просторном светлом кабинете царил тишина. Разделённые проходом широкие столы, в противовес обиталищу Анохиной, были свободны от бумажных кип; на одном рядом с пустой коробкой из-под сладостей лежал автомобильный ключ с блестящим брелочком, слишком изящным, чтобы принадлежать мужчине или выдавшей вида тётке. Значит, и молодые дамы здесь тоже работают... Завидно, конечно. И жаль, что неведомую хозяйку брелочка именно сейчас угораздило куда-то унестись. С ней наверняка было бы не так неудобно.

Ирин провожатый оставил папку на соседнем столе, забрал взамен ноутбук и проследовал дальше, к одной из двух дверей в торце кабинета. Долгий путь наконец закончился небольшой переговорной. Кроме обязательных кресел, стола и телевизора на стене, здесь обнаружился ещё и кулер со стаканчиками, и тумбочка, уставленная всякой чайно-кофейной ерундой. Ира бросила тоскливый взгляд на это роскошество, наверняка предназначенное для гостей поважнее. То ли кондиционеры пересушили воздух, то ли сказались треволнения и беготня, но пить хотелось до ужаса. Контролёру до таких низменных материй, разумеется, дела не было; обогнув стол, он уселся напротив и раскрыл ноутбук.

— Можно ваш бланк?

Ещё бы не можно. Ира покорно положила перед собой расцветенный водяными знаками лист. Жалюзи на окне были подняты, и свет падал так, что щуриться приходилось именно ей. Интересно, всяких неблагонадёжных личностей допрашивают в этой же опрятной пыточной? Даже в экзаменационной было как-то спокойнее, что ли...

— Текст присяги помните?

— Да... Да, помню.

Ярослав Владимирович рассеянно кивнул, не отрывая взгляда от экрана. Кому чуть ли не главное в жизни событие, а кому — скучная рутина, от которой поскорее бы отделаться, чтобы вернуться к великим свершениям.

— Мне нужно минут десять. Можете пока выпить чаю, если хотите.

— Спасибо.

Если бы даже не хотелось пить, Ира всё равно воспользовалась бы шансом убраться подальше от обманчиво удобного кресла. Чайный уголок выглядел почти мило: деревянная шкатулка с разложенными по ячейкам пёстрыми пакетиками, вазочка с шоколадными конфетами, пачка рафинада и банка с растворимым кофе, тоже не самым плохим. Пожалуй, переговорная и впрямь предназначена для более-менее приличных людей; для провинившихся наверняка есть отдельная комната где-нибудь в подвалах. А что, если в водичку подмешано какое-нибудь неведомое зелье, вынуждающее говорить правду? Но тогда чашечку чая не предложили бы, а ненавязчиво всучили и проследили, чтобы посетительница обязательно отхлебнула.

Впрочем, ничего такого, что могло бы заинтересовать отдел магконтроля, Ира не знала. Что высматривать целых десять минут в её скромном досье, тоже непонятно. Стараясь не прислушиваться к тихому шелесту клавиш, Ира выбрала какой-то незнакомый чай и подставила пластиковую чашечку под розовый клапан. Разве может быть одновременно душно и холодно? Наверное, просто шалют нервы. Скоро уже всё закончится, и её отпустят на все четыре стороны с новеньким удостоверением в сумке и неизгладимыми впечатлениями в памяти. Не запутаться бы с клятвой... Интересно, что делают с теми, кто ошибся в словах, сознательно или нет? Сразу рвут бланк или заставляют повторять до победного?

С исходящей ароматным паром чашкой в руках Ира осторожно повернулась и чуть не подпрыгнула, наткнувшись на пристальный взгляд контролёра. Хорошо, что не стала жадничать и наливать воду до краёв, иначе наверняка расплескала бы кипяток. Ярослав Владимирович, в отличие от неё, ничуть не смутился. Правда видит насквозь или просто намеренно действует на нервы?

— Э-э-э... Вам сделать чай? — зачем-то лягнула Ира. Мама бы одобрила. С важными людьми надо хотя бы пытаться дружить.

Контролёр изумлённо поднял брови.

— Нет, спасибо. У вас в родне из одарённых только ведьмы?

— Да. В безопасности уже спрашивали.

Выразительное молчание высказало всё, что контроль думает о какой-то там безопасности. Впрочем, можно было и потрудиться прочитать досье, раз уж процедура требует.

— Редко болеете? — ни с того ни с сего спросил контролёр.

— Очень, — растерянно кивнула Ира. В досье и такое пишут? — У меня мама разбирается в лечебных снадобьях.

— А вы?

— Ну, я тоже кое-что знаю, — неуверенно протянула Ира. Наверное, следует рассказать про свои скромные дарования, не дожидаясь понуканий. — Умею с животными ладить и немножко с мелкой нежитью. Ещё заговоры всякие... Но я только хорошие, — спохватилась она, — такие, знаете, от простуды или от хандры. На чувства там или болезнь никогда не делала.

— А могли бы?

— Нет, наверное. И не хочу, — искренне ответила Ира и поспешила переменить тему: — Ну вот... С рукоделием похуже у меня, но кое-какие амулеты умею делать.

— Не хватает практики?

— Руки не оттуда растут, — Ира неловко хихикнула. Сообразив, что так и стоит столбом с остывающей чашкой в руках, она осторожно присела на краешек ближайшего кресла. — Вот бабушка — она да, всякие крутые штуки делает.

Бабушкины успехи в колдовском рукоделии контролёра не заинтересовали. Задумчиво скользнув взглядом по экрану, он отставил в сторону ноутбук и придвинул к себе бланк. Видимо, слишком уж заурядная попалась ведьма, чтобы вести дальнейшие расспросы.

— Точно не будете текст повторять?.. Тогда левую руку, пожалуйста.

Ира без особой охоты закатала рукав. Как-то в детстве Анька в шутку взяла с неё какую-то дурацкую клятву. То ли не мыть рук, то ли не смотреть в зеркало — за давностью успело забыться. Намертво вцепившись ей в запястье, подруга торжественно выслушала нехитрый обет и тут же потащила в ванную — экспериментировать. Хорошо хотьхватило мозгов затормозить в последний момент: клятва-то была дана по всем правилам. Получив от отца нагоняй, Анька взятое слово вернула, но магических обетов Ира до сих пор на всякий случай боялась. Сейчас, правда, не отвертеться: выдавая разрешение свободно распоряжаться даром, государство требует от своих граждан гарантий добропорядочности. Правильно, в общем-то, делает, но всё равно страшновато.

— Если собьётесь, я немедленно отзову клятву, — Ярослав Владимирович положил ладонь Ире на предплечье. Вроде бы без излишнего нажима, но просто так не вырвешься. — Оставляю за собой право принять меры, если сочту ваши действия некорректными.

Фраза точно была протокольная, но прозвучала зловеще. Тут, пожалуй, занервничаешь. Ира прикрыла на миг глаза, собираясь с мыслями, и тут же получила замечание.

— Не нарушайте процедуру!

— Да-да, я просто... Сейчас...

Несколько строчек, успешно дополняющих для одарённой братии уголовный кодекс. Все надо произнести чётко и по порядку, глядя в глаза принимающему клятву и не пытаясь отнять руку. Насколько хорошо контролёр знает текст присяги? Заметит ли, если она нечаянно ошибётся?.. Всякая дурь лезет в голову, когда надо сосредоточиться. Впрочем, Ира не зря мучилась, вызубривая строгие формулировки. Слова сами послушно всплывали из памяти, минуя разум, и хорошо, потому что, соображай она хоть что-то, наверняка бы сбилась.

— Вступая в полноправное распоряжение даром к колдовству, клянусь не использовать его с намерением причинить вред правоспособным субъектам, за исключением случаев необходимой обороны... Клянусь подчиняться Магическому своду, кроме случаев, когда повиновение закону угрожает моей либо чужой жизни... Клянусь выполнять приказы уполномоченных лиц, оставляя за собой свободу выбора в ситуациях, когда от исполнения указаний непосредственно зависят мои жизнь и здоровье... Принимаю на себя ответственность за все мои будущие деяния, задействующие дар... Приношу клятвы с полным осознанием наступающих правовых последствий... С учётом принесённых ранее клятв не имею перед государством тайн, затрагивающих его интересы либо интересы сообщества.

— Принято, — Ярослав Владимирович кивнул и выпустил Ирину руку. Прикосновение всё ещё ощущалось на коже, и Ира поспешила расправить рукав. — Напоминаю, что нарушение присяги влечёт немедленное наказание.

Это значит — смерть. Магические клятвы по-другому не работают. Что ж, прожить жизнь, не посягая на чужое здоровье и благополучие, не так уж и сложно. В переговорной стремительно теплело; Ира вспомнила наконец про свою чашку и с наслаждением глотнула терпкого чая. Выудив из нагрудного кармана тяжёлую посеребрённую ручку, Ярослав Владимирович поставил на бланке остроконечный росчерк и коснулся пустого серого квадрата в нижнем углу. Прошитая металлизированной нитью бумага на миг вспыхнула мягким золотистым сиянием; защитный узор медленно, будто всплывая из глубины, проявился на посветлевшем фоне. Даже бюрократия может быть завораживающей, если примешать к ней немного магии.

— На первом этаже в киоске есть ламинатор, если вам нужно, — буднично сообщил контролёр, протягивая Ире обретенное силу удостоверение. — У вас остались вопросы?

— Нет-нет, — Ира цапнула драгоценную бумагу. — Спасибо!

— Лифты прямо по коридору, — напомнил Ярослав Владимирович и — вот уж вершина учтивости — прибавил: — Хорошего дня.

— И вам тоже, — щедро пожелала Ира. На радостях можно простить и надменного контролёра, и неласковую начальницу канцелярии, и чересчур участливого безопасника, благо всех троих вряд ли ещё доведётся увидеть.

Про обитавшего в сквере лесовика Ира ухитрилась не забыть. Обещанному подарку он, конечно, обрадовался, но не сильнее, чем мама — хорошим новостям. Устроенное вечером празднество точь-в-точь походило на семейные торжества после выпускных из школы и из института, разве что папа не шутил про тройки по физкультуре. Ему вообще сегодня было сложнее: к семейным особенностям он привык, но в тонкостях разбираться так и не научился. Должно быть, представлял себе удостоверение чем-то вроде водительских прав.

— Анюту-то видела? — спросила мама, когда покончено было с восторгами и звонками бабушке.

— Нет, — Ира пожалала плечами. Это уже не казалось таким важным. — Наверное, где-то занята была. У них там живенько, конечно...

— Ну, чем выше, тем спокойней, — значительно произнесла мама. — Павел Сергеевич, пока в Управе работал, на девятом этаже сидел, в финансах. Вот уж где хорошо!

— Что ж ушёл-то тогда? — проворчал папа, ковыряться в руинах торта.

— У него свои резоны, — с важным видом заметила мама. — Связи-то остались, Нюту вон пристроил же в секретариат! Может, и за нашу Иришу похлопочет.

— Это с какого перепугу?

— А что такого? Ира с Анечкой дружат, — безапелляционно заявила мама. Она, похоже, заранее всё придумала и наверняка уже успела намекнуть на свои замыслы Анькиному отцу.

— Мам, не надо, — не слишком уверенно попросила Ира, сама толком не понимая, чего именно «не надо». — Неудобно же.

— Спать на потолке неудобно, — отрезала мама. — Лучше в Управе бумажки переключивать, чем в какой-нибудь аптеке с травами возиться.

— Да не хочу я. Я слишком... — обычная? Чтобы встать в Управе за стойку справочной, надо выглядеть, как модель, а чтобы позволять себе джинсы и отсутствие маникюра, нужен какой-нибудь незаурядный талант. — Короче, я лучше что-нибудь другое поищу.

— Поищешь, — мама самодовольно улыбнулась. — Если в Управе не понравится. Витя, где у нас был компот?

Всё, разговор окончен. Ира задумчиво погладила уголок удостоверения. Под прозрачным пластиком тускло мерцала в желтоватом кухонном свете печать магического контроля. Безусловно, куда спокойнее было бы найти себе местечко по обычной специальности вроде тех, где доводилось подрабатывать во время учёбы и после, уже с дипломом на руках, но тогда ради чего все сегодняшние треволнения? Мама частенько бралась решать за дочь и ни разу ещё не прогадала...

Звон разбитого стекла вырвал Иру и размышлений. Компот розовой лужей расплескался по линолеуму, омывая осколки банки и неумолимо подбираясь к холодильнику. Мама проворно схватила с батареи тряпку и оттеснила в сторону растерянно ругающегося папу.

— На счастье, — уверенно заявила она.

III. По закону подлости

В отделе принято было презирать суеверия, однако с тем, что утро понедельника не бывает добрым, Макс в глубине души соглашался. Благополучно проигнорировав недостаточно назойливый будильник, подъём он бессовестно проспал; из-за этого встрял в самую толкучку в автобусе, а потом вместе с самим автобусом — в безнадёжную пробку. Прокляв про себя всех в мире криворуких водителей, Макс выскочил из печально пыхтящей выхлопными газами душегубки и уже почти отмахал трусцой три оставшиеся остановки, когда его настигло мрачное Ксюшино сообщение: «Отсидись где-нибудь до одиннадцати, шеф злой». Отсиживаться, впрочем, негде: застрять у правопорядка не выйдет из-за последнего скандала, а научники уже закрылись в лабораториях и теперь до обеда к себе не пустят. На парковке перед Управой ни единой живой души, зато начальственный внедорожник тут как тут, грозно сверкает чёрными боками между Ксюхиным глазастым чудовищем и пыльной Яриковой «тойотой». Вздумалось же Верховскому заявиться с утра пораньше именно сегодня! Впрочем, это как раз неудивительно. Он и приехал-то, небось, ради того, чтобы устроить Максусу выволочку по всем статьям, а тут этот злосчастный будильник...

В вестибюле вместо красотки Верочки на глаза первым делом попался ласково улыбающийся Викентьев. Вряд ли безопасник караулил тут именно Макса, но после прошлой недели пересекаться с ним не хотелось даже случайно. Тот, однако, не упустил случая помаковать свершившуюся уже победу и решительно потопал наперерез — здороваться.

— Что-то не рано вы, Максим Николаевич, — ележно заметил Викентьев, пожимая руку недругу.

— Чрезвычайные обстоятельства, — нагло соврал Макс и напустил на себя значительный вид. — Прошу прощения, мне нужно в отдел.

— Конечно. Всегда отрадно видеть служебное рвение, — осклабился безопасник, отступая с дороги.

Макс проглотил просившиеся на язык указания относительно того, куда и зачем следует отправиться Викентьеву, и размеренным, насколько получалось, шагом прошествовал к лифтам. Вежливое Верочкино приветствие осталось без внимания, а когда Макс о нём вспомнил, оборачиваться стало уже поздно. Что ж, по сравнению с тем, что ждёт в родном отделе, это всё так, мелкие неприятности...

Ксюша, увидев Макса на пороге, сделала страшные глаза и обречённо вздохнула.

— Михалыч ушёл терзать научных, — безрадостно сообщила она. — Скоро вернётся. Лучше найди себе дело где-нибудь подальше...

— Нет у меня дел, — огрызнулся Макс, швыряя рюкзак на стол. Невзгоды надо встречать в полный рост, а не прятаться от них по кустам, тем более что головомойку он, как ни крути, честно заслужил. — Где все?

— Ну, Костик с Андреем в командировке, — напомнила Ксюша, и на душе стало совсем паршиво. Фиг с ним, с Черновым, а вот без Андрюхи будет тоскливо. — Ярика не видела, но он где-то тут, а Мишку шеф погнал к безопасникам. На, печенку возьми.

Она протянула ему жестяную коробку, и Макс покорно выудил оттуда обильно посыпанное сахаром печенье. Самое время желудку вспомнить, что в него со вчерашнего вечера ничего не забрасывали. Боковой общий стол, который обычно служил Ксюше для всякой чайной дребедени, весь был занят разложенными в неведомом порядке распечатками звёздных карт и каких-то расчётов, от одного вида которых Максусу стало худо.

— Это чего? — он кивнул на навевающую дурноту макулатуру. — Опять что-то в календарях упустили?

— Не, там всё хорошо, — Ксюша скользнула рассеянным взглядом по испещрённым пометками листам бумаги. Судя по тщательно демонстрируемому равнодушию, она тоже ни черта в них не понимала. — Не знаю, может, Зарецкий что-нибудь для шефа считал.

Время неумолимо подбиралось к одиннадцати. Обычно к этому времени Макс успевал выпить кофе, поболтать с Андреем или с Ксюшей обо всякой ерунде, разобрать почту и взяться за какую-нибудь задачу, однако сегодня всё шло наперекосяк. Задач не было: всю прошлую неделю Макс был отстранён от дел и занят исключительно написанием объяснительных. Злосчастный паразит, которого он притащил-таки в Управу после месяца выслеживания, умудрился удрать прямиком из-под носа у увальней из безопасности, а виноват почему-то оказался именно Макс. Можно было язык стереть, доказывая, что гада, как положено, за ручку привели сначала к Викентьеву, затем в правопорядок, но в суматохе Макс забыл заверить документы, а потом они и вовсе куда-то делись. Теперь выходило, что младший офицер отдела магконтроля Некрасов проявил преступную халатность и прохлаждался на крыльчке, пока общественно опасный элемент делал ноги из сердца Управы. И, что характерно, тоже ведь был понедельник...

— На, разбери, что ли, — сердобольная Ксюша протянула ему пухлую папку. — Неделю уже никто не занимался...

Макс безропотно принял поручение. Разбирать прошения ненавидели решительно все, однако с тех пор, как

Костя окончательно допёк последнюю секретаршу, заниматься этим приходилось самим. Уж, конечно, не старшим офицерам, хотя Оксанка иногда и помогала из человеколюбия. Вооружившись ручкой и терпением, Макс принялся читать первый лист, и тут вкрадчиво щёлкнул дверной замок. Ксюша моментально вытянулась в струнку и оскалилась в верноподданнической улыбке. Верховский собственной персоной величаво вступил в кабинет, мрачно оглядел владения и, разумеется, остановил тяжёлый взгляд на неосмотрительно высунувшемся из-за монитора Максе.

— Максим, зайди ко мне, пожалуйста, — убийственно спокойно велел начальник и неторопливо прошествовал между столов в своё логово.

— Иди, — шепнула Ксюша, едва за шефом закрылась дверь. — Двум смертям не бывать.

Макс и сам знал. Лучше уж остаться в поле один на один с десятком упырей, чем тащиться на ковёр к Верховскому. Выкинет из отдела, отправит в какое-нибудь кишачье нежитью урочище или просто смешает с грязью, заодно дав команде повод для издёвок месяца на два вперёд? Неизвестно ещё, что хуже... Макс нарочито медленно отложил папку с прошениями и побрёл к кабинету начальника, как на эшафот.

— Садись, — приказал Верховский, кивая на притулившийся у массивного стола низенький стул. Сам шеф предпочёл взирать на подчинённого сверху вниз, прислонившись спиной к шкафу и скрестив руки на груди. Высокий, крепко сложенный, ещё не старый, он напоминал идол какого-нибудь воинского божества, гневающегося на нерадивых прислужников. — Скажи, пожалуйста, должен ли я прочитать тебе лекцию о важности отчётных процедур или ты достаточно всё прочувствовал за прошлую неделю?

— Достаточно, — ответил Макс, сдержав вздох. За какие-то четыре дня он успел столько раз написать «Я, нижеподписавшийся Некрасов Максим Николаевич», что почти возненавидел собственное имя.

— Охотно верю, — Верховский насмешливо хмыкнул. Он все эти бумажки заверял и абсолютно точно был в курсе их количества и содержания. — Итак, что должен сделать офицер магконтроля по завершении полевого задания?

— Незамедлительно получить заверенное подтверждение исполнения от подразделения-заказчика или от непосредственного руководителя, — с чувством оттарабанил Макс. — После этого направить подробный отчёт непосредственному руководителю и, если необходимо, подразделению-заказчику.

— Если необходимо, — с нажимом повторил Верховский. Он отлепился наконец от шкафа и неторопливо пересёк кабинет, глядя себе под ноги. — В данном случае достаточно было отчитаться только мне, о чём я и напомнил Евгению Валерьевичу.

Макс подался вперёд. Неужели гроза проходит стороной?

— Мне надо написать вам отчёт?

— Ты его уже любезно написал, — начальник кивнул на стол. Рядом с клавиатурой и впрямь лежало несколько исписанных вручную листов. «Я, нижеподписавшийся...» — Именно поэтому и отделаешься депремированием. Молодчики Викентьева — тоже, так что, считай, сыграли вничью.

— Спасибо, — искренне выдохнул Макс и, повинувшись порыву, прибавил: — Я его видел с утра. Довольный был, как упырь на турбазе.

— Не сомневаюсь, — скривился Верховский и тут же посерьёзnel. — Максим, Викентьев — маленький начальник, который очень хочет стать большим. Если ради этого от нас должны удирать всякие опасные твари, они будут удирать. Нам остаётся только неукоснительно следовать регламентам и не давать повода для придинок.

— Итальянская забастовка? — Макс позволил себе усмехнуться.

— Неукоснительное следование регламентам, — отдельно повторил начальник, и Макс счёл за благо прекратить улыбаться. — Имей в виду: от дел, затрагивающих отдел обеспечения безопасности, ты временно отстранён. Паразитом займётся Старов. Тебе же пока придётся...

В дверь постучали, и шеф прервал тираду на самом интересном месте. Деликатно выждав пару секунд, на пороге нарисовалась Ксюша. Улыбалась она настолько медово, что Макс ни на миг не усомнился: случилась ещё какая-нибудь пакость.

— Александр Михайлович, к вам пришли, — нарочито простодушно доложила Оксанка, хлопая длинными ресницами.

Её симпатичное личико сложилось в красноречивую гримаску, больше изумлённую, чем раздосадованную. Верховский недоумённо изогнул бровь, Ксюша едва уловимо качнула головой и пожала плечами.

— Хорошо, иду, — громко сказал начальник.

Макс тут же подхватился и следом за шефом выскочил из кабинета. Случившейся пакостью оказалась Анохина собственной персоной. Начальница канцелярии заняла собой почти всё пространство между дверью и пустующим угловым столом против входа; за её спиной, как робкая ромашка рядом с борщевиком, жалась смутно знакомая девчонка. Симпатичная, но очень уж напуганная. Макс, у которого как раз свалился с души хороший такой булыжник, ободряюще ей подмигнул, чем и смутил окончательно.

— Доброе утро, Александр Михайлович, — чопорно произнесла Наталья Петровна. Остальных её позволительно было не замечать. — Я по поводу секретаря для вашего отдела.

Макс не выдержал — переглянулся с Ксюшей. Та профессионально строила из себя каменное изваяние, но, поймав Максов взгляд, едва заметно скосила глаза на пустующий Костин стол.

— Очень кстати, — вежливо сказал Верховский. И не скажешь, что сам ошарашен не меньше подчинённых. — Я верно понимаю?..

— Верно, — рывкнула Анохина и поджала ярко-алые губы. — Ваш запрос удовлетворён. Найдётся у вас рабочее место?

— Да, конечно. Могу я получить...

— Можете. Пришлю почтой, — Анохина сдвинулась на десяток сантиметров левее, представляя всеобщему вниманию свою подопечную. Сложно сказать, была ли начальница канцелярии заранее недовольна подчинённой или просто пребывала в обычном рабочем настроении. — Ирина удостоверение получила недавно, но имеет профильное образование. Будем надеяться, вы сработаетесь.

— Вне всякого сомнения, — отозвался Верховский, и Макс понял, что слова относятся не столько к «сработаетесь», сколько к «будем надеяться». — Минутку, я подтверждаю запрос...

Анохина зорко проследила, как шеф лезет за телефоном, ищет в куцем списке застрявших заявок ту, что касается секретариата, и ставит отметку об исполнении. Минутное же дело; чего, спрашивается, сам прохлопал с этим несчастным паразитом?..

— Благодарю, — сухо сказала Наталья Петровна, удостоверившись, что отметка видна и ей. — Сами расскажете о своей... специфике?

— Разумеется, — заверил Верховский. — Спасибо за оперативное исполнение.

— Делаем всё возможное, — не осталась в долгу Анохина. — Хорошего дня, коллеги.

Начальница канцелярии уже убралась, а навязчивый шлейф духов остался витать в воздухе. Не терпевшая конкуренции Оксанка немедленно щёлкнула пультом кондиционера. Шеф, избавленный от необходимости блюсти политес, прекратил любезно скалиться и стал похож на человека. Если он и был с утра настроен метать молнии, сейчас тучи определённо разошлись.

— Ну что ж, добро пожаловать, — сказал Верховский новоявленной секретарше. Та, лишившись сомнительной поддержки Анохиной, совсем побледнела: внимание главного контролёра явно не прибавляло ей уверенности. — Оксана, организуй, пожалуйста, всё необходимое. Максим, после обеда зайдёшь за распоряжениями.

Шеф ещё не скрылся у себя в кабинете, а Ксюха, не будь дура, уже изображала вселенскую занятость.

— Макс, будь другом, оформи заявки, — ласково попросила она и на правах старшей взяла на себя инструктаж: — Э-э-э... Ира, да? Вон тот стол против входа — твой. Комп сегодня принесут. Всякая канцелярская дребедень — в шкафу, вода — в чайнике, чай — в переговорке, кофемашина — у шефа в логове, но туда сейчас лучше не ходить, — Ксюша на миг задумалась, словно решая, стоит ли предложить новенькой печенье. — Н-да... Шефа зовут Александр Михайлович, я Оксана, это вот Макс. Если что-то понадобится, спрашивай.

— Спасибо, — пискнула Ира, и Макса вдруг озарило.

— Я тебя помню! — возвестил он, донельзя довольный собственной наблюдательностью. — Ты на той неделе сюда приходила. На собеседование?

— Нет, сдавала аттестацию, — Ира забралась в пыльное кресло и сжала обеими руками сумочку, словно готовилась ею отбиваться от кого-нибудь кровожадного.

Оксанка бросила на новенькую быстрый взгляд и тут же снова уткнулась в монитор. Мгновение спустя Макс увидел от неё сообщение: «Чья-нибудь дочка». И следом: «Долго не продержится». Стало досадно: новенькая Максус понравилась. Но Ксюша, скорее всего, права: у Анохиной выживают зубастые офисные пираньи, а не девочки-ромашки.

— Ну ладно, — сказал Макс сам себе, Оксане и Ире заодно. — Я сейчас заявками займусь, а потом немножко расскажу, что к чему, хорошо?

Ира торопливо закивала и, изнемогая от неловкости, принялась пристально изучать телефон. Макс с тоской покосился на пачку сигарет. До балкона переться минут пять через лаборатории, а до обеда ещё полчаса. Ладно уж, сначала заявки. Когда там ещё техподдержка соизволит выползти из своих нор, а шефа в любом случае лучше не раздражать.

— Блин, ненавижу эту хрень! — Ксюша от души выругалась, заставив бедную Иру подскочить от неожиданности. — Где Зарецкого носит, когда он нужен?

— Ну позвони ему, — хмыкнул Макс. — Или давай махнёмся. Что там у тебя?

— Нет, Максик, ты наказан, — угрожающе промурлыкала Оксанка. — У меня тут неопознанная нежить в южном Подмосковье. Ты в таком не шарить.

— Сама-то, — отмахнулся Макс. Не хочет — и не надо, пусть роется в справочниках. — Ир, а можешь номер розетки посмотреть?

— Где?

— Под столом.

— Под стол сам лезь, — заявила Оксанка и, в общем-то, была права. Вряд ли домовые пренебрегают уборкой в кабинете, но всё равно ползать на четвереньках сподручнее в джинсах, чем в узенькой юбке.

— Позвольте, сударыня, пасть к вашим ногам, — торжественно произнёс Макс, вылезая из-за своего стола.

Ксюша прыснула, а Ира зарделась и проворно отскочила подальше от стола. Пыли на полу действительно не оказалось, зато оставшиеся леший знает с каких времён мотки проводов пуганые домовые трогать не смели. Ласково помянув местных айтишников вместе с ближайшими родственниками, Макс раздвинул чёрно-серые лианы в надежде разглядеть наклейки над розетками.

— Ир, запиши куда-нибудь, — скомандовал он. — Двенадцать... три, семь... А, нет, один...

— Что тут у вас?

Макс пригнулся, разглядывая из-под стола знакомые кроссовки.

— Исследовательская экспедиция, — сообщил он и прибавил: — Семьдесят девять.

— Что «семьдесят девять»? — не понял Ярик.

— Поголовье водяных в Яузе, — серьёзно сказал Макс, вылезая из-под стола и отряхивая колени. — Розетка это. Нового сотрудника вот устраиваю.

— Сотрудника?

— Слав, спать надо хотя бы на выходных, — вздохнула Ксюша. Зарецкий и впрямь неважно выглядел; уж не на него ли шеф свалил скопившиеся из-за форс-мажора дела? — Это Ира, она у нас будет секретарём. Ира, это...

— Мы знакомы, — перебил Ярик, задумчиво разглядывая окончательно ступшевавшуюся ромашку. Ксюша заинтересованно хлопнула ресницами, но промолчала. — Ну ладно, значит, добро пожаловать. Оксан, что там с нежитью?

— А, вот, — Ксюша с готовностью развернула монитор так, чтобы видно было Зарецкому, но не Максусу с Ирой. — Вроде похоже на лихоманок, но я что-то сомневаюсь. Они днём смирно сидят...

Макс забрал у Иры бумажку с записанным номером и протиснулся к своему столу, мимоходом глянув на Ксюшин монитор. Текст мелким шрифтом тянулся на половину экрана, вдобавок к заявке приложили размытое тёмное фото в лучших традициях мистификаций. Не то бесплотная сущность, не то дым от самовара. Большим обычно и не баловали.

— Туманница, скорее всего, — заключил Ярик и отчаянно зевнул. — Хочешь, съезжу вечером, проверю?

— Куда тебе, — фыркнула Ксюша. — Сама поеду. Вон Макса с собой возьму, а, Макс? Хочешь в поле?

— Даже не знаю, — мстительно протянул Некрасов. — У меня вон обращений целая стопка.

— А мы Иру попросим их разобрать, — Оксанка очаровательно улыбнулась. — Это и без компа можно делать.

Ромашка покладисто закивала, вряд ли представляя, на какое нудное занятие соглашается. Хотя Ксюша права: за этим шеф секретаря и просил. Перечитав и отправив наконец заявку техникам, Макс виновато улыбнулся новой сотруднице и похлопал ладонью по столу рядом с собой:

— Ир, иди сюда, покажу, как быть с этой хренью.

— Спасибо! — выдохнула та и, оставив наконец в покое сумку, проскользнула за стол к Максусу. — Что нужно делать?

— Читать, — Макс откинул вздувшуюся бугром створку папки. — Что реально к нам, откладывать на рассмотрение. Остальное перенаправлять в правильный отдел. Если что-то совсем идиотское, просто ставишь отказ...

— Только сначала желательно зачитать вслух, — с серьёзным видом хмыкнула Ксюша.

— 3-зачем?

— Чтобы все поржали. Ярик, убери нафиг свои карты, Макс от них чешется.

— Ничего подобного, — поспешно возразил Некрасов. Не хватало ещё, чтобы Ира по Ксюхиной милости записала его в неучи! — Я просто подумал, что опять календари пересчитывать надо!

— Не, это так... Для себя, — Зарецкий проворно сгрёб бумаги, наверняка ухитрившись сохранить в них порядок. Ксюша моментально водрузила на нейтральную территорию коробку с печеньем и кружку с остатками чая. — Шеф на месте?

— С большой долей вероятности, — Ксюша кивнула и бросила взгляд на часы. — Обедать-то пойдём?

— Меня не ждите, — Ярик удручённо качнул головой и выразительно покосился на кабинет начальника. Похоже, Верховский одной аудиенцией сегодня не ограничится.

— Давай минут через двадцать, — предложил Макс, прикинув, сколько времени уйдёт на возню с обращениями и пробежку до балкона и обратно. Перевёл взгляд на едва не лопающуюся папку и покаянно

вздыхнул. Если бы не прошлая неделя, бумаг было бы раза в три меньше. — Значит, так...

Они успели перебрать с десятков прошений разной степени бредовости, когда дверь в очередной раз открылась, впуская в кабинет нагруженного коробками айтишника. Ксюша так и рассыпалась в любезностях; умеет же, когда хочет! За каким интересом ей понадобилось очаровывать рядового техника, стало понятно, как только тот закончил с настройкой компьютера для Иры: не дав парню опомниться, Оксанка набросилась на него с собственными проблемами. Вот лисица! Небось самой заявку писать было лень, а тут такая оказия...

— Ой, Паш, ты волшебник! — восторженно выдохнула Ксюша, когда с её бедами было покончено.

— Шаман тогда уж, — довольно ухмыльнулся техник. Макс почему-то не сомневался, кого бедняга будет искать в толпе на ближайшем корпоративе.

Ира проводила парня потрясённым взглядом и, как только за ним закрылась дверь, благоговейным шёпотом спросила:

— Он правда шаман?

— Не, это у них юмор такой, — равнодушно хмыкнула Ксюша. — Сейчас посмотрим... Надо же, колдун шестой категории. А я думала, минус.

— Здесь минусы работают?!

— Ну да, — Оксанка пожалала плечами. — Иногда пристойного спеца среди своих фиг найдёшь... Блин, Макс, пошли есть, не могу уже!

— Мне надо тут всё настроить, — жалобно пролепетала Ира.

— Настраивай, — разрешила Ксюша и оглянулась на начальственный кабинет. — Пошли, Макс, а то работы ещё подвоят...

— Покурить сбегаю только.

— По дороге покуришь, — отрезала Ксюша и, решительно щёлкнув замком, исчезла в коридоре.

— Я пойду тогда, — виновато пробормотал Макс. — А то правда до двух не успеем.

— Хорошо, — Ира растерянно кивнула и зачем-то прибавила: — Спасибо.

Оставив её в одиночестве обживать новое рабочее место, Макс выскочил в коридор. Ксюша ждала у лифта. На пачку сигарет она покосилась неодобрительно, но от душеспасительных тирад удержалась. Говорить ей явно хотелось, но открыть рот она себе позволила, лишь спустившись с крыльца и определившись с направлением.

— Пошли в зелёную, там народу меньше, — скомандовала Ксюша и первой повернула направо, недовольно шурясь на яркое солнце. — Ну, что думаешь?

— Что мне нехило так повезло, — признался Макс, на ходу поджигая сигарету. — Без премии проживу как-нибудь. Но, по-моему, шеф огрѐб неприятностей.

— Огрѐб, — Ксюша кивнула и не преминула демонстративно поморщиться на дым. — Надо теперь постараться не косячить хотя бы пару месяцев. Бесят эти игры подковѐрные, — с неожиданной злостью бросила она. — Лучше б дали спокойно работать.

— Не то слово, — буркнул Макс.

— Насчѐт премии не парься, — задумчиво сказала Ксюша, созерцая несущиеся на северо-запад облака. — Поехали реально метнѐмся до Домодедова. Если туманницу завалим, там посолиднее сумма выйдет.

— А мы завалим?

— А чего нет? — Оксанка азартно усмехнулась. — Это ж не лихо какое-нибудь. Напомни мне Михалычу сказать, ага?

— Ага. Больше никого звать не будем?

Ксюша недовольно фыркнула.

— Кого? Мишка нынче у безопасности на побегушках, а на Ярика смотреть жалко. Совсем его шеф заездил. Для себя он всю ночь со звѐздами возился, как же...

Макс пожал плечами. Было бы спокойней, если бы с ними поехал кто-нибудь категорией повыше, только сказать такое Ксюхе значит неминуемо нарваться на ссору.

— Ну ладно, а девчонка тебе как? — сменила тему Оксанка.

— Ничего, симпатичная, — вякнул Макс и удостоился презрительного взгляда. — В смысле... У Анохиной обычно все как на подбор, стервы зубастые, а тут такое чудо в перьях.

— А по-моему, та ещё бестолочь, — категорично заявила Ксюша. — Сидит, глазками хлопает, ждѐт, что всё за неё сделают... Терпеть не могу таких.

— Смущается просто, — предположил Макс. — В первый день всегда тяжело.

— Посмотрим, что дальше будет, — Оксанка неприязненно скривила губы. — Жить ей неделю осталось, пока Костик не вернѐтся.

Мелодично звякнув дверным колокольчиком, она нырнула в уютное нутро кафешки. Макс потянул носом, с наслаждением вдыхая ароматы съестного. Хорошо всё-таки, что перспективные маги шестой категории с каким-

никаким боевым опытом встречаются в природе намного реже, чем годящиеся на секретарскую должность девочки-ромашки.

III. Коллеги

— Ну, рассказывай, — велела Анька, помешивая кофе деревянной палочкой. — Куда тебя Петровна спровадила?

— В контроль, — Ира обхватила обеими ладонями тёплый стакан. В огромной, как спортзал, и полной людей столовой и то уютнее, чем в небольшом кабинете на двенадцатом этаже. И ещё здесь есть Анька.

— В контро-о-оль? — подружка недоверчиво сощурилась. Как будто есть резон врать! — Чего это она? Я думала, к исследователям запихнёт, у них там вечно рук не хватает...

— Не знаю, — вздохнула Ира и, понизив голос, добавила: — По-моему, я не слишком ей нравлюсь.

— Чтобы Анохиной нравиться, надо быть либо большим начальником, либо мелкой сволочью, — Анька неопределённо хмыкнула и поднесла к губам стакан. — Но контроль — это сильно.

Спрашивать, почему, очень не хотелось. Утро и так выдалось не самым приятным, а ответ почти наверняка не прибавит хорошего настроения. Но Анька — своя, и она уже два года тут работает. Лучше уж сразу получить предупреждение, чем потом случайно нарваться на какую-нибудь пакость, и Ира мужественно спросила.

— Ну, как тебе сказать... — Сафонова задумчиво тронула ложечкой пирожное. — Самой-то как они?

— Молодые очень, — осторожно сказала Ира. На пирожных она сэкономила, так что кофе приходилось пить просто так, с сахаром и разговором.

Анька насмешливо фыркнула.

— Ещё бы. Хочешь посмотреть на старого контролёра — сходи в безопасность. Ну, или на кладбище, — подумав, прибавила подружка. — Гонять нежить по тоннелям метро лет до тридцати интересно, а потом в голове необратимо зарождаётся мозг.

Ира неуверенно хихикнула.

— По-моему, они не глупые.

— О да, — Анька закатила глаза. — Мы умеем кучу магических штук и всё про всех знаем, так что будем свысока плевать на всяких там... ведьм паршивых. Лариска от них сбежала, теряя тапки, и правильно сделала. Нервы дороже.

— Максим не злобный, — возразила Ира, чувствуя, что краснеет. — Он мне помогает.

— Некрасов-то? Он там самый нормальный, и то потому, что всего полгода работает, — заявила Анька. — Вот поднимет чуток категорию — и тоже борзеть начнёт. А так — да, с ним хоть на корпоративе затусить можно. Пока Тимофеева не видит, само собой.

— Они встречаются? — старательно равнодушно спросила Ира. От Анькиных слов стало сразу досадно и противно.

Сафонову вопрос позабавил.

— Нет, конечно! Но Ксюшка своих мужиков сторожит, как цербер. Только улыбнись кому — всё, тут как тут, зубки скалит и ядом брызжет.

— Зачем она так?

— Ну ты её видела? — Анька раздражённо махнула перемазанной в креме ложечкой. — Вся из себя великолепная! Умница-красавица, боевой маг и вообще круче некуда... Как это можно на кого-то другого смотреть, когда тут она?

А ведь права Анька. Яркая, словно с журнальной обложки сошедшая Оксана так и притягивает всеобщее внимание и, похоже, всюю этим наслаждается. Рядом с такой, пожалуй, вообще ни на кого другого взглянуть не захочешь. Ну и ладно! В конце концов, на работе надо работать, а не интрижки крутить. Последнюю мысль Ира и озвучила.

— Ну, это да, — глубокомысленно протянула Анька. — Короче, если не будешь сильно париться из-за того, кто, что и как сказал не по делу, может, и приживёшься. Но лучше отсиди испытательный и попросись у Наташки куда-нибудь поспокойнее.

— Типа архива?

— Типа нормальных отделов, — Сафонова поправила строгий воротничок, расстёгнутый на две верхние пуговицы. — У нас в финансах тишь и благодать. У коммуникаций и надзора тоже ничего. Наука — терпимо, но геморроя много у них очень. Только в правопорядок не ходи, вот уж где бардак...

— Я учту, — Ира слабо улыбнулась и залпом допила остатки кофе. — Без десяти уже...

— Ой, да было бы, куда торопиться, — Анька поморщилась, но пирожное поспешила прикончить. — Если совсем немоготу станет, пиши — поболтаем.

— Ага, спасибо...

У дверей столовой они разошлись: Анька заметила в людском потоке кого-то знакомого и устремилась на

перехват, а Ира нехотя потопала к лифтам. Ей не раз приходилось устраиваться на подработки, но такого паршивого первого дня до сих пор не случалось. Сначала Наталья Петровна однозначно дала понять, что не слишком-то рада новой сотруднице, потом её ждал прохладный приём, а теперь ещё и Анькины мрачные пророчества... Испытательный срок — целых три месяца; не факт ещё, что получится сбежать самой, могут ведь и вышвырнуть с нелестной строчкой в трудовой. Например, если опаздывать с обеда.

Лифт тащился от этажа к этажу медленнее, чем менялись цифры на часах. Когда створки наконец раздвинулись на двенадцатом, до конца перерыва оставалась минута. К кабинету Ира летела на всех парах, отчаянно надеясь, что никого там не застанет, и, разумеется, наткнулась на начальство. Александр Михайлович, так некстати вздумавший вылезти из своего логова, неспешно расхаживал вдоль прохода и что-то излагал; приснопамятный Ярослав Владимирович, которого теперь надлежало привыкать звать на «ты» и по имени, стоял, опершись на свой стол, вертел в пальцах ручку и молча слушал. На шорох открываемой двери обернулись оба; Верховский коротко кивнул, Зарецкий ограничился равнодушным взглядом.

— Мы что-то упускаем, — немедленно вернулся к мысли начальник. — Многовато несуразностей. Значит, мы просто не видим закономерности.

— Или придаём слишком много значения случайностям, — возразил Зарецкий. Он выглядел вполне бодрым; должно быть, господа маги не брезгают тонизирующими снадобьями.

Порадовавшись, что обоим не до неё, Ира шмыгнула за свой стол и придвинула к себе чуть-чуть похудевшую папку с обращениями. Что тут у нас?..

— Подними-ка архивы, — задумчиво проговорил Верховский. Гулкий голос заполнял весь кабинет, не давая сосредоточиться на напиканном канцелярскими оборотами тексте. — Лет за пятнадцать... нет, за двадцать. Особенно тульское дело. Очень похожие были симптомы.

— Тульское засекречено.

— Допуск я подпишу, — начальник задумчиво тронул экзотический цветок, развесивший мясистые красноватые листья над чьим-то пустующим столом. — И скажу Оксане, чтобы не дёргала тебя по пустякам.

— Это лишнее, — Ярослав спрятал ручку в нагрудный карман. — Ребята и так зашиваются.

— Им полезно, — хмыкнул Верховский. — Ты когда в последний раз дома был?

— Вчера утром. Александр Михайлович, мне ещё один допуск нужен, — обойдя стол, Зарецкий уселся в кресло и без удовольствия покосился на Иру. Или показалось?

— Какой?

— Полный к базе результатов тестирования.

— За каким лешим?

— Проверять закономерности.

Издаётся, что ли? Над собственным начальством? Верховский, похоже, решил так же.

— Или пишешь вменяемое обоснование, или ни черта не получишь, — отрезал он. — Сейчас не время злить безопасников.

— Хорошо, придумаю.

— Если узнаю, что ты тратишь время на всякую ерунду...

— Не узнаете.

Начальник раздражённо цыкнул, но прищучить наглеца отчего-то не захотел. Ира ему даже посочувствовала: каково иметь в подчинении полдюжины норовистых и не в меру активных магов? Жалеть Верховского, впрочем, пришлось недолго — ровно до того момента, как он грозно навис над Ириным столом. Тогда немедленно захотелось самолично взглянуть на номера розеток.

— Ирина, как у вас дела? — осведомился Александр Михайлович, обводя цепким взглядом чересчур пустой стол.

— Хорошо, — Ира заставила себя вежливо улыбнуться. Пальцы сами собой подправили воротник блузки. — С обращениями сегодня закончу.

— Поосторожнее с невыполнимыми обещаниями, — то ли пошутил, то ли отчитал начальник. — Это занятие бесконечное. Если у вас возникнут затруднения, не молчите, пожалуйста, — ни с того ни с сего сказал Верховский, и на ум тут же пришли Анькины нелестные суждения. — Вы всегда можете обратиться ко мне или к любому из команды.

— Спасибо, — Ира кивнула, про себя решив ни за что и никогда не бегать с жалобами к начальнику. К остальным тем более не тянуло.

— Значит, договорились, — Верховский любезно улыбнулся и ещё более любезно отчалил наконец в неизвестном направлении. Наверняка решать срочные вопросы и выбивать секретные допуски.

В воцарившейся тишине миролюбиво гудели нутром компьютеры и мерно тикали настенные часы. Зарецкий Ире не докучал; вообще говоря, он вряд ли вовсе замечал её присутствие. Даже удивительно, что он её вспомнил —

как-никак, целая неделя прошла. Что ж, от равнодушия помереть сложно; не трогают — и ладно. Ира притянула к себе очередной помятый с краёв лист и принялась вникать в чужие боли.

Скучным занятие не было. О чём только не писали в контроль многочисленные московские одарённые! В основном, конечно, жаловались на разбуянившуюся нежить; такие заявки Ира откладывала отдельно. Кто-то подозревал соседей в нечистых делах, кто-то просил разрешения выехать за границу, кто-то не мог вступить в права наследования какой-нибудь своенравной магической шгуковиной. Попалась пространный кляуза на некую ведьму-травницу, которая что-то не то наварила бдительной клиентке, и трёхстраничное ходатайство о личном приёме от пожилого мага, якобы располагающего сведениями государственной важности. Куда девать такое, Ира понятия не имела и на всякий случай отложила оба обращения в отдельную стопку. Вернётся Макс — можно будет спросить, не рискуя быть облитой презрением.

Дверь рывком распахнулась, впусив в кабинет встрёпанного парня в кожаной куртке поверх изрядно помятой рубашки. Ира смирилась с необходимостью в очередной раз с кем-то знакомиться за миг до того, как он с разбегу затормозил у её стола и озадаченно улыбнулся.

— О! Привет. Михалыч не предупреждал, что будут новобранцы.

— Ирина — секретарь, — сухо сообщил Зарецкий, не отрываясь от монитора.

— Тоже круто, — решил вновь прибывший и кое-как пригладил пятернёй короткие русые волосы. — Миша Старов, старший офицер. Очень приятно!

— Взаимно, — вежливо сказала Ира. Миша не казался неприятным, но, памятуя о разговоре с Анькой, она на всякий случай решила первому впечатлению не верить.

— Заживём теперь, — уверенно заявил Старов. Он размашистым шагом пересёк комнату, стянул куртку с широких плеч и плюхнулся в кресло у стола, ближе всех стоявшего к кабинету начальника. — Слышь, Ярик, куда Макс делся?

— Ушёл поесть и не вернулся.

Миша вздохнул и поскрёб в затылке. Озадаченный вид делал из него эдакого Иванушку-дурачка: простоватое веснушчатое лицо, наивные голубые глаза, косая сажень в плечах. Однако он старший офицер, а Макс — всего лишь младший...

— Лопух он, по чесноку, — выдал Миша. Прозвучало не зло, скорее сочувственно. — Этот деятель, которого Макс проворонил, мало того, что паразит, так ещё и не легализован от слова «совсем». Ищи, блин, теперь...

— Приметы снять успели?

— Да какое там, — Старов досадливо отмахнулся. — Вот как раз хочу нашего красавца порасспросить. Откуда только вся эта погань повылезала — год, что ли, високосный действует?

— И ретроградный Меркурий, — буркнул Зарецкий. Всерьёз или в шутку? — Чего Викентьев?

— А чего ему? Доволен, что мы накосячили по-крупному. Надо ловить гада, и поскорее.

— На живца? — предположил Ярослав. Он отвлёкся наконец от созерцания монитора и праздно закинул руки за голову. — Откуда Макс его выволок?

Миша беспокойно крутанулся в кресле и с сомнением покосился на собственный компьютер, словно на спящем мониторе мог проступить какой-нибудь дельный совет.

— Из притона, небось, какого-то. На живца... — он задумчиво потёр гладко выбритый подбородок. — Заставим Ксюшу прикинуться беззащитной?

— Не-а. Эти силу чувят лучше, чем вся викентьевская лаборатория.

— Точно. И Андрюхи, как назло, нет, — Старов разочарованно вздохнул и вдруг лукаво подмигнул Ире: — А наша милая секретарь не хочет поучаствовать в оперативно-розыскных мероприятиях?

От одной мысли о том, что придётся рисковать жизнью, пока контролёры ловят какого-то там непонятого паразита, бросило в жар. Ира бестолково разинула рот, отчаянно подыскивая слова, однако оправдываться не пришлось.

— Исключено, — лениво бросил Зарецкий, даже не взглянув в её сторону. — Возьми у безопасников стажёра потолковее, и вперёд. Им же больше всех надо.

— Вот сами бы и ловили, — Миша удручённо мотнул головой. — А ты чем занят? Я б махнулся не глядя.

— Копаюсь во всяком старье. У шефа весеннее обострение паранойи, — Зарецкий недовольно зевнул. — Если сильно надо, могу помочь.

— Да ну, сам справлюсь. Это я так...

Дверной замок в очередной раз клацнул: вернулись припозднившиеся Макс и Ксюша. Последняя несла в руках коробку с эмблемой дорогой сетевой кондитерской и выглядела донельзя довольной.

— Мальчики, чаю? — предложила она, водружая пахнущую ванилью ношу на стол.

— Чай — выжившим после трудового дня, — Старов улыбнулся, сверкнув крепкими зубами. — Макс, ты мне нужен.

Некрасов заметно сник, но послушно подхватил складной стул и устроился у Мишиного стола. Проговорили они, впрочем, недолго; Оксане вскоре надоело слушать про средний, кажется, рост и тёмные, вроде бы, волосы, и она рявкнула командным тоном:

— Валите в переговорку, а?

Ира думала, что Старов пойдёт сварливую коллегу куда подальше, однако тот покладисто подхватил ноутбук и в самом деле утащил Макса в переговорную. Воцарилось относительное спокойствие; стало возможно наконец поработать, не прислушиваясь к разговорам. Папка потихоньку худела, а разобранные на отдельные стопки бумаги покрывали собой всё больше свободного места на столе. Макс так и застрял с Мишей в переговорной, а вопрос, что потом делать со всей этой макулатурой, становился всё насущнее. В конце концов, отложив последний лист в стопку с нежитью, Ира решила на меньшее зло и осторожно окликнула Оксану.

— А? Чего? — красавица без восторга обернулась на зов. В холёных пальчиках она праздно вертела карандаш.

— Я всё разобрала, — негромко отчиталась Ира. — Что теперь?

— Заявки заводить, — Ксюша изогнула идеально подведённую бровь. — Что там у тебя, нежить?

— Да. Ещё разрешения на выезд и...

— Нежить — в сверхсрочные и на весь отдел, — не слушая, затараторила Тимофеева. Взор её был обращён к потолку: то ли припоминала, то ли выказывала презрение. — Загранку — мне на подпись, жалобы — в срочное Максу. Если кому-то по делу сюда надо, назначь встречи в календаре и отправь официальные приглашения. Остальное раскидай по отделам, если мимо попало.

— Спасибо!

— Ага.

Оксану обуревало деятельное беспокойство. Она сбегала за чаем, полила оставшийся без присмотра цветок, пару раз безуспешно попыталась вызвать Зарецкого на разговор и даже зачем-то сунулась в пустующий кабинет начальника. Потом выудила из заставленного папками шкафа какую-то брошюрку и засела читать, сосредоточенно шевеля губами и едва заметно дёргая пальцами.

— Не так, — негромко сказал Ярослав, которому, видимо, наскучили-таки дела давно минувших дней. — Ладонь держи раскрытой и меньше двигай кистью, проще пойдёт. А вообще против туманницы лучше всего старый добрый огонь.

— Мало ли, что пригодится, — Оксана смущённо передёрнула плечами. — Вдруг ещё какой-нибудь болотник вылезет...

— Тогда чем проще, тем безотказнее. Уверена, что справишься?

— Я в состоянии прикончить одну несчастную туманницу! — тут же вскинулась Тимофеева. — Я ж не какой-то там...

В дверь тихонько постучали. Дождавшись Ксюшиного стерильно-вежливого «войдите», на пороге нарисовался знакомый безопасник с толстой картонной папкой в руках. Если он и удивился, обнаружив здесь новую сотрудницу, то виду не подал; окинул помещение беглым взглядом и прохладно улыбнулся. Контролёры мгновенно прекратили разговор и заметно напряглись.

— Доброго дня, — учтиво сказал безопасник. — Ярослав Владимирович, я по вашему сегодняшнему запросу.

— Вы могли бы мне сообщить, я спустился бы сам, — Зарецкий вышел из-за стола и словно невзначай заступил визитёру проход в кабинет. — Что подписать?

— Стандартный бланк. Вы позволите?

Ярослав нехотя посторонился, и безопасник опустил свою ношу на ближайший — Максов — стол. Стало видно, что створки папки стягивает тонкая проволока с пустым бумажным ярлычком. Рядом лёг испещрённый мелким шрифтом лист, каких в Управе водилось в избытке. Оксана, мгновенно спрятавшая куда-то свою брошюрку, любознательно выглянула из-за монитора.

— Здесь и здесь, — длинный палец дважды ткнулся в бумагу. — И пломба...

Зарецкий, едва заметно поколебавшись, тронул ярлычок на папке, и тот мгновенно вспыхнул бледно-золотым светом. Безопасник удовлетворённо кивнул и аккуратно сложил вдвое подписанный бланк.

— У вас интересный спектр, — заметил он вскользь.

Приглашение к разговору осталось без внимания. Ярослав решительно завладел папкой, изучил схваченные резинками уголки и на ощупь оценил толщину.

— Когда нужно вернуть?

— Не думаю, что это кому-нибудь понадобится в ближайшее время, — безопасник растянул губы в холодной улыбке. — Изучайте в своё удовольствие. Полагаю, несколько знакомых фамилий вы там найдёте.

— Благодарю.

— Всегда пожалуйста. Барышни, хорошего дня.

Ира получила-таки свою долю дежурного внимания: уходя, безопасник коротко кивнул сперва Ксюше, а

потом и ей. В прошлую их встречу он казался приятнее. Да что уж там, вся Управа казалась приятнее...

— Чего он сам припёрся? — свистящим шёпотом спросила Оксана, неприязненно косясь на дверь.

— Соскучился, надо думать, — Зарецкий вернулся к себе за стол и раздражённо потянул за проволоку. —

Хорошо, что Макс засел в переговорке.

Ксюша нервно поёрзала в кресле.

— Задрал он до спектра докапываться, — вдруг выпалила она и, скривив хорошенькое личико, передразнила:

— «У вас слишком красный оттенок»... Можно подумать, я прям выбирала!

— Ну, красный у женщин правда редко встречается, — Ярослав пожал плечами. Оксана застенчиво улыбнулась, словно получила комплимент. — Надо же, не подлежит оцифровке... Вот ведь любители жизнь усложнять.

— А что там?

— Древнее зло, — Зарецкий проглядел по диагонали верхний лист и остался недоволен: — Ужас, а не почерк.

Понятно, почему не решились перепечатывать.

— Сам-то пишешь так, что шифровать не надо, — весело фыркнула Оксана.

— Я свидетельских показаний не даю.

Зарецкий склонился над секретной писаниной, явственно давая понять, что болтать больше не намерен.

Разочарованная Ксюша пошарила взглядом по кабинету и наткнулась на развесившую уши Иру. Пухлые губки мгновенно сжались в недовольную алую черту.

— Сложности какие-то?

Ира недоумённо уставилась на лист, который всё это время держала в руках, и помотала головой. До конца рабочего дня оставалось долгих три часа.

IV. Туман

Переваливаясь с колеса на колесо и надсадно порывивая двигателем, тёмно-красный дамский автомобильчик с трудом перебрался через заросший травой пустырь и замер в колее от давным-давно проехавшего здесь трактора. Ксюша вздохнула и с явным облегчением и отпустила руль. Навигатор растерянно сообщил, что они приехали.

— Кошмар, — от души высказалась Тимофеева. — Танк ушатать можно.

— Надо было кроссовер брать, — с видом знатока посоветовал Макс, никогда в жизни не садившийся за руль. — Эта твоя шпука в тактильной разметке застрять может.

— Не обижай Вишенку! — огрызнулась Оксанка, правда, без особой злости. — А то домой на электричке поедешь. Тут как раз километров тридцать до станции.

— Дыра, — заключил Макс, отстёгивая ремень безопасности. — Я вообще думал, Домодедово — это аэропорт.

— Домодедово — это город, — фыркнула Ксюша. — А мы от него полчаса назад уехали. Нежить, милый мой, в аэропортах не водится, ей там шумно.

— В метро же водится.

— Только самая отбитая, — выкрутилась Тимофеева и не слишком погрешила против истины. Тоннельные твари и впрямь здравомыслием не отличаются. — Ты так и пойдёшь, что ли?

— Ну а что?

— Действительно, — Ксюша снисходительно оглядела Максовы потёртые джинсы. — Исчезни отсюда, я переоденусь.

Макс покорно вылез на свежий воздух и целомудренно отвернулся от машины. Тёплый предлетний денёк понемногу угасал; одуряюще пахло травами, а в воздухе уже густел обманчивый сумрак. Впереди, за ещё одной тракторной колеёй, вразнобой торчали из земли кривенькие берёзки. Днём они не сошли бы и за рожицу, зато в подступающей темноте казались вполне себе солидным лесочком. Это сюда-то занесло на погибель несчастную туманницу? Удивительно, что её заметила какая-то пожилая ведьма, а не праздно гуляющий по полям минус.

Хлопнула дверь, машинка печально мигнула поворотниками. Ксюша, сунув руки в карманы, обогнула капот, уткнувшийся в засохший грязевой гребень. В камуфляжных штанах и со стянутыми в хвост волосами она растеряла весь свой лоск, а ярко накрашенные губы в сочетании с серой фуфайкой выглядели совсем нелепо.

— Вон там дачный посёлок, — сообщила Тимофеева, кивнув куда-то в сторону заходящего солнца. — Значит, за кустами должен быть овраг, где тётка эту фигню видела. Не потеряешься, Максик?

— Надейся, — хмыкнул Макс, но проверил на всякий случай, что телефон заряжен и ловит сеть.

— Пошли тогда. Я ещё рассчитываю выспаться.

Это она зря. Они и так засиделись в офисе, пережидая пробки и заодно компенсируя Максово опоздание, а обратно до Москвы ещё чесать и чесать по просёлкам, даже если нежить соизволит быстренько обнаружиться и упокоиться. Тащиться пешком по изрытому мышинными норами лугу пришлось прилично; вокруг стремительно темнело, а Макс успел четырежды проклясть и туманницу, и дожившую о ней колдунью, и заодно неудобные новые кроссовки. Шефский катафалк, небось, долетел бы и не заметил — напрямик к злосчастному оврагу. Ну ладно, Верховский слишком важный, чтобы ловить нежить по лесам, но можно же было попросить Мишку или Ярика...

— Шевелись там, — поторопила Ксюша. Она бодро шагала на пару шагов впереди, будто целыми днями только и делала, что бегала по пересечённой местности.

— Иду я.

Овраг обнаружился на должном месте. Неглубокий, слегка тронутый местным туризмом — то тут, то там изредка попадалась какая-нибудь брошенная салфетка или сплюснутая алюминиевая банка. Кто по своей воле пойдёт в такие дикие дали, да ещё и с запасами съестного? Разве что тут великолепные ягодники или, скажем, кишасеё рыбой озерцо... Туманницы обитают у стоячей воды, значит, должно быть что-то такое.

— Темнеет, — запоздало заметила Оксана. Лесок вокруг становился гуще, меж мертвенно-белёсых берёзовых стволов сквозила прохлада. — Смотри под ноги.

— Давай свет зажгу?

— Ага, и всё неживое тут распугаешь. Заткнись и спускайся.

Макс послушно пополз. Земля оказалась влажной, будто после дождя, и предательски скользила под рифлёными подошвами; приходилось цепляться за всё подряд, чтобы не скатиться кубарем с крутого склона. Тимофеева перебиралась по выступающим из сероватой почвы камням, как горная коза. А ведь потом лезть обратно! Вот была бы у Ксюхи четвёртая категория, могла бы прикинуть на глаз да прыгнуть через пространство, расстояние-то — тьфу...

— Там что-то типа ручья, — сообщила Оксанка, шурясь в темноту. — Странно, блин...

— Может, тут нет никого? — мигом предположил Макс. Ладони вспотели и перепачкались в какой-то лесной грязи, а о джинсы вытирать жалко.

— По ту сторону может быть, — предположила Ксюша. В сумраке её серо-зелёный наряд терялся в тенях, только и видно было, что блестящие глаза и яркие губы на бледном лице. — Понятно хоть, чего тут минусы толпами бродят и ничего не замечают.

— А бабку эту как сюда занесло? — проворчал Макс. — Я прям так и вижу, как она вниз лезет и потом через ручей скачет. Обхохочешься.

— Заткнись и дай подумать!

Подумать — это правильно. Надо было этим заняться ещё у машины, а лучше — в офисе. Хоть ведьму ту разыскать и с собой взять, пусть бы показала дорогу, раз такая активная. Ксюша покрутила головой, словно рассчитывала, что туманница выскочит на неё из-за ближайшего дерева, и вдруг решительно почесала вниз. Макс, выругавшись, полез следом.

— Ксюх!

— Руками не маши, тут крапива.

— Ты хоть дорогу запоминаешь?

— Некрасов, мы в Подмосковье! Даже если у тебя дар атрофируется, найдут за пару часов.

Да как же, найдут! А если они вляпались в какой-нибудь морок и на деле вот-вот угодят в болото? Есть тут болота? Туманницам самое то... Здоровенный, размером с ладонь, лист крапивы приласкал Макса по голому предплечью; пришлось яростно чесаться. Ксюша бросила на спутника уничтожающий взгляд.

— Вот ты горе, а...

— Сама такая. Вот это, что ли, ручей твой?

— По ходу, да.

Тоненькая струйка вяло журчала по дну оврага, почти полностью утопленная в мощной растительности, живой и мёртвой. Макс без восторга покосился на увенчанные зонтиками сухие стволы выше человеческого роста. Серьёзно, как шестидесятилетняя тётка сюда пролезла? Или она и не пролезала, а просто подошла с другой стороны?..

— На этом берегу точно ловить нечего, — решительно заявила Оксанка. — Надо как-то на тот перебраться.

— Может, сожжём тут всё к чертям, и дело с концом? — тоскливо предложил Макс, отчаянно жалея, что так не выйдет.

— Силёнок не хватит, — хмыкнула Ксюша, натягивая рукава на ладони. — Пошли уже, а то до утра провозимся.

И почему в лесу постоянно кажется, будто по коже что-то ползёт?.. Мстительно топча молодые крапивные стебли и пробуя перед каждым шагом нетвёрдую почву, Макс кое-как сполз к воде, и даже не на четвереньках. В кроссовках моментально стало мокро. Насколько проще и удобнее было управиться с паразитом на городских улицах! А Ксюхе хоть бы хны. Или, может, притворяется?

— Всё, Макс, перешли, — глухо сказала Оксанка. — Осторожно теперь.

Этот склон более пологий, вот и всё отличие. Такие же заросли, которые к лету грозят превратиться в непролазные джунгли, такие же неказистые берёзки. И бегущая вода за спиной. Отсюда, если что, есть ещё шанс отскочить за ручей; дальше такого не будет...

— Смотри! — Ксюша крепко ухватила Макса за руку. Там, куда она указывала, не было ровным счётом ничего, кроме очередного клочка темноты, прошитого бледными берёзовыми стволами.

— Глючит тебя, — тоже шёпотом сказал Макс, вглядываясь во мрак.

— Что-то было... Идём.

Холодно. Нормальное состояние для майской ночи, которая на деле ближе к апрелю, чем к июню. Вот будет хохма, если они всё тут облазят, продрогнут до костей, но так ничего и не найдут... Не соврала же треклятая тётка? За заведомо ложный сигнал штрафуют, и неслабо... А воды никакой не видно, земля всё суше. Может, и не туманница вовсе, а другая какая тварь? Тень, например. С тенью фиг знает, что делать...

— Вот! Теперь точно было!

Взволнованный Ксюхин шёпот кажется громче вопля. Правда, показывает она совсем в другую сторону, чем раньше, но туманницы шустрые... Пахнет сыростью, сильнее даже, чем молодой листвой. Макс деловито сжал и разжал кулак, разминая пальцы. Ну вот, нашлась, голубушка; дело теперь за малым...

— Наугад не бей, — на грани слышимости предупредила Ксюша.

— Знаю я...

— Попробуй справа зайти. Если станет удирать, то точно не к ручью.

Дельная мысль, чёрт возьми. Ксюша шмыгнула влево, мгновенно растворившись в темноте. Макс потопал

направо, держа наготове собранную в горсть ладонь. Теперь белёсый отблеск среди ветвей углядел и он. Как бедолагу сюда занесло? Неуютно в редколесье, вот и мечется, пугает народ...

Сырой воздух холодной плёнкой оседает в лёгких. Надо постараться глубоко не вдыхать. Удушит ещё, стерва такая. Наверняка уже учуяла обоих охотников; на одного бросится, а второму бить. Нехитрая тактика и безотказная. Что ж ты, милая, никак не выберешь? Это ведь люди в темноте слепы...

Клок серой мглы вынырнул из-за бледных стволов и ринулся напрямиком на Макса. Пламя с перепугу полыхнуло мощно и высоко; туманница, испугавшись яркого рыжего света, отпрянула и заметалась. Макс шёпотом выругался, потом выругался ещё разок — про себя. Примет ещё за обращение, шельма болотная...

— Ксюх, бей!

Тимофеева бездействовала. Слишком далеко отошла? Макс наудачу взмахнул рукой, но только разозлил нежить ещё больше. Разве не положено ей испугаться?.. От огненных сполохов туманница ловко уворачивалась; поди поймай...

— Ксюха!

— Макс! Их тут две!

Две?! Плохо дело, и Ксюша где-то далеко — не понять в сумерках... Или не в сумерках? Всё вокруг тонет в сероатой мгле; нет ни стволов, ни лысоватых колючих кустов — одна только разлитая в воздухе затхлая сырость. Ещё один белый сгусток вынырнул справа. Третья!.. А если оглянуться... Белым-бело от полупрозрачных тварей! Откуда их столько? Что теперь делать?

— Макс... — Ксюша отчаянно кричит откуда-то из сплошного тумана. — Зови... Мишку зови...

Верно. Верно, чёрт возьми! Макс попятился, отчаянно размахивая быстро гаснущей горсткой пламени, нащупал тонкую нить сигнальных чар, связывавшую его с коллегой. Позвать — несложно, сложно дожить до прихода помощи. Если Мишка прямо сейчас занят паразитом... Если слишком устал, чтобы допрыгнуть сюда аж из Москвы... Если попросту дрыхнет и не услышит... Туманницы — сколько их тут! — шепчут на разные голоса, стараются если не выманить словечко, то хоть заставить открыть рот...

— Макс, блин, твою же дивизию!

Яркий язык пламени вспыхнул впереди, всколыхнул душную мглу. Некрасов рванул на свет, крепко сжав губы и стараясь не дышать глубоко. Не разберёшь, где нежить, а где сотворённый ею туман... Старов размахивает руками, как ветряная мельница. Огонь, холод, потом что-то поядрёнее, от чего подвернувшаяся тварь попросту развеялась тёмной дымкой. Хорошо с четвёртой цифрой в удостоверении — сколько сразу возможностей...

— Макс, не спи, убьют!

Вот ещё! Макс отмахнулся от ополоумевшей твари, подхватил с земли толстый сук и с третьего раза поджёл. Как на учениях: беречь силы, держаться вместе, с нежитью ни в коем случае не разговаривать. Мишка, прорвавшись через затхлую пелену тумана, решительно оттеснил Макса за спину — прикрывать тылы. Некрасов тут же воинственно взмахнул импровизированным факелом; серые сгустки прыгнули прочь, воздух наполнился рассерженным шипением.

— Миш, там Ксюха! — проорал Макс и ткнул быстро прогорающей палкой в бестолково мечущийся клочок тумана. — Где-то...

Старов зло выругался. Макс оставалось только виновато промолчать: если б не отвратительная видимость, может, и вспомнил бы, в какой стороне слышал Оксанкин голос. Но до чего наглая нежить — расплодилась сверх всякой меры, на людей кидается! Уж, наверное, не от хорошей... нежизни. Макс как-то больше приходилось иметь дело с живыми, но у всякой сколько-нибудь разумной твари должно ведь срабатывать: если тут убивают — надо бежать, теряя тапки, а не лезть на рожон!

Где-то слева мерзко заверещало. Прямо как пожарная сигналка, почуявшая сигаретный дым. Туманное полотнище колыхнулось, сминаясь и напозая напрямиком на замерших спина к спине Макса с Мишкой. Туманницам что-то сильно не нравилось.

— Ксюша! Ты? — проорал, не оборачиваясь, Старов.

— Миша! Мы тут! — тоненько крикнула невидимая Оксанка. — Ребята, пригнитесь! На счёт три...

Макс плюхнулся на колени в грязь за миг до того, как над головой прокатился огненный вал. Рядом чертыхнулся Мишка. Нежити стало не до них: над головой перекатывалось, визжало, тушило призрачные хвосты комковатое марево. Язычки пламени плясали на выступивших из тумана светлых стволах.

— Ну кто ж вот так, со всей дури... — буркнул Старов, скорее для порядка, чем всерьёз. Стиль можно обсудить и потом, в отделе, за чашкой чая.

Полыхнуло ещё раз, слабее. Макс рискнул задрать голову и вдохнуть разогретый, упоительно пахнущий гарью воздух. Вокруг не дымно и не туманно — просто темно. Нарисовались меж берёз коллеги — растрёпанная, перемазанная грязью Ксюша и бледный как смерть Ярик. На одном чувстве долга держится, не иначе. И Тимофеева не лучше: трясётся, как осиновый лист, нервно соскребаёт с ногтей потрескавшийся от жара лак.

— Охренеть! — с чувством выдал Мишка, поднимаясь и отряхивая колени. — Вы что тут за заповедник раскопали?

— Мы не знали! — Оксанка придавила носком кроссовки горящую ветку. — В обращении про одну было!

— А бапшой подумать? А подготовиться? Не русалок же ловить собрались!

— Миш, остынь, — негромко сказал Зарецкий, прислоняясь плечом к ближайшему стволу. — Туманница у самой Москвы — уже весело, а стаями они вообще обычно не собираются.

— Имеет место непонятная хрень, — авторитетно изрёк Макс.

Старов вздохнул и, шёлкнув пальцами, погасил ало тлеющую кору на толстой берёзе.

— Пожара только не хватает... А правда, откуда их так много напоззло? Я столько в тундре на болотах не видел, — он смахнул со лба потемневшие от пота пряди, оставив на коже грязный след.

— И приставучие какие, — прибавил Макс. — Как-то им не рассказали, что огня положено бояться.

— А мне показалось, им деваться некуда, что ли, — задумчиво произнесла Оксана. Она первая начала мёрзнуть, хотя единственная была одета по погоде, и нет-нет да зябко передёргивала плечами.

— Скажешь тоже, — Макс хохотнул. — Летучим тварям деваться некуда?

— Нет, в этом есть смысл, — неожиданно поддержал Ксюшу Ярик. Тимофеева благодарно хлопнула ресницами. — Если здесь бегущая вода...

— Есть вода, — поспешно закивала Оксанка. — Мы переходили ручей.

— Видимо, он не единственный, — Зарецкий обвёл взглядом тонущую в темноте округу. — Осмотреть бы тут всё...

— Хочешь сказать, в естественной ловушке откуда ни возьмись образовалась целая стая туманниц? — Мишка скептически хмыкнул, но тут же посерьёзnel: — Разве что здесь где-то...

— Нет, — быстро сказал Ярик. — Мы бы знали.

— Что знали? — встрял Макс, однако оба старших, как по команде, сделали морды кирпичом и замолкли. Ксюша из стадного чувства к ним присоединилась, хотя наверняка и сама ни черта не поняла.

Старов для порядка обошёл место схватки, прогулялся на десяток шагов в ту сторону, откуда появились Ксюша с Яриком, и вернулся ничуть не менее озадаченный, чем был. Максу страшно неохота было грузиться неподъёмными размышлениями. Ну, собрались за каким-то интересом туманницы, напугали старую ведьму, чуть не угробили двух подающих надежды офицеров контроля — но в итоге ведь благополучно канули в небытие! А раз так, какие проблемы?

— Штук десять было, не меньше, — вслух прикинул Макс. — Солидно выходит за ликвидацию, а?

— Губу закатай, — фыркнула Ксюша. — Всё ребята сделали.

— Наградные поделим поровну, — пресёк спор Старов. — Давайте уже двигать к цивилизации. Всё равно в темноте ни черта не видно.

Лезть назад впотьмах оказалось ещё хуже, хотя впереди и ждал вожделенный отдых. А ведь сегодня только понедельник! Вот и надейся, что лимит приключений на эту неделю благополучно исчерпан. К тому времени, как из-за кромки леса показалась брошенная в поле Оксанина машинка, Макс обстрекал все руки о крапиву, десяток раз споткнулся на ровном месте и вдвое больше — на неровном, порядком замёрз и смертельно устал. Ксюша, похоже, тоже уже была на нуле: не дойдя десятка шагов до машины, она вдруг горестно вздохнула и остановилась.

— Я не поведу, — сообщила Тимофеева упавшим голосом. — Сил никаких нет.

— Мы что, ночевать тут будем? — обречённо спросил Макс. Где-то далеко, за укрытыми темнотой километрами, а может, и вовсе за гранью реальности, ждала его недостижимая уютная квартирка, а в ней — горячий душ, какая-нибудь снедь в холодильнике и упоительно мягкий диван.

— Не будем. Ксюш, давай ключи, — примирительно прогудел Старов, и Оксанка безропотно протянула ему брелок. То ли правда устала вусмерть, то ли просто не рискнула перечить.

Отряхнув с кроссовок налипшую грязь, Тимофеева забралась на заднее сидение. Макс, подумав, последовал её примеру. Не принципиально, где ехать — лишь бы не пешком, а старшие найдут, о чём интересеньком поболтать дорогой. Мишка недовольно поёрзал в водительском кресле, отодвинул его назад до упора: для его габаритов машинка, конечно, тесновата. Макс поспешно подобрал ноги, кое-как устраиваясь в резко сократившемся пространстве. Автомобильчик чихнул двигателем и, шаря жёлтым взглядом фар по тёмным просторам, неторопливо пополз прочь.

— По таким буеракам, да ещё ночью, — вполголоса посетовал Старов, сосредоточенно шурясь на расстилающееся впереди бездорожье.

— Надо было мне ехать, — бросил в ответ Зарецкий. — Ксюшина тележка только по ровному асфальту хорошо катается.

Тимофеева смолчала. Может, из пиетета, а может, потому, что теперь не она решала, кому ехать в тепле и комфорте, а кому догонять последнюю электричку.

— Ну ты устроил, конечно, крематорий, — ворчливо заметил Мишка. — А если б нас задел?

— Не задел, — напомнил Ярик. — Что мне, по одной их было выщёлкнуть? До утра бы провозились.

— Может, поймали бы парочку для вивария...

— На пополнение вивария заявка по другой форме.

Макс фыркнул. Ксюша укоризненно на него глянула и прикрыла глаза. Надо же, при такой-то тряске — и пытается дремать. Нет уж, до ровной дороги и думать нечего.

— Ты лучше скажи, что по делу думаешь, — Мишка в очередной раз уверился, что воспитывать Зарецкого — дело гиблое, и сменил тему. — Вот у нас есть странно ведущая себя нежить. Вдали от всяких аномалий, зато прямо под Москвой. Сбилась в кучу и сидит в лесу с какого-то перепугу...

— Значит, кому-то надо было, чтоб она там сидела, — глубокомысленно ответил Ярик. — Вопрос, кому и зачем.

— А вопрос «как» тебя не интересует?

— Какая разница? Только зря гадать будем.

Пустырь наконец кончился, сменившись вполне пристойным просёлком. Мишка сосредоточенно дёргал руль, устраиваясь в продавленных дачными вездеходами колеях. Из любопытства Макс глянул на время: нет ещё и полуночи, а чувство, будто провозились часов пять, не меньше.

— А если нежить просто массово сбрендила? — предположил Старов. — Или на том пяточке её что-то привлекает? Может, вернёмся на неделе, посмотрим?

— Вернёмся обязательно, — заверил Ярик. — Насчёт «привлекает»... Не знаю, вряд ли. Тогда бы туда вся окрестная дрянь сползлась. А там как раз не окрестная...

— Проклятый клад?

— Свеженький?

— Тогда что?

— Хорошо, давай вместе думать, — Зарецкий тронул штормку воздуховода, впуская в салон холодный сквозняк. — Нежить не способна к самоорганизации и терпеть не может себе подобных. Факт?

— Факт, — согласился Мишка. Грунтовка кончилась, влившись сперва в асфальтированный огрызок, а затем и в магистраль, и Старов позволил себе расслабленно откинуться в кресле. — Всё, что страшнее домового, человеку ни в каком виде не подчиняется. Тоже факт?

— Нет.

— Ты знаешь хоть один способ?

— Мало ли, что я знаю, — Ярик раздражённо тряхнул головой. — Если допустить, что способ есть, ты с посылом согласен?

— Леший знает. Всё равно не соображу, зачем.

— Я пока тоже. Завтра подумаю, — решил Зарецкий. — Начинаю понимать шефа с его подозрениями... Мих, зарули в какую-нибудь едальню, хоть по кофе перехватим.

— Дельная мысль, — одобрил Старов и повысил голос: — Молодёжь, есть хотите?

— Сам ты молодёжь, — беззлобно огрызнулся Макс. Мишке и тридцатника нет, можно подумать, невесть какой ветеран госслужбы! — А есть хочу, ага.

— Не откажусь, — прошелестела Ксюша, мигмом прекратив делать вид, что спит. Ишь ты, тоже, небось, внимала каждому слову...

— Единогласно, — постановил Мишка и заморгал поворотником. Сетевая забегаловка приветливо светила вывеской, обещая тепло, перекус и гарантированное отсутствие повредившейся умом нежити.

V. Глупости

Утро выдалось пасмурным и зябким, так что вылезать из-под тёплого одеяла и тащиться в Управу не хотелось категорически. Тем не менее, совесть строгим маминым голосом сообщила, что опаздывать на второй день работы — верная карьерная смерть. Пришлось приводить себя в порядок и под накрапывающим дождём бежать к автобусной остановке, проклиная погоду и забытый дома зонт. К моменту, когда Ира кое-как втиснулась в переполненный вагон метро, тщательно собранные волосы порядком вымокли и растрепались, а ноги замёрзли от просочившейся в туфли дождевой влаги. Роскошный, должно быть, видок...

Зато Оксана выглядела безупречно, разве что затейливый маникюр куда-то делся, сменившись простым прозрачным лаком. Встретив Иру быстрым недовольным взглядом, Тимофеева буркнула дежурное «привет» и отвернулась к монитору. Ну и пожалуйста, лишь бы жить не мешала.

Стоило включить компьютер, как из кабинета Верховского явился Миша Старов. Совсем они отсюда не уходят, что ли? На часах без пяти девять, а все уже по уши в делах...

— Привет, Ирин. Под дождь попала? — сочувственно спросил Миша.

Ира поспешно пригладила мокрые волосы.

— Да, пока от метро бежала.

— Чаю выпей, — посоветовал Старов. — Тут кое-что на оформление нарисовалось. Найдёшь сегодня минутку?

— Конечно, — Ира заставила себя улыбнуться. Миша ведёт себя мило и никак не виноват в её дурном настроении. — Хоть сейчас.

— Сначала чай, — напомнил контролёр. — На больничный ходить невыгодно.

Тут не чай нужен, а мамина настойка, но где ж её здесь раздобудешь... Ира покорно прогулялась к чайнику. У Оксаны, разумеется, стоит под рукой неременная коробочка со сладостями, но угоститься она, конечно же, не предложит. Надо купить себе хотя бы печенья — не таскать же конфеты из переговорной, в самом деле!

Макс ворвался в кабинет пригородной электричкой — стремительно, шумно и с опозданием в пять минут. Швырнул рюкзак на свой стул, обвёл диким взглядом кабинет и кивнул на начальничью дверь:

— Там?

— Там, там, — спокойно подтвердил Миша. — Без паники, я тебя не выдам.

— Я выдам, — ласково пообещала Оксана. — Максюша, ты живёшь ближе всех. Какого чёрта?

— Да я дома только в два часа был! — тут же вспыхнул Макс.

— Я тоже. А ребята и того позже, — Оксана оскалилась в очаровательной улыбке. — Миш, выкинь его нафиг из отчёта. Зло должно быть наказано.

— Где тут у нас зло?

Александр Михайлович грозно оглядел подчинённых с порога кабинета. Контролёры мигом подтянулись, Ира тоже на всякий случай выпрямила спину.

— Некрасов опять опоздал! — наябедничала Оксана.

— Напишет объяснительную, — не слишком стараясь скрыть издёвку в голосе, постановил начальник. Макс метнул в сторону Тимофеевой пламенный взгляд. — Миша, если хотите успеть в ближайшую зарплату, надо до одиннадцати всё отправить.

— Сделаем, — Старов с надеждой покосился на Иру.

— Хорошо. Когда Ярослав вернётся, пусть тоже ко мне зайдёт.

Верховский исчез в кабинете, оставив свою команду в состоянии, близком к скандалу. Макс чуть ли не искры пускает, даром что вымок до нитки, Оксана зло кривит губы, Миша мрачно переводит взгляд с одного на другую, словно выбирая, кого первым хватать за шкуру. Интересно, станет ли тут спокойнее, когда вернутся из командировки оставшиеся два контролёра?

— Ира, черкни Зарецкому, чтобы про шефа не забыл, — бросила Оксана, демонстративно отворачиваясь от Макса. Тот, выругавшись сквозь зубы, ретировался к себе за стол и там затих.

— В почту?

— Нет, бумажку на клавиатуру положи.

Ира послушно записала вежливую просьбу зайти к начальнику на квадратике сероватой бумаги и, обогнув Оксанино рабочее место, в нерешительности застыла над столом Ярослава. На клавиатуре и так уже громоздились какие-то распечатки, разложенные слишком аккуратно, чтобы куда-то их передвинуть без ущерба для трудноуловимого порядка. Поискав глазами какое-нибудь другое заметное место, Ира пристроила записку на стойке одного из мониторов. Она уже убирала руку, когда пальцы случайно задели давешнюю секретную папку. Проволочка, мгновенно раскалившись, обожгла кожу, а бирка сердито вспыхнула золотистым светом. Ира ойкнула

и отскочила, прижимая к губам пострадавшую ладонь.

— Что там у тебя? — раздражённо спросила Оксана.

— Ничего...

Боль уже отступала. Следов на коже не осталось — видимо, это был всего лишь предупредительный выстрел. Украдкой потирая руку о гладкую ткань юбки, Ира вернулась к своему месту.

— Миша, что нужно сделать?

— Погоди, сейчас подойду...

Объяснял он обстоятельно. Найти нужную форму, прикрепить к ней присланный отчёт, внести в таблицу фамилии и указать по готовым расчётам суммы выплат — размером с половину здешней Ириной зарплаты. Так и подмывало спросить, за что это всё и откуда взялась спешка, но такие вопросы неудобно задавать даже Мише. Захотят — расскажут сами, а нет — в почте остался отчёт, который никто не просил удалять.

— Это ещё что? — вдруг спросила Оксана, недоумённо глядя на монитор. — Встреча какая-то... Вчера вроде не было...

Ира мельком глянула на часы.

— Это по обращению. Ты сказала назначить...

— Блин! — Тимофеева принялась лихорадочно шарить по столу. — Пойдёшь тогда со мной, протокол вести. Ноут не забудь.

— У меня нету...

— Ну мой возьми! — рявкнула Оксана. — И напиши айтишникам, чтобы тебе тоже выдали. Нет, сейчас иди глянь, в каком состоянии переговорка, можно туда вообще человека звать?

Заражённая её беспокойством, Ира метнулась в переговорную. Оксана волновалась зря: домовые своё дело знают, здесь всё так же безлико и чисто, как неделю назад. Комната как комната, ничего в ней нет зловещего или неприятного. Видимо, потому, что это зловещее и неприятное где-то пропадает по служебным надобностям. Ира без нужды подвинула стулья и убедилась, что на чайной тумбочке всего вдосталь. Вернуться в кабинет она не успела: на пороге появилась Ксюша с ноутбуком под мышкой и приветливым оскалом на лице. За её плечом маячил, очевидно, автор обращения — невысокий тщедушный человечек в сером костюме и квадратных очках. В письме было сказано, что он профессор философии, и Ира легко в это поверила: в институте лекции читало подобное же существо с вдохновенно горящими глазами и неизбывным презрением во взгляде. У этого вдобавок имелась куцая козлиная бородка, ещё больше заострявшая скуластое лицо.

— Прошу вас, — официально-приятным голосом пропела Оксана, впуская посетителя в переговорную, и быстрым движением сунула в руки Ире ноутбук. — Ириша, будь добра, возьми на себя протокол беседы.

Профессор вздорно хмыкнул и, не дожидаясь приглашения, уселся в ближайшее кресло. Ира поспешила занять место в торце стола и раскрыть ноутбук. Стало страшно любопытно, что держит на нём хозяйка, однако под ласковым Оксаниным взглядом только и оставалось, что открыть текстовый редактор и приготовиться печатать.

— Итак, представляюсь: старший офицер отдела магического контроля Оксана Сергеевна Тимофеева. Напоминаю вам, что в соответствии с процедурой разговор будет зафиксирован в виде текста и видеозаписи, — Оксана указала на мигающий в углу под потолком глазок камеры. Ага, всё-таки записывают... Интересно взглянуть со стороны на собственное посещение, но разве дадут доступ просто так? — Оставляю за собой право принять необходимые меры, если посчитаю, что вы ведёте себя некорректно. Виталий Андреевич, вас устраивают условия нашей беседы?

— Вообще-то нет, — брюзгливо скривился посетитель. Ира на миг замерла в нерешительности, но на всякий случай записала и это тоже.

— Поясните причину, — вкрадчиво попросила Оксана.

— Я бы предпочёл говорить с кем-то более компетентным, — заявил Виталий Андреевич. — Видите ли, я намерен рассказывать о материях, слишком сложных для понимания юных барышень.

Ну, точь-в-точь институтский хмырь! Ира с трудом сдержала улыбку, а Ксюша, напротив, прекратила изображать казённое радушие и поджала губы.

— Я старший офицер и маг пятой категории. Полагаю, моих компетенций достаточно, чтобы вас выслушать. У вас есть иные возражения?

Визитёр выразительно хмыкнул, но промолчал. Не сказать, чтобы он чувствовал себя неудобно; откинувшись на спинку кресла, Виталий Андреевич празднично сцепил пальцы и воззрился на Оксану с нескрываемым превосходством. Та, похоже, уже справилась с собой и вновь вежливо растянула губы в вежливой улыбке.

— Прекрасно. В таком случае начнём. Я верно понимаю, что область ваших... изысканий касается магических аномалий?

— Аномалий! — профессор негодуяше вздёрнул кустистые брови. — Впрочем, если вам угодно использовать этот профанский термин... Да, речь именно об этом.

— А именно?

— О так называемых разломах, — Виталий Андреевич сделал страшные глаза, но впечатления на Ксюшу не произвёл — та так и сидела с вежливо-равнодушным выражением лица. — Вам известно это понятие?

— Разумеется. Вы полагаете, что открыли нечто новое?

— Я открыл нечто новое, — с нажимом произнёс философ. — Нечто критически важное для дальнейшего развития нашего сообщества! Именно поэтому я надеюсь, что протокол, который записывает эта очаровательная барышня, ляжет на стол к вашему начальнику, офицер Тимофеева. И в следующий раз я буду разговаривать... с кем-то, уполномоченным принимать решения.

Ира готова была поклясться, что, если бы не необходимость соблюдать деловой этикет, Оксана высказала бы сейчас этому красавцу всё, что думает. Кому отдавать предпочтение в этой пикировке, непонятно — оба одинаково противные. Против намёков на собственное невежество Ира не возражала: о разломах она знала только, что они смертельно опасны и встречаются очень редко, но в непролазных лесах близ бабушкиной деревни, скорее всего, один всё-таки есть. Оксана наверняка располагала более обширными сведениями.

— Прошу вас вернуться к делу, — холодно потребовала она.

— Извольте. Ваши коллеги склонны считать разломы возмущениями в магическом фоне, — Виталий Андреевич пренебрежительно шевельнул мизинцами, демонстрируя, что он думает о такой точке зрения. — Я же, опираясь на некоторые надёжные источники, пришёл к выводу, что это не что иное, как точки соприкосновения нашей с вами реальности с неким, если хотите, потусторонним миром. Этому на удивление много подтверждений...

— Прошу прощения, — прервала Оксана, снисходительно глядя на визитёра. — Я верно понимаю, что вы постулируете факт существования иных миров?

— Вот видите, — Виталий Андреевич укоризненно покачал седоватой головой. — Вы либо недостаточно осведомлены, либо слишком легковёрны. Факт существования иных миров постулирую не я, барышня, это делает объективная реальность!

Ира записала и это. Тимофеева несколько мгновений сидела с видом человека, которому пытаются объяснить, что земля плоская, затем, видимо, решила расслабиться и получать удовольствие.

— Предположим, — почти весело сказала она. — И вы полагаете, что через разлом можно попасть в эти... потусторонние миры?

— Вы невнимательно меня слушаете, — скривился профессор. — Я обозначил лишь, что разлом является точкой, где различные реальности со-пря-га-ют-ся. Барышня, вы правильно записали?

Ира кивнула, не отрываясь от своего занятия. По существу ни черта не понятно, но проблем с орфографией у неё никогда не было, равно как и со слухом. В конце концов, с её конспектов списывал весь поток.

— Из этого не следует напрямую возможность куда-либо попасть, — назидательно указал Виталий Андреевич. Оксана слушала с непонятым выражением лица — то ли готова была расхохотаться, то ли жаждала вышвырнуть нахального профессора прямо с двенадцатого этажа. — Однако сам факт заставляет пересмотреть целый ряд официально принятых концепций! Феномен нежити как таковой, — философ принялся загибать пальцы, — закономерности распределения мест её обитания, вопросы смерти и посмертия, возможность сообщения с иной реальностью, наконец! Вы понимаете масштаб моего открытия?

— Если оно имеет место, — не выдержала Тимофеева. — Я пока не услышала от вас ни одного доказательства.

— О доказательствах я намерен разговаривать с вашими коллегами из научного отдела, — поджал губы Виталий Андреевич. — Однако, понимая всю опасность ничем не ограниченного интереса к моим изысканиям, я счёл своим долгом сначала обратиться к вам. Я готов подписать соглашение о государственной тайне и всесторонне сотрудничать с вашими сослуживцами. Меня больше всего устроит формат общения в виде еженедельных встреч, но при необходимости вы сможете располагать мною чаще, если это не помешает моей основной деятельности...

— Мне не очевидна необходимость таких встреч! — рявкнула Оксана. — Потрудитесь обосновать свои утверждения, или я буду вынуждена считать их антинаучным бредом!

— О чём я и говорил! — огрызнулся в ответ профессор. — Вопиющая узколобость! Женщины по природе своей не способны осмыслить что-либо сложнее домашней бухгалтерии, а вы к тому же ужасно молоды! Милочка, — он обернулся к Ире, — потрудитесь, пожалуйста, назначить мне встречу с кем-то из здравомыслящей части вашего подразделения.

— Встречи не будет, если вы не изложите мало-мальски вменяемую аргументацию! — отрезала Тимофеева.

— Sapienti sat[1], — надменно заявил Виталий Андреевич. Ира, поколебавшись, записала, как услышала, пометив на всякий случай цветом.

— В таком случае не вижу более необходимости тратить моё и ваше время, — холодно бросила Оксана. —

Ира, можешь завершать протокол.

Тимофеева продолжала клокотать, пока Виталий Андреевич не покинул владения магконтроля, а чайник не пискнул, обозначая готовность утешить старшего офицера чашечкой чая. Колотя о стенки кружки ложечкой, как языком набатного колокола, Оксана с размаху уселась в своё кресло и громогласно пожаловалась в пространство:

— На что время тратим! Сразу надо было этого умника в весёлую палату — пусть бы там свои бредни рассказывал...

— Какие бредни? — поинтересовался Зарецкий. Злосчастная папка лежала перед ним раскрытой; записки на мониторе уже не было — видимо, успел навестить начальника.

— Нёс какую-то ахинею про другие миры, — скривилась Оксана. — Причём с таким видом... Все учёные — психи, по-моему.

Ярослав с Мишей многозначительно переглянулись. Старов, задумчиво барабанил пальцами по столу, осторожно сказал:

— Ну, в общем-то, сами по себе другие миры — не бредни. Как минимум, один точно есть.

— Серьёзно, что ли? — расстроено протянула Оксана. — Я не знала. Это что, секретка?

— Как тебе сказать... — Миша взял со стола какой-то лист, бегло проглядел и поставил подпись. — Не секретка, просто бесполезная информация.

— В смысле — бесполезная? — влез Макс. — Это же, типа, охренеть какая бомба!

— Бомба с потухшим фитилём, — развил сравнение Миша. — Мы знаем только, что тот мир есть. Как с ним связаться, как туда попасть, что там вообще творится — леший его пойми, наука бессильна.

— А этот хрен говорит, что через разломы можно, — проворчала Оксана. — Тоже правда?

— Нет, — уверенно сказал Старов. — Иначе оттуда наверняка уже вылезла бы какая-нибудь жесьть.

Зарецкий усмехнулся в усы. Оксана усердно крошила на салфетку печенье и по кусочкам отправляла в рот — видимо, считала, что грызть просто так недостаточно куртуазно. Вид у неё был пристыжённый.

— Тогда откуда вообще что-то известно? — буркнула она, окончательно сдавая позиции. — Если связи никакой нет?

— В основном, по старым свидетельствам, — Миша поскрёб в затылке, взъерошив густые волосы. — Ну и что-то там в движении звёзд есть такое, это Ярик лучше меня знает.

— Ой, нет, только не астрономия, — быстро сказала Оксана. А жаль, было бы интересно послушать, что не так со звёздами. — Но если есть какие-то свидетельства, значит, раньше была и связь?

— Без понятия, — Старов пожал плечами. — Я в этой теме не копался, только выучил к аттестации, что нужно было. Может, Костя больше знает, он у нас третий... Но разломы там точно ни при чём, у них природа совсем другая.

— Какая? — подался вперёд Макс.

Миша открыл было рот, однако Зарецкий решительно пресёк беседу.

— Ну всё, хватит, — раздражённо отрезал он. — Сейчас реально на секретку наговорим.

Оксана хмыкнула и выразительно покосилась на Иру. Обижаться глупо, но очень захотелось выйти из кабинета, хорошенько хлопнув дверью. Не позволили две вещи: здравомыслие и тугой доводчик, который всё равно превратит самый яростный замах в деликатный щелчок.

— Протокол надо приложить к заявке, — прохладно сообщила Оксана.

— Я помню, — заверила её Ира. — А повторную встречу в итоге назначать?

Удар попал точно в яблочко. Тимофеева замялась, не зная, в какую сторону выбираться из ловушки. Закрепляя успех, Ира демонстративно наклонилась вперёд, чтобы мимо Оксаны выжидательно посмотреть на Мишу, однако ответил ей Зарецкий.

— Да, давай. Забрось мне на следующую неделю, на среду или четверг.

— Охота тебе время тратить? — буркнула Оксана.

— Надо человека выслушать, раз так настаивает. Вон какой расстроенный ушёл...

— Видимо, недостаточно расстроенный, — хихикнул Макс.

Ира представила, как Зарецкий, не поведя бровью, разносит в пух и прах вздорного профессора, и решила, что поприсутствовать при этом будет занятно. Чувствуя себя примкнувшей к лагерю победителей, она принялась составлять письмо с приглашением. Стрелка на часах неуклонно приближалась к полудню, а значит, и к обеду, и вместе с ней вверх ползло настроение. Пожалуй, тут можно существовать, если поблизости всегда будет Миша, готовый поставить на место склочных коллег.

— Я заявку не вижу, — сварливо бросила Тимофеева. — Ира, дай ссылку, мне надо её закрыть.

— Пожалуйста, — Ира лучезарно улыбнулась в ответ. Пусть злится на здоровье, ей, пожалуй, полезно. Надо при случае рассказать Аньке...

— Не поняла, — Оксана несколько раз вхолостую щёлкнула мышкой. — Я её всё равно не вижу. Ты ничего

там не удалила случайно?

— Нет, вот она, — Ира развернула к ней свой монитор, демонстрируя раскрытую во весь экран заполненную заявку, и невинно поинтересовалась: — Тебе помочь найти?

Тимофеева предпочла подъехать на кресле поближе, притащив за собой навязчивый шлейф не по-летнему тяжёлых духов. Ира сочла допустимым хамством кашлянуть и отодвинуться. Оксана, если и заметила, не придала этому значения — вперилась в экран, внимательно изучая заявку. На красивом лице мало-помалу проступали признаки осознания какой-то катастрофы.

— Это же старая форма, — изрекла наконец Тимофеева. — Она вообще не должна уже работать... Как ты ухитрилась её заполнить?

— Компьютерная магия, — подал голос Макс.

— Я делала, как показали, — быстро сказала Ира.

— Там же огромная надпись вылезает сразу, что форма устарела! — Оксана закатила глаза. — Постой, ты что, все вчерашние заявки так сделала?

Ира не ответила. Выходит, что все. По спине пробежал нехороший холодок. Заявок было много, никак не меньше трёх десятков...

— Покажи, — потребовала Тимофеева и, отобрав мышку, принялась разворачивать на экран результаты вчерашних трудов. — Кошмар! Всё не так! Вот эти вообще должны были сегодня всплыть как срочные, а мы их, получается, уже упустили... Блин, всё теперь, задаст нам надзор!

Ира растерянно разглядывала собственный монитор. Вот же она, надпись! Тёмно-бордовая, огромным шрифтом, даже со ссылкой на правильную форму... Может, вчера её не было? Нельзя же упустить такое предупреждение, да ещё тридцать раз подряд...

— Ну всё, ребят, не дождемся теперь наградных, — Оксана оттолкнулась от Ириного стола и картинно запрокинула голову. — Прости, Макс, я не думала, что так получится. Придётся тебе затянуть пояс на месяц...

— Ксюш, прекрати, — одёрнул коллегу Зарецкий. — Конец света у тебя там?

— Наша госпожа секретарь всё оформила неправильно, — на весь кабинет объявила Тимофеева. Наверняка и у начальника слышно... — Теперь мы по её милости огребём люлей за просроченные обращения и не получим премию за вчерашнее...

— Получим через месяц, — примирительно прогудел Миша. — А что там за заявки такие?

— Нежить, — с готовностью перечислила Оксана. — Визы. Ещё какая-то фигня...

— Так они тут неделю валялись.

— Правильно, значит, сегодня срок вышел!

— Спокойно, — Зарецкий захлопнул свою секретную папку и поднялся из-за стола. — Давай мне нежить, разберусь до конца дня.

— Напополам, — подхватил Миша, тоже вставая. — А визы пусть вон Макс посмотрит, всё равно ни черта полезного не делает.

— Визы я и сама могу, — пробурчала Оксана. — У Иры все бумаги...

Сообразив наконец, что от неё нужно, Ира притянула к себе вчерашнюю стопку и низко над ней склонилась, прячась от требовательных взглядов. Руки предательски дрожали. Не хватало ещё тут разреветься. Подумаешь, ошиблась... В первый же день...

— Не так уж и много, — бодро резюмировал Старов, пролистав пальцем переданную ему пачку. — На, Слав, держи. Предлагаю забег.

— Ну давай, — Зарецкий забрал свою половину, мельком проглядел верхний лист и свернул бумаги в толстую трубку. — До восьми?

— Ага. Проигравший пишет отчёт за месяц.

— Замётано, — Зарецкий подхватил с подоконника рюкзак. — Если будет что-то серьёзное, зови.

— Взаимно. Давайте, ребят, не вляпайтесь тут ни во что, — Миша лихо крутанул на пальце ключи от машины, подмигнул Максиму и вышел следом за Ярославом. Сразу стало как-то пусто.

— А мне чего, разрешения на выезд? — спросил косвенно проштрафившийся Некрасов, тоже протягивая руку за бумагами. — По картотеке лазать, скукота какая.

— Давай тоже напополам, — подала голос Оксана. — Остальное я разберу... День насмарку...

Надо было что-то сказать, извиниться, пообещать больше так не делать, но в горле стояли дурацкие ненужные слёзы. И, главное, с чего? Показатели отдела пусть волнуют начальника, а не секретаря; заявки действительно целую неделю лежали без внимания, и ничего. Даже ведь не отругали толком, не считая Оксаниного спектакля! А главное, и виноватой себя чувствовать не за что: Макс показал не ту форму, в первый день работы немудрено растеряться. Хотя не заметить огромную надпись — это надо суметь...

— Будь добра, переделай всё, что натворила, — сухо велела Тимофеева, отобрав у Иры остатки бумаг. —

Перепроверь все поля, мало ли, что там ещё. И свежие обращения тоже обработай, чтобы у нас было время... в случае чего. Пойду поставлю шефа в известность.

— Да ладно, Ксюш, не трогай его, — миролюбиво попросил Макс.

— Должна же я объяснить, куда делись Старов с Зарецким, — непреклонно заявила Тимофеева. — Вообще-то Михалыч просил их обоих не отвлекать, но что тут поделаешь...

Она извлекла из груди шипящий вздох и, цокая каблуками, скрылась за начальничьей дверью. Макс пожал плечами.

— Да уж, накосячили, — без особого сожаления констатировал он. — Не переживай, Ксюха всё из-за вчерашнего бесится.

— Я вас подвела, — выдавила Ира. Это могло бы сойти за благородную причину для слёз.

— Ой, да забей, — отмахнулся Некрасов, устраиваясь над грудой бумаг. — Лишь бы не умер никто, а бюрократия — фиг с ней.

Ира кивнула, хлопнула носом и принялась за исправления. Ненастный день обещал стать очень долгим.

[1] Умному достаточно (лат.)

VI. Тучи над городом

— Наша Оксана считает, что зло должно быть наказано, — угрожающе произнёс шеф. Опершись на стол кончиками пальцев, он ненавязчиво навис над Максом; прохладная улыбка не предвещала ничего хорошего. — А вы, молодой человек, напакостили настолько солидно, что впору подозревать диверсию.

Ксюша, учуяв намекающуюся головоломку, высунулась из-за начальничьей спины и наострила уши. Лицо у неё было виноватое: наверняка не хотела, чтобы Макс досталось всерьёз, но тут уж как вышло. Ира, бедненькая, вовсе не поднимала головы от монитора; глаза небось на мокром месте, а держится. Хотя Верховский и не по её душу явился...

— Не специально я, — искренне выпалил Макс. — Я же больше всех и пострадал!

— Больше всех пострадал рабочий процесс, — ласково поправил шеф. Не в бешенстве, но порядком рассержен. — Скажи на милость, когда твои коллеги вернутся и смогут заняться моими поручениями?

— Да всё равно бы пришлось разбирать эту кучу! — воззвал к здравому смыслу Макс. — Часом раньше, часом позже...

— Верно, пришлось бы, — легко согласился Верховский. — И я бы учёл это утром при раздаче указаний. Видишь ли, я не люблю, когда работа превращается в аврал без достойных на то причин. Безалаберность младших офицеров к таковым не относится.

Оксана сочувственно хлопала ресницами, но хранила молчание. Бойтся попасть под раздачу. Интересно, шеф уже в курсе, как она лопухнулась с этим дедом?

— Ну всё, всё, я виноват, — проворчал Макс, вперив взгляд в наполовину разобранные прошения. — Депремируете меня на полгода вперёд?

— О нет, я уже учёл чрезмерное человеколюбие некоторых товарищей, — заявил начальник. С таким же видом, должно быть, крокодил поедает незадачливую жертву. Очень вежливый крокодил. — Обычно за подобное я отправляю на недельку в поля, но вчерашний вечер показал, что выпускать тебя к нежити без намордника ещё рановато. Хорошо, что коллеги из правопорядка как раз передали нам идеальное дело — никакой нежити, никаких паразитов, самое то для подающих надежды сотрудников...

Макс не удержался — закатил глаза. Звучало угрожающе скучно. Один раз его уже отправляли вместе с надзором переселять лешаков из приговорённой к вырубке подмосковной рощицы, но Верховский, похоже, нашёл что-то ещё более невыносимое — даже без вездесущей нежити...

— Что я должен делать? — уныло спросил Макс. — Искать в Ленинке все упоминания о магии?

— Я смотрю, не теряешь надежды легко отделаться, — Верховский хмыкнул откровенно насмешливо. — Нет, молодой человек. Помимо терпения, мы будем воспитывать в вас ответственность и здравомыслие. Открой-ка список задач...

Макс повиновался и едва не застонал при виде верхнего заголовка. Меньше, чем унылые подмосковные лешаки, его привлекали только минусы, а из всех минусячьих дел нет ничего тяготнее всякой оккультной чепухи. Сколько их, этих лезущих куда не надо чудиков, которыми без зазрения совести пользуются потом нечистые на руку одарённые граждане...

— Почему безопасность этим не занимается? — безнадёжно спросил Макс, пробежав по диагонали текст заявки.

— Потому что это дело контроля, — терпеливо, как умственно отсталому, пояснил начальник. — Впрочем, если хочешь, можешь обратиться к коллегам за помощью. Уверен, они не откажут.

На этом шеф счёл разговор оконченным и, не проронив больше ни слова, удалился в логово. Ксюша тут же выбралась из-за стола и перебежала проход, чтобы взглянуть на Максоды несчастья. Тёмные бровки сосредоточенно сошлись к переносице.

— А, придурочные эти... Я всё думала, кому их отдадут, — Оксанка виновато улыбнулась. — Ну, тут дел-то на пару недель. Сходишь к ним туда, прощупаешь главных и готово.

— Почему мы на любую ерунду обязаны реагировать? — Макс горестно задрал голову к фальшпотолку. — Хотят люди фигнёй страдать — ну и пусть страдают...

— А вдруг там реально гнездо нелегалов? — Ксюша улыбнулась не то ободряюще, не то с издёвкой. — Накроешь банду, спасёшь несчастных минусов... А там — премия, лучший сотрудник, повышение. Верховский лично сдаст тебе пост и торжественно уйдёт на пенсию.

— Иди ты, — беззлобно огрызнулся Макс. — Сто пудов обычные сектанты. Дольше отчёт писать, чем возиться.

За указаниями надо было идти в правопорядок, который и сбавил контролю это дело. Впрочем, Макс рассудил, что задача не из тех, которые следует бежать исполнять немедленно: за пару лишних часов несчастная

горстка фанатиков никуда не денется, а если всё-таки денется — туда им и дорога. Вот визы — другое дело: люди ведь ждут, предвкушают кто отпуск, кто встречу с роднёй, кто командировку... Правда, проверка картотеки от этого осознания веселее не стала. Поиск — чисто — резолюция, поиск — чисто — резолюция... Попался только один тип, у которого в досье стояла красная пометка. Его Макс завернул с садистским удовольствием, прижав палец к печати напротив надписи «Отказано» и полюбовавшись синеватым свечением.

— Всё, Ксюх, готово, — торжественно произнёс Некрасов, собирая бумаги в стопку.

— Давай сюда, — Тимофеева по-кошачьи изящно перегнулась через стол, протянула руку и выхватила у Макса результаты трудов. — Что тут у тебя?.. Ого, отказ?

— Ага, безопасникам чего-то не угодил, — Макс всласть потянулся, распрямляя измученную бюрократической повинностью спину. — Пошли на обед, а?

— Не, я попозже, — Ксюша сложила вместе отработанные бумаги. — Дел как-то дофига... Не вовремя это всё, конечно, — она выразительно покосилась на Иру и вздохнула. — Хорошо, когда люди внимательные.

Бедная ромашка, разумеется, не ответила. И чего Ксюха на неё взъелась? Устраивает репетицию перед приходом Костика или просто настроение плохое? Педантично постучав собранной стопкой о стол, Оксанка положила бумаги перед Ирой, заставив ту вздрогнуть и поднять взгляд.

— Результаты рассмотрения нужно ввести в систему, — менторским тоном заявила Тимофеева. — Затем отнесёшь это в канцелярию к Анохиной. И на обратном пути заberi всё из нашего ящика — я так чувствую, там уже хватает...

Не говоря ни слова, Ира кивнула и притянула к себе визовые бланки. Она уже отвернулась было к компьютеру, однако Оксанка не отстала.

— Это надо сделать сейчас, — с нажимом сказала Тимофеева. — Канцелярия ждёт бумаги.

— Я ещё с нежитью не закончила, — тихонько возразила Ира.

— Нежить подождёт. Парни только к вечеру вернутся.

— Хорошо...

Надо бы её подбодрить, только как? Ляпнешь что-то не то — чего доброго, разревётся, и тогда точно все труды впустую. Но и сидеть и смотреть на неё, несчастную, невыносимо. Поколебавшись, Макс принял соломоново решение: выудил из кармана куртки початую пачку сигарет и отправился на перекур. Путь был неблизкий; пробираться на единственный открытый балкон приходилось через вотчину исследователей, деливших этаж с контролем. У тех, как всегда, царил весёлая неразбериха. Носились туда-сюда встрепанные люди в белых халатах, вспыхивали на ходу заумные разговоры, из напоённой научным духом атмосферы выкристализовывались потихоньку будущие великие открытия. Макс поздоровался с парочкой знакомых очкастых физиономий, пробрался сквозь кипящее идеями варево к балконной двери и вдохнул наконец свежий воздух, густо перемешанный с сигаретным дымом. Что ни говори, а наука — тоже дело нервное.

На балконе обрелся одинокий белый халат. Услышав щелчок замка, бедолага подскочил на месте, едва не выронил сигарету и беззлобно выругался сквозь зубы.

— И тебе, Олежа, доброго дня, — Макс приветливо улыбнулся. — Чего нервный такой?

— Да пошёл ты, — тонким от напряжения голосом отозвался Олег. — Я думал, шеф по мою душу...

— Если это не мой шеф, твоей душе ничего не угрожает, — успокоил приятеля Макс. Он оперся локтями на холодные стальные перила — на всякий случай подальше от дёрганого лаборанта — и не без шика поджёг сигарету прикосновением пальца. — Что там у вас? Опять чей-нибудь яд в канализацию слили?

— Типун тебе на язык, — сумрачно пожелал Олег. Плотный белый дым от его окурка неприятно напомнил о туманницах. — Да вроде ничего страшного, партию материала где-то прогадали... Но у шефа прям башню снесло.

— Что за материалы? — сочувственно поинтересовался Макс. Всегда отрадно слышать, что не только у тебя проблемы.

— Да фигня, очередная генетика ежегодная, — Олег поморщился и с силой раздавил прогоревший до самого фильтра бычок о доньшко пепельницы. — Придётся заново кровь собирать. Неудобно перед людьми...

— А что за люди?

— Случайные какие-то. Это ж двойные слепые, кто получил повестку — тот и сдал...

Макс понимающе кивнул и с наслаждением затянулся. Олег отчаянно щёлкал зажигалкой, тщетно пытаясь запалить на ветру новую сигарету. Тяжело колдунам без элементарной магии...

— А у вас чего нового? — уже спокойнее спросил лаборант, совладав наконец с обеими стихиями.

— Авралим, как всегда, — Макс пожал плечами и небрежным движением стряхнул пепел. — Вчера вот туманниц по лесам ловили.

— Офигеть, — буркнул Олег слегка завистливо.

— Нежить аномально активничает, — с умным видом сообщил Макс, припомнив Мишкины рассуждения. — По календарям-то рановато ей ещё.

— Мы что, опять в расчётах накосячили? — тут же вскинулся Олег.

— Нет. Ну, Ярик говорит, что нет...

— А-а-а. Не пугай так.

Ну конечно, им-то что? Посчитали, отдали — и дело с концом, а с различиями между расчётом и реальностью пусть контроль разбирается. Макс вздохнул и постучал пальцем по сигарете, отправляя в полёт седые пылинки. Надо в следующий раз напроситься со старшими на заявки по нежити. В Подмоскowie, в метро, да хоть на Химкинское водохранилище русалок считать — всяко полезнее, чем выводить на чистую воду всяких эзотериков, чтоб им пусто было!

— Олeж, — задумчиво произнёс Макс, вдыхая терпкий дым, — что наука думает о богах?

Лаборант встрепенулся; в измученных монографиями глазах зажёгся профессиональный интерес.

— О каких?

— О всяких. Люди их предостаточно понапридумывали.

— Если ты о том, что одарённых принимали за высших существ, то это сплошь и рядом, — воодушевлённо зачастил Олег. — Куда ни плюнь, везде упоминаются колдуны, волхвы, шаманы, хотя точности в терминологии ждать, конечно, не приходится. Есть такая гипотеза, что так называемые пророки владели каким-то особым видом магии, позволяющим влиять на чужое сознание, но это не доказано, и потом...

— Ой, не надо мне свою диссертацию пересказывать, — Макс поморщился, выбрасывая из головы словесный сор. — Ты мне скажи, есть там кто-нибудь или нет?

Тлеющий кончик сигареты обвёл клочок серого неба, низко нависшего над Москвой. Олег неодобрительно проследил за жестом и потёр кончик носа, ненароком сбив набок очки.

— Ну, тогда уж не «там», — обиженно буркнул лаборант.

— А где?

— Нигде. Макс, не можешь в философию, вот и не лезь! — Олег надменно сверкнул очками. — Узнать принципиально невозможно, а верить — это пожалуйста, выбирай, что хочешь. Я лично сомневаюсь, что существует мегамозг, способный управлять всей нашей реальностью. Попробуй вон хоть лабораторией поруководи — на второй день взвоешь, а тут целый мир...

Тираду прервала высокая противная трель. Олег от души выругался, выудил из кармана гневно вибрирующий телефон и удалился стремительным шагом, гавкая в трубку агрессивные оправдания. Докуривать пришлось в одиночестве. Помнится, едва устроившись в контроль, Макс не на шутку удивился, что из всего отдела, кроме него, сигаретами балуется один только Костик; работа-то более чем нервная. Но с Костином больше пяти минут не проговоришь без вреда для психики, а сходить в курилку за компанию, ради болтовни, соглашался лишь покладистый Андрюха. Обоих унесло на неделю в Западную Сибирь, и остались только настроенные на свою волну научники. Интересные, конечно, ребята; пользы б от них побольше — цены бы не было.

Правопорядок оставил-таки Макса без обеда. Отправить офицера контроля, хоть и младшего, мариноваться в ожидании аудиенции юристы, конечно, не посмели, но это оказался тот случай, когда чрезмерное внимание хуже пренебрежения. Молоденькая сотрудница прямо-таки завалила Некрасова подробностями, нужными и не очень, вдобавок то и дело отвлекаясь на какую-нибудь ерунду. Макс поначалу кропотливо записывал, потом бросил и просто слушал с каменным лицом, готовясь в финале разговора коварно попросить прислать всё это письмом. Ему и нужно-то было только узнать, как выйти на подозрительную организацию, а всё остальное или вскроется по ходу дела, или вообще не понадобится. Впрочем, у юристки милое личико и точёная фигурка, так что потраченное время совсем уж неприятным не назовёшь. Позвать, что ли, прогуляться после работы? Только с условием, что она всю дорогу будет молчать...

Как-то само собой получилось, что Макс так и пробежал по всей Управе до вечера по текущим делам и старым долгам. Когда он, голодный и порядком уставший, вернулся наконец в отдел, часы показывали половину восьмого. Ксюши уже не было, зато Ира до сих пор сидела над аккуратно разложенными бумагами — очевидно, из свеженькой партии внешней корреспонденции. Макс сочувственно покачал головой.

— Домой пора, — провозгласил он. — Причём уже полтора часа как.

Ира испуганно вскинула голову и тут же вновь опустила взгляд к залежам макулатуры.

— Я ещё не закончила, — тихо-тихо сказала она.

— Ну и что? Работа — она никогда не кончается, — вздохнул Макс. — Давай, не сиди долго. Пойду я, а то умру от голода и ничего великого не совершу.

— Пока, — прошелестела Ира, уткнувшись взглядом в клавиатуру.

На почти пустой парковке обнаружился донельзя довольный собой Старов. Он стоял, опершись на капот забрызганного грязью «ниссана», и с упоением листал что-то в телефоне. Наверняка отмечал выполненные заявки.

— Мир спасён в заданные сроки, — сообщил Мишка, завидев Макса. — Что тут?

— Да всё как всегда, — Некрасов пожал плечами и поправил лямку рюкзака. Напроситься, что ли, чтобы

подвезли до дома? Вон какие тучи ходят, того и гляди ливанёт... — Делища, голову поднять некогда. Мне всучили какую-то секту на разгон.

— А-а-а. Ну, смотри там, не уверуй во что-нибудь, — хмыкнул Старов и спрятал телефон в карман. — О, явился признавать поражение!

Знакомая синяя «тойота» неторопливо миновала поднятый шлагбаум и, лихо развернувшись, влезла задом на соседнее парковочное место. Мишка приветствовал Ярика широкой ухмылкой; тот, однако, раздосадованным не выглядел — скорее, озадаченным. Должно быть, раздумывал над содержимым отчёта.

— Не повезло, — заявил Старов, протягивая руку. — Что, сложные заявки попались?

— Нет, последнюю два часа назад закрыл, — сообщил Зарецкий. Радость стремительно сползла с Мишкиного лица. — Я на вчерашнюю поляну ездил.

— И что там? — жадно спросил Старов, мигом позабыв про спор. Ишь, хитрый какой! Ну ничего, справедливость восторжествует.

— Да ничего особенного, — задумчиво ответил Ярик. Он рассеянно крутил в пальцах ключи от машины — верный знак, что всерьёз над чем-то мозгует. — Ручьёв действительно много. Подозреваю, что парочку устроили недавно...

— Нагнали полный лес нежити и захлопнули ловушку, — подхватил Старов. — Остроумно. Если местные так управились с тварями...

— Как ты себе это представляешь? — фыркнул Зарецкий. — Вилами и факелами?

— Это нетехнологично.

— Вот именно. Трудился кто-то скромный, но талантливый, — Ярик решительно сжал брелок в кулаке. — По-моему, наши исследователи примерно так же захоранивают результаты неудачных экспериментов.

— Шефу надо про это знать, — серьёзно сказал Мишка.

— Рано ещё. Это так, догадки...

Оба замолкли, вперились друг в друга хмурыми взглядами. В повисшей тишине стало неуютно, и Макс взял на себя труд разрядить обстановку.

— Так кто в итоге делает отчёт? — поинтересовался он, ухмыляясь.

Старшие обернулись, как по команде, словно только что вспомнили о существовании Некрасова. До обоих не сразу дошло, о чём речь.

— Костик пусть пишет, — отмахнулся Зарецкий. — Ладно, я ещё в отдел заскочу. Возьму домой почитать что-нибудь не сильно секретное.

— Трудоголизм не лечится, — сочувственно сообщил Макс. — Если застанешь там Иринку, отправляй домой.

Ярик изумлённо поднял брови, но ничего не сказал. Кивнув коллегам, он зашагал в сторону затихающей к вечеру Управы; машина печально моргнула поворотниками ему вслед. Мишка задумчиво поскрёб подбородок.

— Фигня какая-то с этой нежитью, — вздохнул он. — Поди пойми, что у неё на уме. Ты домой?

— Ага, — Макс с готовностью закивал.

— Залезай, подброшу. Правда, сколько можно уже работать?

VII. Нелегал

Мрачное самодовольство не покидало Иру весь вечер и половину следующего утра. Несмотря на то, что явившийся около восьми Зарецкий бесцеремонно выгнал её из офиса, почти все Оксанины задания были выполнены. Чувствуя себя Золушкой, утёршей нос злобной мачехе без помощи всяких крёстных фей, Ира вежливо улыбнулась хмурой Тимофеевой и сообщила, что бюрократическая катастрофа отделу больше не грозит.

— А... Ну да, — рассеянно бросила та, на миг оторвав взгляд от экрана.

И всё! Как будто не она вчера руки заламывала! Ира с трудом подавила желание надеть контролёрше на голову перепачканную сахарной пудрой коробку из-под пирожных. Ох и права Анька! Неудивительно, что Ирина предшественница сбежала от такого счастья, как от лесного пожара. Нет уж, нечего доставлять удовольствие всяким стервам. Три месяца как-то переживём, а там — здравствуйте, тихие-мирные финансы...

Сегодня раздражали решительно все, даже Макс. Он с самого утра торчал в интернете, изучая рекламу какого-то околорелигиозного кружка, и считал своим долгом, наткнувшись на особенно удачный пассаж, громогласно зачитать его на весь отдел. Оксана либо презрительно фыркала, либо хихикала, Старов время от времени комментировал; Зарецкий, спасибо ему хоть за это, в забаве не участвовал, с головой уйдя в работу. В конце концов, наплевав на мамины советы и деловую этику, Ира вытащила из сумки наушники и просидела в них до обеда, считая мучительно медленно ползущие минуты.

— Я предупреждала, — торжественно провозгласила Анька, когда Ира вкратце пожаловалась ей на свои горести.

— Да знаю... Но к Анохиной не пойду, — угрюмо заявила Ира, наматывая макароны на вилку.

— Из принципа?

— Ну да.

— Зря. Нервы дороже, — назидательно сказала Сафонова. — Блин, когда уже Маринка из отпуска выйдет? Так тухло одной сидеть...

За высокими окнами столовой ползли куда-то кудлатые сизые тучи. За соседним столиком солидные дядьки басовито беседовали о закупках и контрагентах, заглушая ненавязчивую музыку. Здесь неплохо готовят, а сотня в день — небольшая цена за возможность удрать на часик из отдела и поболтать с человеком, который не считает собеседника пустым местом. Аньке к тому же можно вовсе ничего не говорить — её полностью устраивает звук собственного голоса. Жаль, что час кончается очень быстро.

— Может, по магазинам в выходные прошвырнёмся? — предложила подружка, заталкивая в стойку поднос. — Стресс снимает на отлично.

— Не знаю, — протянула Ира. Они вместе вышли из столовой и отступили к дальней стене коридора, чтобы не мешать людскому потоку. — Мне кажется, я все выходные буду прятаться от мира под одеялом.

Анька сделала большие глаза.

— Так прям достали?

— Ну, пока нет, но до конца недели ещё два с половиной дня, — вздохнула Ира. — Давай там ближе решим...

Её прервал негромкий оклик, от которого взгляд сам собой метнулся к часам. Ира мысленно помянула лешего, растяннула губы в вежливой улыбке и обернулась, готовая защищать своё право хоть в обед не видеть дорогих коллег. Зарецкому, впрочем, плевать было на перерыв, чужие настроения и разговоры каких-то там секретарш.

— К трём спустись, пожалуйста, в сто двенадцатую. Мне нужен будет протоколист, — заявил он, нимало не интересуясь Анькиным существованием.

— Да, хорошо, — без выражения отозвалась Ира. «Работать надо в рабочие часы», как же! Вот и чего мы в обеденное время по этажам шастаем с деловым видом?

— Добрый день, — вдруг встряла Анька.

Она не хуже Оксаны обнажила белые зубки в ослепительной улыбке; впрочем, все старания пропали втуне. Зарецкий смерил Сафонову равнодушным взглядом, прохладно пожелал хорошего дня и, проигнорировав гостеприимно распахнутые двери столовой, стремительным шагом направился прочь. Анька, вытянув шею, проводила взглядом мелькающую в толпе тёмную макушку и задумчиво покрутила на пальце тонкое серебряное колечко.

— Что-то я его на корпоративах не видела. Из твоих?

— Не мои они, — сердито буркнула Ира. — А так — да, контроль...

— Красавчик такой, — вдруг промурлыкала Сафонова, щуря аккуратно подведённые глазки.

— Кто, Зарецкий? — Ира ушам своим не поверила. Если кто из контролёров и подходил под Анькино определение, так это Макс. — Ань, ты перегрелась.

— А что такое?

— А ничего. Он язва и нахал, — с мрачным удовольствием припечатала Ира. — Сама же говорила, что в контроле никого нормальных нет.

— Ну, из каждого правила бывают исключения...

Аньку Ира покидала в печали. Во-первых, от того, что подруга оказалась не такой всеведущей и твёрдой в убеждениях, как казалось раньше, а во-вторых — из-за необходимости тащиться на первый этаж и вести протокол чёрт знает чего. Одна радость: на столе дожидался заказанный вчера ноутбук. Просить опять у Оксаны было бы выше Ириных сил, одалживаться у Зарецкого — тем более. Без двадцати три пришлось брать технику в охапку и спускаться, надеясь не слишком безнадёжно заплутать на незнакомых этажах.

Если сто сороковая, предназначенная для добропорядочных граждан, располагалась в ухоженном светлом коридорчике, то сто двенадцатая нашлась в мрачноватом узком проходе, освещённом резким холодным светом люминесцентных ламп. Ира миновала ряд металлических дверей, даже на вид тяжёлых и непрístupных; около нужной застыл суровый молодчик в форме, а напротив у глухой стены ошивался знакомый уже безопасник. У них что, специальный человек выделен вести дела с контролем? Если так, то это, пожалуй, не лишено смысла.

— Добрый день, — сказала Ира, ни к кому не обращаясь. Поискала глазами, куда бы присесть, не нашла и встала у стенки меж дверей, прижимая к груди ноутбук.

Суровый страж только молча на неё покосился, а вот безопасник вежливо улыбнулся и наклонил голову в знак приветствия.

— Добрый день. Вы будете вести записи? — поинтересовался он, прогулочным шагом сокращая расстояние.

Ира инстинктивно отодвинулась на шаг, мысленно выругала себя за бестолковость и вежливо кивнула.

— Вы ведь недавно присоединились к команде контроля, — безошибочно припомнил собеседник. Ире стало не по себе. — Как работаете?

— Хорошо, — покривила душой Ира.

На этом бы и закончить обмен любезностями, но настырный безопасник не отставал.

— Как приняли коллеги?

— Они... очень отзывчивые, — нашлась Ира, подумав про Макса и Мишу. Никто ведь не заставляет уточнять, что определение относится не ко всем.

— Любопытно, — безопасник выразительно поднял брови. Не поверил. Сам, небось, намучился с обитателями двенадцатого этажа. — Вам уже приходилось протоколировать встречи? Иногда это бывает... непросто.

— Приходилось, и вышло неплохо, — ответил за Иру невесть откуда выскочивший Зарецкий. По сравнению с одетым в безупречно отглаженную форму безопасником он выглядел несерьёзно в джинсах и лёгкой рубашке, однако ничуть этого не смущался. — Добрый день, Евгений Валерьевич. Лично курируете рутинные дела?

— Только когда считаю необходимым, — безопасник пожал Ярославу руку и мельком глянул на часы. Дорогие, с крохотным швейцарским флагом на циферблате. — Пока у нас есть минутка... Я вынужден выразить опасения относительно того, как вы обращаетесь с вверенными вам секретными документами. Видите ли, вчера утром сработала сигнальная бирка.

— Правда? — Ярослав скептически изогнул бровь. — Печать в целости и сохранности, я проверял минут пять назад.

— Значит, злоумышленник потерпел неудачу, — напористо предположил Евгений Валерьевич. — Я настаиваю на том, чтобы вы выяснили его личность и приняли меры...

— Это н-не злоумышленник, — выдохнула Ира и тут же пожалела, что открыла рот. Оба уставились на неё с вежливым интересом, не предвещающим ничего хорошего. — Я... я случайно задела, когда оставляла записку. Мне там ничего не надо, правда, это не...

Она пристыжённо умолкла, сообразив, какую выволочку получит сейчас от одного и через часик от другого. Однако никуда не денешься, злосчастную бирку она действительно задела, а быть источником неприятностей не хочется. Даже для Зарецкого.

— Вот как, — вкрадчиво произнёс безопасник. — Интересно. Что ж, весьма отважно с вашей стороны выгораживать коллегу, но хранить засекреченные документы так, что любой может случайно на них наткнуться, недопустимо.

— Я учту, — Ярослав ядовито улыбнулся и тоже бросил взгляд на часы. — Если других замечаний у вас нет, предлагаю заняться делом.

— Не возражаю, — согласился Евгений Валерьевич и кивнул охраннику: — Дайте сигнал.

Тот что-то буркнул в рацию. Зарецкий прикосновением отпер неприветливо мерцающий замок; дверь, оказавшаяся сантиметров десять в толщину, неохотно раскрылась, выпустив из комнаты стерильно-больничный запах дезинфицирующего средства. Ира переступила порог последней, втайне радуясь, что пришла сюда всего лишь записывать разговор. Внутри не было ничего зловещего; выкрашенные бежевым стены, прямоугольный стол,

относительно удобные стулья — обычная переговорная, если забыть о ничем не прикрытых камерах под потолком и о том, сколько стальных ригелей торчит из дверного полотна. Пыточные казематы жуткие не из-за мрачных антуражей, а из-за людей, во власти которых казнить и миловать.

Ира без задней мысли уселась рядом с Зарецким, лицом ко входу. Евгений Валерьевич предпочёл устроиться в торце стола; хорошо было бы последовать его примеру, однако пересаживаться туда-сюда глупо, а стонять Иру волевым решением никто не стал. Ярослав раскрыл собственный ноутбук, поймал один из торчащих из-под стола кабелей, дождался подключения к внутренней сети и развернул сразу несколько документов: на удивление куцее досье, скан паспорта, знакомого вида диаграмма. Маленькая, съёжившаяся, словно в пересечение осей капнули водой. Совсем чуть-чуть.

— Вы уделяете слишком много внимания нелегалам, — заметил Зарецкий. — Здесь случай совсем тривиальный.

— Всегда лучше перестраховаться, — возразил безопасник. — Никогда не знаешь, что интересного услышишь на допросе.

Контролёр оставил эту реплику без внимания. Ира украдкой скосила глаза, разглядывая чужой экран. Набранное мелким шрифтом досье не прочесть, а на фотографии — малоприятный широколицый тип с пустым взглядом. Впрочем, кто и когда хорошо выглядел на фото в паспорте?

Оригинал, однако, оказался не симпатичнее. Длинный сутуловатый молодчик неопределённых лет нарочито высоко переступил порог и замер, деловито обшаривая комнату водянистыми глазками. Конвойный неласково подпихнул его в спину, сопроводив тычок приказом садиться.

— Не сердчай, служивый. Всё успеется, — бесцветным глуховатым голосом сказал задержанный.

Он неторопливо шагнул внутрь комнаты, опустился на стул напротив невозмутимого Зарецкого и водрузил на стол схваченные наручниками запястья. Вид у нелегала был одновременно жалкий и мерзкий; примерно такое же чувство Ира испытывала при виде бездомных пьянчуг, хотя этот тип выглядел вполне опрятно и ничем, кроме пота, не пах. Конвойный с капитальным щелчком закрыл за собой дверь и замер у стены. Два людоеда на госслужбе холодно переглянулись; Ира опустила пальцы на клавиатуру. В экран смотреть спокойнее, чем на словесные пытки.

— Пятнадцать ноль три по Москве, — констатировал Зарецкий. Ира принялась записывать. — Рассматриваем дело о сознательном сокрытии и несанкционированном применении дара, Магический свод, статья третья, пункты второй и пятый. При допросе присутствует руководитель группы предотвращения магических противоправных деяний Евгений Валерьевич Викентьев. Допрос ведёт старший офицер отдела магического контроля Ярослава Владимировича Зарецкий...

— Правда, что ли? — перебил вдруг задержанный. Он усмехался краем рта и недобро шурился из-под белёсых бровей.

Впрочем, чтобы сбить с толку Зарецкого, требовалось что-нибудь посерьёзней. Он словно и не заметил ни наглой ухмылки, ни вкрадчивого тона; а может, и правда не заметил, с него станется.

— Прошу прощения?

— Правда, говорю, аж целый старший офицер со мной возиться станет? — развил мысль нелегал.

— У вас есть вопросы, касающиеся дела? — сухо спросил Зарецкий. На наострившего уши Викентьева он даже не оглянулся.

— Нету, — спустя пару мгновений, будто нехотя, проронил задержанный.

— Хорошо. Согласно закону, вы несёте ответственность за достоверность предоставляемых вами сведений. Если я сочту ваши действия некорректными, к вам будут применены соразмерные санкции. Всё ли понятно?

— Чего ж тут непонятного, — хмыкнул нелегал.

Впору позавидовать его выдержке. Помнится, Ира, явившись по вполне законному поводу, лишний раз вздохнуть боялась под испытующим взглядом контролёра, а этому хоть бы хны — сидит себе, лыбится... Скорей бы это всё закончилось. В отделе есть Оксана, но там хотя бы не воняет хлоркой и есть шанс увидеть сквозь жалюзи дневной свет.

— Тогда приступим, — Зарецкий мельком глянул на экран. — Назовите ваше имя.

Простой регламентный вопрос почему-то позабавил задержанного. Наверное, тип догадывался, что вся добытая из него подноготная и без того перед глазами у контролёра. Он неразборчиво что-то буркнул себе под нос — должно быть, выругался; то ли ожидал подвоха, то ли выказывал презрение. Викентьев хищно подался вперёд.

— Что, простите?

— Дмитрий я. Кузнецов, — нехотя выплюнул нелегал.

— Отчество? — дотошно уточнил Зарецкий, задумчиво созерцая задержанного.

— А нету, — нелегал ослабился. — Сиротка я. Знаешь, офицер, как оно бывает — никогошеньки нету в целом мире...

— Род способностей и предполагаемая категория? — пресёк нытьё Зарецкий.

— Чародействую, вишь, помаленьку, — ухмылка сползла наконец с лица нелегала, уступив место утрумой... печали? — А в категориях этих ваших не понимаю ни лешего.

Ира вдруг поняла, что с ним не так. Нелегалу никак не дать больше тридцати пяти, а говорит, как косноязычный деревенский дед. Потому и записывать за ним сложновато...

— По какой причине не проходили первичную аттестацию?

— Не захотел, — нагло заявил Кузнецов.

— Вы осведомлены о том, что без прохождения соответствующих процедур вы не имеете права практиковать самостоятельно? — холодно поинтересовался Зарецкий.

— Я довольно прошёл... процедур, — проговорил нелегал тихо и как будто угрожающе. — Ваши мне без надобности.

— Какие именно процедуры вы имеете в виду?

— Кто не знает, тому и не надо.

Ира улучила мгновение, чтобы взглянуть на Викентьева. Тот сидел с задумчивым видом, откинувшись на спинку стула и скрестив на груди руки. Ирин взгляд он поймал, едва заметно вопросительно поднял брови. Пришлось помотать головой и вновь уткнуться в экран.

По логике вещей, Зарецкому следовало бы вцепиться в строптивного нелегала мёртвой хваткой и вытрясти какое-нибудь признание, однако контролёр на удивление легко отпустил щекотливую тему и вернулся к вопросам законности.

— До присяги вы имеете право практиковать исключительно под надзором наставника, — сообщил он. — Назовите его имя и характеристики дара.

Кузнецов мгновенно ошетинился.

— Тебе на кой?

— Назовите имя наставника и характеристики его дара, — отдельно повторил Зарецкий. Лежащая у клавиатуры ладонь едва заметно приподнялась.

— Егором звали, — буркнул нелегал. — Где сейчас — не знаю, не спрашивай. Много лет прошло, может, помер уже.

— Когда вы в последний раз его видели?

— Кто ж упомнит? Поди, лет пятнадцать уже тому.

— Пятнадцать лет нелегальной практики, — подал голос Викентьев. — Внушительный срок.

Зарецкий покосился на коллегу без удовольствия.

— С учётом уровня способностей это штраф и принудительное направление на аттестацию, — напомнил он и вновь обратился к озадаченному Кузнецову: — Есть ли объективные причины, по которым вы не можете сейчас пройти тестирование и принять присягу?

— Оно мне надо?

— Если уважительных причин нет, я настаиваю на аресте и передаю дело отделу обеспечения безопасности.

Кузнецов нехорошо ощерился.

— Ох и строгий ты, офицер... Что делать-то мне?

— Как было сказано ранее, сдать тест и принести требуемые государством клятвы, после чего получить удостоверение, — терпеливо пояснил Ярослав. — Пробу крови у вас уже взяли, поэтому посещение отдела безопасности не требуется.

Викентьеву последнее замечание совершенно точно не понравилось, однако он промолчал. Зарецкий сделал пометку в развёрнутой на половину экрана форме и, игнорируя Евгения Валерьевича, обратился напрямую к его подчинённому, застывшему у двери:

— Сержант, прошу препроводить испытуемого в экзаменационную аудиторию и назначить наблюдателя вплоть до передачи дела моим коллегам. До тех пор ответственность на вашем подразделении.

Безопасник дёрнулся и застыл в нерешительности, не зная, слушаться ли чужого приказа, да ещё и в присутствии непосредственного начальства. Викентьев, впрочем, не стал ставить палки в колёса и милостиво кивнул подчинённому:

— Исполняйте, Колобов. Ярослав Владимирович, напоминаю о необходимости закрепить за нами заявку.

— Уже сделано, — кивнул Зарецкий.

За тем, как Кузнецова освобождают от наручников и выводят из комнаты, он наблюдал бесстрастно. Ира нерешительно опустила крышку ноутбука. Наверное, всё? Если господа маги желают что-то обсудить, это к протоколу уже не относится...

— Вы проявляете снисходительность, — укоризненно сказал Викентьев, когда стихли удаляющиеся шаги.

— Я соблюдаю закон, — холодно возразил Зарецкий.

— Вы не могли не заметить некоторых неувязок...

— Они не относятся напрямую к этому делу.

— И вы всё равно обозначаете отсутствие необходимости нашего участия...

— Пока не доказано какое-либо правонарушение, это дело контроля, — отрезал Ярослав. — У вас остались ко мне вопросы?

— Нет, благодарю, — Викентьев, похоже, с удовольствием удушил бы ледяную гадину, если бы знал наверняка, что ему ничего за это не будет.

— Прекрасно. Ира, идём, — бросил Зарецкий, поднимаясь из-за стола.

Профессиональная гордость не возражала против того, чтобы немедленно подчиниться приказу, зато личная — очень даже. С трудом поспевая на каблуках за широким шагом Зарецкого, Ира никак не могла определиться, которая из двух рептилий нравится ей меньше. Выходило, что всё-таки контрольская, потому что с безопасником видеться приходится намного реже.

— Если ты так интересуешься делами отдела, проще было бы обратиться к кому-то из нас, — ни с того ни с сего заявил Зарецкий, когда за ними закрылись створки лифта. — Не всё в кабинете можно безнаказанно трогать.

Ира с полминуты соображала, к чему это он, прежде чем вспомнила разговор перед допросом.

— Да мне не нужно... — выпалила она, чувствуя, как горят щёки. — Я правда нечаянно!

— Я в курсе, — хмыкнул Зарецкий. Лифт еле полз и, как назло, не намеревался нигде останавливаться. — В твоих интересах не прикасаться к активным печатям. К любым.

— Почему?

— Потому что те, что на засекреченных документах, умеют ябедничать в безопасность, — пояснил Зарецкий. — И ещё печати какое-то время помнят спектр.

— У меня нет никакого спектра, — обиженно буркнула Ира. — Я же ведьма, а не маг.

— Верно.

Лифт остановился с мелодичным звонком. Хлынувший сквозь разъезжающиеся створки солнечный свет на несколько мгновений ошеломил Иру. Всё-таки здесь лучше, чем в застенках на первом этаже! Макс обмолвился вчера, что тут где-то есть открытый балкон; надо как-нибудь напроситься с ним на перекур, посмотреть с высоты на округу...

В отделе обретался только Миша, корпевший над огромной звёздной картой. Немедленно стало до жути интересно, однако Старов был слишком поглощён расчётами, чтобы его отвлекать. Ира вернулась на своё место, без удовольствия отметив, что от блузки едко пахнет дезинфекцией. Протокол малоприятного и малопонятного допроса она добросовестно приложила к заявке, и почти сразу же доступ туда у неё отобрали. Ну и пожалуйста, не очень-то и хотелось! Можно подумать, в мире ничего нет ценнее здешних страшных секретов.

Где-то с час никто, включая прибежавшую с совещания Оксану и Макса, притащившего в кабинет крепкий запах табака, её не трогал, а потом тронули сразу всех. Гроза в облике Верховского просочилась в кабинет из логова и громыхнула, ни к кому конкретно не обращаясь:

— Объясните мне, коллеги, как из-под носа у бдительнейших сотрудников безопасности может сбежать нелегал без выдающихся мозгов и способностей?

— Сбежать? — тут же встрепенулся Зарецкий.

— Именно. Я смотрю, ты в курсе, — Александр Михайлович незамедлительно вцепился в незадачливую жертву. Остальные притихли, жадно прислушиваясь к разборке. — Будь добр, расскажи, что случилось и каким боком здесь мы?

— Если речь про сегодняшнего нелегала, то я направил его на аттестацию, — не стал увиливать Ярослав. — Под надзором безопасников, разумеется.

— Либо у Викентьева завелись идиоты, — сумрачно предположил начальник, — либо они завелись у меня. Что за тип?

— Это я и хотел выяснить, — Зарецкий нахмурился. Неужели задело? — По-моему, он вписывается в ваши... закономерности. А где именно его упустили?

— После экзаменационки, но до оформления документов. Протокол допроса остался?

— Да, пожалуйста, — Ярослав пробежался пальцами по клавиатуре. Начальник мрачно скользнул взглядом по экрану телефона и медленно кивнул. — Вы мне согласуете допуск к базам тестирования?

— Теперь — да, — рявкнул Верховский. — Вот ведь... Я добьюсь, чтобы болвану сделали выговор. А если Викентьев под шумок утащил красавца к себе в подвалы, выговор будет тебе!

— Исключено, — спокойно парировал Зарецкий. — Ему нет резона так подставляться, ещё и после того паразита. Я бы на его месте затребовал присутствие при присяге или что-то в этом роде, так проще и чище.

Начальник шумно выдохнул.

— А ты не подумал, — вкрадчиво проговорил он, щуря светлые глаза, — что уважаемые коллеги могли

возжелать побеседовать с нелегалом без твоего навязчивого присутствия?

— Подумал, конечно, — кивнул Ярослав. — Если выяснится, что всё именно так, у меня будут серьёзные вопросы к коллегам по поводу соблюдения регламентов.

Макс не удержался — фыркнул на весь кабинет. Начальник тут же обратил к нему пылающий взор, однако Некрасов ничуть не смутился.

— Я чувствую себя отмщённым, — сообщил он.

— Черти, — вздохнул Александр Михайлович, окончательно успокаиваясь. — Иди, Зарецкий, побеседуем. Расскажешь в подробностях.

Ярослав безропотно поднялся и проследовал в логово. Иру звать не стали — и на том спасибо. Пораскинув мозгами, она решила, что тут уж точно ни в чём не виновата; следовало бы успокоиться, но почему-то всё равно было неуютно. Станных типов Ира привыкла побаиваться, а этот Кузнецов — именно что странный. Хотя, конечно, не её дело, особенно учитывая последнюю отповедь...

— Мишка, тебя-то чего на эту пакость потянуло? — спросила вдруг Оксана. По пути из переговорной она остановилась у Мишиного стола и, позвякивая ложечкой о стенки чашки, всмотрелась в звёздную карту.

— Нежить, — глубокомысленно пояснил Старов. — Чего ей крышу сносит? Причём не везде, а как-то точно... Научники говорят, в виварии спокойно, как в морге.

— А по расчётам как? — задумчиво спросил Макс, тоже подходя к коллегам.

— По расчётам всё так и есть — тишина до начала лета, — вздохнул Миша. — А тут эти туманницы взбесившиеся, и сегодня вот из Владимирской области отчёт передали — у тех водяные бузят...

— Чего бузят?

— Беспокоятся. Фиг их знает, разговаривать-то нельзя с ними.

— Может, год високосный влияет? — с умным видом предположила Оксана.

— Нет. Думали уже...

Помолчали, созерцая сбоящий расчёт. Тимофеева не выдержала первой: пробормотала что-то нелестное в адрес нежити и вернулась на своё место. Макс ретировался немного погодя. Он перестал читать вслух про своих сектантов и просто сосредоточенно пялился в монитор. Интересно, он домой на метро или, как остальные, на машине?..

Выяснить это сегодня не удалось. На то, что часовая стрелка подобралась к концу рабочего дня, кроме Иры, обратил внимание разве что Миша, которому прилетело уведомление о какой-то встрече. Собираться домой, когда все сосредоточенно шуршат клавишами, было неловко, однако воспоминание о вчерашней выволочке прибавило уверенности.

— Всем пока, — сказала Ира никому и всем сразу.

Контролёры отозвались вразнойбой, задержаться никто не попросил. С чистой совестью Ира покинула кабинет, прошла к лифтам по залитому солнцем коридору и нырнула в полупустую кабину. За пару этажей лифт набился до отказа, так, что бедолаги с седьмого могли только разочарованно охать при виде раскрывающихся створок. В том, чтобы поздно уходить с работы, есть своя прелесть: в лифтах и в метро точно найдётся, чем дышать. Впрочем, это не стоит того, чтобы задерживаться специально...

Пробегая мимо парковки, Ира услышала звонкий оклик. Анька радостно ей махала из-за вереницы отъезжающих машин. Чтобы к ней попасть, пришлось протискиваться меж пыльных разноцветных боков, рискуя юбкой, ногами и хорошим настроением. Подружка была не одна: рядом с дочерью, опершись на крышу глянцево-чёрного «мерседеса», стоял Павел Сергеевич — в пиджаке, но без галстука. Ира неловко улыбнулась. Следовало поблагодарить друга семьи за протекцию, а как благодарить, если услуга оказалась медвежьей?

— Здравствуйте, — пришлось повысить тон, чтобы перекричать ворчание десятка двигателей.

— Здравствуй, — ответил Павел Сергеевич. Его низкий голос легко перекрыл окружающий шум. — Домой?

— Ну да, — Ира подобралась поближе, чтобы не приходилось надрывать горло. — Много тут народу, конечно...

— Да, пап, ты что-то не вовремя, — хихикнула Анька. — Теперь ждать, пока все уедут...

— Стал забывать здешние реалии, — вздохнул Павел Сергеевич. — Надо было пораньше приезжать, конечно.

— Ты бы тогда Наталью Петровну не застал, — возразила подруга и возмущённо пояснила Ире: — Прикинь, папе отказали в выезде!

— Серьёзно? — вежливо удивилась Ира. Она-то за границу вряд ли когда-нибудь соберётся, где уж тут понять чужие печали...

— Всё уже улажено, — улыбнулся Сафонов. — Канцелярская ошибка.

— Папа летит по делам в Лондон, — сообщила Анька. — Я бы тоже смоталась, но Маринка, дрянь такая, в отпуске...

— Аня! — строго одёрнул дочь Павел Сергеевич. — Съездишь в следующий раз. Ирин, как тебе на новом

месте?

Второй раз за день её об этом спросили, и второй раз придётся врать. Анька, может, и сдаст её потом с потрохами, но если мама узнает, что она выказывала неудовольствие Павлу Сергеевичу...

— Всё в порядке, — ответила Ира. — Очень... интересно.

— Правда? — Сафонов удивлённо поднял брови. — Коллеги делятся рабочими подробностями?

— Не особо, — честно сказала Ира. — Но скучно не бывает.

И на сей раз не соврала. В отделе контроля как угодно, только не скучно. Всего три дня прошло, а такое ощущение, что месяц!

— Это хорошо, — рассудил Павел Сергеевич. — Когда работа превращается в рутину, жить становится невыносимо.

— Поэтому папа и уволился, — подхватила Анька.

— Не только, — Сафонов усмехнулся. — Ира, какие у вас планы на выходные? Может, заглянете все вместе к нам на дачу? Мы что-то припозднились с открытием сезона шашлыков, хотим исправить.

— Ой, — вот тут Ира всерьёз растерялась. Днём она уже сказала Аньке о своих намерениях, однако выходные казались слишком недостижимыми, чтобы всерьёз строить на них планы. — Даже не знаю, надо у мамы спрашивать. У неё может быть смена...

— Понял, надо звонить Лене, — хохотнул Павел Сергеевич. — Как родители себя чувствуют?

— Да вроде ничего...

Поток машин понемногу иссяк, и говорить стало проще. Ира добросовестно ответила на несколько вежливых вопросов о жизни, семье и работе, Павел Сергеевич похвалил погоду и заметил, что лето обещает быть жарким. Анька откровенно скучала, глядя по сторонам, пока что-то на въезде не привлекло её внимание. Ира скосила глаза и обнаружила близ шлагбаума оживлённо болтающих на ходу Тимофееву и Зарецкого. Контролёры её, без сомнения, заметили, но подходить пообщаться не стали. Остановившись у маленькой красной машины, Оксана похозяйски оперлась о капот и принялась что-то излагать; Ярослав слушал, склонив голову к плечу.

— Иркины коллеги, — хмыкнула Анька.

— Правда? — Павел Сергеевич скользнул взглядом по обоим и покачал головой: — Никого из нынешних не знаю. Верховский, когда пришёл, разогнал всю старую команду.

— Так он уже лет пять там заправляет, — наморщила лобик Анька.

— Семь, — уточнил Сафонов. — Уже, наверное, сменил состав пару раз. Нервная работа, быстро людей выжимает...

Анька издала неопределённый звук, который можно было расценить и как согласие, и как недовольство. Павел Сергеевич не обратил внимания — или не захотел обращать.

— Ладно, пора уже, — он вытянул из кармана брелок. — Ирин, залезай, подвезём.

— Спасибо! — Ира обрадованно улыбнулась.

Прежде чем забраться в пахнувший кожей и мужским парфюмом салон, она, не удержавшись, оглянулась на Оксану. Та, к несчастью, смотрела в другую сторону, а жаль! Поллюбовалась бы, кто в знакомцах у скромной секретарши, авось перестала бы докапываться по поводу и без... Ира ограничилась тем, что мысленно показала стерве язык, и почти уже закрыла дверь, когда поймала на себе изучающий взгляд. Зарецкий не привык выпускать из внимания ни одной мелочи.

VIII. Возмутитель спокойствия

— Синоптики обещают аномально жаркое лето, — торжественно озвучил Макс и прокомментировал: — Надо, что ли, минсельхоз предупредить. В жару всегда полудницы лезут...

— Наше дело — не предупреждать, а действовать, когда уже допредупреждались, — назидательно произнёс Старов. — Не переживай, там надзор работает. С превентивными мерами они отлично справляются сами.

Макс недоверчиво хмыкнул, выразив всё, что думает о коллегах, и принялся листать ленту дальше.

— О! На юго-востоке Москвы орудует маньяк, — жизнерадостно сообщил он. — Известные жертвы — молодые девушки, преимущественно светловолосые... Ир, ты, часом, не в Печатниках живёшь?

Ромашка встрепенулась, испуганно выглянула из-за кипы бумаг.

— Н-нет, в Ясенево...

— Вот и правильно, — одобрил Макс, подмигнув девушке. — На юго-восток не ездят. Так, что тут у нас... Очередное падение курса рубля, прогнозы аналитиков... И чего только шарлатанов всяких слушают? Сходили бы вон к Маргарите Алексеевне из финансов, человек виртуозно на кофейной гуще гадают. Точность пятьдесят процентов: либо сбывается, либо нет...

— Макс, сделай милость, заткни пасть! — не выдержала Ксюша. С утра она поцапалась с Мишкой на какую-то заумную тему, потерпела поражение и теперь злилась на весь мир. — У тебя дело есть, вот им и занимайся!

— А я уже всё сделал, — похвастался Некрасов. — Зарегистрировался там у этих чудиков, приглашалку получил. Вот в субботу пойду просветляться.

— Разведка боем? — усмехнулся со своего места Старов.

— Боем против логики и здравого смысла, — хохотнул Макс. — Ксюня, не смотри на меня так. Если бы у меня было какое-нибудь имущество, я бы переписал его на тебя.

— Зачем?

— Чтобы не досталось сектантам в случае безвременной гибели моего рассудка, — пояснил Макс с серьёзной миной.

Тимофеева прыснула.

— Завещай мне свою штормовку, и я, так и быть, передам твоё лишённое разума тело ученым. На опыты.

— Ну нет, мне тогда не в чем будет ездить на природу кому-нибудь поклоняться. Ребят, дайте заявку, пока я со скуки не сдох! — взмолился Макс. — Хоть на артефакты, хоть на нежить! Невозможно же!

— Кто-то в метро давно не спускался, — ядовито заметил Ярик.

— Кто-то на «тойоте», — парировал Макс. — Мы люди простые, общественный транспорт — наше всё.

— Хочешь — пробежимся в выходные по Сокольнической, — ласково предложил Зарецкий. — Ветка старая, кого там только нет.

— Я в выходные не могу, у меня секта, — напомнил Макс. — А что, есть заявки?

— Нет. Просто так, вместо спортзала.

Макс всерьёз задумался. Шастать ночью по обесточенным тоннелям — то ещё удовольствие, но у старших есть чему поучиться. Лучше уж терпеть издёвки Зарецкого в московской подземке, чем ждать, пока пристегнут, как Андрюху, к зануде Чернову и отправят к чёрту на рога.

— Давай на следующей неделе, — решил Макс. — Только, чур, никаких стресс-тестов.

— Ничего не обещаю. Нежить непредсказуема, — философски заметил Ярик.

— Я с вами хочу, — влезла Ксюша, однако Зарецкий покачал головой.

— Нет, не надо. Педагогический эффект пропадёт.

Макс гоготнул и тут же смутился, взглянув на раздосадованное Ксюшино личико. Попробовал бы кто другой ей отказать — получил бы едкую отповедь, но Ярика она слушается. Его, Мишку и Верховского, а больше, пожалуй, никого на этой планете.

— На тебе, не скучай, — сказал Старов и клацнул мышкой. — Только что прилетело. Надо проверить, кто там по ночам воет. Если правда нежить, сдадим надзору.

Макс жадно пробежал глазами заявку и остался недоволен.

— А чего так далеко-то? Через всю Москву пилить, — пожаловался он, оценивая по карте расстояние.

— Ты же любишь общественный транспорт, — ехидно напомнил Ярик.

Некрасов взвёл очи горе и демонстративно отвернулся, отказываясь переругиваться. Время — одиннадцать, к двенадцати как раз можно добраться, где-нибудь на часик возни, а потом надо будет поесть и назад; считай, день и прошёл. Выкинув из рюкзака всё лишнее, Макс распечатал на всякий случай текст заявки, проложил маршрут и поднялся из-за стола.

— Со щитом или на щите, — провозгласил он. Ира посмотрела на него обеспокоенно; приятно, чёрт возьми,

когда за тебя волнуется какая-нибудь прекрасная дама!

— Координаты оставь, — невинно попросил Ярик. — Куда потом мчаться тебя спасать?

— Я укажу в заявке на спасение, — пообещал Макс и, чувствуя себя победителем, отправился в путь.

Станция оказалась открытой. Стоило поезду раздвинуть двери, в вагон хлынул пьянящий запах буйствующей зелени. Парк, а вернее, обозванный таковым и чуть-чуть облагороженный лес, дуреющий от весны, начинался тут же, за низеньким бетонным забором. По другую сторону станции нежился в солнечных лучах спальный район, покинутый по дневному времени большинством обитателей. Макс покрутил головой, оценивая обстановку. Он располагал описанием нескольких примет местности и примерными координатами, любезно указанными заявителем; поиски, несомненно, следовало начинать оттуда. Несправедливо: нежить человека за версту чует, а некоторая особо продвинутая ещё и минуса от мага на раз-два отличает; саму же её поди отыщи... Чем дурью маяться, заморочились бы исследователи да изобрели бы какой-нибудь детектор — сколько бы сил всем сэкономили!

Под сенью деревьев по асфальтированным пешеходным дорожкам чинно фланировали пенсионеры и мамы с колясками. Протоптаные среди деревьев тропинки после позавчерашнего ливня ещё не просохли, а значит, конец кроссовкам. Макс, сколько получилось, прошёл по асфальту, сделал приличный крюк, а потом пришлось прыгнуть в желтоватую грязь. Одна радость — никто из здешнего гуляющего контингента за ним не последует.

Речушку, если верить табличке, звали Серебрянкой. Подходящее название для бегущей воды, за которой город прячется от неживых лесных обитателей. В самой речке мелко даже для самой неприхотливой водной нечисти, нет ни заводей, ни глубоких омутов. Макс зачем-то потрогал носком кроссовки торопливый прозрачный поток и поморщился от коснувшегося кожи холода. В следующий раз надо быть умнее и выбирать обувь не за модный бренд, а за практичность. Вон Мишкиным вездеходам вообще уже года три, и ничего им не делается: грязь палочкой отколупал — и беги дальше.

От ближайшего мостика Макс ушёл уже далеко, так что через речку пришлось перебираться прямо здесь, разувшись и закатав джинсы. Стоит повышать категорию хотя бы ради того, чтобы научиться наконец прыгать через пространство. Впрочем, старшие обычно предпочитают менее экстремальные виды перемещения, оставляя магию на крайний случай. Можно ли считать таковым необходимость брести почти по колено в ледяной воде? Не хватало ещё поймать простуду. Или битое стекло, тоже не слишком здорово. Хорош он, должно быть, со стороны! Надо было сначала перейти мостик, а потом уже сворачивать в глушь, но кто же знал...

Возмутительница спокойствия обнаружилась на удивление близко к указанным в заявке координатам. Русалка, прекрасная и печальная, как положено, сидела на берегу речушки, живописно разметав вокруг зеленоватые волосы. Почуввав рядом человека, неживая красавица вскочила и обернулась; на иссиня-бледном личике мелькнула радость, моментально сменившаяся разочарованием. Неужто ждала кого-то конкретного? Кого?

— Уходи, — грустно пропела русалка, укоризненно глядя на Макса большими водянистыми глазами.

Кроме венка из незабудок — и где только надрала в таком количестве? — на ней ничего не было. Макс привык уже к тому, что нежить плевать хотела на человеческие правила приличия, но всякий раз чувствовал себя неловко. Ладно ещё, когда оно бесплотное или мохнатое, а вот так... Зачарованное колечко в брови ощутимо нагрелось, отражая слабенькие чары. Русалка — не туманница, можно и поговорить, если осторожно.

— Младший офицер магконтроля Некрасов, — сухо сообщил он, для порядка щёлкнув корочкой. — По какому поводу беспокойство?

Напрямую не обращаться, имя не сообщать, в глаза не смотреть. Вроде всё соблюдено. Серебро ещё разок сердито обожгло кожу и успокоилось — видимо, русалка оставила надежды очаровать сурового контролёра. Вид у неё был, на удивление, не испуганный — скорее, несчастный.

— Уходи, — повторила она. — Ты мне не нужен.

— Девушка изволит ответить на вопрос? — прохладно поинтересовался Макс. — Жители жалуются на подозрительный шум.

Так и тянуло нахально обозвать русалку гражданочкой, но это было бы вопиющим нарушением всех мыслимых протоколов. Нет у нежити ни гражданства, ни прав, и хорошо. Не хватало ещё, чтобы какие-нибудь упыри принялись бороться за признание их отдельным малым этносом.

— Какое тебе дело? — тоскливо протянула русалка. Длинные бледные пальцы скользнули сквозь мокрые пряди. — Мне чужих жизней не надо... Я вас не трогаю, и вы меня оставьте...

— Надо бы прекратить выть по вечерам, — копируя Мишкины интонации, потребовал Макс. Потом, подумав, смиловился: — Либо можно встать на учёт в Управе и переехать туда, где никто никому мешать не будет.

— Нет! — испуганно пискнула русалка. Она отступила на полшага, коснулась пяткой воды и, вскрикнув, отбежала от речки подальше. Оказавшись таким образом ближе к Максиму. — Оставьте меня здесь! Я не буду... Не стану...

— Общеизвестно, — Некрасов, напрягшись, выудил из памяти подходящую формулировку, — что нежити

позволяется не покидать места обитания в непосредственной близости к человеку только при условии мирного сосуществования. В противном случае мы имеем право ликвидировать нарушителей.

Красавица отчаянно зыркнула куда-то в сторону; Макс, как учил Мишка, слегка шевельнул пальцами, готовый в случае чего накрыть шустрю девицу сетью. Впрочем, она очень уж не хотела уходить от своего наблюдательного поста, чтобы всерьёз пытаться удрать.

— Я не буду больше плакать, — заунывным голосом пообещала русалка. — Хочешь, поклянусь тебе? Не прогоняй только... Он сказал быть здесь...

— Кто сказал? — быстро переспросил Макс.

Русалка сделала страшные глаза и прижала ладони к бескровным губам. Интересные дела... Что тут у нас за самозванный надзор, который распоряжается нежитью по своему усмотрению?

— Не скажу... Не могу, — прошептала мёртвая девица, отчаянно мотая головой. — Обещала... Не заставляй...

В тоненьком голоске послышались истерические нотки. Макс мысленно помянул всех русалочьих родственников с их скудными мозгами и перепадами настроения. Что ж, выгонять куда-то эту красотку теперь не просто незачем — это контрпродуктивно. Надо выяснять, что это за загадочный «он», а значит, заставить русалку сдать паршивца, не нарушая клятв. Пошарив в рюкзаке, Макс вытащил оттуда учётную бирку. Интернет здесь, разумеется, не ловил. Макс наскоро соорудил заметку, в которой записал выбитый на серебре номер. Как только цивилизация вновь окажется поблизости, надо будет всем сообщить, чтобы последили за сигналами...

— Метку я всё же оставлю, — непререкаемым тоном заявил Некрасов, бросая цепочку в траву. Русалка покладисто наклонилась и подобрала бирку. — Если вдруг здесь опять услышат вой...

— Я буду молчать, — обречённо повторила нежить, безропотно надевая на шею цепь. Хоть бы саван какой у неё был, а то никакой конспирации... — Мне ничего не надо, только... Только его не трогайте. Мы никому зла не делаем...

— А что делаете? — брякнул Макс, позабыв про словесные экивоки. Бровь снова обожгло, и посильнее, чем в прошлый раз. Пришлось прикрикнуть: — Ну-ка без фокусов!

Русалка тоненько всхлипнула и замотала головой. Она, похоже, и сама не рада своей вредоносной природе. Любопытный случай, ничего не скажешь...

— Мы только говорим, — прошелестела нежить, нервно теребя бирку. Нет уж, красавица, теперь не снимешь, пока надзор не разрешит! — Только говорим. И ещё... Зачем тебе? — она вдруг оборвала сама себя, сердито сжала кулаки. — Что вам за дело до чужой... До чужого...

Макс едва удержался, чтобы не присвистнуть. Ксюхе понравится, она любит странные сказки. Ладно ещё русалка, соскучившаяся по ласке и отыскавшая себе кавалера на одну ночь, этого добра навалом, но чтоб так? А вообще умеет ли нежить всерьёз любить или ненавидеть? Вряд ли ученые когда-нибудь этим интересовались, а ведь любопытно...

— Нужно ли напомнить седьмую статью Магического свода? — официальным тоном осведомился Макс. — Во избежание дальнейших инцидентов.

— Нет. Я знаю... Помню... — русалка ещё раз тронула бирку и испустила горестный вздох. — Ты оставишь нас? Не придёшь больше?

— Зависит от обстоятельств, — отрезал Макс. Несчастной влюблённой ещё повезло: явился бы вместо негг Костик — молча депортировал бы куда-нибудь на Шатурские болота, и дело с концом. — Если нарушений больше не будет, то, наверное, не приду.

— Я не забуду, — серьёзно пообещала русалка. Макс не понял, была ли это благодарность или угроза. — И ему скажу... Скажу, что ты меня не тронул. Он тоже тебя не тронет.

Вот это милости, чёрт подери! Это кто тут будет решать, трогать ли офицера магконтроля? Интереснейший, однако, вырисовывается субъект, достойный если не былины, то особой папочки в отдельском шкафу. Макс задумчиво проводил взглядом русалку, удалившуюся грустить ниже по течению. Ну ладно, допустим, какой-нибудь сбрендивший минус мог вторгнуться в неживую красотку, но перед минусом она красотка вряд ли благоговела бы, будь он хоть трижды богат и влиятелен. Если взглянуть с этой стороны, то русалки — идеальные любовницы: кошечкой не интересуются, серьёзных отношений не требуют. Но они же, блин, мёртвые! Неужели не противно?..

— Не столько противно, сколько опасно, — мрачно поправил Мишка, когда Макс поделился сомнениями с коллегами. — Они же все поголовно жизненную силу тянут. Ну, то есть я могу понять русалку — нашла себе постоянную кормушку и радуется, но человек? Тем более если из наших...

— А русалки чем-нибудь полезные? — наугад спросил Макс. — Ну, в смысле, можно же домовых приспособить чистить хату, а лесовиков — следить за туристами...

— Ну и что, по-твоему, должны делать русалки? — фыркнула Ксюша. — Они ж только и умеют, что мужикам головы морочить.

— Мало ли, — буркнул Макс. Достойного применения истеричной нежити он сходу не придумал. — А есть

вообще магия, позволяющая управлять нежитью? Не через клятвы, а прямо подчинять полностью?

— Нет, — откликнулся Ярик, подняв голову от разложенных на столе бумаг. — Только договоры или шантаж.

— Погоди, а всякие там кудесники-волхвы-чародеи? Они могут? — Мишка наморщил лоб. — Мне кажется, я на что-то такое наткнулся...

— Сказки это всё, — Ксюша всласть потянулась и решила, что ей самое время прогуляться к чайнику. Макс, подумав, тоже полез за припасённым в тумбочке чаем.

— А вдруг не сказки?

— Максюша, — Тимофеева глянула на него укоризненно, как учительница на двоечника, — теория магии, базовый уровень. Чем маги отличаются от... ведьм, например?

Она красноречиво оглянулась на притихшую в своём уголке Иру. Мишка нахмурился, но ничего не сказал.

— Ну, — Макс убедился, что Оксанка всерьёз ждёт от него ответа, и послушно припомнил терминологию: — Ведьмы и колдуны силы черпают во всяких там переживаниях, и им обязательно нужен носитель для заклятий. А мы — всё за свой счёт. Поэтому можем больше и живём меньше, — жизнерадостно завершил он.

Ксюша благосклонно кивнула.

— Я примерно это и хотела услышать. Ведьмы, колдуны, шаманы, даже паразиты — все откуда-то извне силу тянут. С потерями, разумеется. Поэтому самый слабый маг сильнее самой сильной ведьмы, — она многозначительно хмыкнула. — Чувешь, куда клоню?

— К шовинизму?

— К тому, что ещё более мощного источника, чем собственная жизненная сила, не придумаешь! — Тимофеева досадливо поморщилась. — Следовательно, всякие побасенки про какие-то особо могучие сорта магии — сказки. Я так думаю, всякими кудесниками звали просто очень крутых магов, а потом перестали, потому что появились категории.

— Ну, фиг знает, — неуверенно протянул Мишка. — Надо научных спрашивать.

— А я и так знаю, что они тебе скажут, — Ксюша, сердито звеня ложечкой, плюхнулась в кресло и закинула ногу на ногу. — Что магия со временем вырождается. Отсюда и сказки про великих чародеев прошлого.

— Тогда почему бы не допустить...

— Потому что не надо строить необоснованных гипотез, — Тимофеева поджала губы. — Одно дело знать, что средний потенциал с годами снижается, а другое — верить во что-то невообразимое... Ну как ты будешь нежитью повелевать, если с ней рядом рот-то открыть страшно?

— Ярик, а ты же говорил что-то такое, — вдруг оживился Мишка. — Помнишь? Про тех туманниц...

— Я говорил ровно про то, что сейчас озвучил, — слегка раздражённо отозвался Зарецкий. — Либо сделки, либо угрозы.

— Интересно мне, что такого можно предложить туманницам, — скептически хмыкнула Ксюша.

— Или чем напугать, — подхватил Макс. — Ну, кроме Костиковой рожи, но она на этой неделе вне подозрений.

— Викентьевскими оправдательными писульками, — хохотнул Старов и тут же посерьёзnel. — А правда, Слав, чего может настолько бояться нежить?

— Небытия, — просто ответил Зарецкий. — Следовательно, всего, что может таковое гарантированно обеспечить.

— Тогда можно взять огнём и стать повелителем нежити, — заметил Макс. Он присел на пустой угол Андрюхиного стола и глотнул пахнущего мятой чая. — Ксюш, делись печеньем.

— Сам возьми, — отмахнулась Оксанка. — А с огнём не выйдет. Нормальная нежить тебя зачарует и удерёт быстрее, чем ты в неё прицелишься. И пакость какую-нибудь сделает на прощание. Вот с наших туманниц можно было попробовать что-то требовать, особенно если они там давно мариновались...

— А что с них требовать? — поднял брови Макс. — Они же состоят из тумана и злости.

— Блин, а это дельная мысль, — вдруг сказал Ярик. Он окончательно отвлекся от бумаг и принялся нервно крутить в пальцах карандаш, которым делал пометки. — Допустим, в ловушку их заманили обманом, а потом оставили дозревать до полного озверения. Только всё равно непонятно, зачем...

— Если бы кое-кто оставил хоть одну в... неживых, — укоризненно произнёс Мишка. — Привезли бы в подвал, расспросили бы...

— Я бы на это посмотрел, — Зарецкий зло усмехнулся. — А если серьёзно — Миш, даже не пробуй. Это тебе не лесовики — не заметишь, как уведут.

— Блин, это нечестно, — буркнул Макс, сердито разглядывая раскрошенное печенье. — Почему нежить умеет чарами морочить людям голову, а люди друг другу — нет?

— Люди прекрасно справляются и без чар, — заметил Ярик и перевернул чистой стороной вверх испещрённый цифрами лист.

IX. Без выходов

Пятницу безнадежно испортила Анохина, возжелавшая под конец дня видеть новую сотрудницу лично. Ира стойко выдержала пытки, бодро рапортуя, что всё прекрасно, она всем довольна, сложностей нет, зато есть огромное желание трудиться на благо канцелярии и контроля заодно. Наталья Петровна, похоже, не верила ни единому слову. Отвечая по третьему кругу на одни и те же по-разному сформулированные вопросы, Ира сама не знала, почему не хочется рассказывать начальнице всё начистоту. Наверное, ради Макса и Миши, а ещё из-за того, что саму Анохину никак не назовёшь союзником. Позлорадствует, ткнёт носом в неудачи и отправит обратно с указанием улыбаться пошире...

Проснувшись в субботу ни свет ни заря с дикой головной болью, Ира втайне обрадовалась предложению отбрыкаться от поездки на дачу к Сафоновым. Мама, разумеется, рвала и метала, но ни анальгина, ни правильного снадобья в запасах не нашлось, а варить свежее или бежать в аптеку не осталось времени. Наносить визит вежливости родители поехали вдвоём. Пользуясь сомнительной удачей, Ира долго не вылезала из-под одеяла, смотрела на теснящиеся за окном тучи и радовалась, что не надо краситься, рядиться в офисные доспехи и трястись в транспорте. Потом мир вспомнил о её существовании: прислала ворчливое сообщение Анька, которой скучно было одной в компании занятых своими разговорами старших, позвонили из деревни бабушка с Олей. Последним Ира всласть нажаловалась на все злоключения прошедшей недели; в отличие от мамы, ни бабушке, ни кухне и в голову прийти не могло читать нотации, а выговориться оказалось полезно.

— Не парься, Ириш, — искренне посоветовала Оля. — Маги — они все с прибабахом. Чего на них обижаться?

— Не все, — справедливости ради возразила Ира. — И я не обижаюсь. Бесят просто.

— Иринишка, — подала голос бабушка, — может, уволишься тогда? Что ж терпеть-то...

— Да не, ба, это ж всю трудовую испортит. Надо хоть немного отработать.

Бабушка поохала над нелёгкой внучкиной судьбой, но в ответ на просьбу не говорить маме легко согласилась. Крутой нрав старшей дочери она прекрасно знала. Когда родня, напередавав всем приветов, отключилась, стрелки часов вплотную подползали к одиннадцати; продолжать валяться без дела стало уже совестно, и Ира, волевым усилием выгнав себя из постели, занялась возвращением в нормальное состояние. Плюхнув на медленный огонь коврик с водой и травами, она забралась под душ и плескалась там полчаса, пока закипало снадобье. Вышло не так ядрёно, как получалось обычно у мамы, но тупая боль в висках отступила, и даже проснулась воля к жизни. Поразмыслив, чем себя занять, Ира остановила выбор на чтении, но, против обыкновения, взяла не художественное, а потрёпанный томик «Практического колдовства». Развиваться надо, а то половина разговоров в отделе непонятна и загадочна...

Очередной звонок, на сей раз с неизвестного номера, застиг её врасплох. Ира долго и недовольно смотрела на сердито вибрирующий телефон, решая, стоит ли брать трубку. Либо очередная реклама, либо какое-нибудь беспокойство. По закону подлости, если ответить, наверняка окажется первое, а если проигнорировать — второе, да ещё и чреватое неприятностями. Вздохнув, Ира прижала телефон к уху.

— Алло?

— Привет, — сказала трубка знакомым голосом. — Ты где сейчас?

— Макс? — не слишком уверенно предположила Ира. Это определённо Некрасов, только голос какой-то странный, да и вообще... С чего ему звонить?

— Ну да, я. Так ты где?

— Дома... А что случилось? — осторожно поинтересовалась Ира. Опять какая-нибудь кошмарная бумажная катастрофа? Только этого и не хватало.

— Поговорить хочу. Можно приехать?

Ещё и разговор не телефонный. Что ж, повезло хотя бы, что это Макс, а не какая-нибудь Тимофеева. Он-то вряд ли склонен к истерикам на пустом месте.

— Ну, хорошо, приезжай...

— Адрес подскажи?

Ира продиктовала. Макс скомканно поблагодарил и отключился, не обозначив ни времени, ни цели встречи. Вот красота-то... Для полного счастья не хватает только, чтобы родители раньше срока покинули сафоновские владения. Надо было предложить какую-нибудь нейтральную территорию, но чем лучше мысль, тем позже она приходит. Ира попыталась перезвонить, однако вызовы проходить отказались. То ли Макс спустился в метро, то ли выключил телефон. Зачем — даже думать не хочется.

До того, как запиликал домофон, Ира успела приодеться, ликвидировать следы утренней возни на кухне и приготовиться к худшему. Неужели она когда-нибудь к этому привыкнет? Для контролёров, судя по всему, отдых — понятие условное. Грустно, конечно, когда симпатичный парень набивается в гости исключительно по рабочим

делам... Но это не повод не напоить визитёра чаем. Злясь на саму себя за рассеянность, Ира щёлкнула клавишей на чайнике. Мама была бы недовольна.

Распахивая дверь в ответ на требовательную трель звонка, Ира нервно улыбнулась гостю.

— Привет.

Макс поздоровался в ответ и с интересом оглядел тесную прихожую. Ира стыдливо зачихнула под тумбочку рабочие папины ботинки, которые со вчерашнего вечера никто не удосужился помыть. От гостя не укрылся ни её манёвр, ни хаос косметической дребедени у зеркала, оставленный мамой в спешке.

— С родителями живёшь? — удивлённо поинтересовался Макс, сбрасывая кроссовки.

— Ну да, — Ира нарочито небрежно пожалала плечами. — А ты?

— Я снимаю, — сообщил Макс. — Давно уже, как универ закончил.

— Понятно, — бестолково брякнула Ира. — Проходи. Или торопишься?

Не торопился. Послушно прошёл на кухню, уселся по незнанию на Ирино место. Стоня гостя хозяйка не стала, спрашивать, что случилось, — тоже, хотя очень хотелось. Разливая по кружкам чай, Ира искоса оглядела Макса. С ним точно что-то не так. Взволнован? Да вроде нет, хотя за неделю Ира привыкла, что он чаще весёлый, чем задумчивый. Рассеянно барабанит пальцами по столу, рассматривает пёстрые магнитики на холодильнике. Кажется, он сегодня должен был разоблачать кружок каких-то фанатиков; неужели успел управиться?

— Как успехи с делом? — вежливо поинтересовалась Ира, ставя перед гостем кружку с чаем.

Макс изумлённо вскинул брови. Вот что не так! Не хватает серебряного колечка; должно быть, снял, чтобы не привлекать к себе внимания.

— Я про него и хотел, — признался контролёр и отхлебнул чаю. — Про этот... «Восход».

— Как-как? — переспросила Ира и тут же спохватилась: — Ой! Я забыла сахар, извини, пожалуйста...

— Точно, — Макс озадаченно заглянул в кружку. — Я вообще без сахара не пью...

Ира метнулась за сахарницей. По крайней мере, вазочка с печеньем на месте, под носом у гостя. Макс бросил в чай три кубика рафинада и поболтал в кружке ложкой — скорее ритуально, чем с целью размешать.

— Так что там за «Восход» такой? — спросила Ира, вежливо изображая интерес. — Или это секретно?

— Да не, точно не секретно, — Макс дёрнул плечом, будто отгоняя назойливое насекомое. — Фигня какая-то. Вроде ничего особенного, обычная дурь про очищение духовное, но... Можешь со мной в следующий раз пойти?

— Я? — Ира едва не поперхнулась чаем. — Зачем? В смысле... Я же не в отделе. Не разбираюсь в ваших делах...

Макс возрился на неё недоверчиво, будто силясь определить, кто из них несёт чушь. У контролёров, должно быть, принято без расспросов бросаться на подмогу, но на то они и высококлассные маги... А секретарша что может? Внимательно законспектировать душеспасительную проповедь?

— Ну... — Макс нахмурился. Ира готова была поклясться, что он усиленно пытается что-то сообразить. — Это, наверное, неважно. Мне просто надо...

Он озадаченно замолк. Поднёс к губам кружку, зачем-то понюхал чай, осторожно отхлебнул.

— Что тут?

— А, — Ира оглянулась на расписной чайник, будто он мог подсказать, что мама накидала в заварку. — Ну мята, смородиновый лист... Чабрец ещё. Ты такое не любишь?

— Да нет, я всеядный, — Макс сосредоточенно шурился на кружку, словно в ней крылся ответ на какой-то сакраментальный вопрос. — Просто похоже очень...

— На что?

— Да там наливали...

Макс бросил рассеянный взгляд в окно. Серого дневного света сегодня не хватало, и в кухне горела в три лампочки люстра; Ира даже чуть-чуть шурилась от излишних люменов, а Макс как будто всё равно. Зрачки у него были расширены, как в сумерках.

— Подожди-ка минутку, — пробормотала Ира, пытаясь собрать в кучу разрозненные мысли. — Погоди... Я сейчас...

Странная Максова растерянность, непонятные травяные настои, сдобренные перебивающим запахи чабрецом, всякая жуть, какую доводилось слышать про секты... Ира торопливо потрошила мамины мешочки, проворно меняя мерные ложки. Не ахти какое средство, но против слабых отравлений помогает, и потом, она всё равно не знает ничего лучше. Макс наблюдал за её лихорадочными метаниями с отстранённым интересом. Когда Ира отобрала у него недопитый чай и сунула под нос исходящую ароматным паром кружку, он удивлённо уставился на угощение и ничего не сказал.

— Пей, — распорядилась ведьма седьмой категории, втайне надеясь, что тот же Макс, очухавшись, не арестует её за несанкционированное применение дара. — Без сахара.

Впору было ожидать, что он начнёт упрямиться и расспрашивать, однако Некрасов безропотно повиновался.

Отпил, поморщился от горечи, уставился на Иру, словно в ожидании дальнейших указаний. Красивые у него глаза: большие, светло-серые, с приподнятыми уголками... Что за чушь лезет в голову!

— Давай, приходи в себя, — потребовала Ира, наклоняясь через стол и подталкивая к гостю кружку. — Пока всё не выпьешь, не отстану.

Прозвучало точь-в-точь как у мамы, когда она увещевает папу лечиться от какой-нибудь простуды. Но папа упрямится не в пример дольше; Макс, страдальчески морщась, но не говоря ни слова, мелкими глотками осушил кружку. Осовело заморгал, вспоминая, на каком он свете. Вид у него из отрешённого стремительно становился обескураженным.

— Хрень какая, — буркнул контролёр и прижал пальцы к вискам. — Это что за бурда была?

— Это у твоих психов там бурда, — обиженно отозвалась Ира. — Ты ведь ничего не успел натворить?

— Наверное, ничего, — Макс хмуро уткнулся в телефон. — Нифига не понял. Как это вообще?

— Напоили тебя какой-то гадостью, — авторитетно заявила Ира, отбирая у гостя пустую кружку и милосердно возвращая остывший чай. — Голова кружилась?

— Да нет, — медленно проговорил Макс. — Но всё время такое чувство дурацкое — понять не можешь, зачем что-то делаешь... Вроде надо, а кому надо — фиг знает. Бывают такие зелья?

— Не знаю, — Ира сокрушённо покачала головой. Руки механически сунули под кран кружку с зеленоватым осадком на дне. — Мама, может, в курсе, или бабушка... Хочешь, спрошу?

— Не, не надо, — Некрасов покачал головой. Потрогал левую бровь, недовольно поморщился. — Офигеть. Вот это поймали меня... Непростые, выходит, ребята.

Ира поёжилась и втайне обрадовалась, что она всего лишь секретарь. Весьма полезный секретарь. Впору собой гордиться, но лучше бы такое впрямь случалось пореже.

— А что ты должен был сделать? — спросила она, снова плюхнувшись на табуретку.

— Кого-нибудь привести, — мрачно отозвался Макс. — Я даже помню, как думал, кому бы позвонить. Блин, извини, я чуть не втянул тебя в эту хрень...

— Ничего бы у тебя не вышло, — хмыкнула Ира. — Я не внушаемая. Совсем.

— Везёт, — Некрасов наконец улыбнулся, и в кухне сразу стало уютнее. — Вот и Ярик говорит, что во всём надо сомневаться... Не сдавай меня ребятам, а?

— Конечно! — Ира с готовностью закивала. Ей и в голову не пришло бы выдавать Макса на растерзание отделским зубоскалам, только признаваться в этом как-то глупо. — А ты... опять туда пойдёшь, да?

— Само собой, — важно произнёс Макс. — Надо теперь расковырять, кто там из наших засел. Второй статьёй пахнет...

А он, похоже, доволен. Ещё бы: чем опаснее история, тем почётнее в неё ввязаться. Что стал бы делать Верховский, если бы узнал? Оставил бы всё как есть? Отдал бы дело кому-то более опытному?

— Макс, — осторожно сказала Ира, — если там всё так... Может, попросишь кого-нибудь помочь?

— Не-е-е, — протянул контролёр, улыбаясь от уха до уха. — Народ и так весь занят. Ну, разве что ты пообещаешь сварганить мне зелье, если я опять буду неадекватно себя вести.

— Разумеется, — брякнула Ира раньше, чем успела задуматься, шутит он или всерьёз.

— Вот и отлично! — провозгласил Макс и подмигнул. — Мы когда-нибудь расскажем о твоём подвиге шефу, и он возьмёт тебя в отдел. А с меня благодарность.

— Да ну, что там...

Они поболтали ещё с полчаса обо всякой ерунде, уничтожая запасы заварки и печенья. С Максом на удивление легко; вроде знакомы всего неделю, а такое чувство, что полжизни. И Анька при всей своей категоричности признала, что он хороший человек... Но Анька непререкаемый авторитет в Ириных глазах уже утратила. И вообще, нечего с магами связываться, особенно из контроля. Через три месяца можно будет сбежать куда-нибудь в финансы, и все треволения закончатся...

Родители вернулись часа через два после того, как ушёл Макс. Ира тщательно прибралась, но мама, судя по подозрительному прищурю, о чём-то смутно догадывалась. Может, заметила убыль печенья, может, уловила незнакомый парфюм. Ира идти с повинной не собиралась, а мама была слишком захвачена свежими впечатлениями и отложила выяснения на потом.

— Зря ты не поехала, — заявила она. По своему обыкновению мама перемещалась по кухне маленьким ураганом и оставляла за собой идеальный порядок. — Так посидели хорошо! Свириденко приезжали, вот уж кого сто лет не видела!

— Как там Татьяна Ивановна? — покладисто спросила Ира. Мама хочет рассказать — мама расскажет.

— Прекрасно, — с чувством доложила мама, разливая по кружкам чай. — Открыла новый салон где-то в Подмосковье. Машину, по-моему, поменяла, да, Вить?

— Угу, — без интереса подтвердил папа. Ему не слишком нравились мамины приятели из круга одарённых,

но из любви к жене он терпел.

— Удивительная женщина, — постановила мама и вдруг потянула носом: — Мелиссой пахнет, что ли?

— Я себе от головы делала, — честно сказала Ира, умолчав, что не только на это пошли запасы пахучей травы.

— Ну и сделала бы про запас, — мама бросила на неё укоризненный взгляд. — Так вот, о чём я?.. Татьяна

Ивановна Славика привозила. Он так изменился, ты знаешь, я сначала и не узнала!

Ира что-то промышчала, изображая интерес. Славика Свириденко она не видела лет пятнадцать, и хорошо бы так оно впредь и осталось. В детстве он был той ещё занозой, слишком хорошо осведомлённой стараниями матушки о собственной неповторимости и важности для вселенной; впрочем, с Анькиной помощью спесь с него время от времени удавалось сбить.

— В детстве такой толстячок был, — мама деликатно оттолкнулась от внешности; стало быть, больше не от чего. — А сейчас вытянулся, похудел, прямо красавец! Тебя, между прочим, помнит, — со значением прибавила мама, и Ира едва удержалась, чтобы не закатыть глаза.

— Продуктивно пообщались, — буркнула она. Нет уж, головная боль и Макс с его бедами однозначно лучше.

— А Павел Сергеевич, между прочим, расстроился, что тебя не было, — попеняла ей мама. — Он тебя очень уважает, ты знаешь? А ты мне даже не рассказала, что вы виделись на неделе...

— Забыла, — честно признала Ира.

— Ну так вот. Я думаю, в следующие выходные мы их к себе пригласим.

— Лен, может, обойдёмся? — подал голос папа. — У тебя у самой в субботу смена, ну какие нам застолья...

— Ой, Вить, ну что ты, в самом деле! — мама раздражённо звякнула ложечкой о блюде. — Я с Таней толком и поговорить не успела...

Ага, значит, будет Татьяна Ивановна, а с ней, без сомнения, и Славик. Не поздно ещё напроситься с Максом на сходку к сектантам? Хотя, если приедет и Анька, будет не так тоскливо... Ира втихомолку бросила подружке сообщение с просьбой поделиться впечатлениями. Наверное, глупо судить о людях по полуистлевшим детским воспоминаниям, но что делать, если других источников нет?

— Ирина, я надеюсь, ты не собираешься никуда удрать в следующее воскресенье? — угрожающим тоном спросила мама.

Манёвр был разгадан, ещё не воплотившись в жизнь, и Ира понуро помотала головой.

Х. Порядок во всём

Утро понедельника Макс встретил свежим, собранным и готовым к бою. Он точно знал, о чём доложить начальству, какие труды перерывать за неделю и что предпринять следующим шагом. Проснувшись ещё до звонка будильника абсолютно отдохнувшим, Некрасов оказался в Управе на полчаса раньше обычного, причём почти не помятым, потому что народу в автобусе было ощутимо меньше, но не первым: из-за отдельской двери слышался разговор на повышенных тонах.

— ...Ценные материалы, и где я теперь возьму обоснование для заявки исследователям? — хлестнуло по ушам, стоило сунуть нос в родной кабинет. — Вопиющая безалаберность! Имей в виду, я доложу Александру Михайловичу...

Андрюха, смятый решительным натиском Чернова, удручённо кивал и отступал к переговорке, словно надеясь там укрыться от праведного гнева. Бедолагу надо было спасать, и Макс, недолго думая, вызвал огонь на себя.

— Костя-в-горле вернулся! — возвестил он громко. — Привет, ребята. Чуть свет — уж на ногах, и сразу же скандал?

— Привет, — раздражённо бросил Чернов и нервно дёрнул уголком рта. — Бармин, делай, что хочешь, но к вечеру чтобы заявка была готова. Сил моих нет...

Костя сердито вздохнул и ретировался за свой стол. Андрей бочком пробрался на рабочее место и спрятался за разлапистым цветком. Есть всё-таки польза от растения... Чернов, пыхтя от злости, поковырялся в почте, педантично разложил на столе ворох квитанций и с неумолимостью танковой башни повернулся влево. У Макса на столе цветов не было, пришлось принимать бой.

— Что вы тут натворили за неделю? — властно, впору Верховскому, потребовал ответа Костик.

— Ничего непоправимого, — бодро отрапортовал Макс. — Видишь — Москва на месте, не провалилась без тебя.

Чернов хмыкнул, всем своим видом показывая, что это не заслуга коллег, а недосмотр каких-нибудь злых сил, на редкость безалаберных. Макс, будучи виновником доброй половины прошлонедельных бед, не стал ввязываться в полемику.

— На пятничной планёрке что было?

— Ну, — Макс наморщил лоб, припоминая, кто чем занят, — Мишка ловит паразита и разбирается с аномальной активностью нежити, у Ярика какие-то жутко секретные дела с Верховским, Ксюша на текучке, а у меня сектанты.

— А для нас?

— Не говорил ничего. Сами спрашивайте...

В коридоре знакомо зацокали каблучки, а через мгновение Ксюша явилась во плоти, с навязчивым шлейфом горьковатых духов и с неизбежным пакетом сладостей. Костик сухо с ней поздоровался, Тимофеева ядовито улыбнулась в ответ и поинтересовалась, как прошла командировка. Похоже, настроение Оксанке успели испортить раньше.

— Паршиво! — возвестил Костя, хмуря куцые брови. — Упыря так и не нашли, если он там был вообще. Мне кажется, местные просто устали бодаться с паникёрами, вот и сплывили нам дело. Зато коровью смерть поймали и, возможно, наткнулись на новый разлом. Если бы кое-кто не потерял образцы... — он красноречиво зыркнул на прикрывавший Андрюху цветок.

— Ты сказал выбросить, — мягко возразили из-за печально колышущихся листьев.

— А самому головой подумать?! Я был занят! — снова завёлся Чернов. — Пока в отделе будут терпеть идиотов, так и останется полный бардак... Девушка, приёмные часы с десяти!

— Ира — наш новый секретарь, — с удовольствием сообщила Ксюша. Шаповалова перепуганным сусликом застыла у своего стола, непонимающе хлопая ресницами. — Ириша, знакомься: Костик — наша гордость и надежда, и Андрюша — просто хороший человек.

Ира вежливо сообщила, что ей очень приятно. Бармин высунул нос из своего укрытия и приветливо улыбнулся; гордость и надежда явно конденсировала в мозгах какую-то пакость. Костик окинул новенькую высокомерным взглядом и поинтересовался начальственным тоном:

— Девушка, какая у вас категория? Вы же маг?

— Нет, ведьма, — настороженно ответила Ира. — Категория седьмая.

Чернов хищно фыркнул, почуяв добычу. Девочку надо выручать, тем более что за Максом должок, а Костик пусть лучше орёт на тех, кто к нему привык.

— Спокойно, Кость, — примирительно сказал Некрасов. — Ира у нас на других фронтах воюет.

— В самом деле, — нежно заметила Ксюша. — Сам подумай: ну какой маг пойдёт секретарём?

— В важнейший отдел можно было бы подыскать компетентного человека! — гаркнул Чернов, заставив непривычную Иру и пугливого Андрея вздрогнуть. — Один непрофессионал губит всю команду! Учитывая специфику и ответственность...

— С добрым утром, — любезно поздоровался Ярик, аккуратно прикрыв за собой дверь. — Кость, там правопорядок интересуется, кого мы здесь убиваем с утра пораньше. Ты хоть секретность соблюдай, если нормировку шума не хочешь.

Ксюша хихикнула, Чернов воинственно блеснул очками. Любви к коллегам он за неделю знатно поднакопил.

— Узнаю свой отдел, — процедил Костик, провожая Зарецкого неодобрительным взглядом. — Что за подзаборный вид? Можно хотя бы в день установочных встреч одеться прилично?

— Для встреч у нас есть ты, — заметил Ярик, бросая рюкзак на подоконник. — Я предпочитаю работать.

— Не хами мне, Зарецкий, я тебя ещё стажёром помню! — тут же взвился Чернов.

— Вот беда, — флегматично протянул Ярик. — Это ведь сколько лет прошло. А зама у Михалыча как не было, так и нет...

Чернов побледнел и стиснул в пальцах пачку сигарет. Макс тихонько вздохнул и заглянул в кружку, на дне которой плескался не допитый в пятницу чай. Ничего, явится Верховский, выслушает в логове Костиковы вопли, выдаст Чернову задачу — и всё вернётся на круги своя. Убедившись, что оба старших уткнулись в мониторы, Макс подмигнул притихшей Ире. Выпросить бы у неё про запас зелье, которое вправило ему мозги в субботу, но за такими делами в снабжение надо, а не к коллегам, пусть даже очень симпатичным...

Мишка явился без трёх минут девять и умчавшегося курить Костика в кабинете не застал. Тем не менее, мирный тон повествующего о таёжных приключениях Андрея его не обманул.

— Утро добрым не бывает? — сочувственно поинтересовался Старов у всех сразу.

— Соскучились просто, — бросила Ксюша и подтолкнула к краю стола вскрытую пачку печенья: — Угощайся, Миш.

— Спасибо. А упырь-то как?

— Курить ушёл, — встрял Макс прежде, чем Андрюха успел ответить.

Ира тихонько хихикнула вместе со всеми. Молодец, держится; её предшественница после знакомства с Костиком час ревела в туалете. Атмосфера понемногу вернулась в привычное рабочее состояние; Мишка, добрая душа, советовал Андрею, как лучше составить пресловутое описание для исследователей, Ксюша грызла печенье и разбирала письма, Ярик в ядовито-официальной манере ругался по телефону с безопасностью. Макс рассудил, что и ему хватит уже бездельничать, и полез в базу за информацией. В итоге шеф застал в кабинете идиллическую картину, милую сердцу любого руководителя: все при деле и никто не сотрясает воздух понапрасну.

— Ксюша, сегодня есть народ на присягу, — раздавал распоряжения Верховский, неспешно шагая вдоль столов к логову. — Ярослав, дожди Викентьева, их объяснительная меня не устраивает. Андрей, жду отчёт о командировке. Где Чернов?

— Вышел, скоро вернётся, — отрапортовал Мишка.

— Прекрасно. Появится — пусть зайдёт.

— Подождите, ещё не вся скверна изгнана из Управы, — тихо сказала Ксюша, дождавшись, пока за шефом закроется дверь.

Костик, как выяснилось, времени зря не терял. Заявился он с растрёпанной охапкой бумаг, которая тут же шлёпнулась на Ирин стол. Макс напрягся, и не он один: Ксюша тоже подобралась, косясь на готового бушевать Чернова.

— Почему я должен выгребать лоток для входящих? — сварливо поинтересовался он.

— Вы и не должны, — Ира нервно улыбнулась. — Я забираю бумаги в одиннадцать. Но спасибо за помощь.

Чернов поморщился, как от зубной боли, и зашёл с другой стороны:

— Я надеюсь, вы в состоянии оформить выплаты по командировке?

— Если все документы на руках, то да.

— Андрей, давай сюда чеки, — распорядился Костик. — Имейте в виду: бухгалтерия не терпит срыва сроков...

— Да, я в курсе, — перебила Ира, и это было ошибкой.

— Девушка, — вкрадчиво прошипел Чернов, довольный, что ему дали наконец повод выпустить пар, — если мои коллеги позволяют пренебрежительное к себе отношение, то я не намерен терпеть...

— Костик, заткнись и иди к Верховскому, — не поднимая головы от бумаг, посоветовал Зарецкий.

Чернов подскочил, точно его током ударили, и нехорошо сощурился.

— Он здесь? Вызывал? Вы какого лешего молчали?

— А ты нам слова сказать не даёшь, — скучающим тоном заметила Ксюша.

— Безответственность, — рыкнул Костик куда-то в мироздание. Зарецкому он всё-таки отомстил: проходя

мимо, на миг задержался и рывкнул: — От тебя завтра к вечеру жду черновик отчёта за месяц, ясно? На этой неделе сдавать!

— Жди на здоровье.

Чернов предпочёл не расслышать. Хлопать дверью логова духу ему не хватило, но он не преминул напоследок обвести кабинет пылающим взглядом. Ксюша душераздирающе вздохнула ему вслед и возвела очи горе.

— Пошла веселуха... Нафига ты его выбесил? — укоризненно спросила она, повернувшись к Ярику.

— Нечего тут показательные выступления устраивать, — хмыкнул тот, и Макс вдруг понял, что Зарецкий раздражён ничуть не меньше Чернова. Безопасники, что ли, допекли?

— Ир, есть сегодня что-нибудь на выезд? — поспешно сменил тему Некрасов.

— Есть, — с готовностью отозвалась Ира. Похоже, то, что не одной ей досталось от злющего, как упырь, Чернова, немного её утешило; во всяком случае, слёз в голосе не слышалось. — Крылатское — проблемы с водяными. В Битцевском лесопарке предположительно видели болотника. Просят проверить дом под снос в Чертаново, не засел ли там кто... И ещё вот — наследство на артефакт, это в районе Краснопресненской.

— О, давай мне, — быстро сказал Макс. — Андрюх, Битцу возьмишь?

— Мне дела после командировки разобрать надо, — кротко отозвался Бармин. — Если до завтра терпит, то могу взять.

— Когда пациент хочет жить, медицина бессильна, — вздохнул Макс. — Ксюш, как насчёт зверушек погонять?

— Я сегодня в офисе. Хочешь ехать с комфортом — возьми такси, — хмыкнула Тимофеева, безошибочно разгадав манёвр.

— Да давай я смотаюсь, — вызвался Мишка. — И в Крылатское тоже, мне всё равно на водохранилище надо...

— А мне тогда Чертаново, — решил Зарецкий. — Только после обеда. Тут безопасники невоспитанными ходят, надо это дело исправлять.

— Натрави на них Костика, — хмыкнула Ксюша.

— Нет, они мне в здравом уме нужны.

Викентьевский подданный, лёгок на помине, явился лично минут через десять, не подозревая о притаившейся в магконтроле угрозе его душевному здоровью. Впрочем, Костика парень пришёлся бы по душе: в отутюженной форме, при погонах, с офицерской выправкой и написанным на лице служебным рвением. Чернову вообще гораздо уютнее было бы в смахивающей на маленькую армию безопасности, если бы он считал за людей не шибко талантливый тамошний контингент.

— Лейтенант Нестеров, — представился визитёр. — Могу я видеть Александра Михайловича Верховского?

— Не можете, — сообщил Ярик, мельком оглянувшись на логово. — Если по делу Кузнецова, то это ко мне.

— Я уполномочен предоставить...

— Предоставьте мне.

Безопасник поколебался, но бумагу отдал. Зарецкий, хмурясь, изучил документ и с каменным лицом возвратил посланцу.

— Не пойдёт, — равнодушно сказал он. — В последнем письме я просил явно указать ответственных за инцидент. Без этого не примем.

— Мы не можем раскрывать эти сведения, — заупрямился лейтенант Нестеров.

Не на того напал. Ярик и так упёртый, как стадо баранов, а тут ещё и Верховский велел дожать... Макс припомнил, как настырно требовал его собственной крови викентьевский отдел, и всецело принял сторону коллеги.

— Вы не можете указать исполнителей по заявке, оформленной моим подразделением? Я правильно понял? — нехорошо улыбаясь, уточнил Зарецкий.

— На все данные по этому инциденту наложены ограничения по доступу... — безопасник сделал попытку защититься, но сам загнал себя в ловушку. Ярик не без удовольствия щёлкнул у него перед носом служебной корочкой и вежливо поинтересовался:

— Неужели назначили первый уровень?

— Нет, — лейтенант, похоже, растерялся. Не привык, что где-то за пределами родного этажа есть люди с высокоуровневыми допусками, да ещё и почти штатские. — Хорошо, я передам вашу просьбу. Ещё один момент: Евгений Валерьевич просит вас и вашего протоколиста явиться в течение дня и ответить на ряд вопросов...

— Нет, — Зарецкий сердито скрестил руки на груди. — Евгений Валерьевич лично присутствовал на допросе, видеозапись и протокол в его распоряжении. Не считаю нужным тратить его и наше время.

Безопасник, успевший уже понять, что на контроль где сядешь, там и слезешь, лишь коротко кивнул и сделал попытку ретироваться. Оклик Зарецкого нагнал его у двери.

— Лейтенант! Учтите, пожалуйста: если Ирина получит подобное распоряжение через Анохину, мне

придётся эскалировать вопрос на Александра Михайловича и выше.

Нестеров учёл и исчез в коридоре. Макс покосился на Иру; она, бедняжка, совсем растерялась, очутившись на перекрестье интересов двух рассорившихся отделов. Что ж, ей вряд ли что-то всерьёз грозит, а вот за Викентьева Макс бы не поручился. Верховский зол из-за политических игр, Зарецкий ненавидит, когда его отвлекают от работы, а вместе эта парочка кого хочешь вгонит в гроб, и никакой Костик не понадобится.

— Что, правда на руководство поднимешь? — ревниво спросила Ксюха.

— Да не понадобится, — хмыкнул Ярик. — И так сидят, как мыши под веником. Засекретили всё...

— А что случилось? — подал голос Андрей.

— Потом расскажу, — отмахнулся Зарецкий. — Опять отношения выясняем вместо того, чтобы делом заниматься. Ира, сообщите, пожалуйста, если всё-таки попытаются вызвать, — прибавил он, откинувшись в кресле, чтобы увидеть Шаповалову из-за Ксюшиной спины. — У тебя неприятностей не будет.

Да уж, у неё точно не будет — будут у бедных безопасников, если вздумают-таки протянуть лапы к секретарше магконтроля. Ксюша начала было что-то говорить, но тут ожил телефон у неё на столе. Судя по ласковой улыбке, проступившей на лице Тимофеевой, звонил кто-то малоприятный.

— Да-да, конечно, направляйте, — медовым голосом пропела Ксюша в трубку прежде, чем раздражённо швырнуть её в гнездо. — Вот коза! «Оксана Сергеевна, вы на месте?» — кривя яркие губы, передразнила она. — Где мне, блин, быть-то ещё?

— В прошлый раз тебя не было, — заметил Ярик.

— В прошлый раз шеф срочно на встречу позвал, — буркнула, оправдываясь, Оксанка. — Ладно, народ, сделайте цивильные лица, к нам едут тестики...

Она задержалась у зеркала, поправляя и без того идеально лежащие локоны, и с радушной улыбкой выплянула в коридор. Ира задумчиво проводила её взглядом и, кажется, прислушалась к многословному инструктажу. Должно быть, живы ещё воспоминания о собственной присяге, она ведь не так давно сдала... Мужик в возрасте, который обрабатывал Макса, уволился до того, как Некрасова взяли стажёром, а жаль. В том, чтобы работать вместе с человеком, заверившим твоё право использовать дар, есть что-то сентиментально-торжественное.

Ксюша продефилировала к переговорке, увлекая за собой растерянного худосочного паренька. Процедура у неё отработанная и безотказная: заботливо заваренный чаёк с неизбежными конфетками, ненавязчивый допрос, выслушивание клятвы, сопровождаемое приятной улыбкой, и торжественное вручение удостоверения. Парнишка, во всяком случае, выскочил из переговорной абсолютно счастливым.

— Что ты там с ними делаешь? — вполголоса хихикнул Макс, пока Оксанка шествовала мимо за следующим посетителем. Тимофеева молча показала ему кулак.

Вернувшийся из логова Костик вид имел настолько мрачный, что сама собой вспомнилась заявка на Краснопресненскую. Созвонившись с заявительницей и удостоверившись, что она готова встретить контролёра хоть сейчас, Макс быстро собрался и отправился на выезд. Дом на адресе оказался скромненькой старой пятиэтажкой, выглядевшей уныло среди соседних монстров из стекла и бетона. Нужную квартиру можно было без труда опознать по далеко разносившимся трелям перфоратора: наследники всю осваивали полученную жилплощадь. Звонок, впрочем, услышали сразу и тут же открыли. Молодая пара — он весь в цементной пыли, она со следами краски на руках — засуетилась в застеленной полиэтиленом прихожей, разыскивая для визитёра пристойные тапочки.

— Ну, у нас как, — частила хозяйка, то и дело отбрасывая со лба выбивающийся из-под косынки локон, — Людмила Сергеевна, царство ей небесное, одну штучку мне оставила... Она чисто женская, Пашке без надобности, а я — не родная кровь, вот и получается, что принять не могу... Вот, смотрите.

Макс собственноручно открыл протянутую ему шкатулочку и оглядел незатейливую серебряную брошку. Простенькая вещица, действительно сугубо дамская; в заботливо вложенном под крышку свидетельстве — короткий список видов воздействия. Ничего опасного. Макс повозился минут пять, проверяя строптивое наследство на проклятия и вредоносные чары, ожидаемо ничего не обнаружил и принялся за оформление. Хозяйка дежурила рядом, по первому требованию притаскивая то завешание, то паспорт, то чистую табуретку, на которую не страшно положить бланк. Скучная процедура; неудивительно, что старшие отбрыкиваются от таких заявок, как только могут.

— Давайте руку, — распорядился наконец Макс, когда с заполнением бумажек было покончено.

Женщина с готовностью протянула ему раскрытую ладонь. Макс вложил в неё брошку, сосредоточился на структуре опутывающих артефакт тонких чар, деликатно разрывая старые связи и устанавливая новые. Чёрт его знает, почему ведьмовские поделки так трепетно относятся к кровному родству, но для учёта это к лучшему: всегда знаешь, в какой семье хранится та или иная побрякушка. Если, конечно, не объявится какой-нибудь мощный нелегал, который сумеет взломать сложные цепочки чар, но таких, к счастью, при обнаружении ликвидируют сразу. Нечего дурить государству голову.

— Готово, — сообщил Некрасов, отпуская перепачканные водоэмульсионкой пальцы. — Владейте на здоровье. Сертификат остаётся вам.

— Спасибо! — обрадованно улыбнулась хозяйка. Не слишком-то её огорчил отход мужниной родственницы в мир иной.

Выскочив из затхлой темноты подъезда в залитый солнечным светом двор, Макс отряхнул с джинсов белёсую пыль и мельком взглянул на часы. Если поторопиться, можно будет закончить сегодня с магической фармакопеей и завтра начать ковырять обозначенные в открытом виде сектантские персоналии. А заодно и спросить у Иры, чего бы такого загодя принять на грудь, чтобы не поддаваться всяким нехорошим зельям. Чем не повод для разговора?

XI. Безответственность

К вечеру понедельника Ира окончательно определилась с тремя главными причинами не любить свою работу, и имена им были Тимофеева, Зарецкий и Чернов. Если со второй и третьей строчками рейтинга ещё не всё было ясно, то на пьедестале победителя прочно обосновался очкастый Константин. Немного утешало то, что Чернов изводил решительно всех, кроме начальника; больше всех перепадало безответному Андрею, но того коллеги защищали, а Ире оставалось только надеяться, что кому-нибудь достаточно зубастому надоест слушать гневные тирады. Придирки сыпались, как из рога изобилия: опечатка в заявке, слишком громкий топот, сквозняк из приоткрытого окна, недостаточно вежливое обхождение... Всплыв после очередного напоминания о том, кто тут маг третьей категории, а кто — слабосильная ведьма, Ира порылась в реестре сотрудников и весь остаток дня издевательски-вежливо величала обидчика исключительно Константином Игоревичем. Это возымело эффект — правда, противоположный задуманному: вместо того, чтобы взбеситься пуще прежнего, Чернов остался доволен и на время притих. До первого же серьёзного проступка, разумеется.

Во вторник Ира, как могла, оттягивала миг, когда придётся входить в кабинет, в надежде, что туда успеет набиться побольше народу и у Чернова будет хотя бы несколько мишеней на выбор. В итоге ехала в лифте вместе с припозднившимся Максом. Младший офицер был бодр и весел, от него терпко пахло сигаретным дымом, а художественно драные джинсы и вопиюще несерьёзная майка превращали его в превосходный щит против отдельской гордости и надежды. Некрасов жизнерадостно болтал о какой-то ерунде, а потом поинтересовался зельями, нейтрализующими всякую отраву, и Ира покладисто рассказала, что помнила. Макс всё ещё намеревался распутывать своё дело в одиночку, и за него было страшновато. С другой стороны, сдать его коллегам означало разрушить намечающуюся дружбу, да и кому сдавать? Разве что Мише, но к Мише Макс пошёл бы и сам...

— Привет, ребята, — лёгкий на помине Старов выскочил из соседнего лифта и пятернёй взъерошил непослушные вихры. — Как настрой?

— Боевой, — отрапортовал Макс. — Миш, как там наш паразит-то?

— Да где ж его теперь найдёшь, — хмыкнул Старов. — Будет сидеть тише воды, ниже травы, разве что совсем оголодает. Ты не переживай, прищучим рано или поздно, восстановим твоё доброе имя. Привет, народ!

Народ откликнулся вразной, занятый кто чаем, кто почтой. Андрей, вооружившись карандашом, заботливо рыхлил землю в цветочном горшке. Как он вообще умудрился попасть в здешний гадюшник? В насмешку, что ли, Верховский его взял?

— Скоро лето, — пропела Оксана, глядя в приоткрытое окно, сквозь которое в кабинет проникал пахнувший молодой листвой ветерок. — Работы прибавится...

— Зато и отпуск ближе, — жизнерадостно заявил Миша. — У меня вот в июле.

— Куда поедешь? — празднично спросила Тимофеева. — Опять в горы?

— Ага, думаю на Алтай. Мне фотки показывали — красота...

— Что тебя вечно тянет в какие-то медвежьи углы? — презрительно фыркнула Оксана. — На работе беготни по лесам не хватает?

— Так то по работе, а это — по любви! — хохотнул Миша. — Сама-то куда?

— В Грецию, — Тимофеева мечтательно закатила глаза. — Вот это я понимаю — отдых. Море, солнце, древние цивилизации...

— Съезди в Мурманск, — невинно предложил Зарецкий. — Море в наличии, солнце круглые сутки, а лешаки в окрестностях попадаются — мамонтов помнят.

— Вот сам и езжай к своим лешакам, — беззлобно огрызнулась Оксана. — Если вообще когда-нибудь в отпуск соберёшься, трудоголик фигов.

— Соберусь, не переживай, — пообещал Зарецкий, потягиваясь в кресле. Похоже, обе занозы сегодня настроены на дружелюбный лад, а третья за всё утро только вяло пожаловалась на жару — вот и прекрасно. — Осенью где-нибудь.

— Куда рванёшь? — поинтересовался Макс, щёлкая клавишей на чайнике. Ире вдруг очень захотелось, чтобы и у Некрасова кто-нибудь спросил про отпуск.

— На родину, — хмыкнул Зарецкий. — Давненько меня там не было.

— А я б её век не видел, эту родину, — буркнул Макс. — Не для того в Москву перебрался.

— А как же родня? — подал голос Андрей. Максова реплика всерьёз его обескуражила.

— Родню проще любить по видеосвязи, — сумрачно заметил Некрасов. — А в отпуск... Не знаю, я бы куда-нибудь в старую Европу метнулся. Типа, всякие рыцарские замки, традиции, легенды...

— Гиды тебе напридумывают и легенд, и традиций, — насмешливо сообщила Оксана. — Денег им только оставляй побольше. Ярик, ты куда?

— На заявку, — Зарецкий набросил на плечи куртку, не без труда разминулся с несущим кружку кипятка Максом и в дверях столкнулся нос к носу с начальником.

— Сидеть на месте, — скомандовал Александр Михайлович, — заниматься делом. Миша, съезди посмотри, что там случилось.

— Я уже заявку забрал...

— Ничего, Ирина исправит, — ласково заверил Верховский и повернулся к Ире: — Этому деятелю — никаких выездных заявок. Мне нужны результаты, и быстро.

Ира кивнула и полезла искать проскользнувшее мимо её внимания обращение. Зарецкий перечить начальнику не посмел, разве что раздражённо вздохнул, возвращаясь на место. Очень мило, конечно, что его прищучили, но лучше бы в кабинете остался добродушный Миша. Появление начальника мигом свело на нет витавшее в воздухе умиротворение; коротко справившись у подчинённых об успехах и планах на день, Верховский раздал нагоняи и поручения, похвалил Андрея за обстоятельный отчёт и — о чудо! — прогнал Чернова что-то узнавать у правопорядка. Ира бы его расцеловала, если бы позволяла субординация.

«Закрой, пожалуйста, окно», — всплыло на экране под именем Тимофеевой. Ира оглянулась на внимательно разглядывающую монитор соседку. Могла бы и вслух попросить, или не хочет отвлекать шефа от беседы с Андреем? Отрываться от экрана Оксана не собиралась, так что оставалось только выполнить просьбу. Жалюзи тут же перестали шелестеть, а приятный сквознячок прекратился.

— Ир, ты чего? Хорошая же погода, — недоумённо спросил Макс. — Запаримся тут.

Тимофеева молча изучала монитор, на котором, не иначе, проступили ответы на все тайны вселенной. Вот ведь коза! Чернов ведь говорил с утра, что ему жарко; сейчас вернётся и начнёт стремительно звереть, а Оксаночка сразу же ткнёт изящным пальчиком в виновницу... Ладно же, если хочет разборку при начальстве — останется с носом. Ира дотянулась до лежавшего рядом с чайником пульта и включила кондиционер. Макс буркнул что-то благодарное, Верховский, кажется, даже не заметил, а Тимофеевой только и оставалось, что делать страшно занятой вид.

— Нужен будет список адресов, где держат домашнюю нежить, дальше надзор с безопасностью сами справятся, — Александр Михайлович завершил инструктаж и повернулся к притихшему Зарецкому. — Кстати, о птичках. Объяснительная где?

— Опять принесли без указания имён. Я вернул, — скучным тоном отозвался тот.

— А по сути что? Не выяснил?

— Ну, на самом деле, почти всё ясно, — Зарецкий скрестил на груди руки. Больше ничем своего недовольства он не выказывал. — Господин сопровождающий, кто бы он ни был, вопреки моему явному указанию поволок нелегала на второй этаж. Там, разумеется, расслабился — все же свои. Видимо, оставил Кузнецова где-то ждать. Дальше при наличии толкового сообщника — дело техники.

— Это если милейший маг не сидит прямо сейчас в катакомбах под крылышком у Викентьева.

— Не сидит. Я у домовых спрашивал — нету там никого, и пару месяцев уже не было.

— С управской нежитью разговариваем? — ласково осведомился Верховский. — Знаешь, что со мной надзор сделает, если узнает?

— Да ничего не сделает. Это второй допуск.

Александр Михайлович, помедлив пару мгновений, одобрительно хмыкнул.

— Домовые... Я про них не подумал. Ладно, а что там с сообщником?

— Он был, — уверенно заявил Зарецкий. — Кто-то, кто хорошо знает здание. Сам этот тип не сбежал бы, в безопасности не дураки сидят.

— Тип, кажется, по третьей статье проходил?

— Не настолько. Вот, посмотрите, — перегнувшись через стол, Зарецкий протянул начальнику распечатку.

— Ни сил, ни умений, — протянул Верховский себе под нос, хмурясь на бумагу. — Шестнадцатая категория!

Почти минус...

— Косноязычие, развязное поведение, показное пренебрежение к закону, — охотно продолжил Зарецкий. — Напоминает, да?

Он щёлкнул ногтем по опечатанной папке. Александр Михайлович задумчиво проследил за жестом и потёр гладко выбритый подбородок.

— Отсюда много чего изъято, — заметил Зарецкий. — Полагаю, чтобы до этого добраться, надо быть членом Магсовета, не меньше. И досье тоже очень качественно подчищены, не знаешь — не догадаешься. Александр Михайлович, сколько неудобных вопросов вам задали за то, что вы подняли это дело?

— Сколько бы ни было — все мои. Мы можем куда-то продвинуться?

— Да. Викентьев прав, знакомые фамилии в деле есть.

— Копай, — Верховский оперся кончиками пальцев о стол. — И вот ещё что. Если безопасность доберётся до

твоего Кузнецова первой, я буду крайне разочарован.

— Не будете.

Александр Михайлович кивнул и вдруг уставился прямо на Иру. Мгновенно пришли на ум самые нелестные слова в собственный адрес: ну за каким интересом было прислушиваться, да ещё и пялиться при этом на начальника?

— Ирина, у вас всё в порядке?

— Да, извините.

— Прекрасно. Хорошего дня.

Верховский удалился в логово, оставив за собой едва уловимый шлейф строгого парфюма и малоприятное ощущение полученного выговора. И ведь за что? Хотел бы секретничать — ну и позвал бы к себе в кабинет хоть Зарецкого, хоть чёрта лысого, там звукоизоляция — лучше некуда! Теперь ещё вспомнит, что Ира присутствовала при допросе этого Кузнецова, и на сей раз никто её от беседы спасти не будет. Скорей бы уж поймали этого нелегала несчастного, и лучше бы безопасность...

Стрелки часов подползли вплотную к полудню, когда телефон вдруг требовательно запиликал. Ира вздрогнула от неожиданности — ей до сих пор звонили только из техподдержки и из кадров — и схватилась за трубку, с трудом соображая, что надо говорить. Впрочем, озвучить наспех придуманную приветственную фразу ей не дали; в ответ на вежливое «алло» трубка звонко, на весь кабинет, гаркнула:

— Волкова, канцелярия. Вы предоставите наконец персональные или мне писать докладную?

Оксана подскочила на месте, словно ужаленная, и протяжно выругалась шёпотом. Остальные, даже Чернов, как по команде, настороженно подняли головы. Все прекрасно понимали, что за таинственные персональные требует канцелярия в лице заместительницы Анохиной. Все, кроме Иры.

— Предоставим, — а что ещё остаётся отвечать? Не признаваться же, что понятия не имеешь, о чём речь! — До конца дня можно?

— В течение часа! — отрезала Волкова. — Иначе аннулирую пропуски, и не говорите, что вас не предупреждали! По какой причине опять затянули с оформлением?

Отвечать «не знаю» — глупо, хоть и честно. Тимофеева разыграла целую пантомиму: делала страшные глаза, мотала головой, беззвучно шевелила губами и обеими руками показывала на себя. Просила передать ей трубку? Принимала вину? А толку, если за всю отдельскую бюрократию отвечать теперь Ире... Будь иначе, стала бы замначальница звонить именно ей?

— Мой недосмотр, — подавив вздох, призналась в трубку Ира. — В течение часа предоставлю.

— Вы, кажется, на испытательном сроке? — вкрадчиво поинтересовалась Волкова.

— Да.

— Жду документы, — рявкнула замначальница и отключилась.

Ира тихо перевела дух и вернула трубку в гнездо. Она не успела толком опомниться, а Тимофеева уже метнулась к шкафу и принялась лихорадочно в нём рыться, бесцеремонно вываливая на Максов стол всё, что попадалось под руку.

— Блин, блин, блин-блин-блин! — в её голосе слышались панические нотки. — Двадцать первое! Ну какого лешего... Где, — она с размаху плюхнула на стол коробку со всякой дребеденью и потянулась за следующей, — эти... чёртовы... бланки?!

— Безответственность, — припечатал Чернов, наблюдая, как заражённый беспокойством Макс роется в офисном хламе. — Если бы хоть кто-то здесь ценил порядок...

Увесистая коробка аккуратно выдвинулась с верхней полки и, покачиваясь в воздухе, опустилась на пол. Следом за ней полезла вторая такая же; судя по пыли на наглухо закрытых крышках, доставали их оттуда нечасто.

— Посмотри тут, — предложил со своего места Зарецкий. — Я пока остальные вытащу.

— Спасибо! — выдохнула Оксана и коршуном набросилась на добычу.

Искомое нашлось в четвёртой по счёту, которую вдобавок для надёжности залепили скотчем. Тимофеева с победным воплем выдернула из-под развороченного картона несколько листов прошитой металлизированными нитями бумаги. Один взяла сама, остальные всучила Ире.

— На, раздай всем, а я к шефу...

Верхний лист из пачки сам вырвался из рук и упорхнул к Чернову. Ира решила расценивать это как помощь, а не как хамство. Остальные выпендриваться не стали: Зарецкий был занят коробками, остальным не хватало категории. Ира оставила последний бланк на Оксанином столе и растерянно спросила:

— А мне тоже заполнять?

— Нет, это только нам, — Тимофеева выскочила из логова и стрелой метнулась на своё место. На щеках у неё лихорадочно горели алые пятна. — Блин! Мишки нет! Да что ж за хрень-то каждый раз, а...

Она сунула под щёку телефон и, слушая гудки, принялась торопливо писать. Почерк у Оксаны оказался

красивый, каллиграфический. Ира, не зная, куда себя деть, уселась в кресло и устала на часы. До канцелярии бежать недалеко, а вот то, что Старов в отъезде, и впрямь проблема... В чём бы она ни заключалась. Сколько всего ещё предстоит узнать, и, конечно же, непременно в режиме форс-мажора — по-другому здесь явно не умеют.

— Миш, ты далеко? — отчаянно провыла в трубку Оксана. — А сколько ещё тебе?.. Блин... А можешь прыгнуть?.. Да пропуска эти проклятые, мы опять забыли про персоналку... Ну брось где-нибудь! Какие, нафиг, пробки в обед?

Она зло вздохнула и прижала палец к печати в углу листа. Серый квадрат осветился красноватым сиянием. Вторым закончил Макс, следом вернул исписанный убористым почерком лист Чернов. Ира мельком вчиталась: паспортные данные, должности, какие-то стандартизированные фразы про подтверждение ранее принесённых клятв и персональную ответственность, подписи, играющие разными цветами печати. Красная, ярко-синяя, изумрудно-зелёная, бледно-золотая, светло-лиловая. Красиво. Тимофеева, тяжело вздохнув, сбегала ещё раз в логово и вернулась с бумагой Верховского, отсвечивающей оранжевым.

— Мишка минут через пятнадцать будет, — Оксана нервно взглянула на часы. — Ну-ка, дай глянуть...

Вырвав у Иры из рук собранные бланки, она принялась их просматривать, кивая своим мыслям. Потом замерла, нахмурилась, выдернула лист из пачки.

— Костик, ты совсем, что ли? Какое ещё «муниципальное», когда уже сто лет как «государственное»?

— Где? — оконфузившийся Чернов протянул руку за бумагой. — А, ну да...

— Что «ну да»? Переписывай! — вызверилась Тимофеева.

— Сейчас. Девушка, дайте мне бланк...

Ира было подхватила с места, однако Оксана жестом её остановила. Уперев руки в бока, Тимофеева нависла над Черновым; с высоты её каблуков получилось внушительно.

— Сам возьми, маг фигов! Мы тебе не обслуга!

Чернов зло фыркнул.

— Женщины... — процедил он, небрежно шевельнув в воздухе пальцами. — Гонору больше, чем пользы.

Ира всерьёз думала, что Оксана закатит ему пощёчину, однако Тимофеева сдержалась. Дождавшись, пока Чернов закончит, она выдернула лист у него из-под пальцев, пробежала глазами и снисходительно кивнула.

— Ну вот, со второго раза нормально.

— Давай отнесу, — Ира протянула руку за бумагами.

— Да ладно, я сама...

— Они там меня ждут, — она очень постаралась, чтобы улыбка выглядела вежливой, а не обречённой. — Заодно кое-что у Натальи Петровны уточню...

Про Анохину она приврала, но так казалось убедительнее. Оксана всё ещё колебалась.

— Эта гримза тебе выговор вкатит, — мрачно посулила она. — Если не похуже чего.

— Я новенькая, мне меньше достанется, — Ира деланно беспечно пожалала плечами. — Все новички косячат.

А ведь Тимофеевой ой как не хочется идти в канцелярию! Она нервно теребила поблёскивающие уголки, то и дело бросая взгляд на часы. Решилась наконец, протянула Ире бланки.

— Ладно. Иди, наверное, сейчас, только чистый для Мишки захвати — я скажу, чтобы он сразу в канцелярию топал... Нет, лучше два, мало ли что. И ручку...

Ира послушно взяла запасные листы, забрала со стола карточку-пропуск и поспешила вниз. Вся возня заняла добрых полчаса, а Миша ещё не появился. Рассудив, что пусть лучше без пропуска останется один Старов, чем отдел в полном составе, Ира тихонько поскреблась к Волковой, дождалась громогласного «войдите» и проскользнула в кабинет.

— Здравствуйте. Вот, персональные. Магконтроль...

Замначальница смерила Иру пронзительным взглядом поверх очков и цапнула бумаги.

— Угу... угу... — один за другим листы ложились на стол. — Старова нет.

— Да, он сейчас на выезде...

— А раньше озаботиться не могли?

Крыть нечем. Могли, да не стали.

— Получилась накладка... — туманно пояснила Ира, лихорадочно придумывая, что же такого могло случиться. — Была очень напряжённая неделя...

— Они у вас там одна другой напряжёнее, — сухо перебила Волкова. — До двух донесёте бланк Старова?

— Постараюсь...

— Уж постарайтесь, — замначальница поджала узкие губы. — Имейте в виду: мы учтём этот случай, когда будем решать, продолжать ли с вами сотрудничество.

— Да, конечно, — пробормотала Ира. Она не была уверена, что к тому времени сама захочет это сотрудничество продолжать.

— Идите. Жду последний бланк.

Запыхавшийся Миша выскочил из лифта, на котором Ира намеревалась уехать наверх. Бланк он заполнял, прижав бумагу к стене и то и дело встряхивая ручку, которая не желала писать в таком положении. Ира в ужасе поняла, что даже текст проверить не сможет; разве что слова «муниципальное» в нём быть не должно...

— Вот, готово, — печать полыхнула серебристым светом, и Миша разгладил в руках чуть-чуть помявшийся лист. — Давай я сам отнесу. Кому, Анохиной?

— Волковой. Я сделаю, ты беги, — обречённо улыбнулась Ира. Мишу всё-таки с выезда выдернули.

— Спасибо, — Старов виновато поскрёб затылок. — Каждый год одно и то же... Может, хоть ты нас, разгильдяев, к порядку приучишь.

Ира пообещала, что постарается, и отправилась отдавать бланк.

— Орала? — сочувственно спросила Оксана, стоило переступить порог магконтроля.

— Ну, так, — неопределённо ответила Ира. — Во второй раз тише.

Макс хихикнул, и на душе стало чуть менее паршиво. Тимофеева глубоко вздохнула и направилась к чайнику, нервно скребя ложечкой по стенкам кружки.

— Эту хрень раз в год сдавать надо, — извиняющимся тоном пояснила она. — Мы в том году прохлопали, реально полдня в Управу зайти не могли... И доступы все потом восстанавливали неделю. Бюрократия, блин...

— Это обязательная процедура, — назидательно заметил Чернов. — Государство должно знать, кому оно доверяет столь ответственную миссию.

— А оно прям не знает, — огрызнулась Оксана. — Сиди, грамотей, делом занимайся.

Чернов посчитал, что отвечать — ниже его достоинства.

В столовой народу скопилось порядочно. Анька пришла раньше и уже сидела над полным еды подносом в дальнем углу зала. Впрочем, подруга она всё-таки дождалась, и это немного развеяло отвратное настроение.

— Меня, наверное, выгонят, — вздохнула Ира, опускаясь на стул напротив Аньки.

— Обязательно, — насмешливо хмыкнула подруга, но, рассмотрев Ирино похоронное лицо, мигом посерьёзнела: — Ты чего? С Верховским поцапалась?

— Хуже. С Волковой, — вздохнула Ира, без вдохновения глядя в тарелку с супом.

— С ке-е-ем? — Сафонова широко распахнула глаза. — Она же супер-адекватная! Как ты умудрилась?

Ира рассказала. Анька слушала, не перебивая, и хмурила узкие брови. Потом долго молчала, задумчиво терзая ножиком отбивную. Ира смиренно ждала вердикта; подруга просто обязана была если не по справедливости, то хотя бы из солидарности согласиться, что замначальница не права.

— Я вот чего не пойму, — Сафонова придирчиво оглядела кусочек мяса, прежде чем отправить его в рот. — Чего ты за них впрягаешься? Сказала бы Алине Дмитриевне, что контролёры сами всё прохлопали...

— Ага, а она бы потом с этим пошла к Верховскому, — Ира вздохнула. Эта мысль пришла запоздало, но была удручающе правильной. — Прикинь, что бы мне наши упыри устроили?

— Тоже верно, — признала Анька. — Забей. Сейчас месяц закрывают, они там все на нервах. Через пару недель забудут, вот увидишь.

— Она сказала — учтут, когда будут решать, оставлять меня или нет...

— Ну, в личное дело же не внесли? — приободрила Сафонова. А ведь правда, про личное дело речи не шло! — Вот и славненько.

— Спасибо, Ань, — Ира заставила себя улыбнуться и действительно почувствовала себя лучше. Остывающий обед начинал обретать привлекательность.

— Да за что? Всё в порядке будет, — заверила подруга и придвинула к себе блюдечко с пирожным. — Слушай... Ты не знаешь, чем можно снять приворот?

— Приворот? — бестолково переспросила Ира. — Не, не знаю. Истинной любовью?

— Издеваешься, что ли? — буркнула Сафонова. — А бабушка у тебя знает?

— Бабушка, наверное, да, — подумав, кивнула Ира. — Я спрошу. А ты что, промахнулась, что ли?

— Да там по-дурацки вышло, — Анька вздохнула и вымученно улыбнулась. — Я вообще просто проверить хотела, что эта штука работает. Думала, выдохлась, а она возьми да подействуй...

Сафонова продемонстрировала неприметное колечко на правой руке. Подружка — та ещё сорока, украшений у неё воз и тележка, но что кое-какие из них с секретом, Ира не знала.

— Мамино, — тихо и грустно сказала Анька. — Ему лет сто, не меньше... Сбоит, наверное, через раз срабатывает.

— Кто этот несчастный? — поинтересовалась Ира, просто чтобы что-то спросить. Лет пятнадцать уже прошло, а Аня так и тоскует...

— Н-да... — Сафонова тряхнула головой, выныривая из раздумий. — Ты только не смейся. Помнишь Славика Свириденко?

— Мама на днях напомнила, — поморщилась Ира. — Нафига он тебе?

— Да под руку подвернулся. Сидел в субботу весь такой важный, ну я и... — Анька махнула рукой. — Теперь он мне написывает каждые пару минут и хочет жениться. Хуже всего, что его мамаша только за...

Ира невольно хихикнула. Слышала бы это мама! Впрочем, лучше не надо, иначе к бабушке с вопросами побежит уже она, причём с прямо противоположными.

— А если попробовать ещё кого-то зачаровать? — наугад предположила Ира. — Вдруг старый приворот снимется сам собой?

— Я об этом не думала, — Анька воспряла духом и погладила колечко. — Заодно проверю ещё разок... Спасибо!

— Смотри не ошибись, — посоветовала Ира. — А то подвернётся какой-нибудь... контролёр.

Сафонова хохотнула, но как-то неуверенно. Ира едва удержалась, чтобы не закатить глаза. Вот бы подружку в отдел на денёк — послушать склоки и вытерпеть десяток-другой придинок, живо раздумала бы охотиться на тамошних обитателей! С Анькой они расстались, по обыкновению, у дверей столовой, а в лифтовом холле Ира наткнулась на дражайших коллег. Контролёры стояли кучкой в стороне от осаждающей подъёмники толпы и оживлённо болтали; Чернова видно не было, а Оксана несла, по обыкновению, большую коробку с пирожными. Куда-то наружу они ходят обедать; столовая, видимо, недостаточно хороша. Ира сделала вид, что никого не заметила, и на волне людского потока втиснулась в ближайший лифт.

Посидеть в тишине и спокойствии довелось минут пять, не больше. Потом в коридоре грянул взрыв хохота, а через миг вся компания ввалилась в кабинет. Андрей смущённо улыбался, Оксана аккуратно смахивала из уголков глаз выступившие слёзы, остальные ржали в голос. Ира остро почувствовала себя чужой.

— Ну, я ему, конечно, сказал, что это просто суеверие, — извиняющимся тоном протянул Бармин, заставив Макса взвять от смеха. — Но не сразу...

Ира поймала себя на том, что хочет услышать всю историю, однако спрашивать было как-то нелепо. Под затихающие смешки все рассаживались по местам, а Тимофеева, как всегда, сбегала в переговорную наполнить чайник. Витавшее в кабинете приподнятое настроение давило не хуже гидравлического пресса.

— Налетай, — торжественно объявила Оксана, картинным жестом распахивая коробку.

— Да как их взять-то? — озадаченно спросил Макс, заглядывая под крышку. — Развалятся же.

— Вот тебе резон повышать категорию, — назидательно сказала Тимофеева. — Ложкой цепляй, раз лапами не можешь.

Вдоволь понаблюдав за беспомощными попытками Макса ухватить угощение, она реквизировала у него чайную ложечку и, ловко орудуя сразу двумя, переложила на свёрнутый лист бумаги что-то многослойное и обильно политое шоколадом. Следом из коробки явились ещё четыре порции; не был обделён даже отсутствующий Чернов. Оксана задумчиво скомкала в пальцах салфетку.

— Ирин, будешь?

— Я?.. Спасибо...

Оксана бережно опустила подтаявшее на жаре пирожное рядом с клавиатурой, и договаривать «...я не хочу» стало бессмысленно. Странно получать угощение от человека, которого на дух не переносишь; ещё более странно на дух не переносить человека, который тебя угощает. Что ж, завтра на Тимофееву вновь нападёт склочное настроение, и всё вернётся на круги своя. Ира вежливо поблагодарила коллегу и тронула ложечкой глянцевито блестящую глазурь. Вкусы относительно сладостей у них с Оксаной совпали: Ира тоже предпочитала всё шоколадное.

— Мишка, завтра твоя очередь, — определила Тимофеева. — Только попробуй смыться в обед!

— Спасибо, что предупредила, — довольно хохотнул Старов.

— Почему платим мы по очереди, а выбираешь всегда ты? — упрекнул Оксану Макс, ухмыляясь от уха до уха. — Я тоже хочу участвовать в принятии решений!

— Ты слишком молодой и безответственный, — Тимофеева лихо крутанулась в кресле. — Вон, Костик подтвердит.

— Да что ж такое, — не слишком огорчённо вздохнул Макс. — Народ, а кто помнит, что надо, чтобы в архивы пролезть? Те, что в подвале?

— Руки, ноги и обоснование, — откликнулся Зарецкий. — Или тебе секретка нужна?

— Не-е-е, обычных пока хватит, — Некрасов мученически зевнул. — И чего бы через сеть не пробить доступ! Так нет, надо тащиться в этот склеп и с местного компа всё читать...

— Мало ли, что ты в сетку воткнёшь, — резонно возразил Миша. — Тебе с заявкой помочь?

— Сам справлюсь...

Дверь логова тихо щёлкнула, выпуская Чернова. Он явно был не в духе — вернее, ещё больше не в духе, чем обычно. Даже не взглянув на угощение, он замер над своим столом, переложил туда-сюда пару бумажек и обвёл

коллег мрачным взглядом. Ира поспешно отвернулась к монитору, чтобы не получить упрёк в тунеядстве.

— Я что-то не вижу отчёта, — сварливо заявил Чернов на весь кабинет. — Ярослав, почему?

— Потому что его нет, — отозвался Зарецкий, не соизволив оторвать взгляда от монитора.

Самое время было сказать про безответственность, однако Чернов оказался злее, чем думалось.

Выпрямившись во весь свой немалый рост, он сощурил бледные глаза и повысил тон.

— Я давал поручение вчера! За день можно было почесаться?

— А я сказал, что собираюсь?

— Прекрати мне хамить!

— Прекрати орать на всю Управу.

— Так, заткнитесь оба! — прикрикнул Миша, вскочив с места. Спорщики угрожающе притихли. — О чём речь вообще?

— Об отчёте за месяц, — Чернов с трудом взял себя в руки, хотя и видно было, что он всё ещё клопочет от злости. — Который мы обязаны предоставить Александру Михайловичу не позднее двадцать пятого числа. Ярослав, будь любезен, поясни, какая религия не позволяет тебе выполнять указания начальства?

— Указания начальства, — эхом отозвался Зарецкий, нахально глядя на коллегу снизу вверх. — Мне велено не отвлекаться на всякую ерунду.

Да как же! А хватать в обход секретаря заявки на выезд нам это не мешает. Чернов, очевидно, подумал о том же.

— С критериями отнесения к ерунде можно ознакомиться? — громыхнул он.

— Всё, что не грозит кому-нибудь немедленной смертью и не исходит от руководства.

— Ребят, хватит, — предупреждающе рявкнул Миша. — Кость, давай я отчёт сделаю.

— На тебе два дела, на мой взгляд, немаловажных, — Чернов не намерен был отступить, и, по справедливости, резон у него имелся. Даже если забыть про личные тёрки. — И ты ещё успеваешь разбирать текучку. Не вижу причины, чтобы равный по категории сотрудник...

— Кость, там реально Михалыч лично на контроле держит, — торопливо сказал Старов. Не поймёшь, кого и от кого спасал. — Я сделаю, не беспокойся. Когда надо, завтра?

— Лучше, конечно, сегодня, — Чернов оглянулся на логово и сдался. — Но можно и до завтра...

— Дискриминация, — проворчал Зарецкий. — Мишке, значит, до завтра можно...

— Сегодня всё будет, — пообещал Старов.

Он дождался, пока Чернов, поостыв, усядется за стол, и только тогда вернулся на место сам. От установившегося после обеда всеобщего благодушия не осталось и следа. А жаль; Ира уже почти готова была допустить, что контролёры могут походить на людей.

— Ненавижу шоколад, — буркнул Чернов в наступившей тишине. Ему никто не ответил.

XII. На опережение

Встречи теснились в календаре, наплывая одна на другую. Хуже среды может быть только среда в конце месяца. Ксюша с чистой совестью отклонила пару массовых сборищ, на которые всё равно обязательно потащится пыхтящий от жары и собственной важности Костик, и вечер стал выглядеть несколько привлекательнее. Зато до обеда предстоит повидать немало противных рож, и всем надо сказать что-нибудь ласковое. А на сходку больших начальников пусть с Верховским Ирка идёт, ей по должности положено. Ксюша подперла щёку кулаком и решительно щёлкнула мышкой, пересылая приглашение.

— Ир, сходи с шефом в одиннадцать, — попросила она.

— Хорошо. А что надо делать? — тут же насторожилась Шаповалова.

— Прилично выглядеть и всем улыбаться. Шипеть и плевать ядом будет Михалыч, — охотно пояснила Ксюша и повысила тон, обращаясь к парням: — Народ, а на инструктаж к надзору никто не хочет сходить?

Ярик ожидаемо фыркнул, Костик демонстративно пропустил мимо ушей. Ну конечно, не его же величеству третьей пробы выслушивать про нудные регламенты... Андрюха — вот уж кто неизменно ведётся на самые простенькие манипуляции — покрутил головой в поисках желающих броситься на амбразуру, не нашёл таковых и смиренно вздохнул.

— Давай я схожу. Во сколько?

— Через полчаса, — Ксюша обрадованно улыбнулась и сгрузила с себя ещё одну обузу. — С меня шоколадка.

— Ну что ты...

После прополки расписание стало выглядеть пристойно. Образовался даже просвет в полчаса перед самым обедом. А погодка-то всё радостнее с каждым днём; взять, что ли, заявочку на выезд... Скоро от них станет не продохнуть. До солнцестояния лучше сменить юбки-карандаши на немаркие брюки, а высокие каблукки — на мокасины. Парням хорошо, на них неудобную одежду не шьют в принципе. Ксюша как-то наблюдала, как упакованный в строгий костюм Костик методично расшвыривает обнаглевших лесовиков. Остальные парились ещё меньше, предпочитая удобство офисному шику.

— Десять уже, — хмуро констатировал Ярик. — Макс, там в коридоре, часом, никто не топчется?

— Не-а, — Некрасов, явившийся только что в облаке вонючего табачного дыма, сусликом замер в дверях. — А кто должен?

— Дед, которого на той неделе Ксюша прогнала.

Макс высунул нос в коридор, а Ксюша сердито уставилась в пустую кружку. Взбрело же Зарецкому в голову беседовать с этим, с позволения сказать, профессором! Такие, с ценнейшими сведениями, косяками ходят если не в контроль, то в безопасность, и везде подход один: вежливо поблагодарить и выбросить из головы.

— Нету там никого, — отрапортовал Макс. — Наверное, бедняга почуял, что его тут ждёт, и решил не приходить.

— Ира, набери ему, пожалуйста, — проигнорировав последний выпад, попросил Ярик. — Если будет согласен, переназначь встречу на завтра или на пятницу.

Шаповалова послушно сняла со станции телефон. Ксюша сочувственно покосилась на секретаршу; сама она отправила бы коллегу разбираться со своими проблемами самостоятельно, однако Ирка Зарецкого почему-то боится не меньше, чем склочника Чернова. Ксюша придвинула к себе тоненькую пачку разрешений на выезд. А вот этого добра прибавится где-нибудь в августе, когда одарённый народ потянется на юга. И самой надо не забыть сострять такую бумажку...

— Добрый день. Можно, пожалуйста, Виталия Андреевича? — озадаченно спросила Ира в трубку. Видимо, услышала не то, что ожидала.

— Вы из института? — осведомился телефон нервным голосом, явно женским. Костик поднял голову и недовольно сощурился: не терпел шума не по делу. Не по его делу.

— Нет, я по поводу встречи. Ему назначено в десять в... в Управе, — Шаповалова в последний миг смекнула, что на том конце может оказаться минус. Молодец, конечно, но можно и побыстрее соображать. — Я бы хотела узнать причину неявки и перенести назначение...

— Не надо ничего переносить, — резко ответили в трубке. — Виталий Андреевич в субботу ушёл из жизни. Извините, что мы вас не уведомили... Вы же из магконтроля звоните, да?

— Д-да... — растерянно выдавила Ирка. Ярик, хмурясь, вслушивался в разговор. — А... Могу я...

— Инсульт, — суховато отрезала собеседница. — Документы в Управу мы сегодня пошлём...

Шаповалова, как могла, закругляла разговор, а Ярик уже вовсю рылся в базе, безуспешно выискивая любые упоминания о недавних смертях среди одарённых. На что надеялся? Вздорный профессор вряд ли относился к важным птицам или замазался в каком-нибудь криминале, чтобы кто-то за ним следил.

— Во дела, — неуклюже прокомментировал Мишка. — Жалко деда, интересный был...

— Жалко, блин... — зло передразнил Ярик. Вскочил с места, взялся было за рюкзак, но тут же раздражённо выругался и рухнул в кресло. — Чёрт, шеф с меня шкуру спустит, если уйду. Оксан, можешь смотаться узнать, что там случилось?

— Сказано тебе — insult, — терпеливо, как маленькому, объяснила Ксюша. — Только не говори, что его кто-то проклял.

— Почему нет? — серьёзно спросил Ярик, нервно вертя в пальцах ручку. — Может, кому-то не хотелось, чтобы он с нами увиделся?

— Так вы ж сказали, что он бред нёс...

— Бред — нёс, а что-то важное мог не донести, — Мишка, разумеется, принял сторону Зарецкого. — Правда лучше проверить. А если вдруг записи какие-то остались, то забрать на экспертизу, пока кто другой не добрался.

— Ладно, после обеда съезжу, — буркнула, сдаваясь, Ксюша.

— Не после обеда, а сейчас, — с нажимом сказал Ярик. — Сама слышала, они сегодня собираются документы сюда везти.

— Сейчас у меня совещание!

— Скинь на Макса или на Андрюху.

— Будешь должен, — мстительно заявила Ксюша, забирая со стола ключи от машины.

Закрывая за собой дверь, она успела услышать, как Костя возмущается по поводу несоблюдения служебной иерархии. Чтобы Чернов стал удобоваримым, должен наступить небольшой конец света; в схватках с нежитью Костик чудо как хорош, но в остальное время так и хочется, чтобы кто-нибудь проклял его немотой.

Обиталище профессора располагалось недалеко. Старенькая пятиэтажка, затерянная в спальных районах на юго-востоке, пряталась, как в сказке, среди бесконечного ряда таких же. Асфальт в тенистых двориках походил на лунный ландшафт; как ни лавируй, всё равно рано или поздно зацепишь колесом выбоину. Ксюша выругалась сквозь зубы, жалея подвеску. Если бы светлая мысль купить машину пришла к ней после устройства в магконтроль, она, ни секунды не колеблясь, взяла бы вездеход вроде Мишкиного. А может, и не взяла бы. В том, чтобы быть девочкой на красной машинке, есть свои плюсы.

Квартира стояла пустой. Выцветшая от множества прикосновений кнопка звонка вызвала к жизни пронзительную трель, на которую никто не отозвался. Если у бедняги и были родичи, то сейчас они либо разъехались по работам, либо хлопотали об устройстве посмертных дел профессора. Ксюша припомнила недовольно кривящееся лицо и презрительное «барышня» и поняла, что не только не испытывает по поводу кончины Виталия Андреевича глубокой печали, но и не слишком стыдится этого факта.

— Кое-кто пойдёт на Лосиный остров считать лесовиков, — буркнула Ксюша себе под нос, воровато оглядываясь по сторонам.

Никаких камер не видно, а париться насчёт сложных следящих чар тут точно никто бы не стал. Припомнив давние Мишкины уроки, Ксюша прижала палец к замочной скважине и сосредоточилась на невидимых штифтах. Научится она когда-нибудь двигать магией предметы, не прикасаясь к ним... Хорошо, что замки делают из металла; вот с деревянной щеколдой так уже не сладить. Старомодная дверная цепочка висит праздно, а значит, в квартире действительно совсем никого нет. У профессора была неплохая категория, с такой можно позволить себе домового... Если, конечно, найти к ушастику подход.

Ксюша аккуратно прикрыла за собой дверь и на всякий случай вставила цепочку в паз. Потом, отругав себя за безалаберность, протёрла дверную фурнитуру салфеткой и вытащила из сумки перчатку. Ладно, никто не видел — значит, не было. Ярик просил проверить профессоровы вещички на проклятие, а Мишка — утащить какие-нибудь записи, если вдруг попадутся. В типовой тесной однушке грандиозный тайник не спрячешь, особенно если родственнички уже начали вывозить вещи. Осторожно ступая по потёртому линолеуму, Ксюша шагнула в единственную комнату, служившую сразу и спальней, и гостиной, и рабочим кабинетом. Тут было прибрано, пахло только пылью и старой мебелью, но смерть настигла профессора, скорее всего, именно здесь. Одинокий дед со вздорным характером, целиком поглощённый своими туманными изысканиями... Сколько он лежал тут один, пока какие-нибудь заботливые внуки не решили нанести визит вежливости?

Книжный шкаф во всю стену, письменный стол с допотопным компьютером, диван, накрытая салфеткой тумбочка... Чтобы перерыть весь хранящийся здесь хлам, уйдёт целый день. Что ж, лучше начать с проклятия: тут хотя бы понятно, что примерно надо искать. Что-то, что покойному приходилось часто брать в руки или надевать на себя; лучше, если металлическое. Ксюша придирчиво оглядела перчатки на предмет малозаметных дырочек и приблизилась к тумбочке. О том, что, владей профессор какими-нибудь драгоценными побрякушками, их уже успели растащить безутешные родственники, она старалась не думать.

К полудню на тумбочке выросла приличная горка из вещиц, которые были достаточно подозрительны, чтобы привлечь Ксюшино внимание, но на поверку оказались невинным барахлом. Старенькая чернильная ручка, зажим

для галстука, нательный крестик — вся эта дребедень либо никогда не соприкасалась с чарами, либо не несла на себе никакого негатива. Ксюша для порядка сунула нос на кухню и проверила немногочисленные столовые приборы, отнюдь не серебряные. Всё было чисто; профессор, похоже, умер совершенно самостоятельно. Да и кому он сдался? Жил себе, преподавал какую-то никому не нужную заумь, на досуге развлекался антинаучными теориями... Ксюша оглядела добросовестно выпотрошенный книжный шкаф и опустошённые ящики стола. Бумаг Виталий Андреевич оставил предостаточно, благодарным потомкам хватит на десяток лет вперёд, но всё бесценное наследие никак не касалось магии. Об этом Ксюша и сообщила Ярику.

— Странно, — задумчиво сказал тот, выслушав её короткий доклад. — Что-то должно быть. Не в голове же он всё держал...

— Я думаю, наследники забрали, — предположила Ксюша, одной рукой лениво перелистывая потрёпанную тетрадь. — Та тётка, которая с Ирой говорила, она... ну, в теме. Наверное, смекнула вывезти всё, что могло вызвать вопросы.

— Может быть, — не слишком убеждённо протянул Ярик. В трубке на фоне слышался недовольный голос Чернова, кого-то за что-то распекающего. — Ты не нашла никаких тайников?

— Тут не особо устройш. Сейфов никаких нет, стены картонные, подозрительного я ничего не нашла, — отчиталась Ксюша и сыграла на опережение: — Под диваном смотрела. Линолеум везде ровный и не отдирается. Шкафы, столы, стулья проверила, нет ничего. Комп только остался, но его фиг включишь, электричество вырубили...

— Забери оттуда диск, — воодушевился Ярик. — Сможешь сама разобрать системник?

— Сейчас посмотрю, — Ксюша развернула к себе здоровенный металлический гроб и поёжилась от неуместной ассоциации. Из задней стенки на неё угрюмо глядели шляпки винтов. — Отвёртка нужна.

— Там найти не получится?

— А где мужчины обычно хранят отвёртки?

— Не знаю, у меня в столе лежат... А магией никак?

Ксюша мысленно выругалась. Винтики, конечно, мелкие, но вряд ли намного упрямее дверного замка. Длинные ногти мешали коснуться шляпки так, чтобы не задеть металлическую пластину, и Ксюша всё-таки немного покорёжила несчастный корпус. Отвёрткой вышло бы лучше.

— Ну, открыла, — вздохнула Ксюша, снимая поддавшуюся боковую стенку. В компьютерных внутренностях она предпочитала не разбираться, справедливо полагая, что для этого в Управе есть техподдержка. — Как тут много всего...

— Ищи плоский кабель.

— Какой? Их тут полно.

— Одиночный и широкий, с плоским разъёмом... Или, если там совсем древности, серый такой, похожий на ленту.

— Не вижу, — Ксюша на миг отняла телефон от уха, чтобы чихнуть в сторону. Мелкая серая пыль устилала все компьютерные кишки, лишь кое-где приоткрывая первозданный цвет плат и проводов. — Может, я тебе фотку пришлю, скажешь, что надо выдернуть?

— Ага, давай.

Ксюша добросовестно сфотографировала вскрытый компьютер и, выждав минут пять, перезвонила.

— Ну, что забирать?

— Плохо видно шасси за передней панелью. Есть там что-нибудь?

— Напротив дисководов какая-то коробочка торчит.

— Не то. Больше точно ничего нет?

— Точно. Сфоткать ещё раз?

— Не надо, — мрачно сказал Ярик. — И так понятно. Возвращайся, Ксюш, всё интересное оттуда вытащили до нас.

XIII. В условиях неполной информации

У балконной двери Макс столкнулся нос к носу с Костиком. Чернов смерил младшего офицера строгим взглядом, но ничего не сказал. По случаю пятницы настроение у него было на удивление хорошее, не подпорченное даже сроками сдачи отчётности. Макс пожал плечами и вышел на относительно свежий воздух, подставляя лицо тёплому ветру.

Научники толклись тут же, всей курящей компанией. У них тоже пятница и тоже сроки; лучше предлога побездельничать и не придумаешь. Макс приветственно помахал приятелям и присоединил к общему облаку ещё одну струйку дыма.

— Можно к вам, коллеги, обратиться за консультацией? — любезно осведомился он.

— Валяй, — разрешила Машка и хрипло рассмеялась. Полной и коренастой, ей не хуже, чем самой науке, подходило слово «фундаментальная». — Всё в трудах, что ли?

— Покой нам только снится, — хмыкнул Макс и, рисуясь, прибавил: — Когда поспать успеваем. Я вот чего мучаюсь: манипуляции сознанием с помощью магии невозможны ведь?

— Это нам невозможны, а нежить умеет, — ухмыльнулся Олег. — Стыдно не знать-то.

— Да с нежитью как раз понятно, — Макс досадливо поморщился. — Я про людей.

Научники переглянулись. Сейчас начнут копаться в глубинах памяти, выпендриваясь друг перед другом, кто какую неимоверно редкую хрень читал.

— Ну, известных способов нет, — осторожно сказал лаборант Серёжа. Он начал здесь работать чуть позже, чем сам Макс, и ему на правах вчерашнего стажёра негласно позволялось нести чушь и делать ошибки.

— Точно, нету, — кивнула Машка; Серёжа под благосклонным взглядом начальницы мгновенно просиял. — Ментальная магия людям недоступна. Появляются иногда энтузиасты-первооткрыватели с дерзкими гипотезами, но ни один до сих пор в серьёзные журналы не вышел.

— Аристов в «Научении» называл свой дар «властью над живыми и оружием против мёртвых», — задумчиво припомнил Олег. — До сих пор спорят, что он имел в виду.

— Ой, ну ты вспомнил! Это такой враль, — Машка негодуяще постучала сигаретой о край пепельницы. — Его почитать, так он один нежить по всей губернии в страхе держал.

— Вполне возможно, если учитывать общий тренд к понижению с годами среднего уровня...

— А если не магией? — повысив голос, спросил Макс. — Если колдовством?

— Вот интересный, кстати, вопрос! — тут же ухватился за тему Олег. — Можно ли считать приворот манипуляцией сознанием? Это же, если можно так выразиться, чистая физиология...

— Не-а, не считается, — авторитетно заявила Машка. — Доказано. На приворожённых никакие артефактные маяки не работают, даже «путеводные звёзды». Только стандартные, которые завязаны на страх, а не на любовь. А чтобы на разум влиять через колдовство — вряд ли это принципиально возможно, — она с наслаждением затянулась и покровительственно оглядела коллег. — Это и через классическую магию невозможно. Механизмов воздействия нет.

— Может, позаимствуем когда-нибудь у нежити, — жизнерадостно предположил Олег.

— Ну, тут исследования затруднены, — хмыкнула Машка и, повернувшись, махнула тлеющей сигаретой в сторону Макса. — Сам понимаешь, у всякой мелочи силёнок не хватает на нас влиять, а кто помощнее — там только мяукни, и всё, кончился человек.

— Ага, — Макс кивнул. Про нежить ему было неинтересно. — А зелья какие-нибудь есть?

— Именно колдовские — нет, — уверенно ответил Олег. — А про всякую психотропную дрянь — это не к нам. Безопасность, может, знает.

— Колдовские противоядия работают от такого? — поинтересовался Макс.

— Какие-то — да, какие-то — нет, — Машка тряхнула мелированными кудрями. — Надо конкретное сочетание смотреть.

То-то в фармакопее не нашлось ничего адекватного... Про обычную химию Макс как-то позабыл. Всё-таки придётся выпытать у Иры состав отварчика; половина знания лучше, чем полное невежество. Исследователи принялись спорить про какие-то замшелые труды, напрочь позабыв о Максе; воистину, один научник — спонтанная лекция, двое — диспут, трое — целая конференция. Послушав ещё пару минут и убедившись, что ребята ушли куда-то в неинтересные дебри, Макс затушил сигарету и пошёл обратно в отдел.

Лучше бы сразу спустился в архив, потому что в кабинете царил шеф. Правда, занят он был старшими; Мишка обстоятельно что-то докладывал, Ярик слушал и хмурился, Костик просто хмурился, сам Верховский был неподвижен и бесстрастен, как памятник. Все остальные, очевидно, оказались более проворны и успели удрать на обед. Макс, которому предстоял увлекательный вечер в архиве, поел загодя и теперь раздумывал, повезло ему или

нет.

— Продолжай, Миша, — велел шеф притихшему было Старову. Максово появление он точно заметил и принял к сведению; значит, посчитал, что Некрасов не помешает беседе, а беседа — Некрасову.

— Да я, в общем-то, закончил, — Мишка пожал плечами и вздохнул. — Это всё просто факты, а какая тут связь — ума не приложу. Может, нет никакой.

— Ты что думаешь? — спросил шеф, переведя строгий взгляд на Ярика.

— Надо всё аккуратно разобрать, — осторожно ответил тот. — Если мы всё свалим в кучу, так ничего и не поймём.

— Это ты к чему? — Мишка озадаченно наморщил лоб.

— Природа разная, — нимало не смущаясь присутствия начальства, Ярик взгромоздился на край стола и тут же схлопотал полыхающий праведным гневом взгляд от Чернова. — Леший в Березниках не бьётся с туманницами в Домодедово.

— Почему?

— Потому что лешак у себя дома и обоснованно возмущается прокладкой дороги. Нет смысла искать другие объяснения.

— А для туманниц ты объяснение найти можешь? — хмыкнул Костик. Во все-то дела ему надо сунуть нос!

— Исчерпывающее — не могу. Но версии у меня есть.

— И все подразумевают вмешательство человека, — укоризненно напомнил Мишка.

— Это абсурд, — уверенно заявил Костик. — Способы влиять на такую нежить давно утрачены.

— Думаешь, связано?.. — шеф, проигнорировав Чернова, кивнул на подоконник за спиной Зарецкого. Там в лучах солнца возлежала стянутая пломбированной проволочкой папка.

— С теми — точно нет, — Ярик, не оглядываясь, мотнул головой. — Я вообще не вижу больше смысла копаться в этой макулатуре.

— Объяснись.

Зарецкий задумчиво потёр подбородок.

— С чего бы начать... Во-первых, здесь информация только о тех, кто был оправдан. Все приведены к присяге, за всеми внимательно наблюдали, никто ни на чём не попался. Во-вторых, способности и их уровень. В основном — слабосильные колдуны, редко — маги невысокой категории. В-третьих, все так или иначе благополучно скончались в течение пяти лет после процесса. От естественных причин, само собой.

— От естественных? — насторожился Мишка. — Ты поэтому так в того деда вцепился?

— И да, и нет, — уклончиво ответил Ярик. — Инсульт, опять же... Там такого не было.

— А что было?

— По-разному. В основном проблемы с сердцем или онкология. Кое-кто от инфекций... Но это всё не так важно, — Зарецкий со значением посмотрел на шефа. — Мне больше интересно, что стало с теми, кого нет в этой папке.

— Кто избежал следствия? — уточнил Верховский.

— И кого потом отсюда убрали, — кивнул Ярик. — Александр Михайлович, вы не припомните, сколько было вынесено смертных приговоров за последние семнадцать лет?

— Очень мало. Порядка единиц, — шеф пытливо сощурился. — Почему за семнадцать?

— Оговорился. За шестнадцать, конечно.

— И что, тех, кто сводит с ума нежить, по-твоему, надо искать среди них? — скрипнул мозгами Мишка. — Этих... Кого тут нет?

— Сказано логически безупречно, — заметил Ярик. — Среди тех, кто тут есть, искать точно бесполезно.

— Всё это звучит бредово, — резко сказал Чернов. — Если кто-то избежал следствия... Если туманницы оказались в Подмосковье не по своей воле... Если почему-то вспомнили про какую-то забытую магию... Слишком много допущений, чтобы принять за рабочую гипотезу.

— Костя прав, — медленно проговорил шеф. — Я не вижу связи между поведением нежити и... И, скажем так, нынешней активностью среди одарённых.

— Она есть, — упрямо заявил Зарецкий. — Не могу пока доказать.

— В ясновидящие записался? — хохотнул Старов.

— Нет, — серьёзно сказал Ярик. — Мне нужно... больше уверенности. И вот ещё что, Александр Михайлович, — он не глядя цапнул со стола подвернувшийся карандаш и ловко крутанул в пальцах, — я бы съездил на пару недель непосредственно к объекту. Не сейчас, ближе к июлю.

— Ясень двадцать первый? — таинственно уточнил шеф.

— Нет, Вяз шестьдесят третий. Так будет результативнее.

— Если напишешь обоснование, — ожидаемо отбрил Верховский. — Ещё есть дельные мысли у кого-нибудь?

Максим?

Некрасов встрепенулся, поспешно соображая, чего бы сказать умного. Ежу понятно, что из разговора он мало что воспринял, но шефу за каким-то лешим понадобилось устраивать ему экзамен на сообразительность.

— Ну, я не сильно в теме, — честно сказал Макс. — Если вы мне расскажете, что там с нежитью, о каком следствии речь и при чём тут смертные приговоры, может, придумаю что-нибудь.

— Учись действовать в условиях неполной информации, — хмыкнул начальник. — Что ты намерен делать в ближайшее время?

— Копаться в досье, искать связи «Восхода» с одарёнными, — отрапортовал Некрасов. — А завтра пойду опять на сходку, может, что интересное услышу.

— Завтра метро, — напомнил Зарецкий.

Макс едва сдержался, чтобы не выругаться вслух. Нет бы смекнуть, что субботы у него теперь заняты на постоянной основе! А теперь всё, придётся после сектантов лезть в тоннели, иначе житья ему тут не будет.

— Воспитываешь молодняк? — шеф довольно ухмыльнулся. — Это полезно. Может, и Андрея с собой возьмёте?

— Андрей только что получил интенсив, — хмыкнул Ярик.

Костя насупился, но ничего не сказал. Что ни говори, а Чернов опытен и мудр: проще пропустить издёвку мимо ушей, чем давать поводы и дальше оттачивать на себе остроумие. Шеф, удовлетворённый общением с подчинёнными, удалился в логово; поводов оттягивать низвержение в подвальные лабиринты не осталось, и Макс, собрав все нужные распечатки, побрёл заниматься делом.

Из лифта ему навстречу выскочила чуть запыхавшаяся Ира. Макс, радуясь удаче, отозвал её в сторонку, чтобы не мешать тащившим что-то громоздкое ученым.

— Слушай, всё хотел спросить, — начал Макс и подумал, что после такого вступления следует интересоваться планами на выходные, а не ерундой по работе. — То варево, которым ты меня в чувство привела, оно как называется?

— Э-э-э... По реестру противоядие широкого спектра, номер четвёртый, — Ира честно наморщила лоб, а потом виновато улыбнулась: — Бабушка зовёт просто ядогонкой.

— Хорошо звучит, — одобрил Макс. — Спасибо.

— Ты завтра опять?..

Она, похоже, всерьёз волнуется. До чего милое создание! Это Костику всё бы категорию повыше, а если бы Макса кто спросил — никого другого им и не надо. Если Чернов доведёт-таки бедняжку до увольнения, Анохина пришлёт очередную мымру, которой слово сказать страшно. Зачем?

— Я учёный уже, — подмигнул Макс. — Теперь буду смотреть во все глаза и слушать во все уши. А если что, так Ярик меня быстро в чувство приведёт, — он совершенно по-дурацки заржал, представив, как пытается под внушением затащить Зарецкого в секту.

— Всё равно осторожней...

В архив Некрасов шёл в превосходном расположении духа. До конца сокращённого по случаю пятницы рабочего дня оставалось часа три — достаточно, чтобы вдоволь покопаться в досье и с чистой совестью посчитать фронт работ закрытым. Макс предъявил пожилой церберше корочку, позволил проводить себя к одному из пустующих компьютерных столов и разложил перед собой бумаги. Из двух-трёх фамилий, подслушанных на первой сходке, поверхностным поиском он добыл десяток потенциальных зацепок: спонсоры, важные шишки, не скрывавшие своего членства в «Восходе», медийные личности. Кто-то да должен был отметиться в связях с сообществом одарённых.

О двух первых из списка база ничего не знала, кроме того, что это добропорядочные минусы, никак в делах Управы не замешанные. У третьего нашлась бабка-ведьма, но и только. Четвёртый, с фамилией Смирнов, немало нервов потратил Макс; паспортных данных на руках, разумеется, не было, и Некрасову оставалось только отложить для детального изучения несколько досье полных тёзок. А вот пятый, толстосум средней руки, моментально всплыл в каком-то стародавнем судебном споре, переданном в управский правопорядок. Правда, всего лишь как свидетель, но хоть и в таком качестве, а дела с одарёнными он всё-таки вёл. Макс развернул полный текст документа и принялся читать.

Дело было пустячное, почти даже бредовое. Некий Петраков Василий Владимирович оспаривал у Свешниковой Лидии Николаевны право владения дорожкой побрякушкой, оказавшейся к тому же колдовского происхождения. Если «восходовский» клиент был всего лишь дальним родичем Петракова, призванным в свидетели, то и истец, и ответчица, без сомнения, принадлежали к одарённым. Петраков, колдун второй категории, далёк был от всякой эзотерики и занимался перепродажей мелких артефактов. Предмет раздора — раритетное кольцо, зачарованное на удачу — ушлая Свешникова купила у него за бесценок, не посчитав нужным просветить перекупщика относительно истинной стоимости вещицы. Кто открыл глаза бедолаге Петракову, не

сообщалось; о ведьмаке вообще в базе нашлось немного, и всё на удивление добропорядочное. Ниточка почти наверняка дохлая, но проверить надо. А вдруг?

Ответчица оказалась дамой интересной. Взглянув на досье, Макс уважительно присвистнул: маг первой категории, кандидат магических наук, известная в сообществе одарённых политическая активистка... Замужем так и не побывала — да и когда тут успеешь между защитой диссертации и продвижением закона о регулировании оборота магических медикаментов? С фотографии на Некрасова снисходительно взирала немолодая сухощавая женщина, сохранившая остатки былой красоты. О чём только думал Петраков? Такая подобные разбирательства наверняка выигрывает одним движением брови. Выигрывала... Дата смерти — восемь лет тому назад. Да уж, вряд ли мадам как-то связана с «Восходом», который существует без году неделя. Макс отложил для интереса ссылку на описание того самого колечка — почитать для развития, если время останется — и принялся искать дальше.

Ещё три имени ничего не дали, а следующее вывело на скудно заполненное досье мага десятой категории по имени Георгий Иванович Ельцов. На этом стояла хорошо знакомая пометка безопасности о невыезде; видать, мужик, прежде чем помереть, успел натворить каких-то дел. Макс не нравились все эти обрывающиеся в прошлом нити. Имена разнокалиберных одарённых, почивших уйму лет назад, причудливо перекликались с услышанным в обед разговором, хотя тот же Зарецкий первым высмеял бы Некрасова за склонность верить предчувствиям. Макс на всякий случай всё же кропотливо записал координаты этого Ельцова. Вдруг кто из коллег уже наткнулся?

К этой фамилии прибавилась ещё парочка не менее сомнительных: ведьма Людмила Евгеньевна Тарасова оказывала косметологические услуги одной медийной дамочке, колдун Александр Петрович Головин приходился дальним родичем замешанному в делах секты богатею, маг Николай Геннадьевич Вяземский, трудившийся кардиохирургом в одной из крутых столичных больниц, как-то раз оперировал жену кого-то из спонсоров «Восхода». Макс добросовестно всех записал. Вяземский, кстати, засветился вдобавок в Общественном собрании при Магсовете, где вместе с приснопамятной Свешниковой проталкивал какие-то человеколюбивые законы. Вряд ли это что-то значило при всей тесноте московского магического мира, но пометку Макс сделал.

В подвальных помещениях окон не предусмотрено; за течением времени приходилось наблюдать исключительно по часам. Когда копать стало некуда, до заветных пяти вечера оставалось ещё минут двадцать, и Макс принялся разбирать отложенные вкладки. Один из Смирновых с уточнением по паспортным данным перекочевал в список для дальнейшей проверки, остальные либо жили слишком давно, либо не представляли решительно никакого интереса. Наткнувшись на страничку с документацией по колдовскому кольцу, Макс немного оживился: про старые мощные артефакты всегда интересно. Тяжёлый золотой перстень с квадратным чёрным камнем добросовестно сфотографировали со всех сторон; в описании говорилось, что колечко датируется пятнадцатым веком, предположительно происходит из Франции и несёт в себе нехилый заряд везения. Вероятностные характеристики и диаграммы снижения активности Макс с чистой совестью пролистал: и так понятно, что штука до сих пор более чем крутая. Умели же делать в былые времена! Некрасов и сам бы от подобного не отказался: с таким и на лиху с голыми руками выйти не страшно. Правда, если нынешний владелец что-то понимает в артефактах, отвалить за вещичку придётся солидно. Шестизначную сумму, если не больше...

Макс невнимательно просмотрел прерывистую цепочку владения, вырастающую откуда-то из дремучих веков. Не удержавшись, взглянул на документ о передаче прав на артефакт от Петракова к Свешниковой: всё оформлено чин чинном, комар носа не подточит. Виза контроля на месте, даты и подписи в полном порядке. Следующий акт уже по наследованию, брат-близнец того, что сам Макс заверял пару дней назад. Тоже безупречно оформленный. Некрасов, щуря усталые глаза, несколько раз перечитал графу «наследник», прежде чем убедился, что зрение его не подводит. Начертанная каллиграфическим почерком фамилия была отлично ему знакома.

XIV. Хороших выходных

— Меня уведомили о вашей оплошности, — взяла с места в карьер Анохина.

Анька в обед в очередной раз посоветовала рассказать всё как есть, свалив вину на контролёров. Это, наверное, даже было бы честно, но как-то... нелогично, что ли. Да и коллеги всю неделю вели себя на удивление благостно; если и скандалили, то без Ириного участия. В конце концов, всё разрешилось, никого не отлучили от работы, а что отдел контроля слегка встряхнули — так им привычно, у них что ни день, то форс-мажор...

— Больше не повторится, — пообещала Ира, честно глядя в глаза начальнице. — Извините, пожалуйста.

Анохина сердито хмыкнула.

— Вы должны понимать, что отдел Александра Михайловича критически важен для работы нашей организации, — строго сказала она. — Любые нестроения грозят серьёзно нарушить рабочий процесс. Вам следует ограждать коллег от бюрократических проблем, а не создавать их.

— Да, я понимаю.

— Если я получу ещё одну жалобу на вас, я буду вынуждена отказать вам в продлении договора, — Наталья Петровна сурово зыркнула на подчинённую из-под тяжёлых век. — Сами понимаете, лучше никакого сотрудника, чем сотрудник с отрицательной эффективностью.

Это она-то с отрицательной?! Ира закусила губу, чтобы от обиды не разреветься прямо здесь. Если бы получилось совладать с голосом, она без сомнений выложила бы, кто на самом деле прохлопал сроки по подписанию!

— Вы свободны. Хороших выходных, — добила Анохина.

После такого напутствия только и оставалось, что молча выползти из кабинета. Может, чёрт бы с ней, с трудовой? На следующем месте можно сказать, что не сошлась характерами с коллективом, и не солгать ни единым словом. То-то Чернов будет доволен, когда жалкая ведьма попросится по собственному... Дать, что ли, человеку повод для радости?

Часы показывали двадцать минут шестого. Мало того, что проторчала под дверь у начальницы лишние полчаса, пока та беседовала с кем-то важным, так ещё и дела наверху не закончены... В кабинете никого уже не было. Набравшись наглости, Ира заглянула к Верховскому; в логове царила тишина, только истерзанная за день кофемашинка деликатно просила ухода. Вчера Чернов высказался на этот счёт, ни к кому конкретно не обращаясь, но ясно дав понять, кого считает виновницей. Ира вздохнула и выдвинула отсек с мокрым жмыхом. В пакете с зерном осталось всего ничего, значит, ещё и заявку снабженцам надо писать...

Запасы в переговорной тоже порядком истощились. Пара коробок с пахучими чаями, горячо любимыми Оксаной, нашлись в тумбочке, а вот сахар кончился. Значит, точно писать заявку, не то какая-нибудь важная персона зайвится пообщаться утром в понедельник, не найдёт сахара и расстроится, а следом расстроятся Верховский и Анохина. Как же, нарушение рабочего процесса... Ира поправила торчащие из-под стола сетевые кабели, достала несколько чистых листов бумаги и собрала разбросанные ручки. После пары встреч, на которые её звали вести протокол, комната понемногу перестала вызывать неприятные ассоциации, но оставаться здесь в одиночестве всё равно было неудобно.

Оживший телефон изрядно напугал её, вырвав из невесёлых мыслей. Звонил Старов; решив, что Миша вряд ли испортит ей остатки настроения, Ира взяла трубку и поздоровалась, как могла, вежливо.

— Привет! А... Ты, наверное, ушла уже, — сказал Миша виновато и как-то бестолково; наверное, не сразу сообразил посмотреть на часы. Кажется, он под вечер взял какую-то выездную заявку, вот и утратил счёт времени.

— Нет, я на месте ещё, — заверила его Ира. — Что-то нужно сделать?

— О, супер! — обрадовался Старов. — Слушай, я там оставил бумаженцию одну, можешь найти и прочитать?

— Ага, могу...

Бумаженция отыскалась на боковом столе, наполовину заваленном Мишиным добром, наполовину аккуратно устеленном распечатками Зарецкого. Вытащив лист из-под пустой полулитровой кружки и посетовав, что часть заметок расплылась из-за чайных потёков, Ира продиктовала Мише чей-то телефон. Писал Старов, конечно, как курица лапой, но, по крайней мере, цифры друг от друга отличались.

— Спасибо! С меня шоколадка, — пообещал Миша, и Ира невольно улыбнулась. Этот притащит, с него станется.

— Да не за что. Я положу, где было, хорошо?

— Ага. Ну давай, не засиживайся там долго!

Да-да, помним: работать следует в рабочие часы. Ира сунула телефон в карман брюк и осторожно пристроила важную бумажку на свободное место, предусмотрительно переставив кружку на пробковую подставку. Подставка была весёленькая, в виде добродушно улыбающегося медведя, чем-то похожего на самого Мишу. Наверняка

Ксюшин подарок; вряд ли Старов сам покупает себе милую бездельню, а кроме Тимофеевой на подобные подвиги тут вряд ли кто-то способен. Ира нагнулась над столом, поправляя угрожающе накренившуюся стопку цветных брошюрок, и нечаянно зацепила локтем безукоризненно ровный ряд распечаток. Успела удержать от падения, ухватив самую толстенную в последний момент; то-то было бы возмущений... Ира тщательно выровняла бумаги по краю стола, возвращая нарушенный порядок, и почти уложила на место последнюю стопку, когда вдруг увидела на верхнем листе соседней собственную фамилию.

Лист был чист от пометок, которыми пестрели едва ли не все прочие бумаги. Даже не досье — полная выписка по аттестационному тестированию с указанием отмеченных ответов. Рядом лежала точно такая же, но на нелегала Кузнецова, и та как раз была исписана вдоль и поперёк стремительным почерком Зарецкого. Ну ладно Кузнецов, там понятно, зачем понадобилось изучать ответы, но Ира совершенно точно не нелегал и вообще не значимая сколько-нибудь персона! Если бы Зарецкий соизволил оставить хоть какую-то заметку, можно было бы попытаться понять... Хотя нет, поди разбери этот сплошной заборчик из остроконечных крючков! Вроде и нет ничего такого в этой выписке, там даже из личных данных только имя да паспорт, но всё равно неприятно как-то. Почти как обнаружить, что кто-то рылся в её вещах...

Тихий щелчок замка Ира пропустила, а потом удирать стало поздно.

— Та-а-ак, — с плохо скрываемым торжеством в голосе протянул Зарецкий. Все три двери в унисон клацнули щеколдами. — Кажется, моё предупреждение осталось без внимания.

— Я ничего такого не... — выдохнула Ира. Зачем-то попятившись, она очень быстро наткнулась на Мишин стол, и отступать стало некуда. Злосчастная распечатка так и осталась у неё в руках.

— И кому же мы отчитываемся? — ласково поинтересовался Зарецкий. Он вроде бы не загораживал проход к входной двери, но куда ей рваться с её грацией ленивца, да ещё и на каблуках? — Анохиной? Викентьеву? Джентльмену на «мерседесе»?

— Никому я не отчитываюсь! — выкрикнула Ира.

Щекам стало горячо. Это её-то подозревать в шпионаже? Её?! И этим людям она прикрывала задницы перед Анохиной! Недолго же Наталье Петровне пришлось ждать «ещё одной жалобы»...

— Что тут у нас? — лениво протянув руку, Зарецкий выдернул из её пальцев треклятый лист. — А... Любопытство, как известно, фатально подвело кошку. Обидно, да?

Каков гад! Уж лучше бы тут оказался Чернов — тот бы честно орал, а не мотал кишки с участливой миной на лице. Кричать сейчас бесполезно, ничего так не докажешь, кроме собственной бестолковости. Ира постаралась взять себя в руки и начать соображать.

— Какое тебе дело до моих тестов? — бросила она почти спокойно.

— Все вопросы о моей деятельности, пожалуйста, к Верховскому, — нахально заявил контролёр.

— Прекрасно, — зло процедила Ира. Хорошо ходить у начальства в любимчиках и нагло этим пользоваться; за неё-то никто вступаться не станет, и Зарецкий об этом отлично осведомлён. — Спрошу у Александра Михайловича, с какой стати ты роешься в моих данных вместо того, чтобы заниматься заданием.

Если она и попала в цель, виду Зарецкий не подал. О нет, вопить и топтать ногами мы не будем; мы бесим людей по-другому. Бесим, а потом, сыграв на эмоциях, вытаскиваем всё, что хотим. Нет уж, господин контролёр, мастерство оттачивайте, пожалуйста, на ком-нибудь другом!

— Мои задания тебя никоим образом не касаются, — вежливо напомнил Зарецкий.

— А тебя не касается моя аттестация.

— Я, кажется, заверял твоё удостоверение.

— И что? — мама обязательно скрестила бы на груди руки; Ира тоже так сделала. — Тесты тут ни при чём. Или я прохожу у вас по какой-нибудь заявке?

— Кто-то лезет не в свои дела.

— Полностью согласна. Зачем тебе мои данные?

— Зачем тебе мои бумаги?

Низачем. А Зарецкому нафиг не сдались её тесты. Он её ловил — и он её поймал. Как безалаберно, получив уже один раз замечание, оставлять документы на видном месте, как удачно случайно заглянуть в кабинет после окончания рабочего дня, и ещё — как вовремя позвонил Миша со своей просьбой! Сговорились, приятели, подгадали момент, наверняка даже расщедрились на какие-нибудь сигнальные чары — что им стоит, чёртовым великим магам... На душе стало совсем гадко. Ладно Зарецкий, этот и не думает притворяться приличным человеком, но Старов казался честным и дружелюбным. Немедленно захотелось развеветься, однако это означало показать нахальному контролёру, что он её довёл. Нет уж... Вылетать — так гневно хлопнув дверью.

— У тебя ещё полминуты, чтобы придумать достойное оправдание, — милостиво сообщил Зарецкий. Ненужную бумагу он не глядя отбросил на стол.

Достойное, значит, оправдание. Ладно же! Вы цените холодную логику, Ярослав Владимирович? Вы её

получите.

— А тебе не в чем меня обвинять, — нагло, не хуже самого Зарецкого, заявила Ира. — Хочешь — попроси у айтишников записи с камер. Я искала Мише телефон контактного лица по заявке — можешь сам у него спросить. — Как будто ему надо! — Нечаянно задела твои бумаги, вернула их на место, вот и всё.

— И, наводя порядок, решила поинтересоваться содержанием документов, — любезно подсказал Зарецкий.

— Хочешь сказать, запись моих же ответов — секретная для меня информация? — парировала Ира. — Не знаю, не знаю... Вот насчёт тебя не уверена.

— Девочка, у меня второй уровень допуска, — угрожающе понизив тон, проговорил Зарецкий. Похоже, она его всё-таки всерьёз разозлила, и поделом!

— И ты им пользуешься, чтобы копаться в досье секретарши, — презрительно бросила Ира. — Бедные государственные преступники, ждут не дождутся своей очереди!

— Я не услышал, с какой целью ты рылась в моих бумагах, — холодно напомнил контролёр.

— Докажи сначала, что я в них рылась.

Ну всё, в понедельник её вышвырнет если не Анохина, то Верховский. И ладно, не очень-то и жаль! По крайней мере, самодовольную ухмылку с морды Зарецкого она на прощание стёрла. Будет о чём поведать Аньке за чашкой чая...

— Домой, — коротко велел контролёр. Щеколда на входной двери отчётливо щёлкнула. — Чтобы до понедельника я тебя тут не видел.

— Вот и уходи.

— Прошу прощения?

— Я подумаю, — нахально заявила Ира. — У меня ровно столько же прав тут находиться, сколько у тебя.

— Рабочий день окончен.

— Вот именно.

Чувствуя себя если не победительницей, то точно не проигравшей, Ира протиснулась мимо Ксюшиного стола и уселась за собственный. С учётом того, что в понедельник, скорее всего, её выгонят с позором, заказывать зерно для кофемашины и конфеты в переговорку казалось абсурдом, но не сдавать же позиции просто так! Зарецкий уходить не спешил; как ни в чём не бывало уселся за стол, положил перед собой стопку бумаг. Не уберётся теперь, пока не уйдёт Ира. Ну и пожалуйста, помучается полчаса — и хватит с него. Не жертвовать же вечером пятницы ради нахального контролёра! Ира тщательнейшим образом, от темы до подписи, перечитала всю скопившуюся за день почту, разобрала каждую требующую внимания мелочь и, убедившись, что дел действительно не осталось, а времени прошло солидно, заблокировала компьютер.

— Хороших выходных, — подчёркнуто вежливо сказала она на прощание.

— Взаимно, — прохладно ответил Зарецкий. Он, похоже, покидать кабинет не собирался. Что ж, кому в жизни больше делать нечего, тот работает днями и ночами.

Мама вечером, разумеется, заметила поганое Ирино настроение. Ира, в свою очередь, обнаружила загромоздившие кухню кульки с продуктами и к своему вящему неудовольствию вспомнила, что послезавтра в гости заявятся мать и сын Свириденко. Впрочем, будут и Сафоновы, а значит, не настолько уж всё невыносимо. Если, конечно, забыть о необходимости готовить застолье, а потом ликвидировать его последствия.

— Ты чего такая смурная? — строго поинтересовалась мама. — На работе неприятности?

— Да так, — буркнула Ира и из всего случившегося за неделю выбрала самое безопасное для маминого спокойствия: — С коллегами поцапалась.

— Дочь моя, — назидательно сказала мама, всучив ей пакет с мясом, — в Управе надо связи завести, а не ссориться.

— А я ни с кем не ссорюсь. Это со мной ссорятся, — сердито фыркнула Ира. Самое подходящее настроение для готовки, особенно если речь об отбивных. — За сколько дней увольняют с испытательного срока? За три?

— Не вздумай! — охнула мама. — Как я Павлу Сергеевичу в глаза смотреть буду?

Как-нибудь. Подумаешь, неудачная протекция, можно подумать, первая на его счету... И вообще, надо впредь думать, прежде чем принимать такие подачки. Ходи потом трижды обязанный: благодетелю, работодателю и самому себе...

— Только послезавтра, ради бога, ничего такого не ляпни, — категорично потребовала мама.

— Не ляпну. Мам, когда ты удостоверение получала, ещё без компа же сдавали тесты?

— Да нет, на компьютере, — мама нахмурилась, то ли от воспоминаний, то ли от едкого лукового запаха. — Я поздно сдавала, тебе уже лет восемь было.

— А... ну... помнишь, что отвечала? — осторожно поинтересовалась Ира.

— Да кто ж помнит! Ответила — и ладно.

— Ты не знаешь, эти ответы потом кто-нибудь смотрит?

— По-моему, их нельзя просто так смотреть, — мама смерила дочь подозрительным взглядом. — Ты почему спрашиваешь?

— Да так, просто интересно.

Вот и Зарецкому просто интересно. Что можно узнать из этой несчастной распечатки, кроме примерного уровня знаний испытуемого? Так для этого есть цифра в удостоверении. О нет, не нужна никому в магконтроле выписка из тестов весьма средней ведьмы; соорудили приманку из подручных средств, чтобы прищучить любопытную секретаршу, только и всего. Ира бросила на доску первый кусочек свинины и вооружилась молотком. Что-то ей подсказывало, что отбивные получатся на редкость тонкими.

XV. Сама осмотрительность

Макс любил центр Москвы, как только может его любить перебравшийся в столицу провинциал. Пёстрое, многолюдное, причудливое в своей хаотичности сердце города билось и днём, и ночью, не замирая ни на мгновение. Вытянувшиеся в бесконечную линию желтоватые огни фонарей пятнали тёплым светом поплёскивающие, как слюда, речные воды; по широкому тротуару празднично слонялись припозднившиеся зеваки, мимо пронеслись машины, свободные от душного плена вечерних пробок. Макс не помнил наверняка имён улиц, мостов и набережных, но примерно представлял, куда можно попасть, если свернуть здесь или там, и втихомолку гордился этим знанием. Курсе на первом-втором он всё тут исходил в компании вновь обрётённых приятелей, и незнакомая когда-то паутина переулков осела в памяти не хуже, чем незамысловатая карта родного подмосковного городка.

— На остановке вас высажу? — осведомился для порядка таксист, сбрасывая скорость. — Вон, за мостом сразу.

— Ага, давайте, — покладисто согласился Макс и полез за телефоном.

Ажурный пролёт моста проплыл над головой, приглушив на миг свет городских огней. Машина, добросовестно моргнув поворотником, причалила к прозрачному павильончику остановки. Макс без сожаления расстался с парой сотен и вылез в ночную прохладу. Остановку оккупировала пьяненькая студенческая компания, ошалевшая от почти летнего тепла, собственной свободы и наверняка какого-нибудь благополучно сданного зачёта; Макс снисходительно им позавидовал и взял правее, к закованному в гранит берегу. Вечернее умиротворение стремительно рассеивалось; пора настраиваться на серьёзный лад. Вопросов за минувшие сутки поднакопилось прилично, а ещё надо ухитриться не ударить лицом в тоннельную грязь.

Не имевший привычки опаздывать Ярик сидел на парапете, созерцая одетое цветными огнями здание театра эстрады. Услышав торопливые Максовы шаги, он спрыгнул на набережную и поправил лямку полупустого рюкзака. Некрасов, однажды пропыхтевший сдуру десяток километров по лесу с грузом всякой дребедени и заслуженно высмеянный за это Мишкой, тоже взял только нужное: документы, телефон, воду и экстренную аптечку. Не сказать, что он свеж и полон сил, но на пару часиков его точно хватит.

— Ты пешком, что ли? — поинтересовался Макс вместо приветствия.

— Машину на Воробьёвых бросил, — любезно сообщил Ярик. — Доживёшь — подвезу.

— Ой, да что там доживать-то! Километров пять по прямой, — блеснул осведомлённостью Макс. — От «Кропотки» ведь?

— Ага. Удостоверение не забыл?

— Забыл! — Макс сделал страшные глаза, но, увидев, что никакого впечатления не производит, прекратил паясничать. — Пошли уже.

Призрачная громада храма, выхваченная подсветкой из синеватой тьмы, строго нависла над головой и не оставляла почти до самой Волхонки. Культовые сооружения никогда не вызывали у Макса должного пиетета, но, проторчав полдня в обществе сектантов, он волей-неволей задумался: раз уж есть такая сила, которая способна заставить кучу людей собраться вместе и, например, построить эдакую махину, почему бы не назвать её для удобства богом? Надо задвинуть Олегу эту мысль, будет о чём поболтать в курилке.

— Слушай, — покопавшись в роившихся в голове вопросах, Макс решил начать с самого безобидного, — ты не знаешь, что такое «саборан»?

— Это ты где такое слышал? — лениво спросил Ярик. Не похоже, что странное словечко его заинтересовало.

— Да в «Восходе» этом. Я сегодня кое-куда пролез, — старательно не пуская в голос гордость, сообщил Макс. — Послушал немножко, про что тамошние важные шишки болтают. Ну и вот, один сказал что-то в духе «саборан уже никому не нужен». Это что, какой-то артефакт?

— Не припомню артефактов с таким названием, — задумчиво отозвался Зарецкий. — А ещё контекст можно?

— Да какой контекст, — безнадежно отмахнулся Макс. — Они там говорили примерно как Верховский, когда хочет при всех сказать что-нибудь секретное. Типа «нельзя точно рассчитать время» и «нужно придумать способ».

Затевают что-то, гады.

— С какими целями?

— Вот я и пытаюсь понять, — вздохнул Макс. — Ещё немножко поиграю в приверженца духовных практик — авось позовут на большое сборище, тогда и возьму кого-нибудь за жабры...

— Осторожней там, — серьёзно предупредил Ярик. — Как бы тебя за что-нибудь не взяли.

— Я сама осмотрительность, — Макс добропорядочно дождался, пока светофор над абсолютно пустой улицей загорится зелёным, и первым зашагал по переходу.

— Держи в курсе.

— Только в обмен на информацию, — ухмыльнулся Макс.

Вежливая работница в тёмно-синей униформе сделала попытку не пропустить их в затопленный сумраком вестибюль. На дверной замок, который Макс влёгкую отпер прикосновением, она косилась с недоверием. Некрасов, приветливо улыбнувшись, продемонстрировал цивильную корочку — не менее внушительного вида, чем основная, но без каких-либо упоминаний о магии.

— А-а... Дежурную позову, — буркнула дама в ответ на вежливое приветствие и умчалась куда-то во тьму, чтобы вернуться через пару минут с начальницей.

Дородной дежурной корочка не понадобилась. Едва разглядев незваных гостей, она радушно улыбнулась, как бабушка при виде любимых внуков.

— Здравствуйте! — зычно поздоровалась она; гулкое эхо поймало голос в ловушку. — Опять у нас, что ли, куролесят там?

— Здравствуйте, Анна Дмитриевна, — Ярик тоже улыбнулся и убрал удостоверение в карман. — Нет, просто профилактика. Не помешаем?

— Да нет, конечно! — дежурная всплеснула руками. — Делайте, что надо. В журнал запишитесь только...

Ярик с бюрократией управился легко и привычно, а Макс завозился, путая колонки. Анна Дмитриевна терпеливо ждала и от нечего делать болтала с Зарецким, как с давним знакомцем. В уютной каморке никого, кроме них, не было, и добродушная тётка махнула рукой на конспирацию.

— Я, кстати, так и так собиралась на неделе в Управу звонить, — сообщила она между прочим. — Машинист один, он из наших тоже, между «Фрунзенской» и «Спортивной» что-то видел нехорошее. Составы вроде не трогают, но кто его знает, что оно такое...

— Ага, учтём, — пообещал Ярик. — На будущее — звоните сразу. Лучше лишний раз по тоннелю пробежаться, чем ждать проблем.

— Больно у вас там строгие на телефонах сидят, — хохотнула Анна Дмитриевна. — На кривой козе не подъедешь: то, сё, доказательства, обоснования...

— Ну, мне звоните. Или Александру Михайловичу.

Анна Дмитриевна понятливо закивала. Максу стало немного завидно: вроде и не ахти какая величина — дежурная по одной из сотен станций, а хочется так же запросто, как с приятельницей, трепаться за жизнь и вызывать радость своим появлением. Надо почаще напрашиваться со старшими на выезды, тогда, глядишь, и удастся обрасти знакомствами...

В тоннеле, в отличие от залитой светом платформы, царила темнота, едва рассеиваемая колючими звёздами фонарей. Макс на всякий случай отодвинулся подальше от мёртвого сейчас контактного рельса. Как-то раз Мишка уже брал Некрасова с собой в метро; дело было в середине зимы, аккуратно после окончания стажировки, и в памяти ошалевшего от свежих впечатлений Макса остались уходящие в бесконечность штрихи шпал, круглый чёрный зев тоннеля, запахи влажного бетона, металла и пыли — что угодно, только не несчастный полтергейст, с которым Старов разделался стремительно и безжалостно. Сейчас поблажек ждать не приходится: и сам Макс уже не совсем желторотик, и Ярика, в отличие от Мишки, в излишнем человеколюбии обвинить трудно.

— Ты как, в итоге, далеко по этой секте продвинулся? — спросил Зарецкий, вырвав Макса из раздумий.

— А... Думаю, что да, — Некрасов встрепенулся. Надо попробовать выспросить у коллеги ещё кое-что, но заговаривать ох как неловко, хоть и повод более чем достойный. Макс вздохнул, собираясь с мыслями. — Слушай, я тут наткнулся в архивах на одно дельце, ну и подумал, что ты, наверное, в курсе... Это касается Лидии Свешниковой.

— Тётки? — спокойно переспросил Ярик. — Она уже лет восемь как умерла. Дельце, должно быть, старое.

— Ну да, — с облегчением кивнул Макс. Будь на месте Зарецкого Костик, наверняка принялся бы топтать ногами и вопить, чтобы всякие младшие офицеры не смели лезть в его жизнь. — Понимаешь, мужик, с которым она судилась, — родственник одного заметного товарища из «Восхода». Я вот думаю, может это быть как-то связано?

— А что за дело?

— Не поделили артефактное колечко. Такое золотое, с чёрным камнем. Тётка твоя у какого-то торгаша его купила за бесценок, а он потом опомнился и подал в суд. Лет двадцать назад это всё было...

— Нет, не знаю про суд ничего, — Ярик с сожалением качнул головой. — Двадцать лет назад меня и в Москве-то не было. А насчёт секты... Очень маловероятно, что тётка в чём-то таком участвовала. Очень.

— А про этого Петракова не в курсе? — уцепился за соломинку Макс. — Может, она про него говорила или типа того?

Зарецкий честно наморщил лоб, роясь в памяти. Обшаривать цепким взглядом стены тоннеля он при этом не забывал.

— Не-а, ничего в голову не приходит. Но кольцо где-то дома валяется. Тебе надо?

— А ты что, просто так отдашь? — недоверчиво спросил Макс. — Оно же, небось, стоит, как полмашины.

— Как две, — Ярик усмехнулся. — Если для дела надо, передам на время.

Макс с трудом подавил искушение соврать и согласиться. Заполучить, хоть и ненадолго, могучий заряд везения — слишком уж явный соблазн; даже если предположить, что Зарецкий не проверяет младшего коллегу на моральную стойкость, всё равно наверняка есть подвох.

— А сам чего не пользуешься? — осторожно спросил Макс. — В нашей-то работе удача лишней не бывает.

Сказал — и понял, в какую лужу с размаху сел. Ярик вздохнул и закатил глаза.

— Некрасов, как вероятностные чары работают?

— Понял, понял, — буркнул Макс. — Сегодня в лотерею выиграешь, завтра кирпич на башку свалится. Но можно же эту штуку надеть и не снимать до самой смерти?

— Интересно мне, сколько ты при таком раскладе протянешь, — хмыкнул Зарецкий. — Лучше уж как-то своими силами. Ну-ка, что думаешь?

Он остановился и скрестил на груди руки, коварно улыбаясь. Макс внимательно осмотрелся; место на первый взгляд ничем не отличалось от остального тоннеля, и, зная Ярика, это вполне могло быть правильным ответом. Низкий плоский потолок, змеящиеся вдоль стен кабели, две колеи, разделённые ярко-жёлтыми линиями контактных рельсов. Едва-едва слышно, как где-то далеко позади тархтит гружённый мотовоз. Макс присел на корточки и потрогал крупный гравий между шпал.

— Вроде ничего особенного, — осторожно предположил он.

— Ну, в камешках сложно найти что-то уникальное, — едко заметил Зарецкий. — Впереди что?

— Э-э-э... «Парк культуры»?

— Bravo, — Ярик досадливо скривился. — Достоинно стажёра. Вон, у левой стены, метров через пятьдесят. Видишь?

Посрамлённый Макс покорно сощурился. У самого пола вдоль стены, переплетаясь с тенями от кабелей, стелилось бесформенное марево. Оно никуда не торопилось, ни к чему не тянулось — просто бестолково висело в воздухе. Поди угляди во мраке...

— Эту штуку, что ли, тот машинист видел? — недоверчиво спросил Макс. — Она же совсем не опасная.

— Подрастёт — станет, — резонно возразил Ярик. — Ну, действуй.

Макс сдержал вздох, пошевелил пальцами для разминки и тут же поймал на себе насмешливый взгляд. Да-да, когда нападёт какая-нибудь разъярённая голодная тварь, станет не до упражнений... Но этот-то бедолага ещё даже толком не оформился в полноценный полтергейст, к чему тут спешка? Твёрдо решив больше не косячить, Макс старательно соорудил сеть, заботливо, как одеялом, укутал ею обречённую нежить и, без опаски приблизившись, аккуратно поджёг съжившийся сгусток. Вонючий дымок быстро рассеялся в полном сквозняков тоннеле.

— Как будто упыря ловили, — вздохнул Зарецкий. — Силы-то остались ещё?

— Остались, — сердито буркнул Макс. — Чего ты докопался? Всё как по учебнику.

— Головой думать надо, а не учебником, — отрезал Ярик. — Сейчас зря потратился — через полчаса не хватит. Незачёт.

И ведь прав по всем статьям. Главное, дело-то пустяковое; попадись им кто посерьёзнее, Макс благополучно прохлопал бы всё на свете. Ну всё, теперь он ни одну мелочь не упустит! Взяв пример с коллеги, Некрасов принялся вертеть головой по сторонам и прислушиваться к гулкой тишине тоннеля. Рабочих, занятых шлифовкой рельсов, он заметил заранее; развилку за «Парком» — нет.

— Нас невозможно сбить с пути, — ворчливо прокомментировал Зарецкий. — Может, наверх, отдохнуть?

— Да в порядке я! — огрызнулся Макс, скорее на себя, чем на старшего. — Фиг знает, не пил же ничего сегодня...

— А что ты должен был пить? — быстро спросил Ярик, и Макс запоздало прикусил язык. Хотел же молчать!

— Ну, в прошлый раз было дело — затупил чуток, — неохотно признался он. Зарецкий — не Старов, пинка-то выдаст, но языком трепать почём зря не станет. Может, даже что-то дельное присоветует. — Угостили чайком, блин... Я сдуру хлебнул и поехал потом агитировать всех подряд вступать в «Восход». Иринке спасибо, выручила.

— Она-то здесь при чём? — тут же вскинулся Зарецкий.

— А я к ней попёрся с какого-то фига, — Макс осторожно перешагнул торчащую над гравием шпалу. — Наверное, решил, что её проще всех будет уговорить. Но она просекла, что со мной что-то не то, противоядие сварганила. Золото, а не секретарь, — с довольной ухмылкой прибавил он.

— Ага, как же, — фыркнул Ярик. — Ты там поосторожнее с симпатиями.

— Почему?

— Потому что девочка шустрая не в меру, — Зарецкий поморщился то ли от неприязни, то ли от яркого света с платформы. — Сначала мне Викентьев всё совещание намекает, что в курсе относительно Андрюхиной заявки ученым, а потом я возвращаюсь в кабинет — и пожалуйста, роется твоё золото на моём столе! Жаль, спугнул не

вовремя, надо было подождать, пока за важные бумаги схватится...

— Да не может быть, — не слишком уверенно вступился за Иру Макс. — Небось путаница какая-то...

— Ага, а про свою заявку Андрей сам всё растрепал, — ядовито подсказал Ярик. — Зачем морочился с особой формой — непонятно, отправил бы сразу без грифа...

— Андрюха свои бумаги вообще из рук не выпускал, — возразил Макс. — Что ты, не знаешь его, что ли? Он после Костикова нагоняя из-за стола не вставал, пока по три раза не перепроверил, а потом сам всё отнёс научникам. Если кто и крысит, так у них, а не у нас.

Зарецкий недоверчиво хмыкнул, но промолчал. Снова начался тоннель, и можно было перестать шуриться. Вроде бы и прошли-то всего пару километров, а ноги уже начинают гудеть. Правда, как-то глупо жаловаться на это человеку, который из упрямства хоть на последнем издыхании полезет чистить рыло какому-нибудь упырю.

— Чего ты паришься-то со своими подозрениями? — примирительно спросил Макс. — Дёрни безопасников, пусть они мучаются.

— Нет, — отрезал Зарецкий. — Разберусь сам.

— И что ты сделаешь? Нажалуешься Верховскому?

— Поймаю с поличным, — зло сказал Ярик.

— А если не поймаешь?

— Значит, не с чем ловить.

Макс вздохнул и заговорил о подземной нежити. Ночь выдалась спокойной до разочарования; позади осталась ещё одна станция, а в тоннелях так и царил образцовый порядок. Ярик лениво отвечал на вопросы, периодически тыкая Макса носом в недостаток знаний; окружающий мир не слишком его волновал, пока на очередной развилке ему не взбрело в голову остановиться. Некрасов напрягся и в ожидании проверки завертел головой.

— Есть мысли? — тихо осведомился Зарецкий.

— Да, — покладисто отозвался Макс и ткнул пальцем в сторону одного из отходящих от развилки путей. — Вон там контактного рельса нет, а обычные — есть.

— Ага. Мы туда не пойдём.

— Потому что нельзя?

— Потому что там есть кому за нежитью следить, — хмыкнул Зарецкий. — На основной тоннель смотри. Вернее, слушай.

Макс послушно наострил уши. Ничего особенного, только подвывает гуляющий по тоннелю сквозняк и где-то близко гудят вентиляторы.

— Вентшахта рядом, — глубокомысленно заметил Некрасов. — Если тут кто и засел, фиг услышишь.

— Точно, шахта. Где?

— Впереди где-то... Или это с улицы уже тянет?

— Нет, не с улицы.

Зарецкий медленно двинулся вдоль стены, почти касаясь её ладонью. Макс, скорее подозревая, чем понимая, порыскал следом; шум становился громче, только за каким интересом Ярику понадобилась шахта? Живые в ней редко появляются, жадной до чужих сил нежити там ловить нечего...

— Ага, вот.

Зарецкий остановился у ничем не примечательного куска стены. Сквозняк здесь стоял нехилый; чтобы слышать друг друга, обоим приходилось повышать голос.

— Правила безопасности напоминать надо? — поинтересовался старший.

— Не-а.

— Прекрасно.

Вытянув вперёд руку, Ярик коснулся бетонной стены, кивнул своим мыслям. Ветер сердито трепал ему волосы, отбрасывая выбившиеся пряди назад. Назад?.. Макс тоже попытался потрогать стену, уже догадываясь, чем это кончится. Глаза упрямо видели грязно-серый бетон, пальцы не чувствовали ничего.

— Морок, — поделился соображениями Некрасов.

— Верно.

Макс подобрался, готовый то ли бросаться в драку, то ли организованно удирать. Зарецкий, уподобившись призраку, шагнул сквозь увитую кабелями ненастоящую стену. Ничего не изменилось: выл сквозняк, в лицо дул набравшийся запахов подземки ветер с поверхности. Ночью вентиляторы наверняка работают не в полную силу, иначе этот лёгкий бриз показал бы себя во всей красе. Не дождавись команды, Макс зачем-то зажмурился и шагнул в скрытый мороком коридор, отчаянно надеясь, что не обнаружит там остывающий труп коллеги.

Ярик, однако, прекрасно себя чувствовал. На Макса он оглянулся без удовольствия, и Некрасову запоздало вспомнилось, что по правилам надо было ждать сигнала или просьбы о помощи. Да что ж такое сегодня! Теперь как пить дать в понедельник отправят перечитывать регламенты...

Зарецкий махнул ему, приглашая подойти. Старший стоял у низкой ниши в стене, почти невидимой со стороны тоннеля, зато надёжно укрытой от ветра. На бетонном полу аккуратной кучкой лежали вещи: потрёпанный спальный мешок, зимняя куртка, из которой кое-где наружу торчал синтепон, пузатый термос, книжечка в выдавшей виды обложке — нифига себе, Макиавелли... Всё это соответствующим образом благоухало; сквозняк никак не задевал скопившуюся в нише вонь.

— Образованные нынче бомжики, — прокомментировал Макс, кивая на книжку.

— Точно. Приспособились у нежити под боком прятаться, — насмешливо заметил Ярик.

— Так, может, он сюда забрался, а нежить его и того... — предположил Некрасов. Неведомого владельца барахла сразу стало жалко: только сядешь почитать, а тебя раз — и скушали...

— Ну, может быть, — с сомнением протянул Зарецкий.

Избегая прикасаться к вещам, он пошевелил в воздухе пальцами. Спальник покорно развернулся, показав упрятанные в него сокровища: одноразовую бритву, несколько помятых и тщательно разглаженных купюр, пачку таблеток от сердца — Макс сразу их узнал, всю его сознательную жизнь мама глотала такие — и короткую серебряную цепочку грубого плетения с плоской пластинкой вроде солдатского жетона. Последнюю Зарецкий заставил взмыть в воздух, и Макс разглядел выбитые в металле незнакомые остроконечные знаки.

— Дай тряпку какую-нибудь, — попросил Ярик, внимательно разглядывая вещицу.

Макс растерянно хлопнул себя по карманам, полез в рюкзак. Тряпка, тряпка... Мог бы сойти носовой платок, если бы где-нибудь завалился с недавних простудных времён. Никаких тёплых вещей Макс с собой, понятное дело, не брал, Ярик тоже в одной футболке. Что ж, тогда прямо в рюкзак! Некрасов принялся расстёгивать потайной карман, но справиться с заедающей молнией не успел. Цепочка глухо шмякнулась обратно на спальник.

— Назад, — очень спокойно велел Зарецкий, и от его тона сразу стало не по себе.

— Что... — бестолково начал Макс, послушно пятясь, и увидел то, что опытный старший заметил раньше. Из-под пола сквозь тонкие трещинки сочилось призрачное зеленоватое марево. Некрасов представить себе не мог, что оно такое, но совершенно точно не хотел иметь с этим дела. — К-куда мне?

— Назад, налево и через реку, — коротко приказал Ярик. — Добежишь до станции — скажи, чтоб народ из тоннеля выгнали.

— А ты?..

— Если через двадцать минут не выберусь, зови наших.

Марево стремительно густело. Повиноваться приказу — малодушно, не повиноваться — глупо. В конце концов, кто-то же должен предупредить дежурных, что в тоннеле завелась какая-то дрянь... Макс развернулся и, подгоняемый в спину сквозняком, припустил прочь. Вслед ему нечленораздельно зашипел разъярённый бесплотный голос; существу, чем бы оно ни было, не понравилось присутствие Зарецкого. Перепрыгивая через шпалы, Некрасов широкими шагами понёсся вверх по тоннелю, навстречу виднеющемуся впереди клочку предрассветного неба. Прежде чем выскочить на мост, Макс торопливо обернулся; далеко за спиной вспыхнуло и тут же опало бледное зарево, в подземке показавшееся едва ли не дневным светом. Ярик не дурак, если поймёт, что дело безнадёжное, успеет удрать...

Серый предутренний свет резанул по глазам не хуже электрического. Замелькали мимо прозрачные щиты; сквозь них видно было, как неспешно тащит куда-то мутные воды Москва-река. Макс облегчённо выдохнул, но сбавлять темп себе не позволил: надо сперва добежать до станции... Он даже толком не знал, чем пугать дежурного. Достаточно ли будет махнуть корочкой и сказать, что в тоннеле опасно? Что доложить Мишке и Костику, если придётся их звать? И сколько, чёрт возьми, времени до открытия метро?!

Дежурная на «Воробьёвых», в отличие от Анны Дмитриевны, оказалась минусом и сперва чуть не сдала Макс полиции, а потом потратила несколько драгоценных минут, пытаясь выудить подробности. Только услышав её недовольный голос, объявляющий в микрофон приказ немедленно покинуть перегон «Спортивная» — «Воробьёвы горы», Макс чуть-чуть успокоился. Можно было остаться сидеть в чистенькой комнате дежурной, можно было слоняться по станции в ожидании новостей, однако, если придётся звать подмогу, делать это лучше подальше от посторонних глаз. Некрасов мельком глянул на круглые станционные часы и, собрав в кулак остатки силы воли, потрусил на берег.

Он едва успел отдышаться, привалившись спиной к опоре моста, когда появился Зарецкий. Едва не потеряв равновесие после пространственного прыжка, Ярик оперся ладонью о бетонный столб; старший тяжело дышал, мокрые от пота волосы прилипли ко лбу. Макс, мысленно возблагодарив судьбу, поспешно полез в рюкзак за водой.

— Прикончил? — поинтересовался он, откручивая тугую крышку.

Зарецкий молча кивнул и жадно приник к бутылке. Его собственный рюкзак куда-то сгинул; немудрено, Макс тоже в первую очередь избавился бы от балласта.

— Сходи... на станцию, — попросил Ярик, возвращая Некрасову остатки минералки. — Скажи... всё чисто.

— Ага, метнись. Ты только не помри тут.

Зарецкий в ответ на удивление неизобретательно послал его далеко и надолго. Макс решил простить, сделав скидку на нервное потрясение. Пока Некрасов бегал до вестибюля и обратно, Ярик умудрился привести себя в более-менее цивилизный вид, утерев с лица пот и копоть и заново завязав в хвост растрёпанные волосы. Устроившись на земляной террасе у подножия опор, он хмуро смотрел на реку, блаженно нежившуюся в лучах восходящего солнца. Макс бодро отчитался о проделанной работе и плюхнулся рядом; ему тоже передышка отнюдь не помешала бы.

— На «Кропотку» передал, что мы ушли? — строго поинтересовался Зарецкий.

— Да передал, передал, — отмахнулся Макс. — Теперь-то куда?

— Ты — домой, — старший тяжело поднялся на ноги и потянулся. — Я — в Управу. Только сначала до машины доползти надо.

— Поехали вместе в Управу, — не согласился Макс. — Я же тоже видел...

— Без надобности, — Ярик сунул руки в карманы и, задрав голову, окинул взглядом крутые склоны. — Я видел несколько больше.

Макс нехотя встал, морщась от боли в натруженных ногах. Карабкаться вверх по извилистым пешеходным дорожкам — именно то, чего сейчас так не хватало.

— Что оно хоть было? — вяло поинтересовался Некрасов, разминая гудящие икры.

— Моровая язва, — будничным тоном отозвался Ярик.

— В Москве?!

— А где мы, по-твоему?

— Офигеть, — потрясённо протянул Макс. — Это ж сотка, не меньше...

Зарецкий равнодушно пожал плечами. Вот уж фанат своего дела... Даже Мишка — и тот кропотливо считает наградные, не говоря уже о зануде Костике. Хотя, наверное, когда тебе в наследство достаются побрякушки ценой в пару миллионов, можно себе позволить не беспокоиться о хлебе насущном. Макс сдержал завистливый вздох. Ну почему одним — всё и сразу, а другим — пахать всю жизнь в надежде добиться хоть малой доли?

— Пошли, Макс, пока на дорогах свободно, — поторопил Ярик, сверившись с телефоном.

Некрасов послушно кивнул и побрёл рядом. По крайней мере, у него есть выходной, чтобы отоспаться и прийти в себя.

XVI. Нечаянно

Из большой комнаты время от времени доносились фальшиво-весёлые голоса, звяканье столовых приборов и неестественный мамин смех. Анька послушала с полминуты, прикрыла дверь, вздохнула и плюхнулась на застеленную кровать. Сквозь приоткрытое окно веяло сыроватой вечерней прохладой; завтра будет дождь, как пить дать. Самая малая из завтрашних проблем.

— Ир, я не знаю уже, что делать, — вполголоса пожаловалась подруга. — Ты его видела? Это же ужас какой-то.

— Я бабушке ещё не звонила, — виновато призналась Ира. Про Анькину просьбу в суете последних дней она, конечно, забыла напрочь. — А ты не пробовала перенаправить чары?

— Не работает, — подруга удручённо качнула залаченными локонами. — То ли эта штука однозарядная, то ли... Ну, в общем, пыталась я. Без толку.

— Чтобы влюбиться, надо уметь хоть что-нибудь чувствовать, — буркнула Ира.

Анька тревожно встрепенулась и искоса взглянула на подругу.

— В смысле?

Ира вздохнула и, собравшись с мыслями, выложила всё про пятничную ссору. Выговориться хотелось давно, да и Аньке полезно знать, кому она глазки строит. Подруга внимательно слушала, морщила лоб и вздыхала. Ира подозревала, что поддержки от Сафоновой она не дожждётся, слишком уж растерянно та смотрела.

— А ты... ну... правда ничего никому? — спросила Анька, теребя бахрому на покрывале.

— Да сдались они мне! — сердито фыркнула Ира. — Работаю, блин, косяки за всем отделом подчищаю, выслушиваю всякое от начальства, а мне тут такое!

— Вы, наверное, не так друг друга поняли, — промямлила Сафонова. — Может, это типа проверки...

— Ань, вот ты сейчас будешь магконтроль выгораживать! — Ира досадливо поморщилась. — Сама ж говорила — гадюшник, а теперь что?

— Да ты права, наверное, — подруга душераздирающе вздохнула и растянулась на кровати, забросив руки за голову. — Может, сходишь нажалуешься Анохиной? Сыграешь на опережение?

— Анохина меня в пятницу отругала уже. Ну их нафиг, уволят — и ладно, — проворчала Ира.

Анька промолчала. Должно быть, прикидывала, что в таком варианте сможет напроситься на Ирино место. Что ж, флаг в руки; интересно, кто кого?

— Не уволят, — не слишком искренне заверила подруга. — Скажи лучше, что мне делать со Свириденко.

Ира не удержалась — насмешливо фыркнула.

— Ну, выйди за него замуж. Татьяна Ивановна будет рада.

— Ирка, не язви! Я серьёзно! — прошипела Анька и затравленно оглянулась на дверь, словно бедняга Славик мог сию секунду объявиться на пороге. — Я уже даже слепой заговор пробовала — ну, знаешь, чтобы влюбился в первую встречную...

— И чего?

— А ничего! — зло выплюнула подруга. — То ли колечко помощнее будет, то ли условие какое-нибудь хитрое не сработало... Слушай, поговори с ним, а? Вдруг он тебя полюбит истинной любовью и от меня отстанет?

— А мне что потом делать с этим сокровищем? — Ира прыснула, представив, как сыночек Татьяны Ивановны караулит её около Управы на маминой машине.

— Не знаю. Но чары надо снимать, — постановила Сафонова. — Если папа узнает, я огребу по полной!

Что правда, то правда. Павел Сергеевич дочку любит, но выходок, бросающих тень на его репутацию, не потерпит.

— Я вечером бабушке позвоню, — пообещала Ира.

— Может, прямо сейчас?

— Нет, сейчас не надо, вдруг услышат...

— Тоже верно, — Анька перевернулась на живот и положила подбородок на сцепленные ладони. — Ты-то сама чего думаешь? Не присмотрела себе какого-нибудь умницу-красавца?

— Ань, вот вообще не до этого, — Ира утомлённо закатила глаза. — У меня эти умницы-красавцы в печёнках сидят.

— Тебе же вроде Некрасов приглянулся, — прокурорским тоном заметила подруга.

— Макс мне хотя бы гадостей не делает.

— Всё начинается с малого, — изрекла умудрённая опытом Сафонова.

— Ань, не хочу про работу, — честно призналась Ира. — И так ощущение, что кроме неё ничего в жизни нет.

— Да ладно тебе, — подруга лучезарно улыбнулась. — Сгоняем куда-нибудь на недельке, а? Наших позовём...

— Зови, — разрешила Ира. — Я за любую движуху.

— Вот и славненько. Слушай, притащи еды сюда? Есть охота, а там Татьяна Ивановна со своими налоговыми бедами...

Ира кивнула и встала, расправляя платье. Мама всегда требовала встречать гостей в нарядном, даже если сами гости никакого дресс-кода не придерживались. Выскользнув из комнаты в полутёмный коридор, она прикрыла за собой дверь, чтобы оградить Аньку от нежелательных поползновений, и тут же едва не вскрикнула, заметив в сумраке движение. Рука сама метнулась к цепочке выключателя; жёлтый свет от вычурного настенного светильника мгновенно изобличил нарушителя спокойствия, выхватив из темноты растерянное длинное лицо.

— Ой, Слав, напугал, — укоризненно сказала Ира, лихорадочно соображая, насколько давно младший Свириденко торчит под дверью, что он успел услышать и, главное, понять.

— Извини, — буркнул Славик и сделал неуклюжую попытку обойти её с фланга. Ира проворно подвинулась, преграждая ему дорогу.

— Туда нельзя.

— Аня у тебя? — словно не услышав её, спросил Свириденко.

Он вытягивал длинную шею, будто надеялся сквозь дверь разглядеть спрятавшуюся в комнате Сафонову. Ира подавила вздох: зачарованного надоеду стало жалко.

— Ане нехорошо, — уверенно соврала она, прислонившись к двери. — Я вот как раз иду воды принести. Не трогай её, ладно?

— Давай я принесу, — тут же вызывался несчастный влюблённый.

— Не, Слав, я сама. Посмотрю, может, настойка какая осталась от головы, — вдохновенно развила тему Ира. Если этот тип и теперь не отвянет, придётся Аньке и впрямь глотать ромашковый отвар.

Свириденко всё топтался в тесном коридорчике. Оставлять его без присмотра не хотелось, пускать к Аньке — тем более; хорошо бы спровадить обратно к маменьке под крылышко, если, конечно, это не она отправила сыночка охотиться на завидную невесту...

— Пойдём вернёмся за стол, — отважно предложила Ира. — Я принесу Ане попить и тоже приду.

— Мне надо к ней, — непререкаемым тоном заявил Славик.

Да-а, плохо дело... Будь при ней телефон, Ира сей же час набрала бы бабушке, однако трубка осталась валяться на тумбочке рядом с кроватью. Может, сдать подругу контролю? Пусть разбираются, как снять чёртов приворот, заодно и познакомятся поближе... А ведь Оксана наверняка шарит в таких вещах, почему до сих пор не приходило в голову спросить у неё?

— Слав, оставь Аню в покое, — устало попросила Ира, глядя прямо в водянисто-серые глаза. Осталось ещё здравомыслие в затуманенных Славиковых мозгах? — Она тебя не любит. И ты её не любишь, это просто чары.

— Не любит? — искренне огорчился Свириденко. — А мама говорит, что мы прекрасная пара.

О да, они с маманей — безусловно пара хоть куда. Славик озадаченно поскрёб в затылке и отступил на полшага; начало было положено.

— Ты говоришь, чары, — уже сдаваясь, проговорил Свириденко. — Аня меня зачаровала?

— Это случайно вышло, — уверенно сказала Ира.

— А-а-а, — печально протянул Славик. Плечи его скорбно поникли.

— Ты только не говори никому пока, ладно? — спохватилась Ира. Свириденко если и скажет, то матушке, а матушка не преминет пожаловаться Павлу Сергеевичу... Впрочем, так было в детстве, а что сейчас? — Мы всё исправим. Извини, что так получилось.

— Спасибо, — грустно сказал Свириденко. Ира даже прониклась к нему уважением: так спокойно воспринять подобные новости надо уметь. — Ты придёшь за стол, да?

— Да, только Ане помогу, — с облегчением пообещала Ира.

Славик ушёл в большую комнату, освободив наконец проход к кухне. Ира перебежала наискосок тёмную прихожую; долетавшие из-за соседней двери оживлённые голоса вселяли надежду, что до беглянок никому нет дела, кроме бедняги Славика. Нахватав на тарелку всего, до чего дотянулись руки, и цапнув вдобавок пачку сока, Ира пробралась обратно к Аньке и торжественно водрузила добычу на письменный стол.

— Празднуй, — провозгласила она, разливая сок по стаканам. — Я, похоже, отвадила Свириденко.

— В смысле? — Анька с аппетитом слопала слегка заветрившийся бутерброд. На хворую она никак не походит; надо предупредить, что ли, о выдуманной на ходу легенде.

— В прямом. Я ему сказала, что это всё чары, и он как-то нормально воспринял, — Ира пожала плечами. — Теперь ждёт, пока мы снимем с него приворот. Обещал никому не говорить.

Не то чтобы обещал, конечно, но всё от неё зависящее Ира сделала. Анька, впрочем, удовлетворилась этим; её усталое личико разом посветлело.

— Блин, я б не додумалась, — призналась она. — Ну, то есть это сильно, конечно, взять и сказать...

В дверь деликатно постучали. Ира поспешно отставила стакан с соком и успела сделать подруге страшные глаза, прежде чем замок тихо щёлкнул и выпустил в комнату встревоженного Павла Сергеевича. Его дочурка замерла с набитым ртом и непонимающе уставилась на отца.

— Аня, с тобой всё в порядке? — обеспокоенно спросил Сафонов. — Слава говорит, тебе нехорошо.

— Всё нормально, — сообщила Ира, давая подруге время проглотить злосчастный бутерброд. — Там душно, так что мы сюда пришли... Подышать.

Павел Сергеевич окинул взглядом тарелку с закусками, недопитый сок и открытое окно. Ира готова была поклясться, что Сафонов не поверил ни единому её слову. Он аккуратно присел на краешек ближайшего стула, и хозяйке моментально стало стыдно за хаос набросанных на спинку футболок.

— Точно не нужна помощь? — со значением осведомился гость, внимательно разглядывая дочь. Та наконец управилась с бутербродом и виновато улыбнулась.

— Точно, пап. Со мной всё хорошо, мы тут просто заболтались про работу.

— Правда? — Сафонов немного расслабился. — Да, вам теперь есть что обсудить...

— Благодаря вам, — неуклюже сказала Ира, припомнив мамино недовольство.

— Пустяки, — отмахнулся Павел Сергеевич. — Мы с Натальей Петровной — старые знакомые.

Верно. Грозная Анохина до сих пор прислушивается к некогда всемогущему начальнику отдела финансов, а Павел Сергеевич неплохо относится к дочериной подруге... Мама наверняка воспользовалась бы шансом восстановить справедливость. Если Сафонов намекнёт Анохиной, что все обвинения в Ирин адрес голословны то... то Зарецкий в ответ поинтересуется, какие такие отношения связывают секретаря отдела магконтроля с джентльменом на чёрном «мерседесе». Да ну нафиг, лучше уж своими силами.

— Ирку коллеги обижают, — безапелляционно заявила Анька.

— Вот как?

— Да это так, рабочие моменты, — быстро сказала Ира. Будь Сафонова чуть поближе, непременно получила бы пинка. — Просто не притёрлись ещё друг к другу.

Ага, а завтра окажется, что уже и не надо. Интересно, посмеет ли Анохина выказывать Павлу Сергеевичу недовольство неудачной протезе?

— Обвинили, что Ирка секретку сливает на сторону, — брякнула Анька.

Кровь немедленно прилила к щекам. Вот уж чему стоит поучиться у коллег, так это невозмутимости. Сафонов, однако, всего лишь благосклонно улыбнулся.

— Ну, ты же этого не делаешь, верно?

— Нет, конечно, — вздохнула Ира. — Недоразумение вышло, вот и всё.

Велико было искушение в отместку выдать Анькины фокусы с приворотными чарами, но это неминуемо привело бы к ссоре. Сафонова вряд ли ябедничала из вредительских намерений; скорее, она на полном серьёзе хотела помочь.

— Вот и хорошо, — постановил Павел Сергеевич. — Надеюсь, вы в конце концов работаетесь.

— Ага, я тоже, — без вдохновения кивнула Ира.

В довершение всех бед нос в комнату сунула мама. Смерила дочь строгим взглядом, улыбнулась Сафоновым.

— Что это вы тут спрятались? Пора чай ставить.

Ира покорно вскочила. Уж на что она не любила таскать туда-сюда грязную посуду, но лучше перемазанные салатами тарелки, чем неудобный разговор и последующий разнос наедине. Хотя разнос будет в любом случае: ишь удумала — от гостей сбегать, хоть бы и в Анькиной компании...

— Я помогу, — ни с того ни с сего вызвалась Сафонова. Должно быть, смекнула, что иначе придётся сидеть в большой комнате с семейством Свириденко.

— Павел Сергеевич, пойдёмте за стол, — мама просительно улыбнулась.

— Да, Лен, пойдём. Спасибо.

Выволочку от мамы Ира, разумеется, получила. Поздним вечером, за мытьём посуды. Удостоверившись, что папе ничего не слышно за двойной шумовой завесой — бормотанием телевизора и сердитым шипением кухонного крана, мама дала выход дурному настроению и отчитала дочь за невежливость с гостями и беспорядок в комнате. Расстроило её, понятно, что-то посерьёзнее: какой-нибудь неприятный для самолюбия разговор или, может быть, очевидное внимание младшего Свириденко к Аньке Сафоновой. Ира делала скорбный вид и считала, сколько ещё осталось грязных тарелок. Что бы ни опечалило маму, завтра она всё позабудет и станет глотать валерьянку, разглядывая изгаженную дочерину трудовую. Или не разглядывая, до этого дойдёт только через пару дней...

— Веди себя осмотрительнее, — завершила тираду мама, раздражённо комкая полотенце. — Это и в карьере полезно, и в семье.

— Да, мам, я стараюсь, — Ира выключила кран, и не слишком правдивые слова повисли в тишине. Старается она, как же. Можно уже и не начинать.

«Звонила?» — висело на экране телефона; судя по всему, уже довольно давно. Ира устало выругалась сквозь зубы и, не раздеваясь, рухнула на кровать. Одиннадцатый час! Где уж тут звонить, тем более что бабушка ложится рано...

«Не успела. Завтра», — виновато ответила Ира и поняла, что снова слукавила. Завтра тоже будет не до того. И вообще, подумаешь, беда какая — навязчивый поклонник! У Аньки таких бед по десятку в месяц... Нет, Сафонова попросту боится, что отец прознает, вот и всё.

Анька с полминуты соблюдала радиомолчание, а потом выдала: «Я тут в тетрадках нашла про это кольцо. Знаешь, как оно работает?» Сдержав вздох, Ира принялась соскребать в кучу всё, что помнила об артефактах, приворотях и артефактах, зачарованных для приворота. Как работает? Да зачаровывает того, кто его носит, так, чтобы загаданная жертва непременно воспылала желанием к владельцу побрякушки. А вот заговор, если, например, на локон волос или какие-нибудь обрезки ногтей, накладывается на сам объект... «Объект» — отличное слово для Свириденко, он даже на субъекта как-то не тянет. Ане понравилась эта мысль.

«Ты меня обнадёжила, — заявила подруга. — Я попробую тогда снять чары, как тут написано». Ира устало согласилась. Пусть снимает, одной проблемой меньше. И слепой заговор тоже, а то вдруг, разлюбив Сафонову, бедняга тут же втрескается в какую-нибудь мамину сотрудницу или вообще прохожую на улице... Как соотносятся между собой конфликтующие чары? Сразу испаряются от неудачи или висят и ждут своего часа? Кажется, всё-таки висят, а вот активизируются ли? За этими тонкостями точно к бабушке, а бабушка давно спит...

«Ну вот, сделала, — сообщила Анька, — Пока молчит. Но он и так что-то весь вечер молчит, не пишет ничего».

«Рада за тебя», — устало отозвалась Ира. Хоть бы безалаберная Сафонова ничего не напугала... А, впрочем, не всё ли равно? Своих проблем выше крыши, не хватало переживать за Анькины амурные дела. Если Зарецкий убедит начальника, что Ира разнюхивала отделские секреты, её просто выгонят или ещё и статью пришьют? Может контроль аннулировать её удостоверение? Если да, то, наверное, и поделом; куда годится ведьма, не способная распутать клубок несложных чар?..

Телефон коротко хрюкнул выбросигналом. Никак не уймётся, полуночница несчастная... Ира раздражённо схватилась за трубку, намереваясь решительно попрощаться с подругой, и озадаченно воззрилась на всплывшее сообщение.

«Привет. Что завтра делаешь после работы?»

Что за номер? Не Макс — его телефон она сохранила после прошлой субботы. Нехорошее подозрение царапнуло усталый ум. Неужели Анька забыла-таки про слепой заговор? Неужели он успел-таки сработать? Когда же это?.. Страхась подтвердить догадку, Ира скопировала и отправила подруге незнакомый номер. Сафонова молчала долго, то начинала набирать текст, то снова бросала — достаточно красноречиво, чтобы Ира со стоном прижала ладони к лицу. Будто мало проблем на работе — теперь ещё придётся куда-нибудь девать Славика Свириденко.

XVII. Без следа

Ксюшино место на парковке кто-то занял. Виновата, конечно, сама, пораньше надо было выезжать, но вообще-то это наглость. Кое-как приткнув свою Вишенку между Мишкиным монстром и непонятно чьим побитым жизнью седаном, Ксюша мельком оглядела узурпатора. Пропуск под стеклом — гостевой; стало быть, бедняга просто не в курсе здешних порядков. Странно, что вообще забрался так глубоко на парковку, когда у въезда специально оставляют пару мест незанятыми. Впрочем, парковочные неурядицы сами собой вылетели из головы сразу за шлагбаумом. Погожий денёк навевал благостное расположение духа, привычный пёстрый хаос в вестибюле настраивал на рабочий лад.

— Привет, Верунчик, — Ксюша лучезарно улыбнулась девушке за стойкой и получила в ответ официальный оскал. — Шефа не видела?

— Александр Михайлович уже приехал, — к вящему Ксюшиному неудовольствию сообщила Вера.

Верховскому далеко до самодурства в духе «кто приехал после начальника — тот опоздал», но появляться в офисе позже него всё равно неприятно. Ни в логово спокойно за кофейком не заползти, ни потрепаться перед началом рабочего дня. Однако дело обстояло ещё хуже: кроме шефа, в кабинете обретались хмурый Костик и встрёпанный, как после пробежки, Ярик. В таком составе они просто не могли не поругаться; собственно, этим Чернов и занимался.

— Ты меня извини, но ты всё-таки несёшь бред! — категорично говорил он, то и дело раздражённо поправляя на переносице съезжающие очки. — Моровухи какую только дрянь не разносят. Подумай сам: метро, вентиляция — да у нас тут уже была бы эпидемия! Там, наверное, был какой-нибудь подвид туманницы, ты просто не рассмотрел. Привет, Оксан.

— Я на зрение пока не жалуясь, — хмыкнул Ярик и приветственно кивнул Ксюше. — И на память тоже. Моровухи активно переносят заразу, когда голодные. Эта была вполне себе сытая.

— И что, хочешь сказать, ты в одно жало уложил сытую моровую язву? — ревниво спросил Костик. — Интересно мне, как это?

— Повезло, — буркнул Зарецкий. — Не в том дело. Сам факт...

— Сам факт наверняка заинтересует Мишу, — постановил шеф. — Из вещей удалось что-то забрать?

— Не-а, — с сожалением ответил Ярик. — Барахло, я думаю, всё сгорело.

— Ну, хозяину оно определённо больше не понадобилось бы, — авторитетно заявил Костик. — Если твоя моровуха действительно была сытая...

Зарецкий неопределённо качнул головой, но вслух возражать не стал. Костик, явно раздосадованный чужой удачей, заискивающе возрился на шефа в ожидании комментариев. В наступившей тишине страшно было клавишей на чайнике щёлкнуть, не то что протискиваться мимо этой троицы к кофемашине.

— Передай всё Мише, — вынес наконец вердикт начальник. — Пусть подошьёт к своему делу. И сам на «Спортивную» наведается, посмотрит лично. Наградные направишь Ирине. Сводки, которые ты просил, я прислал; постарайся до конца недели вернуться с выводами. Костя, тебе стоит взглянуть на то, что сейчас разбирает безопасность — много в последнее время несчастных случаев среди одарённых. Poiщи закономерности, только коллег, пожалуйста, не раздражай. Ксюша, сегодня есть записи на первичную аттестацию, и посмотри до обеда прошения.

Вот так всегда. Всё крутое — парням, а ей — разбирать текучку. С трудом удержавшись от искушения напомнить шефу, что он же её и перевёл в старшие офицеры в прошлом сентябре, Ксюша уныло кивнула и включила-таки чайник. Верховский обмолвился как-то, что свалил на неё рутину, потому что, дескать, остальные оболтусы или станут делать всё спустя рукава, чтобы поскорее дорваться до интересного, или благополучно распугают посетителей, безвозвратно уронив репутацию Управы. Ксюша на такие простенькие манипуляции не велась, но всё равно было приятно.

— Что тут у вас с утра пораньше? — без особой надежды спросила она, заливая кипятком чайный пакетик. Повествование она уже пропустила, а чтобы повторять, Ярик слишком равнодушен, Костик — слишком завистлив.

— Да нежить опять, — ожидаемо отмахнулся Зарецкий. — Теперь задаст нам по полной. Лето на носу.

— Точно, — Ксюша бросила взгляд на настенный календарь, за которым, как и за всем требующим внимания в кабинете, ухаживал Андрей. Красный квадратик с пятницы ещё не переехал, но и так понятно, что июнь наступает не хуже вражеской армии. — У Макса день рождения скоро.

Костик извернулся в кресле и сощурился на нижний лист, на котором четырнадцатое число было заботливо обведено зелёным маркером и подписано «МН». Всем от Андрея доставалось по две буквы, только шефы именины в январе помечены были уважительно, с учётом отчества.

— Подарим ему спокойный день, — усмехнулся Ярик и, подумав, прибавил: — И справочник по видам

нежити.

— Макс накосычил? — поинтересовалась Ксюша, устраиваясь за столом.

— Пытался.

Лёгкий на помине Некрасов влетел в кабинет, благоухая едким табачным дымом. Промчался вдоль прохода, пожимая руки коллегам, сунул нос к шефу и вернулся на своё место, донельзя довольный жизнью. Вот ведь неунывающее существо! Ксюша, случись ей сделать что-нибудь не так в полевой вылазке, неделю бы себя грызла.

— Понедельник! — провозгласил Макс, тряся мышку так, словно надеялся разбудить в ней жизнь. — Обожаю понедельники. Что может быть лучше, чем долгая и трудная рабочая неделя впереди!

— Только что были выходные, — педантично уточнил Костик. Макс от него доставалось меньше всего; оно и понятно: как на такого злиться?

— У меня — не было! — объявил Некрасов и обличающе ткнул пальцем в сторону невозмутимого Зарецкого. — Спасибо вот ему.

— Ты дрых вчера весь день, — заметил Ярик.

— Да, дрых! Должен я хоть когда-нибудь дрыхнуть в перерывах между работой и работой?

— Вроде в архиве вакансия есть, — ехидно сообщил Зарецкий. — Тебя порекомендовать?

— Вот сам туда и иди. Авось подберешь наедине с бумагами, — изрёк Макс и потянулся в кресле. — Ну что, апокалипсис ещё не начинался?

— Нет. Попросили подождать, пока ты выспишься.

Макс довольно ухмыльнулся и полез в стол за чаем. Дверь застенчиво приоткрылась, и в кабинет просочился Андрей с толстеньким томиком под мышкой. Судя по легкомысленной суперобложке без опознавательных знаков — что-то из специальной литературы. Впрочем, когда под рукой не случалось какой-нибудь теоретико-магической скучищи, Бармин возмещал недостачу мировой классикой или историческими трудами. Цены б парню не было, если б ещё не боялся заговаривать с людьми больше, чем с нежитью.

— Доброе утро, — безмятежно поздоровался Андрей, протягивая Костику трепетную длань.

— И пусть оно таковым и останется, — торжественно кивнул Макс, вынырнув из ящика с добычей в руках.

— Что-то случилось?

— Ничего из ряда вон. Мы в метро моровую язву нашли, — нарочито небрежно бросил Некрасов и потопал к чайнику.

Андрей во всю ширь распахнул ланьи глаза.

— Серьёзно?!

— Нет, блин, шуткую! — Макс театрально взмахнул свободной рукой. — Идём мы, значит, по тоннелю, и тут я слышу — вроде вентиляторы шумят, а шахты не видно...

Судя по тому, с каким скептическим видом слушал Костик, ему досталась не столь красочная версия ночных приключений. Ксюша с уважением покосилась на молчаливого Зарецкого, который, не пытаясь одёрнуть явно завиравшегося Макса, что-то читал с монитора. Ему-то обманывать незачем. Интересно, чем он эту тварь? Грубой силы точно бы не хватило; значит, обхитрил и загнал в угол. Хорошо бы уметь так же легко управляться с нежитью...

— Привет, народ! — жизнерадостно гаркнул с порога Старов.

— О! — Макс аж подскочил, радуясь новому слушателю. — А я тут рассказываю, как мы моровуху ловили.

— Какую такую моровуху?

— Обычную, — Ярик поднялся из-за стола. — Пошли в переговорку, Мих. Здесь нормально пообщаться не дадут.

Старов легко позволил взять себя в оборот. Бросив сумку на кресло, он наугад ухватил со стола несколько черновиков и первым скрылся за дверью переговорной. Стрелка часов вплотную подобралась к девяти; за пару мгновений до начала рабочего дня появилась Ира, окинула кабинет быстрым взглядом и сдержанно поздоровалась со всеми. Взяла в последнее время моду заходить ровно в девять, даже если в вестибюле Ксюша её замечала намного раньше. Костик, должно быть, уязвлён в самое сердце: вместо истерики и скоропостижного увольнения секретарша всего лишь приходит попозже.

— Ну, поехали, — вздохнула Ксюша, придвигая к себе стопку прошений о выезде.

День ни шатко ни валко покотился по привычной колее. В половину десятого, вспомнив про грядущих тестиков, Ксюша без церемоний выгнала коллег из переговорной, поправила кресла и раздвинула жалюзи. Здесь с недавних пор установился неуловимо уютный порядок, непохожий на наведённую управскими домовыми казённую чистоту. Дребедень на чайной тумбочке выстроилась в ровный ряд, на краю стола лежала стопочка чистой бумаги, про которую раньше вечно забывали в запарке, а натащенные со всего отдела разномастные ручки аккуратно торчали из чёрт знает откуда добытой карандашницы. Кто бы там ни ходил у Шаповаловой во влиятельных родственниках, справляется она неплохо. Эдакая хозяйюшка, недалёкая, но исполнительная... Ксюше

такой никогда не стать. Но и миленькой секретарше до боевого мага, как до Луны на черепахе.

В отделе царила на редкость благостная тишина. Мишку куда-то унесло, Костик с головой зарылся в работу и никого не пытался учить жить, Андрей нет-нет да косился на отложенную в сторону раскрытую книгу. На гладкой мелованной бумаге красовались огромные, во весь лист, фотокопии истерзанных временем страниц. Крючковатые буквы, увешанные разнокалиберными значками, весьма отдалённо напоминали кириллицу; и как только Бармин исхитряется их читать?

— Это что у тебя такое? — полюбопытствовала Ксюша, склоняясь над книгой.

Андрюша безмятежно взглянул на коллегу лучистыми глазами. Филолог по образованию и по жизни, он часами мог распинаться про прочитанное и всегда радовался, когда его об этом кто-нибудь спрашивал.

— «Слово о кудеснике Микуле», — с придыханием произнёс Бармин, блаженно улыбаясь. — Представляешь, нашёл! Такая редкая штука, во всей стране их два-три экземпляра, не больше!

— Потому что никто это не читает, спорим? — осклабился Макс. Он вытянул шею, силясь через Костикову спину разглядеть предмет обсуждения. — Дайте угадаю: оно на древнерусском, мелким шрифтом, без перевода и скучное, как моя жизнь до трудоустройства, ага?

— Не скучное! — горячо возразил Андрей. — Это же тринадцатый век! Одно из первых известных произведений, написанных одарёнными! Правда, изучают в основном «Залесские сказания», потому что их считают более достоверными, но «Слово»...

— Понятно, короче. Фигнёй страдаем на рабочем месте, — фыркнул Макс. Ксюша втихаря показала ему кулак.

— Неправда, — с достоинством сказал Бармин, не заметивший её жеста. — Я вообще-то начал его искать, потому что ребята говорили про утраченные знания о магии, и я подумал, что надо порыться в древних памятниках. Но оно само по себе прекрасно: такой живой язык, столько подробностей, прямо срез времени! Знал бы раньше — по нему бы диплом защищал...

— Так его, наверное, минусам нельзя показывать? — осторожно уточнила Ксюша, и Андрей немного сник.

— Точно. Бедные, они же никогда этого не увидят...

Он сокрушался бы дальше, но распахнувшаяся дверь сбила его с мысли. Слегка запыхавшийся Мишка влетел в кабинет и, улыбаясь от уха до уха, положил на Ирин стол шоколадку. Секретарша подняла взгляд от клавиатуры и непонимающе посмотрела на Старова.

— Вот, обещал, — отчитался Мишка. — За пятницу.

Ира растерянно тронула яркую обёртку и зачем-то покосилась влево. Сияющая Мишкина улыбка чуть-чуть прижухла.

— Не любишь такой, что ли?

— Люблю. Спасибо, — сдержанно ответила Ира и отодвинула шоколадку на край стола.

Старов, несколько озадаченный холодным приёмом, побрёл к своему месту. Секретарша-то явно не в духе! Опять, должно быть, Костиковы художества. Отвести бы красавца в уголок да объяснить, что третья категория — не повод смотреть на всех остальных свысока.

Часовая стрелка описала два полных круга и подбиралась уже к завершению третьего, когда Макс вдруг громко ойкнул и беспокойно завозился. Все, кроме погружённой в свои печали Иры, обернулись к Некрасову.

— Метка сработала, — объявил Макс, терзая телефон. — Русалочья. Блин, далеко!

— Есть координаты? Я сметаю, — быстро сказал Мишка.

— Ага, вот, глянь, — Макс мазнул пальцем по экрану и неуютно заёрзал. По-хорошему, реагировать положено ему, но куда он на своих двоих?

— Ого, далекогато, — Старов нахмурился, разглядывая телефон. — Ну ладно, примерно представляю себе. Сейчас вернусь.

Он подхватил сумку, вышел в проход между столами, напыжился, сосредоточиваясь, и пропал. Ксюша ощутила привычный укол зависти. Пространственную магию сдают как раз на четвёрку; потому-то пятой категории не то чтоб пруд пруди, но всё же довольно много, а четвёртая и выше — уже штучный товар...

Некрасов сидел как на иголках. Пора было идти обедать, но никто не трогался с места: Андрей переживал за коллегу, Макс — за русалку, Ярик с головой ушёл в работу, а Костик вообще считал себя выше пошлых материй вроде еды. До тех пор, пока не принимался урчать пузом на весь отдел, разумеется.

— Ой, блин! — Макс горестно охнул. — Погасло... Это как вообще?

— Значит, метки больше нет, — сухо отозвался Чернов.

— Да это-то я понял...

Мишка возник пятью минутами позже, встрёпанный и растерянный. Макс моментально накинулся на него с вопросами. Старов, пошатываясь, добрёл до кресла и прижал ладонь ко лбу.

— Не люблю, блин, прыжки эти... Не трогал я твою русалку, — угрюмо пояснил он мельтешащему

Некрасову. — Я когда прибежал — всё уже, прикончили её...

— Так она ж под защитой была!

— Вот она, защита твоя, — Мишка бросил на стол матово блестящую сероватую кляксу.

— Это что — метка?! — Макс навис над бесформенным комком металла, избегая его касаться. — Она ж из серебра зачарованного!

— Ага, точно.

— Чем её так? — спросил Андрей. Хорошо в чине младшего офицера: можно сколько угодно выказывать неосведомлённость, и никто не поднимет на смех.

— Чем-то мощным, — Костик близоруко сощурился и поправил очки. — Артефакт просто так не то что не расплавишь — не поцарапаешь особо.

— А конкретнее? — Мишка поскрёб в затылке. — Кость, ты что-нибудь настолько убойное знаешь?

Чернов, ненавидевший оказываться не самым умным в округе, досадливо скривился.

— Нет, не знаю. Может, просто очень мощно усиленные элементарные чары...

— Как я это в надзор-то понесу? — печально спросил Макс, созерцая останки бирки.

— Никак, — решительно отрезал Мишка. — Это теперь вещдок. Слышь, Слав, есть мысли? Чего молчишь?

Зарецкий неохотно отвлёкся от монитора и скользнул равнодушным взглядом по новоявленному вещдоку.

— А что говорить? Вы уже всё сказали, — он пожал плечами. — Ты лучше, Миш, подумай, зачем понадобилось русалку уничтожить.

— И кому, — задумчиво подхватила Ксюша. А ведь правда: про бедную русалку они благополучно забыли!

— Чёрт его знает, — буркнул Старов. — Это ж та, странная? У которой дружок был?

— Ага, — закивал Макс. — Может, этот дружок и её того? За то, что нам его сдала?

— Как вариант, — без энтузиазма протянул Мишка. — Ребят, дайте хоть оклемаюсь немножко. А то напали сразу, думать заставили...

Макс бессовестно заржал. Мишка тоже довольно ухмыльнулся, но глаза у него были убийственно серьёзные.

XVIII. На свежую голову

Спать хотелось ужасно. Восемь часов работы и три — бесплодных блужданий по огромному Измайловскому парку вымотали Старова, а нырок в метро после полуночи добил окончательно. В офис он поднимался с гудящей головой и с твёрдым намерением отпроситься после обеда. Надо притормозить, выспаться и отдохнуть, а потом хоть на денёк засесть спокойно и поразмыслить над ворохом заметок, которые он понаписал за последние недели. Пока не наступило лето, пока всё относительно тихо... Хотя какое там «тихо», что ни день, то какая-нибудь ерунда!

— Ночуешь ты тут, что ли, — буркнул Мишка, заведя на рабочем месте Ярика. Фраза давно уже перешла из разряда шуток во что-то вроде формулы вежливости.

— Вот, кстати, нет, — приятель миролюбиво усмехнулся. — Сегодня бессовестно выпался.

— Супер, — Старов не удержался и страдальчески зевнул. — Хоть у тебя башка варит. Вот, глянь-ка, чего нашёл вчера... То есть сегодня уже, блин.

С великой осторожностью он выудил из сумки пластиковый контейнер, завёрнутый в плотный полиэтиленовый пакет. Вообще-то колдовские штуковины неизвестной природы полагается перевозить в специальных футлярах, но кто б подумал, что в основательно подкопчённом вентиляционном коридоре найдётся что-то путное! Костик, впрочем, примется ворчать про безалаберность и будет прав.

Зарецкий решительно сгрёб с бокового стола все бумаги и бережно распаковал Мишкину находку. Очень хотелось плюхнуться в кресло, но тогда мозг от радости окончательно расслабится и перестанет хоть что-то соображать. Старов переступил с ноги на ногу и остался стоять.

— Ну, что скажешь?

— Что я лопух, — спокойно констатировал Ярик, рассматривая сквозь прозрачный пластик сбившуюся в комок грубую цепочку. — Забыл совсем про него. Там валялся?

— Ага, между кабелями застрял. Случайно увидел, — поделился Мишка. — Что это на нём, руны?

— У нас Андрюха по письменностям спец, — Зарецкий поддел крышку контейнера канцелярским ножом и задержал ладонь над медальоном. — Вроде ничего плохого нет... Эта штука — на здоровье или типа того. Ты проверял уже?

— Конечно. Только, сам понимаешь, устал как собака... Боялся упустить что-нибудь, — Мишка ещё раз зевнул. — Так что, трогать можно?

Приятель повременил с ответом. Заставил побрякушку подняться в воздух, придирчиво оглядел со всех сторон. Припорошённое копотью серебро тускло поблёскивало в утреннем свете. Уже часа три как рассвело...

— Пальцы бы сначала снять, — без уверенности предложил Ярослав. — И зарисовать на всякий случай.

— Это в безопасность тогда тащить надо.

— Не-а, давай подручными средствами, — приятель недовольно поморщился. — Не надо пока куда это выносить. Поищи где-нибудь кисточку...

Пока Мишка бестолково слонялся по кабинету, сияясь сообразить, где тут в восемь утра раздобыть кисточку, Ярик, пожертвовав ради дела карандашом, наскрёб ножом мелкой графитовой пыли. Старов догадался наконец сунуть нос в Ксюшину резервную косметичку; из нескольких разнокалиберных кистей он выбрал самую пушистую. Надо будет повиниться и компенсировать потерю, если нанесённый урон вдруг окажется непоправимым.

— Чего б нормальный набор не заказать, — проворчал Мишка, протягивая приятелю добычу.

— Потому что криминал — забота безопасности, — пробормотал себе под нос Ярик, нарезая кусочки скотча. — А наше дело — присматривать, чтобы совсем уж несусветная хрень не творилась. На, поддержи.

— Так она всё равно творится, — хмыкнул Старов, придерживая пальцем краешек клейкой ленты.

— Плохо присматриваем. Дай бумажку чистую, пожалуйста.

Мишка послушно выдернул листок из пасти принтера и отошёл на пару шагов, чтобы не мешать. Мелкая кропотливая работа и в нормальном состоянии не слишком хорошо ему удавалась, а уж в сонном он и подавно всё испортил бы. На медальоне не слишком много нашлось свободных от копоты светлых пятен; драка с нежитью явно получилась жаркой. Интересно, сильно ли расстроился владелец побрякушки? Если он, конечно, вовсе жив...

— Ну вот, — Ярик отодвинулся от стола, созерцая результаты трудов. — Теперь это просто абстрактные отпечатки. Оцифруем — и можно будет послать минусам запрос.

— Так ведь ответ всё равно на общую корреспонденцию придёт.

— Ага, но пару дней форы всё равно выгадаем, — приятель дотянулся до крышки сканера, задумался на миг и решительно выдернул из разъёма сетевой кабель. — Дай-ка мне шнур из верхнего ящика.

— Нафига мучаешься? — проворчал Мишка. Он обошёл стол и выдвинул указанный ящик; толстенький провод, перетянутый провололочкой, нашёлся сразу же.

— Не хочу почтой. Её любой дурак вскрыть может.

— Шеф покусал?

— Да, покусал, — Ярик невозмутимо воткнул второй конец кабеля в системный блок. — Ты пока зарисовал бы эту штуку, пригодится.

— Художник из меня никакущий.

— Да просто бумагой накрой и карандашом сверху...

Нет, точно надо брать отгул. Мишка не считал себя глупее коллег, но сегодня мысли ворочаются еле-еле. Толку с него, с такого? Проглотив очередной зевок, Старов подхватил медальон и побрёл на своё место. Пока он возился, Ярик успел поиграться с чёткостью отсканированной картинки, состряпать на скорую руку официальное письмо и даже метнуться в логово за печатью.

— Теперь ни одна зараза не посмеет вскрыть, — удовлетворённо заявил он, заклеивая конверт. — А если посмеет — пусть пеняет на себя...

— Чего ты так паришься из-за этого бомжа? — поинтересовался Мишка. — Кому он нужен вообще?

— Мих, заканчивай тупить, — раздражённо бросил Ярик. Застыв в задумчивости на пару мгновений, он аккуратно положил конверт на край Ириноного стола. — У нас тут артефакт неизвестного происхождения, жутко опасная нежить, которая никого не трогала, пока мы её не потревожили... И явный нелегал у неё под боком. Кому париться, если не нам?

Он хотел ещё что-то добавить, но сердито зажужжавший телефон сбил его с мысли. Мишка попробовал сосредоточиться на том, что успел услышать. Кто всё-таки главный в этой истории: прячущаяся в вентшахте моровая язва или непонятный нелегал? Ярослав, конечно, скажет, что начинать надо с человека, но это скорее убеждение, чем обоснованная гипотеза. Если бы не хотелось так сильно спать, Старов даже точно определил бы, почему это неверно...

— Да, Александр Михайлович, — Ярик схватил со стола телефон и прижал к уху. — Да, взял. Нет, это напрямую касается текущих задач. Чтобы не вводить в курс дела лишних людей... Хорошо, в следующий раз сначала попрошу.

— На печати сигналка была? — сочувственно спросил Мишка.

— Само собой. Он обычно спокойнее как-то реагирует, — заметил Ярик. — Тебе такси вызвать? Уснёшь ещё за рулём...

— Не, я тут шефа дождусь, — Мишка упрямо помотал головой, хотя соблазн согласиться был более чем велик. — Пойду, что ли, кофе дерябну...

Тройная доза ничем не разбавленного эспрессо вернула ему если не ясность мысли, то хотя бы бодрый вид. Во всяком случае, когда начал подтягиваться народ, никто вслух не подозревал Старова в готовности захрапеть прямо на стопке исписанных черновиков. Завидев поглощённого чтением Андрея, Мишка даже припомнил, что ему что-то нужно было от Бармина.

— Андрюх, посмотри-ка, — попросил он, протягивая коллеге зарисовку. — Это что за письменность такая?

Бармин внимательно всмотрелся в лист. На бумаге было видно даже больше, чем на самом медальоне, подпорченном копотью. Андрей азартно покрутил рисунок, разглядывая значки под разными углами.

— Я такой не знаю, — признал он скорее воодушевлённо, чем разочарованно. — Можно я домой возьму? В справочниках поищу или расшифровать попытаюсь. А откуда это?

— Нашёл одну штуку, надеюсь вычислить владельца, — не вдаваясь в подробности, пояснил Мишка. — Домой взять можно, только лучше отксерь.

Что-то всё-таки не стыкуется. Отчаявшись отловить ускользающие мысли, Старов уселся за стол, взял чистый черновик и принялся записывать. Медальон с надписью на неизвестном языке — эка невидаль, колдуны-кустари чем только свои поделки не украшают. Никаких вредоносных чар ни сам Мишка, ни Ярослав не нашли — логично, ведь эту штуку хозяин носил на себе. Носил, носил и снял. Побрякушка заряжена на здоровье; стараться не слишком привыкать к таким штукам — стандартная практика. Вопросов никаких бы и не возникло, найдись вещичка в менее подозрительном месте. И ещё эта нежить...

Мишка обвёл несколько раз слово «здоровье» и написал чуть ниже «моровая язва». При таком-то соседстве чары, укрепляющие организм, точно не помешают. Интересно, какой мощности должно быть заклятие, чтобы справляться с постоянным присутствием разносчика всевозможных болячек?.. Хотя нет, стоп: Ярик говорил, и не единожды, что нежить была сыта. Неудивительно, учитывая, что она устроилась прямиком в набитом людьми метро... Но тогда тварь очень быстро заметили бы. Вот оно где не срастается! Никто ничего не замечал, а должны были. Если не персонал метрополитена, то пассажиры, полиция, надзор, в конце концов...

— Миш, — Костик бесцеремонно вторгся в размышления, шлёпнув на стол картонную папку. — Ознакомься. По-моему, очень напоминает паразита.

Мишка осовело моргнул. Паразит — это хорошо, то есть очень плохо. Гад после исчезновения из Управы залёт

на дно; если Костик действительно нащупал след — надо срочно брать беглеца в оборот. Удрать домой не выйдет, придётся заставлять чугунную голову работать.

— Спасибо, Кость, — вздохнул Старов. — Когда вернуть?

— Оставь себе, это копии, — милостиво разрешил Чернов. — Секретного ничего нет.

Мишка понял, что дело плохо, когда поймал себя на бессмысленном перечитывании одной и той же строки. С самочувствием надо что-то делать, и срочно. Старов сунул в карман кошелек и побрёл к лифтам. В паре переулков отсюда — надёжная аптека; уж что-что, а тоник у хозяйки найдётся. Уличная прохлада чуть-чуть разогнала клубившийся в голове туман, в котором блуждали паразиты, нелегалы с медальонами, настырные безопасники и вдобавок сбрендившая нежить. Мишка миновал не слишком оживлённую проезжую часть и нырнул в пахнущее травами и благовониями светлое помещение. Ради мимохожих минусов хозяйка делает вид, что торгует всякими ароматическими свечками и маслами, однако подлинный каталог у неё всегда под прилавком. Старов заглядывать в папку не стал — просто попросил продать тоник посильнее.

— Из готовых есть стимулятор номер двадцать пятый и тонизирующее номер восемнадцатый, — защebetала хозяйка. — Тонизирующее послабее, но побочные...

— Давайте оба, — отмахнулся Мишка, раскрывая кошелек.

— Это концентрат, — предупредила хозяйка, выставляя на прилавок бутылочки. — Обязательно разбавьте водой в указанной пропорции.

Ну отлично, просто так вылакать не получится — надо сперва доползти до офиса. Старов поблагодарил приветливую ведьму и потащился обратно в Управу. Машины Верховского на парковке всё ещё не было; к лучшему ли это — чёрт его знает.

У чайника в одиночестве возилась Ира; заметив Старова, она посторонилась, хотя места и так хватало. Мишка водрузил на тумбочку кружку, идти споласкивать которую было выше его сил, и добытые в аптеке флакончики. Что там сказала ведьма — тонизирующее слабее, чем стимулятор? Вот и прекрасно...

— Что это? — настороженно спросила Ира, указывая на пузырьёк у Мишки в руках.

Она же вроде бы должна знать, или категории пока не хватает? Старов снял с горлышка резинку, прижимавшую плотно сложенную инструкцию, и повернул бутылочку этикеткой к собеседнице.

— Вот. Не выспался, хочу немножко в себя прийти.

— Можно? — Ира требовательно протянула руку — не хуже Верховского. Мишка сначала отдал, а потом подумал, зачем. — Двадцать пятый, что ли? Тебе прямо так сильно надо его пить?

— Вообще голова не работает, — Старов выдавил из себя кривоватую улыбку.

— Почему его до сих пор свободно продают? — проворчала Ира, отставляя бутылочку в сторону. — Это же... Типа последней надежды. Где-то часик будешь прекрасно себя чувствовать, а потом неделю валяться овощем. Лучше кофе выпей.

— Не помогает кофе, — мотнул головой Мишка и потянулся ко второй бутылочке. — А вот эта что, тоже термоядерная?

— Эта... — Ира сощурилась на нарядную этикетку и с сомнением потрогала крышку. — Ну, она полегче, но тоже больше двух ложек в день нельзя. И потом обязательно выспаться, иначе плохо будет.

— Это всё тут написано? — Мишка ткнул пальцем в набранную мелким шрифтом инструкцию. Ира кивнула. — Офигеть. Вот бы я сейчас... Спасибо!

— Попробуй сначала одну ложку, — настойчиво посоветовала Ира. — Если совсем-совсем не подействует, то ещё одну выпьешь... Осторожней надо с таким.

Мишка благодарно закивал, отцедил из пузырька чайную ложку тягучего янтарного снадобья и опрокинул в плескавшийся в кружке кипяток. Пожалуй, он задолжал Ире ещё одну шоколадку, а то и что-нибудь посерьёзнее.

— Сразу видно, знаешь своё дело, — Старов подмигнул секретарше. Сладковатая жидкость обожгла гортань; эта штука, пожалуй, одним запахом мёртвого поднимет.

Ира посмотрела на него странно, будто он сказал что-то обидное, и, забрав свой чай, удалилась на рабочее место. Чем это он ухитрился её расстроить? Только что ведь спокойно разговаривали... Мишка механически взлохматил себе волосы и, больше не чувствуя себя умирающим, поплёлся к себе за стол. Что там у нас — загадочные обитатели метро и паразит?.. Паразит, пожалуй, важнее. Старов развернул на один из мониторов карту Москвы и принялся перебирать Костиковы бумаги.

— Чем это у вас тут пахнет? — подозрительно поинтересовался шеф, остановившись на пороге и потянув носом.

— Мишка микстурками балуется, — моментально доложила Ксюша.

Верховский испытующе воззрился на Старова.

— В метро спускался?

— Ага.

— Тогда что ты здесь делаешь?

— С делами разбираюсь...

— Домой, спать, — приказал шеф. — Сам доедешь или такси вызвать?

— Сам, — поколебавшись, решил Мишка. На это действия тоника должно хватить. — Сейчас, закончу только...

— С чем?

Верховский пересёк кабинет и заглянул в Мишкины выкладки. Старов смахнул в сторону разложенный на столе хлам и продемонстрировал шефу Костины бумаги и соединённые линией точки на карте.

— Подозреваем, что напали на след паразита, — сообщил он. Изрядно изгрызенный кончик ручки прошёлся вдоль линии, тянувшейся из юго-восточных районов к Варшавскому шоссе. — Гастролирует, похоже. Шесть нападений, два с летальным исходом. Последнее — около недели назад.

— Давно, — Александр Михайлович задумчиво нахмурился. — Свежей информации нет или с нами не делятся?

— Я запрошу ещё раз, — поспешно подал голос Костик.

— Ещё что-то?

— Все жертвы — женщины, — вздохнул Мишка. — Ну, это как раз объяснимо: разница в физической силе и в мощности дара...

— Я бы на тебя посмотрела, если б ты среди ночи на паразита наткнулся, — тут же фыркнула Ксюша.

— Не обязательно ночью, вот, например, в час дня, — для порядка уточнил Мишка. — Ксюш, не заводись. Тут есть данные жертв: все — не очень сильные ведьмы, там против сытого паразита вообще без шансов...

— Вы не слишком увлеклись гипотезой? — поинтересовался шеф. — Это может быть что-нибудь другое.

— Симптомы очень характерные, — бросился на амбразуру Костя.

— И некоторые успели запомнить приметы. Всё, как Макс говорил, — подхватил Мишка. — Не, Александр Михайлович, слишком всё сходится.

— Проверь потом ещё раз на свежую голову, — велел шеф. — А сейчас — отсыпаться, живо! Мне нежить в отделе не нужна.

Макс довольно гоготнул. Ослушаться прямого указания — чревато, да и нет резона упрямитесь. Пока Костя запросит у безопасников свежие данные, пока полиция ответит по отпечаткам пальцев... В конце концов, если вдруг шефу что-то срочно понадобится, в отделе ещё пять человек.

Не без облегчения попрощавшись с коллегами, Мишка с почти чистой совестью потрусил к выходу.

XIX. Доброе имя

— Не знаю я, что там не так! — горячо прошептала Анька, прижимая к груди холёную ладонь. — Я всё делала, как положено! Кольцо с пальца на палец перекинула, волосы порезала, всё как надо!

— Нет, не как надо! — сердито возразила Ира. — Волосы вообще-то жечь надо, а не резать!

— Резать тоже можно... наверное, — буркнула Сафонова и тут же неуместно хихикнула: — Ну, или бедный Славик всю жизнь тебя любил, а тут заклятие спало — и вуаля!

Ира, не сдержавшись, шёпотом послала её к лешему. Анька, почуяв, что подруга не настроена шутить, мигом посерьёзнула. Она сцепила пальцы над нетронутой чашкой кофе и опустила на них подбородок — стало быть, по-настоящему задумалась. Лучше б она думала, прежде чем пускать в ход чары, ей-богу...

— Слушай, ну... Кольцо же не могло такого натворить, да? — с сомнением протянула она.

— Понятия не имею. Тебе виднее.

— Нифига не виднее, — Анька потупила взор. — Я про него почти ничего не знаю.

— И при этом пользуешься направо и налево, — фыркнула Ира. Захотелось, уподобившись Чернову, посетовать в мироздание на безответственность. — Анька, я тебя сдам магконтролю, честное слово.

— Не надо, — быстро сказала Сафонова. — Это ж всего лишь Свириденко, кому он нафиг нужен? Приворот через пару месяцев развеется, и дело с концом...

— А мне-то что делать всё это время? — прошипела Ира. — И вообще, это жестоко!

— Да расслабься ты, — отмахнулась Анька. Будто и не она пару дней назад едва головой в стенку не билась, не зная, куда девать незадачливого ухажёра! — Можешь даже на пару свиданий сбегать в рестораны поприличнее. А жениться на тебе ему всё равно мамка не даст.

Это правда. Татьяна Ивановна может сколько угодно любезничать с мамой по старой памяти, но Ира вряд ли достойная партия Славiku в её прагматичном понимании. Что ж, по крайней мере, социальное неравенство сыграло на руку.

— Смотри, договорится с твоим отцом, — проворчала Ира, просто чтобы задеть подругу. — Распишетесь как миленькие, и никакие чары не помогут.

— Не-а, папа никогда против моей воли не пойдёт, — уверенно заявила Анька.

И опять она права. Павел Сергеевич даёт дочери полную свободу выбора; можно только позавидовать. Ира и завидовала. Правда, предложи ей кто поменяться с подругой судьбами, она бы наотрез отказалась.

— Хочешь, буду каждый день с тобой до метро ходить? — жертвенно предложила Сафонова. Чувствует-таки вину за собой, лисица!

— Да нет, не надо, — вздохнула Ира. — Ты же раньше заканчиваешь.

— На пятнадцать минут, — напористо уточнила Анька.

— Хочешь предлог ошиваться около магконтроля — так и скажи, — не удержалась Ира. — Там быстро объяснят, что не рады тебя видеть.

— Больно надо, — неубедительно фыркнула подруга. — Я к ней со всей душой, а она...

Анька, само собой, шутила, но обиженные нотки в голосе проскальзывали. Ира поймала себя на мысли, что устала даже от подруги. Не говоря уж о лицемерно улыбающихся коллегах и выматывающей нервы неизвестности. Все вели себя как ни в чём не бывало, и это громче всего кричало о надвигающейся катастрофе. Если бы Старов не делал вид, будто он тут ни при чём, всё не казалось бы таким вопиюще фальшивым.

От обеденного перерыва оставалось ещё двадцать минут, и Анька предложила по случаю хорошей погоды сделать кружок вокруг Управы вместо того, чтобы торчать в столовой. Ира, подумав, согласилась. На радостно зеленеющие среди тротуарной плитки газончики смотреть оказалось чуть менее тошно, чем на понатыканные по всей Управе тропические чудища.

— У нас один парень в офисе цветок держит, — зачем-то сообщила Ира. — Такой красноватый, с большими листьями. В смысле, цветок, а не парень.

— Обычно с растениями женщины возятся, — заметила Анька. — Тимофеева не по этой части?

— Она не очень любит, когда ей напоминают, что она женщина, — хмыкнула Ира. — Ты знаешь, Оксана в последнее время довольно мило себя ведёт. В смысле, отстала от меня, один раз даже пирожным угостила.

— Ну, поздравляю, — хихикнула в ответ Сафонова. — Значит, угрозы её самолюбию ты не представляешь.

— Ой, да и пожалуйста.

— А Анохина чего? — осторожно и как-то виновато спросила подруга. Конечно, её в первую очередь интересуют собственные беды; о чужих она вспоминает в последнюю очередь, и то не всегда.

— Молчит пока, — сдержанно ответила Ира. — Сегодня вот пойду к ней вечером отчётность сдавать — как раз и скажет, что со вчерашнего дня я уволена.

— Да никто тебя не уволит, — покровительственно заявила Анька. — Папа сказал, он, если что, замолвит словечко кому надо — вышвырнут этого Зарецкого к чертям из Управы.

— Он же тебе вроде нравился?

— Да ну его, — легкомысленно отмахнулась Анька. — Мало, что ли, симпатичных парней на свете?

В этом, пожалуй, вся Сафонова. Ира дорого дала бы за то, чтобы так же легко относиться к жизни, да где уж тут с маминым-то воспитанием...

— О, глянь, твои идут, — оживилась Анька, щурясь куда-то в сторону. — Тимофеева, Некрасов... Третьего не знаю, не видела раньше.

— Это Андрей, — зачем-то пояснила Ира, взглянув туда же, и сердито прибавила: — Не мои они.

— Ну да...

Сдержав вздох, Ира решительно потащила подругу обратно в офис. Это Аньке за опоздание ничего не будет, а Ире Чернов обязательно напомнит про безответственность. Надо и впрямь заняться документами, чтобы у Анохиной было поменьше поводов гавкать. Ни на кого не глядя, Ира пробралась на своё рабочее место и принялась сочинять отчёт.

— Ирина, — громыхнул Чернов, воздвигаясь над столом и заслоняя свет потолочных ламп. — Нужно составить расписание дежурств на период активности нежити, а именно — с субботы и до двадцать первого июня включительно. Принцип следующий: в любое время суток в офисе должен быть кто-то из старших офицеров, не связанных, гм, транспортными проблемами. Младших допустимо поставить кому-то в пару, особенно если есть... основания сомневаться, — он красноречиво покосился на Оксанин стол. — Учитывайте текущую загрузку, она вам известна. Смена длится двенадцать часов. Черновик жду через час.

— Хорошо, — смиренно кивнула Ира. — Сколько дней на отдых после смены?

— Не больше полутора суток, — раздражённо отрезал Чернов. — Вы в состоянии умножить двенадцать на три?

И правда, лопухнулась. Старших в отделе четверо, посчитать-то несложно.

— Я поняла. Сейчас сделаю...

Ира развернула чистую таблицу. Итак, в наличии трое контролёров, освоивших пространственную магию; хотя это, наверное, не слишком важно — какова вероятность, что они успели заранее перебывать во всех точках, где примется буянить нежить? Машины есть у всех старших, так что большой разницы нет. С текущей загрузкой сложнее: вроде как все заняты по уши, а куда деваться? Ира разметила на листе смены и задумчиво воззрилась на экран. Ну и что дальше?

— О, дежурства составляешь? — весело поинтересовалась Оксана, бесцеремонно сунув нос к Ириному монитору. Она вместе с младшими офицерами только что вошла в кабинет и принесла с собой запах сладких духов. — Запиши меня на утро воскресенья, я в субботу не смогу.

— А меня вместе с Ксюшей, — прибавил Макс. — Я в зимнюю с Мишкой дежурил — никакой пользы, он сам всё делает.

— Мне кажется, Миша — хороший напарник, — мягко заметил Бармин.

Ну вот тебя к нему и припишем... И поставим на вечер воскресенья, а то вдруг Старов не успеет очухаться после тоника? Чернов как самый опытный пусть открывает всю эпопею. Зарецкому, наверное, всё равно, раз сидит молча. Получится у них по сорок часов в неделю при такой раскладке, или это не обязательно?.. А, ладно, с этим пусть разбираются сами. Ира сохранила файл, отправила его Чернову и вернулась к отчёту. Через пару часов уже сдавать, а конь и не думал валяться...

— Я внёс некоторые правки, — важно возвестил Чернов. — Коллеги, посмотрите, есть возражения?

— Нет, — моментально откликнулся Зарецкий.

— Ты даже не смотрел!

— Меня любой расклад устраивает.

— А у нас с Ксюшей дежурство прямо в мой день рождения, — проныл Макс.

— Уважительные причины переставить смену имеются? — ядовито поинтересовался Чернов, выделив голосом первое слово.

— Ну чего ты вредничаешь, Кость, перекинь Макса на другой день! — укоризненно попросила Тимофеева.

— Нет уж. Я буду дежурить в свой день рождения и преисполняться чувства ответственности, — похоронным голосом заявил Некрасов.

— Это я виновата, — запоздало призналась Ира. — Я так поставила...

— Тогда тем более оставь! — Макс откинулся на спинку кресла и заговорщически подмигнул.

— Больше ни у кого нет личных, семейных и религиозных праздников? — грозно поинтересовался Чернов.

— У меня могут появиться религиозные, — гоготнул Макс. — Но я предупрежу, если что.

Чернов смерил его уничтожающим взглядом и громко клацнул мышкой, ставя точку в разговоре.

— Всё, отправил шефу. Надеюсь, вы сможете придерживаться графика, а не как в прошлый раз...

— Как все прошлые разы на моей памяти, — хмыкнул Зарецкий. — Успокойся, Кость, всё равно будет бардак.

Чернов нахохлился, сразу обретя сходство с большой сердитой вороной, но ничего не сказал.

К Анохиной Ира спустилась без двадцати шесть, прижимая к груди распечатанный отчёт. Долго собирала остатки храбрости, прежде чем открыть дверь, и зря: у начальственного стола уже торчала чья-то спина. Пришлось занять наблюдательный пост рядом с кабинетом, обозначая своё присутствие и готовность бороться за место в очереди. На него, впрочем, никто не претендовал; лишь изредка мимо пробегали незнакомые служащие, не проявлявшие к Ире никакого интереса. У правопорядка есть хотя бы банкетки, а здесь голый коридор; может быть, специально, чтобы народ не задерживался...

— У Натальи Петровны тяжёлый день, я смотрю, — светским тоном заметил вынырнувший из ниоткуда Зарецкий.

Ира с трудом сохранила нейтрально-доброжелательную мину. Нанялся он, что ли, хвостом за ней ходить? В руках какая-то бумаженция; может, и по делу явился... И наябедничать заодно. Ну и ладно, ну и пожалуйста...

— Давай я тебя пропущу, — любезно предложила Ира и, не удержавшись, прибавила: — Мне, похоже, надолго.

— О нет, я подожду, — гляньте только на него, сама учтивость! Встал в паре шагов, вроде бы ничего такого, но путь к лифтам преградил. — Отчётность?

— Да, — лягнула Ира и тут же мысленно себя выругала. У вопроса совершенно точно было двойное дно. Ну, раз уж попалась на удочку — остаётся только нагло смотреть контролёру в лицо, и пусть думает, что хочет. — Хочешь, твою бумагу тоже отнесу?

Ему следовало отпустить очередной многозначительный комментарий на тему нахальных шпионов, однако Зарецкий только пожал плечами.

— Было бы неплохо. Её надо только заверить.

Ира забрала лист и не глядя присоединила к собственным распечаткам. Вот так, всё честно. Впрочем, будь бумага по-настоящему важной, чёрта с два он бы её отдал.

От необходимости продолжать малоприятный разговор Иру избавила открывшаяся дверь кабинета, а заодно и возникший на пороге Викентьев. Безопасник задержал ладонь на дверной ручке, и Ира очутилась между Сциллой и Харибдой.

— Добрый вечер, коллеги, — холодно улыбнулся Викентьев. — Ирина Викторовна, рад вас видеть. Жаль, что обстоятельства не позволяют нам сотрудничать более активно.

«Обстоятельства» намёк поняли и не преминули напомнить о себе.

— Я, кажется, доступно объяснил вашему посланцу, что в этом нет необходимости, — бросил Зарецкий. Она-то, дурёха, была ему тогда благодарна, а он попросту подозревал, что Ира с Викентьевым заодно!

— Переживаете за свои тайны, Ярослав Владимирович? — усмехнулся безопасник.

— Переживаю за свой бланк. До конца рабочего дня десять минут, — нагло заявил Зарецкий.

— Верно. Не смею задерживать.

Викентьев отошёл наконец от двери, и Ира поспешно протиснулась в кабинет, предусмотрительно оставив дверь приоткрытой. Пусть жрут друг друга без её участия. Правда, ускользнув от двух чудовищ, она угодила прямиком в лапы третьему, и что противнее всего — на сей раз добровольно. Наталья Петровна смирила подчинённому сумрачным взглядом.

— Здравствуйте, — совершенно по-дурацки проблеяла Ира, протягивая начальнице бумаги. — Вот отчёт, а это подпишите, пожалуйста...

Анохина хмыкнула и пытливо сощурилась на одинокий лист. Вздохнула, недовольно качнула рыжими локонами и потянулась за ручкой.

— Передайте коллеге, что мне надоели запросы задним числом, — проворчала она, возвращая Ире подписанный бланк. — В следующий раз откажу и поставлю в известность Верховского. Что у вас?

— Отчёт, — поколебавшись, ответила Ира. Раз уж в неё сразу же не швырнули заявлением на увольнение, может, всё не так плохо? — За месяц.

Начальница без особой охоты пролистала три с половиной листка и отложила отчёт куда-то к другим бумагам. Неудивительно: ничего интересного и тем паче секретного там нет, только нудная повесть об офисных приключениях обыкновенного секретаря. А вдруг Анохина как раз и ждёт, что Ира станет протоколировать для неё житьё-бытьё магконтроля? Тогда вообще замечательно: начальнице не угодила, нагоняй получила просто так...

— В следующем месяце присылайте в электронном виде, — смиловилась Наталья Петровна. — Что в целом можете сказать? Жалобы есть?

— Нет, — покривила душой Ира. — У меня всё в порядке.

Анохина смирила её скептическим взглядом поверх очков.

— Хорошо. Можете идти.

И всё, что ли? А как же напомнить о важности миссии магконтроля и о том, что Ирина карьера всё ещё висит на волоске? Неужто Сафонов побеседовал-таки с Анохиной на эту тему? Паршиво, если так. Не хочется решать свои проблемы за чужой счёт.

Викентьева из коридора куда-то унесло, Зарецкого — нет. Старательно делая вид, что не видит других причин, способных его здесь задержать, Ира вручила контролёру его бумагу и сухо сообщила:

— Наталья Петровна просила передать, что больше не примет запросов задним числом.

— Это, надеюсь, последнее предупреждение? — в тон ей осведомился Зарецкий и придиричиво оглядел документ. — Благодарю.

— Не стоит.

Здесь бы гордо уйти, но им, увы, в одну сторону. Пришлось глупейшим образом тащиться по другой стороне коридора и изображать крайнюю заинтересованность в содержимом молчащего, как назло, телефона. В лифте, к счастью, обреталось несколько припозднившихся обитателей Управы; Ира с чистой совестью забилась в угол и до самого двенадцатого этажа сердито листала туда-сюда пёстрые значки приложений. Даже соизволь Анька ответить на посланное от безнадёги сообщение, интернет в лифтовых шахтах слишком паршивый... Ну чего было сразу не взять с собой сумку — уже бежала бы домой, обгоняя ветер!

У двери кабинета Зарецкий замер, подозрительно щурясь на замок. Прозрачный обычно кристаллик кварца тревожно розовел в пластиковом гнезде. Ира остановилась в нерешительности; очень хотелось в кабинет и домой, очень не хотелось нарываться на очередную ссору.

— Кто-то у нас побывал, — сдержанно заметил контролёр и поднёс ладонь к замку.

Кварц тут же успокоился, сменив цвет на нейтрально-белый. Зарецкий оставил дверь открытой; Ира осторожно проскользнула мимо него к своему столу и вцепилась в сумку. Все вещи, кажется, на месте. Кто бы сюда ни пробрался, лез он явно не за кошельком секретарши.

— Мишка, блин, — процедил Зарецкий тихо и зло.

Ира обернулась. На столе Старова царил такой же бардак, как и всегда: ворох бумаг, грязная кружка, пустой контейнер из-под обеда, какие-то провода... Что могло не понравиться Зарецкому, знал только он сам.

— Ты, когда уходила, никого тут не видела? — спросил контролёр, отвлекшись от созерцания сваленных в кучу брошюрок.

— Оксану и Андрея, — честно ответила Ира.

Зарецкий многозначительно хмыкнул.

— Сильнодействующая, говоришь, была микстурка? — ни к селу ни к городу спросил он.

Какая ещё микстурка... Та дрянь, которую Старов купил по незнанию?

— Она тут при чём? — осторожно поинтересовалась Ира.

— При том, что она здесь стояла, — Зарецкий кивком указал на их со Старовым общий стол. На светлом пластике виднелся маслянисто блестящий кружок.

— Её унесли? — бестолково спросила Ира.

— Вероятно. И Мишкину добычу заодно, — контролёр сердито щёлкнул ногтем по контейнеру. — Сколько раз говорили такие вещи в сейф убирать...

Это, наверное, была какая-то важная штука, раз он так расстроен. Иру, впрочем, занимало другое.

— Я не брала, — твёрдо сказала она.

Настоящий вор на её месте говорил бы то же самое, но ведь последние полчаса она торчала в канцелярии, и Зарецкий это прекрасно знает! Хорошо, что его угораздило туда заявиться...

— Я в курсе, — контролёр невесело усмехнулся. — Для чего можно использовать стимулятор?

Прозвучало это, как вопрос на экзамене. Неужели не знает сам? Хотя маги пренебрежительно относятся к колдовству и его премудростям...

— Ну, собственно, для мобилизации ресурсов организма, — правильная формулировка сама собой выпрыгнула из памяти. — Когда надо за короткое время сделать какое-то очень большое усилие. Иногда ещё в медицине, если... ну, если другого выхода нет.

Зарецкий задумчиво кивнул.

— А медальон?

— Какой медальон? — недоумённо переспросила Ира.

— Неважно.

Ира потопталась на месте с полминуты, ожидая обвинений или хотя бы каверзных вопросов, однако Зарецкий утратил к ней всякий интерес. Это, наверное, хороший знак; а значит, пора сматываться, пока контролёр не передумал. Скомканно попрощавшись, Ира выскочила в коридор и поспешно зашагала к лифтам. Любопытство, конечно, чуть-чуть её глодало, однако иногда лучше ничего не знать. И не хотеть знать.

XX. Неурядицы

Утро среды, как водится, началось с разговора на повышенных тонах. Макс издали уловил отголоски бушующей в кабинете грозы и решил было, что Косте опять не понравился цвет чьей-нибудь рубашки, однако, различив голоса, понял, что всё куда интереснее. Любопытство, как всегда, пересилило инстинкт самосохранения, и Макс, напустив на себя самый невинный вид, сунул нос в беспокойную обитель магконтроля.

— Гостевой пропуск! — Ярик швырнул на стол приличной толщины распечатку; стягивающая её скрепка такого обращения не выдержала, и бумаги разъехались перед Мишкиным носом неровной дорожкой. — Гостевой, чтоб его, пропуск! Эта дрянь не просто знает, что у нас творится — она ещё и безопасность за нос водит... Или, ещё хуже, спелась с ними!

— Ну, это вряд ли, — протянул Мишка, пряча виноватый взгляд.

— Вся чёртова Управа пошла вразнос, — Зарецкий пересёк кабинет и рывком развернулся к Мишке. Это что-то новенькое; обычно Ярик позволяет себе разве что раздражённо язвить, а сейчас он прямо-таки в бешенстве. Не хуже Чернова. — Сводим, блин, счёты и ставим друг другу палки в колёса... Какой, к лешему, гостевой пропуск на двенадцатый этаж?

— По аттестации? — уныло предположил Старов, собирая бумаги в стопку.

— Они так не работают. Надо, чтоб кто-то из наших впустил, — чуть спокойнее бросил Ярик и снова принялся мерить шагами пятачок пространства между столами и логовом. — Нет уж. Или кто-то виртуозно обманул систему, или система обманывает нас...

— Или и то, и другое сразу, — ляпнул Макс, просто чтобы сказать что-нибудь подходящее случаю. — А что стряслось?

Зарецкий воззрился на него озадаченно, будто не ожидал здесь увидеть. Мишка покаянно вздохнул.

— Кто-то спёр ту штуку, которую я в метро нашёл, — поведал он. — Я её сдуру на столе тут оставил.

— А она что, ценная?

— Любая вещь ценная, если она несёт информацию, — сумрачно заметил Ярик.

Паршивенького качества медальончик, изрисованный неизвестными науке знаками, информации нёс, на Максов взгляд, исчезающе мало. Впрочем, спорить с пускающим искры старшим Некрасов не собиравался.

— Думаешь, кто-то местный? — Макс вопросительно вскинул брови. — Типа... То, что ты тогда говорил?

— Нет. Это исключено, — недовольно признал Ярик. — Скорее уж поработал тот, кто нелегала утащил.

— И паразита! — встрепенулся Мишка. — Я вот не думал раньше, а теперь дошло. Ему же тоже помогли выбраться!

— Разве что в том же смысле, что бензин помогает двигателю, — Зарецкий поморщился. — Кто в здравом уме станет вытаскивать паразита? Зачем?

— А медальку зачем красть? — в тон ему спросил Макс.

— Получить в своё распоряжение. Лишить нас зацепки. Использовать по назначению... — Зарецкий замолк на полуслове и тихонько выругался себе под нос. — В сочетании с убойным стимулятором — самое то... Чёрт, это может иметь смысл. Ненавижу чувствовать себя идиотом!

— Остынь, Слав, — примирительно прогудел Мишка. — Ты что-то про паразита начал интересное.

— Да кому он нужен, паразит твой! — рявкнул Ярик.

— Шеф сказал поймать...

— Только из-за скандала, — фыркнул Зарецкий. Макс убрался за монитор, сделав вид, что крайне занят разбором почты. — Паразит — он и есть паразит, ничего кроме.

— В смысле?.. — начал было Мишка, но клацнувший замок заставил его замолкнуть.

— Привет, — тихо буркнула Ира и поспешила к своему столу. Ярик проводил её мрачным взглядом. Прав он на её счёт или нет? Хотелось бы, чтобы всё-таки нет, тем более что сам сказал — исключено...

— Доброе утро! — преувеличенно бодро гаркнул Старов. — Как настроение?

— Нормально, спасибо, — сухо отозвалась Ира.

Разговор увял сам собой. Зарецкий, совладав наконец с гневом, вернулся на место и бесстрастным тоном велел Мишке запросить у айтишников запись с внутренних камер; Старов кивнул и усердно застучал по клавиатуре. Начавшийся бурей день продолжался в похоронной тишине.

Впрочем, хрупкое спокойствие длилось недолго. Прямоком посреди ежеутреннего шефского опроса в кабинет влетел встрёпанный Костик. Будь Чернов в нормальном состоянии рассудка, сам себя отчитал бы за неподобающий вид: галстук съехал, очки повисли на самом кончике длинного носа, шевелюра вызывает ассоциации с ежом вместо всегдашнего броненосца. Костя затормозил, едва не врезавшись в Верховского; тот, как раз пытавший Старова, вопросительно изогнул бровь.

— Александр Михайлович!.. — выдохнул Чернов и нервно столкнул очки на переносицу. — Это форменное безобразие! Саботаж и безответственность! Вы обязаны добиться наказания!..

— Непременно, Константин, — с достоинством заверил шеф. — С кем воюем на этот раз?

При этих словах Зарецкий горько усмехнулся. А ведь верно он сказал: вместо слаженной работы — какая-то сплошная ругань, что в магконтроле, что за его пределами... И если первое ещё ничего, то второе стремительно становится невыносимым.

— Видимо, с надзором, — Костя не глядя поправил галстук и одёрнул лацканы. Получилось идеально. — Научники не могут начать работы по нашей заявке, потому что тот кусок тайги кто-то выкупил. Выкупил, понимаете?! Вместе с потенциально опасной аномалией!

— Так должны же были того — как запретную зону! — возмущённо ахнул Мишка.

— Именно! — отрезал Чернов. — Я намерен найти виновных...

— Максим, отправь запрос в надзор, пожалуйста, — прервал тираду шеф. — И выясни подробности у научных. Костя, будь добр, дай коллеге координаты аномалии. Ты уже закончил с заданием?

Чернов бестолково открыл и закрыл рот, нахмурился.

— Нет. Александр Михайлович, это трата времени! Почему менее компетентные сотрудники, — он сверкнул глазами в сторону Зарецкого, — занимаются более важными делами?

— Действительно, — Верховский весьма натурально изобразил задумчивость. — Ярослав, подумай о повышении категории, давно пора. Костя, зайди ближе к вечеру, обсудим твои результаты.

Обескураженный Костик так и замер столбом посреди прохода. Его стало почти жаль; шеф знает, у кого где большие мозоли, и наступать не стесняется. Макс счёл за благо заняться свеженьким поручением; рассерженный Чернов пронёсся мимо него с настолько мрачным видом, что местонахождение опасной аномалии Некрасов предпочёл уточнить у Андрея.

— Круто тебе! — искренне похвалил Мишка, повернувшись к соседу. — Шеф дело говорит, на тройку уже точно можно.

— Да ну, — Ярик досадливо поморщился. — Не хочу пока.

— Почему? — не выдержал Макс. — Это ж сразу и авторитет, и полномочия другие, и прибавка к зарплате...

— Неохота месяц зубрить всякую ерунду, — пожал плечами Зарецкий. — Потом ещё внесут в реестр, станут следить за каждым шагом...

Он выразительно покосился на Чернова; тот ответил испепеляющим взглядом.

— Я удивляюсь, как ты вообще куда-то движешься при полном отсутствии амбиций, — процедил обиженный Костик. — Не понимаю людей без цели в жизни.

— Я тоже, — хмыкнул Ярик.

— А я бы пошёл, если б шеф предложил, — вклинился Мишка. — Всё хочу на жильё накопить.

— По-моему, на съёмном лучше, — высказался Макс. — В смысле, всегда можно съехать, если соседи достанут или просто надоест.

— Ну, одному — да, — кивнул Старов. — А если семья будет, то лучше свой угол.

— Миш, ты жениться собрался? — поинтересовалась Ксюша, вынырнув из-за бумажных баррикад. Женщины! Только начни про чью-нибудь личную жизнь — всё, тут как тут, ушки на макушке. — Когда?

— Когда-нибудь, — грустно улыбнулся Мишка. — Не на ком пока.

— Да ладно тебе! — Макс широко ухмыльнулся. — Поклонницы небось табунами бегают.

— Бегают, пока не догонят, — Старов вздохнул. — А потом — то, сё, пятое, десятое...

— Дай угадаю, — снисходительно бросила Ксюша, — устают ждать с работы и бояться, что какой-нибудь упырь откусит тебе голову?

— Ну да...

Макс о таком никогда не задумывался. Его подружки подобным не заморачивались. Впрочем, до магконтроля работа у него была скучная и неопасная, да и отношениями всерьёз и надолго он себя не обременял. А каково оно, когда всегда знаешь, что дома тебя ждут и беспокоятся? Наверное, слишком хлопотно... Или нет?

— Максим, ты идёшь к научникам? — брюзгливо спросил Костик.

— Иду, иду, — проворчал Некрасов, выныривая из раздумий. Чернову плохо — значит, всем должно быть плохо, включая Андрюхину породистую герань.

Заявка в надзор всё ещё лежит с пометками «Отправлено», «Не прочитано», так что поводов ждать и тянуть вроде бы нет. Макс для начала сунул нос в курилку, но никого там не нашёл; пришлось топтать в ближайшую лабораторию. Там, как и следовало ожидать, дым стоял коромыслом: носились туда-сюда взмыленные лаборанты, гудели монументальные установки, едко пахло формалином. За столом в углу восседала, созерцая всю эту свистопляску, спокойная, как удав, Машка; к ней Макс и устремился, прикинув, что руководитель группы наверняка в курсе важных проблем.

— Привет! — лучась радиоактивной улыбкой, гаркнула Машка. Командный голосок легко перекрыл царящий вокруг гам. — По делу или чего?

— По делу, — Макс посторонился: мимо пронёсся незнакомый долговязый лаборант с полным пробирок контейнером. В пробирках тревожно плескалась тёмно-красная жидкость. — Что тут у вас такое?

— Не обращай внимания. Ежегодные генетические, — Машка ногой вытолкнула из-под стола табуретку, которую Макс не замедлил оседлать. — Сроки запарываем, вот и на ушах все... В чём вопрос?

— По заявке последней, — значительно сказал Макс. — Которая под особым грифом. Коллеги говорят, проблемы у вас?

— А, это, — Машка цапнула со стола початую пачку сигарет, подумала и отложила. — То, что про тайгу? Ну да, купили какие-то придурки землю, огородили всё. Мы теперь ни экспедицию снарядить не сможем, ни толком объяснить, нафига нам туда надо.

— Что за придурки-то?

— Ну кто у нас обычно землю скупает? Какие-то строители, вроде как под коттеджный посёлок. Кому он там нужен, в глухомани?

Она казалась всерьёз раздосадованной. Не тем, что её отдел подводил коллег, — тем, что не вышло моментально сорваться с места навстречу неведомому. Макс, подумав, решил прикинуться веником; с научниками такое всегда прокатывает.

— Так а как минуса купили участок, если там опасная зона? — с искренним недоумением спросил он.

— Ты не знаешь, что ли, как оно у нас обычно бывает? — Машка неприязненно поморщилась. — Пока накатали прошение, пока надзор до него добрался — а всё, земля уже чейная. Выгоняй их теперь... Герасимов, ещё раз увижу — прокляну нафиг!

Испуганный лаборант отскочил от установки, как будто его током ударило. В чём заключался страшный грех, Максцу было невдомёк; должно быть, бедолага не вовремя нажал какую-нибудь кнопку или неправильно понюхал реактив. Машка ещё побуравила провинившегося строгим взглядом и, тяжело вздохнув, вновь повернулась к Некрасову.

— Практиканты... Что-то прямо не ладится у нас с этими разломами, — посетовала она, понизив голос. Чёрт знает, зачем; в этом столпотворении надо вопить во всю глотку, чтоб тебя слышали хотя бы в паре шагов. — К старому не подберёшься после той истории, рядом с новым минусы со всех сторон живут — толком ни одного опыта не поставишь... Вот он, вроде бы, шанс — и на тебе, опять всё наперекосяк! И дед этот несчастный помер так некстати, а я б с ним поговорила...

— Какой дед? — насторожился Макс. — Профессор, что ли? Как его... Такой, с бородкой, ненормальный чуток?

— Мезенцев, — Машка закивала. — Интересные статейки у него. Явно где-то есть больше, но это жди теперь, пока внуки творческое наследие разберут...

— А можешь прислать, что есть?

Машка подозрительно сощурилась.

— А что у тебя с допусками?

— Четвёртый уровень. Да брось, нам можно, — Макс улыбнулся ей, как мог, очаровательно. — Он сам к нам приходил, но... попал не на того человека, — деликатно сформулировал Некрасов. — А на вторую встречу уже не успел.

Машка просканировала его взглядом, обнаружила только честность и искреннее стремление к знаниям и клацнула мышкой.

— Ладно уж, держи. Всё равно это, скорее всего, не подтвердится...

— Спасибо! — от души сказал Макс. — А насчёт заявки... Может, помочь чем могу?

— Разве что пинка надзору выдать, — хмыкнула Машка и тут же оживилась: — Слушай, ваш Верховский же может на них надавить. Попроси его, а? Я тебе сейчас письмо перешлю, там вся инфа про эту контору... Хотя вроде уже посылали официальный ответ, — она задумалась на пару мгновений и махнула рукой. — А, ладно, пусть у тебя тоже будет. Если выгорит, можем кого-нибудь из ваших к экспедиции приписать. Сан Михальчу сто процентов интересно же, что там такое...

— Я даже знаю, кто поедет, — хохотнул Макс. — Если угадал, то вам не позавидуешь.

— Ой, да знаем мы ваши фокусы, — добродушно ухмыльнулась Машка. — Если новое что всплывёт, позвоню тебе... Что, Серёж, закончили?

Серёга подлетел к столу, выдернул из планшета исписанный лист и почтительно положил перед Машкой. Та не замедлила ознакомиться; чем дальше взгляд скользил по бумаге, тем серьёзнее становилось лицо.

— Ага, — озадаченно протянула Машка. — А выборку аккуратно делали? Никто из реестра не попал случайно?

— Не попал, Маш, проверяли, — отчитался Серёжа. — Полный анализ к вечеру оформим, а так... Надб понять, это случайность или тренд.

— Ну-ну... Макс, тебе ещё чем-то помочь? — осведомилась Машка тоном, который не оставлял никаких сомнений: в качестве помощи контролёру разве что покажут, где выход.

— Спасибо, Маш, ты и так очень помогла, — жизнерадостно заявил Макс и попытался ненароком заглянуть в документ. Машка тут же наклонила бумагу к себе. — Давай, держи в курсе!

Споткнувшись об очередного практиканта, Макс покинул обитель науки. В магконтроле вяло бурлил Чернов; хлопотав поутру от сильных, он отрывался теперь на слабых — третировал Иру по поводу какого-то мелкого огреха. Чувствуя себя рыцарем, Макс заслонил собой молчаливую секретаршу и во все тридцать два зуба улыбнулся Косте.

— Поручение выполнено! — сообщил он. — Научники всю информацию скинули, пойду сейчас шефу отчитаюсь. Хочешь в экспедицию?

— Странно, что ты оперируешь подобными понятиями, — огрызнулся Чернов. — Я выполняю рабочие задачи, а не удовлетворяю личные порывы.

— Ну, не хочешь — не надо, — пожал плечами Макс. Костик пошёл пунцовыми пятнами, но отыгрывать назад счёл недостойным.

Верховский доклад выслушал благосклонно, письмо пробежал глазами и задумчиво покивал. Несмотря на то, что в отделе сегодня искрило и громыхало, шеф, кажется, пребывал в приподнятом настроении.

— А ты что знаешь о разломах? — ни с того ни с сего поинтересовался Верховский.

Макс поспешно соскрёб в кучу всё, чего успел послушаться.

— Ну, это вроде магических чёрных дыр, — почти наугад сравнил он. — В смысле, подойдёшь на какое-то расстояние — всё, назад не выберешься.

— Неплохо, — неожиданно похвалил шеф. — Я бы сказал, что свой горизонт событий у разломов тоже есть.

— Я в этом не особо шарю. У меня по физике тройка была, — честно признался Макс. — Вот если туда Машу запустить с её командой...

— Сделаем всё, что в наших силах, — серьёзно кивнул Верховский. — И от себя кого-то пошлём обязательно.

— Костика, — вздохнул Макс. Чернов, конечно, зараза, но по рангу он больше всех должен понимать в магических аномалиях.

— Посмотрим, — уклончиво ответил начальник. — Ещё что-нибудь достойное внимания?

Некрасов перебрал в памяти разговор с Машкой. Вообще-то есть кое-что, но скорее догадка, чем информация. Но вдруг шефу интересно?

— Научники доделали ежегодную генетику, — сообщил Макс. — Мне не показали, но я так понял, что результаты неожиданные.

— В какую сторону?

— В бóльшую. Маша засомневалась, не попали ли в список люди из реестра.

Верховский откинулся на спинку кресла и задумчиво сцепил пальцы.

— Это по какой возрастной группе, не знаешь?

— Не-а, — Макс совершил ещё одно мыслительное усилие и, довольный собой, тут же озвучил результат: — Наверное, дети или те, кто ещё аттестацию не проходил. Иначе безопасность уже зачесалась бы, у них все пробы на руках.

Шеф удовлетворённо кивнул.

— Спасибо за информацию. Скажи Ярославу, пусть зайдёт.

Костик точно расстроится. Сегодня явно не его день. Впрочем, обласканный начальственным вниманием Зарецкий тоже не слишком доволен жизнью — к ведьме не ходи, из-за спугавшихся в клубок своих и чужих дел. Вот махнуть бы этих двоих местами — и было бы идеально, но шутница-судьба частенько раздаёт подарки мимо цели. Макс запил эту мысль остывшим чаем и пробежался по скопившимся сообщениям. Машка слово сдержала — в почте образовался небольшой склад сочинений бедняги Мезенцева. Никак у Макса не вязалась эта фамилия с дедулей-профессором; где-то в другом месте он на неё наткнулся. Некрасов порылся в памяти, ничего не нашёл и для успокоения перечитал скучное досье. Всё не то.

— Максик, чего скис? — скучающим тоном поинтересовалась Ксюша. Слишком равнодушно, чтобы не понять: Тимофеева злится, и всерьёз.

— Хрень какая-то происходит, и ничего не понятно, — Макс облёк в слова настроение, витавшее в отделе последние пару недель.

— Ты про какую именно хрень? — вздохнул Мишка. — Я уже со счёта сбился, сколько тупиковых дел накопилось...

— Кость, ты ж у нас мозг, — протянула Ксюша, любуясь разукрашенными, как пасхальные яйца, ногтями. —

Скажи что-нибудь умное. Что происходит?

Чернов недовольно поднял голову. «Он не в духе», — быстро напечатал Макс и тут же получил ответ: «Я знаю». Ксюша тонко улыбалась.

— Оксана, мне нечего сказать на тему, от которой коллеги меня старательно ограждают, — язвительно заметил Костя.

— Кто посмел? — ахнула Тимофеева. — Ты, может, курить выходил, когда нам Макс про моровуху рассказывал? Все пять раз...

— Неправда, не пять, — буркнул Макс.

— Ну восемь, — картинно отмахнулась Ксюша. — Кость, сколько надо жертв, чтобы накормить моровуху?

— Поищи в интернете, — зло буркнул Чернов. — Или в книгах, если знаешь, что это такое.

— Знаю, Костик, — промурлыкала Тимофеева. — Даже читала «Полный справочник». Ты, может, подзабыл, но там нет ничего по таким... практическим вопросам.

Чернов запунцовел высоким лбом и бросился в атаку, но Макс перестал вслушиваться. Совет-то Костик дал дельный, хоть и не в ту сторону. Всерьёз искать в интернете про нежить действительно бесполезно, а вот активно публиковавшийся профессор наверняка оставил в цифровой памяти человечества сколько-нибудь значимый след. И оставил: на сайте небольшого коммерческого института, где до сих пор значился в расписании занятий, в нескольких журналах, больших и важных — а может, маленьких и никому не нужных; Макс слишком далёк был от научного мира, чтобы в этом понимать. Все статьи — сплошь философская нудятина без единого слова о магии. Некрасов пролистал несколько, почти воочию наблюдая, как мимо проходит жизнь, и вдруг наткнулся на хорошо знакомую страницу. Мезенцев Виталий Андреевич значился в длинном списке важных персон «Восхода», который Макс проштудировал вдоль и поперёк — выходит, недостаточно внимательно. Интересно, верил ли покойный философ в очищение души или просто нашёл место, где его кто-то добровольно слушал? А вещал профессор, судя по всему, будь здоров, по два-три раза в неделю. Нашлась и фотография — точно он, такого ни с кем не перепутаешь. Знать бы ещё, что говорил...

— Вон, бери пример с Макса, — заявила Ксюша, которая никак не могла оставить Чернова в покое. — Сидит человек, жизни радуется.

— Не вижу к этому поводов! — пролаял в ответ Костик.

— Есть повод, — возразил Макс. — Я в деле ниточку нашёл.

— Если б ещё твоё дело было кому-нибудь нужно, — огрызнулся Чернов.

Макс не стал его разубеждать.

XXI. Перед грозой

Если бы мама увидела сразу столько важных управских шишек, она, наверное, упала бы в обморок от избытка благоговения. Начальники и замначальники, без пяти минут члены Магсовета, со всех сторон обсели колоссальный стол. Все в костюмах, несмотря на жару, и при ювелирных побрякушках — артефактных или просто очень дорогих. Верховский, которого Ира привыкла считать солидным дядькой в годах, выглядел на здешнем фоне молодым и подтянутым — эдакий физрук на собрании ректората. Рыхлый шеф надзора с трудом помещался в кресле, рядом с ним даже Анохина казалась едва ли не Дюймовочкой. Начальник безопасности — настоящий большой начальник, а не мелочь вроде Викентьева — шурил на коллег асимметричные глаза; смуглую щёку от скулы к подбородку пересекал неудачно заживший шрам. Оксана как-то обмолвилась, что нынешний глава безопасников начинал в магконтроле; правда, было это при царе Горохе, а из третьей категории он с тех пор так и не вылез. Тоший, как вобла, начальник финансов брезгливо поджимал губы и пялился в пространство запавшими глазами. Сидящая возле него Анька оттягивала на себя добрую половину мужских взглядов; сама Сафонова с серьёзным видом смотрела в записи и делала вид, что ничего не замечает.

На себе Ира взгляды тоже ловила — скорее любопытные, чем восхищённые. Верховский её притащил, должно быть, из политических соображений, потому что записывать тут нечего, а распечатку отчёта держит в цепких лапах надувшийся от важности Чернов. Впрочем, он тоже тут не очень нужен: Александр Михайлович прекрасно обошёлся без шпаргалки. Под нудный доклад научника глаза так и слипаются; это же надо — превратить передовые исследования в сплошной невразумительный бубнёж... Хотя Верховский внимательно слушает. Он всех слушал, даже тех, кто от магконтроля далёк, как Сатурн от Юпитера.

— Согласно звёздным календарям, завтра-послезавтра начинается период активности нежити, — сообщил научник, заглянув в бумажки. — Все стандартные меры приняты в срок. Доступ в вива... простите, в экспериментальный блок будет ограничен до двадцать второго июня включительно, специальные разрешения согласует служба надзора. Вопросы?

— Коллега, — лениво протянул финансист, постукивая пальцами по столу, — вы уверены, что в расчётах нет неточностей?

Научник бестолково хлопнул ресницами, как не ко времени разбуженная сова.

— Конечно. Три недели перед солнцестоянием — очень стабильный период активности, здесь не может быть сомнений...

— За последний месяц коллеги из магконтроля подали несколько заявок на премирование за истребление особо опасных существ, — сообщил финансист. Ира напряглась: вдруг что-то напутала с оформлением? Зачем этот тип вообще интересуется внутренней бухгалтерией? — Это наводит на мысли о некоторой... аномальной активности среди нежити.

— О таком надо предупреждать! — мгновенно взвился дёрганный медик. — Мы должны оповестить сообщество Москвы и Подмосковья...

— Это, полагаю, излишне, — Верховский, на которого смотрела теперь едва ли не половина присутствующих, прохладно улыбнулся. — Роман Алексеевич заметил верно: активность — аномальная и точечная, все случаи благополучно разрешены.

Медик недоверчиво завертел лысоватой головой; финансист вежливо скривил узкие губы.

— И всё же, Александр Михайлович! Здесь, у нас — и вдруг моровая язва...

Окончание фразы потонуло в тревожном гуле. Больше всех усердствовал всполошившийся медик; он незамедлительно возвестил о возможных страшных эпидемиях и вплотную подбирался к тому, чтобы обвинить магконтроль в преступной халатности. Побледневший Чернов вцепился в отчёт; контролёр, помнится, не верил в ту историю, но угроза репутации отдела, похоже, задела его всерьёз.

— Упомянутый экземпляр, — Верховский повысил голос, перекрывая невнятный ропот, — не успел проявить наиболее пагубных свойств и был обнаружен исключительно благодаря бдительности моих сотрудников. Напоминаю, что он успешно уничтожен.

— Талантливые у вас ребята, — прогудел безопасник. Чёрт знает, то ли похвалил, то ли усомнился.

— Безусловно, — с достоинством кивнул Верховский.

— Значит, мы можем не беспокоиться за начало лета? — финансист подпустил в голос сомнения. Анька удивлённо покосилась на шефа, но, разумеется, ничего не сказала.

— Мы исполняем свои обязанности! — выпалил вдруг Чернов. — Если у вас есть конкретные претензии, озвучьте, пожалуйста!

— Спасибо, Костя, — с нажимом произнёс Верховский. Чернов моментально стусевался и захлопнул пасть; одни только глаза воинственно полыхали за стёклами очков. — У меня нет оснований не доверять команде.

Дальнейшие вопросы прошу задавать в частном порядке, — он демонстративно бросил взгляд на часы.

— Благодарю вас, — кивнул финансист и зашелестел бумажками. — Полагаю, моя очередь. Негативные тенденции, выведенные ранее в прогнозах, продолжают сохраняться. Среди причин спада аналитики называют отсутствие перспективных рынков сбыта, а также недостаток пригодных ресурсов...

Под его ровный голос сборище потихоньку успокоилось и вернулось в состояние полудрёмы. Один только Чернов буравил докладчика взглядом, исполненным праведного гнева. В конце концов, начальники тоже люди: сквозящий через жалюзи солнечный свет и близость окончания рабочего дня действует и на них. Анька сидела с таким же постным лицом, как и все остальные; перед совещанием Сафонова равнодушно прошла мимо подруги, как будто не хихикала с ней пару часов назад за обедом. Должно быть, это часть здешнего негласного этикета; вообще говоря, удобная. Ира подняла взгляд от девственно чистых листов на планшете и покосилась на внимающего очередному докладу Верховского. Дошла ли до него история с её тестами? Если да, то почему он ничего не делает? А если нет, то... Хотя какого чёрта нет?

— Благодарю за внимание, — в очередной раз прозвучало над столом.

Слова подействовали не хуже заклятия: все оживились, заозирались по сторонам. Затянувшаяся пауза не могла не означать окончания встречи. Кто-то заметил это вслух, кто-то первый скрипнул креслом; цепная реакция охватила всю переговорную, и начальники нестройной вереницей потянулись на выход. Верховский не спешил вливаться в поток.

— Ирина, запросите, пожалуйста, копии докладов коллег из исследований, надзора и финансов, — негромко приказал он, поправляя запонки.

— И безопасности, — тут же примазался Чернов. Он нервно дёргал узел галстука; то ли спёкся в жарком костюме, то ли не на шутку распереживался.

— Это без надобности, — не согласился начальник. Убедившись, что большая часть коллег покинула комнату, он встал и неторопливо направился к двери; подчинённым оставалось только покорно труситься следом. — Перечитывать речь Терехова бессмысленно.

Его собственную — тоже. Назвал десяток впечатляющих цифр, за которыми не угадаешь ни беглых нелегалов, ни кровожадной нежити, ни межотдельских войн. Чернова это наверняка злит, но контролёр верноподданнически держит язык за зубами. Этому дай волю — полчаса разливался бы соловьём о трудовых подвигах...

— ...Недопустимо, — послышался из коридора голос Анохиной. Распекала она полузнакомую темноволосую девушку; кажется, Ира пару раз видела бедолагу за стойкой в вестибюле. — Если помните, в прошлую вашу отлучку мы получили от посетителя жалобу.

— Больше не повторится, — пролепетала девушка.

— Рассчитываю на это, — значительно произнесла Наталья Петровна и повернулась к поравнявшемуся с ней Верховскому. — Александр Михайлович, добрый вечер!

— Добрый, — согласился тот.

Эти двое уже здоровались перед совещанием, значит, Анохиной приспичило пообщаться. Получившая выволочку девушка зачем-то топталась на месте вместо того, чтобы удрать под шумок. Ире удирать было нельзя; пришлось отодвигаться за рвущегося в бой Чернова в надежде, что начальница не заметит рядом с такими значительными фигурами скромную подчинённую.

— Я всё хочу спросить, — Наталья Петровна поправила рыжие локоны и любезно улыбнулась, — довольны ли вы новым секретарём?

Здрасьте, приехали... Ира встретила начальственный взгляд с вежливым равнодушием — или, по крайней мере, ей хотелось так думать. Самое время Верховскому вывалить все накопившиеся претензии, любой из которых хватит, чтобы прервать недолгий Ирин испытательный срок.

— Более чем, — заявил начальник магконтроля. Лица его Ира не видела, но готова была поклясться, что Верховский лукаво улыбается. — Порядка стало намного больше.

— Правда? — с легчайшим намёком на сомнение переспросила Анохина. — Я рада.

Она хотела ещё что-то добавить, но тут влез Чернов, которого вообще-то никто и не спрашивал.

— Пожалуйста, учтите в следующий раз, что нам нужен компетентный специалист. Сами понимаете, специфика требует высочайшего профессионализма...

Если б хватило духу, Ира огрела бы его планшетом. Ишь ты, «в следующий раз»! Ждать-то ему, может, и недолго, но каков хам!

— Костя шутит, — улыбнулся Верховский. — Ирина не даёт поводов для недовольства.

Что, съел, великий маг? Чернов злобно зыркнул на Иру, но смолчал. От Анохиной это, конечно, не укрылось — ну и ладно, важнее другое. Выходит, Зарецкий до сих пор ничего начальнику не сказал? Чего ждёт, интересно?

Всю дорогу до отдела Чернов распространял вокруг себя мрачные флюиды. Верховский не поддавался: вежливо здоровался со встречными, с кем-то перебрасывался словечком, с кем-то даже шутил. На коллективе

отсутствие начальника — а может, и Чернова, чёрт их разберёт — сказалось благотворно: из-за двери кабинета слышалось весёлое Оксанино щебетание и недружный смех.

— Отмучились, Александр Михайлович? — лучезарно улыбаясь, спросила Тимофеева, едва начальник вступил в свои владения.

— Думаю, на сегодня все отмучились, — Верховский сверился с часами. Ира такие прежде видела разве что на рекламных щитах в центре Москвы. Или у Павла Сергеевича. — Или что-то срочное есть?

— Всё в порядке, — доложил Старов.

— Удивительно, — процедил Чернов. Он пробрался за свой стол и сердито бросил в лоток с черновиками так и не понадобившийся отчёт.

Магконтроль дружно проигнорировал его дурное настроение. Андрей продолжил прерванную появлением начальника историю, наверняка интересную, если слушать с начала. Оксана, как всегда перед выходом, поправляла макияж. Ира бросила взгляд на собственное отражение в матовом чёрном экране. Сразу видно, что денёк выдался хлопотный... Впрочем, восстанавливать боевой раскрас уже незачем. Неряшливо заправив за уши выбившиеся из узла прядки, Ира забросила на плечо сумку и буркнула дежурное «до завтра». Ей ответил только Макс — остальные слушали Андрея и собирались по домам.

После прохлады вестибюля ударившая в лицо жара показалась невыносимой. Ира невольно притормозила на нагретых солнцем гранитных ступенях, беспомощно щурясь и вдыхая пыльный запах города. Вечером наверняка будет гроза — перед грозой всегда душно. Вот бы сейчас к бабушке, загорать в запущенном огороде или плескаться в мелком озерце за деревней...

— Привет, — застенчиво сказали поблизости.

Ира вынырнула из нектати нахлынувшей ностальгии и вернулась в изнывающую от духоты столицу. На крыльце в безжалостных лучах солнца поджаривался кто-то долговязый и нехорошо знакомый. Захотелось горестно застонать: три благословенных дня семейство Свириденко никак о себе не напоминало — и вот, пожалуйста!

— Привет, — Ира изобразила, как смогла, вежливую улыбку. Вот бы уметь, как Верховский, невозмутимо любезничать хоть с Анохиной, хоть с чёртом лысым! — Ты что тут делаешь?

— Тебя жду, — обрадовал Славик. Последняя наивная надежда, что его принесло в Управу за какой-нибудь бумажкой, истаяла, как льдинка на летнем солнышке. — Мне мама машину сегодня дала. Поехали куда-нибудь, погуляем?

Так стыдно Ире давно не было. Всю неделю она смахивала с экрана назойливые сообщения, изредка отговариваясь тем, что страшно занята, но, как показывает практика, бесконечно бегать от проблем не получается. И притом проблему эту навесила на неё Анька, чтоб ей пусто было! Бедняга Свириденко виноват меньше всех, но всё равно почему-то не получается на него не злиться.

— Э-э-э... Мне, вообще-то, надо... — да какая разница, что именно — лишь бы убраться поскорее от Управы! — У мамы сегодня смена, мне надо папу накормить...

— Жалко, — искренне огорчился Славик и утёр рукавом вспотевший лоб. — Ну, давай тогда домой подвезу?

— Не надо, — мякнула Ира и принялась лихорадочно сочинять предлог, однако тут за спиной в очередной раз клацнула дверь.

— О... До завтра, Ир, — Оксана медово улыбнулась и скользнула взглядом по расстроенному Свириденко.

Досада комком подкатилась к горлу. И чего Тимофееву принесло именно сейчас? Вроде бы и плевать, что она там себе думает, но лучше б она увидела Иру с кем-нибудь классным, а не с нелепым сыночком Татьяны Ивановны! Да и сама Ира с красавицей Оксаной никакого сравнения не выдерживает, хотя это и к лучшему... Что за ерунда лезет в голову!

— Пока, Ксюш, — тихо отозвалась Ира, разглядывая блестящий на солнце гранит.

Тимофеева тряхнула идеальными локонами и, покачивая бёдрами, продефилировала к парковке. Ладно ещё Оксана, но ведь сейчас потянутся остальные, и Макс в том числе!

— Пойдём отойдём куда-нибудь, — пробормотала Ира, прислушиваясь к усиливающемуся шуму за спиной. Хватать Свириденко за руку не хотелось категорически. — Здесь сейчас народ повалит.

— Ага, — покладисто согласился Славик и следом за Ирой спустился с крыльца на не менее раскалённую брусчатку. — Я вон там встал, в переулке. Правда, наверное, сейчас пробки...

— Точно, — Ира с облегчением ухватила за предлог. Странное дело: как легко было сказать про Аньку и как невозможно сейчас про себя, хоть это всё и дурацкое недоразумение! — Я лучше на метро...

Хуже было почти что некуда, однако тут в дверях Управы показалась Сафонова собственной персоной. Свириденко её, разумеется, заметил и даже приветственно помахал. Аньку с крыльца как ветром сдуло. Впрочем, Славик, к Ириному ужасу, не спешил мчаться следом.

— Хорошо, что это были просто чары, — с пугающей непосредственностью заметил он. — Ты мне сказала, я

как-то задумался, ну и вот... Я, знаешь, и сам подозревал, что тут что-то такое. Она же мне никогда не нравилась.

— Да? — растерянно брякнула Ира и подвинулась на шаг ближе к парковке. Оттуда всего пара метров до пешеходного перехода, а там до сквера рукой подать...

— Конечно, — заверил Славик, глупо улыбаясь. — Жалко, что мы так долго не виделись. Мама вообще не очень... То есть у неё всегда дел полно...

Ира буркнула что-то сочувственное, не вслушиваясь в никому не нужные оправдания. И так понятно, что старшая Свириденко не жалуется семейству Шаповаловых; лучше б она донесла это до сыночка подходчивее. Двери в очередной раз распахнулись, выпуская, в числе прочих, Бармина, Старова и Зарецкого. Ну, по крайней мере, Свириденко не тянет на влиятельную персону, заинтересованную в страшных тайнах магконтроля! Ира ещё чуть-чуть отступила к забору парковки.

— Слушай, — нет, сегодня точно не время рассказать про чары. Только не здесь и не сейчас! — Давай лучше в выходные? Мне правда пора...

Андрей махнул коллегам и бодро почесал к скверу. Если б Ира знала, что Бармин ездит на метро, а около Управы караулит Славик, подождала бы пару лишних минут в кабинете... Хотя нет, это выглядело бы неловко.

— А когда? — уточнил настырный Свириденко, хмуря куцые брови. Он напористо шагнул ближе и то ли намеренно, то ли случайно перегородил путь к отступлению; теперь если удирать, то только к Управе.

Старов, проходя мимо поднятого шлагбаума, бросил в Ирину сторону любопытный взгляд. Зарецкий кивнул приятелю на прощание и свернул к будке охраны, торчавшей в полудюжине шагов от переступающего с ноги на ногу Славика. Случайно или всё-таки что-то подозревает?

— Не знаю, — промямлила Ира. Поди тут сообрази что-нибудь дельное! — Мне надо... У мамы, наверное, есть какие-нибудь планы... Я... я вечером напишу, ладно?

— Ты так говоришь, как будто не хочешь видеться, — убийственно честно сказал Славик. И ведь не обойдётся его, сама себя загнала в угол! — Это из-за Ани?

— Нет! — Да! Всё из-за недотёпы Сафоновой с её приворотным колечком! Ира с огромным трудом заставила себя посмотреть Славика в глаза; всё лучше, чем пытаться угадать, куда пошёл Старов и что нужно Зарецкому. — Я побегу, ладно? Время уже...

Свириденко не двинулся с места. Должно быть, мама наказывала быть настойчивым. Или просто приучила получать всё желаемое по первому требованию.

— Я зря ехал, получается, — недовольно, почти зло констатировал Славик. И машину у мамы зря выпрашивал, ага...

Ира сделала попытку его обогнуть, лопоча какие-то извинения, однако Свириденко, не будь дурак, проворно шагнул в ту же сторону. Длиннопалая ладонь неуклюже, но неприятно цепко легла ей на плечо. Ира поёжилась. Вряд ли он сделает что-то противозаконное у самой Управы... Ведь не сделает?..

— Ирин, — Зарецкий возник за спиной Славика, как чёрт из табакерки. — Ну что, до метро подвезти?

Чего это он?.. Свириденко моментально отпустил её и прянул в сторону, боязливо косясь на контролёра. Путь к свободе открыт! Более того — Зарецкий намеренно отогнал назойливого ухажёра; понять бы ещё, за каким лешим... На Иру он даже не смотрел — пристально разглядывал растерявшегося Свириденко. Подыграть и согласиться значит попасть прямоком в лапы к врагу, отказаться — остаться один на один с непонятным Славиком и вдобавок навлечь на себя какие-нибудь новые подозрения. Вот и выбирай из двух зол меньшее!

Задумавшись на мгновение, Ира обречённо кивнула.

— А-ага...

Разом переставший быть страшным Свириденко глядел тоскливо, как обманутый щенок. Ира виновато ему улыбнулась, буркнула что-то насчёт радости встречи и едва ли не бегом бросилась к шлагбауму. Шагавший рядом Зарецкий оглянулся обманчиво рассеянно; на самом-то деле наверняка следил за каждым движением бедняги Славика, с него станется.

— Он не опасный, — тихо сказала Ира.

— Он вёл себя агрессивно, — заметил контролёр.

— Нет, просто... — Ира замялась. С одной стороны, Зарецкого следовало поблагодарить хотя бы за беспокойство, с другой — очень хотелось поскорее распрощаться и рвануть-таки к привычной тропинке через сквер. — Он безобидный, но всё равно спасибо. Я пойду...

— Легенду надо разыгрывать до конца, — контролёр усмехнулся и остановился рядом с приветственно моргнувшей поворотниками машиной. — Считай, что это в качестве извинений.

— За что? — брякнула Ира и тут же мысленно себя отругала. Меньше всего хочется выяснять отношения здесь и сейчас, но слова с языка уже сорвались.

— За поспешные выводы, — прямо сказал Зарецкий. — Факты красноречиво говорят в твою пользу.

— Это какие?

— Разные. Залезай, — контролёр, сама любезность, гостеприимно распахнул пассажирскую дверь. — Что, поклясться в отсутствии дурных намерений?

Ира помотала головой. Вот уж человек настроения! Вернее, даже не настроения; там, где у нормальных людей чувства, у него умозаключения. Решил с чего-то, что секретарша чиста перед магконтролем, и перестал плевать ядом. Надолго ли?

Свириденко так и маячил за забором парковки. Если сейчас рвануть-таки пешком, догнать, может, и не станет, но точно поймёт, что дело нечисто. Ира виновато вздохнула. Намудрили они, конечно, с Анькой! Чёрта с два она теперь станет доверять подруге по части заговоров, но с тем, что уже сотворили, как разобраться?.. Соседняя машина неторопливо отползла с парковочного места; топтаться у всех на виду становилось попросту глупо, и Ира, скрепя сердце, уселась в неожиданно прохладное кресло. Должно быть, днём сюда падает тень от зданий, иначе за девять часов все машины на парковке превращались бы в душегубки. Зарецкий вытащил из-под стекла выцветший квадратик с эмблемой Управы и заменил таким же новым. Пару недель назад Ира поверила бы, что он совершенно случайно озаботился сроком действия пропуска именно сегодня.

— Что это за тип? — бесцеремонно спросил контролёр, пристёгивая ремень.

Ира спохватилась и тоже щёлкнула пряжкой.

— Знакомый, — уклончиво ответила она. А почему бы и не признаться? Зарецкий неплохо разбирается в теории магии, вдруг подскажет что-то полезное? — Долгая история, но... В общем, на нём приворот.

— Ничего подобного, — спокойно возразил Зарецкий. Тихо урча двигателем, машина медленно двинулась к штагбауму. — Ты что, людей под приворотом не видела? Они себя так не ведут.

— В смысле? — бестолково переспросила Ира.

Как это «ничего подобного»? А как же все эксперименты Сафоновой? Неужели заботливая маманя постаралась и отвела сынулю к грамотному колдуну? Но тогда не объяснить, откуда взялась новая симпатия. Ну да, к Аньке Славик рвался куда как настойчивее, и ещё она говорила, что деться никуда не могла от постоянных звонков и сообщений. Но ведь это вполне может быть из-за того, что кольцо сработало убийнее слепого заговора. Ведь сработало, и ещё как, а вот на Зарецкого совсем не подействовало...

— В прямом, — за окном мелькнуло и пропало расстроенное лицо Свириденко. Зарецкий свернул на запруженную машинами улочку и прибавил газу. — Там другие симптомы, более выраженные и... иного характера. Нет на нём никакого приворота. Тебе куда, до кольцевой?

До кольцевой — это даже слишком шикарно, минус лишняя пересадка. Поток двигался, хоть и не стремительно; пожалуй, выйдет быстрее, чем идти пешком и перебежать потом по запутанным переходам. В каждом проезжающем мимо автомобиле чудился новенький белый седан Татьяны Ивановны; Ира отвернулась от окна и уткнулась взглядом в молчаливую бортовую электронику. Снаружи пыльная и очевидно не новая, изнутри машина казалась едва сошедшей с конвейера. Даже не из-за исправно горящих светодиодов или относительной чистоты в салоне. Знакомых автомобилистов у Иры было немного, но у всех за пару месяцев средство передвижения, новенькое или не очень, неизбежно обрастало миллионом мелких чёрточек, составлявших отпечаток личности владельца. Дурацкая подушка на заднем сидении, ворох квитанций в бардачке, да хоть «ёлочка» на зеркале — всегда есть какая-то ерунда, ненавязчиво подтверждавшая, что в железной коробке пару часов в день обитает человек. Здесь же — ничего, идеальный порядок, как на рекламном фото. Наверное, неудивительно, учитывая патологическую аккуратность хозяина. И всё равно как будто декорация, до жути реалистичная...

— Ближе не подъеду, — с сожалением констатировал Зарецкий. Машина прижалась к бордюру и замерла, вхолостую фырча двигателем.

— Спасибо, — вежливо сказала Ира, торопливо отцепляя ремень. Тут бы и сбежать, но кое-что ещё сказать надо, иначе получится попросту непорядочно. — Насчёт Свириденко... Вы его не трогайте, ладно? Он никакой не нелегал или что там ещё, просто...

— Просто считает допустимым проявлять агрессию, — хмыкнул Зарецкий.

— Да не агрессию! — отчаянно возразила Ира. Она ещё и фамилию сдуру назвала! Всё теперь, не миновать бедному Славiku проверки вместе с роднёй до седьмого колена. — Он просто такой, вот и всё.

— Хорошо, если так, — контролёр пожал плечами.

Ира вздохнула. Ну в чём можно подозревать подобного маменькина сыночка? В излишней самостоятельности? Так это Татьяне Ивановне беда, а любому нормальному человеку — естественное состояние...

— До завтра, — грустно сказала Ира, осторожно приоткрывая дверь. — И спасибо ещё раз.

— Не за что. Хорошего вечера, — прохладно отозвался Зарецкий.

Едва Ира захлопнула за собой дверь, машина заморгала поворотниками и сунула злобно прищуренную морду в соседний ряд. Ближайший вход в метро жадно заглатывал людские потоки между двух дорог, задыхающихся от жары и выхлопных газов. Ира поспешила нырнуть под ажурную зелёную арку, прежде чем оказаться сметённой

голкой, изливающейся из многочисленных дверей вокзала. Думать не хотелось. Ни о Свириденко, то ли зачарованном, то ли нет, ни о Зарецком, которого чары не берут, зато интересуется каждая собака, ошивающаяся рядом с Управой. Дышать в набитом поезде было нечем, пахло потом и металлом, но лучше висеть на поручне и терпеть тесноту, чем снова лезть в машину к кому-то из контроля. Ну их нафиг с их профдеформациями.

К папиному возвращению она успела. К тому времени, как знакомый до последней царапинки старенький «форд» занял привычное место под окнами, ужин ждал на столе, а по квартире весело гулял тайком впущенный в мамино отсутствие сквозняк. Папа ничего против не имел. Он вообще редко возражает. Особенно маме.

— Как день прошёл? — поинтересовался папа, бодро работая вилкой.

— Да ничего, — дежурно отозвалась Ира. Это, разумеется, значило «ничего хорошего» и чуть-чуть грешило против истины; всё-таки сегодня Верховский расщедрился на похвалу, а что касается Славика — Ира склонялась к тому, чтобы поверить Зарецкому на слово. Но и бабушке на всякий случай позвонить, конечно. — А у тебя?

Папа принялся рассказывать, перемежая бесхитростные рабочие истории комплиментами ужину. Ира слушала, улыбалась и тихо радовалась, что никто не лезет ей в душу. Идиллия длилась, пока не заскрежетал сердито ключ во входной двери. Маме кто-то испортил настроение, и держать горести в себе она не собиралась.

— Витя, убери ботинки на коврик, — рявкнула она вместо приветствия, чеканным шагом входя в кухню. Кухонный кран зло зашипел, вторя её тону.

— Я уберу, — с готовностью вызвалась Ира. Слушать про то, как мама что-то не поделила с начальницей или как ей наступили на ногу в автобусе, лучше предоставить папе.

— Нет, Ирина, ты останешься здесь, — отрезала мама. Путь к отступлению был закрыт. — Скажи на милость, где ты наткнулась на Татьяну Ивановну и чего ей наговорила?

— Ничего, — опешила Ира. Теперь уже папа, не выносивший скандалов, вздумал позаботиться о ботинках и ретировался в коридор. — Я её и не видела с воскресенья.

— Почему тогда она мне звонила с упрёками? — прокурорским тоном спросила мама.

Скомканное влажное полотенце шмякнулось на столешницу и сбilo солонку, оставив на рябом пластике неряшливую белую горку. Ира поспешно подняла баночку и вернула на место отскочившую крышку.

— А что за упрёки? — осторожно поинтересовалась она, сметая соль на ладонь.

— Она сказала, что ты недопустимо себя ведёшь! — объявила мама. — Что она от тебя такого не ожидала. И что ты должна перед ней извиниться.

— За что, интересно, — буркнула Ира. Стряхнув соль в слив раковины, она вернулась за стол и заставила себя отхлебнуть остывшего чая. — Её Славик меня сегодня поймал около Управы. Еле отделалась.

— Славик? — мамино строгое лицо удивлённо вытянулось. — Поймал тебя? Что значит «отделалась»?

— То и значит, — пробормотала Ира. Вот, значит, как: сынуля помчался напрямик под крылышко к Татьяне Ивановне — возвращать машину и ябедничать, а обманутая в лучших ожиданиях мамуля не преминула высказать всё, что думает, заклоутой подруге. Сколько лет, блин, прошло, а ни черта не изменилось! — Не понимают некоторые по-хорошему.

Не понимают и потому нарываюся на возмездие в лице злобного контролёра. Мама нехорошо прищурилась; подобное туманное объяснение её, разумеется, не устроило.

— Ирина, — угрожающе начала она. — Тебе не пять лет. Ты должна понимать, что хорошие отношения с некоторыми людьми...

— Результат твоих многолетних трудов, — вздохнула Ира. — Мам, мне Славик нафиг не сдался, пусть не лезет только.

Мамины брови сошлись к переносице, как стрелки на схеме сражения.

— Как это понимать?

— Буквально, — фыркнула Ира. — Не пойду я с ним никуда. Татьяна Ивановна может спать спокойно.

Мама проглотила назревающую тираду и изменилась в лице. Нет, не успокоилась, просто сменила направленность негодования. К худшему.

— Ира, — предгрозовым тоном проговорила она, — Слава тебя на свидание звал?

— Вроде того, — нехотя признала Ира. Честное слово, лучше б Зарецкий ошибся ещё разок — приворот хотя бы можно снять!

— И ты отказалась?

— Да, отказалась.

Мама глубоко вздохнула и уселась на ближайшую табуретку. Судя по выражению лица, вот-вот начнёт поучать.

— Дочь, — все самые неприятные разговоры непременно начинаются с этого слова, — это глупо. Слава Свириденко — очень, очень хороший вариант.

— Татьяна Ивановна тебе этого не простит, — не удержалась Ира.

— Ну и пускай, — мама упрямо нахмурилась. — Не разбрасывайся такими шансами. Тем более, мне казалось, он увлётся Аней Сафоновой...

— Это был приворот! — горестно простонала Ира.

Спасительный чай в чашке кончился, идти за новым надо мимо мамы. Из большой комнаты доносилась весёлая трескотня телевизора. Насколько проще с папой! Вот и Анькин отец в её личную жизнь не лезет...

— Сафонова пыталась зачаровать Славу? — мама нехорошо сощурилась.

— Это случайно вышло, — собрав остатки терпения, пояснила Ира. — Не говори только Павлу Сергеевичу, он рассердится.

— Разумеется, не скажу, — легко согласилась мама. Конечно, зачем, если и так всё складывается в её пользу? — Я так и думала, что без чего-то такого не обошлось. Аня — хорошая девочка, но простоватая. Ты у меня намного интереснее...

— Мам...

— Я знаю, что ты хочешь сказать, — отмахнулась мама. — Прислушайся лучше. В деньгах вы нуждаться не будете, а характер у мальчика очень удобный...

— Не надо мне удобных, — не выдержала Ира. — Свириденко в детстве был тюфяк и сейчас остался.

— А герой тебе зачем? — искренне удивилась мама. —хлопот потом не оберёшься. Подумай, Ириша, и дай мальчику шанс.

Она протянула руку и решительно захлопнула окно. Стёкла в раме задребезжали тоненько и тоскливо, будто заплакали.

Последняя предлетняя пятница худо-бедно набирала ход. Костик с самого утра объявил, что ему нужно привести дела в порядок перед началом дежурств, и на любой раздражитель реагировал, как бык на плащ тореадора. Ксюша не преминула бы этим воспользоваться, но злить Чернова было лень. Старавшийся на всю мощь кондиционер разгонял жару, но не нежелание работать. Тем противнее казалась стопка разномастных разрешений, в которую Ира всю неделю вносила посильный вклад. Пересиливая себя, Ксюша время от времени вытаскивала оттуда случайную бумагу, невнимательно вникала и изо всех сил пыталась быть справедливой. Выезд? Да пожалуйста. Специальное разрешение на практику? Ладно, так и быть. Просьба поселить водяного в прудике на заднем дворе? Ещё чего! Можно подумать, без этого забот у надзора мало...

Слабые духом разбежались кто куда, выискивая себе предлоги попримичнее. Макс пропадал в архиве, Андрюша — у ученых; последним сдался Мишка, объявивший, что ему кровь из носу надо наведаться в виварий перед трёхнедельным закрытием. Даже Верховского куда-то унесло; видимо, мрачные Костиковы флюиды просачивались под дверь логова. Не имевший привычки делать скидку на пятницу шеф с утра приволок устрашающего вида папку, сплошь обвешанную официальными печатями, всучил Ярику и непререкаемым тоном потребовал не выходить из Управы, пока всё не будет разобрано. Зарецкий послушно корпел над страшными тайнами; Костик попытался было на него рычать, но получил язвительную отповедь и теперь сохранял вооружённый нейтралитет.

Ксюша отложила очередную бумагу. За соседним столом Ира сосредоточенно что-то печатала; все черновские капризы она каким-то образом ухитрялась беспрекословно исполнять, оставляя злюку без поводов для придирок. Впрочем, Костика нынче покусал кто-то на редкость бешеный, потому что доставалось секретарше в двойном размере. За недостаточно строгую блузку, за взбрыкнувшую кофемашину, за луну не в том созвездии...

— Мне нужны календари, — заявил Чернов громко и сварливо.

— В шкафу стоят, — любезно напомнила Ксюша.

— Я знаю, где они стоят! — огрызнулся Костик.

Ира, потревоженная сердитым тоном, встрепенулась и отодвинулась от стола. Конечно, всему отделу делать нечего, кроме как по первому слову подносить Чернову всякий хлам!

— Вот и умница, — быстро сказала Ксюша. — Бери, нам не жалко.

Костик в ответ разразился гневной тирадой. На особенно проникновенном пассаже о потерянных драгоценных минутах Ирка не выдержала — сорвалась-таки с места. До шкафа, впрочем, не добежала: створки распахнулись ей навстречу, выпустив наружу целую дюжину пыльных альбомов. Переплетённые в плотный картон календари ровной стопкой грохнулись на стол перед носом у Костика, надёжно отгородив притихшего скандалиста от внешнего мира.

— Достаточно? — едко спросил Ярик и щелчком пальцев захлопнул шкаф.

— Не думаю, — донеслось из-за баррикады.

— Это заметно.

Костя сердито зашелестел переложёнными калькой страницами. От поднятой в воздух пыли хотелось чихать и першило в горле; достойный предлог, чтобы прогуляться к чайнику. Не работаете сегодня, хоть ты тресни! Вот и Ирка тоже оценила идею спонтанного чаепития — а может, решила воспользоваться случаем, раз уж выбралась с рабочего места. Ксюша отодвинулась, пропуская секретаршу к тумбочке.

— С шиповником неплохой, — посоветовала она, размешивая сахар.

— Спасибо, — кивнула Шаповалова и взяла с апельсином.

Ксюша хотела сказать ещё что-нибудь вежливое, но продолжить беседу ей не дали.

— Здесь нет графиков изменений фона! — громогласно заявил Чернов. — Где они? Кто брал?

— Кто угодно, — хмыкнула Ксюша. — Мишка, небось, уволок.

— Почему не предупредил?

— Сходи к нему в виварий, уточни, — Ксюша ласково улыбнулась. Чернов от злости глупеет, а глупый Чернов — это смешотворно.

Костик вскочил с кресла, шархнулся было к Мишкиному столу, но, оценив царивший там бардак, передумал громить чужое рабочее место. Ярик не глядя придержал стопку бумаги, которую Чернов едва не разметал полкой пиджака.

— У ученых такие точно есть. Попроси у них, — вполне себе миролюбиво посоветовал Зарецкий.

Костя недовольно оглянулся на него и, не говоря ни слова, выскочил из кабинета. Чай сразу стал вдвое вкуснее.

— Что за человек... — вздохнула Ксюша.

Ей никто не ответил. Два великих молчуна уткнулись в мониторы; воистину, некоторым никакая пятница нипочём. Ксюша одной рукой дотянулась до стопки прошений и взяла верхнее. Всем чего-то надо. Всем требуется высочайшее разрешение. Кто-то когда-то придумал, что государство должно знать о каждом чихе самого занюханного одарённого, а страдать теперь Ксюше...

Телефоны во всём кабинете призывно пикинули. Уже хватая трубку, Ксюша рассмотрела номер — горячая линия, надо же... Ну чему там приспичило случиться под конец недели?

— Магконтроль, Тимофеева, слушаю, — тон построже, не то на том конце провода полчаса станут собираться с мыслями.

— Здрасьте, оператор Соколова, срочное обращение, — скороговоркой посыпалось из трубки. Ярик встрепенулся и жестом попросил включить громкую связь; Ксюша повиновалась. — Туристы долго из леса не возвращаются, а там рядом полигон, местные волнуются...

— Адрес скажите, — перебила Ксюша.

Оператор Соколова судорожно клацнула мышкой и назвала. Ярик едва слышно выругался, Ксюша сдержалась, хотя тоже подмывало. Если надзор пропустил в свою богадельню для нежити простых обывателей, а то и вовсе минусов, у Верховского появится повод бить копытом и изрыгать пламя, но это будет потом. Сейчас надо заткнуть трещащую, как сорока, операторшу и мчаться выяснять обстановку. Ксюша стряхнула под столом офисные туфли и нашарила припасённые заранее удобные ботинки. Хорошо, что она сегодня в брюках...

— Чёрт, я там не был никогда, — процедил сквозь зубы Ярик, разглядывая карту.

— Тебе шеф уходить запретил, — напомнила Ксюша. Не слишком напористо. Вдвоём, в конце концов, всегда проще.

— Переживёт, — Зарецкий наскоро собрал документы в папку, вернул на место печати и запихнул секретку в сейф. — У тебя аптечка далеко?

Ксюша молча выдвинула ящик стола и продемонстрировала пластиковый чемоданчик с эмблемой Управы. Ярик одобрительно кивнул.

— Поехали, — велел он, хватая за лямку рюкзак.

— Сейчас, ключи найду...

— Зачем?

И правда, зачем? Ксюша запихнула аптечку в сумку, мазнула взглядом по общему столу, где среди хлама наверняка прятались ключи от машины, и вскочила на ноги. Рассчитанные на высокий каблук светлые брюки подметали пол; надо будет закатать перед пробежкой по лесу.

— Остаёшься за главную, — зачем-то бросила Ксюша Ире. Та подняла взгляд от монитора и тут же вновь опустила.

— Удачи, — тихо сказала Шаповалова своей клавиатуре. И на том спасибо.

На пустынной парковке пеклись в солнечных лучах глянцево блестящие крыши машин, преимущественно тёмные. Ксюша, проходя мимо, тоскливо оглянулась на Вишенку — яркое пятнышко среди чёрно-сине-серого однообразия. Не сейчас, миленькая; по буеракам пусть лучше Ярик подвеску убивает. Швырнув сумку на заднее сидение, Ксюша пристегнулась, чуть подвинула кресло и поинтересовалась:

— Какие будут указания?

— Координаты вбей, — Зарецкий лихо вырулил в проезд и моргнул фарами зазевавшемуся охраннику. Шлагбаум резво пополз вверх. — И запроси у оператора контакты звонивших, будем связываться напрямую.

Ксюша кивнула, плечом прижала к уху телефон и принялась возиться с навигатором. Точно всё равно не получится, пока не удастся созвониться с заявителями, ну так для начала надо хотя бы выехать из Москвы. Дождаться, пока операторша сообразит, что к чему, и пришлёт информацию; набрать бдительной тётушке, выслушать сбивчивый рассказ, успокоить и попросить ждать через...

— Полчаса, — прикинул Ярик, бросив взгляд на карту. Компьютер оценил дорогу в пятьдесят минут, но он-то рассчитывал на нормального обывателя, торопящегося разве что на дачу.

— Полчаса, — повторила Ксюша в трубку. — Пожалуйста, звоните на этот номер, если что-то вспомните или узнаете.

Немолодая женщина в ответ нервно рассыпалась в благодарностях. Загулявшие туристы приходились ей какой-то не очень дальней роднёй и явились из Москвы отдохнуть на природе. Парень — слабенький колдун, и девушка — вовсе минус. Лучше, чем двое минусов, но всё равно...

— Должны были знать, что там полигон, — проворчала Ксюша, сбросив наконец вызов. — Если не тётка эта, то парень. Зря, что ли, надзор свои брошюрки печатает?

— Выходит, зря, — хмыкнул Зарецкий, закладывая крутой поворот. Навигатор, предполагавший совсем другую дорогу, пожаловался на смену маршрута.

— Штрафов нахватаешь, — заметила Ксюша. Пролетающие мимо знаки требовали ползти в полтора, а то и в

два раза медленнее.

— Да, в июне и в декабре всегда солидно выходит, — согласился Ярик.

— Мишка потом возвращает. Надо доказать, что был при исполнении, какая-то форма особая есть...

— Да ну, время только тратить.

Телефон вновь разразился пронзительной трелью. Ксюша взглянула на экран и поморщилась: звонили из надзора.

— По поводу третьего полигона! — затараторили в трубку сразу после скомканных приветствий. — Объект при обнаружении не уничтожать! Не уничтожать! Обездвижить и вызвать по персональной связке дежурного сотрудника надзора! Это приказ!

— Да чтоб их! — зло процедил Ярик. — Сами упустили, а мы теперь мучайся...

— Ну, если оно примется нас убивать, присяга не сработает, — вздохнула Ксюша. — Как думаешь, что там такое?

— Чёрт знает, — Зарецкий вырлил на прямое полупустое шоссе и вдавил в пол педаль газа. — На полигонах опасное не держат, но время-то...

— На третьем, кажется, сухопутная всякая шушера.

— Точно.

А это значит — почти всё, что угодно. Ксюша мельком глянула на проносящиеся мимо высотки и принялась методично губить собственный элегантный облик в угоду удобству. Стянула на затылке волосы, сняла кольца, осторожно, чтобы не впечататься головой в бардачок, нагнулась закатать брюки. На глаза попался приставший к коврику длинный светлый волос. Надо же, Ярик и на подружек время находит... Но в ближайшие три недели — простите, дамы, работа вне конкуренции.

В обещанные полчаса они уложились. Бдительная тётка с мужем ждали в чистом поле, у кромки густого мрачного леса; к контролёрам чета бросилась, как к родным, стоило только вылезти из машины. Ксюша для порядка показала удостоверение, Ярик тоже махнул корочкой.

— Куда примерно ушли, не знаете? — поинтересовался Зарецкий, окидывая взглядом негостеприимную лесную громаду.

— Да к озеру хотели, есть там одно, — мужичок взмахнул руками, пытаясь обозначить не то размер водоёма, не то направление.

— На карте покажите.

Супруги склонились над протянутым телефоном. Женщина сориентировалась быстрее.

— Вот тут, — она ткнула пальцем в экран. — Я до леса-то их проводила, сказала дальше по синей разметке идти...

Ксюша заглянула ей через плечо. Далековато от полигона. Либо неведомая тварь сбежала от надзора пару дней назад, либо она крайне шустрая, либо... Либо нежитью тут и не пахнет, а парочка попросту заплутала в незнакомых лесах. Это самый лучший исход, даже если Верховский потом устроит выволочку.

— К лесу не приближайтесь, — распорядился Ярослав, пряча телефон в карман. — Вам лучше вернуться в посёлок. С вами свяжутся.

— В течение часа, — уточнила Ксюша. Часа ведь хватит? Должно хватить...

— Возьмите, — тётушка протянула ей аккуратно сложенную тряпочку. Шёлковый шарфик. — Это Настенькин... Вдруг поможет...

— Поможет, — заверил Зарецкий. — Ксюш, идём.

Синяя разметка начиналась вместе с тропкой, уводящей в глубь тёмной чащи. Мощные сосновые корни тут и там торчали из земли, перегораживая и без того не слишком удобную дорожку; не прогулка, а полоса препятствий. Додумались же городские гости отправиться приобщаться к природе именно сюда! И как хорошо, что каблуки остались в офисе...

— Давай сюда, — Ярик протянул руку, и Ксюша безропотно передала ему комок ткани. Зарецкий прикрыл глаза, сосредоточиваясь на тряпочке, которая, если повезло, хранила ещё память о хозяйке. — Н-да... Прыгнуть не выйдет, но направление примерно понятно. Пробежаться сможешь?

— Ага, — Ксюша осторожно кивнула. Она уже догадывалась, что ближайший час вряд ли будет лучшим в её жизни.

Бежать через сосняк, ещё и в городских ботинках вместо кроссовок — удовольствие ниже среднего. Из-за полуденной жары тяжело дышать, а тут ещё и коряги, так и норовящие выскочить прямо под ногами... А Ярику хоть бы хны — знай себе несётся сломя голову, не хуже спортсмена Мишки. Время от времени он останавливался, чтобы свериться с направлением, и Ксюша тайком радовалась передышкам. Не признаваться же, что устала!

— Тут где-то, — наконец негромко сказал Зарецкий.

— Мы... далеко?.. — Ксюша кивнула в ту сторону, где в её представлении должен был быть полигон.

— Порядочно, — Ярик шагом двинулся дальше. Вряд ли запыхался, скорее, изучал местность. — Прохладно тут...

Точно. И солнца не видно за густыми сосновыми кронами. Это, наверное, хорошо... Только неправильно. Сейчас полдень, а на небе с утра не было ни облачка. Ксюша судорожно сглотнула, успокаивая пересохшее горло. Кто там у нас способен напустить холоду?..

— Потеряешь меня из виду — сразу зови, — тихо попросил Ярик.

— Думаешь, глаза отводит?

— Почти наверняка. Слышишь?

Ксюша наострила уши. Пока Ярик не сказал, она не слышала ничего, кроме их разговора и собственного шумного дыхания; теперь же где-то впереди сквозь душную тишину прорезался тонкий испуганный крик. Он то возникал, то пропадал, как радиопомехи, и, странное дело, становился только глуше, хотя с сокращением расстояния должно было быть наоборот.

— Ко-о-о-о-ля... — жалобно звала девушка, почти наверняка — хозяйка платка. — Ау-у-у... По-мо-ги-и-и...

— Можешь прыгнуть на голос? — шепнула Ксюша.

— Здесь? Нет.

Холод густел. Шли быстро, но пейзаж вокруг, как в ночном кошмаре, почти не менялся, а далёкий аукающий голос слышался теперь отовсюду. Морок, без сомнения; а значит, и нежить, только какая? Явно не русалки...

— Тень, — негромко сказал Ярослав, и Ксюша, подумав, кивнула. Да, пожалуй, похоже. Вот только... — На полигоне таких не держат. Пришлая.

— Точно. И сжечь нельзя...

Почему не слышно парня? Неужели тварь до него уже добралась?.. Да нет, тогда бы бросила охотиться. Снова закричала, зовя на помощь, девушка. Или тень?.. Ярик решительно взял левее, хотя звали вроде бы справа.

— Нам не в другую сторону?

— Нет.

Ещё с десятков метров — и из ниоткуда послышался шум нетвёрдых шагов, отдающийся в пустоте эхом, как в гулком зале. Кто-то тяжело и хрипло дышал; парнишка-колдун, если это был он, оказался умницей и хранил молчание. Вот девочке своей объяснить забыл...

— Стоять, — приказал Ярик. От звука его голоса Ксюша невольно вздрогнула. Коллега либо каким-то образом уверился в правильности догадки, либо безрассудно рисковал. — Контроль, офицер Зарецкий. Ответьте.

Шаги стихли, далёкий крик — нет. Да, нежить наверняка где-то не здесь, но всё равно заговаривать вот так с хищной пустотой... Кто покусал всегда осторожного Ярика?

— О-офицер, — неуверенно отозвались неподалёку. Ксюша завертела головой, пытаясь обнаружить говорившего. — Офицер Зарецкий... Я здесь... Не вижу вас...

— Оставайтесь на месте. Отвечайте мне, — приказал Ярик. Оглянулся на Ксюшу, прежде чем вновь двинуться вперёд. — Осторожнее, не отставай.

Ксюша не отставала. Колдун покладисто отзывался, не забывая обращаться лично к офицеру Зарецкому, до тех пор, пока не возник из ниоткуда между соснами. При виде контролёров парнишка выдохнул с облегчением; выглядел он неважно — встрёпанный и бледный, на щеке ссадина, к рукаву клетчатой рубашки прицепился невесть откуда взявшийся репей. Не дожидаясь подсказки, Ксюша полезла за аптечкой. Как минимум, успокоительное тут точно лишним не будет.

— Николай, верно? — улыбнулась она, откупоривая пузырёк. Колдун судорожно дёрнул головой. — Офицер Оксана Тимофеева. Вот, пожалуйста, выпейте.

— Оксана, спасибо, — паренёк послушно проглотил снадобье и вернул мерный колпачок. — Я никак не могу найти... Настя, она... Не знает, что надо молчать!

— Вам придётся идти с нами, — непререкаемым тоном распорядился Ярик. — Пока не нейтрализуем тень, выбираться самостоятельно опасно. Ксюш, держитесь сзади, но сильно не отставайте. При малейшем сомнении — зови.

Мог бы и не напоминать. Ксюша на всякий случай взяла дрожащего колдуна за предплечье. Теперь шли быстрее, почти бежали; Ярик нервно комкал шарф и уверенно выбирал дорогу, несмотря на чертовщину со звуками. Николай дёргался каждый раз, слыша отчаянное аukanье, но не вырывался и особых хлопот не доставлял. Всегда бы жертвы нежити так себя вели... Ксюша в очередной раз окинула взглядом одинаковые сосны и вздрогнула: в полусотне метров от них скользила меж деревьев человеческая фигура, точь-в-точь похожая на колдуна. Наверняка даже репей на месте; не хватает чего-нибудь другого: зрачков, зубов, голоса... У тени всегда есть изъян, от которого не избавиться, чей бы облик она ни позаимствовала.

— Ярик... — шёпотом позвала Ксюша и крепче стиснула руку подопечного.

Зарецкий кивнул, давая понять, что слышит. И видит. И знает, что делать. Не пытаюсь больше скрываться, он

широкими шагами помчался — нет, не наперерез лже-Николаю, а туда, куда двигалась тень. Где-то там, очевидно, плакала в отчаянии девушка-минус; теперь, когда лакомую добычу увели из-под носа, нежить польстилась на то, что осталось.

— Николай, сможете бежать? — осведомилась Ксюша, прислушиваясь к собственным напряжённым мышцам.

Колдун самоотверженно кивнул. Что ж, сам согласился. Не выпуская его запястья, Ксюша перешла на бег. Всё как по учебнику, никаких ошибок они до сих пор не сделали, но тревога не отпускает. Хорошо, что они хотя бы вдвоём, одна Ксюша точно не справилась бы...

Тень вынырнула из-за деревьев в точности там, где должна была. Колдун охнул и сбился с шага; Ксюша поддержала его, не давая упасть. Шутка ли — увидеть злобную копию самого себя! Какая у твари примета? На лице вроде всё на месте... Умница Ярик, не теряя времени, хлестнул гадину чем-то забористым; тень, защищаясь, вскинула руки. Вот оно как — на обеих ладонях недостаёт мизинцев. Поди разгляди в пылу драки!

— Коля! — отчаянно взвизгнул тоненький голосок.

Вон она, девчонка, сжалась в комок у подножия огромной кривой сосны! Вряд ли видит настоящего Николая, а ненастоящий пятится перед методично наступающим Зарецким. Ксюша потянула колдуна правее, в обход завязывающейся схватки.

— Николай, вам нужно успокоить девушку и проследить, чтобы ничего не случилось, — торопливо объясняла она. — Ваша задача — не сходить с места и... а, чёрт!

Уходя от брошенной наудачу сети, тень резво отпрыгнула и оказалась почти что у них на пути. Ксюша попятилась и неряшливо махнула рукой, не столько надеясь поймать тварь, сколько защищая себя и подопечного; яркие язычки пламени вхолостую полыхнули в воздухе.

— Нельзя! — рявкнул Зарецкий, перекрывая тоненький скулёж напуганной девчонки. — Уводи людей!

Тень хищно ослабилась и ринулась ему навстречу. Заговорил, дурак! Ксюша не выругалась вслух только потому, что сама слишком хорошо знала правила. Сеть у неё получилась плохонькая, но делать как следует некогда — надо спасать коллегу. Светящиеся алым призрачные нити мазнули тень по плечу; она мельком обернулась, ощерила крепкие белые зубы, и всклоченную башку тут же накрыла другая сеть, золотистая. Ярослав, чтоб его черти взяли, не собирався сдавать в утиль свободу и волю к жизни.

— Настя! — каркнул вдруг колдун.

Девчонка, про которую все позабыли, с воплем «Не трогайте Колю!» зайцем бросилась между тенью и Зарецким. Ксюша едва успела ухватить за рукав рванувшего на помощь колдуна.

— Николай, вы хоть не мешайте!

— Настя... Оксана, простите, я...

Тень, не будь дура, заминкой воспользовалась. Миг — и на месте рослого мужчины возникла щуплая девушка. Пока Ярик отмахивался от её близнеца, тень выскользнула из-под растерянно опавшей сети. Удерёт ещё, паршивка! Ксюша послала ей наперерез вытянувшийся хлыстом язык пламени. Ну, надзор, век не расплатитесь за дебилские распоряжения!

— Ксюш, забери! — крикнул Ярик.

Левой рукой он придерживал за плечо притихшую Анастасию. Обалдевшая девчонка таращилась во все глаза на мечущуюся меж деревьев копию. Никуда не шарахается — и на том спасибо...

— Оксана, давайте я! — колдун храбро выдвинулся вперёд. Его подружка обернулась на голос, истерически охнула. — Настя, стой на месте, молчи, слушайся этих людей!

Ксюша сердито его окликнула. Руки, как назло, заняты, а этот тип всерьёз собрался помогать! Благо тут всего с десяток шагов — или больше?.. Безликий лес дрогнул, подёрнулся белой дымкой. Ксюша закрыла глаза ладонями, защищаясь от недобрых чар. Голоса стали тише, смешались в невнятную какофонию, смолкли. Это ничего, это всего лишь морок; плевать, что никого не видно — все здесь, рядом, надо только аккуратно выйти из ненастоящего пустынного леса...

— Настя!..

Справа? Слева? Чёрт его пойми, но идти надо вперёд, это Ксюша точно помнит. Понесло же идиота геройствовать! Где-то рядом хищно шипит тень; злится, должно быть, что добычу увели из-под носа...

— Ах ты...

Вспыхнуло, как будто резко включили свет. Нет, всего лишь солнце прорвалось сквозь морок! Зачем тварь его сняла?.. Вон она, у корявой сосны; держит четырёхпалой рукой воротник клетчатой рубашки. Колдун! Попался-таки, несчастный... Неужели — всё?

— Ксюш... Забери... девочку...

Ярик прижимает к лицу ладонь, словно пытаясь унять головокружение. Девушка в ужасе прячется за него; она, бедняжка, совсем ничего не понимает... Один за другим — двенадцать шагов; ладонь у Насти маленькая и липкая от пота. Ксюша неестественно ровным голосом втолковывает девушке, что надо молчать и слушаться указаний. Та

механически кивает и вряд ли слышит.

Тень зарябилась, вновь меняя обличье. В смазавшихся чертах Ксюша на миг с отвращением различила свои собственные. Нет, голубушка, так не обманешь... Да она и сама знает; бросила Ксюшин облик, принялась лепить из себя своего врага. Зарецкий шагнул навстречу двойнику; Ксюше показалось, что как-то нетвёрдо. Неужели выдохся? Он-то?

— Оксан, зови надзор, — глухо приказал Ярик.

Да кому они нужны, тетери глухие... Ксюша со злости позвала обоих знакомых ей дежурных. Будут ещё минут пять суетиться, прежде чем сюда доберутся. Сколько их там в надзоре хотя бы с четвёртой категорией? Двое? Трое? Один Мишка был бы полезнее всей полусотни дорогих коллег, но со Старова станется прихлопнуть тварь, не разбираясь, и угодить под нарушение присяги... Ксюша вскинула руки, готовая если не помочь, то отвлечь, однако тень и тут спугала карты. Нежить плотоядно оскалилась — Ксюша поёжилась при виде искажённого злобой знакомого лица — и кинулась врукопашную.

Девчонка за спиной испуганно всхлипнула. Тень угадала верно: хуже не придумаешь! Ну и кого теперь лупить заклятиями? Как хотя бы понять, кто кого схватил за горло или ударил в челюсть? Поди сосчитай пальцы в мелькающих кулаках...

— О-о-ох, твою ж...

Явились! Аж трое сразу — почитай, вся надзорская элита. Все обвешанные колдовскими железками, как новогодняя ёлка — гирляндами. Таращатся на схватку не хуже, чем перепуганная Настя — на них самих. Ну, втроём-то осияют как-нибудь изрядно помятую тварь!

— Василий, приступайте, — зло бросила Ксюша ближайшему из надзорщиков. — Это тень, узнать можно по четырём пальцам на руках. Ярик, бросай её!

Коллега последовал совету буквально. Отброшенная безыскусным силовым ударом нежить шмякнулась спиной о ближайшую сосну и недовольно заворчала. Надзорщики не сплеховали: разбежались в разные стороны и пригвоздили теряющую человеческий облик тень к стволу сразу тремя сетками. Ксюша, вымещая злость, прибавила сверху ещё свою. Так-то, зараза, подёргайся теперь!

— Она сытая, — хрипло проговорил Ярик и мотнул головой, будто отгоняя назойливую мошкору. — Осторожнее.

— Вась, может, того? — неуверенно спросил один из надзорщиков. — Прибьём, и дело с концом? Не наша же...

— Нет, Володь, приказ. Попрём на полигон, куда деваться...

Вот и пусть возятся. Буксируя за руку истерически всхлипывающую Настю, Ксюша решительно приблизилась к коллеге.

— Ярик, ты чего?

— Ничего, жить буду.

— Зарецкий, ты хоть сейчас меры предосторожности соблюдай! — не выдержала Ксюша. — Я всё понимаю, ты везучий...

— Я везучий? — раздражённо процедил Ярик. — Тебе бы так... везло...

— Всё, ребятки! — на весь лес гаркнул Василий. — Спеленали, можете болтать, сколько влезет!

— Надо ещё посмотреть... — Ксюша запнулась о слово «жертва» и судорожно сглотнула. — Вдруг ещё не...

— Уже, — безжалостно перебил Зарецкий. — Коллеги, поможете с... транспортировкой?

— Как не помочь, — растерянно протянул дюжий Володя. — Девушка, не смотрите туда, не надо...

Ксюша с чистой совестью выпустила ладонь подопечной. Вот и прекрасно, пусть надзор сам разбирается... Если бы не их идиотский приказ, всё бы обошлось. Наверняка обошлось бы! Верховский устроит скандал, и поделом... Или не устроит, ведь тень не с полигона сбежала... Слушать, как Василий путано что-то объясняет, а выжившая девочка-минус жалобно пищит ему в ответ, нет никаких сил.

— Пойдём, — тихо попросила Ксюша, и Ярик не стал возражать.

Треклятые сосны, хоть с мороком, хоть без, всё равно одинаковые. Паршивое местечко, ни капли не живописное, не привлекательное ничем! За каким лешим колдун потащил сюда свою... кто она ему? Подруга, девушка, сестра? Какая теперь разница... Ксюша до боли прикусила сухую губу.

— Он умер, — тихо сказала она.

Ярослав поднял взгляд от тропы — вернее, от пыли, перемешанной с прелой хвоей. От запаха разогретой солнцем смолы першило в горле.

— Да, Ксюш, умер.

Простые слова, бесцветный тон — и почему-то страшнее, чем всхлипывания оставленной на попечение надзорщиков девушки. Наверное, потому, что Зарецкому Ксюша верила. Он не говорил бы, если б не был уверен...

— По-дурацки всё, — грубовато сказала Ксюша. Ярик не спешил её одёргивать, и она через силу продолжила,

сама не зная, зачем: — Так хорошо себя вёл... Слушался, правила все соблюдал... Как так вышло-то?

Зарецкий прерывисто вздохнул. В душном мареве будто бы почти не осталось кислорода. Едва-едва миновал полдень; самое время для нежити.

— Как всегда бывает, — Ярик терпеливо объяснял очевидное. Зачем? — Не заметил, случайно наткнулся, заговорил...

— Ты тоже заговорил, — возразила Ксюша. Получилось почему-то обиженно, хотя чего тут обижаться? Радоваться надо, что коллега жив-здоров. — И ничего, отбился...

Ярослав мрачно усмехнулся.

— Я очень сильно не хочу умирать.

Никто не хочет. Ни выбравшиеся погулять дачники, ни надзорщики, не способные подойти к нежити без килограмма артефактов, ни даже сама нежить, хотя ей-то куда уж дальше... У кромки леса никого уже не было — и хорошо. Как сказать взволнованной родне, что они не справились? Тётушка ведь всё сделала правильно, забеспокоилась, позвонила в Управу... Да и магконтроль упрекнуть не в чем, всё шло как надо, кроме одной досадной случайности. А кто тогда виноват?

В машине было душно и пахло разогретым пластиком. Ксюша пристроилась на краешке нагретого солнцем пассажирского сидения, потянулась к бутылке с водой — тоже отвратительно горячей. Ярик рухнул в водительское кресло, бессильно уронил руки на руль и уткнулся лбом в сгиб локтя. Ему плохо, физически плохо, а помочь почти что нечем — разве что укрепляющей настоечкой из дежурной аптечки...

— Зацепило-таки? — виновато спросила Ксюша, дивясь собственной недогадливости. Чем конкретно тени мучают людей, она запомнила, но, по большому счёту, какая разница... — Может, выпьешь чего-нибудь?

Зарецкий откинулся на спинку кресла, покачал головой.

— Не надо, сейчас пройдёт. Дай минуту.

Минуту, час, день... Торопиться уже некуда. Раскалённые секунды сыплются из ниоткуда в никуда, как сухой песок. На песке ничего не растёт, только сосны; в сосновых лесах светло, в них нет места теням, но поди объясни это нежити... Грозно зашумел кондиционер, выметая из салона застоявшуюся жару. До Москвы почти час, если не гнать сломя голову, а куда им теперь торопиться?

— У тебя страховка открытая? — неуверенно спросила Ксюша. Вряд ли она сходу справится с чужой машиной, напичканной незнакомой электроникой, но до шоссе есть ещё поле и отрезок просёлка, можно приноровиться...

— Нет, — Ярик, всё ещё бледный, выпрямился в кресле и взялся за руль. — Не бойся, в аварию не влетим.

Не влетели. Зарецкий вёл, как на экзамене, добросовестно соблюдая скоростной режим и подчиняясь всем мыслимым правилам. Ксюша его не отвлекала; молчали до самой Управы. Говорить предстояло наверху. Лучше бы с одним только шефом, но, как назло, все были на местах. Даже Андрюшка со своей книжкой. Даже уткнувшаяся в бумаги Ира.

— Рассказывайте, — сухо приказал Верховский.

Отчитывался Ярик — коротко, без эмоций, как о рядовой вылазке. Ксюша, не вытерпев, плеснула в кружку воды из чайника, всё ещё тепловатой, но хотя бы не обжигающей губы. Хочется плюхнуться в кресло, но Верховский не поймёт — или, вернее, поймёт слишком много. Зарецкий держится на ногах, хоть и опирается на стол будто бы ненароком. Ему наверняка достанется за отлучку из офиса, а шеф вполне может вдобавок отчитать обоих ещё и за непрофессионализм. Где же они всё-таки ошиблись?

— Упрекнуть вас не в чем, — задумчиво произнёс начальник. — Вы, похоже, действительно сделали всё, что смогли.

— Не всё, — глухо отозвался Ярик. Он всего лишь скрестил на груди руки, а Ксюше показалось, что его знобит; должно быть, потому что ей самой после жары стало холодно под кондиционером.

— А кто бы сделал больше? — влез Мишка. Он, похоже, всерьёз распереживался за коллег. — Нас слишком мало на Москву и Подмосковье, вот в чём беда. Был бы кто там поближе...

— Нас вообще мало, — самодовольно хмыкнул Костик. — Много ты знаешь людей хотя бы с четвёркой?

— А что тогда делать? — Макс свёл к переносице светлые брови. — В каждую деревню сажать по магу и учить звать нас по привязке?

— По имени, — задумчиво, будто сам себе, сказал Ярик.

Чернов торжествующе фыркнул.

— Да будет тебе известно — из нас всех зов по имени способен слышать только Александр Михайлович! Не может же он работать коммутатором, — Костя верноподданически воззрился на начальника. Смотри, мол, шеф, кто тут самый умный!

— Не могу, — подтвердил Верховский. — Потому что зов по имени — это первая категория, а у меня — вторая.

Чернов тут же сник и сделал вид, что на мониторе появилось что-то неотложное. В другое время Ксюша бы позлорадствовала. Не сегодня.

— Тень они куда дели? — сменил тему Мишка. — На полигон?

— Да ты что, на полигоне она дел натворит, — с умным видом заявил Макс. — Отменяют приказ и прибьют потихому. А откуда она вообще вылезла? Опять аномалии?

— Разве аномалии? По-моему, тени везде встречаются, — усомнился Андрей. — Только не очень часто...

— Я бы сказал, очень редко, — уточнил из-за монитора Костя. Быстро же он оправился от конфуза! — Миша, это в твою копилку случай.

— Да знаю я, — отмахнулся Старов и отвернулся от Костика. — Ребят, не вините себя. Александр Михайлович, вы же понимаете...

— Кое-кто страдает от излишнего человеколюбия, — ядовито бросил Чернов, непонятно, кому и зачем.

— Трудно не любить то, что защищаешь, — тихо сказал Зарецкий, глядя в сторону.

— Скорее, трудно не защищать то, что любишь, — заспорил Макс.

Ярик не ответил. В повисшей тишине равнодушно гудел в тон компьютерам кондиционер. Набранная в кружку вода кончилась, силы — тоже. Ксюша уселась в кресло; ноги противно гудели, напоминая о том, что она всё ещё жива.

— Давайте-ка оба по домам, — устало сказал шеф. — Приходите в себя. Дежурства вам подвинуть?

— Не надо, — Ярик тяжело оттолкнулся от стола и потянулся за рюкзаком. — Завтра отработаю.

— И мне не надо, — механически повторила Ксюша, поднимаясь на ноги.

Ключи от машины нагло поблёскивали на самом виду поверх стопки неразобранных прошений.

В обязательный приветственный чаёк Макс украдкой бросил таблетку нейтрализатора. В прошлый раз поделие фармацевтического цеха отлично себя зарекомендовало: голова осталась ясной, а изображать из себя благостного дурачка труда не составило. Тут таких хватает; правда, их всё равно меньше, чем всякого сброда, явившегося подкормиться на халяву. Парочка дебилно улыбающихся студентов в дальнем углу не переставая жуёт бутерброды, тощая бабуся в платочке нет-нет да тянется к подносам с пирожными, диковатого вида долговязый детина с отсутствующим видом потягивает чай из большущей кружки. С собой, что ли, принёс такой жбан? Даже вида не делает, будто пытается слушать. И ничего, пускают их всех...

Не забывая безмятежно улыбаться, Макс оглядел небольшой светлый зал. Со своей наблюдательной позиции Некрасов прекрасно видел и публику — человек двадцать разного возраста, пола и достатка, и бесшумных, как домовые, девушек, пополнявших быстро пустеющие подносы, и вдохновенного лектора с дурковатым помощником. С последнего Макс и копировал бессмысленно-радостное выражение лица, прекрасно подходящее здешней атмосфере. Типчик этот Некрасову категорически не нравился, потому что именно он под конец каждого собрания метался по залу, заискивающе заглядывал всем в глаза, совал яркие брошюры и уговаривал прийти ещё и приводить знакомых. В прошлый раз, правда, Макс счастливо избежал этой процедуры, поскольку занят был подслушиванием кулуарных разговоров.

Зачем они всё-таки кормят всех этих оглоедов? Очевидно же, что смутным идеям вселенской справедливости не захватить занятые заботами о пропитании умы. Организаторам сколько-нибудь масштабного мракобесия подобает окучивать граждан, у которых есть какие-нибудь материальные блага, а с этих полубомжиков что возьмёшь? Да и проповедей о пользе аскезы что-то не слышать; всё больше про туманные материи вроде божественного предначертания. Занятно, правда, рассказывают, черти, с байками, с шуточками, с обращениями к аудитории...

— Вы замечали, как в каких-то трудных обстоятельствах рано или поздно всё решается в лучшую сторону? — вещал обаяшка-лектор. Загипнотизированные слушатели покладисто кивали. — Потому что никаких других вариантов на самом деле нет. Судьба устроена так, чтобы якобы случайности и наши якобы решения складывались в самый правильный для нас путь...

Ох, Костика бы сюда! Славный вышел бы диспут, весёлый. Увешанная цветными фенечками девушка в первом ряду благоговейно смотрит лектору в рот, две дорого одетые клуши одобрительно кивают, студенты ухмыляются до ушей. Зато долговязый глядит прямо-таки волком, даже про бадью с чаем позабыл. Не понравились, видать, увещевания. Придёт, интересно, в следующий раз?

Макс залпом допил ставший безвредным чаёк. На сегодня, кроме наблюдения за собравшейся публикой, у него намечено ещё одно поползновение. Тихо покинуть зал несложно; слушатели слишком увлечены лектором, лектор — собой, а девушкам-подавальщицам всё равно. Место Макс выбирал специально поближе к выходу; не пришлось ни протискиваться мимо кого-то, ни просить, чтобы его выпустили. Пустую чашку — на поднос, самому — к дверям, только оглядеть напоследок нарядный зал. Сколько из внимающих благообразному брехуну — одарённые? Что им тут нужно, кроме вдохновляющих речей? Да, это правильный вопрос: что им вообще тут нужно?

— Вам не понравилась лекция? — огорчённо спросила девушка за стойкой. Симпатичная, неплохо одетая. Никаких балахонов и платков на голове; «Восход» более чем терпим к мирской суете. Он про другое. Про что?

— Я на такой уже был, — соврал Макс и тут же забросил удочку: — Вообще я надеялся Виталия Андреевича послушать, Мезенцев который.

На милом личике отразилось уместное сожаление.

— Сотрудничество с Виталием Андреевичем мы завершили, — сообщила девушка тоном официантки, которую погнали сообщать склочному клиенту, что на кухне закончились решительно все позиции из его заказа. — А что вы хотели послушать? «Теологию непознанного» или «Физику и метафизику»?

— Да, в общем-то, и то и другое, — выкрутился Макс, у которого тематика выступлений странноватого мага вылетела из головы. — Он, знаете, философию у нас читал на третьем курсе, интересно всегда рассказывал...

— Понимаю, — девушка сдержанно улыбнулась. — Вы близко знакомы с... изысканиями Виталия Андреевича?

Макс насторожился, и, кажется, от приветливой администраторши это не укрылось. Чёрт! Ещё учиться и учиться, чтобы не меняться в лице...

— Ну, довольно неплохо, — осторожно сказал Некрасов. Статейки-то он все перелопатил, но полезного в них ничего не нашёл, а интересного — и подавно. — Очень своеобразно пишет.

Девушка пробежалась пальцами по клавиатуре ноутбука. Ни в какую не хочет вслух признавать, что лектор

уже неделю как почил. Что, кстати, они тут думают о смерти?..

— Не хотите послушать «Расширение реальности»? — предложила администраторша. — Лекция, правда, уже началась, но прошло всего пятнадцать минут.

— Давайте, — лихо согласился Макс. — Это где?

— Подождите, мне надо распечатать пропуск, — удивила девушка. Пропуск на лекцию, ого! Должно быть, что-то любопытное там рассказывают! — Только уходить до окончания очень нежелательно.

— Не буду, — пообещал Некрасов, забирая у неё тёплый после принтера лист. — Третья аудитория? Это где?

— Дальше по коридору и направо.

Знакомое местечко. Сюда Макс забрался в прошлую субботу, здесь весьма удачно погрел уши под неприметной дверкой в конце безлюдного тупикового коридора. Сегодня у входа в лекторий ошивался скучающий молодчик, которому пришлось отдать бумажку-пропуск. Бдительный страж окинул Макса пристальным взглядом и нехотя нажал на дверную ручку. Чувствуя себя на пороге не то святилища, не то логова бандитов, Некрасов протиснулся в небольшой залчик, заполненный едва ли на треть. Здесь атмосферы зачарованного оцепенения не наблюдалось; на нарушителя спокойствия недовольно оглядывались, лектор — коренастый мужичок в годах — со значительным видом поправил очки, совсем как Костя, и небрежно кивнул Максусу.

— Итак, — каркнул он, удостоверившись, что дверь в аудиторию вновь закрыли, — мы говорили о доступных нам способах воздействия на реальность. Я уже назвал всё то, что все вы знаете; тем не менее, есть и иные пути, требующие, скажем так, определённых врождённых способностей...

Макс едва не сел мимо стула. Вот уж правда, интересная лекция! Мужичок без зазрения совести пересказывал аудитории первые главы учебника по теории магии. К демонстрациям, правда, не прибегал, но и без них тут с лихвой хватало на седьмую статью. Падать и помирать на месте лектор отнюдь не собирался; то ли надрессированный минус, то ли самый настоящий нелегал, вроде того, что недавно упустил Викентьев. Немедленно захотелось поискать информацию об авторах курса, но здесь, в маленьком зале, на виду у всей немногочисленной публики, не то что телефон достать — почесаться страшно. Макс застыл бдительным истуканчиком, вылавливая из складной речи целые знакомые цитаты и пытаясь наблюдать сразу за всеми. Слушатели, будто зачарованные, внимают каждому слову, и ни одному не приходит в голову усомниться. Чайком опоили или лектор выезжает на голом ораторском мастерстве? Мишка на месте Некрасова уже бы не выдержал — вскочил с удостоверением в одной руке и сетью в другой. Но то Мишка; а если, скажем, Ярик? Тот бы наверняка послушал и поразмыслил. Не о личности лектора, нет; о том, зачем рассказывать минусам о магии и... и кому это выгодно.

Попытки ломать голову, похоже, благотворно сказались на выражении Максина лица, потому что оборачиваться на него перестали. Правда, плодов раздумья не приносили. Мысль ходила по кругу, то и дело сбиваясь из-за вливаемой в уши говорильни. Зачем раскрывать тайну сообщества? Разбудить зависть? Ненависть? Корусть? А это зачем?.. Тьфу, кто ж так объясняет природу паразитов... Паразит, гад такой, как в воду канул, лови его теперь! Кто-то из ребят, кажется, говорил, что это явление того же порядка, что и беспокойная нежить; а сейчас вообще не разберёшь, бесится какой-нибудь лешак сам по себе или из-за неведомой аномалии. Вот вчерашняя тень, она почему? Надзор, небось, замучился объясняться перед местными властями, особенно за напуганную девушку-минуса. Зачем рассказывать минусам о магии?!...

В вечернюю прохладу Некрасов в итоге вышел с больной головой и дюжиной вопросов, которые неплохо было бы кому-нибудь задать. До начала дежурства — часа четыре; в Управу ехать вроде бы рано, но и домой тащиться смысла нет. Вокруг шуршит замирающей офисной жизнью не слишком деловой, но и не совсем спальный район; неплохое местечко «Восход» себе отхватил! Им же уже больше года, как эти черти до сих пор ускользали от внимания Управы? Мутная с ними история. В принципе, диктофонной записи лекции, пусть и неполной, с лихвой хватит, чтобы натравить безопасников на здешнее гнёздышко, только... только есть ли в этом смысл? Ну, разберут они по кирпичику московский офис, выведут на чистую воду пару-тройку нелегалов, а дальше что? Так вряд ли узнаешь, кто всё это устроил и зачем. Жаль, в прошлую субботу Макс никого не рассмотрел, только слышал приглушённые голоса. Те деятели что-то важное знают, не то что девочка-администраторша или детина с большущей кружкой...

На парковке рядом с Управой скучало шпук пять машин, две из них — знакомые. Ксюше, стало быть, тоже не сидится дома. Макс поздоровался с клюющим носом охранником, бросил взгляд на непривычно пустую стойку и свернул в тускло освещённый лифтовый холл. Ещё с полчаса, и в коридоры выползут на ежедневную уборку домовые. Они вообще-то милые и безобидные, но сейчас лучше не связываться с любой нежитью. Из полудюжины лифтов включены только два; Макс запомнил, какие именно, на случай, если придётся в спешке мчаться на вызов.

Из-за неплотно прикрытой двери кабинета слышались тихие голоса. Подходя к отделу, Некрасов постарался топтать погромче, а на пороге появился с нарочито шумным приветствием. И правильно, потому что Оксанка слишком уж пристально уставилась в монитор покрасневшими глазами. Ярик поздоровался спокойно, как и всегда.

Это он Ксюшу до слёз довёл или, напротив, пытался утешить?

— Как день прошёл? — почти ровным голосом поинтересовалась Тимофеева.

— Плодотворно, — отчитался Макс, включая чайник. Не столько ради чая, сколько для того, чтобы чем-то заполнить тишину. — С утра вот на вождение сходил, а сейчас только что из «Восхода»...

— Ты в автошколу записался? — на сей раз Ксюша улыбнулась вполне искренне, хоть и не до конца радостно.

— Ну да, — старательно небрежно бросил Некрасов. Вообще-то новость жгла язык уже пару дней, требуя выхода, но всё было как-то не до того. — С недавних пор боюсь в метро ездить, такие дела.

— Боится он, — усмехнулся Ярик. — А вообще начинание достойное. Ты у нас один без прав.

— Андрюха ещё, — уязвлённо напомнил Макс, разматывая нитку на чайном пакетике.

— У Андрея есть права, — возразила Ксюша. — У него машины нет и желания её покупать — тоже.

— Ну и зря, — Некрасов для порядка отхлебнул чаю и отставил кружку на свой стол. — Как тут дела?

— В норме, — Зарецкий подхватил со стола собственную кружку и прогулочным шагом направился к чайнику. Он и впрямь, кажется, заскучал на дежурстве; по крайней мере, у компьютера страницами вниз лежал жуткого вида труд по физике высоких энергий. Макс поморщился: это же до какой степени должно быть нечем заняться, чтобы по доброй воле захотелось читать такое!

— А вылазок сколько было? — уточнила умудрённая опытом Ксюша.

— Пять, — Ярик преспокойно занялся чаем. — Ничего особенного. Больше в документах копался.

— Это то старое дело, да? — полюбопытствовал Макс. — Которое шефу спать не даёт?

— Нет, — Зарецкий прислонился спиной к шкафу и поднёс к губам исходящую паром кружку. — Вы, ребят, когда-нибудь в «Гекату» заглядывали?

— Ой, фу, — Оксанка весьма натурально скривилась. Похоже, окончательно ожила. — Тебе что, ведьмовские штучки нужны? Лучше в «Московский цех» сходи.

— А «Геката» чем плоха? — Макс наморщил лоб, припоминая, что слышал об этих салончиках. — Недорогая вроде.

— Угу, недорогая, — Ксюша презрительно фыркнула. — Ширпотреб в худшем смысле слова. Лучше серебра с хризолитами ничего там нет, и то... Ярик, а тебе что надо-то? Ты вроде цацки не жалуешь.

— Меня хозяйка интересуется, — пояснил Зарецкий. — Татьяна Свириденко, слыхали про такую?

Ксюша кивнула.

— Богатенькая. За бугор часто мотается. А по способностям фигня какая-то, ну, сам посмотри, если надо...

— Да, там негусто, — согласился Ярик. Наверняка уже базу перерыл и всё про эту тётку выяснил. — Паршивые, говоришь, поделки продаёт?

— Ну, я бы для себя брать не стала, — твёрдо заявила Ксюша. — Раскрутка у неё что надо, и ещё дешевизной берёт, а так...

— Занятно, — Ярик задумчиво склонил к плечу голову. — «Геката» в гору пошла лет пятнадцать назад, до того про неё никто не знал.

— Всё когда-нибудь начинается, — философски заметил Макс. — Может, тётка грамотного маркетолога наша, и попёрло...

— А с чего весь сыр-бор? — в лоб спросила Ксюша. — Она натворила что-то по нашей части?

— Не-а, — Зарецкий соизволил наконец вернуться за стол. — Так просто, на всякий случай выясняю. Ксюш, хочешь — поезжай домой, — вдруг предложил он. — Я не устал, могу ещё одну смену взять.

Оксана в ответ вздохнула.

— Да нет, Слав, спасибо. Я в норме, а тебе тоже отдыхать надо. И потом, — она улыбнулась, — Костик расстроится, если мы в первый же день порушим график.

Зарецкий красноречиво промолчал, продемонстрировав всё, что думает о графиках и лично о Костике. Какой-то он добрый сегодня. Или не «сегодня», а «с Ксюшей»? Эти двое всегда неплохо ладили, а если уж Тимофеева примчалась в Управу за три часа до дежурства, чтобы о чём-то поговорить, и реветь при Ярике не постеснялась... Макс остро почувствовал себя третьим лишним и немедленно полез за сигаретами.

— Пойду-ка покурю, — возвестил он. — А потом буду всякие каверзные вопросы спрашивать, так что готовьтесь.

Дверь за собой он старательно прикрыл. В коридорах у исследователей тихо и пусто, а жаль. Не исключено, что где-то в недрах лабораторий засел над экспериментами какой-нибудь младший научный сотрудник, но бегать и проверять Макс не стал. И так все говорят, что контроль везде суёт свой нос. А как не совать, если шестерёнки, которые должны работать слаженно, сбоят и не попадают в пазы, пока лично за всем не проследишь? Правопорядок прохлопал паразита, безопасность — нелегала, надзор — место потенциального разлома... То ли вопиющий непрофессионализм, то ли диверсия. Чья только?

Небо над Москвой успело уже потемнеть. Макс зябко поёжился от прохладного ветра; погода, похоже,

портится. Струйка дыма тут же развеялась в разбавленном электрическим светом ночи. Мысли ворочались неохотно, упрямо огибали важные предметы и цеплялись за всякую ерунду. Вот что бы стоило делам идти как обычно? Високосный год виноват, не иначе. Костик, услышав такие суждения, встал бы на дыбы, но что же поделать, если правда столько всякой ерунды происходит? Хочешь не хочешь, а выводы напрашиваются...

Едва слышное бормотание отвлекло Макса от бестолковых раздумий. Некрасов стряхнул пепел и отодвинул стеклянную плоску. На балконе чисто, на выходных тут некому свинячить, но какой-нибудь домовой обязательно явится сюда со шваброй. И точно, пролез сквозь узенькую щёлочку между дверью и стеной. Как кот: бесшумный, мохнатый, способный повсюду просочиться. Макс посторонился, чтобы не мешать нежити возить тряпкой по кафелю.

— Да кому же его надуть? — тоскливо спросил домовой, ни к кому не обращаясь. — Кому ж, кроме старого Фёдора? И-и-эх, Николенька ругаться станет, ох и станет...

«Николенька» — это он про Николая Андреевича, не последнего надзорского начальника, который ведаёт служебной управской нежитью. Суровый мужик, мрачноватый и внушающий уважение, даром что пятой категории. Такой, пожалуй, если начнёт «ругаться», может мохнатика и повредить если не телесно, то в рассудке. Чем бедняга провинился, интересно? Разговаривать с управской нежитью вообще-то запрещено, потому что она везде ходит и много чего видит. Макс воровато оглянулся на равнодушные камеры. Аккуратно обходить всякие клятвы, запреты и правила он, как и всякий уважающий себя одарённый, научился ещё в детстве. И вообще, если он выяснит, в чём провинилась служебная нежить, будет только лучше, правда?

— Ох, дырявая головушка! — пожаловался домовой, горестно прядая длинными ушами. — Николенька скажет — остолоп, и ить прав будет! Горюшко-горе... Да и где же оставил-то? Где же?

— Потерялось, что ли, чего, — бросил Макс, глядя мимо ушастой башки. Колечко в брови ожидаемо нагрелось, отражая слабенькие чары. Нежить, что с неё взять...

— Пропамши, как есть пропамши! — домовой горестно тряхнул бородой. — Был — и нетути, а как теперь Фёдору комнатки-то убирать? Как убирать-то?

Что он такое посеял? Пылесосы нежити не доверяют, она вообще с техникой плохо совместима. Веник? Фи, такого в Управе не держат. Про ведро или тряпку говорить «он» не станет даже самый косноязычный домовой, а без чего ещё нельзя помыслить уборку? И кому, чёрт возьми, это могло понадобиться?

— Шваброй убирать можно, — предположил Макс.

— Да как убирать-то, ежели не зайтить никуда! — расстроено вздохнул домовой. Проворно переваливаясь на кривеньких лапах, он принялся возить по полу не слишком чистой тряпкой; халтурил, а халтурил домашняя нежить только от великого потрясения. — Как зайтить-то? Маги, они ить пальцем тырк — и открыто, а Фёдору так нельзя. Вот ежели бы какой добрый человек взял да впустил...

— Так вам же универсальные ключи выдают, — брякнул Макс, забыв про осторожность, и тут же был наказан короткой жгучей болью. Не дремлют следящие чары...

— Ить пропамши! — возопил домовой, напомнив сразу пожарную сигнализацию и несмазанные петли. — Нету ключика! А новый-то у Николеньки просить надо, э-э-эх... Вот ежели бы маг такой добрый был...

— Ага, чтоб мне научники за побитые пробирки потом предъявляли, — проворчал Макс. — К себе только пустить могу, в магконтроль.

— А там ить Нюха убирается, Фёдору не надуть, — с достоинством возразил домовой. — Ох, беда, уж, почитай, четыре дни не прибрано! Что ж скажут-то Фёдору, что скажут?

— Что растяпа, — безжалостно припечатал Макс. Интересные дела! Ладно научники, они в своей вечной запарке могли не заметить, что в лабораториях несколько дней не мыли полы, но неужто этот мохнатый деятель так и бродит тут почти неделю со стенаниями, как обиженный призрак? — Начальник-то почему не знает?

— Так ругаться будет!

— Будет обязательно. Мы ему всё расскажем, — а письмо пусть пишет Ярик, у него допуска хватает на поболтушки с местной нежитью!

— Не надо, — домовой понуро опустил уши. — Фёдор уже сам... Эхе...

Сам он, как же. Это надо умудриться — посеять ключ и молчать об этом столько времени! Хорошо ещё, если карточка благополучно пылится где-нибудь за шкафами, а вдруг кто-то нашёл? И куда-нибудь влез? Четыре дня назад — это среда, в магконтроль вломились во вторник. Не сходится. Но в Управе, кроме контроля, хватает интересных мест...

Макс вдавил недокуренную сигарету в пепельницу. Надзор, само собой, обо всём узнает, но сначала надо, чтобы узнал магконтроль.

XXIV. Верное направление

Вода в лужах — холодная. Надо бы обходить или хоть не шлёпать босоножками с размаху, но ноги слишком устали, чтобы изображать изящную походку. Анька — та грациозна, как модель на подиуме, будто не проплясала весь вечер на шпильках. Красивое подругино лицо озаряет довольная улыбка; день и впрямь получился удачный, свободный от хлопот и мрачных мыслей. Ира плотнее запахнула жакет; дождя уже нет, но прохлада пробирается под лёгкое платье и трогает кожу ледяными пальцами.

— Замёрзла? — поинтересовалась Анька. Не сочувственно и не злорадно, просто так.

— Чуть-чуть, — призналась Ира. — А ты — нет?

— А я по лужам не хожу, — Сафонова хихикнула и тут же мечтательно вздохнула: — Эх, Ирка, нам бы с тобой по мужчине на машине... Чтoб усадил и повёз хоть по лужам, хоть по... ай, блин!

Она выдернула каблук из коварной щели между тротуарными плитками. Настала Ирина очередь хихикать.

— Ну, хочешь — позвони отцу.

— Ага, не хватало ещё, чтoб папа меня из баров забирал, — фыркнула Анька. — А ты, между прочим, могла бы своего очаровашку вызвонить!

— Зря язвись, — буркнула Ира. При мысли о Свириденко настроение стремительно поползло вниз. — Нет на Славике никаких чар.

— Да-а-а? — Сафонова пакостно хихикнула. — С чего ты взяла? Если тебе написали с его номера, что вы не пара, так это небось Татьяна Ивановна старается.

Ира понуро хмыкнула, показывая, что оценила нехитрый Анькин юмор.

— Нет. Тут как раз всё в порядке... То есть наоборот. А про чары мне коллега сказал.

— Это кто? — подруга тут же наострила уши, мигом потеряв интерес к Славике. Ира бы тоже с удовольствием о нём забыла. — Некрасов? Или этот, как его, светленький такой, спортивный...

— Старов, — наугад подсказала Ира. Миша в тот памятный вечер преспокойно прошёл мимо, это Зарецкому до всего есть дело. — Нет, не он. Ну, я к тому, что это даже ещё хуже. В смысле, что Свириденко сам...

Анька беспечно отмахнулась и задела мокрый куст отцветающей сирени; мелкие холодные брызги ужалили щёку, заставили почувствовать душный слой косметики.

— Да забей, — подруга рассеянно смахнула с плеча полуувядший лиловый цветочек. — Если так, то ему мамуля быстро объяснит, кого он любит, а кого — нет.

— На неё вся надежда, — Ира мрачно усмехнулась. — Мне кажется, она Славика куда-то сводила, чтoб с него все привороты снимали. Догадалась как-то...

— Или у них это регулярная процедура, — Сафонова прыснула и тут же бестолково замахала руками, пытаясь удержать равновесие: лужи на гладкой плитке — дело скользкое. Впрочем, на Анькин настрой неудавшееся падение не повлияло. — Прикинь, а? Ровно двадцать, м-м-м, седьмого числа каждого месяца Татьяна Ивановна тащит сыночку расколдовываться, чтoб, не дай бог, никакая бабёнка сокровище не совратила! Им уже, наверное, как постоянным посетителям ски-и-идку дают!

Подруга ещё с минуту повизгивала от пьяненького смеха, осторожно смахивая с покрашенных ресниц выступившие слёзы. Вызвать, что ли, такси? Пешком тащиться ещё минут двадцать; это если в нормальном состоянии и по хорошей погоде. Ира сама с удовольствием скинула бы босоножки — всё равно уже промокла, — если бы не боялась наступить на какой-нибудь колюще-режущий мусор. Сафонова зябко поёжилась и простёрла руку куда-то в сторону тонущих в зелени дворов.

— Пошли срежем... Ой, не могу, с этими Свириденками... Лето-то какое паршивое, блин, холодно!

— Паршивое, это точно, — согласилась Ира. Кончатся ведь когда-нибудь эти три месяца!

Надменные многоэтажки взирали на нарушительниц вечернего спокойствия жёлтыми совиными глазами. Пустынная баскетбольная площадка, аляповатый детский городок, взобравшиеся на тротуары машины... Надо бы достать телефон, свериться с картой; в лабиринтах по-змеиному изгибающихся новостроек впотьмах легко потеряться. Ира полезла в сумку и, конечно же, безнадёжно заплутала в её недрах.

— Глянь-ка, — Сафонова удивлённо ткнула пальцем куда-то в сумрак. — Псинка...

И правда, псинка. Вылезла чёрт знает откуда, встала посреди дороги и смотрит. Ира придержала подругу за руку; ничейных собак, особенно не гавкающих, её учили бояться.

— Подожди, сейчас уйдёт...

Съестного ничего в сумке нет. Зверюга скалит зубы, переступает тощими лапами. Надо строго на неё посмотреть или наоборот нельзя так делать? Со всяческим зверьём Ира всегда неплохо ладила...

— Уходи давай, — приказала она. На миг представился Чернов, выгоняющий из кабинета какого-нибудь незадачливого просителя. — Нету у нас ничего. Мимо пройдем — и всё, понятно тебе?

— Ирка, — Сафонова предупреждая сжала ей локоть. — Пошли назад...

Собака боднула воздух лобастой башкой, заворчала и вдруг отошла с дороги. Анька проводила зверюгу озадаченным взглядом и облегчённо вздохнула. Подавив искушение последовать её примеру, Ира поправила на плече ремень сумки. Всего-навсего собака, а ощущение, будто с нежностью какой-нибудь поцапалась.

— Будем считать, что она была не слишком голодная, — бодро заявила Ира. — Потопали, темно уже совсем...

— Точно, — признала Сафонова. Она ещё с полминуты оглядывалась через плечо туда, где скрылась в сумерках бродячая собака. — Боюсь я их. В детстве один раз чуть не покусали, ну и...

— Все чего-то боятся, — философски заметила Ира. Интересно, а чего боится Верховский?.. Перестанет он когда-нибудь по любому поводу вспоминать работу?

— Вон там фонари горят, пойдём туда, — решила Анька. — Может, правда папе набрать?

Звонить она, однако, не стала. Зато опять вспомнила про Славика, правда, на сей раз в серьёзном ключе. Наподдав носком лаковой туфли грязную воду в очередной луже, подруга наморщила лоб и выдала:

— Думаешь, правда Свириденко к ведьме ходил? Или я всё-таки как-то сняла слепой заговор?

— Не знаю. Не хочу про это думать, — огрызнулась Ира. — Какая разница, в конце концов? Чар на нём нет, я Зарецкому верю...

— Кому-у-у веришь? — вскинулась Анька. Ира тут же прикусила язык, но слова уже вылетели. — Ты ж его терпеть не можешь!

— Ты зато можешь...

Сафонова разинула было рот, но крайне кстати по дороге попалась автобусная остановка, на которой прятались от темноты припозднившиеся путешественники. Ира мельком глянула на расписание: следующий подходящий рейс только через пятнадцать минут, за это время можно дотопать до дома. Анька насилию вытерпела, пока остановка скроется за спиной, и торжествуя прошипела:

— А говорила, не общаешься с контролёрами!

Ира, как могла, состроила оскорблённую мину.

— В смысле — не общаюсь? Не жестами же мне с ними объясняться!

— Да брось, ты же поняла, о чём я! — подруга многозначительно подмигнула. — Смотри, Тимофеева тебе голову откусит.

— А тебе не откусит?

— Отравится!

Сафонова хрипловато рассмеялась. Простыла-таки... Позвать, что ли, в гости на чашечку мамино чудодейственного отвара? Сама-то Анька чёрта с два станет заморачиваться с лекарствами. Если вообще умеет.

— Короче, я смотрю, налаживаются у тебя отношения, — объявила Сафонова, и желания заниматься благотворительностью мгновенно поубавилось.

— Нет у меня никаких отношений, — с достоинством возразила Ира. — Коллеги разбираются в прикладной магии, вот и пользуюсь...

— Темнишь, — постановила подруга. Ира не стала её разубеждать.

Сырой воздух пах асфальтом и буйствующей зеленью. По пустынной дороге неторопливо прокатился грузовичок с пёстрой рекламой на кузове; обычно здесь оживлённее, даже в поздний час. Анька всё порывалась задавать дурацкие вопросы; чтобы занять её чем-то другим, Ира рассказала, как на неделе едва не заблудилась в лабиринтах Управы, пока относилась в архив скопившиеся документы. Подруга смеялась, ругала холод и дождь и упрямо держалась ярко освещённой улицы, хотя уже два пропущенных поворота могли бы серьёзно сократить путь.

— Барышни! — окликнули вдруг из-за спины.

Обе, не сговариваясь, остановились и оглянулись. Седоватый, ещё не старый мужчина определённо не был Ире знаком, но где-то она его уже видела. Только что на остановке?

— Здравствуйте, — сказала бойкая Анька. — Вам помочь чем-то?

— Да, будьте добры, — прохожий поравнялся с ними и приветливо улыбнулся. Светлые, как будто выцветшие глаза цепко оглядели сперва Сафонову, затем Иру. — Покажите, пожалуйста, в какой стороне метро.

Он, должно быть, папин ровесник, но, в отличие от папы, жилистый и подтянутый; одет хорошо, седая борода аккуратно подстрижена — не похож ни на бомжа, ни на маньяка. На шее — уходящая под ворот грубоватая серебряная цепочка; не одарённый ли?

— Вон там. Но до метро лучше доехать, — отозвалась Ира. Прохожий не казался опасным, но, выскочи он где-нибудь возле Управы, было бы спокойнее. — Вы на остановку вернитесь, минут через десять автобус будет...

— Благодарю, — мужчина деловито кивнул. — Прохладно нынче.

— Точно, — закивала Анька. — Холодрыга. Но вы не переживайте, автобусы нормально ходят.

— Это радует, — незнакомец смотрел почему-то на Иру. — Что ж, доброй вам ночи.

Выслушав невнятный ответ, мужчина безошибочно повернул к остановке и неспешным шагом двинулся прочь.

Анька метнула ему вслед озадаченный взгляд и как-то растерянно передёрнула плечами.

— И чего спрашивал... А, ладно, фиг с ним. Мы дойдём с тобой домой сегодня или нет?

— Дойдём, — пообещала Ира, и слово показалось ей заклинанием.

С Сафоновой они расстались у поворота. Анька побежала к величественной новостройке, Ира свернула к знакомому с детства старому кварталу. В родных окнах призывно горит свет; родители ещё не спят, причём мама что-то делает на кухне. Запоздало, но больно укусила совесть. Нет, во вчерашней генеральной уборке Ира честно поучаствовала; другое дело, что невозможно не чувствовать себя виноватой, праздно наблюдая за мамиными хлопотами. Дверь уже закрыли на ночь; пришлось звонить.

— Поздновато вы, — попеняла мама, плотнее запахивая махровый халат и отступая в тёмный тоннель коридора. — Аня дома?

— Да, наверное, — Ира с удовольствием сбросила босоножки. Под тонкими ремешками кожа покраснела и побаливала при прикосновении. — Мам, у нас от мозолей что-нибудь есть?

— Есть. Позвони Ане, — настойчиво попросила мама, исчезая в кухне.

— Я напишу.

Анька, само собой, обреталась дома, в целостности и сохранности. Успокоив маму, Ира прихватила домашние штаны и застиранную футболку и шмыгнула в ванную. Непривычно яркое нарисованное личико в обрамлении залитых лаком крутых локонов в последний раз глянуло на неё из сверкающего чистотой зеркала и стекло в раковину грязной водой. С Аньки смой косметику — всё равно останется красоткой, но не всем так везёт. Если Свириденко втрескался в фальшивую милую мордашку, то вот оно, решение. А если нет? Способен он на такое? А сама она способна?... Ира решительно сунула голову под тёплый душ, прогоняя неудобные мысли.

— Иди туда, к папе, — распорядилась мама, завидев дочь в дверях кухни. — Поесть-попить чего-нибудь будешь?

— Ага, чаю, — с готовностью согласилась Ира. — От простуды у нас ещё осталось?

— Разумеется.

Заглушив сердито ворчащую совесть, Ира убралась в большую комнату. Папа весело её поприветствовал; он, как всегда, вполуха слушал бормочущий новости телевизор, вполглаза читал какой-то детективчик и держался подальше от разложенных на диване швейных принадлежностей.

— Вот, пожалуйста, — мама составила на столик три кружки, исходящие ароматным паром, и протянула Ире банку с мазью. — Слишком много не мажь, кожу сушит.

— Знаю, мам. Спасибо, — Ира потянулась за чаем, прежде чем приступить к неприятным процедурам.

— Витя, ты что тут такое смотришь? — мама грозно сощурилась на телевизор.

Папа отвлёкся от книжки и бросил взгляд на хмурую морду телеведущего.

— А, дураков всяких слушаю. Сейчас лаяться начнут.

— Не люблю про политику, — постановила мама.

Пульт, однако, пребывал в папиной власти. На экране дородные мужики в костюмах и впрямь принялись переругиваться и размахивать руками; выглядело глупо и как-то противно. Ира раскупорила мазь, поморщилась от едкого запаха и осторожно зачерпнула густую субстанцию безмянным пальцем. Будущие мозоли, избавившись от раздражителя, ныть перестали, однако принятия мер всё же требовали.

— Опять Обарин чушь несёт, — удовлетворённо констатировал папа. Из динамиков и впрямь сыпалось что-то идиотическое про вредителей в правительстве и мировые заговоры. — Он у них за мальчика для битья, что ли? Чтоб любой дурак на фоне умным казался?

— Это, между прочим, член Магсовета, — неприязненно прокомментировала мама.

Ира отвлеклась от целебных попыток и бросила взгляд на экран. Рыхлая одутловатая физиономия и впрямь казалась смутно знакомой; где-то на массовых мероприятиях, устраиваемых Управой, этот Обарин вполне мог мелькать.

— Это такие придурки вами руководят? — с плохо скрываемым превосходством хмыкнул папа. — Ведут, так сказать, к светлому будущему?

— Их там двенадцать человек. Кто-нибудь да умный, — возразила мама.

— Ириш, есть там у вас адекватные начальники? — подмигнул папа.

— У контроля — есть, — без сомнений отозвалась Ира. Верховский, безусловно, умеет и работать, и производить впечатление. Оставлять собственное начальство без комплимента было бы некрасиво в маминых глазах, и пришлось дипломатично добавить: — Ну, и Анохина тоже ничего. Крутая тётка.

— Да уж Анохина-то точно, — фыркнула мама. — Всем начальницам начальница.

Ира ушам своим не поверила. Чтобы мама про кого-то из управских шефов при папе плохо сказала?

— В смысле? — осторожно переспросила она, вытирая пальцы о предусмотрительно принесённое полотенце.

Однако мама уже прикусила язык. Она сердито поджала губы и демонстративно уставилась в экран, на

котором глуповатый маг Обарин потрясал пудовым кулаком в адрес оппонента.

— Были у нас некоторые... разногласия, — сухо сказала мама. — Это не значит, что с... Натальей Петровной надо ссориться.

— Да я знаю, — вздохнула Ира. Слушать очередную лекцию о важности полезных знакомств совсем не хотелось.

— Вот и хорошо, — мама хищно вонзила иголку в прохудившийся носок. — Спать не пора? На работу завтра.

— Пора, — покладисто согласилась Ира и вытянула вперёд пострадавшие ноги.

Славно, что мамины снадобья действуют быстрее и лучше немагических. Иначе очередной рабочий день рисковал бы стать пыткой ещё и физически.

XXV. Глубина заблуждений

Не то чтобы Макс успел выспаться. Мама позвонила вечером воскресенья, когда Некрасов уже добрался до дома и рухнул, не раздеваясь, на не убранную с утра постель. Пытаясь унять назойливый гул в ничего не соображающей голове, Макс кое-как разобрал среди привычных завуалированных упрёков просьбу — нет, требование явиться во вторник пред ясны родительские очи.

— Зачем? — зевнул он в трубку, чем и вызвал новый поток негодования.

Слушая про забытый тётушкин юбилей, Макс шарил одной рукой по заваленному всяким хламом столу в поисках графика дежурств и пытался думать. Почему во вторник? Потому что в выходные половина родни уберётся на дачи. Почему нельзя обойтись без личного присутствия? Потому что удравший в Москву сын, племянник и внук и так непростительно позабыл про семью, жизнь положившую на воспитание достойного члена общества. Является ли работа смягчающим обстоятельством? Нет, надо договориться и взять отгул. Как отнесётся к этому шеф? А это придётся выяснять следующим звонком...

Верховский выслушал внимательно и отнёсся с великим спокойствием. Намекнул прозрачно, что для старших офицеров подобное непозволительно, но раз уж Макс младший... Лучше бы шеф настрого запретил переносить смены, ей-богу! Ещё один получасовой звонок маме, настройка напоминаний, пометки в календаре... Ксюше Некрасов писал на последнем издыхании, прекрасно зная, что если коллега и прочитает, то только завтра утром.

Вместо вожделенного сна до обеда Макс доспал только до девяти утра, потому что ровно в это время какой-то неугомонный сосед взялся за перфоратор. Оставаться в квартире стало решительно невыносимо, а в холодильнике традиционно повесилась мышь, так что Макс наскоро привёл себя в порядок и поехал на работу. Раньше начнёт — раньше закончит, будет ещё время где-нибудь раздобыть тётушке подарок...

— Некрасов, твоё дежурство с полуночи, — не преминул придраться Костик.

Он сидел за девственно чистым столом, посреди которого, потеснив мониторы и клавиатуру, гордо возвышался телефон. Бдил, стало быть. Макс готов был поклясться, что до его прибытия в кабинете стояла гробовая тишина — чтобы ничто не мешало услышать звонок.

— Я переиграл немножко, — сообщил Некрасов и приветственно помахал выглянувшей из-за стопки бумаг Ире. — А шеф тут?

— Александр Михайлович на совещании.

Вот и хорошо. Часовая стрелка неуклонно ползла к одиннадцати; Костику царствовать ещё от силы полтора часа. Макс пошарил в рюкзаке в поисках сигарет, нашёл помятую пачку и миролюбиво предложил коллеге перекур.

— Я на дежурстве! — Чернов сделал страшные глаза и почтительно кивнул на молчащий телефон.

— Да ладно, если что — Ириша нам поможет, — Макс подмигнул секретарше. — Много надежурил-то?

— Один вызов, — неохотно признался Костик.

— Да? А мы с Ксюхой аж на четыре скатались, — не без гордости сообщил Макс. — Правда, два — просто домашняя нежить с катушек малость посъезжала, без рукоприкладства управились.

Костик поджал губы и отвернулся. Курить пришлось в одиночестве, потому что соседи-научники были поголовно чем-то заняты. Подумав, Макс написал шефу, что на рабочем месте находится с одиннадцати; всё равно до сих пор он занимался какой-то ерундой. Без пяти заявился ещё и Ярик; Чернова при этом предсказуемо охватила административная паника.

— Здравствуй, Ярослав, — строго отозвался он на будничное «привет». — Надеюсь, ты не собираешься уйти со смены на час раньше?

— Собираюсь, но не уйду, — хмыкнул Зарецкий. С озадаченного Костика можно было писать аллегорию растерянности. — Не бойся так за график, ты не один тут ответственный и исполнительный.

— Максим, как я понимаю, уйдёт в десять, — педантично заметил Чернов.

— В одиннадцать, — поправил Макс.

Ярик ни возмущаться, ни выспрашивать не стал — просто кивнул, показывая, что принял к сведению.

— Текучку за сегодня разобрал уже? — поинтересовался он у Костика, убирая с клавиатуры отложенные распечатки.

— Я дежурю, — оскорблённо сообщил Чернов и метнул пламенный взгляд в Ирину сторону. Видимо, секретарша уже пыталась заставить его заняться делом.

— Понятно. Ир, давай мне, — Ярик разнообразия ради не стал пользоваться магией и сам подошёл к Ириному столу.

— Вот эти — на границу, — принялась деловито перечислять Шаповалова, хватая со стола аккуратно сложенные стопочки. — Тут на наследство, немного совсем... Это разное, нестандартное.

— Спасибо, — пребывающий в благодушном настроении Зарецкий вежливо улыбнулся. — Что-то маловато за выходные набралось.

— Дай мне тоже что-нибудь, — Макс счёл своим долгом влезть в делёжку, чтобы ненароком не уподобиться надувшемуся Костику. — Визы! Люблю визы.

Ярик злодейски усмехнулся.

— Тогда держи наследство.

— Я понял, — торжественно провозгласил Некрасов, смиренно принимая хиленькую пачку. — Ты берёшь на себя роль суровой судьбы, которая намеренно подсовывает нам то, чего мы не желаем, дабы воспитать в нас стойкость.

— Я терпеть не могу копать в цепочках наследования и пользуюсь положением старшего, — весело фыркнул Зарецкий. — Это тебе в твоей секте про судьбу наплели?

— Есть такое, — признал Макс. — А ты, кстати, нашёл чего-нибудь? Ну, о чём в субботу говорили.

— Как сказать, — осторожно отозвался Ярик, возвращаясь за стол. — Давай потом, как с прошениями разберёмся.

Макс покосился на покрасневшие от досады Костиковы уши и согласился. Зарецкий, в отличие от Чернова, не имеет обыкновения ревновать работу к коллегам; стало быть, либо информация неоднозначная, либо Ярик не настроен сейчас беседовать. Макс вчитался в лежащую сверху бумагу и почти сразу полез сверяться с базой: история у колдовской безделушки оказалась запутанная. Разобраться, по праву ли наследник претендует на вещь, почти удалось, когда в дверь вежливо постучали.

— Войдите! — важно распорядился Чернов, поправляя очки.

Получив разрешение, в кабинет деловитым колобком вкатилась Машка, облачённая в лабораторный халат поверх дамского офисного камуфляжа. Под мышкой она держала планшет с зажатым в нём листком бумаги.

— Привет, ребята! — бодро поздоровалась она, оглядев полупустой кабинет. — Блин, а чего вас так мало?

— Нас много, — возразил Макс. — Мы нынче посменно, забыла?

— А-а-а, — пригорюнилась Машка. — Ну, значит, потом ещё приду. Короче, ребят, дело такое: мы тут проверяем кое-что после генетики ежегодной, нужны данные по высокоуровневым магам. Поделитесь? Сугубо добровольно, разумеется.

— А что сразу к нам? — ошетинился Чернов. — В других отделах народу мало?

— Ну как, — Машка пожалала плечами, проигнорировав агрессивные нотки. Профессионалка. — У вас концентрация выше. Так-то на отдел от силы один-два экземпляра, и те — большие начальники, так просто не подойдёшь...

Огульно обозванный экземпляром Макс довольно хихикнул. Костик был полностью нейтрализован ударной порцией лести; он горделиво приосанился и сменил гнев на милость.

— Ну, поскольку срочных задач сейчас нет, — он выразительно посмотрел на телефон, — можно и уделить пару минут. Какие нужны данные?

— Супер, спасибо, — Машка пристроила планшет на Максов стол и приготовилась записывать. — Ну, фамилии ваши я помню... Возраст, текущая категория, потенциал, а также категории и потенциалы обоих родителей.

— А для чего, Маш? — подал голос Ярик.

— Закономерности найти пытаемся, — Машка вздохнула и сдула со лба непослушный жёлтый локон. — После ежегодных все гипотезы коту под хвост, вот, картину мира заново собираем...

— Это вы про базовый принцип наследования способностей? — Чернов элегантно блеснул очками и эрудицией. — Чем выше потенциал у предков, тем выше — у потомков?

— Ага, — исследовательница поскребла в кудряшках кончиком шариковой ручки. — Только это, похоже, нифига не так. Ну, или сложнее, чем все думают.

— А я считаю, что это вполне логично, — заявил Костик. — Общеизвестно, что все сильнейшие маги современности происходят из очень старых династий.

— Так в династиях и знания копятся фиг знает сколько веков, — возразил Макс. — Если ты в глуши самородком родился, а наставников на сто километров вокруг днём с огнём не найти, так и помрёшь, не попав в статистику.

Костик смерил его снисходительным взглядом.

— Не буду сейчас спорить. Это нам коллеги расскажут по завершении исследований.

— Точно, — Машка подмигнула Некрасову. — Ну, Макс, начинай, что ли.

— Двадцать четыре мне, — покладисто сообщил Макс. — Пока что. На следующей неделе двадцать пять стукнет. Категория шестая, по потенциалу — третья. У папы, соответственно, пять — три, мама минус.

— Ага, записала, — Машка дорисовала последнюю каракульку и воззрилась на Чернова, тайком ожидающего

приглашения. — Константин?

— Да-да, — Чернов чопорно кивнул. — Тридцать два года, третья категория, потенциал — первая. Отец — маг второй категории, потенциал — первая. Мать — маг пятой категории, потенциал — третья. По отцовской линии восемь поколений одарённых, по материнской — четыре. Можно было бы и лучше, но, сами понимаете, семья разрешила отцу брак по любви...

— Женщины редко дар развивают, — заметила маг пятой категории и глава исследовательской группы. — Спасибо, записала. Ярик, поделишься?

— Пожалуйста, — спокойно ответил Зарецкий. — Двадцать семь, четвёрка, потенциал — двойка. Родители — минусы.

— О как! — Машка поставила пометку в своём листке. — Я так понимаю, ты в базовый принцип не веришь?

— Вопрос не в вере, а в доказательствах, — пожал плечами Ярик. — Но прямой зависимости, по-моему, нет. Хотя кое-какие вероятностные характеристики могут накладываться.

— Но факты говорят сами за себя, — бросился в бой Чернов. — А исключения, как известно, подтверждают правило...

— Это не в таком смысле сказано, — заметил Зарецкий, лениво потягиваясь в кресле. — Маш, ты шефа опрашивать будешь?

— А его ж нету всё равно, — припомнил Макс.

— Жалко, — вздохнула Машка. — Так, скиньте-ка мне ваше расписание дежурств, чтоб я зря вас не донимала.

— Если бы коллеги его придерживались, — не преминул съязвить Костик.

— Скину, Маш, — поспешно пообещал Макс. Не хватало ещё выносить свои разборки на всеобщее обозрение.

— Ага, спасибо, — исследовательница что-то пометила в записях и обратила взор к тихо сидевшей Шаповаловой. — Э-э-э, Ирина, а вы не хотите в статистику попасть?

Чернов исторг из груди самое скептическое хмыканье, на какое только был способен. Показалось, или Ярик бросил в сторону секретарши обеспокоенный взгляд? Хотя, зная Костика, немудрено занервничать: он тут полдня мариновался, может и выкинуть что-нибудь эдакое...

— Ну, давайте, — Ира робко улыбнулась. — Но я вам не особо подхожу, я же ведьма.

— Диктуйте-диктуйте, — ласково подбодрила Машка, нацелив чернильное жало на чистый клочок листа.

— У меня седьмая категория, потенциал до четвёртой, — послушно ответила Ира. — У мамы тоже до четвёртой, у неё сейчас пятая. Ой, да, извините, двадцать четыре года.

— А ведьмы же в двадцать четыре и сдают, да? — припомнила Машка. — Это маги в восемнадцать...

— Точно, — хохотнул Макс. — Мы Иришу, считай, сразу после аттестации к себе забрали.

— Молодцы, — невнятно мурлыкнула Машка, зубами сдёргивая с ручки колпачок. — Спасибо, ребята, за помощь мировой науке. Пойду подкину Сергею тему для диссертации...

Убедившись, что Костик его монитора не видит, Макс попытался залезть в черновское досье — и потерпел сокрушительную неудачу. Система, зараза такая, затребовала первый уровень допуска. Оставалось только верить на слово, что коллега породист, как выставочный пудель.

— Наука наша — молодец, — пробормотал Некрасов. — Знает только то, что ничего не знает.

— Она, как и любая молодая дама, наивна и легковерна, — Ярик усмехнулся и подписал очередную визу. Ира бросила на него сумрачный взгляд, но промолчала. — Объёмной статистики не накопить из-за седьмой статьи, а половина того, что есть, записано с чьих-то слов. Вот и строй на таком гипотезы.

— Причём каждая собака норовит придумать себе предков попомощественнее, — нравоучительно вставил Костик.

— Если со всех взять клятву, чтобы не ввали, собак станет сильно меньше, — заметил Макс.

— Это запрещено, — вдруг подала голос Ира. — Нельзя брать и давать такие клятвы.

— Верно. Исключение — следственная присяга, — Зарецкий вопросительно вскинул брови. — Макс, ты что, дополнения к своду не читал?

— Читал я всё.

Некрасов с чёрт знает какой попытки осилил-таки прошение. Тащить самому или оставить в наследство Андрюхе? То-то он обрадуется, даром что в домофоны звонить боится... Тот, кто придумал запретить обывателям таскать в Управу потенциально опасные артефакты, был, конечно, десять раз прав, но кто б его самого заставил помотаться по всей Москве!

Ровно в двенадцать Костик бросил газетку на телефон и удалился на заслуженный отдых. До положенного обеденного времени оставался ещё час, но есть хотелось зверски. В последний раз трапезничать довелось вчера вечером, когда под малоприятный разговор Некрасов умял полпачки пресного печенья; в студенчестве доводилось голодать и подольше, но последние сытые годы отучили Макса от аскезы. Подмахнув из последних сил очередную бумагу, Некрасов взмолился:

— Пошли пообедаем, а? Ничего тут за час не случится.

— Иди, — благосклонно разрешил Зарецкий.

— А вы чего?

— Я только приехал, — напомнил Ярик. — И вообще, дел полно.

— Не умеешь ты правильно дежурить, — не удержался Макс. — Ир, пойдём?

— Я? — секретарша изумлённо распахнула глаза. — Я вообще-то позже хожу обычно...

— А у нас сейчас три недели будет необычно, — жизнерадостно заявил Некрасов, запихивая в карман мобильник. — Пошли, шефу пофигу, когда мы есть ходим.

— А вдруг кто-нибудь позвонит?

— Тогда Ярик за тебя любезно пошлёт их к лешему.

Это Иру окончательно обнадёжило. Одарив Макса нерешительной улыбкой, она выпорхнула из-за стола и набросила на плечи строгий пиджачок. Некрасов, джентльменствуя, галантно распахнул перед ней дверь. Ксюха не преминула бы отпустить шуточку; Ира же очаровательно смутилась и тихонько поблагодарила. И она-то так стойко выдерживает Костиков натиск! Как бы Чернову мозги вправить, чтоб не спугнул?

— Жарко нынче, — заметил Макс, шурясь от бьющего в окна полуденного солнца.

— А вчера холодно было, — Ира с готовностью подхватила тему. — Погода с ума сошла.

— Повадились. Сначала нежить, теперь погода...

Ира вежливо хихикнула. Лифт приехал сверху пустым, но уже на девятом этаже набился массово куда-то намылившимися финансистами; пришлось потесниться. На четвёртом Ира попыталась было выскочить, однако Макс деликатно придержал её за плечо.

— Нам до конечной, — сообщил он, ткнув в закрывающую двери кнопку.

— А-а-а, вы не ходите в столовую, — Ира вжалась в стенку, пропуская в глубь кабины кого-то особенно корпулентного. — Почему, кстати? Еда не нравится?

Прежде чем отвечать, Макс предпочёл дожидаться, пока они выйдут в вестибюль. Народу тут было мало, знакомых — вовсе никого.

— В столовую почему не ходим... Еда-то ничего. Просто... Ну, не слишком нас любят в Управе. Сама понимаешь. Наткнёшься ещё на кого-нибудь, весь аппетит себе испортишь... А, Верунчик, привет!

Девушка за стойкой улыбнулась и помахала Максу. Надо же, угадал! Даром, что Вера со сменщицей Настенькой на боевом посту похожи, как сёстры-близнецы. Вот на корпоративе — совсем другое дело.

— А что тут есть рядом? — любопытствовала Ира. Оказавшись на крыльце, она зачем-то быстро огляделась и поспешила спуститься.

— Мы ходим или в зелёную, или в столбы, — ответил Макс и ухмыльнулся, глядя на недоумённо вытянувшееся лицо спутницы. — Не спрашивай, ребята их так зовут. Наверное, вывески меняются, а архитектура остаётся... Пошли в столбы, они поближе, а я голодный.

— Тяжёлое было дежурство? — участливо спросила Ира. Жару она переносила стоически, не порываясь избавиться от пиджачка.

— Да так... Как всегда. Сегодня хуже будет.

— Почему?

— Потому что Зарецкий — изверг, — Макс театрально закатил глаза. — Если он когда-нибудь наставничать вздумает, я не завидую несчастной жертве.

Ира, похоже, приняла его слова слишком всерьёз, потому что сочувственно покивала вместо того, чтобы смеяться. Расслабиться бы ей чуток, что ли... Макс принялся болтать о какой-то чуши и искренне обрадовался, когда спутница улыбнулась. Нет, не похожа она на привычных управских хищниц! Не то чтоб красавица, но прямо-таки миленькая, без закидонов и серьёзных неполадок в характере, да и фигурка вполне себе ничего... Попытать, что ли, счастья, пока кто-нибудь пошустрее не опередил?

— Ну как тебе у нас? — любопытствовал Макс, придерживая тяжёлую входную дверь. Порождённый кондиционером мощный муссон взлохматил ему волосы, и без того мечтавшие о расчёске. — Ещё не надоели?

— Нет, — Ира часто заморгала, привыкая к полутёмному интерьеру. — «Столбы» — это из-за колонн?

— Ага. Намудрили проектировщики, — Макс широким жестом указал на торчащие через каждые полтора метра опоры. Хозяева, как могли, упрятали архитектурный выверт под драпировки и безвкусные картины, только официантам наверняка всё равно, спотыкаться о голый бетон или мудрёную декорацию. — Но готовят тут неплохо... Нам на двоих, девушка!

Столик им достался в середине зала, аккуратно у одного из столбов. Ира, в отличие от оголодавшего Некрасова, долго и вдумчиво листала меню. Положено Макс за неё платить или нет? Наверное, нет, они всё-таки не на свидании.

— Жару на выходных обещают, — сообщил Макс, возвращая ворох пёстрых картонок официантке.

— Здорово, — Ира ненатурально улыбнулась. — Люблю, когда тепло.

— Я раньше тоже лето любил, — Некрасов хохотнул и зачем-то цапнул из стаканчика зубочистку. — А потом в контроль устроился. Ребята говорят, летом больше всего жести происходит.

— Почему? Зимой же тоже солнцестояние.

— А фиг знает, — легкомысленно отмахнулся Макс. — Наверное, туристов по лесам больше. Вон в пятницу... а, блин, зря я вспомнил.

— Ксюша очень расстроилась, — тихо заметила Ира.

Ещё бы она не расстроилась, если в субботу приезжала реветь у Ярика на плече. Так и не каждый день нежить людей убивает прямо под носом. Некрасов не представлял даже, что чувствовал бы сам на её месте.

— Ксюха сильная, справится, — заверил Макс. — Не бери в голову. Работа у нас такая...

От повисшей было скорбной тишины спасла явившаяся с подносом официантка. Ира смотрела куда-то Макс за спину; Некрасов обернулся, но никого знакомого не увидел. Народ толкся в дверях или деловито трапезничал, как и всегда в обеденное время.

— Что там? — на всякий случай спросил Макс.

— Да... показалось, что мамин знакомый, — Ира нервно улыбнулась и схватилась за вилку. — Популярное место, похоже.

— А тут рядом почти ничего приличного нет, — Макс с облегчением пожал плечами. — В центре поинтереснее, конечно, в этом плане. Я, знаешь, в пределах Садового всё излазал.

— Правда? По работе?

— Не-а, от любопытства, — гордо сообщил Некрасов. — Это же, ну, центр Москвы! Там вечно можнс бродить.

— Меня как-то не тянуло никогда, — смущённо призналась Ира.

— А ты москвичка?

— Ну да...

— Ясно. Привыкла, значит, — постановил Макс. — Костик у нас такой же.

— Я не так, — обиженно возразила Ира, и Некрасову пришлось срочно врубать заднюю передачу.

— Криво сказал. Конечно, ты не как Костик, — Макс виновато улыбнулся, и, кажется, его простили. — Просто мы, приезжие, как-то по-другому относимся. Вон Оксанка та же обожает по музеям гулять, хотя чего она там не видела — сама питерская...

— Она из Питера? — Ира изумлённо распахнула глаза.

— Ага. Да мы все кто откуда... Один Чернов москвич в каком-то там поколении.

— Это как-то неправильно, — задумчиво сказала Ира. — В смысле... Вы же вроде как лучшие, и вы все тут. А где-нибудь в Сибири вообще некому нежить гонять, хотя там нужнее.

— Это ты зря так думаешь, — авторитетно заявил Некрасов, придвигая к себе тарелку с котлетами. — Я в феврале в Новосибирск ездил, так там... А, чёрт, извини!

Телефон в кармане принялся нервно зудеть. Макс не без сожаления отложил вилку и обречённо вздохнул, бросив взгляд на экран.

— Чего тебе?

— Через двадцать минут нас ждёт Викентьев, — сообщил Ярик слишком равнодушно, чтобы не заподозрить его в крайней степени раздражения. — Шеф не прикроет, там официальный вызов.

— Так мы ж того... Дежуриим?

— Вот именно. Дождёвывай и дуй в Управу.

— Есть, командир, — вздохнул Макс и отложил замолкший мобильник.

Ира с отсутствующим видом смотрела куда-то между столбов. Некрасов тоже туда глянул, не увидел никого интересного: солидные офисные сидельцы в удручающе однообразных элегантных доспехах поглощали местные разносолы.

— Форс-мажор, — объявил Макс, вновь хватаясь за вилку. Оставлять творение здешних поваров на произвол судьбы он не собирался. — Викентьев за каким-то лешим жаждет меня видеть. Я тебе в другой раз про Новосиб расскажу, ладно? В воскресенье, например?

Ира мгновенно бросила созерцать полутёмное нутро кафешки и мило зарделась. Согласится обязательно, только сначала непременно сделает вид, что перед ней ужас какой тяжёлый выбор. Девушки предсказуемы, если только не иметь дела с кем-то вроде Ксюши.

— Заодно Красную площадь тебе покажу, — подначил Макс, чем наконец заставил спутницу искренне улыбнуться.

— На Красной площади я была, — сказала она, аккуратно отодвигая тарелку. — Лучше тогда Нескучный сад.

— Вот и супер, — Некрасов озорно подмигнул и бросил взгляд на часы. Пора поторапливаться, иначе не

миновать начальственного нагоняя.

К берлоге Викентьева Макс подлетел минуты за полторы до назначенного срока, изрядно запыхавшийся после пробежки. Треклятые лифты мгновенно набиваются под завязку и ползают, как контуженные улитки, а в лестницах, как оказалось, удручающе много ступеней. Сообразив, что похож на побитое жизнью и воронами огородное пугало, Некрасов кое-как пригладил вихры и поправил воротник рубашки. Ярик нарисовался из ниоткуда в паре шагов от двери; видимо, до последнего был занят чем-то важным, раз пренебрёг человеческими способами перемещения.

— Чего хочет? — шёпотом спросил Макс.

— Чёрт знает, — так же тихо ответил Зарецкий и постучал в безупречно белую дверь.

Викентьев вежливейшим образом улыбнулся визитёрам и взмахом ладони подвинул к столу два стула.

— Прошу, коллеги.

Макс с удовольствием сообщил бы, кто из обитателей тамбовских лесов приходится безопаснику коллегой. Ярик невозмутимо пожал Викентьеву руку; оставалось только последовать примеру и стараться не слишком выказывать раздражение.

— Хорошо, что я вас здесь застал, с учётом нынешнего расписания, — безопасник откинулся на спинку кресла и окинул пытливым взглядом обоих контролёров. Надеялся увидеть следы нелёгких дежурств?

— Расписание более чем нестабильное. По понятным причинам, — прохладно ответил Ярик.

— Много времени я не отниму, — заверил Викентьев. — Коллеги, нам важно знать об аномальной активности нежити, которую вы, оказывается, фиксировали и успешно пресекали. Вы ведь оба участвовали во всех... примечательных событиях, я не ошибаюсь?

— Статистикой по аномалиям занимается Старов, — заметил Ярик.

— Да, но в списках на премии ваши фамилии фигурируют чаще.

Макс неуютно поёрзал на стуле. Это кто разрешил безопасникам совать носы в зарплатные ведомости? И чего они так поздно спохватились?

— У вас есть конкретные вопросы? — осведомился Зарецкий.

— Пожалуй, — Викентьев взял со стола дорогую чернильную ручку и ловко провернул в пальцах. — Расскажите, пожалуйста, про моровую язву. Как вы её нашли, если надзор проглядел?

— За высшей нежитью трудно уследить, — дипломатично заметил Зарецкий. — Этот экземпляр, помимо прочего, никак себя не проявлял.

— Но вы его обнаружили.

— Случайно.

На несколько мгновений повисло молчание. Макс, пользуясь тем, что его пока не трогали, лихорадочно соображал. Наверное, не стоит выкладывать все подробности их спонтанной ночной пробежки; а что можно? Про залепленную мороком вентиляционную шахту? Про чьи-то брошенные пожитки? Про машиниста, который замечал в тоннелях что-то нехорошее, но так и не собрался сообщить в Управу?

— Максим Николаевич, — безопасник бросил сверлить взглядом Ярика и повернулся к Некрасову. — Вы принимали участие в нейтрализации экземпляра? Можете подтвердить, что речь именно о моровой язве?

— Могу, — Макс кивнул и отогнал некстати нахлынувшие сомнения. Наврать или ошибиться мог бы кто угодно, только не Зарецкий. — Но в нейтрализации я не участвовал.

— Вот как, — Викентьев наигранно вскинул брови, и Макс с ужасом понял, что ляпнул что-то не то. — То есть, Ярослав Владимирович, моровую язву вы уничтожили в одиночку? Каким же способом?

— Загнал в угол, — Зарецкий отнюдь не желал распространяться о своих подвигах. Контролёры-то из него слова лишнего не вытянули, где уж тут безопаснику! — Повезло с местом. Аморфная нежить, как известно, избегает сквозняков.

— И поэтому селится в вентиляционных шахтах?

— Мы мало знаем о том, как она мыслит.

Ну конечно, а с Мишкой на пару теорий нагромоздили — ученые позавидуют! Впрочем, и исследовательский отдел не спешит выносить за пределы лабораторий что-либо неподтверждённое.

— У вас, должно быть, отменное здоровье, — зашёл с другой стороны Викентьев. — Вся та зараза, которую переносят моровые язвы... Я слышал, вам попался сытый экземпляр, но он наверняка пытался защититься?

— Очевидно, до такого не дошло, — Ярик склонил голову к плечу, разглядывая собеседника, будто экзотического обитателя вивария. Моровую язву, например. — Все необходимые меры я принял. Вам предоставить медсправку?

— Нет, я полагаюсь на охранные чары, — безопасник качнул головой в ту сторону, где должен был располагаться вход в Управу. — Причину появления в Москве подобной нежити вы выяснить не сумели?

— Мне было недосуг с ней беседовать.

— Как и с туманницами?

— Как и с туманницами.

Шутит Викентьев, что ли? Какие ещё разговоры с нежитью, не русалок ведь шугали! Макс неловко пошевелился и скрипнул стулом; безопасник тут же о нём вспомнил и пошёл в наступление.

— Максим Николаевич, я верно понимаю, что туманниц было много?

— Верно, — буркнул Некрасов, пристально разглядывая лабораторную установку за спиной собеседника.

— Каким образом с ними справились?

— Огнём, — а что тут ещё ответишь? Надёжнее ещё ничего не придумали! — Это стандартный подход.

— Вы обнаружили скопление нежити по информации от местных жителей?

— Да.

— Как и тень в прошлую пятницу? — безопасник снова повернулся к Зарецкому.

Что ему, чёрт его дери, надо? Из хаоса не связанных друг с другом вопросом поди что-нибудь пойми. С какого перепуга Викентьев вообще беспокоится за активность нежити? Его группа совсем другим занимается! Хотя шеф что-то говорил насчёт амбициозных маленьких начальников...

— Совершенно верно, — Ярик невозмутимо кивнул.

— Жаль, что всё так печально сложилось, — равнодушно посочувствовал Викентьев. Макс припомнил заплаканные Ксюшины глаза и с трудом подавил желание сгрести безопасника за грудки. Жаль ему! — Вы очень быстро обнаружили людей. Использовали поиск по личной вещи?

— Да.

Всё знает, так зачем спрашивать? Будто пытается поймать на лжи, но с какой целью? Неужели бухгалтерия решила, что магконтроль дороговато обходится Управе, и потребовала у безопасников проверить целевое использование средств? Глупость какая...

— Вы умеете выходить из морока? — вдруг спросил Викентьев.

— Есть методики, — туманно ответил Ярик.

— Соответствующие четвёртой категории?

— Это специальные области, они не входят в общий перечень. Вам предоставить книги с описанием?

— Без надобности, — качнул головой безопасник. — Вас обучала Лидия Свешникова, я правильно помню?

— Моё досье вам доступно, — Ярик раздражённо скрестил на груди руки. — Как оно относится к делу?

— Мне нужно знать, как бороться с потенциальной угрозой.

— Вся литература — в открытом доступе.

— Но вы могли бы...

— Нет, не мог бы, — зло отрезал Зарецкий. — Если на этом всё...

— Вы намеренно замыкаете на себя важнейшие функции отдела? — Викентьев вскочил на ноги и грозно навис над контролёрами. Максиму тоже захотелось подняться, однако Ярик даже не шелохнулся, и Некрасов тоже остался сидеть. — Полагаете себя незаменимым сотрудником? Это ложное убеждение!

— Какой странный вывод, — Зарецкий скептически изогнул бровь. — Могу я узнать, о чём вы на самом деле беспокоитесь?

Ответить Викентьеву не дал требовательный стук в дверь. Безопасник взял себя в руки, опустил в кресло и дал дозволение войти. Из-за деликатно приоткрытой двери показалась гладко причёсанная светлая головка.

— Прошу прощения, Евгений Валерьевич, — Ира нервно заправила за ухо выбившуюся прядку. — Коллеги, пришёл срочный вызов...

— Договорим в следующий раз, — Ярик легко поднялся и выудил из кармана телефон. — Желательно после двадцать второго.

— Я учту, — сухо бросил Викентьев.

Дверь тихо щёлкнула за спиной, непонятно кого оставив с носом. Разговаривать посреди спящих по коридору безопасников не тянуло никого; Макс перевёл дух только в лифте, который, по счастью, пришёл пустым.

— Ир, ты ангел, — заявил Некрасов, как только створки надёжно отгородили их от обиталища безопасности. — А куда вызов-то?

— Никуда, — Зарецкий прислонился спиной к металлической стенке. — Шефа бесит наше отсутствие.

— Да, Александр Михайлович попросил вас вытащить, — Ира удивлённо захлопала ресницами. — Как ты понял?

— Телефон молчал, — хмыкнул Ярик. — Есть такая замечательная штука — переадресация.

Посрамлённый Макс с силой поскрёб в затылке. Мог бы и сам догадаться, что Зарецкий не сбежал бы с дежурства, не прикрыв тылы.

— Вовремя он, — вздохнул Некрасов. Составленные из сегментов номера проползающих мимо этажей запоздало отсчитывали секунды. — Я вообще не понял, чего Викентьеву надо? Все данные в отчётах есть, сходил

бы к шефу, да и всё...

— Копают, — с отвращением бросил Зарецкий. — Под всех подряд. С Верховским не вышло — за нас взялся...

— Он на шефа пасть разевал?! — Макс едва не поперхнулся от возмущения. — Погоди-ка, а ты откуда знаешь?

— Михалыч предупреждал, — Ярик как-то нервно пожал плечами. — Правда, он рассчитывал, что начнут с

Мишки. Не повезло — безопасность где-то зарплатные ведомости раскопала...

— Это не безопасность раскопала, — негромко сказала Ира, серьёзно глядя Зарецкому в лицо. — Это финансисты на итоговом совещании озвучили.

— Интересные дела, — Ярик скрестил руки на груди. Лифт мелодично звякнул и раздвинул створки, впустив в грязно-жёлтый сумрак яркий солнечный свет. — С чего это уважаемые коллеги так осмелели?

— Так Михалыч им быстро мозги вправит, — уверенно заявил Макс и помахал пробежавшему мимо знакомому лаборанту.

— Может, вправит, может, нет, — мрачно сказал Ярик. — Работать надо. Чтобы поводов докопаться не было.

— И неукоснительно следовать регламентам, — пробормотал Макс ему в тон.

— Какой дом! — восхитился Андрюха, прилипнув к стеклу.

— Густонаселённый, — прокомментировал Мишка и в очередной раз осторожно повернул руль.

Маленький тенистый дворик проектировали когда-то давно, без расчёта на наличие у каждого здешнего жителя автомобиля, а то и не одного. Фары выхватывали из душной темноты блестящие бока чужих машин, низенькие фигурные заборчики, высокие бордюры и прочие непреодолимые препятствия. Мишка покаянно вздохнул и решительно сдал назад, перекрывая выезд двум авто, добросовестно загнанным в парковочный карман.

— Нехорошо как-то, — вздохнул Андрей. — А вдруг кому-то срочно понадобится выехать?

— Среди ночи?

— Так если среди ночи выезжают, то по очень срочным делам.

Мишка виновато поскрёб в затылке и пристроил под стеклом картонку с извинениями и просьбой звонить на указанный номер.

— Вот. Теперь порядок, — он отстегнул ремень и потянулся за сумкой, брошенной на заднем сидении. — Мы ж тоже не просто так тут прохлаждаемся.

— Как думаешь, этот призрак опасный? — серьёзно спросил Андрюха, выбираясь наружу. — Ой, шиповник цветёт!

— Не рвать, — хохотнул Старов. Машина в последний раз моргнула поворотниками, и вокруг сомкнулась не слишком тёмная московская ночь. — А призрак — не знаю, на месте разберёмся. Какой там подъезд?

— Третий, — Бармин завертелся на месте, как флюгер на ветру. — Вон туда. Смотри, Миш, какие арки! Так в тридцатые строили.

— Красиво, — кивнул Старов, чтобы не обижать коллегу. Может это быть важным? Да нет, наверное; какая разница, что за дом?

У подъезда их ждали. Парень и девушка негромко переговаривались у крыльца; завидев Мишку с Андреем, девушка поспешила навстречу и, не слишком переживая по поводу седьмой статьи, напрямую спросила:

— Это вы из магконтроля?

— Мы, — кивнул Мишка и продемонстрировал удостоверение. Андрюха повторил жест. — Офицер Михаил Старов, офицер Андрей Бармин. Доброй ночи.

— Ой, да, здравствуйте, — ничуть не смугилась девушка и, обернувшись, махнула спутнику. — Саш, иди сюда! Я Люда, а это вот Саша, брат мой. Это мы заявку писали.

— Добрый вечер, — брат Саша сдержанно кивнул и пожал руку сначала Мишке, потом Андрею. Выглядел он и постарше, и посерьёзнее шепутной сестрицы.

— Расскажите подробности?

— Ага. Лучше тут, — решила Люда и огляделась по сторонам. — Хотя нет, давайте отойдём, вдруг через окна слышно будет...

Легко сориентировавшись в ночном полумраке, она с проворством местного жителя отыскала упрятанную в кустах сирени лавочку и первой плюхнулась на неудобное сидение. Мишка сверился с часами, кивнул Андрею и тоже уселся.

— Ой, да не переживайте, она раньше полуночи не появится, — девушка легкомысленно махнула рукой. — Короче, на самом деле давно уже эта тема тянется, но сейчас прям опасненько стало, вот и написали.

Мишка нахмурился и сделал деликатную попытку направить словесный поток в нужное русло:

— Проблема, я так понимаю, в вашей бабушке?

— Проблема в нашем дедушке, — вмешался Саша. — Он с ней разговаривает постоянно, вот боимся, что бабушка его уведёт в конце концов.

— Она пять лет назад умерла, — поведала Люда без следа печали в звонком голоске. — Но до весны не появлялась, а тут повадилась. Раза три уже приходила. Ничего плохого не делает, просто дед с ней триндит каждый раз...

— Дедушка стал всякое говорить, — перебил сестру Саша. — Вроде того, что ему на тот свет пора и всё такое. А тут ещё двадцать второе на носу...

— Сашка посчитал, в какие дни ба появляется, и заявку вот написал.

— Ну да, за дедушку волнуемся.

— Вдруг ба его уговорит?

— А так она безобидная...

— Вы её не убивайте, пожалуйста. Только деда увести не дайте...

— Так, — Мишка хлопнул ладонью по колену. — Давайте-ка по порядку. У вас там призрак? Помнит себя, ни

с кем, кроме супруга, не заговаривает?

— Да.

— Ага.

— Появился примерно три месяца назад, но до сих пор никого не увёл, — продолжил Старов. — Дедушка из одарённых?

— Ага, маг.

— Седьмой категории!

— Фёдор Иванович зовут.

— И бабушка ведьма была...

— А сколько дедушке лет? — педантично уточнил Мишка.

— Девяносто семь, — гордо сообщила Люда.

Андрюха беспокойно завозился рядом. Да уж, со стариками нелегко, особенно в таких вот семейных историях. Бояться, похоже, особо нечего: призрак настолько слабенький, что престарелый маг запросто с ним беседует. Видимо, придётся заниматься дипломатией, убеждая бабушку добровольно оставить семейство в покое.

— Я вас предупрежу, — напрямик сказал Мишка, — если что вдруг пойдёт не так, призрак придётся уничтожить. Мы, конечно, приложим все усилия...

Заботливые внуки встревоженно переглянулись.

— Ну, мы понимаем...

— Это всё равно уже не бабушка. Не совсем бабушка...

— Мама тоже так говорит.

— Пойдёмте тогда, — решил Старов, взглянув на часы. — Народу в квартире много?

— Ну, мы с Сашкой, дед, мама с папой и Танька, племяшка, — добросовестно перечислила Люда. — Но вы не переживайте, никому не мешаете.

— Да, мы всех предупредили.

— Мама котов закрыла, чтоб не мешали.

— И Кузю тоже, это дедов бульдог...

Мишка присвистнул бы, если б позволяла профессиональная этика. Эвакуировать бы на всякий случай всё это дружное семейство вместе со зверинцем, да времени в обрез. Что ж, довольно будет, если домочадцы тихо посидят где-нибудь в другой комнате... Если поместятся, конечно. Как они вообще в таком количестве уживаются в одной квартире?

— Вот, проходите. Тапочки дать вам? — Люда небрежным движением скинула босоножки и щёлкнула выключателем. — Можно и в обувке, всё равно после Кузи вечером ещё не мыли.

Приглушённый абажуром свет осветил длинный коридор, выстланный паркетной «ёлочкой». На светлом лакированном дереве отчётливо виднелась цепочка собачьих следов; очевидно, Кузя не слишком уважал водные процедуры. Костик бы брезгливо скривился, а Мишка решил, что это даже как-то мило. Выкрашенных гляцевитой белой краской дверей Старов насчитал никак не меньше пяти, а дальний конец коридора вдобавок терялся во мраке. Андрюха восхищённо осматривал высокие потолки и солидного вида мебель; предложения насчёт тапочек он, похоже, вовсе не заметил, так что Мишка счёл допустимым тоже остаться в уличных ботинках.

— Дед! — Люда для порядка стукнула костяшками пальцев в одну из дверей и тут же её распахнула. — Тут магконтроль приехал... Ой, блин!

Её возглас не сулил ничего хорошего. Старов решительно отёр в сторону предприимчивую внучку и сам шагнул в тесную комнатку, освещённую тусклым ночником. Сидевший в потёртом кресле дед был не то что стар — древен, как столетний битый бурями дуб, и так же крепок. На ввалившихся в его обитель визитёров он едва взглянул выцветшими глазами. Призрак был тут как тут: дымчатая полупрозрачная фигура молодой женщины в старомодном платье маячила против приоткрытого окна. Мишка счёл за благо предъявить удостоверение.

— Фёдор Иванович, добрый вечер. Магконтроль, офицер Старов... — начал он.

— Люська, небось, постаралась? — усмехнулся дед. Он не выглядел ни зачарованным, ни беспомощным. — Вот ведь беспокойная... Извините, молодёжь, что потревожили. Всё тут у нас путём, помощи не надо.

Призрак, пугливо жавшийся к тяжёлой портьере, осторожно подался вперёд. Вот и что с ним, таким, делать? Деду от общества почившей супруги, похоже, и впрямь ни тепло ни холодно, остальному семейству вплоть до нечистоплотного Кузи — тем более. Но и не оставлять же нежить просто так!

— Внуки ваши беспокоятся... Ох, нифига себе! — Мишка пошатнулся от неожиданно мощного натиска враждебных чар. Серебряная цепочка на шее возмущённо нагрелась. — Фёдор Иванович, опасно такую нежить в дом пускать!

— Феденька! — испуганно прошептала призрачная женщина. — Я не нарочно...

— Знаю, душенька, знаю, — проворковал старый маг. Никаких оберегов на высохшей шее видно не было; где

только силы берёт? — Вам, ребятки, должно правила-то помнить. У меня вон даже правнуки знают, что не след с бабкой говорить, ну а мне Алечка ничего не сделает. Правда ж?

Призрак поспешно закивал. Отнюдь не слабенький, однако! По регламенту с такими разговор короткий, но как быть с любящим семейством? Взять да воспользоваться властью?

— Фёдор Иванович, — вдруг подал голос Андрюха. — Это же опасно! Ваша семья или соседи могут пострадать!

— Да что ж им страдать? — вскинулся дед. — Алечка ко мне приходит, никого другого не трогает...

— Фёдор Иванович, это пока вам везло, — значительно сказал Бармин. — Вы же сами понимаете. Нежити себя не контролирует...

— Это кто ж тут нежить? — старик вцепился узловатыми пальцами в подлокотники кресла.

— Вот этот вот призрак, — Мишка решительно поддержал коллегу и тут же схлопотал ещё один заряд чар. — Фёдор Иванович, ваши родные беспокоятся, и обоснованно, что он может убедить вас... расстаться с жизнью.

— И что с того? — оцетинился дед. — Здесь-то мне делать, почитай, нечего, а там вон... Алечка ждёт, молодая, красивая...

Призрак прижал ладонь к прозрачной груди и тоненько всхлипнул. Несчастная Алечка, кажется, сама запуталась в своих порывах. Мужниной смерти она вряд ли хочет, но нежизнь есть нежизнь, от неё так просто не отбрыкаешься.

— Фёдор Иванович, — мягко, как капризному ребёнку, сказал Андрей. Дед возрился на него негодуя. — Вы ведь понимаете, что гарантий никаких нет? Никто не знает, что происходит с теми, кого уводит нежить.

Алечка понуро опустила гладко причёсанную голову. Старик смотрел на неё обескураженно и печально.

— Душа моя, — тихо проговорил он, — что хоть там?

— Не знаю, — прошелестел в ответ призрак. Мишке холодно стало от звука голоса, не принадлежащего этому миру. — Я-то ведь здесь.

— А зачем? — аккуратно спросил Бармин и тут же поморщился: защитный амулет он тоже носил.

— Феденька здесь, — отозвался призрак. — Сонечка, Валя, Манюша...

— Так им туда ещё рано, — Мишка решительно прервал перечисление родни и поправил цепочку. — Вон как греется... Опасно родичам-то.

— Алечка, — глухо каркнул старик. — Ты ж без меня не уйдёшь, да? Не сможешь?

Призрак, помедлив, кивнул. Дед устало прикрыл глаза; из коридора показались любопытные мордочки внуков. Выгнать бы... Чтоб хоть не видели. Сомневаться тут нечего, закон и регламенты уже подумали за Мишку. Андрюха, словно услышав мысли коллеги, деликатно прикрыл дверь.

— Мы можем предложить полигон, — тихо сказал он. — Только видеться вам не позволят. Во избежание.

— Ну и зачем оно тогда? — проворчал Фёдор Иванович. Впалая грудь под флисовой рубашкой тяжело вздымалась, словно старику стало трудно дышать. — Пойду я. Всё одно зажился на белом свете, давно пора...

Мишка среагировал мгновенно; сам Верховский не нашёл бы, к чему придраться. Дед ещё не договорил самоубийственных слов, а серебристая сетка уже опутала ринувшийся на добычу призрак. Вид у Алечки был растерянный, словно она сама от себя не ожидала подобной прыти. Лучше уж не смотреть, не то совсем жалко станет...

— Фёдор Иванович, отвернитесь, — угрюмо скомандовал Старов, зажигая над ладонью язык пламени.

— Куда «отвернитесь»?! Я тебе покажу — «отвернитесь»! — запротестовал было дед, однако тут подоспел Бармин. Андрюха проворно развернул к себе кресло и бережно ухватил старика за запястья; всё это — с неизменным сочувствием на лице. — Ах ты, сопляк!.. Алечка!..

Призрак сам протянул дрожащую руку навстречу огню. Мишка готов был поклясться, что на бесплотных щеках блеснули слёзы. Пламя вспыхнуло остро и высоко, почти до трёхметрового потолка, и тут же опало; следом развеялась за ненадобностью ловчая сеть. Фёдор Иванович всё ещё хрипло кричал на Андрея. Мишка не глядя сунул освободившуюся руку в сумку и выудил походную аптечку.

— Вот, — сначала успокоительное, затем укрепляющее. Куда такие потрясения в девяносто семь-то лет? — Пейте. Это приказ.

Дед глянул на Старова почти что с ненавистью. Неужели присягу нарушит?.. Нет, выхлебал, давась, оба снадобья. В комнату шумно ввалились внуки; Люда потянула носом и громко охнула. Мишка встретился взглядом с Сашей.

— Я предупреждал, — тихо сказал он.

— Я помню, — серьёзно кивнул парень. — Спасибо вам.

— Миш, может, снотворного? — шепнул жалостливый Андрюха.

— Если Фёдор Иванович захочет.

Не захотел. Старик бессвязно ругался, скорее горько, чем зло. Ну и пусть его, мало, что ли, на головы

контролёров обрушено проклятий? Лишь бы живой остался... Чтоб не так, как в пятницу. Чтоб не кусать в кровь губы, как Ксюша, и не сжимать бессильно кулаки, как Ярослав. Внучка обрушилась на деда с объятиями; вот и хорошо, авось хоть так старик поймёт, что жить лучше, чем не жить.

— Пошли, Андрюх, — позвал Мишка. — Дальше не наше дело.

— Сейчас, — Бармин кивнул и опустил на корточки перед стариком. — Фёдор Иванович... Нет на свете ничего дороже, чем жизнь человеческая. Не держите на нас зла.

Мишка перевёл дух только на улице. Одурающе пах цветущий шиповник, в грязно-багровом небе плыли куда-то не то низкие облака, не то клочья дыма от труб ближайшей теплоэлектростанции. Бармин прерывисто вздохнул и сунул руки в карманы. Будет теперь переживать... Да он всё подряд переживает.

— Хорошо сказал, — похвалил Мишка. — Про жизнь.

— Это из книжки, — пояснил Андрюха. — Из «Слова». Хотя вообще-то мысль не новая. А нам не туда разве?

— Может, и туда, — Старов завертел головой в поисках машины. — Не грусти давай. Всё же обошлось...

— Я знаю, — кивнул Бармин и снова вздохнул. — Задумался... Это же как любить надо, чтобы вот так запросто...

— Сильно, — неуклюже брякнул Мишка. На что бы такое перевести разговор, пока Андрюха окончательно не скис? — Дедок-то крепкий, а? Против таких чар выдержал!

— Я читал, что так бывает, — оживился Бармин. — Когда без артефактов чары сбрасывают, даже серьёзные. Воля должна быть железная...

— Воля волей, а цепочку лучше не снимать.

— Это да. А Костя не носит вот, — припомнил Андрюха. — Хотя Александр Михайлович лично на всех заказывал.

— Ну, может, другая какая-нибудь фигня есть, — пожал плечами Мишка. — Как у Макса. Хотя Макс и цепочку тоже носит...

— Костя говорит, что отсутствие поблажек дисциплинирует, — сообщил Бармин.

— Костик строгий слишком, — Старов снял машину с сигнализации и приглашающе качнул головой. Андрюха резво оббежал капот и забрался на пассажирское сидение. — Он сам к себе очень требовательный, вот и думает, что все остальные — как он.

— Он добра желает, — резонно заметил Андрей. — Уже, наверное, пришёл дежурить. Я ему позвоню.

— Ага, давай, — Мишка осторожно тронулся с места, вертя головой, как бдительный сурикат. — Тебе в офис за чем-нибудь надо?

— Вроде бы нет.

— Тогда по домам, — решил Старов. — Шефу потом отчитаемся.

Андрюха, как всегда, был полностью с ним солидарен.

Тонкая полоска света наискось перечеркнула комнату и легла на край разворошённой постели. Беспорядок, неуклюжий и безыскусный, на фоне выдержанной в безупречном минимализме комнаты казался чудовищно грубой заплаткой. Ксюша плеснула в стакан воды из почти пустого графина и выпила в несколько жадных глотков, потянулась за пультом от кондиционера. Будильник равнодушно показывал полпятого утра; сна совсем не осталось, сколько ни кутайся в осточертевшее одеяло и не переворачивай отвратительно тёплую подушку. В пору посменных дежурств время сливается в один сплошной поток, который стрелки на циферблате нарезают на мелкие равные частички. Если задёрнуть плотнее тяжёлые шторы, вовсе не понять, день сейчас или ночь.

Ксюша забралась с ногами в ближайшее кресло и прижалась спиной к упоительно холодной кожаной спинке. Телефон приветствовал её пустым экраном; ещё бы, в такую рань не спит разве что дежурный Чернов. Можно было бы набрать и ему, если бы не уверенность, что ничего хорошего он не скажет. Никаких дел у Ксюши к Косте нет, а просто так выговориться — это точно не по его части. Палец замер над номером, подписанным «Мой». Впору в очередной раз удалять. Удивительно до смешного, как по-разному всё начинается и как одинаково заканчивается. Одним и тем же вопросом: «Почему ты не можешь, как все?» Наверное, услышав его снова, она что-нибудь разобьёт о голову, в которую придёт светлая мысль это выяснить. Что ж, ещё одному человеку офицер Тимофеева ни за что больше не позвонит с невысказанной просьбой выслушать и успокоить.

Утреннее солнце остро сверкнуло на тиснённых золотом буквах. Толстый фолиант по практической магии, бережно заложенный резной металлической пластинкой, уже четвёртый день делал всё, что мог, чтобы отвлечь Ксюшу от назойливых мрачных мыслей. Она одолжила его месяц или полтора тому назад, но всё никак не могла как следует засесть за учёбу. Понадобилась прошлая пятница, чтобы хватило силы воли вновь загнать себя за учебники. Ксюша рассеянно погладила выдавший виды корешок. Книги — это прекрасно, это полезно и интересно, особенно если речь о таких редкостях, но сейчас хочется к людям. К людям, которые в такую несусветную рань досматривают десятый сон...

Ксюша снова схватилась за телефон. Не у неё одной сбился привычный распорядок дня, а если и нет — сообщение не звонок, вряд ли разбудит. «Не спишь?» — такое себе начало разговора; впрочем, не со всеми обязательно соблюдать вежливые ритуалы. «Не сплю. Что-то случилось?» В этом, пожалуй, весь Ярослав. Ксюша задумалась над ответом. Ничего, в общем-то, не случилось. Ничего нового. «Как в субботу?» Да, лучше определения не придумаешь. Как в субботу.

«Давай в Филёвском парке через полчаса». Вздумай она написать Мишке, тот принялся бы квохтать и многословно беспокоиться о душевном спокойствии коллеги; не фальшиво, нет, просто слишком назойливо. Чернов отчитал бы, а Макс — просто не понял. Косметичку и шкатулку с украшениями Ксюша проигнорировала, ограничившись только обычной защитной амуницией. Чёрт знает, зачем; должно быть, по вьёвшейся за последние два года привычке. Отражение в зеркале сливалось с затопившим комнату полумраком; Ксюша рывком отёрнула портьеры, впуская в дом ласковый утренний свет, и вернулась к гардеробу. Мешковатые джинсы, простенькая летняя рубашка, скорее удобная, чем красивая. На работу Ксюша так не явилась бы, но на работу сейчас и не надо.

Идти до парка — минут десять по пустынным улицам, мимо вхолостую меняющих цвета светофоров. Знакомая машина обогнала Ксюшу в сотне метров от сереющих среди буйной зелени арок главного входа. Запоздало укусила совесть. Если бы не треклятые дежурства, было бы проще... Или не было бы: в кабинете всегда ошивается кто-нибудь лишний.

— Привет, Слав, — Ксюша виновато улыбнулась. Коллегам улыбаться легко; проще, чем отражению в зеркале. — Извини, что выдернула.

— Всё равно скоро в Управу ехать, — отмахнулся Зарецкий и тут же обеспокоенно спросил, понизив голос: — Что такое, дурные сны?

— Нет, не сны, — какие уж тут сны, когда после дежурства сначала с ног валишься от усталости, а потом, наоборот, не можешь сомкнуть глаз! — Мысли, скорее... Страшно на работе трубку взять. Едешь на вызов и думаешь... всякое...

— Понятное дело, — кивнул Ярик. Ксюша тайком перевела дух. Хорошо, когда не нужно объяснять. — Хочешь, поговорю с шефом? Мы как-нибудь на троих твои смены поделим.

— Хорошо, что Костя тебя не слышит, — дурацкая улыбка сама собой тронула губы.

Мимо пронёсся, отдуваясь и грохоча музыкой в плохоньких наушниках, ранний бегун. Ксюша проводила его рассеянным взглядом. Мишка сбрасывает стресс спортом; может, и ей попробовать? Помогли бы в пятницу навыки легкоатлета?

— Костя на моей памяти не сталкивался со смертью, — спокойно заметил Ярослав.

— А ты? — лягнула Тимофеева и тут же прижала ладонь к губам. — Ой, прости, я не подумала...

— Всё в порядке, — заверил коллега. — Пятница — полностью моя вина, не бери её на себя. Нельзя на таком заикливаться, иначе очень быстро с ума сойдём. С нашей-то работой.

Он уже говорил это в прошлый раз и уже выслушивал её путанные возражения, утонувшие в итоге в горячих стыдных слезах. По второму кругу не хочется; не располагает ни странное настроение, ни юное жизнерадостное утро.

— Клумбы здесь симпатичные, — заметила Ксюша, кивнув в сторону пёстрых красно-жёлтых цветников. — Хоть за городскими парками надзор присмотреть в состоянии...

— Они и за лесами неплохо присматривают, — рассудил Ярослав. — Другое дело, что против тени им без нас ничего не поделать. А клумбы ярковаты, по-моему.

— Мне нравится тёплая гамма, — Ксюша нервно сцепила руки за спиной. — Против тени и нам сложно что-то сделать... Я справочники прошерстила, жуть какая-то.

— Точно, — Зарецкий сдержанно усмехнулся. — Тени — это прямо моё. Одна как-то до полусмерти напугала, долго потом кошмары снились.

— Ты серьёзно, что ли?

— Ага. Мне лет пять было.

Ксюша неуверенно хихикнула.

— Ничего себе у вас там в Архангельской области зверушки водятся...

— Тайга, — Ярик окинул взглядом низкие ветви вязов, одетые блестящей на солнце глянцевитой листвой. — На каждую ёлку сигнальных чар не навешаешь.

— Это да... — Ксюша вздохнула. Болезненные вопросы всплывали сами собой, как пузыри зловонного газа со дна болота. — А что всё-таки делать? Раньше же как-то справлялись с этим всем...

— Сделать можно много чего, — Зарецкий сунул руки в карманы. Контролёрам пришлось примолкнуть и посторониться, пропуская волкодава с болтающимся на поводке собачником. — Например, отменить положения о секретности и поставить на поток поиск и обучение одарённых. Или спустить зов по имени хотя бы на пару категорий. Пересмотреть третью статью, в конце концов...

— Уже как-то пытались, — припомнила Ксюша. — Давно, лет двадцать назад. Ничем не кончилось...

— Да, знаю, — Ярослав досадливо поморщился. — С этим всем в Совет идти надо.

— И ты пойдёшь?

— Да, наверное. Когда поспокойнее станет.

— Спасибо. Мне стало легче, правда, — призналась Ксюша и вспомнила, что задолжала коллеге ещё одну благодарность. — Я книжку читать начала. Очень круто, много чего не знала.

— Век живи — век учишься, — Ярик тепло улыбнулся. — Дочитаешь — ещё парочку подброшу, у меня этого добра много.

— Ты золото, — искренне сказала Ксюша. Ей тоже по-настоящему хотелось улыбаться, впервые за последние дни. — Что бы мы без тебя делали?

— Всё то же самое, — серьёзно ответил Зарецкий. — Не будь меня, тебя, Кости, шефа, кого угодно — магконтроль никуда не делся бы, и Управа тоже. Обнадёживает, правда?

— Но мы же есть, — возразила Ксюша. Запутавшийся в ветвях ветерок заставил её зябко поёжиться.

— Точно, есть, — Ярик обнял её за плечи; от чужого прикосновения мигом стало теплее. — Не переживай, справимся.

— Угу, — Ксюша позволила себе уткнуться лбом коллеге в плечо. На пару мгновений, не больше, чтобы не замедлять и без того неторопливый шаг. — Нельзя не справиться.

Оба вновь замолчали. Ласковое солнце сквозило в резной листве; к полудню оно раскалится и примется плавить асфальт. К полудню Ярику в Управу, заниматься рутинной и ждать неведомого. Такая уж работа; поди пойми, они её выбрали или она — их.

— Я запросил у надзора разъяснения, — сказал вдруг Зарецкий. — По поводу приказа. Надо разобраться, что у них сработало не так.

— А я забыла, — призналась Ксюша. — Вернее, подумала, что шеф всё равно на них наедет. Думаешь, ошиблись просто?

— Скорее всего, не знали. Для подставы как-то уж слишком жестоко... — Ярик нахмурился. — Если только это не диверсия.

— Против нас? — нехорошее подозрение здорово пошатнуло зыбкий покой. Ксюша не возражала; оберегать от неприятностей надо Андрюшу и, может, немного Макса, но никак не старшего офицера Тимофееву. — Слушай, а ты не думал... Ну, вся эта ерунда с мая началась...

— Думал, конечно, — Зарецкий, помедлив, качнул головой. — Нет, Ксюш, Ира здесь ни при чём.

— Ты так уверен?

— Теперь — да, — он замер на миг на развилке и решительно свернул на тропинку, ведущую к набережной. — У девочки талант оказываться не в то время не в том месте, но не более того.

— Тогда кто?

Ярослав ответил не сразу. Они спустились к дремлющей в бетонных берегах реке; опрокинутый в тёмную воду город мерцал солнечными бликами. Ксюша облокотилась на холодный поручень и проводила взглядом какую-то жужелицу, летевшую по своим жучиным делам.

— Или разносторонняя личность, или слаженный коллектив, — осторожно сказал Зарецкий, встав рядом. — Ключи у домовых воровать — это сильно.

— А что в этом такого?

— Ну, — он усмехнулся в усы, словно припомнив что-то забавное, — домовые — те ещё педанты. Что-то у них стащить очень проблематично.

— Бывают же люди, которые с мелкой нежитью ладят, — Ксюша пожала плечами. — У тебя есть монетка?

Ярик молча порылся в карманах и протянул ей горстку разнокалиберной мелочи. Ксюша выбрала новенькую рублёвую монету; металлический кругляш жизнерадостно сверкнул в лучах солнца.

— Тебе зачем?

— На счастье, — Ксюша высоко подбросила монетку и проследила, как яркая искра нырнула в воду. — Доберусь до кошелька — верну.

— Не надо, — Ярик ссыпал мелочь обратно в карман. — Ты в курсе, что это суеверие?

— Ну и ладно. А вдруг сработает? — легкомысленно отозвалась Ксюша.

Коллега скептически хмыкнул, но промолчал. Проглотившая подарок Москва-река неторопливо текла мимо, шепча что-то ласковое строгим берегам. На Ксюшин взгляд, в столице было маловато воды и многовато пёстрого хаоса, но за прошедшие годы Тимофеева и город друг к другу притерпелись. Москва мало-помалу перестала быть чужой вместе с её шумной суетой, путаницей улиц и переулков, летним зноем и зимними морозами. С её людьми, деловитыми и беспокойными, завалившими Управу прошениями, нуждающимися в защите. Где уж тут предаваться унынию...

— У тебя сейчас есть кто-нибудь? — спросила Ксюша, повинувшись порыву.

Ярик усмехнулся и покачал головой.

— Работа у меня есть, Ксюш.

— Трудоголик, — она улыбнулась, сглаживая резковатый тон. — Дай угадаю: отсюда сразу в Управу поедешь?

— Нет, сначала подброшу тебя до дома, — Зарецкий отступил на шаг от парапета и мельком взглянул на часы. — Опционально можно где-нибудь позавтракать.

— А давай, — решила Ксюша. — Чего на дежурство голодным тащиться, правда?

— Ага... Насчёт дежурств предложение в силе, — напомнил Ярик. Говорил он без тревоги в голосе, но, похоже, всё ещё беспокоился.

— Нет уж, — твёрдо сказала Ксюша. — Иначе получится, что я не выдержала.

Она лихо повернулась на каблуках и первой зашагала прочь. Пахнувший свежестью ветерок ласково дышал ей в лицо.

Поверх обычного рабочего беспорядка Старова ждал аккуратно надрезанный конверт. На прилепленной к нему ярко-синей бумажке значилось лаконичное «Полюбуйся». Мишка потянулся было к интригующему посланию, но вовремя вспомнил, что сначала надо уделить внимание коллегам.

— Жаркий нынче денёк, — сообщил Макс под шум разгулявшегося к полудню ливня. — Семь вызовов, и это ещё четыре мы надзору спланировали! Гуляет московская дохлятина.

— Кончится это когда-нибудь? — тоскливо спросила Ксюша, глядя в окно.

— В ближайшие два часа дождь не прекратится, — виновато сказал Андрей, сверившись с телефоном.

Снаружи согласно заворчал гром. Тимофеева вздохнула, сдёрнула с подоконника мокрый зонт и рывком его сложила, окропив всё вокруг холодной дождевой водой.

— Тогда надо ехать домой, — заключила Оксана. — Миш, мы текучку не до конца разобрали, это вам в наследство.

— Ага, — Старов безропотно забрал у неё бумаги. — А здесь как дела? Спокойно всё?

— Без понятия. Шеф где-то бегает, — Ксюша, не скрывая отвращения, набросила на плечи насквозь пропитанный влагой плащик. — Пошли, Макс, подвезу до дома.

— А покурить?

— Потом покуришь, фумигатор.

Некрасов красноречиво пожал плечами и, схватив куртку, унёсся следом за ней. В кабинете мигом стало тихо и как-то пусто. Мишка плюхнулся в кресло и взялся за конверт; предоставленный сам себе Андрей улизнул набрать лейку. Должно быть, переживал, что в такой ливень цветку обидно стоять сухим.

На конверте красовался прямоугольный чернильный отпечаток, сообщавший, что содержимое проверено отделом обеспечения безопасности. Отметок об изъятии чего-либо Старов не нашёл. Бумага внутри была всего одна; куцый текст, втиснутый между горделивой, украшенной гербом шапкой на половину листа и синими кругляшами официальных печатей, сухо сообщал, что по направленному запросу никаких данных не найдено. Мишка не сразу понял, о каком именно запросе идёт речь, а когда вспомнил, вздохнул и пожал плечами. Будь владелец злосчастного медальона хоть опаснейшим нелегалом с зашкаливающей категорией, найти его теперь почти нереально. Если Ярик так уж хотел вычислить личность загадочного обитателя метро, надо было озаботиться и оставить на память хоть какую-нибудь тряпочку, а не выжигать к чёртовой матери весь вентиляционный коридор. Этой светлой мыслью Мишка и поделился с приятелем, немедленно получив в ответ сердитое: «Мне было несколько не до того».

— Справедливо, — буркнул Старов себе под нос, откладывая в сторону бесполезный лист.

— Что справедливо? — Андрей протиснулся в дверь и торжественно пронёс через кабинет наполненную до краёв лейку.

— Да это я так, — Мишка рассеянно взлохматил волосы, всё ещё влажноватые после пробежки от машины до крыльца. — Ответ вон пришёл по отпечаткам с медальона, не нашли нифига.

— Ой! — Бармин аж подскочил, пролив на тропического питомца лишнюю порцию студёной водопроводной воды. — А я же тебе забыл сказать про надпись! Позавчера ещё принёс, но что-то всё дела...

— Ты расшифровал, что ли? — уважительно спросил Старов, наблюдая, как коллега лихорадочно роется в ящике стола.

— Конечно! — Андрюха вытащил на свет сложенный вчетверо тетрадный лист и рванул докладываться. — Вот, смотри. Это никакой не язык, а просто тайнопись. Слова все русские, только кое-где с ошибками написаны...

Мишка послушно взгляделся в ряды добросовестно зарисованных букв. Что-то знакомое они напоминали, но слишком уж отдалённо. Не то руны, не то клинопись, не то готический шрифт. Под каждым значком Андрюха добросовестно подписал соответствующую кириллическую букву, но в целом выходила какая-то нечитаемая околесица.

— Почему тут мягкий знак? — спросил Старов, отчаявшись понять, что здесь углядел Бармин.

— Это ерь, — сообщил Андрей, пробудив в Мишкиной душе детсадовское желание ответить нецензурной рифмой. — Так раньше писали. Просто современный русский не очень подходил, поэтому я взял за основу орфографию тринадцатого века...

— Андрюх, не пойму же всё равно, — Мишка виновато улыбнулся. — Что тут написано?

— Ну, если примерно перевести на современный, то «сделано силы и крепости ради, кто наденет, того пусть не тронет...» А вот это слово не очень уверен, — Андрей ткнул пальцем в сгрудившиеся значки. — Если по буквам сопоставлять, то получается «се-ма-ра», но я не придумал, что это может быть такое.

— Что-нибудь нехорошее, — предположил Старов. — Болячка какая-то.

— Я тоже так думаю, — серьёзно кивнул Бармин. — Это заклинание. Надпись длинная, трудов колдун много вложил. Сильная, наверное, штука.

— Теперь не узнаем уже, — вздохнул Мишка. Где же, кроме самого медальона, он встречал похожие остроконечные буквы? Пока в архивах рылся, что ли? — А что за алфавит-то?

— Придуманный, — ответил Андрей, но не очень уверенно. — Я таких не видел раньше.

— А мне почему-то кажется, что я видел, — признался Старов. — Бред, да?

— Может, и нет, — дипломатично возразил Бармин. — Ты попробуй вспомнить, вдруг получится?

Мишка честно задумался, но был немедленно сбит с толку появившимся в дверях шефом. За плечом Верховского маячила Ира с ноутбуком в руках; видимо, начальнику приспичило допрашивать кого-то важного.

— Михаил, — шеф пожал подчинённым руки и окинул неодобрительным взглядом хаос на Мишкином столе, — есть у меня кое-что про твою душу. Зайди.

Старов покорно проследовал за Верховским в логово. Начальник жестом велел ему сесть и сам устроился напротив. Перед Мишкиным носом лег фрагмент карты с обозначенной точкой и подписанным адресом.

— Наш друг паразит решил напомнить о себе, — сообщил шеф. — Позавчера. Похоже, перебрался в Беляево.

— В Беляево? — озадаченно переспросил Мишка.

— Да. Это тебе говорит о чём-то?

— Ну, нет, — Старов запустил пятерню в волосы. — Он как будто куда-то пробирается. Перово, Текстильщики, Южный Порт, потом, по-моему, была Котловка...

— На юге Москвы живёт много одарённых, — заметил начальник. — Кормовая база просто отличная.

— Может быть, — не стал спорить Мишка.

— Сейчас, конечно, уже почти бесполезно, — задумчиво произнёс Александр Михайлович, созерцая карту, — но я всё же хотел бы, чтобы ты сам съездил на место. Заодно и с заявительницей поговоришь.

— Опять женщина?

— Именно. Контактные данные здесь, — шеф протянул Мишке ещё один лист. — Собственно, это показания, которыми безопасность сочла нужным с нами поделиться.

— Я зайду к Викентьеву.

— Это более чем нежелательно, — сухо бросил Верховский. — Если ты помнишь, я пару недель назад предупредил о возможных проблемах.

— Да ну, не сейчас же! — искренне возмущился Мишка и тут же озадаченно примолк под тяжёлым начальственным взглядом.

— Сейчас, — с нажимом сказал Александр Михайлович. — Коллеги выражали крайнюю степень заинтересованности в общении с тобой. Я отказал.

— И Евгений Валерьевич смирился?

— О да, — шеф сумрачно хмыкнул. — У него уже случился показательный прецедент.

Вон оно как. Мишка рассеянно потёр подбородок, вперившись в бумаги невидящим взглядом. Викентьев, конечно, себе на уме, но с ребятами из его группы Старов неплохо ладил. Теперь, выходит, дружба врозь...

— Неправильно это, — пожаловался Мишка скорее сам себе, чем шефу. — Чего мы с ними закусились? Общее дело ж делаем.

— Кроме общего, есть ещё и частные, — сказал шеф и откинулся на спинку громоздкого кресла. — Аккуратнее, Миш, не стоит слишком доверять людям.

Старову не понравилась эта мысль. Шеф хранил молчание и рассеянно барабанил пальцами по столу; должно быть, аудиенция подошла к концу. Мишка забрал бумаги и поднялся; дверь распахнулась ему навстречу, на пороге возник встревоженный Бармин.

— Александр Михайлович, простите, пожалуйста! Там... — Андрюха красноречиво выставил перед собой телефонную трубку. — На Лосином Острове болотник вылез, в Кузьминках шишиги разбежались, и ещё в центре у кого-то домовая буянит...

— Домового пусть надзор утихомиривает, — спокойно постановил шеф. — Остальное к нам. Миш, поднимай Чернова с Зарецким и ноги в руки.

Парни явились почти одновременно. Ни удивления, ни недовольства никто не выказывал. Костя, хоть и в джинсах с майкой вместо строгого костюма, выглядел идеально собранным; Ярик, слушая диспозицию, наспех завязывал на затылке растрёпанные волосы. Мишку ужалила совесть: у обоих сегодня выходной, а Чернову ещё и принимать вечером дежурство...

— Ну, понятно, — заключил Зарецкий, проглотив зевок. — Кто-то один — на Лосиный, а остальные — ловить шишиг.

— Болотника возьму я, — важно заявил Костя. — Я там был, могу прыгнуть.

— Стало быть, мы — в Кузьминки, — кивнул Ярик. — Мих, за рулём?

— Там холодно, — предупредил Старов за миг до того, как исчез Костя. — Слав, сгонял бы за курткой?

— Не, там не замёрзнешь, — отмахнулся Зарецкий. — Поехали, а то попрячутся все. Лови их потом по подвалам...

Мишка куртку таки надел и взял зонт. Андрей пошёл дальше — тщательно замотался в шарф и натянул дождевик, мгновенно обретя сходство со зловещим кладбищенским призраком. Если бы, конечно, призраки умели подпрыгивать на ходу и обеспокоенно пыхтеть. Ливень разгулялся не на шутку: сквозь сплошное водяное полотнище едва виднелся соседний скверик, а по брусчатке стекал к дороге прямо-таки селевой поток. Незнакомая девушка, прикрывая голову сумочкой и ловко балансируя на высоченных каблуках, со всех ног бежала к Управе; Мишке стало её жалко. Угораздило бедолагу выбраться из офиса в такую-то погоду!

— А куда мы потом денем шишиг? — перекрывая шум дождя, выкрикнул из-под капюшона Андрей.

— Обрато в парк, — отозвался Ярик. — В виварии такого добра навалом, лишние там нафиг не нужны.

— Они же опасные!

— Там у них есть угол, вроде полигона...

Зарецкого прервал тоненький вскрик, едва слышимый среди дождя. Мишка оглянулся: давешняя бегунья, так и не добравшаяся до Управы, панически размахивала руками.

— Что там? — ничего не слышавший Андрюха высунул нос из-под дождевика и принялся вертеть головой.

— Помогите! — жалобно донеслось сквозь шум дождя. — Пожалуйста!

Ярик закатил глаза и раздражённо вздохнул.

— Минутку, ребят, — бросил он и широким шагом направился к попавшей в неведомую беду девушке.

Старов, поколебавшись мгновение, порысил следом. Из серой дождевой мглы вырисовалась сперва болезненно скособочившаяся фигурка, потом искажённое страданием милое личико и, наконец, коварная ливневая решётка, проглотившая едва не до середины длиннющий каблук. Жертва собственной красоты прекратила пицать и растерянно оглядела подоспевших контролёров.

— Не дёргайтесь, — распорядился Ярик, опускаясь на корточки рядом с девушкой. Та ойкнула и послушно замерла. — Болит?

Бедняжка закивала. Ну ещё бы, на таких-то ходулях поди ничего себе не вывихни... Мишка галантно подставил локоть, позволяя красавице опереться. Та благодарно всхлипнула и вцепилась в рукав куртки длинными ноготками.

— Дуй в Управу, скажи, чтоб дежурного медика взбодрили, — велел Старов бестолково крутившемуся рядом Андрюхе и вновь обратился к пострадавшей: — Потерпите чуток...

Девушка охнула и болезненно поморщилась. Ярик со всей осторожностью, на какую был способен, высвободил пострадавшую лодыжку из лаково-чёрного капкана. Саму туфлю, изрядно ободранную, он из решётки выдернул и отставил в сторону.

— Мих, достань зонт, — попросил Зарецкий, придерживая за плечи дрожащую незнакомку. — Опереться на ногу сможете?

Красавица честно попробовала и тут же жалобно пискнула. Старов решительно всучил коллеге свёрнутый зонт. Ярик, хоть и жилистый, вряд ли приспособлен к переноске страдающих девушек на спринтерские дистанции.

— На плечо мне обопритесь, пожалуйста, — попросил Мишка и осторожно подхватил пострадавшую на руки.

Зарецкий безропотно раскрыл над ними зонт. Полсотни метров до крыльца, три бесконечных ступеньки, полированные полы вестибюля... Стараясь не пыхтеть слишком натужно, Мишка добрался до банкеток у ближней стены и бережно опустил свою ношу на сидение. Андрюха уже нёсся к ним, то и дело оглядываясь на спешащего следом встревоженного медика.

— Спасибо! — тихо сказала красавица и смахнула с ресниц влагу — то ли слёзы, то ли дождевую воду.

— Ну что вы, — буркнул Мишка и посторонился, давая медику дорогу.

— В такую погоду лучше гулять в удобной обуви, — заметил Ярик, педантично сворачивая зонт. — Леонид Васильевич, серьёзное что-то?

— Растяжение, я думаю, — пробормотал под нос медик, ощупывая покрасневшую лодыжку. — Где ж вы так?

— Тут... Около Управы... — всхлипнула девушка. У Мишки руки чесались как-нибудь ей помочь, но в лекарском ремесле он разбирался ещё хуже, чем в древних языках. — Ой, больно!

— В медкабинет, — непререкаемым тоном велел Леонид Васильевич. — Молодые люди, помогите?

— Запросто. Девушка, разрешение на однократное применение пространственной магии, пожалуйста, — Ярик дождался, пока пострадавшая согласно пискнет, щёлкнул пальцами и заставил банкетку вместе с пассажиркой приподняться над полом. — Андрюх, уйди с дороги.

Чувствуя себя идиотом, Старов поплёлся следом за коллегой — чёрт его знает, зачем. Медик суетился и раздавал распоряжения, бестолково мельтешил растерявшийся Бармин. Девушка, пугливо застывшая на самоходном диванчике, нервно крутила на пальце невзрачное колечко; должно быть, пыталась отвлечься от боли.

Из медкабинета пахло спиртом и прохладой; Леонид Васильевич первым шмыгнул в свои весьма просторные владения и завозился у шкафов.

— Всё, ребята, благодарю, — сказал он, не оборачиваясь. — Барышня, постарайтесь поменьше двигаться. Вы здесь работаете?

— Да...

— Кто ваш руководитель?

— Анохина... И Роману Алексеевичу позвоните, пожалуйста...

— Пошли, — Ярик требовательно потрепал коллегу по плечу и напомнил: — Нас там шишиги ждут.

Старов, закрывая за собой дверь, зачем-то заглянул напоследок в медкабинет. Незнакомка смотрела им вслед; поймав Мишкин взгляд, она благодарно улыбнулась и тут же поморщилась: врач всерьёз взялся за дело.

— Я дурак, — сообщил Старов приятелю. Тихо, чтобы не слышал взволнованно щебечущий Андрей. — А ты не мог, что ли, сразу?..

Он неопределённо пошевелил в воздухе пальцами. Ярик в ответ насмешливо хмыкнул.

— Мог. Не стал, — он протянул Мишке мокрый зонт и первым толкнул тяжёлую входную дверь. — Ты-то тоже мог.

— Затупил.

— Ага... Ну-ка сюда посмотри, — Зарецкий пощёлкал пальцами у своего виска, будто сомневался в Мишкиной способности сосредоточиться.

— Да всё со мной нормально, — обиженно проворчал Мишка. Андрюха любознательно косился на коллег, застыв на верхней ступеньке крыльца. — Ты чего, Слав?

— Убеждаюсь в приемлемом состоянии сотрудника перед началом полевой работы, — скучным голосом ответил Ярик.

— И как?

— Сойдёт.

Польза от промозглой погоды всё-таки была: в пустом мокром парке охотиться на беглых шишиг никто не мешал. Одна нагло сидела прямо на гигантской клумбе у входа; при виде контролёров она ощерила острые зеленоватые зубы. Мишка метко сбил её с насиженного места и накрыл сетью, чтобы не дёргалась.

— Забег? — предложил он, поправляя на шее защитную цепочку.

— Опять на отчёт? — зевнул Ярик.

— Нет, давай на смену четырнадцатого, — решил Мишка. — Если проиграешь, махнёмся дежурствами. Хочу Макса с днём рождения поздравить.

— Кто ж тебе мешает? — Зарецкий пожал плечами. — На смену так на смену. Андрюха не участвует.

Бармин не возражал. Он вообще не слишком любил самостоятельно работать на полевых, особенно в таких вот случаях. Нежить успела благополучно разбежаться далеко за пределы радиуса действия надзорского амулета-манка; высвистать её через бирки не вышло, и пришлось глушить дамочек по одной, выслеживая по всему парку. Тем не менее, по прошествии двух часов Андрей записал-таки на свой счёт трёх шишиг, хоть и чуть не заблудился в процессе отлова. Старов всё равно его похвалил.

— Сколько их тут вообще? — уточил Мишка, оглядывая усаженных в ровный ряд когтистых дамочек.

— По отчётам... надзора... двадцать две... штуки, — тяжело дыша, сообщил раскрасневшийся Андрей. Он даже стянул с головы капюшон и мок под дождём, кажется, с удовольствием.

Старов утёр пот со лба и пересчитал слабо светящиеся серебряным, золотистым и лиловым недовольные кульки. Три Андрюхиных, восемь — Зарецкого и целый десяток Мишкиных, считая самую первую и самую наглую. Выходит, смену он выиграл.

— А ну тихо там! — прикрикнул Старов и показал кулак особо ретивой шишиге. Нежить бросила дёргать управскую бирку и зло зашипела. — Сами виноваты. Чего в загоне не сиделось?

— Мы и с-с-сидели, — каркнула одна из пленниц, на редкость упитанная. — Нас-с-с прогнали.

— Кто? — тут же насторожился Старов, осторожно трогая пальцем разогревшуюся цепочку.

Шишиги беспокойно завозились, заставляя нити сетей тревожно переливаться.

— Да кто ш-ш-ш его разберёт...

— Мы таких боимс-с-ся...

— С-с-жечь грозил...

— А вы защ-щ-щиту обещ-щ-щали...

Мишка шикнул на развоевавшуюся нежить. Что б им такое сказать, чтобы не подорвать авторитет Управы? Не ровен час, обидятся, примутся душить, и вместо неведомого энтузиаста придётся их ликвидировать уже магконтролю. Старов открыл было рот, намереваясь толкнуть суровую речь, когда где-то неподалёку раздался рассерженный визг. Несомненно, последняя шишига только что распрощалась со свободой.

— Гляньте, ребят, какая красotka, — восхищённо предложил вынырнувший из зарослей Ярик. Он держал за шкуру здоровенную, в половину его роста, лохматую шишигу; добыча отчаянно сучила в воздухе длинными суставчатыми конечностями, ругалась последними словами и пыталась доплонуть до своего пленителя. — Полчаса гонял!

— А-а-ах ты, гадина! — заверещала красotka и попыталась цапнуть державшую её руку. Зарецкий невежливо встряхнул пленницу, вызвав новый поток проклятий на свою голову. — Чтоб тебе с-с-смертью нечистой сдохнуть, с-с-сволочь, чтоб с-с-сгинуть так, чтоб не наш-ш-шли никогда! Погань, дрянь лживая, проклятый во...

— Ну хорош, — Ярик строго глянул на шишигу. Та продолжала разевать рот, однако ни звука из зубастой пасти больше не вылетало. — Последняя, что ли?

— Ага, — Старов довольно хохотнул. — Не складывается у тебя с дамами.

— Не то слово, — Зарецкий широко ухмыльнулся, спеленал добычу сетью и усадил на середину лужайки, подальше от заволновавшихся товарок. — Без меня, стало быть, отмечать будете?

— Нехорошо получается, — огорчился Андрей. — Слава, а давай Костю попросим поменяться? Он же всё равно не пойдёт...

— Не-а, я не самоубийца, — Ярик оглядел результаты трудов и засучил мокрые рукава. — Ну что, девушки, поехали домой?

— Не хотим! — тут же заголосила толстенькая; её поддержали несколько соседок. Отсаженная в сторону красotka вопить не могла, но всем своим видом выражала солидарность. — Не пойдём! Покуда того не прогоните...

— У них там какой-то самозванный контролёр орудует, — пояснил Мишка приятелю, повысив голос. — Говорят, перебить их пытался.

— Ага. Я его видел, — огорошил его Ярик. — Издалека, правда. Мужик в годах, примерно моего роста, седоватый такой. Заметил меня и удрал.

— С концами? — уныло спросил Мишка и получил в ответ кивок. — Блин, как так-то... А это ещё как понимать?

Красotka вдруг гордо выпрямилась, насколько позволяли магические пути, и обвиняюще простёрла когтистую лапу в сторону Зарецкого. Остальные шишиги испуганно притихли и, сколько смогли, отодвинулись подальше от озадаченного Ярика. Похоже, самая большая считалась у них главной и обладала непререкаемым авторитетом.

— Уважаемая, — серьёзно сказал Зарецкий, обращаясь к своей добыче, — вашу личную неприязнь я понимаю, но к инциденту не имею никакого отношения. Хотите, поклянусь?

Шишига испуганно отпрянула. Мишка растерянно поскрёб в затылке.

— Слав, это чего такое?

— Чёрт знает, — коллега выглядел не менее оторопевшим. — Клевета, очевидно. Мне-то на кой ляд из-за шишиг с надзором скандалить?

И верно, пара десятков не слишком опасных лесных обитателей против масштабного разбирательства между отделами — такой себе размен, совсем не в духе рассудительного Зарецкого. Нежить, конечно, врать не способна, но вполне умеет добросовестно заблуждаться или виртуозно хитрить. Подумаешь, лапой она ткнула, мало ли, что там в дохлых мозгах творится?

— А вы не помните, как выглядел... Ой! — Бармин, не договорив, схватился за цепочку.

— Как выглядел нападавший? — подхватил Мишка, правда, без особой надежды. Известное дело, люди для нежити на одно лицо.

Лесные дамочки неуверенно загудели. Ярик задумчиво накручивал на палец мокрую прядь волос. Если нежить с кем-то его перепутала, это говорит лишь о том, что у самозванца с высокой долей вероятности две руки, две ноги и магический дар.

— Шишиги чувят способности? — вполголоса спросил Мишка. — В смысле, если они решили, что ты — это он...

— Ага, я тоже об этом подумал, — кивнул Ярик и, повысив голос, обратился к пленницам: — Ну что, не вспомнили?

— Тот вроде с-с-старый был, — с сомнением протянула толстая шишига и недовольно тронула пульсирующую серебряную нить. — Отпус-с-стите, а?

— Сначала информация, — сурово сказал Мишка. — Что там у вас стряслось?

Красotka встрепенулась всем телом и демонстративно отвернулась. Ну, милая, нечего было нарываться — теперь целый час молчать будешь! Зато хоть понятно, с чего она так на Зарецкого взъелась. В силу недоступности самой уважаемой роль парламентаря окончательно взяла на себя толстущка; она без восторга оглядела притихших соплеменниц и уставилась на Мишку бледными глазами.

— А чаво с-с-стряслось, — проворчала она. — Явился и ну огнём размахивать. Забор наш-ш-ш разломал. Мы и с-с-сбежали.

Несколько шишиг помоложе согласно закивали. Сама невинность, оскорблённая в лучших чувствах. Здоровенная дождевая капля шлёпнулась Мишке на нос, заставив поёжиться; Старов успел уже поостыть после беготни.

— Домой вы в любом случае поедете, — решительно заявил Ярик. — Забор починим, следящие чары поставим. Никто вас тут не тронет. Если снова этого типа увидите, постарайтесь запомнить.

Нежить принялась обречённо переглядываться. С Андрюхой шишиги ещё поспорили бы, но старшие офицеры им не по зубам. Мишка вытащил из кармана телефон — на экран тут же упало несколько крупных капель — и сверился со временем. Из-за непогоды весь день казалось, что уже вечер, а он ещё и не думал наступать.

— Я тут закончу, — Зарецкий поправил ворот вымокшей насквозь лёгкой рубашки. — Подожду, пока чары спадут, побеседую с этой...

— У тебя же выходной, — укоризненно напомнил Мишка. Честно говоря, он рад был бы сгрузить с себя нудные труды, но выходило слишком уж несправедливо.

— А, всё равно делать нечего, — отмахнулся Ярик. — Давайте, ребят, в Управу, чтоб шеф не волновался.

— Куртку хоть возьми, а? — предложил, сдаваясь, Старов, сам промокший до нитки. — Я-то на машине...

— Лучше вон Андрюху чаем напои, — усмехнулся Зарецкий. — Или не чаем, ему же за руль не надо.

Бармин покраснел и залепетал про то, что не употребляет спиртного. Мишка с сомнением оглядел щуплую фигурку в бесформенном дождевике. Парню и впрямь нужно в тепло, не то захворает, с его-то здоровьем...

— Вот что, — постановил Старов. — Ты, Андрюх, сейчас на такси в Управу, греться и докладываться шефу. А я ещё скатаюсь по одному делу, Михалыч просил.

— Прекрасно, — одобрил Ярик. — Ну, по местам! Не одному же тебе спасать прекрасных дам...

Мишка, не удержавшись, приласкал коллегу крепким словом. Вышло неожиданно зло. Зарецкий выразительно поднял брови, но ничего не сказал. После такого оставалось только ретироваться. Дождь не усиливался, но и стихать не спешил; за мечущимися по стеклу дворниками стелилась сплошная серая мгла. Старов и рад был, что всё внимание отбирала дорога. На коллегу он вызверился зря, хоть тот и язва. Мишка признавал за собой некоторое тугодумство, но сегодня вышло прямо-таки двусмысленно. Или, наоборот, недвусмысленно... Девушка и впрямь симпатичная, даже странно, что до сих пор Старов её нигде не замечал. Впрочем, куда он выбирается из кабинета, если не считать вызовы? Виварий да безопасность; и там, и там красивые девушки в дефиците. А вообще — какая разница! Надо про паразита думать, про неведомого охотника за нежитью, про саму нежить, в конце концов! Мишка сердито крутанул руль, сворачивая в проулок. Сначала к потерпевшей, а потом на место происшествия, или наоборот? Ярик говорит, что люди важнее обстоятельств; Мишка не всегда с ним соглашался, но сейчас, похоже, так оно и есть. Улицу уже сто раз успели убрать, а женщина, может быть, вспомнит что-нибудь интересное.

— Я и не поняла сначала, — дама средних лет, бледная и осунувшаяся, сцепила на колене натруженные пальцы. — Думала, грабитель или... Хотя кому я уже нужна, — она слабо улыбнулась. — Толком и не рассмотрела. Тёмненький вроде, невысокий. Это я потом уже заметила, когда его увозили.

— Увозили? — встрепенулся Мишка. В расписанной цветами чашечке соблазнительно исходил паром горячий чай, однако притрагиваться к нему контролёр не спешил. Сначала работа.

— Ну да, — женщина удивлённо вскинула брови. — Я вашему коллеге уже рассказывала. Паразита какие-то люди забрали, я думала, ваши.

— Кому он мог понадобиться? — пробормотал Старов. Если не правопорядок и не безопасность, то кто? А если коллеги, то какого чёрта было морочить голову Верховскому?

— Я не знаю, — отозвалась потерпевшая, приняв вопрос на свой счёт. — Но подоспели они вовремя, я почти уже сознание потеряла. Вот, больничный взяла, прихожу в себя...

— А как забрали? — не слишком вежливо перебил Мишка. — Ну, в смысле, корочку там предъявили, основание ареста озвучили?

— Нет. Просто скрутили — и в машину. Машина белая, обычная... Номер не рассмотрела.

— Н-да, — глубокомысленно промычал Старов и взлохматил почти высохшие волосы. Ни паразит, ни его таинственные похитители симпатии не вызывали, но хуже всего была правота шефа насчёт соседей по Управе.

XXIX. Очертя голову

— Если туда дальше топать, — обстоятельно изложил Макс, щурясь на солнце, едва миновавшее зенит, — можем до Воробьёвых дойти. Хочешь на смотровую?

— Далековато, — с сомнением отозвалась Ира. — Ты не устанешь? Ещё же дежурить...

Некрасов, рисуясь, пренебрежительно хохотнул.

— Кто устанет, я? Да я вообще бесконечно ходить могу.

— Тогда пойдём, — решила спутница и очаровательно улыбнулась. — Так что в итоге с той ведьмой? Нашли ей кольцо?

— Терпение, всё будет, — Макс широко ухмыльнулся. — Короче, Костик решил, что его кто-то из родни спёр, типа проще будет вступить во владение...

При упоминании Чернова Ира немного сникла. Макс учёл и, повествуя о том, как расспрашивали многочисленное старухино семейство, сварливого коллегу старался не упоминать. Рассказывать приходилось вполголоса: по случаю выходного, удачно совпавшего с хорошей погодой, народу в парк набилось до отказа. Некрасову это было на руку, потому что можно было держаться поближе к прелестной спутнице. Обниматься он, правда, пока не лез. Ира вела себя дружелюбно, но как-то слишком уж сдержанно, как провинциальная первокурсница. Макс правила игры принял и всюду развлекал даму пустопорожней беседой.

— Ну и вот, приезжаю я, весь из себя стажёр, в эти палаты белокаменные, — он рассеянно полез за сигаретами, щёлкнул зажигалкой и спохватился: — Ты не против?

— Да нет, я привычная, — Ира пожала плечами и пояснила: — У меня папа курит.

— Вот и отлично, — Макс, соблюдая приличия и седьмую статью, помучился с зажигалкой и закурил. — Стою, значит, на пороге, воняю электричкой, а там натуральный Версаль! На полы наступать страшно, по потолкам лепнина, люстра на полкомнаты свисает, ваз понатыкано в каждом углу... Короче, видно, что колечко это копеечное вообще нафиг никому не сдалось, но бабка-то принципиальная!

— Может, это была память, — мечтательно предположила Ира. — О прекрасной молодости.

— Жадность это была, — фыркнул Макс. — Там целая армия детей и внуков собралась, все злющие, все друг на друга думают, потому что каждый клялся, что штучка не у него, и заодно сдал по два-три родственника. Бабка надо всем этим восседает, то ли тащится, то ли бесится, фиг пойми. Дом весь каким-то антикварным хламом завален, коты по этажам стадами маршируют... Короче, лучший способ что-то найти — сжечь всё к чертям и потом из пепла выкопать, что осталось заговорённого.

— Так это коты заиграли? — улыбнулась Ира. До чего мило она это делает! Любую чушь станешь нести, просто чтобы полюбоваться.

— Коты — они такие, они могут. Мороженого хочешь? — предложил Макс, завидев впереди бело-розовый киоск.

— Можно.

Заплатив втридорога, Макс разжился двумя эскимо. Чувствовать себя щедрым было приятно, немножко впасть в детство — тоже, особенно в такую жару. На набережной, в отличие от обманчиво тенистых аллей, хотя бы дул ветерок. По реке деловито прополз мимо очередной теплоходик; вот уж откуда любоваться городскими красотами комфортно и прохладно!

— Они же тут где-то причаливают, — осенило Макса. — Прокатимся?

— Мы же решили идти до смотровой? — с сомнением протянула Ира.

— Какая разница? С речки тоже живописно, — пожал плечами Некрасов и, понизив голос, прибавил: — Водяных тут нет, не бойся.

— Я и не боюсь. Просто как-то уже настроилась гулять...

Макс с сомнением оглядел её босоножки на каблучках и наверняка не слишком удобную для ходьбы юбку, но мужественно промолчал. Не хотим кататься — ну и не надо, в другой раз успеется. В этом даже есть что-то очаровательное; прежние Максовы пассии без раздумий соглашались на любые попытки их побаловать, в том числе предпринятые исключительно из вежливости.

— Ты на котах остановился, — напомнила Ира.

— Я остановился на очевидном крахе своей карьеры, — с готовностью подхватил Макс. — Это семейство уже весь магконтроль достало вусмерть, никто не хотел с ними связываться, ну Верховский меня к ним и выпихнул под угрозой выкинуть со стажировки. Стою я, значит, осматриваю всё это великолепие и думаю, за что бы такое ухватиться, до чего ребята не додумались...

— А они не додумались?

— Ну, очевидно, нет, раз до тех пор не распутали, — важно заметил Макс. — Хотя, по-моему, им тупо влом

было этим заниматься. Я Мишку с Яриком имею в виду, Костя-то всё цеплялся за идею с роднёй.

На прелестном личике спутницы мелькнуло и пропало злорадство. Крепко же Чернов её достал! Не то чтобы Макс по этому поводу совсем ничего не предпринимал; с Костей он как-то поговорить пытался, но стал бы без пяти минут замначальника отдела слушать каких-то там вчерашних стажёров...

— Ну и вот, — бестолково брякнул Макс, лишь бы заполнить повисшее молчание. — Заговариваю им зубы и думаю, как ребята учили: что я точно знаю и что можно с этим сделать?

— Ой, подожди, дай я попробую! — воодушевилась Ира. — Она же кольцо просто потеряла, да? В смысле, если оно такое бесполезное и никому не нужное...

— Вот и я так решил, — кивнул Некрасов. — Колечко-то — тьфу, в любом салончике такие продают. Знаешь, которые на спонтанные сглазы реагируют? Типа наших штучек, — он, рисуясь, коснулся проколотой брови, — только совсем слабенькие.

— Они бестолковые, — согласилась Ира. — Перегреваются очень быстро и срабатывают через раз.

— Точно, — Макс широко ухмыльнулся. — Там два-три косых взгляда одновременно — и всё, греется и трясётся так, что без пальца остаться можно. Я и придумал, — отголосок бывшего восторга приятно согрел душу. Вот с кем ещё поделишься мелкими рабочими подвигами? Коллеги разве что засмеют, а остальные и не поймут ничего. — Отозвал ведьму в сторонку и говорю: вы, мол, объявите всем, что завещание переписали в пользу государства, а я вас прикрою.

Ира ахнула и рассмеялась.

— И она объявила?

— Ага, прямо всем. И сама довольная сидит, как два слона, смотрит на кислые рожи. Тишина гробовая, слышно, как коты шерсть роняют, и тут как загремит в спальне!

— Неплохо, если из другой комнаты отозвалось, — задумчиво оценила Ира. — Оно было с памятью прикосновения?

— Ну да. Дорогие от дешёвых радиусом действия и отличаются, — пожал плечами Макс. — Я там чуть не надорвался это всё отражать. А родне бабуся доверять перестала раз и навсегда, по-моему. Осадочек остался.

— Зато ты сам закрыл дело, — уверенно сказала Ира.

— Не без этого, — гордо признал Некрасов и огляделся в поисках какой-нибудь парковой кафешки. — Водички бы, а?..

Он прервался на полуслове. Пришлось все силы приложить, чтобы не поморщиться от короткой резкой боли. Макс потрогал пальцем разогревшееся серебряное колечко — хорошо, что эта его привычка никого не удивляет — и осмотрелся ещё раз, внимательнее. Ира беззаботно рассуждала о том, где выгоднее разжиться бутылочкой минералки; стало быть, ничего не заметила. Макс ненавязчиво отнёс её поближе к блестящему на солнце паркету набережной. Из речки точно никто страшный не выскочит, а вот из толпы гуляющих...

— Ты тут подожди, — нарочито громко сказал Некрасов, на ходу складывая в голове простенький план. — Я до павильона сгоняю и вернусь.

— Зачем?

— За водой, — сообщил Макс и, целомудренно приобняв девушку за плечи, прибавил шёпотом: — Тут кто-то сильно не рад моему присутствию. Пойду поймаю.

— Макс!.. — тихо ахнула Ира и тут же прижала ладонь к губам. — Тебе помочь?

— Нет, просто подожди. Я быстро, — Некрасов задорно ей подмигнул и деловито направился в глубь парка.

Колечко снова слабо нагрелось — не сильнее, чем от солнца в жаркий день. Кто же это у нас такой недоброжелательный? Хоть бы какой-нибудь нелегал! Можно будет невзначай заявить шефу, что проявленные офицером Некрасовым бдительность и ловкость достойны поощрения... Дело за малым — собственно, проявить.

Мелькнувшая в толпе всклокоченная тёмная макушка показалась знакомой. Макс присмотрелся и едва не присвистнул: меж ровными рядами деревьев не слишком грациозно пробирался приснопамятный паразит. Правда, в прошлый раз гад был сама осторожность, а тут пёр напролом, будто позабыв про ненавистного контролёра. К реке пёр. Чёрт его знает, зачем...

Некрасов отошёл к краю тропинки и притормозил. На крадущегося по газону субтильного типчика никто особого внимания не обращал: там и без него хватало дорвавшихся до клочка живой природы обитателей мегаполиса. Макс, подумав, присоединился к гуляющим. Да, задачка! Одно дело — в пустынном подземном переходе спеленать беглеца сетью, а другое — посреди запруженного людьми парка как-то схватить паршивца за шкуру, не нарушив при этом седьмую статью. Ну, что бы сейчас сделал Мишка?..

Одно ясно: Макс не слишком-то паразита интересуется. Позлился — и всё, даже всерьёз проклинать не стал. Забыл, что ли, предыдущую их встречу? Да нет, не сходится: только что ведь стрелял глазками, да так, что защита по швам трещала... Некрасов осторожно двинулся беглецу наперерез, не забывая оглядываться по сторонам. Заставить паразита забыть обо всём на свете может либо лакомая добыча, либо идущий по следам опасный враг.

Обидно, что Макса в такие враги не записали...

Беглец выскочил на набережную, воровато огляделся и вдруг, радикально сменив траекторию, опрометью бросился поперёк широкой асфальтовой полосы. Раздумывать стало некогда. Макс на бегу вытащил из кармана телефон, кошелек и две корочки — и угадал с манёвром. Нелегал на глазах у изумлённых зевак ловко перемахнул через парапет и сиганул в мутные речные воды. Выругавшись сквозь зубы, Некрасов всучил драгоценное барахло подбежавшей Ире. Она, похоже, появление паразита благополучно пропустила и теперь ничего не понимала, но вещи безропотно взяла и даже не стала Макса останавливать. Некрасов решительно взялся за парапет. Если бы гад сделал хоть попытку на кого-нибудь напасть, можно было бы с чистой совестью накрыть его сетью, а так...

Противно тёплая, пахнувшая бензином вода мигом вымочила рубашку насквозь. Тёмная макушка мелькала уже в добром десятке метров ниже по течению. Макс всегда плавал неплохо, но и беглец, даром что тщедушный, оказался шустрым не в меру. Загребая воду скупыми движениями, паразит целеустремлённо плыл прочь от берега, прямо наперерез возмущённо гудящему теплоходу. Совсем, что ли, сдурел?..

Макс бросил погоню в дюжине метров от отчаянно сбрасывающего ход речного трамвайчика. Упустить паразита досадно, но не так, как намотаться на гребные винты. Нелегал доплыл почти до самого борта; Некрасов уверен был, что беглец каким-то образом взберётся на палубу, однако тот, оглянувшись напоследок, ушёл под воду. Какая-то хитрая выдумка или самоубийство — чёрт его разберёт... Поболтавшись в воде ещё с пару минут, Макс уныло поплыл к берегу.

Наверху его уже ждали. Взволнованная Ира что-то втолковывала двум растерянным полицейским; последние при виде Макса подобрались и набычились. Орошая грязноватой водицей уставший от жары асфальт, Некрасов прошёл через неплотную толкучку, как нож сквозь масло, забрал у Иры какое-то из удостоверений и продемонстрировал служителям закона.

— При исполнении, — грубовато рявкнул он.

— При каком ещё... — начал было громыхать один из патрульных, однако второй, постарше, придержал напарника за плечо.

— Серёг, это не по нашему ведомству, — тихо пояснил он и кивнул Максу. — Помочь чем-то можем?

Макс ответил не сразу. Речной трамвайчик барахтался посреди реки; рядом на воде плавал ярко-оранжевый спасательный круг. На пространственный прыжок у паразита навряд ли хватило бы сил, лезть на теплоходик более чем глупо, нырять под днище — смертельно опасно. Если только беглец не освоил какую-нибудь неизвестную науку магию, этим нынче каждая собака развлекается...

— Заверните кораблик к пристани, — попросил Некрасов и провёл пятернёй по мокрым волосам, пытаюсь придать им цивилизный вид. — И девушку до метро проводите, пожалуйста.

Порыв был вызван скорее извечным желанием покрасоваться, однако рациональное зерно Макс в нём всё же нашёл. Хрупкая, невысокая, не слишком одарённая магически секретарша магконтроля подходила под портрет типичной жертвы паразита почти идеально. Существенное отличие составлял лишь ошивающийся рядом маг шестой категории.

— Позвони мне, как доберёшься домой, хорошо? — попросил Некрасов так заботливо, как только сумел.

Ира серьёзно кивнула, глядя ему в лицо. Славная боевая подруга из неё бы вышла, не ошибись природа с дарованиями! Макс с удовольствием поцеловал бы её на прощание, если бы на них не пялился собравшийся со всей набережной народ. Речной трамвайчик медленно, словно нехотя подползал к причалу, мяся в ожидании указаний недовольный патрульный, рубашка и джинсы на солнце понемногу начинали благоухать несвежей водой. Такое себе завершение свидания. Впрочем, кто-кто, а Ира точно поймёт и обижаться не станет.

— Завтра увидимся, — пообещал Макс и подмигнул спутнице.

В конце концов, принимая Некрасова к себе в отдел, шеф предупреждал, что в магконтроле любой выходной запросто превращается в рабочий день.

Пёстрая коробка пирожных среди скучных бумаг так и притягивала взгляд. Ира задумчиво потрогала крышку и смущённо улыбнулась сама себе. Угощение Макс вручил, рассыпаясь в цветистых извинениях и лукаво подмигивая; обижаться на него было решительно невозможно. Да, в общем-то, и не за что. И так понятно, что на первом месте у него — любимая работа, слишком престижная, чтобы оставаться не более чем строчкой в трудовой книжке. Жаль, никак не кончаются эти дурацкие дежурства...

Или не жаль. Благодаря дежурствам терпеть Чернова приходилось не чаще трёх раз в неделю и не больше трёх часов в день. В пятницу вставшему, как всегда, не с той ноги контролёру взбрело в голову сунуть нос в залежи документации по закупкам, копившиеся в шкафу с незапамятных времён, и Чернов прямо-таки напал на Иру с претензиями. Переупрямить паршивца не вышло, а в кабинете, как назло, не случилось ни начальника, ни коллег, и теперь здоровенная пыльная коробка с бумагами грозно возвышалась перед Ириным столом, ожидая пристального секретарского внимания. Как будто мало других забот! Только успевай разбирать чужие беды, сыплющиеся, как из рога изобилия...

В подтверждение невесёлым мыслям заверещал телефон. Ира тревожно оглянулась на пустующий стол Старова и потянулась за трубкой. Звонила Волкова; это лучше, чем операторы горячей линии, но хуже, чем любой другой вариант. Кроме, разве что, самой начальницы канцелярии.

— Ирина Викторовна, — на удивление дружелюбно пропела в трубку заместительница Анохиной, не дослушав приветствия, — вы получили задачу на ежеквартальную сдачу документации в архив?

— Ещё нет, — без уверенности ответила Ира, лихорадочно пробегая глазами список заданий. Ничего подобного там не значилось.

— Я сейчас назначу. Займитесь, пожалуйста, — вежливейшим тоном приказала Волкова. — Общая инструкция есть в сетевой папке, нюансы по вашему отделу уточните, пожалуйста, у Верховского.

Ира бросила на дверь логова далёкий от воодушевления взгляд. Начальник, как водится, на месте не сидит, хотя в его календаре никаких встреч сейчас нет. Остаётся только написать напоминание самой себе и надеяться, что за отведённые на подготовку документов две недели Верховский сподобится как-нибудь объяснить эти самые нюансы, желательно не перепоручив дело Чернову. Ира вздохнула и вернулась к разбору входящей корреспонденции.

Очередной лист оказался предназначен офицеру Тимофеевой. Ира с сожалением посмотрела на часы: Оксана и Макс уехали совсем недавно, сбавив последний вызов Старову с Андреем. Будь секретарша порасторопнее, успела бы передать документ, а теперь ждать ему двое суток... Представив, как прокомментировал бы это Чернов, Ира поморщилась и положила листок Ксюше на стол, рядом с внушительного вида книгой, раскрытой почему-то на форзаце. Порядком выцветшая дарственная надпись, сделанная обстоятельным угловатым почерком, гласила: «Душа моя! Должно быть, для тебя это — детский лепет, но сам я книгу нашёл весьма полезной. Читай на сон грядущий и не забывай давнего своего друга. Н.В.» Не удержавшись, Ира приподняла обложку — посмотреть, что там за детский лепет читает Ксюша. Томик носил жутковатое название «Некоторые аспекты психического воздействия различных видов нежити на человека» и числился за целым коллективом титулованных авторов. Ничего себе чтение на сон грядущий! Должно быть, любившая работать на публику Оксана нарочно оставила книжку у всех на виду.

В дверь застенчиво поскреблись, и Ира стрелой метнулась на место. Час неприёмный, стало быть, явился кто-то из Управы. Так оно и оказалось: в кабинет просочилась Анька собственной персоной. Увидев сидящую в одиночестве подругу, Сафонова сникла, разом растеряв половину красоты.

— А где все? — уныло спросила она вместо приветствия.

— Старов с Барминым на выезде, остальные отдыхают, — отрапортовала Ира и ехидно прибавила: — Ты завтра днём приходи.

— Зачем? — рассеянно спросила Анька и вздохнула. — Вот это можешь Верховскому передать, пожалуйста?

— А что там? — полюбопытствовала Ира, разглядывая папку, стянутую неприятно знакомой провололочкой с печатью.

— Да ваш этот, — Сафонова неприязненно качнула головой в сторону логова, — с Романа Алексеевича какую-то ерунду требовал. Ну и я вызвалась отнести...

— Печать не трогай, — со знанием дела предупредила Ира, заметив, что подруга держит ношу опасно близко к болтающемуся ярлычку.

— Да она ж на меня не реагирует, — отмахнулась Анька и в доказательство несколько раз тронула пальцем поплёскивающий зелёным квадратик. — На, держи. А ты есть пойдёшь?

— Пойду, — Ира, от греха подальше не касаясь проволоочки, отложила папку в сторону. У Аньки девятая

категория; должно быть, слабовато для того, чтобы обеспокоить печать. — Сейчас только, проверю, что ничего срочного нет...

Телефон словно ждал этого мгновения, чтобы нагло завибрировать. Ира закатила глаза и в качестве оправдания продемонстрировала Аньке экран: звонил Старов, а это совершенно точно попадало под категорию срочного.

— Ты у компа? — выпалил в трубку контролёр. Он тяжело дышал и, кажется, был чем-то встревожен. — Дёрни медиков по экстренной форме. Скажи, упырь...

— Что случилось? — бестолково спросила Ира, щекой прижимая трубку к плечу. Форма, форма, где же была эта экстренная форма...

— Андрюхе досталось. Через полчаса привезу, — серьёзно сообщил Старов. — Нашим тоже дай знать, пожалуйста...

Когда он положил трубку, Ира уже отправила оповещение медикам и настроила сообщение для магконтроля. Одна за другой всплыли четыре отметки о прочтении; никто ничего не ответил. Стоило ли вообще писать! Все заняты своими делами, а происшествия на выездах — должно быть, обычное дело...

— Кто-то ранен? — севшим голосом спросила Анька.

— Угу, — Ира протиснулась мимо подруги и метнулась к давящемуся бумагой принтеру. — Ань, обед отменяется. Мне надо документы сделать для медиков...

— Д-да, конечно, — неловко — кто бы мог подумать! — пробормотала Сафонова. У самой двери она обернулась, словно хотела ещё что-то сказать, но передумала и ретировалась.

Последующие полчаса тянулись едва ли не дольше, чем весь предыдущий день. Трезвонили с уточнениями медики, сама Ира, преодолевая страх, набирала Верховскому и выслушивала указания, равнодушно молчал пустой кабинет. Наконец дверь решительно распахнулась, и на пороге, отряхивая зонт, возникла Оксана — уставшая, но всё равно собранная.

— О, ты уже всё распечатала, — одобрительно заметила она, роясь в ящике стола. — Давай сюда, сейчас заверим.

На ходу набирая номер, она скрылась в логове и вынырнула оттуда спустя пару минут. На бумагах ярко синело факсимиле Верховского.

— Это чтобы активнее шевелились, — пояснила Ксюша и бросила короткий взгляд на часы. — Собирайся, пошли.

— А можно? — ляпнула Ира и тут же схватилась за плащ.

— Конечно. Ну, если хочешь, — уточнила Тимофеева, тряхнув влажными кудрями. — Переобуйся лучше, там сыро.

От центральной магической больницы Управу отделял широкий двор, вымощенный мокрой брусчаткой. Прихватить с собой зонт Ира, конечно же, не подумала, и грациозно бежавшая рядом Оксана благородно пустила её под свой. Уборщица в чистом и светлом вестибюле неодобрительно покосилась на нестерильные туфли посетительниц, но ничего не сказала.

— Бармин? Да, вот только что повезли к травматологу, — кивнула опрятная обитательница регистратуры, принимая документы.

— К травматологу... — одними губами повторила Ира.

— Спокойно, — велела Оксана и выудила из сумочки удостоверение. — Мы поднимемся.

— В ближайший час вас к пациенту не пустят, — мягко возразила медсестра. — Но вы можете подождать в коридоре.

— Вот и прекрасно, — заявила Ксюша и, не дожидаясь указаний, направилась к лифтам.

— Ты знаешь, куда идти? — шёпотом спросила Ира, не без труда поспевая за торопливым шагом спутницы.

— А как же, к Гаврилину, — кивнула Оксана. — Мы у него постоянные клиенты. Сюда.

Ира замешкалась в дверях, едва не влетела в санитара с каталкой и рассыпалась в неловких извинениях. Вот был бы кошмар, если бы из-за неё пострадал пациент! К счастью или нет, но везли не Андрея; седоватый пожилой мужчина, худой и измождённый, даже глаз не открыл, несмотря на встряску. Оксана решительно сжала Ирино плечо и отбуксировала незадачливую секретаршу в сторону.

— Не переживай ты так, — потребовала она звенящим голосом. — У нас такое сплошь и рядом, понятно? Вылечат Андрюху, будет как новенький.

— Вылечат, — зачем-то кивнула Ира.

— Вот и молодец. Пошли.

Из-за поворота долетел хорошо знакомый недовольный голос. Чернов, размахивая руками, распекал за что-то немолодую медсестру; сидевший у стены Зарецкий и не думал его останавливать. Что они оба тут забыли?

— ...Обеспечить все необходимые условия, иначе я буду вынужден считать ваши действия саботажем, —

Громыхал Чернов. — Что касается этих, как вы выразились, ограничений...

— Привет, — Оксана бочком протиснулась мимо развоевавшегося коллеги и присела на банкетку рядом с Ярославом. — Мы что-нибудь пропустили?

Чтобы не торчать в одиночестве посреди прохода, Ира поплелась следом за Ксюшей, но осталась стоять чуть в стороне, хотя места на банкетке было ещё вдоволь. Зарецкий задержал на секретарше угрюмый взгляд и рассеянно поправил воротник абсолютно сухой рубашки. Не хотел ехать по дождливой погоде или попросту привык пользоваться магией по поводу и без?

— Пока ничего, — негромко ответил Ярослав. — Костя принимает... превентивные меры.

— А остальные?

— Андрей — в операционной, — суховаато отозвался Зарецкий. — Мишка — в перевязочной. Макс курит где-то.

Оксана недоумённо вскинула брови.

— А с Мишкой-то что?

— Тоже получил, — Ярослав нервно забарабанил пальцами по колену. — Упыри — такое дело...

Старов появился минут через пять. Правую руку ему забинтовали до самого локтя, белые марлевые хвостики виднелись и из-под ворота футболки. Страдающим он не выглядел; скорее, подавленным. Оксана охнула и подхватила с места.

— Миша! Что случилось?

— Покусили, очевидно, — ответил за Старова Зарецкий, тоже поднимаясь на ноги. — Садись, Мих, меньше шатать будет.

— С Андрюхой чего? — глухо спросил пострадавший, ковыляя к банкетке. Судя по всему, голова у него действительно кружилась, и сильно.

— Перелом, чего, — Ярослав безапелляционно прижал ладонь ко лбу приятеля. — Жаропонижающее-то дали?

— Отвянь, — буркнул Старов и отшатнулся, едва не завалившись набок. — Сам больной, что ли? Руки горячие...

— Дали, — констатировал Зарецкий и послушно отошёл. — Всё, сиди, не трогаю. Скоро полегчает.

— А тебя упыри кусали когда-нибудь? — тут же заинтересовалась Ксюша.

— Если да, то я им не завидую, — заявил вынырнувший из соседнего коридорчика Макс. — Дамы, привет, давно не виделись!

Он по обыкновению подмигнул Ире, но вышло на сей раз наигранно, без всегдашнего задора. Некрасов тоже переживал, и всерьёз.

— Ну, вы его хоть прибили? — осторожно спросила Ксюша, опускаясь на краешек банкетки рядом со Старовым. — Или удрал?

— Да нет, не удрал, — Миша тяжело качнул головой. Ему, похоже, и впрямь стало лучше; по крайней мере, рухнуть с банкетки он уже не пытался. — Надо... шефу доложить...

— Потерпит шеф, — непререкаемым тоном заявил Зарецкий.

— Дежурство...

— Всё под контролем, — Ярослав продемонстрировал молчащий телефон. — Ты как, домой или с нами подождёшь, пока к Андрею пустят?

— Подожду, — упрямо сказал Старов.

— Это долго, — заметил Макс, нервно потирая пальцем бровь. — Андрюху знатно потрепали...

Оксана предупреждающе округлила глаза, и он, сконфузившись, замолчал. Старов болезненно поморщился. В повисшем молчании стало отчётливо слышно, как Чернов выпытывает у медсестры список лечебных чар и снадобий, которые здесь прописывают при упыриных укусах.

— Машину где бросил? — вдруг спросил Зарецкий.

Старов встрепенулся и тут же обхватил голову руками, будто пытаясь унять головокружение.

— Тут, перед входом... Убрать надо...

— Давай ключи, отгоню к Управе, — распорядился Ярослав. — Оксан, надо больничные забрать.

— Точно, — Ксюша вспорхнула с банкетки и, оглянувшись, поманила Иру. — Там бумаженция одна есть, надо главврачу передать... Макс, справишься?

— Будет трудно, но я приложу все усилия, — Некрасов забрал у Иры документ и ободряюще улыбнулся.

— Вот и умница. Ир, пойдём, всё равно ждать ещё долго...

Вместо того, чтобы сразу свернуть к лифтам, Оксана нырнула куда-то в боковой проход и выскочила на балкон, точь-в-точь такой же, как в Управе. Здесь никого не было; косой дождь вымочил светлые плиты, пахло мокрой листвой и чуть-чуть — застарелым табачным дымом. Не обращая внимания на сырость, Ксюша

облокотилась на металлический парапет и вздохнула.

— Ненавижу запахи эти больничные, — пожаловалась она и встряхнула слегка потерявшими форму кудрями. — Башка кружится. Сейчас, отдышусь немного и пойдём.

— Хорошо...

Запахи запахами, а таких переживаний после полусуток дежурства врагу не пожелаешь. Ира тактично уткнулась в телефон.

— Надо Полинке позвонить, — рассеянно пробормотала Оксана.

— Кому-кому?

— Девушке Андрюхиной, — Ксюша не глядя вытащила из кармана телефон, но лишь взглянула на экран и тут же со вздохом убрала обратно. — Слёз-то будет...

Ещё бы. Ира попыталась представить, что было бы, окажись на месте Андрея Макс. А ведь вполне мог оказаться! Они все рискуют, каждый день и час, в рутинные будни и кажущиеся выходные, в свою и чужую смену. Неудивительно, что им столько платят; попробуй поживи вот так, не снимая руку с телефона, готового разразиться тревожной трелью...

Внизу мелькнула светлая рубашка: не обращая внимания на дождь, Зарецкий быстрым шагом пересёк просторный больничный двор; брошенная кое-как белая машина приветливо моргнула ему фарами. Из будки при шлагбауме тут же выскочил охранник и принялся что-то втолковывать Ярославу, указывая на знак парковки для инвалидов. Контролёр спорить не стал; несколько купюр перекечевали из его бумажника в руки мигом успокоившегося охранника, и тот поспешно убрался обратно в будку.

— Мишке, небось, не скажет, — недовольно заметила Ксюша.

— Почему?

— А он такой, — Оксана вздохнула и тут же поправила сама себя: — Оба они такие. Только у Мишки принципы, а Ярику просто всё равно.

— Разве? — буркнула Ира. Принципы принципами, а подставу секретарше устроить — это пожалуйста, только в путь.

— Угу. Ему вообще всё равно, — Ксюша с силой оттолкнулась от парапета и небрежно вытерла ладони о полы плаща. — На всё, кроме работы. То-то Верховский не нарадуется...

Ира не стала спорить. Она была бы не против, стань Старов принципиальней, а Зарецкий — равнодушнее; можно было бы не следить за каждым своим шагом... В больничных коридорах и впрямь сильно пахло спиртовым антисептиком; неудивительно, что уставшей на дежурстве Оксане стало не по себе. Они вновь очутились у регистратуры, но с другой стороны залитого светом стеклянного куба. Ксюша выдернула бумаги у Иры из рук и со словами «смотри и учись» решительно пошла на приступ.

— Я не могу вам выдать... — начала было регистраторша, однако Оксана обворожительно улыбнулась и без церемоний прервала тираду.

— Мы от Верховского, магконтроль, — заявила она. — Оформите нам особым порядком.

— Это только по распоряжению...

— ...Номер двадцать три от пятнадцатого января, — уверенно закончила Оксана. — На Бармина и Старова, пожалуйста.

Регистраторша недоверчиво переглянулась с товаркой — той, что полчаса назад пропустила Ксюшу с Ирой к лифтам — и принялась сердито щёлкать мышкой. Оксана бдительно пронаблюдала, как она печатает, заполняет и заверяет бланки, а потом складывает их в тонкую папку и продевает сквозь створки ленточку с печатью. Таких в маленькой картонной коробочке лежало ещё штук пять, все — уже активированные и поблёскивающие тёплым жёлтым светом.

— На, отнесёшь шефу, — Ксюша вручила Ире добычу и понизила голос: — Печатей им жалко... Каждый раз одно и то же.

Ира растерянно сжала в руках тощую картонную папку.

— Мне идти в Управу?

— Ну, если хочешь. Или пойдём с нами, скоро уже к Андрюхе пустят...

Телефон неуместно пиликнул. Ира, не читая, смахнула с экрана очередное однообразное сообщение от Свириденко. Анька наверняка её поджидает и жаждет новостей и сплетен. Перебьётся. А Верховский вряд ли будет злиться; в конце концов, весь отдел здесь. И Макс в том числе.

— Я с вами, — полувопросительно сказала Ира.

— Вот и прекрасно. Пошли.

Лифты никак не желали приходиться. От нечего делать Ира нервно покачивала пальцем ленту на папке. На Сафонову эти штучки не реагируют, а Зарецкий предостерегал от того, чтобы прикасаться к активным печатям. Та, злополучная, была родом из отдела обеспечения безопасности, а эта-то, больничная, наверняка безобидна. Ира

украдкой тронула переливающийся квадратик; тот немедленно вспыхнул.

— О, прикольно, — оживилась Оксана. — Давно проявилось?

— Ты про что?

— Про твой спектр, — Тимофеева ткнула покрашенным ноготком в успокоившуюся печать. — Не знала, что ли?

— Ну... Вообще мне Викентьев говорил после аттестации, — припомнила Ира. — Он сказал, там совсем чуть-чуть. Типа где-то в прадедушках маги были...

— Ага, так часто бывает, — Ксюша кивнула и первой шагнула в явившийся наконец лифт. — А чего развиваться не стала? Жёлтые тона — это в сторону всякой лечебной магии, могла бы врачом стать. Ну, не врачом, медсестрой, — подумав, прибавила она.

— Так слабо же совсем.

— По-моему, лучше быть хиленьким магом, чем сильным колдуном, — категорично заявила Оксана.

— А по-моему, наоборот, — буркнула Ира. — У меня вся родня по женской линии — ведьмы.

— Ну, твоё дело, — Тимофеева пожала плечами. — Все такие, кого я знаю, магию выбрали.

Ира пожала плечами. Выбрали и выбрали, ей-то что? А печати при таком раскладе и впрямь лучше не трогать. От греха подальше Ира заправила ленточку за уголок папки, чтобы не болталась во время беготни по извилистым коридорам. У закрытых дверей травматологии весьма энергичным неприкаянным духом бродил туда-сюда Чернов. Медсестра куда-то пропала, в радиусе действия склочного контролёра оказался только Миша, который сидел с закрытыми глазами, бессильно запрокинув голову. Ворчать на пострадавшего Чернову мешало что-то, что у нормальных людей называется совестью, и он ограничился рассуждениями вполголоса об эффективности классической боевой магии против упырей.

— Есть новости? — спросила Ксюша, осторожно усаживаясь рядом со Старовым. Тот приоткрыл глаза и едва заметно качнул головой.

— Надо ждать.

Они и ждали. Вернулся благоухающий табаком Макс, явился изрядно промокший Зарецкий. В лице последнего Чернов обрёл наконец долгожданного оппонента, но спорили они как-то мирно, на пониженных тонах. Ира не вслушивалась; с ней самой никто не заговаривал, но прогонять её не спешили. Негромкие голоса успокаивали и скрадывали мучительную неподвижность времени. Сколько так прошло — то ли час, то ли день, то ли пятнадцать минут — знали разве что равнодушные белые цифры на экране телефона. Первым при виде вынырнувшей из-за дверей отделения медсестры — той самой, которой досаждал Чернов — подхватился Миша; Ксюша поддержала его за плечо, не давая свалиться.

— Вы можете зайти, — сказала женщина, боязливо косясь на застывших у стены контролёров. — Только тише, пожалуйста, не тревожьте пациента.

Ира, поколебавшись, увязалась за всеми. Медсестра не возражала; в полупустой палате места оказалось вдоволь. Андрей, бледный и какой-то тщедушный на фоне широкой койки, слабо улыбнулся при виде коллег и попытался помахать рукой.

— Не надо, — Зарецкий мягко перехватил вялую кисть и осторожно устроил поверх кипенно-белого одеяла. — Береги силы.

— Как ты? — спросила Ксюша, опускаясь на галантно подставленный Максом стул.

— Ничего, — Бармин выглядел виноватым, как будто доставил всем досадные хлопоты. — Врач сказал... хорошо всё. Пару недель... и выпишет.

— Много, — ляпнул Чернов и тут же схлопотал от Оксаны испепеляющий взгляд.

— Не слушай его и выздоравливай спокойно, — заявила она.

— Точно. Работа не волк, работа — упырь. Удирай, не удирай, всё равно догонит и вцепится, — неуклюже пошутил Макс.

— Это я виноват, — похоронным голосом сказал Старов.

— Не ерунди, — потребовал Ярослав и пошевелил в воздухе пальцами, подзывая из дальнего угла ещё один стул. — Живы — и молодцы.

— Правильно, — Андрей опять попытался улыбнуться, на сей раз успешнее. — Моим... не говорите пока, а?

— Ага, скажем, устал на дежурстве и остался дрыхнуть в кабинете, — ухмыльнулся Макс.

— Надо сообщить, Андрюш, — сочувственно сказала Ксюша. — Знать всегда лучше.

— Тебе привезти чего-нибудь? — деловито осведомился Чернов.

— Книжки. Если можно, — робко попросил Андрей.

— Твои талмуды? Санитаров заставишь вслух читать или как? — фыркнул Некрасов.

— Так... у меня же руки... в порядке, — принялся оправдываться Бармин. — У меня нога...

— Книжки так книжки, — быстро сказала Оксана. — Костик, будь человеком, метнись в офис, а?

Костик, к вящему Ириному изумлению, метнулся и возвратился с толстым фолиантом в гляцевитой суперобложке. Увесистый том лёг на тумбочку рядом с койкой.

— Пока врачи не разрешат, не трогай, — непререкаемым тоном приказал Чернов.

— Да, осваивай телекинез, — подхватил Макс. — Глядишь, с четвёркой выпишут!

— Ой, ну нет, — смутился Андрей. — Спасибо, ребята...

Минут десять они проболтали чёрт знает о какой ерунде, а потом медсестра вежливо, но непреклонно выставила компанию, объявив, что больному требуется покой. Ещё четверть часа силой усаживали упирающегося Старова в такси; Макс со всеобщего согласия уехал с ним. Зарецкий и Чернов тут же благополучно куда-то делись; куда именно, Ира выяснила, вернувшись в Управу. Контролёры обнаружались в кабинете, занятые любимым делом — мелкой ссорой, правда, вялой и по непривычному поводу.

— Давай домой, — повелительно вещал Чернов, башней возвышавшийся над своим столом. — Я дедежурю. Следующая смена — моя.

— Вот именно, — Зарецкий невозмутимо плеснул в кружку кипятку. — Иди выпись, ты столько не выдержишь.

— Я не выдержу?! — взвился Чернов и, на беду, наткнулся пылающим взглядом на нерешительно замершую в дверях Иру. — Документы — Александру Михайловичу, немедленно!

— Остынь, Костик, шефа нет, — Ярослав не глядя вытащил из пёстрой кучки пакетик чая, сделал пару шагов вдоль прохода и вдруг отвесил пинка попавшейся по пути коробке с бумагами: — Это что ещё за дрянь?

— Это закупки, — быстро сказала Ира, не дожидаясь, пока Чернов возьмётся её отчитывать. — Я их разберу.

— Да они нафиг никому не нужны, — Зарецкий изумлённо поднял брови. — Зачем ты их достала?

Очень хотелось ответить, но ссориться с Черновым — себе дороже. Ира поспешно бросила на стол папку с документами и потянулась за злосчастной коробкой. Та, однако, проворно прыгнула в сторону и поползла к двери. Зарецкий лениво потянулся за ближайшим телефоном, умудрившись при этом не расплескать ни капли чая.

— Канцелярия? — поинтересовался он в трубку. — У нас тут бумаги скопились по закупкам, пришлите людей забрать. Нет, не принесёт, — Ярослав красноречиво покосился на Иру. Ох, не было бы потом неприятностей... — Это я сказал. Коробка тяжёлая. Да, без проблем, оформлю. Спасибо за понимание.

— Между прочим, никто не проверял исполнение по этим документам, — огрызнулся из своего угла Чернов. На Иру он смотрел, как на личного врага, будто это она вынудила Зарецкого звонить в канцелярию.

— Ты хочешь найти тут всю когда-либо заказанную фигню? — невозмутимо осведомился Ярослав. — Начни с защитных амулетов. Где твой?

— А твой где?

— Вон в ящике валяется.

Чернов раскрыл было рот, однако в этот самый миг Верховскому вздумалось заявиться в кабинет. Начальник хмуро оглядел вежливо примолкших подчинённых, коротко справился о состоянии Андрея и сухо сообщил:

— К нам сегодня высокопоставленные гости. Ведите себя пристойно, оба.

Чернов моментально надулся не то от важности, не то от обиды, а Зарецкий деловито уточнил:

— Скоро?

— В течение дня, — начальник выразительно поправил галстук; брезгующий, как всегда, официальным стилем Ярослав намёка предпочёл не понять. — Документы на Бармина и Старова вы забрали?

— Ой, да, — спохватилась Ира и протянула Верховскому больничную папку. Начальник снял печать, пролистал бумаги, выдернул две и протянул их секретарше.

— Оформите, пожалуйста, выплаты.

— Хорошо, — Ира изучила листки и отложила к себе на стол.

Начальник удовлетворённо кивнул.

— Бюрократия, — проворчал он себе под нос, прежде чем скрыться в логове.

— Неизбежное зло, — прокомментировал Ярослав.

— А правда, почему мы до сих пор больничные на бумаге оформляем? — спросила Ира, изо всех сил изображая интерес. Пусть лучше ругают управскую бюрократическую машину, чем возвращаются к теме с закупками. — Минусы уже давно всё электронно делают.

— А, с этим забавная история, — Зарецкий уселся за стол и аккуратно поставил кружку подальше от документов. — У нас тоже пытались внедрить пару лет назад, только не учли уровень талантности местных айтишников. Парни к алгоритмам перебора приспособили вероятностные чары, вскрыли чью-то электронную подпись и ничего лучше не придумали, как намудрить с зарплатными ведомостями. Был скандал.

— Серьёзно? И что потом?

— Ну как, быстренько подвели ребят под соответствующие клятвы, пока они мировую банковскую систему не обрушили. Сейчас на безопасников работают.

— А вдруг ещё кто-нибудь додумается?

— Додумаются, наверное, со временем, — с сомнением протянул Ярослав.

— Жалеешь, что сам не сообразил? — ядовито подначил Чернов.

— Я потом пробовал, — невозмутимо признался Зарецкий. — Не довёл до ума. Это нифига не просто Математике у нас выучиться ещё можно, а по вероятностным чарам поди найди спеца...

— Так это же хорошо, — неуверенно предположила Ира. — Если они такие опасные, лучше уж запретить, чтобы никто про них не знал.

— Любое знание — всего лишь инструмент, — горячо возразил Ярослав. — Нельзя вот так огульно что-то запрещать.

— Знание должно принадлежать тем, кто умеет с ним обращаться, — снисходительно бросил Чернов.

— Не так, — упрямо покачал головой Зарецкий. — Вопрос в том, чтобы...

Договорить ему не дал вежливый стук в дверь. Чернов метнул в сторону коллеги уничтожающий взгляд и прошипел нечто вроде «Исчезни!»; исчезать Зарецкий не пожелал, только выпрямился в кресле и убрал на подоконник недопитый чай. Ира панически оглядела рабочий беспорядок на столе и сочла за благо с деловым видом уставиться в монитор. К визитам важных управских шишек она успела попривыкнуть, но сегодняшних гостей сам Верховский, не испытывавший к коллегам большого пиетета, назвал высокопоставленными, а это что-то да значило.

Лиц вошедших Ира сходу не узнала, зато безошибочно оценила безупречные костюмы и остро поблёскивающие вычурные заколки на галстуках. Наверняка даже не баснословно дорогой «Московский цех»... Контролёры при виде гостей подхватились с мест; Ира тоже встала и отодвинулась в угол, чтобы не обращать на себя высочайшего внимания. Впрочем, на фоне блистательного Чернова и нахально-невозмутимого Зарецкого кто бы её вообще заметил?

— Добрый день, коллеги, — хорошо поставленным баритоном произнёс высокий подтянутый красавец и, ослепительно улыбнувшись, первым протянул руку Ярославу. Чернов слегка побледнел, но больше ничем обиду не выказал.

— Сергей Леонидович, Дмитрий Олегович, — обделённый вниманием контролёр, подобострастно скалясь, полез здороваться сам. — Рады вас приветствовать в отделе контроля. Такая честь!..

— Ну что вы, это для нас честь, — выдал зычным голосом кругленький Дмитрий Олегович, и Ира тут же вспомнила, где его видела. По телевизору, в словесной баталии с политиками-минусами. Папа, помнится, нелестно отзывался о его умственных способностях, а мама не спешила перечить. — Наши доблестные стражи, цвет одарённой молодёжи! Очень, очень рад знакомству!

— Насчёт доблестных стражей вы не по адресу, — Зарецкий без вдохновения пожал подсунутую ему короткопалую руку. — Безопасность ниже сидит.

Обарин гулко расхохотался — раз так в пять громче, чем того заслуживала колкость — и панибратски потрепал контролёра по плечу. Тот стерпел; не стерпел Чернов.

— Ярослав шутит, — процедил он сквозь дружелюбный оскал. — Пожалуйста, присаживайтесь. Предпочитаете чай или кофе? Ирочка, организуйте, будьте добры.

«Ирочка», ишь ты! Оксана на её месте послала бы лицемера туда, куда канцелярия командировки не оформляет, но то Оксана. Лощёный Сергей Леонидович равнодушно кивнул секретарше, обозначая, что принял во внимание её присутствие; Дмитрий Олегович потешно замахал руками.

— Нет-нет, барышня, не стоит беспокоиться! Мы вас от дел отвлекать не будем. Правда, Сергей Леонидович?

— Правда, Дмитрий Олегович, — снисходительно усмехнулся красавец. — Коллеги, можно увидеться с Александром Михайловичем?

— Да-да, сюда, пожалуйста, — Чернов зайцем выскочил из-за стола и помчался открывать дверь.

Сергей Леонидович величаво проследовал в логово, оставив за собой шлейф ненавязчивого парфюма. Обарин явно пребывавший на вторых ролях, ограничился тем, что плюхнулся в кресло Андрея и зачем-то потрогал приунывший цветок. Чернов предпринял-таки отчаянную попытку предложить гостю чай, однако Дмитрий Олегович, рассыпавшись в благодарностях, к чашке даже не притронулся. Зарецкий, сочтя политес соблюденным, уселся за компьютер; Ира последовала его примеру.

— Как вам работается? — поинтересовался Обарин, празднично оглядывая кабинет.

— Прекрасно, спасибо, — не замедлил отрапортовать Чернов. — Условия превосходные, мы всем довольны.

— Правда? — депутат Магсовета состроил озадаченную гримасу, как школьник, которому подсунули задачу с подвохом. — Что-нибудь мы можем для вас сделать? Может, помещение попросторнее или, скажем, мебель подновить?

— Штат расширить, — буркнул из-за монитора Зарецкий.

— Коллега сегодня не в духе, — извиняющимся тоном проблеял Чернов, но было уже поздно.

— Так-так, интересно! — встрепенулся Обарин. — К нам не поступало таких сигналов. Это что же, нашему передовому подразделению не хватает людей?

— Хватает, — простонал Чернов. — И потом, даже если вдруг откроют вакансии, мы просто так людей не найдём. Сами понимаете, по уровню подготовки...

— Как амулеты у кустика, — Ярослав откинулся на спинку кресла и скрестил руки на груди. — Раз на раз не приходится.

— Зарецкий, будь добр, помолчи! — отчаянно взвизгнул Чернов, сверкая глазами из-под очков.

— Почему? Нам интересны все проблемы населения, — на одном дыхании произнёс Обарин. Фраза явно была из дежурной обоймы. — Вы считаете, в Москве не хватает магов с высоким потенциалом?

— Не то чтобы...

— Нет, — отрезал Ярослав. — Коллега верно сказал: проблема в подготовке.

— Но мы справляемся, — снова завёл Чернов. — Помогаем младшим коллегам, делимся опытом...

— О чём я и говорю. У нас нет ни стандартов образования, ни почвы для их введения, — Зарецкий испытующе возрился на озадаченного депутата. — Сообщество остановилось на введении номенклатуры и разделении способностей по категориям. Это полезно, но чудовищно мало.

— А ты, наверное, знаешь, что делать дальше? — раздражённо осведомился Чернов.

— Вы ставите такие важные вопросы! — шумно воскликнул Обарин. — Я всегда говорю коллегам: московское сообщество должно гордиться своей молодёжью. А вы не хотите выступить в Общественном собрании?

— Я бы счёл за честь, — быстро сказал Чернов.

— Работы полно, — фыркнул Зарецкий.

Депутат, кажется, искренне расстроился. Уж на что он был нелепый и неумный, а беднягу стало жалко. Хищному Сергею Леонидовичу Зарецкий хамить не стал, а этого, пусть и не слишком важного, зато простого и доброго, отбрил, как какого-нибудь провинившегося безопасника. Стремясь разрядить наэлектризованное молчание, Ира сбегала в переговорную за печеньем и поставила вазочку рядом с остывающей кружкой.

— Угощайтесь, — предложила она и тут же была вознаграждена обезоруживающе счастливой улыбкой.

— Спасибо! — депутат тут же схватил посыпанное сахаром колечко. — Ох, как я такие в детстве любил, вы не представляете!

Сергей Леонидович у начальника магконтроля пробыл недолго. По приятно-нейтральному выражению породистого лица не понять было, какое впечатление произвёл на депутата Верховский; о чём говорили сильные мира сего, оставалось только гадать.

— Не будем отбирать ваше время, — обратился Сергей Леонидович к контролёрам и снисходительно бросил спутнику: — Идёмте, Дмитрий Олегович.

— Сейчас, — заторопился Обарин. Он неуклюже вылез из-за стола, едва не опрокинув чашку, и принялся рассеянно хлопать себя по карманам. — Минутку... Вот, — он положил на стол украшенную броским золотым тиснением визитку. — Если мы можем что-нибудь для вас сделать, пожалуйста, звоните. Рад знакомству, очень рад!

Депутаты убралась под подхалимскую трескотню Чернова. Едва за ними закрылась дверь, напоминающая судорогу улыбка мигом сползла с лица контролёра; воинственно поправив очки, он повернулся к Зарецкому и прошипел:

— Ну ты и хамло! Александр Михайлович об этом узнает, будь уверен!

— Я готов узнавать, — сумрачно сообщил Верховский. Он прикрыл за собой дверь логова и тщательно поправил и без того идеально сидящие в манжетах запонки. — В чём дело?

При виде начальства Чернов немного прижух, но праведного гнева не растерял. Верховскому немедленно было доложено о возмутительном поведении Зарецкого, а заодно и об опасных идеях, которые тот имел наглость озвучить прямо перед уважаемым депутатом. Александр Михайлович слушал с угрюмым видом, Ярослав не слушал вообще: его внимание полностью занимала аляповатая визитка. Когда Чернов наконец выдохся, Верховский строго свёл брови к переносице, и стало ясно: зануде сейчас достанется.

— Меньше всего я хочу, чтобы мои подчинённые заискивали перед депутатами, которые перед выборами бегают с подожжёнными хвостами, — сухо сказал начальник. — Рекомендую вам воздержаться от общения с политиками, по крайней мере, до сентября. Это касается всех, — с нажимом прибавил он, и, хотя суровый начальственный взор был направлен на притихших контролёров, Ире тоже стало не по себе.

По пути к палате Мишка нос к носу столкнулся с немногочисленным, но дружным Андрюхиным семейством. Пётр Дмитриевич, невысокий лысеющий мужичок, растерянно обнимал за плечи тщедушную жену; Полинка, выше и полнее будущей свекрови раза в полтора, шмыгала носом и то и дело подносила к покрасневшим глазам бумажный платок. Мишка поздоровался с ними, как сумел, жизнерадостно. Сказали им уже, что это из-за его промашки Андрюха загремел на больничную койку?

— Здравствуй, Миша! — Пётр Дмитриевич улыбнулся той же всепонимающей улыбкой, какой любил озадачивать собеседников его сын. — Тоже Андрюшу навестить собрался?

— Ага, иду вот, — Старов зачем-то продемонстрировал пакет со всякой снедью, половина которой непременно окажется забракованной строгими врачами. — Он, э-э-э, не спит?

— Нет, — Полина в очередной раз промокнула щёки изрядно измочаленным платком. — Читает, наверное...

— Полиночка привезла для Андрюши «Всемирную историю» в подарочном издании, — похвасталась матушка. Полинка вознаградила её щенячьим взглядом.

— Круто, — брякнул Мишка, не зная, что тут ещё сказать. — А я вот... принёс всякого.

— Мы с Петрушей рады, что у Андрюшеньки такие заботливые коллеги! — ахнула Бармина и прижала к груди сухие ручки. На душе моментально стало паршиво.

— Так ведь я ж виноват, — через силу выговорил Мишка и сам себя выругал за малодушие. Натворил — отвечай, нечего тут! — Отвлёкся, упустил...

— Миша, не надо, — мягко сказал Пётр Сергеевич. — Мы же понимаем.

— Да, Мишенька, не берите на себя...

— Работа у вас такая...

— Оно случается...

— Врачи говорят, Андрюшка через недельку-другую на ноги встанет...

Мишка неискренне кивал и ждал подходящего момента, чтобы скомканно попрощаться и смыться, пока не стало совсем тошно. Не от Барминых — от себя самого. Положа руку на сердце, лучше б Андреевы родители осыпали его проклятиями. В головноймояках от Верховского приятно мало, но они хотя бы по делу. Мишка тоскливо оглянулся на видневшееся сквозь окна здание Управы. Вот так всегда: дел натворить — пять минут, а сколько потом расхлёбывать...

Андрюха и впрямь сидел за книжкой. При виде коллеги он жизнерадостно улыбнулся и бережно пристроил фолиант на заставленной пузырьками тумбочке. Там уже лежал том в роскошной обложке с золотым тиснением; Мишка едва не столкнул его, устраиваясь на хлипком складном стульчике.

— Чтиво у тебя, смотрю, имеется, — заметил Старов и уважительно потрогал острый уголок новенького переплёта.

— Вообще-то не совсем, — Андрюха виновато отвёл взгляд. — «Историю» я уже читал, она мне не очень нравится.

— Зачем тогда просил?

— Это Полина принесла, — Бармин посмотрел на ненужный талмуд с нежностью. — Она так переживает, а у меня, на самом деле, всё неплохо.

— Правда?

— Ага. Это, в основном, укрепляющие, — Андрюха кивнул на батарею склянок. — Алексей Иванович говорит, всё очень хорошо заживает, так что я тут просто так бездельничаю.

— А заражение как, остановили?

— Конечно, — Бармин старательно закивал. — Ну, в первые пару часов плохо было, а к вечеру стало отпускать. Сегодня даже температура нормальная! — похвастался он и тут же спохватился: — Ой, Миш, а у тебя-то как?

— Да мне-то чего будет, — отмахнулся Старов. — Башка поболела — и всё.

Он, конечно, покривил душой. Лихорадило его до поздней ночи, а с утра Мишка проснулся совершенно разбитым и, если бы не долг совести, ни за что не вылез бы из постели. Андрюхе про это знать ни к чему; распереживается ещё...

— Наверное, наш упырь был какой-то слабенький, — предположил Бармин. — Я читал, что их укусы очень тяжело лечатся. Из-за яда.

— Ага, Костик говорил, — рассеянно припомнил Мишка. — Ну, значит, повезло нам с тобой.

— Точно! — Андрей воодушевлённо закивал и, понизив голос, виновато прибавил: — У Алексея Иванoviча там такой сложный пациент! Его под капельницей держат и каждый день дают стимуляторы, а он всё без

сознания. Мне его так жалко, Миш, не представляешь! Я сказал Алексею Ивановичу, чтоб на меня время не тратили, только ко мне всё равно постоянно ходят...

— И правильно ходят, — твёрдо сказал Старов. — Пока полностью не выздоровеешь, никакой работы.

— Это Александр Михайлович так сказал?

— Да, — соврал Мишка. Счастье лицезреть шефа ему сегодня ещё предстоит. — Ты тут не парься, всё схвачено. Документы Ира оформила, а смену ребята додежурили.

— Я знаю. Они приходили, — Андрей светло улыбнулся, будто больше встречи с коллегами его мог обрадовать только визит Полины. — Не вместе, конечно. По-моему, Костя очень устал.

— Ещё бы, — Мишка виновато вздохнул. — Лишнюю смену в Управе торчать, да ещё и с Яриком... Они ж друг друга терпеть не могут.

— Неправда, — горячо возразил Бармин и для убедительности замотал головой. — Просто они оба очень переживают за дело, только по-разному.

Старов промычал в ответ что-то неопределённое. Ей-богу, за такие вот суждения Верховский Андрюху и держит — колошматить-то нежить Бармин не особо годится. То есть годится, конечно; нехорошо так думать о коллегах! Мишка поспешно заговорил о какой-то скукоте вроде пробок на кольцевой; Андрей слушал внимательно, будто ему впрямь было дело до ремонта дорог и обнаглевших таксистов. Впрочем, лучше уж такое, чем опять перебирать в памяти неудачную охоту на упыря.

У самого Мишки вчерашний день никак не шёл из головы. Никогда он не считал себя увальнем, скорее наоборот — и тут вдруг такое... В безлюдном подмосковном лесочке его не сдерживали ни приказы надзора, ни статья за раскрытие тайны сообщества. И ведь далеко не впервые Старов ловил нежить на приманку; никогда прежде не было, чтоб он так бессовестно прозевал момент. Устал, что ли... Это могло ещё сойти за оправдание для себя самого, но уж никак не для коллег и тем более не для Верховского. Встреча с шефом неумолимо приближалась, и, похоже, невесёлое настроение становилось чем дальше, тем заметнее, потому что в какой-то момент Андрюха принялся едва ли не утешать коллегу. Мишка мысленно выругал себя последними словами и счёл за благо поскорее попрощаться.

— Пиши объяснительную, — вместо приветствия бросил начальник, едва завидев в дверях провинившегося подчинённого.

— Вам? — ляпнул Старов скорее от неожиданности, чем всерьёз.

— Нет, вот этим двоим, — ядовито отозвался шеф и кивнул в сторону Чернова, отчаянно пытающегося не зевнуть. Ярик, выглядевший куда как бодрее коллеги, насмешливо фыркнул. — В надзор, Миш, в надзор. И в безопасность заодно, этим страсть как интересно, что тут у нас происходит.

— Может, перебьются? — подал голос Зарецкий, оторвавшись от подшивки пожелтевших бумаг.

— А может, я увижу наконец результаты твоих изысканий? — ласково поинтересовался шеф. — Желание перечитать весь архив похвально, но не то чтобы очень полезно.

— С этим к Андрею, — парировал Ярик и решительно отложил документы в сторону. — Миш, как он там?

— Поправляется, — Мишка протиснулся к своему столу и поискал глазами ручку. — Говорит, прогноз хороший.

Ярослав молча кивнул. Под строгим взглядом Верховского Мишка отобрал у принтера пару чистых листов; обладавший искусством складно сочинять служебные оправдания Костик сейчас мог разве что осовело моргать, а жаль. Врать нельзя, изворачиваться противно, а писать как есть — опасно для отдельской репутации. Одна радость — шеф прекратил-таки сверлить Мишку взглядом и переключился на Зарецкого. Ну, и что же мы будем излагать? По-канцелярски обзывать себя балбесом и тормозом?

— Здравствуйте, Александр Михайлович, — Ира боком протиснулась в кабинет, прижимая к себе пухлую пачку корреспонденции. — Э-э-э... Можно вас отвлечь?

— Разумеется, — шеф любезно кивнул секретарше и напоследок поддел Ярика: — От тебя жду содержательных выводов, помимо того, что мне повезло не руководить магконтролем в то время. Ирина, что у вас?

— Прислали ответ по сибирской аномалии, — секретарша протянула шефу запечатанный конверт. Костя зашевелился у себя за столом, как разбуженный филин. — И тут ещё... Это надо подписать. За... за тень.

Она с виноватым видом протянула Ярику тоненькую папку. Тот бестрепетно взял, пролистал содержимое и удовлетворённо кивнул.

— Выговор, я полагаю? — осведомился Верховский.

— Да, с депремированием, — спокойно ответил Ярослав, подписывая приказ.

— Это несправедливо, — тихо сказала Ира, глядя в сторону. Надо же, не испугалась при начальнике!

— Всё по делу, — сдержанно возразил Зарецкий, возвращая ей папку. — Для Оксаны, надеюсь, ничего нет на подпись?

Секретарша покачала головой и отложила документы отдельно от прочей макулатуры. Мишка покосился на

Верховского: чего молчит? Ира ведь права, не дело контролю отвечать за глупые приказы надзора! С Яриком-то всё понятно, с его взглядами на жизнь премии — дело десятое, но вопрос же масштабнее. Эдак можно докатиться до того, что магконтроль обвинят во всех смертных грехах, а шеф в ответ слова сказать не посмеет. Верховский, однако, внимательно читал извлечённую из конверта бумагу, будто ничего важнее в мире не существовало.

— На, изучи, — равнодушно бросил он Чернову, протягивая письмо. — А потом — домой, отсыпаться. Мне достаточно сотрудников на больничных койках. Ярослав, в кабинет.

Костя вспыхнул, но безропотно взял бумагу и вперился в неё взглядом. Ничуть не напуганный грядущей головомойкой Зарецкий прихватил со стола несколько распечаток и с независимым видом проследовал за шефом в логово. В воцарившейся тишине отчётливо слышно стало, как тикают настенные часы. Так как... Так как в настоящее время наблюдается всплеск активности... Нет, активность нежити тут ни при чём, это ни один управский писака не примет за достойное оправдание. В связи с усилением... С увеличением числа обращений... Да с чем, в конце концов, кроме собственной глупости?!

— Пятого июня! — взвизгнул вдруг Костик. Мишка аж вздрогнул от неожиданности; ручка оставила на бумаге неряшливый росчерк. — Оно пришло пятого июня! Почему мы получили только сегодня?!

— Я забираю внешнюю корреспонденцию по вторникам, — дрогнувшим голосом отозвалась Ира. — Это распоряжение...

— Мне плевать! — взорвался Чернов. А ведь пару минут назад клевал себе носом, не мешал никому! — Мы потеряли неделю! Не-де-лю! Вы хоть представляете себе, что это значит?!

Мишка оглянулся на плотно закрытую дверь логова и предпринял отчаянную попытку утихомирить коллегу:

— Кость, не начинай...

— О, я не начинаю! — закусивший удила Чернов тряхнул в воздухе треклятым письмом; удивительно, как это оно не схватилось пламенем. — Я леший знает сколько времени твержу, что нам нужен ответственный! Исполнительный! Сотрудник! А не ведьмы-недоучки! Скажите на милость, кто нам вернёт упущенное время? Вы хоть понимаете, чего нам будет стоить ваша халатность?!

Сникшая под его напором секретарша бросила попытки лепетать оправдания и только ошалело мотала головой, чем только больше злила Чернова. Мишка попытался было на него рявкнуть, но Костя то ли не заметил, то ли не обратил внимания. Укрощать бурю уже поздно; можно либо переждать, либо убраться с её пути. Ира выбрала второе. Выскользнув из-за стола, она зайцем проскочила мимо надвигающегося Чернова и вылетела в коридор. Старов укоризненно покачал головой: что б там такого ни случилось, зачем девочку до слёз доводить?

— Я пишу докладную, — заявил Костя, сердито раздувая ноздри. — Сколько можно? Вопиющий непрофессионализм...

— Ты погоди, — взмолился Мишка, отчаянно соображая, на что его переключить. — Давай сначала проблему-то решим. Чего там, в письме?

— А ничего уже не сделаешь, — горько отмахнулся Чернов. — Земля передана в собственность, дальше только через суд.

— Значит, надо в правопорядок передать, — напористо предложил Старов. — Они там знают, как чего. Или, может, с шефом посоветоваться?

— Понятия не имею, — зло бросил Костя и резким движением поправил очки. — Хочешь нянчиться со смазливими дурами — флаг в руки. Никогда в этом отделе порядка не будет...

Он швырнул письмо на свой стол. Бумага, подхваченная сквозняком, соскользнула на пол; Чернов прошипел очередное проклятие и полез доставать. Мишка потоптался рядом, не зная, что б ему такого сказать, так ничего и не придумал и вернулся к объяснительной, которую пришлось переписывать на чистый лист. И так, «я, нижеподписавшийся Старов Михаил Аркадьевич»... Интересно, что Костя про него-то думает после вчерашнего?

Спустя четверть часа творческих мук Мишка поскрёбся в дверь логова. Шеф благосклонно ему кивнул; Ярик, почуяв окончание аудиенции, поднялся с пыточного стула.

— Это всё неплохо, — сказал ему Верховский, — но без конкретных имён имеет мало смысла. Можешь назвать хотя бы пару?

— Пока нет, — Зарецкий скользнул равнодушным взглядом по застрявшему в дверях коллеге. — Нужно время.

— Оно уходит, — с нажимом напомнил шеф. — Я предложил бы тебе выходной на изыскания, но это сейчас непозволительная роскошь. Выдержишь смену?

— Без проблем.

— Хорошо. Больше ничего не хочешь мне сказать? — со значением спросил Верховский. Мишка, будь вопрос обращён к нему, принялся бы вспоминать, где он мог серьёзно накосячить за последние пару недель.

Ярик на миг задумался, видимо, пересчитывая собственные промахи, и решительно качнул головой.

— Нет. Ничего.

Он забрал свои бумаги и вышел из логова, оттерев плечом замешкавшегося приятеля. Мишке ничего не

оставалось, кроме как протянуть начальнику выстраданные объяснительные. Написано в них было примерно одно и то же, только для безопасности пришлось прибавить подробностей. Шеф, хмуря брови, пробежал взглядом оба листа и соизволил кивнуть.

— Сойдёт. Передай Ирине, и пошустрее, пока про нас не настрочили очередной памфлет.

Мишка замылся. Нажаловаться, что ли, на Костика? Да ну, и так понятно, что шеф скажет: человек полторы смены оттрубил, переживает, и вообще — где лучший сотрудник магконтроля, а где секретарша, которых Анохина набирает и выгоняет чуть ли не каждый месяц? Проще самому отнести злосчастные бумажки, а тут пока всё как-нибудь устаканится.

— Александр Михайлович, — неуверенно начал Старов. — Давайте я на смену останусь. Ребята устали...

Шеф вопросительно вскинул брови.

— Тебя, кажется, упырь покусал?

— Да я нормально себя чувствую, — горячо возразил Мишка. — Упырь какой-то слабенький был, Андрюха вон тоже уже оклемался...

— Михаил, — Верховский скривился, будто от зубной боли. — Ещё слово — и отправлю на переаттестацию. Упыриный яд слабеньким не бывает. Я, по правде говоря, уверен был, что ты неделю проваляешься с лихорадкой.

— Ну, значит, я крепкий, — неловко хохотнул Старов.

— Нет. Значит, медики надавали вам с Барминым какой-то убойной дряни, купирующей реакцию организма, — брюзгливо заявил шеф. — Сдашь писанину — и брысь домой. На общественном транспорте.

Мишка уныло кивнул и поплёлся, куда послали. После слов начальника ему стало казаться, что голова и впрямь едва заметно гудит. Или не казаться, чёрт его знает... Чувствуя себя бессовестным симулянтом, Старов добрёл сперва до надзора, где местная секретарша охотно забрала у него бумагу и сочувственно пожелала поправляться, а потом поехал в безопасность. На лифте. Хотя обычно спускаться предпочитал по лестнице — просто так, разминки ради.

Вездесущий Викентьев поймал его в коридоре, в паре шагов от приёмной. Старов вежливо притормозил поздороваться и заодно отдать объяснительную; всё равно ведь бумажка рано или поздно ляжет на стол Евгению Валерьевичу.

— Здравствуй, Миш, — Викентьев пожал Старову руку. Им доводилось говорить вот так запросто ещё месяц-другой тому назад, когда Мишка вылавливал вместе с безопасностью шайку нечистых на руку колдунов. Куда только всё делось? — Как самочувствие? Найдёшь минутку поговорить?

— Найду, — осторожно кивнул Мишка.

Вот прицепились все к его самочувствию! Шеф, конечно, предостерегал откровенничать с безопасниками, так про всё подряд болтать и не надо. Тем более ничего таинственного во вчерашней истории нет. Ну, упырь, ну, агрессивный — подумаешь, диво дивное, перед летним-то солнцестоянием... Евгений Валерьевич впустил Мишку в кабинет, жестом указал на кресло у стола и уселся напротив. Заглянувшая в кабинет лаборантка Галочка была немедленно отослана заваривать чай.

— Давай, что там у тебя, — Викентьев взял объяснительную, мельком проглядел и отложил в сторону. — Крепко досталось?

— Не очень. Видите, функционирую, — Мишка, как сумел, простодушно улыбнулся.

— Молодец, — похвалил Евгений Валерьевич. — Упырь — дело такое... Ещё и бешеный, наверное, был?

— Нежить не болеет, — хохотнул Старов. — У неё просто настроение плохое.

— Да-а-а, поди пойми сейчас, кто просто так с катушек слетел, а кто... — безопасник неопределённо пошевелил пальцами. — Этот твой, надеюсь, в пределах стандартных поведенческих циклов?

— Упыри весь год злобные, — Мишка пожал плечами. — А сейчас даже с домовыми аккуратно надо. Все бузят.

— Одиннадцатое сегодня, — задумчиво констатировал Викентьев. — До сих пор до серьёзного вреда не доходило. В последний раз перед самым началом лета случилось, если я верно помню. Странно, да?

— Так день туда, день сюда... Нежить не по календарю с ума сходит.

— Справедливо. У неё другие какие-то резоны, правда?

— Кто его знает, — Старов вздохнул. Он без малого месяц рылся в справочниках, до рези в глазах вглядывался в звёздные карты и донимал ученых просьбами снять замеры магического фона, но так ни к чему вменяемому и не пришёл. — Может, беспокоит их что-то. Или в фоне возмущения. Или заставил кто...

— Это твоя догадка? — быстро спросил Викентьев.

— Нет, коллеги... Но это ерунда какая-то, если честно, — признался Мишка. — Я весь архив перерыл — нету таких случаев, чтобы что-нибудь крупнее шишиги человека слушалось.

— Ясно, — рассеянно бросил безопасник. Явилась Галочка с чаем, и он надолго замолк, дожидаясь, пока лаборантка расставит чашки и скроется в своей каморке. Потом вздохнул и, понизив голос, доверительно сообщил:

— Я, Миш, против вас ничего не имею. Чего там себе Верховский в голову вбил — это его проблемы. Я работать пытаюсь, а мне только палки в колёса ставят. Вот и задумался тут недельку-другую назад...

Старов нарочито громко хлопнул чаем. Шефу о разговоре придётся рассказать. Викентьев этого не понимать не может; на что рассчитывает?

— Сигналы-то со всей Москвы идут, — значительно сказал безопасник, словно позабыв, о чём только что говорил. — Ворьё мелкое, паразиты, мошенники, оккультисты, теперь вот нежить ещё... Как будто обострение у всех, честное слово. А нам тут не чихни без двадцать раз подписанной бумажки. Я так думаю, в Управе у нас нечисто.

— Леший его знает, — буркнул Мишка.

— Знает, безусловно, — серьёзно подхватил Викентьев. — Если нашего диверсанта вся окрестная нежить слушается. Тут не то что третьей статьёй пахнет — тут первая в полный рост, за угрозу сообществу.

— Евгений Валерьевич, это ж невозможно, — мягко укорил безопасника Старов. С надзором в этом плане проще, они про нежить всё знают. — Ну, то есть, может, тут кто дурака и валяет, но с нежитью — никак. Не известно такое науке.

— Вы у нас ребята продвинутые, — вздохнул Викентьев. — Цвет современной магии. Если б мне Александр Михайлович поговорить с вами дал нормально, может, вместе что-нибудь и выяснили бы... Костя Чернов — в девятом поколении маг, представляешь, сколько он всего знает?

— Костя-то да, — пробормотал Мишка, потому что безопасник ждал ответа.

— А я его всё поймать не могу. То занят, то на выезде, — пожаловался Викентьев. — Зарецкий — тот вообще на людей кидается, как вы его терпите — ума не приложу.

— Он хороший спец, — вступился за приятеля Мишка.

— Может, и хороший, только с людьми работать вообще не умеет. А у нас тут как раз про людей, — Викентьев развёл руками. — Это нежить в своих законах живёт, как в силках, а человек — существо изворотливое. Я как подумаю, что та сволочь, к примеру, в Магсовете заседает — так и хочется всех к следственной присяге и расспрашивать по очереди...

— Евгений Валерьевич, я пойду, наверное, — выдавил Старов, отодвигая недопитый чай. — Мне ещё... по делам надо.

— А, извини, — Викентьев поднялся и зачем-то щёлкнул пультом от кондиционера. — Давненько выговориться не доводилось. Ты не бери в голову. Мне иногда под вечер кажется, что пора врачам без боя сдаваться, так голова пухнет. Только стимуляторы и спасают...

От стимуляторов Старов зарёкся. В прошлый раз всё оказалось в точности так, как Ира сказала: час-другой бодрствования, половина суток кошмарной головной боли. Вернувшись в кабинет, Мишка покосился на зло стучащего по клавиатуре Костика. Неужто на одном чувстве долга держится? Ничем особенным в кабинете не пахло, но так и кондиционер не зря трудится.

— Кость, — осторожно позвал Старов. Коллега поднял от монитора хмурый взгляд, но далеко и надолго посылать не стал. — У тебя диаграмм поведенческих нету?

Чернов дёрнулся, будто его током тряхнуло, и буркнул:

— Тебе зачем?

— Ну как... Аномалии сопоставить.

— В архиве возьми, — нервно отрезал коллега.

— Там за прошлый год только. У тебя ж отец столько лет в науке работал, может, осталось чего?

— Вряд ли, — Костя сердито наморщил лоб. — Он по ментальной магии защищался, а не по нежити.

— Так это ж рядом всё, — пожал плечами Мишка. — Менталкой-то только нежить и пользуется.

— Много ты понимаешь, — возмущённо фыркнул Чернов. — Там областей теории — выше крыши.

— А практики?

— А практика в докторской никому не нужна, — рявкнул Костя. — Чего тебе надо, Старов? Сдал бумаги — ну и вали домой.

— К шефу зайду и поеду, — вздохнул Мишка.

Ему пришло в голову, что досконально пересказывать Верховскому малоприятный разговор с безопасником вовсе не обязательно.

XXXII. День рождения

— Ну всё, хорош трудиться! — громогласно объявил Макс и спрыгнул с кресла. — Пора радоваться жизни и предаваться мелким порокам.

— И что за пороки у нас в планах на вечер? — промурлыкала Ксюша.

— Ничего особенного. Чревоугодие, лень и прочий гедонизм, — сообщил неугомонный Некрасов. — Ярик, бросай скучать, пошли с нами!

— Я без подарка, — Зарецкий усмехнулся, отвлекшись на миг от монитора.

— Лучший подарок — это счастливые улыбки коллег! — пропел Макс, запихивая в рюкзак скомканную толстовку. — Может, нежить один вечерок посидит тихо, а?

— Ради тебя — обязательно, — заверила его Тимофеева.

Сдав дежурство, Оксана умудрилась успеть смотаться домой и вернуться в Управу в элегантном платье и с безупречной укладкой. Ире подобная роскошь была недоступна; оставалось довольствоваться малым — распустить строгий узел и надеяться, что чуть более легкомысленные, чем обычно, блузка и юбка выглядят достаточно празднично. Макса, по крайней мере, устраивало.

— Ну? Что насчёт должностного преступления? — поинтересовался Некрасов. Оксана, уже стоявшая у двери одобрительно хихикнула.

— Подумать страшно, — флегматично протянул Зарецкий. — Если засидитесь за полночь, я, так и быть, к вам присоединюсь.

— Договорились, — Макс соорудил серьёзную мину. — Мы пока для Костика подробный отчёт составим. Да, Ир?

Он по-хозяйски обнял Иру за плечи и поцеловал в щёку. Прямо при всех! То есть, конечно, здесь нет Чернова, Старова и бедняги Андрея, и начальника, к счастью, тоже, но всё-таки... Тимофеева благосклонно улыбнулась и не преминула прокомментировать:

— Это в отчёт не включаем.

— Думаешь, ревновать станет? — Макс, паясничая, трагически вскинул брови. — Этот может, я-то знаю!

— Пошли уже, — фыркнула Ксюша и первой взялась за ручку двери. — Ярик, пока!

Зарецкий рассеянно кивнул, даже не взглянув в её сторону. Ира украдкой покосилась на глянцево улыбающуюся Тимофееву. Её жизнерадостный настрой казался не более настоящим, чем ровный слой косметики на безупречном лице. Парни — те разве заметят? Но и лезть к Оксане с сочувствием — это надо быть самоубийцей. Уж точно не при всех. Да и вообще, какое Ире дело до морального состояния старшего офицера магконтроля? Пусть Верховский об этом печётся...

В вестибюле её ждала Анька. Ира досадливо закусил губу, ругая себя на чём свет стоит. Родителей она предупредила, а про подругу забыла напрочь. Умная Сафонова, поймав полный раскаяния взгляд, мгновенно развернулась и поспешила к выходу в одиночестве. Обиделась? Да нет, на Аньку это не похоже; разве что отпустит при встрече шпильку насчёт Ириных отношений с коллегами.

— На машинах? — осведомилась Тимофеева, поигрывая сверкающим брелочком.

— Да не, так дойдём, — решил Макс. Он галантно придержал перед коллегами тяжёлую входную дверь, Оксана восприняла это как должное, а Ира, как всегда, смутилась. — У тебя что, трезвый вечер?

— Вот ещё.

Старов ждал компанию у парковки, в стороне от набирающего силу людского потока. Где-то тут имел место неприятный — то есть самый неприятный — разговор со Славиком Свириденко. Теперь, когда появился Макс, игнорировать неуклюжие потуги отпрыска Татьяны Ивановны пообщаться стало проще, вот только мама, если узнает — когда узнает — будет рвать и метать. Ира с трудом удержалась, чтобы не вздохнуть, и волевым усилием отогнала неудобные мысли. Для того, чтобы подпортить вечер, достаточно общества острой на язык Оксаны и недалёкого Старова.

— Ну что, стажёр, с юбилеем! — Миша от души встряхнул Максону руку и протянул имениннику поздравительный конвертик. — Молодец ты, держись, учишься... Если шеф тебе через полгода повышение не даст — я и не знаю, что!

Ксюша ревниво хмыкнула. Анька как-то обмолвилась, что Тимофеева при всех своих талантах ходила в младших аж до прошлого сентября. Это и впрямь выглядело несправедливо, но куда там Старову до таких тонких материй!

— Я ещё маленький, — хохотнул Макс. — Одного на серьёзные задания не отпускают.

— А ты не косячь, тогда будут отпускать, — фыркнула Ксюша.

Чем бы её подбодрить? Чем ближе становится крайний срок внутреннего разбирательства по несчастному

случаю с тенью, тем больше Оксана нервничает; всю неделю на её нарочито небрежные вопросы Ира с тяжёлой душой честно отвечала, что для офицера Тимофеевой ничего не присылали. Сказать, что дело уже завершили и на Ксюшину долю ответственности не выпало, было почему-то невероятно трудно. А Макс, интересно, огорчился бы или обрадовался, если бы ему довелось выйти сухим из воды за чужой счёт? Наверняка бы огорчился; подлости за Некрасовым Ира не замечала.

Выбранный Максом ресторанчик больше походил на клуб и выглядел на порядок дороже, чем могла бы себе позволить скромная секретарша. В расцветенной резкими световыми пятнами полутьме медленно закручивался кальянный дым; над пустующим пока танцполом ухала музыка. Несмотря на то, что часы показывали немногим больше шести, здесь уже образовались две шумные компании; к счастью, нашёлся столик подальше от них, в относительно тихом уголке. Ира замешкалась, разглядывая грубоватую роспись на стене. Вокруг нарисованных белым акрилом песочных часов лентой висала надпись мрачным готическим шрифтом, гласившая: «Tempus fugit[1]». Странноватое послание в местечке, предназначенном для бесцельного прожигания жизни.

— О чём задумалась? — Макс приобнял её за талию и широко улыбнулся.

— Интерьер тут... интересный, — осторожно ответила Ира. Подумает ещё, что ей здесь не нравится!

— Ага, заведение с претензией, — Некрасов гордо кивнул, будто лично изобретал здешний дизайн. — Но кухня тут хорошая. И выпивка тоже, ага, Ксюш?

— Само собой, — Тимофеева изящно изогнула бровь и подтолкнула на середину стола стопку меню. — Ир, что будешь?

Ира схватилась за выдержанную в строгих тонах винную карту, но шорох приоткрывшейся входной двери отвлёк её от алкогольного изобилия. Вместе с лучиком дневного света в сладко пахнущий сумрак проскользнула Анька Сафонова. Одна! Иру она, кажется, не заметила; должно быть, и не ожидала увидеть здесь подругу. Что она тут делает? Ищет компанию на вечер? А Павел Сергеевич одобряет такие развлечения?

Анька устроилась у барной стойки. С такого наблюдательного поста заметить компанию контролёров — проще простого. Ира потянулась было за телефоном, но тут же спохватилась, что это невежливо. Сафонова то ли не смотрела в их сторону, то ли делала вид, что не заметила подругу, и Ира быстро выбросила её из головы. Хочет отдохнуть — пусть отдыхает, а Павлу Сергеевичу знать об этом незачем. И маме незачем знать, как именно дочь проводит время с коллегами. Анька поймёт и не сдаст, она знает, что подруге наверняка достанется...

Вообще-то Ира обещала родителям не больше одного коктейля за вечер, но сдерживать подобные зарок она перестала ещё на старших курсах. Немного смущало, что за всё платит Макс, но сам он вёл себя так, будто посиделки в недешёвом заведении для него — сущий пустяк. Ксюша — та точно не заботилась о подобных мелочах: за разговорами она то и дело подзывала официанта и приказывала то подновить закуски, то принести на всех ещё какой-нибудь выпивки. С высоким бокалом в руке, в подвижном свете софитов она была великолепна — хоть сейчас снимай на обложку журнала. Как магконтроль до сих пор из-за неё не перессорился? Привыкли, что ли?

— Ребят, что насчёт потанцевать? — перекрикивая музыку, предложил Макс и кивнул в сторону заполненного людьми танцпола.

Сколько прошло времени, Ира не знала, но глаза у Некрасова уже были шалые. Старову, кажется, в здешней обстановке было не по себе; он обвёл взглядом тёмный зал и как-то неловко пожал плечами.

— Ну, если хочешь, пойдём, — пробормотал он. — Я только отлучусь...

Он тяжело поднялся из-за стола — неужели успел захмелеть, такой-то здоровяк? — и, огибая залитый цветным светом танцпол, пошёл в сторону уборных. Старов и разговор-то поддерживал не слишком охотно; должно быть, не привык к подобному способу отдыха. Зато Ксюшу упрашивать не пришлось: она легко влилась в толпу танцующих — гибкая, красивая, грациозная. К чужим восхищённым взглядам она, кажется, была равнодушна.

— Пойдём, — Макс вскочил с места и всласть потянулся. — Или ты не любишь?

— Нет, почему? Я не против, — почти не соврала Ира. Не то чтобы ей не нравились танцы, но пытаться что-то изобразить на фоне Оксаны не просто бесполезно — кощунственно.

Впрочем, эти ненужные мысли быстро улетучились под напором гулкого ритма и лихорадочно мерцающих огней. Раз или два рядом выныривала Оксана — и тут же вновь терялась в толпе. Где-то мелькал Старов, где-то — Сафонова, и, кажется, даже недалеко друг от друга. Все они растворились в дымном полумраке, пронизанном лучами софитов. Остался только Макс. Как он всё-таки не похож ни на заносчивых коллег, ни на пустопорожних Анькиных приятелей! Может, у него и нет обстоятельных планов на жизнь, как у Старова, или перспектив на солидное наследство, как у Свириденко, но с ним легко и весело. Достаточное основание для серьёзных отношений? Анька сказала бы, что более чем...

— Ну, как тебе тут? — спросил Некрасов, низко склонившись к её уху.

— Ничего, — зачем-то сказала Ира и тут же исправилась: — Круто. Правда, круто.

— Ритм большого города, — Макс дразняще улыбнулся. — Хочешь, удерём? В Москве ночью красиво.

— А остальные как?

— Найдут себе занятие.

Почему бы и нет?.. Дома её рано не ждут. Все знакомые лица, как по заказу, затерялись в судорожно вспыхивающей софитами темноте. Некому смерить насмешливым взглядом, некому напомнить об осмотрительности. Глупо ли доверять человеку, которого знаешь без году неделя? Мудро ли отказываться от шанса хорошо провести вечер, пару месяцев, целую жизнь?.. Нарисованный песок сыпался внутри белёсой акриловой колбы, и в верхней её части оставалось совсем немного.

— Я сейчас вернусь, и пойдём, — пообещала Ира и в порыве пьяной смелости поцеловала Макса в щёку. Оксана наверняка этого ей так не спустит, ну и пожалуйста!

Мимо проплывали бледные пятна чужих лиц, знакомые и незнакомые, красивые и пугающие. После цветных сполохов и пронизывающих тело ритмов коридор, куда выходили двери уборных, казался скорбной глухой норой. Ира прислонилась спиной к стене и зажмурилась, пытаясь унять головокружение. Долго они с Максом не прогуляют, это ясно. Ещё не поздно сослаться на нервных родителей и вызвать такси до дома. И без того в понедельник не миновать косых взглядов...

А Анька бы пошла. Обязательно пошла бы, потому что привыкла не упускать своего. И что, много раз она сожалела?

— Вы идёте или нет?

Идеальное, чужое, неживое лицо, вернее, грубо нарисованная маска, недовольно кривит кроваво-алые губы. Качать тяжёлой головой трудно, но иначе чудовищная красавица не уйдёт. Мимо скользят и другие, то ли люди, то ли отсветы цветных огней. Лица кажутся хищными и уродливыми, а может, такие они и есть. Одно, особенно мерзкое, плоское и невзрачное, наверное, знакомо ей; все похожи друг на друга в обманчивом полумраке. Липкие пальцы бесцеремонно хватают за запястья, тянут куда-то — должно быть, она помешала кому-нибудь в тесном коридоре. Холодно; кто додумался всё здесь выстудить?

— Ой, девушка, вам плохо? Подождите, я сейчас кого-нибудь позову... Вы с ней побудете?

Голос резкий и неприятный, но он, наверное, прав. Чёрный напольный кафель — совсем близко, так, что видны ненастоящие мраморные прожилки. Серая тень вытягивается ввысь и ускользает. В одиночестве почему-то спокойнее; если бы не болела ещё голова... Надо найти Макса, сказать... Сказать, что прогулки не выйдет; он, должно быть, расстроится...

— Ох ты ж чёрт, Ирка! Что тут у тебя?

Точёное личико искажено... страхом? Одной рукой Оксана тянется за телефоном, другой сжимает Ире запястье — и тут же почему-то вскрикивает.

— Да ты как ледышка! На тебя что, неж... — она сама себя обрывает, тревожно оглядывается по сторонам, прижимает к губам ладонь. — Блин! Блин-блин-блин!

Сполохи замедляют беспорядочное движение, становятся протяжнее и тусклее. Выхваченный из мрака тесный коридор. Блестящий алый шёлк Ксюшиного платья. Макс пробирается сквозь толпу танцующих; лицо у него испуганное, день рождения безнадежно испорчен. Официант в белоснежной рубашке протягивает высокий коктейльный бокал и уговаривает выпить воды. Тёплая влага льётся мимо губ, пятнает блузку, холодит кожу под тонкой тканью...

— Ты идиот, Старов! Оба вы идиоты!

Непривычно нервный голос слышится, словно сквозь толщу воды. Ледяной воды. Под ладонями — липкий яркий кожзам, в ушах отдаётся невыносимо тяжёлый ритм. Когда она успела отключиться? Надолго?

— Ксюш, успокойся.

— Не успокоюсь! Скажи хоть ты им!..

— Тихо, на нас уже смотрят. Миш, бери Макса и попробуйте догнать.

Догнать... Поди догони тень! Он ведь знает — потому что сам тогда почти упустил. Но двое беспрекословно уходят, а жаль... Лучше бы Макс остался, с ним прощ...

— Старов, чёртов придурок, нашёл время...

— Ксюша, сядь. Можно воды, пожалуйста?

Маячившее рядом ослепительно-белое пятно уплывает куда-то в хаос цветных огней. Перебравшие гости здесь — обычное дело, пьяные ссоры — тоже. Оксана зря злится, да и при чём тут Старов? Он что, нанимался пасти глупую секретаршу?

— Дай знать, если будет больно.

Чужие пальцы безошибочно находят пульс. Прикосновение кажется обжигающим, как после долгой прогулки на морозе. Безотчётно хочется ухватиться за спасительно горячую руку, словно иначе — смерть. Но ведь это неправда, нельзя умереть от лёгкого озноба...

— Ну, что там?

— Жить будет.

От слов веет спокойствием. Чем бы ни была серая тень, серьёзно навредить она не успела. Правда ведь?..

— В больницу?

— Нет, достаточно просто дать выспаться.

Медленно, неохотно холод уходит прочь. Нужно сказать, что с ней всё в порядке. Или нет, это не так важно.

Её вряд ли хватит на долгую тираду, а они и так всё знают.

— Мне... Домой...

— Тихе, — пальцы чуть сильнее сжимаются на запястье. — Береги силы.

Дельный совет. Невесть откуда взявшееся ласковое тепло захлёстывает уютной волной. Голоса сливаются в негромкий гул, теряются в стихающей музыке.

— ...не могу за руль...

— ...здесь, я через пару минут...

— ...ко мне, тут недалеко...

— ...надо отдохнуть...

Надо отдохнуть. Ксюша мелкими глотками пьёт принесённую официантом воду, ни на миг не отводит взгляда. Говорит что-то, гладит по руке, прислушивается к бьющейся на запястье жилке. Потом обязательно припомнит и колко пошутит в своём духе. Пускай; Ира теперь её должница, и потом — издёвки лучше жалости...

Чернота сомкнулась перед глазами и не пожелала отступить, а через миг — или через век — мягкий солнечный свет прогнал её прочь.

Ласковые утренние лучи сквозили через клубы кальянного дыма — нет, через невесомую полупрозрачную ткань, едва колеблемую ветерком. За приоткрытым окном виднелось ослепительно-синее небо. Просторную комнату окутывала уютная тишина. Солнечные блики неторопливо скользили вдоль светлых стен, мимо чёрного прямоугольника телевизора, по матовым тёмным стёклам внушительных книжных шкафов. Есть ли зрелище приятнее этой ленивой игры света, особенно когда перестала болеть голова и ушла из тела противная слабость?

Ира приподнялась на локте и бросила опасливый взгляд на подушку. Наволочка сияла белизной, будто никто празднично накрашенный не провалился на ней целую ночь. Кто-то — Ксюша, конечно же — позаботился стереть косметику с лица нахально дрыхнувшей гостьи. Оно и понятно: поди потом отстирай пятна от тонального крема... Ира поискала глазами свою одежду; бродить по чужой квартире в одном лишь исподнем — такое себе развлечение, как бы ни хотелось поскорее поблагодарить хозяйку и удрать домой. Домой! Мама же там с ума сходит от беспокойства!

Сумка притулилась на журнальном столике дымчатого стекла, небрежно задвинутом в угол ради того, чтобы можно было разложить громадный диван. Кутаясь в нагретое одеяло, Ира нашарила телефон и поспешно набрала сообщение: «Я у коллеги, всё хорошо, через час-полтора буду». Спихватилась, бросила взгляд на часы. Шесть утра! Мама ещё спит, хотя и наверняка спокойно. Вот и хорошо; проснётся, увидит сообщение, поймёт, что всё под контролем...

Дверь неслышно приоткрылась. Кто-то низенький бесшумно скользнул в комнату. Ира выглянула из-за высокого диванного подлокотника и глазам своим не поверила: домовой! Самый настоящий, мохнатый, с длинными заострёнными ушами и чёрными глазками-бусинками. Нет, эти ребята живут, конечно, в городских квартирах, да и в Управе Ира к ним привыкла, но здесь увидеть почему-то не ожидала. Слишком тут... стильно, что ли?

— О-хо-хонюшки! — трагическим шёпотом пробормотал домовой, заметив, что за ним наблюдают. — Гостьюшка проснулась! Что ж так раненько-то? Чай, Прохор ни одежду не погладил, ни завтрак не сготовил...

— Э-э-э... Здравствуй, Прохор, — осторожно сказала Ира, на всякий случай тоже тихо. С бабушкиным Афонькой она ладила неплохо, этот не казался капризнее или злее. — Не надо ничего гладить. Дай, пожалуйста, как есть...

— Да как же можно! — домовой потешно всплеснул мохнатыми лапами. — Ох, слыхала бы хозяйка! Прохор не таковский, Прохор гостей привечать научен. Пушай гостьюшка подождёт чуточку-минуточку, Прохор всё устроит. Всё устроит!

Ира не сдержала улыбки. Заботливый домовой вёл себя точь-в-точь как бабушкин Афанасий, только тот ещё ворчал иногда на непоседливых хозяйкиных внучек. Прохор проворно метнулся куда-то в глубь квартиры и вернулся — нет, не с заспанной Оксаной, зато с аккуратно сложенной одеждой. Чужой.

— Вот, значит, пушай гостьюшка покуда наденет, — Прохор положил свою ношу на край дивана и почтительно отодвинулся. — Тут всё чистенькое, как новенькое!

— Спасибо, — Ира неуверенно развернула белую футболку — слишком широкую в плечах, чтобы быть женской. — А... а моё где?

— Да где ж ему быть! Ить сушится, — деловито сообщил домовый. — За ночьку-то не успело, а ма-ши-ну включать — шуметь станет, хозяина разбудит. Пусть уж гостыюшка не тревожится, — поспешно прибавил он, заметив озадаченный Ирин взгляд. — Прохор об одежке-то как следует позаботился, все пятнышки повывел. Хозяйка ить всему научила: и шелка стирать, и бархат заморский, и ка-ше-мир...

Ира невольно хихикнула. Шелков и кашемира у неё отродясь не водилось; по правде говоря, её больше беспокоило присутствие в квартире некоего хозяина. Спрашивать, где Оксана, сразу стало как-то неловко. Может, Прохор по-тихому выпустит гостью, а благодарности подождут до понедельника?

— Можно мне умыться? — попросила Ира, влезая в предложенные джинсы, тоже слишком для неё длинные. Неужели она настолько уж толще Ксюши, чтобы домовый не нашёл в хозяйкином гардеробе ничего подходящего, и пришлось грабить... кто он там, парень, муж, сожитель? — Я тихо, честное слово.

— И-и-и, гостыюшка, не след честным словом бросаться, — пожурил её Прохор и тут же оттаял: — А умыться... Это можно.

Ира на цыпочках вышла следом за ним в коридор. Здесь царил полумрак; из полудюжины глухих дверей лишь одна, за Ириной спиной, была открыта. Выпущенный на волю утренний свет выхватил из темноты картины в строгих рамах: контрастные геометрические фигуры, хаотические цветные вихри, уходящие в бесконечность узоры... Кто бы их здесь ни развесил, чувство стиля у него было превосходное: всё вместе складывалось в нечто цельное и гармоничное и, кажется, даже обретало подспудно ощутимый смысл.

— Нравится? — гордо осведомился Прохор, не повышая, впрочем, голоса.

— Красиво, — честно ответила Ира. — Очень.

— Хозяйка премного дом украшала. Со всего белого света диковины! — сообщил домовый и почему-то печально вздохнул. — В ту ванную гостыюшка пушай не ходит, тут Прохор затеял ковёр чистить...

О как. Ира закусил губу, отгоняя кольнувшую сердце зависть. В одобренной Прохором ванной, сияющей начищенным кафелем, на стиральной машине лежали пирамидкой пушистые полотенца, тщательно подобранные по цвету — от коричневого до кипенно-белого. Да уж, домовому тут явно скучно. Бабушкин-то знай успевал: то подвал прибере, то на чердаке мышей перелови, то за хозяйскими внучками пригляди... О том, чтоб загружать стиралку или, с ума сойти, за уютю братья, и речи не шло.

— Вот, — Прохор протянул Ире новенькую, в упаковке, зубную щётку. — А мыльце и паста только вчера принесены, никто ить не открывал ещё...

— Спасибо, Проша, — уныло сказала Ира просиявшему домовому. Ну, теперь она Оксане коробку пирожных должна, не меньше.

Ослепительно белая раковина. Идеально чистое зеркало. Расставленные, как по линейке, мыльница, стакан с одинокой почему-то зубной щёткой, тюбик пасты, металлическая бритва. Кто бы подумал, что Тимофеева такая аккуратистка? Или, что вероятнее, тут домовый старается, а Ксюша просто не возражает. Ира изо всех сил старалась нигде не напачкать, стёрла капли с сияющего крана и тщательно смыла с белоснежного фарфора остатки зубной пасты, но восстановить наведённую Прохором чистоту всё равно не вышло. Стало чуть-чуть стыдно.

— Пушай гостыюшка покуда в большой комнате посидит, — распорядился домовый, решительно забрасывая в плетёную корзину использованное полотенце. — Прохор съестного соберёт да одежку погладит. О-хо-хонюшки, кабы хозяина не разбудить! Ить умаялся, егоза, хоть бы в выходной поспал...

Ну вот, она ещё и мешает отдыхать законным обитателям этих хором. Ещё одна жалкая попытка убедить домового отдать Ирины вещи и отпустить с миром вызвала лишь возмущение. Пришлось смиренно возвращаться в комнату и наблюдать, как домовый проворно сворачивает постель и ловко вытаскивает из дальнего угла столик. Предоставленная сама себе, Ира выглянула в окно — оттуда виднелась пустая в ранний час набережная и заросший буйной зеленью дальний берег Москвы-реки — и от нечего делать принялась рассматривать книги в шкафах. Такого пёстрого собрания ей видеть прежде не приходилось: философские труды соседствовали здесь с научной фантастикой, фолианты по теории магии — с классическими романами, угрожающего вида инженерные справочники — с французской поэзией в оригинале. На единственной открытой полке, нарушая идеальный порядок, лежала страницами вниз «Практическая астрономия в магии», небрежно придавленная увесистой «Наукой логики». Ира потянулась к «Астрономии». Пожелтевшие от времени страницы были сплошь испещрены сложными математическими выкладками, а на иллюстрации по разбитому на квадраты небу скользила двойная звезда. Бабушка когда-то пыталась научить непутёвых внучек читать узоры на ночном небосклоне, но то было так, на глаз, наблюдения да приметы. Ба говаривала, что в звёздах начертаны судьбы, но вот же, на дешёвой желтоватой бумаге рядами невзрачных значков записана судьба самих звёзд...

— Как самочувствие?

Пойманная врасплох, Ира едва не выронила книгу. В дверях, прислонясь к косяку и скрестив на груди руки, стоял Зарецкий. Собранный и невозмутимый, как всегда, разве что чуть более небритый, чем обычно. Так они с Оксаной... Ой! А на работе — как чужие, и не подумаешь! Чувствуя, что краснеет, Ира поспешно сунула

«Астрономию» обратно на полку.

— А... где Ксюша? — бестолково ляпнула она.

— Дома, наверное, — Ярослав равнодушно пожал плечами. — Так что у нас по самочувствию?

— А-а-а... отлично, — мужественно соврала Ира, фальшиво улыбаясь.

Ксюша — дома. Не здесь. А была? Наверняка была, иначе... Ира нервно потеревила воротник футболки, пытаясь сложить заново картину минувшей ночи. Что-то во всём этом не клеится. Да и ситуация в целом...

— Голова не болит?

— Вроде нет.

Стоять посреди комнаты было как-то неловко, и она осторожно присела на краешек дивана. Откуда-то из недр квартиры раздался характерный гул — точно с таким же кофемашина в кабинете Верховского извергала из себя пахучие струйки эспрессо. Ярослав обернулся на звук, вздохнул и уселся в кресло напротив Иры.

— Я тебе задам пару вопросов насчёт вчерашнего, пока Прохор возится, — сообщил он. Ире мигом вспомнился управский каземат для задушевных бесед. Определённо, с Зарецким связано едва ли не всё неприятное, что ей довелось пережить после аттестации. Кроме истерик Чернова, само собой; тот — отдельная статья.

— Да, конечно.

— Спасибо, — Зарецкий вежливо кивнул. Как будто у неё был вариант отказаться! — Ты можешь рассказать, как всё произошло?

— Ну, — Ира замялась, подбирая слова. Ох, насколько проще было бы с Ксюшей! — Я, честно говоря... переусердствовала с алкоголем. Мы танцевали, потом я ушла на минутку, потом... Не знаю, наверное, в обморок грохнулась. Холодно было. И такое чувство ещё, ну... Вообще не поймёшь, на каком ты свете. Это тень была, да?

— Нет, не тень, — уверенно сказал Ярослав. — Но ощущения, полагаю, сходные. Вы на паразита нарвались.

— На паразита?!

— Ага, почти наверняка. Ты его запомнила?

— Да где там, — буркнула Ира себе под нос. — Я вообще ничего рассмотреть не успела. Говорю же, плохо мне было...

От необходимости нырять в малоприятные воспоминания её избавил Прохор. Сперва в комнату вплыл соблазнительный кофейный аромат, затем явился сам домовый, которого едва видно было за нагруженным подносом. Ловкие лапы проворно составили на журнальный столик не меньше десятка разнокалиберных блюдец, чашечек и ложечек — ни дать ни взять, королевский приём, правда, рассчитанный явно на одну персону.

— А мне? — насмешливо спросил Зарецкий, наблюдая, как Прохор сосредоточенно пристраивает на краю стола белоснежную льняную салфетку.

Домовой смерил его тоскливым взглядом.

— И чего ить подхватился в такую-то рань, — проворчал Прохор. — Душа беспокойная...

— Кое-кто меня вовремя не разбудил, — в тон ему ответил Ярослав. — Видишь — мучаюсь, ну и налил бы кофе!

— Хозяин перебьётся, — нахально заявил домовый. — Где ж это видано, так себя выматывать? Эдак все силы без остатка растратить можно...

— Поговори мне тут, — рявкнул Зарецкий. — Дуй давай за кофе.

Прямого приказа Прохор послушаться не посмел и, прижав мохнатые уши, поплёлся на кухню. Ира проводила его сочувственным взглядом.

— Он забавный, — сказала она укоризненно. За гостеприимного домового стало обидно.

— Он очень старый, — рассеянно отозвался Ярослав. — И знает меня лет семнадцать, со всеми вытекающими. Ешь, а то ведь расстроится, — прибавил он и вдруг улыбнулся как-то совсем по-человечески. Надо же, мы и так умеем!

— Спасибо!

— Не за что.

Контролёр тактично отвлекся на телефон, и Ира позволила себе соорудить бутерброд из художественно разложенных по тарелкам комплектующих. Отказываться от угощения невежливо, а Прохор правда может расстроиться, хоть и вряд ли станет на Афонькин манер лупить малоежку по лбу деревянной ложкой. Интересно, можно крепкий кофе после тесного общения с паразитом? Наверное, да, раз уж специалист по всякой нечисти против такого не возражает. Жевать в тишине пришлось недолго: Прохор явился вновь с куда более скромной ношей, всучил хозяину бутерброд, в несколько слоёв покрытый тонко нарезанной колбасой, кружку с кофе и листок бумаги, сверху донизу исписанный каллиграфическим почерком. С ума сойти, писать умеет, да ещё как!

— Позаканчивалось всё, — сварливо заявил домовый. — Ни мяса к ужину нетути, ни маслица не осталось! О-

хо-хо, видала бы хозяйка...

— Привезу вечером, — Зарецкий не глядя отложил список покупок. Прохор бросил на хозяина оскорблённый взгляд. — Ты со стиркой-то своей закончил?

— Так само собой, — с достоинством сообщил домовый. — Погладить осталось.

— Ну и займись.

— А вот бы ещё хозяин рубашку приличную надел, в об-чест-ве да-мы! — нагло заявил Прохор. Ира против воли хихикнула: едва ли не впервые на её памяти нахального контролёра ставили на место, и кто? Собственный домовый!

Зарецкий, впрочем, в долгу не остался.

— А вот бы ещё мне всякая нежить указывала! Брысь, не мешай.

Прохор хмыкнул не хуже Верховского и удалился, прикрыв за собой дверь. Ярослав устало вздохнул и отложил нетронутый бутерброд. Ире вдруг пришло в голову, что, как бы упорно Прохор ни звал Зарецкого хозяином, тот всё равно кажется здесь чужим. Как квартирант или постоялец в отеле.

— Вернёмся к нашим баранам, — сказал Ярослав, не дав додумать странноватую мысль. — До того, как вы... пошли праздновать, ничего подозрительного не замечала?

— Вроде нет, — с сомнением протянула Ира. Сидеть в залитой солнечным светом комнате и вспоминать о липких холодных прикосновениях, вытягивающих из тела жизнь — бррр... — Это, наверное, не странно, да? Ну, что этот тип ко мне прицепился.

Ярослав вопросительно поднял брови.

— В смысле, маги ему не по зубам, — Ира поспешила развить мысль. — А ведьма — нормально, в самый раз.

— В самый раз, — задумчиво повторил Зарецкий. — Наш друг вообще к дамам неравнодушен.

— Как он так близко к Управе-то сунулся? — уныло посетовала Ира. Никак не получалось теперь избавиться от мерзкого фантомного холода. — Его же один раз уже... О-о-о!

Она едва с места не подскочила, озарённая внезапной догадкой. Потные ледяные пальцы, невзрачное болезненное лицо, шелестящий голос — всё это помнилось ей прекрасно, только вот не по вчерашнему вечеру!

— Невысокий такой, да? — взволнованно предположила Ира. — Тёмненький, и лицо, ну... никакое. И глаза как у рыбы. И как будто болеет чем-то...

Зарецкий склонил голову к плечу.

— Макс мог бы судить точнее, но, по-моему, описание похоже, — сказал он. — Ты его ещё где-то видела?

— Да! — Ира едва не столкнула со столика пустое блюдо, но оно в последний миг удержалось на самом краю. — В Управе, в день, когда я экзамен сдавала! Он в правопорядке сидел, кашлял всё время... Потом вроде как упал, то есть чуть не упал. Я помогла, придержала... У него руки холоднющие были, как сейчас помню!

— Вот как, — Ярослав подался вперёд. — Выходит, одной загадкой меньше. Много тогда вытянул?

— Н-не знаю, — Ира нервно прикусила губу. Не только с паразитом она в тот день виделась. — Не так, как вчера.

— Само собой, — буркнул Зарецкий. — Но на то, чтобы удрать из Управы, вполне хватило.

— Удрать?

— Именно, — Ярослав раздражённо поморщился. — Макс его безопасникам вымотанного приволок, там даже на простейшую стихийку бы не хватило. Кто ж знал, что эти ослы паразита в общую приёмную потащат и там одного бросят, а тут такой случай... Н-да...

Он умолк; в наступившей тишине слышно стало, как где-то в соседней комнате пытит паром утюг. Мягкий диван окончательно перестал быть уютным. Если всё, что они только что тут наговорили, — правда, то что теперь будет? Отберут удостоверение за пособничество преступному элементу? Потащат по разбирательствам? Ира уже сама была не рада, что поделилась соображениями. Ладно бы с Максом, тот бы понял и что-нибудь придумал, а Зарецкому-то на неё решительно плевать! Раз того требует правосудие — сдаст её как миленький, тем более что репутация отдела на кону...

— Прохор! — позвал вдруг контролёр, нетерпеливым жестом заставив дверь приоткрыться. — Иди сюда!

Домовой тотчас возник на пороге, перегородив собой проход. Не пора ли прорываться на волю? Хотя куда ей против боевого-то мага...

— Ты куда дел коробку со старьём?

Прохора вопрос изумил не меньше, чем Иру.

— Со старьём? — возмущённо выдохнул домовый. — Со старьём?! Ох, слыхала бы хозяйка!..

— Слыхала, — нетерпеливо отмахнулся Зарецкий. — Тащи сюда.

— И зачем бы это?

— Затем, что я сказал. Это приказ.

Домовой исторг из мохнатой груди горестный вздох и побрёл вон из комнаты. В его нарочито громком

бормотании Ира разобрала «кошунство», «чёрную неблагодарность» и «вопиющее безрассудство»; сложные слова Прохор выговаривал тщательно, будто заученно, но от этого не менее искренне. Зарецкий на всё это никак не реагировал; судя по отсутствующему взгляду, его занимали какие-то глубокие размышления. Домовой вернулся спустя пару минут; на вытянутых лапах он торжественно нёс массивную деревянную шкатулку, запертую на вполне современный магический замочек. Зарецкий безо всякого почтения забрал у Прохора ношу, коснулся блеснувшего золотистым светом кристаллика кварца и откинул резную крышку. Внутри домового явно не допускали: хранившиеся в шкатулке кольца, цепочки, броши лежали на тёмном бархате в совершенном беспорядке. Ира сощурилась, разглядывая лежавший с краю плоский золотой браслет. Она готова была биться об заклад, что всё это добро — насквозь колдовское, и отнюдь не уровня несчастной «Гекаты».

— Держи, — Ярослав расцепил две переплетённые между собой цепочки и одну протянул Ире. — Передаю во временное владение осознанно, добровольно и без злого умысла.

Ну, точно ведьминской работы вещица! На тонкой серебряной нити висела крохотная тёмно-синяя капелька; просто огранённый до гладкости камень, без символов или надписей. Тонкая работа; обычно что-нибудь всё-таки наносят, чтобы проще было зачаровать. На Прохора смотреть было жалко: бедняга аж дар речи утратил от такого расточительства. Блестящие глазки неотрывно следили, как камешек беззаботно покачивается на цепочке в лучах солнца.

— Что это? — подозрительно спросила Ира. Брать незнакомый артефакт, пусть и из рук офицера магконтроля, было боязно.

— Сигнал тревоги, — пояснил Зарецкий и продемонстрировал вторую такую же цепочку. Нет, не совсем: на той камешек был темнее, а серебряная оправка словно бы оплавилась. Амулету явно довелось побывать в переделке. — На случай, если паразит решит ещё разок до тебя добраться. По личной связке ты меня позвать не сможешь, по телефону звонить — долго. Придётся допотопными средствами...

Ира, поколебавшись, осторожно взяла амулет за замочек. Бабушка наверняка легко угадала бы, что это за штука, но у бабушки сколько лет опыта за плечами! А что, если подвох всё-таки есть? Скажем, вещичка как-нибудь хитро проклята? Не сказать, чтобы Зарецкий проявлял симпатию к новоявленной секретарше — скорее уж наоборот! Предъявит потом безопасникам труп и скажет, что так и было... Да ну, что за бред! Хотел бы — нашёл бы способ попроще. Или, наоборот, поизощрённее, чтобы не нарушать так явно присягу.

— Принимаю во временное владение осознанно, добровольно и без злого умысла, — скороговоркой пробормотала Ира, осторожно застёгивая цепочку. Прохладная и лёгкая — и всё. Как самая обычная побрякушка. — Как она работает?

— Очень просто, — Ярослав надел на шею второй амулет и приподнял подвеску так, чтобы Ире было её видно. — Взять в руку и сосредоточиться.

Ира послушно сжала в пальцах мигом потеплевший камешек. Парная подвеска тут же окуталась мягким синеватым сиянием; на гладкой поверхности стали видны уродливые белёсые царапины. Что же такое случилось с предыдущим владельцем? Помощь не поспела вовремя?

— Вот и прекрасно, — Ярослав с непонятной злостью захлопнул шкатулку и возвратил её оторопевшему домовому. Прохор издал невнятный тоскливый звук. — Ты меня очень обяжешь, если будешь носить её постоянно. И, разумеется, сумеешь вовремя воспользоваться.

Он задумчиво покрутил амулет в пальцах. Ирина цепочка осталась к манипуляции равнодушна; то ли связь между артефактами односторонняя, то ли барахлят повреждённые чары. Ну и ладно. Зарецкому-то зачем её звать? Срочные донесения посылать в безопасность?

— Спасибо, — промямлила Ира. Лучше бы, конечно, эта штука никогда ей не пригодилась. С другой стороны, окажись она в тёмном переулке лицом к лицу с озверевшим от голода паразитом... Тут хоть кому обрадуешься, не только Зарецкому. — Я верну, когда вы этого гада поймаете.

— Посмотрим, — Ярослав улыбнулся как-то сумрачно. Сомневается, что ли, в способностях коллег? — Прохор, ты там закончил или как?

Домовой бросил на хозяина печальный взгляд и без единого слова поплёлся прочь. Ире стало перед ним стыдно — невесть за что.

— Ему это всё не нравится, — заметила она негромко.

— Домового спросить забыли, — фыркнул Зарецкий. — Он всего лишь нежить.

— Он добрый, — возразила Ира и, набравшись смелости, добавила: — И он за тебя переживает.

— Ерунда, — Ярослав залпом допил остатки кофе. — Сейчас закончит копать, и поедет, пока пробок нет. Ты где живёшь?

— Да не надо, — Ира изо всех сил постаралась, чтобы голос не звучал неприязненно. — Тут же, наверное, до метро недалеко.

Она ожидала, что Зарецкий в присущей ему безапелляционной манере заявит, что в метро ей нельзя, однако

контролёр только пожал плечами.

— Как знаешь.

Он поднялся из кресла, однозначно давая понять, что разговор окончен, и в дверях едва не столкнулся с Прохором. Домовой почтительно пропустил хозяина и молча положил ещё тёплые после утюга Ирины юбку и блузку на подлокотник дивана.

— Спасибо, Проша, — искренне сказала Ира и прибавила: — Ты извини, пожалуйста, если обидела.

Прохор только тихонько вздохнул в ответ.

[1] Время бежит (лат.)

XXXIII. Дурные намерения

— Готово, — негромко сообщил Мишка, отнимая руку от разошедшей шпакетины.

Следящие чары получились на отлично: прочные и незаметные, без умения или серьёзного артефакта не засечь. Летёха-безопасник по фамилии Звягин, оглянувшись на выжидательно застывших подчинённых, недоверчиво потрогал перекладину, остался доволен и серьёзно кивнул Старову.

— Миш, будь начеку, мало ли что...

Мишка показал ему большой палец и отступил в сторонку, предоставляя поле деятельности безопасникам. Скособочившийся деревянный домишко, полускрытый за бурьяном в человеческий рост, словно бы затаился, почуяв опасность. Звягин мрачно зыркнул в сторону ошивающихся неподалёку местных жителей — леший его пойми, одарённые или нет — и подал группе знак. Понятливый широкоплечий молодчик ловко подцепил ломиком амбарный замок и очень правдоподобно сделал вид, что дужка сломалась исключительно под нажимом физической силы. Калитка бесшумно качнулась в сторону; за петлями, очевидно, следили.

— Двое — к окнам, — тихо распорядился лейтенант, — и двое — на крыльцо. Серёг, есть тут ещё выходы?

— Да, через пристройку.

— Бери Горлова и туда.

Предоставленный сам себе Мишка пошевелил пальцами, разминая руки. Это нежить можно глушить чем угодно, а с людьми надо аккуратнo, чтобы не нарушить ненароком присягу. Безопасники бесшумно растеклись по участку, окружая дом. Звягин, первым поднявшийся на крыльцо, бросил взгляд на чувствительный к чарам амулет.

— Что-то есть. Сигналка, скорее всего, — определил лейтенант и оглянулся на Старова. — Можешь снять?

Мишка кивнул и сосредоточенно прищурился. И впрямь что-то есть, причём довольно топорное. В отделе они от нечего делать задавали друг другу задачки и покрепче, но там на кону была только профессиональная гордость. Чувствуя себя впервые выпущенным на волю стажёром, Старов с великой осторожностью прощупал хитросплетения чужого заклятия и, нервно закусив губу, принялся составлять своё. Сигналка, как же! Нехилый такой сглаз, Костик бы оценил! Небрезгливые ребята тут засели...

— Отлично, — похвалил Звягин. Серебряный кругляш в его пальцах перестал светиться. Мишка тайком перевёл дух и отступил на полшага, зная, что за этим последует. — Ребята, ломай!

Ребята сломали. Дверь рассыпалась на трухлявые доски, не успев упасть; видать, держалась на одной магии. Холодные лучи фонарей взрезали пыльную темноту. Трёхногая табуретка, покрытый плесенью тулуп на единственном крючке, чёрный зев прохода в комнату, тоже затопленную мраком... Дом выглядел изнутри таким же нежилым, как и снаружи.

— Погреб, — коротко приказал Звягин.

Двое его подручных деловито прошли в комнату. Искать люк долго не пришлось: один из парней ногой отпихнул ветхий ковёр, другой подцепил с краю пласт добротного линолеума — и вот она, дверца. Лестницу явно недавно подновили: доски светлые, крепкие, даже пахнут ещё свежим тёсом. Лейтенант удовлетворённо кивнул.

— Миш, ещё чары.

Точно, есть. Во второй раз легче, потому что уже знаешь, чего ждать. Заметили их уже или нет? Вот жаль будет, если там сейчас никого... Безопасники методично обшаривают тёмную клетушку; бесшумно проворачивается на петлях потайная дверь, скрытая за пустыми стеллажами. Из-за неё сочится рыжеватый неверный свет. Свечи, что ли, жгут они там?

— Магбезопасность! — не таясь больше, гаркнул лейтенант. — Остаться на местах, руки держать на виду! Это приказ!

Что-то звякнуло, кто-то испуганно охнул, ответы беспокойно заметались по стенам. Мишка втиснулся в подпольный цех последним и встал так, чтобы, если вдруг что, сумеет накрыть сетью потенциальных беглецов. Их оказалось двое: тощий мужичок неопределённых лет и обрюзгая полуседая тётка. Ведьма покорно вздёрнула руки к низкому потолку и в ужасе замерла; колдун не подчиниться приказу тоже не мог, но изо всех сил мухлевал. Изловчившись с пространственными чарами, Мишка аккуратно вынул из узловатых пальцев тонкую серебряную пластинку, чем заслужил одобрителный кивок от Звягина и отчаянное ругательство от ведьмака.

— Без глупостей, — лейтенант обвёл подвальчик тяжёлым взглядом. — Логинов, проверь тут всё. Осторожней, учитывай... специфику.

Здоровяк Логинов незамедлительно приступил к обыску. Получив пинок мощным военным ботинком, ближайший дощатый ящик послушно опрокинулся; на земляной пол хлынуло серебро. Старов заставил взмыть в воздух безыскусную круглую бляху с мелким орнаментом. От вещицы так и веяло недобрым. Мишка пригляделся к корявым значкам: тёмные круги, схематически изображённые сердца, какие-то завитки... На инфаркт или что-то вроде того.

— На вторую статью тянет, — сообщил Старов, осторожно опуская опасную улику в кучу таких же. — Заведомо вредоносные чары.

— Та-а-ак, — протянул Звягин и повернулся к задержанным. — Вы двое! Имена, род способностей, категории!

— Федюкова Светлана Алексеевна, — покорно пролепетала тётка. — Ведьма шестой категории.

— Вы?

Мужичок только зло сплюнул под ноги безопаснику.

— Говорить будем или мне приказать? — не поведя бровью, осведомился Звягин.

Ведьмак смерил его враждебным взглядом.

— Антипин я. Василий Андреевич. Колдун. Четвёртая.

— Отлично, — хмыкнул Звягин. — Вот у нас взрослое трудоспособное население чем занято — вредоносные амулеты клепают. Кто ещё в доме есть? Отвечать правдиво, это приказ!

— Никого, — пискнула ведьма.

— А когда будут?

— Не знаем, — проскрежетал колдун. — Когда хотят, тогда и приходят.

— Прекрасно, — одобрил лейтенант. Не зря морочились со следящими чарами. — Склад только тут или ещё где есть?

— Всё здесь.

— Парни, забираем, — скомандовал Звягин. — Всё, что найдёте: документы, учётные книги, компы... Миш, поможешь вещдоки упаковать?

— Само собой.

Колдун с ненавистью следил, как его смертоносные поделия безвредно сыпаются в ящики и исчезают под слоем чёрного полиэтилена. Первыми Логинов вынес пухлые папки с документами, а затем настал черёд денег. Новенькие пачки купюр штабелями лежали в дешёвеньком сейфике; с лихвой хватило бы прикупить с десяток таких вот подмосковных участков, а на сдачу на каждом построить по коттеджу. Дорого стоят чужие смерти...

— Права не имеете! — взвыл вдруг колдун. Не выдержал зрелища.

— Да ну? — мрачно отозвался Старов, магией выдёргивая из очередной картонной коробки связку серебряных цепочек. — Я, по-моему, статью озвучил.

— Засунь себе свою статью в... — Антипин снова сплюнул, целясь Мишке в кроссовок. — К Митрофанову меня отведите!

— К кому? — озадаченно переспросил Звягин.

— К Митрофанову, говорю! В Магсовете который!

Мишка озадаченно обернулся к лейтенанту. Где видано, чтобы мелкая преступная шелупонь к членам Магсовета на приём просилась?

— Это какие у вас дела с Сергеем Леонидовичем? — вкрадчиво поинтересовался Звягин.

— Тебя, пёсья морда, не касается! — рявкнул колдун. — Я с тобой говорить не стану!

— Станете, — холодно пообещал лейтенант. — У нас все разговаривают. Вы не забывайте, за клевету можно и по обычной уголовке влететь.

Антипин злобно выругался. Мишка подхватил очередной рулон плёнки. Сколько ж они тут натворить успели! И, главное, сбывают ведь кому-то... Не верится, что Митрофанову. Зачем ему? И так у человека в руках власти больше, чем у всей остальной Управы вместе взятой. Нет, брешет колдун. Выборы на носу, чего б не оговорить неугодного политика?

— Спасибо за помощь, — Звягин втянул ноздрями прохладный вечерний воздух. После подвальной затхлости даже малоприятные сельскохозяйственные запахи не казались такими уж противными.

— Это тебе спасибо, — Старов от души пожал протянутую руку. — Как бы я тут один?

— Много их стало, — обеспокоенно заметил лейтенант. — Лезут и лезут, ни минуты покоя. Может, год високосный влияет?

— Может, — буркнул Мишка. — Отметь, что я заявку выполнил, и поеду. Мне дежурить ещё.

Он чуть-чуть покривил душой. Дежурство-то никуда не денется, а на пару минут заскочить к Андрею надо успеть. Коллега, как всегда, сидел с книгой и, как всегда, обрадовался Мишке. Старов дорого бы дал за такую же суперспособность.

— А меня выписывают скоро, — обрадовал Бармин, улыбаясь во все тридцать два зуба. — Алексей Иванович говорит, ещё денёк на наблюдение — и хорош!

— Что-то быстро они, — заметил Мишка, косясь на пузырьки со снадобьями на Андреевой тумбочке. Неужели им с Барминым действительно подсунили что-то чересчур сильнодействующее?

— Все диагностические чары показывают, что я здоров, — принялся оправдываться Андрей. — Чего я буду

зря койку занимать? У них и без меня проблем тут хватает...

Мишка поневоле напрягся.

— Каких таких проблем?

— А я тебе ещё не говорил? Тут у Алексея Ивановича пациент сбежал, — сообщил Бармин, понизив голос. — Помнишь, я рассказывал, здесь один тяжёлый был, дедушка такой? Так вот, он только на поправку пошёл, стал сам в коридор выходить — и раз, куда-то делся позавчера! Во время вечернего обхода был, а утром — пропал уже...

— Нафига из больницы-то сбежать? — пробормотал Старов. Правда, зачем?

Андрюху он вопросами пытать не стал, а в регистратуру по дороге заглянул. Девушка поупрямилась, напирая на врачебную тайну, но против удостоверения не устояла и протянула Мишке тощую карточку.

— Честно говоря, даже не знаем, что делать, — пожаловалась она. — Родственников нет никаких, место жительства неизвестно... Что ж теперь делать, если вдруг помрёт, недолеченный-то?

— Это не родич тем Ельцовым, которые сеть аптек на северо-востоке держат? — скрипнул мозгами Мишка, листая карту. Внутренние кровотечения, крайняя степень истощения, спорадическая потеря сознания, сердечная недостаточность... С таким букетом разве что до ближайшего забора доползти можно.

— Да нет, звонили им уже, — вздохнула регистраторша. — У них все на месте. Да вы не смотрите, это мы всё с его слов записали. Документов-то не было никаких при себе.

— И никто навестить не приходил?

— Нет. Да кому навещать-то? Сам говорил, что один в целом мире...

— Вы запрос нам направьте официально, — посоветовал Старов, возвращая карточку. — Поищем по базам.

— Ой, правда? Вот спасибо! — обрадовалась регистраторша. — Я и не знала, что так можно.

— На то мы и контроль, — пробормотал Мишка.

В пустынных коридорах Управы понемногу зажигали вечернее освещение. Матовые окна одно за другим вспыхивали приглушённым люминесцентным светом. Проходя мимо пустующей стойки справочной, Старов задержался взглянуть на художественно разложенные предвыборные брошюры. На самых многочисленных на фоне государственного флага горделиво глядел вперёд и вверх лощёный Митрофанов. Мишка пролистал пёстрые гляцевые страницы: достижения, заверения, обещания... Как этот человек может быть связан с подпольным цехом по производству убийственных амулетов? Он же весь на виду. Если бы сообщество прознало, что один из влиятельнейших членов Магсовета замазан в таком дерьме, на брошюры можно было бы уже и не тратить. Правда у этого Антипина какие-то дела с Митрофановым или ему приказали в случае проблем топить политического конкурента? Чьего?

Старов собрал со стойки по одной листовке каждого кандидата. Набралось две с лишним дюжины, на двенадцать-то депутатских кресел. Солидно, учитывая, что одарённых в Москве едва наскребётся с сотню тысяч, считая всякую мелкую шуштуру. Мишка никогда особо не интересовался политикой и вряд ли мог сходу припомнить хотя бы половину действующего состава Магсовета, разве что некоторые из серьёзных лиц на гляцевых обложках казались знакомыми. Вот этот откормленный тип по фамилии Белоконь как-то приходил к контролю с проверкой, молодой красавец Захарцов, помнится, толкал поздравительную речь на последнем новогоднем корпоративе... А, и Обарин, конечно же. Чудик, крикун и почти наверняка политический труп. Нет, этот точно на подставу не способен.

Подъём на лифте Старов скоротал за ознакомлением с содержимым брошюрок. Везде одно и то же: обещания финансировать научные исследования, прислушиваться к мнению Общественного собрания, поддержать отечественного производителя, дать решительный отпор колдовскому контрафакту, разгулу нежити и коррупции. Как из этих одинаковых рож выбрать двенадцать самых достойных, Мишка понятия не имел. Кто тут кому враг? Станет ставить палки в колёса Митрофанову, скажем, толстосум Шевлягин, хозяин «Московского цеха»? Вроде и не с чего; Сергей Леонидович как раз предлагает расширение рынков сбыта... За счёт чего, интересно?

Кабинет, разумеется, встретил Мишку тишиной и вечерней полутьмой. Боковой стол, пару дней назад без церемоний освобождённый Старовым от барахла, целиком занимала звёздная карта, над которой Мишка корпел до выезда. Карта была отдельская, много пережившая и изрядно загаженная. На Кассиопею кто-то когда-то поставил кружку с кофе, прибавив лишних пятен к Млечному пути. По положению звёзд летнего треугольника Мишка сам когда-то учил Андрея высчитывать малые циклы активности нежити; в этой части листа всё сплошь истыкано карандашом и исчерчено тонкими линиями. Пучок нарисованных лучей расходился и от Этамина ко всем ярким звёздам по соседству; сбоку от Дракона под столбиком убористых цифр почерком Зарецкого значилась дата — двадцать седьмое июня. Какого, интересно, года? Мишка пошевелил мозгами, припоминая, что насчитала наука на двадцать седьмое число. Выходило, что ничего. День как день, луна на спаде, ничего аномального.

В карте вообще нет ничего аномального. Ни разгулявшаяся раньше времени нежить, ни набравший небывалую силу паразит, похоже, не имеют к небесным сферам никакого отношения. Ведь, например, на артефакты никто не жаловался, а они первые реагируют на проблемы в магическом фоне! Вон возле объекта Ясень как сходили с ума

все колдовские побрякушки... Как их с шефом вообще тогда пустили на экскурсию — лучший его знает. Интересно, что там сейчас? Понятно, что соваться к разлому дураков нет, ну а поблизости? Озарённый счастливой мыслью, Мишка вдохновенно занёс пальцы над клавиатурой. Почему он до сих пор не додумался написать в Тулу? Шеф-то не какое-нибудь там древнее дело раскопал, а именно тульское. Там, правда, вряд ли есть про нежить, но ведь тоже творилось что-то странное, и никто не мог ничего понять...

Составив коротенький запрос, Старов отослал его в тульскую Управу и, подумав, продублировал ещё во Владимир. У тех тоже свой разлом имеется, может, чего заметили? Мишка бросил тоскливый взгляд на пустующий соседний стол. Поговорить бы сейчас, может, вдвоём бы чего и придумали... Только для этого сначала придётся признаться, что они с Максом в пятницу опять остались с носом. Где, интересно, паразит отелся до такой степени, чтобы осилить аж пространственный прыжок? Не на ведьмах же слабосильных, ей-богу! Таинственные похитители раскормили? Зачем?

А как хорошо начинался Максов день рождения... Они все, пожалуй, слишком расслабились, да и хлебнули лишнего. Чего удивляться, что трезвый рассудок сохранил только спешно вызванный Оксанкой Ярик? Старов вообще не слишком любил все эти тёмные норы с бьющей по ушам музыкой, но конкретно этому кабаку он в какой-то момент готов был всё простить. Потому что там была Аня. Он как-то умудрился её заметить и узнать в толпе, среди лихорадочно мерцающих цветных огней. И поговорить-то толком не вышло: она поблагодарила за помощь, он отмахнулся... Не спросил ни телефона, ни хотя бы отдела. Хоть бери список сотрудников Управы и проверяй всех Ань в поисках той самой. Мишка сердито вздохнул, досадуя на всё сразу, от собственной нерасторопности до не ко времени объявившегося паразита. Почему нельзя просто поставить жизнь на паузу с первого по двадцать первое, чтобы ничто не отвлекало от дежурств?

Телефон молчал. Старов для порядка помучился ещё немного над звёздной картой и решительно её отодвинул. Он почти уверен был теперь, что по природным циклам ничего тут не вычислишь. Здесь либо сломавшая закономерности случайность, либо... либо чья-то воля. Сколько Мишка ни отбрыкивался от этой версии, она так и вертелась на краю сознания. Вот и Викентьев думает, что происходящее — дело рук человеческих. А шеф? Верховский ни разу ещё не высказался, только слушает их всех и задаёт вопросы. Все молчат. Костя знает о нежити больше их всех, вместе взятых, у Ярика есть доступ к засекреченным делам, шеф — мастер строить и опровергать гипотезы, и все они не говорят ничего конкретного. Почему бы не засесть вчетвером, не помозговать вместе над ворохом фактов? Без умолчаний, открыто и честно, не боясь сказать глупость... Почему?

Мишка сердито придвинул к себе клавиатуру. Что там у нас — сбежавший из больницы полумертвец? Ладно же, хоть тут можно без загадок? Дед, скорее всего, попросту сумасшедший. Старов привычно влез в базу досье и принялся за поиски.

Закончились они, впрочем, быстро и бесславно. Единственный в базе Георгий Ельцов был лет пятнадцать как мёртв. Мишка выругался сквозь зубы и прижал пальцы к вискам. Осталось в этом мире хоть что-то логичное?

В ночной тишине пронзительно зазвонил телефон. Зло чертыхнувшись, Старов потянулся к трубке. Могут его хоть на день оставить в покое?..

По его шестилетнему опыту работы в контроле выходило, что ни в коем случае не оставят.

Удивительно, как быстро Макс привык к полупустому кабинету! Сегодня, когда встречать Андрюху после выписки припёрлись решительно все, стало казаться, что в магконтроле тесновато. Один только Костик делал вид, что явился бегать между кабинетами по каким-то архиважным делам, но все всё прекрасно понимали: ничто человеческое Чернову не чуждо. Остальные и не скрывали, зачем их сюда принесло в чужую смену.

— Шустро медики управились, — заметила Оксана. — Новый сорт лечебных чар изобрели?

— Ага, и на нас тестируют, — с готовностью подхватил Макс. — Магконтрольная группа, хе-хе.

Мишка метнул в его сторону хмурый взгляд и тут же отвернулся к монитору. Старов вообще сегодня не в духе, хотя уж казалось бы — радоваться надо! Всё злится, что паразит опять от них удрал?

— Слав, — буркнул Мишка, не отрывая взгляда от экрана, — что будет двадцать седьмого?

Зарецкий отвлёкся от виз и исподлобья зыркнул на соседа.

— Четверг, кажется.

— И что тогда случится?

— Что-нибудь обязательно, — огрызнулся Ярик. Его тоже покусала на редкость злобная муха. — Хочешь отгул или что?

— Какой уж тут отгул...

— Парни, может, чайку? — влезла Тимофеева. — Я тортик принесла.

— Не надо, — в один голос заявили Старов и Зарецкий. Мишка, правда, сбавил тон и сказал уже спокойнее: — Вот Андрюху дождёмся, тогда и тортик можно.

Ира, сегодня ещё более тихая, чем обычно, с пухлой папкой в руках выскользнула из кабинета. Некрасов, которому всё никак не удавалось перемолвиться с ней словечком, рванул следом, не обращая внимания на Ксюшино многозначительное хмыканье. На Тимофееву обижаться — себя не уважать.

— Ириш, подожди! — Макс поймал девушку за плечо и мягко заставил притормозить. В лифтовом холле наверняка трутся научники, а сюда если кто и выползет, то только дорогие коллеги. — Ты как после пятницы-то?

— Порядок, — Ира неуверенно улыбнулась и, видимо, подозревая, что Макс не поверил, поспешно прибавила: — Всё хорошо, правда.

— Это я виноват, — самоотверженно заявил Некрасов и виновато поскрёб в затылке. — Хотя мы все расслабились. Двадцать четыре на семь у нас только Костик начеку, и то — исключительно вне дежурств.

Ира хихикнула. Ей нравилось, когда Макс честил Чернова, по делу или нет. Оно и понятно: достал, заноза очкастая.

— Ты бы выходной взяла, а? — предложил Некрасов. — Я шефу словечко замолвлю. Да и он не дурак, знает, что такое паразит...

— Не надо, — Ира для пушей убедительности яростно замотала головой. — Я прекрасно себя чувствую.

— Мамины настоечки? — Макс заговорщически ей подмигнул, довольный своей проницательностью.

— Н-ну да.

— После работы прогуляться не хочешь?

— Сегодня не получится, — понуро вздохнула Ира. — У мамы смена, мне надо папу кормить.

— А-а-а... Ну завтра тогда?

— Наверное, — она робко улыбнулась и зачем-то поправила строгий воротничок. — Если ты после смены не устанешь.

— Да ты что? Я молод и полон сил, — заявил Некрасов и поцеловал девушку в щёку. Ира, как всегда, мило зарделась. — Ты к Анохиной, что ли?

— Да, а потом в бухгалтерию.

— Не засиживайся там, а то торта не достанется.

Она ещё разок одарила Некрасова смущённой улыбкой и унеслась к лифтам, торопливо цокая каблучками. Макс бестолково потоптался в коридоре, определяясь, хочется ли курить, и вернулся в кабинет.

— Темновато как-то, — заметил он, шурясь на серый дневной свет, сочившийся сквозь жалюзи.

— Так и погода нелётная, — пожал плечами Мишка. — Хочешь — зажги лампы.

Макс зажгёт. То страдали от иссушающей жары, то теперь настал собачий холод. Неужели на всю Москву не найдётся ни одного толкового шамана, способного что-нибудь сделать с атмосферными капризами? Или, наоборот, это как раз по заказу какого-нибудь минсельхоза, чтобы репа на подмосковных огородах лучше росла? Должен же где-нибудь в Управе прятаться отдельчик, ответственный за состояние окружающей среды...

Андрей заявился в начале третьего, на своих двоих, румяный и с радостным блеском в глазах. Тимофеева, первой попавшаяся на его пути, снисходительно обняла коллегу и строго осведомилась о самочувствии.

— У меня всё отлично, — заверил её Бармин, к которому выстроилась целая очередь на рукопожатие. Андрюха от избытка всеобщего внимания краснел, улыбался и расцветал на глазах. — Алексей Иванович сказал до двадцать третьего отлежаться дома, но потом я снова с вами!

— Это правильно, — важно одобрил вернувшийся в последний момент Чернов, тряся Бармину ладонь. — Здоровьем рисковать нельзя.

— Мы только этим и занимаемся, — возразил Макс, оттирая Костика в сторону. — Молоток, Андрюх, две недели — и в строю! А с виду хилый такой!

— Алексей Иванович — волшебник, — зарделся Бармин.

— Это по какой такой классификации? — хохотнул Мишка.

— По общечеловеческой. Гаврилин — лучший, — Ксюша торжественно сняла непрозрачную крышку с коробки с тортом и выставила на всеобщее обозрение нечто высокохудожественное, едва навевающее мысли о съедобности. — Ну, ребят, в жизни должно быть место празднику!

— И подвигу, — педантично уточнил Макс.

— Да от подвигов не продохнуть уже, — отмахнулся Старов. Он больше всех был рад счастливому Андрееву выздоровлению. — Шефа ждать будем?

— Ну его нафиг, — Оксана легкомысленно пожала плечами, но настороженный взгляд в сторону логова всё же бросила. — Налетай!

— Ребят, подождите, — Андрей засуетился, принялся стаскивать со спины рюкзачок. — У меня тут есть кое-что...

— Да потом! — Тимофеева сунула ему в руки одноразовую тарелку с куском кондитерского великолепия, чем мигом пресекла всю возню. — Сначала — позитив и углеводы. Ярик, будешь или там вызов?

Зарецкий, занятый телефонным разговором, качнул головой и махнул Ксюше — мол, начинайте без меня. Максу стало немножко стыдно: это они тут все прохлаждаются, а у человека, между прочим, дежурство. С другой стороны, кто-то же должен! Некрасов недоверчиво ковырнул ложкой гляцевитую глазурь. Ксюха в своём репертуаре: выбрала самый странный торт, какой только нашла, благо на вкус неплохо.

— Так вот, ребят, — Бармин, усаженный за стол и снабжённый тортом и чаем, всё порывался чем-то поделиться, аж на месте подпрыгивал. — Я же тут дочитал «Слово»... Ну, помните, я говорил?

Ужасающего вида бумажный кирпич явился-таки свету из Андрюхиного рюкзака. Оксана демонстративно поморщилась.

— Андрюш, а давай про пыль веков в другой раз?

— Здесь важное! — ахнул Бармин, бережно открывая утыканный закладками фолиант. — Помните, Костя как-то говорил про забытые заклинания? Ну, что в теории могла быть раньше принципиально другая магия?

— Ничего подобного, — Чернов нервно поправил очки. — Я предполагал, что могут быть отдельные приёмы, но в целом...

— Кость, дай сказать человеку, — заступился за питомца Мишка.

— Вот, смотрите, — Бармин ткнул пальцем в страницу и набрал воздуха в грудь, приготовившись читать. Макс из любопытства вытянул шею, но увидел только малопонятные древние каракульки. — Я... ну... по-современному буду, близко к тексту. Где же это... Ага, вот. Воин — тут имеется в виду ордынский тысячник — недоволен был дерзким ответом и повелел убить, э-э-э, заложников и силой забрать мех и серебро, но волхв встал перед ним без страха и сказал: «Не смей меча подымать против моих родичей». Велики были пришедшие и числом, и силой... Так, тут про то, какие они были грозные... Но отступил гордый воин перед старцем и увёл своих всадников, никого не тронул. А? Каково?

— По-моему, такое про святых часто пишут, — Мишка наморщил лоб, соскребая в кучу остатки образования. — Что все перед ними склоняются и слушаются.

— Слушаются! — значительно повторил Андрей, азартно листая книгу. — Это прямо сплошь и рядом! Вот, например, к ним в городище медведь-шатун забрёл... Весело им там жилось, конечно... Старец вышел против зверя, не взяв ни сулицы, ни рогатины; посмотрел прямо в медвежьи глаза и велел уходить. Ушёл медведь!

— Так, может, дед параллельно фигачил силовой на поражение, — гоготнул Макс.

— А вот тут, — Бармин, пропустив эту реплику мимо ушей, с торжествующим видом распахнул книгу примерно на середине, — тут Микула с полудницей договаривается! Договаривается, ребят! В обмен на жертву обещает ей сноп колосьев, сжатый ведьминой рукой, и медовую колоду...

— Может, в угол загнал, — неуверенно предположила Ксюша.

— Полудницу? И с ней потом беседовал?!

— Приврали, да и всё, — буркнул Старов. — Это же художественная литература, а не рапорт.

— Не всю же книгу врать! — возмутился Бармин. — Я думаю, это какой-то утраченный вид ментальной магии, которым люди могли пользоваться. И ещё здесь постоянно про то, что воля у Микулы прямо стальная;

помнишь, Миш, я тебе рассказывал? Это должно быть важно!

— Вряд ли, — резко сказал Чернов. Сам того не замечая, он яростно крошил ложечкой остатки торта; на длинных пальцах поблёскивала липкая глазурь. — Ментальная магия не влияет на нежить, иначе они бы давно все друг друга...

— Ментальная магия не влияет на носителя ментальной магии, — тихо поправил молчавший до сих пор Зарецкий.

Мишка рывком к нему обернулся.

— В смысле?

— В прямом, — Ярик говорил медленно, словно бы тщательно взвешивая каждое слово. — Это более общее свойство, чем просто нежить против нежити. Вытекает из... природы чар, скажем так.

Чернов, оскорблённый в лучших чувствах, побледнел и беззвучно шлёпнул губами.

— Ты что-то про это знаешь? — прокурорским тоном спросил Мишка, буравя соседа взглядом.

— Что-то знаю, — эхом отозвался Зарецкий. — Наставница работала в этой области.

— И ты молчал?

— Само по себе это не важно.

С полминуты они играли в гляделки, потом Старов отвернулся.

— Кость, возможно такое? Люди, владеющие ментальной магией?

— Э-э-э... — Чернов поправил за ухом дужку, сбил очки набок и поспешно водрузил их на место. — Теоретически... Препятствий к этому нет, но... Современная наука не располагает достоверными свидетельствами...

— В «Восходе» сидит свидетельство! — выпалил Макс, осенённый догадкой. — Мозги людям пудрит... Знать бы ещё, кто именно!

— Что значит «пудрит мозги»? — строго переспросил Старов.

— То и значит. Я ж не дурак по своей воле людей в секту тащить!

Ксюшины брови изумлённо поползли вверх, однако сказать она ничего не успела. Старов поднялся из кресла и оперся пальцами на свой стол. Впервые Макс видел старшего таким раздражённым.

— Так, — Мишка обвёл коллег хмурым взглядом. Больше всего досталось неприязненно косившимся друг на друга Чернову и Зарецкому. — Давайте-ка все начистоту и с самого начала. Чтобы противостоять сильной нежити, надо владеть ментальной магией?

— Нет, — быстро сказал Костя.

Зарецкий, помедлив, покачал головой.

— Не обязательно. Достаточно, как сказал Андрей, некоторого уровня... самообладания.

Ксюша метнула в его сторону обеспокоенный взгляд. Тоже что-то знает или просто пытается въехать в происходящее?

— Хорошо, — Мишка шумно выдохнул и на миг прикрыл глаза. — Хорошо. По-другому. Чтобы безопасно говорить с сильной нежитью, надо владеть ментальной магией?

— Да, — просто ответил Ярик.

— И у нас в Москве есть такие люди?

— Да уж наверное, — буркнул Макс, потирая бровь. — Вербуют себе сторонничков за каким-то фигом...

— И это как-то связано с тульским делом? — Старов вновь повернулся к Зарецкому.

Тот медленно кивнул.

— Тоже сверял поведенческие?

— Нет, запрос коллегам послал, — хмыкнул Мишка. — Ну и в чём связь?

Ярик на несколько мгновений прикрыл глаза, словно собираясь с мыслями.

— Я не могу сказать. Всё засекречено.

— Тогда говорить буду я, — Старов тяжело опустился в кресло, не сводя глаз с приятеля. — А ты оценивай степень близости к истине. Итак, пятнадцать лет назад...

— Шестнадцать, — глухо поправил Зарецкий. — Через год завершилось следствие.

— Хорошо, шестнадцать, — Мишка схватил со стола ручку и сделал пометку на ближайшем черновике. — Так вот. Массовые аномалии в поведении нежити зафиксировали в районе Ясногорска. Официально списали на случайные возмущения в магическом фоне рядом с разломом. Настоящая причина... Настоящая причина связана с теми, кто получил потом по тульскому смертный приговор?

Бармин тихо охнул.

— Смертный?

— Да, по третьей статье, — уверенно сказал Мишка. — Пункт четырнадцатый, намеренное сокрытие общественно опасных сведений и способностей. Правильно?

Зарецкий не глядя схватил со стола карандаш и нервно провернул между пальцами.

— Не совсем.

Мишка задумался на пару мгновений.

— А-а-а, ты говорил. Были ещё те, про кого ничего не известно. Эти прекрасно могли выжить и сейчас начать портить кровь уже нам, да?

Макс восхищённо выругался. Всё складывается почти идеально! Даже беспокойство шефа и нападки безопасности с этой колокольни можно понять. Если допустить, что они все в курсе. А Верховский-то точно в курсе, недаром же постоянно Ярика пытается!

— Это если допустить, что ваша догадка верная, — Ксюша скептически сдвинула брови. — Можно как-то доказать, что ментальные маги существуют? Убедить безопасность? Поднять тревогу?

— Это нам ничего не даст, — мрачно отозвался Ярик.

Мишка тут же вскинулся:

— Почему?

— А ты можешь сказать, зачем это всё устроили? Тогда? Сейчас? — Зарецкий едва ли не с ненавистью отшвырнул карандаш и откинулся в кресле, скрестив на груди руки. — Кому это надо? Почему все сидели тихо столько лет? Почему проснулись в мае? Чего хотят? Чего добились?

Старов только обескураженно поскрёб в затылке.

— Вот и я не знаю, — сказал Ярослав тихо и зло. — Дыры в тульском деле, туманницы в ловушке, моровая язва в метро, сбежавший нелегал, Максова секта — всё это звенья одной цепи. Только я не понимаю, откуда и куда она тянется.

Повисло молчание. Макс изо всех сил пытался мозговать. Старшим-то хорошо, они над этой фигнёй уже месяц голову ломают, вот и понимают друг друга с полуслова! Каковы умники... Удобно, конечно, когда у тебя родственники трудятся на передовом краю магической науки, а остальным, не столь везучим, что делать? Зачитывать до дыр магическую фармакопею в поисках несуществующего?

— А другое? — осторожно спросила вдруг Ксюша. — Паразит? Приказ... приказ надзора?

— Дед ещё, — подхватил Макс. — Этот, с разломами. Он в «Восходе» лекции читал, между прочим!

— И в кабинет к нам кто-то вломился, — робко вставил Андрей.

— Паразит — нет, — Ярик оглянулся на пустующее Ирино место. — Наверняка нет. Насчёт приказа не уверен, это действительно может быть бюрократической ошибкой...

— Нифига себе ошибочки, — пробормотал Макс.

— Профессор, я думаю, провинился только тем, что сунулся к нам, — словно не услышав, продолжил Зарецкий. — Странно, что он не понимал истинных ставок в игре. Это наводит на мысли.

— А вор, очевидно, как-то с этим всем связан, — уверенно заключил Мишка. — Спёрли-то что? Медальон!

— И стимулятор, — задумчиво напомнил Ярик.

— Точно. На кой чёрт?

— Надо искать во всём этом общие места, — Зарецкий вздохнул и на миг прижал ладони к лицу. — Должны быть ещё недостающие фрагменты...

Его прервал тихий щелчок замка. Ира нерешительно замерла на пороге, оглядывая кабинет; должно быть, их компания представляла собой довольно мрачное зрелище.

— Иди к нам, Ириш, — ненатурально весело предложила Оксана, отрезая ещё один кусок торта. — Мы тут отмечаем.

— А как отмечать будем, когда распутаем эту хрень! — шепнул Макс Старову.

Мишка ничего ему не ответил.

XXXV. Предел терпения

Анькино приближение Ира распознала по знакомому дробному цокоту каблучков — без сомнения, высоченных. Всё, что ниже пяти сантиметров, Сафонова причисляла к категории тапочек и считала попросту неприличным.

— Привет! — подружка чмокнула воздух у Ириной щеки и поправила крутые локоны. — Ты рано чего-то.

— Не спалось, — вздохнула Ира.

Её и впрямь мучила бессонница. Что тому виной — малоприятная ли встреча с паразитом, последовавший ли странный разговор с Зарецким, довершившая ли дело ссора с мамой — поди пойми! Хорошо хоть обошлось без тяжёлых последствий вроде депрессии или случайных обмороков, которыми вчера пугал её Макс. Не со зла, конечно; просто заботился. Понятно, что дело не просто в везении; скорее всего, кто-то из контролёров, наверняка Оксана, понимает в азах целительской магии и вполне в состоянии подлатать попавшую под раздачу секретаршу. Впрочем, в памяти ничего такого не сохранилось, а спросить напрямую Ире было неловко. И без того Тимофеева как-то странно смотрит теперь...

— Я с отцом поругалась, — выдала вдруг Анька.

Ира, пропустившая мимо ушей всю подружку болтовню, встрепелась и охнула.

— С Павлом Сергеевичем? — недоверчиво переспросила она. — Это как?

— Вот так, — буркнула Сафонова. — Он меня уговаривал дать шанс Свириденко, прикинь?

Ира ушам своим не поверила.

— Его что, моя мама покусала? — проворчала она. Уже среда, а они с мамой так и не помирились, и это Ире ещё хватило ума не излагать подробности! Да и про Макса мама пока не знает... Ох, что будет... — Славик у нас теперь завидный жених, что ли?

Сафонова уныло хохотнула.

— Скорее уж «Геката» папу волнует, — вздохнула подруга. — Но у нас всегда как-то было... Бизнес отдельно, семья отдельно.

— Ну и правильно.

— Ирка, я боюсь, — сумрачно заявила Сафонова. Сине-серая громада Управы уже показалась между деревьев, и подруга сбавила шаг. — Папа, он такой... Если ему что-то надо для дела, он же на всё пойдёт.

— Он тебя любит, — уверила её Ира. — Скажи ему, что у тебя парень есть, он поймёт.

Анька потупила взгляд и улыбнулась загадочно.

— Ну... это... может сработать, — рассудила она и вдруг сменила тему: — У тебя-то как с твоим Некрасовым? Хорошо на танцполе смотрите, между прочим.

Настал Ирин черёд краснеть и смущаться. До сих пор они тему минувшей пятницы старательно обходили, и вот, пожалуйста, Сафонова первая решила нарушить негласное табу.

— Макс очень хороший, — искренне сказала Ира, беспокойно оглядываясь по сторонам. Вдруг кто знакомый на горизонте? — Весёлый и добрый, не то, что... А, ладно, — она заметила у крыльца прохлаждающегося с сигаретой Чернова и предпочла свернуть опасную тему.

— Что «ладно»? — беспощадно переспросила Анька. — Встречаетесь?

— Да, наверное...

— В смысле?

— Ань, давай потом, — взмолилась Ира. Крыльцо становилось всё ближе. — На выходных, может, встретимся, поболтаем?

— Ну да, можно, — разочарованно протянула Сафонова. — На обед-то тебя ждать сегодня?

— Ждать.

— Смотри мне!

Анька ловко избежала по ступенькам и смешалась с людским потоком. Чернов всё ещё ошивался поблизости, так что Ира обогнула его по широкой дуге и шмыгнула в вестибюль через вход для посетителей.

— Доброе утро, — вежливо сказала она клюющей носом девушке за стойкой информации. Та ничего не ответила, только проводила мутным взглядом. Должно быть, не одну Иру донимали проблемы со сном.

Лифтовый холл оказался закрыт. У наглухо запертых дверей маялся невзрачный мужичок в полевой униформе отдела надзора и, как заведённый, повторял всем интересующимся, что лифты недоступны в связи с процедурами по транспортировке особо опасной нежити в экспериментальный блок. В ответ на возмущения, бурные и однообразные, он меланхолично ссылался на регламенты и иногда отмечал полезные свойства физических нагрузок. Маги высоких категорий пожимали плечами и попросту перемещались пространственным прыжком; все прочие со вздохами и проклятиями тащились к лестнице. Ира, понятное дело, присоединилась к последним. И кто

только придумал устроить офис контроля на двенадцатом этаже? Или нет: кто придумал в начале рабочего дня тащить подопытную нежить и управские подвалы? Его бы заставить так пробежаться...

В кабинете секретаршу магконтроля ждали залежи обречённой на сдачу в архив документации. Бумажные наслоения, копившиеся в шкафах с января по март, надлежало перебрать, определить уровень секретности, разложить по коробкам для разных секций архива, опечатать и сдать, чтобы освободить место под неумолимо надвигающийся третий квартал. В основном здесь были бесконечные акты о наследовании артефактов или письменные прошения вроде тех, что Ира каждое утро выгребала из ящика для входящей корреспонденции, но нет-нет да попадалось что-нибудь любопытное. К примеру, под тяжёлой папкой с декларациями о содержании домашней нежити обнаружили две скреплённые степлером бумаги на имя Верховского. Пространная кляуза на двух сторонах листа мелким почерком, датированная январём, повествовала о вопиющем нарушении субординации и недопустимом самоуправстве во время какой-то вылазки; чудом уместившаяся в уголке подпись принадлежала Чернову. Второй листок содержал короткую издевательскую отписку: «Поступил так, как считал нужным, с целью минимизировать негативные последствия инцидента. Душевным состоянием старшего офицера Чернова счёл возможным пренебречь. С исходной претензией не согласен, так как нарушить служебную иерархию не мог по причине её отсутствия. Старший офицер отдела магического контроля Зарецкий». Ниже красовалась начертанная стремительной рукой Верховского резолюция: «Обоим замечание за нецелевое использование рабочего времени. Для укрепления командного духа в период с 5 по 11 февраля назначить старших офицеров К.Чернова и Я.Зарецкого на совместные с отделом надзора полевые работы, связанные с подготовкой к летнему сезону мест зимовки водной нежити. Пересмотру не подлежит». Ира попыталась представить, каково пришлось бедному отделу надзора, а заодно и беспечно зимующей водной нежити. Да уж, изобретателен начальник магконтроля на всяческие наказания...

— Что вы изучаете? — брюзгливо осведомился Чернов, закрывая за собой дверь в кабинет. Интересно, помнит он эту докладную и её последствия?

— Разбираю документы для архива, — Ира выдавила из себя подобие вежливой улыбки. Три часа. Три часа — и он уйдёт. Зарецкого терпеть проще, ему, по крайней мере, плевать, чем она занята.

Чернов бесцеремонно заглянул в листок и пошёл пунцовыми пятнами. Помнит, значит. Прежде чем он набрал воздуха для гневной тирады, Ира сунула докладную в стопку для передачи в служебный архив.

— Я могу вам чем-нибудь помочь?

— Нет, — отрезал Чернов и убрался за свой стол.

Вот и славно, пусть там и сидит. Всучить ему прошения наученная горьким опытом Ира даже не пыталась. Благо до этих низменных дел снисходит хотя бы Ярослав, не то деятельность отдела совсем бы забуксовала, и Анохина непременно сказала бы в конце июня, что не терпит под своим началом неэффективных сотрудников.

В половину десятого явился начальник. Чернов немедленно вскочил, взметнув лапами пиджака маленький бумажный шквал, и полез через стол здороваться. Верховский сухо пожал протянутую руку.

— Ребята говорят, ты проявляешь недюжинные познания, — заметил Александр Михайлович, оценивающе глядя на вытянувшегося в струнку подчинённого.

Тот заметно побледнел и нервно вдавил очки в переносицу.

— Всё в рамках закона! Исследования не засекречены...

— В самом деле, не засекречены, — насмешливо произнёс начальник и бросил задумчивый взгляд в Ирин угол. — Пойдём-ка поговорим.

Чернов, надуваясь от важности, чуть ли не вперёд Верховского влетел в логово. Ира не возражала. Интересно, конечно, что у них за секреты, но — как там? — любопытство фатально подвело кошку. Знаем, проходили... Тонкая цепочка на шее почти не чувствуется и вообще никак себя не проявляет. Похоже, действительно всего лишь затейливое средство связи, и не более того. Зарецкий попросту хочет поймать паразита и... поступает так, как считает нужным. Получится — хорошо, не получится — извините, давайте сюда своё наказание, и будто бы ничего не было. А кто там пострадает в процессе — какая разница? Душевным спокойствием можно и пренебречь.

Сообразив, что в пятый раз пробегает глазами одну и ту же бумагу, Ира заставила себя собраться с мыслями. Надо хотя бы это разгрести в срок, чтобы не нарваться на начальственное негодование. Служебная записка, заявление на визу, официальный запрос с резолюцией «Отказать», исписанный расчётами черновик, снова виза, страница из чьего-то досье... Сколько же тут бардака! Ира механически отложила очередной акт о наследовании в ближайшую кучу. Почему Зарецкий так уверен, что паразит снова нападёт именно на ничего не значащую секретаршу магконтроля? Может, как раз потому, что она — секретарша магконтроля? Что ж, господа злоумышленники будут горько разочарованы. Вот уж работёнка! От начальства огребай, от коллег огребай, ещё и всякая городская нечисть на тебя виды имеет, а взамен что? Ни престижа, ни пользы, ни хотя бы связей, которые так ценит мама; разве что зарплата...

Ехидно забулькал внутренний телефон. Разглядев номер, Ира с трудом подавила желание выругаться.

— Доброе утро, Наталья Петровна! — фальшиво пропела она в трубку, растягивая губы в улыбке и отчаянно надеясь, что так голос звучит приветливее.

— Доброе утро, Ирина Викторовна! — не менее искренне ответили на другом конце. — Вы не могли бы зайти ко мне через полчаса?

Вот чёрт! Что ей понадобилось?

— Мне... э-э-э... взять какие-то документы? — осторожно спросила Ира.

— Нет, ничего не нужно. У вас есть возможность прийти?

Хорошо бы сказать «нет», но, как назло, совещаний у Верховского не намечается, приёмные часы к ней относятся слабо, а срочные задачи... Да какие у неё срочные задачи?

— Да, конечно, — обречённо сказала Ира.

— Спасибо. Хорошего вам дня.

И вам того же, и вас туда же. Что там такое стряслось в канцелярии, что аж сама начальница звонит и вызывает к себе рядовую секретаршу? Одно радует: пожелай Анохина её выгнать, не стала бы заморачиваться лично — для таких дел у главной учёткицы есть Волкова. Ира с ненавистью покосилась на пыльную коробку с бумагами. Ничего, до вторника успеть можно, если опять ничего не стрясётся...

Тихо клацнула дверь логова. Чернов вернулся от начальника пришибленным и ещё более злобным, хотя, казалось бы, куда уж дальше! Ира старательно сделала вид, что его присутствие ничуть её не беспокоит. Вот бы контролёра кто-нибудь куда-нибудь вызвал, а?.. Хотя нехорошо такого желать, потому что каждый звонок — это опасность для чьей-то жизни. Нет, Чернов определённо такого не стоит, будь он хоть трижды потомственный великий маг. Пусть уж греет тут вельможную задницу. Лишь бы жить не мешал...

— Вы приближались к моему столу? — каркнул контролёр, и Ира попрощалась с мечтами о покое.

— Нет.

— И статистические выписки, разумеется, не просматривали?

— Разумеется, не просматривала, — огрызнулась Ира и тут же, спохватившись, добавила, понизив тон: — Я занимаюсь документами для архива. О статистических выписках я ничего не знаю.

— Да неужели? — Чернов вскочил с места; получившее неслабый толчок кресло глухо врезалось в стену. — Они лежали вот здесь, на этом самом месте! Может, скажете, куда они могли деться?

Ира мысленно сосчитала до десяти. Она ничего не брала. Пусть хоть орёт, хоть в вещах её роется, хоть записи с камер снимает — ни в жизнь не докажет.

— Не имею понятия, — голос предательски дрогнул, и Чернов тут же хищно сощурился. А ну, проймёт его апелляция к регламентам? — Вы должны сами заботиться о сохранности документов, с которыми работаете.

— Как это понимать? — зло заклокотал контролёр. — Вы берётесь нас проверять? Или ищите себе оправдание? Зачем вы забрали бумаги?

— Я их не брала.

— Правда?

Чернов стремительно пересёк кабинет и схватил верхний документ из стопки, предназначенной для открытых архивов — самой высокой из всех. Ира придержала бумажную башню у основания, спасая от разрушения результат недельных трудов.

— А если выписки найдутся здесь? — прошипел контролёр. Бледные глаза зло сверкали из-под очков. — Что вы тогда скажете?

— Вы найдите сначала, — буркнула Ира. — Как они хоть выглядят?

— Сейчас покажу!

Чернов коротко размахнулся и со всей своей немалой дури саданул ладонью по бумажной стопке. Ира вскрикнула и отшатнулась. Листы сыпались на пол, на соседний Оксанин стол, в ещё не разобранные коробки и под лаковые ботинки слетевшего с катушек контролёра. За спиной — только прикрытый жалюзи подоконник, в кабинете никого, и не будет ещё два часа, в логове ни черта не слышно. Ира беспомощно пошарила ладонью по столу, сама не зная, зачем. Не дыроколом же защищаться от боевого мага!

— Константин... Игоревич... Успокойтесь, пожалуйста...

— Где выписки? — проорал Чернов ей в лицо и спихнул со стола вторую стопку. — Вы были в кабинете всё это время! Кто их взял?

— Никто не приходил...

— Прекрасно! Значит, их взяли вы! — гаркнул контролёр. Стёкла очков победно блеснули. — Или вы немедленно их возвращаете, или... Нет, в любом случае я звоню Анохиной! С меня хватит! Давно пора вас вышвырнуть с волчьим билетом!

Пятная грязными следами разбросанные по полу бланки, он зашагал к своему столу. Ира ни на секунду не сомневалась — позвонит. Даже если треклятые выписки, чтоб их, найдутся прямо сейчас у него перед носом. А

Анохиной только того и надо... Ира сжала кулаки от бессильной злости. С него хватит? Нет, это с неё хватит! Терять-то уже, считай, нечего...

— Не трудитесь! — крикнула Ира в спину Чернову. — Я сама уйду! Истерики ваши вот уже где сидят!

Она зло чиркнула ногтем по горлу. Резко обернувшийся контролёр разинул было пасть, но Ире было уже всё равно. Путь к выходу сплошь устилала бумага, но какой теперь смысл петься об их сохранности? Дверь услужливо распахнулась ей навстречу; что ж, значит, судьба! Оттолкнув плечом изумлённого Зарецкого — нашёл время заявиться! — Ира выскочила в коридор. Лифты не работают — значит, по лестнице, невелика беда! Подумаешь, помучиться напоследок...

Анохина, видать, не успела закончить предыдущую встречу, потому что в тесном кабинете обретался ещё и Викентьев. Иры хватило на то, чтобы бросить ему «извините», прежде чем выпалить в лицо оторопевшей начальнице:

— Я увольняюсь!

Анохина по-рыбьи раскрыла ярко покрашенный рот, метнула панический взгляд в сторону безопасника и вслепую потянулась к телефону. Передумала, схватила попавшийся под руку карандаш. Грозная повелительница канцелярии — и такая смешная и жалкая! Ира рассмеялась бы, если бы смогла.

— Ирина Викторовна... Присядьте...

— Дайте бланк заявления, — потребовала Ира и плюхнулась на стул, только что освобождённый расторопным Викентьевым. — Какую дату писать? Двадцать первое?

— Двадцать четвёртое, — механически поправила Анохина и спохватилась: — Объяснитесь, будьте добры!

— Чернов вам всё расскажет, — отмахнулась Ира, нагло глядя в лицо начальнице. — Сейчас позвонит обязательно. Дайте же бланк!

Анохина от глубочайшего потрясения, не иначе, покорно клацнула мышью. Ира схватила выползший из принтера лист, пробежала глазами и стремительно подписала. Всё! Денёк кадры провозятся с приказом, денёк — на обходной лист, и готово. Жизнь вновь вернётся в размеренное русло, работа найдётся, а мама... Ну, придётся пережить внеочередной скандал, но они и так уже поругались! Вот бабушка — та бы поняла...

— Но ведь Верховский давал по вам такие хорошие отзывы, — растерянно подала голос Анохина. — Мы думали о досрочном завершении испытательного...

Ира упрямо закусила губу.

— Подпишите, пожалуйста.

Пока ещё начальница зачем-то переглянулась с хранившим безмолвие безопасником и, вздохнув, поставила закорючку в низу листа. Заверещал наконец телефон; Анохина, наверняка сторающая от желания узнать подробности, вцепилась в трубку, как собака в мозговую кость.

— Да... Нет, не знаю, — Наталья Петровна хмурила крашенные брови то на подписанное заявление, то на Иру, то куда-то в пространство. Вопреки ожиданиям, мощных децибел трубка не выдавала; мужской голос на другом конце говорил тихо, не разберёшь, о чём. Может, и вовсе по другому поводу. — Я понимаю... Нет, конечно, нет...

Жаль, что не Чернов. А ось довёл бы до главы канцелярии своё видение идеального секретаря. Хоть бы им в следующий раз дали прожжённую стерву, такую, чтоб от одного взгляда всё желание выпендриваться пропадало напрочь! Или пусть вообще никого не дадут, будут сами разгребать всю бюрократию... Анохина продолжала что-то мямлить в трубку, нервно постукивая по столу карандашом. Ира решительно встала и направилась к двери. В конце концов, между Черновым и радостной новостью — девять этажей, как бы не помер в ожидании!

— Ирина!

Викентьев неслышно прикрыл за собой дверь и в несколько шагов нагнал Иру. Ему-то чего надо? Компромат на Чернова собирает? Да на здоровье!

— Мы можем поговорить?

— Пожалуйста.

— Пройдёмте в мой кабинет?

— Нет, давайте здесь, — Ира сложила на груди руки. Снующие вокруг служащие оглядывались с интересом, но не задерживались. — Мне ещё много чего надо доделать перед увольнением.

— О, — безопасник, кажется, озадачен? Пора бы ему привыкнуть, что весь магконтроль — одна сплошная заноза в заднице. Начиная с начальника и заканчивая секретаршей. — Тогда не смею вас задерживать.

Вот и славно! Ира не слишком вежливо попрощалась и зашагала к лестнице, намеренно громко впечатывая каблуки в чистый кафель. Где-то к пятому этажу, когда физические усилия и гуляющие по пролётам сквозняки слегка остудили её пыл, пришла запоздалая мысль: а что, собственно, хотел узнать Викентьев? Копают под контролёров, и для такого дела сгодится даже обиженная секретарша? Смешно. Наверняка хотел напоследок вытянуть что-нибудь интересенькое, вот только вытягивать нечего! Она даже этих треклятых выписок не видела. И вообще ничего секретнее собственных результатов тестирования...

В кабинете было пусто. Бумаги кто-то собрал с пола и сложил в отдельную коробку — наверняка не терпящий хаоса Зарецкий. На столе Чернова рядом с выдернутой из гнезда трубкой лежали неряшливым веером листы, стянутые за уголки лентой с печатью. Что творится за запертой дверью логова — не разглядеть, да и не очень хочется. Может, и вовсе ничего. Велика беда — секретарша увольняется...

Ира плюхнулась в пока ещё своё кресло и прикрыла глаза. Мама, разумеется, будет в ужасе. И вообще, и из-за Павла Сергеевича. Ну и поделом, нечего искать обходные пути! Выше головы не прыгнешь, а Ире никак не место в величественных коридорах Управы. Нет уж, лучше в конторке средней руки, где самая страшная тайна — упрятанные от налоговой копеечные прибыли...

Дверь логова бесшумно открылась, выпуская надменного, как дюжина депутатов, Чернова и заодно — обрывки затихающего разговора. Ира отвернулась. Ну их всех к чертям.

— ...ничего не смогу сделать, если так будет продолжаться.

— Успокойся. Ты, кажется, просил командировку?

— Да, но это сейчас не...

— Вот и займись оформлением, пока... есть возможность. Ещё вопросы?

— Нет. Нет вопросов.

Зарецкий подчёркнуто аккуратно прикрыл за собой дверь и наградил Чернова тяжёлым взглядом. Как же, мы не любим, когда нам мешают работать! Ира рывком придвинула к себе клавиатуру.

— На какие даты командировка? — бросила она прежде, чем контролёр успел открыть рот. Хватит выяснять отношения, и так всё понятно.

— С понедельника на две недели, — помедлив, ответил Зарецкий. — Можно тебя на два слова?

— Здесь говори, — отрезала Ира. Клавиши под пальцами прямо-таки гремели. — У меня от Константина Игоревича секретов нет.

Константин Игоревич издал нечто вроде презрительного фырканья и ничего не сказал. Зарецкий, ожидаемо, тоже промолчал.

— Место?

— Оставь незаполненным.

— Гостиница, билеты на самолёт?

— Не нужно.

Не нужно так не нужно. Зарецкий, подумав, бросил стоять над душой и вернулся за компьютер. Ну да, милочка, а ты на что рассчитывала? Что будут умолять остаться? Да таких тут, как грязи...

В недоброй тишине, не справляясь с духотой, надсадно гудел кондиционер.

XXXVI. Третья статья

В пыточной комнатёнке у безопасников дышать было нечем. Ксюша недовольно ёрзала на неудобном стульчике; Максу после беготни тоже не сиделось на месте. Один лишь незнакомый молодой сержант безопасности чувствовал себя здесь вольготно. Взглядом, нежным и трогательным, примерно как алмазный бур, он сверлил офонаревшего от свежих впечатлений паренька лет двадцати. Тот жалобно дёргал запястьями в наручниках и затравленно озирался; Управа ему не нравилась.

Задержанного было, с одной стороны, немножко жалко. Вот так вот живёшь себе, промышляешь хлеб насущный не совсем честными магическими методами, уверенный, что ты один такой одарённый — и тут в один прекрасный миг вместо ментов-минусов, которых можно раскидать простенькой силовой волной, тебя вяжут совсем другие слуги закона, вменяют третью статью Магического свода и волокут в Управу, набитую такими же, а то и похлеще, униками. А если не примешивать к делу эмоции, то картина вырисовывалась серьёзная. Деятели вроде этого старшие ласково именовали профанами и, если верить Оксанке, уже много лет в практике не видали. Обычно талант либо вовремя раскрывается и получает должную огранку, либо так и погибает невостребованным; самостоятельно, без помощи сообщества, освоить хоть простейшую стихийную магию — задачка со звёздочкой. А этот справился, да ещё как! Повелевать сквозняками и поджигать пальцем газовые конфорки парню было неинтересно — он баловался аж телекинезом. Четвёртая, между прочим, категория! Тут всю жизнь потратишь — не научишься, а некоторые вот так, играючи...

Макс покосился на торопливо щёлкающую клавишами Ксюшу. Четвёрка — не хухры-мухры, циферкой повыше — и влетел бы бедняга без вопросов на смертный приговор. Может, и сейчас влетит. Вон какой безопасник довольный, этим только дай человека уморить... Тимофеева деликатно прочистила горло, привлекая внимание, и придвинула к себе ноутбук.

— Время тринадцать восемнадцать, — зачастила она, аккомпанируя себе на клавиатуре. — Дело о несанкционированном применении дара, Магический свод, статья три. Допрос ведёт старший офицер магконтроля Тимофеева Оксана Сергеевна, присутствуют младший офицер магконтроля Некрасов Максим Николаевич и специалист группы предотвращения магических противоправных деяний Миронов Алексей Дмитриевич. Вы несёте ответственность за полноту и достоверность предоставленных следований; оставляю за собой право принять необходимые меры, если посчитаю, что вы ведёте себя некорректно. Вам всё понятно?

Задержанный только ресницами хлопнул. Весь этот протокольный шквал обрушился на него, как камнепад на незадачливого альпиниста. Парнишка, очевидно, думал, что судить его станут за то, что тырил с витрин мелкогабаритную технику, а тут — Магсвод, несанкционированное применение, должностные лица...

— Да или нет?

— Д-да...

— Прекрасно. Ваше имя?

Задержанный нервно сглотнул.

— Юрий... Юрий Зенин. Ми-михайлович.

— Род способностей и предполагаемая категория вам известны?

Мотаёт головой. Ксюха, разумеется, лихо вписала магию четвёртой категории — под вопросом, само собой, чтобы безопасникам потом скучно не было.

— Когда и каким образом обнаружили свой дар?

Парнишка попытался развести руками, вспомнил про наручники и пугливо вздрогнул всем телом.

— Ну как... Пару лет назад вроде... — выдавил он, в ужасе глядя на Ксюшин ноутбук. — Случайно вышло... Там, с пацанами, ну, дела такие, зацепился, то, сё... Один там был мутный, Ржавым звали... Полез, значит, с ножом на меня, я его и... ну...

Тимофеева поморщилась. Обитатели социального дна не вызывали у неё симпатии, а подобная манера изложения раздражала питерскую интеллигентку ещё больше.

— Какие конкретно типы воздействия вы пытались применять?

— Так это, — Зенин неопределённо шевельнул челюстью, словно из спёртого воздуха пытался зачерпнуть нужные слова. — Пихнуть там чего... Или кого. Вещи подвигать. Ничего больше не умею! Чем хотите клянусь!

— Клясться вы потом будете, — зловеще пообещала Тимофеева. — Вы ранее сталкивались с представителями сообщества?

— Какого ещё...

Ксюша, косясь на безмолвного сержанта, помучила ещё профана вопросами, хитро заходя то с одной, то с другой стороны. Зенин либо виртуозно играл идиота, либо действительно ни черта не знал. Получается что-то — он и делал. Кто ж знал, что тут аж целое сообщество, со своими законами, со штатом сотрудников,

обеспечивающих соблюдение этих самых законов? Отпустите, пожалуйста, уважаемые, он больше ни в жизнь, никогда, ни за какие шиши...

— Что ж, — Оксана смотрела теперь исключительно на безопасника. — У задержанного действительно не было возможности получить необходимое обучение и сдать аттестацию. Я классифицирую это как обстоятельство непреодолимой силы; согласно пункту семнадцать, оно снимает с задержанного обвинения по третьей статье. Вы со мной согласны?

Сержант Миронов недовольно пожевал губами.

— Да, всё по закону.

— Тем не менее, — Ксюха повернулась к профану и хищно сощурилась, — вы будете обязаны пройти обучение с предоставленным государством наставником, сдать экзамены и принести присягу. До тех пор вы не имеете права осознанно использовать свой дар. Дальнейшие нарушения, если будут совершены, не подпадут под семнадцатый пункт и повлекут наказание вплоть до смертной казни. Вам понятно?

— С-с-смертной? — севшим голосом переспросил Зенин. — Она же... того... нельзя...

— Можно, — значительно произнесла Оксана. — Наши законы строже общегражданских. И, кстати, о них... Обвинения по уголовным статьям мы с вас не снимаем, — при этих словах задержанный заметно сник. — За кражи и причинение вреда здоровью потерпевших вы понесёте соответствующее наказание. Во избежание эксцессов, — Тимофеева сжала и разжала пальцы, разминая руку, — мы установим за вами наблюдение. Любая попытка избежать ответственности даёт нам право принять соответствующие меры. Это ясно?

Бледный как смерть профан понуро кивнул. Так-то, родимый! Хочешь, не хочешь — а поставят на путь исправления. Никаких больше драк по подворотням и мелких краж. Присяга, конечно, не панацея, но отлично выправляет мелкие неполадки характера. Ксюша не без изящества нацепила на Зенина следящие чары и с чистой совестью сдала его на руки безопаснику. Для полного счастья парнишке не хватало только кровавой викентьевской пробы.

— Эх ты его, — ухмыльнулся Макс, когда они вырвались наконец из пыточных застенков. — Вроде и шпана подзаборная, а проняло! Вон с какой рожей сидел...

— Ещё бы, — фыркнула Тимофеева и бросила взгляд на крохотные золотые часики. — Надо бы оформить сверхурочные. Дежурство-то кончилось давно.

— Окстись! Мы ж день и ночь на работе, — Макс в притворном ужасе замахал руками. — Я вот после понедельника вообще спать не могу, всё думаю, что ж там такое стряслось фиг знает сколько лет назад?

— Какая разница? Нам всё равно не скажут, — Ксюша неприязненно поморщилась и ткнула наманикюрным пальцем в кнопку вызова лифта. — Всё секре-е-етное, уши вянут.

— Да ладно, ребята поделятся...

— Ага, сразу после конца света.

Опять злится, что ей не досталось интересных дел. А правда, почему Верховский так её бережёт? Потому, что девушка, или потому, что не справилась бы?

— Я вчера на собрание ходил, — сменил тему Некрасов. Вернее, не то чтобы сменил — скорее, повернул разговор в менее опасное русло. — Ну и чудики у них там ошиваются, конечно...

— Может, от этой ментальной магии сам не заметишь, как с катушек съедешь, — понизив голос, предположила Тимофеева. — Похожи твои чудики на супер-магов?

— Если брать за образец Чернова, то есть что-то общее, — хихикнул Макс. — Только он всех бесит, потому что такой от природы, а эти — намеренно.

— Это в каком смысле?

— Я ж говорил, что они минусов на наш счёт просвещают? — Некрасов задумчиво поскрёб стриженный затылок. На очередном этаже в лифт влез гружёный коробками курьер, и теперь приходилось тщательно подбирать слова. — Ну и всё это в таком ключе... В негативном. В духе, что нашу бы энергию да в мирное русло. Как будто мы тут все вот как этот тип — только и делаем, что смартфоны ворует в торговых центрах.

Оксанка неопределённо хмыкнула. Они вышли из лифта; Макс нетерпеливо дождался, пока за спиной надёжно закроется дверь коридора, и продолжил:

— Хмыря там одного видел. Фиг знает, кто он там в их иерархии, но явно где-то в верхах. На собраниях не показывается, но ведёт себя, как хозяин. Мне кажется, нелегал самый настоящий.

— Из тех? — Ксюша многозначительно подняла брови. — Про которых ребята говорили?

— Именно. Эх, поймать бы да расспросить! — Макс аж на месте замер, осенённый дельной мыслью. — Слушай, как думаешь, Ярик согласится со мной сходить, посмотреть на этого деятеля? Он давно в теме копается, может, увидит больше, чем я...

— Спроси, — равнодушно бросила Оксана. — Только он вроде уезжать собрался.

— Куда это?

— Я почём знаю? Он мне не отчитывается, — огрызнулась Тимофеева и рванула на себя отдельскую дверь. —

Привет, Миш.

Старов буркнул в ответ что-то приветственное. Он копался в каких-то бумагах — то ли разбирал текучку, то ли что-нибудь изучал. Макс помахал хмурой Ире, получил в ответ вымученную улыбку. Чего это она? Бумажки замучили? Тогда надо вытащить погулять; авось и самому удастся немного развеяться, голова лучше думать станет...

— Шеф тут? — осведомилась Ксюша, с размаху плюхнувшись в кресло.

— Не-а, где-то ходит.

— Вот и пусть ходит. Макс, будь другом, раздобудь нам кофе.

— Будет исполнено, — хмыкнул Некрасов. Он и сам всерьёз подумывал ограбить шефа на пару чашечек.

Оксана сунула ему в руки свою кружку — с коричневым чайным налётом и относительно свежим отпечатком помады. Макс, сам тот ещё лентяй, отнёсся к чужому разгильдяйству философски.

— Мих, — праздно окликнул он, хватая со стола собственную кружку, — как думаешь, кого раньше поймаем — моего паразита или эту дрянь с суперспособностями?

Ира неуютно пошевелилась в своём углу, и Макс выругал себя за толстокожесть. Ей же серьёзно досталось в пятницу, мог бы и подумать! Надо притащить ей что-нибудь сладкое; все девушки любят сладости...

— Вот ты вопросы задаёшь, — проворчал Старов, выныривая из бумажного моря. — Кстати, пока ты тут... Помнишь русалку нашу?

— Дуру влюблённую? А как же, — Некрасов распахнул дверь логова, чтобы слышать коллегу, и сунул одну из кружек под пахнувший кофе кран. — Думаешь, её этот таинственный кудесник укокошил?

— Есть такая мысль, — признал Старов. — И ещё такая есть, что шишиг в Кузьминках тоже он взбаламутил...

Остаток фразы потонул в надсадном хрипе кофемашины. Надо придумать что-нибудь умное, пока есть время на размышления. За что бы уцепился шеф? Ярик? Костик?.. Ага, вот!

— А в чём связь? — Макс вытащил из-под крана исходящую ароматным паром кружку и поставил вторую. — В смысле, ты не слишком увлекаешься? Круто, конечно, все наши косяки повесить на этого гада, но, сам понимаешь, не прокатит такое.

Кофемашина снова зафыркала. Настала Мишкина очередь собираться с мыслями. Макс милостиво дождался, пока упадут последние капли; Старов хмурил светлые брови — мозговал.

— Нет, нормально всё, — постановил он наконец, провожая Некрасова серьёзным взглядом. — Русалке расплавили управскую бирку, а шишиги нападавшего с Яриком спутали. Значит, и там, и там сильный маг поработал. Таких мало.

— Мало, — согласился Макс. — Но не один на всю Москву, ей-богу!

— А что, несколько их, что ли? — подала голос Ксюша, забирая у него кружку. — Я думала, этот тип — уникум.

— Нежить гробить любой достаточно сильный маг может, — возразил Некрасов. — Ну, сама подумай: зачем охотиться на всякую мелочь безобидную, если у тебя суперсилы, которых вообще ни у кого больше нет? Я ещё понимаю, если б у нас сплошняком дохлые полудницы валялись...

— Хороший вопрос, — пробормотал Мишка и сделал корявую пометку на ближайшем черновике. — Может, и валяются, а мы просто не знаем?

— Миш, это натяжка на натяжке, — вздохнула Ксюша, потягивая кофе. На белом ободке кружки появилась ещё одна алая отметина. — Забей на эту тему и думай дальше.

Оба затихли. Макс, помешивая кофе, замер у заваленного бумагами Ириноного стола. Ей не очень нравится, когда он при всех проявляет внимание, но поди выгони куда-нибудь этих всех! Аккуратно раздвинув кошмарного вида стопки — Ира ощутимо напряглась и пристально проследила за его манипуляциями — Некрасов пристроил между ними кружку и улыбнулся так очаровательно, как только мог после смены, допроса и крепкого кофе.

— Как дела? — непринуждённо поинтересовался он, хотя и так видел, что не очень. Интересно, если остаться и помочь разгрести бумажные завалы, она оценит?

— Хорошо, — Ира фальшиво улыбнулась ему в ответ и цапнула из коробки слегка помятый лист. — А у тебя?

— Превосходно, — кисло сообщил Макс и схлопотал выразительный взгляд от Тимофеевой. — Вот бы сейчас затыжные выходные, и чтоб на них ничего не случилось...

Ира рассеянно кивнула и вцепилась в следующую бумагу. Пробежала её глазами, вскочила с места.

— Надо заверить, — объяснила она, указывая на пустое место для подписи в низу листа. — Пойду Верховского поищу.

— Да куда он денется-то? — искренне изумился Макс, однако Ира уже устремилась к выходу. Что с ней такое сегодня?

— Догоняй, — насмешливо бросила Ксюша, как только за секретаршей закрылась дверь. — Иначе не простит.

— Я ж не сделал ничего!

— Вот именно. Беги, Максюша, потом спасибо скажешь.

Макс побежал. Иру он нагнал в лифтовом холле; она задумчиво созерцала потухшую кнопку, теребя и без того порядком измочаленную бумаженцию. Лохматого научника, оглушительно гавкающего в телефон в двух шагах от неё, девушка словно бы не замечала.

— Ириш, чего такое? — взял с места в карьер Некрасов. Научник его раздражал, и он решительно потянул Иру от лифтов к окнам. — Ты прям сама не своя.

Она порыскала взглядом по пустому холлу, будто искала там причину своего плохого настроения.

— Да так, — Ира неопределённо дёрнула плечом и вздохнула. — Увольняюсь в понедельник.

— Да ладно? — переспросил Макс. Не то чтобы удивлённо; он готов был годовую премию поставить, что знает, кто очкастый и противный тут постарался. — Может, просто в другой отдел перейдёшь? Я шефа попрошу, он словечко замолвит.

— Не надо никаких словечек! — неожиданно зло огрызнулась Ира. — Всё равно мне в Управе не нравится.

— Ну, значит, так и надо, — одобрил Некрасов. — Не мучай себя. Жизнь должна быть в радость.

Ира недоверчиво на него уставилась, и Макс легкомысленно пожал плечами. Чего себя неволить? Жаль, конечно, что они теперь будут реже видеться, но, в конце концов, всё это было лишь вопросом времени. Ира и так долго продержалась.

— Не парься, — посоветовал Некрасов. — Нормальные люди с Костиком сосуществовать не могут. Только отбитые вроде нас, — он широко ухмыльнулся, и Ира неуверенно улыбнулась в ответ.

— Меня бы в любом случае выгнали, — сказала она обречённо. — Анохина сказала — до первой претензии, а Чернов пожаловался...

— Жаловалку ему оторвать, — с чувством высказался Макс. — Плюнь ты на него. В выходные погуляем, а?

— Не знаю, — пробормотала Ира. — Может, дела будут.

— Ну, если не будут, то напиши, — Некрасов заговорщически ей подмигнул.

Он хотел прибавить ещё что-нибудь жизнеутверждающее, но тут мелодично звякнувший лифт выпустил из своих недр Верховского. Шеф безошибочно приметил в дальнем конце холла безнаказанно прохлаждающегося подчинённого и устремился наводить порядок.

— Доброго дня, — Верховский учтиво кивнул Ире и вперился пронзительным взглядом в Некрасова. — Максим, я слышал, вы кого-то интересного поймали?

— Ага, профана, — жизнерадостно отрапортовал Макс. Шеф едва заметно поморщился. — Четвёрка, а то и выше! Давайте его к себе в контроль возьмём, когда легализуется?

— Всё может быть, — туманно протянул Верховский. — Ирина, вы не возражаете, если я украду у вас собеседника? Хочу узнать подробности.

Ира буркнула, что вовсе не возражает и вообще легко найдёт себе другое занятие. Шеф, ни на миг не сомневающийся в успехе, царственно махнул рукой, приглашая Макса прогуляться до логова.

— Увидимся, — пообещал Некрасов, прежде чем строевой рысью почесать к кабинету.

Хотелось верить, что Ира улыбнулась ему вслед.

Чернов весь день молчал. То ли выволочку получил от начальства, то ли хандрил по случаю солнечной погоды. Пару раз уходил куда-то и возвращался, не говоря ни слова; хотелось верить, что на вызовы. Единственный раз он раскрыл рот, чтобы презрительно бросить «привет» сменившему его Зарецкому; едва часовая стрелка достигла двенадцати, Чернов сорвался с места и стремительным вихрем вылетел из кабинета вон.

Ярославу на эти пантомимы было глубоко плевать. Он тоже по большей части молчал, но покоя ему явно не было, словно солнцестояние действовало на него не хуже, чем на нежить. Обычно не склонный зря тратить время и силы, сегодня он то рыскал по кабинету, то заглядывал в пустующее логово, то, задумавшись, вхолостую щёлкал кнопкой на и без того горячем чайнике. Ира предпочитала к нему не лезть. Дел и без того хватает; раньше для сдачи документов в архив оставался ещё понедельник, но в понедельник ей, понятно, будет уже не до макулатуры.

— Текучка, — коротко сообщила она, положив папку с бумагами на стол изнывающему от безделья контролёру.

Тот кивнул и покорно взялся за разбор корреспонденции, но просидел так недолго. Вернулся с очередного совещания Верховский, и Ярослав, неожиданно уподобившись Чернову, вскочил с места навстречу начальнику.

— Александр Михайлович, — он нервно пожал Верховскому руку; начальник вопросительно вскинул брови. — Можем поговорить? Полчаса или где-то так.

— До вечера подождёт? — осведомился Верховский. — Часа в четыре, например?

Зарецкий задумался на миг и медленно наклонил голову.

— Да. Да, ждёт.

— Это касается дела? — начальник кивнул на аккуратно сложенные на подоконнике опечатанные папки.

— И да, и нет, — уклончиво ответил Зарецкий. Он, кажется, вновь обретал привычное самообладание.

— Неужели я услышу наконец какую-то конкретику, — Верховский ядовито усмехнулся. — Постарайся до четырёх никуда не деться.

— Как пойдёт.

Пошло беспокойно. Часовая стрелка едва успела сделать полтора оборота, а контролёр успел смотаться на два вызова и ещё три сплавить надзору. Ира намеренно оттягивала обеденный час; если пойти в столовую вовремя, велик шанс нарваться на Аньку, а разговаривать с Сафоновой она ещё не готова. В немалой степени из-за Павла Сергеевича, которому болтливая дочь всё непременно расскажет. Все эти переживания благотворно сказывались на рабочих делах; ворох неразобранного стремительно таял и вскоре вовсе иссяк. Бумажные сугробы превратились в аккуратные стопки, разложенные по отдельным коробкам. Ира предусмотрительно замотала картонных монстров скотчем, прилепила на каждого по бумажке и подписала. Больше всего набралось для общего архива, меньше всего — для особой секции. Теперь всё это надо оттащить в хранилище и сдать под запись архивариусам. Предвкушая физкультуру, Ира закатала рукава блузки и примерилась к одной из коробок.

— Подожди, — велел вынырнувший из ниоткуда Зарецкий. Ира вздрогнула; привыкнуть, что старшие офицеры то и дело пользуются магией для перемещения в пространстве, у неё так и не вышло. — Это же в подвал надо?

— Ну да.

Ира запоздало припомнила, что где-то в недрах Управы прячутся люди, специально обученные тасканию тяжестей из одного угла высотки в другой. Ярослав, однако, никуда звонить не стал; вместо этого он легко, наверняка помогая себе магией, подхватил одну из самых больших коробок. После вылазки он выглядел слегка растрёпанным; а может, это сегодняшнее беспокойное состояние так на него действовало.

— Пойдём, помогу.

— Спасибо.

Надо вернуть ему артефакт. Вряд ли они когда-нибудь увидятся после понедельника, а вещица наверняка стоит немалых денег. Ира взяла несколько пухлых папок, предназначенных для одного из секретных архивов. Вдвоём, конечно, выйдет намного быстрее. Если контролёра не дёрнут укрощать очередную выжившую из ума нечисть.

— Не передумала? — коротко спросил Зарецкий. Дверцы лифта бесшумно сошлись за его спиной.

— Нет, — Ира упрямо мотнула головой и нажала кнопку с номером минус два — самую нижнюю на панели. Сколько там на самом деле подземных ярусов, не знает, наверное, даже Верховский.

Лифт притормозил этажом ниже, впуслав в себя стайку одинаково одетых девушек. Зарецкий надолго умолк и вновь заговорил, лишь выйдя в тускло освещённый подвальный коридор.

— Это опрометчивое решение, — сообщил он, шагая вдоль глянцевого блестящих зелёных стен. Места в тесном проходе было мало, и Ира намеренно отставала на пару шагов. — В Москве беспокойно.

Ей-то что? Кому она нужна? Тем более что она уже почти не секретарша магконтроля.

— Ты про паразита?

— Не только, — Зарецкий поудобнее перехватил коробку. — Управа сейчас — самое безопасное место.

Может, отложишь увольнение на пару недель?

— Мне-то чего бояться? — напрямую спросила Ира. — Нежить скоро успокоится, от паразита никто не застрахован, а в ваши дела я не вмешиваюсь.

Прямо как кое-кто не так давно ненавязчиво намекал. Ира сунула папки под мышку и решительно потянула из-под воротника серебряную цепочку.

— Я сейчас верну...

Ярослав досадливо поморщился.

— Оставь себе.

Глазок подвешенной к потолку камеры мертвенно блеснул в свете люминесцентных ламп. Всё же на верхних этажах намного уютнее. Как бедные архивариусы тут работают? Воздух спёртый, дневной свет не проникает, тесно, неуютно...

— Бояться есть чего, — веско сказал Зарецкий, продолжая прерванный было разговор. — Хуже всего, я сам не знаю, что конкретно может случиться.

— Не надо мне секретку выбалтывать, — грубовато бросила Ира. — Я ни в какие подозрительные дела не лезу, знаешь ли.

— Если б они сами к нам не лезли...

Они свернули за очередной угол. Что тут за катакомбы! Привалился к стене унылый старый принтер, громоздятся неровными рядами перетянутые бечёвкой пыльные стопки бумаг, бестолково стоит посреди прохода чёрт знает откуда взявшаяся банкетка. Только скелетов и не хватает, ей-богу. Вместо них в узких стенных нишах — всякий хлам, который сбагрили сюда на время и забыли навсегда. Страшно подумать, что можно тут найти...

— Если так уж хочешь уволиться, — Зарецкий вздохнул, пожалуй, вполне искренне, — то хотя бы уезжай из Москвы. Желательно подальше и туда, где тебя никто не знает.

Ира поёжилась. Во что такое она вляпалась, сама того не подозревая?

— Это для всех жителей Москвы рекомендация? — осторожно спросила она. — Или мне персонально?

Ярослав не успел ответить. Где-то под потолком низко и тревожно взвыла сирена. Свет, и без того тусклый, совсем померк; в темноте вспыхнули зелёным огнём эвакуационные указатели. Далеко позади оглушительно грохнуло.

— Что это? — крикнула Ира, пытаясь перекрыть монотонный электрический вой. Пальцы сами собой до боли вцепились в папки.

— Сейчас узнаем.

Зарецкий опустил коробку на пол и ногой отпихнул к ближайшей стене. Во мраке ослепительно вспыхнул экран телефона.

— Связи нет, — констатировал Ярослав. — Вон там должен быть внутренний...

В паре десятков шагов действительно мерцал зелёным значок телефона. Зажимая уши, Ира поспешила следом за контролёром. Его спокойствие вселяло надежду, что всё обойдётся. Может, и вовсе тревога учебная, а они просто не вовремя сюда заявились... Ярро-красный светодиод висящего на стене телефона казался глазом укрытого тьмой неведомого чудовища. Зарецкий решительно выдернул из гнезда трубку и по памяти набрал короткий номер. Ира такой не знала.

— Магконтроль, офицер Зарецкий, — рявкнул Ярослав, перекрикивая вой сирены. — Что на минус втором?

Ему ответили. По каменному лицу, да ещё в неверном зелёном свете, ничего не прочесть. Всё хорошо? Всё плохо? Бежать со всех ног или забиться в угол и сидеть смиренно?

— Понял. Нет, нельзя. Нас двое, больше пока никого не видел. Да, понял...

Отрывистые фразы, выматывающая жилы сирена, неровный стук собственного сердца. Ярослав повесил трубку, характерным жестом размял пальцы. Над его ладонью вспыхнул ярко-рыжий огонёк.

— Из вивария с нижних уровней сбежала какая-то дрянь, — сообщил контролёр. — Выходы перекрыты. Будем выбираться к лестнице и ждать там.

— Из вивария... — оторопело повторила Ира. — Из вивария... Это же нежить...

— Ну да, как раз по моей части. Не отставай.

Ира послушно потрусилась за ним следом. Всё хорошо. Всё лучше, чем могло бы быть. Страшно подумать, каково бы ей пришлось, отправься она в архив в одиночестве! Ярослав опережал её на пару шагов; Ира старалась поспевать за ним, чтобы не оказаться за пределами ореола тёплого желтоватого света. Разглядывать, что там впереди, желания не было.

То ли уши привыкли, то ли вой сирены и вправду стал глуше. Ира поёжилась; до сих пор она не замечала, что в

подвале так холодно. Отходящий куда-то налево пустой коридор был залит блёклым сероватым светом. Должно быть, тут рядом что-то важное, если вместо аварийного осталось включённым обычное освещение... Ира осторожно окликнула Зарецкого.

— Смотри, здесь светло...

Ярослав обеспокоенно нахмурился.

— Держись оттуда подальше, — негромко посоветовал он. А ведь сирену почти не слышно... — Обращайся ко мне только по имени. Не отставай дальше, чем на три шага. Не верь ничему, что видишь и слышишь. Если вдруг что, зови меня, понятно?

Ещё бы не понятно. Стандартная техника безопасности в присутствии нежити.

— О-оно тут, да?

— По имени, я сказал!

— Ярослав, — покорно проговорила Ира. — Может, пойдём назад?

— Куда — назад? — контролёр мрачно усмехнулся и кивнул куда-то за спину Ире.

Она оглянулась через плечо и сдавленно ахнула. Там, где только что во тьме полыхали зелёным стрелки указателей к выходу, теперь расходились в бесконечность пустые коридоры, затопленные серой мглой. Два, четыре, восемь — словно в медленно вращающемся калейдоскопе. Сирена окончательно смолкла. На крохотный островок чёрно-рыжего сумрака стремительно напоззал фальшивый холодный свет.

— Ярослав, — прошептала Ира, отступая от границы полусвета и полутьмы, — кто там?

— Тень, — так же тихо ответил контролёр. — Подозреваю, что на руках у неё по четыре пальца.

Тень... Тень! Здесь! В центре Москвы! В Управе!

— Безопасное место... — севшим голосом проговорила Ира. — Ты говорил — безопасное место...

— Тихо, — велел Зарецкий. — Ты поняла, что делать?

Ира нервно дёрнула головой. Не время истерить. Сначала надо отсюда выбраться, а потом уже можно будет дать себе волю. Ох и выскажет она Зарецкому всё, что думает об Управе, о нежити и лично о нём самом... Хотя нет, он-то ведёт себя вполне профессионально. Никакой паники, никаких метаний — идёт размеренным шагом, крутит головой по сторонам, оценивая обстановку. Огонёк в его ладони теряется среди серого света. Против нежити нет средства лучше пламени, только поди сожги то, чего не видишь...

— Ирина-а-а...

Мама. Всхлипывает, как после серьёзного скандала, когда не удалось переупрямить оппонента и в ход идут все доступные средства. Маме нечего делать в подвалах Управы; она дома, отдыхает после смены. Ира отвернулась от белёсого зева прохода, из которого слышался слабый зов. Это ложь. Морок, иллюзия. Мама дома. С мамой всё хорошо...

— Ярослав, — тихо окликнула Ира. — Ты слышишь? Зовёт...

— Нет, — он обернулся, пристально взгляделся во мглу за её плечом. — Не слушай. Это всё уловки.

— Она там?

— По имени, — прошипел контролёр. — «Там» не существует. Везде морок.

Крупная дрожь прорвала по коже. Ноги уже порядком устали; Ира хотела было попросить Зарецкого идти помедленнее, но это значило бы дольше задержаться в кошмарном ненастоящем подвале. Пустота звала её на разные голоса — мама, папа, бабушка, даже с какого-то перепугу Славик Свириденко. Все жалобно хныкали из глубин несуществующих коридоров. Всех не могло быть в Управе. Ира то и дело порывалась заткнуть уши, но вовремя себя останавливала.

— Ирка!

Испуганный крик насквозь пронзил зыбкие отражения подвальных катакомб. Нет, это не прежнее бесплотное нытьё! Ира заглянула за угол, из-за которого слышался торопливый цокот каблуков. Так и есть — Сафонова! Встрёпанная, бледная как смерть, с картонной папкой под мышкой. А сама Ира куда дела свою ношу? Руки помнят неудобную тяжесть, но вот куда она сгинула?..

— Ирка, подожди!

Анька скидывает высоченные шпильки и со всех ног бежит к ней. В лице — ни кровинки, локоны спутались, расстёгнутый пиджачок съехал на одну сторону. Как ей, должно быть, страшно! Притормозила, недоумённо озирается; должно быть, потеряла подругу из виду в складках морока.

— Иди к нам! — крикнула ей Ира и тут же спохватилась: — Ань, мы тут, иди сюда! Слышишь?

— Слышу! — обрадованно ахнула подруга и безошибочно припустила навстречу.

Ира помахала ей рукой. Обернулась, чтобы сказать Зарецкому что-нибудь в своё оправдание, и увидела лишь выедающую глаза мглу. Сердце нехорошо ёкнуло. Спокойно... Он здесь, рядом, не мог уйти далеко. Не мог не слышать их с Анькой...

— Господи, ну я натерпелась, — с облегчением выдохнула Сафонова. От избытка чувств подруга бросилась

Ире на шею; руки у бедняжки были покрыты липким холодным потом. — Чтоб я ещё раз в этот подвал...

— Ань, тише, — попросила Ира. — И это... Зови меня по имени. Правил, что ли, не знаешь?

Сафонова будто и не услышала. Тяжело дыша, Анька всем своим весом наваливалась на подругу; Ира неосторожно отступила к стене, но наткнулась лишь на пустоту и чуть не упала.

— Ань, давай приходи в себя, — недовольно потребовала Ира. Нужно искать Зарецкого, а эта клуша тут вот-вот разрыдается! — Надо выбирать.

— Сейчас, — Сафонова истерически всхлипнула. Этого ещё не хватало! — Сейчас...

От бьющего по глазам сумрачного света раскальвалась голова. Ира сделала вялую попытку отцепить от себя подругу, но та висела клещом, а в руках совсем не осталось силы. Как же холодно в проклятых подвалах!

— Ань... Отстань, а? Мне тяжело...

— Сейчас... В себя приду...

Подруга нервно поправила упавший на глаза локон. Движение вышло плавным, словно бы смазанным. Ярko блеснули в мёртвом свете алые ногти. На холёной Анькиной ладони не хватало мизинца.

— А-аня...

Нет. Не Аня. Ну и дура же она... Кокетливый пиджачок поплыл перед глазами, сливаясь с тускнеющей мглой. Как глупо... Как глупо! Ира отчаянно рванулась из мёртвой хватки холодных пальцев, но лже-Аня лишь захихикала. Милое личико скалилось незнакомо и жутко.

— Ну что же ты? Не рада мне? — с фальшивой болью в голосе спросила тень, кривя в ухмылке яркие губы.

Ира прикрыла глаза, чтобы её не видеть. Цепкий холод сковал ноги и руки, не давая пошевелиться. Сухие губы слушались неохотно; ещё хуже подчинялся голос. Вместо слов сперва получился лишь надсадный хрип.

— Яр... Ярослав... — с трудом выдавила она. Во весь голос или чуть громче шёпота — чёрт его знает.

Когтистые пальцы тут же вцепились ей в горло. Всё, больше попыток не будет. Если только Зарецкий вовремя хватился непутёвой спутницы... Если сумеет её тут найти... Если сочтёт нужным...

Ослепительный свет вспыхнул совсем рядом, смывая душный морок. Стерильно-серые коридоры стремительно таяли; видны стали настоящие крашенные зелёным стены, аварийные огни, сваленный кучами хлам. Оглушительная тишина сменилась монотонным голосом автоинформатора, призывающего сохранять спокойствие и двигаться к эвакуационным выходам. Тень рассерженно зашипела, но хватку не ослабила.

— Ты не посмеешь! — взвизгнула она Анькиным голосом, щурясь куда-то Ире за плечо. — Она заговорила! Я в своём праве!

— Точно, в своём, — спокойно отозвался Зарецкий. — Продашь мне его?

Ира попробовала оглянуться, но и голову повернуть не сумела. Холод держал крепко. Тень плотоядно облизнула пухлые губы.

— А что у тебя есть? — нагло спросила она. — Что есть, что бы стоило её жизни?

— Нежизнь, — просто ответил Ярослав. — Твоя. Ты отпускаешь её — я отпускаю тебя. Идёт?

Тень мелко захихикала, словно бумагой зашелестела.

— Мало, — заявила нежить. — За неё — мало.

— Твои условия?

Ледяные пальцы прошлись вдоль Ириной щеки. Не отпустит. Пока тень держится за Иру, она в безопасности. Но и убить теперь не убьёт — потому что саму её тут же поджарят... Золотистый, почти дневной свет скользит вдоль стен, отблескивает в глазках камер, безжалостно изгоняет из подвала последний сумрак. Нежити он не нравится, но и только...

— Две, — тень растянула губы в пакостной усмешке. — Две нежизни за её жизнь. Так будет честно. Ты не тронешь меня и ещё одного. Следующего, кто попросит. Тогда отпущу.

— Договорились.

Это глупость. Это всё какая-то катастрофическая, невозможная глупость. Тень одной рукой крепко ухватила Иру за шею, не позволяя вырваться, другой вцепилась Ярославу в запястье. От бледно-золотого призрачного пламени, реющего над правой его ладонью, тварь старалась держаться подальше. Что же он медлит? Почему не сожжёт наглуую нежить? Огонь хотя бы прогонит этот могильный холод. Лучше сгореть вместе с тенью, чем насмерть замёрзнуть в её объятиях...

— Клянусь, — негромко и серьёзно проговорил Зарецкий, — в обмен на её жизнь пощадить две нежизни. Твою и следующего неживого, который об этом попросит. Довольно тебе?

— Довольно, — медово пропел Анькин голос. — Довольно! Забирай, волхв, и береги хорошенько... Дорого платишь, да получишь немного...

Ледяная хватка ослабла. То, что притворялось Анькой, обратилось в зыбкое тёмное марево и растворилось в полных сумрака коридорах. Спустя миг померк свет; это показалось бы смертью, если бы не равнодушные аварийные огни, тянущиеся бесконечной вереницей из ниоткуда в никуда.

— Потерпи чуть-чуть, — тихо попросил Зарецкий.

Живительное тепло коснулось лба, затем шеи — там, где хваталась нежить. Ярослав говорил в прошлый раз, что паразит с тенью похожи. И правда, и нет. Тень хуже, намного хуже... Пол, кажется, стал ближе, хотя Ира не помнила, как опускалась на холодные белые плиты. Лицо у Зарецкого непроницаемое; не понять, плохо всё или есть надежда.

— Лучше будет, — тёплые пальцы касаются висков, запястий, снова лба, снова лихорадочно бьющейся под кожей сонной артерии, — не распространяться о том, что тут случилось.

Конечно. Иначе выговоры, разбирательства, объяснительные... Зачем устраивать служебные неприятности человеку, который спас ей жизнь, едва не профуканную по чистой глупости? Зарецкий бледен; это видно даже в тусклом зелёном свете. Движения становятся нервными, словно он боится не успеть. Лоб, виски, шея, запястья, опять шея, опять виски... Это не похоже на медицинскую магию, но холод уходит, а с ним и сковавшее мышцы напряжение. Вот удаётся моргнуть, вот послушно сжимается ладонь...

— Что же тебе так везёт-то, а?

Самой бы знать! Что с ней не так? Почему всей окрестной нечисти надо до неё добраться?.. Затхлый подвальный воздух кажется свежим дуновением. Хочется увидеть солнечный свет, просто чтобы вновь поверить, что он существует.

— Почему... — с усилием выговаривают всё ещё непослушные губы — и умолкают. Слишком много вопросов, и никак не понять, какой — главный.

— Тише. Потом поговорим.

Вспыхнули вполсилы люминесцентные лампы. Прокатилось по коридору эхо топота множества ног. Ярослав выругался сквозь зубы, но не двинулся с места.

— Здесь ничего!

— Двое — в архивы, двое — к снабженцам, остальные со мной!

— Что тут за хрень?..

— Правила соблюдайте, олухи!

Мешанина мужских голосов то дальше, то ближе. Камера равнодушно пялится из-под потолка; что она успела увидеть? Тяжёлые ботинки грохочут по кафелю, вот уже совсем рядом...

— Кратов, надзор! Назовитесь!

Ярослав неохотно поднялся на ноги. Он не рад видеть коллег, это точно... Потому что упустил тень? Даже не упустил — отпустил...

— Зарецкий, контроль. Где вас носило?

Ира упёрлась в пол дрожащей рукой. Стена за спиной успела чуть нагреться теплом её тела, но всё равно кажется, будто возвращается мертвенный холод. От мерцающего света ломит виски. Что ж, если зажмуриться, станет немного легче...

— Зарецкий, у вас тут жертвы?

— Нет. И не трудитесь, нежить уже не здесь.

— Откуда вы знаете?

— Видал.

В душном воздухе повисло нехорошее молчание. Зачем он так? Мог бы и соврать...

— Объяснитесь!

— Как только, так сразу, — от привычных насмешливых ноток в его голосе почему-то становится спокойнее. — Девушке нужно в больницу, срочно.

— Паша, займись. А вы, пожалуйста, проследуйте с нами...

Нет, не надо! Пусть лучше сами уходят на все четыре стороны. Зарецкому, по крайней мере, можно верить... Кто-то, пытаясь, подхватывает Иру на руки. Её никто не спрашивал. Её никогда в жизни никто не спрашивал...

Лязгнули двери лифта. Подвал оказался позади; обитавший там холод остался с Ирой. Теперь, наверное, навсегда.

XXXVIII. Стечение обстоятельств

В нос ударила едкая нашатырная вонь. Ира недовольно заморгала, вжимаясь затылком в подушку. Хмурое лицо, наполовину скрытое медицинской маской, закрывало собой весь остальной мир.

— Зрачки расширены, — констатировал медик. — На свет реагируют. Девушка, вы меня слышите, понимаете?

Ну ещё бы. Ира не без труда изобразила кивок. Кто-то — всё тот же настырный медик — бесцеремонно вытащил из-под тёплого одеяла её руку; пальцы в липковатой резиновой перчатке крепко сжали запястье.

— Так... Общая слабость ещё подержится, но опасности для жизни нет, — обрадовал приглушённый маской голос. — Света, принеси номер пятнадцатый. К вечеру бегать будете, — заявил медик, прежде чем оставить Ирину руку в покое.

— Не буду, — проворчала Ира в ответ. Вышло хрипло, как в тяжёлую простуду.

— Дело ваше. Гостей принять как, в настроении?

Гостей? Ох, чёрт, ну кто же додумался сообщить маме? Будет очередной скандал, а она так устала... Впрочем, если отказаться, станет только хуже.

— Давайте, — вздохнула Ира, кое-как приподнимаясь на локтях.

— Тихо-тихо, — медик суетливо подsunул подушку ей под спину. — Пока укрепляющее не выпьете, не активничайте особо. Рекомендую поесть, если сумеете.

Ира украдкой потёрла друг о друга мёрзнувшие ладони. Она крепко задолжала Зарецкому, как минимум — благодарность. Лучше бы вместо свидания с мамой поговорить с ним. Контролёр знает что-то важное, что-то, что невеста почему затрагивает никому не нужную слабосильную ведьму... Только ему теперь крепко достанется за выпущенную на волю нежить. Ира досадливо закусила губу. Всё кувырком.

— Если устанете, не стесняйтесь, говорите, — врач взял у санитаря планшет с записями, пробежал глазами и удовлетворённо кивнул. — Укрепляющее сейчас принесут, ужин — через полчаса. Поправляйтесь.

— Спасибо, — сказала Ира в обтянутую белым халатом спину.

Медик с помощником вышли, а вместо них в палату, чеканно цокая каблуками, решительно ворвалась Оксана. Следом влетел Макс; последним, беспокойно ероша на ходу и без того взлохмаченные волосы, появился Старов. Ира подтянула одеяло выше к подбородку. К тому, что к ней зайвится добрая половина магконтроля, она не была готова.

— Ну, живая? — строго осведомилась Тимофеева. Она уселась на единственный складной стул для посетителей и закинула ногу на ногу. Парни остались стоять.

— Вроде да, — осторожно ответила Ира. — Врач говорит, буду жить.

— Что у вас там случилось-то? — понуро спросил Макс. Он почему-то выглядел виноватым.

«Лучше не распространяться». Ребята, конечно, свои, но мало ли что...

— Я... я не буду, наверное, рассказывать, — вздохнула Ира. — Не хочу... ну... навредить.

— Было сообщение, что из вивария кто-то сбежал, — подал голос Старов.

— Так и есть.

Контролёры переглянулись. В повисшей неуютной тишине тихонько скрипнула дверь — медсестра принесла укрепляющий настой и графин с водой. Ира покорно выпила разбавленное снадобье; от стакана терпко пахло солодкой и шиповником. Этот рецепт она и сама прекрасно знала, но при главной московской магической больнице ведьмы работали куда как более умелые. Настойка мигом пробудила мощную волну тепла, прокатившуюся по всему телу.

— До меня тут слух дошёл, — Ксюша поймала прядку каштановых волос и изящным движением накрутила на палец, — что ты увольняться собралась. Это правда?

Ира, подумав, кивнула. Затея уже не казалась такой удачной. В конце концов, Управа — а вернее, магконтроль — и впрямь самое безопасное место, учитывая, что московская нечисть всерьёз открыла на неё охоту... Это если в подвалы не ходить, конечно.

— И, насколько мне известно, — Оксана нехорошо сощурилась, — руку тут приложил наш Константин. Верно?

Кивать не хотелось, да и не нужно было. Тимофеева и так всё прекрасно знала. Красавица грациозно поднялась на ноги, продефилировала к двери, распахнула её и, повысив голос, велела куда-то в коридор:

— Костик! Хватит делать вид, что страшно занят, иди сюда!

Вот уж кому Ира была рада меньше всего, так это Чернову. Контролёр вошёл нехотя, на ходу пряча в карман телефон. Вид у него был страшно недовольный, но при этом какой-то пришибленный. Очутившись в палате, Чернов остановился в паре шагов от изножья Ириной кровати и нервно поправил очки.

— Ну, давай, как репетировали, — насмешливо хмыкнула Оксана и вновь уселась на стул. Как режиссёр перед

не слишком талантливый актёром.

Чернов испепелил её взглядом. Кто устроил ему нахлобучку — коллеги или начальник? Верховскому вроде и незачем, но кто, кроме него, может заставить нравного контролёра сделать что-то против воли?

— Я повёл себя недопустимо, — через силу выдавил Чернов, сердито дёргая воротник рубашки. Зрелище выходило жалкое. — Приношу свои извинения. Больше это не повторится.

— Перед Анохиной ты выступал убедительнее, — заметила Ксюша. — По-моему, тебе не хватает экспрессии.

— Всё в порядке, — быстро сказала Ира. Продолжать мучить себя и Чернова совсем не хотелось. — Спасибо, ребята.

Да уж, спасибо так спасибо. Что он наговорил Наталье Петровне? Не потащат ли теперь прямиком с больничной койки на ковёр к начальнице?

— Костя хотел ещё сказать, — прокурорским тоном продолжила Оксана, — что не желает оставить отдел без секретаря, безумно огорчён твоим решением и от лица всего магконтроля нижайше просит забрать заявление. Правда, Костик?

Чернов пасмурно на неё зыркнул и кивнул. А ведь он в самом деле чувствует себя виноватым! Даром что сидел всё утро, как на иголках. Что ж ему такого сказали?

— А если он вдруг забудет о своём обещании не вести себя как задница, — Оксана чуть повысила голос, — ты обязательно нам скажешь, и мы примем все необходимые меры. Согласна?

— Ну...

Иру в самую последнюю очередь волновал Чернов с его неуклюжим раскаянием. Оксана сидела, очевидно гордая собой, Макс смущённо прятал взгляд, Миша ободряюще улыбался. Ещё неделю тому назад Ира бы радовалась, что отношения с коллегами перестали запутываться в безнадёжный гордиев узел. Сейчас не выходило, будто тень вместе с жизненной силой выпила из неё все чувства. Память о сковывающем тело могильном холоде заставила зябко поёжиться.

— А... а где Ярослав? — невпопад спросила Ира. Хоть бы всё обошлось, и Зарецкий просто остался на дежурстве! Он ведь обещал поговорить...

Оксана сумрачно переглянулась со Старовым.

— Что, Ярик тебя тоже чем-то обидел?

— Нет, — Ира мотнула головой и тут же об этом пожалела: выкрашенные в бежевый стены палаты опасно покачнулись, вызывая тошноту. Вообще говоря, обидел, но это было давно... В прошлой жизни. — Просто... беспокоюсь.

На несколько мгновений повисло недоброе молчание. Они могли уже и не отвечать; и без того понятно, что всё не так радужно, как хотелось бы.

— Мы не особо в курсе, — осторожно сказал Миша. — Там шеф разбирается. Я так думаю, пару бумажек напишут и всё успокоится.

В этом есть смысл. Когда за дело берётся Верховский, в хорошем исходе сомневаться не приходится. Но сам факт, что Верховскому пришлось вмешаться...

— Так что в итоге? — громче, чем требовалось, спросила Ксюша. — Останешься с нами?

Чернов сдёрнул с носа очки и принялся яростно протирать их полой рубашки. И вот этот вот тип ещё с утра был самой большой Ириной проблемой? Смешно...

— Оставайся, Ирин, — просто попросил Старов. — Ты хорошо справляешься.

— Ну, я говорил уже: выбирай, как тебе лучше, — сказал Макс под строгим Оксаниным взглядом. — Но я буду очень рад, если ты останешься.

Они это всё искренне или просто боятся скандала? Или... или они все знают что-то страшное, из-за чего её любой ценой нужно не отпустить из магконтроля? Нет, вряд ли. Тимофеева ещё могла разыграть всё это представление, но никак не Старов и тем более Чернов. Значит, скорее всего, указания начальства. А Верховский? Он знает?.. К горлу вновь подступила дурнота. Медик просил не активничать; видимо, попытки думать под это определение тоже подходили.

— Хорошо, — Ира вздохнула и прикрыла на миг уставшие глаза. Хотелось отдохнуть. Да, именно что отдохнуть от треволнений последних дней, где-нибудь подальше от всей этой неразберихи. Ярослав советовал уехать из Москвы; почему бы, собственно, и нет? — Только я всё равно возьму пару недель. За свой счёт. Прийти в себя.

— Супер! — Макс просиял и тут же озадаченно поскрёб в затылке. — То есть супер, что ты остаёшься. Ксюш, а Анохина согласится?..

— Куда денется? — фыркнула Тимофеева. Она уже выудила из кармана телефон и принялась набирать номер. — Будет упрячиться — шефа напряжём... Алло, Наталья Петровна? Это Оксана, контроль. По поводу нашего с вами разговора...

Получив трубку в своё распоряжение, Ира заверила начальницу, что чувствует себя приемлемо, претензий к коллегам не имеет и увольняться передумала. Просьба об отпуске Анохину не слишком обрадовала, но, судя по тону, глава канцелярии осталась довольна, что легко отделалась. Что за дела! Большие управские начальники хлопчут за одну несчастную секретаршу... И контролёры, кажется, уходили умиротворёнными, словно она им оказала невесть какую услугу. Нет, мысль взять передышку определённо неплоха. Если не удастся разобраться в происходящем, то можно хотя бы отсидеться в стороне от всяких кошмаров, неведомых или хорошо знакомых...

— Ну-с, — завершив осмотр, врач удовлетворённо кивнул. Ира мельком глянула на часы: короткая стрелка вплотную подбиралась к восьмёрке. — Показатели все в норме. Возможны приступы слабости и головокружение, физические нагрузки не рекомендую. Укрепляющее попейте пару недель, по самочувствию. Вам вызвать такси?

— Нет, — Ира осторожно попробовала подняться на ноги. Не упала, чему очень обрадовалась. — Мне надо в офис зайти.

А ещё такси — это дорого, особенно когда состояние вполне позволяет прокатиться на метро. Разминая мышцы, Ира прогулялась взад-вперёд по палате. Телефон вместе с остальными её вещами остался в кабинете, так что последние пару часов, после ухода коллег, она отчаянно скучала. Медсестра помогла ей одеться — хотя на самом деле больше мешала — и вручила закупоренный пузырёк укрепляющего номер пятнадцать, снабдив заодно и инструкцией по применению. Ира покорно взяла. Надо будет как-то объяснить маме, зачем она пьёт лечебные настойки.

Документы ждали её в пустой приёмной, на столе у Волковой. Заявление на увольнение, которое Ира, подумав, порвала и выбросила, и оформленный с понедельника отпуск за свой счёт. Стянув у замначальницы ручку, Ира подписала бумаги и оставила их на клавиатуре дремлющего компьютера. Подумать страшно, что бы ей сказали, вздумай она выкинуть подобный номер парой дней раньше. Сомнительное, конечно, благо... Лучше бы всё было по-прежнему.

Коридоры двенадцатого этажа тоже пустовали. Хорошо, что во всём творившемся кошмаре не потерялась карточка-пропуск, иначе бы не пробраться ей в кабинет. Дверь бесшумно открылась; внутри всё осталось ровно так, как было днём — разве что не хватало одной из коробок. Бумаги в архив так и не сданы... От одной лишь мысли о том, чтобы снова плутать в подвалах в поисках брошенной ноши, стало худо.

— И что ты теперь намереваешься делать?

Ира застыла соляным столбом. Негромкий голос Верховского слышался из-за не до конца прикрытой двери логова. Что начальник тут забыл в такое время? Специально её дожидался, что ли? Ира не без труда сложила в уме более-менее внятное разъяснение своих планов, но озвучить не успела. Вместо неё Верховскому ответил другой голос.

— Что и хотел. Поеду в командировку.

Тугой узел в груди чуть-чуть ослаб. Если Зарецкий здесь и спокойно беседует с начальником, значит, всё не так плохо. Пойти туда к ним? Ну нет, это слишком нагло. Лучше всего забрать сумку и подождать в коридоре.

— К разлому? Умно.

— Я бы сказал, единственно возможно.

— Ты ведь понимаешь, что в аэропорты и на вокзалы тебе нельзя? Если хоть где-то засветится твой паспорт...

— Я в курсе, Александр Михайлович. На машине поеду.

— На машине, — презрительно повторил Верховский. — Я буду крайне удивлён, если она вся не обвешана передатчиками. Тебе и за кольцевую выехать не дадут.

Ира замерла с сумкой в руках. Что-то всё-таки случилось! Из-за выпущенной на свободу тени? Из-за самой Иры?

— Значит, придумаю способ. Вы найдёте применение вот этому?

— Найду. Если меня самого по третьей не закроют. Впечатляет, конечно, масштаб вопроса...

— Здесь всё равно слишком мало. Передайте дело Мише, он справится.

— Разберусь, спасибо, — проворчал Верховский и тут же вздохнул. — Я одного понять не могу. Почему ты молчал до сих пор?

— Я хотел рассказать, — в голосе Ярослава послышалась обречённость. — Сегодня. Понял, что иначе дальше никак.

— Ты тут шесть лет работаешь, на минутку. Что, думал, я тебя безопасникам сдам?

Зарецкий промолчал. Ира осторожно опустилась на краешек кресла: виски снова немилосердно ломило. А всего пару минут назад она чувствовала себя вполне бодро...

— Я помню, чей ты племянник, — веско произнёс Верховский.

— Лучше забудьте. Александр Михайлович, что с девочкой?

— С Ириной? Ребята к ней ходили. Говорят, ожила и неплохо себя чувствует. Уже, наверное, на пути домой.

— Ей нужна защита.

— Это связано с?..

— Да. Я не знаю, чего они хотят и что успели понять, но всё это может вылиться в большие неприятности.

— В чём соль?

— В случайном стечении обстоятельств. Александр Михайлович, я окажу вам дурную услугу, если всё расскажу.

— Может, скажешь хотя бы ей самой?

— Тогда она окажется беззащитной уже перед законом. Нет, пусть всё остаётся как есть. Просто... помогите ей. Убедите уехать, наложите следящие...

— Понял тебя. Что будет в моих силах — сделаю.

По логову прокатились тяжёлые размеренные шаги. Начальник, похоже, расхаживал по кабинету; сквозь узкую щель между дверью и стеной Ира на миг увидела его спину. Что было бы, если бы Верховскому вздумалось выйти прямо сейчас?

— Вот, возьми, — что-то глухо стукнуло по деревянной поверхности стола. — Страховка открытая. Выгадаем так немного времени.

— Вы думаете, на вашей жучков нету?

— Есть, конечно. Но если в глушь на выходные поеду я, подозрений это вызовет несколько меньше. А потом, скажем, я оставлю семью на отдыхе и отдам машину супруге, чтобы не связывать её общественным транспортом... Да, сойдёт за легенду.

— Сколько у меня времени?

— Пару недель сиди тихо. Пока выбьют у айтишников записи с камер, пока состряпают бумаги... Судя по тому, что не сработали никакие твои клятвы, по букве закона придраться не к чему, буду отталкиваться от этого, — Верховский замолк на пару мгновений, снова прошёлся по логову. — Кстати говоря, а почему? Присяга ведь должна была выстрелить?

— Нет. Присяга начинается с обозначения рода способностей.

— Хитро. Боюсь только, безопасность сочтёт, что нарушен сам дух клятвы.

— Пусть думает, что хочет. Клятва — условное самопроклятие, а не статья обвинения.

— Статью дорогие коллеги пришьют за милую душу, — Верховский сердито хмыкнул. — Вот что. Возьми-ка с собой... например, Некрасова. Без младшего офицера я как-нибудь обойдусь недельку-другую, а тебе в случае чего пригодится свидетель. Да и ему будет полезно, хотя бы в образовательных целях...

— Спасибо.

— Не за что. Будем считать, что я отдаю старые долги. Действуй, и постарайся не делать глупостей.

— Я этим лет двадцать занят.

Ира вздрогнула, словно очнувшись. Пора выметаться, давно пора... Не дожидаясь, пока кому-нибудь взбредёт в голову выглянуть из логова, она тихо, как только могла, пробралась к двери и выскользнула в коридор. В гигантские окна лифтового холла било клонящееся к горизонту летнее солнце. Ира прижалась лбом к тёплому стеклу. В тишине пустых коридоров учащённый стук собственного сердца казался ей громовыми раскатами. Не хочется даже знать, от чего собрался её защищать Верховский. Уехать... Уехать — отличная мысль, просто прекрасная; начальнику магконтроля не придётся тратить силы на уговоры. Единственного человека, сколько-нибудь понимающего, что здесь творится, не будет в Москве, а значит, и Ире тут делать нечего. Ягодное — достаточно глубокая глушь, а бабушка знает очень много... Может, она догадается, что тут к чему, или хотя бы успокоит непутёвую внучку?

Позади зашуршало; Ира испуганно обернулась, но это всего лишь домовая волок куда-то ведро и швабру. Заходящее солнце высунулось между далёких высоток, пытливо заглянуло в лицо. Далеко внизу из-под пыльных древесных крон выполз глянцевито-чёрный автомобиль, блеснул в закатных лучах полированными боками и, набирая скорость, устремился в сторону проспекта. Вместе с ним растворилась в лабиринтах затихающего города надежда на то, что всё как-нибудь обойдётся.

Стараясь не сбиться на бег, Ира пересекла пустой холл и с силой вдавила в панель осветившуюся алым кнопку. Светлые стены стремительно тонули в подступающем сумраке. На ночной поезд духу не хватит; значит, первый же утренний, а дальше, помнится, электричка, автобус и полчаса пешком от утонувшей в придорожной зелени старенькой остановки... Обнадёживающе далеко от Москвы, от Управы с её подвалами и от страшных тайн.

Стеклянные входные двери тихо закрылись за спиной. Лившийся из вестибюля приглушённый свет иссякал сразу за последней ступенью; дальше царил густеющий вечерний полумрак. Ира переложила телефон из сумки в карман и, стараясь не отпускать страх на волю, зашагала к метро.

XXXIX. Навстречу неведомому

— Подъём, — безапелляционно потребовали над ухом.

Макс сердито уткнулся носом в подушку и, кажется, послал возмутителя спокойствия куда подальше. А может, это ему приснилось, потому что эффекта не возымело ровном счётом никакого. Макса бесцеремонно встряхнули за плечо.

— Подъём, сказал! Времени в обрез.

— Иди в задницу, — отчётливо произнёс Некрасов и, прихватив подушку, перебрался поглубже в поролоновые объятия дивана. — У меня смены кончились.

— Тебе шеф не звонил, что ли?

Услышав волшебное слово, Макс мигом стряхнул утренние грёзы и потянулся за телефоном. Три пропущенных от Верховского и пространное сообщение от него же, причём в зашифрованном чате! Ох, пресвятые шишиги, вот достанется-то в понедельник...

— Что-то сдохло? — понуро поинтересовался Макс, пытаясь вчитаться в текст. Часы в углу экрана показывали несусветную рань.

— Нет, но может, — Зарецкий уселся на ближайший стул, на спинке которого громоздилась внушительная куча нестиранного барахла. — За пятнадцать минут соберёшься?

— Куда?

— Навстречу неведомому.

Сонный разум, кое-как разогнав чудовищ, выцепил из послания Верховского несколько важных слов. Макс рассеянно поскрёб лоб над проколотой бровью; шеф определённо затеял что-то интересное, если вздумал среди ночи сдёрнуть с места Ярика, а заодно и некрасовскую скромную персону.

— Тут сказано подчиняться твоим указаниям, — зевнул Макс, вылезая из-под одеяла. — Так что не смею больше саботирова-а-ать...

— Тринадцать минут, — равнодушно напомнил Зарецкий.

— А потом я остаюсь тут?

— А потом ты едешь как есть.

Угроза вышла весомой. Ворча по инерции, Макс дополз до ванной, наскоро ополоснулся и пригладил торчащие в беспорядке волосы. Сумка собралась как-то сама собой: достаточно было выгрести из шкафа всё постиранное и относительно не мятое. Проследив, как Макс застёгивает последнюю молнию, Ярик удовлетворённо кивнул и молча направился к выходу.

— А завтрак? — уныло спросил Макс, не особо надеясь, что ответ его обрадует.

— По дороге. Если повезёт.

— Ты злодей, — простонал Некрасов, щёлкая рычажками переключателей на щитке. Обесточенная квартира сразу приобрела заброшенный вид. — И шеф злодей. Вы сговорились мне жизнь испортить.

Зарецкий выразительно хмыкнул. Под ноги с воем метнулся поджарый соседский кот, то ли загулявший, то ли по рассеянности забытый хозяевами на лестничной клетке. Макс шикнул на него и загремел связкой ключей. Зверюга была чёрная как смоль, без единой светлой шерстинки, и зеленоглазая, как болотная нежить.

— Крепись, дружище, я тоже голодный, — сказал коту Некрасов. — Мы с тобой обязательно переживём это утро.

Зверь коротко мяукнул и куда-то убрался. Макс пожал плечами, отгоняя нехорошие мысли. Кот и кот, деловито... Каждый день тут ошивается, и ничего.

На улице уже рассвело, но в одной футболке было ещё прохладно. Некрасов зябко поёжился и огляделся в поисках синей «тойоты», однако Ярик решительно зашагал к гигантскому полированному сараю на колёсах. Тоже подозрительно знакомому.

— Это чего, шефа, что ли? — озадаченно спросил Макс, забрасывая сумку в голодную пасть багажника.

— Ага.

— А с твоей что?

— По техническим причинам остаётся тут, — Зарецкий забрался на водительское сидение и включил ближний свет. — Шевелись, время дорого.

— Да кого там доедают-то? — проворчал Некрасов, взясь с ремнём. А шеф ценит комфорт: кожаная обивка, россыпь электроники, по салону гулять можно. Это сколько же лет копить на такую?

Ярик высад проигнорировал. Проложенный бортовым компьютером маршрут вёл в какую-то случайную точку на Горьковском шоссе. Чего, спрашивается, выпендриваться, если всё равно рано или поздно они куда-нибудь приедут? Некрасов в очередной раз широко зевнул. Кресло вполне удобное, может, удастся немножко доспать по

дороге...

— Сколько ехать? — поинтересовался он, тоскливо оглядывая проплывающий мимо знакомый двор.

— Часа три-четыре.

Макс нагло потянул влево карту на навигаторе, прикидывая, куда за такое время можно добраться по Горьковскому. Ярик сердито на него рявкнул и вернул картинку на место. На пальце у Зарецкого красовался грубоватой работы золотой перстень с квадратным чёрным камнем. Известное, однако, колечко! Макс подозрительно покосился на коллегу.

— С удачей заигрываем?

— Точно. Чтобы без пробок из Москвы выскочить.

— А серьёзно?

— А я серьёзно.

Ой, подумаешь, какие мы скрытные... Повозившись с малопонятными рычагами, Макс нашёл наконец нужный и до упора откинул кресло назад. Ехать чёрт-те куда, чёрт-те зачем — так уж с комфортом. Слабенькое, конечно, утешение. Все планы на выходные — коту под хвост. Звонить теперь инструктору, отменять уроки вождения... И перед Ирой извиняться, что встретиться не выйдет. Хотя она после всех приключений будет, небось, отлёживаться дома весь выторгованный у Анохиной отпуск. И правильно: после близкого знакомства с нежитью самое лучшее, что можно придумать — это покой и отдых. Макс потянулся было за телефоном, но передумал. Время только-только подбирается к шести утра; нормальные люди спят ещё, а не летят на всех парах на выезд из Москвы. Если дачников не считать, конечно.

Некрасов клевал носом до самой кольцевой, а потом, оценив неторопливо расплзающуюся по карте красноту, с чистой совестью провалился в сон. Пару раз его будило то резкое движение, то пролетающая мимо машина с мигалкой; потом цивилизация закончилась, дорогу обступили лысоватые сосняки, и дремать уже ничто не мешало. Макс добросовестно продрых до тех пор, пока шефский внедорожник не перестал фырчать двигателем, оставив Некрасова в неуютной тишине.

— Конечная? — спросил Макс, оценивая открывающийся из окон вид.

Перед лобовым стеклом высился безыскусный шиферный забор, начинавшийся из ниоткуда и уходивший в никуда. В правое окно виднелась крошечная привокзальная площадь, живо напомнившая Максиму о временах, когда до Москвы он добирался электричками, иногда удирая по таким вот полустаночкам от грозных железнодорожных контролёров. Кто, интересно, додумался именовать одним и тем же словом танковых тётушек с кассовыми терминалами наперевес и сотрудников одного из элитных подразделений Управы?

— Промежуточная, — Зарецкий отстегнул ремень и потянулся в кресле. Устал, поди. Время — десятый час; это же с ума сойти столько за рулём сидеть... — У тебя есть шанс позавтракать.

— Ура, — без особого энтузиазма буркнул Макс, шаря по карманам в поисках сигарет. — Я на вокзалах чебуреки не ем.

— А тебе никто и не предлагает. Мы вон туда.

Некрасов покосился в указанном направлении. Через улицу от них пестрел незнакомыми вывесками не то карликовый торговый центр, не то павильон-переросток. Судя по тому, что некоторые из редких прохожих нет-нет да соблазнялись зайти внутрь, в здании что-то даже функционировало.

— А что там?

— Судя по всему, продуктовый, кое-какие промтовары и забегаловка, — сообщил Ярик, сверившись с телефоном. Аппарат у него, кажется, новый; на прежнем, пострадавшем в пору зимних дежурств, через весь экран тянулась ветвистая трещина. — Хочешь — скажи, чего тебе купить, и сиди тут.

— Не-а, я желаю осмотр достопримечательностей, — Макс первым вылез из машины и властью потянулся, разминая затёкшие мышцы. — Где мы хоть?

— Тебе интернет отключили или что? — сварливо поинтересовался Зарецкий, тоже выбираясь на свежий воздух. Машина угрожающе щёлкнула дверными замками.

Макс послушно полез в телефон, но никакой значимой информации оттуда не почерпнул. Полустанок звался в честь какого-то там километра чёрт знает в какую сторону, чёрт знает от какой отправной точки. Имя прилипшего к нему не то городка, не то посёлка ничего Максиму не говорило. В глобальном смысле они очутились где-то во Владимирской области, в локальном — в тесном продуктовом магазинчике с выдавшими виды прилавками и скучающей над лотком с булочками продавщицей. Некрасов по привычке располагающе улыбнулся; дама не оценила и угрожающе подвинулась поближе к допотопному кассовому аппарату. Предоставив Зарецкому распоряжаться закупками, Макс отошёл к дальней витрине.

— На шоколадки не засматривайся, — насмешливо хмыкнул Ярик.

— А тут больше не на что смотреть, — заявил в ответ Макс и тут же прикусил язык: продавщице замечание явно не понравилось. — Где, говоришь, забегаловка?

— Через одну дверь, — Зарецкий, подумав, протянул ему ключи от машины. — Иди, не жди меня.

На гордое звание кафешки заведеньице не тянуло. Так, местный фастфуд, не слишком далеко ушедший от вокзальных чебурек. Придирчиво приняв запах несвежего фритюрного масла, Макс выбрал пару безопасных на вид слоек и затребовал стакан кофе. Сидячих мест здесь не предусмотрели — только круглые столики на высоких ногах, так что завтракать Некрасов пошёл в машину.

У полустанка набирала ход электричка. Немногочисленные сошедшие пассажиры, гружёные кто сумками, кто рассадой, деловито расползались по площадке: к теснящимся вдоль платформы ларькам, к приземистому зданию станции, к автобусной остановке. На последней уже назревал скандал: две агрессивные дамы дачного вида что-то не поделили и теперь оглашали округу неблагозвучными криками. Молоденькая девушка, занятая изучением расписания, пугливо оглянулась на спорщиц и отодвинулась от них подальше. Макс несколько раз моргнул, размышляя, стоит ли начинать подозревать у себя галлюцинации. По всему выходило, что нет: у столба с обшарпанным информационным щитом, задрав голову и щуря глаза против утреннего солнца, стояла Ира. Некрасов хлебнул паршивенького кофе и направился разбираться.

— Какие люди, и без охраны! — воскликнул он, на всякий случай улыбаясь от уха до уха. — Привет, Ириш!

Она испуганно обернулась, словно вместо Макса ожидала увидеть, как минимум, оголодавшего упыря. Некрасов остановился в паре шагов, давая как следует себя рассмотреть. Вряд ли для Иры встреча вышла менее неожиданной.

— А... Макс... Ты что тут делаешь? — недоумённо спросила девушка, оглядывая его помятую рубашку и завёрнутые в пакетик слойки.

— Могу вернуть вопрос, — ухмыльнулся Макс. Не говорить же, что он сам не особо в курсе, что забыл в дешней глубинке! — Тебе вообще-то полагается отдыхать и радоваться жизни.

— Я и еду отдыхать, — Ира неуверенно улыбнулась и продемонстрировала небольшую туго набитую сумку. — К бабушке. Она тут живёт недалеко... Не очень далеко.

— О как, — Макс озадаченно вскинул брови. — А мы по служебным надобностям.

— Понятно.

И всё, никакого любопытства. Привыкла уже ко всеобщей привычке всё засекретить для пущей важности. Вот бы ещё сам Макс что-нибудь знал!

— Автобус ждёшь? — просто так, чтобы что-нибудь спросить, поинтересовался Некрасов. Что ещё, чёрт возьми, можно делать на автобусной остановке?

— Да, — Ира кивнула на щит с расписанием. — Ещё долго, похоже, ждать. Следующий в четыре.

— Ужас какой, — искренне возмутился Макс. Шесть часов торчать тут на жаре! — Слушай, это не дело. Подержи кофе, пожалуйста... Пить не советую, гадость редкостная.

Освободившейся рукой Некрасов вытащил из кармана телефон и проворно пролистал список контактов. Аппарат крепко задумался, посылая сигналы во вселенную, а потом сообщил, что абонент временно недоступен.

— А, ладно, сам сейчас вылезет, — решил Макс, прослушав ещё разок механический голос информатора. — Пошли к машине. Ярик, конечно, злодей, но даму в беде не бросит.

— В смысле?..

— В смысле, подвезём, куда надо. Всё лучше, чем тут на солнышке поджариваться.

Сказал — и задумался запоздало: а вдруг до Ириного пункта назначения пилить ещё два часа в направлении, противоположном их неведомой цели? Неловко получится, если Зарецкий наотрез откажется подвезти Иру. Конечно, с Макса тут взятки гладки; вот был бы он сам за рулём, тогда другое дело... Рисуюсь, Некрасов с шиком щёлкнул брелоком и широким жестом указал на багажник.

— Кидай сумку, — распорядился он, зорко оглядывая округу. — О! Опаздываете, гражданин водитель!

Подошедший Зарецкий пасмурно на него зыркнул и перевёл хмурый взгляд на Иру. Той явно стало не по себе, так что Макс поспешил вызвать огонь на себя.

— Представляешь, какая встреча! — жизнерадостно воскликнул он прежде, чем кто-нибудь другой успел открыть рот. — Ира едет к родным, а ближайший автобус только через шесть часов. Подвезём по дружбе, а?

— Если не по дороге, то не надо, — быстро вставила Ира, хватаясь за ремень уже устроенной в багажнике сумки. — Мне в Ягодное.

— Вполне по дороге, — любезно сообщил Ярик, даже не потрудившись свериться с навигатором. — Как самочувствие?

— Хорошо, — очень серьёзно сказала Ира и добавила: — Спасибо.

Зарецкий молча кивнул. Макс, довольный, что обошлось почти без неловкостей, побежал открывать Ире дверь. Прежде чем залезть внутрь, девушка отряхнула кроссовки; Некрасова запоздало укусила совесть. Под его креслом коврик был устлан тонким слоем пыли.

— Даю последний шанс вспомнить о забытой зубной щётке, — категорично заявил Ярик, включая бортовую

электронику. — Все последующие попытки проситься в магазин буду расценивать как нытьё.

— Зубную щётку я взял, — с достоинством поведал Некрасов. — А ныть всё равно буду, так какая тогда разница?

Выпетляв из лабиринтов малоэтажной застройки, дорога нырнула в поля. Ира сидела странно тихая; то ли масштабы начальственного авто поразили до глубины души, то ли смущало присутствие угрюмого Зарецкого. Макс, подумав, взял развлечение дамы на себя; на его бессмысленную болтовню она изредка что-нибудь отвечала или хотя бы натянуто хихикала. Когда Ярик свернул с более-менее приличной асфальтовой дороги на каменистую грунтовку, Ира ойкнула и принялась просить её высадить.

— Я дальше сама дойду, — словно оправдываясь, пояснила она. — Здесь такая дорога кошмарная, ещё повредите что-нибудь...

— Всё в порядке, — Зарецкий виртуозно объехал сразу две коварные ямы и ненадолго выровнял руль. — Думаю, эта машина и не по таким буеракам каталась.

— Столько возни из-за меня, — понуро пробормотала Ира.

— Почему из-за тебя? — Ярик галантно уступил дорогу нервно чихающей старенькой «ниве», которая ковыляла по каким-то своим делам им навстречу. — Нам в те же края.

— О! — Макс воодушевлённо обернулся к Ире. — Это же отлично! В свободное время будешь показывать мне окрестности, а?

— Да какие тут окрестности, лес один...

— И какое тут свободное время? — в тон ей подхватил Зарецкий. — Работать едем, а не развлекаться.

— Это ты за себя говори.

Деревенька оказалась крохотная, в одну улицу, протянувшуюся почти что до самой кромки мрачного лесного массива. Роскошных коттеджей здесь не наблюдалось; утопающие в зелени одноэтажные домики, где опрятные, где потрёпанные, а где и вовсе заброшенные, липли к дороге, кокетливо прикрываясь разномастными заборами. Ира попросилась на выход возле седьмого или восьмого вдоль левой стороны, с нарядными резными ставнями и скрюченной старой вишней у самой калитки. Макс на всякий случай запомнил.

— Спасибо! — Ира впервые, наверное, за последние дни улыбнулась искренне. Ветерок трепал ей выбившиеся из причёски светлые прядки.

— Пожалуйста, — Зарецкий вытащил из-под свалившегося Максова рюкзака её сумку и закрыл багажник. — Мы, скорее всего, остановимся в тридцать восьмом доме. Обращайся, если что.

Макс не без труда разглядел в буйной листве номерную табличку: пятнадцать. Порядочно получается до их гипотетического пристанища! Ну, не беда, ради приятного общества можно и побегать туда-сюда по деревне. Ира ещё раз их поблагодарила, наотрез отказалась от Максова предложения донести сумку до крыльца и едва ли не вприпрыжку припустила к калитке. А жаль, неплохо бы и с бабушкой сразу познакомиться — так, на всякий случай...

— А в чём прикол тридцать восьмого дома? — поинтересовался Некрасов, вновь забираясь на порядком надоевшее пассажирское сидение.

— В том, что гостиниц тут не наблюдается, — фыркнул Ярик.

— Там хоть удобства есть? Кухня? Ванная? Туалет?

— Шведский стол и спа.

— Это значит — подножный корм и душ на улице, — удручённо перевёл Макс.

Зарецкий оставил это без комментариев. Домик, к которому он свернул, выглядел и впрямь не блестяще: потемневшая от времени некрашенная обшивка, бурьян по самые окна, гуляющий волной реденький забор. На рокот мотора откуда-то из зарослей осота вышел коренастый дедок; он подслеповато щурил тёмные глаза, был одет, несмотря на жару, в дублённый кожаный жилет поверх клетчатой рубашки и опирался на явно самодельную клюку. Появление у дома шикарной машины с московскими номерами ничуть его не смутило.

— День добрый, — Ярик первым протянул деду руку; тот, подумав, пожал. — Офицер Ярослав Зарецкий, офицер Максим Некрасов. Мы от Верховского, он должен был вам позвонить.

— Звонил, а как же ж, — проскрипел домохозяин. Макс, подумав, тоже решил поздороваться; пожатие у старика оказалось крепкое, на зависть иным молодым. — Как там Санька-то? Всё на лешаков бирки вешает?

— Нет, — Зарецкий сдержанно усмехнулся. — Московским магконтролем руководит. Мы, собственно, по его поручению.

— Небось гиблые места наши изучать, — дед пытливо прищурился. — Ваши сюда только за этим и ездят. Ты давай, машину-то загоняй, побалакать — оно всегда успеется.

Макс помог раскрыть низенькие воротца, неохотно поворачивающиеся на ржавых петлях. Приминая колёсами сорняки, мордатый внедорожник аккуратно вкатился во двор; двигатель устало вздохнул, прежде чем умолкнуть. Дед зорко за всем этим наблюдал; должно быть, волновался, что Ярик ненароком погубит какой-нибудь редкий

сорт крапивы. Макс тем временем украдкой изучал обстановку. Душ на улице действительно присутствовал — дощатая будка с выкрашенной чёрным бочкой на крыше. В другой стороне — видимо, с учётом розы ветров — громоздился того же толка сортир. Насчёт внутренности самого дома Некрасов тоже решил не обольщаться. Да уж, удружил шеф так удружил... Зато, если дед не врёт и тут правда есть какие-то гиблые места, командировка обещает быть более чем интересной.

— Как его зовут? — шёпотом спросил Макс, косясь на согбенную спину ковылявшего впереди деда.

— Семён Васильевич Щукин, — так же тихо ответил Ярик. — Если верить шефу, колдун пятой категории.

Почти единственный в округе из наших.

— О, блин, — озадаченно протянул Макс. — Понятно тогда.

Что ж, если выбора особо нет, то и расстраиваться нечего. С великой осторожностью миновав скрипучие ступени крыльца и предусмотрительно пригнувшись в дверях, Некрасов отважно вступил во владения колдуна пятой категории. Изнутри дома ремесло хозяина было заметнее: под потолком висели на верёвках пучки сушёных трав, на кухонном столе лежало брошенное рукоделие — дед что-то вырезал из дерева. Такой себе материал для чар, но где ж тут добудешь не то что серебро — хоть железку какую ненужную?

— В дальней комнате будете, — сообщил Семён Васильевич. — Там места побольше. Кухарить я не мастак, тут уж сами. Какая посуда есть — всю брать можно. В розетки много всего сразу не включать. Вот эта не работает, — он указал узловатым пальцем на соблазнительно удобное пластиковое рыльце, торчащее из стены прямо над низеньким столиком. — По чести сказать, у меня тут много чего не работает. Я раньше чинил помаленьку, а теперь глаза не те...

— Разберёмся, — Ярик задумчиво потрогал стену рядом с мёртвой розеткой и выглянул в единственное окно. — Сад у вас какой... просторный.

— Беда, — Семён Васильевич поморщился и махнул рукой. — Уж и не пытаюсь в порядок привести. Спомог бы кто хоть траву покосить, а так — дело гиблое.

— Понятно, — Зарецкий вытащил из нагрудного кармана бумажник и извлёк оттуда несколько пятитысячных купюр. — Давайте-ка мы сразу заплатим. Во избежание эксцессов.

— Куда ж мне столько? — буркнул старик, недоверчиво глядя на розовые бумажки. Макса мучил тот же вопрос: куда столько за этот, с позволения сказать, чуланчик?

— Заранее закладываю моральный ущерб.

Некрасов не был уверен, что дед понял шутку, но деньги Щукин, поколебавшись, забрал. Интересно, сильно он обидится, если попроситься спать на заднем сидении машины?.. Одна радость — трепаться о рабочих делах можно свободно, не опасаясь, что наболтаешь на седьмую статью. Если, конечно, они не влезут во что-нибудь страшно секретное; а они обязательно, всенепременно влезут...

— Отвёртку не одолжите? — ни с того ни с сего осведомился Ярик и в ответ на изумлённый взгляд деда пояснил: — Розетку посмотреть хочу. Тяжело без электричества.

Щукин отвёртку принёс и даже согласился на время обесточить дом. Макс понаблюдал за тем, как коллега развинчивает пластиковую коробочку, заскучал и принялся от нечего делать возиться с намертво залитым краской шпингалетом на форточке.

— Инструкции-то будут? — поинтересовался он, отковыривая засохший пласт побелки. — Что мы тут забыли?

— Тебе сказали уже — экскурсии по гиблым местам, — хмыкнул Ярик.

— О, ну хоть это обнадёживает. Когда выдвинемся?

— Завтра вечером сходим, — обрадовал Зарецкий. — Что касается инструкций... С магией поосторожнее. Здесь в радиусе десяти километров будет сбойть всё, что сложнее элементарщины.

— Вот засада...

— По-моему, отличное упражнение на концентрацию. Итак, бездумно магию не применять, языком не трепать, местным жителям не докучать, к разлому близко не лезть, — Ярик на миг задумался и прибавил: — И вообще вперёд меня никуда не лезть. Увидишь что-то подозрительное — зови сразу.

— Ты начальник — я дурак, — покладисто согласился Макс. — А исследования в чём заключаются?

— На месте расскажу, — Зарецкий вперился хмурым взглядом в развороченные кишки несчастной розетки. — Вот же чёрт, а у меня с собой ничего подходящего нет...

— Всё плохо?

— Достаточно паршиво, — он задумчиво тронул торчащий из стены проводок. — Ладно. Сегодня-завтра гуляем по лесам и осваиваемся, а в понедельник куда-нибудь съездим за электрикой. И не только, я так чувствую...

— Во Владимир? — воодушевился Макс. — С ночёвкой! И с культурной программой. Должна быть в командировке культурная программа?

— Никаких ночёвок, — отрезал Зарецкий. — Насчёт Владимира подумаем. Смотря в каком состоянии

здешний садовый инвентарь.

Макс закатил глаза.

— Только не говори, что собрался этому хрычу огород облагораживать!

— Почему нет? Помогать надо людям, — Ярик отложил отвёртку, пересёк комнатушку и без видимых усилий открыл окно. — Особенно если начальство с ними в дружбе.

Довод звучал резонно, но перспектива физических упражнений на свежем воздухе от этого приятнее не становилась. Макс сдержал горестный вздох и попытался сконцентрироваться на хорошем. Они увидят самый настоящий разлом! И даже, наверное, подойдут близко. То-то Ксюха обзавидуется...

Впрочем, зная Зарецкого, можно предположить, что завидовать в итоге окажется нечему.

XL. Несказанное

Время словно бы замедлилось, а то и повернуло вспять. В чистеньком светлом домике за прошедшие годы ничего не изменилось: пёстрые вязаные половички, красно-розовые герани на подоконниках, лениво развалившийся между цветочными горшками толстый рыжий кот. И сама бабушка, маленькая и, несмотря на годы, деятельная, с убранными под косынку седыми волосами и добрыми морщинками в уголках светлых глаз. Всё так же пахло пирогами, сушёными травами и старым деревом; всё так же возился по мелким хозяйственным делам нерасторопный Афанасий, и даже дверной замок по-прежнему чуть-чуть заедал.

Кого здесь коснулось течение времени, так это Ольки. С последней их встречи сестра вытянулась, постройнела, похорошела и отпустила роскошную рыжую косу до талии. Бабушка, смеясь, звала младшую внучку первой невестой на деревне и наверняка в глубине души искренне так считала. Оля жадно расспрашивала про Москву, про экзамены, которые ей только предстояло сдавать, про работу в Управе и, конечно, про коллег, которые так любезно подвезли Иру от станции. Причины их визита, подлинные или мнимые, сестру не интересовали; Оля попросту жаждала свести знакомство со столичными гостями. Ира осторожно отнекивалась. Непонятно, кого и от кого спасала.

На разговор по душам с бабушкой Ира пока не решалась. Во-первых, поблизости всё время крутилась кузина, которую посвящать в свои проблемы совсем не хотелось; во-вторых, слишком радостно светило на улице летнее солнце и слишком уютно посвистывал на плите старый чайник, чтобы добровольно нырять в мрачные мысли. Умная бабушка, впрочем, явно догадывалась, что на душе у внучки беспокойно; Ира нет-нет да ловила на себе её пристальный взгляд. Простодушная Олька ничем таким не заморачивалась. Приехала сестра и приехала, радоваться надо, а не искать подоплёку.

— Афонюшка, — ласково позвала бабушка, разливая по чашкам крепкий золотистый чай, — а что б нам баньку на вечер не растопить?

— Баньку, ишь, — ворчливо отозвался домовой, недовольно дёрнув длинными ушами. — Небось Афанасий в сарае прибрать не успеет, а тут ещё баньку...

— Ой, да забей ты на этот сарай, — жизнерадостно отмахнулась Оля. — Баня после дороги — самое то. Только смотри, если Анастасия Ивановна опять увидит, как ты дрова таскаешь...

Домовой сердито фыркнул в ответ. Ира тихонько хихикнула: Афонькина безалаберность и прежде не раз ставила бабушку в неловкое положение. Соседи-то — минусы, поди им объясни, кто там такой невидимый в огороде сорняки продёргивает...

— Завтра на озеро смотаемся, — продолжила строить планы Олька. — А потом можно за черникой сходить, на пироги...

— Ой, нет, — Ира тревожно встрепенулась. — Не хочу в лес. Может, попозже, — смягчилась она, глядя на разочарованное лицо кузины.

— Успеется за две недельки, — примирительно заключила бабушка. — Иринюшка, а как Леночка с Витенькой поживают? Всё в трудах?

Ира сдержала вздох и принялась рассказывать о родителях. С мамой они так и не помирились; масла в огонь подлила внезапная поездка, с маминой точки зрения выглядевшая как вредная для карьеры сиюминутная блажь. Слегка сгладило ситуацию известие о том, что Ира передумала увольняться, но и оно натолкнуло маму на рассуждения о недопустимой наглости подобного заигрывания с начальством. Рассказывать же о приключениях в подвале или, тем более, о случайно подслушанном разговоре — нет уж, спасибо. Это и бабушке-то чёрт знает, как рассказать...

За разговорами и мелкой домашней суетой вечер наступил незаметно. Возле подвешенного над входной дверью фонаря вились бледные мотыльки; окна соседних домов приветливо подмигивали рыжеватым светом сквозь едва колеблемую ветром листву. Звёзды горели над головой непривычно ярко — холодные отражения земных огней. В старой, ещё прадедом выстроенной бане шумно возился Афанасий. Вообще-то ему не полагается этим заниматься, как и рыхлить грядки, и прибираться в сарае, и даже чистить чердак, но с полноценным штатом домашней нежити бабушка точно бы не управилась. Зато с одним домовым, пусть и упрямым — пожалуйста. Любопытно, унаследовала ли Оля этот талант?

— Поберегись, — сестрица, лёгкая на помине, возникла на пороге с заварочным чайником в руках. — Вот, смотри, по лучшим рецептам! А запах какой...

— Это что, укрепляющее номер третий? — Ира попыталась блеснуть эрудицией. Вроде бы душица входит только в этот вариант...

— А лучший его знает, — Оля легкомысленно пожала плечами. — Бабушкины рецепты. Может, и впрямь номер какой-нибудь.

— Это на экзаменах спрашивают, — укоризненно сказала Ира, спускаясь вслед за сестрой по ступенькам крыльца.

— Выучу ещё, за год-то. Фонька, ты всё?

Домовой высунул из-за двери недовольное рыльце. Из раскалённого нутра бани пахло горячим паром.

— Пушай хозяйка проверит, — буркнул Афоня, выбираясь наружу. — Фу, умаялся...

Хозяйка — значит, бабушка. Ольку домовой, соблюдая субординацию, именует «молодой хозяйкой», и никак иначе. Стало быть, не слишком доверяет ей банные дела.

— Ба! — не особо смущаясь, крикнула Оля в вечернюю тишь. — Тут готово!

Бабушка работу домашнего одобрила, и тот, ворча, поковылял в сторону сарая. Оля первой шмыгнула в полную душистого жара парную, разделась и взобралась на самую удобную полку. Ира, замешкавшаяся с непривычки, тоже принялась стаскивать с себя футболку.

— Иринушка, — окликнула её бабушка, пылливо щуря глаза. — Что это у тебя?

— Это? — Ира осторожно тронула серебряную цепочку. Несмотря на раскалённый воздух, зачарованный металл оставался прохладным. — Э-э-э... Сигнал тревоги. Думаешь, лучше снять?

— Нет, не надо, — бабушка покачала головой. — Кто тебе её дал?

— Коллега, — Ира нервно облизнула губы. Выгнать бы Ольку, чтоб говорить без обиняков! — Это так... На крайний случай. Я всё-таки лучше сниму. Здесь же ничего с нами не случится... А от жара вдруг потрескается?

— Такие вещи просто так не снимают, — назидательно произнесла бабушка, устраиваясь на нижней полке. — И где это видано, чтоб зачарованные камни от жара трескались?

Ира озадаченно промолчала. Артефакты просто так не испортишь, это она правда глупость сморозила, но ведь пострадала от чего-то парная подвеска?

— Что там такое? — вездесущая Оля свесилась со своей полки, вытягивая шею. — Красивенько! А что она делает?

— Ольга, — бабушка строго нахмурилась. — Не любопытничай.

— А что такого-то? — сестра скорчила обиженную гримаску, но тут же улыбнулась от уха до уха и хлопнула по нагретым доскам рядом с собой. — Ир, залезай давай. Ба, почему просто так не снимают? Она на удачу зачарована?

— Наверяд ли, — бабушка потянулась за веником и оценивающе его оглядела. — Олюшка, а ну, помоги-ка...

Сестра проворно прыгнула с полки, завладела веником и принялась от души охаживать бабушку по плечам и спине. Ира от участия в процедуре отказалась; в детстве вроде бы и в радость было со всей дури лупить взрослых связкой берёзовых прутьев, но после долгих лет городской жизни удовольствие казалось сомнительным. Довольно и того, что в жаркой парной нет места холоду.

— Ба, — воспользовавшись тем, что Оле пришлось слезть, Ира всласть растянулась на полке. — А правда, что в бане колдовство сильнее становится?

— Ты чего, Ирка, задумала? — хихикнула сестра. — Проклясть кого или приворожить?

— Ольга! Следи за языком-то! — сердито прикрикнула бабушка и прибавила уже спокойнее: — Неправда это, Иринушка. Суеверие.

— Все суеверия откуда-то берутся, — философски заметила Оля и отложила в сторону измочаленный веник. — Давай-ка теперь ты меня.

— Вестимо, откуда берутся, — бабушка, кряхтя, слезла с полки. — Раньше верили, что в таких местах граница с царством неживых проходит.

— А она проходит? — поёжившись, спросила Ира. Красноватые отсветы пламени неистово плясали на дальней стене.

— Только когда тут Афонька спит, — хохотнула Оля. — Нету никакого царства неживых, да, ба?

— Нету, — бабушка успокаивающе улыбнулась. — А чтобы колдовство сильнее было, надо в чары душу вкладывать. Как в любой труд. Если спустя рукава всё делать, что ж хорошего получится?

Вечерняя прохлада показалась едва ли не морозом после раскалённого пара. Ира обхватила себя за плечи, пытаясь удержать стремительно уходящее тепло. Выскочившая следом Оля бодро встряхнулась; никакого дискомфорта она, судя по всему, не испытывала.

— Ух, хорошо! — воскликнула сестрица, окидывая взглядом тонущую во тьме округу. — Глянь, какие звёзды сегодня яркие... Ба, можно мы погадаем?

— Оля, ты чего? — Ира попыталась одёрнуть сестру. — Это вообще-то запрещено!

— Не «запрещено», а «не поощряется», — с важным видом поправила Оля. — Ты ж лучше меня законы знать должна! Мы не для заработка, а так, поразвлечёшься...

— На минутку, у нас тут магконтроль по соседству, — понизив голос, напомнила Ира. — Охота тебе объясняться?

Сестра удивлённо вскинула брови.

— Так они ж твои друзья-приятели!

— Если ты думаешь, что мне выйдет скидка...

— Ой, вот ты зануда, — Ольга завозилась с ключом, отпирая входную дверь. — Ба, можно или нет?

— Не след бы, — укоризненно сказала бабушка. — Если соберётесь, то лучше в доме. И занавески задёрните, мало ли что.

Сестра сочла это за разрешение и умчалась куда-то в дальние комнаты за гадальным инвентарём. Ира тихонько вздохнула. Её никогда не тянуло пытаться заглянуть в будущее, но Олю, если ей что-то втемяшилось, поди останови. Бабушка, похоже, к капризам внучки притерпелась, а может, и довольна была, что та проявляет интерес к колдовскому ремеслу.

— Ба, — тихо окликнула Ира, вытаскивая из-под ворота цепочку. Пока сестра самозабвенно чем-то гремит, можно урвать хоть минутку наедине. — Ты знаешь, что это за штука? Опасная она?

Бабушка, помедлив, покачала головой.

— Нет, Иринushка, не опасная. Такие проклясть нельзя.

— Какие — такие?

— Ладно сработанные, — избегая касаться серебра, бабушка указала пальцем на тонкие звенья. — Гляди, как сделано. Чары так вплетены, что ни сломать, ни лишнего добавить. Большая редкость.

— Это так заморочились, просто чтобы сигнал передавать? — Ира озадаченно покрутила в пальцах кулон. — Маячок — это же несложно. Все прилавки ими завалены.

— Не просто сигнал, — бабушка пристально взгляделась ей в лицо и вздохнула. — Пускай тот, кто тебе её дал, сам расскажет, если захочет.

— А-а, понимаю, — понуро кивнула Ира. — Мне по категории знать не положено...

Примчалась шумная Оля со связкой восковых свечей и белой эмалированной миской. Бабушка напомнила ещё раз про занавески и вышла из кухни; в комнате глухо забормотал телевизор. Оля прикрыла дверь и, разложив на столе гадальную дребедень, погасила свет. Крохотную кухню мгновенно затопила чернильная тьма.

— Можно хоть одну лампочку включить? — попросила Ира. Смутные очертания мира вокруг едва виднелись в пробивающемся сквозь занавески скудном лунном свете.

— Не, не то будет, — Ольга несколько раз безуспешно щёлкнула зажигалкой, прежде чем вызвать к жизни слабенький язычок пламени. — На, бери свечку. Ты умеешь хоть?

— Нет. Я законопослушная.

— Скучная ты... Разве не интересно судьбу свою узнать? — упрекнула её Оля. — Воск набирай в ложку, чтоб побольше скопилось. А потом раз — и в воду. Ничего сложного.

— А колдовство где?

— Так ты думай, чего узнать хочешь! Смелей давай, а то сейчас через край потечёт...

Ира послушно наклонила ложку. Горячий воск тягучей струйкой вылился в миску, на глазах застывая бесформенной кляксой. Оля отобрала у сестры стремительно оплывающий огарок, устроила его в стеклянной рюмке и склонилась над результатом Ириных трудов. Свечной огонёк испуганно дрожал; по белой поверхности стола бродили случайные тени. Поди разгляди тут что-нибудь путное...

— Вот это — дальняя дорога, — Оля, сощурившись, поворачивала голову то так, то эдак. — Ну, оно и понятно, до Москвы неблизко... Неожиданная радость — интересно, скоро сбудется?.. Сомнения... Они всегда выпадают, так что не парься. Ого, скрытая опасность! Это как?

— Ты мне скажи, — буркнула Ира. Сердце сбилось с ритма и застучало чаще.

— Не знаю, — Оля сосредоточенно нахмурилась. — Может, на работе кто-нибудь подсидеть хочет? Или там подруга парня уведёт...

— Тоже мне, опасности... А поконкретнее там ничего нет?

— Ну ты, блин, спросишь! Это ж гадание, а не прогноз погоды, — фыркнула сестра. — Давай ещё посмотрим. Вот, смотри — покровительство.

— Это про Павла Сергеевича, — вздохнула Ира. — Куда бы оно делось уже, это покровительство...

— Выбор, — бормотала сестра, пропустив мимо ушей её слова. — Готовься к трудным решениям. Семья... Что-то важное у вас там случится, — глубокомысленно предположила Оля. — Надеюсь, что хорошее. Ты ещё что-нибудь видишь?

— Я и этого всего не вижу.

— Тогда хватит с тебя, — постановила Оля, вылавливая остывшую кляксу из воды. — На, хочешь — оставь на память. Давай теперь у меня посмотрим...

Она подошла ещё одну свечку. Опыта у сестры явно куда как больше: восковое пятно получилось намного затейливее, с рельефными наростами и неровными краями. С хорошей фантазией тут что угодно можно прочитать.

— Ну, поехали, — Оля с удовольствием придвинула к себе миску. — Новое начало... Это я с радостью! Сомнения тоже, ну я ж говорю, они всегда есть. Ой, смотри — любовь! Давненько не выпадало!

— А раньше сбывалось?

— А как же, — сестра, кажется, зарделась, хотя поди различи в неверном свете свечи. — Так, что тут... Тоже дальняя дорога, смотри! Ирка, это знак. Поехали куда-нибудь смотаемся, а?

— У вас тут автобус ходит раз в день.

— А нам больше надо, что ли?.. Доброжелательный незнакомец, м-м-м! Может, любовь — это с ним?

— Тебе виднее.

— Так, что тут ещё... Тревоги, ну, куда мы без них... О, перемены к лучшему!

— Рада за тебя.

А ей, Ире, ничего такого не выпало. Ни доброжелателей, ни любви, ни перемен — одни лишь опасности и трудные решения. Эка невидаль... Запоздали предсказания. Или, может, то всё были цветочки по сравнению с тем, что ждёт впереди? Ира до боли закусил губу, прогоняя нехорошие мысли. Правильно всё-таки закон порицает гадания. Только зря нервы себе подымать...

— Ну, всё, я довольна, — заявила Оля, задувая свечу. — На озеро пойдём завтра? Если да, то надо пораньше встать, пока солнце не печёт.

— Пойдём, — согласилась Ира. — Только давай не в семь утра. Я сегодня встала ни свет ни заря...

— До девяти хватит тебе?.. Ну и всё тогда. Не проснёшься — я тебя сама разбуду.

Будить не пришлось. За окном ещё плескалась предрассветная синь, когда Ира проснулась с бешено колотящимся сердцем. Во сне она со всех ног бежала по бесконечным тускло освещённым коридорам, отчаянно умоляя о помощи, но мелькавшие то тут, то там мама, бабушка, Оля, Аня, даже Макс то ли не слышали её, то ли принимали её голос за уловки засевшей в подвале тени. Дрожа не то от липкого страха, не то от утренней прохлады, Ира завернулась в шерстяной плед и побрела на кухню. Тепловатая, с привкусом накипи вода из чайника показалась ей лучшим в мире напитком.

Ерунда это всё. Всего-то лишь ночные кошмары. Странно ещё, что просто коридоры, а не смыкающиеся на горле ледяные пальцы. Надо попросить у бабушки какой-нибудь успокоительный настой и пить перед сном. Пробравшись на цыпочках обратно в комнату — дрыхнувшая по соседству Оля и не подумала просыпаться — Ира забралась под одеяло и уткнулась носом в подушку, пытаясь снова уснуть. Она бесплодно промучилась целый час; за окном стремительно поднималось солнце, принялись вопить чьи-то петухи — Оля проигнорировала и их. Зато встала бабушка; слышно было, как она тихо ходит по поскрипывающим половицам, шуршит простынями и расчёсывает длинные седые волосы. Ира решительно отбросила одеяло и потянулась за джинсами. Удачно, что сестра такая соня.

— Ба, доброе утро, — шёпотом сказала Ира, прикрывая за собой дверь в их с Олькой спальню.

— Иринushка! — охнула бабушка. — Ты чего же в такую рань? Отдыхала бы!

— Не спится, — вздохнула Ира. — Мне твой совет нужен.

Бабушка окинула её цепким взглядом.

— Это какой же, внученька?

— Пойдём на кухню, — предложила Ира, протягивая ей ненароком оброненную шпильку. — Рассказывать долго.

Под клокотанье чайника, в лучах утреннего солнца говорить было проще. Ира, старательно обходя опасные темы, выложила всё, что смогла: и про паразита, и про тень, и даже, с великой осторожностью, про то, что услышала о себе позавчерашним вечером. Бабушка, спасибо ей за это, слушала внимательно, не перебивая.

— Никто мне ничего не говорит, — вздохнула Ира, обнимая ладонями пузатую чашку с чаем. — И не скажет, потому что иначе я, судя по всему, рискую влететь на третью статью. А я не знаю теперь, что мне делать.

Бабушка звякнула чайной ложечкой, размешивая сахар. В чашку она смотрела едва ли не так же пристально, как Оля вчера — в восковые разводы.

— Лене не говорила? — спросила она наконец, отодвинув нетронутый чай.

Ира помотала головой.

— Мы вообще с мамой поругались. Не из-за этого, там другое всякое. Хотя получается, что и из-за этого частично...

— Что поругались — плохо, — укоризненно сказала бабушка. — Особенно — на дорогу-то глядя. Нельзя дома ссоры оставлять.

— Знаю, ба, — Ира отпила упоительно горячего чаю и на миг прикрыла глаза. — Позвоню ей, попробую помириться. Когда не на смене будет.

— Правильно, — бабушка заботливо подвинула к ней плошку с повидлом. — А рассказывать ей не спеши. Зря только нервничать станет.

— Вот и я так решила...

Из-за открытого окна донеслось шуршание автомобильных шин. Ира зачем-то обернулась; мимо участка неторопливо ползла незнакомая старенькая иномарка. Нервы и впрямь пора лечить, и не только маме.

— Я так думаю, начальник ваш — человек неглупый, — осторожно сказала бабушка. — Если уж согласился, что тебе лучше подальше от Москвы, то так оно, наверно, и есть. Жалко только, что ты-то с ним сама не поговорила.

— Я об этом думала, — призналась Ира. — Но ребята ему, наверно, уже сообщили, что я тут.

— Хорошо, если так.

На колени бесцеремонно запрыгнул рыжий кот. Ира рассеянно почесала его за ухом. Тёплая шерстяная тяжесть её успокаивала.

— Ох, негодник, — беззлобно проворчала бабушка. — Кабы польза от тебя была, а то так держу, дармоеда!

— Он хороший, — заступилась за зверя Ира. — Ну ладно, две недели я тут посижу, пока Верховский там разбирается. А с остальным что делать?

— С остальным-то... — бабушка задумчиво тронула узорчатый бок сахарницы. — Тень — дело серьёзное, а ещё и после паразита... Укрепляющие, какие выписали, пей, да я тебе ещё своих сделаю. В тепле всё время будь. Хорошо это вчера с баней получилось, вовремя... Нежизнь — она больно жалит, так, что долго потом не проходит. Ты молодцом прямо держишься, и не подумаешь, что такое с тобой случилось...

— Это я догадываюсь, почему, — Ира замялась на миг, решая, стоит ли углубляться в эту тему. О том, как именно Зарецкий избавился от тени и что было потом, она умолчала. — Ба, ты знаешь что-нибудь про такую медмагию, когда просто прикосновением лечат?

— Нет, не слыхала. Но я, Иринushка, и не маг.

— А про сделки с нежитью?

— Такое только в сказках бывает, — бабушка тревожно нахмурилась, — и ничем хорошим не кончается. Не дело это — жизнь с нежизнью связывать. А почему спрашиваешь?

— Да так, к слову, — Ира прижала пальцы к болезненно пульсирующим вискам. — Ба, зачем я могла кому-то понадобиться? Какие от меня неприятности? Я даже проклятия накладывать не умею...

— Вот уж не знаю, — бабушка тяжело вздохнула. — Иной раз и малого хватает. Может, не в колдовстве дело? Услыхала чего важное или увидела, а кому-то это знать никак нельзя, вот и волнуются твои коллеги.

— Это мысль, — задумчиво проговорила Ира. — Только я всё равно ничего такого не видела, чтобы так вот, под третью статью... В смысле, секретки-то у нас там навалом, но всё, что под допусками, ребята сами разбирают... — она умолкла на полуслове, прижав ладонь к губам. Как это она раньше не сообразила! — Тесты!

Бабушка обеспокоенно подалась вперёд.

— Какие тесты, Иринushка?

— Мои аттестационные, — Ира до боли в побелевших костяшках сжала ручку чашки. — Я там, наверно, где-нибудь что-нибудь такое наотмечала случайно, а теперь все думают... Ох, ё-моё...

Она едва не вскочила из-за стола, чтобы сей же час мчаться с повинной к Зарецкому. Толку нет: он и так всё прекрасно знает. Да и под следствие за сокрытие опасных сведений совсем не хочется; пока что её спасает слово «осознанное» в формулировке закона. «Случайное стечение обстоятельств»... Сходится всё, ох, сходится! Хорошо, что она из Москвы убралась; поди отыщи человека в такой глуши...

— Я поняла, ба, — Ира залпом допила остатки чая. — Правильно ты всё сказала. Буду тут сидеть тише воды, ниже травы. И к ребятам лезть не стану от греха подальше. Ты только никому ни слова, ладно?

— Ладно, Иринushка, ладно...

— Вы чего тут с утра пораньше?

В дверях нарисовалась отчаянно зевающая Оля. Кот, потревоженный её звонким голосом, спрыгнул на пол и куда-то унёсся, чиркая когтями по линолеуму. Бабушка ойкнула и подхватила с места.

— Садись, Олюшка. Чайку тебе или кофе будешь?

— Чай, — сестра плюхнулась на освобождённую бабушкой табуретку и ещё раз зевнула. — «Дава-а-ай не в семь утра-а-а»... Не в семь — значит, в шесть, что ли?

— Не сердись, — Ира виновато улыбнулась. — У меня все ритмы сбились.

— Раз уж встали, то пошли пораньше купаться, — постановила Оля, принимая из бабушкиных рук исходящую паром кружку. — В одиннадцать уже жарко будет.

— Вы там поосторожнее, — бабушка со значением посмотрела на Иру из-за Олькиной спины. — В воде долго не сидите.

— Ой, ба, в такую жарюку не простудимся! — отмахнулась сестра.

— Хорошо, не будем, — пообещала Ира.

Дорога до озера лежала через дикие луга, тянувшиеся вдоль кромки леса. В детстве путь казался бесконечным;

сейчас неторопливая прогулка, пусть и длиной в полчаса, казалась едва ли не большим удовольствием, чем купание в зеленоватой озёрной водице. На противоположном берегу засели припозднившиеся рыбаки; они устроили удочки на врытых в землю подпорках и не обращали никакого внимания на изредка лениво подёргивающиеся поплавки.

— Слишком мелкая рыба? — предположила Ира, наблюдая за пляшущими на воде яркими пятнышками.

Оля прыснула.

— Слишком плохо после вчерашнего. Пошли, им на нас пофиг.

Она сбросила цветастый сарафан, оставшись в одном купальнике, и распустила роскошную косу. Ира, наоборот, заколола волосы повыше. По глинистому берегу она спустилась вслед за сестрой к кромке воды. Озеро дышало прохладой. Казалось, взгляни в непрозрачную зелёную гладь — и в ней, как много лет назад, отразится пухлая детская мордашка.

— Ну где ты там? — нетерпеливо окликнула Оля. Она уже успела окунуться с головой и теперь плескалась на глубине, время от времени отгоняя от себя клочки вездесущей ряски.

— Иду, — отозвалась Ира и решительно шагнула в воду.

Виноваты ли были прошедшие годы или, может, тлетворное влияние тени, но бывшего счастья купание уже не вызывало. Вода, в меру тёплая, в меру чистая, пахла водорослями и озёрным илом. Оля всю радувалась жизни, то ныряя, то устраивая броски на глубину или вдоль заросшего тростниками берега. Ира, посидев в воде минут пятнадцать, выбралась загорать. На твёрдой, нагретой солнцем земле было намного уютнее.

Домой Оля засобиралась в половину одиннадцатого, когда солнце начало припекать всерьёз. По старой колее, дотверда высушенной жарой, шли босиком; над лугами плыл медвяный аромат цветущих трав и многоголосый стрёкот кузнечиков. Оля без умолку о чём-то болтала, не слишком заботясь, слушают её или нет. Ира и не слушала, пока сестра не встряхнула её за плечо.

— Э-эй, алло! Не проснулась, что ли?

— А? Извини, задумалась, — рассеянно отозвалась Ира. — Что ты сказала?

— Вон, говорю, от леса кто-то идёт, — зоркая Оля ткнула пальцем в сторону зубчатой тёмно-зелёной гряды.

Ира сощурилась, присматриваясь.

— Макс, — сказала она скорее себе, чем сестре. Сама не знала, хочет сейчас с ним видаться или нет. — Коллега.

— О, ну пойдём скорее, — Оля схватила её за руку и воодушевлённо потащила вперёд. — Надо ж поздороваться!

Нехитрые сестрины уловки не обманули бы и ребёнка. Ира, однако, смирилась и покорно прибавила шаг. Макс был один; судя по заправленным в кроссовки джинсам, рубашке с длинными рукавами и рюкзаку за спиной, в лесу он провёл все прохладные утренние часы. В руках Некрасов нёс наспех свёрнутый из бумажного листа кулёк, полный мелкой лесной ежевики.

— Привет! — Макс ослепительно улыбнулся и помахал Ире рукой. — Ну, как отдых продвигается?

— Отлично, — Ира остановилась в паре шагов от него, ненавязчиво преградив путь лучившейся любопытством сестрице. — А ты в трудах?

— Само собой, — Некрасов картинно развёл руками. — В командировке главное что? Чтобы младший офицер задолбался. Вот, ягод хотите?

— Спасибо! — Оля выскочила вперёд, прежде чем Ира успела отказаться от угощения. — Это где вы такой ежевичник нашли роскошный?

— Информация служебная, разглашению не подлежит, — хохотнул контролёр, протягивая девушкам испятнанный соком кулёк. — Максим Некрасов, к вашим услугам.

— Меня Оля зовут, — сообщила сестра, радостно улыбаясь.

— Очень приятно. Дамы, могу вас проводить до деревни?

— Да, конечно.

Ира сама толком не понимала, почему чувствует себя виноватой. Макс вёл себя, как всегда; он по-прежнему ей нравился, но радоваться, как раньше, его обществу сейчас не получалось. Всё работа тени, скорее всего. Должно быть, пока окончательно не заживут оставленные ею раны, все чувства так и останутся приглушёнными, словно отделёнными от сознания толстым мутным стеклом. Макс поймёт; кому, как не ему, разбираться в тонкостях воздействия нежити на людей...

— Познакомился вот с местными лесовиками, — весело разглагольствовал Некрасов. — Ничего такие ребята, бойкие. Все места грибные тут знают. Звали завтра с утра за лисичками. Прямо жалко даже, что мы во Владимир намылились...

— Вы во Владимир едете? — ахнула Оля и послала Ире многозначительный взгляд. — Тоже по работе, наверное?

— Нет, по любви. К безвозмездному физическому труду, — изрёк Некрасов. — Ну и, надеюсь, уломаю коллегу взглянуть на местные красоты. Слушайте, — он просиял, словно бы осенённый гениальной мыслью, — поехали с нами, а? Мы задавим большинством и тогда точно пойдём смотреть город.

Ира открыла было рот, чтобы вежливо отказаться, но Оля соображала проворнее.

— Конечно! Поехали! — выпалила сестрица, улыбаясь во все тридцать два белоснежных зуба. — Я во Владимире много раз была, всё там знаю!

— Оль, — Ира укоризненно покосилась на сестру. — Мы, может, не к месту будем...

— К месту, — заверил Макс. — Только встать придётся рано. Мы в семь выезжаем.

— Это мы запросто, — заявила Олька. — Куда нам прийти? Вы где живёте?

— Мы лучше сами заедем, — ухмыльнулся Некрасов. — Не будем зря беспокоить нашего лендлорда... Вон он, кстати, совершает моцион.

Ира проследила за его взглядом. Вдоль забора крайнего к лесу домика неторопливо прогуливался Семён Васильевич, которого Ира по старой детской привычке слегка побаивалась. В пять лет ей казалось, что жутковатый мужик, до глаз заросший уже тогда седой бородой — не деревенский житель, а явившийся из леса сказочный родич Бабы-Яги.

— Пойду поздороваюсь, что ли, — Макс жизнерадостно взлохматил светлые вихры. — Ну, до завтра?

Смотрел он на Иру, но ответила ему Оля. Сестра рассыпалась во многословных благодарностях, так что Ире оставалось лишь помахать Максиму на прощание. Некрасов подмигнул ей и размашистым шагом направился к Семёну Васильевичу желать доброго утра.

— Оль, это было невежливо, — шёпотом попеняла кухне Ира. — Взяли и навязались...

— Он же сам предложил, — искренне изумилась Оля. — И вообще, ты ж от станции с ними ехала, и ничего!

— Это же другое, — Ира смущённо оглянулась на беседующего с Щукиным Макса. — Нам было по пути...

— Так и сейчас нам по пути, — пожала плечами сестра и вдруг лукаво подмигнула. — Смотри-ка, как быстро сбываться начало! Дальняя дорога, приятный незнакомец... Может, ещё чего-нибудь сойдётся, м-м-м?

Ира только вздохнула в ответ.

— Я нашёл нам компанию, — с порога объявил Макс, часто моргая, чтобы приноровиться к пыльному сумраку внутри дома.

Зарецкий, занятый какими-то расчётами, поднял голову от разложенных на кухонном столе звёздных карт.

— А я тебя за чем посылал?

— За расстановкой сил противника в ближайшем лесу, — Макс вытащил из шкафчика щербатое блюдо и высыпал в него остатки ежевики. — Противник встретил как родного и показал обильные ягодники. На, угошайся.

Ярик, посомневавшись, дарами леса всё же прельстился. Ещё бы, всяко интереснее гречки с тушёной! Макс, сощурившись, заглянул в горящий жемчужным светом экран ноутбука, ни черта не понял в набранных мелким угловатым шрифтом компьютерных заклинаниях и решил, что лучше спросить.

— Чего ты тут такое делаешь?

— Прикидываю лучшее время для наблюдений, — коллега указал тупым концом карандаша на узкое окошко, в котором значился столбик дат с указанием времени. — Идём сегодня вечером, потом утром во вторник, потом в четверг на весь день. Дальше посмотрим, понадобится или нет.

— А в остальное время — досуг и оздоровительные процедуры? — с надеждой поинтересовался Некрасов.

— Точно. Бурьян косить, проводку чинить, антенну налаживать...

— Слушай, ты на инженера учился, вот сам и возись со своей проводкой, — взвыл Макс. — Я гуманитарий, я такое не умею!

— Шеф велел тебя образовывать, — Зарецкий, заметив на одной из карт какое-то преступление против истины, стёр лишнюю линию и аккуратно провёл луч от Полярной звезды куда-то в созвездие Геркулеса. — Так что ты там придумал такое?

— А, — вспомнив о приятных завтрашних перспективах, Макс несколько воодушевился. — Я встретил Иру с сестрой и позвал поехать с нами во Владимир. Теперь ты от культурной программы не отвертишься!

— Некрасов, — Ярик раздражённо захлопнул крышку ноутбука, — ты не мог бы прекратить пытаться устроить свою личную жизнь за мой счёт?

— Почему за твой счёт? — с достоинством парировал Макс. — Хочешь — выбрось нас в центре и поезжай за своими проводами, я не в претензии.

— И положиться на твою сознательность? — ядовито спросил Зарецкий, сворачивая карты. — Имей в виду, дольше, чем до двух, я там торчать не собираюсь.

— Ой, какие мы суровые, — фыркнул Некрасов. — Если влом ехать — вон у соседей бы попросил, чего там тебе надо...

— Не хочу, — нахально заявил Ярик. — Я, между прочим, всё ещё жду доклада по здешней нежити.

Макс вздохнул и принялся рассказывать. За три часа скитаний по окрестным лесам он выяснил, что нежити тут много, вся более-менее разумная, ходит с бирками и к местным жителям настроена нейтрально. К разлому, как и предполагал Зарецкий, лесные обитатели не суются, само место следом за людьми зовут гиблым и обходят десятой дорогой.

— Направление указать отказались, — развёл руками Некрасов.

Ярик спокойно кивнул, словно ничего другого не ожидал.

— Они и не знают толком. Нежить на чутьё ориентируется, а чем ближе к разлому — тем сильнее шгормит фон.

— А мы как найдём?

— А мы не нежить.

Всё, расспрашивать бесполезно. Макс вздохнул, отправил в рот ежевичину и принялся ждать вечера.

На дело они вышли в сумерках. Щукин, которому за день надоело греть на солнце старые кости, уже уполз на кухню, зажёл одну конфорку и сидел спиной к плите, разгадывая кроссворды. К тому, чем заняты постояльцы, он никакого интереса не проявлял. Сразу за околлицей Зарецкий решительно свернул к лесу; Макс категорически не нравилась идея идти напрямик через изрытый мелкими грызунами и заросший сорняками луг, но тратить силы на бессмысленный спор он не стал.

— Пирсингними, — негромко приказал Ярик.

— Зачем?

— Во избежание. Я же сказал, всё сбоят: магия, артефакты...

Макс послушно вытащил из брови зачарованное колечко и сунул в карман. Он рассчитывал, что после утренней прогулки лес покажется более-менее знакомым, но вечером всё выглядело совсем по-другому. Иначе ложились тени, искажались расстояния; там, где раньше сквозили солнечные лучи, теперь гнездилась мгла.

Зарецкий, вообще никогда прежде в здешних лесах не бывавший, шагал меж деревьев уверенно, как по коридорам Управы.

— Тут ориентиры какие-то есть? — полюбопытствовал Макс, внимательно оглядывая округу.

— Есть.

— Какие?

— Тебе зачем?

— Организованно драпать с места потенциального происшествия, — Некрасов отмахнулся от назойливо зудящего комара. — Ишь, поделили с упырями сферы влияния...

— Тут нет упырей, — заметил Ярик, прихлопнув польстившееся на него насекомое.

— Вот я и говорю...

Деревья понемногу заступили оставшиеся за спиной луга и дремлющую деревню. Макс сосредоточенно вертел головой, пытаясь запомнить что-нибудь заметное. Увешанный мелкими ягодами куст малины, сломанная берёза, клок тёмной шерсти, зацепившийся за колючие ежевичные ветки...

— Тут живность какая-то водится, — предположил Некрасов.

— Ага. Гомо сапиенс, — насмешливо отозвался Ярик.

— Не только. Вон, смотри, не наш же дед тут бородой чесался!

— Кабаны, наверное, — Зарецкий едва взглянул на Максону находку и равнодушно пожал плечами.

— Страшные звери.

— Не страшнее нас с тобой.

Макс вытащил из кармана телефон. Часы показывали половину десятого, индикаторы связи демонстрировали пустоту. Ага, значит, и немагическая техника тут тоже в растерянности... Или просто сигнал от ближайшей вышки не добывает. Если вдуматься, и в деревне-то ловит через раз.

— Что чувствуешь? — тихо спросил Зарецкий, замедлив шаг.

— Устал немного, — признался Макс. — Но идти могу, не переживай.

— Я не про то. Может, неуютно или тревожно?

— Ну ты спросишь, блин, ночью, посреди леса, — проворчал Макс. — Стрёмно, конечно. Так и в метро тоже стрёмно!

— Нет, тут должно быть другое, — Зарецкий притормозил, настороженно озираясь. — Вроде беспричинного страха.

— Чары какие-то, что ли?

— Какие тут, к лешему, чары? Не работает уже магия, забудь о ней!

Макс недоверчиво покосился на коллегу. Так-таки и не работает? Он на пробу прищёлкнул пальцами, вызывая к жизни простенькую стихийную магию. Огонёк, каким Макс обычно поджигал сигареты, полыхнул на два метра в высоту, едва не спалив незадачливому экспериментатору брови и лишив листья поповшиеся на пути ветки.

— Некрасов!.. — Ярик зло выругался и сгрёб Макса за ворот, вытаскивая из-под осыпающихся хлопьев пепла. — Ещё одна выходка, и поедешь в Москву писать по собственному!

— Всё-всё, больше не повторится, — пообещал Макс, стряхивая с рукава обугленный берёзовый листик. — Так что тут за чертовщина-то?

— Естественная защита, — уже спокойнее пояснил Зарецкий, разжимая пальцы. Макс недовольно поправил воротник. — Где-то в полукилометре от разлома возмущения в фоне уже такие, что даже минусы чувствуют и предпочитают унести ноги.

— А мы всё равно полезем, — полувопросительно предположил Макс.

— Конечно, полезем. Зачем приехали-то?

— А правда, зачем? — Некрасов, мозгуя, сосредоточенно сдвинул брови. — Что ты тут найти хочешь?

— Хоть какие-нибудь ответы, — тихо сказал Зарецкий. — Будь добр, информируй периодически о своём моральном состоянии.

— Как мило с твоей стороны, — пробурчал Макс. — Пока немножко не по себе.

Идти через полный подозрительных шорохов ночной лес было и страшновато, и скучно одновременно. Безотчётная паника Макса пока не обуяла, и он по заветам Верховского принялся развлекать себя мыслительными упражнениями. Про разлом как таковой вряд ли удастся выяснить что-то новое, всё-таки они с Зарецким не ученые, вооружённые вагоном высокоточного оборудования. Значит, дело не столько в самой аномалии, сколько в чём-то, с ней связанном. Или в ком-то.

— Ярик, — окликнул Макс, осторожно переступая через поваленное бревно, — думаешь, дело говорил профессор? Ну, которого Ксюха отшила? Он же нёс такое что-то про разломы...

— Нёс, — согласился Зарецкий. — Интересно мне, кто ему это всё наговорил.

— Голоса в голове, — хихикнул Макс. — Это ж его авторская теория была.

— Ага, два раза, — фыркнул старший. — Сидел-сидел у себя в кабинете, и тут накрыло озарением... Нет, Макс, не сам он это всё придумал.

— Откуда ты знаешь?

— Ну, начнём с того, что без непосредственной работы на объекте что-то накопать весьма проблематично, а Мезенцев легально не ездил ни сюда, ни в Ясногорск, — Ярик взял правее, обходя непролазный валежник. — Запросов от его имени к нам не поступало. Вообще никогда.

— А если нелегально?

— А если нелегально, — старший бросил в сторону Макса многозначительный взгляд, — то без инструктажа и сопровождения от профессора давно остались бы только научные статьи.

— Это значит, что в таком случае сопровождение всё-таки было, — подхватил Макс, крайне собой довольный. — Поэтому ты считаешь, что первоисточник сведений — не профессор?

— Именно.

— А кто? Безопасники? Или эта... «Цепь»? — Некрасов озадаченно поскрёб в затылке. — Ну, звенья которой — вот это вот всё...

— Сойдёт за кодовое название, — хмыкнул Ярик.

— Ну вот. Кто-то в этой «Цепи» знает про разломы что-то важное?

— Кто-то, не обязательно в «Цепи», не хочет, чтобы мы узнали то, про что пронюхал профессор, — веско сказал Зарецкий. — Это можно сказать наверняка.

— Значит, профессор правду говорил? — понизив голос, спросил Некрасов. Его пробрала крупная дрожь.

— Как минимум, кто-то в это верит.

— И мы будем проверять? — Макс нервно облизнул губы. — Ты хочешь сыграть на опережение, да? Разобраться раньше них, как работают разломы?

— Мне интереснее напасть на след других исследователей, — тихо сказал Зарецкий и остановился, опершись ладонью о ствол ближайшего ясеня. — Что, плохо?

Макс тоже замер, чудом не споткнувшись о корягу, и вытер со лба холодный липкий пот. Вокруг царило мертвенное спокойствие. В застоявшемся душном воздухе не хватало кислорода. Успокаивая себя, Макс нарочито медленно расстегнул воротник рубашки. Значит, беспричинный страх? Такой ли он беспричинный, если лишний шаг может стоить им жизни?

— Мы близко, да? — шёпотом спросил Некрасов. — К... горизонту событий?

— Это ты где такое вычитал?

— Верховский сказал...

— Метко, — рассеянно пробормотал Ярослав, оглядываясь по сторонам. Рассчитывал кого-то увидеть или изучал мечущиеся перед глазами чёрные мушки? — Должно быть примерно вон там, между поваленным деревом и большой берёзой.

Макс сощурился, вглядываясь в клочок непроглядной тьмы.

— Там ничего нет.

— Не так. Мы не знаем, что там.

Зарецкий осторожно шагнул вперёд, жестом велел Максиму оставаться на месте. Затем ещё раз и ещё; тихий шелест травы, примятой его подошвами, то ли слышался, то ли чудился. Будто внутри морока.

— Эй, — окликнул Некрасов, просто чтобы услышать свой голос. — Ты куда?

— Я здесь, — глухо, будто сквозь толщу воды, отозвался Ярослав. — Дальше не пойду.

— А мне можно?

— Нет.

Макс отступил назад на полшага. Будь это в самом деле морок, всё вокруг принялось бы лукаво плясать, но тёмные колонны стволов остались на месте. Никуда не делся и застывший на месте Зарецкий. Задрав голову, он вглядывался в видневшиеся сквозь листву лоскуты ночного неба. Макс тоже попытался рассмотреть в звёздах что-то значимое. Медведицы там, где им положено быть; ослепительно ярко горит Арктур, прямо над головой мерцает золотистым гвоздиком Этамин. Тут вообще все звёзды кажутся ярче, это Макс заметил ещё вчера...

— Здесь никого нет, — задумчиво проговорил Ярослав, медленно шагая назад. — Здесь уже очень давно никого нет...

— Сам говорил, никто сюда по доброй воле не ползет, — пробурчал Макс.

Зарецкий обернулся на голос, словно только что вспомнил, что он тут не один.

— Не ползет, — повторил он и на миг прижал ладони к лицу. — Дальше — смерть.

— Как мы тогда что-нибудь выясним? — проговорил Макс. Голос заметно дрожал.

— Не «как», а «когда», — Зарецкий вновь поднял голову к звёздным россыпям. — Если наши друзья знают хотя бы столько же, сколько я, мы их здесь обязательно встретим, и очень скоро.

— А сколько ты знаешь? — спросил Некрасов. Давно сбившееся с ритма сердце вновь пропустило такт.

Ярослав ответил не сразу. Он скользнул рассеянным взглядом по обманчиво далёкому сгустку тьмы, по усеянному ночными огнями чёрному небу, будто проводя между разломом и звёздами одному ему ведомую связь.

— Будем надеяться, что достаточно, — тихо сказал Зарецкий, прижимая пальцы к вискам.

Макс кивнул и нервно облизнул пересохшие губы. Ему пришло в голову, что старшие порой навевают жуть не хуже самой кошмарной нежити.

Звягин лихо запрыгнул в закрывающийся лифт, равнодушно извинился и целеустремлённо пробрался через плотную толкучку к зажатому в угол Мишке.

— Привет, — он исхитрился пожать Старову руку, придержав локтем опечатанную папку. — С понедельничком.

— И тебя так же, — Мишка, стараясь никого не задеть плечом, подвинулся, давая безопаснику место рядом с собой. — Как там с подпольным цехом?

— Я, собственно, как раз про него хотел, — лейтенант постучал пальцем по створке туго набитой папки. — Вы нам с экспертизой не поможете? Барахло изъяли всякое разное, а там такого накручено... Найдёшь время глянуть?

Мишка прикинул шансы. Шеф утром прислал сообщение зайти к нему сразу по приезде, а значит, впереди, как минимум, что-то срочное. Плюс старые дела, плюс понедельник, плюс только что прошедшее солнцестояние...

— Нет, Дим, вряд ли сегодня смогу, — Старов виновато покачал головой. В переполненном лифте вышло не слишком убедительно.

— А кто сможет? Славу Зарецкого попросить?

— Он вроде в командировке, — припомнил Мишка.

Звягин изумлённо поднял брови.

— Серьёзно? А далеко?

— Фиг знает, я не спрашивал, — на очередном этаже вышло человек пять, и дышать стало чуть легче. — Ты заявку напиши, шеф разберётся. Может, Костика попросит, он у нас главный спец по заклетиям.

— Понял тебя, — Звягин кивнул и, не взглянув на номер этажа, вышел из лифта.

Часы показывали без четверти девять; в кабинете ещё никого не было. Мишка бросил сумку на подоконник, пригладил волосы и постучался к шефу. Замок приглашающе щёлкнул. Верховский сидел за столом; пиджак, против обыкновения, он оставил на спинке кресла, развязанный галстук небрежно свисал из-под строгого воротника. Пузатую кружку с эмблемой Управы на четверть занимал остывший кофе и ещё на три четверти — тёмно-коричневые разводы. Если шеф сегодня и спал, то вряд ли много.

— Здравствуйте, Александр Михайлович, — осторожно сказал Мишка. Пожалуй, просьба Звягина подождёт.

— Закрой дверь и садись, — вместо приветствия шеф кивнул на пыточный стул.

Мишка тщательно прикрыл за собой дверь. Щеколда сердито клацнула; Верховскому явно не хотелось, чтобы их беспокоили. На столе рядом с мониторами лежала худенькая папка из серого картона, без надписей, зато с отблескивающей рыжеватым светом печатью.

— Это к изучению, — шеф тронул бумажный ярлычок и подтолкнул папку к Мишке. — Имей в виду: содержимое не подлежит разглашению ни при каких обстоятельствах. Даже внутри отдела.

Старов приподнял освобождённую от печати створку. Верхний лист был сплошь исписан убористым почерком начальника. От руки; стало быть, шеф настолько не доверял казённой электронике... Александр Михайлович вытащил из ящика стола ленточку с неактивной печатью и протянул Мишке.

— Сразу закрой, пожалуйста. Буду очень признателен, если чтением ты займёшься вдали от посторонних глаз.

— Что это? — подозрительно спросил Старов, послушно протаскивая ленту через люверсы. — Мне допускать-то хватит это читать?

— Я согласовал тебе второй уровень, — обрадовал шеф. — Это, скажем так, ещё не ответы, но правильно поставленные вопросы. Мне нужно, чтобы ты довёл эти наброски до ума.

— Срочно?

— Как можно скорее.

— А мои текущие дела? — Мишка нахмурился, созерцая светящуюся серебристым свеженькую печать. — Паразит, нежить?

— Паразита передай Оксане, — шеф глотнул холодного кофе и поморщился. — Нежить официально остаётся твоей основной задачей. Если изложенное здесь верно, — Александр Михайлович прижал пальцем уголок папки, — то с ней мы тоже разберёмся по ходу дела.

— Это что, туйское? — лихорадочно соображая, спросил Старов. — А что случилось...

— Пока ничего непоправимого, — перебил начальник. — Но у нас есть все шансы влипнуть по-крупному, если не распутаем этот клубок. Мне меньше всего нужны серьёзные потрясения в сообществе, понятно?

Мишка кивнул. Чего ж тут непонятного? Если около Москвы и впрямь объявился злонамеренный тип со способностями к ментальной магии, вся эта история чревата нехорошими последствиями. Ещё и выборы на носу...

— Мне понадобятся исследования Свешниковой, — напрямик заявил Старов. Шеф вопросительно изогнул

бровь. — Ярик говорил, что она занималась ментальной магией, а я ничего про это не знаю.

— Не слышал, чтобы Лидия Николаевна публиковала что-то подобное, — задумчиво проговорил шеф. — Попробую сходить к ученым. Начни, пожалуйста, с трудов Игоря Чернова, они точно есть в специальных секциях.

Стало быть, напрямую Костика спрашивать нельзя. А жаль: у него и опыта побольше, и поговорить с отцом ему куда легче, чем Старову — рыться в архивах... Но шеф отдаёт дело именно Мишке, а шеф ничего не делает просто так.

— Не углубляйся, пожалуйста, в теоретико-магические изыскания, — Верховский откинулся на спинку кресла и принялся не глядя завязывать галстук. — Мне нужны, во-первых, доказательства, а во-вторых — прогнозы. Кто эти люди, чего добиваются, что могут предпринять и в какие сроки.

— Значит, вопросы всё те же, — проворчал Мишка себе под нос.

— Именно, — Александр Михайлович взял со стола украшенный мелкими бриллиантами зажим и аккуратно закрепил галстук. — Ты уже проявил сообразительность. Молодец. Теперь, пожалуйста, додумай то, что Зарецкий не успел. Или не пожелал нам поведать, — Верховский поднялся, бросил рассеянный взгляд в окно и набросил на плечи пиджак. И не скажешь, что провёл ночь за работой.

Мишка сгрёб со стола папку и тоже встал. Спросить или нет? Шеф наверняка не станет отвечать, но, с другой стороны, больше пытаться некого.

— Сам-то он где? — Старов накрутил на палец болтающийся хвост печати. — Что делает?

— То же, что и мы, — хмыкнул шеф. — Всё возможное.

Больше ничего и не скажет. Мишка пожелал начальнику хорошего дня и покинул логово. Кабинет по-прежнему пустовал; мельком взглянув на часы, Старов распустил ленту и пролистал немногочисленные бумаги. Первые три листа — почерком Верховского, десяток остальных писал Ярослав. На одном, вырванном из блокнота — набросанный от руки клочок звёздной карты с длинным столбиком координат и указаний к расчётам. Мишка пробежал глазами обозначенные на рисунке звёзды: Бета Лебеда, Сигма Северной Короны, Гамма Дракона, Дельта Цефея и ещё с дюжину более мелких, разбросанных по всему небосводу. Четыре даты в углу, самая поздняя — в начале прошлого века. Если Зарецкий не удосужился дать пояснений в заметках, копаться в этом придётся мучительно долго.

— Привет, Миш, — Ксюша благоухающим духами вихрем ворвалась в кабинет. Старов поспешно сунул лист с расчётами обратно в папку. — Чего такой кислый с утра пораньше?

— Скучаю по дежурствам, — вздохнул Мишка. Почти честно. — Ксюш, шеф сказал отдать тебе паразита. Сможешь сама?

— Смогу, конечно, — зло фыркнула Оксана. — А чего это ты задачи раздаёшь в добрые руки? Увольняться собрался?

— Да нет, ты чего, — Старов вздохнул и пошевелил мышку, выдёргивая компьютер из глубокого сна. — Просто поручений надавали. Я тебе сейчас всё отправлю.

— Буду шерстить ночные клубы, — Ксюша глянула в зеркало, удовлетворилась состоянием причёски и шмыгнула к себе за стол. — О, ребята, привет.

Андрей и Костик заявили вместе. Бармин выглядел бодрым и так и лучился служебным рвением; Чернов, напротив, был мрачен и задумчив. Выглянувшему из логова шефу Костя отвечал односложно и вообще вёл себя непривычно тихо. Подействовала устроенная на прошлой неделе выволочка или у него ещё какие-то поводы для печали?

— Некрасов опаздывает, — заметила Ксюша, сверившись с часами.

— Максима не будет, — спокойно ответил шеф. — Он уехал по моему поручению.

— О, — Тимофеева сконфуженно отвела взгляд. — Он не сказал. А дела оставил кому-то?

— Его дела подождут, — Верховский со значением посмотрел на Мишку. — Не забудьте про текучку, пожалуйста.

— Точно, — расстроено протянула Оксана. — Андрюш, будь другом, сбегай за входящими.

Андрюша послушно побежал. Вокруг Старова воцарилась пустота. Ксюша возилась с чайником, Костя спрятался от мира за мониторами. Мишка аккуратно вытащил из папки записки Зарецкого. На верхнем листе красовалась аккуратно начерченная схема — соединённые линиями и помеченные сносками имена, события и факты. Старов едва удержался, чтобы не присвистнуть. Сколько тут всего! От очевидных вещей, вроде смерти профессора Мезенцева, до мелочей в духе неполадок с ежегодными генетическими пробами. Кое-где линии были пунктирными — это, должно быть, означало сомнения в наличии связи. Пояснения начинались, конечно же, с людей. Нелегал Дмитрий Кузнецов, подозрительно похож на фигурантов тульского процесса, но отсутствует в материалах дела; нет отчества и, по-видимому, живых родственников; неустановленные и вряд ли одобренные государством процедуры инициации; наставник Егор пропал — погиб? — пятнадцать лет тому назад...

Неизвестный обитатель метро; пользовался соседством моровой язвы, чтобы прятаться под мороком; грамотен; обладает слабым здоровьем либо время от времени подвергается серьёзным нагрузкам на организм... Убийца сгинувшей русалки; обладает достаточной магической мощью, чтобы расплавить зачарованное серебро... Истребитель шишиг, тоже сильный маг; мотивы действий неясны... Кто-то внутри Управы, помогавший Кузнецову сбежать; предположительно, он же пробрался в магконтроль за медальоном и прихватил заодно пузырёк стимулятора; возможно, располагает служебным пропуском, который потерял растяпа домовой...

Оторвавшись от записей, Мишка покосился на пустующий соседний стол, напрягая с таким трудом развитое чутьё на чары. Так и есть — следящие, довольно хитро переплетённые со стандартными управскими сигналами. Судя по оттенку, они тут уже давно, не одну неделю... Старов пошевелил пальцами, повторяя невесомое кружево чар. В высокоточных построениях он был не силён и заставить заклинание, к примеру, игнорировать своих, отдельных, ни в жизнь не сумел бы. Ну и ладно, лучше пусть выстрелит лишний раз, чем проспит диверсанта...

— Мишань, ты чего? — озадаченно спросила Оксана. Чайная ложечка в её пальцах замерла над чашкой.

— Да так, задумался, — Старов мотнул головой, сгоняя с лица сосредоточенное выражение. — Ты что-то хотела?

— Ага. Поможешь с наследствами? — Ксюша перегнулась через боковой стол и бросила тощий файл с прошениями на клавиатуру дремлющего компьютера Зарецкого. Тонкие нити следящих чар на миг налились светом, но тут же успокоились и вновь побледнели. — Можно не сейчас, вечером. Как же не вовремя Некрасова унесло...

— Без проблем, — вздохнул Мишка. Повинуясь его жесту, файл вспорхнул со стола и довольно точно приземлился между пустой кружкой и стойкой монитора. — В обед съезжу.

Что тут у нас ещё?.. Подробное, со ссылками на маститых учёных описание запутанных циклов активности магического фона вблизи разломов. Взятые из немногочисленных практических трудов формулы, пытающиеся описать закономерности всплесков, путём длинных строгих преобразований опрокинуты из максимумов в минимумы. «Следует рассматривать именно спады активности, поскольку в это время проще всего близко подобраться к аномалии»... Выведенные из расчётов долгие, в несколько человеческих поколений, неравные промежутки времени. Мишка придвинул к себе лист со звёздной картой. Она оказалась, как и следовало ожидать, всего лишь календарём. Почему только дотошный Ярик бросил вычисления на полдороге, остановившись на давно минувших годах?

— Двадцать седьмое, — пробормотал Старов себе под нос. Можно попробовать сверить расположение звёзд, но оно — к ведьме не ходи — совпадёт с кропотливо записанными координатами. Стало быть, Зарецкий намерен поймать с поличным отважных исследователей магических аномалий. Зачем он оставил шефу все эти километры расчётов? Следующий серьёзный спад наступит через чёрт знает сколько лет...

Мишка ещё раз проглядел исписанный формулами лист. Из всего этого следовал очевидный ответ на один из поставленных шефом вопросов. Почему всё началось именно сейчас — да потому, что через пару дней впервые за без малого век звёзды сойдутся должным образом! Неужели Ярик не додумался сам? Когда держишь в голове такую уйму разрозненных фактов, немудрено упустить то, что лежит прямо перед носом...

Старов решительно схватил из стопки черновиков относительно чистый лист и принялся записывать собственные соображения. Он-то, наивный, думал, что одним лишь злокозненным ментальным магом дело и ограничится! А между тем среди вороха мельчайших деталей, изящно выстроенных логических цепочек, точных расчётов и туманных предположений нет ни намёка на догадки о его личности. Зарецкий или осторожничал, или подозревал нескольких сразу — а может, и вовсе всех попавших в записки. Неужели досконально, до последней запятой расписанные математические выкладки важнее, чем одно-единственное имя, которое положило бы конец всей этой истории?

К полудню народ мало-помалу куда-то разбежался. Чернов ушёл вместе с Верховским на совещание, Оксана помчалась разруливать недоразумение с чьим-то домовым, Андрея шеф отправил сдавать в архивы документацию. Мишка виновато покосился на заставленное коробками Ирино рабочее место. Это же надо, с промежутком в неделю попасться сначала паразиту, а потом офонаревшей от близкого солнцестояния нежити... Кстати говоря, шеф ведь ни словом не обмолвился о пятничном происшествии! Зная Верховского — он скорее метал бы всё утро громы и молнии, изводя подчинённых требованиями выяснить, какая скотина оставила дырку в защитных чарах вивария, а тут не сказал даже, что именно сбежало... Неужели всё настолько засекретили, или дело в другом?

От бесконечных вопросов голова пошла кругом. Пытаясь отвлечься, Мишка заглянул в пустующее логово и залпом выхлестал двойную порцию крепкого кофе. Лучший отдых, как известно, перемена видов деятельности; прошения о вступлении в наследство — простые и понятные, никаких страшных тайн в них нет. Старов мельком проверил информацию об артефактах и их владельцах — бывших и будущих — и отправился проветриваться. Вернадского, Таганка и Марьино Роща; за час точно не успеть. Что ж, за рулём хотя бы не лезет в голову всякая ерунда...

Сигнал от сработавших следящих чар застиг его где-то около Большой Сухаревской. Мишка наспех приткнул машину в ближайшем парковочном кармане, убедился, что в окна к нему никто не заглядывает, и сосредоточился на хорошо знакомом управском коридоре. Прыжок вышел неуклюжим; Старов едва не рухнул на чистый белый кафель и ухватился за стену, переводя дух. До чего дурная магия! И ведь не обойтись без неё...

Вмурованный в пластиковую оправу кристалл кварца безмятежно мерцал белым светом. Должно быть, ложная тревога; кому-то из ребят что-то понадобилось на Мишкином столе, вот и всё. Старов бесшумно нажал на дверную ручку. В кабинете действительно кто-то был. Худенькая девичья спина вполне могла бы принадлежать Оксане; скрученные в тугий узел тёмные волосы — точно нет.

— Стоять и не двигаться с места, — велел Мишка, сбрасывая с пальцев ловчую сеть. — Это приказ.

Незваная гостья так и замерла у самого логова, пойманная цепкими серебристыми нитями. Мишка осторожно двинулся вдоль столов, следя за застывшими над дверной ручкой хрупкими пальчиками. В левой руке у девушки была зажата служебная тёмно-синяя карточка.

— Вот кто у нас домовых грабит, — проворчал Старов. — Клади пропуск на пол. Это тоже приказ.

Раздался жалобный вскрик. Дрожащая ладонь неохотно разжалась, выронив пластиковый прямоугольник. Мишка чуть ослабил хватку серебряных нитей, позволяя девушке повернуться, и вгляделся в полужнакомое хорошенькое личико, искажённое страхом. Кажется, она работает на стойке информации у входа в Управу. Или нет?

— Сядь, — приказал Мишка, кивнув на собственное кресло. — Руки на подлокотники, и не двигайся. Приму меры, если решу, что ты ведёшь себя некорректно.

Незваная гостья снова шмыгнула носом и неохотно, будто против собственной воли, поковыляла к креслу. Ловчая сеть, свисавшая с её плеч, как диковинная шаль, обвилась вокруг спинки и подлокотников, надёжно обездвигив воришку. На тонкой девичьей шейке висел незнакомого вида амулет; Мишка напряг все свои способности к телекинезу, аккуратно сдёргивая с незадачливой гостьи длинную цепочку. Кустарного вида пластинка со знакомыми уже заострёнными знаками. То-то Андрюха обрадуется...

— Имя, род способностей, категория, — рявкнул Старов.

— Вера, — пролепетала девушка севшим голосом, — Вера Тришина. Спо... способностей нет.

Вот те раз... Минус! Как всё просто, однако! Никакую присягу нарушать и не нужно, если её вовсе нет. Наверняка трудилась девочка не одна; кто-то ведь снабдил её амулетом... Мишка заставил цепочку опуститься на стол и протянул к ней руку, стараясь не коснуться ненароком. В безыскусной серебряной пластинке дремали мощные разрушительные чары. Старов сощурился, приглядываясь к стационарным защитным контурам здания. Стандартная сигнальная цепь вокруг кабинета была не просто прорвана — напрочь сметена, словно тараном. Это её гибель потревожила Мишкины чары; что ж, спасибо Ярику за идею...

— Ну, рассказывай, что натворить успела, — потребовал Старов, прислоняясь к соседнему столу. — Сотрудничество со следствием благотворно сказывается на приговоре.

— Я... ничего!.. — испуганно ахнула Тришина. Она нервно дёрнула правой рукой, словно пытаясь высвободиться, и воззрилась на удерживающие её путы так, словно только что их увидела. — Это не я! Я не хотела, правда...

— Карточку у домовых стащила, это раз, — непререкаемым тоном перебил её Мишка. — Умыкнула отсюда медальон и зелье, это два. Вывела из здания нелегала, это три... И паразита до того, верно?

— Нет! — Вера яростно замотала головой. — Нет... Не знаю ничего про паразита, честное слово...

Ага, а против остального, значит, не протестуем... Мишке пришла в голову ещё одна светлая мысль.

— А на седьмом этаже действует твой пропуск? — поинтересовался он. Если окажется, что барышня замешана в деле с ошибочным приказом надзора, ей точно несдобровать.

— Нет, — Тришина метнула полный ужаса взгляд на конфискованный Мишкой пластик. — Только на двенадцатом... Больше я ни-никуда не ходила... Почти...

— И что ты делала на двенадцатом?

— Я... я взяла амулет, — Вера тяжело дышала и испуганно шарила глазами по пустому кабинету. — Читала документы у ученых... И ещё... ещё пробы крови. В лаборатории. Я их просто вылила, честное слово...

— Зачем? — опешил Мишка. Никакой другой причины, кроме как досадить ученым, он придумать не мог.

Вера жалобно взглянула на него большущими серыми глазами. Старову на миг показалось, что в них совершенно нет проблеска разума.

— Не знаю, — пробормотала пленница, словно бы изумлённая собственными словами. — Я не знаю. Так было нужно.

— Так было нужно, — медленно повторил Мишка. — Кому?

Она молчала. Только таращила глаза с каким-то звериным отчаянием.

— Кому нужно? — настойчиво повторил Старов. — Кто тебе приказал?

— Я не скажу, — бесцветным шёпотом проговорила Вера. — Не могу. Не... не могу...

Губы её двигались судорожно, с чудовищным усилием. По щеке скатилась крупная слеза.

— Помогите... мне, — выдавила девушка, подавшись вперёд — насколько позволила сеть. — Пожалуйста... помогите! Пожалуйста!

Мишка до боли закусил губу. Что, Александр Михайлович, хотели доказательств? Так вот оно, явилось во плоти — хоть сейчас предъявляй безопасникам.

Дело за малым — развеять неизвестные науке чары.

XLIII. Солнечные блики

— Дамы, — Макс изобразил пародию на галантный поклон, — не желаете ли утолить голод не только духовный, но и низменный желудочный?

Ира неуверенно ему улыбнулась. Ей не хотелось уходить с залитого солнцем холма, с которого видны были, как лоскуты на пёстром одеяле, крыши домов, неровные зелёные заплатки луговин, блестящие пятнышки озёр и неторопливые извивы реки. Лёгкий ветерок овеивал лицо и трепал распущенные волосы, полыхали ярким золотом купола церквей, степенно прогуливались мимо такие же любопытные зеваки; всё здесь дышало спокойствием. Даже трещавшая без умолку сестрица принадлежала благодной солнечной дрёме, в одночасье сменившей стгутившиеся было тучи. Они никуда не делись, они бродили где-то за горизонтом, терпеливо дожидаясь своего часа, но прямо сейчас не хотелось даже думать об этом.

— Я знаю недорогое место, — оживлённо зашебетала Оля, обворожительно улыбаясь Максу. — Правда, идти отсюда далековато. Мы всегда заходим...

— Я тебя умоляю, — Макс сверкнул крепкими белыми зубами, будто актёр в рекламе жевательной резинки. — Не будем ограничивать себя критерием «недорого». Я желаю безудержно тратить суточные, которые мне когда-нибудь выплатят. Так, что тут у нас поблизости интересного?

Он жестом фокусника выхватил из кармана телефон. Любопытная Оля тут же бесцеремонно сунула нос в экран. Одёргивать сестру Ира перестала ещё с утра, уверившись, что это бесполезно; благо общительный Макс охотно поддерживал беседу. Их безмятежная болтовня скрадывала Ирино умиротворённое молчание.

— Вот, неплохо выглядит, — решил наконец Некрасов. — Осталось начальника дожидаться... А, уже не надо! Яррик, иди сюда!

— Убавь децибелы, будь добр, — миролюбиво посоветовал Ярослав. В летней рубашке и светлых джинсах он даже не казался мрачным; а может, Ире просто не хотелось сегодня замечать ничего плохого. — Вы закончили осмотр достопримечательностей?

— Мы ещё не ходили к Золотым воротам, — заявила Оля прежде, чем Макс успел открыть рот. — А так — да, отлично погуляли! Зря ты с нами не пошёл.

Зарецкий пожал плечами.

— Дела сами себя не сделают. До Золотых ворот тут минут пятнадцать, можем и пройтись.

— Зачем идти, когда мы на машине? — заупрямился Макс. — И мы вообще-то собирались поесть!

— Поесть и попозже можно, — заметила Оля, кокетливо накручивая на палец рыжую прядь.

— Я уже настроился на изысканную ресторанный еду, — проворчал Макс. — После пытки тушёнкой так хочется чего-нибудь эдакого, не представляешь.

Оля охнула и всплеснула руками.

— Что ж вы мучаетесь-то! Заходили бы к нам, у бабушки всегда чего-нибудь вкусенькое есть.

Ира невольно усмехнулась. Наивные попытки кузины понравиться московским гостям раскусил бы даже чурбан вроде Чернова, но Макс принял правила игры и делал вид, что всерьёз заинтригован провинциальным гостеприимством.

— Буду счастлив, — заверил он просиявшую Олю. — Но прямо сейчас нам придётся довольствоваться рестораном.

— Нет, давайте сначала посмотрим Золотые ворота, — упёрлась сестра.

— Немощные могут подождать в машине, — с серьёзным видом предложил Ярослав, поигрывая ключами. Оля, не привыкшая к принятой у контролёров манере общения, прыснула, глядя на Максону оскорблённую мину.

— Кто немощный? Я немощный? — возмутился Некрасов, театрально размахивая руками. — Я мощный, как трансформаторная будка! Хочешь, наперегонки до этих твоих ворот побежим?

Зарецкий насмешливо хмыкнул.

— Я с младшими офицерами не соревнуюсь.

Оля хихикала уже безостановочно, бросая в сторону Некрасова лукавые взгляды. Иру это должно было бы раздражать, но отчего-то даже не задевало. Умный Макс, щадя её больную голову, не пытался навязчиво демонстрировать симпатию и ничего не требовал. Ира была ему за это благодарна. Будет ещё время разобраться в себе, а сейчас всё слишком хорошо для трудных решений.

Широкая прямая улица шумела между рядами невысоких нарядных домов. Сегодня, кажется, понедельник; машин много, а праздно гуляющих пешеходов почти нет, несмотря на ясную погоду. Ира приотстала на пару шагов, предоставляя Максону развлекать Олю беседой. Не прерывая болтовни, он мельком оглянулся и ободряюще подмигнул в обычной своей манере. Похоже, сестрица всё-таки надеется зря.

— Всё хорошо? — негромко спросил Зарецкий, тоже замедляя шаг.

Ира, подумав, кивнула.

— Я поняла, в чём дело, — понизив голос, сказала она. — С моими тестами. Вернее, без понятия, что именно с ними не так, но я ничего такого не знаю... Это правда случайное стечение обстоятельств.

— Я в курсе, — Ярослав устало вздохнул. — Много успела услышать?

Это он о чём?.. Ира пристыжённо охнула, чувствуя, как кровь приливает к щекам.

— Не очень, — призналась она, пряча взгляд. — И почти ничего не поняла. У тебя неприятности, да?

— Ерунда, — Зарецкий небрежно отмахнулся. Лукавил, само собой. Из-за ерунды не срываются с места на ночь глядя, на чужой машине, с напутствиями вроде тех, какие давал Верховский. — Тебе что-нибудь прописали?

— Да, я принимаю, — Ира энергично закивала, будто от этого слова становились убедительнее. — Спасибо. И извини, пожалуйста. Я напортачила, а тебе теперь разгрести...

— Работа такая, — Ярослав пожал плечами. — Можно тебе посоветовать не разговаривать с незнакомцами?

— Особенно с чёрными котами, — хихикнула Ира. Зарецкий вежливо улыбнулся; похоже, не оценил шутку. — Я даже не знаю, о чём мне нельзя разговаривать. И, если честно, знать не хочу.

— В этом порочность нашей системы, — задумчиво проговорил Ярослав. Макс, как раз сделавший паузу в громогласных излияниях, заинтересованно обернулся. — Защищая себя от хаоса, она отбивает у людей всю охоту стремиться к знанию. Неудивительно, что наша наука так отстаёт от минусов.

— Уши вянут, — улыбаясь во весь рот, прокомментировал Макс. — Ярик, можно хоть на отдыхе без дум о высоком?

— Кто это тут на отдыхе? — едко спросил Зарецкий. Ире на миг стало жаль их разговора, почти доверительного, а потом летний ветерок унёс и эту случайную печаль.

— Ну а что, при исполнении, что ли? — фыркнул Макс. — Мы ж даже в местный магконтроль не зашли. Значит — частный неформальный визит, то есть отдых.

Оля непонимающе посмотрела на обоих и на всякий случай хихикнула.

— Вот это, что ли, ваши хваленые ворота? — ворчливо осведомился Некрасов, кивая на увенчанную золотым куполом белокаменную громаду. — Было из-за чего ноги бить.

— Они очень древние! — возмутилась Оля. — Памятник архитектуры!

— Всяким старьём у нас Андрей интересуется, — фыркнул Макс. — Так, вы как хотите, а я иду есть. Вот хоть сюда!

Он решительно свернул к ближайшему кафе. Оля, всем своим видом выражая кокетливое недовольство, побежала следом. По правде говоря, Ире больше хотелось остаться на свежем воздухе, под ласковым летним солнцем, чем нырять в темноту полуподвального зала.

— Идём, — поторопил её Зарецкий, — пока Макс не уничтожил все запасы съестного.

Макс и впрямь ни в чём себе не отказывал. Мельком изучив меню, Некрасов озвучил официантке весьма обильные пожелания и заявил, что банкет за его счёт.

— Для всех, кроме тебя, — прибавил он, обвиняюще ткнув пальцем в сторону Зарецкого. — Потому что ты злодей. И зарплата у тебя больше.

— Уймись уже, — флегматично протянул Ярослав. Говорливый младший офицер, похоже, утомил его.

Макс, как ни странно, послушался: сбавил тон и прекратил трещать обо всём, что приходило на ум. Красивым жестом передав винную карту Оле, растерявшейся от вида здешних цен, он придвинулся к Ире и негромко спросил:

— Ты как? Может, винца? Если медики разрешили, конечно.

— Нет, не хочу, спасибо, — Ира покачала головой и попросила у официантки минеральной воды. Её вполне устраивало нынешнее настроение, к тому же мешать с алкоголем колдовские микстурки и впрямь не стоило.

Макс тепло ей улыбнулся. Раньше это выходило у него заразительнее. А ведь он тоже обеспокоен... Либо ничего не понимает в происходящем, либо, напротив, что-то узнал и теперь нервничает. Впрочем, на аппетите это никак не сказалось: провозгласив что-то про молодой карьерно растущий организм, Макс запросто умял добрую половину всего, что оказалось на столе. Оля озабоченно поглядывала на опустевшие тарелки — видимо, вспомнила своё опрометчивое приглашение и опасалась за бабушкин холодильник.

— У нас сегодня оплата только наличными, — виновато сообщила официантка, проворно убирая грязную посуду.

— Во дела, — Макс расстроено посмотрел на экран телефона. — А перевести куда-нибудь можно? Или где тут у вас банкомат ближайший?

— Не напрягай людей, — Зарецкий ловко отобрал у него счёт и вложил в папку несколько купюр. Обрадованная официантка благодарно ему улыбнулась.

— Сколько я должен? — с облегчением выдохнул Макс. Наверное, не очень хотел на полный желудок бежать к банкомату.

— Отработаешь, — хмыкнул Ярослав, первым вставая из-за стола.

Некрасов скорчил в ответ недовольную гримасу и тоже вскочил.

— Я лучше деньгами. Сорняки полоть не стану!

— Хорошо, тогда будешь чинить забор.

Несмотря на их серьёзные мины, Ира поняла, что оба смеются. Даже странно, что она прежде принимала все эти пикировки за чистую монету. Оля вот и сейчас принимает; озадаченно переводит взгляд с одного на другого, сжимая в руках кошелек.

— А с нас сколько? — отважилась она наконец.

— За вас он три дня будет дежурить по кухне, — постановил Ярослав. Макс довольно заржал.

— Ты не представляешь, на какие муки себя обрёл! Моё кулинарное творчество даже тараканы не жрут.

Окончательно растерявшаяся Оля залилась краской.

— Вы тогда к нам обязательно приходите, — выпалила она. — Так всё честно будет.

— Принято, — важно кивнул Макс и обернулся к Зарецкому: — Ну всё, я свои проблемы с продовольствием решил, а ты как знаешь.

Оля радостно заулыбалась. Не так уж кузина и неправда; Ире подумалось, что она искренне рада будет видеть в гостях обоих контролёров. Рядом с ними как-то спокойнее, а с Максимом ещё и весело. Оживший после обеда Некрасов согласился-таки поближе взглянуть на архитектурные древности, лично оббежал по кругу Золотые ворота и наделал фотографий со всех возможных ракурсов.

— Иди сюда, — он обнял Иру за талию, целясь себе в лицо фронтальной камерой. — Будет фотка на память... Улыбнись, всё хорошо!

Он тоже лукавил. Когда всё действительно хорошо, нет нужды напоминать об этом. Макс вряд ли посвящён в какие-то тёмные тайны, но он волнуется за неё — именно за неё, а не за судьбы мира. Ира послушно улыбнулась объективу; фото вышло немного грустным, но вполне симпатичным.

В машине утомлённая ранним подъёмом, прогулками и впечатлениями Оля быстро задремала. Ира поудобнее устроила сестрину голову на своём плече и тоже прикрыла глаза. Солнце сквозило мягким красноватым светом через сомкнутые веки. Славный, вопреки ожиданиям, выдался день.

— Ну? — тихий голос Макса едва-едва перекрывал рокот мотора. — Расскажешь, чем на самом деле был занят?

— Я тебе уже говорил, — так же негромко отозвался Ярослав. — Вон, полный багажник доказательств.

— Мне-то можешь не врать. Следы искал?

— Нету тут ничего. Сделай милость, не мешай девушкам спать.

Оля так и дремала до тех пор, пока гладкий асфальт не сменился ухабистой грунтовкой. Тряска её разбудила; сестрица встрепенулась и принялась охорашиваться, поглядывая на блёклое отражение в оконном стекле. Она выглядела очень довольной.

— Пойдёмте к нам на чай, — настойчиво напомнила Оля, когда машина аккуратно сползла с дороги к бабушкиному забору. — Как договаривались! Самовар поставим, и ба с утра пироги затеяла...

— Самовар! — мечтательно протянул Макс, снова входя в роль жизнерадостного болтуна. — С ума сойти! Ярик, пойдём, а? Сорняки никуда не денутся, я тебе гарантирую!

Зарецкий поколебался с пару мгновений, потом заглушил мотор.

— Если только не помешаем.

— Не мешаем, — ответила Ира, пряча улыбку.

Из дома, на ходу вытирая руки о передник, к калитке спешила бабушка. Иру ужалила совесть: пока они с Ольгой празднично гуляли, на кухне всю кипела работа. Что ж, по крайней мере, поставить тесто они с утра помогли...

— Здравые! — сияющий Макс придержал калитку перед Олей и следом вошёл сам. Бабушка пристально его осмотрела, задержав взгляд на колечке в брови. — Можно я не по протоколу? Меня Максим зовут, очень рад знакомству!

— Здравствуйте, — бабушка радушно улыбнулась. — Антонина Михайловна. Это вы, значит, внучек моих балуете?

— Строго говоря, сегодня больше Ярик, чем я, — Макс указал на задержавшегося у машины Зарецкого. — Но при моём непосредственном участии, это да!

— Ба, скажи Афоньке, чтоб самовар ставил, — суетливо распорядилась Оля. Домовой, высунувший нос из-за входной двери, недовольно прятнул чуткими ушами.

— Зачем? Сами справимся, — подошедший Зарецкий вежливо кивнул бабушке и под её цепким взглядом поправил воротник рубашки. — Добрый день. Мы вам не слишком поперёк планов?

— Нет, нет, какое там, — бабушка чуть замешкалась с ответом, словно в самом деле перекраивала в голове

какие-нибудь планы. — Проходите, конечно. Олюшка, надо бы в саду тогда накрыть...

Поднявшаяся уютная суета напомнила Ире прежние семейные визиты в Ягодное; правда, теперь вместо мамы у стола суетились они с Олей, а вместо папы с пузатым латунным самоваром возился Ярослав под нескончаемые Максовы остроты. Действовал он со сноровкой, какой сложно ожидать от столичного жителя; Афонька, втайне довольный, что его освободили от работы, ревниво наблюдал за гостями, но с придирками не лез.

— А мне запретил, — проворчал Макс, наблюдая, как коллега прикосновением поджигает щепку.

— И ты знаешь, почему, — хмыкнул Ярослав и бросил горящую лучину в тёмный зев трубы.

— Ну тут-то можно?

— Можно. Только уйди, пожалуйста, куда-нибудь к водоёму.

Макс сердито фыркнул и отступил подальше от самовара, внутри которого начинало гудеть и потрескивать разгорающееся пламя. Струйка пахучего дыма потянулась следом за ним.

— Ну хорош! — Некрасов обиженно замахал руками, отгоняя дым.

— Я тут ни при чём, — с достоинством заявил Ярослав, забрасывая в огонь притащенные Афанасием шишки. — Не надо во всём подряд искать чью-то злую волю.

В полной душистого жара кухне бабушка расставила на столе жестянки с сушёными травами и теперь беспомощно щурилась на почти выцветшие надписи. Ира, встав на цыпочки, сняла с верхней полки буфета расписной заварочный чайник размером с небольшую кастрюлю, окатила его кипятком и, приобняв бабушку за плечи, деликатно оттеснила её в сторону.

— Ба, давай я. Чего положить надо?

— Спасибо, Иринushка... Липу и малину, и где-то у меня были апельсиновые корки...

— Может, любисточка сыпануть? — промурлыкала Оля, проворно выкладывая на блюдо пирожки.

Бабушка сердито сдвинула брови.

— Ольга! Я тебе покажу любисток!

— Чего его показывать — вон под забором растёт... Да чего ты, ба, я ж шучу! — под строгим бабушкиным взглядом сестра стушеввалась и соорудила виноватую гримаску.

— Смотри мне, — грозно предупредила бабушка и тут же заулыбалась: — Максим, вам помочь?

— Не-а, я сам помогать пришёл, — Некрасов сунул нос в тесную кухню и счёл за благо остаться в коридоре. — Таскать, может, что-то надо?

— Пирожки, — решительно распорядилась Оля, протягивая ему блюдо. — Осторожно, тяжёлые!

— Есть в мире вещи и потяжелее, — изрёк Макс, взвешивая ношу на руках. — Например, бремя ответственности. Поберегись!

Афонька, не привыкший к такому обращению, проворно отскочил в сторону с его пути и сердито заворчал. Ира бросила в горстку чайных листьев ароматную апельсиновую корку, добавила на свой вкус малину и смородину и вставила ситечко в носик чайника. Не снадобье, но тоже почти колдовство.

— Ирка, хватит возиться, пошли! — поторопила её сестра.

Макс уже тащил к столу исходящий дымом самовар. Странно было видеть его здесь, под сенью старой яблони, у места, где раньше всегда садился папа. Единолично захватив в свои руки распоряжение чаепитием, Некрасов до краёв наполнял чашки и передавал их Оле одну за другой.

— Осторожно! — воскликнул он за миг до того, как Оля, ойкнув, выпустила из рук неудачно схваченное блюдо.

Сестра растерянно замерла и наверняка бы ошпарилась, не оттащи её Макс. Кипяток выплеснулся в траву; чашка вместе с блюдцем повисли в воздухе в десятке сантиметров от земли, а затем неспешно взмыли над столом и аккуратно спланировали прямым под кран самовара.

— Ну что ж ты так, — Некрасов укоризненно потрепал Олю по плечу, прежде чем отпустить. — Несчастный случай на ровном месте... Зато видишь, как слаженно работает московский магконтроль? Я спас тебя, а Ярик — посуду.

Оля неуверенно хихикнула. Она, похоже, не прочь была ещё что-нибудь уронить, но чай ей больше не доверяли. Макс лично поставил перед собой последнюю чашку и довольно потёр руки.

— Не вижу причин дольше оттягивать приятный миг! — провозгласил он, первым усаживаясь за стол. — А с мясом пироги имеются?

Всё это казалось настолько же умиротворяющим, насколько невероятным. Словно бы не было тревожных последних дней; словно бы Макс не стоял у постели раненного Андрея, а Ярослав не торговался с тенью за Ирину жизнь. Будто мимолётный сон среди беспросветного мрака, слишком сладостный, чтобы быть правдой. Кажется, одна только Оля не понимала, что иллюзия всеобщей беззаботности хрупка, как первый предзимний лёд. Бабушка нет-нет да поглядывала тревожно в Ирину сторону; волновалась, наверное, что внучка пропустит приём снадобья или ни с того ни с сего начнёт мёрзнуть посреди жаркого дня.

— Как ты их двигаешь? — Макс сосредоточенно сощурился на стоявшую перед ним полупустую чашку. — Через стандартное построение Симонова?

— Нет, но через него тоже можно, если предмет небольшой, — любезно отозвался Ярослав. — Нужно включить вторую компоненту, потому что появляется передаточная среда...

— И сил побольше вбухать, — радостно перебил Некрасов, простирая ладони над чашкой. — Только не арестовывай меня, пожалуйста, я ж забавы ради. Ну, милая, давай!

Глядя на его покрасневшее от усердия лицо, Ира невольно засмеялась. Макс по-всякому менял положение пальцев, кусал губы, цветисто ругался на чашку или увещевал её, словно живую; всё тщетно, хоть Оля и уверяла со всей горячностью, что видела, как доньшко чуть-чуть приподнялось над блюдцем. Бабушка наблюдала за экспериментами с опаской — должно быть, переживала за сервиз.

— О-о-о! — торжествующе завопил Макс. Чашка медленно, словно нехотя, взлетела над блюдцем и повисла, опасно кренясь то на одну, то на другую сторону. — Видали? Ну всё, вернусь в Москву — буду требовать внеочередную аттестацию!

Оля восторженно ахнула, а Ира отвернулась, пряча улыбку, и ненароком встретила взглядом с Зарецким. Он лукаво усмехнулся и едва заметно шевельнул пальцами; Максова чашка рухнула обратно на блюдце, слегка обрызгав озадаченного чародея остывшим чаем. Оля, охая, помчалась к нему с полотенцем; Некрасов заботу охотно принял, внимательно оглядел чашку и обиженно воззрился на коллегу.

— Ну ты и зараза, — вздохнул он.

— К чему это ты? — Ярослав невинно пожал плечами. — Чайку налей, пожалуйста.

— Сам наливай, раз умный такой, — отмахнулся Макс, демонстративно отодвигаясь от самовара. — Пирожки выше всяких похвал! Особенно с черникой.

— Это наша, местная, — похвалилась Оля. — Я вчера собирала!

— Шедевр, — Некрасов цапнул с блюда лиловый от сока пирожок. — Ир, а ты ягодной охотой не увлекаешься? Я тут ежевичники разведаль, между прочим.

— Ой, нет, — Ира встрепенулась и смущённо уставилась в свою чашку. — Я в лес давно уже не ходила.

— Бойтся, — бесцеремонно объявила Оля. — Заблудилась как-то в детстве, с тех пор даже близко не подходит. Полчаса погуляла, а слёз было!

— Не полчаса, — возразила Ира, бросив на сестру укоризненный взгляд.

— А сколько? Час?

— Полдня где-то, — она поёжилась от неприятных воспоминаний. — Если бы парнишка местный дорогу не показал, так бы там и осталась...

— Да ты всё навывдумывала от страха, — сестра обняла её за плечи и слегка встряхнула. Ира деликатно высвободилась. — У нас лес-то — за час насквозь пройти можно...

— Неправда, — вступился Макс. — Там на карте такое пятнище огромное — ужас. Ириш, если боишься, то лучше и правда не соваться.

— Да не боюсь я, — пробормотала Ира. К щекам прилила кровь: в самом деле, стыдно ведь на третьем десятке пугаться лесных чащ. — Просто... не очень люблю.

— Ну всё, хватит мне сестрёнку смущать, — покровительственно заявила Оля, словно не она завела весь этот разговор. — Макс, хочешь — завтра с утра можно за черникой сходить.

— Завтра с утра я занят, — с важным видом сообщил Макс и выразительно покосился на Зарецкого. Ярослав словно бы и не заметил; рассеянно глядя в чашку, он размешивал сахар в крепком чае, будто в мире не было занятия важнее. — Но, если вдруг выживу, можем днём прогуляться...

Вечером, сидя у кухонного стола и досуха вытирая свежевывмытые тарелки, Оля едва дождалась, пока бабушка уйдёт за чем-то в комнату, чтобы выпалить:

— Ирка, признавайся: что у тебя с Максом?

Ира смыла с блюдца пахнущую лимоном пену и взялась за следующее.

— Сама не знаю, Оля, — вздохнула она. — Он такой... Не может не нравиться. Но мне сейчас немножко не до того.

— В смысле — не до того? — возмутилась сестра, хватая мокрый заварочный чайник и запуская руку с полотенцем в его просторное нутро. — Надо ковать железо, пока горячо! Это ж дело такое, сегодня есть — завтра нет...

— А зачем мне так, если завтра — нет? — возразила Ира. Ей впервые пришла в голову эта мысль.

Оля фыркнула.

— Ну, не знаю, сестрёнка! По-моему, ты капризничаешь. Я на твоём месте...

— ...Мечтаешь оказаться, — не выдержала Ира. Очарование минувшего дня стремительно рассеивалось сестриними стараниями. — Оля, не хочу с тобой ссориться. И думать про всё это тоже не хочу. Мы с ним, в конце

концов, вместе работаем...

— Ну и что? — запальчиво перебила Оля. — Он же, кроме тебя, вообще ни на кого не смотрит! А хорошие парни на дороге не валяются...

— И верно, — бабушкин голос заставил обеих сестёр вздрогнуть. Олька покраснела до корней волос и принялась усердно тереть чайник. — Иринушка, не спеши с решениями. Такого, может, единственный раз в жизни встретишь, и то за счастье; не пожалеть бы потом...

Ира удивлённо обернулась к стоявшей в дверях бабушке. Это с чего она взялась сватать Макса старшей внучке? Олька — понятно, та безнадёжно очарована молодым контролёром, но бабушка-то...

— Я и не спешу, ба, — вздохнула Ира, вытаскивая из груды грязной посуды блюдо из-под пирожков. — Может, у нас и сложится... Только мама по-любому будет против.

— С Леночкой я поговорю, — серьёзно заверила бабушка. — А ты не оглядывайся ни на кого. Жизнь — твоя, и жить её — тебе.

Ира ничего не ответила. Мощная струя горячей воды сбивала с фарфора хлопья пены. Время — лучший лекарь; пройдут две недели отпуска, закончится таинственная неразбериха, и, наверное, она снова будет искренне рада прогуляться с Максом по столичным паркам, а пока...

— Ему тоже сейчас не до меня, — решительно сказала Ира, отдавая сестре чистое блюдо. — Ребята работают. Но за совет спасибо, ба.

— Было бы, за что, — тепло улыбнулась бабушка.

XLIV. Глас вопиющего

— Давайте-ка ещё раз, — Ксюша позволила себе несколько раздражённый вздох. — Вы вообще как-то фильтруете посетителей на входе?

Сидевший перед ней администратор, лысый, как коленка, зато с совершенно не идущей ему рыжеватой бородой и в чудовищных роговых очках, неуютно заёрзал в пафосном кожаном кресле. Намеренно нервируя напыщенного минуса, Ксюша рассеянно постукивала по стеклянному столу уголком служебной корочки. Не в такт тикающим на стенке часам без цифр.

— Э-э-э... Мы отказались от этой практики, — мяукнул менеджер, косясь на Ксюшино удостоверение. — Видите ли, наша политика... э-э-э... подразумевает открытость для всех, кто...

— Кто готов платить, — любезно подсказала Оксана. Насколько ей нравилось заведение, настолько с души воротило от местного управляющего. Сделав над собой усилие, она припомнила, как этого хмыря по имени-отчеству. — Андрей Дмитриевич, вы не могли бы выяснить, кто из охранников был на посту четырнадцатого числа?

Менеджер лихорадочно схватился за вызолоченный чернильный «паркер» — похожие, но с серебром и не в пример изящнее, Ксюша в этом году дарила коллегам в феврале, — нервно щёлкнул колпачком и снова закрыл, не зная, что с ним делать.

— Я посмотрю, что можно сделать, — скороговоркой пообещал Андрей Дмитриевич, поправляя очки. — Это, э-э-э, не наши сотрудники, но, может быть, фирма согласится проверить...

— Прекрасно, — Ксюша откинулась на спинку скромного кресла для посетителей и устроила руки на подлокотниках; тёмно-синий гляцевый лак на длинных ногтях угрожающе блеснул в бесцветном свете ламп, похожих на пузыри. — Мой коллега неделю назад направлял вам запрос на доступ к записям камер слежения. Я могу получить результаты?

— Да-да, конечно, — управляющий суетливо защёлкал мышкой. Ему совсем не нравилось, что его заведением интересуются государственные службы, и он охотно делал всё возможное, чтобы от него наконец отцепились. — Вам куда-то отправить или посмотрите здесь?

— Отправьте, — поколебавшись, решила Ксюша. Отсматривать паршивые записи в отвратительном разрешении, когда за плечом нервно пыхтит этот, с позволения сказать, деятель — то ещё удовольствие, не говоря уже о сомнительной пользе занятия. — Вы не возражаете, если я ещё разок осмотрюсь тут у вас?

— Да, пожалуйста. Вы... вы не желаете пообедать? То есть уже поужинать... За счёт заведения, само собой.

Ксюша презрительно изогнула бровь.

— Нет, благодарю.

Полутёмный зал являл собой разительный контраст с безликим обиталищем Андрея Дмитриевича. Ксюша прошла мимо пустующих столов; тот, за которым они сидели на Максов день рождения, был занят. Намалёванные на стене песочные часы никуда не делись. Время у них бежит, видите ли... Открыли Америку!

— Вам предложить столик? — поинтересовалась подбежавшая официантка.

Ксюша с высоты каблуков смерила её пристальным взглядом. Не та. Тех, что работали в злополучный вечер, Мишка уже расспрашивал. Они припоминали, как девушке стало плохо, и удивлялись нездоровому интересу госслужащих к этому случаю; привыкли к тому, что алкоголь и громкая музыка нет-нет да выбивают из колеи кого-нибудь слабого телом и духом. Составленный с Ириных слов фоторобот паразита вызывал у официантов лишь недоумение.

— Нет, спасибо, — Ксюша распахнула и тут же захлопнула удостоверение. Девушка тут же посерьёзнула.

— Я могу вам чем-то помочь?

— Думаю, что нет. Но, если что, я к вам обращусь.

Официантку как ветром сдуло. Ксюша прошла по пустому танцполу; славный был вечер до того, как паразит всё испортил. Вернее, был бы... Ей тогда вообще не хотелось почему-то никуда идти, и не зря. Макс с Ирой всё равно никто лишний не был нужен, а Мишка — тот, не будь дурак, быстренько подцепил себе красотку на один вечер. В итоге вышло, что одна лишь офицер Тимофеева сохранила относительно трезвый рассудок и вовремя заметила слишком долгое Ирино отсутствие. Ох, как она кричала на обалдевших коллег... Всё втуне: голос её так и потонул в ритмичном грохоте басов, а Мишка с Максом не угнались за насосавшейся чужих сил тварью.

Ведущий к уборным низенький коридор, отделанный плиткой под чёрный мрамор, вызывал только одно желание — убраться отсюда поскорее. Висящие кое-где зеркала уюта не добавляли. Тут и безо всяких паразитов немудрено лишиться чувств от внезапно развившейся клаустрофобии. Вот примерно здесь, в десятке шагов от дамского туалета, Ксюша и обнаружила теряющую сознание Иру. Она сперва грешила на невесть откуда взявшуюся агрессивную нежить, но вовремя опомнилась. Если бы здесь появился кто-то опасный, не связанный управкой

биркой, вряд ли эффект был бы таким... точечным. Да и присутствие сильных магов нежить прекрасно чувствует. Хотя паразит должен был чувствовать тоже, а всё равно сунулся... Настолько оголодал?

Ксюша прогулялась взад-вперёд по коридорчику. В дальнем его конце, куда вряд ли падали взгляды посетителей, в небольшой нише стояло пластиковое ведро с тряпкой и торчал из стены кран; вотчина здешних уборщиков и отличное место для засады. Засады!.. Вот явился паразит в полный людей клуб, проигнорировал пышущее эмоциями и энергией сборище на танцполе и пошёл в эту нору, сидеть на перевёрнутом ведре и поджидать жертву. Бред несусветный. А если, скажем, этот тип был вполне себе сыт и заглянул в пафосное заведение повеселиться и хлопнуть рюмку-другую текилы под оглушительно ухажующую музыку? Перед уходом вознамерился посетить уборную, наткнулся на незащищённую девушку и не устоял... Не вяжется с портретом маргинала, который составил Макс ещё в мае, когда отдавал дело Мишке. Некрасов выкурил этого типа откуда-то с теплотрассы, где тот бомжевал в компании таких же мутных личностей и из своих же соседей время от времени потягивал жизненную силу. Вряд ли такая выдающаяся личность за месяц кардинально поменяла стиль жизни...

По пути к машине Ксюша прикидывала варианты. Пару недель назад паразита увезли куда-то напрямик с места преступления, не дав прикончить жертву. Кому нужен паразит? Зачем? Он же только и может, что тянуть чужие силы; наберёт достаточно — сумеет и соорудить какую-нибудь вариацию на магическую тему... Вроде никотинового наркомана: без дозы ни на что вменяемое не способен. Ксюша ещё поняла бы мотивы вроде самосуда, если гада выследили родичи кого-то из предыдущих жертв и решили наказать по-своему, не дожидаясь, пока провернутся шестерни государственного правосудия. Но ведь выпустили потом зачем-то! Или он сам сбежал? Судя по блестящему исчезновению из Управы, в этой области он тот ещё специалист...

Чем кончилась злосчастная ночь, помнилось смутно. Обтянутый кричаще-красным кожаном диванчик; тесная забитая парковка и брошенный на аварийке автомобиль; салон, пахнущий пылью, кожей и едва уловимым мужским парфюмом, Ирино бледное лицо, разметавшиеся по алому шёлку Ксюшиного платья светлые волосы... Девчонку жалко, безусловно; столько бед на её долю! Но ведь ничего непоправимого в ту ночь не случилось; почему же так не хочется мысленно к ней возвращаться?

Мелодично звякнул телефон: на почту упал архив с видеозаписями. Ксюша вздохнула и завела машину. Надо ехать в офис и отсматривать, пока свежи впечатления. Рабочий день почти кончился, но когда это она жертвовала делами ради досуга?

На парковке рядом с чумазым «ниссаном» торчал Мишка, а возле него увивалась — вот те раз — та самая девка из бара. Ксюша заглушила мотор и, не спеша выходить из машины, пригляделась к красотке. Фигурка ничего, каштановые локоны спадают блестящей волной аж до середины спины, офисный костюмчик сидит, как влитой. Наверняка глупа, как пробка! Абсолютно Мишкин типаж, а ему нравятся недалёкие беспомощные куколочки, шагу ступить не способные без него, такого большого и сильного. Опустив козырёк и наскоро поправив макияж перед крохотным зеркальцем, Ксюша подхватила сумочку с пассажирского сидения и ступила на раскалённый асфальт парковки, как на ковровую дорожку.

— Что-то ты рано, Миш, — заметила она, поравнявшись с коллегой.

Старов виновато поскрёб в затылке, но не смутился. Его подружка только поджала пухлые губки. Кажется, Ксюша видела её где-то на корпоративах; сколько их там, одинаковых, как солдаты Терракотовой армии?

— Да дела ещё есть, — буркнул Мишка. — А ты в офис, что ли?

— В точности по той же причине, — Оксана не без шика крутанула на пальце ключи от машины.

— Смотри аккуратнее, — неожиданно предупредил Старов, кивая в сторону главного входа. — Там народ собрался, чего-то хочет.

Вот это новости!.. Перед широким крыльцом Управы и впрямь собралась небольшая шумная толпа. Ксюша присмотрелась к плакатам: «За равенство», «Остановите произвол», «Верните нам свободу», «Обарина в депутаты»... Обарина? Чудика этого телевизионного? Да ну, наверняка какой-нибудь однофамилец.

— Мы требуем! — надрывалась чья-то лужёная глотка. — Чтобы слуги народа! Несли ответственность перед сообществом! Мы требуем! Услышать наш голос! Мы призываем к ответу! Тех, кого избрали в Совет!..

Толпа сердито гудела в тон, словно растревоженный улей. Пробраться мимо неё в здание Управы можно было бы разве что с четвёртой цифрой в удостоверении. Ксюша встала поодаль, у забора парковки; наверняка для сотрудников вот-вот откроют запасные выходы. За прозрачными дверями вестибюля виднелись во множестве обеспокоенные лица госслужащих. Обитателям Управы неинтересно было, чего там требует сообщество, — им хотелось домой.

— Мы живём за стеной молчания! — разорялся пламенный агитатор. — Мы связаны варварскими клятвами! Мы требуем! Отменить позорные статьи! Пересмотреть текст присяги! Убрать унижительные цензы!..

Входные двери медленно распахнулись, выпуская из Управы дюжину безопасников — в полной боевой амуниции, с гроздьями защитных амулетов и при пистолетах, хотелось верить, что травматических. Ещё парочка материализовалась из воздуха позади толпы; матёрые цепные псы, с которыми Ксюша поостереглась бы

связываться. Бойцы быстро, но без суеты рассредоточились по крыльцу, заставив митингующих отхлынуть с широких ступеней; главный крикун куда-то делся, мигом передумав требовать и призывать к ответу.

— Всем сохранять спокойствие! — пронёсся над площадкой усиленный мегафоном голос. — Кто не относится к персоналу объекта, слушай мою команду! Территорию объекта не покидать! Освободить проход к главному входу! Затем стоять смирно, ждать указаний! Это приказ!

Сборище дрогнуло, словно единый организм. Распавшись на две неравные части, толпа споро отползла от ступеней и замерла — эдакий причудливый караул. Безопасники деловито, без суеты окружали протестующих, а по образовавшемуся коридору уже торопливо шагали, испуганно озираясь, освобождённые из офисного плена управские клерки. Кто-то, наоборот, рвался им навстречу; таких было немного — припозднившиеся посетители и трудоголики поневоле вроде Ксюши. Выждав, пока стихийная пробка в дверях немного рассосётся, офицер Тимофеева обогнула по широкой дуге сердито зыркающих по сторонам безопасников и взбежала по ступеням. Вот ведь... приключения...

В фойе гулко разносились чьи-то истерические всхлипы. Ксюша поискала глазами источник звука, ожидая увидеть кого-то из задержанных, однако плаксу — долговязого несуразного парня лет двадцати пяти — никто никуда не волок. Наваливаясь всем своим весом на стойку информации, он нечленораздельно скулил и пытался схватить за руку перепуганную Настасью. Ту и так после вчерашнего происшествия с Верочкой Анохина застращала до невменяемости; глаза у неё были стеклянные, а с губ срывались только жалкие обрывки заученных фраз. Ксюша решительно поспешила ей на помощь.

— Потише, уважаемый, — рявкнула офицер Тимофеева, строго сдвигая брови. — Вы по какому вопросу?

— Контроль! — провыл парень и сделал попытку схватиться уже за Ксюшу. Тимофеева брезгливо отодвинулась. — Мне нужно в контроль!

— Только по предварительной записи, — отчеканила Ксюша, демонстрируя корочку. — И постарайтесь, пожалуйста, держать себя в руках.

Вид служебного удостоверения, обычно действовавший на одарённых обывателей успокаивающе, возымел прямо противоположный эффект. Пропустив мимо ушей Ксюшино пожелание, типчик качнулся в её сторону и чуть было не упал, в последний момент шаркнув ногой по глянцевице блестящему полу.

— Пожалуйста, — всхлипнул он, умоляюще глядя на Ксюшу влажными глазами. — Пожалуйста... Помогите мне... Мама... Они...

Ксюша растерянно огляделась. Что должен сделать в такой ситуации старший офицер контроля? Уж вряд ли отфутболить к чёртовой матери, как бы ни хотелось. Нашарив взглядом банкетку у дальней стены, Ксюша решительно взяла парня за плечо и повлекла подальше от инфостойки. Настасья, кажется, вздохнула ей вслед с великим облегчением.

— Успокойтесь, — велела Тимофеева, вытаскивая из сумочки пачку бумажных носовых платков. — Пока вы в себя не придёте, говорить мы не будем. Вам принести воды?

Страдалец конвульсивно дёрнул головой — то ли согласился, то ли его пробрал нервный тик. Ксюша проворно сбегала к кулеру и сунула в трясущиеся потные пальцы пластиковый стаканчик. Мимо безопасники протащили в свои казематы отчаянно бранящегося добра молодца; зрелище произвело на Ксюшиного пациента гнетущее впечатление — он замер, не донеся стаканчик до губ, и истерически икнул.

— Пейте-пейте, — поторопила Тимофеева. — Вы участвовали в беспорядках?

— Нет... я... нет... — парень помотал головой, отхлебнул холодной воды и закашлялся. — Вы... вы... вы...

— Старший офицер Оксана Сергеевна Тимофеева, — Ксюша, вздохнув, вернулась к стандартному протоколу. — Пожалуйста, назовите ваше имя, род способностей и категорию.

Её тон подействовал на беднягу отрезвляюще. Недоумённо хлопнув длинными ресницами, он ещё разок всхлипнул по инерции, глотнул воды и порывисто выдохнул, явно собираясь с мыслями.

— Сви... Свириденко Вячеслав Борисович, — выдавил он. — Ко-колдун. Восьмой ка-категории.

— Отлично, — Ксюша ободряюще улыбнулась трясущемуся Вячеславу Борисовичу. Ей пришло в голову, что где-то она этого типа уже видела. — Что у вас случилось?

— Мама, — одними губами прошептал визитёр. — Они... её... маму... Помогите мне... Они и меня тоже... теперь...

— Успокойтесь, пожалуйста, — требовательно повторила Ксюша. — Я не смогу помочь вам, если не узнаю, что произошло.

Свириденко содрогнулся всем телом и судорожно втянул ноздрями пропущенный через кондиционеры воздух. Проходивший мимо безопасник подозрительно на него покосился; Ксюша обворожительно улыбнулась служаке, словно бы невзначай махнув корочкой.

— Маму убили, — тихо, на грани слышимости пролепетал Свириденко. — Она... она говорила, что, может быть, так будет...

Надлежало как-то проявить сопереживание, и Ксюша положила ладонь на мелко вздрагивающее плечо визитёра.

— Соболезную, — как можно мягче сказала она. — Если вы уверены, что это именно убийство, вам нужно обратиться в отдел обеспечения безопасности...

— Нет! — Свириденко страшно округлил глаза и яростно замотал головой. — Нет... Никуда... Она говорила — только в контроль... Верховскому можно верить...

— Безусловно, — проронила Ксюша, лихорадочно соображая. Дело начинало плохо пахнуть. — Давайте-ка мы с вами поднимемся в отдел, хорошо? Возможно, Александр Михайлович ещё здесь. Вы с ним знакомы?

Вячеслав Борисович понуро покачал головой, но покорно встал с банкетки. Ксюша цепко схватила его под локоть и решительно отконвоировала к лифтам, не забывая по дороге дежурно улыбаться немногочисленным встречным. Подопечный молчал, только носом изредка шмыгал и выдыхал прерывисто, когда становилось совсем невмоготу. В кабинете никого не было — то ли к счастью, то ли к сожалению. То есть Ксюша обрадовалась, что здесь не ошибается Чернов, чуткий, как оцинкованное ведро, но лучше бы на месте оказался шеф. Или Ярик. Или хотя бы Мишка...

— Садитесь, — Ксюша указала Свириденко на пустующий Ирин стул и включила чайник. — Сможете рассказать подробности? Я понимаю, что вам нелегко, но...

— Я ничего не знаю, — быстро сказал парень, будто она в чём-то его обвинила. — Она говорила... Говорила, что они до неё доберутся...

— Кто — они? — Ксюша покосилась в сторону равнодушно поблёскивающих стеклянными глазками камер слежения. Эти штуки правда такие бесполезные, как пыталась уверить Мишку техническая служба?

— Не знаю, — повторил Свириденко. — Она ничего мне не сказала...

— Ладно, — Ксюша поскорее сунула пострадавшему одноразовую кружку с чаем, пока его снова не пробрала трясучка. — Об обстоятельствах вы что-нибудь знаете?

Вячеслав Борисович отхлебнул чаю, словно исполняя повинность. Пока он собирался с мыслями, Ксюша лихорадочно рылась в памяти. Свириденко — не слишком редкая фамилия, но очень уж на слуху. В прошлом созыве Магсовета был Свириденко. У ученых тоже один есть, не то чтобы звезда первой величины, но толковый парень. Потом ещё тётка, владелица «Гекать»... Это о ней, что ли, речь?

— Я в офисе увидел, — заговорил наконец Вячеслав Борисович. — Зашёл к ней... Мы домой всегда вместе ездим... ездили...

Он принялся отчаянно хватать ртом воздух. Ксюша всем своим видом изобразила сочувствие.

— Могу предложить вам успокоительное? — максимально корректно поинтересовалась она, прикидывая, не истошились ли уже отдельные запасы.

— Не надо, — Свириденко упрямо мотнул головой. — Я... извините, я... сейчас... Вам... вам нужно знать... — он несколько раз вздохнул, успокаиваясь. А он молодец, пытается с собой справиться и даже, кажется, потихоньку приходит в здравый рассудок. — Я в кабинете её нашёл. На столе. То есть за столом... Мама всегда... знаете... сама разбирала образцы... от поставщиков... С-сначала подумал, там просто что-то мелкое, что с лупой надо смотреть... А п-потом понял, что она меня не-не-не слышит...

Образцы, значит. Подсунули, должно быть, побрякушку с проклятием в чемоданчик низкопробной колдовской бижутерии. Как безыскусно.

— Что вы делали дальше? — поторопила Ксюша, пока Свириденко снова не утонул в своём горе. — Кого-то оповестили? Сразу поехали сюда?

— Поехал, — Вячеслав Борисович побледнел. — Как она говорила.

— Она советовала вам обратиться именно в магконтроль? Или к Верховскому лично?

— В-в-в контроль, — Свириденко испуганно огляделся, будто только сейчас понял, где находится. — Тут их нет... Никому больше нельзя верить...

Лестно, чёрт побери! Знать бы ещё, что за таинственные «они» так пугают трепетного юношу и правда ли эти люди причастны к безвременной гибели его матушки... Вряд ли Вячеслав Борисович, в одночасье так трагично сделавшийся владельцем весьма прибыльного бизнеса, позаботился о сохранности места преступления. Ох, леший, он же, наверное, даже местный персонал не предупредил ничего там не трогать!

— Речь об офисе на Краснопресненской? — припомнила Ксюша и потянулась за телефоном. Мишка или Костя? Пожалуй, всё-таки Костя; Мишке и так хватает хлопот.

— Д-да, — Свириденко тряхнул головой и дёрнулся, будто намеревался куда-то сорваться и передумал. — У меня есть ключи... От всех... помещений...

— Без надобности, — заверила его Ксюша и прижала к уху тянущую заунывные гудки трубку. — Костя? Привет, извини, что отвлекаю. Срочно загляни, пожалуйста, в центральный офис «Гекать» на Краснопресненской. И, пожалуйста, — она замялась, подбирая подходящие слова, — постарайся не напороться там ни на кого из

коллег.

— Понял тебя, — сухо сообщил Чернов и отключился.

Офицер Тимофеева отложила замолкший телефон и рассеянно размяла пальцы.

— Будем ждать известий, — сообщила она притихшему Свириденко. — А пока, с вашего согласия, я займусь следящими и охранными чарами.

Вячеслав Борисович серьезно кивнул. Против покровительства магконтроля он совершенно не возражал.

XLV. Немые следы

В специальной секции психиатрического отделения царил уважительная тишина. Медбрат на входе — не из простых, наверняка с повышенной квалификацией в области боевой магии — минут пять разглядывал Мишкину корочку и сверялся с компьютером, прежде чем отпереть коридор прикосновением к магическому замку. Шагая мимо одинаковых белых дверей с номерами, Старов спиной чувствовал его бдительный взгляд.

— Михаил Аркадьевич? — невысокая женщина в белоснежном халате говорила едва громче шелеста бахил по кафельному полу. — Донских вас ждёт. Я провожу.

Мишке уже доводилось забредать по былым делам в здешние коридоры, и он знал, что палаты в этой части здания, особенно одиночные, разительно отличаются от других отделений. В приглушённых тонах, с мягкой обивкой стен, с лишёнными ручек окнами и сплошь опутанные всевозможными сортами сигнальных чар, небольшие комнаты служили уютными капканами для тел пациентов, но не в силах были удержать в «здесь» и «сейчас» их беспокойный разум. Впервые Мишке довелось допрашивать сумасшедшего на самой заре карьеры; отвратительное было дело, грязное, кровавое. Оно с ног на голову перевернуло магконтроль, раз и навсегда; тогда-то они и сблизились с Зарецким — два вчерашних стажёра, предоставленные сами себе посреди стремительно разрастающегося хаоса. Казалось, что хуже быть уже не может, но в то время они могли доверять хотя бы друг другу.

— Здравствуй, Михаил Аркадьевич, — Лев Олегович Донских, давний Мишкин знакомый, привстал с кресла и пожал визитёру руку. Маг-медик, несмотря на годы, отличался молодецким телосложением, глубоким звучным басом и неизменным олимпийским спокойствием. — Всё не забываешь к нам дорожку?

— Забудешь тут, — Старов для проформы махнул удостоверением. — Я по поводу вчерашней пациентки.

— А как же иначе, — Донских, сцепив руки за спиной, прогулочным шагом обогнул стол. Стало быть, долго в кабинете врача они не задержатся. — Сам занимаюсь. Никаких подвижек пока.

— Жаль, — искренне сказал Мишка. — Чем её так? Можете предположить?

Лев Олегович задумчиво пожевал губами.

— По правде говоря, не выдерживаю собственной критики. Девушка, кажется, находится в абсолютно здоровом рассудке, но иногда начинает вести себя... необъяснимо. Пойдём-ка, покажу.

Мишка поправил едва сходящийся на груди белый халат и зашагал по тихим коридорам вслед за доктором. У нужной двери Донских притормозил, не спеша подносить руку к магическому замку, и шёпотом посоветовал:

— Обрати, пожалуйста, внимание на структуру чар.

Старов сконфуженно кивнул. Вчера впопыхах он об этом не подумал. Лев Олегович вежливо постучал и, получив в ответ негромкое «Войдите», мягко нажал на дверную ручку. Вера сидела в кресле у высокого окна и держала в руках дешёвый детективчик; при виде посетителей она поспешно отложила книжонку и вскочила на ноги.

— Сидите, милая, сидите, — пророкотал Донских, располагаясь улыбаясь. Тришина послушно рухнула обратно в плюшевые объятия. — Михаила вы знаете, правда?

Девушка торопливо закивала. Старов чуть прищурился, пытаясь увидеть, что такого углядел многоопытный медик в наложенных на пациентку чарах. Сперва подумалось, будто их вовсе нет, а потом Мишка рассмотрел тонкое золотистое кружево, едва заметное в бьющем сквозь окно солнечном свете. Оно насквозь прошивало тело девушки, как нитка — лоскут ткани, то показываясь наружу, то исчезая под кожей; плотно, как повязка, охватывало виски, вилось вдоль сонной артерии, виднелось напротив сердца. Совсем как проклятие, за исключением цвета. Вот так и выглядит загадочная ментальная магия?

— Как вы себя чувствуете? — наудачу спросил Мишка.

Тришина нервно улыбнулась.

— Н-неплохо, спасибо, — с каждым движением её губ невидимая лента чар приходила в движение; больно это или нет?

— Верочка, я бы хотел, чтобы Михаил взглянул на ваши симптомы, — ласково, словно извиняясь, проговорил Донских. — Вы не возражаете, если мы с вами поговорим, как вчера вечером?

Ей не понравилась эта идея. Страшно любопытно, что она чувствует, и при этом совершенно не хочется испытать то же самое на собственной шкуре. От долгого напряжения стала побаливать голова; Мишка перестал щуриться. Донских едва заметно ему кивнул.

— Итак, Верочка, давно вы работаете в Управе? — психиатр подвинул к себе стул и с удобством уселся напротив пациентки. Мишка, оглядевшись, тоже нашёл себе табуретку, чтобы меньше нервировать девушку.

— Год, — ответила Тришина. Пока что она выглядела настроенной, не более того.

— Как вы туда попали?

— Тётя сказала, что есть вакансия, для которой не нужны способности. Тётя — ведьма, она иногда бывает в Управе по делам.

— А живёте вы?..

— В Подольске. С родителями и братом.

Ничего особенного. Или Мишка просто не замечает важного? Донских явно не просто так задаёт вопросы и обоймы проверок безопасности.

— Расскажите, пожалуйста, как провели последний Новый год, — ни с того ни с сего попросил Лев Олегович.

Для Веры это, похоже, стало неожиданностью. Она задумалась на миг, припоминая, и осторожно заговорила:

— С семьёй. Я вернулась с работы, мы готовили селёдку под шубой, оливье и запекали мясо... Потом папу чуть не вызвали на работу, но всё обошлось. По-моему, было очень мало снега... Точно, было скользко! Женька жаловался, когда его послали за майонезом...

Донских метнул в Мишкину сторону многозначительный взгляд.

— А майские праздники?

Вера замерла, непонимающе на него глядя. Растерянно разомкнутые губы беззвучно шевельнулись.

— Не... не помню, — полувопросительно произнесла девушка и болезненно нахмурила брови. — Не знаю...

Не могу сказать.

— Не утруждайте себя, — быстро сказал Донских. — Не считая вчерашнего дня, когда вы в последний раз виделись с Михаилом?

— В четверг, — легко ответила Вера, повернувшись к Старову. — И до этого во вторник. Вы всегда приходите пораньше... Здоровайтесь...

Мишку слегка ужалила совесть: скомканное «здрасьте» он всегда бросал дежурным девушкам походя, не задумываясь. И он ещё считал Костика высокомерным...

— Хорошо, — одобрил Лев Олегович. — А когда вы решили посетить офис отдела контроля?

Молчание. Затуманенные, как у пьяницы, глаза. Как это работает? Она правда не помнит или ей каким-то образом запретили говорить?.. А какая, в сущности, разница — даже если память сохранилась, до неё не добраться. Или способы есть?

— Пожалуйста, перечислите ещё раз всё, что вы делали за последние два месяца... по чужому указанию, — попросил Мишка, отчаянно надеясь, что она сможет озвучить что-то внятное. Вчера ведь смогла...

— Сначала выписала себе пропуск на двенадцатый этаж, — почти спокойно отозвалась Тришина. — Мы можем выдавать гостевые пропуска. Я сделала так, как будто в системе его не было... Не помню, как...

— Неважно, — поспешно сказал Мишка. Глаза собеседницы снова начинали опасно стекленеть. — Что кроме этого?

— Я ходила в отдел исследований, — Вера судорожно вздохнула. — У них всегда такой беспорядок... Мне нужно было искать некоторые бумаги, читать их. Иногда залезать в компьютеры... Если кто-нибудь их оставлял без присмотра... Один раз были эти пробы. И ещё совещания... Я должна была слушать совещания, особенно когда собиралось начальство...

— И потом кому-то пересказывать услышанное? — не удержался Мишка.

— Наверное... — Тришина встряхнула головой и закусил губу. — Вот... Ещё я вывела через технический этаж одного человека. Это было сложно, потому что он не знал, что должен идти со мной... Потом забрала амулет. И карточку у домового, он даже не заметил... Я должна была кому-то её отдать.

— Не заикливайтесь на этом, — вставил Донских.

— Да, я стараюсь, — жалобно отозвалась Вера. — Вчера... вчера мне нужно было к Верховскому. Не знаю, зачем. Наверное, я вспомнила бы на месте...

Вот как. Подстраховались. Как, однако, просто и красиво: девушка-минус, которую никто не замечает, но которая видит всех, кто входит и выходит из Управы, обладает доступом к внутренним пропускным системам и может беспрепятственно ходить по этажам, не привлекая к себе внимания... Старов взглянул в несчастное личико Тришиной. Каково оно — жить и знать, что мысли в голове не совсем твои? Это же чудовищно; это должно быть запрещено...

— Ну, что скажешь? — осведомился Донских, когда они вновь оказались в его кабинете.

Мишка вздохнул. Посвящать психиатра в свои догадки пока рано. Да и помогли бы они?

— Чем-то похоже на гипноз, — осторожно сказал Старов. — Но ведь это всё чары?

— Не всё, — огорошил его Лев Олегович. — Это, с позволения сказать, заклятие активизируется не всякий раз. Иногда, когда я прошу девушку припомнить что-то запретное, оно бездействует. Иногда реагирует, начинает сжиматься. Можно только гадать, что при этом чувствует пациентка, но исход в обоих случаях один. Ты только что его наблюдал.

— Вы можете снять эту штуку? — безнадежно спросил Мишка.

— Конечно, нет, — Донских тяжело вздохнул. — Иной раз обычное-то проклятие не снимешь, а это... Оно уходит в плоть и кровь. Очень жестоко.

Он нервно забарабанил пальцами по столу. Повидавшему всякое психиатру по-настоящему жаль было тихую пациентку. Собери он хоть целый консилиум, толку не будет... И от валяющегося в багажнике исследования Чернова-старшего, пожалуй, тоже. Оглавление пестрело заумной теорией, стыдливо умалчивая о любой практике. Написала ли Свешникова что-нибудь на эту тему? Освоила ли сама? Передала ли единственному ученику?

Шагая между жухнувшими на солнце газонами, Мишка прижал к уху телефон и выслушал про выключенный аппарат абонента. Молчали пёстрые мессенджеры; даже попытка позвать приятеля через связывавшие их всех личные сигнальные чары почему-то кончилась ничем. Мишка остался один на один с тайнами, огороженными, как колючей проволокой, грифами секретности и буквой закона. Интересно, в какой момент он вляпается в статью за осознанное сокрытие, если вдруг что-нибудь раскопает?

Верховского в логове не было. Распровавшись с надеждой пройти по лёгкому пути, Мишка вытащил из сейфа папку с заметками и разложил перед собой листы, сто раз перечитанные до последней буквы. Ни единого слова о ментальной магии. Ну и куда копать?

— Смехотворно, — вдруг фыркнул Костик, брезгливо отшвырнув толстенную управскую газетку. — Сколько заплатили этим клоунам?

— Каким клоунам? — заинтересовался Андрей, высовываясь из-за цветочного горшка. Мишка на всякий случай сгрёб бумаги и отложил подальше от края стола.

— Тем, что вчера устроили тут детский угренник, — выплюнул Чернов. — Теперь до сентября насмотримся этого дерьма. Нет, серьёзно, мне интересно, кто им заплатил? Обарин правда такой идиот или конкуренты постарались?

— Может, они сами собрались! — расстроено возразил Бармин, подбирая газету.

— Сами! — презрительно процедил Костик. — Покажите мне придурка, который по доброй воле пойдёт бесплатно митинговать под окнами Управы! И всё та же чушь: свобода, равенство... Как это про братство ещё забыли!

— Что плохого в свободе и равенстве? — не удержался Мишка.

Костик раздражённо хмыкнул и скрестил на груди руки. В его взоре читалось превосходство.

— Начнём с того, что равенство невозможно в принципе, — изрёк Чернов, снисходительно глядя на Мишку. — Вот ты сам и, например, ведьма какая-нибудь — разве вы равны? Да в удостоверении же написано, что нет!

«Ведьма какая-нибудь»... Это он просто так ляпнул или с намёком? Старов набычился, собираясь с мыслями для ответа, но Костика уже несло дальше.

— Свободу же вообще нельзя давать кому попало, — вещал он, гневно сверкая очами. — Ты только представь, что натворит какой-нибудь идиот, по недоразумению родившийся с даром, предоставь ты его самому себе? О нет, свобода — удел избранных.

— И ты, конечно, избранный, — буркнул Мишка.

— Ну, знаешь ли, если мы перешли на личности... — Чернов изобразил витиеватый жест. — Я в достаточной мере осознаю свою ответственность перед сообществом, даже если забыть о наших служебных клятвах. А вот, скажем, тот же ваш паразит? Отличный кандидат в свободные граждане, а?

Мишка промолчал. Чернов победно улыбнулся; у него впервые за последние дни прорезалось что-то похожее на хорошее настроение.

— Опять же, характер, воспитание и личные качества нельзя просто так списать в утиль, — назидательно заявил он. — Не равнять же с собой всякую шантрапу без роду-племени...

— Прекрати, — резковато сказал Мишка. Может, Костик и был в чём-то прав, но слушать его было как-то мерзко.

— Ты спросил — я ответил, — обиженно отозвался Чернов. — В общем, здравомыслящие люди не пойдут всерьёз выступать за подобную ерунду. Обарина, скорее всего, кто-то подставил, хотя кому он сдался?

— Вот и нет, — подал голос Андрей, внимательно изучая газету. — Вообще-то лозунги — это из его предвыборной программы.

— Да? — Костик надменно скривился. — Ну, уже давно никто не сомневается, что он круглый дурак. В Совете его держат ради лишнего голоса в пользу Митрофанова.

Андрей укоризненно промолчал. Он вообще трепетно относился к любой критике; Мишка всегда старался не спорить с ним слишком открыто, даже когда привыкший видеть во всём только хорошее Бармин выдвигал совсем уж нелепые теории. Но ведь и фантазёр Андрей подчас оказывается прав: разве не он приволок сюда эту древнюю историю про кудесника и болтовню с полудницами?.. Встревоженный неожиданной догадкой, Старов поспешно клацнул мышкой, разворачивая на экран базу досье московских одарённых. Невольно поёжился: в нужном файле

стояла дата смерти — пятнадцатое июня, совсем недавно. Недолго прожил Фёдор Иванович без своей Алечки...

Фотография при досье неплохо соотносилась с тем, что запомнил Мишка. Короткая, ничем не примечательная биография; спектр, смещённый в сторону тёплых тонов. Старов развернул на весь экран диаграмму потенциалов и взгляделся в отложенные по осям замеры. Очерченная ими фигура, сплюснутая с боков, вытянулась вдоль линии витальности, причём в обе стороны сразу. В плюс — понятно, такое встречается сплошь и рядом, а вот в минус... Если не брать паразитов, у которых значения в эту сторону прямо-таки зашкаливают, более-менее значительные отклонения от нуля Мишка прежде встречал у надзорских спецов по нежити — тех, что способны долго работать на полигонах, не получая значительного вреда здоровью. Но чтобы одновременно в оба направления? Может эта аномалия что-то значить? Что было бы, разрастись диаграмма вдоль осей на пару-тройку делений?

Старов перебрал несколько досье отмеченных в деле персоналий. У Мезенцева нашёлся серьёзный, но так и не получивший развития плюс в области пространственной магии; у Кузнецова вдоль всех осей было так мало, что отличить какие-то особые направления не сумел бы даже самый въедливый безопасник. У прочих, кто так или иначе попал в заметки, не нашлось вообще никаких особенностей. Старов, подумав, пролистал реестр высших категорий — страницы Кости и Александра Михайловича, само собой, были от него скрыты — и нигде ничего подобного не увидел. Чист и Магсовет, который, помнится, вскользь упоминал Викентьев. Нет, в таком виде нести догадку шефу бесполезно; нужно ещё хотя бы одно стопроцентное попадание, чтобы предложить Верховскому рассмотреть гипотезу...

За подтверждениями нужно было лезть в прошлое, и Старову пришлось спуститься в архив. На полное досье Свешниковой его допуска едва хватило, и то часть файла осталась скрыта за предупреждающими сообщениями. Впрочем, детали биографии смелой исследовательницы Мишку не интересовали; куда важнее была диаграмма, больше похожая на круг, чем на стандартную многоконечную звёздочку. Мощная была дама; на таком-то фоне немудрено и не обратить внимания на аномалии вдоль оси витальности. Но и этого мало: Мишка ведь так и не выяснил, владела ли покойная кандидат магических наук ментальными чарами. Мог знать, и наверняка знал, Ярик, но поди доберись до него теперь...

Старов пробежался взглядом по пространному досье и остановился на последнем адресе, неплохо ему знакомом. В доме на Фрунзенской набережной Мишка впервые побывал пять лет назад, когда они с Зарецким, удрав из переставшего быть безопасным офиса магконтроля, вместе пытались разобраться в происходящем. Тогда — сумели. Сильно ли расстроится приятель, если Мишка вломится к нему домой в его отсутствие? У ученых никаких материалов нет, а раз так, то где их искать, как не в некогда собственной квартире Свешниковой? Старов ещё разок потерзал бесплодно телефон и, вздохнув, сосредоточился на малолюдном дворике, зажатом между монументальными громадами домов. Лучше перестраховаться; вляпаться сходу в какие-нибудь хитрые охранные чары совсем не хотелось.

У нужного подъезда в сопровождении нескольких сержантов маячил Викентьев. Погружённый в раздумья Мишка, выбираясь из зарослей сирени, слишком поздно его заметил, а вот привыкший ничего не упускать безопасник моментально обернулся на шум и засёк лопухнувшегося контролёра. Пришлось делать вид, что ничего необычного не происходит, и прогулочным шагом топтать к крыльцу.

— Намереваешься навестить коллегу? — пожимая Мишке руку, поинтересовался Викентьев.

— Вроде того, — осторожно сказал Старов. Вероятность, что безопасник забыл здесь что-нибудь другое, крайне мала, но кто, интересно, разрешил ему сюда соваться?

— Боюсь, тебя постигнет неудача, — притворно вздохнул Евгений Валерьевич. — Впрочем, это и к лучшему. Мало ли что... Зачем портить себе репутацию, правда?

Мишка неопределённо качнул головой. Викентьев слишком трясётся за свою карьеру, чтобы действовать не наверняка. Что, чёрт возьми, стряслось? И почему молчит шеф?

Из подъезда выскользнул шустрый типчик при майорских погонах. Враждебно зыркнул на Мишку, вытянулся в струнку перед Викентьевым. В руках он комкал неряшливо смятую ткань — рубашку или что-то вроде того.

— Как успехи? — спросил Евгений Валерьевич, не смущаясь присутствием Старова. Намеренно?

— Ничего не можем найти, — раздражённо отрапортовал майор. — Никакой запрещёнки. Тайников тоже нет. Поиск по личной вещи не работает.

— Это как?

— Не знаю, — замаявшись на миг, сообщил безопасник. — Чертовщина какая-то. Вроде ищется, но направление меняется по несколько раз в минуту. Нельзя же так часто прыгать...

— Нельзя, — задумчиво согласился Викентьев. — Вы должны были найти, как минимум, какие-то артефакты. У старой гримзы их имелось в изобилии...

— Ничего нет, — понуро повторил майор. — Ни артефактов, ни книжек каких... эдаких. Всё, что есть, одобрено и допущено.

— Как, однако, виртуозно нас водят за нос, — созерцательно заметил Евгений Валерьевич и повернулся к Старову: — И, главное, сколько лет, а?

Промолчать значило навлечь на себя подозрения, спросить какую-нибудь глупость — ненароком выказать свою неосведомлённость. Викентьев явно уверен, что Мишка явился сюда примерно с теми же целями, что и он сам; безопасности, как всегда, интересно, сколько знает контроль. Не признаваться же, что ни черта!

— Я пойду, наверное, — буркнул Старов, отступая на пару шагов. Подниматься всё равно бесполезно: не нашли безопасники — не найдёт и он. — Хорошего вам дня.

— Не смею задерживать, — Евгений Валерьевич счастливо оскалился. — Привет Александру Михайловичу.

Мишка торопливо зашагал подальше от деловито раздающего указания Викентьева, стараясь не оглядываться. Безопасность, понятно, ни малейшей возможности насолить конкурентам не упустит, но для этого возможность должна быть! Что такое натворил Зарецкий? Уж вряд ли что-то антиобщественное, учитывая, сколько клятв навешало на офицеров контроля осторожное государство, не говоря уж о присяге... Но ведь клятву можно и обойти, если мозгов хватает. Пакостное чувство недоверия, давно, казалось бы, позабытое, подняло в душе голову. Кто тут прав?

Телефон в кармане призывно запиликал. Мишка почему-то был почти уверен, что это если не Зарецкий, то хотя бы начальник, однако ошибся — и несказанно этому обрадовался.

— Привет, Ань, — сказал он в трубку и сам удивился тому, как потеплел его голос.

— Привет, — весело отозвалась Аня и тут же озадачилась: — Мешаю, что ли?

— Нет, конечно, — Старов притормозил в укромном уголке, подальше от машин безопасности. — Что-то случилось?

— Что сразу «случилось», — Аня беззаботно рассмеялась. — Всё хорошо! Шефу отменили вечернюю встречу, я в шесть освобожусь.

— Круто, — искренне сказал Мишка, прикидывая шансы. — Я постараюсь... А, ну его к чертям! Пойдём.. куда-нибудь. Придумаешь?

— Ну вот, опять вся ответственность на мне, — дурашливо пожаловалась Аня. Она наверняка улыбалась. — Придумаю, Миш, не переживай. Значит, в шесть?

— В шесть, — решительно подтвердил Старов.

В конце концов, если постоянно думать только о работе, недолго и рехнуться, а Аня — лучшее, что случилось с ним за прошедший год. Мишка оглянулся ещё разок на суетящихся у подъезда безопасников и прикрыл глаза, сосредоточиваясь. Хочет шеф или нет, а поговорить начистоту им придётся, и чем раньше — тем лучше.

XLVI. На грани провала

Медленно клонящееся к закату солнце едва пробивалось через густую листву, так что внизу царили вечные тенистые сумерки. Если не считать случайных сквозняков, всё было тихо и недвижно: живность и неживность обходила разлом десятой дорогой, как и положено. Сам Макс, похоже, начал привыкать к влиянию аномалии, потому что сегодня ему уже не хотелось удрать отсюда на пару сотен километров. Осталась надоедливая тревога, но с ней вполне можно было мириться. Этими соображениями Некрасов от скуки поделился с Яриком, в глубине души надеясь на похвалу.

— Это ложное впечатление, — бесстрастно отозвался коллега, выслушав Максovy умозаключения. — Ты не привык, просто активность снижается. Сегодня — минимум.

— О как, — Некрасов разочарованно поскрёб подбородок. Бриться, пользуясь шукинскими спартанскими удобствами, оказалось той ещё пыткой, и Макс рассудил, что короткая светлая щетина выглядит вполне пристойно даже для общения с прекрасными дамами, не говоря уж о неприхотливых коллегах, подслеповатых дедах и всяких лесных обитателях. — А от чего она снижается?

— Чёрт его знает, — Зарецкий пожал плечами, в очередной раз зорко оглядел округу и вновь прислонился спиной к могучему старому вязу. — Начинаешь копать — там столько факторов, что ни в одну модель не запихнёшь. Только по данным наблюдений что-то посчитать можно.

— Скукотища, — резюмировал Макс и нагло зевнул во всю пасть. — Я закурю, не против?

— Не против. Только брысь тогда отсюда.

Некрасов прислушался к себе и решил, что потерпит ещё немножко. Ведь по закону подлости так и будет: стоит отойти на минуту — и обязательно случится что-нибудь невероятное, интригующее и чреватое обильными премиями. В пику всем мыслимым указаниям спасателей оба контролёра сегодня нарядились в камуфляж; в припрятанном между коряг рюкзаке располагался понемногу расхищаемый запас еды и несколько бутылок с водой. Макс тихо радовался, что Ярик не отрядил его дежурить самостоятельно куда-нибудь в противоположный относительно разлома медвежий угол; без возможности пользоваться магией он чувствовал себя почти беспомощным. Зарецкому тоже было неуютно, хоть вслух он ни за что бы в этом не признался. Понятное дело: сунься сюда какой-нибудь неосторожный нарушитель спокойствия, рассчитывать придётся исключительно на собственную физическую подготовку. Макс в своих силах уверен не был: заживо загрызенный совестью, он вчера отказался-таки от приятной прогулки по ягоды и ввязался в непримиримую борьбу с шукинскими сорняками, давно превратившимися в непролазные джунгли. Теперь все мышцы противно ныли и требовали пощады.

— Семь вечера уже, — Некрасов ещё раз страдальчески зевнул. — Ты уверен, что наши друзья не напортачили в расчётах?

— Я ни в чём не уверен, — пробормотал Зарецкий себе под нос. — Я не знаю даже, нужна ли им именно сегодняшняя ночь...

Он замолк и настороженно вскинул голову. Макс тоже на всякий случай встрепенулся и зашарил взглядом по округе. Ага! Кто-то долговязый и не слишком грациозный целеустремлённо пробирался к разлому через валежник, не особо стараясь скрыть своё присутствие. Что, господин злоумышленник, считаете себя самым осведомлённым? Не туг-то было!

— Будем брать? — азартно шепнул Некрасов.

Зарецкий поднёс к губам палец, и Макс послушно заткнулся. Следуя примеру коллеги, он как следует всмотрелся в неторопливо движущееся меж деревьев тёмное пятно. А вдруг обычный грибник, не ко времени заглянувший в неизведанную часть леса?.. Если и так, то этого тихого охотника Макс определённо где-то видел, и совершенно точно — не в Ягодном. Ярик, если и сомневался, к решению пришёл быстрее. Несколько стремительных бесшумных шагов по траве, словно намечающих направление, — и он бегом бросился наперерез белобрысому детине, как раз выглянувшему из зарослей бузины. Не получивший прямых указаний Макс прекратил рыться в памяти и припустил следом.

Из-за густой зелени мужик заметил их на пару секунд позже, чем они его, но и только. Судя по тому, как лихо он развернулся и чесанул назад по пересечённой местности, незванный гость, как минимум, ожидал засады. Если Макс правильно помнил расположение сторон света, рвался беглец отнюдь не к Ягодному — скорее уж к шоссе. И двигался при этом весьма проворно. Хорошо друживший с лёгкой атлетикой Некрасов заметно приотстал, огибая коряги и перепрыгивая через поваленные брёвна; пришлось поднажать, напрягая ноющие мышцы, чтобы хотя бы не потерять из виду Зарецкого.

— Стоять! — рявкнул Ярик, на бегу знакомым жестом вскидывая руку. Наспех сплетённая сеть легла беглецу на плечи, заставив споткнуться и сбавить темп. — Без команды с места не двигаться!

Белобрысый в ответ зло осклабился. В бледно-серых глазах сквозила ненависть к госорганам вообще,

магконтролю в частности и вдобавок лично к торопливо прячущему корочку Зарецкому. Беглец брезгливо повёл плечами, пытаясь сбросить сеть; Ярик предусмотрительно стянул нити покрепче.

— Ну, привет тебе, офицер, — выплюнул стреноженный нарушитель. Присутствие запыхавшегося Макса он игнорировал. — Меня тут поджидаешь или по своим каким надобностям?

— Руки на виду, — велел Зарецкий, останавливаясь в полудюжине шагов от беглеца.

Некрасов на всякий случай зашёл сбоку. От разлома они ушли порядочно, но прибегать к магии Макс побаивался. Если вдруг что, всё будет зависеть от расстояния, физической силы и скорости реакции...

— Вот ведь незадача, а? — пожаловался белобрысый, нехотя высвобождая ладонь из кармана выдавшего виды пиджачка. — Ну уж, сам попросил...

Сеть лопнула, рассыпавшись бледными искрами. Ожидавший подлянки Макс ринулся на беглеца; тот швырнул что-то себе под ноги и проворно попятился. Некрасов шарахнулся в сторону, попытался ухватить нарушителя спокойствия за потрёпанный пиджак. Позади раздался мощный низкий гул; земля дрогнула под ногами, света как будто стало меньше. Макс оглянулся: в паре шагов от него прямо на глазах из земли рвалась высь, заслоняя солнце, сплошная тёмно-зелёная стена. Сыпалась с неба мелкая хвоя и кусочки коры. Рядом мерзко захихикал беглец, а в следующий миг Некрасов получил в висок — обидно и больно, до звона в черепе и чёрных мушек перед глазами.

— Сто... ять! — выговорил он, наугад шаря руками вокруг себя. — Вы... арестованы! Это приказ...

Второй удар сбил его с ног. Кулак у гада оказался тяжёлый. Макс перекатился, оттолкнулся от земли, помогая себе подняться, оперся на ближайший ствол и чуть не упал снова: дерево стремительно росло, выбрасывая всё новые и новые колючие ветви. Серенький пиджак мелькнул среди зелени и пропал, растворившись в лесных тенях. Некрасов от души выругался и прижал к лицу ладони, пытаясь унять головокружение.

Гул и треск понемногу затихли. Воцарившаяся тишина показалась неестественной. Всё замерло, будто ничего и не случилось; лишь безмолвные ели, сцепившись мохнатыми лапами, тянулись тёмной полосой из ниоткуда в никуда — непролазная хвойная чаща посреди обыкновенного смешанного леса.

— Вот же твою... — растерянно пробормотал Макс и тронул ближайшую ветку. На землю осыпалось несколько клейких хвоинок. — Ярик! Ты живой?

— Не ори, — раздражённо отозвался Зарецкий откуда-то из-за пахнущего смолой сумрака. Голос его звучал глухо. — Жди там, я сейчас...

Некрасов уселся наземь и обхватил руками гудящую голову. Треск ломаемых веток отдавался в ушах оглушительным грохотом. А хуже всего, что наглый тип безнадёжно удрал... Проигнорировал Макс приказ и, живёхонек, смотался в неизвестном направлении. Может, к разлому припустил, а может, ретировался восвосяи — гадай теперь...

— Сильно досталось? — сочувственно спросил Ярик, опускаясь рядом на колени. — Убери-ка руки...

Макс пробормотал что-то жалобно-нецензурное и отнял ладонь от саднящего виска. Зарецкий деловито ощупал наливающийся синяк; пальцы у него были болезненно горячие. Тупая боль задержалась ещё на пару мгновений, а потом разом отступила, оставив после себя только растерянность.

— Ты что сделал? — озадаченно спросил Макс, трогая скулу.

— Ничего особенного, — раздельно произнёс Ярослав, глядя ему в глаза. — Забудь, пожалуйста.

Некрасов рассеянно кивнул. Головокружение понемногу утихало. Жёсткая сухая земля уже не норовила встать дыбом, но подниматься Макс пока опасался. Способность соображать возвращалась медленно, будто бы нехотя.

— Это что за магия такая? — Некрасов махнул в сторону новорождённого ельника. — Я про такое не слышал никогда.

— Колдовство, — поправил Зарецкий, поднимаясь на ноги. — Мощная штука. Про симпатические артефакты знаешь что-нибудь?

— Типа как гребень и полотенце? — запоздало припомнил Макс. — Я думал, такое только в сказках...

— Неудивительно. Это большое искусство, — задумчиво сказал Ярик. О вредоносной штуковине он говорил с уважением, как о великом достижении колдовской мысли. — Где, интересно, Кузнецов раздобыл эту расчёску?

— Сам сделал, — наугад ляпнул Некрасов и тут же встрепенулся: — Погоди, ты что, знаешь этого типа?

— Ну как — знаю, — зло фыркнул Зарецкий. — Допрашивал. Он нелегал, сбежал из Управы после тестирования.

— Ах, это тот!.. — Макс потрясённо выругался и поскрёб затылок. Голова болеть совершенно перестала; с чего бы это? — Нифига себе мир тесен... Я его в «Восходе» видел! — прибавил он. Похоже, получение тумачков положительно сказалось на его мыслительных способностях. — Сидел там, слушал лекцию для свеженьких...

— Следовало ожидать чего-то подобного, — проворчал Ярик и бросил взгляд на часы. — Идти сможешь?

— Ага, смогу, — Некрасов в подтверждение своих слов бодро поднялся, пошатнулся, но на ногах устоял. — А с этой лесополосой чего делать будем?

— А что с ней сделаешь? — коллега мрачно усмехнулся и задумчиво покрутил перстень на пальце. Ну вот, а Макс у велено было все артефакты с себя снять... — Будет тут теперь смущать местный лесхоз... Хоть расти перестала.

У разлома всё было тихо. Если белобрысый Кузнецов сюда и добрался, то никаких тому свидетельств Макс не заметил. Ярик прошёлся вдоль невидимой границы, недовольно хмурясь и присматриваясь к примятой кое-где траве. То ли их собственные следы, то ли нелегал всё-таки пролез к вожделенной цели, то ли ещё кто-то решил поблизости погулять, а они всё пропустили. Макс вернулся к их наблюдательному посту, укрытому колючими зарослями ежевики, вытащил из рюкзака бутылку минералки и долго и жадно пил, пытаясь смыть с языка железистый привкус. Ну надо же, какая зараза оказалась! Зато они теперь точно знают, что этот тип связан с «Цепью». Или нет? Мог он случайно сюда забрести?

— Кузнецов — очень важный, правда? — спросил Макс, старательно напрягая извилины. — На нём всё сходится. «Восход» — раз. Тульское дело — два. Из Управы, опять же, как-то удрал. И рядом с разломом шарится. Может, это он за всем стоит? Типа прикинулся дурачком, а на самом деле — мега-мощный маг...

— Не спеши с выводами, — буркнул Зарецкий. Он занял свою прежнюю позицию у корней вяза и задумчиво провёл пальцами по уходящей под ворот футболки серебряной цепочке; ему явно недоставало какой-нибудь мелочи, которую можно было бы вертеть в руках в процессе размышлений. — То, что он явился сюда сегодня, уже означает, что никаких особых возможностей у него нет.

— Это ещё почему?

Ярик досадливо поморщился.

— Давай дома объясню, на пальцах не выйдет... Кричат как будто, или мне кажется?

— Да грибники аукаются, — отмахнулся Макс. — Если б чего случилось, орали бы дурниной.

Ярик всё же сделал несколько шагов в ту сторону, откуда слабенько слышалось мелодичное «ау», но, пока он решал, идти ли на зов, голос окончательно смолк. Видимо, любители прогуляться по лесу благополучно нашли друг друга. Макс вяло порадовался, что не нужно никуда бежать.

Они проскучали в лесу почти до полуночи; ближе к одиннадцати часам начало возвращаться ставшее привычным неудобное чувство тревоги. Макс, прилежно исполняя указания, сообщил об этом Зарецкому; тот незамедлительно задрал голову, шурясь на звёзды. Некрасов тоже решил посмотреть. В небе творилась какая-то ерунда: серебряные и золотые огоньки дрожали и двоились, будто в водяном отражении; Полярная звезда водила сама с собой замысловатый хоровод.

— Пойдём, — Зарецкий подобрал рюкзак и, схватив Макса за плечо, едва ли не силком потащил его прочь. — Шевелись, пожалуйста, у нас не очень много времени.

Макс послушно побежал. Мышцы, видимо, отчаялись ждать пощады и даже перестали болеть; а может, сработал стресс. Угнездившийся в мозгу первобытный страх всецело поощрял стремление убраться подальше от разлома. Некрасов уверен был, что они отойдут на безопасное расстояние и вновь засядут кого-нибудь ждать, но лес редел, утихала подспудная тревога, а Ярик всё не останавливался, и до Макса дошло наконец, что путь их лежит в деревню.

— Всё на сегодня? — озадаченно спросил Некрасов, нагоняя коллегу. В чаще он старался держаться на шаг-другой позади. — Как-то нерезультативно вышло.

— Почему? Какой вклад внесли в сохранение лесов, — ворчливо отозвался Ярик и вздохнул. — На самом деле я ожидал большего. Один несчастный нелегал — не тот масштаб.

— Может, он шёл разведать обстановку, увидел нас и предупредил своих, чтобы не совались, — предположил Макс.

— В этом случае мы сработали более чем эффективно, — фыркнул Зарецкий. — В другие дни им придётся несколько труднее.

— Труднее, — повторил Некрасов, хмуря брови. — Значит, попытаться они всё равно могут?

— Зависит от того, располагают ли они определёнными средствами, — туманно пояснил Ярик. — Я так думаю, что сейчас скорее нет.

— А у нас эти средства есть?

Зарецкий неопределённо пожал плечами.

— Я бы предпочёл пресечь попытки использовать разлом, а не лезть туда самому.

Макс поёжился. Они вышли наконец из-под сени деревьев, и гулявший по лугам прохладный ветер немедленно пробрал младшего офицера до костей.

— Скажешь тоже — лезть... Тут близко подойти страшно! — Некрасов споткнулся о кротовую норку, выругался и принялся с удвоенным усердием смотреть под ноги. — Я как-то не хочу погибать при исполнении.

— Никто не хочет, — буркнул Зарецкий и надолго замолчал.

Щукин уже благополучно дрых, хоть и оставил в кухне свет для беспокойных постояльцев. Натерпевшийся

Макс выхлестал залпом целую кружку пахнувшей железом кипячёной воды, соорудил себе колоссальный бутерброд и, плюхнувшись на трёхногую табуретку, заявил:

— Всё, с меня на сегодня хватит. Увлекательные лекции, пожалуйста, завтра. На первое место в очереди в душ не претендую.

Он демонстративно взмахнул бутербродом. Зарецкий пожал плечами и отправился в комнату за полотенцем. А не отложить ли вовсе водные процедуры на утро? До душа бежать по холодку через весь двор, потом умолять высшие силы, чтобы вода в бочке за день достаточно нагрелась и ещё не успела остыть, и трястись, как бы она там не кончилась, оставив незадачливого постояльца в мыле — тоже, кстати сказать, пахнушем отнюдь не прованской лавандой... Некрасов тяжело вздохнул. На модернизацию местной сантехники он охотно пожертвовал бы свои кровные, но дед, как назло, жаловался только на проводку и заросший сад. С первым Ярик как-то умудрился справиться: розетки в доме ожили и перестали опасно искрить. Со вторым не сладил бы сам дьявол. Каждый раз, берясь за косу, Макс тоскливо предлагал выжечь участок к чёртовой бабушке, а не в меру плодородную почву засыпать солью; Ярик в ответ пугал его седьмой статьёй и ехидно предлагал вместо трудов наведаться к соседям на пирожки. Шукин за всем этим наблюдал с исследовательским интересом, но вмешиваться не спешил.

— Какой у нас план на за-а-автра? — Макс широко зевнул и нехотя встал, завидев в дверях вернувшегося коллегу.

Ярик на миг замер, потом решительно тряхнул мокрой гривой.

— Утром подумаю. Брысь мыться.

Некрасов запихнул в рот остатки бутерброда и побрёл на водные процедуры. Когда он, порядком продрогший и относительно чистый, рысцой примчался обратно в дом, там уже царила сонная тишина. Вопреки обыкновению, Зарецкий не сидел за ноутбуком или книгой; оставив включённым верхний свет, он бессовестно спал.

— И тебе спокойной ночи, — ворчливо пробормотал Макс, щёлкая выключателем. — Смотри, расскажу шефу, что ты тоже умеешь уставать.

Ярик остался безразличен к этому заявлению. Некрасов забрался под упоительно тёплое одеяло и, подумав, отключил будильник. Указаний рано вставать ему не поступало, а значит, можно и поспать в своё удовольствие. В конце концов, он сегодня пострадал, хоть голова и оказалась неожиданно крепкой.

XLVII. Малохожие тропы

— Ну вот, молодчина, — Оляка победно улыбнулась, оглядев сестру, экипированную по всем правилам безопасности. — А то сколько можно-то? Взрослая уже девка, а всё боишься!

Последнюю фразу она, как пить дать, подхватила у бабушки, вплоть до интонаций. Ира украдкой ощупала в кармане пузырёк со снадобьем. Ба дала добро на поход по ягоды только при условии, что старшая внучка на всякий случай прихватит с собой укрепляющее; Оляка об этом, само собой, не знала. Держа на обоих локтях по паре огромных плетёных корзин, сестрица не без труда протиснулась через входную дверь и бодро зашагала к калитке. Бабушка помахала внучкам из огорода.

— К восьми домой, девоньки! — напомнила она.

— Да, баб, само собой! — звонко откликнулась Оля. С таким голоском в лесу не потеряешься — отовсюду слышно будет.

— Мы зря вечером идём, — заметила Ира, проводив взглядом промчавшуюся мимо пыльную стайку детворы. — Уже всё собрали, наверное.

— Да ты что! Тут хоть всю жизнь собирай — не кончится, — гордо сообщила сестра и лукаво усмехнулась: — Не переживай, на пироги хватит. Хорошо постарайся — ещё до конца года Некрасовой станешь.

— Оляка! Ты достала!

— А что? Как есть, так и говорю!

Ира утомлённо закатила глаза. Если сестрица так и продолжит её злить, бояться леса будет попросту некогда. На лавочке у забора тридцать восьмого дома грелся на солнышке Семён Васильевич; заслышав шаги, он приоткрыл один глаз, проследил за сёстрами до околицы и снова задремал. Шишковатые пальцы ревниво накрыли висевший на шее Шукина яркий чехол с телефоном.

— Вот ведь жуткий тип, — нимало не смущаясь, заявила Оля. — Вроде и ничего, а иногда как зыркнет, так и не знаешь, что думать.

Ира пожалала плечами. Шукин и впрямь не выглядит приятным, но магконтроль против него ничего не имеет. Оля ещё разок на него оглянулась и выбросила из головы, переключившись на дифирамбы местным ягодникам. К лесу они свернули метрах в трёхстах от деревни, там, где начиналась неприметная тропинка через луг — малохожая, в отличие от той, что начиналась прямо у околицы.

— Оляка, подожди! — Ира замерла, встревоженно хлопая себя по карманам. — Я телефон дома оставила!

— Я тоже, — легкомысленно отозвалась сестра. — Потеряется ещё.

— Так нельзя! А вдруг заблудимся?

— Ты опять за своё? — Оляка страдальчески закатила глаза. — Не заблудимся. Я этот лес знаю, как свои пять пальцев. Не отставай, и всё хорошо будет.

— Оля...

— Ну что? Ещё полчаса туда-сюда ходить будем? — сестра раздражённо потянула Иру за руку. — Пошли! Там плутать-то негде...

Залитая солнцем лесная опушка и впрямь не выглядела опасной. Ира глубоко вдохнула, успокаивая себя; в крайнем случае она всегда сумеет позвать на помощь. Оля всучила ей две корзины и принялась поучать, тыкая пальцем то в низкорослые ободранные черничники, то в колючие кусты не то малины, не то ежевики.

— Я помню, как выглядят съедобные ягоды, — проворчала Ира.

— Вот и молодец, — Оля снисходительно похлопала её по плечу. — Не отставай, помнишь?

— Помню-помню...

До потайных Олькиных ягодников идти пришлось прилично. Обведя широким жестом усыпанную тёмно-синими бусинками поляну, сестра лучезарно улыбнулась и тут же, усевшись на корточки, принялась проворно обрывать чернику с коротких стебельков.

— Оглянуться не успеешь, как полные корзины наберём, — сообщила сестра, не отрываясь от своего занятия. — Давай, чего стоишь?

Действительно, чего? Ира устроила корзину в мягкой траве и потянулась к ягодам. За Олькой приходилось приглядывать: увлечённая занятием сестрица норовила уползти куда-нибудь из поля зрения, уверяя, что она на минутку и всё равно тут рядом. Пальцы быстро окрасились лиловым соком; корзина и впрямь наполнялась стремительно. Может, правда получится управиться за часик-полтора и вернуться домой до темноты. Дни летом длинные, хотя уже и пошли на спад после солнцестояния...

— Оля! Ты где? — в очередной раз окликнула Ира, не без труда разгибая колени. К таким интенсивным физическим упражнениям она не привыкла.

— Здесь, — отозвалась из-за развесистых кустов невидимая Оляка. — Ползи сюда, тут прямо красота!

Ира подхватила корзины и пошла на зов. Срезая приличный крюк по ягодным полянам, она кое-как перелезла через давным-давно упавшее замшелое дерево; джинсы безнадежно вымазались во влажной грязи. Дождей давно не было, но здесь, под сплошным зеленым пологом, и без них сыро и прохладно. Ира поставила корзины наземь и предприняла бесплодную попытку отряхнуть штаны, но лишь ещё больше размазала комки жирной земли, полусгнившей коры и спутанных мшистых волосинок.

— Стирать придётся, — буркнула она себе под нос.

Корзины вдруг сами по себе лениво качнулись. Где-то невдалеке загудело; земля задрожала, словно рядом, совсем близко к поверхности, промчался на всех парах поезд метро. Ира испуганно огляделась.

— Оль! Это чего было? — спросила она, стараясь не кричать слишком громко.

— Фиг знает. Может, лес валят, — жизнерадостно отозвалась сестра. Голос звучал левее и дальше, чем было в прошлый раз. — Ты идёшь или нет?

— Иду, иду, — Ира подхватила корзины и, чуть скорректировав курс, вновь двинулась к сестре.

Возле толстой старой берёзы снова пришлось остановиться, чтобы завязать шнурок. Олька прекратила шумно возиться; наверное, наткнулась на новый обильный черничник и кропотливо обрывала по одной налитые соком ягоды. Ира двинулась в сторону приметного куста с красноватыми ветками, ещё раз огляделась и поняла, что совершенно не соображает, где стояла пару минут назад. Поваленное бревно скрылось за густыми зарослями, берёза тоже куда-то делась. Вдоль позвоночника волной прокатился жар и тут же следом за ним — холод. Ира прикрыла глаза и несколько раз глубоко вдохнула. Спокойно. Сестра тут, за кустами, сгребает в корзину лесные дары...

— Оль, — окликнула она, озираясь в поисках тёмной сестриной толстовки. Нашла в чём тащиться в лес! — Ты где? Я тебя не вижу.

Ей никто не ответил. Слабенький сквозняк вяло качал низкие ветви; косые лучи солнца едва пробивались сквозь густые древесные кроны. Ира, повысив голос, повторила зов. Её жалобное «ау» растворилось в чаще, перебитое птичьим пением и шумом листвы.

— Спокойно, — громко сказала она вслух. — Спокойно. Всё хорошо.

Как же, хорошо... Что случилось с Олей? Только что отвечала вполне отчётливо, и вот в паре шагов перестала отзываться. Потеряла сознание? От чего? Или, может, они здесь не одни?.. А она только что вопила на весь лес, как последняя дура! Ира поспешила убраться с полянки и, лишь отбежав куда глаза глядят на пару десятков шагов, сообразила, какую глупость сделала. Как теперь понять, откуда она пришла? Где деревня?

— Всё хорошо, — прошептала она сама себе и торопливо потянула из-под воротника тонкую цепочку. Пусть лучше Ярослав её потом отчитает за паникёрство, чем... чем случится что-то плохое. Ира зажмурилась и до боли в костяшках пальцев сжала крохотный кулон.

Ничего не произошло.

Прозрачная синяя капелька осталась прохладной. Может, не сработала повреждённая магия, а может, Зарецкий попросту слишком занят. Ира закусил губу, чтобы не захныкать от страха и жалости к себе. Помощи нет, телефон остался дома, а с Олей что-то случилось... Дрожая всем телом, Ира поставила тяжёлые корзины на землю и подобрала крепкий сук; не ахти, но внушает хоть какое-то спокойствие.

— Кто здесь? — собственный голос показался ей не громче комариного писка. — Оля! Ау!

Чаща отвечала безмолвием. Ира огляделась, пытаясь отыскать хоть какие-то ориентиры. Развесистый куст с блестящими листьями и гроздьями мелких белых цветов попросту невозможно было не заметить, но Ира могла бы поклясться, что прежде его не видела. Что советуют спасатели: выбираться или стоять на месте? Развести костёр или залезть на дерево? Стараясь не упускать из виду приметный куст, Ира обошла, сколько хватило храбрости, несколько смежных полянок, покрытых нетронутыми черничными зарослями. Ни примятой травы, ни брошенной корзинки, ни малейшего движения среди листвы. Лес смолк и замер, незнакомый, однообразный, враждебный. Словно... внутри морока.

Ира обхватила себя за плечи, пытаясь унять дрожь. От холода или от страха — поди разбери. Оставаться на месте невыносимо; куда-то идти — бесполезно или, может, даже опасно, но так хотя бы по чуть-чуть отступает напавшая на неё оторопь. Судорожно сжимая в руках свою хлипкую дубинку, Ира побрела навстречу сквозящему сквозь лесной полог солнцу.

Всё это — ночной кошмар, то ли сбывшийся наяву, то ли порождённый недобрыми чарами. Меж деревьями торчали из земли, целясь в почти невидимое небо, высокие заострённые шести; слабый ветерок вяло трепал привязанные к их вершинам длинные цветные ленты, поблекшие от времени и влаги. Ира их помнила. Выгнутые, похожие на кости чудовищной рыбы жерди надёжно врезались ей в память почти двадцать лет тому назад. Тогда, в детстве, непонятная ограда почему-то напугала её едва ли не больше, чем тёмная лесная чаща. Бояться глупо; в конце концов, это след присутствия человека, а значит, люди сюда время от времени забредают. Она ведь встретила здесь тогда хмурого незнакомого парнишку, безошибочно указавшего в сторону Ягодного. Олька права:

местные знают эти леса как свои пять пальцев...

Олька! Нужно срочно выбираться к цивилизации и звать на помощь. Наверное, идти вдоль натканных через каждые два-три метра столбов нет смысла: если это граница чьих-то владений, то лучше всего направиться внутрь них. Пусть собственники потом возмущаются на здоровье, лишь бы дали позвонить и, наверное, выпить воды, потому что в горле сухо, как в пустыне. Нарочито глубоко дыша, чтобы успокоить бешено колотящееся сердце, Ира торопливо зашагала вперёд.

Светлело. Должно быть, лес сильно поредел; сейчас никак не меньше семи, а то и восьми вечера, солнцу уже положено клониться к горизонту. Ира всматривалась в стволы деревьев в надежде разглядеть цветную разметку, которой близ Ягодного выделяли любую хожую тропку; пятен краски видно не было, зато кое-где попадались насечки, складывающиеся в грубые непонятные рисунки. Ира миновала мутноватый ручей; пить хотелось, и сильно, но мало ли, что там, в некипячёной воде...

Меж деревьев проглянула залитая солнцем луговина, и тут Ире улыбнулась удача. Вдоль кромки леса, заложив руки за спину, неспешно брёл куда-то Семён Васильевич. Несмотря на жару, он вырядился в какой-то жуткий дублёный тулуп; странноватый дед, но как же хорошо, что он тут! Ира перевела дух и из последних сил побежала ему наперерез.

— Семён Васильевич! — крикнула она издали, размахивая руками. — Семён Васильевич! У вас телефон с собой?

Щукин вздрогнул, сложил из пальцев какую-то замысловатую фигуру и смерил Иру хмурым взглядом. Из-под тулупа выглядывала замызганная рубашка грубого края, расшитая вдоль ворота выцветшими нитками. Чехол с телефоном куда-то делся; не дома же Семён Васильевич его оставил?

— Мне нужно позвонить... — Ира замялась, определяясь, куда в первую очередь. — Понимаете, мы с Олей разминулись в лесу, я её не нашла... Там что-то случилось... У вас есть номер Максима? Или нет, лучше Ярослава...

Семён Васильевич, слушая сбивчивые объяснения, молча сверлил её подозрительным взглядом из-под кустистых бровей. Потом, когда она выдохлась, проскрежетал:

— Кто такая?

Ира слегка опешила. Похоже, на старости лет соседка начала подводить память. Что ж, бывает...

— Ирина я, Антонины Михайловны Леднёвой внучка, — стараясь не допускать в голос раздражение, напомнила она. — Покажите хоть, где тут жильё ближайшее... Мне телефон нужен, понимаете?

Щукин то ли туго слышал, то ли туго соображал. Ирино терпение было на исходе, когда он наконец соизволил приглашающе махнуть рукой:

— Пошли. Сведу до деревни.

— Спасибо, — выдохнула Ира.

Кому всё-таки звонить прежде всего: спасателям, полиции или бабушке?.. Нет, бабушке, пожалуй, не стоит: распереживается, а в её возрасте это не полезно. Жаль, номеров коллег Ира запомнить не удосужилась, но кто же знал! Она ещё раз попыталась счастья, обеими руками вцепившись в подвеску, и снова не получила никакого результата. Да на что он годен, такой сигнал тревоги?!

Передвигался Щукин на удивление быстро. Ира ожидала, что он будет еле-еле ковылять, особенно через заросшую травой луговину, но сосед ловко нашёл удобную тропку и зашагал так, что поспеть за ним на гудящих от усталости ногах оказалось непросто. Они шли целую вечность, хотя на самом деле, наверное, не больше двадцати минут. Тёмная громада посреди лугов оказалась устрашающего вида частоколом, чёрт знает зачем выстроенным вокруг сгрудившихся вдоль единственной улицы низеньких домиков. Грязная, продавленная узкими колеями дорога, кособокие заборы, бревенчатые фасады с крохотными мутными окошками — всё напоминало не слишком достоверные декорации к историческому фильму. Ира не увидела здесь ни одной машины; всё казалось каким-то кустарным, из подручных средств собранным, и она всерьёз забеспокоилась, найдётся ли у кого-нибудь из местных работающий телефон.

— Как называется деревня? — спросила она почти спокойно.

Щукин обернулся к ней, задумался на пару мгновений и нехотя процедил:

— Вихорские Выселки.

Ира запомнила. Ей в любом случае придётся объяснять, откуда она звонит. Провожатый миновал несколько дворов; кое-где из-за заборов любопытно выглядывали люди, не слишком высокие ростом, неприветливые, молчаливые. С Ирой никто не заговаривал. Щукин уверенно свернул к большому дому, обнесённому относительно приличной оградой, и остановился посреди двора.

— Тут стой, — не слишком вежливо распорядился он. — Не ходи никуда.

— Ладно, — Ира проглотила рвущееся наружу недовольство. Пусть распорядится, лишь бы раздобыл уже чёртов телефон!

Оставив её ждать посреди просторной утоптанной площадки, Семён Васильевич вскарабкался на крыльцо и вместо того, чтобы позвонить, с неожиданной силой ударил кулаком в дверь.

— Вигар! — проревел он и постучал ещё разок, так гулко, что из-за соседнего сарайчика выглянули на шум две девушки — тщедушные, загорелые, с длинными светлыми косами. — Выходи, с-с-собака!

Дверь, истошно скрипнув, приоткрылась, и наружу высунулся кто-то такой же немолодой, бородатый и хмурый, как сам Семён Васильевич.

— Чего тебе, Шелудивый? — недружелюбно пролаял мужик, заглядывая за широкую щукинскую спину. Ире не понравился недобрый прищур цепких блестящих глаз.

— Вон, — Семён Васильевич небрежно махнул широкой ладонью в Ирину сторону. — Вишь, ведьму привёл. Давай деньгу да забирай.

Хозяин дома вышел на крыльцо, предусмотрительно прикрыв за собой дверь, и задумчиво почесал бороду.

— То ещё смотреть надо, ведьма али не ведьма, — задумчиво изрёк он.

Щукин велел не сходить с места, но драгоценное время утекало сквозь пальцы, пока эти двое неторопливо переругивались. Ира решительно шагнула к крыльцу.

— Прошу прощения, — сказала она, стараясь, чтобы голос звучал увереннее, — мне срочно нужно позвонить в МЧС. Моя сестра где-то в лесу, она, возможно, пострадала. Можно мне телефон, пожалуйста? Или, если хотите, сами вызовите спасателей...

Двое бородачей переглянулись; Щукин выглядел... довольным?

— Что, Вигар, посмотрел? — хмыкнул он и красноречиво протянул сложенную горстью ладонь.

Мужик по имени — или по кличке? — Вигар досадливо отмахнулся, глядя куда-то Ире за спину. Мысль обернуться пришла запоздало; Ира едва успела увидеть кого-то широкоплечего и чумазого, а через миг её безо всякой жалости ухватили за запястья, лишив возможности двигаться. Крик получился слабым и скорее удивлённым, чем испуганным. Второй попытки не было: грубая, пахнущая землёй ладонь крепко зажала ей рот.

— Деньгу-то давай, — потребовал Семён Васильевич. Он и впрямь был очень, очень доволен собой.

— Ишка вынесет, — бросил Вигар и отвернулся от Щукина. — Слышь, Горазд, давай-кось её в старую ригу. Да привяжи покрепче, чтоб ничего там не попортила.

Ира отчаянно попыталась вырваться или хотя бы закричать. Ей не дали. Здоровяк Горазд впихнул ей в рот вонючую тряпку, легко оторвал от земли, перекинул через плечо — кровь тут же болезненно застучала в висках — и куда-то поволок, не обращая внимания на Ирины попытки колотить его по широкой спине. Потом мир безжалостно кувыркнулся, и вокруг стало темно и затхло. Едва не вывихнув Ире запястья, молодчик крепко стянул её руки грубой верёвкой и привязал к чему-то огромному и неподъёмно тяжёлому. Вместо крика сквозь кляп пробивалось лишь жалкое мычание, к которому её мучитель оставался глух. Ира попыталась хотя бы лягнуть его, но он проворно отскочил в сторону и в ответ отвесил ей пинка под рёбра, выбив из груди дыхание. От жгучей боли на глаза навернулись слёзы. Когда наконец снова получилось вдохнуть, вокруг было тихо и царила кромешная тьма.

В полицию! Выбраться отсюда — и бегом, не останавливаясь, до ближайшего полицейского участка, наплевав на боль и подступающий холод. Где-то в лесу осталась Оля, без сознания ли, испуганная ли до полусмерти, а может, и вовсе... Ира помотала гудящей головой, отгоняя жуткие мысли. Бабушка уже наверняка хватилась внучек. Спасатели точно в курсе здешних дел, они в первую очередь наведаются в этот притон... Что за маргиналы тут обитают? Бандиты? Двинутые на какой-нибудь дурацкой идее? Макс ведь занимался делом каких-то оккультистов, не они ли свили здесь гнёздышко?.. Впрочем, какая разница! Сперва надо выбраться, а там пусть разбирается полиция, служба безопасности, местный магконтроль...

Время бесследно таяло в тишине, пахнущей гнилым сеном. Кроме скребущихся по углам мышей, единственным Ириным компаньоном был холод. Немели пальцы; мелкая дрожь то и дело пробегала по телу, выматывая остатки сил. Спасительное снадобье лежало в кармане, так близко и недосыгаемо. Ира попробовала до него добраться, но добилась только ломоты в вывернутых руках и бросила бесплодные попытки. Все её усилия сосредоточились на том, чтобы не позволить себе уснуть и рухнуть в объятия кошмара. Согнуть и разогнуть ноги, разгоняя кровь. Неудобно устроить голову на плече, чтобы перестали слипаться глаза и, может быть, чуть-чуть утихла бьющаяся в висках боль. Пошевелить связанными руками, доказывая самой себе, что всё это — взаправду...

Несколько раз — Ира не сосредоточивалась на том, сколько именно — ей приносили попить. Горазд выдёргивал кляп, прижимал к её губам плоску с отдающей тиной водой — приходилось глотать, чтобы не захлебнуться — и потом вновь затыкал ей рот. Попытки заговорить с ним ни к чему не приводили; во второй или третий его визит Ира узнала, почему. В ответ на её путанные мольбы здоровяк разинул рот, и привыкшие к темноте глаза различили за неровными жёлтыми зубами зияющую пустоту. Давняя чужая боль подкатила к горлу тугим комком. Немыслимо. Так же, как и всё остальное здесь...

Сколько часов, дней, недель так прошло — кто его знает? Ира пыталась гадать, что с ней станет, если

помощь не подоспеет, но вскоре бросила тратить на это силы. Когда Горазд явился в очередной раз без площадки, зато с коротким кривым ножом, у неё не вышло даже испугаться. Он всего лишь поддевал остриём узлы, отвязывая пленницу; лучше бы, наверное, всё-таки убил, потому что её вряд ли ждало что-то хорошее. Снимать путы с кистей рук или вытаскивать кляп Горазд не стал — напротив, вдобавок к этому завязал Ире глаза. Её куда-то поволокли; мешанина странновато звучащих мужских голосов вокруг походила на гул осинового гнезда. Мир снова пошатнулся, а потом с чудовищным скрипом мерно закачался из стороны в сторону. Так продолжалось долго; рядом кто-то негромко переговаривался, и смысла чужих слов Ира не поняла бы, даже если бы захотела. Холод чуть-чуть отступил: должно быть, её вытащили на солнце. Хорошо бы так было подольше. До самого конца.

Резкий голос выдернул её из полусонного оцепенения. Пол под ногами больше не шатался; пахло чем-то кислым, а ещё свечным воском, дымом и разваренными капустными листьями. Очень хочется есть. Как она ухитрилась забыть о голоде?

— Ить ведьма, добрый господин, — заискивающе скрипел слышанный когда-то голос. — Сам глянь! Волоса вон не по-людски причёсаны, и одёжка не бабья. Коли велишь, я пасть-то ей развяжу — как заговорит, так за живот страшно!

— Не части, — отвечал ему другой, высокий и хрипловатый. — Вижу всё. Волк, а ну погляди да в закут. Как наместник явится, так сразу в дело.

Её грубо обшарили, вытащив из карманов всё содержимое, и пузырьёк с укрепляющим в том числе. Попытались сорвать с шеи цепочку, но эта затея не удалась.

— Не сымается! — выругавшись, сообщил обыскивавший Иру тип. — Жжётся, стервь, что твоя кочерга!

— И не трожь, — велели ему. — Пушай вместе с девкой пропадает.

Её снова куда-то тащили. Здесь было больше голосов, больше запахов, таких же мерзотных, как и прежде, зато гулял хоть какой-то сквозняк. Кто-то снял наконец повязку с Ириных глаз. В том, что она увидела, с трудом привыкнув к скудному свету, смысла было немногим больше, чем в полной тьме. Длинное низкое строение, сложенное из нетёсаных брёвен, кишело людьми; кто-то в лохмотьях, кто-то в странноватой, но более-менее чистой одежде, кто-то с заткнутым ртом, как сама Ира, — и все без исключения накрепко привязаны к протянутому через весь барак струганым жердинам на врытых в землю подпорках. Сквозь деревянную же решётку, прикрывавшую вход, задувал прохладный ветер и виднелся кусочек внешнего мира. Там, кажется, вечерело; посреди утоптанной площадки торчал столб, и у его подножия кто-то сидел. Прохожие, если взбрело в голову, бросали в него что-нибудь мерзкое или даже били, куда придётся; пленнику, кажется, было уже всё равно.

Здесь в ходу были и другие наказания. Минула ночь, в которую Ира не заснула бы, даже если бы хотела, а наутро двое крепких молодчиков выволокли на свет кого-то из провинившихся. Несчастный выл, плакал и умолял о пощаде. Пока один тюремщик придерживал пленника за плечи, второй под гогот собравшейся толпы с размаху отрезал наказанному короткую жидкую косицу, швырнул её в пыль и принялся ножом сбривать ему бороду. Пленник отчаянно кричал. На сухую землю капала кровь.

Его отпустили живым, но он долго ещё стоял на коленях в пыли, сотрясаясь от рыданий. Потом кто-то из надзирателей прогнал его прочь. Хорошо было бы поменяться с ним местами. Волосы за свободу — смешная цена...

Другие пленники, что мужчины, что женщины, сторонились Иры. Тюремщики почему-то тоже. Это не было ни хорошо, ни плохо; всё равно так же безжалостно стягивала запястья верёвка и так же равнодушно глодал изнутри неотступный холод. Здесь кормили, и иногда даже хотелось задремать, пристроившись у торчащей из земли жердины. Порой, успокаивая себя, Ира кое-как цепляла связанными руками висящую на шее цепочку и гладила едва тёплый камешек; само собой, безрезультатно. Собственная неожиданная стойкость мучила её. Если хоть ненадолго потерять сознание, можно передохнуть от творящегося вокруг сумасшествия. Может, там, за гранью яви и сна, поджидает простой и понятный кошмар: безликие коридоры, или бесконечная лесная чаща, или просто крошечная тьма... Зачем-то Ира продолжала бодрствовать — или попросту не могла уже заставить себя уснуть. Наверное, на неё не польстилась бы сейчас даже самая захудалая нежить.

Солнце закатилось и взошло снова. Незваные гости явились в разгар жаркого дня. У столба кого-то били плетью под довольный рокот толпы. Визитёры равнодушно прошли мимо, в душную полутьму барака. Ира, кажется, знала их. Прибытие этих людей не сулило ничего хорошего.

— У меня таких — половина закута, — стрекотал тюремщик, обводя широким жестом свои владения. — Вон колдун сидит — страх просто, доброго человека до смерти заклил. Вон ещё баба, та половину деревни со свету сжила. Бери, добрый господин, сгодятся!

— Благодарствуй, Хорь, те мне не надобны, — звучным голосом ответил шедший с ним рядом седоватый мужчина. — Ты давай, как договорено было...

— Как повелишь, добрый господин.

Они подошли совсем близко; над собой Ира различила смутно знакомые лица. Седой придиричиво её оглядел,

повернулся к спутникам.

— Ну, что скажешь? Она?

— Она, — бесцветный голос тронул в душе какой-то неясный страх; Ира не сумела вспомнить, какой именно. — Дай-ка проверю...

Липкие пальцы цапнули её за горло, и холод навалился на Иру ледяной глыбой. Седой пинком отшвырнул паразита прочь.

— Убить хочешь, пёсий выродок?

— Убедиться, — прохрипел паразит, поднимаясь на ноги. Он держался нетвёрдо, пошатываясь, будто пьяный. — Она это. Точно тебе говорю.

Седой кивнул. Глухо звякнул металл — должно быть, монеты. Тюремщик развязал мешочек, вытряхнул золото на ладонь; и гости, и пленница перестали его интересоваться.

— Забирай, Митар, — велел седой второму своему подручному, высокому, светловолосому. Тоже смутно знакомому.

Тот вытащил из-за пояса нож, легко вспорол верёвку на Ириных запястьях. Нельзя никуда идти с этими людьми! Ничего хорошего с ними не связано... Ира попыталась хотя бы отшатнуться, но, утратив опору, едва не упала на жухлую солому. Голос не подчинился ей; вместо речи из горла вырвалось лишь невнятное мычание.

— Тише, девушка, — доверительно сказал ей седой. — Мы тебя не обидим.

Долговязый Митар не без труда подхватил её на руки. Только что она и мечтать не могла о том, чтобы оказаться подальше от пропахшего потом и нечистотами барака, а теперь дорого дала бы, чтобы здесь остаться.

Может, она провалилась-таки в болезненную дремоту, а может, опять позабыла, на каком она свете. Вокруг снова бревенчатые стены, но теперь вместо соломы на полу пёстрый коврик. От варева в расписной глиняной миске исходит пахнувший мясом пар. Здесь, кажется, тепло; в распахнутое окно льются косые солнечные лучи. Сидящий напротив человек внимательно наблюдает не то за гостьей, не то за пленницей.

— Вы не пугайтесь, — он старается говорить ласково, но выходит всё равно жутковато. — Мы знаем, кто вы. Жаль, что вам пришлось такое пережить; так нехорошо сошлись обстоятельства...

Что-то неприятно царапает память, но тут же бесследно растворяется в ароматном тумане. Похлёбка восхитительно пахнет; прозрачная поверхность покрыта золотистыми пятнышками масла. Хочется хотя бы погреть ладони о пузатую миску.

— Угощайтесь, — улыбается седой, подталкивая к Ире деревянную ложку. — Вам надо отдохнуть как следует. Местный... персонал поможет вам помыться, потом вы выспитесь, а потом мы поговорим. Хорошо?

В миске оказался процеженный бульон; это, наверное, правильно после нескольких дней впроголодь. После была огромная бадья с упоительно горячей водой и деловитая дородная горничная; женщина от души тёрла Ире спину и мыла волосы, сетуя на её неудобу и оставленные верёвками синяки. Седой так и не вернулся, а за окном стремительно темнело. Ира выглянула наружу. До земли далеко; очевидно, здесь второй этаж, а то и выше, а под окнами — утопанный пыльный двор. Горничная, уходя, задвинула с другой стороны тяжёлый дверной засов. Мучительный плен сменился тёплым и уютным.

Она не знала, сколько проспала. Когда лишённый сновидений сон оставил её, в окно светило клонящееся к закату солнце. Всё так же пахло деревом, сушёными травами и почему-то землёй; никуда не делись сплетённый из цветных ниток коврик, лоскутное одеяло, грубо сколоченный стол. Всеми этому место в музее или, скажем, в аутентичном отеле. Ира осторожно села в не слишком мягкой постели, спустила ноги на дощатый пол. Боли почти не было; синяки на руках и на теле приобрели желтоватый оттенок и едва чувствовались, если нажать пальцем. Без сомнений, её подлечили, пока она спала. Без сомнений, то, следами чего были эти синяки, ей не привиделось.

Встать удалось далеко не с первой попытки. На колоссальных размеров сундуке, занимавшем едва ли не половину комнатки, лежали вещи — нет, не её истрёпанные джинсы и рубашка, а что-то вроде льняной ночнушки, вышитой вдоль воротника, и шерстяное полотнище, которое, должно быть, следовало обернуть вокруг пояса, соорудив таким образом юбку. Обуви не нашлось. Ира оделась, как сумела; стало чуть-чуть спокойнее. Выглянула в окно. Ничего нового: двор, полный суетящихся людей, клочок грунтовой дороги за забором, невысокие, в один-два этажа, бревенчатые дома. Это очень странное место. Будто бы вырванное из давным-давно минувших веков.

За дверью послышались тяжёлые шаги. Заворочался в скобах засов; не утруждая себя стуком, в комнату вошёл уже знакомый седой мужчина. Ира отвернулась от окна и замерла в нерешительности. С ним надо быть вежливой, потому что он явно всем здесь заправляет. Это кажется странным, не вяжется с какими-то даже не воспоминаниями — потускневшими впечатлениями. Где она его видела?..

— Здравствуйте, барышня, — седой изобразил улыбку, которая замышлялась располагающей. — Как ваше самочувствие?

Пришлось почистить горло. Голосовые связки слушались неохотно после очень, очень долгого молчания.

— Ничего, спасибо... Моя сестра...

— Я думаю, с ней всё в порядке, — успокаивающе сказал визитёр и уселся на край сундука. — И вам тоже бояться нечего. Вы в безопасности.

Это неправда. Происходит что-то недоброе. Может быть, то, о чём предупреждал Зарецкий. Ей велено было не разговаривать с незнакомцами, но куда тут денешься?

— Давайте, в конце концов, познакомимся, — гость первым нарушил повисшее молчание. Он пришёл с какой-то целью и не был намерен ждать, пока Ира соберётся с мыслями. — Меня зовут Георгий Иванович. А вы?..

— Ирина. Ирина Викторовна.

— Очень хорошо, — Георгий Иванович церемонно кивнул. — Ирина Викторовна, вам лучше присесть, иначе вы скоро устанете. Поверьте, даже у вас сейчас не выйдет быстро восстановить силы.

Ира, поколебавшись, последовала совету и села на разворошённую постель. Почему «даже»? Она никогда не считала себя двуязычной, скорее уж наоборот...

— Ужин скоро принесут, а пока вы позволите мне удовлетворить любопытство? — Георгий Иванович дружелюбно оскалится. — Очень уж неожиданно вы здесь появились. Если бы не чистая случайность, я бы и не узнал... Вы ведь понимаете, что всё это могло плохо кончиться?

Ещё бы. Догадалась примерно тогда, когда вместо того, чтобы помочь, её связали и бросили в тёмный сарай. Ира кивнула; Георгий Иванович сочувственно покачал головой и, серьёзно глядя ей в лицо, спросил:

— Можете сказать, зачем вы перешли через разлом?

Ире показалось, что она ослышалась. Через разлом нельзя перейти! Или речь о чём-то другом?

— Простите, я не понимаю...

— Вы пересекли границу, — настойчиво произнёс Георгий Иванович. Умные светлые глаза так и сверлили её пристальным взглядом. — Вряд ли это вышло случайно, правда?.. Или нет, я, кажется, понял. Дело было около недели назад, да? В ночь одинокой звезды?

— Я не знаю, о чём вы говорите, — упрямо повторила Ира. — Не имею ни малейшего понятия. Мне нужен домой, в Ягодное...

— Это похоже на правду, — задумчиво повторил гость, словно не услышав её слов. — Вы в самом деле ничего не знаете? Мне говорили, вы работаете в своеобразном месте. Неужели ваши... коллеги не удосужились вам объяснить?

Ира помотала головой. Это хорошо, что не удосужились. Плохо, что этот тип, похоже, и так в курсе всего.

— Как некрасиво, — Георгий Иванович весьма натурально поморщился. — В моё время, знаете ли, скрывать подобный дар считалось неприличным. Хотя здесь сейчас не лучше, чем там...

Он ждал вопроса, который Ира не собиралась задавать. Если уж сам Верховский опасался, что его закроют по третьей статье, о ней, недалёкой ведьме, и говорить нечего. Георгию Ивановичу не нравилось её равнодушие; кажется, он начинал уже злиться.

— Что ж, придётся мне, — раздражённо бросил он, поудобнее устраиваясь на сундуке. — Людей, подобных вам, называют одинокими. Не пугайтесь слова: на самом деле это очень полезный и очень редкий врождённый дар. Жаль, что в вашем случае он не получил развития, но и без того вам доступны кое-какие возможности. Например, безопасно переходить через разлом.

— Мне это не нужно, — быстро сказала Ира. — Я ничего об этом не знаю и не хочу ни во что вмешиваться.

— Вас крепко запугали, — усмехнулся Георгий Иванович. — Тоже, должно быть, коллеги?.. Можете не отвечать, я хорошо представляю, как работает эта система. Ирина Викторовна, вам в любом случае нужна будет моя помощь, чтобы вернуться домой. Я готов защитить вас и от преследований по ту сторону границы, хоть это и будет теперь крайне сложно. Взамен вы окажете мне ряд услуг. Ничего сложного, почти что работа курьера... Мне нужно время от времени переправлять из мира в мир людей или вещи, но у меня не всегда есть возможность заниматься этим самому, поэтому я прошу вас. Вашу безопасность по обе стороны разлома мы возьмём на себя. Об оплате договоримся; предлагаю начать с полумиллиона за один переход. Вас устроит сумма?

Ира ошеломлённо покачала головой. Георгий Иванович уже наговорил тут такого, что по возвращении либо срочно мчаться с повинной в магбезопасность, либо... либо принимать его сомнительные предложения. Не платят такие деньги за что-то простое и безобидное.

— Я не хочу, — твёрдо сказала она. — Пожалуйста, выпустите меня. Я никому не скажу об этом разговоре, хотите, поклянусь?

— Вы не совсем верно меня поняли, — Георгий Иванович растянул губы в холодной улыбке. — У вас нет других вариантов. Вопрос только в цене.

Повисло молчание. Гость уже не пытался казаться участливым и добрым. Хуже всего, он, похоже, был прав. В его власти не выпускать её отсюда; бежать ей некуда — вокруг странный, непонятный, враждебный мир. Наложить на себя руки? Георгий Иванович, наверное, слегка расстроится, но не более того. В дверь постучали; гость лениво

шевельнул пальцами, и тяжёлая створка бесшумно раскрылась, впуская женщину с нагруженным едой подносом в руках. Ира безучастно наблюдала, как на столе появляются миски, кружки, ложки. У неё нет других вариантов. У неё нет других вариантов...

— Я зайду к вам завтра, — сообщил Георгий Иванович, поднимаясь на ноги. — Пожалуйста, постарайтесь принять решение, иначе придётся работать с тем, что есть.

Он вышел, оставив открытой дверь. Ира вскочила и попыталась выбежать следом, однако горничная проворно встала у неё на пути. Пустой поднос в её руках напоминал щит.

— Помогите мне, — прошептала Ира, отчаянно заглядывая в глаза женщине. — Вы же видите!.. Помогите мне выбраться, пожалуйста!

Горничная посмотрела на неё непонимающе. Потом обхватила полной рукой за талию и с силой подтолкнула обратно к кровати.

— Не велено, — глухо сказала она и вышла, заперев за собой засов.

Ира вновь осталась одна.

XLVIII. Вопреки очевидному

Бесконечное двадцать седьмое июня никак не желало заканчиваться. Стрелки часов вплотную подбирались к восьми вечера; Мишка весь день просидел как на иголках, ожидая какой-нибудь ошеломительной новости, но время шло, а ничего примечательнее мелкой ссоры Ксюши и Костика так и не случилось. Шеф второй день не мог выкроить полчаса на разговор; он, похоже, снова взял моду работать круглыми сутками. Мишка, устыдившись вчерашнего малодушного порыва, сегодня всю навёрстывал упущенное, с удвоенной энергией роясь в архивах и записывая любые мало-мальски дельные мысли. От обилия мелких не связанных друг с другом фактов голова шла кругом. Старов понятия не имел, за что хвататься прежде всего.

На столе перед ним лежала в специальном футляре выпуклая серебряная пластинка на толстой цепочке. Ксюша привезла эту штуку из главного офиса «Гекаты»; очевидно, артефакт сыграл роковую роль в судьбе владелицы сети колдовских салонов. Смертельно опасное украшение как две капли воды походило на поделки разогнанного недавно подпольного цеха. По-хорошему, его бы сдать безопасникам на экспертизу, но Мишка уже ни в чём не был уверен. Нужно для начала попробовать извлечь из улики всю пользу, какую только можно, и Старов прилежно примерял друг к другу кусочки головоломки, пытаясь собрать из них осмысленное целое.

— Миша, — выглянувший из логова Верховский выглядел неважно, и голос у него звучал как-то надтреснуто. — Ты почему до сих пор тут? Домой давно пора.

Наверняка издевался — за вчерашнее бегство. Старов безропотно проглотил подколку и покаянно вздохнул.

— Дел полно, Александр Михайлович. Вы заняты?

— О нет, прохлаждаюсь в своё удовольствие, — ядовито отозвался начальник. — Но готов ради тебя прервать досуг. В чём вопрос?

Он неспешно прошёлся вдоль кабинета и оперся о стол Андрея, оказавшись аккурат напротив Старова. Мишка растерянно притянул к себе стопку исписанных бумаг. С чего бы начать?

— Сегодня что-нибудь случилось? — в лоб спросил он. Это важнее всего.

Верховский удивлённо поднял брови.

— Сегодня? Масса всего, но я не знаю ни о чём, что заслуживало бы твоего внимания.

— Может, вам так кажется, — брякнул Мишка. Шеф недовольно нахмурился. — В смысле... Мы могли пропустить что-то незначительное, а на самом деле из-за этого потом всё накроется медным тазом.

— Прекращай говорить загадками, — неожиданно резко рыкнул начальник. — Хватит с меня недомолвок. О чём речь?

— Вот об этом, — Мишка, вздохнув, продемонстрировал ему набросок звёздного календаря. — Сегодня минимум активности фона рядом с разломами. Что-то должно было произойти...

— Сосредоточься, пожалуйста, на других вопросах, — перебил шеф. — Разломами занимается Зарецкий. У меня пока нет оснований ему не доверять.

— Правда? — вырвалось у Мишки. — То есть... У безопасности, мне кажется, другое мнение.

— Ещё бы, — Верховский досадливо поморщился. — Коллеги склонны всё воспринимать буквально. Тем не менее, мир несколько сложнее, чем содержание Магического свода.

— Теперь вы говорите загадками, — проворчал Старов. — Вы знаете, что Викентьев устроил обыск у Ярослава в квартире?

— Не знал, — шеф беспокойно поправил галстук. — Но предполагал что-то подобное. Скажем так, Ярослав — достойный ученик своей наставницы. Кроме того, против него сыграло, как он сам любит говорить, случайное стечение обстоятельств. У Викентьева есть формальный повод для обвинений, и он при случае, без сомнения, этим воспользуется.

— Это касается ментальной магии и работ Свешниковой? — упрямо спросил Мишка. — Она что-то всё-таки раскопала?

— Лидия Николаевна неспроста держала эти свои изыскания в секрете от широкой общественности, — уклончиво ответил Верховский. — Наша система не любит, когда кто-то знает больше неё.

— Но кто-то всё равно знает, — буркнул Старов. — Я вчера навещал Тришину, думал, она что-нибудь расскажет... Донских мне показал, как выглядят ментальные чары. И знаете что? Цвет спектра очень уж характерный.

Шеф долго молчал. Мишка тоже; ему не очень хотелось, чтобы Верховский в обычной своей язвительной манере разнёс его предположения, но того, что шеф с ним согласится, Старов боялся ещё больше. Нельзя ведь настолько ошибаться в людях...

— Это не имеет смысла, — медленно проговорил Верховский. — Даже на очень хитрую игру не похоже. И потом, цвет спектра не индивидуален...

Мишка тайком перевёл дух.

— Мне всё равно нужна информация, — поспешно сказал он, уходя от неприятной темы. — Если допустить, что первоисточник — Свешникова, то есть кто-то ещё, кто был в курсе её исследований. Тем более что записей безопасности не нашли! Мы можем проверить круг её общения?

— Это автоматически добавит в список подозреваемых половину московских магов, — фыркнул шеф. — Дама весьма активно участвовала в научной и политической жизни сообщества.

— В политической?

— Да, в том числе. В Магсовет она не стремилась, но в Общественном собрании вела кипучую деятельность, — Верховский задумчиво потёр гладко выбритый подбородок. — Не забывай, источник сведений мог быть иным. И почему ты не рассматриваешь других исследователей?

— У них нет практики, — пояснил Мишка, торопливо строча в блокноте.

— Практику можно вывести из хорошо обоснованной теории.

Тоже верно. Старов сделал себе ещё пару пометок и выглянул в окно, прикидывая, не поздно ли прямо сейчас мчаться добывать информацию. Уже вечер, но летом световой день длинный...

— Не надо, — устало сказал Верховский, без труда угадав его мысли. — Лучше отдохни. На свежую голову проще думать.

— А вы? — буркнул Мишка, нехотя откладывая бумаги.

— И я домой, — шеф позволил себе зевнуть. — Завтра тяжёлый день. Отчётность, встречи...

Он бросил быстрый взгляд в дальний угол, туда, где напротив входной двери стоял Ирин стол. Вернее, это сейчас он Ирин, а раньше, когда Старов только пришёл в отдел, там сидел Виктор Сергеевич, единственный на Мишкиной памяти заместитель Верховского. Должно быть, шефу не хватало старого друга, и не только как замены на совещаниях. Старов убрал в сейф Ксюшину находку, тщательно запер кодовый замок и забрал с подоконника сумку.

— До свидания, — сказал он на прощание, обернувшись к начальнику.

— До свидания, — эхом отозвался тот. Он задумчиво смотрел куда-то за окно; наверняка уже выкинул Мишку из головы.

В пустынном вестибюле на банкетке возле стойки информации сидела Аня. Экран телефона бросал на её личико жемчужно-белые блики. Старов покосился на перебирающую бумаги служащую у стойки — она пришла на замену Вере, Мишка ещё не запомнил её по имени — и решительно свернул с привычной траектории. Аня, заслышав шаги, подняла голову и улыбнулась. Она неизменно рада была его видеть.

— Ты чего тут так поздно? — тихо спросил Мишка. — Время-то уже...

— Да такая шляпа вышла, — Аня отбросила за плечо блестящие локоны и виновато поджала губы. — Папа по каким-то делам смотался на пару дней, а я с утра ключи дома забыла. Вот подруг опрашиваю, у кого свободный диван в наличии.

Она продемонстрировала экран телефона с открытым мессенджером. Некая Тамара многословно, с обилием плачущих смайликов объясняла, что вот именно сегодня — ну вообще никак. Мишка укоризненно вздохнул.

— Что ж ты мне не сказала? Сидишь тут, мучаешься...

— Ну, — Аня, смутившись, отвела взгляд, — это мои проблемы, чего тебя беспокоить?

— В смысле — беспокоить? Я всё-таки... — Мишка вовремя вспомнил о том, что они здесь не одни, и оборвал сам себя на полуслове. — Пойдём. Ты хоть поужинала?

— Ага, в столовку забежала, — Аня подхватила сумочку и вскочила на ноги. Ничему жизнь не учит, опять на каблуках...

На крыльце она ойкнула и зябко поёжилась. Мишка не сказал бы, что на улице холодно, ну так это ему! Не слушая вялых возражений, он набросил на Анины плечи свою куртку и получил в ответ благодарную улыбку. Машин на парковке почти не было: кроме Мишкиной, только пара служебных в дальнем углу и брошенная синяя «тойота», потерянно глядящая в никуда потухшими фарами. Старов выудил из кармана ключи, отпер двери и помог Ане забраться на пассажирское сидение.

— Только завтра на работу придётся пораньше встать, — извиняющимся тоном сказал он, устраиваясь за рулём и заводя мотор. — Я в половину восьмого выезжаю.

— Это ничего, — заверила его Аня. — Я иногда тоже рано выхожу. Когда папа занят.

— Как это он так тебя оставил?

— А у него бывает. Бизнес, все дела... Я обычно у Ирки тогда ночую, но она сейчас отпускует.

Вечерние пробки, уже понемногу иссякающие, выпустили их на волю в глубоких сумерках. Аня оживлённо болтала обо всём на свете; её, кажется, вообще ничто не способно выбить из колеи. За кольцевой Мишка привычно свернул в притулившийся в складках московской границы пригород; пёстрые новостройки уютно блестели освещёнными окнами. Поначалу, только сюда перебравшись, Старов постоянно пугал дворы и подолгу нарезал

круги, пытаюсь найти свой подъезд. Сейчас кружить доводилось разве что в поисках парковочного места.

— Пройтись придётся, — вздохнул Мишка, отстёгивая ремень. В такой час и думать нечего встать сколько-нибудь удобно.

— Ну и ладно, — рассудила Аня. Она крепче запахнула на груди его куртку; вечером и впрямь стало прохладно. — Миленько тут.

Мишка обнял её за талию, мягко увлекая вдоль тротуара к подъездам, похожим, как близнецы-братья. В его съёмной однушке царил, как всегда, небольшой кавардак; только и оставалось, что надеяться на Анин лёгкий нрав. Она в самом деле не выказала недовольства — наоборот, с восторгом оглядела сваленный в дальнем углу туристский инвентарь.

— Ты ходишь в походы? — поинтересовалась она, уважительно трогая ляжку пятидесятилитрового рюкзака.

— Ага, — Мишка выдернул из кучи барахла спальный мешок и встряхнул, расправляя. — Вот, сегодня пойду в дикие дебри кухни. Хочешь чаю?

Аня хихикнула и кивнула. Набирая чайник, Мишка гадал, что ему теперь делать. Она всё-таки из более чем приличной семьи, да и встречаются они всего ничего... В хозяйской бамбуковой хлебнице, которую Мишка приспособил для хранения покупаемых под настроение сладостей, нашлась только початая пачка печенья. Мог бы и в магазин зарулить по дороге, балда! Да и сейчас сбегать не поздно. Старов устроил чайник на подставке и заглянул в комнату.

— Ань, чего к чаю купить?

Вместо ответа она указала на пристроенную в стороне от остальной походной амуниции гитару в чехле:

— Играешь, да?

— Да как — играю, — отмахнулся Мишка, — бренчу под песни. Так чего взять?

— Ничего не надо, — Аня потянулась к чехлу и осторожно растегнула молнию. — Споёшь мне что-нибудь?

— Петь не умею, — Старов растерянно взял у неё гитару. — Голоса нет.

Чайник на кухне противно пискнул. Аня словно бы и не заметила; уселась на диван и приглашающе похлопала по обивке рядом с собой.

— Тогда я буду петь, — лукаво улыбаясь, предложила она. — Сыграй, ну пожалуйста!

Мишка сосредоточенно коснулся струн, подкрутил колки. С прошлого отпуска минул почти год, а в городе братья за гитару его тянуло крайне редко; неудивительно, что инструмент порядком расстроился. Аккорд на пробу, один, другой... Универсальный аккомпанемент почти для любой песни из тех, какие поют у костра, греясь о кружки с чаем и раскачиваясь в такт.

Аня запела, чисто и точно, со знанием дела. Мишка заслушался, механически перебирая один за другим повторяющиеся аккорды. Хотелось подпевать, но Старов точно знал, что ничем хорошим это не кончится: он только испортит мелодию и собьёт настрой. Аня заливисто смеялась, когда путалась в словах, но в конце концов всякий раз находила правильную строчку. Или, может, неправильную — Мишка не вслушивался.

— Круто, — радостно сказала Аня, когда смолк последний аккорд. — Учился где-то?

— В походах и научили, — Старов пожал плечами, праздно перебирая струны.

— А я музыкалку закончила. По фортепиано и по вокалу. Папе некуда было меня деть, — хихикнула она. — Давай ещё что-нибудь?

Мишка послушно заиграл; Аня легко поймала мелодию и принялась подпевать — одну песню, другую, третью... Они просидели так, пока кто-то отчётливо не застучал в стенку. Аня тут же смолкла, уткнулась лбом Мишке в плечо и затряслась от беззвучного смеха. Старов виновато прижал струны: цифры на часах подбирались к полуночи.

— Похоже, хватит на сегодня, — вздохнул он, отставляя гитару в сторону. — У тебя здорово получается.

— У нас, — поправила Аня. Она поёрзала на диване и как-то вдруг оказалась совсем близко; Мишка обнял её, стараясь держать себя в руках.

— Ты чаю хотела, — зачем-то напомнил он, касаясь губами пахнущих цветами волос.

— Фиг с ним, — Аня дразняще поцеловала его в заросший короткой щетиной подбородок. — Завтра нальёшь мне чаю... Утром...

Возмущённо загудела струнами соскользнувшая на пол гитара. Аня тихо смеялась, ероша Мишке волосы; она совсем другая, не такая, как те, что были до неё. Мысль о её грозном отце мелькнула и пропала; он всё равно где-то не в Москве, а Аня — здесь, рядом, счастливо улыбается и так охотно отвечает на поцелуи. Какое уж тут здравомыслие...

— Странно, — всё ещё тяжело дыша, она положила голову Мишке на грудь. — Сколько в одном здании работаем — и не знали друг друга до сих пор...

— Теперь знаем, — он привлёк её к себе, не в силах что-то соображать. Аня, серебристо смеясь, поцеловала его.

— Не уходи на кухню, ладно?

— Ладно, — бездумно повторил Мишка. Какая ещё кухня?..

Застрявшая на часах дата наконец сменилась. В ванной весело шумела вода; Аня, кажется, что-то напевала себе под нос. Мишка подобрал её небрежно брошенную блузку и аккуратно повесил на спинку стула. Может, он и не пара дочери всемогущего Сафонова. Может, оба они ещё пожалеют, но это будет потом... Диван натужно скрипнул сочленениями: его давно уже не разбирали за ненадобностью. Мишка вытащил из шкафа ещё одну подушку из хозяйских запасов, бросил на расстеленную простыню. Будь что будет.

Ему ли, в конце концов, бояться трудностей?

XLIX. Крайний случай

Ночь выдалась ясной. В лишённое стёкол окно виднелось полное звёзд небо, клочок затопленного темнотой города — ведь города? — и опустевший двор. Ира попробовала высунуться в проём, хотя бы чтобы поточнее оценить высоту до земли, но не сумела: невидимые прочные чары надёжно преграждали ей путь на волю. Казавшаяся соблазнительной идея выпотрошить сундук, соорудить из хранящихся там простынь подобие верёвки и попробовать спуститься завяла в зародыше.

Что ещё? Продолжать уговаривать горничную? Попытаться слинять по дороге к разлому? Удрать уже на другой стороне и поскорее сдать на милость магбезопасности вместе с милейшим нанимателем? Что-то не верится, что Георгий Иванович не предусмотрел подобных подлянок, да и как бы ей самой при таком раскладе не впаяли серьёзную статью! Удовлетворяя жгучую жажду действия, Ира прошлась по комнатке, в сотый раз откинула крышку сундука и оглядела его разворошённое содержимое. Ничего путного там, само собой, не появилось, зато от предпринятого усилия опасно закружилась голова. Пришлось сесть на кровать и спрятать лицо в ладони, унимая некстати проснувшуюся боль. Навязчиво давила на шею цепочка; Ира раздражённо вытянула её из-под высокого ворота рубахи.

— Ну помоги же, — тихо и зло прошептала она, катая между пальцами гладкий камешек. — Ты обещал!

Абсурд. Сигнал попросту не проходит сквозь неведомую границу. Если Зарецкому и по силам каким-то образом перебраться на эту сторону, то ему и в голову не придёт искать её здесь. А если вдруг и придёт — он всё-таки предполагал, что она может влипнуть в переделку — то соваться сюда без роты вооружённых безопасников не станет ни один здравомыслящий...

— Ой! — вскрик вырвался сам собой, скорее от неожиданности, чем от испуга. В следующий миг губам стало холодно, как от анестезии.

— Тихо, — на грани слышимости проговорил Ярослав. Подвеска на его шее сияла ярким синим светом. — Потом всё скажешь. Сейчас только по делу и шёпотом, поняла меня?

Ира покладисто закивала. Если бы не чары, сковавшие мышцы лица, она по-дурацки улыбалась бы от уха до уха. Никогда ещё она не была так рада видеть Зарецкого! Амулет всё-таки сработал неведомым образом; может быть, он настолько мощный, что направленная с его помощью пространственная магия способна преодолеть границу... Не зря ведь бабушка так уважительно о нём говорила!

Убедившись, что Ира не собирается визжать от страха или вопить от радости, Ярослав шевельнул пальцами, снимая чары; Ира на всякий случай коснулась губ, проверяя, вернулась ли чувствительность.

— Здесь люди, — прошептала она, наблюдая, как контролёр быстро и деловито осматривает комнатку. — Георгий Иванович, он тут за главного... Наш нелегал, я была на его допросе, и ещё паразит...

— Паразит? — переспросил Зарецкий, сосредоточенно перебирая в воздухе пальцами. Должно быть, расплетал чужие чары. — Надо же. Сама как?

— Терпимо, — честно ответила Ира. Взгляд наткнулся на полупустой кувшин с водой, оставленный ей после ужина, и она сочла уместным предложить: — Пить хочешь?

Зарецкий недоумённо на неё воззрился и покачал головой.

— Сколько ты тут? — тёплые пальцы знакомо коснулись Ириных висков, прогоняя боль и усталость. — Дня три?

— Больше, — она честно попыталась припомнить, но всё, что случилось после злосчастного похода по ягоды, спеклось в памяти в сплошной бесформенный ком. — Четыре или пять... Не знаю.

— Вот чёрт... Прости, пожалуйста.

Ира пробормотала что-то неопределённое. Глупо в её положении предъявлять претензии. Главное — всё это скоро закончится. Правда?..

— Высоковато, — Ярослав безо всяких препятствий выглянул в окно. Чары, державшие Иру в плену, а вместе с ними и всевозможные охранные, следящие и сигнальные, на какие только хватило фантазии у Георгия Ивановича, канули в небытие. — Как у тебя с упражнениями на доверие?

— Не поняла, — Ира тоже подошла к окну. Овевающий лицо прохладный ветерок показался почти приятным. — Мне надо прыгать?

— Нет, конечно, — Зарецкий небрежным движением ладони заставил стол бесшумно подняться в воздух и перебраться к двери, освобождая подход к оконному проёму. Вода в кувшине беспокойно зарыбила. — Тебе надо дать согласие на однократное применение к твоему телу пространственной магии.

— Даю согласие, — быстро сказала Ира. О таком ограничении она знала; это стол можно не спрашивать, а без предупреждения применять телекинез к людям строжайше запрещено.

— Хорошо. Садись, — Ярослав указал на оконный проём. Ира послушно примостилась на краешек

хлипковатой доски, которую при наличии воображения можно было бы назвать подоконником. Смотреть вниз было страшновато. — Наружу, пожалуйста. Не бойся, держу.

Ира не без опаски перекинула ноги через подоконник. Чужая магия бережно её подхватила. Проплыл снизу вверх сглаженный темнотой мир; спуск оказался не страшнее поездки в прозрачном лифте. Когда стопы коснулись твёрдой пыльной земли, Ира запоздало вспомнила, что никакой обуви она в своём узилище так и не обнаружила. Ну и ладно, подумаешь — придётся побегать босиком, беды-то...

— Идём, — шёпотом поторопил её возникший из ниоткуда Зарецкий. — Вон туда.

Они быстро, но без суеты пересекли тёмный двор. Заворчавшая было в конуре сторожевая собака мгновенно смолкла, пойманная чарами немоты. Всё вокруг окутывала сонная тишина; никаких соглядатаев Георгий Иванович не оставил — да и зачем, если сбежать из захлопнувшейся мышеловки у слабенькой ведьмы не было ни малейшего шанса? Глаза понемногу привыкали к темноте, слегка разбавленной лишь звёздным светом. Вот приземистая громада дома, вот постройки поменьше, вроде сараев; какие-то грядки, выставленные вдоль забора ведра с водой... Ярослав без труда перемахнул через невысокую ограду; Ира перебралась с его помощью, путаясь в своей импровизированной юбке.

— Так... Дай мне минуту, — пробормотал Зарецкий себе под нос, шурясь в непроглядную ночную темноту. Ира запоздало сообразила, что ничего ему не сказала о том, куда его вызвала.

— Ярослав, — шёпотом позвала она, зябко переступая с ноги на ногу в вязкой грязи. — Мы не... не в России. Здесь всё... по-другому, чем у нас.

— Я заметил, спасибо, — прервал её Зарецкий. — Помолчи, пожалуйста, дай подумать.

Ира послушно умолкла. Думать-то он мастер. А ей можно больше не ломать голову над неразрешимой загадкой и просто выполнять указания уполномоченного лица, как и положено законопослушной гражданке. Не говоря ни слова, Ярослав двинулся вниз по улице — если так можно было назвать грязную проезжую дорогу, стиснутую с двух сторон разномастными заборами, а кое-где и попросту глухими стенами домов. Ира потрусила следом.

— Нам нужно как-то добраться до разлома, — сообщила она, не без труда поспевая за размашистым шагом Зарецкого. — Через него можно попасть домой...

— Та-а-ак, — он смерил её неприязненным взглядом. — Зря я, выходит, перед Верховским тебя выгораживал?

— Нет! — испуганно пискнула Ира. — Это Георгий Иванович мне рассказал...

— Георгий Иванович, значит, — пробормотал Ярослав. — Ещё что он тебе поведал?

— Что я могу ходить через границу, — покладисто доложила Ира. — Он хотел, чтобы я на него работала.

Зарецкий выругался тихо и зло. Он, кажется, совсем не удивился. Его вообще не то чтобы легко вывести из равновесия, но тут-то случай особый! Или... или он как раз подозревал что-то подобное? Понятно тогда, чего он так беспокоился на её счёт.

— Ты знал, да? — понуро спросила Ира. — Ну... что так может получиться?

— Предполагал. Я же видел твою диаграмму, — Ярослав остановился, задумчиво разглядывая неприметный домишко чуть в стороне от дороги. — Пойдём-ка заглянем на огонёк. Только молчи, пожалуйста, ладно?

— А что с моей диаграммой?

— Я, кажется, попросил молчать.

Ну и ладно. Обижаться на него вообще бесполезно, а сейчас и вовсе попросту глупо. Следом за спутником Ира, пригнув голову, спустилась в полуподвал, тускло освещённый единственной свечой, чадающей вонючим дымом. За громадным низким столом, заваленным грудями пёстрого барахла, сидел человек; сгорбив спину, он кропотливо пересчитывал рассыпанные в ореоле света зеленоватые металлические кругляши — видимо, монетки. Услышав шаги, он обернулся и оценивающе оглядел незваных гостей; если и удивился, то виду не подал.

— Чего надо?

— И тебе доброй ночи, — дружелюбно отозвался Ярослав. Ира удивлённо на него покосилась: выговор его неуловимо изменился, подстраиваясь под непривычную местную манеру. — Товар кой-какой надобен. Отдашь на обмен?

— Товар-то имеется, — делец ухмыльнулся и, отодвинув лавку, встал из-за стола. — У меня всякого довольно. Чем платишь?

— Вот, — Зарецкий снял с пальца тяжёлый золотой перстень, подбросил и легко поймал; массивный чёрный камень маслянисто блеснул в неверном рыжеватом свете. — Нужно воды и еды на день пути, хороший нож, одежду и обувь мне и ей, — он небрежно кивнул в Ирину сторону. — Остальное отдашь золотом.

Человечек взял со стола плоску со свечой, боком подобрался поближе и придиричиво оглядел кольцо. Попытался потрогать, но Ярослав сжал кулак и отвёл руку из-под любопытного горбатого носа.

— Ишь, — хмыкнул делец; Ире показалось, что уважительно. — За такое можно и кой-какую лошадёнку справить. А? Поглядишь?

— Нет. Я слово сказал, ты теперь говори.

Хозяин пожевал губами, алчно поглядывая на перстень. То ли опасался переплатить, то ли просто побаивался.

— Из старых времён вещичка, а? — поинтересовался он, испытующе глядя на Зарецкого. — Злая небось?

— Не злая, — Ярослав демонстративно надел кольцо на палец. — Так что, берёшь или нет?

— А что ж не взять? Беру, — человечек проворно перебрался к столу и принялся рыться в наваленном грудами хламе, не забывая, впрочем, время от времени посматривать на визитёров. Ира на всякий случай отступила за спину спутника; холодный оценивающий взгляд ей не нравился. — Как раз свеженького справил... Вот, гляди-ка. В наших-то краях лучше не сыскать, — делец ловко выудил из кучи барахла что-то вроде кожаной куртки, только очень грубо сработанной. — Ты ж, я гляжу, не из вихорских будешь?

— Из исвирских, — не моргнув глазом, заявил Ярослав и деловито ощупал предложенную одежду. — Нет, не годится. Тяжёлая.

— То-то, смотрю, бороду не по-нашему носишь, — торговец хитро ухмыльнулся и бережно отложил куртку в сторону. — Исвирь от нас далече. Как сюда-то занесло?

— Как всех — тропами-дорогами. Вот эту, может, уступишь?

Хозяин с явным сожалением развернул тонкую шерстяную накидку, которую намеревался было отложить.

— Хорошая. Хёккарского сукна, да в Белогороде шитая. За золотой, может, продал бы...

— Будем считать, что продал.

Торговец посмотрел на Зарецкого едва ли не обиженно, но покорно положил накидку на лавку и продолжил поиски. Ира машинально следила, как ловкие руки перебирают рубашки, штаны, пояса, и с ужасом понимала, что к офицеру контроля у неё вопросов ничуть не меньше, чем к явному нелегалу Георгию Ивановичу. Чтобы так ловко импровизировать, успокаивая любопытство прожжённого деляги, надо быть в курсе здешних дел. Очень глубоко в курсе...

— Ох, каково, прямо девке под стать, — торговец мерзко причмокнул губами, скосил на Иру масляные глазки и выложил поверх груды тряпья расшитое цветами алое платье. — А что, добрый человек, отдашь её мне? В саборанские шелка наряжу, гривну золотую на шею повешу, серьги яхонтовые в ушки вдену — во всей Вихоре краше не будет!

— А то тебе мало предложено? — ворчливо отозвался Зарецкий и решительно отодвинул яркий наряд. — Не годится. Нам дороги топтать, а не у летних огней плясать.

Делец посмотрел на него многозначительно, но ничего не сказал. Покончив с вещами, он вытащил откуда-то объёмистый мешочек и кропотливо отсчитал пару десятков круглых тускло-золотых монет.

— Мало, — непрерываемо заявил Зарецкий. — Ещё дважды по столько же, и считай, что я щедр по-княжески.

— Столько и полстолька!

— Дважды. Или сделки не будет.

— Будь по-твоему, — легко уступил торговец. Слишком легко. — Переночевать не ищешь? Есть у меня местечко.

— Не ищу. Вода, еда и нож — и мы в расчёте, — напомнил Ярослав.

— Нож вот выбирай, — деляга проворно разложил на столе несколько кожаных ножен. — А снесь из погреба принесу. Ты, коли хошь, покуда приоденься, — он похлопал ладонью по стопке вещей. — Вон у меня закуток есть, под лестницей...

Зарецкий выбрал первый попавшийся нож, вытащил из ножен, взвесил в руке и бросил к прочим покупкам.

— Сойдёт, — он положил перстень на стол, накрыл ладонью и взглянул хозяину в лицо. — А теперь слушай. Никуда ты сейчас из дома не побежишь и молодчиков своих звать не станешь. Мы отсюда уйдём живыми и невредимыми, а ты забудешь, что мы приходили. И золота выкладывай, сколько положено, нечего мне голову дурить.

Торговец, потрясённый, должно быть, его наглостью, оторопело кивнул.

— Вот и хорошо, — Зарецкий подтолкнул к нему перстень и выпрямился. — Где там твой закуток?

Делец, развязывавший дрожащими руками мешочек с золотом, ткнул пальцем в сторону едва видимой дверцы в бревенчатой стене. Ярослав сгрёб с лавки купленное добро и взял Иру за плечо.

— Пошли, — велел он, и у Иры даже мысли не возникло ему не подчиниться.

В тесной камерке единственным источником света было вырубленное под самым потолком крохотное окошко. Зарецкий бросил ворох тряпья на огромный пыльный ларь и со знанием дела разделил вещи на две кучки — для себя и для Иры.

— Вот это сверху на рубашку, — он деловито раскладывал вещи на плоской резной крышке. — Это на пояс... И волосы заплети, пожалуйста, во избежание лишних вопросов.

— Ты здесь был, — тихо проговорила Ира, оторопело наблюдая за его манипуляциями. — Здесь... По эту сторону разлома...

— Разумеется, был, — раздражённо фыркнул Зарецкий, стягивая с себя футболку. — Будь добра, займись делом, у нас не так много времени.

Он демонстративно отвернулся. Ира дрожащими руками потянулась к пёстрому вороху одежды, потом запоздало сообразила, что и ей бы неплохо смотреть куда-нибудь в другую сторону. Накидку — сверху на длинную, до пят, льняную сорочку; поверх завязать широкий пояс с кисточками на концах, на ноги — обмотки из чистой мягкой тряпицы и вышитые кожаные башмаки. Одеться по-местному не так уж и сложно. Ира, как сумела, заплела волосы в косу и перевязала алой лентой. Вспомнился сальный взгляд торговца, а потом — утратившее всякое выражение горбоносое лицо и трясущиеся пальцы, механически отсчитывающие недоплаченные монеты. По коже запоздало продрал мороз.

— Что ты с ним сделал? — шёпотом спросила Ира, глядя в стену перед собой.

— Подкорректировал ему планы на наш счёт, — пробормотал Ярослав. — Видишь ли, отпускать меня живым он не собирался.

— Откуда ты знаешь?

— А что ему ещё делать? Ничего личного, просто бизнес. Ограбить, сбыть, при необходимости устранить свидетелей.

— То есть вот это всё... — Ира запнулась и в ужасе тронула пушистую кисть пояса. Захотелось немедленно избавиться от обновок; останавливала только прагматичная до мерзости мысль о том, что в тяжёлой неудобной юбке далеко отсюда не уйти.

— Да, лучше об этом не задумываться, — спокойно согласился Зарецкий. — Давай для простоты считать, что товарищи этого доброго человека мирно обчистили закрома какого-нибудь богатея. Идём, к рассвету надо успеть дойти до городских ворот.

В здешних одёжках он выглядел странновато, но вписывался в антураж куда лучше, чем в джинсах и футболке. Ира запоздало припомнила, что местные обитатели — что мужчины, что женщины — действительно носят убранные в косу длинные волосы; ещё один обычай, о котором Зарецкий прекрасно осведомлён. Ох, не зря сулил ему Верховский третью статью...

— Бывай, добрый человек, — с издёвкой бросил Ярослав торговцу, забирая нагруженную припасами холщовую сумку.

— Бывай, добрый человек, — эхом отозвался тот. Ире против всякого здравого смысла стало его жаль.

Небо уже начинало светлеть. Стали отчётливо видны почерневшие от сырости бревенчатые стены домов; вдоль улицы тянулась с одной стороны канава, от которой крепко пахло нечистотами. Далеко позади в предрасветной дымке виднелся исполинский, выше самых высоких крыш, частокол с торчащими кое-где сторожевыми башнями; на их вершинах горели ярко-рыжие костры. Стена пониже высилась и впереди, в полукилометре вниз по продавленной тележными колёсами дороге. Ещё до того, как солнце показалось над заострёнными верхушками брёвен, в конце улицы Ира различила прорубленные в стене ворота, запертые на два огромных засова. От кого тут так прячутся?

— Теперь ждём, — тихо сказал Ярослав, остановившись в паре десятков шагов от прогуливающейся вдоль ворот стражи. В руках у караульных были длинные, в полтора человеческого роста, копья.

Зарецкий заметно нервничал. От стражников он старался держаться подальше; Ира, поддавшись его настроению, задумалась, мог ли Георгий Иванович успеть заметить её отсутствие и начать принимать меры. Например, науськать городскую стражу на ловлю сбежавшей ведьмы. Сумеет один, хоть и весьма квалифицированный, боевой маг скрутить сразу четверых вооружённых парней в кольчугах? Ярослав, должно быть, думал о том же самом; взгляд его деловито скользил по частоколу и утоптанной площадке у ворот.

Как только солнце поднялось над стеной, стражники взялись за рукояти деревянных лебёдок, установленных по обе стороны от ворот. Засовы медленно, будто нехотя, поползли из скоб на створках в устроенные на стенах пазы. Ещё двое потянули за верёвки, привязанные к вделанным в брёвна металлическим кольцам. За воротами обнаружилась собранная из тёсаных жердей решётка; по другую её сторону уже толпилась кучка людей, неуютно топтавшихся на месте и боязливо озиравшихся по сторонам.

— Пусть сначала пройдут, — Ярослав кивнул на них и беспокойно поправил воротник рубашки. — С точки зрения стражи им нужнее, чем нам.

— Почему?

— Очевидно, потому что ночью в полях полно нежити.

Ира всмотрелась в застланную лёгким белёсым туманом луговину за медленно поднимающейся решёткой. В отдалении от городских стен кое-где догорали костры; видимо, застигнутые ночью путники береглись, как умели. Стражи перегородили копьями проход, командными возгласами заставили пришлых выстроиться в очередь и принялись по одному пропускать их в город. Каждый вошедший раскошеливался на несколько монет.

— Нам тоже придётся платить? — боязливо спросила Ира.

— Нет, — рассеянно отозвался Зарецкий. Он неотрывно наблюдал за действиями стражников. — Если всё будет хорошо...

Ире не понравилось это уточнение, но подробности она решила не выяснять.

— Мне нужно что-то делать?

— Как и раньше, молчать и слушаться. Идём.

Ира изо всех сил старалась вести себя уверенно, как могла бы законопослушная местная жительница, собравшаяся с утра пораньше выйти погулять за городскую стену. Стражники, тем не менее, встретили их мрачными взглядами. Один решительно опустил копьё, преграждая Зарецкому путь.

— Кто таков будешь? — грозно спросил он, цепко оглядывая Ярослава. Ира его ни капельки не заинтересовала, но сердце всё равно испуганно пропустило удар. — Куда идёшь?

— Так в Рябины, — спокойно ответил Зарецкий, вновь легко копируя здешнее произношение. — Тамошний я. Вот, в город к тётке ходил, теперь и домой пора.

Стражники недоверчиво переглянулись.

— Морда у тебя нездешняя, — угрожающе прищурился второй, с длинным шрамом через всю щёку.

— Мать была поморянка, — не дрогнув, вдохновенно солгал Ярослав.

— Так-таки и поморянка? — не в меру бдительный стражник нехорошо усмехнулся и вдруг обратился к Ире: — Что, девонька, тоже, что ли, в Рябины идёшь? Своей волей али нет?

Ира похолодела. Ей достаточно пару слов сказать, чтобы выдать себя с потрохами. Да и что говорить-то? Она никаких Рябин знать не знает!

— Немая она, — равнодушно бросил Зарецкий, прежде чем Ира сумела что-нибудь сообразить. — Как тем летом упырь напугал, так и не говорит больше. Пропустите, добрые люди, путь-то неблизкий.

— Ничего, дни нынче длинные, дотемна успеется, — стражник со шрамом обернулся к товарищам. — Невзор, кликну-ка к нам Тишилу. Он ить сам из Рябин, чай, признает земляка-то? А ты, девонька, тут покуда постой, — тяжёлая рука легла Ире на плечо и властно потянула в сторону. Ничего не оставалось, кроме как подчиниться. — Поглядим ещё...

Ярослав весьма натурально изображал растерянность. Должно быть, несмотря на все ухищрения, он всё-таки недостаточно походил на местного селянина; зачем иначе стражникам доносить его, почти не обращая на Иру внимания? Привели этого Тишилу — невысокого белобрысого паренька без кольчуги, в одной лишь кожаной куртке, зато с коротким мечом у пояса. Страж со шрамом довольно огладил бороду.

— Ну, Тишила, скажи-ка нам, врёт али нет, — велел он товарищу и, вновь повернувшись к Зарецкому, рывкнул: — Как тебя по имени?

Ире показалось, будто Ярослав на миг изменился в лице, но, разумеется, на такой очевидный вопрос у него наверняка готов был дежурный ответ. Зарецкий смотрел исключительно на Тишилу; это пятерым сразу голову не заморочишь, а одному — за милую душу...

— Яр, сын Ладмиров, сам из Лесовицких краёв, — чётко ответил он, будто впечатывая каждое слово пареньку в мозги. — В Рябинах третий год живу.

— В Лесовицких, почитай, никого уж не осталось, — встрял молчавший до сих пор рыжебородый стражник.

— Так потому и перебрались, — выкрутился Зарецкий. Веди он себя хоть чуточку более нервно, вышло бы натуральнее.

— Ну, друг, что скажешь? — тот, что со шрамом, недобро прищурился и похлопал Тишилу по плечу. — А то уж больно на новицкого татя похож, хоть хватай да в острог.

— Да не, наш он, рябиновский, — озадаченно проговорил парнишка ломким молодым голосом. — Точно наш...

У Иры отлегло от сердца. Их отпустят, всё будет хорошо...

— А девка тебе кем приходится? — грянуло над ухом. Ира закусил губу, чтобы ненароком не нарушить легенду.

— Сестрой, — быстро ответил Зарецкий.

— Сестрой, — подтвердил Тишила.

— Что ж там за случай такой вышел с упырем? Прошлым-то летом?

Ярослав едва заметно качнул головой.

— А леший его знает, — паренёк с силой поскрёб в затылке. — Мало ли всякого случается... Вроде и было...

На несколько невыносимо долгих секунд повисло молчание. Затем тяжесть исчезла с Ириноного плеча; страж принял решение.

— Ну, иди с миром, коль не врёшь, Яр, Ладмиров сын, — проговорил он. — Боги тебе в помощь.

— И тебе, добрый человек, — с видимым облегчением отозвался Зарецкий.

Его пальцы сомкнулись на Ирином предплечье. Не оглядываться, не шагать чересчур торопливо, не то стража

заподозрит-таки неладное... Они отошли от городской стены не меньше, чем на сотню шагов, прежде чем Зарецкий нарушил молчание.

— Началось, — недовольно проворчал он. — Теперь с месяц ещё не отпустит, зараза такая...

— Что началось? — тихонько спросила Ира, не уверенная, что ей уже можно говорить.

— Побочные эффекты вероятностных чар, — туманно пояснил Ярослав. — Я ведь снял кольцо. Теперь какое-то время случайности будут работать не в мою пользу.

— Оно было на удачу зачаровано? — ахнула Ира. — Но ты же его не передал, как положено!

— Не передал, — согласился Зарецкий. — Но с руки-то снял. Чёрт с ним. Я теперь хотя бы с высокой долей вероятности знаю, что надо ожидать худшего.

— Зачем ты его снял? — упавшим голосом спросила Ира. Не хватало им ещё неудач на каждом углу! — Мог бы просто заставить этого типа всё отдать...

— Запрещено, — скучным тоном отозвался Ярослав.

— Так присяга же на тебя не действует!

Зарецкий раздражённо вздохнул и на пару мгновений прикрыл глаза.

— Во-первых, действует, — устало сказал он. — Во всех аспектах, касающихся классической магии. Во-вторых, на мне и без присяги достаточно клятв. Кстати говоря, — он вдруг остановился посреди пыльной дороги; Ира тоже поспешно затормозила. — Дай-ка руку. Левую, пожалуйста.

— За-зачем? — заикнулась Ира, нехотя повинувшись приказу. Ярослав крепко обхватил её запястье; прикосновение не казалось обжигающим, но приносило нешуточное беспокойство. — Что ты делаешь?

— Возвращаю взятое слово, — ответил он протокольной формулировкой.

Ира ушам своим не поверила. Она вообще не думала, что такое возможно! Действующий офицер магконтроля вопреки всем мыслимым регламентам повторял, слово за словом, текст некогда принятой клятвы, освобождая Иру от решительно всех обязательств перед государством. Это... это даже не третья статья, это прямое нарушение персональной ответственности! Что сделает с ней безопасность, когда узнает? Что сделает с ним?!

— Зачем? — севшим голосом повторила Ира, когда Зарецкий выпустил наконец её руку.

— Очевидно, чтобы тебя не прихлопнуло Магсводом по возвращении, — огрызнулся он. — Тебе для этого наговорили достаточно. Отличная, чёрт возьми, тактика.

— Какая ещё тактика?

— Сама подумай, — Ярослав отвернулся, оглядывая тянущиеся по обе стороны дороги дикие луга. — Отступать от Магсвода можно, если подчинение закону угрожает твоей жизни. Останься ты во власти милейшего Георгия Ивановича, вариант с угрозой жизни сработал бы автоматически. Но ты от него удрала, стало быть, вполне можешь по возвращении спокойно идти докладывать в безопасность. А заодно и рассказывать о своих выдающихся способностях.

Иру пробрала крупная дрожь.

— Ё-моё... А что теперь делать?

— Помалкивать, блин! Можно было за полдня запомнить принцип?

Испуганная его раздражённым тоном, Ира расстроено закусил губу. Вот это она влипла... Не подбей её Олька набрать черники, всё было бы хорошо! Или нет? Добрался бы до неё Георгий Иванович по ту сторону границы? Судя по тому, как легко паразит выследил её на Максоев день рождения, вполне вероятно, что да, и скорее рано, чем поздно...

— Рассказывай, — велел Зарецкий. — Всё по порядку. Кто тебя сюда притащил?

— Никто, — понуро призналась Ира. — Мы в лес пошли чернику собирать. Я заблудилась, ну и... случайно напоролась на этот разлом несчастный.

— Ничему жизнь не учит, — ядовито прокомментировал Ярослав. Ира сочла за благо пропустить это мимо ушей.

— А перед этим был какой-то грохот, — припомнила она. — Мы обе слышали... И я, и Оля.

— Кузнецов постарался, — кивнул Зарецкий. — Надо было Некрасова оставить следить за разломом, хоть какая от него польза была бы...

— Не говори так, — заступилась за Макса Ира. Получила полный скепсиса взгляд, поспешила сменить тему. — Я этого Кузнецова тут видела, я говорила? Его как-то по-другому называли...

— Само собой. Здесь по паспорту представляться — гиблое дело.

— Точно, — Ира запоздало сообразила, что и сам Зарецкий только что назвался стражникам по-здешнему, хотя и как-то очень похоже. Наверное, так проще воспринимать непривычное имя. — Ну вот... А ещё тут был Щукин! Он меня... ну... в деревню какую-то отвёл. В Вихорские Выселки, — вспомнила она и невольнсь поёжилась. — Меня там в сарае заперли.

— Сочувствую, — сказал Зарецкий негромко и как будто даже виновато. — В тот же день было?

— Да, вечером... Или нет, подожди, днём... Вроде бы солнце светило, — Ира наморщила лоб. Не сошла же она с ума? — Но было часов восемь вечера, не меньше... Не пойму...

— Не поймёшь, — согласился Ярослав. Им пришлось отступить на обочину, пропуская неторопливо ехавшую мимо телегу; Ира невольно задумалась, не эти ли дюжие мужички пару дней назад везли её в город. — Здесь время идёт по-другому. Раз в пять быстрее, чем по ту сторону.

— Как это?

— Вот так, — Зарецкий пожал плечами, словно речь шла о какой-то банальности из начального курса теорема. — Неудивительно, что я тебя не слышал. Мы от разлома только к полуночи ушли, а там рядом даже эти шуки сбоят, — он тронул спрятанную под воротник цепочку. — Она впервые где-то в половину четвёртого утра сработала — значит, дня через полтора по-здешнему...

— Да, наверное, — Ира на миг зажмурилась, отгоняя воспоминания. — Забыть бы это всё поскорее...

Ярослав понял намёк и с сожалением покачал головой.

— Не выйдет. Ментальная магия не действует на носителя ментальной магии.

— Подожди, — Ира мученически нахмурилась, пытаясь как-нибудь устроить в сознании перевернувшееся вверх тормашками мироздание. — Так ты... То есть я...

— Верно. Это всё из одной обоймы.

— Откуда ты всё знаешь? — вздохнула Ира. И ещё как он при всём при том до сих пор жив? Такое, пожалуй, вслух лучше не спрашивать.

— Меня учили обращаться с даром, — спокойно пояснил Зарецкий. — И не меня одного. Нас таких не так уж мало, хоть и меньше, чем хотелось бы.

— И Щукин тоже?..

— Нет, — Ярослав примолк на время, пока они не разминулись с неспешно бредущей навстречу компанией. — Щукин — обычный колдун, без приложений к способностям. Ты попросту нарвалась на двойника. Забавно, что они сейчас примерно одного возраста...

— На двойника, — страдальчески простонала Ира. — Здесь ещё и двойники есть!

— Не у всех, — Зарецкий поправил на плече лямку тяжёлой торбы. — У нас с тобой, например, нет.

— Поэтому «одинокие»?

— Поэтому, — Ярослав кивнул и бросил на Иру серьёзный взгляд. — В этом суть дара. Лишняя жизненная сила, которой не нашлось места по другую сторону границы. Жизнь, прошедшая через смерть.

Ира потрясённо примолкла. Выходит, здесь могла бы родиться, жить, взрослеть, радоваться и печалиться её точная копия, но что-то пошло не так, и от живого человека осталась только бесхозная равнодушная сила. Да как вообще можно спокойно пользоваться таким даром, зная, откуда он взялся?! Ира обхватила себя за плечи, пытаясь успокоиться.

— Холодно? — обеспокоенно спросил Зарецкий, протягивая ей руку. Ира поспешно отшатнулась.

— Нет, всё в порядке, — выдавила она через силу. — Зачем ты мне это рассказал?

— Чтобы кто-нибудь был в курсе дел, когда безопасность до меня доберётся, — сухо ответил Ярослав и надолго умолк.

Солнце поднималось всё выше, и воздух уже дышал полуденной жарой. Точно так же, как в лугах близ Ягодного, трещали в высокой траве кузнечики; тянувшийся вдалеке лес не казался страшнее, чем тот, куда Олька каждые пару дней ныряет за ягодами. Если бы не изредка попадавшиеся по дороге колоритные встречные, Ира могла бы вообразить, что попросту забрела на прогулке чуть дальше, чем обычно. Будто бы они вот-вот вернутся в деревню, услышат привычный визг газонокосилок и фырчание автомобильных моторов. У дома Щукина — настоящего Щукина — их встретит сияющий улыбкой Макс; обнимет её, согревая простым человеческим теплом. Бабушка скажет, что напекла пирогов, и, может быть, даже вернётся тот далёкий невозможный день, когда всё ещё было хорошо, а Ира об этом даже не подозревала... Да нет, не вернётся. Синяки сошли, как и царапины, оставленные тенью на её горле, но как теперь быть с памятью? Такое даже бабушке не выскажешь. Разве что Зарецкому, но тому плевать на чужие чувства. Всё равно что изливать душу холодильнику.

— Постой-ка, — Ярослав придержал её за плечо. Ира деликатно высвободилась и послушно застыла на месте. — Мне это не нравится.

Щурясь против солнца, он взгляделся в стелющуюся впереди равнину, кое-где прорезанную перелесками. Вдалеке, может, в километре или чуть больше, среди выцветающих на солнце трав двигались тёмные фигуры, слишком большие для человеческих. Всадники? Два пятна неторопливо сошлись, задержались рядом и разъехались обратно, словно оттолкнувшись друг от друга. Их было много, целая цепь, постоянно скользкая среди невысоких холмов.

— Сложности, — проворчал Зарецкий, задумчиво потирая подбородок. — Да уж... Нам придётся менять планы.

— Кто там? — спросила Ира, стараясь, чтобы голос звучал спокойно. Неприятности, которые уже по счёту... Скоро она и впрямь перестанет волноваться.

— Похоже на княжеские разъезды, — рассеянно отозвался Ярослав. — Либо властям вздумалось лишний раз прогуляться за данью, либо твой Георгий Иванович на короткой ноге с вихорским наместником.

— И что это значит?

— Что до этого разлома добраться нам не дадут, — Зарецкий сосредоточенно нахмурился. — Блин, это плохо. Не только из-за разлома, вообще.

— Делать-то что? — нервно спросила Ира. Холод понемногу пробирался под тонкую ткань сорочки, но она изо всех сил старалась не показывать вида. Лучше уж потерпеть.

— Ну, вариантов немного, — обрадовал Зарецкий. — Проще всего попробовать дойти до ясногорского разлома. Там после известных событий хотя бы установили постоянное наблюдение... Есть шанс, что наши друзья посчитают нас недостаточно безрассудными, чтобы бросаться в лапы к безопасности.

— Многообещающе, — буркнула Ира.

Ярослав вздохнул.

— Тебе бояться нечего. Уходи в несознанку и вали всё на меня — вывернешься запросто.

— И сколько туда идти? — Ира поспешила сменить тему. Ей не хотелось думать о том, что начнётся по другую сторону границы, если они вдруг выберутся туда живыми.

— Дней пять, наверное, — прикинул Зарецкий. — То есть день на той стороне. Если ничего не случится.

— Случится, — напомнила Ира. — Побочные эффекты...

— Тогда берём стопроцентный риск не успеть, — мрачно успехнулся Ярослав. — Как бы то ни было, кроме Ясногорска и Владимира, я знаю только про неподтверждённую аномалию в Сибири, и то непонятно где. Туда идти нет смысла, сидеть и ждать здесь опасно.

— Почему?

— Потому что тебя легко можно найти по личной вещи. Одежду ведь тебе не вернули?

— Нет, — Ира затравленно огляделась по сторонам, словно из лугового разнотравья вот-вот мог появиться гневный Георгий Иванович с её рубашкой в руках. А он и мог, чего ему стоит?

— Значит, надо увеличивать дистанцию, пока возможно. Мы слишком далеко от разлома, чтобы поисковая магия начала выдавать ерунду.

— Как нас до сих пор не нашли? — в ужасе прошептала Ира. Она и думать забыла про сгинувшие тряпки! — Уже ведь сколько времени прошло...

— Смеею предположить, что твой знакомец — весьма занятой человек, — ворчливо ответил Зарецкий, — и беспокоится не только о твоей значительной персоне. Когда он обещал тебя навестить? Днём, вечером?

— Не знаю. Сегодня.

— Тогда не будем терять времени, — постановил Ярослав. — Почувствуешь, что выбиваешься из сил — скажи.

Ира кивнула и пообещала себе, что подышать будет, но не скажет. Лучше своими силами. Своими, а не полученными за счёт чужой гибели.

L. Бремя ответственности

Макс по праву считал себя закоренелой совой и нечасто страдал спонтанными ранними пробуждениями, но, похоже, свежий деревенский воздух и интенсивная трудотерапия сделали-таки своё чёрное дело. Некрасов проснулся как-то вдруг и окончательно, будто из воды вынырнул. Телефон показывал без пятнадцати восемь утра. Вот так всегда: когда надо ни свет ни заря куда-нибудь тащиться, голову от подушки не оторвёшь, а тут никаких распоряжений не поступало, спи себе да радуйся, так ведь нет! Макс потянулся всласть и решительно отбросил одеяло. Ладно уж, если сон не идёт, можно заняться чем-нибудь душеспасительным. Например, отомстить коллеге за ранние подъёмы.

Планы мести, впрочем, пошли прахом: койка Зарецкого стояла пустой. Судя по оставленному на комодке телефону, старший ошивался где-то поблизости; Макс, поразмыслив, решил его не искать, чтобы не найти заодно каких-нибудь поручений на свою голову. Наскоро одевшись и перехватив бутерброд в пустующей кухне, Некрасов высунул нос во двор. На завалинке, разумеется, обнаружился хронически страдающий бессонницей Щукин; подслеповато щурясь, он что-то строгал коротким острым ножичком.

— Доброе утро! — гаркнул Макс, сбегая вниз по скрипучим ступенькам. Объявленная сорнякам тотальная война принесла ощутимые результаты: теперь никакие репы при прогулке через двор за штаны не цеплялись. — Вы начальство моё не видели?

— Ась? — глуховатый Щукин обеспокоенно встрепенулся и с полминуты соображал, чего Максу от него надо. — Не, не видал сегодня.

— Вот и ладушки, — пробормотал Некрасов себе под нос и снова повысил голос: — Вам чего-нибудь надо? Воды там натаскать, котов покормить...

— А! Да они сами жрут, — отмахнулся Семён Васильевич. Бродячие коты у него гостевали в изобилии, хотя он то и дело ворчал, что терпеть не может хвостатых прихлебателей. Миски с объедками вдоль забора дед, тем не менее, исправно оставлял. — Спасибо, парень, ничего не надо.

С чувством выполненного долга Макс откланялся и выскочил на улицу. Родившаяся шальная мысль стремительно крепла, потихоньку становясь решением. Оля как-то обмолвилась, что они с Ирой тоже рано встают; почему бы не попытать счастья? Авось и покормят чем-нибудь оголодавшего младшего офицера... Некрасов на правах новоявленного друга семьи сам отпер калитку, подошёл поближе к дому и прислушался. Сквозь приоткрытую форточку доносились негромкие голоса; значит, не спят, можно и набиться ненавязчиво в гости. Макс взбежал по крыльцу и нажал на кнопку звонка.

Что-то было не так. Открывшая ему Оля впервые за всё время их знакомства не улыбалась; глаза у неё покраснели, пухлые губы казались бледными и едва заметно дрожали.

— Что случилось? — вместо приветствия выпалил Некрасов, поспешно меняя улыбку на серьёзную мину.

— Максим, — выдохнула Оля, кажется, с облегчением и посторонилась в дверях: — Заходи.

Озадаченный Некрасов разулся в тёмном коридоре и проследовал за провожатой в комнату. Сидевшая у стола Антонина Михайловна встревоженно обернулась; перед ней на цветастой скатерти стояла эмалированная миска с водой, а чуть поодаль лежал ноздреватый ломоть белого хлеба и ржавый до середины лезвия кухонный ножик.

— Здравьете, — сказал Макс, рассудив, что «доброе утро» можно засунуть куда подальше. — Что стряслось? Помощь нужна?

— Здравствуйте, Максим, — Антонина Михайловна попыталась изобразить улыбку. — Если можете, то помогите, пожалуйста.

— Ирка пропала, — вздохнула Оля, усаживаясь за стол.

— В смысле? — Некрасов без приглашения плюхнулся на натужно скрипнувший пружинами диван. — Как — пропала?

— В лесу, — Оля нервно облизнула губы. — Мы вчера пошли по ягоды. Я её всего на минутку из виду упустила, и всё... До ночи аукала — без толку...

— Вот чёрт, — вырвалось у Макса. Он ведь слышал вчера в лесу эти оклики, только собственная гудящая башка занимала его куда как больше! — А вы спасателям позвонили уже?

Бабушка и внучка мрачно переглянулись.

— У нас тут, понимаете, леса особые, — пояснила Антонина Михайловна. — Пока Управа добро не даст, не пускают туда никого на поиски.

— А ответа нету от них, — подхватила Оля. Она схватилась за телефон, торопливо пролистала несколько длинных сообщений и разочарованно отложила аппарат; видимо, знакомая с капризами местных аномалий владимирская Управа не спешила давать санкцию на поисковые работы. Макс прекрасно понимал, почему. Как ни печально, никто не станет разменивать одну жизнь на целый десяток. — Вот, сами пытаемся... Только тоже всё

без толку.

Она кивнула на миску с водой; в слегка рябящей поверхности смутно отражалась включённая люстра и клочок белёного потолка. Похоже, Антонина Михайловна пыталась соорудить «водяное зеркало», но не преуспела в этом начинании. Был ли виной тому чудивший разлом или... или «зеркалу» попросту некого показывать?

— Краюха-то свежая, — угадав мысли Макса, сказала Оля. — Ирка жива-здоровая. Вот ножик только...

Ножик ржавый. Это, кажется, означает серьёзную опасность. А крута Антонина Михайловна в своей области такое колдовство — непростая штука...

— Попробуйте вы, пожалуйста, — кротко попросила пожилая ведьма, с надеждой глядя на Некрасова. — По личной вещи... Мы уж кофточку какую-нибудь найдём...

— Я не умею, — сконфуженно признался Макс. — Это ж пространственная, мне до такого ещё расти и расти... Вы погодите, я Ярика вызову. Он точно может.

Некрасов зажмурился для пушного сосредоточения и нащупал тонкую нитку чар, связывающих между собой всех сотрудников магконтроля. Ничего не случилось. Зов канул в пустоту, так и оставшись неотвеченным.

— Во дела, — расстроено буркнул Макс. Всё-то он забывает, что здесь ни черта не работает как надо! — Не получается. Вы не переживайте, это тут обычное явление, — поспешно заверил он поникшую Антонину Михайловну. — Я до дома метнусь, подождите пару минут. Всё хорошо будет.

В тридцать восьмом доме нашёлся только уныло громыхавший кастрюльками Щукин. Он, как и с утра, никого не видел и ничего не знал. Макс зачем-то заглянул в отведённую им с Яриком комнату — здесь ровным счётом ничего не изменилось — и в растерянности выскочил из дома. Машина на месте, ключи от неё — на комодке рядом с дремлющим телефоном, даже рюкзак с ноутбуком никуда не делся... Не хватало только самого Зарецкого.

— Ну где ты есть, чёрт лохматый? — в сердцах процедил Макс. Он оббежал весь порядком облысевший щукинский садик, заглянул в сарай и даже в душ — всё без толку. Как бы ему самому не пришлось слать слёзные запросы во владимирскую Управу...

В дом Леднёвых он вернулся пришибленным. Кроме как звонить шефу, идей у Некрасова не осталось. Никтс его не упрекал; наоборот — Оля и Антонина Михайловна наперебой благодарили за беспокойство и уверяли, что они ничуть не в обиде, но от этого становилось только хуже.

— А что в «зеркале»? — спросил Макс, цепляясь за эту возможность, как утопающий за соломинку.

— Ерунда всякая, — вздохнула Оля. — Ба, покажи.

Пожилая ведьма послушно склонилась над миской и коснулась водной поверхности натруженными пальцами. «Зеркало» зарябило, на миг затянулось молочно-белой дымкой и... сошло с ума. Пёстрые картинки, смутно проявлявшиеся сквозь туманную пелену, возникали и пропадали слишком быстро и неравномерно, чтобы можно было подробно их разглядеть. Макс недовольно цокнул языком, щурясь на смазанные, будто снимки на неверной выдержке, изображения, а через миг звонко хлопнул себя по лбу и полез за телефоном.

— Сейчас посмотрим поближе, — пробормотал он себе под нос, настраивая камеру.

Побольше кадров в секунду, повыше, сколько возможно, качество... Оля наблюдала за его манипуляциями с нескрываемым восторгом; несмотря на непростое положение вещей, Некрасова пробрала гордость. Ну-с, Александр Михайлович, вы будете довольны! Смекалка порой важнее высокой категории в удостоверении. Другое дело, что смекалка вместе с категорией ещё полезнее... Макс мельком глянул на время в углу экрана: пока суть да дело, перевалило за девять утра.

— Ну вот, достаточно, — рассудил Некрасов, отводя от миски глазок камеры. — Теперь немного технологической магии...

Оля, навалившись ему на плечо, любопытно уставилась в экран. Макс развернул телефон так, чтобы видно было обоим ведьмам. На экране расплывчато, но достаточно различимо виднелась желтоватая бревенчатая стена; на низкой деревянной кровати под пёстрым одеялом спала светловолосая девушка — надо думать, Ира. Некрасов полистал ещё кадры; на них менялось только положение тела спящей.

— Похоже, цела-невредима Иришка, — констатировал он, успокаивающе улыбаясь. — Это что за место такое? Можете опознать?

— Да не видно же ничего, — с сомнением пробормотала Оля, двигая пальцами картинку. — Вроде и правда всё хорошо... А чего нож тогда ржавый?

— Ну, — Макс крепко задумался, ища логичное обоснование. — Может, она переживает, что оказалась в незнакомом месте?

— Снадобье! — тихо ахнула Антонина Михайловна. — С собой-то всего ничего взяла...

Оля встревоженно наморщила лоб.

— Какое ещё снадобье?

— Укрепляющее, Олюшка, — пожилая ведьма близко поднесла к очкам телефон, всматриваясь в кадр. — Как же она без него?

— Продержится, — подбодрил её Макс. — Давайте лучше подумаем, где это может быть.

Бабушка и внучка, как по команде, очень похоже сдвинули брови. Оля отошла к окну, словно рассчитывала обнаружить там загадочную комнатку. Оставшийся не у дел Некрасов поснимал ещё затухающие изображения в «водяном зеркале», пока колдовство совсем не выдохлось; ничего нового не увидел. Действуя на нервы, отчётливо тикали на серванте старые механические часы.

— Кто это там? — вдруг спросила Оля, заглядывая за занавеску. — Ба, мы разве ждём кого? Машина какая-то незнакомая...

Макс оказался у окна быстрее нерасторопной Антонины Михайловны и тоже высунул любопытный нос между занавесок. Блестящий чёрный седан с московскими номерами мягко съехал с дороги рядом с домом Леднёвых; в отличие от Оли, вряд ли часто сталкивавшейся с государственными делами, Некрасов такие автомобили прекрасно знал.

— О, блин, — он озадаченно похлопал себя по карманам в поисках удостоверения. — По наши, что ли, души?

— Кто это, Макс? — Оля резко повернулась к нему. На хорошеньком личике написана была нешуточная тревога.

— Коллеги, не к ночи будь помянуты, — пробормотал Некрасов. — Давайте-ка я с ними сам сначала поговорю.

Он торопливо выскочил из дома, чтобы дать дамам время прибраться с глаз долой колдовские принадлежности. Если вдруг окажется, что заявившиеся сюда безопасники — нормальные ребята, да ещё с соответствующей категорией, можно и привлечь их к поискам. Макс в такое везение почему-то не очень верилось. Сам факт того, что московские коллеги лично сюда приехали, сулит непереносимые неприятности. Хорошо, что тридцать восьмой дом отсюда не виден, а внедорожник Верховского надёжно загнан во двор и прикрыт от солнца и любопытных взглядов раскидистыми кустами облепихи...

— День добрый, — Макс нахально оперся локтями о калитку, надёжно преграждая безопасникам путь. Их было трое: смутно знакомый капитан и его подручные в непонятных чинах, все — в штатском. — Офицер контроля Некрасов. Могу чем-то помочь?

— Безопасность, капитан Рудько, — без восторга отозвался рослый черноволосый молодчик. Он остановился в паре шагов от ограды; отличное расстояние для дуэли. Макс втихомолку размял пальцы. — Офицер Некрасов, мы не располагаем сведениями о вашем задании в этом регионе. Дайте, пожалуйста, пояснения.

— Не могу, — натурально изобразив сожаление, пожал плечами Макс. Про командировку они точно знают, потому что шеф её оформил-таки задним числом, но вот цели, задачи и место назначения, разумеется, скрыты от надоедливых коллег. Вот в это и можно ткнуть их любопытными носами. — Информация для служебного пользования. Обращайтесь, пожалуйста, к моему руководству.

Капитан кивнул одному из подручных, плосколицему и лысоватому; тот сделал пометку в телефоне. Макс отнёсся к этому равнодушно. Добиваться объяснений от Верховского они могут хоть до посинения, получают только стерильно-вежливые отписки.

— А о вашем задании в этом регионе я могу поинтересоваться? — светским тоном спросил Некрасов, демонстративно поигрывая щеколдой на калитке.

— Оно не касается вашего подразделения, — нагло ответил Рудько. — Что вы делаете по этому адресу?

— Квартирую, — соврал Макс. — Видите ли, гостиниц здесь нет. А вы?

— Я должен поговорить с хозяевами, — сухо бросил капитан, смерив Макса равнодушным взглядом. — Конфиденциально.

— Нет, коллеги, так не пойдёт, — притворно вздохнул Некрасов. — При допросе должен присутствовать независимый свидетель. Дабы не нарушать седьмую статью, вам придётся подключить к делу меня.

Получи, фашист, гранату! Заодно и выяснится, знают ли безопасники о Щукине или слишком спешили, чтобы глубоко прошупывать почву. Рудько раздражённо пожевал губами и нехотя кивнул.

— Хорошо. Вы подпишете протокол. Пропустите нас в дом, пожалуйста.

Макс неохотно отступил от калитки и первым зашагал к крыльцу. Что этим чертям тут нужно? Может, лучше Антонину Михайловну куда-нибудь увести, пока суть да дело? Вдруг московские гости явились из-за Иры — и привезли плохие новости? Макс промешкал, прикидывая варианты, и совсем забыл подумать, как бы незаметно предупредить Леднёвых не слишком распространяться до поры до времени о случившемся. Миска, хлеб и ножик со стола исчезнуть успели, тревога с лиц бабушки и внучки — нет.

Рудько по-хозяйски расселся у стола, вытащил из сумки планшет с чистыми листами и застрекотал, как пулемёт, протокольными фразами. Примостившаяся на диване Антонина Михайловна то и дело беспокойно разглаживала на коленях передник, Оля, нахмутив брови, внимательно слушала. Один из подручных капитана записывал беседу на диктофон.

— Могу я увидеть Ирину Викторовну Шаповалову? — поинтересовался Рудько.

Макс едва сдержал вздох облегчения и тут же снова напрягся. Отсутствие новостей, конечно, может быть и хорошей новостью, но тогда какого лешего этим типам нужно от Иры?

— Нет, — промолвила побледневшая Антонина Михайловна. — Иринушка... Ирина вчера пропала.

Такой поворот явно стал для капитана сюрпризом, хоть он и пытался изо всех сил это скрыть. Рудько неуютно заёрзал на месте и оглянулся на застывших за его спиной коллег; на этот случай вопросов он, похоже, не припас.

— Поясните, пожалуйста, — буркнул он наконец.

Пояснять взялась Оля — от всего сердца, многословно и бестолково. Черника мешалась в её рассказе с детскими Ириными страхами, путаные объяснения маршрута — с описанием локального землетрясения, устроенного вчера беглецом-нелегалом. Макс изо всех сил сохранял бесстрастную мину. Он ничего не знает, а что знает — то засекречено. Хорошо будет или плохо, если безопасники Иру таки найдут?

— Орлов, отпиши в Управу, чтобы выделили поисковика, — мрачно велел Рудько. Ага, значит, с собой никого сильного они не приволокли... — Когда Ирина Викторовна сюда прибыла?

— В субботу, — выпалила Оля, горячая желанием сотрудничать с госорганами. Кто б ей объяснил, что они бывают разные!

— Странностей в её поведении вы не замечали?

Ведьмы переглянулись: внучка — недоумённо, бабушка — обеспокоенно.

— Вроде нет, — с сомнением буркнула Оля.

— Нет, не замечали, — твёрдо сказала Антонина Михайловна.

— О том, что произошло двадцать первого июня, она вам не рассказывала?

— Нет, — Оля озадаченно покачала головой.

— Нет, — уверенно произнесла Антонина Михайловна.

Максу стало не по себе. Он и сам не знал толком, что там такое случилось в подвалах Управы. Удравшая из вивария нежить — само по себе событие из ряда вон выходящее, а чтобы безопасники — не надзор! — за сотни километров гнались за свидетельницей происшествия, должна была случиться, как минимум, спланированная диверсия. А ведь говорили ребята, что «Цепь» свои лапы в Управу давно запустила...

— Возможно, Ирина давала некоторые характеристики своим... коллегам? — Рудько красноречиво покосился на Макса; Некрасов, чтобы его не разочаровывать, соорудил морду кирпичом.

— Характеристики?.. — растерянно переспросила Оля. Она, похоже, вовсе потеряла нить разговора.

— Ничего плохого не говорила, — перебила сообразительная Антонина Михайловна. Ох и старушка! Не только пирожки печь горазда! — Вот и Максим — прекрасный человек...

«Прекрасный человек» довольно приосанился и позволил себе бросить на капитана победный взгляд. Хватит уже рыть под магконтроль, пока по всей Москве паразиты бегают безнаказанными! Рудько сделал в записях крючковатую пометку и обратил взор к Максусу.

— Младший офицер Некрасов, — церемонно произнёс он, и Макс прямо-таки почувствовал, как давит на плечи груз должностной ответственности. — Что вам известно о местонахождении Ярослава Владимировича Зарецкого?

Некрасов не изменился в лице только потому, что не сразу сообразил, о чём его спрашивают. Это что ещё за импровизации по ходу пьесы?

— Я не могу раскрывать информацию, касающуюся деятельности подразделения... — завёл было Макс, однако Рудько не пожелал слушать заезженную пластинку.

— Это не касается деятельности вашего подразделения, — зло отрезал капитан и сунул Максусу под нос официального вида бланк. — Ознакомьтесь, Некрасов, и отвечайте правдиво. Это приказ!

Макс поперхнулся тирадой и вчитался в машинописные строки. Угроза сообществу, умышленное сокрытие, преступная халатность, нарушение государственной присяги... Санкция на заключение под стражу, подписанная лично Тереховым, и пункт об особых полномочиях для проводящих задержание. Бред какой-то... Что случилось с шефом, если он позволил безопасникам протащить такую вопиюще абсурдную бумагу? Что с мозгами у самих безопасников?

— О местонахождении Зарецкого ничего не знаю, — честно ответил Макс, возвращая капитану зло поблёскивающий печатью бланк. Как удачно, что они со старшим с утра так и не пересеклись... — О его... антиобщественной деятельности ничего не слышал. Вы извините, конечно, но здесь полнейшая ерунда написана. Особенно вот про нарушение присяги...

— Я не спрашивал вашего мнения, — осадил его Рудько. Капитан убрал бумаги в сумку, встал и повернулся к подручным: — Значит, вариантов нет — пишем запрос Верховскому. И Викентьева в копию поставьте на всякий случай.

Чёрный седан уже укатил куда-то на выезд из Ягодного, шурша колёсами по разбитой грунтовке, а Макс всё пытался сложить в голове хоть что-то осмысленное. Оля убежала на кухню ставить чайник, Антонина Михайловна

сидела молча. Сквозь приоткрытую форточку доносились повседневные здешние шумы — квохтали соседские куры, перебрехивались собаки, кто-то стриг газон триммером; эта идиллическая деревенская симфония казалась неверно подобранной звуковой подложкой под мрачный видеоряд.

— Ну бред же, — вслух сказал Макс то ли самому себе, то ли пожилой ведьме. — Ярик и мухи не обидит!.. То есть, конечно, обидит, а потом догонит и добавит, но чтобы что-то противозаконное... Я скорее поверю, что в безопасности все с катушек полетали. Чушь ведь!

— Максим, а что же вы теперь станете делать? — тихо спросила Антонина Михайловна.

Некрасов помедлил с ответом, забирая у Оли горячую чашку. Он и сам не знал, что теперь делать и куда бежать. Впервые за всё время работы в магконтроле он остался без указаний к действию.

— Надо Иру отыскать, — решил он наконец. Здесь, по крайней мере, сомнений никаких нет: надо и всё тут! — Раньше, чем эти деятели подсуеются. А потом... Не знаю. Если Зарецкий не объявится, шефу буду звонить...

Сказал — и понял, что точно этого не сделает. Телефон Верховского наверняка прослушивают; не хватало ещё им трепаться о всяких скользких делах на потеху греющим уши безопасникам. Строчить простыню в зашифрованный чат? Такое себе... Срочно вызвать сюда кого-нибудь из коллег? Так тут аномалии; прыгнешь неаккуратно — и останутся от старшего офицера одни воспоминания. За раздумьями Макс сжевал несколько бутербродов, прежде чем спохватиться, что так нагло объедать хозяев — нехорошо.

— Давайте будем делать то, что точно принесёт пользу, — постановил Некрасов, отодвигая от себя тарелку. — Вы можете попробовать через «зеркало» посмотреть по сторонам? Ракурс как-то сменить или показать людей, кто там поблизости...

— Нет, Макс, так нельзя, — вздохнула Оля. — «Зеркало» только близких может показывать. Ну, разве что кто-то сам в кадр влезет...

— Вот и давайте понаблюдаем, — настойчиво предложил Некрасов. — Ничего лучше-то мы всё равно пока сделать не можем.

Оля послушно унеслась за миской. Антонина Михайловна вынула из серванта зачарованные хлеб и нож: белый мякиш ничуть не изменился, а вот ржавчины как будто стало меньше. Впрочем, это вполне могло быть самовнушением.

Макс добросовестно заснял череду мелькающих в «водяном зеркале» изображений, но и так было понятно, что дело сдвинулось с мёртвой точки. Изменился цветовой тон: теперь по ту сторону водной глади почему-то стало темно. Там определённно что-то происходило; от кадра к кадру картина стремительно менялась, мелькали, кажется, даже другие люди. Повозившись с отснятым, Некрасов различил лишённые освещения улицы, бревенчатые дома, покосившиеся заборы, а на одном из кадров без труда узнал профиль коллеги. Ну и дела... Не в другой же часовой пояс они забрались?

— Похоже, у нас, по традиции, две новости, — задумчиво резюмировал Макс. — Плохая — у меня вообще идей нет, что это за место такое непонятное. Хорошая — за Ирино благополучие можно не беспокоиться.

— Ты думаешь? — осторожно спросила Оля. Макс без труда понял, что её смущает.

— Оля, ручаюсь, — серьёзно сказал он. — Я без понятия, чего там такое безопасность раскопала, но я Ярика знаю. Он только на словах злобный, и то — исключительно по делу. Шеф кого попало в отделе не держит, точно тебе говорю.

Юная ведьма вздохнула и отложила телефон. Макс хотел сказать ей что-нибудь жизнеутверждающее, но ничего подходящего на ум не приходило. Самого бы его кто подбодрил! Безопасники подключат своего поисковика, затаскают и так измученную Иру по вопросам, вдрызг разругаются с Верховским... Накроется под шумок медным тазом дело «Цепи»... Викентьев себе новую звёздочку на погон обязательно прицепит, а кому лучше-то станет?

— Мне надо с начальником поговорить, — вздохнул Некрасов. Созревавшее в голове решение было даже не наглым — прямо-таки хамским, но ничего лучше он придумать не мог. — С глазу на глаз. Он умный, он что-нибудь придумает...

Оля непонимающе хлопнула ресницами.

— Так он же в Москве.

— Значит, поеду в Москву, — Макс попробовал изобразить удалую ухмылку. — Транспорт есть, ключи Ярик оставил... Огребу, конечно, но хоть какая-то определённость появится. Шеф — он и сам ого-го какой маг, запросто Иришку отыщет...

— Тогда я с тобой, — решительно заявила Оля и вскочила, будто прямо сейчас собралась мчаться в столицу. — Ба, можно?

Некрасов уверен был, что Антонина Михайловна немедленно откажет, однако пожилая ведьма накрепко задумалась. Рациональное зерно в затее имелось: Верховскому полезно будет расспросить очевидицу. Тем не

менее, вовлекать Олю в авантюру совсем не хочется. Хотя они все и так увязли по уши в заварившейся каше...

— Я вечером поеду, — предупредил Макс. — Во-первых, потому что у меня прав ещё нету. Во-вторых, вдруг эти черти у выезда караулят...

Антонина Михайловна, по-прежнему не говоря ни слова, не спеша поднялась, пересекла тесную комнатку и отперла закрытый на ключ ящик серванта. Оля наблюдала за ней с не меньшим любопытством, чем Макс; должно быть, в её понимании бабушке тоже следовало вести себя по-другому.

— Гребешок куда-то делся, — слегка изумлённо пробормотала пожилая ведьма. В руках она бережно держала вафельное кухонное полотенце. — Возьми с собой, Олюшка, авось пригодится.

— Ба, — Оля потрясённо воззрилась на клочок ткани. — Разве так можно?..

— Для хорошего дела всё сгодится, — уверенно сказала Антонина Михайловна. — Максим, вы уж присмотрите за моей баловницей.

— Присмотрю, — серьёзно пообещал Некрасов. — Вы не волнуйтесь, пожалуйста. И Ириных родителей тоже наверное, пока не стоит беспокоить, — прибавил он. — Во избежание... неприятностей.

— Значит, не будем, — кивнула Антонина Михайловна. — Во сколько ж вы собираетесь? Успею вас накормить на дорожку?

Успела, и ещё с собой дала исходящий аппетитными ароматами кулёк. В десятом часу вечера Макс наскоро собрал своё барахло, заявил Щукину, что ему требуется отлучиться по служебной надобности, и не без волнения забрался на водительское сидение внедорожника, мирно дремлющего в тени облепихи. От учебной машины этот самоходный сарай отличался разительно: уйма малопонятных кнопок на приборной панели, непривычные габариты, чересчур послушный руль. Одна радость — передачи самому переключать не надо... Приноравливаясь к автомобилю, Макс резковато сдал назад, едва не въехав в створку распахнутых ворот. Хорошо, Оля этого позора не видела! К дому Леднёвых Некрасов подрулил вполне прилично, хоть и без уверенности в движениях.

— Пока, ба! — крикнула Оля, забираясь на пассажирское сидение. — Я позвоню!

— Взяла какую-нибудь Ирину вещь? — на всякий случай уточнил Макс и тоже помахал стоявшей у калитки Антонине Михайловне.

— Да, всё на месте, — Оля похлопала по объёмистой сумке, которую зачем-то держала на коленях.

— Давай в багажник закину?

— Нет, пусть будет тут.

Тут так тут, места хватает. Макс осторожно заставил машину встать колёсами в наезженную колею и немного прибавил газу. В стремительно сгущающейся темноте спешить было страшновато.

— Ну и дороги тут у вас, — проворчал Некрасов, отчаянно лавируя между смутно видимыми ямами.

— Какие есть, — весело сказала Оля. Ей, похоже, просто нравилось кататься. — Как думаешь, твой начальник быстрее ребят найдёт, чем эти... которые приезжали?

— Само собой, — Макс снисходительно хмыкнул. — Эти так, копать от забора и до обеда, а у нас — элитное подразделение. Верховский вообще страшно умный, сама увидишь! В два счёта поймёт, что тут к чему...

Он опасливо вырулил на пустое шоссе. Здесь асфальт был поприличнее; свет фар ровно ложился на относительно прямую дорогу, и Некрасов решился разогнать сердито фыркающую машину. Тут проще, чем на городских дорогах: из знаков разве что населённые пункты, никаких светофоров и безбашенных пешеходов. Оля, спросив разрешения, принялась возиться с бортовым компьютером в попытках включить радио. Разговаривать с роботом ей очень понравилось.

— Ой, — она вдруг отвлеклась от автоматической болтовни, всматриваясь в темноту за задним стеклом. — Макс, посмотри...

Некрасов не без труда оторвал взгляд от дороги и мельком оценил картину в зеркале заднего вида. Позади, стремительно сокращая расстояние, мчалась по шоссе чёрная машина с московскими номерами. Макс, выругавшись, прибавил газу; седану, похоже, разгоняться было некуда. В зеркале словно вспыхнуло маленькое солнце: водитель, не церемонясь, включил дальний свет.

— Вот же гады, — процедил Некрасов, смаргивая болезненную слепоту. — А если я в кювет улечу?

Оля его словно бы и не слышала; она сосредоточенно рылась в сумке, бормоча что-то себе под нос. Фары выхватили из темноты «опасный поворот»; хочешь не хочешь, надо сбрасывать скорость. Не будь Некрасов всецело занят дорогой, может, что-нибудь путное и придумалось бы... Руль крутанулся вправо слишком резко, машина опасно вильнула, едва не встретившись с тянувшимся вдоль трассы отбойником. Делать-то что?

В правый висок хлестнуло сквозняком: Оля зачем-то открыла окно. Отстегнула ремень, прямо на ходу высунулась из машины едва ли не по пояс. Макс возмущённо на неё закричал; юная ведьма проворно забралась обратно и подняла стекло. Земля ощутимо дрогнула; колёса на пару мгновений потеряли сцепление с дорогой, и Некрасова пробрал холодный пот.

— Ну вот, — голос у Оли был донельзя довольный. — Пусть теперь догонят!

— Что ты сделала? — рявкнул Макс, не отрывая взгляда от закладывающей поворот дороги.

— Гадость, — хихикнула Оля и ткнула пальцем в зеркало заднего вида. — Посмотри, как круто получилось!

Макс посмотрел и восхищённо цокнул языком. Асфальт между ними и чёрным седаном треснул прямо поперёк шоссе; в свете чужих неподвижных фар искрился и бурлил мощный водный поток. Оля, не торопясь, застёгивала распотрошённую сумку.

— Вообще у бабушки ещё гребень где-то был, — сообщила она. — Только она, как всегда, куда-то дела и забыла. Прячет всё от меня, думает, мне до сих пор пять лет...

— Гребень, который вызывает неконтролируемый рост деревьев? — мрачно спросил Макс.

Оля довольно засмеялась.

— Ой, ну ты скажешь! Типа того, да. Это очень старое колдовство: бросаешь что-нибудь на землю, и оно будит природные силы. У нас тут обычно деревья и вода, а в пустыне, ба говорит, ветер используют, а в горах — сейс-ми-ческую активность...

— Никто вас в последнее время не грабил? — прервал её Некрасов.

Оля удивлённо примолкла, потом энергично помотала головой.

— Вроде нет. А чего нас грабить? У нас особо ничего нету...

Макс промолчал. Надо не забыть и об этом сообщить начальнику. Безопасники, конечно, попытаются кого-нибудь к чему-нибудь привлечь, вот только кого и к чему? Автомобиль принадлежит шефу, бросала полотенце Оля, колдовала над ним Антонина Михайловна, а у Макса вообще водительских прав нет, разве он мог быть за рулём? И вообще, тогда можно будет спросить, что сами сотрудники Викентьева забыли ночью посреди пустынной трассы и зачем намеренно создавали аварийную ситуацию... Вот пусть пишут объяснительные владимирским коллегам, а заодно выкраивают из своего бюджета компенсацию на починку дороги. Так-то, господа хорошие! Нечего контролю палки в колёса ставить!

— Откуда они знали, что мы поедем? — задумчиво спросила Оля.

— Да не знали они ничего, — Макс взял левее, чтобы ненароком не уехать в какой-то мелкий городок. — Машину увидели и погнались... Хотя подожди, ты права. Машина-то Верховского, а мы им, по идее, вообще не нужны!

Не нужны. А шеф свою ласточку никому на Максовой памяти не доверял. Некрасов до сих пор верил, что машина Зарецкого забарахлила в самый ответственный момент, как оно и положено по закону подлости, и Александр Михайлович ради пользы дела оторвал от сердца любимого железного коня. Но, может, с «тойотой» всё в полном порядке? Просто хитрый, как дьявол, Верховский предвидел неприятности с безопасниками и заранее путал карты настырным коллегам. В итоге трюк не удался, как задумано, зато весьма действенно вмешался его величество случай... Ох, полезно иногда бывает подумать!

— Макс, поворот! — взвизгнула Оля, и Некрасов поспешно крутанул руль влево, в последний миг разминувшись с отбойником.

Подумать полезно, но всё-таки лучше не за рулём.

LI. Живые и неживые

Идти напрямик через луговину оказалось нелегко. Хоть и наметился ощутимый пологий уклон к реке, поблёскивавшей вдали серебристой лентой, земля здесь была рыхлая, сплошь изрытая мелкой полевой живностью, а высокие, почти в человеческий рост, травы норовили царапнуть острыми листьями незащищённую кожу. Ира спрятала ладони в длинные рукава сорочки; в непривычном и не слишком удобном наряде было жарковато, а длинные кисти пояса то и дело цеплялись за какие-нибудь репейники. Она не жаловалась, хотя уставшие ноги уже просили пощады. Солнце стояло ещё слишком высоко.

— Как мы переберёмся через реку? — спросила Ира, пытаясь отвлечься от стремительно ухудшающегося самочувствия.

— К западу отсюда должен быть мост, — откликнулся шедший первым Ярослав и, подумав, добавил: — Хотя мои сведения устарели лет на пятьдесят. Может, его уже нет.

— И как тогда?

— Тогда есть что-нибудь ещё. Людям же как-то надо перебираться на другой берег, — резонно заметил Зарецкий и приостановился на пару мгновений, осматривая местность. — Давай-ка срежем через рощу. Можешь ещё идти?

— Могу, — самоотверженно соврала Ира. — А там, за рекой, надо на юг?

— На юго-запад. Представляешь себе примерно, где Владимир, а где Тула? Вот нам по такому вектору.

Ира понятия не имела, как без компаса определить, где юг, а где запад. Расположение мха на стволах деревьев не вызывало у неё доверия, а с какой стороны должны быть муравейники, она не помнила. В ответ на все её осторожные попытки выведать дальнейший маршрут на случай, если вдруг она вновь останется одна, Зарецкий отвечал уклончиво или вовсе менял тему разговора. Может, строил какие-то хитрые планы, а может, сам не знал.

Над лугом разнёсся переливчатый посвист, похожий на птичий крик. Длинный, за ним два коротких и снова длинный. Ярослав замер и обернулся на звук; выражение его лица Ире категорически не понравилось.

— Когда скажу, — быстро и тихо заговорил Зарецкий, сбрасывая с плеча сумку, — убегай по прямой в лес и забирайся поглубже. Поймёшь, что оторвалась — позовёшь меня, понятно?

— От кого оторвалась?

— От этих вот, — Ярослав указал на стремительно увеличивающиеся тёмные точки среди жёлто-зелёного разнотравья. Ира нервно переступила с ноги на ногу. — Погоди, ещё рано. Надо, чтобы они спешились...

Свист повторился. Ира, прикрыв глаза ладонью от палящего солнца, без труда различила троих всадников, мчащихся к ним во весь опор. Сердце запоздало ёкнуло: их нашли! Давно было понятно, что так будет, и всё равно внутри всё похолодело от страха. Зарецкий поймал её ладонь, крепко сжал в своей; чужая сила горячей волной прокатилась по жилам, смывая мышечную боль.

— Не надо, — буркнула Ира, отбирая руку.

— Ты жить хочешь или как? — раздражённо проворчал Ярослав. — Давай претензии потом, пожалуйста.

Он на миг прикрыл глаза, сосредоточиваясь. Всадник, оказавшийся ближе всех, неловко качнулся в седле; послышалось жалобное лошадиное ржание, затем возмущённая брань. Вояка прыгнул с коня и побежал дальше пешком.

— Что с ним? — тихо спросила Ира, отступая за спину Зарецкому.

— Несчастливая случайность, — мрачно усмехнулся тот. — Не мне же одному должно не везти.

Следующим не повезло всаднику, приближавшемуся справа; что-то случилось с лошадиной сбруей. Третьего, прибавившего ходу, Зарецкий безыскусно сбил с коня силовым ударом.

— Я думаю, тебе пора, — сказал он, закатывая рукава рубашки.

Ира, промешкав пару секунд, подхватила сумку, развернулась и побежала. Приходилось всё время смотреть вниз, чтобы не подвернуть ногу в какой-нибудь мышшиной норе; и хорошо, иначе она не смогла бы не оглядываться через плечо на каждом шагу. Что будет с ней, если Зарецкого убьют? Он даже не сказал, что ей тогда делать... Позади послышался торжествующий хриплый рык; Ира замерла и в ужасе обернулась, готовая к худшему. Остро сверкнул на солнце длинный клинок; Ярослав проворно пригнулся, уходя от губительного удара. Ещё один воин, поджарый и быстрый, едва не настиг врага со спины; ещё миг — и медные от солнца пальцы вцепились бы Зарецкому в волосы, но случай рассудил иначе. Разогнавшийся клинок рассёк воздух над головой Ярослава и с размаху чиркнул по незащищённой шее его преследователя; в дневном свете маслянисто блеснула кровь. Человек, мгновение назад живой, рухнул на колени в сухую траву. Борясь с подступившей дурнотой, Ира неуклюже попятилась, чуть не упала. Опомнилась, отвернулась и что было сил помчалась к лесу.

Остановилась она, когда путь преградил непролазный бурелом. Кровь стучала в ушах, перекрывая все другие звуки. Опасно здесь или нет?.. Да тут везде опасно, и хуже всего — там, на лугу, где остался Ярослав, один против

двоих вооружённых вояк! Ира дрожащими пальцами выудила из-под рубашки амулет и отчаянно сжала его в ладони. Долой мысль о том, что откликаться уже может быть некому... Если так, то всё — она пропала... Одной ей здесь не выжить...

— Отпусти, — устало попросил Зарецкий.

Прерывисто дыша, он прислонился к берёзовому стволу и прикрыл глаза. В правой руке он всё ещё сжимал испятнанный багровым нож; в том месте, где он оперся ладонью о дерево, на светлой коре остался кровавый след.

— Ты ранен? — через силу спросила Ира, не решаясь приблизиться.

— Нет. Дай мне... пару минут...

Ира поспешно отвернулась и принялась дрожащими руками развязывать сумку. Кровь, чужую кровь, кажется, вовек теперь не смыть со смугловатой кожи, пусть даже в пальцах у Зарецкого вместо хищного ножа вновь окажется серебряный «паркер». Выдолбленная из куска дерева фляжка с водой нашлась на самом дне холщовой торбы; Ира кое-как выдернула пробку, расплескав драгоценную влагу.

— Пей сама, — Зарецкий отвёл её протянутую руку, вновь заставив поёжиться. Он всё ещё был бледен и, кажется, с трудом удерживал равновесие.

— С тобой точно всё хорошо? — пересохшими губами выговорила Ира, бестолково сжимая фляжку в дрожащих пальцах.

— Будет, — Ярослав тяжело опустился на колени и пучком травы вытер лезвие ножа. От неосторожного движения на ладони выступила кровь, ярко-алая против подсыхающих бурых пятен. — Ещё минуту... Сейчас пойдём...

— Я не тороплю.

— Я тороплю, — Зарецкий с силой прижал пальцы к вискам, словно злясь на себя за слабость. — Эти... двое... скоро что-нибудь... сообразят.

Двое. Двое остались живы. По крайней мере, он не убийца; не винить же его за случайную смерть... Случайную?..

— Это ведь чары сработали? — зачем-то спросила Ира, даже не надеясь услышать отрицательный ответ.

— Может, да, может, нет, — хватаясь за древесный ствол, Ярослав поднялся на ноги. — Такого я не хотел. Вечно с этими вероятностями... что-нибудь не так...

Он отбросил со лба влажные от пота тёмные пряди, оставив на коже красный след. Утомлённо выругался сквозь зубы, провёл пальцем вдоль рассекающего ладонь пореза. Края ранки мгновенно закрылись; последние алые капли Зарецкий небрежно стряхнул в траву.

— Что, тоже плохо? — спросил он, внимательно всматриваясь Ире в лицо. Немедленно захотелось отвести взгляд.

— Я никогда не видела, как умирают люди, — глухо сказала она.

— Я видел, — Зарецкий, нагнувшись, подхватил сумку, кое-как взгромоздил себе на плечо. — И вот так — каждый раз. Чем лучше владеешь волшебной силой, тем паршивее.

— Зачем тогда тебе... — Ира кивнула на нож у его бедра.

Ярослав привычно уже смерил её снисходительным взглядом.

— Потому что запрещено вредить человеческому разуму и телу при помощи дара, — он всё ещё нетвёрдо, но решительно шагнул в сторону густеющей чащи. — А отстаивать здесь свои интересы как-то надо.

— Что ещё тебе запрещено? — Ира, подобрав длинный подол, осторожно переступила поваленное бревно. В беззаботном птичьем щебете ей всё ещё чудился свист рассекающего воздух клинка.

— Не так уж и много, — Зарецкий оглянулся через плечо, всматриваясь в безмолвные заросли. — Убивать. Ценить свою жизнь выше чужой. Отказываться в помощи и брать плату за помощь. Называться чужим именем... Это, как видишь, обойти проще всего, — он мрачновато усмехнулся в усы.

— Это всё клятвы? — недоверчиво спросила Ира. Ярослав равнодушно кивнул. — Но... это же очень жестоко! Как ты вообще так живёшь?

— Как и все нелегалы, в лакунах между законами, — хмыкнул Зарецкий. — Клятвы — штука буквальная. Иначе никакой Магсвод был бы не нужен...

— Мне тоже надо их приносить? — поёжившись, спросила Ира. Нельзя ценить свою жизнь выше чужой... Попробуй соблюдай такое!

— Если только соберёшься податься в волхвы, — насмешливо отозвался её спутник. — Не рекомендую. Собачья работа.

— Прямо как в магконтроле?

— Абсолютно точно.

Прошло, должно быть, не меньше часа, пока они выбирались к реке. Не дожидаясь разрешения, Ира сбежала по илистому берегу к кромке воды и плеснула холодной, пахнущей водорослями влагой себе в лицо. Ярослав тоже

умылся и без особого успеха попытался оттереть с рубашки багряные брызги. Мнительные местные жители, наверное, без восторга воспримут подобные отметины... Хотя им не в диковинку кровавые развлечения. Там, на городской площади, целая толпа собиралась поглазеть на то, как людей бьют плетью. В этом страшном мире кругом жестокость и варварство; здесь не выжить без ножа на поясе и без умения отбросить жалость и сострадание. И помнить, помнить при этом каждую секунду о немислимо строгих клятвах... В который раз за последние дни Иру пробрала крупная дрожь.

— Ты когда перестанешь терпеть до последнего? — проворчал Зарецкий, бесцеремонно хватая её за запястье. — Тень — это тебе не русалка в новолуние!

— Мне бы укрепляющее сварить, — пробормотала Ира, глядя в сторону. — Очень помогает.

Ярослав насмешливо фыркнул.

— Сваришь обязательно. У ближайшей газовой плиты. Всё-таки электричество сюда вряд ли провели...

— Прекрати, пожалуйста, — тихо попросила Ира. И без подначек тошно.

— Хорошо, — Зарецкий, мигом оставив ядовитый тон, отпустил её руку. — А ты пообещай не молчать, если станет хуже.

— Не буду, — кивнула Ира. Не слишком искренне.

До переправы пришлось идти дальше, чем рассчитывал Ярослав. От моста, о котором он знал, остались лишь торчащие из земли обугленные брёвна на противоположном обрывистом берегу. Новый, возведённый взамен, похоже, уже пережил не одну зиму; доски, из которых он был сложен, успели потемнеть и расколоться. К вершинам высоких столбов, неведь зачем поставленных у переправы, привязаны были яркие цветные ленты.

— Что это? — Ира зачем-то протянула руку и тронула грубоватую крашеную материю, безжизненно свисавшую вдоль тёсаного дерева.

— Обереги от злых сил, — Зарецкий задрал голову, щурясь против солнца. — Суеверие.

Он пригляделся к мелким насечкам, опоясывающим правый столб. Ире показалось сперва, что это просто незатейливый узор, но заострённые чёрточки определённо складывались в осмысленные закономерности. Надпись обвивала сероватое дерево в восемь колец, разделённых глубоко прорезанными сплошными линиями.

— Раньше так не делали, — хмурясь, заметил Ярослав. — Впрочем, неудивительно...

— Почему? — Ира тоже присмотрелась к вырезанным в дереве знакам. — Разве они не пишут нашими буквами?

— Не переняли, — Зарецкий качнул головой и первым ступил на тихо скрипнувшие доски. — От языка мало что осталось, а письменность вот сохранилась. Наверное, в те времена и по другую сторону с грамотностью было сложно.

— В те времена, — повторила Ира. Сквозь щели в разошедшемся дереве далеко внизу сверкала солнечными искрами свинцово-синяя вода. — Раньше про этот мир знали?

— Знало больше народу, — поправил Ярослав. — Потом забыли за ненадобностью. Сюда, как видишь, трудно добраться: надо либо иметь под рукой человека с соответствующим даром, либо дожидаться подходящего дня. Пару сотен лет.

— Зачем сюда добираться? — буркнула Ира себе под нос. — Здесь ужасно.

— Нет канализации и центрального отопления, — фыркнул Зарецкий, но тут же, вспомнив, что обещал не ёрничать, сменил тон. — Над тем, за каким интересом типы вроде твоего Георгия Ивановича сюда рвутся, я уже месяц мучаюсь. Честно говоря, думал, они на меня выйдут, но наш дорогой паразит так некстати к тебе прицепился... А я, идиот, выкинул его из расчётов.

— Я до сих пор не понимаю, что тут к чему, — уныло призналась Ира, сходя на твёрдую землю. Убегающая вперёд тропинка шла под уклон и ныряла в залитое солнцем редколесье. — Не сходится.

— Очень даже сходится, — возразил Зарецкий. — Есть ещё силы идти или до тенька — и привал?

— Есть, — проворчала Ира. — Объясни про паразита.

— Всё до обидного просто, — Ярослав досадливо поморщился; не любил признавать поражения. — Наш охотник до чужих сил хлебнул через край, и ему понравилось. Судя по сводкам безопасности, метался потом по всей Москве, бросался на всех, кто хоть отдалённо тебя напоминал. Будь он в здравом уме, залёг бы на дно и сидел бы тихо, но что с него взять? Там зависимость похуже героиновой...

Ира закусила губу. Знай она тогда, во что всё это выльется — и близко не подошла бы к заходящемуся в кашле невзрачному мужичку... И вообще, наверное, к Управе.

— Вот здесь я ошибся, — безжалостно отметил Зарецкий. — Даже когда понял, что он ищет именно тебя, всё равно был уверен, что никому в голову не придёт этим воспользоваться. Но сводки, похоже, не один Мишка изучал...

— А кто ещё? — тихо спросила Ира. — Безопасность?

— Я грешил на Викентьева, — Ярослав горько вздохнул. — Он далеко не дурак, все твои данные в его

распоряжении. Вполне мог сообразить, если бы что-нибудь знал. И потом, он меня достал своими подозрениями. Когда пришлось ещё и от тебя его отгонять, я почти уверился, что он замешан.

— А он замешан?

— Вряд ли. Иначе с Георгием Ивановичем ты познакомилась бы куда раньше, — хмыкнул Зарецкий. — Выслеживать паразита Викентьеву без надобности — он знает, где ты живёшь и работаешь. Выводы на твой счёт он мог сделать сразу же, в день аттестации. Это мне нужен был допуск, а ему тесты посмотреть — раз плюнуть...

— Да что там, в этих тестах-то? — проворчала Ира, нервно одёргивая длиннополую накидку. Подумать только, были в её жизни счастливые времена, когда страшнее Зарецкого казался только Чернов...

— Вопросы с подвохом, само собой. Ты верно ответила на все, какие тебе попались, — контролёр усмехнулся, будто находил этот факт донельзя забавным. — Если учесть диаграмму, зачатки способностей к классической магии, стремительное твоё трудоустройство — сложно было предположить, что ты не при делах. Я был уверен, что ты всё про себя знаешь и работаешь на наших оппонентов, пока не увидел, как ты пасуешь перед явным неадекватом вместо того, чтобы просто приказать ему убраться к чертям.

— Бедный Славик, — пробормотала Ира. Выходит, если бы не несчастный влюблённый Свириденко, дело кончилось бы где-нибудь в пыточной в подвалах Управы? И непонятно ещё, чем именно...

— Кто-кто бедный? — недоумённо переспросил Зарецкий, и Ира смущённо прикусила язык.

— Я про Свириденко, — поспешно уточнила она. — Он Вячеслав. Борисович.

— Н-да, точно.

Жара начинала спадать. Редкий, совсем не страшный лесок они быстро прошли насквозь; на дальней его опушке, в тени рябиновых зарослей, прятался большой шалаш. Здесь могли жить, наверное, четверо или пятеро, но сейчас у потухшего кострища сидела лишь молодая женщина, баюкавшая на руках младенца. При виде показавшихся из леса незваных гостей она насторожилась, крепче прижала к себе дитя. Ярослав в ответ на её взгляд левой рукой быстро коснулся по очереди лба, губ и груди; женщину это успокоило, и Ира поспешила повторить жест.

— Что это значит? — спросила она, когда шалаш остался в паре десятков шагов позади.

— Обычная вежливость, — Зарецкий пожал плечами. — Что-то вроде «я не желаю тебе зла».

— Я не видела, чтобы кто-нибудь так делал...

— А кто должен был? — контролёр выразительно поднял брови. — Паразит? Или, может, эти вот красавцы?

Он кивнул куда-то назад; Ира испуганно оглянулась, прежде чем поняла, что он имеет в виду. Зарецкий прав, ничего не скажешь: по-настоящему добрых людей по эту сторону границы она ещё не встречала. Если подумать, так их и в родном мире не слишком много...

Сумерки застигли их в дороге, меж невысоких поросших березняком холмов. Мышцы пока не болели; дарёных сил наверняка ещё хватило бы, чтобы идти дальше, но страх и здравомыслие всё решительнее сдавали позиции перед колоссальной усталостью. Хотелось, пусть и ненадолго, провалиться в спасительный сон и надеяться, что наутро прояснеет в сумбурных мыслях. Может, Ярослав угадал Ирино состояние, а может, у него были какие-то свои резоны. От дороги отошли на пару десятков метров, под сень призрачно белеющих берёз. Ира понятия не имела, как устраиваться на ночлег посреди непокорённой природы; будь она одна, наверняка попросту замёрзла бы за ночь — если бы не успела к тому времени умереть от страха или с голоду. Сидя на устроенной из веток лежанке, жуя вяленое мясо с пресной лепёшкой и глядя, как тают в прохладном воздухе взмывающие над костром искры, она неожиданно для самой себя решила, что ей всё-таки несказанно везёт. Правда, в том числе и на потрясающе заковыристые неприятности.

— Будем дежурить по очереди? — предложила она. Не хотелось быть совсем уж бесполезной.

— Нет, — Зарецкий вытащил из сумки флягу, глотнул воды и протянул Ире. — Ещё на сутки-другие меня хватит. Отдыхай.

Она не слишком охотно поспорила, скорее с собой, чем с ним, и под вялые угрызения совести устроилась на подстилке, пахнувшей листвой и древесной влагой. Ярослав сидел поодаль, бездумно шевелил длинной веткой стремительно прогорающий хворост и, похоже, мыслями блуждал где-то далеко отсюда. Пламя ярким призраком отражалось в его тёмных глазах.

...Берёзовые стволы высились повсюду, словно колонны, подпирающие сплошной непрозрачный полог — то ли листвы, то ли низкого, непроглядно-чёрного неба. Мёртвая трава негромко шелестела, рассыпаясь в прах под ногами. Где-то должен гореть костёр; а может, он уже потух, проглотив всё, что было назначено ему в пищу. Зачем вообще было уходить от огня? Как теперь вернуться?

Призрачно-бледные стволы уходят в бесконечность неровными рядами, будто бы пойманные меж глядящихся друг в друга зеркал. Здесь нет верной дороги, но оставаться на месте значит сдать без боя. Шаги отдаются оглушительным эхом в гулкой тишине; кажется, будто мир вокруг куда-то движется, но на самом деле это не так. Сколько ни трать силы, отсюда не уйти, не убежать, не вырваться. Остаётся только шагать, чтобы не лишать

смысла остаток жизни...

Резкая, пронзительная горечь сдавила вдруг горло. Она была... настоящей, живой, в сотни раз реальнее зачарованной чаши и глухой безысходной тоски. Сомкнутые веки опалил ослепительный свет; Ира открыла глаза и надсадно закашлялась, прижимая ладонь к ноющей груди. Вокруг костра танцевали ломкие тени. Снова вспыхнуло; бледное пламя распласталось в воздухе сияющей дугой. Послышался негромкий трескучий смех.

— Пошёл вон! — рявкнул Зарецкий куда-то в стремительно зализывающую раны ночную тьму.

То, что пряталось под её покровом, не спешило подходить ближе. То ли хохот, то ли плач прокатился вдоль зыбкой границы рыжеватого света. Ира закашлялась: что-то болезненно сжалось в груди, мешая дышать; на глаза навернулись без причины горячие слёзы. Ярослав сорвался с места и без тени сомнения нырнул в темноту — туда, где насмеялся над ним неведомый ночной гость. Кое-как скатившись с лежанки, Ира подползла ближе к костру. Огонь — единственная надёжная защита от нежити, от холода, от подступающей тьмы...

— Охлони, волхв! — испуганно взвизгнула пустота. Вспыхнувший среди деревьев яркий свет очертил притиснутую к широкому стволу тщедушную фигурку; левой рукой Зарецкий сжимал воротник потрёпанной алой рубахи, правую, над которой реяло золотистое пламя, занёс, как для удара. — Я ж не со зла! Не признал, дурачина, э-э-эх... Хошь — век тебе служить буду, отпусти только! Пощади!

Ярослав выругался сквозь зубы и нехотя разжал руку. Существо, обманчиво похожее на тощего мужичонку, мешком рухнуло к древесным корням и изумлённо закашлялось. Не ожидало отделаться так легко.

— Твоё счастье, — глухо проговорил Зарецкий, заступая ему дорогу к костру, — что твоя товарка о тебе позаботилась. Пошёл вон.

Ночная тварь склонила набок лохматую голову, с интересом его разглядывая. Ира запоздало припомнила неживую четырёхпалую ладонь на смуглом запястье, спокойный голос и скупые слова, недобро теперь аукнувшиеся. Стало холодно, несмотря на горевший совсем рядом огонь.

— Куда ж я пойду-то? — хитровато спросила нежить, щуря единственный глаз. Вторая глазница зияла тьмой. — Я ить тебе служить обещался. Не слышал, что ли?

— Нужен ты мне, — огрызнулся Ярослав и брезгливо отступил на шаг. — Ну-ка хватит тут свою вонь распускать!

— Как мудрый господин прикажет, — ележно отозвалось существо.

Давившая на грудь тяжесть исчезла, будто и не было. Ира поспешно вдохнула перемешанный с дымом воздух; в лёгких защекотало, словно от восторга. Лица Зарецкого она не видела; навряд ли он рад власти, обрётённой над опасной нежитью. Но и уничтожить скорчившуюся на земле тварь теперь нельзя — иначе сработает клятва. Клятва, данная в обмен на её, Ирину, жизнь...

— А если мудрый господин прикажет сгинуть и не мозолить глаза? — ядовито поинтересовался Ярослав и, заметив, как приободрился одноглазый, торопливо сдал назад: — Нет, погоди-ка, так не пойдёт. Нечего тут гулять без надзора.

Нежить мелко затряслась от беззвучного смеха; зубы у существа были белые, крепкие, заострённые. Жёлтый, обведённый алой нитью глаз зыркнул в Ирину сторону. От Ярослава это не укрылось.

— Так, — рявкнул он, вновь всецело завладев вниманием пленника, — любая попытка тронуть живого — и отправишься в небытие, даже если это будет стоить мне дара. Ясно выражаюсь?

— Да где уж яснее-то, — обиженно буркнул одноглазый. — А ежли вдруг ты сам попросишь?

— Не попрошу, — заверил Ярослав. — Значит, так: дальше полутора вёрст не отходить, на людей не нападать, чары применять только с моего разрешения. Сунешься к нам без предупреждения — я за себя не отвечаю. Уразумел?

— Тю, чего ж тут разуместь-то, — существо издевательски хихикнуло. — Коли вдруг понадобится, так меня Тихоном кличут. А мне тебя, волхв, как звать?

— Зови Яром, — отмахнулся Зарецкий. — Брысь отсюда.

Сутуловатый мужичок мигом растаял в воздухе; волна затхлого воздуха прокатилась над землёй, заставив Иру закашляться. Ярослав раздражённо вздохнул и, приблизившись, сел рядом на землю; Ира безропотно протянула ему руку.

— Кто это? — спросила она, прислушиваясь к самочувствию. Холод понемногу отступал. Выдержала бы она, доберись до неё незваный гость?

— Лихо, — зло бросил Зарецкий, и Ира невольно поёжилась. О таких тварях она только в учебниках и читала; приводимые там рекомендации советовали при встрече едва ли не завернуться в саван и ползти на кладбище. — Свалилось, блин, на мою голову...

— Ты его н-не боишься? — шёпотом спросила Ира и боязливо огляделась. Вдруг лихо где-то тут, слушает, потешается, готовится ринуться из тьмы...

— Чего его бояться, — Ярослав выпустил её ладонь и устало отбросил со лба волосы. — Всего лишь нежить.

Бояться надо людей.

ЛIII. Не ко времени

Грохотало так, словно Восточно-Европейскую равнину как следует трянуло вместе с Москвой, Студенческой улицей и крохотной Максовой кухней. Сделавшийся в последнее время нервным Некрасов, просыпаясь на ходу, примчался разбираться и вместо дымящихся руин обнаружил лениво покачивающуюся на боку кастрюлю колоссальных размеров, о существовании которой он до сих пор не подозревал, и пунцовую до корней волос Олю, очень знакомо прижимающую к губам ладони.

— Прости-и-и, — жалобно простонала она, глядя на ворвавшегося в кухню Макса почему-то с опаской.

Некрасов сообразил, что держит в руке не оформившийся до конца тёмно-синий силовой стукоток, и поспешил расслабить пальцы. Вот уж с кем поведёшься, от того и наберёшься...

— Лечиться надо, — вздохнул он. На столе валялась брошенная тут в незапамятные времена пачка сигарет, и Макс незамедлительно захотелось закурить. — Ты где эту бандуру нашла вообще?

— В шкафу, — Оля проворно подобрала кастрюлю и сунула её в пустую раковину. Громоздившаяся там прежде башня из грязных тарелок куда-то пропала. — Макс, прости, пожалуйста! Правильно ба говорит, что я косорукая...

— Она так говорит? — усомнился Некрасов. Антонина Михайловна не производила впечатления строгой дамы. — Ты б ей позвонила, кстати. Волнуется ведь.

— А я позвонила, — юная ведьма плюхнула полную воды кастрюлю на металлический блин и в нерешительности замерла над плитой. — Тут как — просто повернуть, и всё?

— Ага, — Некрасов смущённо поскрёб голую грудь. Он уже пришёл в себя достаточно, чтобы сообразить, что с очаровательными созданиями лучше разговаривать одетым, умытым и причёсанным — по крайней мере, пока отношения не перешли на должный уровень. — Пойду я зубы почищу, а потом подумаем, что нам с тобой дальше делать.

Подумать следовало. Вчера, а вернее, уже сегодня, когда, предварительно напугав начальника сообщением в зашифрованный чат, Некрасов кое-как припарковал пропылённый внедорожник где-то в районе Сретенки, он уверен был, что злключениям конец, и уже к утру всё благополучно разрешится. Нужный дом они с Олей отыскали быстро; юная провинциалка больше смотрела по сторонам, чем под ноги, и Макс пару раз пришлось её спасать от чересчур близкого знакомства с тротуарной плиткой. Шеф отпер входную дверь, не дожидаясь, пока Макс позвонит; должно быть, где-то в подъезде натянуты были сигнальные чары. Несмотря на время, не то позднее, не то раннее, Верховский был одет в брюки и рубашку; Макс подумалось, что начальник не так давно вернулся из Управы.

— Или ты предложишь мне достойные объяснения, — сказал Верховский вместо приветствия, пропуская нежданных гостей в просторную прихожую, — или до нового года останешься без премий. Девушка, надеюсь, мой сотрудник не причинил вам неудобств сверх необходимого?

— Ой, это я тут неудобства причиняю, — нимало не смущаясь грозного шефа магконтроля, отмахнулась юная ведьма. — Здравьте. Меня Оля зовут. А вы — Александр Михайлович, да?

Из кухни на шум выглянула невысокая полная женщина в домашнем платье — должно быть, жена Верховского. Такая простая и наверняка добродушная, совсем не пара шефу, строгому, подтянутому и подчас злызыкому.

— Саша, что случилось? Работа? — шёпотом спросила она, удивлённо оглядывая гостей. — Сейчас чайник поставлю...

— Не нужно, Марин, отдыхай, — неожиданно мягко сказал шеф и прибавил уже в обычном своём тоне, обращаясь к Макс: — Некрасов, на кухню. Ольга, вы намерены присутствовать при разговоре?

— Конечно! — с жаром сказала Оля, проворно скидывая кроссовки. — Я и рассказывать буду.

На громадном кухонном столе разложены были исписанные от руки бумаги. Прежде чем Макс сумел хотя бы разобрать почерк, Верховский взмахом руки заставил весь ворох собраться в аккуратную стопку и перепорхнуть на подоконник. Затем закрыл за гостями дверь и едва заметно шевельнул пальцами в воздухе; ночная тишина стала чуть плотнее.

— В первую очередь, — шеф жестом приказал гостям сесть, обогнул стол и оперся о полированное дерево кончиками пальцев, угрожающе нависнув над нарушителями спокойствия, — я желаю знать, почему ты в Москве и где твой напарник.

— Подождите, Александр Михайлович, всё по порядку, — Некрасов неуютно поёрзал на мягком стуле, обтянутом золотистым вельветом. Вытащил из кармана ключи, положил на стол между сахарницей и полной конфет вазочкой. — Вот. Машина в соседнем переулке, я вам геолокацию скинул.

Шеф сумрачно воззрился на брелок, не спеша его забирать.

— Некрасов...

— Всё расскажу, — поспешно заверил Макс. — Вы бы присели, а то это надолго...

Всё ещё избегая прикасаться к ключам, словно они несли на себе опасную заразу, шеф медленно опустился на стул. Макс обстоятельно выложил всё, чему они с Олей оба были свидетелями, старательно обходя подробности бдений у разлома. Оля активно разбавляла его монолог замечаниями; Некрасов и не подозревал, что она запомнила и вообще заметила столько мелочей. По непроницаемому лицу начальника прочитав что-то было решительно невозможно, вслух же он ничего не говорил. Разве что единожды, когда Макс путано объяснял, почему решился сесть за руль его машины, шеф задумчиво нахмурился; Некрасов мысленно попрощался с премией, но Верховский продолжал хранить молчание.

— Вы можете найти Иру? — Оля проворно вытащила из сумки аккуратно сложенную футболку. — Вот. Пожалуйста!

Верховский вздохнул, взял у неё вещь, рассеянно погладил большим пальцем цветной хлопок.

— Я попробую, — он скомкал в ладони податливую ткань, — но из этого вряд ли выйдет что-то путное. Видите ли, ваши края отличаются некоторыми особенностями...

Шеф замолк, сосредоточиваясь на поиске. Через несколько долгих минут он с сожалением покачал головой и отдал поникшей Оле Ирину футболку. У Макса нехорошо ёкнуло сердце.

— Ничего не чувствую, — серьёзно сказал Верховский и с силой сцепил пальцы перед лицом. — Не делайте поспешных выводов, пожалуйста. Это может значить всё, что угодно.

Оля понимающе кивнула.

— Ира жива, — уверенно сказала она. — Краюха ведь свежая.

— Ваша бабушка — весьма искусная ведьма, — отвесил комплимент Верховский; не иначе, в качестве компенсации. — Я иногда думаю, что мы зря недооцениваем колдовское ремесло. Иной раз чувства соединяют людей надёжнее магического фона...

— Иришка не пропадёт, — быстро сказал Макс. — Ярик же с ней там.

— Это, похоже, к лучшему, — задумчиво проговорил шеф, глядя куда-то в приоткрытый жаркий зев посудомоечной машины. — Удивительная наглость. Викентьев так ничего мне и не сообщил. Думает, наверное, что я уволю Зарецкого задним числом...

— Это же хрень какая-то, — с облегчением выдохнул Макс. Шеф определённо не разделяет точку зрения безопасников, а значит, можно позволить себе оценочные суждения. — Кто их только придумал, обвинения эти? Они же элементарной проверки здравым смыслом не выдерживают!

— Не всё так просто, — сухо сказал Верховский. — Максим, я попрошу тебя не развивать эту тему в разговорах, в том числе внутри отдела. Скажи, пожалуйста, что-то ещё я должен знать?

— Ну, вообще-то да, — Некрасов замялся. — Только...

— Я понял. В понедельник отчитываешься, — шеф откинулся на спинку стула и забарабанил пальцами по столу. — Боюсь, Викентьев сейчас важнее.

— А как же Ира? — встряла Оля, прежде чем Макс успел что-нибудь сказать.

— Я думаю, вы можете пока не переживать за Ирину, — мягко проговорил Александр Михайлович. Он, похоже, считал своим долгом успокоить Олю. — Ярослав весьма щепетилён в отношении благополучия гражданских, особенно попавших в непростую ситуацию. Что до наших коллег, то вряд ли они сумеют сделать больше, чем я. У вас есть средство, чтобы получать новости от вашей сестры, — Верховский задумался на пару мгновений, — и я был бы благодарен, если бы вы время от времени делились с нами информацией.

— Так само собой! — Оля едва с места не вскочила от энтузиазма. — Мне вам звонить или как?

— Нет, не стоит. Мой личный телефон — объект пристального внимания уважаемых коллег, — шеф невесело усмехнулся. — Полагаю, передавать через Максима будет удобнее.

Как только шеф вежливо их выпроводил и пришла пора вызывать такси, выяснилось, что идти Оле особенно некуда. Квартира Ириных родителей исключалась, потому что тогда пришлось бы всё им рассказывать, в гостиницах кусались цены, а уезжать первым же поездом обратно в Ягодное Оля наотрез отказалась. Она горела желанием всеми силами помочь великолепному начальнику московского магконтроля; Верховский, без сомнения, произвёл на юную ведьму неизгладимое впечатление. Макс, которому не впервой было разбирать второй диван ради загостившихся друзей или недостаточно близких подруг, пожал плечами и предложил перекантоваться у него. Если, конечно, такое решение не вызовет осуждения со стороны Антонины Михайловны.

— Ой, да чего ей! — легкомысленно отмахнулась Оля, неуклюже забираясь в такси. — Впервой, что ли?

Очевидно, не впервой; столь самоуверенно лезть в недра кухонных шкафов остерегался даже сам Макс. Когда он, умытый, выбритый и облачённый в самые роскошные брендовые джинсы, вновь сунул нос в кухню, там было ароматного пара и пахло чем-то восхитительно съедобным. Часы показывали почти два пополудни; неудивительно, что так хочется есть.

— Сразу видно талантливую ведьму, — заявил Некрасов, изучая внутренность холодильника. Где она только продукты нашла? У него и запасов-то было, что полдесятка яиц да мороженая куриная тушка... — Слушай, а новости есть какие-нибудь?

— Ну как, — Оля поставила на стол две тарелки и вплотную занялась чайником. — Леса какие-то, дороги... Ирка вроде ничего, бодрая.

— Это не может не радовать, — Макс ткнул вилкой в середину макаронной горки. По установившейся между ним и Олей негласной договорённости он закрывал глаза на её баловство с «водяным зеркалом», чуть-чуть нарушая персональную ответственность, а она делилась с ним сведениями. — Значит, ехать мозолить шефу глаза пока без надобности. Мне другую фигию сегодня сделать надо...

Шальная мысль возникла, пока он соображал, какой сегодня день, гадая заодно, чего бы сотворить на благо человечества. Шеф голословных утверждений не любит, так вот пусть в понедельник в его распоряжении будет парочка весомых доказательств! Сразу видно станет, кто в Управе работает, а кто интриги плетёт.

— Я часам к семи поеду кое-куда, — сообщил он Оле, прихлёбывая чай. — По работе. Сама понимаешь. А до этого можем, если хочешь, куда-нибудь прогуляться, чтоб тут не тухнуть. Ты в Москве раньше была вообще?

— В детстве, — она застенчиво улыбнулась. — Кремль видела... И зоопарк.

— Отличный выбор, — хохотнул Макс. — Предлагаю в сторону Кутузовского. Покажу, где работаю.

В Олином лице он нашёл воистину благодарного слушателя. Она жадно разглядывала всё подряд, от вызывающе-алых знаков метро до помпезной Триумфальной арки, и засыпала Макса вопросами быстрее, чем он успевал отвечать. Управа, притихшая по случаю выходного дня, вызвала у неё почтительный трепет.

— И Ирка здесь работает? — понизив голос, спросила Оля, созерцая матово блестящие на солнце окна. — С ума сойти. Мы ж такие простые люди, а тут...

— Так и мы простые, — Макс пожал плечами. Он её прекрасно понимал. — Кроме Костика Чернова, тот прямо аристократ.

— Я его не знаю, — огорчённо сказала Оля.

— Вот и радуйся, — вздохнул Макс.

А ведь у Костика хватает резонов точить зуб на Зарецкого! Вроде никто из нынешнего контроля ему, дарованию юному, не соперник; жил бы себе счастливо, подрастая понемногу до величайшего мага современности, если бы не эта их взаимная нелюбовь. Дня ведь не проходит, чтобы не поцапались, а перед самым солнцестоянием и вовсе разругались вдрызг, да так, что Ксюша Чернова едва ли не силком тащила к Ире в больницу, клятвенно заверяя, что Ярика там не будет... А Костик ещё и сведущ во всяких таинственных магических областях, не только по категории, но и благодаря отцу, в прошлом — видному исследователю. Может так быть, что он после знаменательного разговора помчался ябедничать в безопасность? Ему-то, с толпой высококлассных магов в родословной, ничего не предъявят за опасные знания...

— Ма-а-акс! — Оля, смеясь, помахала рукой у него перед глазами. — Ты чего, заснул, что ли?

— Задумался, — Некрасов встрепенулся и заставил себя улыбнуться. — Пойдём, что ли? Там всё равно сегодня никого нет.

Ближе к шести он отправил Олю домой на метро, снабдив ключами и чёткими инструкциями, как не заплутать в извилах московских улиц. Сам предпочёл доехать на автобусе до другой ветки, чтобы не тащиться лишний раз пешком по подземным норам. «Восходовский» вертеп, как всегда, приглашающе сиял огнями, обещая чаёк с печеньками под душеспасительную лекцию. Удачно будет, если господин Кузнецов почтит сегодняшнее собрание своим присутствием; сквитаются они и за битую морду, и за душевные потрясения...

Однако господин Кузнецов, похоже, занят был сегодня чем-то другим. В общем зале царил хорошо одетый дядечка, вещающий о благосклонности бога к усердно трудящимся; неизменный придурочный помощничек всё так же подобострастно заглядывал ему в рот. Макс в перерыве улизнул с проповеди; это даже на серьёзную неудачу не тянуло — основной расчёт всё равно был в другом.

— Вам сюда нельзя, — не слишком вежливо сообщил мордovorот, ошивавшийся в дальнем конце пустынного коридора. Макс его тут уже видел; это и навело тогда на мысль попробовать как-нибудь сюда пробраться. Время для «как-нибудь» наконец пришло.

— Серьёзно? — огорчённо спросил Некрасов и, отчаянно стараясь не напортачить со второй компонентой, сплёл чары немоты. Как оказалось, вполне пристойные. — А я вот думаю, что можно. Отойдите, пожалуйста, и не мешайте.

Сетка не считается боевой магией; сетку можно применять к мирным обывателям, даже к минусам, хоть и с некоторыми оговорками. Макс решил, что в случае чего отбрехается служебной необходимостью; победителей не судят, в конце-то концов! Деликатно отодвинув плечом бессильно дрыгающегося под синеватыми нитями вышибалу, Некрасов прижал палец к замку. Если его до сих пор и беспокоили лёгкие сомнения насчёт седьмой статьи с её многочисленными поправками, то сейчас они отпали окончательно. Зло щерящий зубы детина про

магию, похоже, прекрасно знал. Если бы в звенящую пустотой башку пришла мысль, что растерянный паренёк с колечком в брови — действующий офицер контроля, Макс давно бы лежал многострадальной мордой в пол. Стараясь не тратить зря драгоценного времени, Некрасов на всякий случай пощупал магический фон на предмет сигнальных чар и просочился за заветную дверь.

В тесном кабинетике было темно и пусто. Сквозь тяжёлые бархатные с золотым шитьём гардины не проникали лучи закатного солнца; Некрасов тыльной стороной ладони толкнул клавишу на выключателе, разгоняя сумрак. Захотелось присвистнуть. Обстановка прямо-таки кричала о роскоши в самом превратном её понимании: резной книжный шкаф, массивный лакированный стол, инкрустированный золотыми вставками, кресло, которое могло бы сойти за трон... Сделанный под старину письменный прибор, украшенный похабной статуэткой обнажённой нимфы, призывно поблёскивал под зелёным плафоном лампы. Макс вытащил из кармана заранее припасённый пластиковый пакет и ухватил им торчащую из гнезда ручку — она оказалась обычным роллером, только оправленным в золото. Кто-то здесь ценит современные удобства, спрятанные под фальшивой стариной...

Натянув на руки перчатки, Некрасов сунул нос в лоток для бумаг. Сверху, ничем не прикрытый, лежал машинописный лист с длинными столбиками слов и цифр; в нижнем его углу сердитым остроконечным почерком значилось: «Слишком мало. Рано. Отказать». Макс вчитался в список; ни одно из названий не было ему знакомо: Гориславль, Хигреда, Тайрада, Вихора, Савгарь... Ничем не помеченные цифры тоже ни о чём не говорили: где-то стояло сто, где-то пятьсот, где-то посчитали достаточным пятидесяти. Некрасов вытащил из кармана телефон и сфотографировал лист. Следующим лежал жизнеутверждающего вида график, показывающий уверенный рост чего-то: шкалы подписаны сотнями тонн, по горизонтальной оси — месяцы, начиная с сентября. Сравнительные таблицы с ценами на горнодобывающее оборудование. Технические характеристики автомата Калашникова какой-то из последних серий; здесь владельцу позолоченной ручки что-то не понравилось, и он на полях написал: «Не выйдет, сначала устранить к.» Макс сфотографировал и это.

В верхнем ящике стола обнаружился экземпляр «Московского зеркала», датированный первым июня и сложенный где-то на середине. С газетного разворота на Макса смотрел ледяным взглядом раздражённый шеф; похожие на насекомых жирные чёрные буквы нагло вопили: «Ошибка или халатность: инцидент с опасной нежитью привёл к гибели человека. Кто ответит за некомпетентность сотрудников магического контроля?» Некрасов с отвращением отодвинул газетёнку; под ней лежал бланк отдела надзора за подписью руководителя группы контроля над популяциями нежити. «Квалифицировать уровень опасности существа самостоятельно; при уровне «А» либо «Б» незамедлительно уничтожить в соответствии с пунктами 12, 17, 23 статьи 7 Магического свода...» Стандартный приказ, Макс таких навидался за время дежурств. Их штампуют заранее, потом только вписывают дату и отдают в производство. На этом дату, тридцать первое мая, поставить успели, а вот печать так и осталась неактивной...

— Гады, — процедил сквозь зубы Некрасов, наводя камеру на бланк.

— Как невежливо.

Макс отскочил от стола, едва не врезавшись спиной в створку шкафа. Давешний лектор стряхнул с рукава невидимую пылинку; рядом с ним топтался помощник, такой же придурковатый, как и прежде, и от этого ещё более страшный. Сколько они тут?.. Удастся прикинуться веником?..

— Ослик, будь добр, займись нашим гостем, — любезно попросил лектор, старательно глядя в сторону.

Макс сообразил зажмуриться и заткнуть уши. Отлично: этот казавшийся безобидным юный псих и есть засевший в «Восходе» ментальный маг! Дело «Цепи» почти что в кармане; осталось лишь придумать, как их скрутить в одиночку...

— Я так не могу, — гнусаво пожаловался Ослик. — Мне в глаза смотреть надо.

Некрасов что было сил воззвал ко всем, до кого мог дотянуться: Мишка, Костик, даже сам Верховский... Без толку. Нити чар напряглись было и тут же опали, безжалостно отрезанные чужой магией.

— Не получится, Максим Николаевич, — с притворным сожалением сообщил лектор хорошо поставленным голосом. — Ослик, позови, пожалуйста, Графиню. Уважаемый офицер, вы разве не должны по регламенту представиться и предъявить удостоверение?

Макс незамысловато выругался в ответ. Делать-то что? На ощупь к выходу продираться? Кажется, справа было окно...

Спину обдало волной холода; колечко в брови вспыхнуло сердитым жаром и тут же остыло. Упало на ковёр что-то тяжёлое, кто-то — должно быть, Ослик — жалобно заскулил. Макс рванулся вслепую, налетел на какую-то громоздкую мебель, должен был упасть. Не упал: удержала вцепившаяся в плечо ледяная лапа.

— Максим Николаевич, откройте глаза, — светским тоном предложил лектор. — В самом деле, ведь вам же неудобно.

Макс приподнял веки, готовый, чуть что, тут же вновь зажмуриться. Выступивший на спине пот замёрз отвратительной ледяной коркой; существо, державшее его за обе руки, совершенно точно не принадлежало миру

живых. Что, если попробовать поджечь? Сумеет слинять?.. Над ухом заклокотало угрожающее рычание; Макс невольно прынул в сторону, сколько позволила мёртвая хватка.

— Офицер Некрасов, не раздражайте, пожалуйста, Графиню, — попросил лектор; кажется, даже обеспокоенно. Ему и самому не по душе было соседство нежити. Ослик — тот и вовсе корчился на пушистом ковре, жалобно хныча. — Как видите, наш волхв-недоучка сейчас для вас не опасен. В отличие от некоторых ваших весьма опытных коллег. Вы, кстати, никогда не пробовали пользоваться зовом по имени?

— Пошёл к лешему, — выплюнул Макс и тут же об этом пожалел. Ледяная удавка захлестнула его шею; нелепая будет смерть...

— Ослик! — встревоженно окликнул лектор, и его помощничек отчаянно застонал.

— Графи-и-иня... Сде-е-елка...

Холод мгновенно отступил; остались только когтистые лапы на предплечьях. Макс осторожно скопил глаза: на бледной, похожей на глубоководного морского гада ладони недоставало мизинца.

— Максим Николаевич, — осторожно произнёс лектор, нервно поддёргивая белоснежные манжеты, — верните, пожалуйста, то, что вы взяли. И всё, что успели сфотографировать, вам придётся удалить. Я вынужден просить вас помалкивать о нашей организации... и вообще обо всём, что касается этого вашего дела. Сюда вы также приходить больше не будете.

Пусть заставит! Леший с ней, с ручкой и с фотографиями; выбраться бы, и Верховский уже через час сюда нагрянет в компании Мишки с Костиком и, так и быть, вооружённого отряда безопасников... Всем своим видом демонстрируя покорность, Макс медленно вытащил из кармана завёрнутую в пакет ручку, уронил на пол. Стараясь не замечать стискивающих руку холодных пальцев, удалил одно за другим все сегодняшние фото. На глаза попался последний их с Ирой снимок; она грустно улыбалась, он скрывал тревогу куда лучше...

— Максим Николаевич, я надеюсь, что вы проявите здравомыслие, — с фальшивой заботой в голосе сказал лектор. — Позвольте-ка, я кое-что вам покажу...

Холёными пальцами он выудил из внутреннего кармана пиджака дорогой телефон, развернул во весь экран профессиональный снимок — хоть сейчас в газету или на новостной сайт. Небольшой зал, не в пример скромнее, чем здешний роскошный лекторий. Со сцены вещает мужичок средних лет — попроще, чем этот хлыщ, но с такой же благодостной рожей, и рядом суетится румяный Ослик. А в первом ряду, с бессмысленно-счастливой улыбкой на лице, с хорошо знакомой необъятной сумкой на коленях...

— Ваша матушка, Максим Николаевич, находит наши семинары весьма познавательными, — узкие губы растягиваются в лживой холодной улыбке. — Если вы будете благоразумны, ей ничего не грозит. Чтобы вы не забывались, Графиня за вами присмотрит... Ослик, прикажи, пожалуйста.

Недоумок что-то проблеял — Макс не вслушивался. Он тупо глядел туда, где только что светился гляцевитый экран. Нежить, кажется, разжала лапы, оставив на память ощущение холода; тёмная дымка распласталась вдоль пола, слилась с собственной Максовой тенью. Идиот... Какой же он идиот... И близко не представлял, какой тут на самом деле гадюшник, и полез, один, без страховки, никому не сказавшись... Выпендриться хотел, дурень...

— Не переживайте так, — с видимым облегчением сказал ему лектор. — В конце концов, нужно мыслить позитивно. Можете вернуться к обычным своим занятиям, но не забудьте о моих просьбах. Я вам доверяю.

Если бы Макс мог дотянуться, он врезал бы по самодовольной лощёной морде. До него доходило понемногу: нельзя теперь в отдел. И домой нельзя, и в родной город, и к Верховскому. Как прокажённому. Как проклятому.

Кожу ему холодило мёртвое серебряное колечко.

Дни тянулись за днями. Очень быстро стало ясно, что в пять суток уложиться не выйдет: то и дело приходилось закладывать крюки, огибая разбитый в поле воинский лагерь или какую-нибудь недостаточно благонадёжную деревеньку. Часть вины за промедление лежала на Ире. Не привыкшая к изнурительным физическим нагрузкам, она окончательно выбилась из сил уже к концу второго дня пути; вернее, дарёных сил как раз хватало, но чем дальше, тем неохотнее поддавалась целебным чарам мышечная боль. Из-за этой хронической усталости, а ещё из-за зачастивших кошмаров постоянно не получалось выспаться, хотя Ярослав и не будил её, позволяя подольше отдохнуть на привалах. Он не упрекал спутницу и вообще вёл себя подчёркнуто вежливо. Как и подобает профессионалу, которому в нагрузку к заданию приходится вполглаза присматривать за путающимся под ногами гражданским населением.

Ира потеряла счёт ночам, проведённым у костра, под тёплым шерстяным плащом — в лесу или в поле, смотря где застигали их сумерки. Зарецкий позволил себе ночной сон лишь однажды; в тот раз они углубились в непролазные лесные дебри, а пламя костра, полыхавшего до самого рассвета, было не обычным, жёлто-рыжим, но бледно-золотым, словно сгустившийся солнечный свет. Нежить его боялась. Проснувшись в очередной раз от дурного сна, Ира различила в ночной тьме недобрые фосфоресцирующие огоньки; лесные твари бродили вокруг, но к очерченной светом границе не приближались. Ира перебралась тогда поближе к костру; рядом с весело танцующим пламенем она чувствовала себя защищённой.

Очередной закат застал их посреди заброшенного поля. Здесь росли лишь сорные травы, но земля эта помнила ещё руки пахаря: ровная, рыхлая почва, густо перемешанная с золой, податливо проминалась под ногами. Наверное, ещё год-другой тому назад здесь колосилась рожь, которой так много было в окрестных полях, пока не тронутых запустением. Ярослав, как всегда, исчез на несколько минут и вернулся, нагруженный топливом для костра. Пространственные прыжки давались ему играючи; не будь балласта в Ирином лице — давно бы уже добрался до любого разлома на свой выбор.

— Хлеб кончается, — сказала Ира, заглянув в сумку. — Но есть ещё немного сыра.

— Значит, завтра заглянем в какую-нибудь деревню, — Зарецкий щёлкнул пальцами, поджигая аккуратно сложенный хворост. — Ешь, я пока не хочу.

Он часто так говорил. Сколько в этом было правды, Ира не знала, но трапезу он с ней разделял, только если точно знал, что запасов хватит на завтра. Сейчас было не так. Устроив предпоследний кусок остро пахнущего сыра на подсохшей лепёшке, Ира вгрызлась в нехитрое угощение. Хорошо, когда не нужно думать о пропитании... Когда на кухне благонадёжно гудит холодильник, а в первом этаже дома сияет витринами круглосуточный супермаркет. Когда не нужно продавать свою удачу за горстку монет, которые так стремительно уходят на скудную, пресную еду...

— Что случилось? — обеспокоенно спросил Зарецкий. — Холодно?

— Нет, тепло, — Ира встрепенулась и сморгнула навернувшиеся на глаза стыдные слёзы. — Просто... Задумалась чего-то... Домой хочу.

— Знаю, — Ярослав оперся локтем о колено и сдержанно вздохнул. — Мы почти половину прошли. На юге будет проще, там дороги лучше...

Ира грустно улыбнулась завёрнутым в лепёшку крошкам сыра.

— Я даже не знаю, где юг.

— Это несложно, — Зарецкий вскинул руку, указывая куда-то в безоблачное ночное небо. — Вон там — местная Полярная звезда, она же Ариново Око. Если вот так провести через неё линию, получится направление на север, соответственно, юг — в противоположной стороне. А днём видно по солнцу...

— Я мало понимаю в астрономии, — призналась Ира, разглядывая крохотную серебряную искорку, блёклую среди других, крупных и ярких. — Хотя некоторые ведьмы гадают по звёздам. Ну, знаешь, по дню рождения...

— Это ерунда, — категорично отрезал Ярослав. — И гадания вообще-то не поощряются.

— Да, я в курсе, — быстро сказала Ира, отводя взгляд. Знает или нет?.. Какое ему сейчас дело до их с Ольгой невинных шалостей! Хотя с Зарецкого станется припомнить потом, когда всё уляжется, и впясть незадачливым ведьмам административный штраф. — Но ведь вы тоже по звёздам следите за всякими там... циклами активности...

— Именно что следим, — Ярослав лениво протянул руку к костру; тонкие язычки пламени, повинувшись движению его пальцев, затанцевали в прозрачном воздухе. — Как по часам. Замеряем большие и сложные промежутки времени, потому что это удобно — только и всего.

— Это можно назвать судьбой, — задумчиво сказала Ира, любуясь игрой пламени. — Разве нет? Если вы точно знаете, что в такое-то время случится то-то и то-то...

— Нет никакой судьбы, — Зарецкий упрямо покачал головой. — Есть закономерности, случайности... и выбор. Глупо от него отказываться.

— Иногда его нет, — Ира поёжилась, вспомнив колкие светлые глаза Георгия Ивановича. — Вот хоть клятвы...

— А что клятвы? — Ярослав пожал плечами. Иру пугало порой, как просто он относится к вещам чудовищно важным или даже страшным. — Всегда можно решить, соблюдать их, нарушить или не давать вовсе. Вопрос в цене.

Её подмывало спросить, был ли выбор у него, но вопрос этот казался слишком уж личным. Всё равно не ответит. Порывшись на ощупь в сумке, Ира нашла одну из двух фляг, наполненных сегодня днём из лесного родника, и протянула спутнику. Воды было много; Ярослав не стал отказываться.

— Как тебе спится? — вдруг спросил он, возвращая ей флягу. — Кошмары не мучают?

— Н-нет, — соврала Ира, прежде чем успела подумать, зачем. — А что?

— Очень распространённый симптом. Головная боль, озноб, плохие сны, подавленное состояние... — Зарецкий вздохнул. — Тени очень паршиво действуют на нервную систему. Это проходит, но не быстро. Если вдруг приснится какая-нибудь ерунда, лучше не молчи, хорошо?

Ира пристыжённо кивнула. Признаваться теперь во лжи как-то глупо; она просто скажет в следующий раз, вот и всё.

С приватностью в лесу было проще. В полях, чтобы сменить пропахшую потом рубашку или ещё за какой надобностью, приходилось порядочно отходить от костра. С другой стороны, по пути назад можно было не спешить и урвать пару лишних минут одиночества. В обществе Зарецкого не расслабишься; всё время страшно сделать что-нибудь не так, а просто поболтать по душам, как с Максом, — это точно не про него. Макс... Странно, наверное, что Ира только сейчас впервые за последние дни о нём вспомнила. Даже совестно. Хотя чего уж тут стыдиться, после таких-то потрясений... Он, наверное, даже поверит не сразу, когда она всё ему расскажет. Счастливец.

Прохладное дуновение хлестнуло её по щеке. Ночной мрак слегка побледнел перед глазами; Ира, струхнув, отпрянула, но почти сразу успокоилась. Характерный белёсый дымок означал всего лишь присутствие слабенького, неоформившегося призрака. Таких полно повсюду, в Москве надзор их постоянно вылавливает, а контроль если и обращает внимание, то разве что со скуки. Старов, азартный спорщик, как-то предлагал Зарецкому на них поохотиться; Ярослав тогда ответил ему в обычной своей манере — кажется, спросил, не кончились ли в детском парке билеты на аттракционы пострашнее...

— Ирина, — прошелестело в ушах. Бесстрастный голос исходил, вне всяких сомнений, от зависшего в ночном воздухе серебристого облачка. — Вы повели себя неразумно. Следуйте за посланцем. Одна. Мы будем ждать вас сутки, затем примем подходящие меры. Залогом вашего благоразумия послужат жизнь и здоровье вашей сестры.

Сердце пропустило удар. Призрак говорил голосом её пленителя. Ира как наяву увидела суровое, будто из камня высеченное лицо, гриву тёмных с проседью волос, льдисто-серые внимательные глаза. Человек, называвший себя Георгием Ивановичем, глядел на неё в упор и повторял медленно, очень терпеливо, очень доходчиво:

— Следуйте за посланцем. Одна...

Он знает, что ей помогли. Знает, что у него есть опасный враг. Ему не нужны трудности — ему нужен послушный курьер...

— Залогом вашего благоразумия... послужат жизнь и здоровье вашей сестры.

Как они добрались до Оли?.. Да какая разница! Она у них в руках, может, даже где-то здесь... Ничего не понимает и знает только, что её убьют, если не явится её непутёвая сестра... Или не знает даже этого. В запястьях проснулась позабытая было боль; шрамы, оставленные верёвками, не исцелились, они вообще никуда не делись — только ушли под кожу...

— Вы повели себя неразумно...

— Куда? — спросила она, нетвёрдо шагая вперёд. — Куда идти?

Призрак, не смолкая, вытянулся в воздухе, заскользил меж тяжёлых исполинских зонтиков, увенчанных мелкими белыми соцветиями. Он спешил, он не собирался её ждать! Хрустнул под ногой ломкий стебель, колючий лист уцепился за подол и тут же отстал. Так некстати разболелись икры, а ведь в запасе всего сутки...

Сердитая золотая искра чиркнула в прохладном воздухе. Ира поняла, что это такое, за миг до того, как серая дымка схватилась бледным огнём.

— Сутки... — коснулось слуха, а в следующий миг призрак перестал существовать. Вместе с надеждой.

— Что ты... — выдохнула Ира, теряя слова. — Они... Я должна... Оля...

Зарецкий смерил её равнодушным взглядом.

— В этом нет смысла.

В ночи будто разом не стало воздуха. Ира отшатнулась, неверяще глядя в издевательски спокойное лицо. По-

настоящему ненавистное.

— Это для тебя... нет смысла, — с трудом выговорила она, до боли стискивая кулаки. — Для тебя! Тебе на всех плевать, потому что у тебя нет никого... Никого и ничего, кроме работы твоей проклятой... А у меня есть, слышишь ты? У меня сестра есть! А через сутки не будет! Из-за тебя!

Ринулась навстречу ночная прохлада. Внезапная, резкая боль обожгла запястья. Совсем рядом — бесстрастное, словно окаменевшее лицо. Непроницаемая тьма в глазах. О нет, он не даст просто так до себя добраться...

— В этих угрозах нет смысла, — медленно и отдельно, словно для умалишённой, повторяет монотонный голос. — Это блеф. Уловка.

— Откуда ты...

Она болезненно рванулась, пытаясь не то высвободиться, не то дотянуться до своего мучителя. Ударить, сделать больно, выжать из него хоть какое-нибудь человеческое чувство. Тщетно.

— Призраки умеют подражать голосам, — скучным тоном институтского лектора проговорил Зарецкий. — Будь всё взаправду, тебе дали бы слышать сестру.

Ира замерла, ошеломлённая этой мыслью. Слишком неочевидной всего пару мгновений назад, странно простой теперь. Призрак раз за разом повторял слова того, кто его послал, с точностью диктофона. Что ему стоило изобразить умоляющий, захлёбывающийся рыданиями Олин голос?

— Можешь убедиться, если хочешь, — Зарецкий отпустил наконец её руки, утратившие разом всю злую силу. — Ты ведь умеешь делать «водяное зеркало»? Если не ошибаюсь, это девятая категория...

Вода — из не растраченного за день запаса, вместо тарелки — аккуратно свёрнутый и утопленный в рыхлую почву лист лопуха. Это тоже предложил Зарецкий; Ира бы не додумалась, даже если бы обрывочные мысли не кружили в голове беспорядочным вихрем. По счастью, для колдовства не нужно кристальной сосредоточенности; она, наоборот, только мешает...

Круглое Олино личико проступило на поверхности воды. Сестра улыбается — и, кажется, искренне. Незнакомая уютная кухонька, кружка с чаем в загорелых ладонях. Рядом возник Макс — неторопливо, будто в замедленной съёмке; он не выглядит счастливым, но и напуганным — тоже. Ира жадно вглядывалась в сестрино лицо, пока вся вода не сбегала из ненадёжной посуды в землю, нагретую жаром костра; ледяной узел в груди понемногу сошёл на нет. На смену ему явился жгучий стыд.

— Ну? — неприветливо буркнул Зарецкий, поймав на себе её растерянный взгляд. Он не пытался смотреть в «зеркало», подчёркнуто тактично устроившись по другую сторону костра.

— Всё хорошо, — через силу выдавила Ира. Надо извиняться, как бы тяжело ни было в очередной раз признавать его правоту. — С-слава... Прости, пожалуйста. Я сглупила. И... и наговорила лишнего...

— Почему? Ты всё верно сказала, — Зарецкий ядовито усмехнулся. — У меня действительно никого нет. И почти ничего, кроме работы. Между прочим, сейчас тебе это на руку.

Ира отвела взгляд. Сухой хворост весело потрескивал в пламени; весь остальной мир хранил молчание. Какой-то десяток минут тому назад она всей душой жаждала хоть как-нибудь задеть невозмутимого контролёра, а теперь мучительно хотелось взять назад вырвавшиеся в запале слова. Как клятву. Но клятву-то можно...

— Я не хотела... — начала Ира и запнулась. Чего не хотела-то, когда хотела?

— Ты меня очень обяжешь, если будешь соблюдать технику безопасности, — резко бросил Зарецкий. — То, что на тебя не действует менталка, не значит, что надо лезть обниматься с нежитью.

— Но... Ты же сам...

— Я, чёрт возьми, учился полжизни! — рявкнул Ярослав. Пламя костра пугливо дрогнуло. — И немного умею шевелить мозгами. Полезно иногда, знаешь ли!

Он сердито отвернулся. Ира сочла за благо промолчать. У него были все причины злиться: если бы она не бросилась, как оглашенная, за призраком, он сумел бы выследить засевшего где-то поблизости Георгия Ивановича — или кого-нибудь из подручных, что тоже немало... В конце концов, это важнее, чем жизнь и здоровье одной взбалмошной девицы. Но куда денешься от служебной присяги, во главу угла ставящей благополучие граждан...

Шерстяной плащ, служивший Ире и простынкой, и одеялом, невыносимо колот ей шею. Сон не шёл; земля под примятой травой казалась то слишком твёрдой, то слишком холодной. Дрёма, пару раз неохотно нападавшая на Иру, была столь ничтожной, что на неё не польстились даже ночные кошмары. Сперва приснилось что-то суетливое и бессмысленное, проскользнувшее мимо памяти; потом почему-то привиделся бабушкин Афанасий, с преувеличенным усердием перебиравший яблоки в огромной корзине. Порченые он отбрасывал в сторону, и размякшие плоды глухо шлёпались оземь, растекаясь буровой кашицей. Раз, два, плюх... Раз, два, плюх...

— Прекрати. Надоел.

— Прощеньца прошу, мудрый господин! Ить задумался, закручинился...

— Тише ты.

Сутуловатая тщедушная фигурка горбится нарочито обиженно. Тихону вздумалось повидаться. Когда он впервые вот так запросто заявился поболтать среди ночи, Ира от страха трясась, как осиновый лист; сейчас успела уже привыкнуть. Она научилась быстро принимать любую несусветную дикость, которыми полны были теперь её дни. Сквозь едва приоткрытые веки она видела, как сидящее у самого огня лихо пристально разглядывает единственным глазом собственную ладонь, только что праздно хлопавшую по земле.

— Как тут не кручиниться, — негромко пожаловалась нежить. — Ить память-то — она иной раз хуже дикого зверя гложет. Добрый был волхв Драган. Жаль, помер ни за что...

Зарецкий промолчал. В неверных отсветах пламени его профиль казался почти незнакомым. Тихон выжидательно заглянул ему в лицо, не добился внимания и тяжело вздохнул.

— Говорят, чуть ли не первым убили, — вкрадчиво прошептало лихо. — Головорезы-то Агирлановы. Тогдашние — они нынешним не чета были, э-хе... Сколько народу нашего примучили, подумать страшно...

— Вот и не думай.

— А оно не выходит, Яр, не выходит, — закудахтал Тихон. В его дребезжащем голосе прорезалась тоска. — Как тогда было-то? Кто потрусилей, те ж ноги в руки — и дёру. А лучшие — они, вишь, тучочки все, по ветрам ильгодским развеваны... Драган ить упрямый был, что твой осёл, не хотел уходить. Ан нашёл-таки себе силу! Хорошей смертью помер, чистой...

— Не завидуй.

— Э-хе! Смотри, как бы самому не пришлось, — строго сказала лихо, пристально шурясь на немногословного собеседника. — Знаешь, небось, про себя? Так и жить-то несладко, а уж помирать...

— Знаю я всё, — огрызнулся Зарецкий, впервые оторвав взгляд от пляшущего над угольями огня.

— И что ж теперь делать станешь?

— Что, что... — Ярослав пренебрежительно покосился на докучливое лихо и произнёс с горькой насмешкой, почти нараспев, явно что-то цитируя: — Пламя, в сердце моём горящее, земною тропой пронесу и отдам его вечности.

— Уж не Ар-Ассан ли? — оживился Тихон. — Ох и умный был мужик! И волхв первостепенный, и слова как ловко в песни складывал — теперь таких, как он, разве встретишь, э-хе!.. А по-ихнему знаешь? Как написано было?

— Нет. Языки — не моё.

— Вот и зря, — заявило лихо. — Послушай-ка, каково...

Надтреснутый, хрипловатый голос затянул что-то певучее, гортанное, ни на что не похожее. Зарецкий позволил Тихону договорить до конца — а может, попросту не слушал. Лихо, не дождавшись отклика, недовольно заворчало. Совсем по-человечески.

— Оно невесело, Яр, — мрачно проронил Тихон, устав от чужого молчания. — Я ить помню... Помню, какая она, жизнь-то. Как нахлынет иной раз, так от себя самого, нонешнего, с души воротит. И рад бы уйти, а куда уйдёшь — всё здесь держит... Жизнь вся здесь. Как от неё откажешься?

— Я б тебе помог, — зло перебил Зарецкий. — Прямо сразу, при встрече. Если б ты язык свой трепливый не протянул.

— А мне уж и не поможешь, — лихо зашелестело недобным смехом. — О себе бы лучше подумал.

— Мне о других думать положено.

— Неужто Драган тебе такое сказал? — лукаво спросил Тихон, шуря желтоватый глаз. — Смотри, парень... Свою-то звезду зажечь — дело немудрёное. Ты попробуй чужую зажги...

— Пошёл вон, — раздражённо бросил Зарецкий.

Тихон, на удивление, послушался. Подскочил с насиженного места, всколыхнув высокие травы, и растаял в воздухе несвежей дымкой. Неужели он и впрямь был когда-то живым? Даже больше, чем живым... Что же с ним стало? От чего он предостерегал? Ира, может, и осмелилась бы спросить, если бы не полученная чуть раньше отповедь. Обниматься с нежитью, значит, нельзя, а задушевные беседы вести можно? Хотя какие уж они задушевные...

За всё утро Зарецкий едва ли произнёс больше десятка слов. Ира тоже помалкивала; она в очередной раз не выпалась и с трудом понимала, на каком она свете. Станный ночной разговор, может быть, вовсе ей привиделся; поди пойми на больную усталую голову. А если и нет, какое ей дело до чужих бед? Своих хватает!

Из ярко-жёлтого моря поспевающих колосьев выглядывали синие пятнышки васильков. Полуденная жара начинала действовать на нервы; прикрыть от солнца голову было нечем, и Ире казалось, что мысли в голове плавают вместе с мозгами. От пережитых ли потрясений, от бесконечной ли спешки, от дурного ли сна — что-то творилось с её способностью здраво соображать. Стало бы проще, если бы мироздание вернулось в привычные рамки, но оно лишь шаталось с каждым днём всё опаснее. Не менялся лишь неутомимо шагающий рядом Зарецкий. Даже хорошо, пожалуй, что он всё тот же угрюмый нахал, к которому она привыкла в Москве; вздумай он вдруг искренне, не в угоду клятвам и служебному долгу, переживать за Ирину жизнь — это означало бы, что мир

окончательно сошёл с ума.

Сперва показалось, что далёкий тоненький вскрик ей почудился. Ярослав замер и прислушался, а спустя миг, не говоря ни слова, сорвался с места и сквозь беспокойное травяное море помчался на голос. Ира бросилась следом и лишь спустя десяток шагов задумалась, зачем. У неё не получалось бежать так легко; жёсткие колосья хлестали по ногам и цеплялись за подол тонкими усами, земля предательски раздавалась под башмаками, а дыхание быстро сбилось с ритма и остро обжигало лёгкие. Она могла, наверное, остаться на дороге. Если бы что-нибудь случилось, достаточно было бы дотянуться до висящей на шее цепочки...

— Ма-а-атерь... — истошный перепуганный писк ужалил слух; вряд ли кричавшая намного старше Иры, скорее уж наоборот. — Сми-и-илуйся, Ма-а-атерь... Помоги-и-и...

Вон она, съёжилась посреди поля, заслонилась от беды отчаянно вскинутыми руками. В кулачке — грубо сработанный серп, годный срезать колосья, но не угрожать грациозной золотоволосой красавице, тянущей к девчонке бледные ладони. Трепещет на ветерке невесомое белое одеяние, синие васильки в тяжёлом венке — того же цвета, что и холодные смеющиеся глаза. Ира читала когда-то про полудниц, но вживую увидела впервые. Вживую... Придёт же в голову...

— Что ж ты, девонька? Спляшем...

Дальше, у близкой кромки перелеска, толпятся кучкой люди — женщины, мужчины, по большей части молодые и крепкие. Никто не смеет переступить невидимую границу владений полудницы. Девчонка, маленькая, тщедушная, должно быть, попросту не успела до спасительной черты.

— Матерь!.. Арин-заступник!.. Стри-и-идар!.. Помощи-и-и...

Стоявшие под лесной сенью, как по команде, отшатнулись; вразнобой взметнулись руки, вычерчивающие в воздухе замысловатые знаки. Полудница не спеша обернулась, потянула носом; прекрасное бледное лицо исказила злоба. Из-под ярко-алых губ показались желтоватые заострённые зубки.

— Пош-ш-шёл прочь, — свистящий шёпот тише шелеста колосьев на ветру, громче грозových раскатов. — Проклянуну...

— Давай.

Зарецкий небрежно отбросил мешавшую сумку. Травы пугливо пригнулись, будто от порыва ветра; тонкая, почти невидимая в солнечном свете стена огня потянулась от земли к безоблачному небу. По одну сторону — тощая девчонка, в слезах, но живая; по другую — разъярённая полудница, спокойный, как скала, волхв и Ира. Зачем она сюда полезла? Ноги сами собой пятятся прочь, на безопасное расстояние, за спину единственного защитника, которого впору бояться едва ли не больше, чем нежити. Гортанный визг бьёт по ушам: полуднице не по нраву направленные против неё чары.

Рот на замок — и молчать, молчать! Не давать нежити права на свою жизнь, не связывать Зарецкому руки, и без того крепко схваченные клятвами... Красивое девичье лицо хищно скалится; грациозно, словно в танце, полудница ускользает от преследующей её гибели. Сильная нежить, ловкая и наглая; таких надзор ловит целыми боевыми отрядами — или зовёт на помощь контроль. Твари не нравятся быть уязвимой; она взмывает в чудовищном прыжке, бросается на врага, тянет длинные когти к ненавистному лицу. Ненавистному... Каких-то несколько часов назад Ира наивно примеряла ненависть на себя, не подозревая, что может быть вот так.

— В муках сдохнеш-ш-шь, — когти проскальзывают мимо распластавшегося в воздухе языка пламени, полосуют ткань рубашки и кожу под ней; на золотых рыльцах колосьев зажигаются искристые алые капли. — Сроку тебе — одна луна, да ещё одна тень лунная... Сгинеш-ш-шь, Стридарово отродье, ни землицы тебе, ни воды, ни ветра вольного...

Ира никогда прежде не слышала проклятий. Зарецкий поймал нежить за тонкое предплечье, толкнул прочь от себя, сумел опрокинуть — следом рухнул сам, не успев избавиться от цепкой хватки. Полуднице выгодно драться врукопашную, ведь её прикосновение губительно, а пытаться сжечь её — гарантированно пострадать самому... Мысли слишком медленно ворочаются в гудящей голове. Пока до Иры доходило, что надо что-нибудь сделать, нежить десять раз могла бы убить обычного мага. Даже самой высокой категории...

Но она ведь ничего не умеет!

Впрочем, чтобы ухватиться как следует за узкие плечи и рвануть что есть сил, много уметь не надо. Плоть под ладонями мертвенно холодна; дух перехватывает от страха и отвращения. Полудница сердито зарычала, вырвалась одним мощным движением, вхолостую царапнула когтями воздух там, где только что была Ирина шея. Всего пара мгновений — но Ярославу хватило. Он брезгливо отшвырнул нежить прочь и, не полагаясь на везение, ударил наверняка; злой огонь загудел низко и возмущённо, перекрывая мерзкий нечеловеческий визг.

— Досталось? — коротко спросил Зарецкий, небрежно смахивая с ключицы алые капли. Раны, видневшиеся сквозь прорванную когтями рубашку, закрывались медленно и неохотно; Ира знала, что бывает быстрее.

— Н-нет, — она отвернулась от корчившейся в пламени полудницы. Смотреть, как гибнет существо, почти неотличимое от человека, было тяжело. Не больно, но как-то стыдно.

— Сильно?

— Нет, правда...

Ира попыталась увильнуть от властного прикосновения. Она и впрямь относительно неплохо себя чувствовала, а Зарецкому пригодилась бы сейчас каждая капелька жизненных сил. Жадное пламя, поглотив полудницу без остатка, истаяло в солнечных лучах; стало видно пугливо сжавшуюся в комок девушку и её соплеменников, неохотно бредущих от лесной кромки. Храбрецы, ничего не скажешь...

— Ярослав, — предупреждающе окликнула Ира, указывая взглядом на приближающихся людей.

Зарецкий обеспокоенно обернулся.

— Аккуратней при них. Здесь меня зовут Яр.

— А меня? — спросила Ира шёпотом. За столько дней она даже не удосужилась попросить спутника подобрать ей подходящее местное имя! Зарецкий тоже занервничал; наверное, до сих пор не рассчитывал на серьёзные контакты со здешним населением.

— А ты — иностранка, — торопливо сказал он. — Эти дальше Лисавы никогда не были, с ними прокатит...

Ира тихонько перевела дух. Актриса из неё никакущая, да ещё с её-то знанием местных порядков... Иностранка — это удобно, это лучше, чем немая девица из близлежащей деревни. Ярослав отлично знал, как обвести вокруг пальца хоть городскую стражу, хоть недалёких селян. Когда вся твоя жизнь — сплошной обман, волей-неволей учишься быстро соображать и примерять любые маски...

— Поклон тебе, добрый человек, — осторожно произнёс чернобородый коренастый мужчина. На Зарецкого он смотрел одновременно с почтением и недоверием, Иру лишь царапнул равнодушным взглядом. — Ты из храмовых ли будешь? Знака ить не видать...

— Не из храмовых. Странствую, — туманно ответил Ярослав.

Эта фраза что-то объяснила чернобородому и его соплеменникам; люди расслабились, принялись значительно переглядываться и кивать друг другу. Почти все они столпились перед непрошеными гостями, лишь одна женщина, ещё не старая, но согбенная от тяжёлых трудов, помогала подняться трясущейся девчонке, попутно браня вполголоса. Та, бледная как мел, отчаянно мотала головой; длинная, до пояса, светлая коса металась из стороны в сторону, мельтешила цветной лентой.

— Добро, — протянул чернобородый и оглянулся на напуганную девицу. — Ты уж дурёху нашу прости. То она крамольца окаянного не от ума звала...

— Лишь бы жива-здоровая была, — вставил мужчина помоложе, курносый и нескладный. — А уму-разуму научим, чтоб неповадно было...

— Научите, — Ярослав едва заметно поморщился; может, и впрямь от боли, а не от неприязни. — Дайте-ка посмотрю.

Селяне боязливо расступились, пропуская его к девушке. Ире уже знакомы были эти жесты: Зарецкий коснулся поочерёдно лба, виска, шеи и запястья пострадавшей, застывшей перед ним, как суслик перед хищной птицей. Один раз, больше не стал; то ли не было нужно, то ли не хватило сил. Матрона, которую без церемоний отогнали от подопечной, зорко за ним наблюдала.

— Слышь, сокол, — неуверенно окликнул чернобородый; он, похоже, тут или за главного, или за самого умного. — Того... в дар-то чего хочешь? Мёду, может, али мехов куньих? Или вон, хошь, Цветанку забирай, ежли приглянулась...

— Не надо, — Зарецкий отступил на пару шагов от спасённой дамы; она, кажется, была слегка разочарована. — Скажите лучше, цел ли паром через Брай?

— А что ж ему не быть целу? — искренне изумился невысокий тощий мужичок.

— Только до Вельгоровой ночки переправы нету, — вставил курносый.

— Оно так...

— Княжеское веление...

— И нигде нету...

Они ещё вквохтали, а Ира уже поняла, что тучи сгущаются. Она понятия не имела, насколько широк неведомый Брай, обязательно ли через него переправляться и когда наступит эта Вельгорова ночка; скорее всего, ответы на эти вопросы её не обрадуют. Опять вероятностные чары или чья-то злая воля? Хотя, наверное, это не имеет значения; итог всё равно один...

— Хошь — к себе покуда пустим переждать, — предложил чернобородый; по его тону не понять было, надеется ли он на согласие или на отказ. — Чего тут осталось-то, седмица да ещё денёк...

Ире не хотелось, чтобы Зарецкий соглашался. Пусть даже это разумный выход — пожить хотя бы под крышей, не беспокоясь о хлебе насущном, вместо того, чтобы неделю скитаться бесцельно в нескончаемых полях... Но ведь там люди! Чёрт знает сколько внимательных глаз, перед которыми надо ежесекундно разыгрывать из себя жительницу каких-то неведомых стран...

— Добро, — решил Зарецкий, как всегда, не заботясь Ириным мнением. — До Вельгоровой ночи найдите нам местечко.

Под впервые открыто обратившимися к ней любопытными взглядами Ире немедленно захотелось сбежать.

LIV. Неосторожные слова

Назойливая трель телефона безжалостно ввинтилась в благостное утро. Мишка, не размыкая глаз, вслепую дотянулся до трубки, валявшейся поверх небрежно брошенных на ближайший стул джинсов; гневно вибрирующий пластиковый корпус противно скрёб о металлическую пряжку ремня.

— Да, Александр Михайлович, — буркнул Старов, тщетно пытаясь прогнать из голоса остатки сна. На номер шефа у него был настроен самый громкий и требовательный сигнал — чтобы наверняка не пропустить и ни с кем не спутать.

— Просьбайся, — насмешливо бросил начальник. — Тебя ждут великие дела. Мне нужно, чтобы ты кое с кем переговорил, и чем скорее — тем лучше.

Мишка сдержал раздражённый вздох и сел в постели, силой заставляя себя соображать. Аня, потревоженная звонком, обеспокоенно смотрела на него со своей подушки.

— С кем? — Старов проглотил зевок. — Что-то случилось?

— Всё, что только могло, — мрачновато ответил шеф. — Почти. Кое-что ещё осталось на сладкое. А поговорить тебе надо, во-первых, с Игорем Черновым...

— Зачем? — вырвалось у Мишки. Динамик ядовито замолчал в ожидании объяснений; пришлось нашаривать в сонных мозгах источник порыва. — Ну... Я же читал его монографию, там одна вода... То есть ничего конкретного...

— Это не имеет значения, — ласково сказал Верховский. — Я хочу, чтобы ты выяснил, кто из управских причастен к теме. Хоть косвенно, хоть в качестве верстальщика.

Стало быть, кто мог ознакомиться и начать копать — и при этом работает в Управе. Мишку эта светлая мысль не посещала. У него вообще в голове не укладывалось, как у подобной тайны может быть больше одного хранителя.

— Далее, — невозмутимо продолжил шеф, — я выслал тебе координаты некой дамы, она может оказаться весьма полезной. Пожалуйста, удали после прочтения. Если вскрыются мои источники, вы останетесь без начальника.

Мишка рассеянно кивнул, позабыв, что Верховский его не видит. У Ани на заспанном личике написано весёлое любопытство; для неё всё игра... Впору позавидовать.

— Сосредоточься на людях, а не на теории магии, — назойливо напомнил шеф. — Когда закончишь, дай мне знать и загляни в отдел. Поговорим.

— Понял.

— Тогда действуй.

Старов отложил трубку. Часы показывали немногим меньше девяти утра; несуетная рань, если засыпать глубоко за полночь. Аня сладко зевнула, приподнялась на локтях, отбросила со лба блестящие в солнечных лучах спутанные прядки. Послать бы шефа к лешему вместе со всеми его срочными поручениями... Никогда прежде Мишку не посещали подобные мысли.

— На работу вызывают? — расстроено спросила Аня, придвигаясь к нему. — Кроме тебя, некого дёрнуть, что ли?

— Некого, — Старов виновато кивнул и обнял её, сонную и тёплую. Ну на кой ляд ему такая беспокойная работа? — Шеф мне отдал дела Зарецкого, пока он в командировке. Пашу за двоих.

— Бедненький, — искренне посочувствовала Аня. Она прижалась щекой к его плечу; отстраниться теперь было всё равно что сбросить на пол пригревшегося на коленях котёнка. — А я думала, мы ещё побудем с тобой полдня...

— Полдня? — глупо переспросил Мишка, соображая, какой сегодня день недели. По всему выходило, что воскресенье. Уже.

— Папа вечером прилетает, — вздохнула Аня. Он и так знал, но предпочёл малодушно забыть.

— Перестанешь быть бездомной, — неуклюже пошутил Мишка. Аня недоумённо на него посмотрела.

— А... да...

Стремительно пролетевшая суббота вымела из памяти всё лишнее. Он не думал о работе и грядущем возвращении Сафонова, она забыла про злосчастные ключи. Хотя почему злосчастные? Вовсе даже наоборот...

— Ань, мне правда ехать надо, — Мишка целомудренно поцеловал её в лоб и, пересилив себя, мягко высвободился из объятий. — Хочешь, побудь тут? Бросишь потом ключи в почтовый ящик...

— Нет, лучше до метро меня подбрось, — Аня, смирившись, проворно выпуталась из скомканного одеяла. — Я ж иначе не выберусь.

Вообще-то отсюда в Москву ходит автобус, но Мишка запросто готов был поверить, что она заблудится, не дойдя до остановки. Нет, если он распукает-таки это проклятое дело, точно попросит шефа о прибавке к зарплате

и займётся наконец устройством собственного жилья. Где-нибудь в черте Москвы, поближе к метро.

В холодильнике дожидались своего часа вчерашние блины. С готовкой Аня не дружила; Мишку это немного удивило — ведьмы в его представлении должны были в силу профессиональных особенностей виртуозно управляться с кастрюльками и мерными ложками. Он и сам недотягивал до шеф-повара; так — не помереть с голоду и не разориться на готовой еде. Аню, к счастью, это вполне устроило.

— Чай или кофе? — спросила она, разливая по кружкам кипяток из сердито клокочущего чайника.

— Кофе. Без молока, — Старов, запретив себе зевать, потянулся за тарелками. — Сейчас опять полдня за рулём...

— Переходи к нам в финансы, — весело предложила Аня. — Может, не так много платят, зато работа спокойная.

— Так у меня ж образования такого нет.

— А какое есть?

— Педагогическое, — Мишка невольно улыбнулся, наблюдая, как изумлённо вытягивается её лицо. Все так реагируют. Почти все. — Серьёзно. Бакалавриат и магистратура.

— С ума сойти, — Аня хихикнула и поставила на стол две кружки; в одной плескалась чёрная горечь, в другой её разбавляло молоко и ударная доза сахара. — Ты что, наставничать хотел?

— Буду когда-нибудь, — уверенно заявил Мишка. — Когда шеф спишет в утиль.

— Пусть только попробует! Папа его живо того — на улицу...

Старов усмехнулся. Чтобы скovyрнуть Верховского, влияния Сафонова не хватит. Если, конечно, почуявшие кровь безопасники не подгрызут окончательно ножки начальственного кресла. А ведь вполне может быть, что атака направлена именно на шефа! Ну кому, в самом деле, нужны рядовые офицеры контроля — сами по себе, не как средство для достижения истинной цели...

— Ты чего, Миш? — обеспокоенно спросила Аня. Старов встрепенулся и поспешно согнал с лица испугавшее её выражение.

— Ничего, задумался.

Срок его маленькому счастью вышел спустя пару часов. Высадив Аню у ближайшей конечной станции, Старов аккуратно припарковался у захудалого торгового центра и, не давая себе времени скиснуть, потянулся к телефону. Стало быть, за дело. Прежде чем набрать Костику, Мишка выудил из рюкзака прихваченные собой «Теоретические аспекты ментальной магии». На переднем форзаце пламенел гневно-красными чернилами штамп специальной секции: «Не подлежит распространению. Минимальный уровень допуска: II. Основание: специальное постановление Магического совета № 03Р-08». Кто-то в тогдашнем Магсовете, однако, осилил нудную монографию — или, может, едва взглянув на название, вынес резолюцию: «Запретить». Коллектив авторов не то чтобы обширный; одну из фамилий уже на момент издания обвели чёрной рамкой. Рецензенты, двое. Редактор, корректор, компьютерная вёрстка... Выходит прилично. Шеф прав: проще начать с расспросов, чтобы выделить в этой толпе кого-то особенного.

— Слушаю, — рявкнул в трубку Костик.

— Привет, — дружелюбно отозвался Старов. — Не сильно занят?

— Сильно, — огрызнулся Чернов на другом конце радиоволны. — У тебя две минуты.

— Мне надо с твоим папой поговорить, — напрямик сказал Мишка. — Это по поводу его исследований. Можешь у него спросить, удобно будет сегодня?

— Нет, — отрезал Костик. — Забудь об этом, будь добр.

— Почему?

— Потому что, блин! — в трубке что-то глухо щёлкнуло — наверное, дверной замок. Костя понизил голос. — Отец уже сто лет этим не занимается, ясно?

— Ну, может, помнит что-нибудь...

— Помнит, разумеется! — взорвался Чернов. — Тебе бы так карьере сломали — ты бы тоже помнил!

— Сломали?.. — оторопело переспросил Мишка. Лежавшая у него на коленях книга тускло отблёскивала золотым тиснением.

— Уши почисть! И мозги заодно пошевели там, если дотянешься! — рыкнул коллега. Старов привык к его вздорному нраву, но подобные интонации слышал впервые. — Свернули всё после вашего грёбаного тульского дела! Гриф шлёпнули — и до свидания! Годы трудов — в мусорку...

Ну и дела... Мишка из вежливости дослушал тираду, скомканно попрощался и отключился. Стало быть, Чернов-старший всерьёз обижен на Магсовет за свёртывание программы исследований. А Чернов-младший — не Верховского, за то, что отголоски тульского дела достались сперва Зарецкому, затем — Старову. То-то Костя в последнее время злее, чем обычно... Хотя они с Яриком никогда не ладили. Вот прямо с того дня, когда стажёр Зарецкий впервые переступил порог кабинета на двенадцатом этаже.

Мишка без вдохновения пробежал взглядом развесистые выходные данные монографии. Чтобы шерстить досье, надо ехать в Управу. Туда в любом случае придётся тащиться к концу дня; стало быть, сперва загадочная дама. Хотя, кажется, ничего загадочного в ней нет. Надежда Андреевна Лялина, шестидесяти восьми лет, маг двенадцатой категории; библиотекарь в тихом подмосковном городке, до которого ехать добрых три часа. Незачем было бы, если бы не характеристика от шефа: «единственная здравствующая ныне родственница Л.Свешниковой, достигаемая для нас». Если этот божий одуванчик знает что-нибудь о научных интересах покойной двоюродной сестры — или, что вероятнее, о тех, кому та достаточно доверяла... Тогда из сожжённого бензина может выгореть что-то полезное.

Прежде чем натравить бортовой компьютер на далёкую точку на карте, Мишка позвонил в указанную библиотеку и удостоверился, что присланное шефом расписание смен вполне совпадает с реальностью. Включив фоном один из немногих интернет-каналов сообщества — спрятанных, разумеется, за семью печатями от непосвящённых — Старов решительно взялся за руль. Дороги вечно бодрствующей столицы привычно легли под потёртые шины.

— Салоны артефактов «Геката», — нежным голосом пропел динамик. — Подарите себе чудо!

Подарили уже, хватит. До чего безжалостна равнодушная машина налаженного бизнеса! Хозяйку пару дней как похоронили, а реклама идёт, как ни в чём не бывало. Кому помешала несчастная предпринимательница? Или не помешала — просто случайно попала на пути... Цех накрыли, а всякая дрянь по Москве так и расползается, пока безопасность обыскивает квартиры офицеров контроля. И ведь не без причины, гады, обыскивают...

— ...Сегодня в нашей студии — кандидаты в новый созыв Магического совета, — бодро зачастил ослепительно скалящийся ведущий. — За минувший срок у сообщества накопились вопросы, и сейчас мы наконец-то услышим на них ответы! Сергей Митрофанов, Дмитрий Обарин, ваши аплодисменты!

Мишка на пару мгновений отвлёкся от дороги. Политики на экране холодно переглядывались. У лощёного Митрофанова выходило просто отлично, Обарин ещё недостаточно вжился в новую роль. Ведущий выстреливал слова, как из пулемёта, изредка прерываясь, чтобы послушать комментариев. Зрителей — или тех, кто сочинял вопросы от их имени — волновало одно и то же: упадок отечественного производителя, повсеместное подорожание всего подряд, качество медицины и визовые препоны. Каждые четыре года так.

— Вы видели цены в «Монтгомери»? — назойливо вопрошал ведущий. — Разве может простой маг позволить себе приобрести там хотя бы защитную цепочку?

— Цены впечатляют, это правда, — лениво согласился Митрофанов. — Мы уже подготовили целый комплекс глубоких экономических реформ, который выведет отечественные рынки из состояния депрессии. По нашим прогнозам, тренд должен стать положительным к концу текущего года, а в течение трёх лет — превзойти показатели Германии, Франции и Великобритании...

— Вы запланировали экономическое чудо? — жадно спросил ведущий. — Неужели наши финансисты освоили особую денежную магию?

Вежливый смех в студии. Массовка позволяет себе ровно то, что прописано по сценарию.

— Я не стану сейчас раскрывать деталей, — уклончиво ответил Митрофанов. — Наши коллеги много лет кропотливо прорабатывали эти планы. Мы почти готовы начать их реализацию. Поверьте, к началу весны вас не будут беспокоить ценники в «Монтгомери»... Вам, вообще говоря, не понадобится никакой «Монтгомери» — в «Московском цехе» будет больше и лучше.

Аплодисменты и одобрительные выкрики. Митрофанов тонко улыбнулся; ему все эти теледебаты — едва ли не ежедневная рутина. Но и Обарин, оказывается, не зря носился по минусовским ток-шоу: переждав овацию, он уперся кулаками в подлокотники кресла и отлично поставленным голосом проревел:

— Позвольте-ка вопрос!

Сзади сердито загудел клаксон, сгоняя Мишку со светофора. Старов сквозь зубы себя отругал: за дорогой следить надо, а не на публичные рожи любоваться! Всё равно смотреть там не на что — слушать надо...

— Вот вы опять золотые горы обещаете, — грохотал Обарин. Мишка в экран не заглядывал, но готов был поклясться, что политик картинно стучит мясистым кулаком по мягкому подлокотнику. — Это мы каждый раз слышим. А программа, программа-то где? За чей счёт банкет? Из чего вы своё экономическое чудо лепить собрались?

— Это пока конфиденциальная информация, — снисходительно уронил Митрофанов. — Мы не занимаемся дешёвым популизмом. Кстати говоря, расскажите-ка о ваших нашумевших лозунгах. Как вы собираетесь претворять их в жизнь?

Бывалый политикан ел соперника без соли и перца. Даже неискушённый Мишка оценил обороты речи; у простоватого Обарина нет против этого крокодила ни единого шанса. Беднягу, небось, до выборов-то допустили, только чтоб список кандидатов разбавить. Ну, и дебаты позрелищнее сделать, не без этого...

— А у меня всё прописано, как я собираюсь претворять, — с крикливым достоинством возразил Обарин.

— Вы о безоговорочной отмене статей три и семь? — прохладно поинтересовался Митрофанов. — Поосторожнее, Дмитрий Олегович. Это пахнет нарушением присяги. Вы ведь не хотите поплатиться жизнью за предвыборные обещания?

Всеобщий взбудораженный вздох. Это, интересно, было в сценарии?

— Во-первых, никто не собирается безоговорочно отменять статьи, — загромыхал динамик голосом Обарина. — Речь о постепенном их пересмотре. Хватит уже огульно всё запрещать! Давайте двигаться к прогрессу, продуктивно сотрудничать с населением вне сообщества, науку выводить на достойный уровень! Что ж мы до сих пор, как в Средние века: чему наставник научил, то всю жизнь и умеем? А если наставник сам бестолковый? А если научить научит, а воспитать забудет? Ну как тут развиваться-то?

Одобрительный гул. Оказывается, Обарин с его простоватым говорком ближе аудитории, чем его искушённый в интеллигентном злословии противник. Мишка поймал себя на мысли, что, хоть для вялотекущей управской политики эта риторика и кажется свежей, подобные тезисы он уже слышал, и не раз.

— Пожалейте минусов, Дмитрий Олегович, — лениво протянул Митрофанов. — Они способны погибнуть от разрыва сердца при виде какой-нибудь шишиги, а вы собираетесь им показать всё наше сообщество, от магов первой категории до паразитов... Да ещё и допустить всех подряд к любым, без исключения, знаниям. Вы ведь имеете представление, например, о высокоуровневой боевой магии? Существуют чары, не уступающие по разрушительной мощи ядерному оружию. Сколько ходячих боеголовки вы хотите выпустить на улицы российских городов?

— Нисколько, — гаркнул Обарин. — Вы бы почитали нашу программу, Сергей Леонидович, в самом-то деле! Мы предлагаем целый комплекс мер по централизованному ответственному воспитанию и обучению новых членов сообщества, — последнюю фразу он произнёс торжественно, с нажимом на каждое слово. — Гибкую систему общегражданских, служебных и судебных клятв, которые учитывают обстоятельства каждого отдельного случая. Механизмы раннего выявления способностей. Сколько самородков так и проживают всю жизнь, не раскрыв своего дара! Сколько встают по недоразумению на скользкий путь! Давайте уже выведем их из тени, давайте выйдем из тени сами!

Его зычный голос утонул в овациях. Митрофанов и его сторонники, пожалуй, обрели серьёзного соперника. Пускай даже слегка косноязычного, но однозначно симпатичного избирателю. Мишка вырулил на шоссе и прибавил газу. Свешникова занималась политикой; любопытно, кто-то из нынешнего Магсовета её помнит? Какие идеи она исповедовала?

— Bravo, Дмитрий Олегович, очень убедительно! — восторженно взвизгнул ведущий, примолкший было на время спора. — Я теперь понимаю, за что люди стояли перед Управой...

В студии по-осиному сердито загудели. Разгон митинга оказался крайне непопулярной мерой; сообщество до сих пор не закончило возмущаться. Несмотря на то, что приказ отдал кто-то из начальников безопасности, вину негласно и при этом единодушно возложили на действующий Магсовет. Состоявший в нём же Обарин как-то умудрился при этом оказаться оскорблённой стороной и, похоже, успешно оседлал волну народного негодования. Случайно ли?

— Дмитрий Олегович, — в голосе Митрофанова вибрировал тщательно сдерживаемый гнев. Понял, похоже, что этот раунд он однозначно проиграл. — Вы ведь отдаёте себе отчёт в том, что человек, снабдивший вас этими идеями, — государственный преступник?

Аудитория охнула, и Мишка едва к ней не присоединился. Блефует или... не блефует? Если нет, то... то шефу полезно будет посмотреть этот ролик. Чёрт, да это вообще всё меняет! Может, безопасность вскинулась вовсе не из-за третьей статьи? Прикрылись ею, как поводом, а причина-то — вот она...

— А как это относится к самим идеям? — невозмутимо спросил Обарин. Массовка озадаченно притихла. Неглуп мужик, леший его подери, хоть и косит под дурачка! — Вы, может, скажете, что у нас нет проблем с обучением молодых поколений? Или что наша наука не связана по рукам и ногам? Я уж скорее поверю в экономический прорыв из-за развития магического знания, а не в туманные планы, которые неизвестно ещё, существуют ли вообще!

Старов оценил. Оценила и аудитория. По объявленным в конце результатам зрительского голосования выходило, что Обарин победил с отрывом: его поддержали добрые две трети зала. Это, конечно, мало что значит; дебаты — ещё не выборы, да и до сентября пока далеко... В отделе обсуждать политику не возбраняется, но шеф не любит влезать во властные интриги. Контроль при нём всегда был подчёркнуто нейтрален; бесстрастная шестерня в государственной машине, очень важная шестерня, очень мощная, очень маленькая. Верховский вряд ли будет рад, если Мишкины догадки оправдаются. Небрежно бросить на весы репутацию, свою и отдельскую, ради чего-то, что кажется безусловно правильным — вполне в духе Зарецкого. Либо всё каким-то непостижимым образом обернётся в его пользу, и тогда развесистые газетные дифирамбы достанутся доблестному магконтролю, либо, что гораздо вероятнее, всё рухнет в тартарары, и первым — шеф. Вернее, вторым, сразу после мятежного подчинённого...

Взвинченный и деятельно-рассеянный, Мишка кое-как припарковал машину у двухэтажной библиотеки и понял, что на вдумчивый разговор не настроен совершенно. А надо — не зря ведь столько ехал! Солнце уже поднялось высоко и всюду припекало; Старов пристроил под лобовым стеклом светоотражающую шторку, чтобы не нагрелась в салоне чёрная искусственная кожа. Ладно уж, это не должно быть сложно. Чужие близкие отношения, друзья, привязанности... Старушки-сплетницы обычно не прочь о подобном порассказать.

Из двух засевших в царстве тишины и книжной пыли библиотекарьш Лялину Мишка определил безошибочно: второй, улыбчивой и румяной, никак не могло быть больше двадцати пяти. Шеф не зря назвал Надежду Андреевну дамой: она полностью соответствовала представлениям Старова о благообразной пожилой интеллигентке. Обозначить её словом «женщина» казалось грубым, а «бабушка» — чересчур нежным. Соблюдая регламенты пополам с седьмой статьёй, Мишка вежливо поздоровался, удостоверился, что не обознался, и показал Лялиной корочку — так, чтобы не видела её коллега. На сухощавом лице отразилось любопытство, озабоченное и озадаченное.

— Леночка, я отойду на часик, — изрекла дама низким резковатым голосом и взбудораженно поправила очки на длинной золотой цепочке. Молоденькая библиотекарьша воззрилась на неё, а заодно и на визитёра с простецким жадным интересом.

Стены в тесной каморке, служившей здесь комнатой отдыха, кухней и раздевалкой одновременно, недалеко ушли от хлипких гипсокартонных перегородок. Мишка с трудом затолкал куда подальше жгучее желание натянуть здесь чары тишины; Лялина сразу заметит и почует неладное, а он подчёркнуто просил её о необременительной беседе. Старов был уверен, что ему предложат чай, и ему предложили — пыльно-чёрный, претендующий на изысканное происхождение и страшно вонючий. Наслушавшийся рассказов Некрасова контролёр улучил мгновение и сунул под язык таблетку нейтрализатора. Надежда Андреевна, конечно, маг, но кто ей мешает прикупить в аптеке бутылочку какой-нибудь дряни и держать ради таких вот случаев?

— Я бы хотел вас расспросить о вашей двоюродной сестре, — осторожно начал Мишка, украдкой запустив запись на телефоне. Шефу наверняка будет интересно послушать.

— О которой? — насторожилась Лялина. В её длинном сморщенном лице что-то неуловимо напоминало о фотографии в досье Свешниковой; семейное сходство, надо думать.

— О Лидии Николаевне.

— Вот как, — Лялина поджала губы и небрежно-изящно взмахнула украшенной золотыми браслетами рукой. — Органы заинтересовались... Вы что, добрались наконец до её невинных шалостей?

— Что вы имеете в виду?

— Ох, ну будет вам, — Надежда Андреевна подтолкнула к собеседнику вазочку с печеньем; курабье уставилось на Мишку глянцевыми красными глазками. — Хотя, наверное, вы слишком молоды и не застали всех этих выходок... Кузина обожала шокировать общество, — с удовольствием пояснила Лялина в ответ на озадаченный Мишкин взгляд. — То разгромные статьи в адрес Магсовета, то какие-то сумасшедшие законопроекты, то эта её благотворительность... Я слышала, паренёк-профан, которого она пригрела двадцать с лишним лет назад, теперь сидит где-то очень, очень высоко.

— Это вы о ком? — жадно уточнил Старов. Кто-то высокопоставленный, водивший двадцать лет тому назад дружбу со Свешниковой — первый кандидат на проверку.

Лялина раздражённо звякнула ложечкой.

— Сейчас не знаю, как его зовут. Тогда это существо, — она брезгливо поморщилась, — откликалось на кличку Ноготь. Вы ведь наверняка знаете подобную публику: отбросы общества, мелкая преступная шваль... Не знаю, что Лида сотворила, чтобы сделать из него человека.

— Вы не одобряете этой... благотворительности? — напрямик спросил Мишка.

— Ещё бы я её одобряла! — возмущённо фыркнула собеседница. — Работа на публику, ничего более! Лиде дорог был её образ, эдакая храбрая бунтарка, вершительница справедливости... Подбирать на помойке юных моральных уродов — это да, это шло к её медийному лицу. Помочь собственной семье — уже какая-то мелочность, фи.

А дама явно обижена не на шутку. Интересно, за сколько лет до смерти Свешниковой сёстры прекратили общение? Может быть, сведения Лялиной не просто устарели — порядком протухли...

— Этот... Ноготь, — Старов для порядка отхлебнул терпкого чая; на языке остался странный привкус — что-то между землёй и плесенью. — Он был единственный?

— Единственный облагодетельствованный? — едко переспросила дама и ехидно прибавила: — Или единственный любовник? Полагаю, оба раза — нет.

— Вы знаете кого-то из... этих людей? — деликатно сформулировал Мишка. Не то чтоб ему хотелось копаться в чужом грязном белье, но кому доверяешь больше, чем человеку, с которым просыпаешься по утрам?

— И знать не хочу, — отрезала Лялина. Старов живо представил себе сцену: кругая нравом Свешникова

выгоняет за порог явившуюся просить помощи кузину, на заднем плане крутится будущая важная управская шишка. Примерно тут сёстры и расплевались — двадцать лет тому назад. — Хотя, без сомнения, это сейчас крайне полезные знакомства. Думаю, те же люди потом и покрывали её возню со всякой запрещённой...

— Какого рода запрещённой?

— Лида собирала артефакты, — Надежда Андреевна болезненно поморщилась. Должно быть, не коллекционные экземпляры уходили деньги, которые она по какой-то причине считала своими. — Не этот безобидный ширпотреб, которым торгует «Геката», о нет. Я точно знаю, что за владение некоторыми её побрякушками можно загреметь на пожизненное, а то и пойти под казнь. Лиде всё прощали. Как же, всеми любимая мадам Свешникова...

Час от часу не легче. Имеет ли смысл рыться в документах на артефакты? Запрещённые амулеты вполне могли проходить мимо бумаг... Примерно как научно-практические интересы их владелицы.

— А как она их получала? — подумав, спросил Мишка. Подельник в нечистых делишках — хуже, чем любимый человек, но чем чёрт не шутит?

— Через какие-то сложные схемы, — Лялина передёрнула узкими плечами под цветастой шалью. — Из-за границы, из музейных запасников, частных коллекций... Покупала у таких же одержимых, выменивала, тратила чудовищные суммы. Не спрашивайте, зачем. Это какое-то психическое отклонение. Я думаю, дельцов вы уже не накроете, Лида очень тщательно заметала следы.

И здесь тупик. Мишка накрепко извилины, проматывая в голове разговор. Друзья, любовники, полуправильные продавцы артефактов — всё мимо. Тогда, может быть, семья?

— У вас есть ещё сёстры, правда? — спросил он, нащупывая очередную тонкую ниточку. Лялина уточняла, о ком именно он хотел её расспросить; стало быть, выбор был.

— Сейчас уже нет, — Надежда Андреевна снова поджала губы. Это могло означать как горечь, так и обиду.

— Но были?

— Была. Нина. Нина Николаевна, — Лялина мелко вздохнула; кажется, по этой родственнице она горевала вполне искренне. — Моя кузина, Лидина сестра. Николай Иванович не особо её любил, она же не уродилась таким блестящим магическим дарованием... У неё вообще не было никакого дара. Просто вышла замуж, просто тихо жила с семьёй. Уехала из Москвы к мужу, куда-то под Архангельск... Лида не утруждалась помочь им деньгами или связями, но Ниночка и не нуждалась в подачках. Я думаю, она прекрасно понимала, что её сестричка вообще не способна на человеческие чувства.

— Вы, наверное, ошибаетесь, — мягко предположил Мишка. — Видите ли, я работаю вместе с племянником Лидии Николаевны, и...

— Окститесь! — и без того длинное лицо вытянулось в суеверном ужасе. — Васенька, царство ему небесное, погиб в пожаре. Они все там погибли: Нина, Влад, Людочка, Маринка...

Она как-то странно всхлипнула, будто подавилась сыплющимися с языка словами, и смолкла. Шумно глотнула чаю. Выдохнула, словно вместо пахнувшей плесенью бурды там был налит коньяк.

— Простите, пожалуйста. Это слишком личное, — произнесла Лялина деревянным голосом. — Вы, скорее всего, столкнулись с очередным Лидиным выкорышом. К ведьме не ходи — у вашего коллеги тёмное прошлое и высочайшее мнение о патронессе, — она нервно укусила посыпавшееся крошками печенье и сумрачно свела подкрашенные брови. — Выдавать этих оборвышей за собственную родню... Отвратительно. Мы всё-таки, знаете ли, довольно старая магическая династия...

Мишка остановил запись за пару минут до окончания разговора: старая желчная тётка ничего не сказала больше, кроме нескольких едких гадостей в адрес покойной кузины. Даже хорошо, что до Управы несколько часов дороги. Будет время помозговать перед тем, как идти к шефу.

Стрелочка на приборной панели тревожно сигнализировала о почти пустом баке. Мишка поискал на карте ближайшую заправку, завёл мотор и на секунду устало прикрыл глаза. За бесконечный сегодняшний день он так никуда и не продвинулся.

LV. Недомолвки

Лесок близ Березны был совсем не страшный — а может, Ира просто отвыкла бояться тёмных чащ. По пути из Вихоры доводилось забираться и поглубже, то прячась от вооружённых всадников, то срезая прихотливые извивы дороги. Здесь не водилось обширных ягодников, зато в изобилии попадались лисички и вольготно росла кислица; Ира уже научилась отличать её от других трав. Сквозь просветы между древесными стволами виднелся вдали мощный деревенский частокол.

— Гляди-кось, — Цветана склонилась к неприметным желтоватым метёлочкам, тянувшимся к свету посреди крохотной полянки. — Слезовица! Возьму, на зиму засушу, сгодится супротив лихорадки...

Она опустила на колени, прошептала скороговоркой несколько молитвенных слов и принялась бережно срезать пушистые стебельки. Лёгким нравом и жизнелюбием девчонка напоминала Олю; позавчера отец, староста Березны,чихвостил её перед всей деревней и в наказание запер в чулане, а уже на следующее утро Цветана, как ни в чём не бывало, лезла знакомиться с чужеземной гостьей. С ней, несмотря на добрых семь лет разницы в возрасте, было удобно: непосредственная и говорливая девушка ни в чём Иру не подозревала, не намеревалась сдать каким-нибудь людоедам и не мучила расспросами, хоть порой и позволяла себе лишку. По правде говоря, Цветана принимала гостью за ровесницу; очевидно, взрослеют и старятся здесь скорее, чем по другую сторону границы.

— Бабке Забавке тоже отнесу, — деловито сообщила девушка, укладывая в плетёную корзинку солидный пучок поникшей травы. — Она, вишь, от грудной хвори зелье варить умеет.

— Она ведьма? — без задней мысли поинтересовалась Ира, просто чтобы поддержать разговор.

Цветана сделала страшные глаза и шикнула на неё:

— Что ж ты говоришь! Знахарка она!

Ира прикусила язык. Могла бы уже понять, что ведьм тут не очень любят; в конце концов, за что её саму сперва швырнули в вонючий сарай, а потом повезли в город, на казнь? Цветана огляделась по сторонам, без нужды отряхнула расшитый алыми узорами передник и спросила:

— А ты точно не храмовая? Знака не носишь, слова священного не говорила?

— Точно, — сдержав вздох, кивнула Ира. Единственное на ней, что можно назвать знаком, — сигнальный амулет, а священное слово ей вернули. — Не собираюсь ничего такого делать.

— Тогда слушай, — девчонка подобралась поближе, дотянулась до Ириноного уха и проникновенно прошептала: — Я-то сама ведьма! Только не говори никому-никому, не то батюшка заругает.

— А что в этом плохого? — осторожно спросила Ира. — У нас... Там, откуда я родом... Там ведьм много, никто их не боится.

— Да и у нас много в самом-то деле, — доверительно сообщила Цветана, хитро улыбаясь. — Только все прячутся, потому как храмовники говорят, будто ведьмы злые. А бабка моя не была злая, она хвори лечила людские и коровьи, и знаки читать умела, и судьбу наперёд знала...

Она сделала несколько целеустремлённых шагов, тронула низко висящую ветку рябины и прибавила не без гордости:

— Дядька Влас-то глупый. Думает, я Премудрого по дурусти звала, а я по умыслу! Бабка говорила, он нас бережёт; так оно и есть, чем хошь клянусь! Его потому храмовые и боятся...

Ира не без труда поняла, что речь об очередном местном боге. Их здесь хватало; все разные, у каждого — своя зона ответственности, сложный характер и непривычное уху имя. Впрочем, лишний раз звать покровителей по именам сельчане избегали.

— Храмовые боятся бога? — переспросила Ира. — Почему?

— Так повелось, — важно произнесла Цветана. Её юное личико приобрело торжественное выражение. — Бабка говорила, до великой войны его пуще других почитали, потому как он в зиму луну стережёт, в самую тьму и холод. И ведьм тогда не боялись, и неживых тоже, и были ещё чародеи, и посильнее кто... А теперь храмовые всем твердят, что первая луна зимой — ничейная и что ведьмы только зла хотят. У вас не так?

— Не так, — Ира покачала головой и отвела от лица свесившийся с ветки широкий кленовый лист.

Значит, минусы когда-то в открытую уживались здесь с разномастным одарённым народом, а потом что-то сломалось. Какая же это война истребила тут магов, а колдунов загнала в глубокое подполье? А в родном мире что такого стряслось, что сообщество во главе с Управой до сих пор прячется по тёмным углам?

— Славно вам, сталбыть, — завистливо вздохнула Цветана. — А нас, вишь, только храмовые соколы от неживых и спасают... Да ещё вот вольные, как вы.

Ира промолчала. В этом мире слишком много непонятного. Кое-что она могла ещё выспросить, прикрываясь своим мнимым заморским происхождением, но только у женщин — заговаривать первой с мужчинами, равно как и проявлять непокорность, здесь считалось недопустимым. Расспрашивать без опаски можно было разве что

Зарецкого, но тот за прошедшие дни едва перебрался с ней парой слов. Занят был налаживанием контакта с местными и держал конспирацию; хотелось в это верить.

— Почему ты мне всё рассказала? — невесело спросила Ира. Она успела уже привыкнуть, что разнокалиберные тайны от неё скорее прячут, чем выкладывают вот так вот запросто.

— Да вы такие же, как мы, — пожалала плечами Цветана. — Не зря ж вас Премудрый тогда привёл! А храмовые что вас не любят, что нас. Они и вовсе никого не любят.

Здесь никто никого не любит. Себе дороже. Ира поправила на локте тяжёлую корзинку и расправила одолжённое у Цветаны платье; старостина дочь была миниатюрнее, белый лён туго тянул на плечах и в груди. Штаны и рубашка для тихой охоты подошли бы куда как лучше, но лучше уж пугаться в подоле, перешагивая коряги, чем спорить с местными нравами.

Когда древесные кроны перестали заслонять небо, солнце уже миновало зенит. Цветана нервно выдохнула и сотворила обережный знак; встреча с полудницей не прошла для неё бесследно. Вытоптанная в лугах тропка, плавно огибая холмы, бежала к подножию частокола; напитавшаяся жарой дорожная пыль ощутимо грела даже сквозь подошвы кожаных башмаков. Цветана весело о чём-то щебетала; Ира честно вслушивалась, но понимала едва ли половину из её историй. Корзина мешала и немилосердно давила на руку. Вообще говоря, никто не принуждал Иру трудиться на благо хозяйской семьи, но, во-первых, она чувствовала себя обязанной приютившим её людям, а во-вторых — наедине с Цветаной было проще, чем среди любопытных деревенских жителей. Правда, общительная подружка всё норовила познакомить важную гостью со своей многолюдной компанией; Ира вчера видела в окно, как хозяйская дочь спешит к пёстрой гурьбе сверстников и уходит с ними куда-то за частокол. Мысль о том, чтобы строить из себя фальшивую иноземку перед столькими людьми сразу, внушала ужас.

Из-за ближайшего холма показались всадники в багряном. Ира испуганно замерла, потом, опомнившись, заставила себя шагать дальше; сомнение продлилось не дольше мгновения. Это мыслительное упражнение они с Зарецким уже проходили три-четыре дня назад. Воины просто куда-то едут, они не знают, кто перед ними, не ожидают увидеть здесь беглянку из чужого мира. А если вдруг знают... Ира осторожно потянулась к воротнику, будто бы ослабляя слишком туго завязанные тесёмки.

— Князьки люди, — заметила Цветана, поудобнее перехватив корзинку. — Сталбыть, скоренько сам князь приедет. Надобно батюшке сказать...

Она остановилась в нескольких шагах от перекрёстка, почтительно склонив голову; Ира последовала её примеру. Конские копыта глухо топтали пыль. Двое всадников, предвестники прибытия князя, никуда не торопятся; должно быть, разведывают дорогу. Ничего страшного в этом нет...

— Доброй дороги, девоньки, — весело сказали над головой. Стук копыт смолк; сердито фыркнул конь. Ира не решалась поднять взгляд.

— Боги в помощь, добрые люди, — бойко отозвалась Цветана. Она, кажется, ничуть их не боится. Надо поднять голову, попробовать повторить её слова, интонации, говорок... К чему сейчас излишние расспросы?

— До Лисавы далече? — смеясь, спросил рыжеусый всадник. В его глазах нет ни угрозы, ни настороженности; он не охотится за ведьмами, никого не ищет. Поднявший было голову страх отступил без боя; странно и так легко...

— Да уж день пути будет, — Цветана указала куда-то между холмов. На запад. — Может, и меньше, ежели конь добрый.

— Наши-то добрые, не бойсь, — усмехнулся в усы второй, помоложе, с длинной и блестящей чёрной косой. — Хочешь — прокачу? Скажешь тогда, день ли, меньше ли...

Цветана хихикнула.

— И пошла бы, да батюшка не велит. До Вельгоровой-то ночки не след...

— Сами откуда будете? — спросил рыжий, одобрительно разглядывая Иру. Видимо, по его логике, раз напарник заметил Цветану, её спутница должна достаться ему.

— С Березны, — лучезарно улыбаясь, сообщила Цветана и, как гром среди ясного неба, прибавила: — А на неё не смотрите, она чужеземка! При господине странствует.

— Вон как, — со значением проговорил рыжеусый и выразительно воззрился на Ирины руки. — Ну, сталбыть, бывайте.

Он первым тронул коня; чернокопый послал напоследок Цветане лукавую улыбку и последовал за старшим. Всадники уехали, а смутное чувство гадливости осталось — не понять, от чего.

— Зачем ты им сказала? — укоризненно спросила Ира. Принято здесь брать на заметку иностранцев? До виз, само собой, додуматься ещё не успели, но вдруг тут какая-нибудь война, или цветёт пышным цветом ксенофобия, или другая напасть...

— А что ж, не след было? — всполошилась Цветана и тоже покосилась на Ирино запястье. — Я ж как лучше, чтоб рот на тебя не разевали... Ить сокол твой осерчает, нет разве?

— С чего... — недоумённо начала Ира и сообразила, что именно пришло в голову её спутнице. Знала бы Цветана, насколько смехотворны её предположения! — Да мы же не... Короче, ему всё равно. Не надо было им ничего говорить.

— Ох, прости мне! — Цветана расстроено изломила светлые брови. — А я-то думаю, чего ты тесёмку не носишь... — она на миг задумалась и повеселела: — Тогда пойдёшь с нами у огня плясать! В Вельгорову ночку все пляшут, у кого дружка нету. У вас не так?

— Не так, — буркнула Ира. Зачем она вообще этот разговор завела... Вечно попадает впросак из-за какой-нибудь ерунды!

Набранные в лесу лисички пустили в дело сегодня же, к ужину. Староста Младан жил получше, чем прочие деревенские; его жена в полевых работах не участвовала, а дочери только по очереди носили братьям обед и по настроению помогали с жатвой. На семью работали несколько батраков, в том числе помощница по дому, но в кухню хозяйка чужих не допускала. За исключением Иры. Началось это как очередной конфуз: гостя, не знаяшая заведённых здесь порядков и жаждавшая как-нибудь отплатить за кров и хлеб, полезла помогать с готовкой, а хозяйка из уважения не посмела её прогнать. Потом Младан похвалил сделанные по бабушкиной науке пирожки, и светлокосая Ждана теперь охотно принимала Ирину помощь. Приятно было в кои-то веки не чувствовать себя бесполезным балластом.

Сперва вернулись с поля Цветанины братья — трое рослых светловолосых парней, похожие друг на друга, как горошины из одного стручка. Старшему, женатому, молодая супруга поднесла льняное полотенце — смахнуть пот и вытереть с рук пыль и грязь. Двое других, перешучиваясь, дожидались не слишком расторопных сестёр. Эти вечерние встречи слишком смахивали на ритуал, и Ира не стремилась в них участвовать. Может быть, от неё ожидали чего-то подобного в отношении Зарецкого; тот не счёл нужным давать пояснения относительно местных обычаев. Легенда с бестолковой иностранкой была для него более чем удобна. Обозначая уважение к хозяевам, Ира поднялась с завалинки, на которой отдыхала после кухонных трудов.

— Батюшка! — Цветана, первой заметившая отца, подхватила вышитый рушник и со всех ног припустила к калитке, едва не сбив с ног попавшегося по пути работника. Следом помчалась младшая её сестра, Милица. — Батюшка, к нам князь едет!

— Нешто правда? — Младан прищёлкнул языком, взял у дочери полотенце и прижал к взмокшему на жаре лбу. Вернул тряпицу Цветане, обернулся через плечо: — Слышал, Яр? Никак не наестся, морда медвежья... То зерна дай, то пеньки, то десять душ на войну...

— Может, не за данью, — предположил Зарецкий. Он вовсе не выглядел уставшим; необходимость сутками не спать отодвинулась на неделю, вместо мелких речушек и твёрдой земли к услугам гостей была баня и мягкие перины, а постоянное притворство, кажется, нисколько его не утомляло. — Времена нынче беспокойные.

— Да хоть какие, — сварливо отозвался староста. — Явился — сталбыть, потребует, чтоб ему пусто было. Говорит, мол, пора бы Агирланов и скинуть, а сам ить только и делает, что к ним в Саборан на поклон ездит. Так в нынешнее лето совсем с цепи сорвался...

Ярослав дипломатично промолчал. С Ирой он едва встретился взглядом; тихо счастлив, что на время сбыл с рук надоедливую и беспомощную обузу. Деревенские сразу нашли для него сотню дел, куда как более привычных: приструнить зарвавшегося домового, проверить ближние леса на предмет опасной нежити, подежурить в полдень в полях... Вышитая строгим ярко-синим узором рубаха как-то причудливо ему шла; если не знать, что он всего лишь виртуозно разыгрывает из себя местного — в жизни не догадаешься.

Без отца семейства за стол не садились. Сперва короткое хвалебное славословие всем богам сразу, затем — снятие пробы со всех кушаний хозяйской ложкой; первыми едят мужчины, потом дозволяется женщинам, в порядке старшинства. Не так уж сложно запомнить. Ире по праву почётной гостии дозволялось запустить ложку в горшок сразу после хозяйки дома; к тому времени там оставалось ещё немало. В семьях победнее наверняка не так.

— Так я чего хотел-то, — крикнув, сказал Младан, словно продолжая прерванный разговор. — Про коров про тех. Мы с мужиками так думаем: колдунья гадит. Та, что в Волчьем лесу засела. Вишь, затеяла — Семаре служить, тьфу, тьфу...

— Проверю, — таким же тоном Зарецкий отвечал начальнику, излагавшему срочные поручения. — Покажешь, где последнюю нашли?

— Да вот хоть сейчас, как поедем, — заметно приободрившись, пообещал староста и кивнул старшему сыну: — Сведи, Лад.

— Если нежить, то сам справлюсь, — осторожно сказал Ярослав, задумчиво глядя на собеседника. — А если человек...

— Так мы ж с тобой пойдём, — с готовностью подхватил Младан. — Мы ить тоже не заячьи души, сами б давно сходили, когда б знали наверняка. Не дело оно — божьих людей без вины виноватить... Одно только — после Вельгоровой ночи. До того не след.

— Как ты скажешь, — Зарецкий смиренно склонил голову. Прятал недовольство. Ира заметила уже, что ему не по душе суеверность здешних обитателей, но вступать с ними в полемику на этот счёт он остерегался.

В тесноватой, но уютной каморке под самой крышей, которую выделили персонально Ире, стоял колоссальных размеров сундук, служивший, как здесь водится, и шкафом, и постелью, и изысканной декорацией, а ещё рядом, на грубо сработанном столе — витой металлический светец с зажатою в нём лучиной, кресало и кремень, пустая плошка и кувшин с водой. Крохотное окошко можно было прикрыть задвижкой, но, несмотря на ночную прохладу, Ира предпочитала держать его свободным от преград. Просто так, на всякий случай.

С наступлением темноты суетливая жизнь в Березне затихала, пряталась за бревенчатыми стенами домов, чтобы вновь очнуться с первыми лучами солнца. Ира выпуталась из складок платья, оставшись в нижней рубашке; задула теплившийся на кончике лучины огонёк, забралась под пахнущее полыньё одеяло. Здесь даже по-своему уютно, если приноровиться к отсутствию водопровода. Такой своеобразный аутентичный курорт для жаждущих единения с природой. Поутих даже ставший привычным страх. У Георгия Ивановича, кто бы он ни был на самом деле, то ли не нашлось времени на беглянку, то ли кончились возможности до неё дотянуться. В «водяном зеркале» отражалась рутинная жизнь; бабушка трудилась на кухне и в саду, мама, с которой Ира так и не помирилась, спорила с папой или смотрела телевизор, Олька, каким-то образом оказавшаяся в Москве, ездила на метро и гуляла по улицам и паркам. Все целы и невредимы. Даже как будто не слишком огорчены её, Иры, отсутствием. Вроде бы и хорошо, но всё равно как-то по-детски обидно...

...Она бежала по лабиринту тёмных московских улиц. Макс как-то говорил, что знает центр как свои пять пальцев, но его рядом не было. Нарядный, сияющий плеядами цветных огней, совершенно пустой переулок сменился тускло освещённым тесным лазом между домами — тоже безлюдным. Вот здесь, за угловым зданием, увенчанным башенкой с колоннами, должен быть бульвар и спуск в метро — но на деле широкая улица монотонно стелется вперёд, словно сотню раз безыскусно откопированная с себя самой. Тонуший в тумане памятник непонятно кому, перегороженная сетчатым забором площадушка, разноцветные и разностильные особняки... Можно сколько угодно вопить и звать на помощь — отзовётся только ледяной пронизывающий ветер.

Тянущая боль в груди вырвала её из кошмара. Ира почти скатилась с сундука, прижимая ладонь к бешено колотящемуся сердцу. Не без труда откинула крышку сундука, волевым усилием заставила себя сосредоточиться на его содержимом. «Это проходит, но не быстро...» Она обещала рассказать, когда ей приснится плохой сон. Снова приснится. Почему бы и не рассказать, если взамен она получит живительное прикосновение и право на короткий разговор?.. За окном непроглядная темень; весь дом безмятежно спит, и Ярослав тоже наверняка отдыхает от нескончаемых трудов. Ладно, дурной сон подождёт до утра... Пытаясь унять головокружение, Ира высунулась по пояс в крохотное оконце; воздух вкусно пах свежестью, но от взгляда вниз, в те два-три метра мрака, что отделяли её от земли, начинало мутить. Сна ни в одном глазу; зудит дурацкая потребность куда-нибудь идти и что-нибудь делать, и надоедливая, хоть и ставшая привычной боль никуда не девается. В сундуке полно всякого тряпья, даже на вид ненужного; есть там и одежки, щедро отданные Цветаной. Свежая ткань грубовато льнёт к коже, чуть царапает плечи выпуклой вышивкой и пахнет травами; приятные, насквозь жизненные ощущения...

Внизу царила темнота. Ира потянула на себя наглухо закрытую дверь в большую комнату, служившую для обедов и отделённую от входа в дом тесными сенями, и зажмурилась от неожиданного света. Не яркого, нет; большие лучины по углам давно потушены, горит лишь одна — в маленьком светце посреди пустого стола. У огня — двое, разговор их не громче случайного шороха. Неровный свет пламени очерчивает хмурое старостино лицо. Прости, хозяин, гостье сейчас нужнее...

— Яр, — тихо окликнула Ира, в последний миг нашарив в памяти правильное имя. — Можно... на пару слов? Он обернулся, коротко кивнул ей.

— Извини, Младан, — высокая тень бесшумно поднялась над светцом, заслонив огонёк. — Днём договорим.

— Уж договорим, — усмехнулся староста. Он не тронулся с места; просто смотрел на Иру — по-доброму и даже, кажется, с сочувствием.

Ночная прохлада вновь дохнула в лицо. В очерченной резными столбами крыльца узкой рамке виднелся клочок пустынного двора; зрелище вдруг напомнило о другом доме, и о другом дворе, и о несбыточной надежде — на то, что теперь всё наладится. Не наладилось. Обидно до дурацких, стыдных слёз.

— Кошмар приснился? — тихо спросил Зарецкий, прикрыв за собой дверь. — Только не ври больше, пожалуйста.

Ира понуро дёрнула головой. Обернулась, привалилась спиной к столбику, днём разукрашенному во все цвета радуги, а сейчас бессмысленно-серому. Резные цветы отрезвляюще впились сквозь платье в кожу между лопатками. Она знала, что сейчас будет, и, что уж там, ждала с нетерпением, когда ласковое тепло прогонит поселившийся в жилах липкий холод. Этот сорт целительской магии у всех вызывает привыкание или у неё персональные сложности?

— Давно началось?

Ира кивнула, чувствуя себя проштрафившейся школьницей. Всё равно что признаваться врачу в запущенной болезни, ожидая заслуженного упрёка в легкомыслии. Зарецкий долго молчал; ночь грохотала стрёкотом сверчков, за частоколом что-то тоскливо выло на одной ноте — не то нежить, не то какое-нибудь дикое зверьё. Боль неохотно рассеивалась, обнажая тревогу, над которой волшба была не властна.

— А что именно снится? — осторожно, словно опасаясь, что она не ответит, спросил Ярослав.

— По-разному, — поспешно отозвалась Ира, втайне радуясь, что не получила выволочку. Наверное, у неё слишком несчастный вид. — Коридоры, или лес, или просто улицы... Иногда кто-нибудь зовёт. Как тогда. Я не отвечаю...

— Понятно, — в голосе Зарецкого явственно послышалось облегчение.

— Всё не так плохо?

— Бывает похуже, — он сдержанно усмехнулся и убрал руки от её висков; сквозняк тут же неприятно лизнул разгорячённую кожу. — Мне в своё время снилось, как тень убивает жертву.

Ира сдавленно охнула. Это, должно быть, очень больно, много хуже, чем просто разыгравшаяся мигрень. Зарецкий, кажется, удивился её реакции; не ожидал, что она поймёт?

— Пойдём, сядешь, — он кивнул в сторону застеленной плетёными ковриками завалинки. Дельное предложение. — Попробую утром договориться, чтобы тебе предоставили в распоряжение кухню. Сможешь сама сделать укрепляющее?

— Лучше не надо. Здесь не любят ведьм, — сумрачно отозвалась Ира. — Потерплю как-нибудь... Это всего лишь сны.

Она вытянула ноги и расправила юбку, на которую пустили чересчур много ткани. Ярко-зелёные складки распластались по пыльной земле. Сюда, в укромный уголок, спрятанный за высоким крыльцом, ветер не задувал, но всё равно было зябко.

— Почему, кстати, не любят? — тоскливо спросила Ира. — Не может быть, чтобы здесь все ведьмы поголовно вредили людям.

— Не может, — согласился Ярослав. Он рассеянно смотрел куда-то в звёздное небо. — Видишь ли, в этих краях в какой-то момент радикально сменилась власть. Не очень давно, лет семьдесят как. Местное... так сказать, сообщество слишком ретиво сопротивлялось завоевателям, чтобы избежать репрессий. Наша третья статья — детский лепет по сравнению с тем, что здесь устроили.

— Но что-то же осталось, — пробормотала Ира. — Иначе нежить бы всех тут сожрала...

— Конечно, осталось. Одарённые сами по себе никуда не делись, — Зарецкий говорил тихо, словно опасаясь, что услышит кто-нибудь лишний. — Только теперь всё под строгим контролем духовной власти. Законопослушным дозволяют освоить самые элементарные приёмы, берут импровизированную клятву и отпускают бродить по городам и весям. Это называется «ас-скал» — или «сокол», на местный лад.

— Ага, — Ира сосредоточенно наморщила лоб. Ещё кусочек головоломки встал на место. Другое дело, что кусочек — не больше песчинки, а головоломка размером с целую вселенную. — А всех, кто не захотел, публично казнят на площадях.

— Примерно так.

Он вновь замолчал. Неужели и впрямь чувствует себя виноватым? Кому тут стыдиться, так это ей.

— Ты хорошо держишься, — вдруг сказал Зарецкий, по-прежнему не глядя на неё. — Я думал, будет хуже.

— Это всё тень, — Ира высказала догадку, в которой за прошедшее время утвердилась сама. — Я из-за неё как-то странно всё чувствую. Как будто это не со мной, а с кем-то, а я только со стороны смотрю...

Ярослав не ответил. Плохое, должно быть, оправдание в свете их памятного разговора — если можно назвать это разговором. Ира виновато вздохнула.

— Злишься, да?

Он удивлённо взглянул на неё.

— Злиться непрофессионально.

То есть, наверное, что-то вроде «Да, злюсь, но продолжу с тобой возиться, потому что иначе сработает какая-нибудь страшная клятва». Интересно, когда он их давал, задумывался всерьёз, на что себя обрекает? Никто в здравом уме не клянётся в том, чего не в состоянии исполнить...

— Эта полудница, — Ира нервно облизнула губы. Вопрос подспудно волновал её уже пару дней, только вот задать не было случая. — Она же... ну... не успела... с проклятием?

— Чего там успевать? — спокойно, почти небрежно сказал Зарецкий.

Вялый ветерок вдруг пробрал до костей.

— Что теперь делать? — севшим голосом спросила Ира.

— Что и всегда — жить дальше, — Ярослав пожал плечами, будто речь шла о какой-нибудь ерунде. — Проклятие — это всего лишь вероятностные чары, хоть и весьма вредоносные.

— А снять его можно?

— Есть способы. Но смысла особо нет.

Потому что проклятие криво наложено? Потому что оно не подействует? Или... Этот последний вариант лучше не обдумывать всерьёз. Ира закусила губу. Ей, в общем-то, плевать, что будет с Зарецким. Выбраться бы отсюда, а дальше — всё равно. В конце концов, он не похож на безвинную жертву обстоятельств; вовсе даже наоборот: сколько Ира его знала, он безжалостно гнул обстоятельства под свои нужды, не считаясь ни с чужими желаниями, ни с коварными вероятностями, ни со строгими законами сообщества. Выкрутится как-нибудь и на этот раз. А если и нет — ей какое дело?..

— Я так не думаю, — тихо сказала Ира.

Ей стало неуютно под его пристальным взглядом. Бедные нелегалы, как они вообще после интервью с этим человеком находят в себе силы сдавать аттестационные экзамены? Никакой дар ему не нужен, чтобы собеседник стусевался и побежал на задних лапках исполнять, что велено...

— Там видно будет.

Это было настолько не в духе Зарецкого, что Ира ни на миг не усомнилась в его неискренности. Он, безусловно, знает больше, чем говорит, и наверняка просчитал наперёд развитие событий, даже не один вариант. И ни один из этих вариантов ему не нравится. Можно легко предположить, почему: в худших раскладах Георгий Иванович и его подельники добиваются своего, в лучших дело кончается застенками безопасности. Да что уж там — застенками; за применение без санкции классической-то магии с определённой категории полагается казнь, а тут...

— Постарайся сосредоточиться на хороших эмоциях, — тоном психотерапевта посоветовал Ярослав. Должно быть, мрачные мысли сполна отразились на её лице. — И скажи, какие травы нужны для укрепляющего. Отправлю Тихона собирать...

Далёкий вой в полях рассыпался серией кашляющих всхлипов. Ира понятия не имела, что там за тварь. Она в родном-то мире не протянула бы долго вдали от родительской квартиры, общественного транспорта и круглосуточных супермаркетов. Зарецкий, за какую бы цену ни купил он эту науку, знал, что и как здесь делать. Какая, в конце концов, разница, в клятвах дело или в личных побуждениях? Может, и различий-то никаких нет. Клятву ведь и обойти можно.

— Спасибо, — искренне сказала Ира, без страха заглядывая в глаза Ярославу. Едва ли не впервые за всё время их знакомства.

— Не за что, — он с сожалением качнул головой. — Всё ещё не за что.

Макс был какой-то подавленный. О командировке отчитывался неохотно, в скучных канцелярских терминах; Мишка с трудом выловил в его нудном рассказе информацию, за допуск к которой половина отдела исследований отдала бы пару годовых премий и все авторские отчисления в придачу. Сопоставил даты: сходилось идеально. Должно быть, если бы не случайность с бедной Ирой, у них на руках уже был бы если не весь расклад, то, по крайней мере, твёрдые основания для дальнейших выводов.

— Как-то так, — не по протоколу закончил Макс и неуютно поёрзал на пыточном стуле. — Мезенцев, похоже, подобрался слишком близко к чему-то опасному, запаниковал, побежал к нам и поплатился. Этот... Кузнецов — бандит и воруага, надо объявлять в розыск и брать. Про безопасников сами уже всё знаете.

Шеф задумчиво кивнул.

— Хорошо. Что насчёт связей с «Восходом»? Может, наведаешься туда на днях? С опергруппой на хвосте?

Макс заметно побледнел и энергично мотнул головой.

— Нет. Нет. След в «Восходе» — ложный. Полулегальный кружок по интересам, только и всего.

— Так ты ж говорил... — начал было озадаченный Мишка и тут же схлопотал предупреждающий взгляд от начальника.

— Спасибо, Максим, — шеф откинулся на спинку кресла. Нетронутый кофе на его столе источал терпкий аромат. — Оформи, пожалуйста, авансовый отчёт. Миша, останься.

Некрасов понуро потрусил к двери. Мишке категорически не нравились перемены в его настроении. Что его так потрясло? Длительное соседство с разломом? Исчезновение Зарецкого в неизвестном направлении? Или просто переживает за Иру — она ему вроде бы нравилась... Шеф постучал по столу тяжёлой позолоченной ручкой, привлекая Мишкино внимание.

— Твои выводы?

Старов, мозгуя, наморщил лоб.

— Ну, с Кузнецовым всё ясно. То есть почти всё, — поспешно поправился он, заметив, как Верховский ехидно кривит рот. — Он по-любому как-то связан с... «Цепью», — притащенное Максом словечко Мишке понравилось, вполне подходит к этому делу. — Надо вменить в вину нападение на сотрудников при исполнении, ловить и допрашивать.

— Где его ловить, Миша? — спросил шеф — то ли саркастически, то ли всерьёз.

— Где-то там, под Владимиром, — не слишком уверенно прикинул Мишка. — Ему же надо за каким-то чёртом к разлому... Хотя, может, это ему на спаде активности надо было, а теперь уже нет смысла там отираться.

— А зачем ему туда надо? — с нажимом проговорил Верховский, сверля его взглядом. Шеф явно не был им доволен. — Я вообще удивлён, что ты начал с этого Кузнецова. Основной вывод напрашивается сам собой, не считаешь?

— Вы сказали не сосредотачиваться на разломах, — обиженно буркнул Мишка. — Основной вывод... ну...

— Мезенцев, — шеф говорил негромко, но каждым словом словно бы бил наотмашь, — Кузнецов. Разлом. Спад активности. Сбой в поисковой магии. Исчезновения. Ну же, Миша, у тебя все те же сведения, что и у меня!

— Разлом можно как-то использовать, — брякнул Мишка очевидное, читавшееся между строк в оставленных ему заметках. — На спаде. Кузнецову это и надо было...

— Что ему надо было?

— Пролететь туда, — почти наобум сказал Мишка и по выражению лица шефа понял, что попал в яблочко. Точно, Мезенцев ведь нёс что-то такое... — За разлом. Ох, блин!

— Что тебя взволновало? — ядовито спросил шеф, прокручивая в пальцах ручку.

— Следующий спад через леший знает сколько лет, — упавшим голосом напомнил Старов. — Получается, наша Ира... И Ярослав тоже...

— И Кузнецов, к вящей всеобщей скорби, — Верховский раздражённо закатил глаза. — Миша, напряги извилины. Стал бы Кузнецов так рьяно рваться в неизвестность без гарантии возвращения? А потом так легко бросать свои начинания и драпать куда подальше, лишь бы не поймали?

— У него ещё способы есть, — оторопело проговорил Старов. — Только... может, более трудоёмкие.

— Наконец-то, — шеф нехорошо улыбнулся. — И вот мы подобралась к точке, с которой, судя по всему, начинал твой коллега. Зачем им туда?

— Откуда я знаю, — растерявшись, пробормотал Мишка. — Нежити к нам сюда напустить... Или, может, там ментальные маги стадами бродят, их сюда к нам и тащат в товарных количествах...

— Плохо, Миша, — золочёный «паркер» выбил мелкую дробь по лакированной столешнице. — Ты пытаешься отвечать на вопросы, которые даже не ставил. Давай-ка я тебе помогу. Какая может быть выгода от путешествий на

другую сторону разлома? Кому она на руку? Кто обладает достаточным объёмом знаний? Где их источник?

— В исследованиях Свешниковой, — ляпнул Мишка, просто чтобы что-то сказать.

— Или нет, — рыкнул шеф. — Вот тебе ещё информация к размышлению. Двадцать первого числа из вивария упустили тень. Ту самую, которую приказом надзора велено было не уничтожать.

— Это тут при чём?

— При чём-то, раз я счёл нужным тебе сообщить, — сердито фыркнул Верховский. — Зайдёшь в пять, поделишься результатами осмысления.

Всё, свободен. В глубокой задумчивости Мишка вывалился из логова в кабинет; Андрюха, рыхливший землю в цветочном горшке, сочувственно проводил его взглядом. Макса не было — наверное, ушёл оформлять командировку. Зато была Ксюша, которой Старов перед головомойкой у Верховского обещал с чем-то помочь.

— Поштурмуем? — Тимофеева просочилась к нему за стол с распечатками и пачкой печенья в руках, уселась рядом на складном стуле. — Я тут подсуежилась на выходных, кое-что раскопала...

Вообще-то ему хватало собственных неприступных вершин для мозгового штурма, но обещал — значит, обещал. Стараясь не обращать внимания на ревнивые Костиковы взгляды, Мишка придвинул к себе Ксюшины распечатки. Лучше бы она к Чернову пошла, ей-богу, тот-то в самом деле умный...

— Наследничек прислал, — хмыкнула Оксана, кивнув на копии приходных накладных. — Настырный. Хочет во что бы то ни стало гадов на чистую воду вывести.

На бумагах ярко-розовым маркером выделены были одни и те же позиции — «амулет стандартный, класс воздействия III-A, не подлежит обязательной сертификации». Пробные партии: десять штук, пятнадцать, пять. Всё какие-то индивидуалы, свидетельства о регистрации проверять замучаешься: Лыков, Бугаев, Петраков, Зацепин — ни оком Мишка навскидку ничего не помнил. Класс III-A — мелкие медицинские фитюльки, чар в них не доньшке; серьёзный артефакт за такое не выдашь, любой приёмщик на складе завернёт, едва наведя сканер чар на упаковку. Старов оглянулся на сейф; запертая в нём подвеска и впрямь мощностью не отличалась. Тонкая иголка, безошибочно направленная в сердце. У Татьяны Свириденко диагностировали инфаркт...

— Ты их искала? В реестре индивидуальных предпринимателей? В нашей базе? — наугад спросил Мишка.

— Да, разумеется, — Ксюша подперла щеку кулаком и вздохнула. — Всё чисто, максимум — мелкие налоговые грешки. И не скажешь, что барыжат нелегальщиной...

— Может, и не барыжат, — Старов, только что сам получивший за отсутствие логики в рассуждениях, изо всех сил старался делать корректные выводы. — Может, только один из них... Или вообще ни один, а этот амулет просто подсунули в коробку. На производстве, при перепродаже или в самой «Гекате»...

Ксюша приободрилась.

— Это выяснить как нефиг делать. Коробки все на складе, даже из витрин всё изъяли. Съезжу вечером к Свириденко, проверю... Спасибо за идею!

— Подсунули, — уверенно сказал Мишка. Его только что осенило. — Официальная партия — слишком прямолинейно, её легко отследить. «Геката» же не у кустарей закупается и не у... коллекционеров...

— Я всё равно съезжу, — Ксюша энергично закивала, выбивая длинным ногтем дробь по экрану телефона. Договаривалась о визите, не иначе. — Выясню, кто принимал партию, всё такое... Можешь эту штуку достать, пожалуйста? Покажешь мне, как распознать...

Мишка покорно потянулся к сейфу. Поставил перед собой контейнер, с великой осторожностью снял крышку, сощурился, принуждая себя воспринимать чары в видимом спектре.

— Вот, смотри, сюда вшито, — он взял со стола одну из десятка близнецовых пластиковых ручек, которые терялись быстрее, чем исписывались, и кончиком обвёл крохотный значок на серебряном креплении. — Вот это, по краям — обвязка: усиление, маскировка, повышение точности... Остальное — декор.

Он пригляделся к безликому, почти промышленному узору чар. Простенький, но надёжный; снять грубой силой нелегко, но можно нейтрализовать, если нарушить несколько звеньев или, например, добавить лишнюю линию... Руки зачесались попробовать и посмотреть, что получится, но тогда обезвреженный амулет мигом перестанет быть уликой.

— В общем, если бы в «Гекате» водились маги с четвёркой или выше, нифига бы не сработало у этих гадов, — Мишка вздохнул и поднял взгляд на коллегу. — Тут уже по цвету видно, что дрянь. Скажи Свириденко, пусть всё опечатает, и заberi на экспертизу — посмотрим тут у себя...

Он озадаченно осёкся. Ксюша сидела между ним и окном, жалюзи на котором он с утра раздвинул, радуясь хорошей погоде. Солнечные лучи путались в её каштановых локонах; в игре света он не сразу обратил внимание на тонкий, почти прозрачный двойной ободок, кончики которого растворялись в фарфоровой коже где-то у висков. Строгие, безупречно аккуратные узоры; один замысловатый, второй значительно проще. Не широкая лента, безжалостно опутавшая несчастную Тришину, но, без сомнения, той же природы. Мишка нервно поскрёб в затылке.

— Ксюш, — осторожно проговорил он, на ходу неумело подбирая слова, — ты... э-э-э... хорошо помнишь последние два месяца?

Коллега удивлённо вскинула брови.

— В смысле? Хочешь сказать, что-то уже случилось похожее?

— Нет, я... — Старов непроизвольно поднял глаза к календарю, с которого Андрей утром сорвал ушедшие в прошлое листы. Коллеги с интересом поглядывали на Мишку со своих мест. Из вивария упустили тень, ту самую... — Тридцать первого мая помнишь, что было?

Остатки улыбки смыло с Ксюшиного лица. Она поникла, отвела взгляд.

— Забудешь такое...

Значит, не то. Или то, но по-другому?.. Не похоже, чтобы Оксану тяготили наложенные на неё чары. Тришина — та явственно чувствовала, что с ней что-то не так, но её и прошли, как листок бумаги суровыми нитками...

— Не было такого, чтобы вот хоть убей, не помнишь, что делала? — безнадёжно спросил Мишка. — Ни разу? Только честно...

— Было, — огрызнулась Ксюша. — На день рождения Макса. Я была пьяная и злая на кое-кого бестолкового.

Старов виновато отвёл взгляд. Что бы там ни было, допытываться бесполезно. Не хочется верить, что в этих чарах кроется что-то зловещее, но вера — не та категория, которой следует оперировать... Мишка вздохнул и зашелестел бумагами.

— Ладно, проехали... Что тут ещё у тебя?

— Нет, не проехали, — фыркнула Оксана. Она выдернула из самого низа стопки распечатанный клочок карты и положила Мишке под нос. — Продолжим о паразитах. Этот адрес тебе о чём-нибудь говорит?

Старов вчитался в разбросанные по карте названия. Не очень дальнее Подмосковье, посёлок городского типа, улица не из главных; на приложенном фото — типичная приземистая многоэтажка, облепленная понизу аляповатыми вывесками каких-то мелких контор. Дом как дом.

— Он тут скрывается? — глубокомысленно спросил Мишка, пытаясь найти в здании на снимке что-нибудь приметное. Сколько таких безликих панелек на просторах родины...

— Его здесь видели, — хмыкнула Ксюша. — Я туда ездила. Ничего особенного, просто жилой дом. Что этому придурку в Подмосковье понадобилось? Они разве не в толпе обычно держатся?

— Ну, не в толпе, но поближе к скоплениям людей, — поправил Старов. — Да, ты права, странновато. Мне кажется, его туда вывезли. Чтобы нам глаза не мозолил... или чтобы под рукой был, если вдруг нужен.

— Для чего он нужен?!

— Для чего-то нужен, раз с ним возятся.

Чьё-то кресло глухо скребнуло колёсиками ламинат. Мишка вскинул голову и столкнулся взглядом с Костиком, выпрямившимся во весь свой немалый рост. Ксюша неприязненно покосилась на Чернова; они так толком и не помирились после неслучившегося Ириного увольнения.

— Миша, на два слова, — резко бросил Чернов. Буравя коллегу взглядом, он вдавил пальцем очки в переносицу, так, что на коже остался красный след.

— Да, конечно, — помедлив, кивнул Мишка. Тщательно закрыл контейнер и убрал в сейф. — Извини, Оксан, позже договорим...

— Да договорили уже, — Тимофеева одним движением беспорядочно сгребла бумаги и выскользнула из-за его стола. — Поеду в «Гекату». Звоните, если что.

Проигнорировав переговорную, Костик решительно вышел из кабинета и направился через коридоры научных к курилке. Мишка запоздало сообразил, почему туда: в разгар рабочего дня там опиваются разве что нерадивые лаборанты, которых легко шугануть одной лишь силой авторитета, а из-за могучего гула кондиционерных блоков разговор можно подслушать, только стоя в двух шагах. Чернов выудил из кармана пиджака дорогие сигареты, сунул одну в зубы и поджёг небрежным прикосновением; не жаловавший табачного запаха Мишка задержал дыхание и отодвинулся.

— Значит, на Тимофеевой чары, — без предисловий заметил Костик, выдыхая плотный сизый дым.

— Ага. Тоже увидел?

— Ну ещё бы. Ты на неё несколько минут пялился, как баран на новые ворота, — зло процедил Чернов. — Даже цветок у Бармина что-то заподозрил, ей-богу. Менталка?

— Думаю, что да, — Мишка навалился грудью на металлический поручень, чтобы ухватить немного свежего воздуха. Далеко внизу нежились на летнем солнышке выползшие на послеобеденную прогулку управские клерки. — Не хочу... делать поспешных выводов...

— Чего их делать? Насмотрелся я на такое, — он скривился и изобразил зажатой между пальцами сигаретой что-то неопределённо-замысловатое. — Хрен с ним, со спектром — почерк-то не спутаешь. Давно говорил: гнать надо поганой метлой из контроля...

— Это ты его сдал? — не выдержал Старов.

Костя возмущённо фыркнул и закашлялся, давясь дымом.

— Чтобы весь отдел потом три года отмыться не мог?! Я на психа похож? Нет, просто посоветовал Михалычу подписать задним числом увольнение по статье. Пока ещё не поздно, между прочим!

— То-то Верховский злой, как упырь, — пробормотал Мишка себе под нос.

— Ты меня извини, но шеф сам себе яму выкопал! — рыкнул Чернов. — Помнишь, чем всё начиналось? Тогда, когда вы пришли только?

— Помню, — глухо отозвался Старов. — Очень хорошо помню. И кто всю ту гниль в итоге вскрыл, помню.

— А потому что иначе хрен бы Верховский его здесь оставил, — категорично заявил Костя. — Шеф и не хотел! Это Виктор Сергеевич всё с Зарецким носился, ну и что в итоге?

— Да при чём тут это? — буркнул Мишка. Скупые лучи зимнего солнца в просторной кухне, ввевшийся в одежду запах крепкого кофе, разложенные на столе карты — первое в жизни серьёзное, самостоятельное дело... Тогда и мысли не возникало усомниться в коллеге. — Слушай, я с тобой ругаться не собираюсь. Лучше пойду дело поразбираю...

— Дело, — Чернов скривился, как от зубной боли. — Не знаю уж, кого Верховский больше наказывает — меня, себя или отдел. Нафига он всё тебе отдал, если ты очевидно не тянешь?

— Кость...

— Что «Кость», — огрызнулся коллега и щелчком швырнул догоревшую сигарету с балкона. — Я всё, блин, сделаю, чтоб это дерьмо разворошить до основания! Шеф думает, что мы тут в песочке копаемся, так пусть утрётся... На, держи, — он сунул Мишке в руки потрёпанную записную книжку в кожаном переплёте. — Отцовская авторская группа. Кое-кто даже ещё жив. Чёрт знает, зачем они тебе, всё равно всё заморозили к лешему и даже мяукать на эту тему запретили. Но у тебя-то теперь допуск...

— Ого, — Старов пролистал первые страницы, исписанные убористым почерком, — спасибо. А ты не знаешь, почему заморозили?

— Официально — нехватка финансирования, — фыркнул Чернов. — А на самом деле кто-то в верхах перетрусил после тульского. Я тебе так скажу, — он выщелкнул из пачки ещё одну сигарету, — отцовы коллеги сидят, как мыши под веником, и на тему ментальной магии вякнуть не смеют. Можешь их мучить, но лучше ройся в фигурантах тульского... В тех, что удрали от следствия.

— Ярик то же самое говорил, — не удержался Мишка.

— А я и не утверждаю, что он идиот, — поморщился Костик. — Лживая сволочь — это да, но далеко не дурак... Ты держи меня в курсе, — он сбавил тон и со значением посмотрел на Мишку. — Шеф же с тебя неразглашение не брал?

— Не брал.

— Вот и прекрасно. Мы вдвоём эту шваль нелегальную под орех разделаем. Вот, — Костя достал из кармана пластиковую карточку без опознавательных знаков и торжествующе помахал перед Мишкиным носом, — допуск к судебным архивам. Отец все свои связи напряг, чтобы раздобыть. Поехали сегодня после работы?

— На Таганку? — бестолково переспросил Мишка. Белый пластик мельтешил у него перед глазами почти гипнотически. — А меня пустят?

— Не пустят — рядом подождёшь, — хмыкнул Чернов. — Список имён я тебе вынесу в любом случае. Дальше — дело техники.

Старов благодарно кивнул. Моральные вопросы они рассмотрят когда-нибудь потом. На благополучном берегу. Костик прав: надо поскорее раскрывать чёртово дело. И шеф тоже прав, когда ругает за сумбур в голове. Вернувшись в кабинет, Мишка плюхнулся в укоризненно скрипнувшее кресло и вытащил из-под стопки черновиков схему, которую, наверное, уже мог бы перерисовать по памяти. Вот бы и в мыслях такой же порядок, строгий, бескомпромиссный...

Шеф позвонил в пятом часу. Отрывисто велел взять походную аптечку и через минуту быть на втором этаже. Старов, некстати вырванный из путаных размышлений, львиную долю отпущенного ему времени искал по всему кабинету хоть какую-нибудь аптечку, под конец догадался сунуться в логово и уже оттуда с пластиковым чемоданчиком в руках кое-как провалился на десять этажей вниз, к оперативникам безопасности. Шеф выразительно глянул на часы и промолчал. Одетый в строгий офисный костюм, он как-то неестественно смотрелся рядом с упакованным в полевую форму Викентьевым.

— Добрый день, Миша, — сухо сказал Евгений Валерьевич, пожимая Старову руку. — Возьми, пожалуйста, сигнальный амулет.

— Без надобности, — Верховский любезно оскалится. — Мы с Михаилом уже бывали в тех местах. Миша ориентир — село Денисово. Там встречаемся с тульской опергруппой и выдвигаемся к объекту Ясень. Инструкции стандартные.

Старов нервно дёрнул головой, обозначая, что что-то понял. Не очень много. У разлома творится какая-то ерунда, вот что ясно. У «Цепи» точно есть способ через него перебраться, и сегодня она решила им воспользоваться. Отгоняя тревогу, Мишка сосредоточился на полузабытой серии точек на карте. Домики, попеременно жилые и заброшенные, выгоревшие на солнце поля, безголовая полуразрушенная церковь. У последней топчутся, неправдоподобно изображая туристов, тульские оперативники; отряд в десять человек с сержантом во главе. Подполковничьи погоны московского начальника сподвигли их на мгновенную и однозначную реакцию: поприветствовать и перейти в распоряжение. На штатских — Мишку и Верховского — бойцы косились с профессиональной подозрительностью.

— Миша, — шеф деликатно взял Старова за плечо; Мишка понял намёк и отступил на несколько шагов в сторону. — Наша задача — наблюдать. Вмешиваемся только в крайнем случае. Если поймём, что это по нашему делу, ясно?

Старов кивнул. Что ж тут непонятного?

— Артефакты снимите, — небрежно напомнил Верховский.

Мишка торопливо расстегнул защитную цепочку и сунул в карман, уверившись, что в ткани нет коварных дырок. Серебро стремительно остыло и теперь отрезвляюще холодило кожу сквозь тонкий хлопок. Пользуясь заминкой, пока Викентьев строил временных подчинённых, Старов запихнул чемоданчик со снадобьями в сумку и перетянул её ремень так, чтобы ноша не мешала на бегу. Шеф, в свою очередь, не спеша избавился от запонок и снял с пальца обручальное кольцо. Верховский начинал когда-то в таком вот отряде безопасности и, говорят, был в своём деле весьма неплох. Из оперативников редко вырастают стоящие кабинетные кадры; шеф оказался исключением... или нет?

До объекта, сколько позволяли регламенты, ехали на автомобилях, затем быстро, но без суеты, шли через лесок, бдительно озираясь по сторонам. Одному из туляков стало плохо; хлынувшая носом кровь яркими пятнами легла на камуфляжную куртку, парень сложился пополам и жалобно захрипел. Мишка дёрнулся было ему помочь, но наткнулся, как на стальную стену, на предупреждающий взгляд шефа. Безопасники не дураки, знают, куда ехали. По команде сержанта кряжистый оперативник подставил сослуживцу плечо и проворно поволок назад, к машинам.

Начали болеть виски. Мишка, уже однажды испытанный под бдительным присмотром Верховского всю причитающуюся случаю гамму эмоций, прекрасно знал, откуда трясучка, но поделать с ней ничего не мог. Не он один: у разлома всем становилось паршиво. Сержант резко нагнулся; Старов приготовился было лезть за аптечкой, однако оперативник, бледный, но невредимый, поднял что-то с земли и протянул Викентьеву. Тот взял рукой в перчатке, внимательно рассмотрел.

— Пара-беллум[1], — сказал он с расстановкой и продемонстрировал находку контролёрам. В обтянутых чёрной тканью пальцах остро блеснула золотым боком стреляная гильза. — Свеженькая, Александр Михайлович. Посмотрите?

— Я вижу, — проронил Верховский. Он обежал внимательным взглядом округу и указал на морщинистый древесный ствол: — А вот и пострадавший. Похоже, стрелок практиковался.

И правда, примерно в двух метрах от земли среди складок коры тускло поблёскивал металл. Нашли место стрелять...

— Неумёха, — прокомментировал Викентьев, приблизившись к дереву. — У меня новобранцы и то лучше справляются.

— Точность не так важна, когда патронов много, — насмешливо хмыкнул шеф.

Викентьев обернулся, растянул в улыбке узкие губы.

— Или когда в резерве магия.

Шеф не удостоил его ответом.

Шли, замедляя шаг, пока животный страх не парализовал окончательно большую часть отряда. Мишка дрожал, как осиновый лист; Викентьева тоже потряхивало, один Верховский казался почти невозмутимым — если не считать синюшной бледности. Не склонный к навязчивым движениям шеф то и дело оправлял лишённые запонок рукава и болезненно кривил рот.

— След дальше идёт, — сообщил сержант, тыча пальцем в кусты лесную подстилку.

Мишка через силу сосредоточился и сообразил, о чём речь: чахлая, задушенная сплошной тенью от широких листьев трава везде была вытоптана, будто здесь целый взвод прогулялся. И этот след действительно уходил вперёд, туда, куда смотреть-то страшно, не то что двигаться... Шеф бросил на Старова значительный взгляд. Какая может быть выгода? Кому? Кто может знать?..

Безопасники рыскали вдоль невидимой границы битый час, вдоволь налюбовались на загубленную траву и поломанные кое-где кусты и ничего путного не нашли. Мишка по-настоящему счастлив был вернуться к машинам; пострадавший оперативник уже оклемался и выглядел не в пример бодрее вернувшихся от разлома коллег.

Шелестели индивидуальные медицинские пакеты, безопасники глотали капсулы с укрепляющими зельями. Мишка не стал следовать их примеру; он с недавних пор не доверял колдовским снадобьям.

— Центральная? — спросил Викентьев в телефон, устраиваясь на пассажирском сидении. — К объекту Ясеня — постоянное наблюдение, не дальше пяти километров от точки. Протокол че-эс-три, отчитываться лично мне.

— Мы тоже хотели бы рассчитывать на оповещения, — заметил Верховский, созерцая схваченную запонкой манжету. Казалось, ничто в мире не интересует его больше.

Викентьев холодно улыбнулся.

— Да, Александр Михайлович, разумеется. Вы можете рассчитывать.

Мишке совсем не понравился его тон.

[1] Para bellum — готовься к войне (лат.)

Князь прибыл утром во главе отряда в пару дюжин воинов. Блестело на солнце золотое шитьё на багряной ткани, хлопали на ветру знамёна с оскаленными медвежьими мордами. Мастерства художникам не хватало, и от своей схематичности герб казался ещё более жутким. Кони ступали неторопливо; казалось, всадники плывут в золотистом облаке пыли. Встречать их высыпали почти все, кто остался дома в разгар полевой страды. Старая знахарка Забава, сморщенная, как печёное яблоко, комкала в узловатых пальцах передник и прятала взгляд.

Ярослав без труда отыскал Иру в немногочисленной толпе зевак и молча встал рядом. Стало спокойнее. Он знает, что делать, а не знает — так придумает. Цветана, любопытно крутившая носом по сторонам, отвлеклась от созерцания добрых молодцев и принялась строить глазки Зарецкому; она ещё не осознала, что это занятие бесполезное.

— Мне молчать? — одними губами, так, чтобы не слышала старостина дочь, произнесла Ира и получила в ответ едва заметный кивок.

Вот и хорошо. Это несложно. Русоволосая и светлоглазая, в скромном здешнем наряде она полностью сливается с местными; Цветану в ярко-алом платье и с цветными лентами в длинной косе заметить куда проще. Нет причин волноваться. Нет причин волноваться...

— Здрав будь, княже, — Младан отвесил почётному гостю поясной поклон и не разгибал спину, пока тот не рывкнул что-то одобрителное. — Али заскучал по нас?

— Как не заскучать, — усмехнулся князь. Ира из-под ресниц его оглядела: не очень высокий, уже в возрасте, но по-молодому жилистый и подтянутый. Правитель-воин. — Боги мне Ильгоду вверили, чтоб я о людях её радел, как о детях своих. Стало быть, все вы мне одно что родичи.

Это он не просто так сказал. Обозначил своё верховенство, выразил дружелюбие. Ира нахмурилась: прежде в её привычки не входил поиск подспудных смыслов в чужих словах.

— Пожалуй к столу, не побрезгуй, — предложил староста, радушным жестом указывая на свой дом.

— И рад бы, да не успею, — князь удручённо покачал головой. Это, похоже, было вопиющим нарушением этикета: деревенские глухо зароптали, дружинники подобрались. Привычно так, без удивления. — Мы, друже, по такому делу: нету ли здесь у тебя сквернавцев, нечистого бога славящих? Ведьм, колдунов али похуже кого? Говори как есть, передо мною и богами.

Ира пугливо отшатнулась, налетев на Зарецкого; его ладонь предупреждающе сжала её плечо. Как глупо! Хорошо ещё, что деревенские тоже заволновались, заозирались, размашисто выписывая в солнечном свете замысловатые знаки. Цветана стоит спокойная и деловито рыщет взглядом по лицам дружинников. Знает, что родной отец её не выдаст. А вот пришлых?..

— Нету никого, — твёрдо сказал Младан и тоже очертил в воздухе священный знак. — Откуда ж им взяться? Ить честно живём, всем миром к богову месту ходим, а крамольцев по всей Ильгоде повывели давным-давно.

Деревенские хранили молчание; должно быть, привыкли в таких делах полагаться на старосту. Ира поймала на себе несколько простодушных взглядов; ещё больше народу смотрело ей за спину. Это ничего не значит, они все сейчас вертят головами и хмурятся друг на друга...

— То-то и оно, что, выходит, не всех, — доверительно сообщил князь, цепко оглядывая растерянные лица. — Смотрите тут в оба, пришлых без разбору не привечайте. Прознаю, что укрывал кто — голову с плеч.

Воздух в лёгких разом стал холодным и студенистым. Надо уходить. Поскорее, пока кто-нибудь не решил свести счёты со старостой или попросту не убоился княжеского гнева. Ярослав не может этого не понимать — почему же медлит? Растерялся?

В воздухе висело безмолвие. По другую сторону единственной деревенской улицы беззвучно хватала ртом воздух одутловатая матрона, двое мальчишек высовывали любопытные носы из-за её спины. Тощий дедок, забыв о князе, задрал голову к безоблачному небу и молитвенно прижал к груди жилистый кулак. Пальцы на Ирином плече едва заметно дрогнули. Зарецкий не ждал милости от засбоившей удачи — он с танковым упрямством поворачивал события к своей пользе, нисколько не заботясь чужими неудобствами. Прямо сейчас его трудно за это осуждать.

Толпа долго не расходилась, даже когда князь уже отбыл вместе со свитой. Вполголоса судачили между собой пышно разодетые тётки, детвора успела поцапаться из-за оброненной кем-то из всадников золотой тесёмки, кривой на один глаз мужик мазнул по Ириному лицу неприязненным взглядом. Она поспешила отвернуться. Ярослав отпустил её плечо уже, наверное, с минуту тому назад и исчез из виду. Бросил на растерзание? Он?!

Надо спасаться. Хоть вместе, хоть одной. Ира осторожно попятилась; увлечённая болтовнёй Цветана даже не заметила её манёвра. Шаг назад, ещё, ещё, к плетню, в густую тень от раскидистой яблони... В щель между заборами; там можно пробраться к частоколу, ворота днём открыты... Достаточно убежать подальше, а потом

пустить в ход сигнальный амулет. Что бы сейчас ни занимало Зарецкого, рано или поздно он откликнется...

— А ну, — прошипели ей в ухо. Грубая цепкая лапа сомкнулась на запястье мёртвой хваткой, рванула в сторону; Ира успела только невразумительно пискнуть. — Ещё не поздно Велибора-то догнать! Хошь, скажу ему, что ты ведьма?

В нос ударил запах пота и чего-то кислого, дрожжевого. Ира отшатнулась — не столько от страха, сколько из брезгливости. Смуглое, заросшее грязно-серой бородой лицо вынырнуло прямо перед ней; пересечённая шрамом пустая глазница, точь-в-точь как у Тихона, зияла красноватой тьмой.

— Я не...

Голос её предал. Ира попыталась схватиться за воротник — её поймали и за вторую руку тоже.

— Али, может, хошь, расскажу, что сокол твой — никакой не сокол, а? Я уж знаю, — ухмылка у него такая же кривая, как и рожа. Ира попыталась отстраниться — отчаянно и бесплодно. — Я вас, тварей, в Летице перевидал...

— Что в-вам нужно? — выдавила Ира, стараясь не дышать глубоко. Кислая вонь набивалась в ноздри, как вата, отравляла рассудок.

— Ишь... — мужик плотоядно цыкнул краем перекошенного рта. — Пасть свою поганую не разевай, уразумела? Со мной пойдёшь. Хоть какое словечко услышу — убью. Я ваше племя жалеть не привык.

Ира с трудом кивнула. Мысль отчаянно пыталась работать: чего он хочет? Идейный фанатик? Или ему пообещали денег, и можно попытаться перебить цену? Почему ждал до сих пор, если давно их раскусил? Или, может, не давно — только сейчас, когда она бросилась улепётывать, когда он заметил, как одного за другим схватывают его земляков чары немоты... Или знал давно, но искал шанса продать подороже... Впрочем, на этот счёт гадать нет смысла. Важно, куда и зачем её тащат.

Они пробирались вдоль частокола, пустынными задворками, путём, которым Ира только что рассчитывала вырваться на свободу. Это было глупостью. Бессмысленным, паническим рывком, прошедшим мимо разума. Если бы нужно было бежать, Ярослав нашёл бы способ дать ей знать. Он занят чем-то важным прямо сейчас; может, говорит со старостой, или успокаивает местных, или выясняет, много ли в Березне одарённых... Он уверен, что оставил Иру в безопасности, на попечении Цветаны...

— А ну!

Ира испуганно отдернула руку от шеи. Она сама не успела заметить, как потянулась к цепочке. Этот тип если не знает, то догадывается. У ворот никого нет; видно, как далеко впереди, в низине меж холмов, пылит по дороге княжеский отряд. Одинокое багряное знамя, отделившееся от остальных, реет на ветру в полудюжине километров от деревни; кто-то ждёт, не считая нужным скрываться. Может быть, те двое всадников, которых они с Цветаной видели пару дней назад. Даже если и так — это ничем не поможет. Напрочь вылетело из головы название страны, из которой она якобы родом. Наверное, даже лучше, если её убьют; по крайней мере, Георгий Иванович точно останется с носом...

Конвоир ни с того ни с сего решительно свернул с дороги в луга. Точнее — не в луга даже, а к ошестинившемуся за ними ельнику, который местные из суеверия обходили десятой дорогой. Что это значит? Князь тут ни при чём? Её попросту взяли на испуг, чтобы... что? Потрёпанному странствиями борцу с ведьмовством потребовалась женщина? Это... не самый худший вариант. Может быть, даже лучший из возможных... Жаль, не в её власти выбирать судьбу.

— Тут стой, — селянин, оглядевшись по сторонам, поскрёб клочковатую бороду. Кажется, он уже не так уверен в себе. Кажется, легко не отделаться.

Ира прижалась лопатками к смолистому еловому стволу. Так не подберутся со спины; этой полезной мелочи научил её Ярослав. Нужно во что бы то ни стало дотянуться до амулета, как только одноглазый отвернётся... А он, как назло, всё пялится на неё, словно в точности знает, откуда ждать подвоха. Может, он — лихо? Как Тихон, только... недоброе?

Шевельнулись еловые лапы. Сюда мало проникало дневного света; Ира сперва поняла лишь, что явился кто-то ещё. Кто-то длинный и нескладный.

— Здрав будь, Митар, — совсем другим тоном выпалил одноглазый, подобострастно щеря мелкие зубы. — Ить привёл. Как говорено было. Ты гляди: всё руки к горлу тянет, как бы чего не вышло...

— Вот ты и пригляди, — нелегал Кузнецов, он же Митар по-здешнему, мрачно ухмыльнулся и остановился в паре шагов напротив Иры. — Ну, красавица, здравствуй. Больно шустра, не угонишься за тобой...

Вдох. Выдох. Перед этим обиженным жизнью типом почему-то совсем не страшно. Может быть, потому, что Ира помнила, как он нелепо горбился на неудобном стуле в комнате для допросов и тщетно пытался дерзить Зарецкому. Кузнецов ничего ей не сделает. На диаграмме у него — жалкая капелька, едва заметная в перекрестье осей...

— Не бойтесь магконтроля, Дмитрий? — тихо спросила Ира. Селянин отступил на полшага и поспешно начертил в воздухе обережный знак. — Вам один раз уже давали поблажку.

Ухмылка на длинном лице сделалась шире и свирепее.

— Кто кому поблажки давать будет, — угрожающе произнёс Кузнецов. На поясе у него висели ножны, подлиннее, чем для ножа. Не убьёт; не посмеет. — Что ж ты его не зовёшь, а? Заступничка своего? По имечку-то, небось, услышит...

Услышит. Как тогда, в подвале; она и не поняла, и не задумывалась вовсе, как Зарецкий её нашёл там, посреди густого морока. Ира упрямо сжала губы. Кузнецов не зря её подзуживает; должен быть подвох, ловушка...

— Ты, Митар, того — не тяни, — угрюмо посоветовал селянин. — Не то как чего выкинет... Я их племя дурное знаю...

— Ничего она не выкинет. Не умеет, — Кузнецов угрожающе тронул рукоять ножа, неторопливо шагнул ближе. — Ну что, красавица, звать станешь али нет?

— Не подходите ко мне! — выкрикнула Ира ему в лицо, вжимаясь спиной в колючую кору. За шиворот ей посыпались с потревоженных ветвей мелкие липкие хвоинки. — Вы меня не тронете, ясно? Не тронете!

Кузнецов озадаченно замер, будто напорившись на невидимую преграду. Вдох. Выдох. Селянин недоумённо таращит единственный глаз. Ира раньше всех поняла, что случилось. Может, она ничего и не умеет, но тут, оказывается, и уметь-то нечего!

— Отойдите, — твёрдо велела она. Кузнецов с дурацким выражением лица качнулся назад, отступил на несколько шагов. — И стойте так. Не шевелитесь. И вы тоже...

Ира вперила взгляд в лицо селянина, растерянное и — неужели испуганное? Он неуклюже пятился, то и дело спотыкаясь на корнях, знаками призывая на защиту выдуманых богов. Жаль его. Чёрт знает, почему; этот тип заманил Иру в западню и заставил пережить не один десяток малоприятных минут...

— Вы... не станете... — она замаялась, пытаясь подобрать слова. Как заставить полуграмотного местного оставить её в покое? Неумолимо убегали секунды; чары действуют или уже нет? — Вы не станете...

— Станете, — лениво протянул знакомый голос. Ира вздрогнула и обернулась, уже зная, кого увидит. — Митар, можешь её не слушаться. Весьма жестоко, барышня. Разве можно вот так устраивать людям полный паралич? Кто ваш наставник?

На неё обрушились разом две страшные мысли, одна другой хуже: Георгий Иванович явился за ней лично — и она только что едва не убила Кузнецова. Нелегал привалился к ближайшему дереву и отчаянно хватал ртом воздух; ему только что вновь разрешили дышать. Старый волхв не спеша, почти равнодушно прошёл мимо Иры, небрежно тронул виски заходящегося беззвучными слезами подручного. Жест вышел знакомым и при этом каким-то обезображенным, словно в складную мелодию кто-то вбросил горсть лишних колючих нот. Кузнецов разогнулся, задыхался ровнее, взглянул на Иру с неприкрытой ненавистью.

Её словно калёным железом ожгло: бежать! Против опытного волхва она ничего не сделает — значит, надо рвать когти, пока он занят незадачливым подручным. Реветь и каяться можно будет потом. Пара крохотных шажков в сторону — не может же этот тип видеть спиной! — и прочь со всех ног, всё равно, куда...

Земля предательски выскользнула из-под ног, и Ира ткнулась носом в пахнущую сыростью палую хвою. Вызывающе искристая, похожая на светящуюся золотую проволоку ловчая сеть плотно спеленала её по рукам и ногам — как нежить какую-нибудь! Подбородком она чувствовала жёсткое прохладное серебро цепочки; амулет выскользнул из-под воротника и лежал прямо перед глазами, совершенно бесполезный. Позади в ужасе захрипел кто-то невидимый.

— Крамолец... Как есть крамолец... Я вас, тварей, в Летице...

— Не был ты в Летице, — холодно бросил Георгий Иванович. — Там был я. Забудь обо всём и спи.

Глухой звук упавшего тела — и тишина. Ира до боли закусил губу. Да что же они все творят! Разве можно вот так запросто пользоваться людьми?! Тугие, осязаемые магические путы не желали ослабевать, как бы она ни дёргалась; теперь действительно только звать на помощь... У Кузнецова есть нож и наверняка нет никаких запрещающих клятв, он не станет жалеть заведомого врага...

— Я не услышал, — голос Георгия Ивановича зазвучал ближе; похоже, жизнь Кузнецова уже вне опасности, и пришло время заняться пленницей. — Кто ваш наставник? Кто вам позволил пользоваться даром, не привив малейшего представления об ответственности?

Ира повернула голову, сколько позволила сеть. Увидела только бездыханное тело одноглазого селянина; волхв стоял вне поля её зрения. У магов способности к старости постепенно выцветают, а здесь как? Какие шансы у Ярослава против этой парочки?.. Пустая глазница укоризненно вперилась ей в лицо мёртвым взглядом. Точь-в-точь как у лиха...

— Тихон! — голос почти сорвался — как будто от громкости что-то зависело. Это должно сработать! Пожалуйста, пусть сработает; он ведь был при жизни... Должен был быть... — Тихон, помоги! Тихо-о-он!

Она ещё кричала, а тяжёлые чары, не разбирающие своих и чужих, уже сдавили рёбра, мешая дышать. В воздухе рассыпался негромкий сухой смех, будто кто-то встряхнул жестяную банку с гречкой. На глаза

навернулись горячие слёзы — не то от боли, не то от радости. Глухо выругался Георгий Иванович; наверное, лихо ему не по зубам!

— Митар, вон, — гаркнул волхв. Угрожающе загудело пламя.

— Ох-ох-ох, — Тихон насмешливо закудахтал, ничуть не напуганный. Его голос слышался отовсюду сразу. — Кто ж тут? Не Ергол ли из Тайрады... или откуда нынче? Сладко, небось, живётся на чужой на сторонушке, а-а-а?

Собрав остатки сил, Ира перекадилась на спину. Увидела удирающего в чашу Кузнецова; он бежал как-то странно, припадая то на одну, то на другую ногу. То ли Тихон забавлялся, то ли её, Ирины, чары не прошли даром. Седовласый волхв стоял, выпрямившись во весь свой немалый рост; над широкими ладонями полыхал огонь, похожий на солнечный свет.

— А я знавал кой-кого, кто б с тебя спросил должок, — вкрадчиво пропел ветер. Лихо кружило меж деревьев, не связывая себя человеческим обликом. — Ежли б дожил. Слышал, мабудь, как его отыскивали в глуши-то?

Волхв не отвечал. Он был бледен; Ира готова была поклясться, что напугало его отнюдь не присутствие лиха. Длинный узкий язык пламени вытянулся в воздухе — наудачу, без надежды достигнуть цели. Невидимый Тихон язвительно захихикал, а в следующий миг мир вокруг рассыпался стеклянным звоном в ушах. Ира судорожно втянула носом острый, как лезвие, воздух и не услышала собственного дыхания. В кромешной тьме было больно и холодно, и ничего больше. Ни света, ни звука, ни времени.

— Девонька... Девонька, ну что ж ты...

Скрипучий голос говорил непривычно мягко. Ира повернула голову на звук, открыла и закрыла глаза, ещё раз, ещё — ничего не менялось. Только тишины, кажется, убавилось; вернулись случайные лесные шорохи. И голос Тихона.

— И-э-эх, я, дурная голова... Слышишь хоть? Видишь чего?

Она один раз кивнула, один раз качнула тяжёлой головой. Тугая сеть всё ещё не давала толком пошевелиться. Ира осторожно повела плечами, пытаясь освободиться, и скривилась от боли в сведённых судорогой мышцах.

— Полегче, полегче... Ты её за узелок возьми да сдёрни. Всё одно что паутинку смахнуть.

Паутинку!.. Попробуй её смахни — в роли мухи! Ира попробовала вслепую дотянуться до перекрестья магических нитей, но добилась только ломоты в пальцах. Солёная влага обожгла щёки. Она с радостью позвала бы на помощь, если бы голос её слушался. Тихон не хочет, да и не может; он знает лишь фальшивое имя, а отозваться можно только на настоящее, данное при рождении...

— Да ты не ручками! Разве ж её ручками-то ухватишь? Гляди-кось, вот она, вот. Р-р-раз её!

Могильный холод коснулся груди сквозь слои ткани. Теперь она точно знает, где узел; а толку? Никто никогда не учил её черпать для магии собственную жизненную силу, выворачиваться наизнанку, рассеивать себя вовне... Колдовство — оно совсем другое, оно смотрит внутрь, бережно собирает по капле чувства и настроения, действует исподволь. Ему не под силу стреножить человека, зажечь пламя из ничего, заставить чайную чашку взмыть над столом...

Медленно догорает солнечный летний денёк, старая яблоня сонно покачивает ветвями, струится из самовара белый дымок, похожий на заблудившееся облачко. Бабушка растерянно улыбается, подслеповато щуря добрые глаза. Чашка, опасно покачиваясь, висит над красным блюдцем с золотой каймой. Пусть бы и висела так. Отсюда, из непроглядной темноты, минувший день виден отчётливо и ярко, как фильм на экране кинотеатра. Хочется туда. Где все они улыбаются, где ничего ещё не случилось...

— Во-о-от, умница, умница! Так её!.. Да ты дыши, не забывай! Оно пройдёт всё, то ж я так, вполсилы, разойтись-то не успел...

Дымчато-зелёный еловый полог. Виновато улыбающееся одноглазое лицо. До слёз жалко растаявшего воспоминания; в нём лучше, чем здесь, посреди леса, на сырой прохладной земле. Ни Кузнецова, ни Георгия Ивановича не видно. Тихон их прогнал. Тихон её спас.

— Спа... спасибо, — с трудом выговорила Ира. О том, что он чуть её не убил, лучше не думать. — И... извини, что... Ох...

— Чего ты? — Тихон весь подобрался, как заботливая нянька у постели хворого ребёнка. — Головушка болит? Так ты полежи, полежи...

— Ерунда, — пробормотала Ира, избегая смотреть на лихо. — Он тебя теперь убьёт.

Тихон тряхнул спутанными патлами.

— Нет, не станет. Узнает, ради чего набезобразил — простит.

— Я скажу, — горячо пообещала Ира. — Скажу, что... сама позвала. Что это я виновата.

— Брось ты, девонька, — с мягкой укоризной прошелестел Тихон. — Что ж он, сам не поймёт? Сердце-то у него где надо, хоть сам он в то и не верит...

Он отодвинулся, давая ей место, чтобы сесть. Ира прижала к лицу дрожащие ладони. Всё ещё немного мутило — то ли от навалившейся слабости, то ли от чувства вины. Тихон потрепал её по плечу и тут же отдёргнул руку: Ира

вздрогнула от продравшего по коже мороза.

— Я ить таких мало видал, чтобы от запретов не бегали, — сказал он негромко и серьёзно. — Всё больше души заячьи, как тот вон, — Тихон брезгливо кивнул в сторону притоптанной травы, где недавно обретался Георгий Иванович.

Ира его почти не слушала. В десятке шагов от неё лежал на земле, нелепо раскинув руки, несчастный одноглазый селянин. Он не может быть мёртв — волхвам запрещено убивать; старик всего лишь приказал ему спать... Подниматься на ноги всё ещё страшно; пришлось ползти, путаясь в длинной грязной юбке. С грехом пополам Ира нашла на смуглой шее размеренно бьющуюся жилку. Потеребила своего недавнего мучителя за плечо.

— Проснитесь... Проснись, — поспешно поправила она, вспомнив о местной вежливости. — Надо в деревню идти. Здесь зверьё всякое, сожрут ещё...

Спустя целую вечность селянин осоловело уставился на неё единственным глазом. Ира даже не вздрогнула: вода дружбу с лихом, и не к такому притерпишься. Ничего не осталось в этом человеке грозного. Он глядел на Иру потерянно, словно впервые её видел.

— Вставать надо, — настойчиво повторила она. — Идти в Березну. Помнишь, в какую сторону?

Селянин с трудом разлепил сухие губы и шумно выдохнул. От него всё ещё пахло кислым потом, но запах уже не внушал страха — только жалость. Наверное, в её силах было защитить беднягу тогда или хотя бы подлечить сейчас, но силами этими Ира не умела пользоваться.

— Пойдём, — взмолилась она, помогая человеку сесть. — В Березну. Всё хорошо будет. Я знаю, ты не со зла...

Он ответил бессвязным мычанием, отчаянием на обветренном лице. На любые мольбы и увещания — только смотрел и бестолково разевал рот. Ира зло, безнадёжно выругалась. Что там приказал ему чёртов волхв? Забыть обо всём? Вообще обо всём?.. О своём прихвостне Георгий Иванович, значит, заботится, а всеми остальными, выходит, можно пренебречь. Как ему, интересно, клятвы нигде не жмут?

— Пойдём со мной, — вздохнула она, на всякий случай отводя взгляд. Хватит с него. — Я всё равно ни черта не умею. Пусть Зарец... тьфу ты, Яр разбирается. Пойдём. Пожалуйста.

Не без труда поднялась сама, протянула ему руку. Бедолаге пришлось куда хуже, чем ей. Хорошо хоть, в момент показательных выступлений Тихона он уже лежал в отключке. Ельник стоял вокруг сплошной однородной стеной; неровные ряды сероватых колонн, тонущих в колючей зелёной дымке. Дежурно шевельнулся в душе привычный страх. Ни с того ни с сего захотелось плакать навзрыд.

— Тихон! — к лешему подступающую истерику, надо выбирать! — Тихон, где тут выход? Деревня где?

— Там, — шепнул на ухо шальной сквозняк. Нижние лапы столетних елей тяжело качнулись, теряя хвою.

— Поняла, — Ира поднырнула под безвольно висящую руку селянина. Под весом взрослого, хоть и не очень высокого мужика её беспощадно шатало. — Пойдём, здесь не должно быть далеко.

Когда они выбрались на луговину, солнце почти поднялось в зенит. Дневной свет, словно ласковый водопад, смывал с кожи лесные тени. Спотыкаясь о кротовые норы, Ира упрямо потащила покорного попутчика к Березне. Впереди вдоль пыльной дороги не спеша шли люди; коснулся слуха умиротворяющий гул человеческих голосов. Ира с великим облегчением узнала знакомую спину, перечёркнутую длинной чёрной косой.

— Слава! — позвала она и тут же прикусила язык. Обернувшиеся на голос деревенские смотрели на неё недоумённо. — Э-э-э... Слава б-богам, ты здесь...

Изумлённые взгляды сместились с неё на её спутника, потерянно глазающего по сторонам. Ярослав приблизился стремительным шагом, нашёл пульс на запястье бедняги, чуть сжал пальцы, обеспокоенно нахмурился.

— Ох ты ж, — тихо проговорил он, оглядывая разом сгорбившегося селянина. — Серьёзное дело. Нежить?

— Не только, — Ира качнула головой и одними губами произнесла: — Потом расскажу.

Деревенские опасливо приблизились. Они шли с полевых работ; почти все несли на плечах хищного вида наточенные косы. Целый отряд смертей, разодетых в вышитые рубашки. Ира поёжилась.

— Э! Да то ж Тихомир!

— Ты ж больным сказался!

— Да глянь на него — как есть больной...

— Проводите его домой, — твёрдо приказал Ярослав. Одноглазый Тихомир не горел желанием бросаться в объятия односельчан; он вряд ли вообще их помнил. — Дайте воды и оставьте в покое. Я позже приду, посмотрю.

Они не посмели его послушаться. Неуклюже пошучивая, поддерживая товарища под дрожащие руки, деревенские медленно удалились нестройной толпой; издали казалось, что по дороге бредёт многоногое чудовище с железными клыками-косами. Иру ни с того ни с сего пробрала крупная дрожь.

— Что случилось? — негромко спросил Зарецкий, привычно касаясь её виска.

Стало немножко легче. Ира кое-как перевела дух и выложила всё без утайки. Тихо и быстро, словно боясь, что

их кто-то подслушает, схватит, уличит во лжи. Ярослав не перебивал, только хмурился всё больше. Когда Ира наконец выдохлась, он несколько долгих мгновений хранил молчание; она нетерпеливо ждала его слов. Пусть отчитает её за бестолковость, за эксперименты с волшебной силой, за заигрывание с нежитью — лишь бы не тронул лихо...

— Тихон! — не повышая голоса, позвал Ярослав. Ира вздрогнула, как от пощечины.

— Не надо! — взмолилась она. Дожила — спрашивает офицера магконтроля пощадить смертельно опасную тварь! — Это я виновата, он просто помог...

Тихон медленно, будто нехотя соткался из воздуха чуть поодаль. Понуро опустил патлатую голову. Ира шагнула вбок, так, чтобы оказаться между ним и Зарецким. Ярослав устало вздохнул.

— Ир, отойди. Я не собираюсь никого жечь, — он демонстративно спрятал руки за спину. — Тихон, расскажи мне про этого... Ергола. Кто он такой?

— А, — лихо обрадованно осклабилось. Ира, подумав, отступила в сторону, чтобы не мешать разговору. — Душонка пропащая. В былые времена в Тайраде при наместнике мыкался, всё местечко потеплее искал. Как Агирлан пришёл, так сразу к тому и перебёг, продавал ему нашего брата... С Драгана начал, Иланой-Искусницей закончил, думал, зачтётся ему. Ить не зачлось — пришлось через грань улепётывать. Вишь, как ловко по-тамошнему выучился, ровно всю жисть прожил...

Ярослав внимательно слушал, склонив голову к плечу. Его пальцы нервно играли с ярко-синей тесёмкой, стягивающей у горла воротник; крохотная растрёпанная кисточка беспокойно металась из стороны в сторону, словно маятник. Тихон не скупился на нелестные эпитеты; должно быть, с волхвом Ерголом его связывала давняя и крепкая вражда.

— Ученика, говорят, примучил, — с отвращением выплюнул он. — Бросил степнякам на растерзание и был таков.

— Это не может быть правдой, — медленно проговорил Зарецкий, качнув головой. — Сила при нём.

— И-и-и, клятва — она ить глупая, — возразил Тихон. — Из любого запрета вывернуться можно. Сам знаешь.

— Нет, — Ярослав упрямо сдвинул брови. — С его учеником, очевидно, почти всё в порядке. Они перешли границу вместе. Потом этот Ергол... попал в поле зрения правосудия, — он со значением оглянулся на Иру, словно приглашая начать соображать. — Ученик... ученик, похоже, уже нет. Год как-то пережили, а потом наставник куда-то сгинул на пятнадцать лет. Из дела — и из жизни Кузнецова.

Вот он к чему! А ведь правда, сходится. Помнится, Викентьев на допросе заострил на этом внимание: пятнадцать лет нелегальной практики... Наставник куда-то делся... Ира не помнила, какое имя назвал тогда Кузнецов, но наверняка что-то такое, созвучное. Одна только нестыковка, весьма значительная.

— У Кузнецова сил совсем нет, — буркнула Ира. — Ты его сам тогда отпустил...

— Точно, нет сил, — Зарецкий мрачно усмехнулся. — Он нарушил запрет.

— Какой?

— Какая разница? Клятва сработала.

— Тогда он бы умер, — недоумённо пробормотала Ира и тут же охнула, ошеломлённая приподнявшейся догадкой. — А-а-а... Жизненная сила...

— Агась, — важно кивнул Тихон. — Ученичок, выходит, весь дар-то и растерявши. Только и годится нынче, что девиц пугать.

— Спасибо, Тихон, больше не задерживаю, — сказал Ярослав вежливо, как посетителю, забравшемуся на двенадцатый этаж Управы.

Лихо поспешно развеялось в воздухе грязноватым туманом. Среди лугов они остались вдвоём: налитой зноем полдень загнал селян в укрытия от палящего солнца и набравшей силу нежити. Ярослав отрешённо смотрел куда-то в холмы — туда, куда бесконечно давно уехал княжеский отряд. Тревожить его было боязно.

— Не делай так больше, — наконец сказал он, смерив Иру тяжёлым взглядом.

Она не стала уточнять, к чему относится это замечание: к бестолковому паническому бегству, к опасным упражнениям с даром или к её завязавшейся дружбе с Тихоном. Наверное, ко всему сразу. Вперив взгляд в пыльные носы башмаков, Ира понуро кивнула.

— Не буду. Извини, — искренне выпалила она. — Я просто... растерялась. И тебя не было...

— Я говорил с князем, — неожиданно откровенно пояснил Ярослав. — Снял чары. Посоветовал присмотреться к наместникам в Вихоре и Гориславле... Если Ильгода будет воевать за свою независимость, пусть делает это по собственной воле.

— За независимость, — озадаченно повторила Ира.

— Да. Против той власти, которая когда-то выгнала здешних волхвов через границу. Очень выгодно.

— Это как-то мерзко, — Ира поморщилась. — То есть плохо, конечно, что их выгнали... Но, может, люди не хотят воевать?

— Может, не хотят, — согласился Зарецкий. — Может, и не готовы. Зря только погибнут... Если им кто-

нибудь добрый с той стороны не поможет, — мрачно прибавил он. — Понять бы, кому там это нужно.

— Ерголу этому, — буркнула Ира, переминаясь с ноги на ногу. Хотелось пить холодную воду, валяться на мягкой перине и ни о чём не думать; не хотелось никуда уходить отсюда. — Тихон говорит, он обиженный...

— Безусловно, — ядовито процедил Зарецкий. Он бросил разглядывать дальние дали и повернулся наконец к собеседнице. — Только Ергол — пешка. Во-первых, ему самому нельзя принимать власть, это запрет. Во-вторых, кто-то же его вытащил из тульской передряги!

— Может, сам?

— Ага, сам... Разобрался за годик в нашей судебной машине и выкрутился так, что теперь следов не найти... Пойдём в деревню, — он устало вздохнул. — Мне ещё надо этого Тихомира подлечить.

— Ты можешь снять чары? — с надеждой спросила Ира, примеряясь к широкому шагу спутника. — Чтобы он всё вспомнил?

— Кое-что ему придётся забыть ради собственного блага, — сухо сказал Ярослав. Ира поёжилась, несмотря на жару. — По-другому уже и не получится... Там так, знаешь, как кувалдой прошлись. Никакого мастерства.

Ворота так и стояли открытыми. У дома старосты Зарецкий остановился, распахнул перед Ирой запертую калитку, приглашающе качнул головой. Сам он явно не собирался внутрь.

— Можно я с тобой пойду? — пересилив робость, попросила Ира. У неё набрался бы десяток достойных аргументов, но не нашлось духу высказать хоть один.

— Лучше не надо. То ещё зрелище, — непреклонно сказал Ярослав. — Зови, пожалуйста, если что-то случится.

Ира вздохнула и покорно потащила к крыльцу, не слишком спеша в прохладный полумрак дома. На верхней ступеньке не вытерпела, оглянулась; Зарецкий торопливо шагал куда-то к дальнему краю деревни, обращая на немногочисленных встречных внимания не больше, чем на шарахавшихся по всей Березне кур. Деловито, как по управскому коридору. Ну зачем она тогда полезла помогать чёртову паразиту? Всё было бы совсем по-другому...

А может, и не было бы. Если выбросить из рассуждений волю судьбы, и впрямь становится не так страшно. В самом деле, ну какая тут судьба, если и без Иры уже всю кругились шестерни неведомой машины? Ергол искал удобные тропинки между мирами, одурманенный чарами князь готовился к войне, кто-то влиятельный обещал ему поддержку с той стороны... Вовремя подвернувшаяся под руку ведьма с правильной добавкой к заурядному дару — не более чем случайность, которую кто-то умный сумел приспособить под свои нужды. Почти сумел.

Ира до боли закусила губу и решительно потянула на себя входную дверь. Сердце в груди стремительно колотилось.

Коробки громоздились ровными штабелями, похоронив под собой серые металлические стеллажи. Равнодушные белые лампы безжалостно высвечивали потёртые картонные бока, облепленные этикетками, штрих-кодами, неизменными пломбами «Гекаты». В тесном проходе между полок притаился ярко-жёлтый погрузчик; новоявленный владелец бизнеса проявил в обращении с хитрой техникой неожиданную сноровку. Должно быть, помогал здесь маменьке в качестве разнорабочего.

— Здесь ничего, — Ксюша отставила в сторону последнюю коробушку и стянула с рук плотные перчатки. — Всё, это последняя. Можно заклеивать.

Получивший конкретные указания Свириденко обрадованно встрепенулся, поперхнулся полупроглоченным зевком и отточенным движением залепил скотчем картонную крышку. Незапечатанные, три штуки, остались стоять в сторонке; во всех среди безобидных зачарованных на здоровье побрякушек нашлось по две-три смертельно опасных. Ксюша поддела кончиком мизинца клапан на сумке, выудила пачку влажных салфеток. Очень хотелось вымыть руки, но до уборной топтать через весь ангар...

— Я сейчас скажу, — Свириденко схватился за планшет, прицелился лиловым глазком камеры в складской штрих-код. — Это и-пэ Зацепин... Вторая — и-пэ Петраков... И «Артель», это о-о-ошка, три года уже с ними торгуем...

Последняя коробка была больше всех, и оттуда Ксюша выудила аж пять смертоносных амулетов. Изъятые улики тускло поблёскивали сквозь матовые стенки контейнеров; Ксюша достала из сумки ручку и, пока не забыла, подписала крышки: два предпринимателя и одна никому не известная конторка. Сами сунули или пострадали от нечистых на руку сотрудников?

— Что-нибудь знаете о них? — наудачу спросила Ксюша и украдкой покосилась на часы. Полчаса до полуночи; пусть уж лучше скажет, что ему надо порыться в документах, и ползёт в кабинет к компьютеру. А уставшая, как собака, офицер Тимофеева поедет наконец домой...

Но не таков был треклятый Вячеслав Борисович. Подобное упрямство самого шефа бы восхитило. Сверившись с планшетом, новый хозяин «Гекаты» покивал своим мыслям и отчитался, как ученик на уроке:

— Зацепин на медицинских амулетах специализируется. Сотрудничаем около года, до этого чуть не закрылся, но выбил себе субсидию под акт о развитии здравоохранения... Петраков очень давно на рынке, не знаю, за счёт чего на плаву держится. Отчётность вся в минусах... «Артель» — это два бывших и-пэшника организовались после банкротств. У них сейчас неплохо дела идут.

— Клуб неудачников, — проворчала Ксюша, комкая в пальцах тёплую влажную салфетку. — Кто всем этим фениксам дровишек подкинул?

— Ну как у нас, — Свириденко замялся, словно сомневаясь, стоит ли такое озвучивать. — Без... государственной поддержки... не выживают. Мне кажется, там тоже... они. Ну, может, не те же самые, но...

Он судорожно втянул ноздрями воздух и замолк. Сколько раз Ксюша с ним говорила, никак не могла выяснить, кто такие загадочные «они». Свириденко все беды мира на голубом глазу записывал на их счёт, от падения спроса на колдовское барахло до материнной смерти. Спорить с ним офицер Тимофеева не пыталась; её дело — информацию из свидетеля добывать, а не разоблачать мировые заговоры.

— Почему вы так думаете? — обречённо спросила Ксюша, заранее зная, что услышит.

Однако на сей раз Вячеслав Борисович её удивил.

— Потому что нам тоже помогали, — просто сказал он. Будто не коррупционное дело вскрыл, а сообщил прогноз погоды на завтра. — У... у м-мамы тоже дела не шли, пока... О-она говорила, что с нас спросят...

Ксюша насторожилась. Дела, значит, не шли... «Геката» начала бурно развиваться пятнадцать лет тому назад; это отлично врезалось в память, потому что цифру хоть в мраморе высекай — так часто она всплывает в последнее время. Что ж там случилось такое?

— Вы не знаете... — Ксюша закусила губу, соображая, как бы получше задать вопрос. — Может быть, кто именно помогал... Татьяне Ивановне? Или... в какой связи?

Свириденко растерянно на неё воззрился.

— Она не говорила, — похоронным голосом сказал он и покаянно прибавил: — А я не задумывался как-то... Мне... Мне лет десять было, я не знаю...

То есть грязное бельё контрагентов Татьяна Ивановна перед сыном вываливать не стеснялась, а весьма полезных контактов высоких покровителей наследничку не оставила. Снабдила только инструкцией искать спасения у Верховского, если вдруг запахнет жареным. Либо способы оплаты выглядели слишком уж неприглядно, либо... Либо хитрая предпринимательша очень хорошо знала цену этой благосклонности. Что ж тогда сама вязалась, раз такая умная?

— Это всё я в любом случае изымаю, — постановила Тимофеева, указывая на контейнеры. — Пришлите мне, пожалуйста, документы на партии... Это ведь пробные, да? Новые образцы?

Свириденко закивал. Что ж, это, по крайней мере, даёт какую-то уверенность в том, что метили именно в хозяйку «Гекаты». Татьяна Ивановна держала бизнес железной хваткой, закупками по всей сети распорядилась лично; конечно, новинки не могли пройти мимо её кабинета. Если бы хотели добраться до рядового потребителя, сначала послали бы кристально чистую партию, заключили договор, а вот в полноценную поставку насыпали бы всякого...

— Ваши сотрудники соблюдают технику безопасности? — хмуро поинтересовалась Ксюша. — Перчатки, защитные цепочки? Форма с длинным рукавом?

— Да... Они обязаны, — без особой уверенности пробормотал Вячеслав Борисович.

— Следите за этим, — отрезала Тимофеева. — И я бы советовала нанять на приёмку хотя бы одного мага, хотя бы четвёртой категории, хотя бы на время. Если можете себе позволить.

— К нам не пойдут, — промямлил Свириденко, глядя в сторону. — У нас, знаете... такая себе репутация...

«Да брось. Я о твоей репутации наслышана...»

Ксюша нахмурилась, пытаясь поймать на хвост мгновенно ускользнувшее воспоминание. Кому это она такое говорила? Когда? В какой связи? Мысль отчего-то кажется неприятной; этот разговор плохо кончился... Чем?

— ...И не всю бухгалтерию, — нудел Свириденко. Невыносимо захотелось оказаться как можно дальше от него и его коробок с колдовским ширпотребом. — Мне сейчас надо всё как-то удержать...

— Вы непременно справитесь, — Ксюша принудила себя улыбнуться с казённой благожелательностью. — Но поймите, нам важно получить сведения немедленно, по горячим следам...

Её прервала телефонная трель, мгновенно разлетевшаяся эхом внутри безлюдного ангара. Кому понадобилось посреди ночи?.. Хотя вопрос, само собой, риторический. Трезвонила работа в Мишкином лице — надо думать, небритом и заспанном. Трудно вообразить обстоятельства, при которых Старов набрал бы в такой час по каким-то личным делам.

— Слушаю, — стерильно-служебным тоном рявкнула Ксюша в трубку, не столько для коллеги, сколько для развесившего уши Свириденко.

— Оксан, тревога, — сообщил Мишка тихо и напряжённо. На заднем плане фырчал мотор и отрывисто щёлкал поворотник — Старов уже куда-то мчался. — Нежить. Много. Есть жертвы. Надзор уже там, не справляются.

— Куда ехать?

Мишка ответил на сразу — видимо, сверялся с навигатором.

— Ориентир — загородный отель «Лесная сказка». Я скину точку, ты двигай пока по Минскому. Это где-то за пересечением с бетонкой...

Чёрт-те где. Меньше всего сейчас хочется гнать машину в подмосковные дали, а потом ещё и воевать с нежитью. Не то чтобы нельзя отказаться; шеф наверняка примет во внимание, сочувственно покивает и никуда больше не позовёт. По тревоге поднимают всех старших, а раз всех — значит, и офицера Тимофееву. Ксюша решительно встала и отряхнула светлые брюки. Опять бегать по лесам в офисном, да что ж такое!

— Спасибо за сотрудничество, Вячеслав Борисович! — скороговоркой выпалила она и подхватила контейнеры с уликами. — Мы с вами завтра продолжим.

— Д-да, конечно, — хозяин «Гекаты» вскочил с деревянного ящика, споткнулся о коробки и чуть не упал. — Я вас провожу.

— Благодарю.

Самой ей в жизни не выбраться из этих лабиринтов. Одинаковые ряды стеллажей — всё равно что рукотворный морок. Того и гляди, из-за очередного поворота выскочит тень в облике Свириденко... Ксюша на миг зажмурилась и тряхнула головой, прогоняя непрошенные воспоминания. Нельзя на них заикливаться.

Ей прежде не доводилось так гонять машину по полупустым ночным дорогам. Ксюша уверена была, что недремлющие камеры навешали ей штрафов, и всё равно выходило слишком медленно. Мишка больше не звонил, только прислал обещанную точку на карте. Незаметно сменилась дата; новорождённому дню едва исполнился час, когда Ксюша сквозь распахнутые настежь ворота влетела на заставленную машинами парковку. Рядом со служебными фургонами надзора, брошенными кое-как среди роскошных машин постояльцев, приткнулся Мишкин «ниссан». Что ж, раз можно Старову, то ей чего стесняться? Нагло перегордив выезд гигантскому внедорожнику, Ксюша выскочила из своей маленькой красной машинки, торопливо щёлкнула брелоком и, прижимая плечом к щеке нудно гудящий телефон, зашагала в глубь территории.

— Мы налево от входа, около пруда, — сухо сообщил Мишка. — Осторожнее по дороге.

В панорамных окнах двухэтажных домиков обманчиво горел тёплый свет. Ксюша не встретила пока ни единой живой души; неживой, впрочем, тоже. Поперёк мощёной дорожки лежало среди земляных комьев фигурно подстриженное деревце, вырванное из опрокинутой кадки; кое-где поблёскивало битое стекло. Низко над

газонами стелилась молочно-белая волглая дымка. Пахло сыростью; не то, чего стоит ожидать после череды иссушающе жарких дней...

Бойцы надзора в расписанных светоотражающими полосками куртках копошились в рукотворной низине, на берегу пруда. За пушистыми тростниками виднелся кусочек зеркальной черноты, укрытой плотным белым туманом; Мишка стоял у самой воды и сосредоточенно водил в воздухе руками — возился с какими-то чарами. Осторожно, чтобы не помешать ему, Ксюша спустилась по пологому берегу, отпугивая попадавших по пути надзорщиков служебной корочкой, и встала рядом.

— Миш, я приехала, — сообщила она негромко. — Где фронт работ?

— Разведки дождёмся и пойдём, — буркнул себе под нос Старов, не отрываясь от своего занятия. — Костик там с ними.

Ага, значит, Чернов тоже уже здесь ошивается. Придётся затолкать личную неприязнь куда подальше и работать, стиснув зубы. Мишка довольно крикнул и опустил руки; слежавшийся туман нехотя пополз прочь, обнажив живописные рыболовные мостки и низко склонившиеся над водой плакучие ивы. Вдоль едва различимой линии берега тускло мерцали жёлтым светом спрятанные в зарослях светодиодные фонари. Отличное, должно быть, местечко. Когда здесь не разгуливают неживые твари.

— Вон, идут, — Старов кивнул в сторону бревенчатого мостика, вдоль которого проворно двигались очерченные серебряными полосками фигуры. — Ксюш, помнишь, что с туманницами делать?

— Ещё бы, — огрызнулась Тимофеева, расстёгивая манжеты и закатывая рукава блузки. — Разогнать людей и шарахнуть огнём со всей дури.

Мишка укоризненно на неё посмотрел. Глаза у него были красные, какие-то больные.

— У тебя так сил не хватит, — нравоучительно изрёк Старов. — Лучше по классической схеме: сначала сетку...

— Да знаю я! — зло фыркнула Ксюша. Когда же они перестанут держать её за девочку-стажёрку! — Пошли уже.

Опергруппа надзора, поколебавшись, потянулась следом за ними. Чернов горделиво вышагивал впереди своего отряда, как будто это он командовал разведчиками; впрочем, учитывая должностную субординацию, скорее всего, так оно и было. Сойдя на твёрдую землю, он стряхнул с рукава кожаной куртки невидимую пылинку и сухо бросил:

— Здравствуй, Оксана.

— И я тебе рада, Костик, — ядовито мурлыкнула Тимофеева. — Что хорошего скажешь?

— На той стороне есть люди, — Чернов поджал губы. — Сколько живых и раненых, не могу сказать. Если верить карте, там несколько коттеджей, административное здание и игровая площадка.

— А нежить видел? — встрял Мишка.

Он нервно прошёлся пятернёй по влажным волосам, вытер выступившую на лбу испарину; кажется, ему тоже сейчас не под силу трюк с эффектным сожжением стаи туманниц. Стаи! Скажи кому — не поверят: вопреки всем учебникам, диссертациям и научным статьям, уже второй раз за это лето абсолютно асоциальные туманницы собираются в кучу и действуют чуть ли не сообща. Чудеса природы, да и только.

— Одну дрянь подбил, — деловито сообщил Чернов. — Сколько их всего — леший знает. Со всей территории туда сползлись.

— Во дают, — озадаченно протянул Мишка. — Прямо хоть все поведенческие диаграммы перерисовывай.

— Про поведенческие мы с тобой днём поговорим, — высокомерно уронил Костик. — Пойдём. Пока мы тут лясы точим, там, между прочим, кого-нибудь доедают.

Ксюша поневоле поёжилась от брошенных походя слов. Когда Чернов пытается шутить, выходит зло и несмешно. Леший с ним, пусть мелет, что хочет, лишь бы с нежитью драться не разучился. После короткого совещания надзор отвёл им место в авангарде как основной ударной силе. На другой стороне пруда мост переходил в выложенную камнем дорожку, художественно изгибающуюся меж зарослей отцветшей калины; прямо у последних брёвнышек кто-то додумался бросить садовый шланг, вяло истекающий бегущей водой.

— Естественная ловушка, — пробормотал Мишка себе под нос. — Почти...

— Наши ребята бросили, — тихо пояснил незнакомый надзорщик. — Когда отогнали от главного корпуса. Чтoб не разбегались.

— Ну и молодцы, — фыркнула Ксюша. — Вам кто-нибудь рассказывал, что нежить взаперти звереет?

— А что ж было, отпускать их на все четыре стороны? — вскинулся надзорщик. — Вы хоть видели, сколько в главном раненых?

— Оксан, молчать! И вы тоже, — рыкнул Костя. Ксюша нехотя проглотила вертевшуюся на языке колкость, надзорщик сердито хмыкнул. — Технику безопасности забыли?

Он прав, как ни противно это признавать. Ксюша отошла подальше от неприязненно зыркающего на неё надзорщика и с преувеличенным интересом заглянула Мишке через плечо; в руках Старов держал рекламный

буклетик отеля, на последней странице которого располагался план территории. Вот от нарисованного моста разбегается веер дорожек; вот он же наяву, слегка утопленный в тумане, но всё ещё различимый.

— Кость, возмёшь на себя администрацию? — попросил Мишка, указывая на самую левую тропинку. — Я пойду к коттеджам, а Ксюша — на детскую и спортивную площадку. Будем постепенно сходить к центру, тогда никого не упустим...

Чернов, поразмыслив, снисходительно кивнул. Мишка умудрился полюбовно договориться с надзорщиками; они проворно разбились на три примерно равных группы, причем тот, с которым поцапалась Ксюша, оказался в команде самого Старова. Костик демонстративно переступил шланг первым из всех и тут же исчез в тумане, не дожидаясь, пока подтянется его группа. Мишка ободряюще помахал на прощание и повёл своих по самой широкой дорожке; надзорщики слушались его беспрекословно. Вообще-то так и положено, старшие офицеры контроля обязаны принять на себя командование, если поблизости нет никого выше рангом... Ксюша оглядела пятерых мужчин, которыми ей предстояло руководить. Внимательно прочитала вышитые ярко-жёлтыми нитками фамилии на нагрудных шевронах, попробовала запомнить, связать с хмурыми лицами.

— Старший офицер Оксана Тимофеева, — она изобразила приятную улыбку, — на случай, если вы меня не знаете. Я пойду впереди. Пожалуйста, соблюдайте технику безопасности.

Она аккуратно переступила хилую грязную струйку и решительно свернула вправо. Классическая схема против туманниц: сдерживать при помощи ловчей сети, по возможности обездвигнуть, уничтожить. С сетями надзор справится, этому учат к экзамену на восьмую категорию, а дальше начинаются вопросы. Ксюше неплохо давались парализующие чары, но они хороши против созданий из плоти и крови; здесь бы что-то посложнее, вроде холода или «тормозов»... Нет, с «тормозами» разве что Мишка справится. А вот с чарами холода может выгореть. Они тоже когда-то казались неподъёмно трудными; по учебнику ни черта не выходило, Ксюша то промахивалась с расходом сил, то упускала нужный момент. Пока не поняла смысла бездумно повторяемых действий.

«Это несложно, — длинные пальцы нарочито медленно выписывают в пыльном воздухе тщательно выверенное движение, и в кабинете становится морозно, как на улице зимним днём. — Сначала прикидываешь элементарное преобразование, как с обычной стихийкой. До конца не доводишь, закливаешь, чтобы чары поддерживали сами себя. И определяешь, когда остановиться...» Ксюша не умела воспринимать чары в видимом спектре, но тогда словно воочию увидела, как в её руках покорно свивается правильный, математически строгий узор. Она запомнила принцип, даже поэкспериментировала, сколько хватило смелости, недоумевая, почему в учебниках не пишут, в какие простые уравнения укладывается своенравная магия. Ксюша сжала и разжала пальцы; да, против аморфной нежити холод вполне способен помочь...

— Офицер Тимофеева, — тихо окликнул кто-то из надзорщиков. — Слышите? Как будто плачет кто-то...

Оксана наострила уши. Из клочковатой белой мглы и впрямь доносилось тоненькое всхлипывание. Женщина или ребёнок. Где-то за кустами жимолости, вплотную подступающими к дорожке. Ксюша попробовала на ощупь разорвать чары, нагоняющие туман; у Мишки определённо выходило лучше, но и она добилась неплохих успехов: спрятанная в траве подсветка стала ярче, выхватила из мрака поваленные качели и опрокинутую лавочку, покрытую склизким белёсым налётом. Маленькая детская карусель сонно вращалась, точно последний пассажир соскочил с неё на полном ходу какую-нибудь минуту назад. Поборов искушение отправить вперёд кого-то вместо себя, Ксюша ступила на прорезиненное покрытие площадки.

— Авдеев, прикройте, — коротко шепнула она.

Надзорщики проворно перестроились, растянулись цепью, чтобы не мешать друг другу. Лица хмурые и сосредоточенные, руки нервно комкают ещё не проявившиеся из небытия ловчие сети. Ксюша опередила их на полдесятка шагов: вряд ли напуганный ребёнок будет рад незнакомым мужикам в тяжёлых форменных куртках. Из неохотно редющего тумана нарисовался дощатый домик, выкрашенный красной и зелёной краской и расписанный хаотическими узорами плесени; всхлипы и сердитая возня доносились оттуда.

— Тихо ты! А то тоже заберут!

Ксюша замерла на миг. «Тоже заберут»... Что они видели, прежде чем забиться в хлипкое укрытие? Дети, да ещё и минусы; никакой техники безопасности они, конечно, не знают. А раз так, риск ей брать на себя. Оглянувшись ещё разок на готовых ко всему надзорщиков, офицер Тимофеева опустила на колени рядом с крохотным дверным проёмом. Влажная пыль моментально выпачкала светлые брюки.

— Эй, — негромко, словно это могло спасти от нежити, окликнула Ксюша. Заглянула в обведённый алым тёмный зев, ничего не различила. — Ребята! Выбирайтесь, мы пришли вас спасать!

Испуганная тишина. Даже всхлипывать перестали. Ксюша подавила вздох и мысленно сосчитала до десяти, успокаиваясь. Она не привыкла иметь дело с детьми.

— Тут никого нет, только мы, — наугад сказала она. Вход в домик слишком маленький, взрослому не протиснуться. Зачем их такими делают? — Все страшные уже ушли. Мы их прогнали.

Это было ложью. Туманницы всё ещё шастанут по округе, и они кого-то утащили. Ксюша мотнула головой,

отгоняя нехорошие мысли. До нежити дело ещё дойдёт, сперва надо эвакуировать население. Вот этого вот игрушечного домика. Подумав, она вытащила из кармана удостоверение — ярко-бордовое, с золотым тиснением, донельзя солидное.

— Вот, смотрите, — если они что-нибудь оттуда разглядят, конечно, — я офицер особой службы. Меня прислали специально, чтобы вас выручить.

Послышалась неуверенная возня. Родители учат детей не разговаривать с незнакомцами и правильно делают, но, чёрт возьми, можно было воспитать у чад доверие к служителям закона и порядка! Что делают, когда надо успокоить ребёнка? Игрушку ему дают? У Ксюши с собой разве что ключи от машины...

— Офицер Тимофеева, помощь нужна? — окликнули сзади, и Ксюша сердито выругалась про себя. Что ж она, с детьми сладить не сможет?

— Нет, спасибо, всё хорошо!

В домике зашебуршали, и из темноты показалось бледное настороженное личико. Похоже, оклик надзорщика каким-то образом убедил мальчишку, что Ксюша ему не враг. Должно быть, потому, что злодеи не должны ходить голпами по шесть человек. Улыбка наверняка вышла слегка фальшивой, но всё лучше, чем сидеть с серьёзной миной. Наверное.

— Привет, — Оксана протянула мальчику руку, однако тот не спешил за неё хвататься. — Как тебя зовут?

Ему лет пять на вид, не больше. Одет в дорогой, хоть и как следует пропылённый спортивный костюмчик; родители явно не из простых. Да и кто тут из простых, когда неделя отдыха в «Лесной сказке» стоит целую Ксюшину зарплату?

— Марк, — парнишка недоверчиво осмотрел Ксюшу, бросил короткий взгляд ей за спину; должно быть, присутствие целой команды спасателей немного его успокоило.

— Марк, — обрадованно повторила Ксюша. — А я — Оксана Сергеевна. Ты каждый раз меня так называй хорошо? Чтобы лучше запомнить.

Мальчик, подумав, кивнул. Обернулся в темноту, махнул рукой.

— Вылазь! — позвал он. Сердце у Ксюши дежурно ёкнуло. — Это хорошие.

Они выползли из домика по очереди — рослый мальчишка и крохотная большеглазая девочка, зарёванная и чумазая. Марк встал на ноги, сделал безнадежную попытку отряхнуться от пыли и песка; девчушка предпочитала оставаться на четвереньках. Ксюша едва сдержалась, чтобы не отогнать обоих подальше от чересчур малогабаритного убежища.

— Марк, это твоя сестра?

— Да, Оксана Сергеевна, — старательно выговорил мальчик. — Её зовут Варя. Только она ещё плохо разговаривает.

Вот и прекрасно, пусть побольше молчит. Ксюша оглянулась, махнула одному из бойцов; тот приблизился и встал рядом в ожидании приказаний. Дети воззрились на него снизу вверх.

— Марк, здесь ещё кто-нибудь есть? — осторожно спросила Ксюша.

Мальчик помотал головой.

— Нету, Оксана Сергеевна. Богдан орал громко, его увели.

Увели. А они видели. Такие маленькие... Ничего, наверное, не поняли... Да ну, кого она обманывает! Чего тут не понимать, когда на глазах сбывается страшная сказка... Ксюша открыла рот, чтобы отдать распоряжение, и не сумела издать ни звука. Жёсткие и пресные, как картонка, официальные формулировки колючим комом встали поперёк горла. Эти дети, они... Они...

Нельзя. Нельзя ни в коем случае заикливаться, иначе... Иначе что? Кто это говорил — шеф? Наверное, он, и когда-то давно, раз она успела подзабыть. Ксюша втянула в себя прохладный ночной воздух, собралась с мыслями. Она боевой маг, офицер контроля, а не нежная барышня. Детей — эвакуировать, самим двигаться дальше, пока нежить не исхитрилась сбежать из ловушки. Остальное — потом.

— Захаров, отведите детей к главному корпусу, пожалуйста, — таким тоном она обычно гоняла из кабинета некстати забредших мелких управских клерков. — Потом возвращайтесь. Мы пойдём вдоль границы территории.

Надзорщик послушался беспрекословно. Девчушку он подхватил на руки, Марк пошёл сам. Вернувшись к своему маленькому отряду, Ксюша условными знаками сообщила: нежить здесь была, есть жертвы. Дело осложняется: как минимум одна из ошивающихся поблизости туманниц сыта, а значит, набралась сил и способна на всякое. Проходя мимо, Ксюша придержала карусель; нервов не хватало смотреть, как она крутится без смысла и цели.

Оксана первой почувствовала движение в стылom воздухе. Чары холода получились безупречно и почти что сами по себе; Ксюша запоздало спохватилась, что сначала надо было попытаться бросить сеть, и поспешила исправиться. Ярко-алые нити вспыхнули в серой дымке и бесплодно опали, тут же следом полетели ещё две сетки, голубая и сиреневая. В надзор предпочитают брать людей со спектром, смещённым к холодным тонам; они лучше

переносят присутствие нежити... Туманниц несколько, одна из них совсем недавно вытянула все жизненные силы из пойманного ребёнка, и на помощь звать некого. Может, Ксюшиных сил и не хватит на огненный вал, сметающий всё на своём пути, но пару тварей она обязательно прихлопнет!

— Тимофеева! — предупреждающе гаркнул кто-то из надзорщиков. Ксюша торопливо шарахнулась в сторону; мимо что-то свистнуло — какие-то стандартные чары. Туман за спиной обиженно охнул.

Ксюша стряхнула с пальцев огненную стрелу. Попала; неповоротливая из-за разлитого в воздухе холода снулая тварь нехотя схватилась пламенем и растаяла вонючим дымом. На Ксюшу тут же обрушилась другая, отчаявшаяся и раздражённая. Пальцы работали сами собой, чётко, автоматически: сеть, огонь, рассеяние, снова рассеяние, снова огонь... Нежить не сбивается в стаи, нежить чувствует чужую силу, нежить предпочитает не лезть на рожон. Пока её не довели. Тогда в аморфных мозгах очень быстро перегорают предохранители, и начинается... вот это.

Назойливая дрянь никак не желала подставляться под удар. На удивление проворно растекалась в воздухе, стремительно скользила вокруг, норовила запустить туманные щупальца в нос, в уши, в плотно сжатые губы. Защитная цепочка, не остывавшая ни на миг, мало её волновала. Ксюша попятилась, налетела спиной на железную опору качелей, едва не свалилась. Отмахиваясь от наседающей нежити горсткой огня, сбросила неудобные каблуки. Где-то невдалеке то и дело вспыхивала чужая магия: надзор тоже отбивался в меру возможностей. Ксюша отстранённо удивилась собственному спокойствию. Подходящие чары сами собой всплывали в памяти; вот этому научил её Мишка, этому — шеф, это она освоила самостоятельно... Было и ещё кое-что, замысловатое, требующее времени, но совершенно убойное, если всё сделать правильно. Показавший ей этот приём Зарецкий в насмешку звал заковыристые чары выстрелом последней надежды. Ксюша юркнула за пластиковый детский городок, вдохнула и выдохнула, сосредоточиваясь. Если повезёт, она зацепит не только свою обидчицу, но и остальных тварей по соседству. Если не повезёт, она рухнет без сил и вряд ли узнает, чем всё закончилось.

Начать с простейшей силовой волны, придать ей форму кольца, преобразовать несколько раз — трёх ей хватит, иначе сил уйдёт слишком много... Если думать о магии как о математике, всё становится проще. Другое дело, что обычно в бою нет на это времени. Ладони конвульсивно сжались, словно выкручивая мокрую ткань; всё, больше нет сил удерживать пульсирующий сгусток. Ксюша его отпустила.

«Главное — не перестараться», — флегматично заметил Зарецкий, созерцая разбросанные по тренировочному залу щепки и свалившийся с потолка пласт шпукатурки. Красная как рак и вымотанная чрезмерным усилием Ксюша это запомнила раз и навсегда. Зал починили — починят и сметённый ударом детский городок. Вынырнувшая рядом туманница не то завизжала, не то захрипела; ей вторили откуда-то из мглы её товарки — две или три. Ксюша усвоила науку; она не потратила себя до капли, её вполне хватило ещё и на огненную стрелу. Дезориентированная и оглушённая нежить попросту не успела удрать.

«Можешь мной гордиться», — мрачно подумала офицер Тимофеева, нетвёрдо шагая к ближайшему из надзорщиков. Пытаясь согреться, обхватила себя ладонями за плечи; опомнилась, отдёргнула руки. Нельзя показывать слабость. Не здесь, не сейчас.

— Савельев, вы в порядке? — строго спросила она, словно ничто в мире не интересовало её больше, чем самочувствие дюжего надзорщика. Тот серьёзно кивнул.

Подожёл ещё один, восхищённо прищёлкнул языком.

— Ловко вы их!

— Ермаков, техника безопасности! — рявкнула Ксюша. — Пострадавшие есть?

— Офицер Тимофеева, двое получили ранения, все лёгкие, можем продолжать, — почти без заминки отозвался Ермаков, оглядев товарищей. Фамильярничать он больше не пытался и глядел серьёзно, как на сурового начальника. Вот и славно. Вот и прекрасно...

Туман над детской площадкой неохотно улетучивался. Над спортивной его не было вовсе; снаряды и тренажёры были покрыты плёнкой холодной влаги, но и только. Вдоль бестолково извивающейся дорожки группа прошла к коттеджам; здесь мгла всё ещё висела в воздухе, но сквозь неё пробивался свет из огромных окон. В траве и между тротуарных плиток блестели осколки стекла.

— Ксюша! — Мишка издали их заметил, приветственно помахал. — Можно нормально говорить, тут всё зачистили. Костика ждём.

— Прекрасно, — буркнула Ксюша. Ей, признаться, хотелось куда-нибудь рухнуть и беспробудно спать до полудня, но они здесь, очевидно, ещё не закончили. — Нашли кого живого?

Старов помрачнел и отвёл взгляд. Честный Мишка никогда не умел прятать свои чувства.

— Троиш, — он покосился куда-то в сторону разорённых коттеджей. — Двое ничего, а третья... Может, магмедики вытащат, — скомканно проговорил Мишка, неизвестно кого убеждая: коллегу или себя.

Ксюша коротко кивнула, и оба надолго смолкли. Предоставленные сами себе надзорщики разбрелись по искалеченным домам замерять магический фон и утрюмо бормотать в рации впечатления от увиденного. Дело сделано, осталась только рутина: им — фиксировать и оценивать масштабы бедствия, контролю — разбираться в

причинах. Мишка вытащил телефон и принялся сосредоточенно что-то строчить; должно быть, отчёт шефу. Ксюша поискала взглядом, куда бы сесть или, на худой конец, привалиться — безуспешно. Ладно же, можно и постоять, пока есть силёнки. Хорошо бы как-нибудь небрежно вернуть в разговоре, как удачно у неё получился «выстрел последней надежды»... Ох, нет, к лешему. Не хватало ещё и над этим раздумывать.

Костик явился в сопровождении ничуть не поредевшей свиты надзора. Значит, они не встретили никого, кому помогла бы транспортировка в главный корпус. Чернов вдавил в карманную пепельницу прогоревшую почти до фильтра сигарету и тут же потянулся за следующей; у него был на удивление встрёпанный вид, увидел бы себя в зеркале — с горя повесился бы на галстуке.

— Кладбище грёбаное, — глухо сказал он, подойдя к коллегам. — Двенадцать штук там засело. Двенадцать! Леший знает, как мы это минусам объяснять будем...

Он глубоко затянулся и сипло закашлялся, как подросток, впервые взявший в руки сигарету.

— У меня пять, — пробормотал Мишка, глядя на коллегу с уважением и сочувствием одновременно. — Тоже жертв много.

— Штуки четыре. Не считала, — чужим голосом отчиталась Ксюша. — Одного... ребёнка... точно увели. Двоих отправила на большую землю...

— Красота, — ядовито выплюнул Чернов. — И чёрта с два мы теперь эту скотину найдём!

— Кость, — Старов предупреждающе насутился, — не начинай.

— Я и не начинаю! — взвился Костик. Вместе со словами из его губ вырывался едко пахнувший дым. — Может, вы, коллеги, мне расскажете, попыталась ли хоть одна собака разобраться как следует в предыдущем случае? По-моему, налицо очевидное сходство, а? С одной поправочкой!

— С какой? — огрызнулась Ксюша. Не из интереса — чтобы как-то перенаправить поток зловонной субстанции, готовый извергнуться из разъярённого Чернова.

— С такой! — рявкнул Костя. Оглянулся на снующих поблизости надзорщиков, понизил голос — страшно подумать, каким усилием. — В этом вашем Домодедове нежить сидела в рукотворной ловушке, которую вы совершенно непрофессионально разворошили. Хотя был ещё шанс что-нибудь выяснить! Но не-е-ет, надо было весь магический фон выжечь к лешему и сказать, что так и было! — он зло сплюнул на развороченную тротуарную плитку и зло зыркнул на открывшего рот Старова. — Заткнись, Миш, я не хочу твои оправдания слушать! Нормально отработали бы тогда — не получили бы сегодня...

— Да почему не получили-то? — Мишка тоже был взвинчен, и ему тоже хотелось орать и топтать ногами. — Что б мы сделали? Все подмосковные леса прочесали? Так этот гад ещё что-нибудь бы придумал! У него, небось, в метро ещё парочка моровух припрятана на всякий случай...

Чернов фыркнул так презрительно, как только мог.

— Можно было хотя бы задуматься, кому и зачем понадобилась стая туманниц!

— Шикарные отели разорять? — гаркнул Старов. Возившиеся в ближайшем коттедже надзорщики обеспокоенно обернулись.

— Миш, ты идиот или прикидываешься? — ласково спросил Костя. У Ксюши руки зачесались приложить его чем-нибудь позаковыристее. — Никому этот гадюшник минусячий нафиг не сдался. Эти, — Чернов обвёл тлеющим кончиком сигареты тонувший во тьме пейзаж, — просто удрали из своего загона. Что ж, поздравляю — наш оппонент наверняка будет немного недоволен. Отличный результат!

— А зачем они тогда? — бестолково спросил Мишка. Ксюша не сразу поняла, к чему это он; она и собственные-то мысли никак не могла собрать воедино.

— Это вы мне расскажите, Михаил Аркадьевич, — с откровенной издёвкой бросил Чернов. — Вам, в конце концов, наш двуличный товарищ доверил свои драгоценные записи! Начальник на вас надеется, не подведите!

Мишка молча двинул ему в челюсть — не сильно, но зло. Чернов нелепо выронил окурок, споткнулся о выломанную плитку и с размаху сел наземь. Оторопело уставился на Старова; тот угрюмо потирал костяшки пальцев и не спешил помогать коллеге подняться.

— Ты что себе... — обескураженно выдохнул Костя. Поперхнулся тирадой, не договорил.

— Ты задрал, — Мишка смерил его тяжёлым взглядом. — Общее дело делаем. Кончится всё — тогда будем разбираться, понятно?

Они оставились друг на друга, словно молча продолжая спор. Не сегодня, похоже, начатый. Костик первым отвёл взгляд; завозился, подбирая под себя длинные ноги и неуклюже пытаясь подняться. Очки с него слетели; без них Чернов казался растерянным и каким-то жалким. Ксюша нагнулась, высматривая, не блеснёт ли где позолоченная дужка. Нашла в паре шагов, подобрала; через правое стекло змеилась кривая трещина. Водрузив очки на нос, Чернов зыркнул на коллегу так, словно это она их разбила.

— Ребят, у вас всё в порядке? — надзорщик осторожно приблизился, избегая, впрочем, подходить к повздорившим контролёрам.

— Да, извините, — быстро сказала Ксюша, приветливо растягивая губы. — Пойдёмте, коллеги, нам ещё надо в главный корпус...

Парни не возражали. Оба молчали всю дорогу; Ксюша тоже не стремилась нарушать тишину. Сейчас предстоят долгие и мучительные разговоры со свидетелями, чужие слёзы, неудобные вопросы. Главный жилой корпус горделиво высился среди фигурных прудов и прогулочных аллей; кажется, на всех пяти этажах не осталось ни одного тёмного окна. Залитый светом холл встретил усталых и перепачканных в грязи контролёров тревожной суетой. Никто не обратил на них внимания: в штатском они вполне могли бы сойти за обитателей какого-нибудь самого дешёвого здешнего номера. Персонал в форменных бордовых передниках носился между кожаными диванчиками, на которых устроили раненых; кто держался на ногах, либо помогал, либо бестолково топтался по гляцевитой мраморной плитке. У стойки регистрации обретался одинокий надзорщик — он заполнял какие-то бланки и параллельно бубнил что-то в прижатый к уху телефон. Ксюша нашла взглядом маленького Марка с сестрой; служащая поила их горячим шоколадом, рядом тряслась в объятиях мужа дорого одетая молодая женщина. Что ж, хотя бы здесь всё кончилось хорошо...

— Вы откуда? — бледная как смерть высокая блондинка безошибочно подлетела к Ксюше, схватила её за плечи. — Из коттеджей?

— Оттуда, — нехотя признала Тимофеева. Её ужалило нехорошее предчувствие.

— Мальчика моего не видели? — выдохнула женщина ей в лицо. Размазанный макияж пятнал впалые щёки серыми разводами. — Шесть лет, светленький, примерно такого роста... Зовут Богдан...

Ксюша все оставшиеся силы бросила на то, чтобы не измениться в лице. Можно сейчас отговориться и подарить женщине ложную надежду и ещё несколько часов тревоги. Пусть потом кто-то другой станет дурным вестником... Чужие пальцы нервно, до боли сжимают Ксюшины плечи. Знать лучше, чем не знать. Даже... такое.

— Я не видела, но... — голос её подвёл, пришлось перевести дух. — Мальчика, скорее всего, нет в живых.

Вот так, просто и жестоко. Мишка быстро сообразил, поддержал под локти разом обмякшую женщину, оттащил к ближайшему стулу. Чернов соизволил поймать пробежавшую мимо служащую, заставить её сменить курс. Усилился витавший в воздухе острый запах валерьянки. Что у них тут, никаких других медикаментов нет?

— Ксюнь, ты как? — тихо спросил Мишка, обнимая её за плечи и увлекая прочь от входа.

— Нормально, — отозвалась Оксана и поняла, что почти не соврала. Выдохнула. Она просто слишком устала. — Нельзя на таком заикливаться, иначе очень быстро с ума сойдём... С нашей-то... работой...

Чернов сощурился сквозь битые очки и многозначительно хмыкнул.

— Смотри-ка, действует, — ляпнул он непонятно к чему. — Интересные дела...

— Заткнись, Кость, — спокойно попросил Мишка, и Чернов, на удивление, послушался. — Пошли. Нам ещё свидетелей опрашивать.

Ксюша закрыла и открыла слезящиеся от яркого света глаза. Старов прав, у них уйма дел до утра. Вывернувшись из-под его руки, офицер Тимофеева расправила плечи и выпрямила спину. Надо — значит, надо, а попереживать можно и потом.

Мишка посмотрел на неё странно, но ничего не сказал.

Обычно к ночи в Березне устанавливалось сонное спокойствие, но на сей раз чем больше сгущались сумерки, тем оживлённее становилось в деревне. Сегодня праздник: сменяется месяц, вместе с ним — бог-покровитель, и очередной, по имени Вельгор, слывёт в этих краях самым любимым. Небожитель заведует урожаями; учитывая неласковый климат и почти поголовную занятость населения в сельском хозяйстве, неудивительно, что его почитают пуще всех других. Ира не сама до этого додумалась — рассказал Ярослав во время одного из их немногих и недолгих разговоров наедине. Жаль, по другую сторону мало кто знает об этом мире; любопытно было бы почитать о здешней истории и культуре... Только, наверное, если бы кто-то нашёл способ наладить регулярное сообщение через разлом, местные обычаи и порядки недолго оставались бы нетронутыми. Кто-нибудь додумался бы захватить тут всё и колонизировать по праву сильного. Держать всё в тайне — неплохое, в конце концов, решение.

— Пойдём скорее! — взмолилась Цветана и бросила на колени надоевшую вышивку. — Матушка, позволь! Там уж, поди, огни запалили...

— Не запалили, — строго ответила Ждана. Смерила дочь неодобрительным взглядом, под которым та безропотно взяла в руки пальцы. — Вот стемнеет — тогда и пойдём.

Цветана ничего не сказала, но губы надула. Её братья, над которыми у матери власти уже не было, ушли пару часов назад — складывать праздничные костры и выкатывать из погребов бочки с хмельным. У местной молодёжи грядущее действо вызывало грандиозный энтузиазм; дочери Младана со вчерашнего вечера вынули из сундуков лучшие платья и говорить не могли ни о чём другом, кроме как о грядущей ночи. Ира не знала, позволительно ли иностранке не знать об обычаях, связанных с таким важным событием, и на всякий случай изображала вежливый интерес к происходящему. На деле её занимало совсем другое. Завтра возобновят переправу через реку Брай, и можно будет продолжить путь. Ночевать у костра на голой земле, конечно, не так удобно, как на перине в тёплом доме, зато дорога ведёт вперёд, к разлому, за которым — привычный и знакомый мир, уютный, безопасный, родной...

— Матушка, я наряжаться пойду! — уставшая терпеть Цветана решительно отложила вышивку, на сей раз аккуратно, и встала, просительно глядя на мать. — Не то ж не успею!

Ждана оценивающе оглядела дочерей и, смилостивившись, кивнула.

— Ступай. Милица, и тебе бы след нарядиться.

Обрадованная Цветана схватила за руки сестру и скучавшую у окна Иру. Милица залилась краской и залепетала что-то про то, что ещё мала и не станет плясать. Цветана насмешливо фыркнула.

— Не хошь — и не пляши! Разве годится в праздник в обносках ходить?

Это она, конечно, погорячилась: добрая половина Березны и мечтать не могла о таких обносках. На платья дочерям Младан привозил из города яркие ткани и цветную тесьму, тогда как другие деревенские девушки ходили подчас в одежде из некрашеного льна. Цветана в небесно-голубом, расшитом замысловатыми узорами наряде выглядела, как сказочная царевна — разве что золота и камней не доставало для полноты образа.

— Хочешь, помогу косу заплести? — Ира взялась за гребень, пряча улыбку. Надо чем-то себя занять, пока не в меру щедрая подруга не принялась уговаривать примерить что-то из своего гардероба.

— А давай, — Цветана с готовностью повернулась к ней затылком.

Волосы у старшей дочери Младана были великолепные: пышные, золотистые, длиною до самых бёдер. Сестрица, кажется, ей завидует, но тут не в генетической лотерее дело, а в особых притирках. Ира и сама такие делала — правда, изредка; больно много с ними мороки, да и не хотелось никогда иметь косу до пояса. Здесь бы, конечно, пригодилось, но кто ж знал...

Когда-то в детстве они с Анькой так же плели друг другу косички. Подруга капризничала и обиженно верещала, когда Ира неосторожно дёрнула за прядку, сама же не могла соорудить из собственных роскошных волос что-то сложнее хвостика. Она и теперь предпочитает заглянуть в парикмахерскую, чем самостоятельно мучиться с укладкой. Интересно, Анька хотя бы заметила Ирино отсутствие? Наверное, нет: у неё ведь, кажется, новое романтическое увлечение, а в такое время весь остальной мир для Сафоновой меркнет. Охота посидеть с ней, как в былые дни, на кухне за чашкой чая, но разве теперь получится вот так просто?

— Готово, — Ира затянула цветные ленты в сложный бант и отступила на пару шагов, любясь результатом трудов.

Милица тоже взглянула на сестрину причёску и восхищённо ахнула.

— Ладно как получилось!

Цветана потрогала ладонью затылок, извернулась перед тусклым бронзовым зеркалом. Ей, похоже, тоже понравилось.

— Ой, красота! Хотя и не по-нашему... Теперь, может, по осени уже и две заплетать стану, — она лукаво улыбнулась, поймала хвостик косы и накрутила на пальцы.

— Не станешь! — обиженно буркнула Милица. — Батюшка тебя за Зоряна отдаст, а ему только на будущее лето пояс надевать...

— Цыц ты! — Цветана совершенно глупо хихикнула и отобрала у Иры гребень. — Нужен мне твой Зорян... Иди, причешу!

— Нет, я хочу косу, как у тебя!

— А ты мала ещё плясать!

— Ну, хватит, — Ира вклинилась между сёстрами и примирительно улыбнулась. — Милица, я тебя причешу. Не ссорьтесь только.

За раскрытыми по летнему теплу окошками быстро темнело. Когда Ира, наспех втиснувшись в свежую сорочку и повязав поясом длинную накидку, выскочила из отведённой ей комнатки, женская часть старостина семейства уже топталась в сенях в полной готовности. Ждана заперла дом, отпустила задержавшуюся со скотиной работницу и первой вышла за калитку. Идти было недалеко: через луг и редкую рощицу, почитавшуюся священной, на свет исполинских костров, сложенных посреди огромной поляны. Белый дым зыбкими столбами поднимался к высокому звёздному небу; ревящее пламя красило землю и сновавшие рядом фигуры рыжими отсветами. Огни нужны, чтобы нежить не мешала праздновать. То есть, конечно, они посвящены богам и непременно что-нибудь символизируют, но в первую очередь — нежить. Честно говоря, и живым-то страшновато подходить близко к таким огромным кострам.

Тягуче хныкали какие-то местные дудки. Неподальку разудалые мужички раздавали всем желающим кружки с остро пахнувшей янтарной жидкостью — Ира не знала ей названия и ещё не решила, станет ли пробовать. Пожилые рассаживались на тёсаных брёвнах поодаль от костров; ребятня носилась по всей поляне, радуясь дарованной по случаю праздника свободе. Цветана решительно потащила Иру ближе к огням, туда, где кучковалась деревенская молодёжь. Мелькали знакомые и полужнакомые лица; парни смеялись, девушки строили глазки направо и налево, нимало не смущаясь присутствия старших родичей. Наверное, так принято.

— Да где же... — Цветана в сердцах хлопнула ладонью по бедру, но тут же вновь заулыбалась. — А ну, Осуля, отчего до сих пор пляску не завёл?

— Тебя, красавица, ждал, — кареглазый Осуля задорно ей подмигнул и крикнул музыкантам: — Играй «огняночку» — плясать пойдём!

Дудки прекратили ныть и завели что-то бодрое, гулко и ритмично заухал барабан. Ира сама не поняла, как оказалась в хороводе, стремительно закручивающемся между костров. Жар опасно ласкал щёки, кисточки на поясе норовили зацепить ревящее пламя. Пляска оказалась несложной: длинная цепь танцующих то неслась вокруг огня, то замирала, распадалась по звеньям — тогда нужно было сцепиться локтями с соседом, покружить вокруг друг друга и вновь схватить за руки тех, кто оказался рядом, чтобы продолжить бег. Раскрасневшиеся, запыхавшиеся парни и девушки покрикивали и ухали, не то выплёскивая восторг, не то подражая лесной нежити. Хоровод запоздало остановился, когда мелодия уже закончилась; над поляной зазвучали одобрительные возгласы. Взрослым определённно по душе были развлечения молодёжи.

— Не пойду с тобой! — оказавшаяся рядом девица дурашливо надула губки. Парень, позвавший её плясать, не слишком огорчился — пожал плечами и растворился в толпе. Здесь всё просто; куда проще, чем на танцполе в каком-нибудь клубе.

— Чего печалишься, красавица? — рослый молодой охотник вынырнул из ниоткуда, подмигнул Ире. Она его помнила: парня звали Митаром, в точности так, как лже-Кузнецова, и он чем-то напоминал ей Макса. — Спляшем, а?

Почему бы и нет? Музыканты уже завели следующую мелодию, а пляски здесь — далеко не венские вальсы, виртуозного мастерства не требуют. Немного мешалась длиннополая накидка: Ира привыкла танцевать в платьях покороче. Кто-то принёс кружки с хмельным пойлом — оно отдавало мёдом и чем-то пряным и приятно остужало пересохшее горло. Мелькнуло раздосадованное личико Цветаны; красавица не танцевала, лишь вертела головой, словно искала кого-то. Ира потеряла счёт времени — да он и не нужен был посреди этого диковатого праздника. Неслись по кругу серебряные звёзды, дышали жаром костры, бился в такт сердцу простой и затягивающий ритм. Это чем-то походило на вечеринки, на которые без конца таскала её Сафонова, только казалось куда как... реальнее. Без искусственного цветного света и записанной раз и навсегда музыки. Без ядовито-ярких коктейлей. Без фальши.

— Умаялась, поди? — Митар замедлил шаг, увлёк её в сторону от круга танцующих. — Давай-кося передохнём...

— Правда, надо, — благодарно выдохнула Ира.

За пределами круга рыжего света было прохладно и свежо, воздух пах дымом и травами. Митар галантно

подставил ей локоть, и она оперлась о его руку, удерживая равновесие. Медовое пойло, оказывается, неплохо так даёт в голову. Они куда-то шли — наверное, к служившим лавочками поваленным брёвнам. На рубашке Митара били копытами вышитые синими нитками рогатые олени, ревели медведи, горбились клыкастые... наверное, всё-таки кабаны. Охотиться — это почётно; здешняя мелочь спит и видит, как бы вырасти в охотника или воина. Ира должна быть польщена вниманием такого завидного кавалера...

— Хороша ты, — довольно улыбнулся Митар, придерживая её за плечи. Вот стыд-то, так напиться, что уже прямо стоять не выходит! — Нашим-то девкам не чета.

— Спа... спасибо, — Ира неуверенно улыбнулась и по озадаченному лицу парня поняла, что ляпнула что-то не то. — Это... по-нашему — «благодарствую». Ты бы м-мог... Туда, к брёвнам...

Он глянул на неё с хитрецей, куда-то повлѣк. Голова кружилась немилосердно. Зря она так опрометчиво... Не надо укрепляющие снадобья мешать с алкоголем! Завтра ведь в дорогу... С Зарецкого станется объявить подъём на рассвете, тем более что среди празднующих Ира его не видела. Нет, определённо пора назад, в деревню; поплясала — и хватит, только для начала присесть бы, переждать головокружение...

Стало темнее, на плечи легли ажурные древесные тени. Ира осовело огляделась. Костры остались далеко за спиной; впереди маячил лесок — кажется, тот самый, через который они шли на праздник. Митар, похоже, оценил её состояние как совсем плачевное, раз решил сразу отвести в деревню. Ира притормозила, потянула его назад. Надо Цветане сказать, прежде чем уходить, а то будут волноваться... Да и дом ведь заперт — значит, Ждану нужно искать...

— Ты что ж? — охотник недовольно нахмурился. Ещё бы, и так время на неё потратил...

— Н-назад... надо, — Ира вздохнула, собирая разбегающиеся мысли. — К кострам...

— К кострам тебе? — Митар не слишком вежливо подтолкнул её в сторону; сквозь ткань накидки Ира почувствовала лопатками ребристую кору. Должно быть, парню надоело, что она на нём почти висит. — Ишь... А плясать шла — чего думала-то?

Ира недоумѣнно покачала головой. Опять она что-то не так сделала. Может, тут принято веселиться до рассвета, иначе бог обидится и не даст урожая? Увитая древесными корнями земля снова коварно качнулась под ногами; Митар схватил Иру за плечи, прижал к стволу.

— Али не люб я тебе?

Вон... вон оно что! Да что же она вечно попадает впросак с этими обычаями! Вот неудобно-то, она ведь правда сама согласилась танцевать — кто ж знал, что с последствиями... Ира яростно помотала головой — сделала только хуже.

— Я не знала, — покаянно выдавила она, пытаясь высвободиться из привычных к тугому луку сильных рук. — Прости, пожалуйста, я... Д-давай вернёмся, я больше плясать... не пойду...

Лицо охотника окаменело. Наверное, это очень плохой вариант — увести девушку от костров и потом вернуться одному... От досады плакать хотелось. И что теперь делать? За амулет хвататься? Ох и обрадуется Зарецкий... Сердце нехорошо ёкнуло. Хмельная пелена как-то враз спала, по коже продрала ночная прохлада. Митар не спешил её отпускать — должно быть, размышлял, что с ней делать. Как бы не решился...

— Отойди, — приказала Ира ясно и чётко, глядя в пьяноватые тѣмные глаза. — Не трогай меня.

Сработало. Как и в прошлый раз; как и во все прошлые разы, когда она знать не знала, что на самом деле творит. Молодой охотник послушно отступил; его руки безвольно повисли вдоль тела.

— Иди... в деревню, — наверняка она опять ненароком нарушает какой-нибудь обычай, но ничего лучше придумать не получается. — Домой. Спать ложись. И... — она до боли закусила губу. Нет, слишком страшно играть с чужой памятью. Он и так пьян; сам, наверное, позабудет... — Нет, всё. Больше ничего. Иди.

Митар бестолково кивнул, развернулся и целеустремлённо зашагал через лес. Ира тоскливо посмотрела ему вслед. Ох, не напортачить бы со своенравной волшбой! Одно радуется: завтра её здесь уже не будет. Даже, пожалуй, хорошо, если с самого рассвета... Костры всё ещё горят; правда, кажется, уже пониже, чем раньше. Надо потихоньку найти Ждану, не попадаясь никому на глаза. Выпросить ключ от дома. Попытаться выспаться... Где-то справа послышался шорох; в полудюжине шагов, не обращая на Иру ни малейшего внимания, самозабвенно целовались смутно знакомые парень и девушка. Отличные, блин, у них тут обычаи... Крадучись, чтобы не помешать влюблённым, Ира пробралась обратно на поляну и зашагала к кострам — так быстро, как позволяла тяжѣлая голова. То ли выброс адреналина, то ли разбуженный им волшебный дар мало что оставили от пьяной лёгкости, но мигрень никуда не делась.

Дудки всё ещё верещали что-то залихватское. Толпа у костров основательно поредела, зато прибавилось народу у бочонков с хмельным мѣдом. Ждана, наверное, или там, или где-нибудь рядом с мужем, которого тоже чѣрт знает, где искать... Не пересекая круг света, Ира взяла левее. Лучше обойти со стороны, чем пробираться через толкучку и привлекать к себе внимание...

— Так все ж пляшут! Отчего б не пойти?

Обиженный Цветанин голосок грянул, как гром среди ясного неба. Ира замедлила шаг. Надо взять ещё левее.

— Нет, Цветан, извини. Я для тебя уже старый.

Ира замерла в нерешительности: а теперь что? То ли обходить по широкой дуге, то ли броситься навстречу и во всём повиниться — пусть разбирается. Но Цветанка-то какова! Разве ей позволено первой с мужчинами заговаривать? Перебросила на грудь свою роскошную косу, то и дело оправляет богатый наряд — глядите все, какая красавица... Да если б знала, перед кем хвост распускает! Зарецкий добродушно дал ей напутствие повеселиться как следует и зашагал дальше в темноту; Цветана осталась расстроено крутить увитой лентами головой. То-то же! Пусть охотится на земляков...

Ира нашла Зарецкого в стороне от костров, у дальнего края поляны. Хваставшиеся удалью деревенские оттащили сюда одно из громадных брёвен, да так и бросили среди высоких трав; гуляющий народ на эту импровизированную лавку не польстился. Ярослав сидел в одиночестве и неотрывно смотрел на весело полыхающие огни; в руках он держал глиняную кружку с остатками пьяного мёда. На тихий шум Ириных шагов Зарецкий обернулся; глаза у него были совершенно трезвые.

— Случилось что-то? — спросил он как-то устало, словно всей душой надеялся, что ответ будет отрицательным.

— Не совсем, — Ира осторожно приблизилась и придирчиво оглядела смолистый бок дерева. — Я опять напортачила с обычаями.

— А, — Ярослав понимающе усмехнулся. — Пытались затащить в пляску?

— Затащили, — Ира всё-таки уселась, подобрав накидку. Если портить, то лучше уж рубашку, которых у неё хотя бы несколько. — Вернее, я сама пошла.

— Вот как.

Ира неуютно поёрзала на своём насесте. Зарецкий, кажется, не собирался больше ничего говорить; он вновь отвернулся к кострам, его пальцы рассеянно постукивали по расписному глиняному боку кружки, волнуя мутновато-янтарную жидкость в глиняном зеве.

— Ты мне не говорил, что эти танцы — с подвохом, — укоризненно сказала Ира, разглаживая на коленях накидку.

— Я и подумать не мог, что тебя туда потянет.

Справедливо. До сих пор Ира старалась следовать двум правилам: как можно меньше вмешиваться в здешнее житьё-бытьё и по возможности не привлекать к себе внимания; сегодня два этих принципа вошли в противоречие. Нет, если бы она знала, что в праздник Вельгора принято искать себе пару среди танцующих, отбрыкалась бы от участия всеми правдами и неправдами! Ира удручённо вздохнула.

— Я его зачаровала. И он всё равно был пьян, утром ничего не вспомнит. Надеюсь, — прибавила она виновато, наткнувшись на осуждающий взгляд Зарецкого.

— Прекращай, — строго потребовал Ярослав. — Нельзя так решать все свои проблемы.

Ира даже не пыталась с ним спорить. И так понятно, что он скажет: головой надо думать, прежде чем влипать в истории. Да и, честь по чести, у него уже достаточно оснований по возвращении предъявить ей обвинения сразу по дюжине статей... Если сам каким-то образом вырвется из лап управского правосудия. Ира поёжилась: лучше об этом не думать.

— А ты чего здесь один? — наигранно небрежно спросила она. — Не гуляешь, не пьёшь?

— Пью, — Зарецкий демонстративно качнул кружкой. — Не берёт.

— Серьёзно? А я... — Ира сконфуженно осеклась. Не хочется, чтобы он думал о ней как о легкомысленной пьянчужке. — Устала немного, — неловко закончила она.

Ярослав сдержанно вздохнул.

— В деревню тебя проводить?

Она, подумав, помотала головой.

— Нет, не надо. Всё равно дом закрыт. И вообще... И так слишком много из-за меня мороки.

Ярослав отвлёкся от созерцания далёкого праздника и смерил её внимательным взглядом. Ире стало не по себе. Трудно с ним... Стоит что-нибудь сдуру ляпнуть — и гадай потом полдня, что было не так и какие выводы он теперь сделает.

— Работа у меня такая, — невыразительно буркнул Зарецкий и одним глотком допил мёд. Нашарил у воротника серебряную цепочку, оттянул в сторону, словно она его душила; тут же опомнился, отпустил, избегая касаться камня. — Запасной ключ от дома — за ставней справа от входа. Ждана не будет против, если ты воспользуешься.

Это, пожалуй, был недвусмысленный намёк проваливать подобру-поздорову. Ира вздохнула и обхватила руками колени.

— Можно я тут посижу? — напрямик спросила она. — Мне так... спокойнее.

— Сиди, — Ярослав пожал плечами, ничем не выдавая раздражения. — Не холодно?

Ира на миг задумалась, прислушиваясь к ощущениям. Не то чтобы холодно, но она была бы совсем не против, если... Мог бы он её обнять? Просто так, чтобы согреться зябкой ночью?

— Вообще у костров теплее, — смущённо пробормотала она. Нечего тут мечтать. — Я скажу, если замёрзну.

Зарецкий недовольно фыркнул и протянул руку, касаясь её виска.

— А мы, значит, ждать будем, — проворчал он. Склонил голову, заглядывая ей в лицо. — Ир, прекрати молчать до последнего. Я могу помочь. Мне не сложно.

— Да я не... — она досадливо прикусила губу. — Я и не сомневаюсь, просто... Не хочу лишний раз напрягать...

— Ты и не напрягаешь, — Ярослав утомлённо вздохнул. — Будет хуже, если с тобой что-нибудь случится. Опять.

Ира виновато улыбнулась. Не стоит забывать, что печётся он не о её благополучии, а о своих служебных обязанностях, о сохранности важных тайн, о том, чтобы до неё не добрался жадный до власти Ергол... Сложно себе представить, чтобы Зарецкого волновало что-то кроме работы. Ни разу за всё время, что она его знает, он не давал повода в этом усомниться.

— Ладно, я поняла. Правда, поняла, — быстро сказала Ира, заметив, как Зарецкий недоверчиво хмуриет брови. — Буду хорошо себя вести. Тем более мы завтра уходим...

— Вечером, — Ярослав отвёл наконец взгляд. Стало одновременно легко и как-то обидно. — Я обещал Младану помочь разобраться с отшельницей.

— Кто она такая?

— По всей видимости, чем-то обиженная ведьма, — спокойно пояснил Зарецкий. — Или, как вариант, тётка немного свихнулась на религиозной почве. Тогда дело может оказаться сложнее.

— Это как?

— Видишь ли, — его голос звучал задумчиво, почти напевно, как и всякий раз, когда он рассказывал что-нибудь об этом мире, — Семара, среди прочего, ещё и богиня смерти, и служители у неё соответствующие. У нас любые опыты с мёртвыми давно запрещены, а здесь вроде как даже в рамках закона... Пока не начинается непотребство.

— Здесь — началось?

— Непонятно. Пара мёртвых коров — это грустно, но не показательно.

— Ерунда какая-то, — буркнула Ира, пристально рассматривая отросшие ногти. — А магов и ведьм, значит, преследуют...

— Политика, — Ярослав невесело усмехнулся краем рта. — Да и ответственные боги формально разные. Не надо так смотреть, у нас не меньше глупостей в законах написано.

— Это точно, — Ира поёрзала на грубо отёсанном бревне. Чем дальше, тем больше её пугала перспектива встречи с управскими церберами. — Слушай, а как... как ты сюда попал впервые? Это же всё должно быть страшно засекречено...

— Ну ещё бы, — насмешливо хмыкнул Зарецкий. — Если нельзя, но очень хочется, то можно.

— В смысле?

— В смысле, мы вне правового поля, — скучным голосом пояснил Ярослав. Его слова странно сочетались с огненными отсветами и далёкой кричающей музыкой. — Те, кто составлял классификаторы и своды, не знали о такой... вариации магического дара. По букве закона обвинять нас не в чем, — он отставил в сторону пустую кружку и лениво потянулся. Не так уж неправа была Анька, когда назвала его красавчиком... — Не бери в голову. Никто тебя не тронет, если глупостей делать не будешь.

— Я только их и делаю, — понуро вздохнула Ира. — Глупости. Это прямо моё.

— Все время от времени творят ерунду, — великодушно заметил Ярослав.

— Да? — она бросила на него угрюмый взгляд исподлобья. Издевается, что ли? — Я вот в разлом сдуру влезла. Есть чем крыть?

— Может, и есть, — Зарецкий невесело усмехнулся. — Я как-то аварию на трассе устроил. Гнался по зиме за таким же идиотом. Ему повезло, мне — нет. И ещё паре водителей заодно.

— Всё кончилось хорошо? — осторожно спросила Ира.

— Если в том смысле, что все выжили, то да. Гонщик в добром здравии, пожизненное отбывает. По другому поводу, само собой.

— По какому?

— Долгая история, — отмахнулся Ярослав и строго на неё воззрился. Ира сообразила, что опять безотчётно обнимает себя за плечи, пытаясь согреться. — Расскажу, когда ты научишься словами говорить, что тебе холодно. Пошли в дом.

— Я не замёрзла! — запротестовала Ира. — Ну, если только чуть-чуть... Я ещё хочу тут посидеть!

— А завтра будешь душераздирающе зевать всю дорогу, — безжалостно заявил Зарецкий и поднялся. Ира нехотя последовала его примеру. — Ты укрепляющее пила сегодня?

— Угу, — она сердито покосилась на оставленную на бревне кружку и, не удержавшись, прибавила: — И зелье тоже пила.

Ярослав закатил глаза, красноречиво демонстрируя всё, что думает о подобных шуточках. Его ладонь без церемоний легла ей на плечо, щедро делясь теплом и не позволяя вывернуться и удрать. Не то чтобы очень хотелось. Что тут делать одной? Опять идти к кострам искать приключений на свою задницу? Мимо промчались, пьяно и громко хихикая, разгорячённые танцем парень с девушкой; через десяток-другой шагов девица картинно споткнулась, и оба скрылись в высокой траве. Ира отвернулась, чувствуя, как к щекам приливает кровь; почему-то стало стыдно чёрт пойми за что.

Дом встретил их безмолвием и темнотой. Ярослав зажёл над ладонью бледное пламя, мигом осветившее тесный закуток вместе с приставной лестницей и открытым лазом на верхний этаж, и держал его горящим, пока Ира, путаясь в полах рубашки, не взобралась по отполированным бесчисленными прикосновениями перекладинам. Сам Зарецкий превосходно обошёлся без света. Под низкой покатой крышей ему приходилось слегка сутулиться.

— Снадобье перед сном выпей, — негромко сказал Ярослав. В пахнущей деревом и сухими травами тесноте Ира почти чувствовала его тёплое дыхание.

— Так и сделаю, — покладисто пообещала она, дёргая тугую дверь. Дерево оглушительно шаркнуло о дерево; створка немного рассохлась и каждый раз заедала. — Спокойной ночи.

Ярослав устало вздохнул.

— Это тебе спокойной ночи. Зови, если что.

Она закрыла за собой дверь и поморгала, привыкая к серебряному свету, сочившемуся в щель между ставнями. Ополоснула руки в остывшей за день воде, допила остатки снадобья. Стянула с себя одежду, пропахшую дымом, потом и древесной смолой. Может быть, удастся выстирать в каком-нибудь ручье по дороге. Может быть, уже и не понадобится. Набитая слежавшимся пухом перина — такая себе замена пружинному матрасу, но и ни в какое сравнение не идёт с расстеленным на голой земле плащом. Что ж должно было случиться с избалованной уютом и спокойствием горожанкой, чтобы она начала по достоинству ценить то, чего прежде вовсе не замечала? Неужели нельзя было разуть глаза как-то по-другому, в щадящем режиме?

Тихий шорох за стеной заставил Иру затаить дыхание. Зарецкий был беспроблемным соседом: не шумел, не жёл лучин, уходил до Ириного пробуждения, возвращался позже её отхода ко сну — никак не заявлял о своём присутствии. Сейчас из-за шуршащей сухой набивкой перины она точно знала, что он здесь, совсем рядом, и что он тоже не спит.

Утро наступило как-то вдруг. От окна через весь закуток тянулась золотая солнечная полоса. Ира с недовольным ворчанием сползла с постели и потянулась к бадейке с водой. Почему никто её не разбудил? Хозяева сами до сих пор дрыхнут после бурного празднества? Во дворе, судя по долетающим оттуда звукам, кто-то возится, но это вполне могут быть работники, которых никто не освобождал от трудов. Путаясь в тесёмках, Ира влезла в свежую рубашку, набросила сверху шерстяную накидку, всё ещё пахнущую дымом. На подоле виднелась присохшая капелька смолы.

Вместо кошмаров снился какой-то сумбур, оставивший в голове полнейшую неразбериху. Ира никак не могла вспомнить, что такое ей привиделось, да и не очень-то хотела. На память ей осталось лишь подспудное, ищущее беспокойство, из-за которого хотелось немедленно куда-нибудь бежать и что-нибудь делать. Высунув нос из комнаты, она прищурилась от заливавшего тесный проход яркого света; соседняя дверь была открыта настежь, сквозь неё и били безжалостные солнечные лучи. Ира, набравшись смелости, заглянула через порог. В крохотной комнатке, как две капли воды похожей на её собственное обиталище, никого не было. Торчала в чугунных когтях светца нетронутая щепка, нежилась в лучах солнца брошенная на пол перина, на расписном ларе лежали стопкой аккуратно сложенные простыни. Дорожная сумка, туго набитая и накрепко завязанная, притулилась у самой двери. Стало досадно. Мог бы и разбудить её перед уходом. Хотя с чего бы ему?

Ира вернулась в собственную каморку. Надо тоже прибраться, сложить свои немногочисленные вещи — в основном сменную одежду — и идти вниз. Ждать. До чего дурное занятие... Она тщательно ополоснула плоску из-под снадобья и выставила за дверь бадью с водой, чтобы не забыть вынести. Может быть, хозяйка повелит затопить баню, чтобы отмыть после праздничка наплясавшихся дочек — и дорогую гостью заодно, что уж там. Впредь снова предстоит купаться в прохладных лесных озёрах или мутноватых от песка и ила неторопливых равнинных реках; неплохо было бы напоследок отмокнуть в горячей душистой воде...

Ждана не спала. Она в одиночестве сутилась у печи, в которой теплился затухающий жар; Младанова жена успела уже приготовить утреннюю трапезу и теперь проворно убирала в полукруглое тёмное жерло чугунки с остатками еды. Завидев на пороге гостью, она отложила ухват и потянулась за чистой тарелкой.

— Здравствуй, — приветливо сказала хозяйка. — Ты садись, садись. Девки-то ещё спят мои.

Ира послушно уселась за массивный дубовый стол. За окошком взволнованно гоготали гуси; расторопная работница гоняла их хворостиной. Сколько времени? Полдень ещё не миновал, иначе солнце уже не заглядывало бы в комнату. Ждана поставила перед Ирой плошку с кашей, щедро сдобренной маслом, отёрла руки о передник.

— Что-то смурная ты, — без обиняков заявила хозяйка.

Ира встрепенулась, натянула на лицо улыбку.

— Нет, всё хорошо. А мужчины давно ушли?

— Да вот, почитай, только проводила, — Ждана кивнула на свежевывымытую кухонную утварь.

Досадно: выходит, проснись Ира чуть пораньше, не разминулась бы с Зарецким. Хотя какая, в сущности, разница? С собой её бы всё равно не взяли. Схватившись за ложку, Ира вмешала в кашу солнечно-жёлтое растаявшее масло. Дорогое, между прочим, угощение...

— Пижмы тебе заварить, что ли? — вдруг предложила старостина жена. На гостью она смотрела как-то жалостливо.

Ира насторожилась. Опять какие-то местные заморочки? А отказаться будет вежливо?

— Зачем?

Ждана выразительно выгнула светлые брови.

— Так чтоб ноченька без следа прошла. Али не то думаю? Обидел тебя твой сокол?

Ира озадаченно покачала головой. Обидеть — это, конечно, по части Зарецкого, особенно когда он в дурном настроении, но вчера он вёл себя вполне любезно... Нет, Ждана явно другое имеет в виду. Заполняя ставшую душной тишину, Ира неловко рассмеялась.

— Нет, нет, ничего такого... Я просто... Та к-колдунья, она же опасная...

Хозяйка вздохнула и быстро начертила в воздухе обережный знак.

— Смилуйся, Матерь...

Ну вот, зря расстроила добрую женщину! Ира сочла за благо вплотную заняться завтраком. Ждана оставила её в покое; достала откуда-то из-за печи мешок незнакомых корнеплодов, устроилась на лавке под окном и принялась чистить лиловатые мячики от кожуры. Вымыв за собой плошку из-под каши, Ира села с ней рядом и тоже включилась в процесс, чтобы чем-нибудь занять руки и мысли. Овощи пахли влагой, как сырая картошка, и легко поддавались туповатому ножу.

— А что с ними делать потом? — праздно полюбопытствовала Ира, откладывая очередной клубень в бадейку с холодной водой.

— Парить, — с готовностью отозвалась Ждана. — С маслицем-то — милое дело.

В мешке хоть и убывало, но не слишком быстро. С каждым клубнем приходилось возиться, срезая неаппетитные наросты и аккуратно снимая тонкую кожуру. Занятие на полдня. Ждана до того усердно скребла ножом отмытые от грязи овощи, что даже сомнений никаких не было: мыслями она рядом с мужем. Бойся непонятной ведьмы-отшельницы, молится своим неотзывчивым богам, ждёт... Её беспокойство оказалось заразительным, хотя Ира-то знала наверняка, что переживать тут нечего. Что такое дремучая лесная ведьма против офицера контроля? Даже если она и балуется со всякими запрещёнными подвидами колдовства. Даже если не связана гражданской присягой...

Ира механически вытерла нож о передник. На ткани остался рыжеватый след. Широкое неровное лезвие до половины покрывала ржавчина. Пару мгновений назад нож был пусть и не новый, но вполне себе чистый, а теперь бурые разводы на глазах поедали тусклый тёмный металл. Ира торопливо вскочила, пряча руки в переднике.

— Мне... наверх надо, — неуклюже пояснила она в ответ на удивлённый Жданин взгляд. — Вспомнила... Не всё уложила...

— Ступай, — хозяйка кивнула и вновь принялась старательно чистить клубни. Странности заморской гостью не слишком её занимали.

Ира опрометью кинулась в свою каморку. Сердце глухо ухало где-то в горле. Забытая бадья с несвежей водой так и маячила у двери; мутноватая поверхность равнодушно отражала потолочные балки. Ира с сомнением на неё воззрилась. Не получится ведь. Не должно по всем известным ей законам. Но тогда и с ножом тоже ничего не случилось бы... Решительно тряхнув головой, она втащила тяжёлую бадью в комнату, заперла дверь, для надёжности задвинула сундуком. Аккуратно положила на пол завернутый в передник нож. Если кто-то застанет её за колдовством, долго думать не будут — на костёр, и дело с концом; небось и дровишки после праздничка ещё остались...

Грязная вода плохо подходила для «зеркала». Зеленоватые в отражении бревенчатые стены никак не желали растворяться — наверное, потому, что Ира сама не слишком хотела, чтобы у неё получилось. Но уже знала наперёд, что получится. Это было, наверное, хуже всего. Раза с десятого вода в бадье неохотно подёрнулась дымкой; что-то тёмное ринулось из глубины — Ира отпрянула, едва не опрокинув «зеркало». Трусиха! Это всего

лишь отражение...

В широком зеве бадьи, как сквозь круглое окно, виднелся клочок угрюмой лесной чащи, весь полный недоброй суматохи. Ира увидела Зарецкого: собранный и сосредоточенный, он торопливо ткал в воздухе огненные узоры; на левой его скуле алела свежая царапина. Его врага зеркало не показывало, зато видны были другие, наседающие на ошетилившихся длинными копьями селян. Тощие двуногие коричневые твари тоже, наверное, были когда-то людьми; сухие, хрупкие на вид руки с длинными загнутыми ногтями ломали тяжёлые копейные древки, как зубочистки. Ира никогда прежде не слышала о подобной нежити. Может, эти существа нежитью и не были.

Кто-то — кажется, сам Младан — с размаху пробил рогатиной истлевшую грудь попавшейся под руку твари; массивный наконечник насквозь прошёл сухую плоть и сквозь облако бурой пыли зло блеснул пойманным отсветом пламени. Существу было всё равно. Обращая на копьё не больше внимания, чем на досадную занозу, оно шагало вперёд, к оторопевшему селянину. Ира зажала рот руками, чтобы не закричать. Что она скажет Ждане, если вдруг...

Картинка в «зеркале» стремительно развернулась, и тут же всё затянуло пламенем. Казалось, едкий дым сочится сквозь беспокойную водную гладь, царапает пересохшее горло. Ира глубоко вдохнула тёплый воздух, пахнувший нагретым деревом и пыльной листвой. Она зря переживает, совершенно зря, глупо бояться за опытного боевого мага... Это неведомые твари пусть боятся, откуда бы они ни вылезли!

Мелькнуло совсем близко перекошенное злостью, ставшее почти незнакомым лицо охотника Митара. В чёрно-буром чаду сталь блеснула совсем тускло; взмыла над плечом Ярослава — и бессильно полетела наземь. Невесть откуда взявшийся Тихон крепко держал оторопевшего Митара за запястье и, кривя рот в ухмылке, что-то говорил селянину на ухо. Молодой охотник обмяк в цепких лапах лиха; Тихон с нечеловеческой лёгкостью подхватил тяжёлое тело и резво выскочил за пределы «зеркала». Если бы он вдруг возник сейчас прямо здесь, на чердаке Младанова дома, Ира, наверное, расцеловала бы одноглазую физиономию. Но как же так? За что?..

Невысокая худая женщина, не старая, но абсолютно седая, появилась в «зеркале» и тут же пропала. Тихон снова возник за спиной Ярослава — верная и мрачная тень. Зарецкий что-то говорил, медленно и чётко, глядя прямо перед собой и зло хмурия брови. Под потёками запёкшейся крови и следами жирной чёрной копоти он был бледен, словно схватка выпила из него все силы. Едва он замолчал, теснившие людей существа в один миг рассыпались бурным прахом. Ярослав оглянулся через плечо, и Ира вновь увидела колдунью: обозлённая и растерянная, она прижималась спиной к древесному стволу; глаза у неё были светло-светло-серые, почти прозрачные. На высохшей шее висели гроздьями грубо сработанные амулеты. Тихон тоже утратил к ней интерес, обернулся, озабоченно тряхнул спутанными волосами и растворился в воздухе. Торопливо, но недостаточно быстро. На измождённом лице ведьмы медленно проступила торжествующая усмешка.

На миг Ире показалось, что зеркало выдохлось само собой: дымный сумрак сменился бревенчатой стеной, подёрнутой ажурной тенью старой яблони. Сообразив, что к чему, Ира торопливо шлёпнула ладонью по водной глади, разрушая хрупкое колдовство. Развернула скомканный передник: лезвие ножа проржавело до самой рукоятки и начало крошиться у кромки. Ира сунула ненароком зачарованную вещицу в тюк с одеждой за миг до того, как раздался стук в дверь. Дрожащими руками она оттащила в сторону сундук и вытолкнула из паза засов. Всё плохо. Всё очень, очень плохо...

— Уходим, — без предисловий отрезал Ярослав. Он бездумно провёл ладонью по лицу, размазывая грязь; рубашка у самого ворота была порвана и испятнана алым. — Сейчас. Быстро.

Ира кивнула и подхватила свой узелок. Наткнувшись взглядом на брошенный передник, схватила его и протянула Зарецкому.

— Вытрись, а то увидят...

Он удивлённо посмотрел на неё, но безропотно подчинился. Толку-то; всё равно одного взгляда на сосредоточенное лицо достаточно, чтобы понять: что-то стряслось... Ира едва не оступилась, спускаясь по скользким перекладам. Сердце колотится предательски громко; Ждана непременно услышит сквозь неплотно прикрытую дверь... У низенькой дверки чёрного хода Ярослав задержался на пару мгновений, оставил на кособокой лавке несколько золотых монет.

Немногочисленные встречные провожали их любопытными взглядами. Солнце неуклонно поднималось в зенит; по вискам катились капли пота, но Ира не смела жаловаться. Ворота в частоколе стояли полуоткрытыми — дожидались возвращения охотников на лесную колдунью. Далеко ли идти селянам? С какой стороны они появятся? Холмы казались обманчиво пустынными; единственная дорога разворачивалась среди них, как шёлковая лента. Здесь не затеряешься среди деревьев и не скроешься из виду в высоких травах, остаётся только спешить.

— В случае чего — бежишь до безопасного места и зовёшь меня, — тихо напомнил Ярослав, поправляя на плечах верёвочные лямки. Он дышал тяжело и прерывисто, болезненная бледность всё ещё не сходила с его лица.

— Я могу отвлечь...

— Без самодетельности! — рявкнул Зарецкий, и Ира сочла за благо замолкнуть.

Ощетинившаяся копыями группка селян показалась из дальнего перелеска спустя сотню-другую торопливых шагов. Сердце нехорошо ёкнуло. На бугристой равнине деваться некуда, только удирать через луга к югу, мимо редких рощиц к обрывистому речному берегу. Ярослав остановился, нервно одёрнул перепачканный чёрным и бурым рукав.

— Бегом, — скомандовал он, указывая в точности туда, куда смотрела Ира.

— Осторожней, — тихо попросила она, прежде чем опроретью броситься через луговину.

Хотелось оглянуться, но коварная рыхлая земля, изрытая мышинными норами, занимала всё её внимание. Кожаные башмаки скользили на гладких стеблях, вязли в податливой почве. Ира изо всех сил прижимала к себе бесполезный тюк, будто ничего в жизни не было важнее, чем донести его до реки. Ветер услужливо донёс из-за спины мешанину гневных мужских голосов. Всё ещё слишком близко. Выбившаяся из-под воротника цепочка беспорядочно раскачивалась, вспыхивая в лучах солнца судорожным синим огнём.

Ира насквозь проскочила берёзовую рощицу и остановилась лишь за высоким холмом, в густом перелеске, внушающем хотя бы иллюзию надёжности. До боли стиснула в пальцах амулет. Успела испугаться, что зов ушёл в никуда, и тут же радостно вскрикнула. Ярослав опасно пошатнулся, но удержал равновесие; последний прыжок окончательно его вымотал. Рукав рубашки пятнала свежая кровь.

— Слава! — испуганно пискнула Ира, безотчётно хватаясь за тюк. — Подожди, я сейчас...

Сорочка, выстиранная с щёлоком в колодезной воде, плохо годится для перевязки, но это лучше, чем совсем ничего. Узел не выдержал очередного рывка; тряпье посыпалось наземь цветным ворохом. Шлёпнулся в траву зачарованный нож; ржавые разводы на глазах сходили с тусклой стали. Ира подобрала его, примерилась чистой кромкой к желтовато-белой ткани.

— Не надо, — хрипло проговорил Зарецкий. Он поднял к глазам испачканную кровью руку; глубокая рана наискось рассекала ладонь и змеилась вдоль предплечья к локтю. — Сам справлюсь... Через полчаса...

— Давай хотя бы промоем, — дрогнувшим голосом попросила Ира и сообразила, что обе фляги — в его поклаже. — Можно я воду достану?

— Нет. Пригодится ещё.

— Новой наберём! Что ты ерунду говоришь? — она в сердцах бессильно топнула ногой. Заслужила раздражённый взгляд.

— Это не первая царапина в моей жизни, — едко сказал Ярослав. — Пойдём, нечего время терять. В какой стороне река?

— Никуда мы не пойдём, — в тон ему заявила Ира. — Дай посмотреть!

Он замешкался на миг, ошеломлённый её наглостью, и этого ей хватило, чтобы изловчиться и поймать его раненную руку. Стиснув зубы, чтобы сдержать подступающую дурноту, Ира осторожно отодвинула от кровоточащего пореза края рассечённой ткани. Классическая магия никак ей не поддаётся и, наверное, уже не поддастся, но дремлющий дар вполне отзывается, пусть неохотно, пусть почти бесконтрольно, на привычные ей колдовские приёмы. Пальцы обожгло изнутри; так бывает, если схватиться на морозе за холодную железку. Не слишком-то приятно, почти больно. Голова кружится, как от недостатка кислорода...

— Ты что творишь? — Зарецкий отпрянул, покачнулся, оперся раненной ладонью о шершавый дубовый ствол. Ира поневоле поморщилась от чужой боли.

— Пытаюсь тебе помочь, — тихо проговорила она. — Я... я здесь без тебя не выживу, знаешь ли.

Ярослав медленно отнял ладонь от перепачканной алым древесной коры. Придирчиво изучил закрывшийся порез, осторожно вытер руку о безнадежно испорченную рубашку. На миг устало прикрыл глаза.

— Не делай так больше, — с расстановкой произнёс он. Не злится, нет; скорее... расстроен? — Это очень опасно. Не представляешь, насколько.

Ира молча дёрнула плечом, глядя в сторону. Что тут скажешь? Что делиться жизненной силой не только больно, но и неожиданно радостно? Что она ему столько раз обязана, что даже как-то совестно вести счёты? Что, в конце концов, кто-нибудь должен о нём заботиться, если уж он сам не желает?

— Река вон там, — она указала в сторону, в которую бежала до того, как выбилась из сил.

Зарецкий повернул голову, невесть что высматривая в лесной чаще. Потом сбросил с плеч сумку, осторожно стянул с себя рубашку и скомканной тканью стёр с кожи не успевшую застыть кровь. Ира сообразила порыться в вещах, отыскать сменную одежду. Ярослав благодарно кивнул ей.

— Опять придётся потратиться, — проворчал он, затягивая у горла алые тесёмки. — Идём. Нужно успеть перебраться до темноты.

— Отвратительное зрелище.

Скрипучий Костиков голос выдернул Мишку из забытья. Старов рывком поднял гудящую голову, с силой провёл по лицу ладонью, стряхивая остатки болезненной дрёмы. В тесной переговорке было жарко и душно; в спрятанное за жалюзи окно мерно стучали дождевые капли.

Кажется, уже настал день.

— Извини, — мученически пробормотал Старов, всё ещё пытаюсь осознать, на каком он свете.

Костя негодуяще фыркнул.

— Это всё?

Он выглядел как-то непривычно; Мишка не сразу сообразил, что это из-за других очков. Прежние разбились. Старов свёл брови к переносице: в короткой ночной перепалке Костя совершенно точно не был невинной жертвой.

— Всё, — буркнул Мишка, поднимаясь из-за стола. — Получил ты по делу, за это извиняться не буду.

Чернов вспыхнул, как подожжённая сигарета.

— Я был о тебе лучшего мнения!

— Даже не знаю, чем тебе помочь, — огрызнулся Мишка. Он подошёл к окну и сердито дёрнул на себя створку, впуская в комнату промозглую свежесть. Жалюзи взволнованно зашелестели на сквозняке. — Говори, чего хотел, и пошли работать.

— А уже как-то, знаешь, неохота, — ядовито процедил Чернов. — Я так подумал, что в судебные архивы прекрасно съезжу сам.

Мишка едва сдержался, чтобы не выругаться. Он совсем про это забыл. Костя ухмылялся победно и хищно; ждал, что коллега пойдёт на попятный — чтобы безжалостно его отбить. Не хочется играть в эти игры, но и треклятый список фигурантов ох как нужен...

— Кость, — осторожно начал Мишка, лихорадочно подбирая слова, — ты же не собираешься...

— Именно это и собираюсь, — надменно бросил Чернов. — Хочешь, поспорим? На увольнение. Если я успею раньше — напишешь по собственному.

— Что ты несёшь?

— Спорим или нет?

— Пошёл ты...

Чернов хмыкнул и пошёл, напоследок хлопнув дверью переговорной. Мишка от бессильной злости саданул кулаком по столу; боль слегка его отрезвила. Надо поговорить с шефом — но шеф немедленно спросит о результатах, которых нет. Старов включил свет; из призрачной комнаты за оконным стеклом на него хмуро глянуло заспанное отражение. Очень хотелось домой. Вызвонить Аню из её финансовой крепости и послать всё к лешему. Может, Чернов не так уж не прав — пора писать по собственному? За наставничество тоже платят неплохо...

Отражение угрюмо усмехнулось и пригладило торчащие вихры. Помечтали — и хватит, пора заниматься делом. Выхлестав стакан холодной воды, Мишка задержал дыхание, как перед прыжком в прорубь, и толкнул дверь в кабинет. Зря волновался. Чернова не было; за своим столом в одиночестве клевала носом Ксюша. Всё старается выглядеть сильнее, чем есть на самом деле. Мишке стало её жаль — хотя он ни за что не сказал бы об этом вслух.

— Ты чего домой не поехала? — осторожно спросил Старов, пробираясь к своему столу. — Шеф же разрешил.

Ксюша подняла на него мутноватый взгляд.

— А ты?

— А я тут поспал, — сообщил Мишка, вяло шевеля мышь. Компьютер тоже выныривал из сна медленно и неохотно.

Тимофеева пожала плечами. На часах — без малого двенадцать; четверть суток тому назад Верховский выпустил Мишку из логова после того, как вытянул все подробности происшествия в «Лесной сказке». Инструкций не дал. От вида рабочего стола, заваленного разрозненными черновиками, с души воротило. Может, оно всё как-нибудь самой разрешится? Приедет из судебного архива Чернов, победоносно махнёт добытой бумагой... Или явится из-за разлома Зарецкий и прояснит решительно всё, начиная с личности неведомого вредителя и заканчивая собственной биографией. Хорошо бы. Несбыточно.

— Пойдём перекусим, а? — предложил Старов, без удовольствия созерцая набитую непрочитанными письмами папку входящих. — Хоть чуть-чуть жить полегче станет.

Ксюша, подумав, молча встала из-за стола. У неё, похоже, тоже не шли дела: толстенькая канцелярская папка с ярлычком «Геката» так и лежала неразобранной рядом с клавиатурой. Задержавшись на миг у зеркала, Тимофеева сердитым жестом поправила завязанные в хвост волосы; Мишка, сощурившись, различил тускло

поблѣскивающие чары у её висков. Они никуда не делись, только те, что посложнее, выглядели причудливо деформированными, будто их целостность подверглась серьёзному испытанию. Значит, на них можно повлиять. Значит, их можно снять! И ведь Андрей даже говорил, как именно: мощным волевым усилием...

— Макс взял больничный, — негромко сообщила Ксюша, первой шагая в гостеприимно распахнутый лифт. — Командировка, похоже, вышла боком.

— Он вчера квѣлый был, — виновато припомнил Мишка. — А я чего-то даже не спросил, в чём дело.

Ксюша опасливо покосилась на нагруженного компьютерным железом техника, бездумно болтающего головой в такт музыке в наушниках, и понизила голос до едва уловимого шѣпота:

— Свириденко считает, что у нас тут нечисто. В Управе. Не успокаивался, пока шеф не забрал к нам дело его матери.

— А Макс тут при чём?

Тимофеева слегка смутилась, словно Мишка упрекнул её в том, что она несёт чушь.

— Я подумала... Может, кто-то выводит нас из игры? Сначала была тень, потом вас с Андреем упырь покусал, сейчас вот Макс...

Лифт мелодично звякнул и раздвинул двери перед компанией оживлённо болтающих юристов. Мишка отодвинулся к задней стенке; болтать о подобных вещах вне кабинета следует с великой осторожностью.

— Упырь точно был сам по себе, — пробормотал Старов Ксюше на ухо. — Там мозгов нет, злоба одна.

А в остальном она, пожалуй, права. Кто-то взелся на контроль. То, что Верховский по весне принялся поднимать дело шестнадцатилетней давности, не могли не заметить. Тень отличилась дважды, сперва на вольном выпасе, затем в подвалах Управы, и оба раза под удар попал разбиравший тульское происшествие Зарецкий. Что бы ни случилось у объекта Вяз, оно как-то зацепило и крутившегося рядом Макса... Кто-то очень не хочет, чтобы магконтроль докопался до истины. Кто-то всерьѣз боится Верховского и его подчинѣнных.

— Драсьте!

Мишка вздрогнул и оглянулся на паренька диковатого вида, щербато улыбающегося Оксане с банкетки между двух кадок с тропическими кустами. Тимофеева вежливо ему кивнула и отвернулась, однозначно давая понять, что не желает общаться. Улыбка на простоватом лице увяла, парень плюхнулся обратно на сидение и бездумно подѣргал висевший на его шее гостевой пропуск, упрятанный в прозрачный чехол на яркой ленточке.

— Это кто? — тихо спросил Мишка, как только за спинами контролёров закрылись прозрачные входные двери.

— Профан, которого мы с Максом выловили, — рассеянно отозвалась Ксюша. — Надо же, на учёбу ходит.

— По-моему, неудивительно. А ты вроде не рада.

— Да зря мы с ними цацкаемся, — неожиданно резко процедила Тимофеева. — Этот тип — бандит натуральный, а его учат с даром обращаться. Через годик-другой мы же его опять и возьмѣм...

— Может, и нет, — задумчиво возразил Мишка, раскрывая над коллегой зонт. Редкие крупные капли заставляли вздрагивать от неожиданного холода. — Я слышал, один такой профан сейчас чуть ли не в Магсовете сидит.

Ксюша недоверчиво хмыкнула.

— Ну, один, — с нажимом повторила она, — на сотню уголовников.

— А если именно этот перевоспитается? — упрямо спросил Старов. — Научится всему и совершит великое открытие...

— А если не перевоспитается? — огрызнулась Оксана ему в тон. — По мне, так к клятвам их и на все четыре стороны. Нечего таким в сообществе делать.

Мишка, хмурясь, покачал головой.

— У всех должен быть шанс, — твёрдо сказал он.

Когда они вернулись в офис, взбодрѣнные промозглым холодком, на рабочем месте нашѣлся только Андрей. Он внимательно слушал управский новостной канал и неторопливо разбирал тощую папку с прошениями; в Ирино отсутствие только ему и хватало совести не забывать о текучке. Мишка обвѣл невесѣлым взглядом полупустой кабинет. Ярослав, Ира, Макс, теперь вот Костик с его большой гордостью... Всё случайности или кое-где кроется-таки чья-то злая воля?

— ...Продолжается падение цен на отечественное серебро и артефактные изделия, — бодро тараторила дикторша. — Эксперты считают, что тенденции вызваны изменениями в российском таможенном законодательстве и в правилах сертификации...

Мишка плюхнулся в кресло и усилием воли заставил себя не прислушиваться к весѣлой новостной трескотне. Подпольщикам плевать на правила сертификации, наклепали без малого центнер вредоносных штуковин; там одного только сырья на несколько миллионов, даже с поправкой на падение цен... А зачем, собственно, так много? Вроде бы страна ни с кем не воюет и не собирается. Убивать людей ради удовольствия стал бы только

съехавший с катушек маньяк, но маньяки не в состоянии организовать производство, ещё и подпольное. Мишка хмуρο воззрился на криво набросанную схему. Должна быть ещё связующая нить, которая соединила бы этот фрагмент с соображениями Ярослава.

— ...Затяжными дождями закончилась аномальная жара в столичном регионе...

Аномалии. У объекта Вяз двадцать седьмого числа не случилось то, что произошло вчера близ объекта Ясень. Или случилось? Какого лешего какие-то сумасшедшие ломаются толпами через разлом, да ещё и пристреливаясь по дороге по окрестным ёлкам? Что там такое, чего нет здесь?

— ...По его словам, в этом нет ничего необычного: подобные явления свойственны...

Лезут с оружием и, похоже, не только с огнестрельным. Викентьев сказал: точность стрельбы не так важна, если есть подстраховка в виде магии — или колдовства, если иметь в виду прямо-таки товарные партии вредоносных амулетов! С таким снаряжением не ходят в исследовательские экспедиции. Эти люди шли в чужой мир убивать и грабить, а значит, речь всего лишь о наживе... О наживе, может быть, мирового масштаба...

Мишка торжествуяще провёл черту с одного листа бумаги на другой, не заботясь об аккуратности наброска. Вот оно, недостающее звено! Маленькая армия, выгоптавшая поляну рядом с Ясногорским разломом, прямо-таки кричит о том, что за ней стоит кто-то могущественный. Не стеснённый в средствах, будь то деньги, знания или связи. До той степени, что взялся подкапывать под магконтроль, не боясь ни законов, ни общественного мнения...

— ...Предвыборной гонки, которая преподносит всё больше сюрпризов. Согласно опросам, на лидирующие позиции вопреки всем прогнозам вырвался Дмитрий Обарин; аналитики называют среди причин громкую популистскую программу и экстравагантный имидж самого политика...

Для Обарина вряд ли потребовались ментальные чары — достаточно было помочь выжидавшему своего часа политику нащупать общественный нерв. Дальше опытный лицедей взялся за дело сам, да как лихо! Так, что под нынешней правящей верхушкой зашаталась кресла. Так, что им пришлось что-то предпринимать, и быстро. Зарецкого из столицы выкурили, Верховского заняли интригами внутри Управы, путь был свободен. И теперь вооружённый отряд устраивает конец света по другую сторону разлома, прямо сейчас, в эту секунду...

А ведь Викентьев подозревал что-то подобное! Колдун-подпольщик, отчаявшись отвертеться, требовал аудиенции у Митрофанова; отдельный вопрос, как это ему позволили пронюхать об участии в деле столь высоких начальников... То ли мужик попался на редкость хитро сделанный, то ли кто-то допустил ошибку, которых не избежать даже в самых глубоко законспирированных сообществах. Сергей Леонидович громко рекламирует грядущее экономическое чудо; должно быть, здесь и потребовался чужой мир, какие бы богатства в нём ни крылись. Финансисты что-то для него рассчитали; финансисты подняли шум по поводу щедрых премий контролю...

Пальцы у Мишки похолодели. Если всё так, дело пахнет очень, очень нехорошо. Эта «Цепь» — государство в государстве, со своими тайными правителями, с небольшой армией, с хищническими амбициями... И с бандитскими методами их удовлетворения, как и приличествует агрессивному и уверенному в себе игроку политической арены. Старов покосился на занятую разбором документов Ксюшу. Тимофеева считает, что профанам, особенно с сомнительным прошлым, не стоит доверять. Может, права как раз она? Может, ошиблась Лидия Свешникова, выписавшая путёвку в жизнь юному уголовнику по кличке Ноготь? Молодой человек усвоил уроки, научился одеваться в дорогие костюмы, уселся в депутатское кресло и ловко приспособил к делу доверенные ему тайны. Митрофанов — профан, Митрофанов — профан... Есть в этом созвучии что-то почти мистическое. Словно подсказка к головоломке, хитро спрятанная в неожиданном месте.

— Вы были правы, — выдохнул Старов, едва очутившись на пыточном стуле перед бесстрастными глазами Верховского. — Мы тратили время на архивы и теорию, а достаточно было понять, кому всё это выгодно...

Он выложил начальнику всё, что успел надумать. Схемы — и Ярослава, и его собственные — покрыли собой весь огромный стол Верховского; Мишка тыкал тупым концом карандаша в надписи и линии, соединяя между собой разрозненные мысли. Александр Михайлович не прерывал его. Из-за окутавших логово чар тишины собственный голос казался Старову тонким и неуверенным — а может, так оно и было, потому что предположения, которые он высказывал, вполне могли оказаться самоубийственными. Иссякнув, Мишка перевёл дух и понял, что легче ему не стало — скорее, наоборот.

— Роскошно, — задумчиво протянул Верховский, скользя взглядом вдоль линий схемы. — Госизмена на ровном месте. Если ты прав.

Старов молчал. Ему казалось, что все отпущенные на его жизнь слова он потратил на это объяснение. Вот бы шеф прямо сейчас встал, сгрёб со стола все наброски, свернул в рулончик и одним могучим рывком разогнал подгнивший Магсовет, как назойливых мух... Но этого не будет. Так просто ничего не получится; как Костик этого не понял?

— Нужны доказательства, — тихо проговорил Верховский. — Весомые. Достаточные, чтобы убедить безопасность.

— Безопасность?

— Да. Нам нужна поддержка. В одиночку мы против таких величин не справимся, — спокойно сказал шеф.

Мишка уставился на него недоумённо.

— Мы же вроде как с ними в контрах!

— Очень удобно, правда? — язвительно бросил начальник. — Миша, что у нас, что у них нет иного врага, кроме разрушительного беспорядка. Разногласия нам придётся преодолеть.

Старов замаялся, не зная, с какого конца хвататься за клубок противоречий, скопившийся между отделами за последние месяцы.

— Ярослав...

— ...Сказал мне эти самые слова полторы недели тому назад, — перебил шеф. — Нам придётся трудно. Мы должны заставить коллег себя слушать. Для этого нужны железобетонные доказательства, понимаешь?

Мишка сумрачно кивнул.

— У тебя здесь есть ряд небольших нестыковок, — Верховский взял со стола ручку и обвёл весь сегмент, касающийся Митрофанова. — Например, ты здесь указываешь, что наш уважаемый депутат брал уроки у Лидии Свешниковой. Это невозможно. Свешникова была магом, а твой подозреваемый — колдун.

Старов собрал лоб в складки, втайне ругая себя за то, что не догадался проверить общедоступные данные о Митрофанове.

— Ну, она могла, например, нанять для него наставника, — наугад предположил Мишка. — Если Ноготь — это он, то...

— Давай пока оставим эту часть, — непререкаемым тоном распорядился Верховский. — Сосредоточься на доказательствах его причастности. Остальное выяснится по ходу следствия. И вот ещё что...

Шеф тяжело поднялся на ноги и неторопливо пересёк кабинет. Разбудил недовольно заворчавшую кофемашину, задумчиво погладил панель с блестящими кнопками. По логову поплыл жаркий и крепкий аромат.

— Ты, надеюсь, понимаешь, насколько это опасно лично для тебя? — в упор спросил Верховский, обращаясь к приветливо мерцающему дисплею. — Тебя тоже могут попытаться убрать с дороги. Может, даже небезуспешно. Любой неосторожный шаг...

— Ему вы это говорили? — огрызнулся Мишка, не дожидаясь окончания душещипательной тирады. — Зарецкому?

Шеф отвернулся наконец от кофемашины и невесело усмехнулся краем рта.

— Ты не представляешь, сколько всего я ему говорил. Он неизменно отвечал, что знает, что делает. Хочется верить.

Мишка бестолково кивнул. Он не смог бы сказать такое Верховскому, даже если бы был железно уверен в своих действиях. В окна монотонно били капли дождя; их мерные удары о стекло отсчитывали пролетающие мимо секунды.

— Будь осторожен, Миш, — сказал Верховский тихо и устало.

Старов ничего на это не ответил. Шеф, несомненно, верно понял его молчание. Чары тишины лопнули; по ушам болезненно хлестнуло ничем не приглушёнными звуками.

Аудиенция была окончена.

В тесном зальчике придорожной харчевни было душно и людно. За окнами, затянутыми мутной плёнкой, истекала нудной сыростью непогода; дождь начался прошлой ночью, размыл дороги, напоил воздух липким холодом и, кажется, вознамерился задержаться надолго. В заведении с намалёванным на вывеске пузатым бочонком держало оборону упрямое тепло; за одно это можно было простить ему висящую в воздухе вонь кислой браги и немых тел, толчею и многоголосый гам. По местным меркам тут даже неплохо кормят. Можно было бы переждать здесь ненастье, но дождь — не повод задерживаться на лишнюю половину суток.

Ира зачерпнула деревянной ложкой густое варево, пахнущее луком и капустой. Харчевня явно не относилась к бурно процветающим; мяса здесь не готовили, но за предложенную Ярославом серебряную монетку принесли овощную похлёбку, ноздреватый серый хлеб и тушёную курятину. Роскошная трапеза; обычно приходилось довольствоваться меньшим. Сидеть на краю длинной лавки было неудобно: теснившиеся в проходах завсегдатаи норовили задеть, толкнуть, а то и опасно пошатнуться на нетвёрдых ногах. Ира вместе с драгоценной плоской вплотную придвинулась к Ярославу; он не возражал — она ведь не мешала прислушиваться к громогласным разговорам соседней по столу.

— Как есть пустая стоит Ежовка, — мрачно вещал носатый мужик в расшитой дорогими цветными нитками бесформенной хламиде. — Свет-бог мне свидетель и Путничек тоже! Ни одной живой душеньки не осталось, — оратор размашисто очертил в воздухе обережный знак. — Ставенки да двери нараспашку стоят, в дома-то зайти страшно: всё гниль, ровно как ежли бы три зимы без тепла стояло. И никогошеньки, ни старого, ни малого...

Сборище взволнованно загудело — недоверчиво и испуганно. Многие принялись вслед за рассказчиком творить священные знаки.

— Боги гневаются...

— Неживые небось безобразят!

— То Стридар-нечестивец забавляется...

— Ш-ш-ш ты! Услышит!

— Услыхал ужо... Братец надьсь из города весточку принёс: говорят, опять по-над Браем крамольцы ходят, как в старые времена...

— Так и пусть бы ходили! Они ить неживых-то умели прищучить, не то что нынешние, тьфу...

— Ты б молчал побольше! Храмовые за такие речи знаешь что с людьми делают?

— А ты мне не кажи, не кажи! Поболе твоего знаю!

Гвалт мало-помалу перерос в безобразную ругань. Гневно застучали по столу кулаки и днища глиняных кружек; выудить отдельные слова из мешанины сердитых голосов стало невозможно. Ярослав, повернув голову, обратился к мирно обедающему соседу; Ира не различила бы его слов, не сиди она так близко.

— Добрый человек, — тихо проговорил Зарецкий, стараясь, как всегда, не привлекать к себе внимания сверх необходимого, — а далеко ли та Ежовка?

Сосед отвлёкся от похлёбки и смерил его оценивающим взглядом.

— А ты не из здешних, что ли, будешь?

— Не из здешних, — легко согласился Ярослав. — Из вихорских.

— А-а-а, — мужик задумался на несколько мгновений, кивнул сам себе и ответил: — До Ежовки три дни пути вниз по Гориславской дороге. От Желновицы свернуть вправо, там и будет близ Лисьего ручья.

Иру пробрала тревога. Ярослав не был бы собой, если бы пропустил подобное обсуждение мимо ушей. Местные не просили его о помощи и, разумеется, никак не относились к юрисдикции московского магконтроля; более того — додумайся кто-нибудь не в меру сообразительный, что перед ним отнюдь не маг-недоучка из местной религиозной братии, публичная казнь Зарецкому обеспечена. И всё равно печётся о них, даже в ущерб себе, даже едва унеся ноги от разгневанных жителей Березны... Просто потому, что больше некому. Это не назовёшь ни повинностью, ни работой, ни долгом — разве что... добротой?

— Всё хорошо? — едва слышно спросил Ярослав. Он говорил, низко склонившись к Ириному уху, так, чтобы чужие не уловили слов; его дыхание обжигало ей кожу.

— Да, — она подняла голову, на миг встретившись с ним взглядом, и тоже понизила голос: — Мы туда пойдём? В эту Ежовку?

Ярослав неопределённо качнул головой. Это, конечно, могло означать сомнения или что-то вроде «позже поговорим», но Ира слишком хорошо научилась его понимать, чтобы обманываться. Ближе к ночи её оставят в надёжном укрытии под присмотром Тихона, чтобы не натворила бед; сам же Зарецкий отправится в погибшую Ежовку. Так правильно. Даже если не хочется трястись весь вечер в одиночестве, считая тягучие секунды ожидания, она слова не скажет наперекор. Есть вещи поважнее личных страхов.

За порогом харчевни их ждал вяло накрапывающий дождь и жёлтая от глины размытая дорога, уходящая в серый волглый сумрак. Ира плотнее запахнула на груди шерстяной плащ; берегла драгоценные крупы тепла, слишком уязвимые перед промозглой сыростью. Недовольно топтавших у коновязи лошадей она обошла по широкой дуге; животные казались недобрыми.

— Не бойся, они привязаны, — сказал Ярослав, успокаивающе касаясь её плеча.

— Я и не боюсь, просто осторожничаю, — честно ответила Ира. — На лошади можно было бы двигаться быстрее, да?

— Если только ты умеешь ездить верхом, — Ярослав сдержанно усмехнулся. — Я вот понятия не имею, с какой стороны к лошади подходить.

— Думаешь, сложнее, чем водить машину?

— Машина — железка, — он пожал плечами, выдернул из паза хлипкую задвижку и приоткрыл противно скрипнувшую калитку. — А тут — живое существо со своей волей и характером. Давай это развлечение всё же оставим на крайний случай.

— Мы опять задержимся из-за дождя, — полувопросительно сказала Ира. Крепко сшитые башмаки нет-нет да пропускали холодную грязную жижу; брести по дороге выходило с черепашной скоростью.

— Думаю, мы пока можем себе это позволить.

К вечеру стало ясно, что расползаться тучи не намерены. В поисках более-менее сухого местечка для ночлега пришлось углубиться в угрюмый придорожный лесок. Ира помогла наломать еловых лап, чтобы устроить лежанку; земля вокруг разведённого на сырых смолистых ветках костра стремительно теплела. Призрачное золотистое пламя грело сильнее обычного огня.

— Я отлучусь ненадолго, — буднично сообщил Ярослав, развязывая сумку. — Поужинай, пожалуйста, и ложись спать. Тихон последит, чтобы тебя не трогали.

— Ты в Ежовку? — безнадежно спросила Ира. Не говорить же, что она глаз не сомкнёт, пока вновь не увидит его целым и невредимым.

— Да. Попробую разобраться, что там случилось, — Зарецкий невзначай тронул рукоять ножа. — Зови, если что.

Он прикрыл на миг глаза, сосредоточиваясь, и исчез, оставив Иру в мнимом одиночестве. Под густой хвойный полог не проникал ни дождь, ни скудный сумеречный свет; может быть, уже наступила ночь. Ира без вдохновения вынула из сумки фляжку, глотнула холодной воды и убрала назад. Она могла бы занять себя стиркой, найдись поблизости ручей или озерцо, или готовкой, будь в припасах хоть что-то, кроме хлеба и подсохшего сыра. Или сварить себе укрепляющее, если бы хватило духу углубиться в лес в поисках нужных трав. Отыскав в сумке медную плоскую, купленную позавчера в деревушке близ переправы, Ира устроила её поближе к щедро расточающему свет костру. Посудина была совсем маленькая, «зеркало» в ней получалось неудобное; Ира едва различила за водной гладью хлопочущую на кухне бабушку. Толстый рыжий кот сидел на подоконнике и помахивал пушистым хвостом; ему вообще-то не позволялись раньше такие вольности.

— Мама, — вслух сказала Ира, голосом помогая себе сосредоточиться.

Мама работала. Хмуря подкрашенные брови, она передавала кому-то аккуратные пачки документов; губы её беспрестанно шевелились — должно быть, мама инструктировала собеседника. Надо позвонить ей, как только выйдет добраться до телефона. Нет, сначала бабушке, она ведь волнуется...

— Папа.

Он вёл машину. Должно быть, в Москве шесть-семь часов вечера, и папа уже едет домой. Хорошо, что они с мамой не знают, куда занесло непутёвую дочку. Папа вообще в молодости вряд ли представлял, в какую головную боль может вылиться для него женитьба на ведьме. А может, представлял — и всё равно женился. В любом случае, это был с его стороны весьма самоотверженный шаг.

— Оля...

Сестра в одиночестве целеустремлённо шагала куда-то мимо роскошных витрин, в которых металась солнечные отблески. Центр Москвы. Что ей там понадобилось? Личико сестры выглядело встревоженным и решительным. Хоть бы не натворила глупостей... У неё ведь ещё даже удостоверения нет...

— Максим. Макс...

Отражение зарыбило и растворилось. Из плоски на Иру глянуло её собственное разочарованное лицо. От нетерпеливого прикосновения оно рассыпалось светлыми бликами, потом вновь собралось воедино и не захотело никуда исчезать. Колдовство не работало.

— И-и-и, чего нос повесила, девонька?

Ира взвизгнула. Где-то в вышине сердито захлопали птичьи крылья, в костёр посыпались сухие хвоинки.

— Тихон! Напугал!

— Уж прости мне, то не со зла, — повинилось лихо, усаживаясь поодаль от огня и подбирая под себя ноги. —

Гляжу, закручинилась чего-то, дай, думаю, выпрошу...

— Не надо, — буркнула Ира и выплеснула воду в кусты. — Лучше расскажи что-нибудь.

— Про что ж рассказать-то?

— Ну... Про дальние страны и хорошие времена, — она вздохнула и протянула к костру мокрые ладони. —

Что-нибудь доброе.

Тихон многозначительно хмыкнул, поскрёб в затылке и завёл напевную, неожиданно складную речь. Он говорил о свободных городах Ильгоды, от века не знавших над собой ничьей воли; о покинутой ныне стране Ястра, где не было места зиме, а великолепные дворцы тонули в зелени фруктовых садов; о своенравных поморянах, мореходах и воинах, привозивших на ярмарки белоснежные медвежьи шкуры и крепкие моржовые клыки. О великих сказителях, чьи песни до сих пор поют от Лыдистого моря до Журавлиных степей. О чудовищах, затаившихся среди непролазных болот и буреломных чащ; о сразивших их храбрых волхвах — мужчинах и женщинах, имена которых ничего Ире не говорили. Тихон осмотрительно выбирал истории с хорошим концом и отстранённо шурил единственный глаз на постреливающее искрами пламя. Груда полусырого хвороста понемногу таяла; густела тьма за пределами очерченного пламенем круга. Время плавилось в исходящем от костра ласковом тепле.

Тихон первым услышал негромкие шаги. Прервал рассказ, встрепенулся, улыбнулся лукаво:

— И-эх, девонька, в другой раз доскажу!

Ира обернулась и ойкнула от неожиданной боли в затёкших мышцах. Гибкая тень без страха шагнула в круг света, стремительно обретая знакомые черты. Тихон вскочил на ноги и принялся обираться, стряхивая с рубахи хвоинки.

— Вот, значит, как и велено — сберёг, устерёг да побасенкой развлёк! — молодецкато оттрапортовал он. —

Могу и ещё, ежели надобно!

— Нет, Тихон, не нужно, — устало отозвался Ярослав. — Отдыхай.

Лихо верноподданнически трянуло патлами и растаяло в воздухе. Зарецкий красноречиво покосился на предательски торчащую из сумки нетронутую краюху хлеба.

— Не слушаешься меня, — укоризненно сказал он Ире, усаживаясь рядом на прогретую костром землю.

— Да как-то не хотелось есть, — она не покривила душой: кусок и правда в горло не лез. — Тихон так интересно рассказывал...

— Что рассказывал?

— Истории разные, — Ира вытащила из сумки завёрнутый в тряпицу сыр и разломала кусок на две не слишком равные части. — А там как?

Ярослав помрачнел. Он вытащил из ножен нож, прокалил его в пламени, тщательно вытер и принялся сосредоточенно нарезать предназначенный к ужину кусок сыра, словно в мире не было занятия важнее.

— Туманницы, — осторожно сказал наконец Зарецкий. — Много. Голодные.

— Они ещё там? — испуганно ахнула Ира.

— Нет, конечно. Наелись и разбежались, — с отвращением бросил Ярослав. — Идеальное преступление.

— Это опять Ергол?

— Не зови его по имени, пожалуйста. Перенервничаешь — услышит, — Ярослав сложил нарезанный сыр в пустую плошку и занялся хлебом. — Хватит страшных сказок на ночь. Самочувствие как?

— Порядок, — Ира взяла у него всё ещё мягкий ломоть и положила сверху кусочек сыра. — У костра очень тепло.

— Хорошо.

Резко пахнущий сыр казался лучшим в мире деликатесом. Ярослав как-то раз пошутил, что к их изысканной ежевечерней трапезе не хватает только белого вина. Воздух пах влажной землёй, хвоей и дымом; под шатром мохнатых еловых ветвей было почти уютно. Ира покладисто сгрызла свою порцию, завернулась в высохший у костра тёплый плащ и уселась на сооружённой из лапника лежанке. Теперь, когда отпустила тревога, её понемногу начинало клонить в сон.

— На рассвете подъём, — сообщил Ярослав. Он ополоснул из фляги опустевшую плошку, убрал в сумку остатки припасов и опустился на колени рядом с Ирой; горячие пальцы коснулись её виска, скользнули вдоль щеки к бьющейся на шее жилке. — Ночью будет холодно. Ложись поближе к огню.

Она не сразу поняла смысл слов. Спихватилась, подгрехала еловые лапы, придвинулась к костру. В этих его прикосновениях не больше нежности, чем в медицинской инъекции. Пройдут последние симптомы, оставшиеся после общения с тенью — и нужда в них вовсе отпадёт... Ира поплотнее стянула у горла плащ и закрыла глаза. Надо попытаться выспаться. Может быть, уже завтра всё кончится. Или послезавтра. Ну, в крайнем случае, через два дня...

...Среди еловых ветвей клубится мрак. Тяжёлые лапы сонно покачиваются безо всякого сквозняка, цепляются

за волосы, преграждают путь. Босые ноги тонут в мёртвой рыжей хвое. Стылый воздух лишь зря царапает лёгкие; дышать им — всё равно что пить кислоту. Серые стволы нехотя расступаются, чтобы смениться точно такими же. Ни лучика света, естественного или рукотворного. Крик о помощи застрекает в горле. Нельзя кричать. Нельзя подавать голос. Всё равно никого рядом нет.

Пытаться бежать — самоубийственно, шагать спокойно никак не выходит. Нижние ветви елей колышутся над самой головой, иногда хлещут в лицо смолистыми иголками. Исполинские, в несколько обхватов стволы подступают с обеих сторон; узловатые корни бугрятся под палой хвоей, как вены под кожей. Чаща равнодушна; она не жаждет убить — ей попросту всё равно.

Изогнутые жерди, похожие не то на рыбы кости, не то на длинные тонкие клыки, торчат из земли меж еловых стволов. Тусклые ленты безжизненно свисают с заострённых верхушек. Столбы такие же непомерно высокие, как и деревья; растрёпанные кончики лент виднеются далеко над головой — не дотянуться. Это и не нужно. Сама изгородь означает спасение. Кто-то обязательно придёт на помощь. Надо остановиться и подождать. Просто подождать...

Ничего не меняется. Сколько часов, дней, лет так прошло — чёрт его знает. Всё так же лениво покачивают лапами ели, безучастно висят выпцветшие ленты, никуда не отступает ночной мрак. Только дышать становится всё труднее, а холод пробирается всё глубже под лёгкое платьице. Нужно позвать на помощь, срочно; так, как учили... Из горла вырывается только невнятный хрип, тоненький, будто детский. Это ничего, есть другой способ, надёжный... Пальцы вслепую шарят у шеи, под цветастым воротничком. Там ничего нет.

Слёзы стынут в глазах, горькие и бессильные. Крохотные шаги не приближают к виднеющимся вдали еловым стволам, словно поляна зачарована, словно вся она — морок посреди морока. Прошло уже много часов. Никто не спасёт. Никто не найдёт. Сесть и ждать, пока холод возьмёт своё? Нет, так слишком страшно...

Тёплая вспышка в груди разгоняет кровь в жилах. Света не видно, нет на шее серебряной цепочки, но там, где она должна быть, поселилась невесть откуда взявшаяся огненная искра, беспокойная, зовущая. Нужно бежать туда, куда она манит — вот только как? Шаг вперёд, шаг вправо — всё не то. Серый морок вокруг только мешает, но стоит закрыть глаза, и голубые искры ослепительно вспыхивают во тьме. Одна — на груди, и ещё одна — неизмеримо далеко, а может быть, совсем рядом. На несколько мгновений показалось, будто весь мир вокруг охвачен пламенем — нет, залит ослепительным солнечным светом, в котором стремительно тают жалкие ошмётки недобрых чар. Идти теперь легко; гигантских елей больше нет, они не могут преградить путь. Нет и холода. Совсем нет. Он ушёл без следа, побеждённый силой небывало могущественной, много большей, чем те бледные её отголоски, что люди зовут волшбой...

Пахнувший дымом воздух наполнил лёгкие — так, что закружилась голова и запершило в горле. Ира приоткрыла слезящиеся глаза; остро сверкающие синие искры никуда не пропали. Одна, неистово разбрызгивающая свет, источающая тревожное тепло — на груди. Вторая — близко, почти перед глазами; её сияние сочится сквозь пальцы, судорожно сжимающие крохотный амулет. Сердце всё ещё колотится, как сумасшедшее. Всего лишь очередной кошмар. Всего лишь кошмар...

— Слышишь меня?

Совсем рядом — встревоженное, побледневшее лицо. Кивнуть не выйдет, только медленно закрыть и открыть глаза. Ярослав выдохнул и отпустил амулет; синие искры тут же погасли. Их стало немного жаль. Осторожное прикосновение к виску — дольше, чем обычно; значит, дело плохо... Он придержал её за плечи, словно больного, которому нельзя позволять ложиться. К губам настойчиво прижалось деревянное горлышко фляжки.

— Пей. Нужно.

Ира послушно глотнула пахнувшей железом прохладной воды. Рядом весело плясало пламя; его тепла не хватило, чтобы прогнать убийственный сон. Ночью холодно... Даже возле огня...

— Не засыпай, пожалуйста, — в тихом голосе сквозит беспокойство. — До полуночи. Пока нельзя.

Да и не тянет. Там, за тонкой вуалью сна — медленно растворяющийся в небытии жуткий морок. Здесь — согретый костром воздух, спасительный свет и человек, без которого она уже была бы мертва. Пару десятков раз. Ярослав осторожно привлёк её к себе, согревая теплом своего тела. Ира опустила тяжёлую голову ему на плечо. Завтра пусть будет, что будет. Сейчас можно...

— Не засыпай!

«Не нарушайте процедуру!..» Воспоминание, кажется, из прошлой жизни, такое теперь далёкое и странно счастливое. Со второй попытки получается выдавить из пересохшего горла что-то осмысленное; голос слушается нехотя, звучит хрипло и незнакомо.

— Не... не буду, — этого мало. Ещё одно усилие над собой; на сей раз выходит проще: — Спасибо...

— Береги силы, — его пальцы рассеянно поглаживают её висок; жаркие искры жизненной силы уже почти не вспыхивают на тёплой коже. — Теперь всё в порядке. Только сейчас не засни...

Он отвёл с её взмокшего лба влажные прядки волос, пристально взгляделся ей в лицо. Месяц тому назад она

несказанно удивилась бы, что он умеет смотреть вот так, участливо, ласково... Месяц назад он и не позволил бы себе подобного.

— Слава, — прошептала она, не в силах сладить с голосом, — ты...

— Я люблю тебя, — просто сказал он и усмехнулся: — До сих пор думал, что безнадежно.

Сердце пропустило удар. Ярослав улыбался; в тёплых карих глазах отблёскивало неугомонное призрачное пламя. Ира протянула руку, несмело коснулась его щеки, заросшей колючей тёмной щетиной. Движение дорого ей далось; Ярослав поймал её ослабевшую ладонь, мягко сжал в своей. Склонившись к ней, он бережно коснулся губами её губ; сперва осторожно, словно боясь навредить, затем — уверенно и властно. Кажется, и он, и она позволили себе забыться; ослепительные, обжигающие мгновения вспыхивали и таяли, как искры над костром, и они совершенно точно не были сном.

— Ты опять меня спас, — прошептала Ира, прислушиваясь к торопливому стуку чужого сердца. — Ты только и делаешь, что меня спасаешь.

— Иногда отвлекаюсь на кого-нибудь другого, — Ярослав улыбнулся и поцеловал её в лоб. — Работа, знаешь ли...

— Врёшь, — она обвила руками его шею и твёрдо взглянула в смеющиеся карие глаза. — Работа тут ни при чём. Просто ты по-другому не можешь, вот и всё.

— Может, и не могу.

Откуда-то из неведомой промозглой дали донёсся тоскливый протяжный вой. Ира невольно поёжилась; Ярослав крепче прижал её к себе.

— Нежить, — заметил он, прислушиваясь к полной отзвуков тишине. — Уже полночь. Ещё немножко потерпи, и можно будет поспать.

— Уснёшь тут теперь...

Зарецкий рассмеялся негромко и как-то виновато.

— Уснёшь. Нам обоим отдых не помешает.

— Ты все силы на меня потратил...

— Впервой, что ли?

Настала Ирина очередь смущаться. Сколько хлопот от неё! Должно быть, Ярослав попросту привык о ней заботиться. Она снова поцеловала его, счастливая, что может теперь вот так запросто это делать. Здесь, с ним рядом, в его тёплых объятиях, нет места ни страху, ни холоду. Вдалеке опять раздался монотонный вой, рассыпался тьяканьем, оборвался; костёр вспыхнул ярче, вытягиваясь к низко нависшим еловым лапам, и тут же, присмиривший, опал, повинувшись короткому жесту. Зловещий полуночный час миновал.

— Вот теперь попробуй уснуть, — мягко попросил Ярослав, касаясь губами её волос. — Кошмаров больше не будет. Ручаюсь.

— Откуда ты знаешь?

— Давай про специальные области волшбы как-нибудь потом...

Сон не шёл ещё долго. В далёком невидимом небе уже забрезжил ранний рассвет, когда дрема наконец пересилила поутихшее волнение. Казалось, веки сомкнулись всего на миг под тяжестью навалившейся усталости, и тут же слух царапнул Тихонов скрипучий голос:

— Слышь, Яр! Просыпайся! Напасть тут у нас!

— Что такое? — сонно спросил Ярослав. — Огонь гаснет?

— И-и-и, огонь-то целёхонек... Его-то, небось, и заметили.

Ира вздрогнула и проворно, хоть и без охоты, отползла в сторону, освобождая Зарецкому место для манёвра. Вокруг посветлело; между еловыми стволами висел клочковатый утренний туман. Теперь он не казался страшным — может быть, потому, что наяву Ира была не одна.

— Вона там, — Тихон, не утруждавший себя условностями вроде человеческого облика, подхватил из кучи хвороста длинный сук и ткнул куда-то в белую дымку. — Дюжина их, а то и поболее будет. Ежли прикажешь, так я их...

— Не надо, — Ярослав закатал рукава рубашки и проверил, хорошо ли ходит в ножнах нож. — Люди?

— Они самые.

— Не высовывайся тогда. Охраняй.

Ира кое-как поднялась на ноги и стряхнула налипшие на подол хвоинки. Слабость всё ещё давала о себе знать. Невдалеке валялась брошенная Тихоном крепкая ветка; Ира подобрала её, мигом перепачкав руки в смоле и влажноватой грязи. Пламя истаяло в воздухе, оставив после себя ало тлеющие угли и быстро погибший призрак тепла. Туман медленно затягивал крохотную полянку.

— Уходим? — прошептала Ира. Сумка с припасами и снаряжением лежала, развязанная, в паре шагов правее потухшего костра.

— Пока нет. Хочу посмотреть, кто там, — тихо отозвался Ярослав. — Запахнет жареным — беги.

Он едва успел договорить, когда где-то впереди отчётливо послышались шаги. Мощный порыв ветра прорезал туман, обнажив серые стволы и движущиеся среди сумрака фигуры; Ира не различила бы их, стой они неподвижно. Камуфляжная форма превращала людей в невидимок. Кто это? Управа исхитрилась снарядить сюда поисковой отряд? Или, что вероятнее, лже-Георгий Иванович нашёл себе курьера на замену Ире? Тогда он вполне мог притащить сюда что-нибудь пострашнее армейских курток...

— У них оружие, — прошептала Ира.

— Знаю. Не отвлекай.

Люди приближались, не считая более нужным держать в тайне своё присутствие. Двое или трое отделились от отряда и нырнули в туман — очевидно, обойти по дуге и окружить загнанную в угол добычу. Меж еловых стволов прокатился отрывистый приказ:

— Не стрелять!

— Отлично, — вполголоса процедил Ярослав. Не скрывая намерений, он вскинул левую руку, правой взялся за рукоять ножа. — Эй, там! Ещё шаг — и стрелять буду я!

Случайный сквозняк мазнул Иру по щеке. Пришлые замерли, где стояли — в паре десятков шагов от полянки. От сплошной серо-зелёной массы отделился человек, немолодой, широкоплечий и коренастый, похожий на отставного военного. В его опущенной руке маслянисто блестела чёрная сталь. Пистолет? Нет, пистолеты намного меньше...

— погоди, — человек примирительно поднял свободную ладонь. — Мы с миром пришли. Понимаешь меня?

Их приняли за местных. Конечно; кто ожидает встретить в лесной глуши посреди чужого мира сотрудников московского магконтроля?

— Понимаю, — Ярослав смотрел не на главаря, а куда-то ему за спину. Искал что-то в бесстрастных лицах, мужских и женских. — Что вам нужно?

— Ты храму служишь? — вопросом на вопрос ответил предводитель. — Или сам себе?

Что-то тихо зашуршало слева, в густом тумане. Ира оглянулась на шум, но ничего не увидела. Человек с автоматом свёл к переносице кустистые брови; его тоже потревожил этот неясный звук.

— Ну, допустим, ни то, ни другое, — громко сказал Ярослав, отвлекая его внимание. Зарецкий, очевидно, тянул время; что он задумал? — А ты?

Вопрос почему-то обескуражил вояку. Несколько мгновений он молча буравил Ярослава подозрительным взглядом, а потом вдруг вскинул автомат. Ира взвизгнула и бросилась наземь; где-то над головой загалдела и захлопала крыльями птичья стая. В утренней тишине отчётливо послышался бессильный глухой щелчок.

— Взять! — испуганно крикнул незнакомый высокий голос. — Убить!

Автоматная очередь с дробным стрёкотом прошла воздух там, где мгновение назад стоял Зарецкий. Где-то справа послышались торопливые шаги — и тут же рядом с Ирой рухнул на колени кто-то большой и грузный. Пахнувший маслом пистолетный ствол примял разбросанные на земле еловые лапы.

— А ну не балуй, — грозно гаркнул невидимый Тихон. Его пленник едва слышно всхлипнул, хватая губами воздух.

Снова сердито гавкнул автомат. Ира подползла к брошенному пистолету, с трудом его подняла. Она понятия не имела, как с ним обращаться. Дрожащими руками направила на оказавшегося неподалёку долговязого мужчину:

— Не подходи!

Человек замер в нерешительности, оглянулся назад. Застыло всё пришедшее было в движение воинство. Слышно стало, как неподалёку кто-то жалобно и тонко скулит.

— Оружие на землю, — рявкнул Ярослав откуда-то из неплотного тумана. — Приказывай! Ну!

— О-о-оружие... на землю... — покорно пискнул тонкий голос.

Его послушались. Люди в камуфляже один за другим осторожно опускали к ногам автоматы и пистолеты.

— Все по два шага назад, живо!

— Два-а-а... шага... назад...

Словно идеально вымуштрованные солдаты, люди синхронно отодвинулись от брошенного оружия; кто-то налетел спиной на дерево, но приказа послушаться не посмел. Ира с облегчением отбросила пистолет, словно он был измазан в нечистотах, и поднялась на ноги. Никто не обратил на неё внимания.

— Теперь спать.

— Спать...

Все, кто до сих пор не попал под горячую руку Тихону, мешками рухнули наземь. Ира осторожно обошла лежащую ничком благообразную даму в возрасте. Как она в это вязалась? Или вот этот молодой паренёк, наверняка ещё студент... Или тщедушный мужчина с сединой у коротко стриженных висков... Ещё шаг — и Ира увидела единственного оставшегося на ногах чужака. Круглощёкий белобрысый тип жалобно кривил глуповатое,

почти детское лицо; Зарецкий стоял за его сутулой спиной и держал у нервно вздрагивающего горла острое ножа. Блефовал, разумеется, но парнишка всё принимал за чистую монету.

— Московский магконтроль, — зло бросил Ярослав, без деликатности встряхнув пленника за плечо. — Старший офицер Зарецкий. Имя, род способностей, категория?

Парнишка судорожно втянул ноздрями прохладный воздух.

— И-илья Витальевич Осляков... Н-н-нету категории...

— Вот как, — ядовито протянул Зарецкий. — Присягу, значит, не принимал? А клятвы с тебя брал кто-нибудь?

Осляков попытался было мотнуть головой, наткнулся на нож и испуганно ойкнул. На Иру он смотрел отчаянно, словно умолял спасти.

— Ты в курсе, что полностью подчинять себе людей строжайше запрещено? — вкрадчиво поинтересовался Ярослав. — Кто твой наставник?

— Н-н-никто... Я просто делал, что г-говорили...

— Понятно. Левую руку, пожалуйста. Ир, прими у него клятву.

Ира вздрогнула, услышав своё имя. Осляков, всхлипывая, поднял дрожащую руку; закатывать рукав куртки пришлось самой. Бледное запястье было липким от пота и дрожало мелкой дрожью. Хотелось отпустить и вытереть ладонь; Ира нахмурилась и крепче сжала непослушные пальцы.

— Повторяй за мной, слово в слово. Ошибёшься хоть раз — приму меры на своё усмотрение, — зловеще предупредил Зарецкий и заговорил медленно и чётко, то и дело прерываясь, чтобы выслушать бормотание Ослякова: — Клянусь не отнимать человеческую жизнь. Клянусь не причинять вреда человеческому разуму и телу при помощи дара. Клянусь беспрекословно выполнять приказы уполномоченных лиц, кроме случаев, когда от исполнения указаний зависят мои жизнь и здоровье... Хватит пока с тебя.

Ира с облегчением выпустила чужое запястье. Парнишка трясся так, что Ярослав счёл за благо убрать лезвие от его шеи.

— Отвечай правдиво. Это приказ, — лениво бросил Зарецкий, убирая нож в ножны. — На кого ты работаешь?

— Н-н-на «Восход»...

— Имя Ергол тебе о чём-нибудь говорит?

— Нет...

— Тогда Георгий Иванович?

— Ельцов. Георгий Иванович Ельцов. Он... меня... учил.

— Прекрасно. С какой целью привёл сюда людей?

Осляков замялся. Его взгляд заметался между лиц лежащих без сознания чужаков.

— П-п-помощь... к-к-князю...

— В чём помощь?

— В войне... против... угнетателей...

Зарецкий зло выругался. Слова пленника его не удивили — лишь подтвердили опасения. Ира смотрела на Ослякова, напуганного и жалкого, и пыталась вообразить, что бы стала делать на его месте. Она ведь вполне могла там оказаться... Нет, не могла бы. Не сумела бы на такое согласиться. Лучше уж позволить присяге сработать.

— Имена, — потребовал Зарецкий. — Все, кто связан с «Восходом». Организаторы, владельцы, заинтересованные.

Осляков побледнел.

— Не-не-не могу... Не знаю... То-то-только Ельцов... И Кузнецов ещё, он тоже... Помогает...

— Ожидаемо, — сердито процедил Ярослав. — Много ты сюда народу привёл?

— Их, — пленник обвёл нервным жестом лежащих на земле людей. — И ещё часть... у леса. Ждут...

— Здесь кого-нибудь завербовал уже?

— Н-н-нет... Только... вас вот... пытался...

— Понятно, — Ярослав на миг прикрыл глаза, сосредоточиваясь. — Значит, поступим так. Ты сейчас собираешь своих людей, немедленно ведёшь к Ясногорскому разлому и всех до одного переводишь через границу. Чтобы никто не умер, понял меня?

Осляков покорно дёрнул вихрастой головой.

— Далее, — Зарецкий скрестил на груди руки. — Идёшь до ближайшей наблюдательной точки магбезопасности и сдаёшься. Вместе с людьми. Снимаешь чары, убираешь лишние воспоминания. Дальнейшее — на усмотрение моих коллег. Это приказ. Всё понятно?

Ещё один кивок, на сей раз — обречённый. Ира встревоженно взглянула на Ярослава.

— Они же... могут... — она замялась, не в силах высказать вслух тайный страх, с недавних пор поселившийся в глубине души.

— На их усмотрение, — с нажимом повторил Ярослав. Осляков хлюпнул носом, совсем как наказанный ребёнок. — Требуй присутствия Верховского на допросе. Ему назови мою фамилию, этого будет достаточно. Всё уяснил? Тогда вперёд.

Он демонстративно отступил на несколько шагов, предоставляя едва не плачущему Ослякову поле деятельности. Осторожно приблизившись, Ира робко коснулась его плеча; Ярослав в ответ едва заметно качнул головой. Стало стыдно за свою неуместную жалость к поскуливающему от страха волхву-недоучке. Личико у него, может, и наивное, но привёл же он сюда людей с оружием, способным играючи уничтожить всё местное население... Может, и туманниц в погибшую Ежовку тоже он пригнал... Ира с трудом дождалась, пока отряд скроется в стелющемся меж елей тумане, и уткнулась лбом в плечо Ярославу.

— Что ж за люди такие... Вот так просто... Взять и притащить сюда...

Слова окончательно потерялись, сметённые запоздало навалившимся страхом. Ярослав мягко обнял её, успокаивая, погладил по спине.

— С какой только дрянью не приходится работать, — невесело усмехнулся он. — Не переживай, за этим путешественником Александр Михайлович присмотрит.

— А он знает?..

— Он знает достаточно, — уверенно сказал Ярослав. — Пойдём, Ириш. Нам тоже давно пора отсюда выбираться.

Она только вздохнула в ответ. Мучивший её вопрос так и остался невысказанным.

LXII. Нечисть

— У Мишки скоро отпуск, — похоронным тоном сообщила Оксана, вперив взгляд в настенный календарь.

Старов встрепенулся, услышав собственное имя, и тоже всмотрелся в обведённую красным окошком дату.

— Не скоро. Полторы недели ещё, — буркнул он.

Это если отпуск будет. Иди всё своим чередом, Мишка уже вовсю заказывал бы билеты на самолёт и прикидывал, сколько брать тушёнки и не подновить ли поистёршийся спальник. Может, даже сумел бы уломать Аню поехать с ним... Всё это из области фантастики. Сиди, Старов, добывай такие важные доказательства...

— Отдел медным тазом накроется, — меланхолично сообщила Ксюша. — Ещё и Костик взялся работу сачковать... Где его носит, Миш, не знаешь?

— Понятия не имею, — огрызнулся Старов.

— С отделом всё хорошо будет, — примирительно сказал Андрей. — Максим выздоровеет и Ярослав вернётся, так что ничего страшного.

Мишка мрачно переглянулся с Ксюшей. Раннего Бармина оберегали от плохих новостей, как только могли. Не говорить же ему, что Максуду до поры до времени лучше залечь поглубже на дно, а Ярослав при самом лучшем раскладе никогда больше не сунется в Москву... Пытаясь отвлечься, Старов забрал у Андрея хилую пачку прошений. В последние дни всю нежить, какой бы страшной та ни была, сплавляли надзору; от остального было не отвертеться. Одарённый люд собирался на моря и массово подавал документы на выездные визы. Рано или поздно какой-нибудь ушлый политик поднимет на щит свободу передвижения и сострижёт пару десятков голосов на агитации за отмену контроля над выезжающими за рубеж...

В дверь требовательно постучали. Не дожидаясь сердитого Оксаниного «войдите», створка приоткрылась и впустила в кабинет рыжую всклокоченную голову. Мишка взглянул на часы: время для посетителей только что миновало.

— Приём населения до двенадцати, — сухо сообщила Оксанка, состроив визитёрше козью морду.

— Я не население, — с достоинством ответила девушка. — Мне помощь нужна.

— Всем нужна, — не сдержавшись, проворчал Мишка, но тут же спохватился и прибавил: — Вы заходите, садитесь, рассказывайте. Посмотрим, что можно сделать.

Едва получив разрешение, деятельная посетительница протиснулась в кабинет и, оглядевшись по сторонам, уселась в осиротевшее Максово кресло. Обстоятельно водрузила на колени сумку, как-то очень знакомо вздохнула и нервно сдула со лба мешающую чёлку. Андрей, добрая душа, помчался в переговорную за чаем для гостыи.

— Вообще-то это не мне надо помогать, а Максуду, — заявила девушка и, оглядев недоумённо вытянувшиеся лица контролёров, добавила: — Максиму Некрасову. Он у вас тут работает. То есть сейчас он дома сидит и никуда не выходит. Мне кажется, с ним что-то не то.

— А вы, прошу прощения, кто? — ележно уточнила Ксюша, стрельнув глазками в сторону Ириного стола.

— Оля Леднёва меня зовут, — сказала гостыя так, будто это всё объясняло. — Вы там у себя не смотрите ничего, я ж ещё не сдавала. И вообще я владимирская, не по вашей базе.

Мишка удивлённо крикнул. Ну и наглость! Оксана, кажется, подумала точно так же; она заглянула-таки в базу, которая, вопреки убеждениям гостыи, на деле уже много лет как стала общей, нахмурилась и тоном прокурора спросила:

— Почему не встали на учёт по месту пребывания?

— Да кто ж его знал-то, что я тут так застряну! — Ольга по-простецки развела руками. — Я куда хотите встану, только вы Максуду помогите сначала!

— А вы в курсе, что за нарушение сроков регистрации полагается административный штраф? — начала громыхать Тимофеева. На Мишкино счастье, её прервал Андрей, притащивший для посетительницы чашечку чая и горстку конфет.

— Оксан, погоди со своими штрафами, — Старов поднялся из-за стола, шаря в карманах в поисках ключей от машины. — Дай аптечку, я сгоняю, проверю, что там с Максом.

Тимофеева презрительно фыркнула и отвернулась к тумбочке. Мишка набросил на плечи куртку: дождь перестал час назад, но на улице было всё ещё сыро и промозгло. Посетительница в несколько плотков выхлестала чай, сунула в рот одну конфету, остальные ссыпала в карман. Ксюша позволила себе громко и осуждающе хмыкнуть.

— Вот, держи, — она протянула Мишке аптечку. — И не задерживайся, у нас тут дел невпроворот. Сдай Некрасова медикам, и дело с концом.

— Разберусь, Ксюш.

Очутившись в машине, Ольга с крайне ответственным выражением лица пристегнула ремень и всем своим

видом выразила готовность ехать. Мишка завёл двигатель и прикинул дорогу. Добираться тут всего ничего, вдоль автобусного маршрута.

— Вы решили сначала обратиться к нам, — заметил Старов, вырубивая к шлагбауму. — Почему не в больницу?

Сердцевидное личико сложилось в озадаченную гримаску. Похоже, об органах здравоохранения девушка подумать не успела.

— Я вообще хотела с вашим начальником поговорить, — сообщила она, заставив Мишку потрясённо закашляться. — Только дом не смогла найти. У вас тут так всё сложно в Москве, жуть какая-то...

Ну и дела! Надо ж додуматься вот так просто отправится напрямик к Верховскому на квартиру! И откуда она такая взялась? Не то чтобы Мишка водил знакомство с прежними Максовыми подружками, но эта — прямо-таки из ряда вон, каким бы тот ряд ни был. У дома, правда, она заметно сникла; должно быть, Макс отважно запретил кормить себя парацетамолом и отдавать в лапы медиков. Дуралей. Если по его душу таки зайвится кто-нибудь из «Цепи», надо встречать гостей во всеоружии, а не в виде полуживого растения.

— Сейчас, — Ольга завопилась с явно плохо знакомыми ключами, подбирая подходящий к каждому из замков. — Да что ж такое, постоянно путаю... Спит небось, — понизив голос, пояснила она, толкнув неохотно поддавшуюся дверь. — Он почти всё время спит. А так бы наорал на меня, да и дело с концом.

Мишка скинул ботинки в тесной прихожей и прошёл в единственную комнату. Здесь пахло уксусом и горчицей; должно быть, заботливая Ольга в меру сил пыталась Некрасова лечить. Сам хозяин угадывался в бесформенной груде одеял посреди разобранного дивана. Старов без особой грации плюхнулся на стоявший рядом стул и потянул за край пушистого шерстяного пледа.

— Некрасов! Макс! Вылезай оттуда!

Ольга бдительным сусликом застыла в дверях, готовая не то спасаться бегством, не то подносить по первому требованию скальпель, зажим и горячий чай. Мишка решительно разворошил одеяла и добрался-таки до зарывшегося в подушки Макса. Некрасов выглядел осунувшимся и обессиленным; светлые вихры, обычно художественно торчащие во все стороны, облепили голову, как мокрая пакля. Ввалившиеся глаза недовольно щурились на дневной свет. В брови не хватало колечка.

— Макс! Да что с тобой такое! Ты температуру хоть мерил?

— Отвянь, — разлепив губы, сипло выговорил тот. — Чего... припёрся?

— Можно градусник, пожалуйста? — попросил Мишка Ольгу и моментально получил желаемое. — На Некрасов, не тупи.

— Засунь свой градусник в... — зло огрызнулся Макс. Не на того напал.

— Будешь выпендриваться — туда и засуну. Тебе, — пригрозил Старов и, изловчившись, вонзил градусник страдальцу под мышку. — Что случилось-то с тобой? Почему не лечишься?

Некрасов только безыскусно выругался в ответ. Мишка насторожился: лёгкий нравом Макс не имел раньше привычки рычать на коллег. И работу он никогда прежде не прогуливал...

— Ольга, вы нас не оставите на пару минут? — попросил Старов, как мог, вежливо. — Надо поговорить наедине.

Девушка понятиливо закивала.

— Вы зовите, если чего.

Мишка дождался, пока она закроет за собой дверь в комнату, и, понизив голос, строго сказал Максиму:

— Ну ладно, Верховскому ты наврал, молодец. Уже наказан. Выкладывай давай начистоту, что с тобой случилось?

— Ничего не случилось. Отстань, — упрямо повторил Некрасов. — Заболеть нельзя человеку?

Градусник у него под мышкой противно пискнул. Мишка недоверчиво воззрился на цифры: тридцать четыре! Врёт, что ли, ненадёжная техника? А может, и не врёт, не зря же Макс забрался под гору одеял... Крепкий здоровьем Старов под дулом пистолета не отличил бы простуду от гипертонии, но вот симптомы воздействия всякой нечисти знал назубок.

— Ты на паразита, что ли, нарвался? — предположил Мишка, расстёгивая аптечку. — Где это?

— Ни на кого я не нарывался, всё прекрасно!

— Чего ты мне врешь-то? Я ж не... — Старов заткнулся на полуслове. Макс смотрел на него затравленно и как будто даже просительно; не то выражение, с которым хамят сердобольным коллегам. Вот ведь идиот, сам же переживал, что кто-нибудь влиятельный до Некрасова доберётся! — Поймали тебя, что ли?

— Нет, — быстро сказал Макс, и Мишка понял: да.

Со всей возможной прытью Старов метнулся к окну, чтобы захлопнуть приоткрытую створку. Чтобы сложить два и два, много ума не надо: какая-то излишне одарённая скотина натравила на Макса нежить в качестве соглядата, и нежить эта сидит где-то тут, в комнате. Шеф обмолвился, что из вивария удрала тень; по симптомам

вполне сходится. Мишке не доводилось до сих пор в одиночку глушить настолько опасных тварей, да ещё и сытых. На Некрасова-то надежды мало, ему бы не помереть...

— Где? — одними губами проговорил Старов.

Макс с трудом приподнялся на локте и уткнулся взглядом в подушку. Под диваном засела, что ли? Полупрозрачная тень от занавесок едва заметно шевелилась, мешая сосредоточиться. Но занавески висят неподвижно, пластиковые стеклопакеты не пропускают сквозняков...

Мишка отскочил за миг до того, как распластавшаяся по полу тень соприкоснулась с его собственной. Руки сработали быстрее мозга; сетка вхолостую скользнула по ламинату, одна за другой разбились об пол три серебристых стрелы. Клочок тьмы взмыл в воздух и рванулся к окну. Удрать пытается! У нежити, похоже, есть конкретный приказ; она даже не польстилась на людей, беспечно при ней трепавшихся... При таком раскладе можно и попытаться счастья! Мишка ещё пару раз выстрелил по заматавшейся твари, отгоняя её от окна. Обратиться в чью-нибудь копию, соорудить морок или напустить холода она не пыталась — видимо, запретили. Лишь бы не удрала... Доберётся до хозяев — пиши пропало...

Старов швырнул сеть в сторону двери, надёжно запечатывая узкие щели. Защитная цепочка предупреждающе раскалилась; Мишка начал раздражать загнанную в угол нежить. Макс, кое-как опершись спиной о диванные подушки, сосредоточенно скручивал в пальцах что-то невидимое.

— Некрасов, не смей! — рявкнул Мишка, прицельно хлестнув тень серебристой розгой. Нежить от заклятия увернулась; глухо лопнуло стекло в стенке, наружу посыпались вперемежку провода, книжки, пачки сигарет. — Силы береги!

Макс зло на него глянул и всё-таки ударил. Мишка едва успел пригнуться; круговая волна гулко ударилась в стены, рассекла надвое дверцы шкафов, прожгла на обоях тонкую горизонтальную полосу. Стёкла в окнах опасно задрожали.

— Макс, по окнам, блин, не лупи! — взмолился Старов, снова замахиваясь розгой. Не может быть, чтобы он не показывал стажёру Некрасову приёмы для работы в тесных помещениях! — Удерёт же!

— Ну так жги её, — мрачно посоветовал Макс. — Потом потушим.

Младший зажгёт в пальцах постреливающий искрами синеватый комок — маленький, точно на аптечных весах отмеренный. Как только сил хватило? У Макса спектр в холодных тонах; поди, благодаря тому и выдержал несколько дней бок о бок с тенью... Короткий льдисто-синий сполох заставил тварь сменить траекторию, ещё один прищемил ей длинный дымный хвост. Мишка поспешно швырнул одну за другой четыре наспех сотканых сетки и дважды попал; Максова стрела прошла чёрный туман и пригвоздила тень к потолку. Серебряный клубок отчаянно задёргался, попытался свалиться вниз вместе с путами. Теперь осторожно, чтобы подпалить только побелку... Тени, похоже, даже голос подавать запретили; корчась в языках пламени, нежить не издавала ни звука. Пустые сети бессильно опали и растворились в воздухе. На потолке осталось сухое пятно копоти.

— Вот, — ворчливо буркнул Старов, отряхивая ладони. — Аккуратно надо, а не «потом потушим»... Пасть открывай, сейчас укрепляющее пить будем.

— погоди, — Макс подобрался к краю дивана и просительно протянул руку: — Позвонить дай, пожалуйста.

Мишка без лишних слов вытащил из кармана телефон. Собственная некрасовская трубка валялась рядом на тумбочке; Макс цапнул её, чтобы найти нужный номер. В комнату заглянула озадаченная Ольга. Мишка кивнул ей — мол, всё в порядке, и попросил принести чашку. Макс, не обращая ни на кого внимания, слушал длинные гудки.

— Привет, это я, — сказал он как-то виновато, теребя свободной рукой бахрому на пледе. — Ты где сейчас, дома?.. Хорошо. В «Восход» не ходи больше... А вот так, знаю. Не ходи. Как офицер контроля тебе говорю. Накрывать будем этот вертеп... Ага-ага, всё так. Не переживай, просто перестань ходить, и всё. Хорошо, папе говорить не буду... Да, приеду. В выходные, наверное. Как пойдёт... Да, мам, я тоже тебя люблю.

Он протянул Мишке замолкший телефон и вздохнул. Застывшая с чашкой в руках Ольга нерешительно переводила взгляд с одного контролёра на другого; кажется, впервые за их с Мишкой недолгое знакомство она не знала, что сказать.

— Давайте-ка сюда, — Старов забрал у неё ношу и, сверившись с инструкцией, щедро плеснул в чашку укрепляющего снадобья. — Пей, Макс. И вот Ольге спасибо скажи, это она к нам пришла на тебя жаловаться.

Девушка моментально зарделась.

— Да я-то чего... Смотрю, дело неладно, ну и...

— Олька, ты сокровище, — с чувством заявил Некрасов, залпом выпил лекарство и театрально скривился. — Ну и дрянь! Просроченное, что ли?

— Сам ты просроченный, — Старов на всякий случай сверился с датой на ярлычке и протянул пузырёк рыжеволосой героине дня. — Ольга, вот это ему давайте, как тут написано...

— А я ж знаю, — горделиво заявила та, едва взглянув на этикетку. — Меня ба учила такое делать.

— Ольга, — Мишка строго свёл брови к переносице, — вам запрещено практиковать без надзора наставника.

— Ой! Я не то имела в виду, — смутилась Леднёва. — Просто знаю, как его применять, вот...

— И на учёт встать не забудьте, — напомнил Старов. — Приёмные часы — по будням с десяти до двенадцати.

— Вот вы все, блин, суровые, — вздохнула Ольга.

Мишка невольно улыбнулся. Ну да, примерно такое впечатление их отдел на людей и производит.

— Так, ну я поехал, — Старов поднялся и бросил взгляд на часы. Половина второго, пора бы обратно к делам.

— Сидеть, — нагло скомандовал Макс. Он сполз с дивана и устроился в кресле, как был, в растянутых трениках, застиранной футболке и пёстрых шерстяных носках. — У меня важная информация. Оль, будь другом, сигареты дай, а?

— Курить вредно, — сообщил Мишка, усаживаясь обратно на стул.

— Под руку вякать вредно, — Некрасов привычным жестом поджёг сигарету и с наслаждением затянулся. — Включай диктофон, я сейчас покровы срывать буду. А потом бери группу захвата и разгоняй нафиг этот гадюшник...

Мишка едва успел выставить за дверь наострившую уши Ольгу. Макс рассказывал долго, обстоятельно и эмоционально; Старов позволял себе изредка ругаться — сердито или потрясённо. Верховскому понравится. Если бумаги, про которые говорил Некрасов, не уничтожены, это же почти готовые доказательства! И формальный повод есть — седьмая статья в чистом виде...

— Ну и тут они меня взяли, — вздохнул наконец Макс и с силой вдавил окуроченный кончик в принесённую заботливой Ольгой пепельницу. — Пристегнули эту тварь... Я с ней ни туда, ни сюда. Ни сказать кому, ни самому прихлопнуть, она ж, собака, силы тянет, как пылесос...

— Бедняга ты, — искренне посочувствовал Мишка, выключая запись. — А имён совсем никаких нет? Только клички?

— Хоть что-то, — пожал плечами Некрасов. — Да ты ж знаешь, где у них главный офис. Только смотри, это они от меня подянки не ожидали, а ораву безопасников как пить дать опознают. И ещё у них этот тип, который людям на мозги действует...

— Учтём, — Старов серьёзно кивнул. — Ты сегодня отлежись и завтра больничный закрывай. В пятницу чтоб был как штык.

— Не даёте поболеть человеку, — хворый Макс всласть потянулся и сунул в зубы очередную сигарету. — Одни нервы с этой работой.

— Ты это, дёргай по связке, если что, — напомнил Мишка. — Нечего бедную девушку в Управу гонять.

— Да кто б её гонял, — Некрасов искренне развёл руками. — Инициативная, аж жуть!

— Не представляешь, насколько. Она сначала к Верховскому домой собиралась.

Макс восхищённо выругался. Прежде чем уйти, Мишка приоткрыл окна — выветривать табачный дым и запах гари, оставшийся после гибели тени. Вот ведь проблема: за такую тварь положена премия в полторы зарплаты, но «восходовские» специалисты задачу облегчили так, что и подавать-то стыдно... Пусть Верховский решает. Он, в конце концов, начальник.

— Ты какой-то радостный, — заметила Ксюша скучающим тоном, провожая коллегу взглядом. Она нарочито громко звякала ложечкой, размешивая в кофе сахар; должно быть, на кого-то за что-то злилась.

— Шефа нет, что ли? — Мишка кивнул на её кружку.

— Не-а, на совещании торчит вместе с Костиком...

Старов кивнул, взял чистый лист бумаги и принялся излагать. Явной связи «Восхода» с шишками из Магсовета пока не прослеживалось, но — Мишка был уверен — в офисе нужные бумаги обязательно найдутся. Каков, однако, рассадник! А если бы не жалоба какой-то бдительной бабуся в правопорядок, Управа бы и в ус не дула... Подумаешь, околорелигиозный кружок...

Дверь в очередной раз хлопнула: явился царственный Чернов. Мишка демонстративно отвернулся: с коллегой он второй день не разговаривал. За написанное на длинном лице самодовольство хотелось ещё разок подправить Косте челюсть — для симметрии.

— Оксана, подготовь, пожалуйста, списки на премирование по итогам случая в «Лесной сказке», — повелительно говорил Чернов, неспешно вышагивая вдоль прохода. — Андрей, по поручению канцелярии мы должны подготовить сводку о прошениях за июнь. Сделай, пожалуйста, к пятнице...

— А чего это мы указания раздаём? — лениво поинтересовалась Ксюша. — Я, между прочим, тоже старший офицер.

Чернов победно улыбнулся.

— Разумеется, ты старший офицер, — со значением произнёс он. — Но ведь поручения заместителя начальника ты выполнять будешь?

— Как только он у нас появится, — огрызнулась Тимофеева. — Я что-то приказа не видела.

— Всему своё время, — изрёк Чернов и уселся в своё кресло, будто на трон.

Старов сдержал рвущееся сквозь зубы ругательство. Если Костика назначат в руководители, можно сразу увольняться. А ведь назначат, кого ж ещё-то? Чернов весь заслуженный-перезаслуженный, а что характер собачий — так это плевать...

Телефон завершал, сигнализируя, что Мишка за каким-то интересом понадобился Верховскому. Старов бросил взгляд на дверь переговорки, прикидывая, стоит ли скрываться от любопытных коллег.

— В сто двенадцатую через десять минут, — коротко приказал начальник и, выслушав Мишкино «понял», отключился. Чернов ревниво зыркнул на коллегу из-за монитора.

К пыточным застенкам безопасности Старов мчался со всех ног, игнорируя неторопливые лифты и едва успевая разминуться со встречными. Когда он влетел в тесную каморку, там уже собрался почти полный флеш-рояль управских силовиков: Верховский, Терехов, начальница следственного отдела Колесникова, жадно сверкающий глазами Викентьев. Мишка скомканно поздоровался и уселся на предназначенное ему место рядом с шефом. Все молчали; Александр Михайлович сохранял на лице непроницаемо-приятное выражение. Старов был бы рад любой вводной, но подозревал, что начальник и сам ни лешего не знает.

— Ведите, — не без удовольствия рявкнул в рацию Викентьев.

Первым в комнату втиснулся протоколист — безопасник с майорскими погонами, бледный и судорожно стискивающий ноутбук, словно ему не стенограмму предстояло вести, а, как минимум, самому оказаться под пытками. Следом за ним зашли и встали у двери двое хмурых бойцов в полной экипировке. Ввели наконец задержанного — пухлощёкого растерянного паренька в грязных камуфляжных штанах и футболке, заляпанной чем-то липким. Смолой?

— Садитесь, — приказал Викентьев, холодно улыбаясь пленнику.

Тот на подгибающихся ногах подошёл к столу и рухнул на неудобный стул. Сопровождающий безопасник без церемоний схватил задержанного за скованные наручниками запястья и водрузил его руки на столешницу, чтобы все присутствующие могли видеть бессильно скрючившиеся пальцы. Парнишка не выглядел опасным. Совсем.

— Будьте добры, смотрите исключительно на стол перед вами, — мягко попросил Верховский.

Безопасники, как по команде, настороженно к нему повернулись. Мишка тоже подобрался. Шеф всё-таки что-то знает. Задержанный совсем побледнел, нервно дёрнул щеками и вперил взгляд наивных глаз в серый пластик столешницы. Лоб паренька покрывали крупные капли испарины.

— Пятнадцать семнадцать по московскому времени, — любезно сообщил Викентьев. Протоколист усердно зашуршал клавишами. — Вменяемые статьи будут определены в ходе следствия.

Вот как. Либо парнишка совсем свеженький, либо безопасность толком не знает, что ему пришить. Или даже и то, и другое сразу.

— При допросе присутствуют, — продолжал меж тем Викентьев, — начальник отдела обеспечения безопасности Валентин Николаевич Терехов, начальник следственного отдела Виктория Владимировна Колесникова, начальник отдела магического контроля Александр Михайлович Верховский, старший офицер отдела магического контроля Михаил Аркадьевич Старов. Допрос ведёт руководитель группы предотвращения магических противоправных деяний Евгений Валерьевич Викентьев...

— А также упомянутый ранее Александр Михайлович Верховский, — светским тоном перебил шеф. Викентьев удивлённо на него зыркнул, но возразить не посмел. — Напоминаю вам об ответственности за достоверность предоставленных сведений и о наших полномочиях применять санкции в случае вашего некорректного поведения. Вас привели к следственной присяге?

— Д-да, — пискнул задержанный.

Викентьев прохладно улыбнулся.

— Все необходимые процедуры проведены, Александр Михайлович, — он вновь впился доброжелательным взглядом в задержанного. — Назовите своё имя, род способностей и категорию.

Парнишка жалобно икнул.

— Осялков Илья Витальевич. Категории нет. Р-р-род способностей... Я не знаю, не с-с-сдавал п-п-пробу...

— Пометьте, пожалуйста: нелегальная практика, — бросил Викентьев протоколисту. — После допроса вам придётся пройти экспертизу.

Осялков задёргал головой; это должно было выражать обречённое согласие. Мишке стало его жаль.

— Вас задержал патруль у объекта Ясень, — мягко сказал шеф, прежде чем Викентьев успел разразиться административной тирадой. — В составе группы вооружённых людей. Вы можете раскрыть цели своего присутствия в указанном месте?

Мишка едва на месте не подскочил. Вот как! Патрули, которых Викентьев насовал вокруг разлома полный лес, дали-таки полезный выхлоп!

— Ме-ме-меня заставили, — проблеял задержанный. Чтобы не поднять ненароком взгляд, он низко опустил голову над столешницей.

— Заставили сделать что?

— Вы-вывести людей... Сда-сда-сдаться властям... — он тяжело сглотнул и несколько раз шумно вдохнул и выдохнул. — Всё ра-ра-рассказать... вам...

— Кто вас заставил? — резко спросила Колесникова. Её нежный голосок мог бы соперничать по громкости с сигнальным горном.

Осляков судорожно дёрнул плечами. Обуревавшие его воспоминания явно были не из приятных.

— О-о-офицер Зарецкий.

Мишка прежде не видел, чтобы начальники так талантливо играли в гляделки. Безопасники и следовательша многозначительно вертели головами, шеф смотрел на всех спокойно и немного свысока. Как будто укорял коллег.

— Это не относится к рассматриваемому делу, — быстро напомнил начальству Викентьев и, пока не подпалили его собственный хвост, обратился к Ослякову: — Вы сказали — вывести людей. Откуда?

— Из-за разлома, — уверенно ответил тот.

Снова переглядывания. Верховский так и сидит с невозмутимым видом. Сколько народу за этим столом знает о том, что успел накопать контроль?

— Вы обладаете способностью преодолевать разлом, — полуутвердительно проговорил Викентьев, — и проводить через него других людей?

— И не людей то-то-тоже...

— Это какая-то врождённая особенность? — хмуро осведомился Терехов.

— Н-наверное...

— Вы давно этим занимаетесь? — Колесникова сощурила ярко подведённые глаза, жадно разглядывая задержанного. Словно его особые дарования могли проступить на взмокшем бледном лбу.

— Примерно... с конца мая, — сдавленно сообщил Осляков. Это воспоминание, очевидно, тоже было неприятным. — Я... я раз семь ходил... Когда... когда у главного были п-п-проблемы...

— Какого рода проблемы? — хищно спросил Викентьев.

— Со-со здоровьем... Это... это очень опасно, границу переходить... Плохо влияет на се-се-сердце и вообще...

— Кто такой «главный»? — вклинился шеф. Викентьев глянул на него без удовольствия: должно быть, явки и имена хотел оставить для личного пользования.

Осляков прерывисто вздохнул.

— Наш главный. Георгий Иванович Ельцов. Он меня... нашёл. И научил...

Имя как-то знакомо царапнуло память. Но оно совершенно точно не всплывало в Мишкиных схемах; может, Ельцов проходил по какому-то другому делу...

— Пометьте для проверки. Возможно, нелегальное наставничество, а также третья статья, — приказал Викентьев протоколисту.

— Этот человек действительно был вашим наставником? — влезла внимательная Колесникова. — Он вас учил? Чему?

— Н-не наставником. Просто учил. Работать... с нежитью, — Осляков горестно втянул душный воздух. — Правильно... приказывать. Переходить... разлом.

— Как он обнаружил ваши способности? — поинтересовался шеф.

— Маня... Русалка. Мы с ней... — задержанный отчаянно всхлипнул. — О-он её случайно нашёл. Маня пр меня сказала. Он всё понял. Он её потом... у-у-убил...

Расплавленная бирка на обугленной траве, озадаченное Максово лицо, попытки гадать, кому могла помешать несчастная русалка... Мишку передёрнуло от отвращения. Если этот тип правда путался с дохлой девицей, Ельцов сделал ему огромное одолжение, радикально устранив объект привязанности. А несчастные кузьминские шишиги, похоже, должны были стать попросту мишенями для упражнении...

— Что, кроме пересечения границы, входило в ваши обязанности? — продолжил Верховский.

Осляков тоскливо шевельнул скованными руками.

— Ра-работа с прихожанами «Восхода», — неохотно ответил он. — Сначала просто приказывал им приводить ещё людей. По-потом... после обработки... полностью... себе... подчинял...

Он истерически всхлипнул. Мишка не знал законов, по букве которых Ослякова можно было бы осудить; никому и никогда не приходило в голову запретить гулять через разлом или баловаться ментальной магией. Но по совокупности всё вместе однозначно тянуло на смертную казнь. Парень, должно быть, это понимал.

— Что вы видели по другую сторону разлома? — спросил шеф, вызвав у Викентьева очередной вялый приступ тщательно скрываемого негодования.

— Не очень... много, — Осляков нервно облизнул пухлые губы. — Я... почти ничего... не знаю. Я... переводил... помощников, потом... Один раз — нежить, много... И вот сейчас... людей... из «Восхода».

— Для чего?

— Для помощи в войне.

— В войне, — значительно повторила Колесникова. — В какой войне?

— Они... они должны были... прогнать завоевателей. Я больше не знаю про это ничего...

— Что ещё вы можете сообщить? — раздражённо бросил Викентьев. — Персоналии, адреса, сведения?

— Адреса? Адреса «Восхода», — с готовностью предложил Осляков. — Я всё скажу...

— По завершении этого вопроса, — быстренько закруглил безопасник. Верховский отчего-то не возражал. —

Мы поговорим с вами о деталях после первичной экспертизы.

Задержанный встрепенулся и едва не нарушил запрет поднимать взгляд. На стол перед ним упало несколько крупных прозрачных капель.

— Не убивайте меня, — шёпотом взмолился он. — Пожалуйста. Я не виноват... Меня... меня заставляли... Я должен был... — Осляков бессильно раскрыл рот и замотал головой, пытаясь справиться с рыданиями. — Он сказал — вы поможете... Пожалуйста... Я не виноват!

— Это решит следствие, — отрезала Колесникова.

Когда Ослякова уводили, он уже ревел в голос. Напуганный мальчишка с опасным даром, попавший в дурное окружение. И сам дурной на голову. Донских нашёл бы тут целый букет расстройств, может, даже связал бы с экзотическими способностями... Кто его знает, как оно бьёт по психике?

— Юноша не в себе, — прокомментировала следовательша. — Похоже, он правда действовал против своей воли.

— Малой доли того, что он тут озвучил, хватит для смертного приговора, — сварливо возразил Викентьев.

Виктория Владимировна поджала узкие губы.

— Вы не уполномочены выносить решения по таким делам.

— На мой взгляд, есть здесь одно фактически прямое указание к действию, — заметил Верховский. — Руководство «Восхода» следует взять под стражу. Я готов повторно предоставить наши отчёты — их должно быть достаточно для оформления ордера.

— Есть ещё, — вякнул Мишка и запоздало удивился собственной смелости. — Про «Восход». У меня... есть основания. Для ордера. И штурма.

— Оформите, пожалуйста, — благосклонно кивнул шеф. — Коллеги, нам должно хватить дня на подготовку. Я напомню, что она должна вестись в обстоятельствах строжайшей секретности.

— Вы претендуете на участие? — взвился Викентьев. — Вы? Можете для начала объяснить нам, что по ту сторону разлома делает ваш офицер?

— Как вы ранее заметили, этот момент к делу не относится, — вежливо улыбнулся Верховский. — Мы обсудим его в другой раз. В операции же мой отдел обязан участвовать согласно регламентам... и в соответствии со здравым смыслом. Вы видели сейчас ментального мага. Вы должны понимать, насколько он опасен. Мы работаем с этим делом уже полтора месяца, наш опыт будет полезен. Как и ваш, — шеф бросил отчитывать злого, как собака, Викентьева, и переключился на Терехова. — Структура, о которой идёт речь, глубоко проникла в наше сообщество. У нас есть основания полагать, что львиная доля нестроений последнего времени — на совести этих людей. Против такого оппонента нам следует работать сообща.

Терехов медленно кивнул.

— Но и вы должны понимать, что никакие поблажки здесь невозможны.

— Закон суров, но это закон, — значительно изрек Колесникова.

Верховский серьёзно кивнул.

— Разумеется.

В повисшей тишине слышен был высокочастотный гул электрозамков. Мишка отбросил со лба волосы и с удивлением понял, что ладонь осталась влажной.

Как бы то ни было, послезавтра всё кончится.

Неторопливое течение заставляло отражённое в мутной воде лицо то улыбаться до ушей, то капризно кривить губы. Из тростниковых зарослей на противоположном берегу выглядывали любопытные речные русалки; пока солнце не скрылось за горизонтом, они вели себя тихо и из воды не вылезали. Зато русалочьих сборищ избегали местные жители; ради этого можно было недолго потерпеть беспокойное соседство.

Ира в последний раз ополоснула пропахшие тиной волосы и безжалостно скрутила их в толстый жгут, выжимая зеленоватую воду. Не то чтобы ей так уж необходимо было лишний раз искупаться перед возвращением; скорее, хотелось любой отсрочки. Холодные подводные ключи щекотали лодыжки; в тихой заводи, укрытой со всех сторон густыми зарослями рогоза, почти не было ряски, зато кое-где виднелись белые звёздочки кувшинок. Русалки любят срывать водяные лилии и вплетать длинные стебли в блестящие от влаги волосы; то-то на другом берегу цветов совсем не осталось...

Оскальзываясь на глинистом иле, Ира выбралась на землю и вытерлась старой, пропахшей потом сорочкой. Свежая — или, скорее, стиранная — лежала тут же рядом, на траве. Купленный в Вихоре наряд при очень большом желании можно счесть экстравагантным модным вывертом, но там, на другой стороне, лучше всё-таки раздобыть что-нибудь менее заметное, и поскорее... Разбросав по плечам мокрые волосы, Ира подобрала скомканные тряпки, отряхнула от песка и аккуратно свернула. Тащить всё это с собой вроде бы незачем, но и здесь оставлять нельзя. Мало ли кто одарённый тут мимо бегают...

Ярослав сидел на стелющемся вдоль земли ивовом стволе и задумчиво смотрел куда-то через реку. Ира успела отвыкнуть видеть его в джинсах и футболке; на миг он показался ей чужим — до того лишь, как, заметив её, тепло улыбнулся. Обнимая охапку грязной одежды, Ира в нерешительности остановилась над изрядно похудевшей сумкой.

— Куда это всё?

— Складывай, вдруг пригодится, — распорядился Зарецкий. Подчиняясь его жесту, сумка приподнялась над землёй и широко раскрыла тряпичный зев. — Смелей, еды там уже нет.

— Думаешь, что-нибудь пойдёт не так? — осторожно спросила Ира, завязывая тесёмки. — Мы же уже почти пришли...

— Всё может быть.

Она уселась с ним рядом, надеясь унять разгорающееся беспокойство. Ярослав молча обнял её, привлёк к себе. Вот-вот он скажет, что пора идти, и тогда уже точно не хватит духу спросить... Ира судорожно вздохнула, собирая волю в кулак.

— Может, останемся?

На два коротких слова ушла вся её храбрость. Последние дни, в которые она за ослепляющим счастьем не замечала ни проливных дождей, ни раскисших дорог, ни ставших привычными мелких неурядиц, эта назойливая мысль преследовала её неотступно — и всякий раз Ира малодушно откладывала разговор. Она сама не знала, на какой ответ надеется.

— Мы сюда почти месяц шли, — притворно ворчливо заметил Ярослав. — Ты могла бы чуть-чуть пораньше передумать?

— Ну прекрати, — Ира отстранилась, чтобы заглянуть ему в глаза. — Я не передумала, просто... Здесь они тебя точно не найдут. А там...

Слова комом сбились в горле, и она умолкла. Глядя в сторону, Ярослав рассеянно погладил её по плечу.

— Заманчиво, конечно, — негромко сказал он. Ира прикрыла глаза. Выпади это решение на её долю, она бы не справилась. — У меня есть дело, которое надо закрыть. Ребята, безусловно, и сами справятся... Но вместе нам будет проще.

— Безопасность тебя убьёт, — прошептала Ира и сама ужаснулась сказанному. Словно где-то за кулисами бытия от её неосторожных слов повернулись неумолимые жернова.

— Попробует, разумеется, — спокойно согласился Ярослав.

— Ты их не боишься?

— Я не горю желанием с ними встречаться, — он неприязненно фыркнул. — Увижусь с Верховским, передам информацию, помогу накрыть этого Ельцова... А потом денусь куда-нибудь с чистой совестью.

— Сюда?

— Может, сюда. Может, просто уеду из страны. Ещё не решил.

— Я с тобой.

— Тише ты, — Ярослав, смеясь, поцеловал её в лоб. — У тебя на руках все возможности. Спокойно ври следствию и живи, как жилось. Никто тебе слова сказать не посмеет.

— Да зачем мне...

— Затем, — перебил он непререкаемым тоном. — Давай не будем сводить на нет последние месяцы.

— Я и не хочу их сводить на нет, — горячо возразила Ира. — Я всё расскажу, как есть. Они обязаны будут...

— ...Осудить тебя по паре-тройке нехороших статей, — скучным голосом протянул Ярослав. — От безопасности я больше не смогу тебя защитить. Веди себя благоразумно, пожалуйста.

Она до боли закусила губу, прогоняя подступающие слёзы.

— Я могу подождать здесь, — голос предательски дрогнул. — Тогда безопасность до меня не доберётся...

— Твоя родня с ума сойдёт от беспокойства, — серьёзно сказал Ярослав. — Если уже не сошла. Да и ты здесь... вряд ли приживёшься. Тут тоже опасно, знаешь ли.

— Да, но... Люди здесь такие же, как у нас. Может, даже честнее, — Ира уткнулась лбом ему в плечо. — Мы... мы никогда больше не встретимся?

— Встретимся, конечно, — он коснулся губами её макушки. — Я что-нибудь придумаю. И потом, ты всегда можешь меня позвать...

Он скользнул пальцами по её шее, приподнял серебряную цепочку. Ира тронула амулет, чтобы увидеть, как вспыхнет ярким огнём парная подвеска. Ярослав решительно притянул её к себе, и они надолго замолчали. Клонилось к горизонту затянутое облаками солнце, хохотали на разные голоса пустоголовые русалки, от реки тянуло прохладой и влажным запахом водорослей. Мгновения безвозвратно утекали сквозь пальцы. Не может быть, чтобы им было отпущено всего несколько мимолётных летних дней. Не может быть, чтобы восторжествовала такая вопиющая несправедливость...

— Стемнеет скоро, — с сожалением заметил Ярослав, нехотя отстраняясь. — Нам ещё идти пару километров.

— Понятно, — Ира сдержала обречённый вздох. — Тогда пойдём...

Лесок не выглядел ни опасным, ни сколько-нибудь особенным. До тех пор, пока посреди чащи не показались между деревьев торчащие из земли жерди, повязанные обережными лентами; шуршащий в листве ветерок трепал цветные полосы, путал их с густо переплетёнными ветвями. Ярослав первым шагнул за изгородь, настороженно огляделся; чаща ничуть не изменилась. Если исключить шелест листьев и редкое поскрипывание вековых стволов, вокруг царил тишина.

— Тихон, — негромко позвал Зарецкий. Лихо себя ждать не заставило, явилось во плоти, огляделось, уважительно присвистнуло. — Здесь разве не было стража?

— Был, как не быть-то? — Тихон картинно пожал плечами и снова заозирался. — Плакальщик. Дотошный, паршивец, покуда всю душеньку не вымотает — не пушал... Не может быть, чтоб не почувал!

— Не может, — согласился Ярослав. — Убрали, похоже. Слишком... дотошный оказался.

— Эхе-хе, — Тихон скорбно вздохнул. Он вдруг прищурил единственный глаз и не хуже русалки сменил печальную мину на лукавую ухмылку: — А ты, я гляжу, от беды-то своей избавился?

— Смею надеяться. Тихон...

Лихо беспокойно почесалось под его задумчивым взглядом.

— И не проси! — сварливо заявило оно. — Меня — сюда, что ли, душу травить? Смотреть, как вы взад-вперёд шастаете?

— А кого мне ещё просить? — Ярослав развёл руками. — Ты дело наше знаешь, лишних через границу не пустишь, за себя постоять сможешь...

— И-и-и! Я чего слышал-то — у Вихорского разлома, было дело, стража чуть не укокошили, — он хитровато покосился на Зарецкого. — Ни за что ни про что, так, под руку подвернулся...

— Врут всё. Тамошний до сих пор в добром здравии.

— А вот и выпрошу при случае, какое там здравие, — проворчало лихо. Тяжко вздохнуло, вытянуло вперёд левую руку. — Вот она, служба-то, и после смерти не отпускает... Берись, волхв, клясться буду.

Клятва оказалась длинной и цветистой. Тихон обещался оберегать границу, отводить от разлома тех, кто не сумел бы его преодолеть, а тех, кто может — пропускать, только уверившись в отсутствии злых помыслов. Ну и дела... Таких бы Тихонов штук десять — и никакой Ергол со своими кознями не страшен! Повинуясь порыву, Ира крепко сжала освободившуюся руку лиха.

— Спасибо тебе за всё, — искренне сказала она и, спохватившись, добавила: — Благодарствую.

Тихон молодецкато приосанился.

— Да было б за что! Призвание наше такое, девонька, — он довольно крякнул и ткнул шишковатым пальцем в грудь Ярославу: — А ты давай теперь, рассказывай, почто через границу-то собрался? Али задумал чего?

Оба рассмеялись; Тихон покровительственно потрепал Зарецкого по плечу.

— Ты уж там потрудись, крыске нашей тайрадской хвостик-то прищечи, — серьёзно сказал он. — За Драгана да за других. Неча ему безнаказанному разгуливать. И девоньку береги, в обиду не давай!

Ярослав медленно, со значением склонил голову.

— Сделаю, мудрый.

Тихон медленно растаял в густеющем сумраке. Стало тихо и как-то пусто. Чаща по-прежнему лежала впереди, негостеприимная и молчаливая. Ира несмело шагнула за изгородь; ничего не изменилось, только словно захлопнулась за спиной невидимая дверь. Ярослав взял Иру за руку, крепко сжал в пальцах её ладонь.

— Всё будет хорошо, — твёрдо сказал он, заглядывая ей в глаза. — Верись мне?

— Как никому другому, — отозвалась Ира тихо и серьёзно.

Он кивнул, прикрыл на миг глаза, прежде чем двинуться вперёд.

— Держись за мной на полшага.

Она упустила мгновение, когда всё вдруг поменялось. Шорохи, запахи, сам воздух — всё это вмиг стало неуловимо другим. Резко стемнело; здесь, похоже, царила глубокая ночь. Где-то впереди монотонно ухала сова. Кажется, даже слышно было, как в отдалении проносятся по шоссе редкие машины. Сердце пугливо дрогнуло и пропустило удар. Ира не знала, что сейчас будет.

Ярослав выпустил её руку и прижал ладони к лицу. Ира осторожно тронула его за локоть, предлагая помощь; он коротко мотнул головой. Беспокойство железными тисками сжимало горло. Она отлично помнила, что должна делать: после того, как окажется позади опасная зона возмущений в магическом фоне, их с Ярославом пути разойдутся. Ей — добираться до ближайшего наблюдательного пункта безопасников и изображать напуганную жертву обстоятельств, ему — спешить в Москву, искать встречи с Верховским... Доводить до конца проклятое дело. Ира осмотрелась по сторонам, но не разглядела во тьме ничего, что могло бы обозначать близость разлома. Лес как лес — разве что неестественно тихий.

— ...Задницу тут отмораживать! Уже ж поймали одного придурка, мало им, что ли?

Ира замерла за миг до того, как Ярослав придержал её за плечо. Голос слышался где-то слева, не очень далеко. Кровь оглушительно застучала в висках. Уже? Сейчас?..

— Правее, — едва слышно приказал Зарецкий, бесшумно шагая вбок.

Ира тайком перевела дух. Этот патруль чем-то его не устроил; должно быть, слишком близко к разлому — слишком подозрительно. Под ногой хрустнула сухая веточка; звук показался громче выстрела.

— Башка болит, сил нет никаких. К лешему такие дежурства, вот что я думаю...

Сколько ещё идти? Далеко ли остался разлом? Может, не поздно ещё со всех ног броситься назад... Скучный лунный свет трогает плечи бледными пальцами, дрожит на потревоженных движении широких листьях. Будь ночь пасмурной, было бы спокойнее. В мёртвой тишине собственное дыхание кажется безнадежно громким. Это неправда; страх всего лишь играет с сознанием недобрую шутку...

— Стоять! Руки на виду, не двигаться с места, это приказ!

Воздух в горле словно бы разом обратился в лёд. По лицу чиркнул холодный бледный свет фонаря; Ира вытянула руки ладонями вверх, прежде чем запоздало вспомнила, что может не подчиниться приказам. Толку с того? Людей слишком много; они выходят из темноты, как зловещие призраки, впереди, позади, со всех сторон. Невидимая посреди леса камуфляжная полевая форма, погоны, нашивки магбезопасности. Держатся на почтительном расстоянии; боятся?

— Вызывайте Москву, — бросил подчинённому хмурый немолодой мужчина с майорскими погонами. В его пальцах зрел неоформленный красноватый сгусток силы. — Какая категория?

— Четвёртая, — бесстрастно отозвался Ярослав. — Магконтроль, при исполнении. Отмените приказ.

— Удостоверение! — рывкнул майор.

— Не с собой.

— Тогда пусть начальство разбирается. Вы?

Ира с трудом проглотила застрявший в горле комок.

— Я... я...

— Ведьма, седьмая категория, гражданская, — так же равнодушно бросил Зарецкий, даже не взглянув на неё.

Повисшее молчание никто не считал нужным нарушать до тех пор, пока где-то во мраке не послышался шум торопливых шагов. В пятно электрического света прямо-таки выпрыгнул запыхавшийся Викентьев; он был один — то ли очень спешил, то ли не нашёл посреди ночи никого способного к пространственной магии. Безопасник цепко оглядел Иру и хищно улыбнулся Ярославу; в его взгляде сквозило плохо скрываемое торжество.

— Добрый вечер, Евгений Валерьевич, — прохладно проговорил Зарецкий.

— Безусловно, добрый, Ярослав Владимирович, — живо отозвался Викентьев. — Довожу до вашего сведения что вы арестованы. С предъявляемыми обвинениями вас ознакомят позднее.

— Любопытно будет послушать, — ядовито процедил Ярослав. Он смотрел не на Викентьева — на сбитого с толку майора, который то и дело переводил непонимающий взгляд с московского начальства на нахального задержанного. — Предлагаю сбавить тон и поговорить конструктивно. Майор, присмотрите, пожалуйста, за коллегой. Без резких движений, Евгений Валерьевич.

Служака осовело моргнул и медленно, как танковая башня, повернулся к Викентьеву. Алый клубок силовых нитей в его руках разгорелся ярче; на таком расстоянии — убойное оружие. Викентьев побледнел. Патруль заволновался: рядовых безопасников вряд ли кто-нибудь посвящал в тайны государственной важности, люди попросту ничего не понимали в происходящем.

— Вы сами подписали себе смертный приговор, — тихо и угрожающе процедил Викентьев.

— Вы сделали это чуть раньше, — спокойно возразил Ярослав, и по лицу безопасника Ира поняла, что он не ошибся. — Наша с вами проблема вот в чём: вам не хватит знаний и умений, чтобы закрыть дело «Цепи». Вы это знаете.

— Мы как-то говорили насчёт незаменимости, — фыркнул Викентьев. — Так вот, если вы считаете свои сведения эксклюзивными, то вы опоздали. Ваши коллеги прекрасно справились и без вас.

— Нисколько в этом не сомневаюсь, — Зарецкий холодно улыбнулся. — Средства противодействия ментальной магии вы уже изобрели?

Викентьев покосился на бесстрастное лицо майора и зло дёрнул уголком рта.

— Вы ренегат, Зарецкий, — презрительно бросил он. — Вступать с вами в сговор — это...

— Разумно, — подсказал Ярослав. — Я работаю против тех же людей, что и вы. Закончим дело — поговорим о моих прегрешениях. Все необходимые клятвы я готов принести.

Викентьев растерянно открыл и закрыл рот.

— Вы будете приведены к следственной присяге, — прорычал он. — Ваша свобода передвижения и применения дара будет ограничена. При любой попытке к бегству приговор будет приведён в исполнение незамедлительно.

— Годится, — подумав, кивнул Зарецкий. — На все допросы с моим участием будет допущен Верховский и те, кого он сочтёт нужным подключить к делу. Мои рекомендации вы учтёте при подготовке боевых операций. Во время самих операций я получу свободу принятия решений в рамках, которые вы указали ранее.

Викентьев вспыхнул; его бледное лицо пошло пунцовыми пятнами.

— Вы ставите мне условия?

— Ставлю, — нагло заявил Ярослав. — Вы не дослушали. Последнее: присутствующая здесь Ирина Шаповалова ни при каких обстоятельствах не может быть приведена к следственной присяге, вызвана на допрос либо в любой иной форме принуждена к даче показаний. Теперь всё.

Безопасник обжёг Иру неприязненным взглядом.

— Чем вызвано последнее... условие?

— Принимаете или нет?

Викентьев нервно облизнул губы. Ему не хотелось выпускать добычу, даже такую незначительную. Он всё ещё мог сорваться, пойти на принцип, проверить на прочность угрозы Зарецкого — очевидно бесосновательные, но откуда безопаснику это знать? Он видит перед собой загнанного в угол нелегала, которому нечего терять. Он вряд ли что-нибудь пронюхал о клятвах. Он хочет жить и строить карьеру, а не умирать героем при исполнении.

Он не откажется.

— Хорошо, — нехотя процедил Викентьев, не спуская с Иры пристального взгляда. — Но девушка даст клятву о неразглашении. В интересах сохранения секретности. До завершения дела.

— Это можно. Не забудьте исключить из формулировки тех, кто допущен к материалам дела.

— Будьте уверены, — хищно осклабился Викентьев.

Ира клялась первой. Короткая, простая формулировка, накрепко затыкавшая ей рот чёрт знает на какой срок. Понятно, с чего так бесится Викентьев: близок локоть, а не укусишь; притащить её в пыточную или хотя бы в свой кабинет и силой добыть хоть слово он теперь не сможет. Постное лицо безопасника так и просило звонкой оплеухи. Хотелось оттолкнуть Викентьева, ударить по пальцам, вцепившимся теперь в запястье Ярослава, накричать, послать к лешему вместе с его косными законами... Нашёлся вершитель судеб! Сам пусть ловит по двум мирам всю эту банду! Ира закусила губу, чтобы не отпустить на волю рвущиеся с языка слова. Она сделает только хуже. Нельзя поддаваться эмоциям.

— По машинам, — скомандовал Викентьев — кажется, с облегчением. Патрульные перегруппировались; один из них без деликатности взял Иру под руку, оттащил в сторону. — Девушку — до ближайшего поста, пусть организуют трансфер в Москву. Нелегалом займусь сам.

— Слава! — отчаянно крикнула Ира, рванувшись из цепких лап безопасника. Она малодушно надеялась на ободряющую улыбку, хотя бы на спокойный взгляд, который подарил бы ей призрака надежды на то, что всё под контролем.

Зарецкий не обернулся на её голос.

Её конвоировали двое патрульных; и то слишком большая честь для бесполезной слабенькой ведьмы. Лес сменился затянутым темнотой диким полем; у полузаброшенного просёлка ждали три служебные машины. Иру

усадили на заднее сидение тесного седана, туда же втиснулся один из сопровождающих. Они не стали ждать остальных. Ковыляя в глубоких колеях и то и дело чиркая днищем о колдобины, машина поползла прочь. Вместе с лесополосами, редкими одноэтажными домиками, линиями электропередач мимо проносились бесполезные, никому не нужные минуты. Светало; когда машина притормозила у приземистого серого здания, похожего на коробку, над горизонтом уже показалось солнце. Кажется, было холодно. Наверное, вчера здесь был дождь.

— Заходите, — безопасник с силой дёрнул на себя обшитую фанерой дверь. — Давайте-давайте, простынете ещё...

Ира послушно переступила высокий порожек. Её отвели в тесный кабинетик, где обитала полная светловолосая женщина с лейтенантскими погонами на форменной рубашке. При виде непрошенной гостьи она округлила жирно обведённые чёрным глаза и принялась выбираться из-за стола.

— Вот, Тамар, принимай, — неловко хохотнул один из конвоиров. — Велено в Москву переправить.

— Так электрички ж не ходят ещё, — растерянно заметила женщина и бросила взгляд на настенные часы. Стрелки показывали пятый час утра.

— Ну, там уж сама смотри, — махнул рукой безопасник. — Пойдём мы, смену сдавать надо.

— Ох ты ж, — Тамара, как её по отчеству, щёлкнула кнопкой на электрическом чайнике и подвинула к Ире свой стул. — Вы садитесь, садитесь... замёрзли небось? На улице холодука собачья, мужики разве ж поймут...

— Спасибо.

Не хотелось её обижать. Ира уселась на краешек неудобного стула, зачем-то взяла в руки пустую пока чашку, из которой свисал картонный ярлычок чайного пакетика. Урчал нутром брошенный без присмотра компьютер, сердито клокотал чайник, лейтенантша что-то безостановочно говорила. Ира кивала невпопад. Да, жаль, что первая электричка только через два часа. Да, билеты надо сохранить и потом передать в канцелярию для возмещения. Да, на вокзале следует взять такси... Чай оказался слишком крепким и совсем не сладким. Ире было всё равно.

— Слушайте, ну вы ж замёрзнете, — попеняла ей сердобольная Тамара. — Давайте я вам запасную форму дам, а? Вы потом мне почтой вернёте, прям сюда, в наш пункт. Я вам телефончик оставлю...

Телефон. Надо позвонить. Бабушке, Оле. Маме с папой. Она почти месяц мечтала прижать к уху трубку, услышать сквозь мембрану знакомые голоса.

— Можно я позвоню? — Ира кивком указала на стоявший на столе аппарат. — Родственникам. Скажу, что всё в порядке.

Тамара на миг замялась.

— Вы знаете, это ж служебный. Возьмите вот мой лучше.

— Мне в другую область.

— А ничего, сейчас недорого, — женщина беззаботно отмахнулась и сунула Ире в руки потрёпанный пожилой мобильник. — Вы звоните пока, а я до раздевалки добегу, ага?

Ира уставилась на незнакомый экран. Она помнила наизусть три номера — свой и родительские. Но её телефон остался в Ягодном; может быть, бабушка разберётся, как ответить на звонок... В динамике потянулись долгие равнодушные гудки.

— Алло! Алло! — встревоженно заохала в трубку бабушка. Ира выругала себя за бестолковость: додумалась звонить ни свет ни заря с неизвестного номера! — Кто это? Алло! Говорите!

— Ба, это я, — через силу выдавила Ира. — Со мной всё в порядке. Извини, что разбудила...

Бабушка обрадованно ахнула.

— Иринушка! Где ты? Тебе, может, помощь нужна?

— Нет, ба, ничего не нужно. Я к десяти дома буду уже. Потом... может... как-нибудь за вещами заеду...

— Внученька, что с тобой? — спросила бабушка ласково и тревожно.

— Всё хорошо, ба, — стараясь совладать с голосом, отозвалась Ира. — Я жива-здоровая. Извини, что заставила волноваться...

Она мельком глянула в угол чужого монитора. Четвёртое июля. Здесь прошла всего лишь неделя. За это время, наверное, никто и почесаться не успел...

— Вы... вы маме не говорили? — осторожно спросила Ира. — Ну... что меня нет...

— Не говорили, Иринушка, — вздохнула бабушка. — Решили — зачем волновать...

Она лукавила. Были ещё причины, наверняка связанные с чьими-нибудь распоряжениями. Иначе бабушка непременно привлекла бы к делу дочь с её московскими знакомствами... Что ж, как бы то ни было, мама ничего не знает и спокойно досматривает десятый сон. Вот и прекрасно. Вот и хорошо...

— Ну всё, ба, а то я с чужого звоню, — наигранно весело сказала Ира. — Оле передавай привет.

— Конечно, внученька, конечно. Ты держись, духом не падай...

Телефон коротко пискнул и замолк. В навалившейся тишине стрелки часов щёлкали оглушительно и

безжалостно. В крохотной комнатке провинциального участкового пункта магбезопасности уютно горела жёлтым светом потолочная лампа, за окном понемногу оживал незнакомый городок. Вернулась лейтенантша с ворохом казённой одежды; пришлось примерять слишком большие в талии штаны, снимать с куртки Тамирины нашивки и знаки отличия, рассыпаться в неискренних благодарностях. Из блёклого отражения в оконном стекле на Иру взглянула безмерно уставшая благообразная дачница, может быть, с полицейским прошлым, но абсолютно точно никак не связанная ни с какими страшными тайнами.

Всё осталось позади.

— В сто двенадцатую. У тебя пятнадцать минут.

Мишка недоумённо воззрился на погасший экран телефона. Ещё даже не успел сработать будильник. До начала рабочего дня три часа, какая, к чертям, сто двенадцатая? До Управы ехать по пробкам леший знает сколько... Старов сполз с дивана и выругал себя за тугодумство. Маг он, в конце концов, или где?

В спешке он всё-таки промахнулся и вместо коридора безопасников очутился в тёмном вестибюле. На ходу приглаживая волосы, расчесать которые времени уже не было, Мишка бегом рванул к сто двенадцатой и едва не налетел на шефа, торопливо шагающего по коридору в том же направлении. Верховский, в отличие от встрёпанного подчинённого, выглядел идеально, от лаково блестящих ботинок до зажима на галстуке.

— Доброе утро, — мрачно сказал начальник, неодобрительно оглядывая Мишку. — Заправь рубашку, будь добр.

Старов, воровато оглядевшись, последовал совету.

— Что опять случилось?

— Евгений Валерьевич пообещал содержательный разговор, — туманно отозвался шеф и сверился с часами. — Я думаю, он уже там. Пойдём, нехорошо заставлять людей ждать.

Викентьев действительно обрелся на том же месте, что и вчера, в компании того же нервного протоколиста. Выглядел он бодрым и довольным, хоть и заметно взволнованным. Безопасник поднялся навстречу Верховскому, сердечно пожал протянутую начальником руку, затем крепко встряхнул и Мишкину ладонь.

— Александр Михайлович, Миша, добрый день, — Викентьев вежливо сверкнул зубами. — Похоже, мы сегодня весь день проведём бок о бок.

— Надеюсь, что нет. У меня ещё есть несколько важных дел, — холодно улыбнулся Верховский. — Небольшую вводную, будьте любезны.

— Я, честно говоря, хотел вас попросить о том же самом, — Викентьев нехорошо сощурился. — Сегодня трудный день, не будем терять времени. Дайте сигнал.

Протоколист подскочил на месте, точно ужаленный, схватился за рацию и буркнул что-то командное. Мишка выдвинул из-под стола ближайший стул и уселся подальше от Викентьева. За последние дни безопасник ему осточертел.

— Александр Михайлович, заметьте, пожалуйста, что я действую строго в рамках закона, — зачем-то сказал Викентьев.

— Как и всегда, Евгений Валерьевич.

Электрозамки зажужжали, выпуская из захвата тяжёлую дверь, и Мишке показалось, что он не вполне продрал глаза в ранний утренний час. Зарецкий по-хозяйски шагнул в комнату, не дожидаясь понуканий, сам уселся напротив Викентьева, положил руки на стол. Серебро наручников издевательски сверкнуло в холодном свете люминесцентных ламп. Безопасник завёл протокольную шарманку; двое конвоиров в полном боевом облачении замерли по обе стороны от двери. Мишка, как дурак, изумлённо пялился на коллегу. Ярослав выглядел осунувшимся и каким-то запущенным: всегда аккуратная борода превратилась в сплошную тёмную поросьль, лицо казалось обветренным, как после долгого и трудного похода. Неизменным остался бесстрастный взгляд и изрядно подбешивающее Викентьева спокойствие.

— Назовите ваше имя, — выплюнул безопасник. Он, похоже, находил спасение от абсурдности происходящего в незыблемом порядке протоколов.

Зарецкий откинулся на спинку стула и склонил голову к плечу. Если бы не наручники, не понять, кто кого допрашивает.

— Моё досье вам доступно, — насмешливо сказал Ярослав.

Лицо у Викентьева пошло багровыми пятнами.

— Не нарушайте протокол! — твякнул он зло и как-то глупо. Но раз уж сел на бюрократическую лошадку, придётся ехать до конца; безопасник перевёл дух и напористо повторил: — Имя, род способностей, категория!

— Зарецкий Ярослав Владимирович, — снисходительно бросил коллега, разглядывая Викентьева, как какую-нибудь редкую нежить. Неопасную. — Волхв. Не категоризируется.

Викентьев хищно улыбнулся и демонстративно кивнул протоколисту.

— Александр Михайлович, мы вышлем вам копию записи беседы, — ни к селу ни к городу пообещал безопасник. Должно быть, считал, что шеф полностью деморализован.

— Сомневаюсь, — вдруг сказал Зарецкий. Он тоже смотрел на усердно перебирающего клавиши протоколиста. — Александр Михайлович, позвольте?

— Да, разумеется, — ответил шеф быстрее, чем Викентьев успел открыть рот, а Мишка — сообразить, что к

чему.

— Майор, — отрывисто позвал Ярослав, глядя на протоколиста. Тот настороженно вскинул голову; выглядел безопасник совсем неважно. Не спал, что ли, сутки? — Можете больше не выполнять данные вам указания, какими бы они ни были.

— Что вы себе... — начал было Викентьев и заткнулся на полуслове.

Протоколист шумно выдохнул, поднёс к лицу дрожащие ладони. Мишка запоздало сощурился и успел увидеть, как тают остатки ментальных чар.

— Говорите, пока не сработала присяга, — посоветовал Зарецкий.

Майор заговорил. Жадно хватая ртом воздух, будто после нырка на большую глубину, он уверял начальника, что ни в чём не виноват и его заставили. Шерстить выборки для ежегодных исследований в поисках особых признаков. Передать с рук на руки Тришиной беглого нелегала. Подменить приказ об уничтожении опасной нежити. Прodelать дыру в защитных чарах вивария... Викентьев мрачно слушал подчинённого. Его легко понять: доверенный протоколист, не в последнем звании, наверняка с высоким уровнем допуска — и тут вдруг такое!

— Я был вынужден, — задыхаясь, выдал майор, просительно глядя на начальника. — Это... угроза... жизни... Я бы никогда не нарушил... Я не знал, зачем я это всё делаю!

— Это, скорее всего, правда, — негромко сказал Ярослав. — Вам не в чем винить коллегу. Без должной подготовки противостоять ментальной магии почти невозможно.

— Это... это не входит в рамки... рассматриваемого дела, — выдал Викентьев. — Мы... мы проведём служебное расследование. Барков, уведите, пожалуйста... коллегу...

Поднялась мрачная суета. Пока выводили протоколиста, никто не проронил ни слова; Викентьев нерешительно подвинул к себе осиротевший ноутбук. Мишка позволил себе перевести дух, только когда дверь вновь закрылась.

— Он вчера был на допросе, — припомнил Старов. — Всё слышал.

— В таком случае нам придётся работать в более сложных условиях, — подхватил шеф. — Давайте по существу. Времени очень мало.

— Хорошо, — Зарецкий серьёзно кивнул. — Я начну, вы закончите. Евгений Валерьевич, я напоминаю, что принёс следственную присягу. Вам придётся мне верить.

Викентьев зыркнул на него откровенно враждебно, но ничего не сказал.

— Итак, что касается тульского дела, — Ярослав сцепил пальцы, не обращая внимания на звякнувшие о стол наручники. — Люди, осуждённые по нему, в большинстве своём беженцы. Политические, если угодно. Это были разного рода одарённые, вынужденные искать здесь спасения от преследований со стороны... скажем так, радикально настроенных иноземных завоевателей. Среди них нашлись те, кто способен преодолевать разлом почти без вреда для здоровья и проводить с собой других. Массовый переход этих людей через границу не был актом агрессии, скорее наоборот. К несчастью, такое огромное скопление одарённых почуяла местная нежить. Дальнейшее вам известно. Громкие процессы, возмущение в сообществе, опасные темы, которые очень быстро засекретили вместе с самим делом. Смерти. По приговору и от других причин.

— По приговору казнили только наиболее агрессивных, — встрял Викентьев.

— И тех, кто честно отказался делиться со следствием чересчур опасными сведениями, — прибавил Зарецкий.

— Остальных ведь тоже убили? — напрямик спросил Мишка. — Ты говорил...

— Говорил, — кивнул Ярослав. — И сейчас повторю: какой-то процент смертей приходится на естественные причины, вроде стресса или незнакомых инфекций, но большая часть очень напоминает последствия проклятий. Людей убивали. Одних — физически, других — из материалов дела. В зависимости от того, кто отказывался сотрудничать, а кто соглашался.

— С кем сотрудничать? — гавкнул Викентьев.

— Подозреваю, что с теми же людьми, которые принялись развивать активность этой весной, — Зарецкий внимательно смотрел на безопасника, словно надеялся увидеть искру озарения на хмуром лице. — Очевидно, из закровов достали всех, кто только мог принести пользу. Не последний среди них — некий Георгий Иванович Ельцов, он же Ергол, волхв и беженец. Полагаю, что он стал в «Цепи» основной движущей силой... и что мы с офицером Некрасовым могли бы его встретить в метро, если бы заглянули в тайник в другое время.

— Бомж с моровой язвой? — вякнул Мишка.

— Он самый. Полагаю, он подкармливал нежить собственной силой, чтобы та сидела смирно, не искала приключений и поддерживала морок. Далее, некто Дмитрий Кузнецов, он же Митар. Волхв, утративший дар, — Зарецкий на миг замолчал, будто обдумывая им же произнесённые слова. — Сам по себе почти ничего не может, но, видимо, весьма полезен в качестве подручного. Ослякова, я надеюсь, вы уже знаете.

— Его допрашивали вчера, — сухо сообщил шеф. — Мы задолжали тебе благодарность.

Ярик криво усмехнулся.

— Потом рассчитаемся.

— Осляков тоже из... мигрантов?

— Нет, вряд ли, — Зарецкий, подумав, качнул головой. — И совершенно точно никогда не был волхвом. Парень психически нестабилен, таких не берут в обучение. Ради их же блага.

— Его, видимо, обнаружили по предварительным выборкам для исследований, — Верховский не отказал себе в удовольствии выразительно улыбнуться Викентьеву. — Сами пробы, разумеется, потом пришлось уничтожать, чтобы товарищ не попался на глаза уже нам. Действительно странный тип, особенно если принять во внимание историю с русалкой...

— Как бы то ни было, — Ярослав нетерпеливо нахмурился, — это те, о ком я могу говорить с уверенностью. И с очень большой долей вероятности могу предполагать, что они делали и зачем. Целью трудов Ельцова была война по другую сторону границы. Так сказать, реванш за прошлые обиды. Агитацию власть имущих с применением запрещённых средств, — он многозначительно хмыкнул, — он вёл вовсю. И население тоже активно настраивал против захватчика. Нашествие голодных туманниц на деревню — очень убедительный аргумент в пользу прежних порядков...

— Они специально нежить разводили, что ли? — охнул Мишка. — Чтоб с поводка спустить?

— Точно. Мы один такой загон разворошили в мае.

— А в «Лесной сказке», значит, не уследили, — подавленно проговорил Старов. Ярослав при этих словах заметно помрачнел.

— О таком я не знаю, — глухо сказал он, глядя в сторону. — Но это всё так, политическая пропаганда. Основной ударный отряд, который должен был быстро и без особых хлопот выгнать иноземцев обратно в Саборан, а заодно и при необходимости дать отпор Управе, готовили в «Восходе» из наиболее подверженных влиянию прихожан. Людей, склонных к вере больше, чем к сомнению, проще подчинить при помощи ментальной магии. Господин Осляков должен был кое-что вам поведать на этот счёт.

— Поведал, — Верховский рассеянно забарабанил пальцами по столу. — Не сказал только, кому понадобилось всё это финансировать и зачем.

— Вот, — Зарецкий торжественно кивнул шефу. — Должна быть выгода. Такая, которую кто-то мог углядеть шестнадцать лет тому назад, изучая материалы тульского дела.

— Есть такая, — мрачно проговорил Мишка. — Полезные ископаемые. Там... там ведь есть серебро? Железо, медь, золото? Нефть?

— Да, конечно. Всё примерно то же, что и здесь, — Ярик задумчиво склонил голову к плечу. — Ресурсы и рынки сбыта... Я думал об этом. Тогда за «Цепью» должны стоять весьма влиятельные силы. Горнодобывающее оборудование через разлом тайком не потаскаешь.

— Мы пришли к похожим выводам, — шеф внимательно взглянул на развесившего уши Викентьева. — Душа и моторы заговора — где-то в наших верхах.

— И они в курсе, что я в курсе, — невесело усмехнулся Зарецкий. — Постарайтесь сохранить в секрете хотя бы свою осведомлённость.

Викентьев сидел пришибленный. Так-то! Каково ощущать себя инструментом в руках злодея? Жаль, Терехов всё это не слышал...

— Подумайте ещё вот о чём, — Ярослав бросил любоваться обескураженным врагом и перевёл взгляд на Верховского. — «Цепь» мы выкорчуем, сейчас обсудим, как именно. Проблема в другом. То, что она так глубоко проросла в сообщество — это симптом. Не все, кто крутил эти шестерни, попали под ментальные чары. Кому-то понравилась идея устроить себе колонию в соседнем мире. Кто-то ради денег или просто по слабости характера потащил через границу отряд убийц. Кто-то молчаливо всё это одобрит, если ему перепадут какие-нибудь крохи от общей делёжки. Мы сами дали власть этим людям. Мы поддерживаем систему, в которой «Цепь» смогла зародиться, вырасти и окрепнуть.

— Вы сейчас заново наговорите себе на статью за угрозу сообществу, — сухо сказал Викентьев.

— Спасибо, что напомнили, — ядовито бросил шеф. — Надо думать, эти бредовые обвинения мы снимаем?

— Остаётся третья статья, — упрямо рыкнул Викентьев. — И, я не знаю, как, но нарушение государственной присяги. Видимо, тоже помогли ваши... выдающиеся таланты?

— Если способность думать к таковым относится, — холодно отозвался Зарецкий. — Присяга — это клятва, Евгений Валерьевич. Её нарушение безусловно влечёт смерть — или, для меня, на первый раз утрату дара. В том, что я всё ещё на что-то способен, вы недавно убедились. Сможете самостоятельно сделать дальнейшие выводы?

— Превосходно, — окрысился Викентьев. — Может, тогда так же играючи опровергнете умышленное сокрытие общественно опасных способностей и сведений? Что вам помешало подать прошение о легализации?

Верховский смерил развоевавшегося безопасника тяжёлым взглядом. У Мишки кулаки чесались съездить разок-другой по наглой карьеристской морде. Возразить было нечего.

— Я не могу, — медленно, с расстановкой проговорил Зарецкий, в упор глядя на вошедшего в раж Викентьева, — ничего сказать в свою защиту.

Мишка возмущённо повернулся к нему. Вот так просто сдаться, когда дожать Викентьева — наверняка раз плюнуть?! И шеф почему-то молчит, хотя уж он-то мог бы ходатайствовать, просить принять во внимание обстоятельства, лично поручиться... Что он, общественного мнения боится? Размолвки с Тереховым перед важной операцией? Да ну, сумели бы как-нибудь договориться! Может, шеф постарел и попросту опасается рисковать?

— К делу, — отрезал Ярослав. — Есть уже какие-нибудь наработки?

— Мы можем хотя бы переместиться в мой кабинет? — брюзгливо спросил шеф, буравя Викентьева презрительным взглядом. — Видите ли, в душных замкнутых помещениях голова плохо работает.

— Я не собираюсь отпускать конвой, — фыркнул безопасник. — И наши договорённости остаются в силе. По завершении операции приговор будет приведён в исполнение.

— Как решит правосудие, — насмешливо бросил Зарецкий.

Мишка лишь угрюмо поскрёб ногтями зудящие костяшки пальцев.

LXV. Хорошая память

Слабый сквозняк едва заметно шевелил занавески. Над соседним домом неторопливо поднималось утреннее солнце. В прихожей очень тихо возилась мама; Ире не хотелось с ней видаться. Вчерашний разговор вышел натянутым и неискренним. Ира не могла толком объяснить, ни зачем уехала к бабушке, ни почему вернулась на два дня раньше положенного, без вещей и в растрёпанных чувствах; мама никак не могла простить ей скопившиеся старые огрехи, казавшиеся теперь смехотворными. Чтобы не разругаться вдрызг, приходилось вовсе избегать разговоров, кроме совсем уж бытовых. Хорошо, что сегодня у мамы смена. Может быть, завтра найдутся как-нибудь нужные слова. Если настанет в душе хотя бы хрупкое подобие порядка.

После долгого отлёживания в горячей ванне кожа и волосы благоухали целым букетом парфюмерных отдушек, но нет-нет да чудился среди ароматного облака запах дыма, травы, влажной земли. Экзотический наряд, завернутый в пёстрый пакет, покоился в глубоких недрах шкафа — там, куда мама если и доберётся, то только во время весенней генеральной уборки. Если бы можно было точно так же запихнуть на задворки сознания непокорную память! Сколько Ира ни пыталась уткнуться в книжку, листать бездумно ленту новостей, занимать себя домашними делами — мысли всё равно съезжали к одному и тому же. Последний их разговор. Торжествующая рожа Викентьева. Непроницаемое лицо Ярослава — такое, каким она успела его запомнить в последний миг. Можно ли так правдоподобно изобразить равнодушие? А любовь? Если разум — хозяин чувствам, то почему бы и нет... Порадовать немного хворую девицу, которая имеет все шансы умереть от подаренных тенью симптомов. Теперь-то чего, когда опасность уже миновала?

Колдовской маячок снимать не хотелось. Активировать тоже: Ира очень хорошо помнила слова Викентьева про попытки к бегству. Делать дома было решительно нечего; куда-то ехать не хватало моральных сил. От выкручивающей жилы жажды действия Ира вечером выпотрошила сумку, но, осознав бессмысленность занятия, так всё и бросила. Помада, тушь, ключи от дома, пропуск в Управу, блокнот со всякой рабочей ерундой, зеркальце, кошелёк и прочие никому не нужные мелочи остались в беспорядке валяться на столе; в утреннем свете бардак выглядел ещё более возмутительным. Подобрал с пола сумку, Ира широким движением смела в неё всё барахло. Не хватало ещё в понедельник забыть дома что-нибудь важное. Ох, какой, к чертям, понедельник...

Хлопнула входная дверь, заворочался ключ в замке. Вот и хорошо. Уснуть уже всё равно не удастся; можно хотя бы сходить умыться, не рискуя нарваться на осуждающий мамин взгляд. В большой комнате запищал папин будильник. У всех рабочий день. Через пару часов, как всегда, в кабинет на двенадцатом этаже Управы подтянется обрадованный по случаю пятницы отдел контроля. Почти весь. Сколько времени нужно, чтобы закончить дело? День, два, неделя?

— О, доброе утро, — папа озадаченно поскрёб в затылке, наткнувшись в коридоре на не ко времени проснувшуюся дочь. — А ты чего так рано? Отпуск же ещё.

— А... Привыкла у бабушки вставать пораньше, — лихо соврала Ира. Не говорить же, что она всю ночь глаз не могла сомкнуть. — Чай будешь или кофе?

— Давай кофейку, — папа протяжно зевнул. — Э-э-эх, завтра выходной...

Микроволновка показывала неправильное время. Должно быть, ни у кого не дошли руки выставить верное после случайного скачка напряжения в сети. Ира включила чайник и с болезненным упорством взялась приводить часы на кухонных приборах в порядок. Папа, позёвывая, раскрыл холодильник и принялся там рыться в поисках чего-нибудь подходящего к завтраку. Слышно было, как на улице сердито фырчат моторами разъезжающиеся из двора машины. Всё это казалось мороком.

Папа уехал в восемь. Ещё полчаса ушло на то, чтобы перемыть всю грязную посуду, какая только нашлась по всей квартире. Без пятнадцати девять пропал вспыхнувший было запал прибраться в столе; Ира уселась на кровать и бессильно уронила руки на колени. За окном гудела клаксонами пробка, верещали выпущенные на прогулку дети, топотали по асфальту толпы спешащих куда-то людей. Весь мир занят своими мелкими заботами. Ему всё равно.

И ей, наверное, должно быть всё равно. Пусть всё разрешится как-нибудь само собой, без её участия. В конце концов, на неё навесили неразглашение, из-за которого даже родным теперь слова лишнего не сказать. Правда, во избежание логических казусов сделали поправку на тех, кто допущен к делу... Но не с Викентьевым же разговаривать! От одного воспоминания о нём с души воротит. Довольно и того, что он теперь не посмеет к ней лезть. Он и её бы, не задумываясь, приговорил, если б знал...

Зато Верховский бы понял. Он понял — и поверил — ещё тогда, в тот злополучный день, когда тень вырвалась из вивария и всё покатило в тартарары. Ира вскочила с места и застыла в нерешительности. Что ей, заявиться в Управу и потребовать тет-а-тет с начальником магконтроля? Ага, как же. Если безопасность не следит теперь за ней в оба глаза, то Викентьев — добрый наивный дядечка. Одно неосторожное слово — и её с чистой совестью

загребут по третьей статье. Даже допроса не будет, потому что нельзя. Ира сердито выругалась и принялась беспокойно расхаживать по комнате. С Верховским надо связаться, но так, чтобы не подвергать риску ни его, ни себя. Телефон остался в Ягодном. Допустим, в ящиках со старым хламом отыщется какая-нибудь полуживая трубка, но толку с неё? Нужно купить карточку. Это полбеда; ещё надо где-то найти номер Верховского...

Ира запустила руку в рабочую сумку. В блокнот, спасибо привившей эту привычку маме, она записывала всё, что казалось хоть чуть-чуть важным. Вот они, служебные телефоны: канцелярия, горячая линия, секретари других отделов, персональные ассистенты руководителей... Шесть фамилий, одна под одной, и отдельно, парой строчек ниже — начальник. Когда-то невообразимо давно Верховский говорил, что к нему всегда можно обратиться; видимо, пора воспользоваться предложением. Перечитав раз пять длинный рядок из цифр, Ира сунула блокнот обратно в сумку и оглядела комнату. Что дальше?

Коробка, в которой у папы хранились всевозможные электронные калекки, нашлась в недрах серванта, придавленная мамиными скатертями и подаренной сто лет назад, но так и не распакованной посудой. Прежний Ирин телефон, купленный когда-то на первую в жизни зарплату и безнадежно с тех пор устаревший, лежал на самом верху вместе с зарядным устройством. И то, и другое всё ещё работало; получив дозу живительной электроэнергии, телефон приветливо моргнул экраном. Прекрасно. Теперь надо пересилить себя и выбраться из дома.

Вернувшись в свою комнату, Ира вытащила из шкафа первые попавшиеся джинсы. Взгляд упал на казённые форменные штаны, которыми снабдила её добрая женщина Тамара. Надо бы вернуть; чем не повод добежать до почты? Если кто-нибудь за ней всё-таки наблюдает — невиннее предлога для прогулки просто не выдумать. Ира вырвала из блокнота листок, написала несколько слов благодарности и аккуратно сложила одежду в пакет. Всё, больше медлить незачем... Или нет, ещё кое-что. В шкатулке с нехитрой бижутерией она отыскала давным-давно подаренный бабушкой кулончик, зачарованный на удачу. Маленький, совсем слабенький, почти что детская игрушка. Его мощности иной раз не хватало на какой-нибудь особенно каверзный экзамен, но это лучше, чем совсем ничего. Пока не пропал запал отчаянной храбрости, Ира сунула ноги в кроссовки, оставила родителям успокоительную записку на случай, если вдруг задержится, и выскочила из квартиры.

Несмотря на ранний час и рабочий день, народу на улице бродило прилично. В сторону почты шло слишком много людей, чтобы выделить среди них кого-нибудь подозрительного. Пёстро одетые прохожие казались фальшивыми вместе со всей благополучной суетливой действительностью. Ира старалась не путать поистершиеся из памяти маршруты; когда за очередным домом показалось почтовое отделение, она едва сдержала вздох облегчения. Автомат услужливо выдал талончик через пару номеров от горящего на табло; вежливо улыбаясь скучающим в очереди старушкам, Ира встала поодаль, у стеллажей с журналами. Почти сразу за ней зашла молодая женщина, потом паренёк студенческого вида и мужчина средних лет. Пожалуй, все трое могли бы носить погоны магбезопасности — а может, и никто из них. Подумаешь, важная персона, кому она теперь может понадобиться...

— Можно, пожалуйста, отправить вот сюда? — Ира протянула служащей листок с адресом ясногорского участкового пункта. — На имя Тамары Васильевны Кулешовой.

— Срочная доставка? — поинтересовалась женщина, принимая у неё пакет.

— Нет, обычная, — Ира растянула губы в вежливой улыбке и показала пальцем на лежащие под стеклом яркие конверты с логотипами сотовых операторов: — И ещё мне вот это, пожалуйста...

— Паспорт, — потребовала служащая.

Паспорт остался у бабушки. Преодолевая отчаянное желание воровато оглядеться, Ира положила на лоток для мелочи прихваченную дома ксерокопию и заставила себя сосредоточиться.

— Примите, пожалуйста, — негромко сказала она, заглядывая в лицо служащей.

Женщина развернула бумагу и уставилась на неё пустым взглядом. На миг Ире показалось, что она вот-вот рявкнет, чтобы незадачливая посетительница шла подобру-поздорову домой за паспортом, но служащая рассеянно кивнула и принялась клацать клавиатурой. Стараясь сохранять скучающе-доброжелательное выражение лица, Ира всё-таки обернулась украдкой. Людей в отделении прибавилось; все терпеливо ждали в очереди, никто не спешил размахивать служебной корочкой и опрокидывать нарушительницу закона мордой в пол. Не заметили. Или замечать всё-таки некому.

В автобус до метро она запрыгнула, скорее, по наитию. Он уже закончил посадку, когда Ире взбрело в голову ухватиться за поручень и, получив под зад автоматической дверью, забраться в полупустой салон. За ней совершенно точно никто не успел влезть. Умиrotворённо выдохнув, Ира плюхнулась на ближайшее сидение и взялась за конверт с картой. Руки слегка дрожали.

Трубка, подумав, продемонстрировала оживший индикатор сети. Сверившись трижды с блокнотом, Ира нетерпеливо набрала номер Верховского. Гудки тянулись долго; она успела испугаться, что сделала что-то не так. Затем динамик прекратил ныть и коротко сказал знакомым строгим голосом:

— Верховский, слушаю.

— Здравствуйте, Александр Михайлович, — выдохнула Ира. С плеч словно бы свалилась приличная гранитная глыба. — Это Шаповалова. Мне нужно с вами поговорить. Не по телефону. На полчаса, не больше.

— Минутку.

Автобус, скрипнув сочленениями, приник к очередной остановке; зашипели пневматические двери. В трубке слышался приглушённый шум шагов; похоже, начальник контроля искал достаточно уединённое место. Разве он в это время не пьёт утренний кофе у себя в кабинете?.. На свободное место рядом с Ирой уселся невзрачный молодой человек в кожаной куртке; телефон от греха подальше пришлось переложить к другому уху.

— Я вышлю вам адрес, — сказал наконец Верховский. — Это в центре Москвы. Сможете быть через час?

— Да, конечно! — Ира обрадованно улыбнулась собственному бледному отражению в оконном стекле. — Только это...

— Конфиденциально, разумеется. Скажете администратору, что вы пришли по объявлению. До встречи.

Адрес был незнакомый. Ира едва не заплутала в тесных проулках, выискивая нужный дом. Располагавшееся в нижних этажах кафе работало с двенадцати; на часах едва перевалило за половину одиннадцатого. Подумав, Ира требовательно подёрнула запертую дверь едальни. На шум выглянула девушка в длинном форменном фартуке, ослепительно улыбнулась:

— Извините, но мы открываемся в полдень.

— Я по объявлению, — быстро сказала Ира. Торчать посреди улицы было неудобно.

Против ожиданий, девушка проворно посторонилась и сделала приглашающий жест. Сунув похолодевшие руки в карманы, Ира нырнула впряно пахнущий полумрак. Девушка молча проводила её к уединённой нише в дальнем углу просторного помещения. Откуда-то вынырнул официант, поставил на стол бутылку дорогой минеральной воды, стакан и блюдо с художественно нарезанными канапе.

— Сколько с меня? — сконфуженно спросила Ира. Ей даже не предложили меню.

— За счёт заведения, — вышколенный официант улыбнулся во все тридцать два зуба и исчез в кухне. Иру пробрала нервная дрожь.

Кто-то — отсюда не разобрать — поскрёбся во входную дверь. Администраторша вежливо отвалила незваных гостей, настаивая на том, что заведение откроется через полтора часа. Ира вытянула шею, пытаясь сквозь дымчатое оконное стекло рассмотреть, кто там топчется на крыльце, но потерпела неудачу. Что ж, по крайней мере, саму её снаружи тоже не разглядеть.

Верховский появился прямо в зале, не утруждая себя конспирацией. Значит, ресторанчик держат одарённые; более того, хорошие знакомые начальника магконтроля. Потревоженный, очевидно, сигнальными чарами официант почтительно поздоровался с посетителем и без вопросов принёс чашечку чёрного кофе, стакан воды и ещё одну тарелку с декоративной снедью.

— Спасибо, Лёня, — Верховский покровительственно кивнул пареньку. — Феликс сегодня здесь?

— Нет, Александр Михайлович, но он передаёт вам наилучшие пожелания.

— Хорошо, спасибо. Проследи, пожалуйста, чтобы нас не беспокоили.

Он едва уловимо шевельнул пальцами, и тишина тут же сдавила уши войлочными ладонями. Ира судорожно вздохнула.

— Что ж, Ирина, добрый день, — начальник магконтроля прохладно улыбнулся. — Надеюсь, вы меня вызвали, чтобы прояснить свою роль в разворачивающихся событиях?

— Нет, — она решительно качнула головой. Вот и пришла пора бессовестно врать представителям власти. — Не совсем. У меня нет никакой роли, я... оказалась не в то время не в том месте.

— Это радует. Приятно иногда поговорить с человеком без двойного дна, — заметил Верховский. Понял или нет? Если и понял, то не собирается на неё давить... По крайней мере, в явном виде. — Тогда в чём дело?

— Я хочу помочь, — заявила Ира, обеими ладонями обнимая стакан с минералкой. — Я... может быть, знаю что-то полезное. Вы найдёте этому применение.

Верховский взглянул ей в лицо с вежливым интересом.

— Вы изменились, — задумчиво сказал он. — Говорите по-другому. Жестикулируете. Смотрите. Вы пережили серьёзное потрясение?

Ира с трудом преодолела желание отвести взгляд.

— Это неважно, — проговорила она, удивляясь твёрдости собственного голоса. — Вы... вы виделись...

— Да, — быстро перебил Верховский, послав Ире предупреждающий взгляд. Значит, лучше без имён. — У нас был весьма обстоятельный разговор. Но, полагаю, в интересующем вас вопросе позитивных подвижек не предвидится.

— Вы можете что-то сделать?

— Видимо, это зависит от того, что вы мне поведаете, — Верховский сцепил пальцы над нетронутой чашкой кофе. — Не волнуйтесь, я допущен ко всем материалам дела, а здесь нас не подслушают. Но я не могу

гарантировать вам безопасность. Вы знаете, что за вами наблюдают?

— Догадывалась, — Ира нервно облизнула пересохшие губы. — Мне кажется, я пока не очень подозрительно себя веду.

— Вам не кажется, — начальник магконтроля коротко улыбнулся. — На всякий случай: сюда вы пришли устраиваться на работу. Ваше желание покинуть Управу вряд ли кого-то удивит.

— Я прошла собеседование?

— Нет. Но пока вы демонстрируете своё умение не спотыкаться о посетителей, у нас есть небольшой запас времени, — Верховский выразительно взглянул на часы.

Ира вздохнула и заговорила. Старательно обходя опасные места, но не утаивая ничего, что не грозило ей разоблачением и казнью. Рассказ она составляла в уме всю дорогу до ресторана; выходило в меру складно. По озвученной версии получалось, что лже-Ельцов её выручил из лап местного правосудия в надежде вытянуть из секретарши магконтроля какие-нибудь отдельские тайны, а Ярославом двигала исключительно верность служебным клятвам. Верховский не перебивал; под его задумчивым взглядом Ира чувствовала себя, будто в комнате для допросов. Она старалась поменьше шевелиться; казалось, каждое слово, сказанное или несказанное, каждый случайный жест, каждое на миг промелькнувшее выражение лица может её выдать. По Верховскому же вовсе невозможно было понять, о чём он думает. С чего она вообще взяла, что ему можно верить? Сейчас объявит, что она арестована, и пиши пропало... Кто знает, что могло измениться за прошедшее здесь время?

— Исчерпывающе, — прокомментировал начальник контроля, когда Ира выдохлась окончательно и схватилась за минералку. — Кое-какие детали, признаться, были для меня новостью. Но вы ведь и сами понимаете: здесь нет ничего, что можно было бы противопоставить обвинениям по третьей статье.

Ира досадливо закусил губу.

— Что можно им противопоставить?

Верховский тонко улыбнулся.

— Очевидно, причину, по которой не была нарушена общегражданская присяга, — со значением произнёс он. — Речь о двух пунктах.

— Подчиняться Магическому своду, кроме случаев, когда повиновение закону угрожает моей либо чужой жизни, — без запинки отчеканила Ира.

— У вас хорошая память, — похвалил Верховский. — Я имел в виду также пункт о тайнах, затрагивающих интересы государства либо сообщества.

— Значит, эта тайна личная, — сказала Ира наугад.

— И угрожающая чьей-то жизни, — кивнул Александр Михайлович. — У меня есть основания полагать, что наш с вами общий знакомый связан некоей клятвой, запрещающей её разглашать.

— Но тогда... — Ира до боли закусил губу. Она ведь совсем не знает Зарецкого. То есть знает, и, наверное, лучше, чем кто-либо из ныне живущих, но не в том смысле, в каком это сейчас нужно... — Ох... Я знаю, кого надо спрашивать. Только это, наверное, будет сложно.

— Когда нас пугали трудности? — Верховский иронично изогнул бровь. — О ком речь?

— Домовой, — выпалила Ира. — Если... если он захочет разговаривать. Я думаю, он меня вспомнит...

— Как интересно.

— Я больше ничего не могу придумать.

— Этого для начала более чем достаточно, — Верховский вдруг улыбнулся вполне искренне, без всегдашней казённой прохлады. — Ей-богу, я готов предложить вам должность младшего офицера.

— Нет, мне секретарём нравится, — Ира нервно хихикнула. Вот был бы номер, вздумай она согласиться! — Я... я не очень помню адрес, но, наверное, на месте смогу сориентироваться...

— Без надобности, — Александр Михайлович достал из кармана пиджака телефон, несколько раз чиркнул пальцем по экрану, дождался ответа, кивнул. — Оксана встретит вас у северного вестибюля «Театральной» через полчаса. Советую взять такси. У вас будет время примерно до трёх, вряд ли дольше, — он сверился с тускло сверкнувшим циферблатом. — С часа дня я не смогу быть на связи. Будьте осторожны. Помните, что действуете на свой страх и риск...

Ира кивнула. Мог бы и не напоминать.

— И, как бы то ни было, не вините себя ни в чём, — тихо сказал Верховский. — Вы уже сделали намного больше, чем подразумевает гражданская клятва. Удачи вам.

— И вам, — эхом отозвалась Ира.

Администраторша выпроводила её за дверь, любезно пообещав перезвонить. В проулке на первый взгляд никого не было. Ира поправила на плече лямку сумки и быстро зашагала в сторону ближайшей оживлённой улицы. В разгар рабочего дня в толпе не затеряешься, но хотя бы такси там ездят чаще. Машина и впрямь подвернулась очень скоро; удачливый кулончик на шее нагрелся от усердной работы. Второй, надёжно спрятанный под

водолазкой, оставался безнадежно холодным.

Прохлаждающуюся у вестибюля «Театральной» Оксану Ира разглядела издалека. Облаченная в светлый брючный костюм красавица прятала глаза от солнца за широкими тёмными очками. Завидев спешащую к ней секретаршу, офицер Тимофеева лениво шагнула навстречу и, взяв Иру за плечи, клонула губами воздух возле её щеки. Пахнуло горьковатыми духами.

— Поменьше нервов, подруга, — шепнула Ксюша. Ира постаралась расслабить напряжённую спину. — Пошли, не отставай.

— Куда?

— Подстричь тебе хвостик, — насмешливо фыркнула Тимофеева. — Рассказывай давай, как отпуск прошёл?

Они быстро, но без излишней суеты шагали меж стискивающих улицу монументальных громад. Ира, сообразив, чего от неё ждут, несла какую-то чушь про отдых на природе, Оксана весьма правдоподобно изображала интерес. Она-то знает, куда и зачем лежит их путь? Лучше спросить как-нибудь потом, в более укромном месте. У перекрёстка с Тверской Тимофеева решительно свернула в сторону Красной площади. Среди туристов, что ли, хочет затеряться?

— Сюда, — Оксана ненавязчиво потянула Иру вправо, к подземным павильонам Охотного ряда. — Не тупи, это вредно.

Ира ей это спустила. Если Тимофеева что-то делает, значит, так велел Верховский. Кроме Верховского, доверять, в общем-то, некому. Оксана протащила её вдоль сверкающих витрин и едва ли не силой втокнула в огромный магазин.

— Вот, — в грудь Ире ткнулась вешалка с какой-то невразумительной тряпкой. — Брысь в примерочную и сиди там тихо. Я к тебе приду.

Убедившись, что Ира покорно отправилась исполнять указание, Тимофеева выскользнула из магазина и моментально растворилась среди празднично гуляющих зевак. Ира забилась в самую дальнюю кабинку, задёрнула за собой тяжёлую портьеру и плюхнулась на пуфик. Сердце колотилось так, будто она не пару сотен метров пешком прошагала, а, как минимум, пробежала кросс. На ценнике, свисавшем с ухваченной вещички, красовалась сумма в половину зарплаты. Ира осторожно пристроила вешалку на вычурном крючке, чтобы ненароком не повредить драгоценную тряпку. В какой, интересно, момент свернула не туда торная тропка её скучной обывательской жизни? Как она оказалась здесь, в тесной примерочной кабинке кошмарно дорогого магазина, на полдороге в стерильный бюрократический ад? Куда лезет, беспечно сметая по пути все преграды, за которыми могла бы благополучно прятаться долгие годы?

— Здра-а-авствуйте, — протянул снаружи нарочито громкий Оксанин голос. — Ой, я тут всего набрала-а-а...

Ира выглянула в сияющий тёплым светом коридор и махнула Тимофеевой. Через пару мгновений Ксюша юркнула в кабинку, небрежно зацепила за настенный крючок целую гроздь вешалок и поставила на пол два разрисованных логотипами бумажных пакета. В руки Ире ткнулся ворох мягкой ткани.

— Одевайся, бегом, — прошипела Тимофеева, вытряхивая из картонной коробки новенькие туфли. — Шеф сказал, времени мало... Твоё счастье, что все мало-мальски способные безопасники сейчас заняты.

Ира послушно вошла в строгие классические брюки. Мелкие застёжки на атласной блузке никак не желали поддаваться утратившим ловкость пальцам; Оксана, выругавшись сквозь зубы, сама просунула матово блестящие пуговицы сквозь узкие петли.

— Что это у тебя? — спросила она, указывая на выглядывающую из-под ворота серебряную цепочку. — От неё чарами фонит, как от склада «Гекаты».

— Ничего, — буркнула Ира, стягивая у горла чересчур открытый воротник. — Не трогай, её нельзя снимать.

— Нельзя так нельзя. Садись, — приказала Ксюша, указывая на пуфик. В её руках глянцево сверкнула крышечкой пудреница. — Дёрнешься — будешь ходить чучелом, понятно?

— Зачем это? — оторопело спросила Ира.

Ксюша сердито мазнула ей по носу тональным кремом.

— Чтобы черти, которые пасутся у выхода, тебя проморгали, — тихо и угрожающе проговорила она. — Шеф сказал, если нас там поймают, разбираться долго не станут. Будем бежать на полшага впереди... Да-а-а, подруга, не умеешь ты краситься.

— Спасибо.

— Давно сказать хотела, повода не было, — фыркнула Тимофеева. — Чеки на барахло не теряй, потом оформишь мне в какие-нибудь операционные расходы...

Нарисованное ею лицо в первый миг показалось чужим. Из зеркала на Иру смотрела бледная Оксанина копия — не такая яркая и изящная, вроде неумело подражающей младшей сестры. Тимофеева ловко собрала ей волосы в узел, набросила на плечи пиджак и водрузила на нос узкие затенённые очки. Пожалуй, этот маскарад может сработать, если «хвост» не слишком хорошо знает подопечную в лицо...

— Держи, — Ксюша вложила ей в ладонь нарядный брелок. — Машина стоит на Большой Никитской. Тёмно-красная «kia». Залезай и сиди там, пока не приду. Если вдруг докопаются — блокируй двери и жми на газ.

— Я не умею.

— Там много ума не надо. Так, выпрямись и сделай нормальное лицо! — командным тоном рявкнула Тимофеева. — Ты добропорядочная гражданка, никого не трогаешь, идёшь по своим делам, поняла?

Это оказалось невероятно сложно. Двигаться подчёркнуто размеренным шагом мимо нагруженных тряпьем вешалок, беззаботно помахивать вычурными брендовыми пакетами, в которые Оксана запихнула собственную Ирину одежду, изо всех сил заставляя себя не озираться по сторонам из-под очков. В глянцевых стёклах витрин торопливо скользили отражения. Никто не гнался за ней, но это ещё ничего не значило. Она до сих пор не сделала ничего подозрительного. Если конвоиры её и узнали, хватать её пока нет повода...

Новые туфли слегка натирала ноги. К вечеру это станет невыносимым. Наверное. Может быть, в сумке есть пластырь, но сейчас нет времени его искать. Перепутав выходы, Ира поднялась на поверхность в сторону Александровского сада; пришлось пересекать открытую взглядам Манежную площадь. Не оглядываться. Не спешить. Соразмерять шаги со стуком сердца: два удара — шаг, два удара — шаг...

Яркая — чересчур яркая! — машинка стояла прямо под знаком парковки, укрытая от бледных солнечных лучей тенью соседнего здания. Ира забралась в водительское кресло и заблокировала двери. Вытянула вперёд правую ногу, ощупывая педали. Которая из них — газ, она представляла. Что надо сделать, чтобы машина поехала, — нет.

В пахнущем пластиком и Ксюшиными духами салоне висела духота, но открывать окно было слишком рискованно. В зеркале виднелась пустынная тесная улица; каждого прохожего Ира внимательно провожала взглядом до тех пор, пока он не пропадал из поля зрения. Ксюшу она узнала не сразу: Тимофеева тоже сменила наряд; вместо офисного костюма на ней красовались джинсы и однотонная кофта вроде той, что лежала сейчас скомканной в одном из Ириных пакетов. Вид у Ксюши был победоносный.

— Разочаровались, — заявила она, изящно опускаясь на поспешно освобождённое Ирой сидение. — Проводили до эскалатора и забили... Ну, поехали, что ли.

— Ты знаешь, куда?

— Помню прекрасно, — фыркнула Тимофеева, заводя мотор. — Отвозили туда недавно твою бездыханную персону. Я не настолько была пьяна...

Она замолкла и сердито поджала губы. Машина резковато стронулась с места, резво покатила по полосе. Мимо замелькали нарядные особняки и просторные площади; сверкнула на солнце закованная в гранит река. Ксюша притормозила, немного не доезжая до украшенного строгими арками дома, и заглушила двигатель. Кажется, она тоже начинала нервничать.

— Надеюсь, ты знаешь, что делать, — с сомнением проговорила Тимофеева, запирая машину. Ира ничего ей не ответила.

Подъезд Ксюша помнила, этаж — нет. Заключённая в стеклянную будку консьержка вперила в незваных гостей пристальным взглядом и гавкнула:

— Вы к кому?

— В тридцать вторую, — наугад соврала Ира, чувствуя, как греется зачарованная подвеска.

Тётка ещё разок зыркнула на них и вернулась к кроссвордам. Проиригнорировав лифт, Оксана решительно свернула на лестницу. Подниматься придётся прилично; смутно помнившийся вид из окна предполагал солидную высоту. Непомерно длинные пролёты выпивали последние силы вместе с остатками храбрости. Вдруг их там ждут? Вдруг они вляпаются в какие-нибудь следящие чары? Вдруг уже вляпались?

— Вот, — уверенно сказала Ксюша, едва взобравшись на лестничную клетку шестого этажа. — Погоди-ка, проверю...

Она вытянула руки перед собой, словно ощупывая что-то невидимое. Нервно облизнула губы, отбросила со лба прядь блестящих волос. Обшитая светлым деревом дверь внушала ей беспокойство.

— Сняла, — проговорила наконец Оксана. Голос её слегка дрожал. — Почти всё, но... эти можно не трогать. У тебя ключи есть или будем ломать замок?

— Погоди, не надо ломать, — отозвалась Ира и прижала пальцем кнопку звонка, вызвав к жизни приглушённую мелодичную трель по ту сторону стены.

За дверью всё было тихо. Домовые умеют быть бесшумными. А ещё капризными и недоверчивыми, особенно в отсутствие хозяев. Ира осторожно опустила на корточки и, стараясь не говорить слишком громко, позвала в замочную скважину:

— Прохор! Проша! Открой, пожалуйста!

Тишина. Неужели с ним что-нибудь случилось? Домовые не покидают жилище по своей воле, пока от дома остаётся хоть пара стен. Прохор очень старый, он долго сидел здесь совсем один, он мог не выдержать...

— Проща! Мне очень нужна помощь, пожалуйста, открой! — взмолилась Ира. — Это я. Ты меня помнишь? Вот, смотри, что у меня есть...

Она торопливо высвободила из-под воротника амулет. Помнится, Прохора тогда разозлило, что наглая гостья взяла вещицу; может быть, он согласится помочь в обмен на подвеску? Расставаться с амулетом не хочется, но жалеть о камушке, хоть и бесценном, глупо, когда на кону жизнь. Синяя капелька остро сверкнула в лучах солнца, бьющего в высокие окна. Тихо щёлкнул замок.

— Гостьюшка пришла, — констатировал домовый, окидывая Иру цепким взглядом блестящих чёрных глаз. Она не поняла, рад он ей или нет. — Пушай заходит. Только хозяина дома нетути...

— Я знаю, — выдавила Ира. Она поднялась на ноги и переступила порог; Оксана, настороженно озираясь, шагнула следом и прикрыла за собой тяжёлую дверь. — Проща, хозяин в большой беде.

Домовой совсем по-человечески прижал ко рту мохнатые лапы.

— Ох, отчаянная душенька... Что ж натворил?

Ира, сбросив туфли, уселась перед Прохором на колени. Так казалось честнее. Ксюша молчала, хмурая брови. Сколько она знает? Наверное, не очень много...

— Ничего плохого, — слова неохотно протискивались сквозь болезненно сжавшееся горло. — Это из-за... из-за тайн. Есть такой закон...

— Плохой закон, — пробормотал домовый и горестно качнул длинными ушами. — Э-э-эх, учила ить хозяйка — молчать надуть, молчать да не высовываться...

— Кто такая хозяйка? — резко спросила Ксюша. Ира вздрогнула, услышав её голос.

Прохор недоверчиво зыркнул на Тимофееву из-под кустистых бровей и ничего не сказал.

— Кто, Проща? — зачем-то повторила Ира. В этом может быть смысл. Если женщина, которую домовый зовёт хозяйкой, знает что-то важное... Кто бы она ни была... Пусть лучше Оксана с ней разговаривает...

— Хозяйка, — печально повторил Прохор. — Великая чародейка. Волшебница. Всё на свете знала... Всему его, егозу, научила... Так и говорила — погубит ить себя о-про-мет-чи-во-стью, душенька беспокойная...

— Свешникова, — сказала Ксюша. — Да ведь? Они, кажется, родственники...

Прохор молча моргнул.

— Она давно умерла, — сообщила Тимофеева. Прохор болезненно дёрнулся, словно его ударили током. — Если что-то и знала, теперь уже всё...

Вот как. Тогда понятно. Домовой, перейдя к наследнику вместе с жильём, не мог не звать Ярослава хозяином, но покойную Свешникову, похоже, слишком любил. Могла она доверить ему что-то важное? Записи, дневники, хотя бы несколько драгоценных слов...

— А ты знаешь, Проща? — отчаянно спросила Ира. — Должно быть что-нибудь... Что всё объясняет... Почему не сработала клятва...

— Прохор знает, — тихо сказал домовый.

Оксана где-то за спиной торжествующе хмыкнула.

— Скажи, пожалуйста, — шёпотом проговорила Ира, будто просьба её граничила с непристойностью. — Мы ничего плохого не сделаем. Хочешь, поклянусь?

— Не надо это, — быстро сказал домовый. — Злое дело — клясться... Прохор всё одно сказать не может. Закон такой, что Прохора слушать не будут.

Вот же чёрт! Он прав: нежить неправоеспособна, она не может свидетельствовать в суде, её слова ничего не значат... Почему Верховский не напомнил об этом? Сам забыл? На что-то надеялся?

— У Прохора есть, — продолжил домовый, внимательно глядя на Иру, — как того отыскать, которого будут слушать...

Оксана выругалась себе под нос. Ира сердито на неё оглянулась. Сейчас Прохор обидится, откажется разговаривать, и тогда всё. Других ниточек нет.

— Как отыскать, Проща? — как можно мягче спросила Ира

Домовой с сомнением пожевал губами.

— Прохор принесёт, если ему верные слова скажут, — сообщил он. У Иры внутри всё похолодело. Не дюжину «пожалуйста» же он хочет услышать! — Так хозяйка велела. Прохор скажет — человек ответит, тогда и отдать. Прохор говорит: пламя. Пусть теперь гостьюшка отвечает.

— Пламя? — переспросила Ксюша. — Это что значит?

— Не знаю... Нет, подожди, — испуганно сказала Ира, заметив, как домовый удручённо качает головой. — Подожди... Я... Сейчас...

Сколько у неё попыток? Может, и много, но драгоценное время утекает сквозь пальцы. Что могла загадать домовому давно оставившая этот мир женщина? Кто она была, чем дышала, как мыслила? В поисках подсказки Ира отчаянно оглядела просторную прихожую. Здесь, как и раньше, царил идеальный порядок, наверняка

установленный прежней хозяйкой квартиры. Чистая, как в больнице, плитка под светлый мрамор. Кремового цвета обои с ненавязчивым узором. Абстрактные картины на стенах — кажется, в прошлый раз их было больше. Сквозь приоткрытую дверь в гостиную виднеется набитый книгами шкаф. Наверное, неведомая Свешникова ценила красоту и была тем ещё книжным червём. А может, и нет. Какая разница?

К чему тут пламя? Может, Прохору надо продемонстрировать умение зажигать призрачный золотой огонь?.. Нет, он совершенно однозначно выразился: нужны верные слова. Но в догадке есть смысл: фраза-ответ должна отличать своих от чужих. Ярослав её знает, это ведь ему наставница оставляла лазейку между законом и клятвами... Лазейку, о существовании которой он не имеет понятия. Иначе нашёл бы способ намекнуть, помог бы с ключом к разгадке, даже если данный когда-то обет запрещает говорить напрямую...

— Пламя, — пробормотала Ира себе под нос, надеясь, что это поможет соображать быстрее. — Пламя, пламя, пламя...

Леший побери, да это может быть что угодно! Текст какой-нибудь клятвы, строчка из книги, случайный набор слов... Нет, это слишком. Свешникова вряд ли имела целью измучить ученика головоломкой. Ответ должен быть для него простым, легко всплывающим в памяти; несколько слов, хорошо известных связанным общей тайной людям, отделяющих их от остального мира, несведущего, враждебного... Может быть, вовсе этому миру не принадлежащих...

— Пламя, — снова повторила Ира, осенённая смутной догадкой. Не то воспоминание, не то сновидение. Летят в ночное небо огненные искры, Тихон, вдохновенно запрокинув голову, торжественно произносит слова незнакомого, завораживающе певучего языка. Он же, Тихон, пронизательно шурит единственный глаз: «Что ж теперь делать станешь?» — Пламя, в сердце моём горящее... Земною тропой пронесу и... и отдам его вечности...

Прохор — она глазам своим не поверила — просиял.

— Верно гостыюшка говорит! — он с неожиданной прытью метнулся куда-то в глубь квартиры, на ходу бормоча себе под нос: — Сейчас Прохор принесёт... Они искали, искали, всё вверх дном перевернули, а Прохор спрятал... Всё сберёг, всё схоронил...

— Это чего такое? — озадаченно спросила Оксана, опускаясь на притулившуюся у стены банкетку.

— Стихи, — Ира на миг прикрыла глаза ладонями и оперлась спиной о дверцу высокой тумбы. Сердце гулко ухало в груди; казалось, ей не загадку пришлось разгадывать, а таскать в подвал коробки с документацией. Пешком. — Наверное. Я дальше не знаю.

Тимофеева недоверчиво хмыкнула. Прохор шумно возился за одной из дверей, озаботившись плотно притворить её за собой; остальные были приоткрыты, сквозь проёмы в прихожую лился ласковый солнечный свет. В пустых просторных комнатах заблудилось безмолвное, почти физически ощутимое одиночество. Тот, кто придумал прозвание людям, лишённому двойника по другую сторону границы, вложил в него куда больше смысла, чем кажется на первый взгляд.

— Вот, — Прохор протиснулся обратно в прихожую; в лапах он бережно сжимал что-то маленькое и плоское. — Ох! Да что ж гостыюшка на полу-то сидит! Увидал бы хозяин — задал бы Прохору... Где ж такое видано?

— Всё в порядке, — Ира поспешно поднялась. — Я так сама захотела.

— Пусть гости сюда идут, — упрямо заявил домовый, проворно семеня к кухне. — Тут солнца много, всё хорошо видно. А покуда гостыюшка читать станет, Прохор чаю нальёт...

— Не надо чаю, — запротестовала Ира, однако домовый уже скрылся в дверном проёме.

Пришлось идти следом. Оксана разуваться не стала — наверное, готовилась в любой момент то ли удирать, то ли бросаться в бой. На пороге кухни она на миг застыла, огляделась, задумчиво шуря аккуратно подведённые глаза. Неужели ждала засады? Здесь?

Прохор, вытянув длинные лапы и пристав на цыпочки, положил заветную ношу на сверкающий чистотой стол и принялся возиться с чайником. Ира нетерпеливо взяла в руки небольшую записную книжку, заложенную где-то посередине резной металлической пластинкой. На разлинованной странице округлыми цифрами выведен был номер телефона; ниже тем же каллиграфическим почерком значилось: «Николай Вяземский». Другую сторону разворота занимали размашисто записанные строки: «Помни же, добрый мой друг: ни к чему почитать скоротечное, храбрую душу в дар приносить преходящему». Ира пролистала книжку: все остальные страницы были пусты.

— Вяземский, Вяземский, — задумчиво проговорила Ксюша, словно пробуя фамилию на вкус. — Важный какой-то мужик, из реестра высших категорий. Думаешь, не поменял номер с тех пор?

— Не знаю. Больше у нас всё равно ничего нет.

— Резонно, — согласилась Тимофеева. — Ладно, если не выгорит, дёрнем Макса, чтобы пробил этого деятеля по базе. Они же вроде ещё не уехали...

Она осеклась на полуслове и поспешно полезла за телефоном. Ира закусила губу. Куда они должны уехать?

Зачем?

— Здравствуйте, — нагло-казённым тоном сказала в трубку Оксана. — Офицер Тимофеева, отдел контроля. Николая Вяземского могу услышать?.. Прекрасно. Нам с коллегой нужно задать вам несколько вопросов... Нет, в ближайшее время. Где вы находитесь?.. Да, пожалуйста, освободите час. Это крайне важно... У вас есть полчаса, чтобы найти замену. Да, до встречи, спасибо за понимание.

— Ну что? — нетерпеливо спросила Ира, едва Тимофеева убрала телефон.

— Будет ждать, как миленький.

— Он чем-то занят, да?

— Работает. Говорит, пациентов сегодня много. Ничего, пусть коллеги подменят...

— Он врач?! — ахнула Ира. — Ксюш, это же жестоко! А вдруг кто-нибудь... Из-за нас...

— Ну, подруга, извини! — огрызнулась Тимофеева. — Выбирай, кто-нибудь вдруг или Зарецкий точно. И вообще, врачей много, а этот тип — один такой. Если хочешь, посиди тут, побереги нервы, я сама съезжу.

— Нет уж. Поедем вместе.

— Приятно иметь с тобой дело, — фыркнула Оксана. Едва не споткнувшись о домового, она отошла к окну, отодвинула занавеску и вдруг зло выругалась сквозь зубы. — Вот же...

Ира бросилась к ней и тоже выглянула в окно. Над свинцово-синей рекой ползли по набережной автомобили, сверкая на солнце цветными спинами. Один, глянцево-чёрный, деловито отделился от потока, свернул во дворы и нагло затормозил прямо под знаком запрета остановки. Мужчина в невзрачной кожаной куртке выбрался из машины и, не скрываясь, быстро зашагал к подъезду.

— У тебя есть адекватный предлог здесь находиться? — хмуро спросила Тимофеева.

— Н-нет, конечно...

— Тогда пошли, — Ксюша нервно поджала губы. — Будем импровизировать по ходу дела.

LXVI. Добрый друг

Домашняя нежить пугливо прижала мохнатые уши и застряла посреди кухни с чашками в лапах. Ксюша без особых церемоний отодвинула домового с дороги и на всякий случай проверила удостоверение в заднем кармане джинсов. Нарываться на ссору с безопасниками именно сейчас — крайне паршивая идея, надо как-то решить дело миром... Будь Ксюша одна, шансы были бы серединка на половинку, но за спиной топталась напуганная до чертей Шаповалова, которой вообще положено сидеть дома и носа на улицу не показывать, пока всё не уляжется. Едва дождавшись, пока Ирка влезет в туфли, Ксюша решительно распахнула входную дверь и выскочила на площадку. Где-то внизу слышались торопливые шаги.

Как этот тип их нашёл? Неужто она, раззява, прошлапила натянутую внутри квартиры сигналку? В торговом центре соглядатаев было двое; наверное, разделились, потеряв из виду не в меру прытких подопечных. Стараясь ступать неслышно, Ксюша взбежала на пролёт выше, выглянула в окно. Потолки тут какой-то адской высоты; даже владей офицер Тимофеева пространственной магией, не рискнула бы спускать человека со здешнего шестого этажа.

«Я, знаешь, под настроение позволяю себе рискнуть...»

Она решительно тряхнула головой, отгоняя не ко времени нахлынувшие обрывочные воспоминания. Ну, думай, дурная голова! Удирать тут разве что на крышу, но это если оттуда есть куда бежать. Кто-то деловито топает по лестнице, всё ближе и ближе; мимо точно не проскочить...

— Наверх, — шёпотом приказала Ксюша и первой побежала по лестнице, перескакивая через ступеньки.

Идея была дурацкая, но ничего лучше она уже не придумает. Притормозив возле лифта, Ксюша прижала ладонь к единственной кнопке. Внутри шахты отчётливо зашуршали тросы; шаги внизу зазвучали чаще.

Ира решительно сдёрнула с себя простенький кулончик на матерчатом шнурке и набросила Ксюше на шею, скороговоркой бормоча что-то о передаче во временное владение. Тимофеева грозно на неё воззрилась, но не успела ничего сказать — лифт раздвинул створки, впуская беглянок в просторное нутро. Что ж, он хотя бы не озвучивает на весь подъезд номер этажа... Передумав в последний момент, Ксюша вместо единицы нажала на тройку. Давай-ка, дружище, угадай теперь, куда бежать!

— Что это за хрень? — подозрительно спросила Тимофеева, указывая на болтающуюся на шее подвеску.

— Это на удачу, — быстро проговорила Ира. На неё смотреть было жалко: бледная, встрёпанная, на скулах горит болезненный румянец. — Вот, возьми...

Она протянула Ксюше записную книжку. Тимофеева цапнула с таким трудом добытый склерозник, сунула в карман и спросила:

— Нафига?

— Ну, ты к Вяземскому поезжай, а я этого типа пока отвлеку, — простодушно предложила Шаповалова. — Он мне ничего не сделает, меня нельзя допрашивать.

— С какого это лешего?

— С такого. Сейчас лифт остановится — беги вниз, а я — вверх.

Ксюша смерила её недоверчивым взглядом. Если безопасник и правда ничего ей не сделает, чего тогда трястись, как осиновый лист? Пол упруго ткнулся в подошвы кроссовок; двери разъехались в стороны. Вниз так вниз! Амулетик на шее ощутимо разогрелся; Тимофеева явно испытывала удачу.

— Не пропадай, — коротко сказала она Ире и припустила вниз по ступенькам.

Шаповалова зайцем метнулась наверх, нарочито громко топоча каблуками. Махать платочком и утирать слёзки было некогда; Ксюша бегом преодолела один за другим четыре исполинских пролёта, проскочила мимо офонаревшей от происходящего консьержки и пробкой вылетела из подъезда. Машина стояла на месте, Тимофеева издали заметила отблёскивающий на солнце красный капот. Пугая редких прохожих, Ксюша перебежала узкую улочку и рысцой помчалась вдоль набережной.

Ровный рокот мотора её успокоил. До больницы Вяземского ехать всего ничего; полчаса — это она много взяла. Ксюша нерешительно опустила ногу на педаль. Поймал безопасник Ирку или нет? Да уж поймал, наверное, где им там разминуться!.. А если всё-таки нет? Может такое быть? Сама не соображая, на что надеется, Оксана сняла машину с парковки и выкрутила руль. Она просто проедет мимо; если всё плохо, достаточно будет дать по газам, а если вдруг повезло... Она притормозит всего на пару мгновений, безопасник не успеет ничего сделать.

Ирка, живая-здоровая, выскочила из-за угла, моментально углядела машину и со всех ног бросилась наперерез. Вот ведь шельма, и впрямь как-то выкрутилась! Ксюша взяла правее, запоздало моргнула аварийкой возмущённо гудящим соседям по ряду. Ничего, потерпят, неженки...

— Залезай! — крикнула Тимофеева, перегнувшись через сидение и распахнув пассажирскую дверь.

Шаповалова едва успела с разбегу притормозить, неуклюже плюхнулась в кресло, захлопнула за собой дверь.

Не обращая внимания на назойливый значок, призывающий пристегнуть ремень, Тимофеева от души придавила педаль газа и вильнула в левый ряд. Её догнал затихающий позади гул клаксонов; сойдёт, пожалуй, за триумфальный марш.

— Удрала? — спросила Оксана, краем глаза следя, как Ира возится с ремнём.

— Ага. Спасибо, что подобрала, — отозвалась Шаповалова. — Сколько времени?

— Без пятнадцати час... Надо шевелиться, в половину третьего мне надо быть в Управе.

— Александр Михайлович так сказал?

— Нет, — Ксюша мельком покосилась на попутчицу. Сколько она знает? Не стал же Верховский рассказывать ей всё то, что вчера с отвисшими челюстями слушал магконтроль? — Хочу успеть в мероприятии поучаствовать. Никаких вопросов, всё засекречено.

— Понятно, — выдавила Ира и отвернулась к окну.

Ксюша вздохнула. Что-то с девчонкой определённо не так. Недалёкую старательную секретаршу будто подменили. Шеф не вдавался в подробности, написал только, что речь идёт о предъявленных Зарецкому обвинениях; признаться, до какого-то момента Ксюша была уверена, что он Шаповалову рекрутировал как самую бесполезную, а та сдуру согласилась. Дело явно обстояло не так.

— Твой-то тут интерес какой? — напрямик спросила Тимофеева, сворачивая с набережной. В лабиринте зажатых между высотками улиц стало немного спокойнее. — Хочешь с Яриком за ту тень рассчитаться, что ли?

— Я его люблю, — ровным голосом сказала Ира, глядя в сторону.

Оксана фыркнула.

— Падки ваши секретарские души на старших офицеров, — заметила она, невольно припомнив Мишкину смазливую пассию. Ирка метнула в сторону Тимофеевой мрачный взгляд; Ксюше стало искренне её жаль. Макс вон не успел из командировки вернуться — завёл себе какую-то рыжую. Девочка навоображала себе с горя невесть чего, а об осколки иллюзий резаться больно. — Ты, подруга, не обольщайся. Зарецкий на работе женат, а девки — это у него так, напряжение сбросить. Без обязательств.

— Ты откуда знаешь? — неприязненно спросила Ира. — Сама, что ли... без обязательств?

— Я себе не враг, чтоб с коллегами спать, — насмешливо бросила Ксюша и осеклась: Шаповалова от её слов совсем сникла. — Нет, ну твоё, конечно, дело...

«Не надо. Я очень тебя ценю как коллегу...»

Она поморщилась от назойливого зуда в висках, едва не пропустила поворот. Ира ничего не заметила: сидела, вперившись невидящим взглядом себе в колени.

— Жив будет — разберётесь, — хмыкнула Ксюша, сбрасывая скорость. — Сейчас пойдём вытряхивать из этого Вяземского страшные тайны... И пусть потом хоть одна собака из безопасности что-нибудь гавкнет.

Шаповалова нервно улыбнулась, но ничего не сказала. Оксана была уверена, что она попросится домой или, на худой конец, посидеть в машине, но упрямая секретарша следом за Тимофеевой вылезла на свежий воздух и зашагала к угловатому зданию больницы. Ну, раз хочет, пусть идёт; вдруг опять придётся разгадывать странные загадки?

Цивильная корочка распугивала с дороги весь жаждущий помочь персонал. Поднявшись в отделение кардиохирургии, Ксюша справилась у спешащей мимо медсестры, где кабинет Вяземского; та вежливо улыбнулась и качнула головой в белоснежном колпаке.

— Николай Геннадьевич сейчас не принимает.

— Я в курсе, — хмыкнула Ксюша, устало демонстрируя удостоверение. — Государственная служба контроля, офицер Тимофеева. Покажите, пожалуйста, где кабинет.

Медсестричка изменилась в лице и беспрекословно указала направление. Не обманула: на двери действительно висела табличка, удостоверяющая, что обитающее здесь медицинское светило зовут Николаем Геннадьевичем Вяземским. Ксюша требовательно постучала и, не дожидаясь ответа, нажала на ручку. На расшаркивания не было времени.

— Здравствуйте, — благообразный дедок в белом халате поднялся из-за стола ей навстречу и без нужды пошевелил узкие очки, оправленные в тонкую золотую проволоку. — Вы, надо думать...

— Офицер Оксана Тимофеева, магконтроль, — Ксюша предъявила ему уже другое удостоверение, настоящее. — Я не отниму у вас много времени. Здесь есть место, где можно поговорить конфиденциально?

— Да... Да, конечно, — Вяземский осторожно обогнул нагромождённое посреди просторного кабинета медицинское оборудование и зазвенел ключами, отпирая неприметную дверь в торце комнаты. Он заметно нервничал. — А ваша спутница?..

— Она может присутствовать, — заверила Ксюша и по недоумённому взгляду врача поняла, что он ожидал чего-то иного. — Её зовут Ирина, она тоже работает в магконтроле.

— Очень приятно, — церемонно заявил Вяземский и посторонился, пропуская незваных гостей в маленькую

комнатушку, служившую, видимо, для отдыха и чаепитий. — Располагайтесь, пожалуйста. Могу я узнать... какого предмета касается ваш интерес?

— Минутку, — Ксюша плотно притворила дверь, опустилась на ближайший стул и жестом велела Ире сделать то же самое. Дождавшись, пока дамы усядутся, Вяземский примостился на табуретке напротив них. — Вы ведь были знакомы с Лидией Свешниковой?

Николай Геннадьевич приоткрыл рот и сидел так пару мгновений, словно колеблясь, отвечать или нет. Потом кивнул.

— Да. Да, разумеется. Мы были... добрыми друзьями.

Тимофеева едва сдержала ехидное хмыканье. Добрыми друзьями они были... Небось хороша была в молодости эта любительница головоломок!

— Вы маг, верно? — Ксюша пытливо сощурилась. Свешникова, как выяснилось, не одними лишь магическими талантами блистала; вдруг и этот из той же братии?

Вяземский величаво кивнул.

— Да, первой категории. Скажите, пожалуйста, с чем связан ваш визит?

— Сейчас объясню, — Ксюша вежливо улыбнулась. Дед уже достаточно запуган, теперь надо самую малость его обнадѣжить. — Я сразу попрошу вас отвечать правдиво и полно и не опускать деталей, какими бы незначительными они ни казались. Со своей стороны, в соответствии с пунктом восемь статьи три Магического свода, если вы согласны сотрудничать, я от лица отдела контроля гарантирую вам неприкосновенность на время проведения следствия вне зависимости от того, что вы расскажете. Вероятно также, что вас вызовут в Управу для дачи показаний, если сказанное вами мы сочтѣм достаточным для... для решения дела. У вас есть возражения?

— Я полагаю, у меня нет выбора, — доктор слабо улыбнулся. — Но говорю вам сразу: не представляю, что дурного вы хотите найти в биографии Ли... Лидии. Она была самым светлым человеком из всех, кого я знал...

— Она доверила вам нечто конфиденциальное, — утвердительно сказала Ксюша, вытаскивая из кармана книжечку. — Прочтите, пожалуйста. Должно быть, это предназначено вам...

— Помни же, добрый мой друг, — проговорила Ира ровным голосом, не заглядывая в начертанные округлыми буквами строки, — ни к чему почитать скоротечное, храбрую душу в дар приносить преходящему...

Вяземский внимательно на неё посмотрел. Рассеянно взял у Ксюши книжку, погладил большим пальцем исписанную страницу.

— Клянусь: негасимое пламя, в сердце моём горящее, земною тропой пронесу и отдам его вечности, — подхватил он и аккуратно отложил книжку на стерильно чистый стол. — Это Ар-Ассан, последний поэт Ястры. Лида очень его любила... Вы знаете, да?

Вопрос был обращѣн к Ире. Вяземский явно не поэтические пристрастия Свешниковой имел в виду. Ксюше стало не по себе, словно нить разговора вдруг протянулась мимо неё.

— Не очень много, — Шаповалова сокрушѣнно покачала головой. — Меньше, чем вы.

— Это не относится к общественно опасным сведениям, — быстро сказал Вяземский, выразительно взглянув на Ксюшу. — В конце концов, теорию множественных миров изучают перед экзаменами на четвёртую категорию. И... и я никогда не был... Я почти не пользуюсь своим даром. Знаю только один приём. Лида меня научила, я... Это не затрагивает ничьи интересы, это вообще не опасно ни для кого, кроме меня. Просто помогает в работе...

— Вы умеете передавать жизненную силу через прикосновение, — Ира уверенно склонила голову.

— Да, именно. Вы всё же довольно много знаете, — Вяземский на миг улыбнулся и тут же вновь посерьёзnel. — Значит... я могу не объяснять всё начиная с азов, да?

— Можете не объяснять, — сказала Шаповалова прежде, чем Ксюша успела возразить.

— Свешникова была вашей наставницей? — ворчливо уточнила Тимофеева. Просто так, чтобы перехватить инициативу.

— Нет, нет, — Николай Геннадьевич энергично качнул головой. — У меня никогда не хватило бы духу, даже если бы Лида изменила своим принципам. Вы ведь наверняка знаете, как здесь важны личные качества. К обучению пригоден один на сотню, и я, разумеется, к таковым не отношусь, — он неловко рассмеялся. — Это если брать общие... критерии. Лида относилась ещё строже. Она как-то раз обмолвилась, что знает лишь одного подлинного волхва по обе стороны границы. Потом, ближе к концу жизни, сказала, что знает двоих...

Он вздохнул, снял с носа очки и рассеянно протѣр полую халата. Без стѣкол его немолодые светлые глаза казались незащитными.

— Что же, вы назвали пароль, значит, я должен рассказать вам о мальчике... Хотя сколько лет прошло, он уже даже не юноша, — Вяземский натянуто хохотнул и водрузил очки обратно на нос. — Н-да... Мне кажется, Лида поначалу и помыслить не могла, что возьмѣт его в обучение. Характер, знаете ли... Вздорный, запальчивый, чудовищно упрямый и своевольный. Она как-то раз в сердцах сказала мне, что при всех своих талантах мальчишка безнадежен. Её тогда можно было понять. Люди с другой стороны границы вообще не слишком хорошо

адаптируются к нашему миру, даже взрослые. О ребёнке и говорить нечего...

— Погодите-ка, — перебила Оксана, озадаченно хмуря брови. — Вы хотите сказать, что... что во время ясногорского инцидента...

— Нет-нет, исход случился годом позже, — Николай Геннадьевич заметно помрачнел. — Тульский процесс всё перевернул с ног на голову. Из-за него и пришлось в итоге искать эти непростые пути... По-моему, я вас запутал, — он оборвал сам себя; видимо, Ксюша, забывшись, совсем уж по-идиотски на него пялилась. — Наверное, лучше начать с начала.

— Да, пожалуйста, — проворчала Тимофеева. От витавшего в воздухе запаха медицинского спирта слегка ломило виски.

— Н-да... В общем-то, я не знаю точно, когда и где Лида встретила того человека, — Вяземский на миг отвёл взгляд, словно воспоминания причиняли ему боль. — Думаю, что скорее там, чем здесь. В молодости Лида охотно путешествовала, при тогдашних законах это почти ничем ей не грозило. По другую сторону в те времена тоже было спокойнее; по крайней мере, она без страха заводила знакомства и даже приглашала этих людей в свой дом. Удивительный опыт, скажу я вам...

— Вы имеете в виду какого-то конкретного человека? — перебила Ксюша, возвращая уплывающего в воспоминания Вяземского в конструктивное русло.

— Да, конечно, — Николай Геннадьевич спохватился и мелко вздохнул. — Я никогда его не видел и мало о нём знаю, кроме того, что его звали Драганом и считали по ту сторону одним из лучших в волшебстве. Лида... не вдавалась в подробности их отношений, — Вяземский болезненно дёрнул уголком рта. — Но в те дни она казалась по-настоящему счастливой. Связь по разные стороны границы они поддерживали через «путеводные звёзды»; вы ведь знаете, что это?

— Да, — тихо проронила Ира. Ксюша обернулась к ней; Шаповалова нервно теребила воротник блузки, будто ей не хватало воздуха.

— Тогда вы понимаете... Эти вещицы крайне чутки к привязанностям, они единственные из известных артефактов способны послать зов через границу — при условии, что адресат испытывает к вам чувства определённой силы, — Вяземский прерывисто вздохнул и печально улыбнулся. — Н-да, я отвлекся. В общем, в какой-то момент пути Лиды и Драгана разошлись. Он наотрез отказался перебираться в наш мир, она, разумеется, не хотела бросать свои здешние дела... Мы все считали, что Лида забросила вылазки из-за того, что работа в Общественном собрании отнимала все её силы, но это не было правдой. Я думаю, дело обстояло с точностью до наоборот: она пыталась забыть в ежедневных трудах, хотя и продолжала носить «звёздочку». И вот однажды после долгого молчания сигнал сработал; это было через несколько лет после последнего её путешествия, примерно за год до тульской трагедии. Лида, разумеется, помчалась на зов.

— Через несколько лет? — переспросила Ира. — Но ведь время...

— Вы верно догадываетесь, — Николай Геннадьевич послал ей невесёлую улыбку. — Драган к тому моменту уже был глубоким стариком. Лиде едва минуло сорок. Не представляю, каково ей пришлось... Конечно, ни о каком воссоединении речи не шло. Он попросил её об услуге, довольно-таки незначительной по тогдашним понятиям: на пару месяцев приютить у себя его ученика, показать парнишке наш мир. Так частенько делали, пока это было возможно. Лида, само собой, согласилась. О делах, творившихся по ту сторону, она тогда знала мало; будь иначе, наверное, догадалась бы, что Драган предчувствовал недобрые времена.

— Угроза жизни? — предположила Ксюша, пытаясь приладить к рассказу Вяземского строгий трафарет закона. Не получалось. — Поясните, пожалуйста, подробнее.

— Угроза, как потом выяснилось, была, и нешуточная, — Николай Геннадьевич сцепил длинные пальцы. — Оговорённый срок ещё не истёк, когда друзья передали Лиде весть о смерти Драгана. По ту сторону началась война. Переходить границу стало опасно, и Лида, разумеется, не отпустила мальчика на верную гибель, хотя тот и рвался. Ума не приложу, как ей удавалось с ним сладить. Она, знаете, рассказывала, как Драган его нашёл... Случайно, в какой-то захолустной деревушке близ разлома. Паренёк по глупости сцепился со стражем границы. Чудом остался жив. Защищал то ли друга, то ли какого-то заблудившегося ребёнка. В пять лет от роду бросаться с голыми руками на высшую нежить — это даже не смелость, это чистой воды безрассудство...

— Это не имеет отношения к делу, — отрезала Ксюша. Время уходит, а дед так и не сказал ничего, что можно было бы бросить на весы правосудия.

— Да, простите... В общем, оставить столь опрометчивое создание на произвол судьбы Лида, само собой, не могла. И, разумеется, память о Драгане бередила ей душу. Мальчик остался у неё, под официальной опекой. Она чудовищно рисковала, пока справляла все нужные бумаги — сами понимаете, документы приходилось подделывать всеми правдами и неправдами. Внешне всё было обставлено так, будто она взяла на поруки сына сестры, погибшей при пожаре. Конечно, додумайся кто-нибудь в госорганах копнуть глубже, легенда очень быстро рассыпалась бы. В огне погибло всё семейство без исключения, к тому же Лидиною племянника звали по-

другому...

— Нельзя называться чужим именем, — прошептала Ира.

— Совершенно верно. Подлинного имени этого человека я не знаю, и никто уже, наверное, не знает, кроме него самого, — Николай Геннадьевич снова взялся протирать идеально чистые очки. — Это часть той защиты, которую Лида так кропотливо выстраивала в последующие годы. Вы, наверное, имеете представление: зов по имени расценивается как просьба о помощи, а отказывать в помощи запрещено... Да, несмотря на то, что мальчику к моменту, когда он здесь оказался, едва исполнилось десять лет, клятвы он уже принёс. Я думаю, это и подтолкнуло Лиду к наставничеству. Со стороны её решение выглядело вполне логично: единственный племянник, щедро одарённый магически, пусть и слегка неотёсанный из-за детства, проведённого вдали от благ цивилизации... Между тем она учила его жить в нашем мире, отзываться на выдуманное имя, скрывать своё происхождение и способности. Примерно полгода всё шло неплохо. Пока не случился исход.

— Свешникова, кажется, выступала в поддержку подсудимых, — припомнила Ксюша.

— Она очень скоро вынуждена была прекратить делать публичные заявления. Как только зазвучали первые обвинения в общественно опасном характере сведений, а в случае волхвов — ещё и способностей, которыми обладали беженцы, Лида перестала вмешиваться, чтобы не рисковать жизнью подопечного. Ход дела очень быстро засекретили, всё шло к ужесточению законов. Поправки в третью статью и расширенный текст присяги приняли как раз во время этого следствия. Мы все в той или иной степени оказались вне закона; кто-то, как я, отказывался от подсудных вариантов применения дара, кто-то полагался на коллизии с ранее принесёнными клятвами, кто-то прибегал к дару внушения, чтобы при переприсяге приняли старый текст вместо нового. Это всё при должной сноровке худо-бедно позволяло прятать способности и знания, хотя даже здесь, в Москве, случилось несколько смертей из-за сработавших клятв. Управа, сама того не зная, устроила нам жестокую чистку, загнала в глубокое подполье, разобщила, а кое-кого и озлобила.

— Вы могли подать прошение о легализации, — напомнила Ксюша.

Вяземский снисходительно улыбнулся — будто несмышлёнышу, только что ляпнувшему, что батоны растут на деревьях.

— Лишь для того, чтобы мы оказались под надзором, а наши способности — под запретом. Всё сообщество видело, как один за другим гибнут фигуранты тульского процесса; мы, в отличие от остальных, понимали, почему. Но если нас, рождённых в этом мире, новые законы всего лишь загоняли в вечный правовой сумрак, то для Лидино ученика ловушка захлопнулась. Фальшивая биография, подтверждённая фальшивыми же документами, вызвала бы срабатывание пункта о тайнах однозначно и немедленно.

— В нём есть оговорка, — возразила Ира. — О ранее принесённых клятвах.

— Именно ею Лида и воспользовалась, — Николай Геннадьевич закивал, обрадованный догадливостью визитёрши. — Она взяла с ученика клятву, запрещающую ему раскрывать правду о своём происхождении.

— Лишив тем самым возможности оправдания по третьей статье, — фыркнула Ксюша. — Отличный план.

— Да, этот изъян она тоже учла. Именно поэтому я сейчас всё это вам рассказываю, — назидательно произнёс Вяземский. — Моих слов, возможно, под следственной присягой, или Лидиных записей должно быть достаточно. Но я думал, что если когда-нибудь и пригожусь, то... как бы это сказать...

— Он не пришёл бы сам, — резко сказала Ира. — Даже если бы знал.

Николай Геннадьевич вопросительно на неё посмотрел, но Шаповалова давать пояснений не пожелала. Ксюша сдержала вздох и взяла дело в свои руки.

— Вы сказали о записях.

— Да, они у меня, — Вяземский нервно поправил очки. — Дома, разумеется.

— В них изложено всё то, что вы рассказали?

Николай Геннадьевич замялся, виновато пожевал губами.

— Точно сказать не могу. Видите ли... Они хранятся в футляре, который я не могу вскрыть. Но, думаю, да, там именно это.

— Прекрасно, — Ксюша решительно встала. От медицинской вони голова болела немилосердно. — Значит, мы сейчас за ними поедem. Вам хватит пяти минут, чтобы собраться?

— Да, — Вяземский самоотверженно дёрнул головой. — Минутку, я сейчас... Вы не могли бы...

— Разумеется. Ир, идём, — Оксана толкнула дверь. В просторном кабинете хоть и пахло всё тем же вонючим спиртом, воздуха всё же было побольше.

Шаповалова бесшумным призраком выскользнула из комнатухи. Ксюша притворила пластиковую створку, предоставляя старика своим делам, и прислонилась спиной к прохладной стене.

— Ну? Что теперь скажешь? — слабо усмехнулась она, из-под ресниц наблюдая за спутницей.

— Это всё объясняет, — уверенно сказала Ира. — Безопасности не к чему придраться. Да?

— Вроде да. Больше тебя ничего не волнует?

— А что меня должно волновать?

Ксюша насмешливо хмыкнула.

— Действительно.

Ирка, судя по выражению лица, наверняка сказала бы ей что-нибудь резкое, но, на счастье не в меру осмелевшей секретарши, Ксюшин телефон мелодично звякнул. Писал Макс. Безопасность дала отмашку. Началось.

— Меняем планы, — сумрачно сообщила Тимофеева мигом подбравшейся Ире. — Деда берём с собой вместе с записками и дуем к месту событий. Викентьев посреди штурма чужие дневники читать не будет.

— Штурма?

— Да, Ир, мы не только нежить обнаглевшую гоняем, — огрызнулась Ксюша, пряча телефон в карман. — Лучше я тебя у метро высажу, нефиг тебе там делать...

— Я с тобой поеду, — упрямо сказала секретарша, сверля Тимофееву пристальным взглядом.

Ксюша слегка опешила от подобной наглости. Перенервничала девочка... Хочет любоваться на грязную работу — пусть любит, может, в голове прояснеет. Тимофеева сверилась со временем; если поторопиться, они могут успеть, хоть и не к началу.

— Да пожалуйста. Под ногами не путайся только, — снисходительно бросила она и требовательно постучала в запертую дверь: — Николай Геннадьевич, вы готовы?

Дедок почти сразу открыл и предстал в дверном проёме, как в портретной раме — эдакий аристократ, вынужденный по нынешним скучным временам рядиться в скромный пиджак вместо горностаевой мантии.

— Да, — торжественно подтвердил он. — Да, я готов.

LXVII. Единственный вариант

— Миша!

Старов вздрогнул и обернулся. Натянутые нервы играли с ним злые шутки. Через полупустой вестибюль к нему спешила широко улыбающаяся Аня; в руках у неё была пухлая канцелярская папка. Мишка поспешно махнул коллегам:

— Идите, ребят, сейчас догоню.

В другой раз Макс не упустил бы случая сострить, но не сегодня. Все трое, не говоря ни слова, двинулись к дверям. Старов шагнул Ане навстречу. У них едва ли было больше минуты.

— Анют, — он заставил себя улыбнуться, спрятал за спину похолодевшие руки. — Я сегодня никак. Работа...

— Жалко, — расстроено проронила Аня. — Серьёзное что-то?

— Да так, — Мишка деланно небрежно дёрнул плечом. — Провозимся долго.

— Сегодня же пятница...

— Ну, дела-то делать надо.

Не смущаясь снующих вокруг служащих, Аня порывисто поцеловала его в щёку. Послать бы всё к лешему и уехать с ней вместе куда-нибудь на край света, где никто не найдёт и не достанет... Он с сожалением отстранился, позволил себе приобнять её за плечи.

— Завтра не обещаю, — осторожно сказал Старов, прикидывая мрачные перспективы, — но в воскресенье обязательно увидимся. Хорошо?

— Ловлю на слове, — заявила Аня. — Удачи тебе.

Да ему-то зачем? Он при самом худшем раскладе проведёт недельку в больнице под надзором травматолога и специалиста по проклятиям. Как раз у Донских освободилось местечко... Тришину перевели вчера в палату для реабилитации, отсыпаться и приходить в себя. Разговор с ней вышел долгим; нехитрые вопросы, брошенные вскользь фразы, осторожные просьбы по одной выплетали из плотного узора чар отдельные нити, пока истончившееся кружево не развеялось окончательно. Опрашивал свидетельницу уже Мишка; вымотанный этим последним усилием Ярослав молча слушал, изредка кивая своим мыслям. Рассказ девушки не принёс им ничего принципиально нового — лишь прибавил несколько строк к обвинениям против лже-Ельцова. Она вспомнила не всё; почти все встречи со злокозненным волхвом начисто изгладились из её памяти — Ярик сказал, навсегда. Домой Тришину не отпустили тщательно оберегавшие дело безопасники; с медперсонала требовали клятвы о неразглашении, Веру посадили под замок. О том, какое ей грозит наказание, Старов старался не думать.

— Зря тебя напрягали, — виновато сказал он Зарецкому, прежде чем пожать на прощание руку. — Узнай мы это хоть недельку назад...

— Нет, почему зря? Заклятие же я снял, — пожал плечами тот.

На парковке теснились служебные машины безопасности — два неприметных серых микроавтобуса и три чёрных седана, прямо-таки искрящиеся от навешанных на них чар. Старов краем глаза присмотрелся к ближайшему; сквозь тонированные стёкла не было видно, что происходит в салоне. У соседней машины Верховский о чём-то беседовал с Викентьевым; заметив подчинённого, он коротко кивнул и качнул головой в сторону Мишкиного «ниссана», рядом с которым ждали коллеги. Значит, всё по плану, новых вводных не предвидится. Наверное, это хорошо.

— Ксюху ещё где-то носит, — обеспокоенно заметил Макс, забираясь на пассажирское сидение.

— Напиши ей, пусть сразу на место едет, — распорядился Мишка. Вот и первые нестроения, пока не слишком серьёзные. — Чего-нибудь ещё нужно? Пока время есть?

— Нет, всё в порядке, — сухо откликнулся Чернов с заднего сидения.

Мишка сдержанно кивнул ему в зеркало заднего вида. За минувшие сутки спеси у Кости поубавилось; правда, и того, что осталось, хватило бы на десяток сумасшедших диктаторов. План операции был отчасти и его детищем, чем он и гордился, почти не скрываясь; эти кропотливые труды захватили его настолько, что о личных тёрках с половиной отдела, и в первую очередь с Ярославом, он то ли позабыл, то ли предпочитал не вспоминать.

— Мы едем первые, — без нужды напомнил Чернов, оглядывая суесящихся на парковке безопасников.

— Да, я помню. Сигнала ещё не было.

Макс сосредоточенно возился с навигатором — соединял маршрутом выбранные загодя точки поблизости от главного здания «Восхода». Младшему не по себе, хоть он и храбрится. Андрей — тот не скрывает, что ему страшно до чертей; нервничать он начал примерно в тот момент, когда Верховский, собрав всех в переговорной, объявил о том, что выписал всему отделу второй уровень допуска к гостайнам. Зачем шеф припряг к делу Бармина? Воспитанием занимается? Жалко ведь парня...

— Сигнал, — каркнул Чернов.

И впрямь, на экране телефона всплыло адресованное всем условное сообщение. Мишка завёл машину. В один из микроавтобусов проворно забирались облачённые в полевую форму безопасники — целый отряд. Викентьев не пожадничал.

— Сколько их, — вторя Мишкиным мыслям, прошептал Андрей. — А Александр Михайлович с нами не поедет?

— Он на служебной, — прохладно отозвался Чернов. — Тебе же дали время изучить план...

— Я изучил, — покаянно сказал Бармин. — Но что-то всё из головы вылетело...

— Тогда повторяй, — брюзгливо бросил Костя. — Ошибки стоят дорого.

— Ладно тебе стращать, — буркнул Мишка. — Вы с Яриком туда чуть ли не конец света заложили.

— Рули, Старов, не хватало по пути в аварию влететь! — огрызнулся Чернов.

Мишка глубоко вдохнул и выдохнул, отгоняя желание сказать коллеге что-нибудь неизысканно-хамское.

Проглядывающее сквозь облачную дымку солнце било в глаза; Старов опустил козырёк, прячась от рассеянного яркого света. Несущаяся мимо окон Москва мирно возилась в ежедневных делах. Если всё будет хорошо, сегодняшний штурм пройдёт мимо внимания крупных средств массовой информации. Если не слишком гладко — отделу коммуникаций придётся серьёзно поработать. Они уже предупреждены. Они всю готовят одобренные безопасностью пресс-релизы на несколько вариантов исхода...

Свободная парковка нашлась на второй по счёту точке маршрута. Мишка приткнул машину в пустой карман и выключил двигатель. Выкрашенное в благообразный персиковый цвет здание «Восхода» виднелось через два дома отсюда. Макс обеспокоенно завозился. Несмотря на то, что Викентьев отрядил двоих бойцов присматривать за его семьёй на время операции, он всё равно волновался. Мишка ободряюще потрепал его по плечу.

— Пошли прогуляемся.

— Не попадитесь, — не преминул напутствовать Костя.

Мишка проглотил рвущуюся с языка колкость. Успеют ещё поругаться. Отдав Чернову ключи, он вылез из машины и зачем-то поправил рукава рубашки — подхватил привычку у шефа. Макс уже топтался на тротуаре, исподлобья обшаривая взглядом улицу.

— Есть что-нибудь? — вполголоса спросил Старов.

— Фиг знает, надо ближе подойти.

Некрасов нарочито неспешным шагом двинулся вперёд. Мишка держался на полшага позади и незаметно озирался по сторонам. Операцию, которая по первоначальному плану должна была начаться поздней ночью, перенесли на середину дня; если расчёт верный, сейчас заговорщики заканчивают паковать улики и заматывать следы. Наблюдатели исправно сообщали, что «Восход» функционирует, как всегда; никакой суеты, никакого беспорядочного бегства. Уверены в себе, черти, думают, что управские силовики не готовы к тому, что их встретит внутри... Через час с небольшим у гадов должны начаться вечерние собрания; на прилегающих улицах станет ощутимо теснее. Пока же у здания всего несколько машин. Довольно-таки дорогих. Ни в чём себе не отказывают...

— Там он, — тихо сказал Макс. Мишка проследил за его взглядом: глухие шторы на роскошном окне пропускали наружу полоску слабого света. — На месте, скотина...

Старов серьёзно кивнул и полез за телефоном. Присутствие Ельцова — это одновременно и очень хорошо, и очень-очень плохо. Шеф коротко ответил, что принял информацию к сведению. Десять-пятнадцать минут — и сюда съедутся безопасники. Где-то далеко за спиной тихо хлопнула дверь автомобиля; Чернов тоже принялся действовать.

— Пошли пока сигнальные натянем, — сказал Старов. Макс молча кивнул.

Они замкнули широкий круг за пару минут до того, как из-за поворота показался первый чёрный седан. Старов прищурился, оглядывая результаты своих трудов; серебристые нити чар терялись в солнечном свете, в отличие от ярко-зелёных Костиковых. Хорошо, что напротив кабинета Ельцова — Мишкин участок. Вот бы ещё волхву не пришло в голову высунуть нос из-за штор и осмотреть округу на предмет заклятий... Но и на этот случай тоже есть план.

— Отчёт, — потребовал Викентьев, едва выбравшись из машины.

Мишка дождался, пока из другого автомобиля появится Верховский, и только тогда коротко доложил обстановку. Викентьев выслушал и коротко кивнул водителю:

— Можно.

Безопасники засуетились вокруг второй по счёту машины, поспешно снимая защитные чары. Третья так и стояла пока, ожидая своего часа; на неё заклинаний намотали поменьше. Всё ещё не доверяют, чтоб их... Между двумя широкоплечими конвойными, упакованными вдобавок в бронежилеты, Зарецкий казался почти тщедушным. Викентьев неприязненно на него покосился. Бойтся, карьерист несчастный.

— Координатор на месте, — сухо сообщил безопасник и, мелко вздохнув, нехотя процедил: — Пространственный прыжок внутрь помещения с кодом «цитадель» попыткой к бегству не считается.

— Благодарю, — прохладно бросил Ярослав. Он быстро осмотрел здание, задержав взгляд на зашторенном окне. — Евгений Валерьевич, пожалуйста, позаботьтесь о немедленной кремации тел погибших.

— С целью?

— Предотвратить увеличение поголовья высшей нежити, — негромко пояснил Зарецкий. — При определённых условиях люди с известными способностями могут... продолжить существование в несколько ином виде. Это называется нечистой смертью.

— Вы только сейчас об этом говорите? — процедил Викентьев. — Что за условия?

— Моральное состояние, — туманно ответил Ярослав. — Поговорить по душам с каждым мы вряд ли сможем, поэтому примите, пожалуйста, рекомендацию.

— К вам это тоже относится? — нагло спросил безопасник. Мишке опять нестерпимо захотелось съездить ему по морде.

Зарецкий холодно улыбнулся.

— Давайте не будем делать исключений.

— Принято, — Викентьев удовлетворённо кивнул. — Ещё вводные?

— Нет, больше не будет.

— Прекрасно. Тогда по сигналу.

По сигналу — это значит, когда все ответственные займут подготовленные позиции в узлах сети следящих чар. Со своего места Мишка видел, как одетый в штатское боец встал у фонарного столба и с фальшиво-рассеянным видом уставился в проулок. Эти будут ловить разбегающихся. Согласно раздобытому у минусов плану здания, удрать оттуда можно через три выхода, не считая окон первого и второго этажей. Потайных ходов в подвалах не предусмотрено; может, конечно, и прорыли втихаря, это придётся выяснять уже в боевой обстановке.

— Группы на местах, — сказал Викентьев, сверившись с телефоном. — Можно начинать.

Из третьей машины привели бледного и покрытого испариной Осякова. Вот уж отлично, изобразить страх настолько натурально полусумасшедший парнишка вряд ли сумел бы. Несмотря на присутствие двух всемогущих начальников, смотрел он исключительно на Зарецкого, словно тот мог решить его судьбу.

— Илья, как договаривались, — мягко обратился к нему Ярослав. — Вы помните, что должны сказать Ельцову?

— Что вы меня убьёте, если он попытается сбежать, — дрожащими губами проговорил Осяков.

— Отлично. Все прочие указания без изменений, — влез Викентьев. Пленник затравленно на него зыркнул и затрясся всем телом. — Проверка маяка.

Осяков сунул руку в карман. Викентьев выудил из-за пазухи стандартный сигнальный амулет, прислушался к ощущениям и удовлетворённо кивнул.

— Вперёд.

Пугливо озираясь, парнишка побрёл через проезжую часть к одному из боковых входов. Мишка вперился взглядом в окно кабинета, обозначенного в планах как «цитадель», прикидывая расстояние. Если маячок у Викентьева сработает, придётся прыгать, ориентируясь исключительно на собственный расчёт. Если не сработает в ближайшие минуты... Прыгать всё равно придётся.

— Вы ему верите? — тихо спросил безопасник.

— Вы дали ему исчерпывающие указания, — заметил Верховский, тоже не отрывавший взгляда от щуплой фигурки. — У него два варианта на выбор.

— Он не умрёт, если нарушит сейчас клятву, — брюзгливо напомнил Викентьев. — Может себе позволить один разок...

— Вы бы согласились стать почти минусом? — резко бросил Зарецкий. — После того, как всю жизнь были магом?

— Уж вы бы точно не согласились, — огрызнулся безопасник.

Ярослав качнул головой.

— Смотря ради чего.

Рядом едва слышно зашуршало: Чернов нервно тискал в ладони пачку сигарет. Ему на правах высококлассного боевого мага в числе первых врываться в берлогу к Ельцову. Обитатели «Восхода» всё ещё пребывают в счастливом неведении: бывший шпион, весь обмотанный для маскировки безобидными ментальными чарами, ещё с утра отнёс им дезинформацию относительно времени операции и состава её участников. Идея принадлежала Косте, реализация — Зарецкому. Шеф счёл задумку полезной; Мишка, пожалуй, был с ним согласен.

— Если вдруг что, — неприятливо буркнул Чернов, обращаясь к Ярославу, — зови по связке.

Тот молча кивнул. Костика, видать, от избытка адреналина тянуло озвучивать банальности. Сложно его винить; Мишку самого так и подмывало что-нибудь проверить без особой цели и смысла. Время тянулось, как прилипшая к подошве жевательная резинка.

— Сигнал, — Викентьев поднял повыше маячок. — Поехали.

Костя и Ярослав исчезли мгновенно, Мишка чуть-чуть замешкался. Расписной ковёр под ногами, громоздкая вычурная мебель, опрокинутые ящики и рассыпанные по полу бумаги, люди — много людей, больше, чем он надеялся... Чернов выкручивает руки седоватому мужчине в годах, Осляков трясётся в дальнем углу, Зарецкий сцепился с долговязым молодчиком, рвущимся на помощь товарищам; ещё один дюжий парень вот-вот доберётся до Кости. Мишка сбил охранника с ног прицельным силовым ударом и бросился к распахнутой двери; по коридору сюда уже бежали люди — никак не меньше десятка. Где-то вдалеке послышался звон разбивающегося стекла.

— Костя, выводи! — крикнул Ярослав, перекрывая поднявшийся шум. Брызнуло осколками окно, хрустнула рама, грохнула об асфальт тяжёлая решётка; здесь первый этаж, если поторопиться — можно успеть...

Мишка закрыл дверь, навалился на неё всем своим весом и прижал пальцы к замочной скважине, проворачивая цилиндры. Неслабые тут железки; хозяева сами рассчитывали прятаться в этой комнате...

— Отпусти! — грянуло за спиной. — Пошёл вон!

Старов обернулся. Костя нелепо застыл с бессмысленным выражением лица; его пленник с неожиданной прытью бросился к разбитому окну. Мишка рванул ему наперерез, стараясь не смотреть в хищные глаза. В ощерившемся осколками проёме возник Макс, комкающийся в пальцах ловчую сеть; за его спиной пыхтел приотставший Андрей.

— Подкрепление! — гаркнул Мишка. Он воспользовался секундным замешательством Ельцова и сгрёб беглеца за плечи. — Забрать вот этого!

Андрей подскочил на месте и, сообразив, чего от него хотят, схватился за сигнальный амулет. Макс выбил из рамы остатки стекла и, подтянувшись на руках, забрался в комнату. Как нельзя кстати.

— Вяжи его, — выдохнул Старов, придерживая Ельцову руки. Волхв оказался неожиданно крепким; вырывался он будь здоров, Мишке едва хватало сил с ним бороться.

Некрасов проворно зашёлкнул наручники на загорелых запястьях Ельцова и полез за повязкой на глаза. Старик зло выругался сквозь зубы и попытался лягнуть Мишку в колено; пришлось не слишком деликатно его встряхнуть. В дверь глухо ударили с другой стороны.

— Митар, вон! — хрипло каркнул Ельцов.

С оглушительным грохотом дверь рухнула внутрь кабинета. Мишка, выругавшись, схватил старика за кисти рук, но было уже поздно: в комнату хлынули люди. Откуда-то издали послышались выстрелы. Что-то крикнул Зарецкий; Костя, словно очнувшись, встрепенулся и вскинул руки. Ельцов мощным рывком вывернулся из захвата, шарахнулся к окну, перебрался через подоконник, ссаживая кожу о торчащие из рамы осколки, неуклюже спрыгнул на тротуар. Андрей отважно заступил ему дорогу; взгляд только отвести забыл...

— Пошёл отсюда! — рявкнул волхв.

Мишка бросился к нему с одной стороны, Андрей — с другой, будто и не получал никакого приказа. Что, и он тоже?.. Старик отчаянно взвыл, и Мишка понял, что ошибся. Никакой Андрей не волхв. И Ельцов уже тоже. Он попытался сбежать; оценил свою жизнь дороже, чем жизнь Ослякова...

— Живым бери гада! — завопил Старов, спрыгивая на асфальт.

Из-за угла к ним уже спешили безопасники. Мишка сгрёб в охапку Ельцова, разом обессилевшего и постаревшего. Рано расслабляться, это лишь один из многих, пусть и координатор...

— Ерго-о-ол! — взревел кто-то за спиной.

Старов поёжился: чуждое уху имя резануло ему слух. Пленник забился в Мишкиных руках, рыча сквозь зубы что-то нечленораздельное. Старов оттащил его от окна от греха подальше; а ну как кто-нибудь полезет спасать... Безопасники бежали непростительно медленно.

— Андрюх, помоги им там, — пропыхтел Мишка, кивая на окно.

Бармин серьёзно кивнул и принялся карабкаться в комнату. Бывший волхв застонал, будто от зубной боли; слёзы, что ли, у него на глазах? Мишка чуть ослабил хватку. Ельцов как-то странно дёрнулся и вдруг обмяк, словно разом лишившись всех сил. Подбежавший наконец безопасник удивлённо затормозил рядом.

— Помер, что ли?

— Нет, — Мишка недоумённо мотнул головой. — Чего б ему...

Безопасник деловито ухватил Ельцова за запястье, прощупал пульс. Покачал головой.

— Перенервничал, небось, — буркнул он. — Ну ладно, я займусь. Ты давай туда...

Старов осторожно опустил бездыханное тело на пыльный асфальт. Это он так?.. Да нет, не может быть, он же в состоянии себя контролировать... Клятва какая-нибудь, наверное, выстрелила, или действительно не выдержало сердце. Плохо. Или, чёрт знает, хорошо, хоть путаться под ногами больше не будет... А безопасник прав, нечего тут прохлаждаться. Мишка перебрался через подоконник — руки всё ещё слегка дрожали — и сходу смазал кому-то по морде. Среди пёстрой людской мешанины мелькала полевая форма безопасников; часть группы захвата уже сюда добралась. Старов, раздавая на ходу то тумачи, то парализующие заклятия, выбрался на середину комнаты. В

дверях мелькнула белобрысая макушка; Кузнецов, он же Митар, запоздало исполнял последнее указание патрона. Мишка бросился следом. Надо хоть этого взять живым...

Он на несколько драгоценных минут увяз в стихийной свалке. Когда Старову удалось выскочить в коридор, там уже никого не было. Направо тупик, значит, удирает Кузнецов в сторону главного входа. Мишка помчался по истоптанной ковровой дорожке. Как бы намекнуть безопасникам, что этого убивать нельзя! Фоторобот-то им показывали, да поди сопоставь с реальным человеком в пылу драки... Разорённый вестибюль был пуст; выбитая входная дверь валялась у стены, глянцеви́то блестящий пол у входа пятнала кровь. Неужели удрал? Не упустили же его ребята на перехвате?

Где-то слева раздался грохот. Мишка бездумно рванулся туда; за широко распахнутой двустворчатой дверью оказался просторный зал с украшенной драпировками сценой. Вокруг в беспорядке громоздились одинаковые стулья, словно ураганом сметённые к стенам. Кузнецов, оскальзываясь на отполированном полу, неуклюже поднимался на ноги в дальнем конце зала; Зарецкий быстро шагал туда, на ходу сплетая сеть. Нелегал недобро скалился ему в лицо.

— Ну, ты, — Кузнецов грязно выругался и засучил обтрёпанные рукава. — Офицер, твою мать... Высоко тут забрался, а? Выродок пёсий...

Ярослав молча сбросил с пальцев сеть. Кузнецов неожиданно ловко увернулся и ринулся навстречу врагу, занося кулак. Мишка сорвался с места; он никак не успевал пересечь огромный зал...

— Митар, прекрати! — голос Зарецкого отразился от высоких сводов, рассыпался затихающим эхом. — Всё уже... Он тебе больше не наставник...

— Ишь ты, — Кузнецов глухо зарычал и попытался ухватить недруга за горло. — Эк тебе живётся легко... Сам, небось, так и думал, да? Совесть-то нигде не свербит?

Мишка шумно споткнулся об опрокинутый стул; оба обернулись к нему, Кузнецов опомнился чуть раньше. Ярослав отшатнулся, прижимая ладонь к виску. Белобрысый снова занёс кулак; Старов рванулся навстречу.

— Миш, стой, не надо! — велел Зарецкий, и Мишка послушно замер. — Отойди... Не мешай...

Кузнецов издевательски заржал.

— Чего не надо-то? Не впервой ведь за чужими спинами прятаться, а? Трус поганый...

Он снова ударил — грубо, безыскусно, яростно. Зарецкий прынул в сторону, перехватил его руку. Они вновь схватились врукопашную. Кузнецов был на голову выше, хоть и явно проигрывал в ловкости, зато злости ему было не занимать. Ярослав, скорее, оборонялся, теснил нелегала к подножию сцены. Надо, наверное, вызвать безопасников... Или они тут только помешают?..

— Что, Пройда, не меняются люди, а? — зло выдохнул Кузнецов. — Какой был, такой и остался... Что бы ни было, лишь бы тебя не зацепило...

Зарецкий с неожиданной яростью сгрёб его за ворот рубашки и как следует приложил спиной о край сцены.

— В том, что я жив, — тихо проговорил он в лицо Кузнецову, — моей вины мало.

— Ой ли? — нелегал попытался дотянуться до его горла, но длинная рука лишь бессильно скребнула по плечу Зарецкого. — Как же так вышло-то, если Драган мёртв? Не того, выходит, в ученики выбрал?

— А ты, выходит, не того — в учителя, — горько сказал Ярослав. — Во что он тебя втравил? Зачем?

— Затем, чтоб на родной земле вольно жилось, — выплюнул Кузнецов. — Где ж тебе понять, тебе и тут хорошо... Силу-то как приберёг, хитрая морда, пока ноги уносил? Я вот свою... на Ерголову жизнь обменял...

Эхо его слов увяло в звенящей тишине. Медленно кружилась в солнечных лучах опадающая пыль. Где-то вдалеке загремело, зашумели мужские голоса; сюда долетали лишь отзвуки. Ярослав выпустил Кузнецова, отступил на несколько шагов, медленно, со значением, коснулся левой рукой лба, губ и груди. Нелегал мешком осел на пол, тут же подобрался, но вскакивать и бросаться в бой отчего-то не спешил.

— Уходи, — тихо проговорил Зарецкий. — Я сниму чары, тебя не поймают. Уезжай из города, ложись на дно. Живи. Ну! Чего ждёшь?

— Я не такой, как ты, — процедил Кузнецов. — Я наставника в беде не брошу... Покуда Ергол жив, я с ним буду...

— Он мёртв, — подал голос Мишка. Сам не понял, зачем.

Зарецкий рывком к нему обернулся. Старов сглотнул застрявший в горле комок, нетвёрдо шагнул вперёд. Мышцы отозвались на движение тянущей болью.

— Я видел, — сказал он, глядя на коллегу. — Наверное, что-то с сердцем, я не знаю...

Кузнецов неловко пошевелился; тихий шорох отчётливо отразился от стен. Ярослав, коротко выругавшись, рухнул рядом с ним на колени, ухватил за метнувшуюся к карману руку — уже сам понимал, что поздно. Прижал ладони к лицу, привалился плечом к пластиковой облицовке сцены. Мишка медленно подошёл, осторожно потянул неподвижного Кузнецова за локоть. В одеревеневших пальцах поблёскивал знакомый проклятый амулет.

— Вот же я идиот, — проговорил Старов. Эхо согласилось: «Идиот, идиот, идиот...» — Ярик... Ты чего?

— Ничего, — глухо сказал Зарецкий. — Всё уже...

Мишка уселся на корточки, без надежды пощупал у Кузнецова пульс. Он перестал понимать, что тут творится.

— Я думал, он тогда тебя послушается, — виновато пробормотал Старов. — Кто он такой хоть?

— Друг... детства, — через силу выговорил Ярослав. — Какая... теперь... разница...

— Он сам так решил, — сказал Мишка. Надо убрать подальше опасный амулет, ещё кто-нибудь напорется ненароком... — У него был выбор.

— У всех был, — эхом отозвался Зарецкий.

Мишка вытащил из кармана носовой платок и бережно завернул в него опасную побрякушку. Пристроил на полу рядом с телом, кое-как встал. Помог подняться другу. Ярослав оперся спиной о подмости, небрежно вытер кровь, собравшуюся в углу рта. Он всё ещё был бледен и тяжело дышал.

— Верховского позвать? — наудачу предложил Мишка.

Зарецкий качнул головой и прикрыл глаза. Надо было бежать на подмогу к воюющим где-то Максу, Андрею и Косте, но Старов всё медлил. Отдалённый шум понемногу стихал. Поймали ли безопасники кого-нибудь из важных управских шишек? Взяли ли хоть кого-то живым? Сколько положили подвернувшихся под руку мирных?.. Время застыло. Сваленные в груды стулья целились в потолок металлическими ножками, неровными волнами морщилась ковровая дорожка, Кузнецов глядел неподвижными глазами в окно, прямо против ослепительного солнечного света. Только пыль продолжала танцевать в равнодушных лучах.

Тишину разбили торопливые шаги в коридоре. В зал бодрой поступью вошёл Викентьев с двумя бронированными молодчиками на подхвате; следом появился Верховский в сопровождении потрёпанных и мрачных подчинённых. У Макса под глазом наливался фингал, Косте оторвали рукав пиджака, Андрей выглядел целёхоньким, но в круглом лице не осталось ни кровинки. Бедняга... Придётся весь вечер отпаивать валерьянкой... Да и себя заодно — чем покрепче...

— А, коллега, — Викентьев коротко кивнул Мишке. — За тебя уже начали волноваться. Жив-здоров?

— Более-менее, — буркнул Старов. Наглая улыбочка на лице безопасника совершенно ему не нравилась.

— Рад сообщить, что операция успешно завершена, — произнёс Викентьев и покосился на прислонившегося к сцене Зарецкого. — Остаются некоторые формальности... Несущественные. Можно в целом считать, что дело мы закончили.

Ярослав мрачно взглянул на него и ничего не сказал. Мишка шагнул вперёд, прикрывая друга. Сил у него почти не осталось; наверное, у всех тут так, кроме наблюдавших с почтительного расстояния безопасников. В душе жгучей волной поднималась злость.

— Вы ж не собираетесь прямо тут... — угрожающе начал Старов, сверля Викентьева взглядом. — Евгений Валерьевич! Отзовите вы обвинения! Присяга не сработала, мало этого, что ли?

— Здесь случай вне правового поля, — безопасник с фальшивым сожалением покачал головой. — Я бы с удовольствием применил семнадцатый пункт третьей статьи, но у меня нет оснований...

— Да вы бы всю «Цепь» так и прохлопали, если б не Ярослав! — рявкнул Мишка. Подчинённые Викентьева угрожающе зашевелились. Там, конечно, хорошо, если хотя бы шестая категория, но их двое, и оба свежи и полны сил... — Александр Михайлович, вы чего молчите? Мы контроль или где? Беспредел же очевидный! Во что отдел превратится, если мы сейчас... Кто нас слушать вообще станет?

— Вот именно, — мрачно сказал Макс. Он быстрым шагом пересёк зал и встал рядом с Мишкой. — Вы Евгений Валерьевич, извините, но фигня все ваши обвинения. Ну, ошиблись, бывает, так и не позорились бы уже...

— Что за выражения, Максим Николаевич? — процедил оторопевший Викентьев. Мимо него рысцой пробежал Андрей, втиснулся между Мишкой и Максом. — Коллеги, боюсь, вы не понимаете юридических тонкостей...

— Мы юридических тонкостей не понимаем? — ядовито уточнил Костя. Он поправил погнутые очки, важно вышел на середину зала и повернулся к Викентьеву; Мишка не видел его лица, но мог бы поклясться, что Чернов зло кривит рот и нехорошо щурится. — Коллега, вам лучше пересмотреть воззрения в пользу здравого смысла. В спорных случаях мнение контроля имеет решающее значение.

Он выразительно кивнул шефу. Викентьев тоже повернулся к Верховскому, нервно дёрнул щекой.

— Александр Михайлович, уймите, пожалуйста, подчинённых!

Верховский обвёл спокойным взглядом свою команду, встрёпанную, вымотанную и готовую сцепиться с безопасниками, окончательно нарушая зыбкое перемирие. Достал из кармана пиджака телефон, внимательно изучил экран, словно прямо сейчас не нашлось занятия поважнее. Вежливо кивнул Викентьеву.

— В самом деле, ребята, сбавьте обороты, — сказал он светским тоном, будто речь шла о мелкой склоке из-за неправильно оформленных документов. — Не будем апеллировать к авторитету, тем более, я полагаю, в нашем распоряжении есть более корректные аргументы... Да, Оксана, заходи, пожалуйста.

В распахнутых настежь дверях нарисовалась Тимофеева. Вид у неё был крайне самодовольный, хоть и слегка

взъерошенный. За ней следом, поддерживая под локоть интеллигентного старичка, шла Ира; на лице у секретарши была написана мрачная решимость. На Викентьева она смотрела как на личного врага.

— Добрый день, коллеги, — звонко произнесла Оксана. — Полагаю, мы вовремя. Евгений Валерьевич, пожалуйста, отпустите из помещения всех, чей уровень допуска ниже второго... Во избежание.

Викентьев оглянулся на подчинённых и нехотя их отослал. Верховский пристально разглядывал запонки, словно на них записаны были мировые судьбы. С натужным скрипом закрылись двери; шеф небрежным щелчком пальцев заключил зал в кольцо чар тишины.

— Отлично, — Тимофеева послала безопаснику милейшую улыбку. — Ярик, прости, пожалуйста, за вторжение в личное пространство, но это ради твоего же блага. Николай Геннадьевич, прошу, по возможности коротко и по делу.

Старичок боязливо осмотрелся, задержав взгляд на Зарецком. Мишка обернулся к коллеге; на бледном бесстрастном лице не читались ни тревога, ни облегчение, ни радость узнавания. Эти двое вряд ли когда-нибудь виделись — или, по крайней мере, помнили друг друга. Кого это притащила Ксюша? Где она его откопала? Что за коробку дед судорожно тискает в руках? Оксанка победно улыбается, значит, уверена в успехе... Иру-то она зачем в это впугала...

Николай Геннадьевич откашлялся и заговорил, пугаясь звука собственного голоса. Мишка готов был поверить в любую чушь, лишь бы она помогла послать Викентьева с его придумками куда подальше, но то, что рассказывал старик, пахло абсурдом. Поначалу. Если хоть на миг допустить, что дед не сочиняет, то слова его слишком гладко накладываются на то, что Мишка уже выяснил раньше. Кроме, пожалуй, осторожных ремарок насчёт характера Зарецкого. Сколько Старов был знаком с коллегой, он не мог себе представить человека холоднокровнее и рассудительнее. Но ведь люди меняются... Покойный Митар был неправ... Он вообще был неправ, бедняга, кругом и сплошь...

Викентьева стало почти жалко. Мишка едва ли не воочию видел, как уплывает из-под подполковничьего носа заветная звёздочка. Когда Николай Геннадьевич смолк, безопасник открыл было рот, но тут же бестолково его захлопнул. Потом собрался с мыслями, зыркнул на вежливо улыбающегося Верховского и сипло каркнул:

— Зарецкий, это правда?

Все взгляды, как по команде, обратились к Ярославу. Николай Геннадьевич волен нести любую ерунду, он-то не связан следственной присягой...

Глядя исключительно на безопасника, Зарецкий медленно кивнул.

— Да. От первого до последнего слова.

Оксана медово улыбнулась.

— Я бы квалифицировала всё это по пункту семнадцать статьи три Магсвода, — заявила она. — Непреодолимые обстоятельства налицо. У вас другое мнение, Евгений Валерьевич?

— Здесь... здесь должно быть записано то же самое, — подал голос Николай Геннадьевич, протягивая Викентьеву свою коробку. — Если удастся извлечь... Лидия говорила, чтобы открыть футляр, понадобится только ноготь и немного смекалки. Может быть, барышни помогут...

— Дайте мне посмотреть, пожалуйста, — Верховский вежливо, но решительно изъясил коробку у старичка, прошёлся пальцами по резной крышке. Наверное, ощупывал цепочки защитных чар. У Мишки не было сил напрягать зрение. — О, так намного лучше... Да, действительно, здесь небольшая рукопись. Евгений Валерьевич, полагаю, вы возьмёте это на экспертизу?

— Да... Да, разумеется, — проронил Викентьев, принимая у Верховского раскрытую коробку.

— Но сейчас, опираясь на действие следственной присяги, обвинения всё же снимете?

— Да... Похоже на то...

— И сама следственная присяга, как и прочее, более не требуется?

— Да... Не требуется...

— Приступайте, пожалуйста.

Викентьев двинулся к сцене, как к эшафоту. Мишка запоздало посторонился, давая ему дорогу. Безопасник возвращал взятые клятвы долго, как будто нехотя; с ума сойти, сколько всего он потребовал в обмен на отсрочку казни... Едва закончив, Викентьев торопливо вернулся ко входу; среди контролёров ему явно было неуютно.

— Я могу получить в своё распоряжение моих сотрудников? — осведомился шеф, снисходительно улыбаясь безопаснику. — Всех моих сотрудников, без исключения.

Уставший соглашаться Викентьев только понуро кивнул. Верховский щёлкнул пальцами, снимая чары тишины, и красноречиво отступил в сторону, освобождая ему путь к дверям. Следом за Викентьевым вышел и с почестями отпущенный на волю Николай Геннадьевич; шеф выпроводил его уважительно, но напористо, препоручив заботам снующих туда-сюда безопасников. Ксюша, всё ещё триумфально улыбаясь, протиснулась мимо бестолково застывших коллег и подошла к Зарецкому.

— Я тебе задолжала либо благодарность, либо пощёчину, — сообщила она, скрестив руки на груди.

— И то, и другое, — Ярослав слабо улыбнулся. — Я тебе должен несколько больше.

— Это вот ей, — Тимофеева махнула в сторону мнущейся у дверей Иры. — Но разбираться предлагаю где-нибудь в более приятном месте. По-моему, есть повод отметить, а, ребят?

— Есть, — Макс рассеянно взлохматил взмокшие вихры. — Ну, как минимум, торчать тут нам незачем... Безопасники сами улики опишут, и вообще... Александр Михайлович, можно?

— Можно, — кивнул Верховский и бросил взгляд на часы. — Если вы не против, у меня есть на примете одно заведение. Мы как раз поместимся в две машины...

— Минутку, ребят, — Ярослав шагнул к распростёртому на полу телу Митара. — Хочу сам... Отойдите, пожалуйста...

Бледно-золотая искра, сорвавшись с его ладони, запуталась в светлых волосах, полыхнула ослепительным пламенем. Запахло жжёным пластиком; Зарецкий взмахнул рукой, усмиряя рвущиеся к потолку языки. Призрачный огонь исчез, оставив на полу пятно копоти и мелкий серый пепел. Смертоносный амулет бесследно истаял в свирепом жаре. Мишка положил ладонь другу на плечо; Зарецкий обернулся, благодарно кивнул.

— Всё, — тихо сказал он, отбросив со лба тёмные пряди. — Теперь точно всё.

LXVIII. Путеводные звёзды

Белозубый официант Лёня водрузил перед Мишей тяжёлое блюдо с закусками и проворно убрал из-под стола пустые бутылки. Изрядно захмелевший Чернов начальственным тоном потребовал ещё виски и графин красного вина — «для дам и для слабых духом», как прокомментировал Макс. Это значило — для Иры и для Андрея, который сперва долго отнекивался, а потом по персональному распоряжению начальника всё-таки согласился на что-нибудь не слишком дающее в голову. Ксюша наравне с коллегами пила крепкое. Ехать домой она была намерена на такси, о чём громогласно и объявила перед тем, как схватиться за бокал.

— Двенадцатый час, — заплетаящимся языком сообщил Макс, отправляя в рот кусок сыра. — Ё-моё... Такое чувство, что гирию от ноги отвязали и в руки дали. Вроде офигенно всё, а вроде и не очень... Народу вон сколько положили...

— Редко такие дела чисто закрываются, — спокойно сказал Верховский. — Привыкай, Максим. Не в архиве работаем.

— Ага, — Некрасов согласно дёрнул головой и поднял бокал. — За нашу важную и нужную службу! Александр Михалыч, и за вас лично...

Ира тоже потянулась ко всем. Она не могла толком понять, пьяна она или нет; в голове царил сумбур, воевать с которым не хватало ни сил, ни желания. На втором этаже, кроме их компании, никого не было; Ира подозревала, что кто-то для пушей надёжности окутал их стол чарами тишины. Контролёры говорили обо всём подряд, не страшась выдать какую-нибудь служебную тайну. Ксюша в красках расписала сегодняшние метания, не скупясь на похвалы и подначки в Ирин адрес. Миша и Костя спорили о каких-то подробностях штурма «Восхода». Макс острил и нёс ничего не значащую чушь, Верховский изредка разбавлял всё это комментариями, и даже Андрей многословно делился впечатлениями. Ярослав по большей части молчал, изредка отвечая на подколки в свою сторону. Ира избегала встречаться с ним взглядом. Здесь было слишкомлюдно и шумно, а в голове всё равно не наскреблось бы и десятка связных слов.

— Я курить, — заявил Макс, неуклюже выбираясь из-за стола. — Костя, пшли со мной...

Чернов, поразмыслив, тоже выкарабкался из мягких объятий диванчика и нетвёрдо зашагал в сторону открытой террасы. Ксюша покровительственно потрепала Иру по плечу и плеснула ей в бокал тёмного вина.

— Так-то, подруга, нервная у нас работа... Пей, что ли. Андрюха, по ходу, уже всё.

Бармин благостно улыбнулся. Он часто моргал и очевидно клевал носом; должно быть, не привык к столь поздним празднествам. За дымчатыми окнами тлели два сигаретных огонька; Макс не стремился заговаривать с Ирой, да и она не хотела с ним сейчас объясняться. Будет день, будет свежая голова — будут и плодотворные мысли. Достаточно уже и того, что страшное позади...

— Ксюш, выпусти меня, пожалуйста, — тихонько попросила Ира. — Я сейчас...

— Тебя одну в туалет нельзя отпускать, — пьяно хохотнула Тимофеева, выбираясь из-за стола. — Пойду, что ли, с тобой, может, пар-разита поймаю...

— Ксюнь, ты сейчас даже шишигу не поймаетшь, — заявил подошедший Макс. Он принёс с собой запах сигаретного дыма и ночной прохлады; Ире тоже захотелось на свежий воздух. — Давай, это, без подвигов уже...

— Отвянь, Некрасов! Я кого хочешь... Я ста-старший офицер или...

Не слушая больше их перепалку, Ира поспешила к уборным. В полутёмном коридорчике всё-таки огляделась на всякий случай. Нервная работа. Ещё бы не нервная. Но куда денешься... Кто-то ведь должен; почему бы и не они?

По пути обратно к столу Ира всё-таки свернула на террасу. Остывший воздух дохнул в лицо прохладой, заставил зябко поёжиться. В ясном небе блестели звёзды, едва видимые за электрическим заревом; внизу шумела не желающая замолкать улица. Москве нет покоя ни днём, ни ночью. Завтра, наверное, уже поднимут какую-нибудь шумиху, засуетятся, заговорят на разные голоса, но пока — передышка. Несколько кратких часов, в которые можно ни о чём не думать и просто радоваться, что всё закончилось. Ира прикрыла глаза, вслушиваясь в умиротворяющую какофонию голосов вечно бодрствующего города.

— Тебе не холодно?

Она обернулась. Ярослав смотрел на неё серьёзно, без улыбки; в тёмных стёклах за его спиной скользили смутные тени. Их разделяло три или четыре шага — достаточно мало, чтобы не повышать голос, и слишком много, чтобы говорить о важном. Ира покачала головой.

— Нет, всё в порядке. Лето в этом году... странное.

— Да, более чем, — он коротко усмехнулся. — Не знаю, как тебя благодарить.

— Никак, — Ира неловко улыбнулась. — Если бы не Ксюша... И Александр Михайлович, это он всё устроил...

— Александр Михайлович склонен к театральным эффектам, — заметил Ярослав. — Но получилось, наверное, неплохо.

Наверное. По крайней мере, посрамлённый Викентьев ушёл ни с чем. Лучше о нём не вспоминать, не портить себе настроение.

— Что теперь будет? — тихо спросила Ира, глядя в сторону. Налетевший вдруг ветерок пробрал до костей и тут же отпустил.

— Не знаю, — отозвался Ярослав. — Дело, наверное, доведём до конца и закроем, если получится. Всё остальное... — он осёкся, перевёл дух, будто перед прыжком в ледяную воду. — В общем... Я пойму, если ты теперь знать меня не захочешь, но... Я тебе не лгал. Ни словом, ни делом.

Ира вскинула голову. Рука сама собой взлетела к воротнику, коснулась прохладного серебра. Мудрая бабушка с первого взгляда узнала «путеводную звезду»; она, разумеется, прекрасно понимала, как на самом деле работает этот сигнал тревоги. Вот пустоголовая внучка не сумела отличить редчайший артефакт от обычных безделушек, для которых и чувства-то почти не нужны...

— Я знаю, — она несмело подалась вперёд, сжимая в пальцах бесценную подвеску. Взглянула в тёмные глаза, понизила голос до шёпота: — Я знаю... Яр...

Он порывисто шагнул ей навстречу, обнял, привлёк к себе. Его амулет куда-то делся; должно быть, конфисковали, пока держали взаперти в Управе. Ира прижалась к его груди, прислушиваясь к частому стуку сердца. Яр ласково гладил её спину, касался губами волос, целовал нежно и жадно; время замерло, милосердно предоставив их друг другу. Наконец-то, после всех этих долгих, тяжёлых дней...

Деликатно щёлкнула дверь. Ира встрепенулась от неожиданности, выглянула из-за плеча Яра. У входа на террасу топтался Миша, крутивший в пальцах ключи от машины.

— Ребят, я это... — он продемонстрировал для убедительности увесистый брелок, — если хотите, подвезу до дома. Расходимся потихоньку...

— Да, Миш, спасибо, — Зарецкий улыбнулся другу, не выпуская Иру из объятий. — Подбрось нас до Фрунзенской, если по дороге.

Она не стала возражать. В Мишиной машине было просторно и немного пыльно; на пассажирском сидении отчаянно боролся с дремотой Андрей. Старов хохотнул, заводя мотор:

— Ну-ка не спать там! Услуга доставки до двери в пакет не входит!

Бармин испуганно пискнул и выпрямился в кресле. Яр усмехнулся:

— Я не настолько пьян.

Не смущаясь присутствия коллег, он обнял Иру за талию и притянул к себе. В окнах мелькали размытые пятна света от уличных фонарей; так было, может, несколько мгновений, а может, и целую вечность. За очередным поворотом показалась река, расцветенная городскими огнями; машина понемногу сбросила ход, пристала к тротуару напротив украшенного арками дома.

— До понедельника! — Миша махнул рукой на прощание и потеревил за плечо Андрея: — Эй, следующая остановка — Черёмушки!

— А-а-а, да, — Бармин встряхнулся и тоже помахал: — Пока, ребята!

— До встречи, — отозвался Яр, прежде чем захлопнуть дверь. «Ниссан» лихо выскочил в соседнюю полосу и умчался в разбавленную светом ночь. — Ну, надеюсь, Прохор не слишком расстроится.

Прохор совсем не расстроился. Едва выглянув из-за двери, он ахнул и радостно растопырил мохнатые уши; на умной мордочке написано было искреннее счастье.

— Хозяин вернулся! — возвестил домовый, чуть подпрыгивая на месте. — И добрая гостьюшка пришла! Ох, а у Прохора-то ничего и не готово, он, растяпа, весь день мух гонял... Чуть-минуточку, Прохор диван в гостиной разберёт, всё устроит!

— Не надо в гостиной, — Яр опустил на колени рядом с домовым, ласково почесал его за длинным ухом. — Отдыхай, дружище. Ты и так потрудился.

— Ну хоть чаю-то Прохор поставит!

— Если только гостя хочет, — Яр лукаво улыбнулся и, поднявшись на ноги, оглядел залитый светом коридор. — Ну-ка, что это они тут повешали...

— Ох и устроили, негодяи, ох и напортили! — с готовностью запричитал домовый. — Всё перетряхнули, богемский хрусталь побили, картины со стен пороняли, а там, промежду прочим, Кан-дин-ский в подлиннике...

— Ну и чёрт с ним, — миролюбиво пробормотал Яр. В воздухе едва слышно, как статическое электричество, потрескивали распадающиеся чары.

— Ар-те-фак-ты Прохор уберёт...

— Молодец.

— И записи хозяйкины...

— Хорошо.

— И те-ле-фон. Только ком-пу-тер не успел...

— Ничего страшного. Полотенце-то хоть одно оставили?

Прохор непонимающе прятнул ушами.

— А чего им полотенца? На месте все...

— Вот и прекрасно. Надо хоть изредка возвращаться к благам цивилизации, — Яр устало отбросил волосы со лба. — Ириш, большая ванная в твоём распоряжении. Ну, и всё остальное, в общем-то, тоже...

Ира не сразу узнала собственное лицо под слоем косметики; она успела уже забыть, что Ксюша её красила — всего несколько часов назад. Или, может, в прошлой жизни — смотря как считать. Поверх стопки пушистых полотенец, которые выдал ей рачительный Прохор, лежала аккуратно сложенная чистая футболка, едва ощутимо пахнувшая строгим парфюмом. Как всё сложилось бы, додумайся глупая гостья в то далёкое утро, что за артефакт ей вручили во временное владение? Что толку теперь гадать...

— Проша, — негромко позвала Ира, вытащив из сумки телефон. Старенькая трубка не выдержала долгого дня и отключилась — чёрт знает, как давно. — А провод для зарядки можешь, пожалуйста, дать?

— У, — домовый вынырнул из единственной освещённой комнаты и приглашающе помахал лапой. — То Прохор не знает, то у хозяина спрашивать надо. Или пусть гостыюшка вот тут сама посмотрит, авось найдёт, чего надобно.

Он выдвинул ящик углового письменного стола, занимавшего добрую четверть комнаты. Ира выбрала из аккуратно сложенных проводов подходящий; экран, задумавшись на несколько мгновений, ожил и продемонстрировал полное отсутствие уведомлений. Ну конечно, номер ведь новый... Мама наверняка рассердилась, обнаружив вечером записку о том, что дочь намерена пропадать леший знает где, леший знает сколько. Завтра надо будет обязательно позвонить. А лучше приехать и поговорить наконец как следует, но это завтра... Пока же хватит короткого успокоительного сообщения. Ира отключила звук и положила телефон на чёрную лакированную столешницу, рядом с изрядно потрёпанным аппаратом, экран которого наискось пересекала ветвистая трещина. Прохор, должно быть, припрятал во время обыска, а потом, когда ушли безопасники, вернул на место. В стороне, у стойки монитора, лежали ключи от машины и пропуск в Управу. Теперь всё вернётся на круги своя. Или нет; как прежде уже точно не будет, но, если подумать, это и к лучшему.

— Какая ты...

Она обернулась. Яр стоял в дверях, откровенно ею любуясь. В джинсах, аккуратно выбритый, с небрежно переброшенными через плечо волосами, он вдруг напомнил ей неприветливого офицера контроля, которого она когда-то встретила в кабинете Анохиной. Ира смущённо улыбнулась.

— Какая?

Он шагнул в комнату, притворил за собой дверь. Сквозь открытое окно веяло ласковым ветерком.

— Моя.

Яр привлёк её к себе, не скрывая намерений. Ира потянулась к его губам, всё ещё терпко пахнущим виски. Повинуясь короткому жесту, выключатель отчётливо щёлкнул и прогнал навязчивый электрический свет.

Мама, само собой, будет в ужасе. Но это её проблемы.

Утро пришло с прохладным дуновением ветерка, принесшего с улицы запах реки, нагретого асфальта и пыльной листвы. Занавески лениво шевелились на сквозняке. Яр, обнажённый по пояс, стоял у стола, спиной к разворошённой постели, и торопливо завязывал на затылке волосы; экран лежащего перед ним телефона тревожно светился. Ира уселась на кровати, кутаясь в одеяло.

— Куда ты?

Он обернулся, укоризненно взглянул на неё.

— Чего ты так рано? Поспи ещё. Я в Управу, шеф вызывает.

— Я с тобой.

Он тихо рассмеялся. Уселся на край кровати, привлёк Иру к себе, ласково поцеловал. На миг ей показалось, что он вот-вот пойдёт дела к лешему и насытившееся было пламя вспыхнет между ними с новой силой, но Яр отстранился и покачал головой.

— Без надобности. Я ненадолго, поговорю с Верховским и заберу машину... Ничего со мной не случится, не беспокойся.

— Легко сказать, — проворчала Ира, выпутываясь из одеяла. — Теперь точно не засну.

— А зря. Выходные ведь, — заметил Яр. Он набросил на плечи рубашку, забрал со стола ключи и пропуск и сунул в карман телефон. — К двенадцати точно освобожусь. Если тебе тут что-нибудь понадобится, дёргай Прохора, он не будет против.

— Да я, наверное, домой поеду, — вздох вырвался из лёгких сам собой. — Скажу родителям, что со мной всё в порядке...

— Аккуратнее. Неразглашение с тебя пока не сняли, — мгновенно посерьёзнев, напомнил Яр.

— А я и не собираюсь им всё рассказывать. Пока ты не разрешишь, точно не буду, — пообещала Ира. — Мало ли что...

— Хорошо. Береги себя.

Он бросил короткий взгляд на часы и исчез, оставив после себя едва уловимый запах парфюма. Ира потянулась к пакету с одеждой, в которой какое-то невообразимое число веков назад вышла из дома. Она благополучно забыла бы вещи в Ксюшиной машине, если бы хозяйка не выдала ей поклажу, едва высадив у ресторана. В нарядной блузке и брюках ценой в четверть зарплаты лучше так сразу дома не показываться. И без того вопросов будет многовато...

Прохор высунул нос из кухни, стоило ей осторожно толкнуть дверь в коридор.

— Гостыюшка проснулась, — заключил он. — Чего откушать изволит? Прохор яишню сделать может, блинов пожарить, кашу сварить...

— Привет, Проша, — Ира смущённо ему улыбнулась. — Сделай, пожалуйста, что попроще.

— Прохору всё просто. Его хозяйка всему на свете научила, — похвастался домовый. Он деловито заглянул в спальню, покрутил лохматой головой и душераздирающе вздохнул. — Опять ить убёг спозаранку, душа беспокойная... А завтракать-то кто будет?

Ворча себе под нос, Прохор скрылся в кухне. Ира умылась и расчесала спутанные волосы; лицо, глядевшее на неё из зеркала, очевидно уступало в красоте маске, нарисованной Ксюшиной рукой, зато выглядело куда как счастливее. С кухни тянуло соблазнительными ароматами; квартира, вчера казавшаяся жутковатой и пустой, в одночасье стала уютной и почти знакомой. Ира на миг замешкалась, прежде чем переступить порог кухни. Помнит ли Яр, что шептал ей на грани яви и сна? Может, и нет; оба они были пьяны — алкоголем, ночью, друг другом. Впрочем, будет ещё время обо всём подумать, а прямо сейчас надо завтракать и ехать домой...

— Али гостыюшка печалится? — перепугался Прохор. — Нехорошо чего? Хозяин обидел?

— Нет-нет, Проша, всё в порядке, — Ира с поддельным энтузиазмом взялась за вилку. Есть не хочется, а надо. — Ты... э-э-э... не беспокойся так.

— Ить как не беспокоиться-то! — домовый всплеснул лапами — точь-в-точь как Афонька, не уследивший за шаловливыми хозяйскими внучками. — Прохор, по чести, у гостыюшки прощеньица просить должен. Он-то думал, она как все, а она — вон какая!

— Спасибо, — пробормотала Ира в кружку с чаем. Кто такие «все», лучше, пожалуй, не уточнять. — Очень вкусно у тебя получается.

Домовой надулся от гордости. Хронометры на духовке и на микроволновой печи в унисон показывали девять утра; родители наверняка уже проснулись. Ира сделала безнадежную попытку помыть за собой посуду; Прохора едва удар не хватил от такого кощунства, и гостыя была без церемоний выставлена вон из кухни. Больше предложений задерживаться не нашлось. Сунув телефон в сумку, Ира натянула на ноги кроссовки и сама себя отчитала за малодушие. То есть на полудниц кидаться с голыми руками и играть в догонялки с безопасниками — это пожалуйста, а с матерью поговорить — всё уже, пороку не хватает? Смех, да и только.

Впрочем, самый сложный экзамен — тот, который ещё не сдан.

Стойкий запах кофе за семь лет насквозь пропитал кабинет вместе со всей мебелью, документами и даже, наверное, краской на стенах. Будущему преемнику придётся либо долго и с боем вытравливать отсюда кофейный дух, либо смириться и продолжить привычки Верховского. Сегодня впервые за последние недели утренняя доза терпкой горечи принесла подлинное удовольствие. Ещё в бытность свою рядовым безопасником он усвоил: дела могут идти либо терпимо, либо катастрофически плохо; сейчас из второй категории всё понемногу вырубивало к первой.

— Как ты мог бы догадаться, — Верховский откинулся в кресле и празднично сцепил пальцы, — ничего, что однозначно указывало бы на подлинных зачинщиков, коллеги в «Восходе» не нашли. Наши друзья, спасибо их информатору поневоле, успели подготовиться и куда-то деть большую часть документов, в том числе те, о которых говорил Максим. Это значит, что две-три башки мы гидре, конечно, отрубили, но ещё шпук шесть преспокойно продолжают шипеть и плевать ядом. Хуже того, могут отрастить себе новое туловище и опять начать суетиться. На сей раз куда как более осмотрительно.

Зарецкий скептически нахмурился. Александр Михайлович опасался, что после вчерашних потрясений он вовсе не будет ничего соображать, однако парень неплохо справлялся. Верховский даже не стал отчитывать его за раздражающую привычку вертеть в руках какую-нибудь дребедень в процессе размышлений.

— Это будет сложнее, — заметил Ярослав, пропуская между пальцев посеребрённый «паркер». — Я чуть-чуть навёл шороху на другой стороне.

— Наслышан, — Верховский позволил себе уважительно хмыкнуть. — Будет время — опиши подробно и направь мне под грифом, подошьём к делу. Но надо вычищать гниль здесь, и чем быстрее — тем лучше.

— На примете есть кто-нибудь? — деловито спросил Зарецкий.

— Миша одно имя назвал, — подпустив в голос сомнения, ответил Александр Михайлович. — Депутат Митрофанов. Вы с ним как-то пересекались.

— Скорее всего, он — марионетка, — сходу определил Ярослав. — Ему сейчас тридцать с небольшим, организовать что-то серьёзное шестнадцать лет назад он вряд ли мог.

— Верно мыслишь, — кивнул Верховский. — На политическом горизонте он появился лет восемь тому назад и сделал с тех пор головокружительную карьеру.

— Кто-то его продвинул.

— Очевидное можно не озвучивать, — Александр Михайлович досадливо поморщился. — В деле «Цепи» Митрофанов, без сомнения, замазан, доказательствами пусть Старов занимается. Мне нужен его покровитель. Быстро. Пока круги по воде не успели далеко разойтись.

Зарецкий задумчиво оперся локтем о спинку стула, который подчинённые между собой именовали пыточным. Серебряный узор на чернильной ручке ловил солнечные блики.

— Есть документы по той конторе, что купила кусок земли с потенциальным разломом? — спросил Ярослав, склонив голову к плечу.

— Только то, что в свободном доступе, — сухо сказал Верховский. — Что-то мне подсказывает, что выйдем мы разве что на очередное подставное лицо.

— Можно поискать у этих подставных общие связи.

— Ты этим месяц будешь заниматься. Ещё варианты?

— Следственные архивы по тульскому...

— Забудь об этой макулатуре. У нас есть день, максимум — два. Делай, что хочешь, пользуйся своими талантами — я прикрою, но результат должен быть.

— Понял.

Сделает. Этот — сделает, хоть бы ему всю Управу пришлось перевернуть вверх дном. Что-то такое как раз и потребуется. Последняя точка в деле «Цепи» либо станет громкой и скандальной, либо не будет поставлена вовсе.

— Теперь о приятном, — Верховский мрачно усмехнулся и протянул подчинённому тонкую папку. — Вчера Викентьеву очень больно наступили на хвост. Он сам виноват, но и не ему одному застили взор карьерные перспективы. Отмываться теперь безопасности долго и упорно. Собственно, они уже начали. Здесь моральные компенсации и официальные покаянные письма. Я бы не хотел раздувать конфликт, так что буду очень признателен, если и ты, и Ирина извинения примете.

— Без претензий, — Ярослав мельком просмотрел бумаги и отложил папку на край стола.

— Замечательно, — Александр Михайлович поощрительно улыбнулся. — Думаю, что будут и ещё бонусы. Вы все отлично поработали. Буду откровенен — даже не ожидал.

— Но надеялись.

— С того самого момента, как сел в это кресло, — хмыкнул Верховский. — Надеюсь, что однажды так будет. Но, признаться, в первые годы все мои начинания казались обречёнными. Ты должен помнить.

Зарецкий молча кивнул. Сколько времени прошло с тех пор, как они впервые сидели здесь вот так же — начальник и стажёр, один в ужасе от собственных промахов, второй потерянный и злой на себя и на весь мир? Верховский тогда нашёл в себе силы задвинуть куда подальше личную неприязнь и поверить двадцатилетнему мальчишке чуть больше, чем доставшимся ему вместе с отделом матёрым спецам. Не прогадал.

— Я был к тебе крайне несправедлив, — спокойно сказал Александр Михайлович. Зарецкий не изменился в лице — начальственная исповедь его не растрогала. Хорошо. — Не только во время стажировки, вообще. Всегда ждал от тебя больше, чем от других.

— Из-за наставницы, — уверенно предположил Ярослав.

Верховский кивнул.

— Да, из-за неё, разумеется. Ты чертовски на неё похож, знаешь? Не внешне, само собой. Манерой говорить и думать, жестами, суждениями. Я ещё на собеседовании заметил. Ни на миг не усомнился, что вы родственники.

— Сочту за комплимент, — Зарецкий осторожно усмехнулся.

— Сочти. Я всё понять не мог, какого лешего, — Верховский подпустил в голос ворчливого раздражения. — У меня потенциал был выше, а Лидия никогда не делала скидок на родственные связи. Но потенциал, очевидно, враньё, да и дело в другом.

— В необходимости. Я тогда не обошёлся бы без её помощи.

Александр Михайлович удовлетворённо кивнул. Либо подчинённый действительно так считает, либо раскусил манёвр и ловко подбирает правильные ответы. И то, и другое весьма неплохо.

— Очень мило с её стороны было оставить послание мне персонально, — заметил Верховский. Ярослав ничего не сказал. Судя по всему, насчёт биографии нынешнего начальника магконтроля наставница его не просвещала; он вёл бы себя иначе, начиная с собеседования и до сих пор. Пусть это остаётся как есть. — Ты знаком с Вяземским?

— Нет. Лично — нет, — уточнил Зарецкий. — Скорее всего, видел, но не запомнил.

— А вообще много людей знаешь из её круга?

— Почти никого. У меня нет никаких влиятельных связей, — Ярослав прохладно улыбнулся. — Давать побрякушки было не в её духе.

— И при всём при том ты пришёл устраиваться на работу в контроль, — хмыкнул Александр Михайлович. — Нечем было пощекотать нервы?

Зарецкий бросил на начальника оценивающий взгляд.

— Я вам уже как-то говорил. Хочу привнести в мир порядок, — он усмехнулся краем рта. — А ещё досё офицеров контроля засекречиваются до первого уровня допуска.

После такого заявления и вышвырнуть можно. Верховский бы и вышвырнул лет пять тому назад, когда думал регламентами попере́д здравого смысла. Ладно уж, хватит мучить парня; всё, что нужно, он уже сказал.

— Теперь, может, больше не понадобятся такие предосторожности, — заметил Александр Михайлович. — Тебе, наверное, будет интересно: Обарин по результатам опросов уверенно лидирует в предвыборной гонке.

Ярослав небрежно пожал плечами.

— Рад за него.

— Магконтроль вне политики, — строго напомнил Верховский.

— Верно.

Наглец. Чернова, беднягу, аж трясёт от подобных выходок. Тяжко ему придётся после кадровых перестановок... Пусть привыкает, им ещё долго вместе работать. И, кстати, о выходках...

— Скажи мне, кудесник, — насмешливо хмыкнул Верховский, барабаня пальцами по столу, — как так вышло, что ведьма, удостоверение которой ты заверял, преспокойно раздумывала целый день, не доложить ли ей о запрещённых для её категории сведениях?

Сама невинность. Знает, шельмец, что начальник догадался, и всё равно...

— Я спрошу при случае насчёт ранее принесённых клятв.

Верховский фыркнул. Ну о чём тут говорить?

— Имей в виду: если бы речь шла о ком-нибудь другом, я бы первый обвинил тебя в нарушении служебной присяги и персональной ответственности, — заявил он. Зарецкий выслушал тираду с вежливо-недоумённым выражением лица; руки зачесались не то отвесить нахалу подзатыльник, не то покровительственно потрепать по плечу. — Девочка — золото. Из отдела ни в коем случае отпускать нельзя, вторую такую не найдём.

— Сам знаю.

Александр Михайлович пытливо прищурился.

— И что делать думаешь?

— А что тут думать?

И верно. Верховский выдвинул ящик стола, достал оттуда опечатанный безопасностью футляр и протянул подчинённому. Ярослав аккуратно снял пломбу, придирчиво оглядел «путеводную звезду», словно ожидал, что к старым сколам и царапинам прибавятся свежие, и повесил на шею.

— Спасибо.

— И как это ни одна собака не задумалась, на кой чёрт Свешниковой понадобилось писать завещание на артефакты, — ехидно заметил Верховский. Ярослав предпочёл пропустить это мимо ушей; конечно, так он и признается, что задурил когда-то голову контрольному олуху! — По-моему, нам следует больше внимания уделять архивам минусов. Особенно сведениям о родственниках одарённых.

— Здравая мысль, — серьёзно сказал Зарецкий.

У Верховского возникло нехорошее и весьма стойкое подозрение, что над ним издеваются. Не одному Чернову тут тяжело. Что уж там, вся команда — один другого краше. Молодцы. Можно гордиться.

— Ах да, вот ещё что. Вдруг пригодится, — Александр Михайлович взял со стола телефон, скопировал короткий ряд цифр и отправил сообщение. — Ирина вчера звонила мне с этого номера. Я сперва подумал, что это хитрость, достойная Оксаны, но потом сообразил, что прежний телефон попросту был ей недоступен.

— Спасибо.

— Не за что, — Верховский коротко улыбнулся и сухо напомнил: — Я жду результатов по делу. Сегодня, в крайнем случае — завтра.

— Да, хорошо.

Зарецкий небрежно вбросил «паркер» в нагрудный карман и поднялся с пыточного стула. Он уже почти толкнул дверь, когда Верховскому в голову пришло ещё кое-что, позабытое за ворохом более важных дел.

— Момент, — Александр Михайлович скрестил на груди руки. — Кто-то из вас поцарапал мне машину. Либо ты, либо Некрасов. Заднее правое крыло. Раньше там точно ничего не было.

— Пусть буду я, — легко согласился Зарецкий. — Сколько за ремонт?

— Всё вычту из премии, — зловеще пообещал Верховский. Станет проверять или нет? — Не смею больше задерживать.

Ярослав кивнул и вышел. Верховский выждал для порядка пару минут и выглянул в кабинет. Там было пусто; подчинённый отправился размышлять куда-то в другое место. Андреева бегония, крайне довольная жизнью, беззаботно покачивала листьями на сквозняке. Александр Михайлович прищёлкнул пальцами, заставив ярко-голубую лейку величаво взмыть над столом и оросить подсохшую землю в горшке застоявшейся водой. Да уж, леший побери, нынешний состав отдела магического контроля Управа запомнит надолго.

Хорошо. Очень хорошо.

LXX. Недостающее звено

Мама открыла дверь и молча поджала губы. Ира вымученно улыбнулась, поправила на плече лямку сумки. Утро дома явно не было добрым.

— Привет, ма, — наигранно весело сказала она. Так ведут себя дочери, припозднившиеся с ночной гулянки? — Я пришла.

— Вижу, — буркнула мама и посторонилась, пропуская Иру в коридор. Дверь сердито захлопнулась за спиной. — Разувайся, иди завтракать.

— Я не голодная. Но чаю попью, — Ира скинула кроссовки и бросила сумку на тумбочку. — А папа где?

— Машину чинить поехал, — резковато пояснила мама и скрылась в кухне.

Ира тайком перевела дух и поплелась следом. Дома всё было в точности так же, как вчера: идеальный порядок, правильный, проверенный временем уют. Тихо тикали настенные часы, клокотал чайник, в вазочке на столе горкой громоздилось печенье. Прежде кухня не казалась такой тесной.

— Ну, — мама раздражённо опустила чашку с чаем перед Ириным носом, — может, расскажешь, где ты пропадала?

Что ни скажи — будет лучше, чем правда. Правду нельзя, неразглашение никто не снимал. Да и мама, как ни крути, связана присягой и категорией.

— Да так, сначала по делам, потом в баре посидели, — нарочито небрежно ответила Ира и отхлебнула горячего чаю. — Со смородиной?

— Не знаю, — мама уселась напротив. В её голосе слышались нотки предстоящего скандала. — Ирина, что с тобой творится? Что ты мечешься туда-сюда? В студенчестве надо гулянки оставлять! У тебя, между прочим, работа есть, если Наталья Петровна ещё не решила тебя уволить!

— Не уволит, мам, — заверила её Ира. После того, как Верховский место в отделе предлагал — пусть попробует!

Мама сдвинула брови; над переносицей у неё залегла тревожная складка. Переживает, и всерьёз... Она не знает, как начальница канцелярии увещевала Иру не увольняться, и рассказать тоже нельзя — тогда придётся и про больницу, и про ссору с Черновым, и про тень. И когда это успело наплодиться столько секретов?

— Не зарывайся, дочь, — мрачно посоветовала мама. — Всему есть предел.

Не поспоришь. Она и не пытается. Только неужели мама всерьёз думает, что Анохиной есть дело до походов одной из десятков сотрудниц? Ей лишь бы отчётность вовремя собрать и чтоб от начальников жалоб не было. Ира неопределённо дёрнула плечом, демонстрируя покающую солидарность.

— Я понимаю, зачем ты к бабушке удрала, — сердито заявила мама. Нетронутый чай перед ней исходил ароматным паром. — Она Ольгу разбаловала и тебе тоже потакает. А ты что творишь? То в какой-то отпуск непонятный сорвалась, то все вещи оставила чёрт-те где, то пропадаешь без предупреждения, и не дозвониться до тебя никак! Где ты ночевала, скажи на милость?

Ира сдержала вздох и посмотрела ей в глаза.

— У коллеги.

Мама досадливо скривилась.

— Коллега, надеюсь, женского пола?

— Нет, — Ира невольно улыбнулась, глядя на обескураженное мамино лицо. — Да, мам, всё так, как ты подумала. Мы... встречаемся.

Если это можно так назвать. Но, опять же, поди расскажи...

— Ты имеешь в виду... — мама нервно обняла ладонями кружку. — Коллега — это...

— Офицер контроля, — подсказала Ира и искренне прибавила: — Один из лучших.

Рука с аккуратно покрашенными ногтями зачем-то схватилась за подвернувшуюся салфетку, лихорадочно её скомкала. Мама пристально наблюдала за собственными пальцами, будто ничто в мире не могло быть важнее формы бумажного шарика. Дёрнула уголок рта, сердито сжала ладонь.

— Ира, — осторожно начала она, тревожно глядя на дочь через стол, — твои... коллеги, они ведь... очень прилично зарабатывают. Ты же не из-за...

— Нет, не из-за денег, — вздох всё-таки вырвался из груди. Ира как-то вообще об этом не думала — не до того было. Да что там, когда Яр впервые её целовал, у них на двоих всего-то и было, что горстка иномирных монет, полкуска сыра и мрачные перспективы на будущее! — Просто... так сложилось.

— Вы же знакомы всего пару месяцев!

Несколько больше. Ира досадливо закусила губу. А ведь в маминых глазах дочь и впрямь выглядит, мягко говоря, легкомысленной. Знай она, сколько всего вместились в эти короткие месяцы, наверняка поняла бы...

— Мам, — Ира серьёзно взглянула матери в лицо. — Я понимаю, чего ты переживаешь. Думаешь, я голову потеряла и глупости делаю. Это не так.

Мама растерянно открыла и закрыла рот. На дочь она смотрела так, словно видела впервые. Она ждала обиды, невнятных оправданий, может быть, даже истерики — не дождалась; гневная тирада пропала втуне. Ира слабо улыбнулась.

— То, что я к бабушке ездила — так по работе надо было, — уверенно продолжила она. — Я не могу пока рассказать, потому что дело засекречено... Всё уже в порядке! — поспешно сказала Ира: с мамино лица стремительно исчезли краски. — Мне просто надо было уехать из Москвы ненадолго, вот и всё. Начальник просил.

Должен был попросить, но это уже детали. Ира рассчитывала, что волшебное слово «начальник» успокоит маму, однако она только ещё больше разнервничалась. Схватила со стола чайную ложку, стиснула в пальцах, отложила, словно обжёгшись.

— Ира, — проговорила она почти шёпотом, — во что тебя втянули?

Не втянули — сама влезла по большой глупости. Но это лучше оставить за кадром.

— Да ни во что, — Ира непринуждённо пожала плечами. — Просто обычное дело, надо было помочь. Что ж теперь, если у контроля что не секретное, то сверхсекретное?

Мама горестно качнула головой — несколько крашенных рыжеватых прядей выбились из тугого узла и остались болтаться у висков — и тихо пробормотала:

— Не надо было мне соглашаться.

— На что соглашаться, мам? — быстро переспросила Ира. Материн тон ей не понравился. — Чтобы Павел Сергеевич меня в Управу устроил?

А она ещё, помнится, нос воротила. Надо поблагодарить Сафонова при случае, он тоже будет рад, что его протеже освоилась и прижилась... Мама вперила взгляд в безупречно чистую столешницу и нервно переплела пальцы. Да что теперь не так?

— Ириша, — сказала она кружке с чаем, — офицеры контроля — люди влиятельные... Обеспеченные. Мы им... как бы сказать... не ровня.

— А Свириденко — ровня, что ли? — не удержалась Ира. — Татьяна Ивановна тоже обеспеченная, но ты же мне Славика сватала.

— Ох, ты ведь не знаешь, — мама тяжело вздохнула. Ира всерьёз напряглась. — Татьяну Ивановну неделю как похоронили. Инфаркт.

— Ого, — Ира неловко закусил губу. Она не знала, что ещё тут нужно сказать.

Мама тряхнула головой, будто отгоняя мрачные мысли.

— Свириденко — они как мы, простые люди, — глядя в сторону, сказала она. — Славик так вообще... Слова никому поперёк сказать не смеет.

— Да он болван избалованный, — буркнула Ира. Солнечный денёк, решетчатый забор парковки, перекошенная рожа Свириденко... Тогда он казался ей серьёзной проблемой.

Мама гневно её одёрнула:

— Ира! Что за манеры! — она схватилась за кружку с чаем, сделала несколько мелких глотков и заговорила уже спокойнее: — Не суди так о людях. Славик — он, по крайней мере, тебя не обидит... и ни к чему не принудит. Особенно теперь...

— Ну ещё бы, — растерянно пробормотала Ира. Что-то с мамой не то. — Ты зря беспокоишься. Ярослав — прекрасный человек, он меня точно обижать не станет.

Особенно теперь. Как она его когда-то боялась, подумать смешно!

— Откуда ты знаешь? Это сейчас у вас... всё хорошо, — с сомнением проговорила мама. — Поначалу всегда так. А потом...

— Да что потом-то, мам?

Она вздохнула и отвернулась. Нет, совершенно точно что-то не так! Ира отхлебнула остывшего чая, остро пахнущего смородиной. Мама вперила взгляд в старенький линолеум; её пальцы беспокойно теребили пояс халата. Она всегда казалась счастливой в браке и довольной жизнью; неужто это просто видимость?

— У вас с папой что-то разладилось? — осторожно предположила Ира.

Мама встрепенулась и укоризненно на неё посмотрела.

— Нет. Нет, у нас как раз всё хорошо! Может, мы не слишком богато живём, но... Все живы-здоровы, одеты, обуты, накормлены. Разве плохо?

— Нет, — Ира озадаченно помотала головой. — Я и не жалуясь. Чего ты всё про деньги?

— Ты в детстве завидовала Ане, — зачем-то напомнила мама.

— Так давно уже перестала. Тем более... — она осеклась. — Подожди, ты что, про Сафонова, что ли? При чём тут он?

Мама очень знакомо прикусила губу. Ира не представляла, что она умеет так смущаться.

— Я... Он когда-то... имел в моём отношении серьёзные намерения, — через силу выговорила она. На её скулах выступил болезненный румянец. — Но я решила, что с Витей мне будет спокойнее. И, знаешь, жизнь-то показала...

— Что показала, мам?

Она судорожно выдохнула, прикрыла на миг глаза.

— Что я права. Павел Сергеевич — страшный человек, Ириш, — тихо сказала мама. — Беспринципный. Вижу цель — не вижу препятствий...

Прямо как Викентьев. При мысли о безопаснике Иру передёрнуло.

— Что он сделал? — спросила она, чтобы отвлечься.

Мама невесело усмехнулась.

— Я всего не знаю, само собой... Меня он просил наложить несколько проклятий. Не знаю, что это были за люди, наверное, какие-нибудь конкуренты. Я тогда ещё не приняла присягу, он решил, что это беспроигрышный вариант...

— Ты ведь не согласилась?

— Конечно, не согласилась! — мама возмущённо вскинула брови и тут же горько вздохнула: — А вот Света не могла ему отказать... Анина мама. Сафонов поставил ей условие: или она делает, что сказано, или развод. Она и сделала... Понадеялась, что оговорка об угрозе жизни сработает. Или что там в том пункте...

— Ты знала? — потрясённо спросила Ира. — И молчала?

— Мы все знали. И я, и Таня, и Наташа Анохина, — мама зло отмахнулась. — Света то ли обезопасить себя пыталась, то ли правда хотела, чтобы её поддержали... Я ей сразу сказала: бери ребёнка и уходи, пока не поздно. Побоялась. Привыкла уже вот так... В хорошей квартире, в достатке, ни дня не проработав...

— Мам, — Ира оттянула ставший вдруг тесным воротник водолазки. — Это лет пятнадцать назад было, да? Когда Анина мама умерла?

— Да. Присяга сработала... Клятвы — серьёзная вещь, дочь, — мама назидательно поджала губы. — Он... Павел Сергеевич очень просил поклясться, что я ничего никому не скажу. А я и так не говорила. Никому, только вот тебе... Чтобы ты задумалась...

— Он из-за этого с нами общался? — неприязненно спросила Ира. — Помогал по-всякому... Чтобы ты молчала, да?

— Я никогда ничего у него не требовала, — с достоинством произнесла мама. — Иногда он сам предлагал, как вот с твоей работой... Но чтобы по своей воле ещё глубже нас в это впутывать — нет! Не стоит оно того... Никаких денег не стоит.

— Мам, — Ира не глядя потянулась за телефоном. — Ты сможешь ещё раз всё рассказать? Это, может быть, очень-очень важно!

— Ирина, — мама подалась вперёд, обеспокоенно хмуря брови. — Ты же не собираешься...

— Именно это и собираюсь.

— Дочь!..

Ира досадливо отмахнулась. Список контактов был девственно чист. Бестолково полюбовавшись на пустой экран, она выругала себя за глупость, вытащила из-под воротника «звёздочку» и что было сил сжала в ладони. Выругала себя ещё раз: вторую-то конфисковали! В сумке лежит блокнот, там точно записан номер, только вот тот ли? В крайнем случае можно ведь и Верховскому позвонить...

Трубка призывно пискнула у неё в руках. Ира тайком перевела дух и ответила на вызов.

— Что случилось? — встревоженно спросил Яр.

— Ничего страшного, всё в порядке, — скороговоркой выдохнула Ира. — Я тут узнала кое-что важное... То есть я думаю, что важное. Мне кажется, оно связано... — она вовремя вспомнила, что не одна, и оборвала фразу на полуслове. — Ну, понимаешь. Ты можешь заглянуть на минутку?

— Я за рулём, — с сожалением отозвался он. — А где ты?

— Дома.

— Адрес?

Она назвала. Несколько секунд в трубке слышался только приглушённый дорожный шум.

— Минут через двадцать буду, — сказал наконец Яр. — Терпит?

— Да, конечно. Жду... То есть мы ждём.

Мама спокойно подобралась, оглядела сияющую чистотой кухню. Ира, не удержавшись, хихикнула. Им опасного преступника разоблачать, а мама думает о благопристойности обстановки! Кружки с недопитым чаем моментально оказались в мойке, чайник — под краном, все полотенца, непростительно неряшливо свисающие со спинки стульев, растворились в пространстве. Мама обеспокоенно тронула убранные по-домашнему волосы и

унеслась наводить марафет, на ходу выкрикивая инструкции. Ира, посмеиваясь, вымыла кружки. Что бы там мама ни думала на дочерин счёт, ударить в грязь лицом перед офицером контроля — подумать страшно!

В таком парадном виде мама могла бы явиться давать показания в Управу. Ире даже стало как-то стыдно за свою простецкую водолазку. Она уверена была, что немедленно получит замечание и приказ пойти переодеться, однако, похоже, мамины мысли были для этого слишком растрёпаны. Непутёвую дочь даже не согнали с подоконника, на который она взгромоздилась, потеснив комнатные кусты в горшках. Несмотря на всю серьёзность ситуации, настроение неуклонно ползло вверх.

— Как ты сказала — Ярослав? — обеспокоенно спросила мама, разглядывая своё отражение в дверце микроволновки. — А по отчеству?

— Владимирович, — Ира снова хихикнула и выглянула в окно. Машины, как большие яркие жуки, неторопливо ползали по тесному двору. — Не парься, мам, он... Ну, сама увидишь.

Требовательный писк дверного звонка заставил маму испуганно подскочить. Поправляя наспех уложенные локоны, она следом за дочерью поспешила в коридор. Ира задержала ладонь на дверной ручке: а вдруг там Сафонов? Прознал каким-то образом и приехал карать... Взгляд в глазок её успокоил. В самом деле, Сафонов же не отдел обеспечения безопасности! Где ему устраивать тотальную слежку...

— Привет, — она искренне улыбнулась, распахнув дверь. — Ты прямо минута в минуту.

— На дорогах свободно, — заметил Яр и приветственно кивнул маме: — Добрый день. Могу не по протоколу?

— Да-да, конечно, — мама выдала одну из ослепительнейших своих улыбок. Такие она расточала в государственных учреждениях... и при Сафонове. — Здравствуйте, Ярослав Владимирович... Проходите, пожалуйста...

— Маму зовут Елена Юрьевна, — сообщила Ира Зарецкому. Она безумно счастлива была его видеть.

— Спасибо. Рад знакомству, — Яр вежливо улыбнулся, снял кроссовки и пристроил у стены полупустой рюкзак. Из дома, кажется, он выходил без поклажи. — Сначала о делах?

— Ага, — Ира шмыгнула в кухню и потянулась за чистыми кружками. — Ма, расскажи пока, а я чаю налью. Слав, это про Сафопова... Бывший глава финансов, сейчас бизнесом занимается.

— Вот как.

Яр совершенно точно не соответствовал маминым представлениям о высокопоставленном чиновнике. Да что уж там, из всего магконтроля им один только Чернов и соответствовал! Мама уселась напротив гостя и неуютно поёрзала на месте; Яр истолковал её беспокойство более привычным ему образом.

— Не волнуйтесь, вашу безопасность мы гарантируем, — заверил он. Комнату окутали чары тишины; мама, только что разливавшаяся соловьём безо всяких мер предосторожности, тревожно встrepенулась. — Вы приносили какие-либо клятвы, препятствующие нашему разговору?

— Нет, нет, вообще никаких клятв, кроме присяги, — мама для убедительности покачала головой. — Я... я всё могу сказать. А вы... какие-то меры предпримете, да?

— Это будет зависеть от того, что вы расскажете. При необходимости вас попросят повторить показания под следственной присягой. За заведомо ложные... Впрочем, вы знаете.

— Д-да, конечно... — мама растерянно огляделась, словно ища поддержки.

— Не бойся, мам, — Ира ободряюще ей улыбнулась. — Всё под контролем.

Мама прерывисто вздохнула, успокаиваясь, и принялась рассказывать. О своих институтских подругах, о том, как одна из них приглянулась ещё не всемогущему тогда Сафонову. О проклятиях, которые мама должна была наслать по его просьбе около пятнадцати лет тому назад. Об ультиматуме, который получила добрая и улыбочивая Светлана... Тётя Света. Ира смутно её помнила. Больше врезались в память безудержные Анькины слёзы. Она потом много и часто болела; отец затаскал её по врачам и с тех пор пугался каждого мимолётного насморка...

— Проклятия какого рода требовалось наложить? — уточнил Яр.

— Болезни, — уверенно ответила мама. — Разные. Сердечные... Опухоли... Чтобы выглядело естественно.

— Много было жертв?

— Д-достаточно...

— Порядка десятков?

— Где-то так, да.

— И в это время Сафонов был главой финансового департамента?

— Да. Он уволился через год...

— Понятно, — Яр достал из кармана телефон, торопливо чиркнул по экрану и прижал трубку к уху. — Александр Михайлович, ещё раз здравствуйте... Да, именно. Поднимите, пожалуйста, безопасность, пусть возьмут под стражу Павла Сафопова. Под мою ответственность. Адреса сейчас сброшу... Да, вокзалы и аэропорты в первую очередь. И до завершения следствия понадобится охрана для гражданских... Да, понял, спасибо.

Мама сидела, понуро ссутулившись, пока он отправлял Верховскому имена и адреса. Ира и думать забыла, что

Анохина и оставшийся сиротой Свириденко тоже нуждаются в защите. Даже если вдруг эта история и не связана с «Цепью»... Всё равно Сафонов — подлец. Место ему — в застенках у безопасности, пусть объясняет, зачем заставил жену нарушить присягу, да ещё и таким образом...

— Коллеги придут в течение часа, оставят вам сигнальные маячки для вызова оперативников, — сообщил Яр и щелчком пальцев развеял чары тишины. — Амулеты нужно будет носить постоянно и активировать при малейшем подозрении на угрозу. Следящие я поставлю сам... А ты и так знаешь, что делать, — он тепло улыбнулся Ире. Из-под воротника его рубашки выглядывала тонкая серебряная цепочка.

— Знаю, — она не удержалась и всё-таки поцеловала его в щёку. — Спасибо. Видишь, мам, в каких условиях работать приходится?

Мама неуверенно хихикнула. Ира поставила на стол кружки с ароматным чаем и уселась рядом с Яром. Нервное вышло знакомство, не слишком радостное... Что поделаться — работа такая.

— Раз уж я здесь, — по-прежнему улыбаясь, Яр не глядя протянул руку и поймал появившийся из коридора рюкзак. Мама, непривычная к пространственной магии, замороженно за ним наблюдала. — Александр Михайлович просил кое-что тебе передать. Кроме глубокой признательности, само собой.

Он выдернул из папки две бумаги, остальное передал Ире. Верхний лист содержал пространные, но туманно сформулированные официальные извинения, подписанные лично Тереховым — об этом свидетельствовала переливавшаяся рубиново-алым светом печать. Следующий оказался банковским чеком на красивой гербовой бумаге. Сумма больше напоминала внутренний управский номер телефона. Придирчиво оценив текст на предмет опасных намёков, Ира передала обе бумаги тревожно вытягивающей шею маме.

— Всё хорошо, мам, можешь посмотреть...

Подпись главы магбезопасности произвела на неё впечатление. Мама внимательно прочитала извинения, беззвучно шевеля губами; тихо охнула, увидев чек. Метнула короткий взгляд в сторону Яра, недоумённо воззрилась на дочь.

— Ничего себе... Это... почему?

— За доставленные неудобства, — любезно пояснил Яр. — Во избежание претензий.

Он со значением посмотрел на Иру. Она, подумав, кивнула. Не хотят скандала — ну и пожалуйста. Если Викентьева уберут, можно и простить вчерашнюю беготню и вымотанные нервы. Оно, в конце концов, того стоило. Ира заглянула в папку; оставшийся там лист был исписан убористым почерком Верховского.

«Ирина, — писал начальник контроля, — я искренне благодарен Вам за превосходную работу и исключительные личные качества, проявленные во время сотрудничества с моим отделом. К сожалению, в ближайшие дни у меня вряд ли хватит времени лично заняться оформлением кадровых документов, поэтому я рассчитываю, что Вы на следующей неделе выйдете на работу и окажете мне посильную помощь. Помимо прочего, я намерен подать Вашему непосредственному руководству ходатайство о досрочном завершении испытательного срока и внеочередном повышении в должности. Постарайтесь, пожалуйста, к вечеру понедельника сформулировать условия, на которых будете готовы продолжить работу с моей командой. Если Вы решите взять дополнительный выходной, прошу передать мне Ваши пожелания любым доступным способом. С надеждой на долгое и плодотворное сотрудничество, А.М.Верховский».

Широко улыбаясь, Ира отдала маме и эту бумагу. Вот оно, её главное условие, сидит рядом и невозмутимо потягивает из кружки пахучий чай. Может, и впрямь взять денёк на отдых? Верховский просто так намекать не станет, раз написал — значит, не против.

— А ты в понедельник на работу? — спросила Ира, почти наверняка зная, что услышит в ответ.

— Пока не знаю, — Яр усмехнулся при виде её недоумённо вытянувшегося лица. — К объекту хочу съездить. Посмотреть, что там творится, вещи забрать, Щукину передать привет...

— Я с тобой, — заявила Ира. — Пожалуйста! Я же тоже всё у бабушки оставила...

— Если в семь встанешь.

Ира по привычке оглянулась на маму в ожидании строгого оклика. Та, однако, молчала и улыбалась — теперь, кажется, искренне. Она почтительно вернула Ире записку Верховского; послание начальника магконтроля, похоже, привело её в восторг.

— Это надо отметить, — счастливо выдохнула мама. — Подождите-ка, я Вите позвоню... Ярослав, вы ведь останетесь? Если нет никаких... срочных дел...

— Думаю, что уже нет, — Яр вежливо ей кивнул. — Спасибо, с удовольствием.

До визита безопасников он их не оставит. Может быть, даже до того, как поймают Сафонову. Мама вряд ли об этом думала; она радостно выпорхнула из кухни, принялась шумно рыться в сумке в поисках телефона. Ира, пользуясь моментом, благодарно поцеловала Яра. Он охотно ответил; смеясь, погладил её по щеке.

— Вздумаешь в третий раз удрать через разлом — напишу докладную.

— Напишешь ты, как же... Ты и тогда не написал, — напонила Ира. — Хотя, по сути, ты был прав. Сафонов,

небось, ради шпионажа меня к вам и пристроил.

— Бедняга. Так жестоко просчитался.

— Ага... — она вздохнула и тут же подозрительно наморщила лоб: — Подожди, как ты сказал? В третий раз?

— Точно. Сколько можно тебя оттуда выгонять?

Она недоверчиво уставилась в смеющиеся карие глаза, медленно покачала головой.

— А ты говоришь — нет никакой судьбы...

— Нет. А вот совпадения порой случаются, — уверенно сказал Яр и буднично прибавил: — Я, помнится, ночью тебя замуж звал. Не надумала?

— Невозможный ты человек, — Ира уткнулась лбом ему в плечо, пряча по-дурацки счастливую улыбку. —

Чего тут думать-то?

Мама всё-таки застала их за поцелуем — и, на удивление, не стала возражать.

Эпilog. По заслугам

— Кошмар какой-то, — Ксюша раздражённо захлопнула пухлую папку и отложила на боковой стол. — Нежить закрыли, «Восход» закрыли, «Гекату» закрыли... И все страдания из-за одного ублюдка, до денег жадного. Только паразит молодец — сам вылез, сам испарился, как не было его...

— А «Гекату» когда закрыли? — заинтересовался Макс. Разбирать прошения до смерти надоело; он уже начинал потихоньку скучать по щедрому на кипучую суматоху началу лета.

— Да вот только что, — Тимофеева вздохнула и отправилась заваривать чай. — Сафонов признался, что это его рук дело. Тётка много захотела за молчание... Царевну и полцарства в придачу, — она выразительно хмыкнула и покосилась на пустующий Мишкин стол.

Ира на миг высунула нос из-за монитора и тут же снова уткнулась в бумаги. За царевну она всерьёз волновалась. Макс как-то видел мельком сафоновскую дочурку — ревела у Старова на плече после очередного допроса. Хороша, конечно, как картинка; такие неженки, случись что, только рыдать и горазды. Не то что некоторые... Некрасов украдкой бросил взгляд на хранивший безмолвие телефон и немного расстроился, не увидев на экране сообщений.

— Оксана, не забудь сдать документы в секретный архив, — назидательно напомнил Чернов.

— Рано ещё, — отмахнулась Тимофеева. От её кружки по всему кабинету расплылся терпкий аромат шиповника. — Сейчас всё равно не до того будет. Выборы...

— Так мы всю интригу убили, — довольно ухмыльнулся Некрасов. — Половина действующего Магсовета у безопасности в подвале сидит. Того и гляди, кресла лишние останутся...

— Не останутся. Наползут какие-нибудь... — Ксюша презрительно скривилась и тут же хищно улыбнулась: — Костик, а ты не хочешь в органы власти? Будешь решать, кому в каких рубашках на работу ходить и каким шрифтом писать отчёты.

Чернов смерил её взглядом, исполненным спокойного достоинства.

— Дело не в рубашках, Ксюша, а в профессиональных и личных качествах. В Магсовет не хочу, мне и здесь неплохо, — он тщательно протёр очки специально для того предназначенной тряпочкой и вновь водрузил их на нос. — Кстати, об отчётах... Напоминаю всем, что Александр Михайлович их ждёт до сегодняшнего вечера. Пока что сдали только Оксана, Миша и Андрей.

Бармин аж просиял, будто его сам шеф похвалил. Ксюша довольно хмыкнула — мол, знай наших.

— Я заканчиваю, — подал голос Зарецкий, весь последний час в поте лица стучавший по клавиатуре.

— А у меня проблемы со ссылками на доказательства, — лениво сообщил Макс. — Безопасники никак номер не могут выдать.

— Отправь без номера, я потом проставлю, — милостиво разрешил Чернов.

Макс покладисто клацнул мышкой и решительно отодвинул стопку заявлений на наследство. За окном понемногу клонился к вечеру предпоследний летний день; тратить его на нудную рутину — самое настоящее кощунство.

— Чего вы все в трудах-то? Пятница же, давно пора пинать балду и радоваться свободе, — нагло заявил Некрасов. — Особенно кому свободы осталось немного. Ир, ты решила всю в мире работу переделать перед отпуском?

— Нет, — секретарша улыбнулась и заправила за ухо выбившийся локон. До чего на сестру похожа, будто и не двоюродные, а вовсе даже родные! — Я премии ваши оформляю. Александр Михайлович утром принёс.

— О, ну-ка, ну-ка! — Макс азартно подобрался в кресле. — Огласите весь список, пожалуйста!

— Цифры не могу назвать. Александр Михайлович сказал — в зарплату узнаете, — строго осадил его Ира. — А обоснования можно.

— Читай, — распорядился Некрасов. — Или нет, погоди! Давай ты будешь читать, за что, а мы угадаем, кому.

Чернов громко фыркнул и поправил очки. Ира усмехнулась.

— Ладно, — она взяла со стола рукописный лист. — За пытливым ум, широкий кругозор и умение вовремя применять полученные знания...

— Ну, это Андрюхе, — сходу определил Макс. Бармин зарделся и полез рыхлить землю в цветочном горшке. — Ты давай не по алфавиту читай, а то неинтересно.

— Хорошо. За высокий уровень профессионального мастерства, равнодушие и способность признавать ошибки...

— Смею предположить, что это мне, — важно сказал Чернов и горделиво задрал нос: глядите все, какой мудрый и самокритичный!

— Правильно, — Ира коротко ему улыбнулась. — Так... За умение быстро ориентироваться в ситуации,

внимательность к мелочам и готовность прийти на помощь.

— Мишка, — решил Некрасов и тут же переменял мнение: — А, нет, Ксюша! Ксюша же?

— Да, — Ира ещё раз пробежала глазами листок. — За... за стойкость перед лицом обстоятельств, самоотверженность и верность убеждениям.

— Это тебе, гастарбайтер, — Макс обличающе ткнул пальцем в сторону Зарецкого.

Ярик на пару мгновений бросил топтаться по клавиатуре и выглянул из-за мониторов.

— Сокольническая ветка по тебе соскучилась, коренной ты москвич, — беззлобно фыркнул он. — Вернусь из отпуска — по всей прогону, от конечной до конечной.

Макс довольно заржал.

— Нежить, как узнает, сама разбежится! Смотри, я ведь напомним, не отвертишься. Если, конечно, не уволят тебя к тому времени...

Ксюша метнула в его сторону пламенный взгляд, и Некрасов мигом прикусил язык. Тема так и висела в воздухе без малого два месяца, никем не тронутая и оттого ещё более душная. Пока кипело и брызгало грязью дело «Цепи», всем было не до того, а теперь леший знает, что будет. Макс виновато покосился в сторону невозмутимого Зарецкого и принудил себя собрать в кучу остатки благостного настроения.

— Ир, что там ещё осталось?

Шаповалова покладисто сверилась с листком. Ей тоже не хотелось уходить в неприятный разговор.

— За умение разбираться в людях, трудолюбие и готовность идти до конца, — прочитала секретарша слегка торопливо.

— А вот это — Мишке, — уверенно определил Макс. — Ты специально, что ли, меня на самый конец оставила? Ну, давай, я готов!

— Тебе — за способность учиться, принимать решения в экстремальных обстоятельствах и брать на себя ответственность, — Ира отложила бумагу и снова взялась за мышку. — Всё, ребят, а то не успею — останетесь без премий...

Дверь тихонько щёлкнула и впустила в кабинет мрачного Старова. Все тут же обернулись к нему; Ярик вскочил с места, разом позабыв про отчёт.

— Ну что там?

— Пожизненное, — сообщил Мишка, ни на кого не глядя. — Заменяли... В последний момент.

— Дал кому-нибудь на лапу, сволочь, — прошипела Оксана. — Надо бы суд проверить, а? На верность служебным клятвам...

— Да вроде по закону так можно, — сказал Макс, задумчиво хмурия лоб. — Учли какие-нибудь... прежние заслуги...

— Или добрые намерения, — Чернов брезгливо поджал губы. — Он же всё вопил, что старался на благо родины...

— Знает много, вот и пожалели, — сдержанно предположил Ярик. — Миш, а как...

— Допрашивать будут, — буркнул Старов и плюхнулся в кресло. — Сафонов возьми и ляпни, что Аня ему тогда сказала... ну... что тебя в городе нет. Я сдуру вякнул, а она... Вроде как руки развязала...

— Оправдают, — заверил друга Зарецкий. — Не по злomu же умыслу.

— Да она вообще ни о чём не знала, — глухо сказал Мишка. — Не представляю, как она сейчас держится...

Коммуникации всё растрепали, каждая собака теперь в курсе...

Ксюша невесело хохотнула.

— А ты как хотел? Влиятельнейших людей сообщества под замок посадили — и чтоб никто ничего не мякнул? Спасибо хоть секретку не публикуют, — она бросила тревожный взгляд на Зарецкого.

— Надо перетерпеть, — негромко сказал Ярослав. — Шумиха рано или поздно уляжется.

— И всё станет как раньше? — с надеждой пискнул Андрей.

Мишка помотал головой.

— Нет, Андрюх. Как раньше уже не будет.

— Всё, что ни делается, к лучшему, — торжественно изрёк Макс и потянулся за кружкой. Витавший в воздухе чайный аромат наконец его соблазнил.

— Это опасное заблуждение, — заметил Зарецкий.

Макс скорчил в ответ недовольную гримасу, но в полемику ввязываться не стал. Разговор увял как-то сам собой. Мишка уныло разбирал какие-то бумаги, Ярик дописывал отчёт, Костик изображал страшную занятость, Андрей украдкой почитывал лежавшую в стороне от клавиатуры книжку — только Ксюша и Макс честно бездельничали, время от времени поглядывая на часы. После долгих недель изнурительных допросов, очных ставок, штудирования законов, возни с уликами и бесконечных судебных заседаний можно и чуть-чуть полениться. Или, наоборот, взбодриться той же пробежкой по метро: в сравнении с ползучей человеческой подлостью старая

добрая нежить безобидна, предсказуема и проста в обращении. Отпустит его Верховский в одиночестве бродить ночью по тоннелям? А чего бы и нет, шеф отнюдь не похож на заботливую наездку...

Начальник, лёгок на помине, стремительным вихрем ворвался в кабинет, заставив всех подобраться и вспугнув зачитавшегося Бармина. Судя по выражению лица, шеф пребывал либо в крайней степени раздражения, либо в глубочайшем удовлетворении — а может, и то, и другое сразу. Остановившись у стола Зарецкого, он протянул подчинённому тоненькую пачку бумаг:

— Подписывай.

Ира вздрогнула, нервно вцепилась в подлокотники кресла. Ярик, озадаченно хмурясь, молча изучал документы; Ксюша вытянула шею, пытаясь заглянуть ему через плечо, но потерпела неудачу и с раздосадованной миной отвернулась к монитору.

— Других вариантов нет? — спокойно спросил Зарецкий, не отрываясь от бумаг.

— Есть. Для отдела лучше такой, — ядовито отозвался шеф. — Ещё глупые вопросы?

Ярик качнул головой и вытащил ручку из нагрудного кармана. Ира спрыгнула с кресла — в лице ни кровинки, руки судорожно сжаты в кулаки. Мишка, тоже бледный и хмурый, наградил начальника тяжёлым взглядом.

— Александр Михайлович...

— Тихо, Старов, твоё мнение мне известно, — осадил его Верховский. Он забрал у Ярослава подписанные бумаги, пролистал, удовлетворённо кивнул. Неспешно подошёл к Ириному столу, положил документы перед застывшей соляным столбом секретаршей. — Ирина, возьмите, пожалуйста, срочно в работу, во избежание недоразумений надо успеть всё оформить до вашего отпуска. И, ради всего святого, научите этого деятеля завязывать галстук, — ни с того ни с сего брюзгливо прибавил шеф. — Я не намерен выслушивать от коллег, что мой заместитель похож на огородное чучело.

— Я умею. Что за предубеждения? — проворчал Зарецкий, укоризненно глядя на начальника.

Решимость на Ирином лице медленно сменилась недоумением, а затем — радостной улыбкой. Мишка удивлённо крикнул, перегнулся через боковой стол и от души потрепал друга по плечу.

— Ну нифига себе... Вот это по делу, Александр Михайлович!

— Опять публику эпатируем? — хихикнул Макс. — Безопасники рады будут. Не успели обвинения снять — сразу в замначальники!

Чернов, сверкая пунцовыми пятнами на скулах, медленно поднялся из-за стола, пересёк проход и торжественно протянул Зарецкому руку.

— Поздравляю, — церемонно произнёс он. — Заслуженно.

— Спасибо, — серьёзно сказал Ярослав, пожимая длиннопалую Костину ладонь.

— А у нас, получается, теперь будет вакансия? — любознательно спросил Андрей. — Если должность освободилась?

— Полезное замечание, — Верховский покровительственно кивнул ему и вновь обернулся к секретарше: — Ирина, если не затруднит, отправьте в кадры запрос на подбор младшего офицера.

— Младшего? — переспросила Ксюша, выразительно изогнув бровь.

— Младшего, — подтвердил шеф. — Максим, документы на твоё повышение будут готовы в понедельник. В канцелярию сходишь сам.

Некрасов бестолково разинул рот и тут же его захлопнул. Судя по Ксюшину лицу, выглядел он донельзя смешно.

— Вы серьёзно, что ли? — вякнул Некрасов и тут же спохватился, что сказал лишнего. — Самому на третий этаж топать? Несолидно как-то для старшего офицера!

— Топать ты будешь ещё младшим, — резонно заметила Оксана.

Верховский, довольный произведённым эффектом, внимательно оглядывал взбудораженных подчинённых и слушал поднявшийся галдёж. Ира всё перелистывала бумаги, будто не верила своим глазам; Чернов относительно сносно делал вид, что ему ничуть не грустно. Зарецкий рассеянно улыбался — должно быть, осознавал свалившийся на него груз ответственности.

— Вернёшься из отпуска, — напутствовал его шеф, — первым делом выправишь удостоверение и зарегистрируешься в реестре высших категорий, чтобы у безопасности не было претензий. Потом займись, пожалуйста, оформлением аттестации для Михаила и Оксаны. Двух-трёх месяцев должно хватить на подготовку.

Ксюша озабоченно охнула, а Старов благодарно улыбнулся.

— Мне теорию ещё учить и учить...

— Коллеги всегда помогут, — хмыкнул Верховский. — Не расслабляемся, ребята, на деле «Цепи» служба не заканчивается. Чтобы в понедельник в девять все были тут, бодрые и готовые к свершениям. В качестве отговорок принимаю только безвременную гибель, конец света и отпуск.

Ира смущённо хихикнула. Дремавший на столе телефон зажужжал, напоминая о себе; Некрасов пробежал

взглядом долгожданное сообщение. «В семь вечера буду на вокзале, — писала Оля. — Родне сказала, что в восемь». Макс широко улыбнулся и черкнул в ответ несколько слов. Стрелки на часах неуклонно подбирались к концу рабочего дня.

А ещё — Некрасов твёрдо был в этом уверен — к началу чего-то безусловно хорошего.

Больше книг на сайте - Knigoed.net